Санкт-Петербургский университет
Исторический факультет
Кафедра истории Нового и новейшего времени
Кафедра истории славянских и балканских стран

АКАДЕМИЧЕСКИЙ СЛОВАРЬ

ТЕОРИИ И ИСТОРИИ ИМПЕРИЙ

Санкт-Петербург
2012

Редакционный совет словаря: д.и.н., профессор В. Н. Барышников (председатель редакционного совета), к.и.н., доцент В. Н. Борисенко, к.и.н., доцент Б. П. Заостовцев, к.и.н. Сидоренко Л. В., д.и.н., доцент А. И. Филюшкин (заместитель председателя редакционного совета).

Авторы: к.и.н. Аржакова Л. В., д.и.н. Барышников В. Н., к.и.н. Бодров А. В., д.и.н. Возгрин В. Е., к.и.н. Борисенко В. Н., к. фил.н. Валисик В. В., к.и.н. Гончарова Т. Н., к.и.н. Заостовцев Б. П., к.и.н. Кибинь А. С., к.и.н. Сидоренко Л. В., д.и.н. Смолин А. В., д.и.н. Пленков О. Ю., д.и.н. Филюшкин А. И., д.и.н. Шагинян А. К., к.и.н. Шершнева С. В.

Работа содержит научные энциклопедические статьи по проблемам теории и истории империй стран Европы и Америки Нового и новейшего времени.

Материал подготовлен в соответствии с проектом Федерального агентства по образованию, Мероприятие № 1 аналитической ведомственной целевой программы "Развитие научного потенциала высшей школы (2006 - 2008 гг.)", тематический план НИР СПбГУ, тема № 7.1.08 "Исследование закономерностей генезиса, эволюции, дискурсивных и политических практик в полинациональных общностях".

© Редакционный совет словаря 2012

© Исторический факультет, 2012

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие…….5

Австро-Венгерская империя……9
Автократия……31
Апартеид……33
Бельгия, колонии……40
Британская империя……46
Ватикан……61
Византийская империя……65
Геноцид……73
Германская империя……77
Государство……92
Гуманитарная интервенция……95
Дания, колонии……97
Диаспора……121
Дискриминация……125
Дискурсивные практики империи……128
Золотая Орда……131
Идентичность……135
Император……137
Империализм……141
Империи как overseas empires……146
Империя как исторический феномен……149
Империя и «места памяти»……152
Империя и гендерная история……156
Империя и религия……159
Империя как категория культуры……163
Империя как политическая категория……170
Империя континентальная……173
Имперская антропология……176
Имперская имагология……180
Имперская компаративистика……184
Имперская культура……189
Имперская периферия……196
Имперская политика……200
Имперская экономика……210
Имперские войны……213
Имперские мифологии……216
Имперский суверенитет……220
Имперское время……223
Имперское пространство……226
Имперское сознание……232
Испания, колонии……236
Италия, колонии……251
Колониализм внутренний……261
Колонизация……266
Конфедерация……271
Метрополия……276
Миграция……279
Мини-империя……285
Многонациональное государство……286
Народный суверенитет (концепция)… ……289
Нациестроительство……292
Национализм……295
Национальная гомогенизация (гомогенность)…… ……300
Национальное государство……304
Национальный вопрос……307
Нация……312
Неонатальная империя……317

Нидерланды, колонии……..…..319
Новая имперская история……..332
Оксидентизм……..……..334
Ориентализм……..……..336
Османская (Турецкая) империя……..……..339
Периферия……..……355
Португалия, колонии……..……..359
Постколониальная политика……..……..370
Постнациональный мир……..……..376
Расизм……..379
Речь Посполитая……..……..387
Российская империя……..……..391
Священная Римская империя Германской нации……..……413
Соединенные Штаты Америки……427
Союз Советских Социалистических Республик……462
Третий Рейх……...470
Федерация……..487
Французская империя……..…..494
Цивилизаторская миссия……..……544
Шведская империя……..……..548
Этнос……..……577
Этническая группа……..……..680
Этничность……..583
Этностереотип……..……587
Slavia Orthodoxa……..…592
Translatio Imperii……..……595

ПРИЛОЖЕНИЕ……..604

ОБЩАЯ БИБЛИОГРАФИЯ СЛОВАРЯ

ИМПЕРИАЛИЗМ, КОЛОНИАЛИЗМ, ПОСТКОЛОНИАЛИЗМ……**605**

БРИТАНСКАЯ ИМПЕРИЯ……**613**

ФРАНЦУЗСКАЯ ИМПЕРИЯ……**627**

ИСПАНСКАЯ ИМПЕРИЯ……**633**

КОЛОНИАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ НИДЕРЛАНДОВ……**644**

ПОРТУГАЛЬСКАЯ КОЛОНИАЛЬНАЯ ИМПЕРИЯ……**657**

ГЕРМАНСКАЯ КОЛОНИАЛЬНАЯ ИМПЕРИЯ……**681**

АМЕРИКАНСКАЯ ИМПЕРИЯ……**695**

ПЕРИОД ШВЕДСКОГО ВЕЛИКОДЕРЖАВИЯ……**698**

ОСМАНСКАЯ ИМПЕРИЯ……**701**

ВИЗАНТИЙСКАЯ ИМПЕРИЯ……**721**

ПРЕДИСЛОВИЕ

Понятие империи является одним из ключевых в человеческой истории. Большинство народов в разные периоды своей истории входило в состав той или иной империи. Именно имперский период целый ряд наций считал (и считает по сей день) наиболее славными страницами национальной истории. Как справедливо отмечено Т. Барфильдом, империи были как бы плавильной печью, в которой «выплавлялись» будущие «большие державы»: «Именно существование внутри империи изменило политическую и социальную среду и выработало способность управлять большими пространствами и многочисленными народами, что и позволило возникнуть государствам, которые пришли им на смену. Таким образом, большие государства встречаются чаще всего в тех регионах, где произошел распад империй — их осколки и превратились в большие государства»[1].

Империя в средневековье и Новое время являлась наиболее распространенной формой объединения различных этносов в рамках единого государства, и только XX век, казалось бы, вызвал к жизни другие варианты полиэтнического развития. В то же время, политика неоглобализма породила империи нового типа — глобальные империи, информационные империи и т. д. Наконец, благодаря великим колониальным империям прошлого, земной шар оказался разделен на несколько зон с принципиально разными темпами, моделями и стратегиями развития. Эта селекция, породившая страны «золотого миллиарда» и «третий мир», несмотря на крах колониализма в XX веке, продолжает определять характер и направление развития человеческой цивилизации.

Между тем, несмотря на столь очевидную значимость и актуальность изучения истории империй, и давнюю исследовательскую традицию, в этом научном направлении по-прежнему больше вопросов, чем ответов и «закрытых проблем». Причин этого много. Во-первых, сказывается то, что благодаря политикам понятие империи, как правило, несет в себе негативный подтекст. Д. Ливен писал, что существует популярный миф об империи, всегда противопоставляемой свободному миру[2]. Как отмечено в одном из последних в отечественной историографии обобщающем историографическом обзоре существующих концепций империй: «В политической риторике недавнего времени ярлык “империи” зачастую использовался как важная составляющая процесса дискредитации того или иного политического режима, символ репрессивной и недемократической политической организации. Достаточно вспомнить “империю зла” Рональда Рейгана, чтобы оценить всю сумму негативных коннотаций, связываемых массовым сознанием с историческим или метафорическим феноменом империи»[3].

В тени этих негативных коннотаций часто терялась научная составляющая — историки и политологи нередко видели своей задачей разоблачение негативных контекстов, но не анализ и не объяснение исторической эффективности имперских организмов.

Второй причиной является неразработанность и спорность самого понятия империи. В числе общепринятых признаков имперского политического устройства называют централизованное (нередко даже авторитарное или тоталитарное) государство, образованное путем насильственного захвата чужих территорий и подчинения

---

[1] *Barfield T.* The Shadow Empires: Imperial State formation Along the Chinese – Nomad Frontier // Empires: Perspectives from Archeology and History.Cambridge, 2001. P. 33. Перевод отрывка цитируется по его публикации в статье: *Бейссингер М.* Переосмысление империи после распада Советского Союза // Ab Imperio. Исследования по новой имперской истории и национализму в постсоветском пространстве. 2005. № 3. С. 38.

[2] *Liven D.* Empire: The Russian Empire and its Rivals. London, 2000. P. 6-7.

[3] В поисках новой имперской истории // Новая имперская история постсоветского пространства / Ред. И сост. И. Герасимов, С. Глебов, А. Каплуновский, М. Могильнер, А. Семенов. Казань, 2004. С. 9.

проживавшего на них населения. При этом отношения между имперским центром и периферией выглядят всегда иерархиезироваными посредством административных, экономических, военных, полицейских и культурных механизмов. Существуют разные модели такой иерархии: центр — периферия, метрополия — колония и т. д. Однако исследование империй и имперской политики требует учета практики существования неформальных империй, опиравшихся не на прямое подчинение, а на более сложные и опосредованные формы влияния. Более того, в рамках одной империи — например, Британской — мы можем видеть сочетание различных форм и методов имперского доминирования (по отношению к Индии, к белым переселенческим колониям, к Персии и Ближнему Востоку, к Дальнему Востоку и странам Латинской Америки)[4].

Между тем, очевидно, что антиколониальная историография, ставящая своей задачей разоблачение эксплуатации колоний и периферии имперским центром, изображает сущность империй весьма однобоко. История знает немало случаев, когда именно империя выступала гарантом сохранения малых этносов, смиряя междоусобные войны, поставившие племена и народы на грань взаимного уничтожения[5]. Именно империя поднимала экономический и культурный уровень колоний путем оснований университетов и школ, внедрения современной медицины и юриспруденции, создания армии нового типа, постройкой фабрик и заводов. Несмотря на все негативные контексты, невозможно отрицать культуртрегерскую миссию метрополий в азиатских и африканских колониях.

Как отмечено в современном историографическом обзоре: «…империя воплощает в себе мрачную тотальность неограниченного господства и принуждения — но она же оказывается синонимом неуклюжего неологизма “мир – цивилизация”, выступая в роли объединяющего начала ойкумены, окруженной разрушительной стихией хаоса и варварства… Империя — это “тюрьма народов”, но она же и гарант сохранения местной самобытности перед лицом любых унификационных проектов»[6].

Между тем, эта оборотная, созидательная сторона империй изучается очень осторожно (если не сказать боязливо), поскольку противоречит разоблачительному пафосу, который «по нормам хорошего тона» должен сопровождать исследования по истории империй.

Важнейшим признаком империи является агрессивная захватническая внешняя политика. В последнее время на первый план вышел именно этот признак — любое государство, слишком активно продвигающееся на международной арене, рискует заслужить печальный ярлык «имперского». Такое определение давно прилагается к внешней политике США[7], именно им оперируют республики постсоветского пространства, когда считают, что современная Россия оказывает на них давление. Политический и идеологический подтекст таких дефиниций очевиден, и историкам здесь необходимо отделять «зерна от плевел», четко определять имперские признаки во внешнеполитической деятельности держав. Вместе с тем, вопрос о мотивах и стимулах имперской политики остается открытым. Требуется внести понимание в такие проблемы, как роль внутренних и периферийных факторов в процессе развития имперской экспансии, ее экономическая и социальная обусловленность. Справедливо отмечено, что политика имперской экспансии в конце XIX – начале XX века осуществлялась

---

[4] См., напр.: *Cain P.J., Hopkins A.G.* British Imperialism: Innovation and Expansion 1688-1914. L.- N.Y., 1993.

[5] Ср.: *Томпсон Э.* Язык империализма и различный смысл понятия «империя»: имперский дискурс в политической жизни Великобритании 1895-1914 // Ab Imperio. Исследования по новой имперской истории и национализму в постсоветском пространстве. 2005. № 2. С. 21-62.

[6] В поисках новой имперской истории… С. 7.

[7] *Boot M.* The Savage Wars of Peace: Small Wars and the Rise of American Power. New York, 2002; *Johnson C.* Blowback: The Costs and Consequences of American Empire. New York, 2000; Idem. The Sorrows of Empire: Militarism, Secrecy, and the End of the Republic. New York, 2004; *Odom W.* America's Inadvertent Empire. Yale, 2004; *Tremblay R.* The New American Empire. Haverford, 2004; *Zepezauer M.* Boomerang! : How Our Covert Wars Have Created Enemies Across the Middle East and Brought Terror to America. Monroe, 2003; etc.

«антикапиталистическими», по сути дела, элитами, для которых империализм являлся средством самосохранения. Не менее важно и то, что стремление к установлению формального (связанного с прямым подчинением) господства чаще всего проявлялось в условиях упадка экономического и геополитического влияния метрополий[8].

Следующим принципиальным признаком империи является полиэтничность населения, причем оно иерархиезировано по национальному признаку: титульная нация — зависимые этносы (в ряде случаев — национальные меньшинства). Однако здесь историков подстерегает новая сложность: в прошлом человечества было слишком мало моноэтничных государств, поэтому полиэтничность как таковая еще не указывает на имперский статус государственного образования. Национальная политика в рамках империй — тема очень сложная и малоизученная в силу как ее табуированности в историографии многих стран (скажем, в Турции до сих пор невозможна даже постановка вопроса об истории армянской трагедии 1915 г.) [9], так и эмоциональности и спекулятивности суждений со стороны историографии «жертв империи» (ср. полемику о Голодоморе в современной украинской литературе)[10]. Для научного анализа необходима строгость и взвешенность суждений, выработка определенных критериев исследования, их опора на современные теории наций и национализма.

Упущенным шансом, чтобы «понять империю», сегодня справедливо считают промахи и избирательность постколониальной историографии. После распада великих колониальных империй: «…постколониализм не создал особый концептуальный аппарат и методологию для систематического анализа феномена империи. Отчасти это объясняется тем, что постколониальные исследования рассматривают империю (= колониальную власть) как имманентную характеристику западного общества в целом, не делая различий между метрополией и колонией. Постколониальная критика фокусируется исключительно на культурных практиках, в которых реализуется империя как форма власти, игнорируя проблему взаимоотношения структур: наций, государств, коллективных идентичностей и т. п. Отчасти это объясняется тем, что постколониальные исследования пытаются деконструировать доминантные нарративы прошлого, навязанные колонизаторами. Следовательно, основное усилие постколониальных исследований направлено на дешифровку культуры значений и выявление заложенных в них механизмов власти»[11].

В современных работах происходит постепенная эволюция методологии изучения истории империй [12] от «критики империи», своими историографическими и концептуальными корнями восходящей к эпохе Просвещения, от теорий империи в доктринах конституционализма и демократии нового и новейшего времени, от антиимперской парадигмы национального суверенитета, от постулирования статуса империи как «иного» образования, противополагаемое модерной политике, современному международному порядку и прогрессу к культурной и эпистемологической моделям прочтения истории империй, когда: «Сам концепт “империи” должен перейти из категории исторического термина, эмпирически фиксирующего ускользнувшую от

---

[8] См. напр. : *Robinson R.* Non-European Foundations of European Imperialism: Sketch for a Theory of Collaboration. // Studies in the Theory of Imperialism. L., 1973.

[9] *Суни Р.* Диалог о геноциде: усилия армянских и турецких ученых по осмыслению депортаций и резни армян во время Первой мировой войны // Ab Imperio. Исследования по новой имперской истории и национализму в постсоветском пространстве. 2005. № 3. С. 87-130.

[10] *Касьянов Г.* Разрытая могила: голод 1932-1933 годов в украинской историографии, политике и массовом сознании // Ab Imperio. Исследования по новой имперской истории и национализму в постсоветском пространстве. 2004. № 3. С. 237-268.

[11] В поисках новой имперской истории… С. 16-17.

[12] Ср.: *Бейссингер М.* Переосмысление империи после распада Советского Союза. С. 35-84; Суни Р. Империя как она есть: имперская Россия, «национальное» самосознание и теории империи // Ab Imperio. Исследования по новой имперской истории и национализму в постсоветском пространстве. 2001. № 1-2. С. 9-72

внимания модерного знания реальность прошлого (многонациональные династические империи), в статус современной аналитической модели, позволяющей осмыслить исторический опыт в эпоху кризиса модерных категорий анализа и политик. Следуя логике Негри, “империя” нужна сегодня не для того, чтобы вновь утвердить ее в роли категории политической практики, но как аналитическая концепция, приспособленная для понимания процессов меняющегося мира, в котором проблема “управления различиями” стала одной из ключевых»[13].

Ситуация с изучением империй и особенно происходящая смена исследовательских парадигм порождает необходимость создания обобщающих трудов энциклопедического характера, в которых были систематизированы и проанализированы результаты научных исследований политической и дискурсивной практики, категорий империй, теорий империй, наций и национализма и т. д. Именно достижением этих целей является главной задачей при составлении Академического словаря теории и истории империи. При этом центральным в осуществлении данной работы стало проведение конкретного исследования общих закономерностей генезиса, эволюции, дискурсивных и политических практик в полинациональных общностях. Само же составление Словаря и подготовка для него исторических и теоретических статей, раскрывающих процессы закономерностей развития империй, осуществлялись на историческом факультете СПбГУ силами коллектива кафедр истории Нового и новейшего времени и истории славянских и балканских стран. Эта работа проводилась в рамках общего проекта аналитической ведомственной целевой программы Федерального агентства по образованию: «Развитие научного потенциала высшей школы (2006-2008 годы)». Причем, по решению редакционного совета издания, в лексиконе Словаря присутствуют статьи различной проблематики. Во-первых, в него включены крупные обобщающие статьи по истории отдельных европейских империй Нового и новейшего времени. Во-вторых, здесь также были подготовлены специальные статьи, которые посвящались отдельным аспектам теории и концепции истории империй. В-третьих, авторы Словаря стремились также рассмотреть и проанализировать общие категории имперской политической, дискурсивной и культурной практик, дать понятийный аппарат исследований по истории империй. В целом, энциклопедические статьи Словаря выстроены сугубо по канонам жанра: содержать описание предмета исследования, обзор главных теорий, концепций и библиографию.

Исполнители проекта надеются, что данное издание, помимо научного (обзор, анализ, обобщение и подведение итогов определенного этапа в развитии исследований империи), будет иметь и практическое значение и использоваться в учебном процессе и работе организаций и учреждений, в чью компетенцию входят вопросы исторической памяти, национальной политики, национализма и т. д.

Редакционный совет словаря

---

[13] В поисках новой имперской истории… С. 19; ср.: *Hardt M., Negri A.* Empire. Cambridge, 2000. P. XIV.

АВСТРО-ВЕНГЕРСКАЯ ИМПЕРИЯ

Австро-Венгерская империя, традиционное название государства, созданного и руководимого династией Габсбургов в XII-XX веках на территории современной Австрии, провозглашенного империей в 1804 г. и преобразованного в Австро-Венгерскую империю в 1867 г. Распалась в 1918 г. в результате кризиса, порожденного Первой мировой войной, соицальными и национальными движениями начала XX в.

Австро-Венгерская империя значительно превзошла все империи Европы средневековья и новейшего времени по длительности существования, продемонстрировав исключительную устойчивость в ряде серьезных кризисов, но не смогла найти новую модель существования в новое и новейшее время. Длительное время оно могло считаться самым разнообразным по этническому составу государством Европы, в котором к тому же ни одна нация с XVI века не имела большинства. Объединительных сил в империи было не так уж много, по существу только династия и бюрократия, не много общего было и между ее подданными, но при этом так и не предложено ни замены региональному национализму, ни модуса существования империи, который удовлетворил бы большинство групп ее населения.

Большая часть земель, составлявших ядро будущей Австрийской империи, с давних лет входила в состав Священной Римской империи, и была подчинена герцогству Бавария. С течением лет многие земли отложились, сделавшись владениями епископов, как Зальцбург и Тироль, или став отдельными доменами, как Штирия (1180) и Каринтия (976). В их числе было и небольшое маркграфство, существовавшее отдельно с 1156 года, созданное на территории нынешней Нижней Австрии, носившее название “ostarrichi” («восточная марка»), созданное Отто I для обеспечения защиты своих земель от набегов венгров с востока. Именно от этого обозначения происходит современное обозначение «Österreich», в российской традиции «Австрия». Земли маркграфства, созданного изначально как буферное образование для защиты от венгров, принадлежали сперва семейству Бабенберг, которые через серию серию удачных браков, в т.ч. дважды породнившись с германскими императорами, значительно расширило свои владения. К моменту, когда род Бабенбергов угас, в их подчинении находилась практически вся территория нынешней Австрии – Верхняя Австрия, Нижняя Австрия, Штирия и Каринтия. Однако же хотя территориальный базис будущей Австро-Венгерской империи создан был именно тогда, собственно империю воздвигли германские Габсбурги, которые начиная с 1280-х гг. претендовали на местные земли и долго воевали за их обретение.

Владения Бабенбергов перешли в 1246 г. к богемскому королю Оттокару Пшемыслу, который безуспешно претендовал на императорский престол Священной Римской империи. Императором был выбран представитель рода Габсбургов, и результатом выборов стала длительная война, завершившаяся поражением и смертью богемского владыки, и переходом всех его владений в руки победителей, и в первую очередь семьи действующего императора. Присоединение территории современной Австрии к габсбургским владениям следует назвать стартовой точкой истории Австрийской империи.

Сама династия Габсбургов известна с XI века, и носит название по имени замка “Havisberch” или “Habichtsburg” («замок ястребов») в нынешнем швейцарском кантоне Ааргау, на севере современной Швейцарии где семья обосновалась примерно в конце XI века, согласно хронике местного монастыря основателем замка стал некто Гунтрам Богатый, возможно, тот же, которого

изгнали в примерно тот же период из владений Отто I по обвинению в предательстве. Семья играла большую роль в политической жизни региона, особенно в период с 1273 г., когда ее представитель, граф Рудольф, был избран германским императором. Хотя он так и не был коронован, но де факто осуществлял административные функции, чем значительно повысил престиж рода.

Отличительной чертой процесса расширения австрийских владений начиная со средних веков являлась стратегия марьяжей. В соответствии с позднее сформулированным принципом «Bella gerant alii; to felix Austria nube» *(*"Счастливая Австрия, пусть остальные воюют, а ты женишься"), еще в бытность владельцами только швейцарских владений семья Габсбургов породнялась с правящими семьями по всему региону и успешно расширяла свой домен, предъявляя права на территории по праву родства. Лишь одна из многих семей, контролировавших участки здешней территории в X веке, к XIII она существенно расширила свои владения, путем присоединения земель, с владельцами которых состояла в родстве, род которых пресекся по тем или иным причинам. Обретенные финансовые возможности и успешные военные походы позволяли Габсбургам приобретать новые и новые земли. Как следствие постепенного расширения своих владений к эрцгерцогскому титулу как владык Австрии члены рода стали потом маркграфами Штирии и Моравии, герцогами Силезии, Каринтии и Штирии, графами Тироля, королями Богемии, Венгрии, Хорватии, Словении, Далмации, князьями Трансильвании, а позднее и императорами Священной Римской Империи. Едва не была добыта и корона Польши, габсбургский принц Эрнст дважды фигурировал в качестве кандидата на польский престол, но сперва избрали представителя дома Валуа, а затем Иштвана Батория.

Уже на ранней стадии строительства империи династия Габсбургов столкнулась с проблемами, позднее ставшими ее ахиллесовой пятой – разнообразием подчиненного ее владыкам населения и наличием взаимоисключающих интересов его групп.

В швейцарских владениях регулярно возникали проблемы, и еще с конца XIII века кантоны объединялись в попытках отстоять свою самостоятельность, особенно в области назначения судей, на праве назначать каковых Габсбурги настаивали. Дополнительную остроту придавали экономические мотивы конфликта, и швейцарские кантоны и габсбургская центральная власть считали естественным своим правом извлекать все прибыли от торгового транзита и выгоды от стратегического расположения Швейцарии. Длительный конфликт, некоторые события которого, как удачная для кантонов битва при Моргартене, дата которой до сих пор отмечается как национальный праздник, в итоге не принес удачи династии, в 1415 г. швейцарское крестьянство преуспело изгнать Габсбургов даже из их традиционного оплота в Ааргау, и с той поры их род взял себе название «Австрийский дом». В борьбе кантонов с "домом" усматривают большое значение для итогового создания Швейцарской конфедерации – позднее в борьбе с габсбургской политикой похожим образом возникли мощные национальные движения сразу в нескольких областях империи.

Несмотря на определенные неудачи в деле строительства империи, позиции Габсбургов значительно укрепились со временем. Традиционно в Священной Римской империи старались избирать слабых властителей на престол империи, но в 1542 г. был избран первый за двести пятьдесят лет Габсбург на этом посту, Фредерик III, и так преуспел в дипломатии и собирании земель, что за следующие три с половиной века лишь один из императоров был не из рода Габсбургов. Таким образом, семейство совместило в своих руках политическое могущество и обширные наследственные владения в Центральной и Восточной Европе, известные коллективно как «Наследственные земли», охватывавшие территории современной

Австрии и фрагменты современных Италии, Германии, Хорватии, Словении. Традиционный черно-желтый флаг у монархии существовал именно как знак ее связи со Священной Римской империи, и саму политическую схему, при которой представители дома руководили всеми германскими землями, именовали “первым рейхом”.

Серия марьяжей с целью создания стратегических альянсов дала довольно неожиданный результат и на европейской арене – благодаря вымиранию династий, с которыми Габсбурги ранее вступали в брачные отношения (путем женитьбы представителя рода на дочери бургундского владыки Карла Смелого, а потом брака появившегося от этого союза наследника с наследницей объединенных Арагона и Кастилии), у них появились крупные владения в Западной Европе: Франш-Комте, Нидерланды, Испания и владения последней в Новом Свете, и при Карле V сложилась собственно империя. В 1522 г. он передал т.н. «наследственные» владения семьи своему брату, эрцгерцогу Фердинанду, а себе оставил западноевропейские и их колонии. Таким образом было положено начало «испанским Габсбургам» и «австрийским Габсбургам». По иронии судьбы, владения западной ветви отошли в итоге Бурбонам, а восточные династия удержала, Фердинанд и его наследники успешно расширяли свой домен, и традиционным способом через марьяжи и путем участия в борьбе с турецкой опасностью. Именно благодаря этим двум инструментам к владениям австрийских Габсбургов была присоединена Венгрия.

В 1526 г. оставшаяся без союзников Венгрия проиграла битву при Мохаче, король венгерский Людовик (Лайош), из династии Ягеллонов, погиб при отступлении. В современной венгерской историографии утверждается, что венгерская аристократия, даже потеряв Буду и жестоко пострадав, сперва радовалась избавлению от такого короля, каким себя показал Людовик, а уж потом горевала от разорения. Фердинанд Габсбург незадолго до того породнился с Ягеллонами, выдав за Людовика свою внучку, и приходился ему сюзереном как предводитель Ордена Золотого Руна, и в силу этого формально заявил права на владения венгерской короны – собственно Венгрию и Богемию, а потом и Хорватию. Венгерская аристократия сочла за лучшее в большинстве своем поддержать его претензии, справедливо видя в Габсбургах единственную реальную силу в регионе, способную на данном этапе потягаться с Османской империей. В декабре 1526 г. Фердинанд был провозглашен в Пресбурге (нынешняя Братислава) королем венгерским. Впрочем, почти столетие вне турецкого влияния из владений короля Людовика находилось только княжество Трансильвания и фрагмент нынешней Словакии. Эти земли были известны как «Королевская Венгрия». Частью Венгрии, оказавшейся во власти турок, формально руководил конкурент Габсбургов в борьбе за венгерский трон Янош Запольяи, избранный группой местных феодалов, на правах вассала Османской империи. О том, что Запольяи воспринимался и Вене как серьезный кандидат на звание венгерского короля, говорит то, что после победы над его войсками Фердинанд был коронован королем Венгрии еще раз, в ноябре 1527 г. Большая часть Венгрии, впрочем, так и осталась в руках турок, и в этом регионе все время было неспокойно. За время турецкого контроля, примерно 150 лет, в Буде сменилось 99 беглербеев, и за тот же срок только шесть представителей династии Габсбургов на имперском престоле в соседней Австрии. О том, как обстояли дела в подконтрольной туркам части Венгрии, говорит хотя бы тот факт, что леса на Паннонской равнине были в массе своей уничтожены в процессе борьбы с местным повстанческим движение, в надежде лишить его прибежищ.

Угроза турецких нашествий послужила и далее к расширению владений Габсбургов: хорватский сабор избрал Фердинанда королем в 1527 г., как наследника венгерской короны, и на условии, что тот обеспечит защиту от турок, потом еще и

выразил пожелание, чтобы хорватские земли вошли в состав «наследственных», в то время как альтернативный сабор избрал хорватским владыкой того же Запольяи. Вопрос о законности прав Габсбургов на Хорватию впоследствии неоднократно поднимался, и в историографии существует тенденция считать решение сабора персональной унией.

Фердинанд также был коронован как король Богемии, формально зависевшей от Венгрии, ссылаясь на права своей супруги, обойдя баварскую династию Виттельсбахов, хотя ему не удалось на этом этапе добиться признания за собой династических прав. Как богемский король, он стал и владыкой зависимых Силезии и Моравии. Хотя эта первая попытка оставить трон чешских земель в своих руках династии не удалась, в длительной исторической перспективе Габсбурги, тем не менее, оказались династией, руководивший чешскими землями наибольший срок. Не раз они приходили там к власти – сперва после Пшемысловичей в 1306, потом после гуситских войн, и в итоге в XVI веке при Фердинанде I окончательно укрепились в правах владык, делегировав на местный престол 17 королей подряд.

Помимо собственно территориальных расширений своих владений и обретения значительного политического престижа Фердинанд также провел важную административную реформу, установленный им порядок продержался до революций 1840-х гг. На этом этапе стали очевидны многие сложности, которые были заложены в именно таком способе строительства империи. Империю Габсбургов называли лоскутной еще на ранних стадиях ее существования, она состояла из множества доменов, и властители ее неоднократно пытались централизовать управление, но реформы такого рода наталкивались на сопротивление местной знати, и необходимость соблюдать условия, которые она выставляла при вхождении в империю, поскольку обычно она получала земли не по праву завоевания, а в силу различных родственных связей. Тироль, например, достался Габсбургам, когда кончилась ветвь местных графов, последней графине в XIV веке они приходились кузенами, и для вступления в права императорам пришлось пойти на ряд уступок местной элите, дав обитателям региона ряд привилегий, сохранившихся до Первой мировой. Подписанный в 1342 г. документ, регулировавший отношения империи с ее новым владением, иногда называют даже первой в континентальной Европе конституцией. Швейцарский конфликт был вызван попытками Габсбургов навязать кантонам свою власть и волю, с целью безраздельно контролировать стратегически важный регион, и политика эта вступила в противоречие с интересами самих кантонов. Междоусобица между сыновьями Фердинанда также осложнила положение императорской власти, поскольку участники ее щедро делали уступки своим сторонникам. При Рудольфе Габсбурге в последней четверти XVI века удалось избежать фрагментации империи, по требованию в том числе и самих подданных провозглашен отказ от деления владений на наследственные.

Последовавшая в XVII веке Тридцатилетняя война была продиктована как раз выданными различным группам нобилитета привилегиям – ради обеспечения династии трона Священной Римской империи требовалось контролировать трон Богемии, и представитель империи был избран ее королем, но на условиях сохранения религиозной свободы, и нарушение этих условий повлекло в первой четверти XVII века большую войну, охватившую весь регион между нынешними Данией и Чехией. И даже несмотря на решимость в Богемии покончить с протестантизмом, и декрет, предлагавший его приверженцам в течении полугода покинуть королевство или обратиться в католичество, в «королевской Венгрии» все же пришлось отказаться от проведения такой же политики в жизнь на данном историческом этапе. Уже сама административная реформа при Фердинанде была

проведена с оглядкой на многообразие обычаев и законов в разных частях империи, высшие и судебные и административные органы имели по несколько отделений, занимавшихся каждое своим отдельным регионом.

Именно многообразием империи и необходимостью постоянно учитывать его объясняют решимость Габсбургов принять сторону католической церкви. Многие авторитетные исследователи полагают, что дом защищал католицизм ради защиты единства церкви, не желая осложнять и без того проблематичное положение своей империи, населенной очень различными друг от друга группами, еще и процветанием религиозных раздоров, в условиях постоянно довлеющей турецкой угрозы. Так или иначе, поддержав католическую церковь, в результате религиозных войн XVII столетия (хотя в данном случае религиозные войны наложились на политические конфликты, так что католическая Франция могла и оказаться с Австрией по разные стороны баррикад) Габсбурги сохранили свои позиции в Центральной Европе. Территориальных приращений Австрия не получила, но в соответствии с условиями Вестфальского мира ее владыки были вольны навязывать подданным католическую веру, и укрепили фундамент империи, перераспределив имения, имущества и титулы своих подданных из числа протестантов в пользу своих сторонников. контрреформация проведена была решительно, и церковь на длительный срок завоевала видные позиции в габсбургской империи. Хотя в итоге Австрийскому дому пришлось все же отказаться от строгостей к протестантам в 1606 г., по условиям “Венского мира” была продекларирована свобода вероисповедания.

Армия империи еще в Тридцатилетнюю войну обнаружила главные свои слабости, оставшиеся с вооруженными силами Австро-Венгрии едва ли не до исторического финала империи: ее приходилось создавать из контингентов, посылаемых располагавшими значительной автономией субъектами императоров, финансировать из средств, выделяемых по своему усмотрению теми же субъектами (которым зачастую приходилось делать уступки), контролировать их поведение в ходе кампаний и непосредственно на поле боя удавалось с трудом, а иногда не удавалось совсем, процветали разного рода злоупотребления на службе, от продажи припасов до продажи чинов. Именно по причине существования вышеперечисленных факторов в начале XVI века Фердинанд I и учредил Военную границу, буферную зону для защиты от турецкой агрессии, размещая в ней гарнизоны сперва из наемников, а потом, по причине дороговизны их содержания, военных колонистов, в основном беженцев с юга, с территории, занимаемой Османской империей, главным образом сербов, которым предоставлялись экономические и социальные привилегии и свобода вероисповедания – территорию будущей Сербской Краины и зону интенсивного межэтнического конфликта. Тем не менее Габсбургам удалось более-менее успешно пройти сложный период от Тридцатилетней войны до Войны за Испанское наследство, между каковыми конфликтами состоялась еще решающая во многом для всей Европы война с турками.

На востоке Европы владычеству Габсбургов серьезно угрожала Османская империя, все еще находившаяся в стадии активной экспансии. С 1529 по 1718 гг. состоялось 9 крупных войн империи с турками. С 1560-х гг. гпришлось и платить османам дань, и такое положение дел сохранялось до 1606 г., когда турки согласились заменить ее единоразовой выплатой и признать Австрию равной по статусу державой. В 1663 г. обострился конфликт с турками, длительный, знаменовавший одновременно зенит мощи Османской империи в Европе и начало сдачи ею позиций. 1683-й год был ознаменован новым наступлением османов в Центральной Европе, хотя на сей раз баланс сил серьезно изменился сравнительно с войнами предыдущих лет – Австрия обеспечила себе поддержку или хотя бы

нейтралитет соседей, заручилась союзом с Польшей и Венецией и финансовым могуществом папства, турецкая же империя уже находилась в стадии отставания от европейцев в военном искусстве. Тем не менее, османы преуспели дойти до Вены, и ситуация выглядела так неблагоприятно, что сам император предпочел переехать из своей столицы в Линц. Но осада, продлившаяся с июля по сентябрь, была безрезультатной для османов, несших большие потери от качественного перевеса защитников города в артиллерии, увенчалась большим поражением турецкой армии, и затем военная удача сопутствовала Габсбургам. Если в 1683 г. турецкая армия осаждала Вену и победу над ней назвали «чудом», то уже к концу 1680-х гг. Австрия завладела всей Венгрией, и хотя в 1715 г. османы снова предприняли большое наступление, но на сей раз не только не создали серьезной угрозы Вене, но и едва не потеряли всю современную Румынию. И если в 1660-х гг. пришлось, даже отразив наступление турок в Венгрии, все же сделать им уступки и уплатить немалую сумму, то в 1718 г. Пожаревацкий мирный договор подытожил очередной конфликт и закрепил победы выдающегося полководца империи Евгения Савойского, по нему Австрии отходили не только Славония, но и часть Сербии вплоть до Ниша. Процесс ослабления Османской империи был не линейным по натуре своей – так, например, в 1739 г. кампания австрийских войск была настолько неудачной, что все земли южнее Дуная пришлось снова передать османам. Однако, в целом, заключенный вследствие неудачи под Веной договор 1699 г. в Карловце положил конец распространению Османской империи, граница была теперь проведена по Тисе до впадения ее в Дунай и по Саве до слияния ее с Уной. В результате войны, обошедшейся примерно в 200 тыс. жертв, Австрия смогла, наконец, поставить барьер на пути экспансии Турции в Европу.

Череда войн XVII-XVIII веков, оказавших серьезное влияние на дальнейшее развитие империи, продолжилась «войной за Испанское наследство», развернувшейся вокруг вопроса, кто унаследует владения Испанских Габсбургов, вокруг попыток австрийских Габсбургов и Бурбонов посадить своего кандидата на испанский трон, обе семьи имели на это формальное право, но большинство европейских стран поддержало вторых, поскольку союз Испании и Франции показался значительно меньшей угрозой, чем единое государство Габсбургов, занимающее половину Европы. От владений испанских Габсбургов австрийской ветви семьи досталось в результате всех военных действий не так уж много, в основном земли в Италии и территория современной Бельгии. В результате дипломатических маневров Австрийский дом едва не присоединил к своим владениям Баварию, от прав на которую ее правящая династия Виттельсбахов соглашалась отказаться, если взамен ей предоставят Бельгию, но по Утрехтскому мирному договору 1713 г. и отдельному соглашению, подписанному Габсбургами в 1714 г., подытоживавшему весь конфликт, австрийцы, хоть и весьма заинтересованные в отказе от удаленных изолированных бельгийских владений в обмен на соседние территории, населенные к тому же этническими немцами, завладели только несколькими участками территории Баварии, в т.ч. нынешним районом Инсбрука.

Неудачно претендовавший на владения Испанских Габсбургов Карл VI в свое время подписал соглашение с австрийскими родственниками, согласно которому представители династий имели право наследовать владения друг друга, и дополнительное, предоставлявшее право наследования престола дочерям. К тому моменту у обоих ветвей семейства были только дочери, сын Карла прожил недолго. После смерти главы австрийского дома, своего брата, Карл унаследовал его владения, и в обход своих племянниц делегировал на трон свою старшую дочь, Марию-Терезию – первую и последнюю женщину на престоле. Документ, который обуславливал именно такой порядок наследования, назван был «Прагматической

санкцией», его постулаты были подтверждены как представителями различных земель, вошедших в империю, так и всеми главными домами Европы, в обмен на разного рода концессии, и в значительной степени в ущерб привилегиям центральной власти. Весь процесс согласования только внутри самой империи занял четыре года. Вслед за смертью отца, Мария-Терезия взошла на трон как императрица, и в период ее правления изменилось название правящего дома, на Габсбург-Лотарингский, по ее супругу, герцогу Лотарингскому. Несмотря на усердные труды на ниве дипломатии в последние годы правления Карла, империи пришлось во главе с новой императрицей выдержать военный конфликт с оппонентами ее восшествия на престол, известный как «Война за Австрийское наследство», в первую очередь с немецкими князьями, именно тогда была прервана длительная традиция делегировать на трон императора Священной Римской империи Габсбургов. Его занял баварский князь Карл-Альберт, завладевший Богемией, но, правда, всего на несколько лет, его сын (супруга которого была из Габсбургов) отказался продолжать войну с могущественным соседом в лице Австрии и поддержал кандидатуру супруга Марии-Терезии на трон императора. Удалось урегулировать и остальные возникшие конфликты, хотя и довольно дорогой ценой – особенно крупной потерей следует считать передачу Силезии в пользу Пруссии, империя также утратила Сицилию и Неаполь, супруг императрицы лишился своих наследственных земель в Лотарингии. Неожиданным результатом войны стал союз с Францией, традиционной противницей Габсбургов, закрепленный марьяжом младшей дочери Марии-Терезии и французского короля Людовика XVI. Союз этот, в который была на некоторое время вовлечена и Российская империя, оказался вовлечен в попытку вернуть Силезию Австро-Венгрии, вылившуюся в Семилетнюю войну, окончившуюся безрезультатно для всех участников.

Императрица Мария-Терезия, которая правила потом и как регент при своем старшем сыне, Иосифе, предпринимала, начиная с 1749 г., попытки реформировать империю. В области экономики удалось добиться определенного прогресса, особенно в период непосредственно после Семилетней войны. Процесс задуманной централизации шел очень сложно и медленно, единообразие в налоговой системе удалось ввести только в Богемии и Австрии, как и создание независимого от администрации на местах суда, хотя Мария-Терезия преуспела обложить налогами венгерский нобилитет, став первым правителем, сумевшим это осуществить за предыдущие пять веков. Большего успеха удалось добиться в ограничении власти церкви (хотя императрица была всегда ревностной католичкой), были приняты меры в широком спектре от передачи регулирования количества выходных дней по религиозным мотивам в руки императрицы до запрета читать в церквях папские энциклики без предварительного согласования с императрицей. Иосиф, когда взошел на престол, действовал похожим образом, хотя в его правление были внесены определенные коррективы в общую стратегию империи. Например, если его мать была ревностной католичкой, то при сыне религиозным общинам было даровано равноправие, а монастыри лишены многих привилегий и значительной части имущества.

Иосиф II пытался развить успехи своей матери в деле централизации, начав прямо с момента восшествия на престол – поскольку при таковом императоры традиционно подтверждали местные привилегии и вольности, он отказался от коронации (и заработал за это прозвище «Король со шляпой»). Попытки реформ при Иосифе II, получившие название “иосифизм” или “йозефинизм”, или еще «просвещенный абсолютизм», включали утверждение немецкого языка как единственного официального для всех регионов империи, кроме Италии и Бельгии, централизацию системы управления путем упразднения традиционных

административных единиц на местах и замены их новыми, подчиненными имперским властям, ослабление зависимости крестьян от землевладельцев, реформу судов и законодательства, меры по стимуляции ремесел и внутренней торговли, дальнейшее ослабление позиций церкви (настолько решительное, что папа Римский самолично прибыл с визитом к императору в надежде уговорить его отменить некоторые декретированные меры), и выпущенный в 1781 г. «Эдикт толерантности», призванный гармонизировать межконфессиональные отношения в империи. Многие из его реформ завершились неудачно, многие шли недостаточно далеко, многие император отменил уже на смертном ложе, а их окончательное свертывание в последующие годы сильно разочаровало многие слои общества и заложило основу для многих проблем будущего.

К этому времени относится и первая серьезная попытка создать единую идентичность жителей империи, каковую связывают с именем занимавшего пост канцлера графа фон Стадиона при некоторой поддержке членов императорского дома. Насколько можно судить, во главу угла были поставлены единство территории и лояльность правящему дому, в надежде стереть со временем этнические различия, но начинание это не было успешным, и по причине половинчатого характера самих мер и по причине отсутствия реальной и серьезной поддержки со стороны непосредственно правящего императора

К этому периоду относятся и первые попытки закрепиться вне Европы. Австрия пробовала расширять торговлю в Вест-Индии в 1720-х гг., но сформированная на базисе бельгийских экономических активов и бизнесменов Остендская компания довольно быстро стала банкротом. На Индостане в 1770-х гг. было несколько торговых постов. При Иосифе II с 1778 по 1785 гг. австрийская колония существовала на Никобарских островах в Индийском океане, но создавшая ее как собственное коммерческое предприятие компания прогорела и колония прекратила свое существование.

На этом этапе территориальное расширение империи происходило благодаря комбинации ее стратегического положения и дипломатии: Австрийская империя не была заинтересована в разделе Польши, но все же согласилась поучаствовать в нем, получив Галицию, а потом завладела Буковиной, получив ее как компенсацию за успехи русской империи в борьбе против Турции – в борьбе, в которой сама Австрия не участвовала. Даже из трех неудачных войн с революционной Францией Австрия все же сумела извлечь выгоду, получив в свое распоряжение Зальцбург, до того самостоятельное владение местного архиепископа, в порядке компенсации за утраченные итальянские и германские владения – и более того, когда эти последние были ей возвращены, Зальцбург у нее же и остался. От очень неприятных перспектив потерять еще больше Австрия смогла избавиться традиционным путем умножения сил Габсбургов – женитьбой, выдав дочь императора Франца за Наполеона.

Именно на этом этапе Австрия формально стала империей сама по себе – по иронии судьбы, как раз в начале века, в котором ее имперский статус постоянно подвергался испытаниям. Очередной габсбургский владыка, Франц II, упразднил Священную Римскую империю, опасаясь, что иначе Наполеон будет избран ее императором, и в 1804 г. провозгласил Австрийскую империю, с наследственными правами рода Габсбургов на ее престол. Завершение Наполеоновских войн произошло в имперской же столице Вене, на конгрессе, где державы-победительницы провели де факто передел Европы. Священную Римскую империю заменила конфедерация из почти 40 самостоятельных административных единиц, с Австрией как общим руководителем и арбитром, а утраченные территории в Бельгии Габсбурги компенсировали расширением своего влияния на Апеннинах, и вдобавок в формально не зависящих от них Тоскане, Модене и Парме на троны

водворены родственники императора. Произведенный раздел был закреплен т.н. «Святым союзом», блоком консервативных монархий, обязавшимся поддерживать и защищать «статус кво». Однако Австрия постепенно утрачивала влияние в Германии, и особенно после организации в ней таможенного союза в 1830-х гг.

Революция во Франции и ее отголоски по всей Европе сказались весьма негативно на ментальности австрийских императоров, которым зачастую внешнеполитические проблемы диктовали способы решения проблем внутренних, и из этого обстоятельства впрямую вытекает хорошо известная склонность императоров Австрии к консерватизму и абсолютизму. Император Франц I, а потом назначенный им совет регентов, заменявший душевнобольного его сына Фердинанда, последовательно проводили консервативную внутреннюю политику. Были в правящем доме и сторонники реформ, как, например, эрцгерцгог Карл, сумевший нанести Наполеону его первое поражение в Европе в битве при Асперн-Эсслинге, и удостоившийся за это памятника в центре Вены визави со знаменитым Евгением Савойским. Но за последующие почти сорок лет он не получил ни одной крупной должности, именно по причине недоверия господствующих при дворе консерваторов к его реформистским устремлениям. Период с окончания Наполеоновских войн до революций 1848 г. именовали “эрой Меттерниха”, австрийского канцлера, власть которого казалась практически безграничной, убежденного сторонника абсолютизма, с большим подозрением относившегося к национализму. Несмотря на позитивные сдвиги в экономике – за 30 лет после Венского конгресса добыча угля выросла в девять раз, а объем продукции текстильной промышленности в шесть – развитие империи сильно осложнялось неповоротливой и негибкой бюрократией. Наиболее ярко ее деятельность иллюстрирует случай с тяжбой на сумму в шесть флоринов, которую в итоге пришлось решать лично императору, притом что до него это судебное дело прошло 48 инстанций. Консерватизм, приверженность абсолютизму и всемерное противодействие любым мерам, которые могут повести к ослаблению власти императора и двора, и даже всесторонний надзор за настроениями в обществе, вплоть до перлюстрации писем и членов правящего дома, в итоге так и не позволили Австрийской империи избежать революционных потрясений в 1840-х гг.

1848-й г., “год революций”, для империи начался антиправительственными выступлениями в Италии, а затем резко обострилась ситуация в Венгрии, традиционно привилегированной территории монархии, и с поведения ее представителей взяли пример венские либералы. Императору было сперва подано несколько верноподданических петиций с просьбами создать в стране органы представительской власти, потом в Вене вспыхнули беспорядки, повлекшие человеческие жертвы, и очень неприятно выглядела ситуация в Богемии, Хорватии, Галиции и Венгрии. Малыми уступками, как отставка Меттерниха или принятие конституции, добиться умиротворения общества не удалось. Конституция создавала двухпалатный парламент, нижняя палата которого избиралась налогоплательщиками, но с абсолютным императорским вето на ее решения, но собранный парламент не только не стал демонстрировать лояльность, но и саму конституцию отверг как меру недостаточную. Ситуация в Вене была настолько нестабильной и так часто выливалась в открытое неповиновение властям, что за два года императорскому двору пришлось дважды переезжать в другие города – сперва в Инсбрук, потом в Оломоуц, и другим органам власти также приходилось на время покидать имперскую столицу. Выступление в Богемии, пришлось подавлять с применением артиллерии. Восстановив контроль над западной частью империи, ее администрация отвергла выработанный парламентом вариант конституции (т.е. “кремзирская конституция” по германскому названию городка, где заседали законодатели, ныне Кромержиж в Чехии), предусматривавший разделение

территории на компактные этнически гомогенные округа с полномочиями управления на своем уровне, с выбираемым населением парламентом в Вене, которому должны были отчитываться региональные власти, а император имел бы в такой системе только ограниченное право вето. Императорская армия собрание разогнала и была введена новая конституция, т.н. “мартовская”, предусматривавшая все же наличие выборного законодательного органа власти, но с абсолютным ветом императора на его решения.

Ситуация в Венгрии развивалась еще более неприятно для империи. В Венгрии уже два десятка лет наблюдались попытки пойти путем совершенно отличным от диктуемой из Вены стратегии. Хотя в силе оставалась аристократия, и довольно-таки косная, мировоззрение которой в значительной степени определялось принципом “A paraszt nem ember” («крестьянин не человек»), с 1820-х гг. началась «Эра реформ», ознаменованная немалым числом прогрессивных перемен, поддержанных частью нобилитета – как, например, граф Сечени пожертвовал годовой доход от своих имений на создание академии наук, но его за прогрессивные взгляды, ибо он предлагал отмену личной зависимости крестьян, налогообложение землевладельцев и привлечение зарубежных инвестиций, аристократия его возненавидела. Но если среди магнатов и высшего света господствовали про-имперские настроения, пусть и не из лояльности Габсбургам, а из желания сохранить свой статус и экономические позиции, то ниже по социальной лестнице дело обстояло совершенно по-другому, рост национализма значительно подстегнуло введение германского языка как главного для жителей империи. На этом этапе Венгрия существовала как отдельное государство под эгидой Габсбургов, и причем лишь при условии коронации их представителей в Будапеште по венгерским законам, все распространявшиеся на нее законы требовалось утверждать не только в Вене, но и в Будапеште, и регулярно выдвигались требования дальнейших уступок. Императоры австрийские обычно на таковые не шли и старались собирать местное законодательное собрание редко – скажем, собрание 1825 г. было первым за 14 лет. В 1840-х гг. отношения между Австрией и Венгрией значительно ухудшились, большая группа венгерских радикалов во главе с Лайошем Кошутом этому сильно поспособствовала, такими мерами, как популярной в обществе кампанией “Покупаем венгерское!”. Интересно, что при прочих равных в парламенте, избранном в уже охваченной революционными настроениями Венгрии в 1848 г., из 415 депутатов только одного относят к радикалам, и около 40 человек потенциально им сочувствующих, и, следовательно, большая часть элиты все-таки симпатизировала продолжению союза с Габсбургами. Довольно быстро ситуация дошла до стадии вооруженного конфликта, в котором борьба за политическую власть, за определение курса развития империи и ее земель, за определение характера взаимоотношений между отдельными районами государства помножилась на взаимоисключающие интересы населяющих его наций. На стороне абсолютистской империи с господствующей германофонной элитой внезапно оказались национальные меньшинства, в первую очередь славянские – поскольку хотя большая часть аристократии признавала за невенгерскими народами право на собственную идентичность и язык, в революционный период тон задавали радикалы, как Кошут, настаивавший на необходимости славянам отказаться и от того и другого во имя венгерских языка и идентичности. Как следствие своих взглядов, в государстве венгерском, в исторических границах территорий, которые традиционно контролировала Венгрия, он выражал желание видеть только венгров, прошения сербов о выделении им автономии отверг, сказав «меч решит наш спор», и невнимание к интересам этнических меньшинств стоило венграм не только расположения потенциальных союзников, но и прямого осложнения положения революционного правительства: хотя сербское восстание летом 1848 г. и

выступление словаков были подавлены, борьба в Трансильвании с румынской и саксонской общинами шла с переменным успехом, отвлекая значительные силы, а хорваты деятельно поучаствовали в борьбе на стороне империи. Сам поход хорватского бана Йосипа Елачича завершился военной неудачей, но хорваты приняли затем активное участие в наступлении на Венгрию имперской армии под руководством графа Виндишгреца, отличившегося до того подавлением выступлений в Италии и Богемии, существенно его усилив. Частично ошибку попытались исправить в последние дни революции, когда румынам и евреям были обещаны широкие уступки во всех областях, но сколь-нибудь значительного влияния на ход конфликта это не оказало, и стратегию уступок национальным меньшинствам венгерская элита так и не приняла на вооружение. Изначально венгерские революционеры, выступившие сразу после массовых беспорядков весны 1848 г. в Вене, предполагали, насколько можно судить, добиться обширных уступок, все же не порывая окончательно связей с Австрией, и первая принятая ими конституция (т.н. “апрельские законы”) предусматривала личную унию венгерского королевства с австрийской монархией, но после военных успехов весной 1849 г. Кошут провозгласил династию Габсбургов низложенной, создав республику. Подобный ход привел к серьезному осложнению положения Венгрии, поскольку в таких условиях Россия, возглавляемая не менее консервативной элитой, чем Австрия, сочла возможным вмешаться в конфликт на стороне империи. В августе 1849 г. под Вилагошем венгерской революционной армией была подписана капитуляция (причем сдавалась революционная армия русским полководцам), хотя крепость в Комаром сопротивлялась до октября. Вожди восстания большей частью эмигрировали, 13 захваченных австрийцами казнены, заслужив прозвище «Арадские мученики». Целая череда репрессивных мер, от упомянутых казней до запрета носить бороды на манер той, что носил Кошут, была применена против венгерского общества.

Формально носивший титул императора Фердинанд в декабре 1948 г., в Оломоуце, после долгих уговоров родни, и, как утверждается, после того, как к нему во сне обратился покойный его отец, предпочел отречься от престола и передал его своему племяннику, 18-летнему Францу Иосифу. Целый ряд исследователей полагает, что на молодого императора произвели очень негативное впечатление события 1848-1849 гг. в империи, чем и объясняется его дальнейшая внутренняя политика, почти два десятка лет она была направлена на полную консервацию положения любой ценой, только после больших неудач на поле боя империя все же начала пытаться перестраиваться, но в итоге так и не преуспела.

В результате событий конца 1840-х гг. монархия была потрясена до основания, но все же устояла, и почти не понесла, на первый взгляд, потерь. В Италии позиции Габсбургов даже укрепились, в Тоскане и Модене правили семьи, находившиеся с императорским домом в родстве, Модена и Парма состояли под их опекой, и австрийские военные силы находились в Папских государствах, лишь Пьемонт и королевство Неаполитанское на Аппенинах оставались вне сферы влияния империи. Удалось избежать совсем было уже близкого объединения Германии, где чуть не восторжествовал потенциальный соперник Габсбургов в борьбе за влияние на ее территории прусский король, а в итоге Германия вернулась к прежнему существованию как конфедерация, что устраивало Австрию.

Довольно быстро император Франц Иосиф отказался от всех уступок, которые сделал обществу его предшественник во время революции, и отказался от реформ, в декабре 1851 г. приостановив действие даже и существовавшей, «октроированной конституции» почти во всех пунктах, последовавший за этим период получил название «неоабсолютизм». Интересно, что главный проводник новой политики, министр внутренних дел Бах начинал свою политическую карьеру

как либерал (именно поэтому император назначил его министром внутренних дел, а не главой исполнительной власти), а в историю вошел в качестве крайнего консерватора. В Чехии десятилетие после подавления венгерской революции называли «десятилетием погребенных заживо». До 1860 г. Венгрия находилась под прямым правлением императора, несмотря на пассивное сопротивление ее жителей. Пытаясь восстановить контроль над административными функциями империи в Венгрии, Бах прибегнул к посылке на различные посты в администрации массы чиновников из Богемии и Австрии, известных еще как «гусары Баха», венгры у них в подчинении отказывались понимать какие-либо языки, кроме собственного, и на этом основании не выполняли никаких вообще инструкций руководства, и администрирование ее было чрезвычайно затруднено. В период после подавления венгерского движения исполнительная власть была сконцентрирована в руках императора, совет министров был полностью ему подчинен и ответственен только перед ним, парламент-рейхсрат оставался сугубо совещательным органом, вся административная структура поставлена под контроль императора и министерств, все выборные ранее должностные лица заменялись императорскими чиновниками, лишь на уровне сел и деревень допускалось самоуправление, и то под строгим контролем со стороны государства. В рейхсрате практически не были представлены этнические меньшинства империи. Империя разделена была на новые административные единицы, не всегда совпадавшие с историческими регионами, так оказались разделены исторически связанные Силезия и Моравия, и территории со словацким населением включены в две разные области. Немецкий сделан главным языком администрации и образования по всей ее территории. Бах распространил свою жесткую систему контроля, опробованную в Венгрии, и на области проживания этнических меньшинств, даже тех, кто остался верен империи. Хотя сам император не был ревностным католиком, но в своей консервативной политике нашел себе важного союзника в лице католической церкви, именно австрийская армия отвоевала у итальянских революционеров папские земли, и в 1855 г. был подписан конкордат с церковью, снова скрепивший «союз трона и алтаря». Но, вместе с тем, не было принято никаких мер для создания какой бы то ни было единой идентичности для жителей империи, не выработано представление, что именно их объединяет кроме проживания в государстве, собранном в достаточной степени случайно, и возглавляющей его династии.

Некоторые меры, принятые в первое десятилетие после венгерской революции, имели и прогрессивный характер – были, в частности, ликвидированы таможенные границы между частями империи, и унифицирована система налогообложения, что способствовало, в общем и целом экономическому прогрессу и большей интеграции территорий империи в экономическом плане. Впрочем, экономическое положение империи оставалось довольно шатким, недаром с ее территории наблюдалась большая миграция населения, и постоянная и временная. В экономическом плане императоры еще со времен восшествия Франца на престол предпочитали урезать государственные расходы до уровня имеющихся доходов, а не пытаться расширить налоговую базу или стимулировать экономическую активность. Военная мощь империи, в итоге, очень страдала от постоянной экономии, что особенно ярко показала австро-прусская война во второй половине XIX столетия, в которой австрийская армия была куда хуже вооружена и обучена именно из-за постоянных проблем с бюджетом.

Внешняя политика империи в период правления Франца-Иосифа сильно осложнила положение Габсбургов. Австрия приняла, отплатив России черной неблагодарностью за помощь в борьбе с революционной Венгрией, сторону союзников в Крымской войне, и в долгосрочной перспективе понесла от этого сплошные убытки. Поддержанная ею в ходе конфликта Франция уже через

несколько лет стала важным игроком на Апеннинах, всемерно способствуя усилиям итальянских националистов в ущерб Австрии, и Франц Иосиф вынужден был уступить Ломбардию именно под ее давлением. Собственно, вся война 1859 г. между Австрией и Пьемонтом, ставшим в итоге ядром будущего итальянского государства, вытеснившего империю с полуострова, была организована при поддержке Франции и Великобритании, с которыми пьемонтская дипломатия активно вела консультации и обеспечила себе их поддержку. Сам-то конфликт, как ныне признают и сами итальянские историки, был спланирован и организован Пьемонтом с помощью провокаций. Пруссия соглашалась оказать австрийцам поддержку, но требовала при этом, чтобы общее командование осуществлял ее представитель. Сам император принял участие в руководстве войсками на поле боя, и чрезвычайно неудачно, в битве при Сольферино австрийская армия под его началом потерпела жестокое поражение. Успехи Гарибальди в южной Италии открыли дорогу к объединению Италии, и, следовательно, появлению на южных рубежах империи единого и амбициозного государства.

Также неудачно закончилась и попытка императора принять решительное участие в делах германской конфедерации – хотя Австрия, как формальный руководитель конфедерации, вместе с Пруссией поучаствовала в отторжении у Дании герцогств Шлезвиг и Гольштейн, и получила в награду контроль за последним, но затем вопрос об этом контроле стал поводом к войне. Т.н. «семинедельная война» 1866 г. между Австрийской империей, с одной стороны, и союза Италии с Пруссией, завершилась хотя и военной победой австрийцев на итальянском фронте, но поражением в столкновении с Пруссией, и новыми потерями как престижа, так и территориальными. Проблемы со строительством армии сказались в полной мере, австрийские вооруженные силы в столкновениях с лучше обученными и вооруженными прусскими несли зачастую потери вчетверо большие. Императору пришлось уступить Венецию итальянцам, т.е. утратить последние позиции на Апеннинах, и практически отказаться от влияния в Германии. Франция, формально союзник Австрии осталась нейтральной, когда Пруссия с Италией развязали «семинедельную войну», но не извлекла из этого пользы, и в 1870 году попытка добиться от Пруссии компенсации за этот нейтралитет наряду с прочими причинами и в духе стратегии ограничения влияния Пруссии (морально поддержанного Австрией) закончились катастрофой для французского оружия, и созданием мощной единой Германии под прусским контролем – т.е. результатом прямо противоположным интересам Австрии. Австро-Венгрия (как уже к тому времени называлась империя) вынуждена была приспособиться к создавшейся ситуации, итогом чего стал альянс ее с Германией – и необходимое для страны, претендующей на статус великой державы в XIX веке, территориальное расширение и распространение влияния теперь происходили в юго-восточном направлении, на Балканы. Попытки расширить империю именно таким способом только усложняли ситуацию в ней самой, поскольку в основном присоединялись земли, населенные негерманскими народами, со своими обычаями и требованиями, экспансия на юг увеличивала процент славян, являвшихся в империи гражданами третьего сорта и выступавших с требованиями равенства в правах с традиционно господствовавшими венграми и немцами.

Император в этот период, пытаясь укрепить внутреннее единство империи, вынужден был отойти от своей традиционной консервативной политики, в 1859 г. издал манифест с обещанием реформ, отправил в отставку Баха и заменил его, что стало явным отступлением от практики замещать высшие должности германофонной элитой, поляком, хотя и всецело преданным дому Габсбургов, и начал переговоры с венгерской элитой, требовавшей как минимум собственного законодательного органа с широкими правами, опираясь на исторические свои

права и традиционные привилегии. Чешские интеллектуалы выступали в этот период со своим проектом реформы системы управления в империи, предлагалось на базисе «исторического права» ввести самоуправление отдельных земель, гарантировать населению конституционные свободы и равенство в области предпринимательства, равенство языков. Свое видение проблемы было у германофонных либералов. Примерно с этого времени хорошо заметны проблемы, наличие которых стало характерной и устоявшейся чертой в представлении об Австро-Венгрии и поводом называть ее «лоскутной монархией», а именно множество групп со взаимоисключающими интересами, каждая из которых преследовала свои цели. Каждый шаг в попытках изменить статус кво вызывал серьезную негативную реакцию многих групп, и социальных, и национальных, а полумеры влекли только всеобщее неудовольствие и раздражение, и любые перемены осложняли положение династии. Проекты очень ограниченных конституционных преобразований, таких как «Октябрьский диплом» и «Февральский патент», были встречены без понимания сторонниками реформ из-за ограниченности предлагаемых мер. В конце концов, император и его окружение предпочли пойти на соглашение с Венгрией, видимо, в надежде получить серьезного союзника в деле удержания империи в ее тогдашнем положении.

В 1865 г. в общем и целом в дискуссиях между имперским правительством и представителями Венгрии были выработаны условия, позднее ставшие базисом для договоренностей о создании «дуальной монархии», но из-за войны с Пруссией само подписание соглашения пришлось отложить. Достигнутое соглашение известно как Ausgleich на немецком, по венгерски Kiegyezés, по чешски Vyrovnání, на хорватском языке Nagodba. По его условиям, создавался союз двух практически равноправных государств, соединенных некоторым количеством общих институтов и монархией Габсбургов. Венгрия и традиционно подчиненные ей земли становились одним компонентом, все остальные территории вторым, по реке Лейта была проведена граница между ними, откуда и пошло традиционное наименование обеих частей – Цислейтания собственно австрийские владения, Транслейтания венгерские. Император австрийский становился сюзереном Венгрии как ее король, и оставался сюзереном всех остальных земель как император, он должен был короноваться отдельно в Вене и отдельно в Будапеште, и приносить в каждом случае присягу чтить и уважать права и свободы. В новой своей форме империя носила название Австро-Венгерской.

По образному сравнению одного из специалистов, соглашение давало Венгрии большие полномочия, чем когда-либо со времен битвы при Мохаче. Оставались общими министерство иностранных дел, финансовое и министерство обороны, армия общая под единым командованием, с германским языком как базовым, бюджет в основном поставлялся для нее из Цислейтании. Территориальные военные формирования в каждой из частей монархии существовали вне юрисдикции общего министерства обороны. Создавалось два парламента, по одному в каждой части, и Цислейтания и Транслейтания обладали независимостью во внутренних делах, вплоть до раздельного гражданства, хотя существовало единое правительство, которое было ответственно перед общим собранием делегатов от парламентов, заседавшим попеременно в Будапеште и Вене, по 60 от каждой из частей империи, но совещались они и голосовали все равно порознь. Венгерского премьер-министра вместе с кабинетом назначал император, коронованный как венгерский король, но по согласованию с местным парламентом. Совмещение должностей в едином правительстве и в одном из двух на местах не допускалось. Все международные соглашения требовалось утверждать в двух парламентах и у двух министров, тарифная политика определялась каждые десять лет совместным собранием двух администраций.

Формально в подписанном соглашении было заявлено, что все национальности в империи имеют равные права, и обладают неотчуждаемым правом на использование своего языка. По настоянию императора Венгрия заключила с Хорватией аналогичный договор о разделении полномочий. В Чехии реформа послужила к радикализации и после договора значительно громче стали звучать требования независимости, в 1870-х гг. империя перенесла весьма серьезный кризис, когда снова обсуждался вопрос о новом статусе для Богемии, и аналогичные требования выдвинули многие другие области империи.

Подписание такого соглашения ставит Австро-Венгерскую империю особняком, ее случай в истории строительства империй уникален, некоторые аналогии можно провести разве что с разделением Римской империи на Восточную и Западную, но в том случае отсутствовало единое руководство обеими частями.

И на этот раз обсуждался вопрос о даровании славянам в составе империи собственной административной единицы. Но дело осложнялось не только отрицательным отношением к такому решению венгерской элиты, но и территориальным аспектом расселения славян, поскольку они обитали на севере и юге империи, будучи разделены массивами венгерского и германского населения, что затрудняло любые попытки создать для них единую автономию.

Изначально предполагалось, что этническим меньшинствам будут сделаны уступки, так, в Хорватии создан свой парламент, остальным группам были формально предоставлены только право обучения, ведение судопроизводства, и отправление церковных обрядов на родном языке. Однако в области реализации этих прав на практике постоянно возникали проблемы и трения, особенно в последней четверти XIX века. Румыны Трансильвании еще и в 1917 г., 50 лет спустя принятия Венгрией на себя обязательств в их отношении, все еще вынужден были подавать петиции с требованиями приступить наконец к претворению их в жизнь.

Борьба венгров за свои права как суверенной нации, часто входила в противоречие с чаяниями народов, оказавшихся в империи. Парадоксально, что борясь с давлением Габсбургов в попытках сохранить свою национальную самобытность, язык и социальную структуру, Венгрия при этом жестко подавляла такие же попытки у подчиненных народов, выступая разом и как угнетаемый, и как подавитель. Произошло в период после заключения соглашения о трансформации монархии качественное изменение ситуации – раньше борьба шла за административную самостоятельность и по религиозным вопросам.

Империя в новом качестве была довольно сложным в управлении организмом, и, например, если в Австрии к Первой мировой уже действовало всеобщее избирательное право, то в Венгрии только с большим трудом удалось добиться хоть какого-то его расширения, после чего голосовать стало возможным не 6% населения, а 10%. Бюджет министерства обороны венгерский парламент мог, например, одобрить только при условии, что военные заказы будут размещаться на венгерских заводах. В экономическом плане Австро-Венгрия оставалась державой, сильно склонной к экономической автаркии, и поскольку у нее традиционно недоставало статей экспорта, пользовавшегося спросом на мировом рынке, то постоянно ограничивался импорт и действовали протекционистские тарифы, попытки вторгнуться на свой рынок империя резко пресекала, как это наглядно было показано торговой войной с Сербией, пытавшейся завоевать рынок для своей свинины. 87% экспорта и 85% импорта венгерских владений короны приходилось на области в другой части империи. Развитие экономики осложнялось крупными проблемами в области логистики: чтобы, скажем, доставить груз или воинские части из Австрии в Италию, требовалось либо переправлять их через Альпы, либо по железной дороге до Триеста и далее морем, а чтобы доставить груз из Сараево в Вену требовалось привезти его по железной дороге на побережье, оттуда морем в

Триест, далее по железной дороге. Развитие империи было весьма неравномерным – в то же время, как в Вене строились роскошные здания на Рингштрассе, в Праге возводились дома аристократии и громадные общественные здания, а в Будапеште застраивался элитой с привлечением лучших архитекторов Европы главный бульвар (ныне улица Андраши), призванные показать миру богатство и могущество империи, даже и в одном дне пути всадника от Вены, Праги и Будапешта, где были сконцентрированы промышленность и капиталы, крестьяне едва сводили концы с концами, страдая от эпидемий и голода.

В борьбе различных групп в политическом поле возникали самые разные комбинации – германофонные консерваторы долгое время действовали в известном как «железное кольцо» союзе с чешскими депутатами, несмотря на видное противоречие их платформ, исключительно ради борьбы с германофонными либералами. А в венгерской части империи действовал «Конгресс невенгерских народов», объединение политических групп разных этносов, не связанных ничем больше, кроме желания добиться уступок от венгерской центральной администрации. В 1896 г. эта группа выступила, вызвав большой резонанс, в канун празднования 1000-летия основания венгерского государства, с протестами против притеснения этнических меньшинств. На местах велась борьба между различными группами политической элиты, как между старочехами и младочехами, и в отношении необходимости находить модель существования в составе империи, и по вопросам, имеющим локальное значение. А «Хорватско-сербская коалиция», основанная в 1905 г., противостояла хорватским радикалам и пользовалась за это поддержкой венгров, которые обычно выступали против всяких национальных групп.

Проблемы на местах постоянно служили источником нестабильности в политической жизни: один из министров-президентов Австрии вынужден был подать в отставку из-за споров, словенский или немецкий должен быть языком обучения в одной из школ Штирии, другой из-за перешедшего в беспорядки спора о том, немецким или чешским пользоваться в Богемии как официальным, причем решение ввести двуязычие и предписать всем чиновникам выучить оба языка, выглядящее вполне взвешенным и разумным, не удовлетворило ни одну из сторон. Не следует удивляться, что в таких сложных условиях с 1867 по 1918 гг., т.е. всего за полвека, на первом после императора посту в государстве сменилось 30 человек (за 50 лет до венгерской революции всего пять). Естественно, при постоянной смене кадров во главе исполнительной власти сложно говорить о проведении последовательной политики в каком-либо направлении.

На этом этапе предпринимались Веной попытки так или иначе способствовать выработке общей идентичности жителей империи, ведь до самого конца так и не появилось сколь-нибудь значимой группы населения, которая считала бы себя в первую очередь «австро-венграми». групп, и прилагались усилия с целью ослабить национализм путем обеспечения экономического процветания. В целом попытки проводить такую политику были непоследовательными и в условиях политической нестабильности и в отсутствие политической воли реализовать такой проект результата не принесли. Образование, например, сделано всеобщим и бесплатным, что увеличивало его охват населения и роль в обществе, но все полномочия по организации учебного процесса делегированы на места – таким образом, использовать и этот канал для создания единой идентичности населения империи не представлялось возможным. Общая политика в направлении создания единой идентичности сводилась к попыткам сделать связующим звеном верность династии, в надежде противопоставить ее национализму различных этнических, но так и не удалось добиться зримых результатов на длительное время.

Как показало время, империя так и не преуспела ни создать общую

идентичность своих подданных, ни решить национальный вопрос.

Период после заключения соглашения 1867 г. ознаменован был и ослаблением позиций церкви, после провозглашения церковью концепции непогрешимости пап империя разорвала конкордат. Несмотря на значительное превалирование католиков в структуре населения, попытки строить национальную идентичность на базисе религии так и не были всерьез предприняты.

Довольно сложным оставалось положение Австро-Венгрии в международной политике. Последняя четверть XIX века была ознаменована активностью европейских держав в деле приобретения заморских колоний. Австро-Венгрия так и не приняла участие в колониальных захватах, и не претендовала всерьез на территории вне Европы, но извлекала политическую выгоду из оказания поддержки колониальным претензиям тех или иных держав. Лишь несколько раз ее представители оказывались на видном месте в делах за пределами Старого Света, и наиболее яркие эпизоды имели место в 1870-х гг. В 1870-х гг. австро-венгерская экспедиция, искавшая к северу от Шпицбергена и Новой Земли «северо-восточный проход», в соответствии с бытовавшими теориями свободного от льда полярного моря, нанесла имя императора Австро-Венгрии на карту мира. Корабль экспедиции затерло во льдах, и он дрейфовал, пока не натолкнулся на цепь островов – как оказалось, это самый северный массив земли, самый близкий к полюсу, которой исследователи дали имя Франца-Иосифа. Экспедиция едва не кончилась катастрофой, ее участники выбрались пешком к линии паковых льдов и далее на лодках пытались добраться до континента, русское судно их подобрало и доставило в Скандинавию. Определенный престиж империи открытие островов принесло, но до успехов даже относительно поздно включившейся в колониальную гонку Германии Австро-Венгрии было далеко. По существу, единственный в эти годы эпизод, когда представители империи пробовали закрепить за ней заморские территории, имел место в Юго-Восточной Азии, в 1880-е гг. австро-венгерский консул в Гонконге принял деятельное участие в политической жизни острова Борне, в северной части которого выкупил было права на освоение части нынешнего малайзийского штата Сабах, но никаких последствий эта акция не имела, а сами права были перепроданы группе инвесторов, в основном англичан.

До некоторой степени, участием Австро-Венгрии в создании мировой колониальной системы можно назвать союз представителя династии Габсбургов и французских колониальных амбиций, приведший к авантюрной экспедиции в Мексику. Младший брат императора Максимилиан, ранее вице-король Ломбардии и Венеции, был приглашен французами возглавить их интервенцию в Мексике, и сделан там королем. Все предприятие Франции стало возможным только в связи с крупными внутриполитическими проблемами в США, потерявших из-за гражданской войны возможность осуществлять эффективное влияние на политику европейских стран в регионе. После окончания войны Франция была довольно быстро принуждена покинуть Мексику, а сам Максимилиан попал в руки местных революционеров и был расстрелян в 1867 г.

Скорее в область курьезов следует отнести интересный факт влияния Австро-Венгрии на жизнь обитателей Ближнего Востока – талер Марии Терезии, большая серебряная монета, зажила своей, отдельной от своей родины, жизнью, став главным платежным средством в регионе. Что интересно, вне зависимости от года реального выпуска на ней арабы копировали ее целиком, вследствие чего даже на монетах, выпущенных уже в 1960-е гг. на территории современного Йемена, годом выпуска был указан 1780-й. Валюта Эфиопии еще долгое время, хоть и носила другое название, изготавливалась в точности по образцу талеров Марии-Терезии, весом и составом.

В этот же период началась большая армейская реформа, Австро-Венгрия

традиционно производила впечатление сильно милитаризованного государства, аристократия начиная с императоров вообще в гражданской одежде появлялись очень редко, но талантливыми командирами и хорошими офицерами армия не была богата. С 1868 г. введен призыв на воинскую службу, и эта мера дополнена обучением офицерства, модернизацией вооружения, освоением новых тактических приемов. К началу Первой мировой войны 6% национального дохода тратили на вооружение – в процентном отношении как гигантская Россия, и хотя армия империи в ходе конфликта не выглядела грозно, но в состоянии все же была вести войну на два фронта, чего не смогла сделать в ходе конфликтов первой половины правления Франца Иосифа, и даже на три.

В 1870-х гг. ьавстрийская внешняя политика была особенно активна на Балканах, уже тогда в министерстве иностранных дел империи выдвигались идеи аннексировать Боснию, что позволило бы укрепить позиции на Адриатике, и через нее продолжать экспансию на юг, вплоть до Салоник. По секретному соглашению с Россией, ввязавшейся в войну с Турцией, Австро-Венгрия за нейтралитет должна была получить Боснию, и в отличие от России, войну практически в одиночку и выигравшей, но ограничившейся по настоянию других великих держав очень незначительными приобретениями, дуальная империя получила и контроль за Боснией, пусть и остававшейся формально под сюзеренитетом Османской империи, и значительное влияние в Санджаке. Странное положение дел в Боснии было закреплено на том основании, что Османская империя не в состоянии осуществлять эффективное поддержание порядка в регионе, и без особой огласки великие державы обещали Австрии поддержку ее желания владеть Боснией не только де факто. В 1879 г. Австрия и Германия подписали “двойственный альянс”, обязавшись выступать в защиту друг друга, в 1882 г. к их союзу присоединилась Италия, в надежде обрести в противовес Франции, незадолго до того помешавшей итальянцам поставить под свой контроль территорию современного Туниса, так альянс стал “тройственным”, сохранившись до Первой мировой войны, хотя и показал себя не очень прочным; Сербия и Румыния позднее присоединились к союзу, причем первая свое присоединение держала в тайне десять лет, а последняя предпочла сделать достигнутое соглашение секретным, и королевская династия предпочла держать сведения о присоединении в тайне, единственный экземпляр договора румынский король держал под замком.

В Сербии к тому времени правила австрофильская династия Обреновичей, но ситуация значительно изменилась после государственного переворота 1903 г., когда к власти пришла династия Карагеоргиевичей, которой приписать проавстрийские симпатии было бы затруднительно, а в 1908 г. именно на Балканах, имели место события, являющиеся непосредственным прологом к будущей Первой мировой войне, и в которых потом большую роль сыграла именно Сербия.

1908-й год был ознаменован приходом к власти в Стамбуле «младотурков», группы энергичных сторонников реформ, настроенных на решительное укрепление позиций Порты и во внутренней и во внешней политике, и в первую очередь на Балканах – среди других задач, в т.ч. осуществлять эффективное поддержание порядка. Россия, потерпев поражение от Японии, явно имела намерение осуществлять экспансию на юго-восток, и австрийский министр иностранных дел в устном порядке условился с российским коллегой, что Россия не станет возражать против аннексии Боснии, а в обмен австрийская дипломатия одобрит проект свободы транзита военных кораблей через Босфор. Австрия при поддержке Германии пренебрегла своими обязательствами по второму вопросу, и аннексировала Боснию, согласившись выплатить администрации младотурков финансовую компенсацию. Австрийская дипломатия законно посчитала аннексию Боснии своим крупным успехом, хотя в среднесрочной перспективе этот успех

обернулся множеством проблем. Во-первых, со вхождением в империю Боснии в Австро-Венгрии еще увеличился процент славянского населения, во-вторых, осложнился конфессиональный вопрос, поскольку немалая часть жителей присоединенных земель была мусульманами, в-третьих, произошло окончательное отчуждение России и союза Австро-Венгрии с Германией. Наконец, в-четвертых, политика империи в Боснии повела к прямому антагонизму с Сербией, вплоть до приготовлений к войне с ней, и как раз в качестве реакции на австрийскую политику возникла организация, осуществившая сараевское убийство, повлекшее Первую мировую войну. Два первых обстоятельства негативно повлияли на внутриполитическую стабильность империи, а два последних не лучшим образом отразились на ее внешнеполитическом положении. Отношения с Сербией еще ухудшились из-за позиции Австрии по другим вопросам балканской политики, неизменно их точки зрения не совпадали, интересы Австрии требовали добиваться ослабления государств на своем южном порубежье, продвигаться на юг или по крайней мере выступать как арбитр и господствующая сила в местных геополитических условиях. Сербия, проводившая активную экспансию и агрессивно пропагандировавшая панславистские идеалы, представлялась Вене чрезвычайно опасной, обе стороны вели подготовку к возможному конфликту. Именно для инспекции, как эта подготовка проходит, и прибыл в Сараево наследник престола эрцгерцог Франц Фердинанд.

Императору Францу Иосифу в 1910 г. исполнилось 80 лет, и на престоле он пребывал уже свыше 60 лет (наследник престола родился через 10 лет после коронации императора, которому должен был унаследовать), поэтому остроту приобретал вопрос не только о том, кто станет наследником, но и какими талантами обладают потенциальные кандидаты, каковы их политические воззрения. Старший сын императора Рудольф, склонный, как утверждается, к идеалам либерализма и много конфликтовавший с истеблишментом империи, и по поводу внешней и по поводу внутренней политики и по вопросам общей стратегии развития государства, совершил самоубийство. Наследником был сделан младший брат Франца Иосифа, а с его смертью его старший сын, Франц Фердинанд. Наследник престола, носивший титул эрцгерцог, слыл человеком не склонным к переговорам, «предпочитал компромиссам указы, подкрепленные угрозой применения силы», поддерживал преобразование монархии из дуалистической в триединую в основном, как полагают авторитетные исследователи, с целью ослабить позиции венгров и обеспечить лучший контроль за управлением. Сам он писал в официальной переписке что венграм доверять нельзя и все беды монархии от вольностей, им предоставленных, его в Венгрии за это очень не любили, считая реакционером (эту точку зрения переняли многие специалисты по истории Австро-Венгрии), и если в Цислейтании цензурой его запрещено было критиковать, а во второй части империи правила были не такими строгими, и пресса так деятельно выступала с нападками на его персону, что создавалось впечатление полной нелояльности Венгрии, так что после убийства в Сараево даже бытовал слух, что убийство организовали венгры. Можно предположить, что царствование следующего императора было бы отмечено значительными внутриполитическими сложностями.

Так или иначе, в XX век империя вошла самым крупным, исключая Россию, государством континента, к 1914 Австро-Венгрия империя имела площадь 676 тыс. км2 (между крайними точками 1247 километра с запада на восток и 1046 с юга на север), Германская империя, для сравнения, 574 тыс. км2, Франция 536 тыс., Великобритания 317 тыс., хотя по численности населения, составлявшим тогда примерно 51 млн. чел., ее указанные страны опережали, Италия лишь ненамного отставала. Германофоны составляли 25% населения, венгры около 20%, а славян, под которыми подразумевали и чехов, и словенцев, и хорватов, примерно 45%

Традиционно руководящие позиции в Цислейтании занимала традиционная элита, как правило, германофонная. В империи допускали на верхние этажи богемцев, поляков, венгров, но нечасто и обычно из числа лиц в хороших отношениях с императорами – в 1895 году впервые разом и пост министра-президента, и министерство финансов, и военное оказались в руках негерманцев. В королевстве венгерском все должности замещались представителями титульной национальности, или, по крайней мере, лиц, считавшихся венграми, немало было в экономической и административной элите этнических немцев и евреев, которые после 1860-х сменили национальность. Должности врачей, учителей, адвокатские и судейские замещались в основном венграми, и на местах наблюдалась отчетливая картина экономического ущемления малых народов, составлявших вкупе около половины населения венгерского королевства – но лишь пятую часть населения, относимого в категорию деревенской бедноты. Правосудие было призвано стоять на страже интересов власть имущих и состоятельных граждан, - так, например, за убийство крестьянского лидера, умышленное и призванное сорвать агитацию за аграрную реформу, представителю местной аристократии вообще не было назначено наказания. Наличие огромной массы лишенных политического представительства, позиций в экономике и доступа в элиту славян создавало в перспективе большие проблемы, и потенциально экспансия на юго-восток обещала только ухудшение обстановки, и во внутренней и во внешней политике, но не расширяться территориально или по крайней мере не распространять свое влияние, не лишившись при этом статуса великой державы, Австро-Венгрия не могла. В экономическом плане империя добилась определенных успехов, но отставала по основным показателям от всех великих держав, а от Англии и Франции в 2-3 раза.

Летом 1914 года, в традиционный сербский праздник Видов дан эрцгерцог прибыл в Сараево (то, что прибытие его на военные маневры поблизости от сербской границы было приурочено к такому празднику, многие наблюдатели расценили как обдуманное оскорбление со стороны Австрии) и его кавалькада подверглась атаке со стороны группы заговорщиков сербского происхождения, сторонников панславизма и объединения Боснии с Сербией, некоторые из которых имели связи с вооруженными силами Сербии. Само покушение было организовано дилетантски и окончилось успешно, убийством престолонаследника, только в результате целой цепи счастливых для заговорщиков случайностей. Подтвердить версию, что правящие круги сопредельного государства причастны к организации заговора, так и не удалось, что не помешало австро-венгерской дипломатии на этой версии настаивать и предъявлять требования, исходя из ее верности.

В империи, особенно в венгерской части, было сильно мнение, что спешить с войной не следует, поскольку, во-первых, создавалась угроза масштабного конфликта, с не очень, помимо Германии надежными союзниками, во-вторых, военное поражение Сербии повлекло бы присоединение к империи земель, населенных славянами, и новое, потенциально опасное, изменение баланса сил в государстве, где немцы и венгры вместе уже серьезно уступали бы по численности славянским этносам. Даже и в генеральном штабе выражали сомнения, что развязывание войны – в интересах империи.

Еще Бисмарк, создатель собственно альянса Германии и Австро-Венгрии, выражал опасение, что союз этот может кончиться тем, что Германию втянут в конфликт из-за балканских проблем, спровоцированных союзником, и в Берлине тоже не спешили поддержать союзника из опасения возможных крупномасштабных последствий.

В итоге, однако, Австро-Венгерская и Германская империя были втянуты в военный конфликт, закончившийся их уничтожением. Подданные империи в первые годы войны продемонстрировали удовлетворительный уровень повиновения приказам и

готовность проливать кровь за трон и династию, даже сербы Боснии и Хорватии в боях против сербской армии показали себя неплохо, откровенно пораженческие настроения наблюдались только у чехов. Но уже в первые четыре недели стало ясно, что поставленные было задачи по водворению Австро-Венгрии как доминирующей силы на Балканах не будут выполнены. Подданные Франца Иосифа потеряли убитыми и ранеными 250 тыс. чел., и потерпели неудачу на обоих фронтах, где им пришлось в первый год воевать. Военное снабжение было поставлено скверно, так, например, командующий итальянским фронтом в донесении писал, что поставляемое в войска обмундирование представляет собой иллюстрацию, как выглядит нищета, и указывал, что зимой его солдаты имели в среднем две шинели на троих. Положение Австро-Венгрии на фронтах становилось все более сложным, и к четвертому году войны в дезертирах числился каждый 20-й призванный, а общие потери превысили 1 миллион человек убитыми. В процентном отношении к численности населения Австро-Венгрия понесла даже большие потери, чем Германия. Ухудшалось экономическое положение, подорванное военными действиями, вплоть до того, что хлеб теперь продавали по карточкам, в деревнях широко применялись реквизиции, а родню призванных в армию под угрозой потери пособия мобилизовывали на 12-14-часовой рабочий день на заводах. С помощью Антанты, постепенно стал обостряться национальный вопрос в самой империи, не говоря уже про крепнувшее антивоенное движение, один из представителей которого совершил успешное покушение на министр-президента Австрии. В Польше и на Украине Германия и Австрия охотно шли на уступки местным националистам, особенно ближе к концу войны, когда ситуация становилась совсем отчаянной, но в самой империи делать это было сложнее.

На третий год войны на 86-м году жизни скончался император Франц Иосиф, и на престол взошел 27-летний эрцгерцог Карл I, племянник покойного Франца Фердинанда, Габсбург не только по происхождению, но и по женитьбе: женатый на даме из пармской ветви семьи, которой его бабка приходилась тетей. На него, в отличие от предыдущих официальных наследников престола, Франц Иосиф возлагал большие надежды. Его правление было ознаменовано попытками решительных реформ, хотя сильно затрудненных войной, диктатом из Берлина (так, Карлу не удалось сделать министром-президентом видного сторонника федерализации империи, поскольку тот, как считалось, придерживается симпатий к Франции и Англии) и нежеланием Антанты идти на сепаратный мир. В ходе военных действий обсуждались различные варианты реформ – и союз независимых государств, объединенных только единой короной, и проект созыва конституционных ассамблей для каждой национальной группы, с целью потом суммировать их предложения и воплотить их на практике. Ближе к концу войны была анонсирована реформа государственного устройства, империя преобразовывалась теперь в союз четырех равноправных компонентов, и южным славянам, и чехам теперь выделялись отдельные административные единицы, но к тому времени национальные окраины уже не было возможности удовлетворить подобными уступками.

Министр иностранных дел империи еще в апреле 1917 года извещал императора, что государство, предположительно, не продержится дольше, чем до конца года. Тем не менее и благодаря выходу из войны России, и благодаря удачам на фронтах, Австро-Венгрия просуществовала еще полтора года. Только 16 октября 1918 года, в условиях, когда на всех фронтах наступил полный коллапс, манифестом “К моим верным подданным” Карл прекратил существование империи формально, предложив национальным советам на местах вступить в контакт с Веной для определения дальнейшего статуса, но уже во всех районах империи полным ходом шли дезинтеграционные процессы. 21 октября собрались германские

депутаты имперского рейхсрата в Вене, объявившие себя временным законодательным собранием «Германской Австрии», 28 октября провозгласила независимость Чехословакия, 29 Австрия провозглашена республикой. На следующий день в Венгрии состоялась «хризантемная революция», названная по обыкновению вернувшихся с фронта солдат, ставших основной ударной силой для установления нового порядка, носить хризантемы в петлицах, и Венгрия официально объявила о своей независимости в середине ноября. 11 ноября сам Карл официально отказался от участия в делах государственного управления, предложив самому народу Австрии решить вопрос о дальнейшей судьбе нового государства.

Вместе с тем император не отрекался от престола, формально оставляя за собой право возглавить какую-либо отделившуюся часть империи или престол некоего реформированного общего государства. Это обстоятельство было использовано группой венгерских политиков после завершения на территории Венгрии военных действий Антанты против Советской республики и водворения там администрации, укомплектованной представителями довоенной политической элиты. В соответствии с преобладающей политической практикой того времени (в 1912 году Португалия стала всего лишь третьей республикой на континенте), новый парламент формально закрепил за Венгрией статус монархии, но без короля, до его появления номером первым и главой государства оставался регент, каковым был выбран адмирал австро-венгерского флота Миклош Хорти. Сформировалось, вместе с тем, мощное лобби пригласить на престол Карла, в апреле 1920 года велись переговоры по этому вопросу, после вмешательства стран Антанты, возражавших против такого решения, они были свернуты, но в октябре 1921 не отрекшийся монарх снова прибыл в Венгрию, и гарнизон в первом же городе принес ему присягу, Карл уже приступил к комплектованию совета министров, но после стычки с войсками действовавшего в Венгрии правительства он был арестован и выслан на Мадейру. Бывший император умер через несколько месяцев от воспаления легких. Хотя в итоге до Второй мировой войны новую династию на трон так и не возвели, венгерский парламент официально лишил Габсбургов всех прав на корону. Так завершилась история почти тысячелетнего правления дома Габсбургов в Австрии.

Долгое время династия собирала земли, пользуясь различными способами, но обычно путем кооптации их элиты за счет уступок по различным вопросам, что привело к созданию государства, руководство которого было сильно ограничено в пространстве для маневра из-за широкой самостоятельности элит, на что пришлось пойти представителям дома Габсбургов именно ради мирного присоединения новых и новых территорий. Разнообразие его владений, населенных разными национальными группами, с разной ментальностью, обычаями и традициями, с германофонной элитой и претендующей на широкие права венгерской, одновременно боровшейся с попытками других групп добиться таких же прав, очень серьезно осложняло процессы их консолидации, политического и экономического развития. Традиционно консервативные монархи династии не стремились к созданию единой идентичности своих подданных, и до самого конца так и не было дано ответа, каким видится государство Габсбургов в долгосрочной перспективе, все решения принимались исходя из текущей обстановки, и порой, как в случае с аннексией Боснии, даже и внешняя политика была спланирована близоруко, явная прибыль в конкретный момент оказалась предпочтительнее, хотя в перспективе это решение принесло монархии одни проблемы. Реализованный на практике вариант федерального устройства также снял остроту проблемы отношений Венгрии и Австрии, но только усилил центробежные тенденции, поскольку в созданной системе не были в полной мере учтены интересы всех остальных групп. В общем и целом, следует подытожить, что монархия Габсбургов проявила исключительную живучесть в средневековье, но так и не смогла

приспособиться к изменившимся условиям и своевременно отвечать на вызовы времени.

Литература:

Cornwall M. The Undermining of Austria-Hungary. The Battle for Hearts and Minds. New York: St. Martin Press, 2000; Crankshaw E. The Fall of the House of Habsburg. New York: Viking Press, 1963; Evans R.J.W. Austria, Hungary, and the Habsburgs: Central Europe c.1683-1867. New York: Oxford University Press, 2006; Jelavich B. Modern Austria, Empire and Republic, 1815–1986. Cambridge: Cambridge University Press, 1987; Kann R. History of the Habsburg Empire, 1526–1918. Berkeley: University of California Press, 1974; MacCartney, C.A. The Habsburg Empire, 1790–1918. New York: Macmillan, 1969; Roman, E. Austria-Hungary and The Successor States. New York: Facts on File, 2003; Taylor A.J.P. The Habsburg Monarchy, 1809-1918 : A History of the Austrian Empire and Austria-Hungary. Chicago: Chicago University, 1976; Williamson S. Jr. Austria-Hungary and the Origins of the First World War. New York: St. Martin's Press, 1991.

АВТОКРАТИЯ

Автократия — (греч. αυτός — сам, κράτος — власть), форма политического режима, при которой власть сосредоточена в руках одного человека. Он является *сувереном* и обладает всей полнотой исполнительной, законодательной и судебной власти. При этом другие органы власти носят либо декоративный, либо сугубо исполнительский характер, являются проводниками высшей воли, не более того. При *А*. либо затруднены, либо не работают механизмы передачи власти и ротации руководителей властных органов (последняя также зависит от воли правителя). Таким образом, единственными реальными ограничителями пределов *А*. выступают физические и естественные ограничения (масштабы сил подвластной страны, длительность жизни правителя и т.д.).

А. может вытекать из формы политического строя (монархия), конституционного устройства (нарушение баланса сил при перераспределении полномочий в пользу исполнительной власти при т.н. президентской республике) или быть нелегитимной (различные формы и варианты диктатур и деспотического правления). В последнем случае носитель *А*. может и официально не занимать высших постов в стране, но обладать реальной властью и авторитетом. Возникает «культ личности» диктатора, прославление символа, связываемого с его именем (Отец Нации, Большой Брат, Лучший Друг пионеров и т.д.).

Здесь авторитарные режимы в значительной степени сближаются с тоталитарными. Отличие между ними в том, что *А*., как правило, не стремиться к полному контролю над обществом. Для него достаточна полнота политической власти, а в социуме остаются анклавы, вполне свободные в своем самоопределении, на происходящее в которых режим смотрит сквозь пальцы, если оно не представляет угрозы для его политического господства. При тоталитарном режиме он контролирует абсолютно все сферы жизни общества. Если выражаться афористически, то при тоталитаризме «все, что не запрещено, то обязательно к исполнению».

Носитель *А*. обладает всеми видами власти: властью в форме силы, в форме принуждения, в форме побуждения, в форме убеждения, в форме манипуляции и в форме авторитета. Власть в форме силы предполагает непосредственное насилие в физической форме, а принуждения — угрозу этого насилия, которая не реализуется, но самим фактом *возможности* насилия заставляют подданных поступать в соответствии с волей власти. Форма побуждения предполагает распоряжение

автократором ценностями и услугами, необходимыми для подданных, распоряжение в полном соответствии с собственными желаниями и произволом. Форма убеждения предполагает политическую пропаганду, официальную легитимацию *А*. через пропагандистские акции. С этим сближена форма манипуляции — воздействие автократора на общество путем манипулирования информацией, социальными стереотипами, модой, ценностными ориентирами и т.д. Форма авторитета связана обычно с харизматическими качествами носителя власти.

А., как и любая власть, символична. Наиболее очевидными символами являются знаки власти (инсигнии: корона, специальная одежда, трон и т.д.). Власть всегда выражается в архитектурных символах (дворцы, резиденции, мемориалы и т.д.). С символикой власти также связаны особые социальные и церемониальные сценарии и ритуалы (парады, коронации, присяги и т.д.).

Причины возникновения *А*. лежат в сфере человеческой психологии и исторических особенностей развития социума. Древнейшей формой власти считается традиция, а традиция предполагала подчинение главе рода. Самой ранней формой организации человеческого сообщества в организацию, способную решать социальные, военные и религиозные задачи, было вождество (термин введен в 1955 г. К. Обергом, а общая теория вождества разработана М. Саллинзом и Э. Сервисом). Власть любого вождя уже единолична, ограничена в основном традициями (но это редко имеет институциональное оформление). Из вождества, характерного для потестарных общностей, при образовании государства образуются ранние монархии (в историографии также применяется термин «раннефеодальные монархии»).

А. характерна для ранних средневековых империй (особенно кочевых), построенных на завоевании. Энергичному лидеру, сумевшему добиться военной поддержки сколь-либо значительных сил, не так уж трудно объединить под своей властью окрестные земли, города, кочевые группы (роды и племена). Если он не сталкивается с серьезной политической конкуренцией, его объединение может достичь огромных масштабов. История знает несколько примеров раннесредневековых и средневековых образований имперского типа, стабильность которых зависела исключительно от воли, могущества и удачливости их вождей (империя Александра Македонского, гуннская империя Атиллы, распавшаяся после смерти ее великого вождя, империя Тимура-Тамерлана, упадок которой начался после смерти Тимура в 1405 г. и т.д.).

Империи средневековья и нового времени имели монархическую форму правления. Монархия — это всегда *А*. (в Российской империи ей соответствовал очень точный термин «самодержавие»). Монарх выступал сувереном в равной мере для метрополии, колоний и провинций империи. Его персона, равно как и связанные с *А*. институты, были гарантом целостности и единства империи. Недаром распад крупнейших европейских континентальных империй в 1917-1918 гг. (Германской, Австро-Венгерской и Российской) сопровождался крушением в них монархий и падением династий.

Однако *А*. монарха проявлялась не только в его правовом и политическом статусе в империи. Со времен Платона признаком носителей власти считалось обладание эксклюзивным знанием. В системе метрополия — колония представители имперской власти, как правило, обладают более высокоразвитыми знаниями и умениями, чем аборигены. Чем выше статус носителя власти, тем более высоким и уникальным считается его знание. Наконец, при *А*. вождь, монарх, диктатор, фюрер считается носителем высшей мудрости, высшего знания, причастным в высшим тайнам.

С последним обстоятельством связаны еще некоторые атрибутивные стороны *А*. Автократор имеет особые отношения с прошлым, с историей (от династических генеалогий монархических *А*. до сознательного переписывания

истории диктаторами XX в.). Редкая *А*. не стоит на пролитой вождем / диктатором / фюрером крови. Этот акт насилия, кровопролития во многом способствует перерастанию власти в *А*. и часто служит для ее легитимации. Наконец, для психологического восприятия автократора типично приписывание ему сверхестественных и даже девиантных поведенческих черт. Как правило, эта мифология далека от реальности, но ее наличие характерно для историй *А*. разных эпох и народов.

При отмирании монархии и ее замене республиканскими формами правления всегда существует риск образования диктатуры, что и доказал XX век с его тоталитарными режимами, феноменами нацистского «фюрера» в фашистской Германии и большевистского «Вождя народов» в СССР. Психологические корни авторитарных режимов изучались после Второй мировой войны представителями т.н. франфуртской школы (Т. Адорно и др.). Под *А*. ее сторонники понимали наличие политического монополизма, существование в стране единственной или господствующей партии, отсутствие оппозиции, ограничение или же подавление политических свобод в обществе. *А*. соответствует особый тип личности: склонный к консерватизму, уважающий силу, имеющий тягу к выстраиванию социальной иерархии. Это личность с косным, стереотипным мышлением, стадным чувством, преисполненная враждебности и агрессивности, ксенофобии, тревожности и недоверия к окружающему миру. Это личность, преисполненная различных немотивированных фобий и фрустраций, остро нуждающаяся в компенсаторных механизмах (враге, который бы оправдал неудачи недостатки, и вожде, который бы помог и направил на путь истинный).

Литература:

Clive Th. The rise of the authoritarian state in peripheral societies. New York; London, 1984; Authoritarian regimes in transition: Afghanistan, Argentina, Brazil, El Salvador, Ethiopia, Haiti, Iran, Nicaragua, Philippines, Portugal, Spain / Ed. by Binnendijk H. et al. Washington, 1987; Decalo S. Psychoses of power: Africa personal dictatorships. Boulder; London, 1989; Mansilla H. La herencia ibero-catolica y la persistencia del autoritarismo en America Latina // Sistema. Madrid, 1989. Nr. 89. P. 65-99; Авторитаризм и демократия в "третьем мире": (Сб. ст.). М., 1991; Henderson L. Authoritarianism and the rule of law // Indiana law journal. Bloomington, 1991. Vol. 66. No. 2. P. 379-456; Федоров В. А. Эволюция авторитарных режимов на Востоке. М., 1992; Адорно Т., Сэнфорд Р., Френкель-Брюпсвик Э., Левипсон Д. Исследование авторитарной личности. М., 2001; Totalitarian and authoritarian regimes in Europe : legacies and lessons from the twentieth century / Ed. by Jerzy W. Borejsza a. Klaus Ziemer. New York, 2006.

АПАРТЕИД

Апартеид (африкаанс *apartheid* – апартхейд – раздельное проживание) – в узком историческом значении – политика расовой сегрегации в ЮАС/ЮАР и Намибии, проводимая белым меньшинством по отношению к африканским народам и другим этническим группам неевропейского или смешанного происхождения. В широком смысле под апартеидом подразумевают крайнюю форму расовой дискриминации, выражающейся в лишении какой-либо группы населения страны политических, социально-экономических и гражданских прав и свобод. Также в юридическом смысле под апартеидом понимают международное преступление, направленное против человечества. В настоящее время, несмотря на падение

режима апартеида в ЮАР, в СМИ периодически возникают обвинения в апартеиде таких стран как Израиль, Бразилия, Китай, Куба, Франция, Саудовская Аравия и др.

Истоки доктрины апартеида берут начала с момента основания Капской колонии голландцами в середине XVII в. и связываются с особым путём формирования буров как нации. Буры, или африканеры, представляли переселенческий этнос, чей способ хозяйствования был направлен на прямое освоение колонизируемых территорий своим трудом. При этом захват земель сопровождался внеэкономическим принуждением местного населения, в результате чего образовались классы управляющих и подчинённых, разделённых расовой границей «мы – они». Сложившийся социальный тип отношений стал устойчивой базой национальных традиций и культуры воспитания национального самосознания буров. С XVIII в. бурско-африканерский этнос стал обособленным от Голландии и европейской цивилизации, всё больше превращаясь в самостоятельную нацию. К этому периоду уже появляются первые проявления тех явлений, которые в будущем обозначат как апартеид. Например, в 1685 г. специальным указом были запрещены смешанные браки между белыми и африканцами. Некоторые исследователи заявляют о появлении со второй половины XVIII в. в бурском обществе феномена границы – «фронтира», в чём-то сходного с ситуацией освоения Дикого Запада в Америке и противостояния с индейцами, в ходе чего вырабатывался особый кодекс взаимоотношений с туземцами. Показательно, что колониальные конкуренты буров – англичане – наоборот, осваивая Южную Африку ощущали себя частью уже сформировавшейся английской нации, которой не были чужды черты космополитизма. Отличались англичане от буров и тем, что социальную опору искали в городах, где национальная идентичность выражалась слабее, в то время как бурский этнос представлял агарную нацию.

После присоединения Капской колонии к Великобритании по итогам Наполеоновских войн, активно проводившаяся новыми властями политика «англизации» была встречена бурским населением как нарушение своих прав. А с введением новых языковых законов в первой половине XIX в. усилилось вытеснение голландского языка. После отмены рабства английская колонизация нарушила сложившуюся патриархальную систему, ответом на что стал «Великий трек» или «Великое переселение буров», придавшее ещё больше смысла бурскому национализму. Образовав независимые от Великобритании республики Трансвааль и Оранжевую, буры создали в них свою систему политического управления, по которой африканское большинство было лишено всех прав, в то время как широкие политические и гражданские свободы предоставлялись лишь белым жителям. Таким образом, бурские лидеры стремились к социально-политическому ограждению каждой этнической группы, выдвигая в качестве главного критерия положения в обществе его расово-этническую принадлежность. Новый импульс проявлениям апартеида дали золотая и алмазная лихорадки в Южной Африке. Уже тогда были сегрегированны места для проживания, чётко обозначилась расовая граница. Появляются и обсуждаются идеи о создании «идеального государства», где политическая и экономическая власть будет принадлежать белым, а чёрные будут выполнять привычную для них роль дешёвой рабочей силы. В начале XX в. бурские идеологи определяли африканцев как нации без закона. И хотя в религиозной доктрине, к которой всегда обращались буры, речь о расовой сегрегации открыто не шла, в ней всё же говорилось о необходимости «держать африканские народы в вечном подчинении их белых хозяев». В деле идеологического обоснования африканерского национализма важно отметить теолога, поэта и пастора Реформаторской церкви Южной Африки Якоба дю Тойта (Тотиуса), редактора первой газеты на языке африкаанс «Ди Патриот» и автора книги «История нашей страны на языке нашего народа» (1877). Однако тогда мечта буров сбыться не

смогла: помешали трения с английским империализмом, приведшие к вооружённому конфликту.

Разразившаяся Англо-бурская война сильно повлияла на самосознание буров. Из неё они вышли «жаждущим сплочения народом», африканерами. Старая идея об идеальном «белом государстве» вновь была взята на вооружение. В силу конъюнктурных причин англичане не стремились полностью подавить буров и вскоре после войны восстановили их политические и гражданские права. Африканеров приравняли к англоговорящим жителям колоний (с 1910 г. – доминиона Южно-Африканский союз – ЮАС), что предопределило возможность перехода политической власти в руки буров, численно превосходивших англичан. Это решение способствовало появлению общенациональных бурских партий и групп. Важнейшими из них стали две организации: сформированная в 1914 г. Националистическая партия (НП; в прямом переводе с африкаанс партия называется «национальной», однако в отечественной историографии прижился термин с отрицательным подтекстом) и образованная в 1918 г. организация «Молодая Южная Африка» (впоследствии «Африканер Брудербонд» – «Африканерский союз братьев» – АБ), ратовавшая за пропаганду языка африкаанс и бурских традиций и культуры. В это время продолжалась идеологическая пропаганда национальной исключительности и богоизбранности буров. Лидер НП Герцог считал, что в условиях непримиримости сторон, сложившейся после англо-бурской войны, лучшим выходом из положения была бы политика двух культурных потоков – африканеров и англоговорящих белых. Однако уже тогда звучала программа тотальной сегрегации африканцев. По мнению Герцога жизнь африканеров должна развиваться на основании христианского национализма, что означало господство белого населения над цветными и черными в духе «христианской опеки», и строжайшее запрещение всяких попыток расового смешения. Таким образом, теоретически подразумевая свою обособленность от всех наций и расовых групп, в практическом плане африканеры стремились «защититься» прежде всего от находившегося внизу социальной иерархии чернокожего населения.

В историографии до сих пор идут споры, когда точно появился термин «апартеид» как синоним расовой сегрегации, но в целом исследователи сходятся, что он устоялся в середине 1930-х гг., несмотря на его первое упоминание ещё в 1917 г. Яном Смэтсом, будущим премьер-министром доминиона. Трансформация апартеида из расплывчатой концепции в практическую программу произошла в 1945 г. благодаря книге профессора социологии университета Претории Гроенвальда Кронье «Дом для потомства». В ней автор выступил за систему полного разделения проживавших расово-этнических и национальных групп в стране исходя из того, что африканеры исполняют «волю бога». Многие из идей профессора впоследствии стали составной частью политики апартеида. Кроме деятельности интеллектуалов, дальнейшее развитие теория расовой сегрегации получила в конце 1930-х гг. и в 1940-е гг. на целой серии организованных при содействии АБ «Народных конгрессов». Определённую роль в идейном генезисе апартеида оказали связи африканерских националистов с нацистами и фашистами. В этих доктринах африканеров привлекли, прежде всего, идеи исключительности своей нации, а также антибританские и антибольшевистские мотивы. Однако члены африканерских организаций прекрасно понимали, что их главной задачей должно стать достижение власти.

Определяющей для судеб апартеида оказалась предвыборная кампания в парламент страны в 1947-1948 гг. Тогда идеям сегрегации был придан политический смыл, а НП объединила свои программные требования исходя из своих принципов отношения к неевропейскому населению. Признав расовую рознь

естественным состоянием человеческого общества, авторы теории апартеида предложили для установления мира между расами разделить страну на зоны обособленного поселения для людей различных рас. Так был воссоздан принцип государственного развития, применённый Трансваалем в конце XIX в. При этом выделение национальных территорий для африканских племён должно было сопровождаться усилением дискриминации тех чёрнокожих граждан, которые проживали на территориях, занятых белыми. Приверженцы апартеида считали, что он не являлся простой формой дискриминации, а представлял нечто большее – целостную систему, регулирующую связи между различными расами. При этом изначально подразумевался определённый максимализм, когда общество делилось на привилегированную белую прослойку (в борьбе с местным населением потомки англичан считались естественными союзниками) и всё остальное небелое население. Интересы промежуточных групп, например, цветных, игнорировались, при том, что в течение долгого времени они ориентировались на белое сообщество. Несмотря на это, с победы НП в мае 1948 г. принципы апартеида стали претворяться в жизнь.

Западные исследователи выделяют три фазы его развития. Первый этап с 1948 до 1959 г. характеризовался введением расистского законодательства в стране. Второй период, продолжавшийся до 1970-х гг. стал эпохой расцвета и высшей точкой апартеида и африканерского национализма. Последний этап, завершившийся приходом к власти Нельсона Манделы в 1994 г., оказался временем непрекращающихся сдвигов системы по причине её кризиса. Как система апартеид постоянно трансформировался, что, безусловно, являлось доказательством его несоответствия потребностям развития южноафриканского общества. Несмотря на победу африканерского национализма, в экономике африканеры вынуждены были вести борьбу против англоговорящей общины, которая контролировала три четверти южноафриканской экономики и чьи интересы противоречили крайним проявлениям апартеида. В результате сложилась любопытная дихотомия: в то время как экономика страны находилась в основном руках англоговорящей части населения, политика контролировались африканерами. Впрочем, учёт интересов англоговорящего сообщества как части белой элиты страны вместе с благоприятной экономической конъюнктурой и прагматизмом выходцев из Англии позволил на время примирить их с политикой НП. Принципиально важно подчеркнуть, что победа режима апартеида являлась, прежде всего, победой африканерского национализма. Именно поэтому многие современники апартеида считали маловероятным, что белые в ЮАС (С 1961 г. – Южно-Африканская республика – ЮАР) добровольно откажутся от апартеида. Для них это будет означать превращение в меньшинство и утрату в значительной степени своих экономических позиций.

По проявлениям дискриминации у западных исследователей сложилась традиция разделять апартеид на два типа, а именно: выделяют «маленький» апартеид, выражающийся прежде всего в расовой сегрегации в повседневной жизни, а также «большой» апартеид, который затрагивает земельные отношения и политические права. Учитывая, что «маленький» апартеид находился постоянно на виду, его проявления были наиболее доступны для осуждения мирового общественного мнения. В его рамках было введено раздельное обучение и медицинская помощь, разделен транспорт, общественные и равлекательные учреждения (включая пляжи), церкви, запрещены смешанные браки. В то же время именно система «большого» апартеида таила в себе основные угрозы. Расовое деление на группы (белые; банту – туземцы; азиаты – индийцы; цветные – смешанные расы) было опасно не само по себе, а именно в контексте связанного с ним перераспределения земельного фонда и лишения политических прав небелого населения. Хотя африканцы составляли 70% населения, для проживания им было

выделено лишь 13% не самой лучшей территории. При этом власти произвольно разделили чернокожих на этнические группы-нации, каждой из которых выделили свою зону – бандустан – территорию компактного проживания коренных черных южноафриканцев, по сути – резервацию. Правительством ЮАР было создало 10 бантустанов на территории ЮАР и столько же в Намибии, находившейся под управлением ЮАР. С начала 1970-х гг. процесс бандустанизации принял форсированный характер.

Конечная цель, которую преследовали расисты, заключалась в постепенном переводе всех бандустанов на рельсы независимости, автоматически должно было снять вопрос о гражданстве ЮАР для африканцев, если те станут гражданами «независимых» бандустанов. В качестве других целей предполагалось остановить процесс национальной консолидации африканцев; возродить трибализм; расколоть национально-освободительное движение; создать коррумпированную верхушечную прослойку, зависевшую от белых, и видимость решения расовых проблем для обмана международного общественного мнения. В экономике расисты хотели увековечить бесконтрольную эксплуатацию африканской рабочей силы. В силу своей экономической несостоятельности идея бандустанизации оказалась порочной в зародыше.

Важны и внешнеполитические аспекты апартеида, чьё появление и развитие совпало с деколонизацией Африки. Бесправные колонии становились независимыми государствами, и в умах африканерской элиты возник устойчивый страх за будущее своего благополучия. Именно поэтому режим апартеида стал крайне консервативной силой на внешнеполитической арене африканской политики, а внутренняя стабильность связывалась с внешней. Внутренние расовые и социально-политические проблемы, которые руководство страны не могло решить, объяснялись «коммунистической угрозой» и «вмешательством извне». Выдвигался аргумент, что стоит устранить «внешнюю угрозу», как внутренние проблемы разрешатся. На этом основывалась политика ЮАР в отношении соседних государств. Расчёт делается на формирование под эгидой ЮАР на юге континента политического и экономического блока государств и установление неоколониалистского господства ЮАР в регионе с целью подрыва и ослабление антирасистского фронта в Африке. Считается, что это распространит практику апартеида на другие страны. Неслучайно, принципы апартеида были распространены и в Намибии, оккупированной ЮАР стране, где десятая часть населения (белые) оказались в привилегированном положении. Лежащая в основе политики апартеида концепция «раздельного развития» расовых и этнических групп по рекомендации Претории активно использовалась и гватемальским режимом против индейского населения. В свою очередь политика апартеида вызывала резкую критику мирового сообщества. Решением «Международной конвенции о пресечении преступления апартеида и наказании за него», принятой Генеральной Ассамблеей ООН 30 ноября 1973 г., политика апартеида была признана преступлением против человечности. Режим Претории подвергся международным санкциям и оказался фактически в полной изоляции, хотя западные страны были заинтересованы в торгово-экономических связях с ЮАР в силу наличия в ней огромных минеральных ресурсов.

Начало реформирования апартеида связывается с деятельностью Питера Боты, давшего имя целой эпохе. Этот политик, став в 1978 г. премьер-министром, провёл в 1984 г. конституционную реформу, по итогам которой был избран Президентом ЮАР и сохранял этот пост до 1989 г. Бота одним из первых понял, что режим «чистого апартеида» устарел; отсюда вытекал знаменитый лозунг Боты – «Приспособиться или погибнуть». Причинами реформ считались усиление антирасистской борьбы, давление крупного капитала и сложное положение в

экономике. Однако стоит подчеркнуть, что изменения затронули лишь «малый апартеид», то есть внешние проявления политики режима. Поэтому, по мнению многих современников, либералы, как было принято называть в ЮАР сторонников «реформистского» курса Боты, мало чем отличаются от ультраправых расистов. Фактически целью южноафриканского режима было не проведение реформ для построения многорасового общества, а модернизация и совершенствование апартеида, придание ему респектабельности. Реформы Боты не дали небелому населению самого главного – инструментов политической власти. Но, несмотря на ограниченность реформ Боты, его деятельность дала мощный толчок изменению сознания белой общины ЮАР. Активизировались критики режима, что привело к расколу в самом африканерском движении, в котором выделились демократы и появились сторонники старого апартеида в лице консервативного крыла НП, отколовшегося в ультраправую Консервативную партию (КП) во главе с Андриесом Треурнихтом.

Несостоятельность режима апартеида проявилась прежде всего в экономической сфере, где его изъяны стали очевидными уже в 60-е гг. из-за создания преград на пути интенсивного экономического развития. Это вызвало недовольство большинства представителей крупного капитала. После относительно благоприятной конъюнктуры 1960-1970-х гг., в 1980-х гг. экономика ЮАР переживала упадок. Эксперты предсказывали продолжение стагнации в случае сохранения режима апартеида из-за его высоких издержек. Неудивительно, что белые бизнесмены связанные международными связями, считали необходимым пойти на значительные уступки освободительному движению до того, как цена апартеида для экономики станет слишком высокой. Это касалось прежде всего снятия «цветного барьера» в экономической сфере, что принесло и политические бонусы.

Курс правительства на всё большее вовлечение африканцев в экономику оказался успешным и сместил акценты в их борьбе на экономические требования. Это обозначило наличие разрыва в умонастроениях значительной части чёрного населения в целом и относительно немногочисленной группы активных борцов с апартеидом. Долгое время конфликт в Южной Африке представлялся столкновением двух монолитных структур: белого правящего меньшинства и угнетённого африканского большинства. Но во второй половине 1980-х гг. противостояние этих двух полюсов стало размываться через снижение взаимного недоверия. В результате с осознанием большинством белого населения невозможности решения расового конфликта традиционными методами на рубеже 1980-1990-х гг. оно оказалась психологически готовым к отказу от политики апартеида и к началу диалога с национально-освободительным движением.

Крушение апартеида связывается с Фредериком де Клерком, сменившем в 1989 г. заболевшего Питера Боту. Де Клерк, которого впоследствии окрестили «южно-африканским Горбачевым», выдвинул пятилетний план демонтажа системы апартеида и тут же начал проводить её в жизнь. При нём отменили главные расистские законы – о расселении по группам и о регистрации населения; был снял запрет на деятельность АНК и освобожден из заключения Нельсон Мандела, что восторженно воспринималось в стране и в мире. Каждый новый шаг всё больше расшатывал старую систему и после того как в 1994 г. в Южной Африке состоялись первые общенациональные выборы с участием африканского большинства, по итогам которых новым президентом страны стал Нельсон Мандела, режим апартеида окончательно канул в историю.

Впрочем, процесс отмены апартеида не прошёл безболезненно. Как любая колониальная система она имеет тенденцию перехода в неоколониальную фазу и оставлять различные «ловушки» в виде неразрешённых вопросов. Среди проблем,

обозначившихся после отмены апартеида, можно отметить национальный вопрос. ЮАР оказалась более многонациональным государством, чем это предписывалось официальным делением, являвшимся плодом расовых предрассудков возведенных в законодательную норму. Ведь ни белое население, ни африканцы до сих пор не представляют собой единых этнических обществ. В Южной Африке к середине XX века сложилась лишь одна нация – этнос. Это африканеры, а все остальные находятся в процессе национальной самоидентификации. Апартеид не столько способствовал сохранению этнических особенностей каждой из африканских народностей, сколько препятствовал превращению их в нации. Да и борьба за демократию в ЮАР являлась, прежде всего, борьбой за уничтожение апартеида, расового, но не национального явления.

Наиболее негативные последствия «большого» апартеида проявляются в социально-экономической сфере. Ещё во время борьбы с расистским режимом наблюдатели предсказывали неизбежные сложности с преодолением таких комплексов проблем как бедность, миграция, безработица, обеспеченность жильём и питанием. Результаты десятилетий правления меньшинства выразились в огромной диспропорции в распределении ресурсов и продуцировали неравенства, которые стали структурными, глубокими и крепко оберегаемые теми, кому они выгодны. Не сложился слой и местных квалифицированных специалистов. Даже спустя полтора десятилетия после победы демократии в ЮАР ясно, что потребуются десятилетия, чтобы возместить издержки эпохи дискриминации, создать культурно-образовательную среду для формирования значительного слоя творческой интеллигенции из числа африканского и других групп небелого населения.

Оставил апартеид и глубокие психологические травмы. Хотя расовые законы в настоящий момент не действуют, в сознании чёрного и цветного населения осталось восприятие белых как граждан, обладающих более широкими правами, чем остальные. Не сильно изменились и межрасовые представления в быту – по данным опросов общественного мнения, значительная часть южноафриканского населения не спешит пользоваться свободой межрасовых отношений, предпочитая замыкаться в рамках своей социально-культурной группы в силу разных причин. В последнее время у части африканерской общины наблюдается переоценка ценностей в связи с возросшими трениями с негритянским населением, при которой режим апартеида теряет свои крайние негативные черты и становится формой защиты и идентичности буров.

Чтобы быть максимально объективным, отметим, что некоторые исследователи выделяют и положительные аспекты апартеида. В частности, он способствовал поддержанию социальной и политической стабильности в Южной Африке в эпоху «Холодной войны» посредством сохранения английской буржуазно-парламентской системы и заслону от национальных и социалистических экспериментов. Кроме того, апартеид, как политика, предполагавшая активное вмешательство государства в экономические процессы для их стимулирования, сыграл позитивную роль в становлении южноафриканской экономики как независимой и одной из самых развитых в мире, особенно для 50-60-х гг.

Литература:

Алексеев П.А. ЮАР – последний оплот расизма и колониализма в Африке. М., 1986; Апартеид: внутренние и внешние аспекты. М., 1990; Асоян Б.Р. Сквозь 300 лет – от Кейпа до Трансвааля. Штрихи к портрету Южной африки. М., 1991; Асоян Б.Р. Южная Африка: кто нагнетает напряжённость. М., 1986; Вахрушев В.В., Левиненко А.Н. Апартеид и политика Запада в ООН. М., 1989; Вышинский М.П. Юг Африки: апартеид, геноцид, агрессия. М., 1988; Демкина Л.А. некоторые аспекты

социально-политического развития южноафриканского общества после 1994 г. М., 2006; Иванов И.О. Южная Африка: диалог и конфронтация. М., 1989; Незнамов В.П. Международные аспекты внутриполитических изменений в ЮАР. М., 1991; Очерки по национальному вопросу в Южной Африке. М., 1997; Таиров Т.Ф. Апартхейд – преступление века. М., 1968; Тихомиров В.И. Партия Апартеида. Социально-политическая эволюция Националистической партии ЮАР. М., 1987; Южная Африка: борьба против апартеида. М., 1991; Lovell C.R. Afrikaner Nationalism and Apartheid. // The American Historical Review. Vol. 61. No. 2 (Jan., 1956). PP. 308-330; Roger B. B. The History of South Africa. Westport, Conn. and London, 2000; Toit du B.M. Afrikaners, Nationalists, and Apartheid. // The Journal of Modern African Studies. Vol. 8. No. 4 (Dec., 1970). PP. 531-551.

БЕЛЬГИЯ, КОЛОНИИ

Бельгия, колонии – особенностью бельгийских колониальных владений, вошедших в историю под именем Бельгийского Конго, было их компактное расположение в Центральной Африке. Хронологически бельгийское колониальное владычество делится на три периода:

1) 1876 – 1885 гг. Утверждение прав короля Леопольда II в бассейне Конго.
2) 1885 – 1908 гг. Свободное государство Конго во главе с Леопольдом II.
3) 1908 – 1960 гг. Бельгийское Конго – обычная колония.

Первый этап: 1876 – 1885 гг.

К 1870-м гг. Бельгия являлась быстроразвивающейся капиталистической страной, не имевшей, однако, возможности приобретения колоний в Америке и Азии. Наиболее остро существующее положение переживал молодой и энергичный король Бельгии Леопольд II (1865 – 1909), проявлявший с начала своего правления большую активность в поиске для страны колоний. На короля произвела огромное впечатление книга Т. Швейнфурта «В сердце Африки» (1875), в которой предлагалось создать в Центральной Африке крупное негритянское государство под европейским протекторатом.

Избрав в качестве объекта экспансии Центральную Африку, Леопольд II начал действовать. В 1876 г. по его инициативе в Брюсселе при закрытых дверях состоялась международная географическая конференция с участием путешественников и дипломатов. По итогам конференции была образована «Международная комиссия для изучения и цивилизации Центральной Африки» в составе исполнительного комитета под руководством бельгийского дипломата Ж. Грейндля и национальных комитетов, самым активным из которых стал бельгийский при прямом покровительстве Леопольда II. Также была создана «Международная Африканская ассоциация», формально научная и филантропическая организация, но реально защищавшая интересы бельгийского короля.

Большой удачей Леопольда II было привлечение к себе на службу Г.М. Стэнли, известного американского путешественника, в 1874 – 1877 гг. пересёкшего африканский материк с востока на запад через бассейн реки Конго. После того как англичане отказались от услуг путешественника, в 1878 г. он нанимается на 5 лет в подконтрольный Леопольду II «Комитет по исследованию Верхнего Конго», фактически транспортную компанию со смешанным международным капиталом. Несмотря на его роспуск уже в 1879 г. Стэнли продолжил работать в Африке в интересах бельгийского короля, создавая инфраструктуру и заключая договоры с местными вождями о гарантиях мира и свободы передвижения.

Первоначально активность Леопольда II в Центральной Африке наталкивалась на сопротивление и конкуренцию со стороны других европейских держав, что проявилось в деятельности в Африке французского путешественника С. Де Бразза и заключении англо-португальского договора 26.02.1884 г. Однако играя на колониальных противоречиях держав, Леопольд II смог добиться признания в 1884 – 1885 гг. ведущими державами (США, Германия, Великобритания, Франция, Португалия) прав «Международной Ассоциации Конго» (новое название «Международной Африканской ассоциации») на приобретённые в регионе территории.

Для решения колониальных споров в Африке была созвана Берлинская конференция (15.11.1884 – 26.02.1885), которая официально признала территориальные права в бассейне реки Конго, имевшиеся у подконтрольной Леопольду II организации. Важным решением конференции являлось объявление о свободе торговли (частично пересмотренное в 1890 г. на Брюссельской конференции, когда Леопольд II получил право собирать ввозные пошлины), судоходства и передвижения в Центральной Африке и нейтрализации территорий, что открывало большой простор для деятельности международного капитала. После принятия бельгийским парламентом закона о разрешении личной унии Бельгии и африканских владений короля, Леопольд II преобразовал территории «Международной Ассоциации Конго» в Свободное государство Конго.

Второй этап: Свободное государство Конго.

Несмотря на признание за бельгийским королём огромных территорий, большая их часть оставалась ещё неоткрытой и неосвоенной. По этой причине почти весь период существования СГК характеризовался непрекращающимися походами и борьбой с местными жителями. Важнейшим законом, укреплявшем центральную власть, был королевский декрет 1888 г. об организации колониальных войск СГК – «Общественных сил» или Форс Пюблик (2 тыс. чел. в начале, 15 тыс. чел. в 1900 г). В помощь им придавалась туземная милиция и катангский корпус. Форс Пюблик формировался на основе вербовки африканского населения почти со всего континента, офицеры были европейцами. Эти колониальные войска сыграли важнейшую роль в распространении бельгийского влияния в регионе Конго и обеспечению эксплуатации африканского населения.

Центральное управление было сосредоточено в Брюсселе, и состояло из короля и 3 министров: иностранных дел, внутренних дел и финансов. Во главе местного управления стояли: генерал-губернатор, вице-губернатор, государственный инспектор, генеральный секретарь, верховный судья, директор финансов и командующий войсками. Резиденция администрации располагалось в Боме.

История экономического развития СГК условно разделяется на два этапа, первый из которых получил название либерального. Он закончился в 1891 г. после принятия декрета с предложением о сохранении за государством прав на продукты (прежде всего слоновой кости и каучука) доменных земель – территорий страны не обрабатываемых конголезцами. При этом часть территории отдали в зону свободной торговли, где частным лицам и компаниям разрешили скупать эти продукты.

Начальный период развития экономики СГК характеризовался заинтересованностью европейских предпринимателей лишь в краткосрочных проектах и быстрых прибылях, что объясняется высокой стоимостью переноски и перевозки товаров в Конго из-за естественных препятствий на реке. Но уже в 1884 – 1887 гг. была осуществлена разработка планов и проведено строительство (1890 – 1898) первой в Конго железнодорожной линии Матади – Леопольдвиль (388 км.), финансируемое международным капиталом. Несмотря на активное использование

дешёвой рабочей силы из африканцев и азиатов и их жестокую эксплуатацию, установленные тарифы оказались лишь немногим ниже ручной переноски грузов, что сильно снизило эффект от строительства железной дороги.

Экономическая система основывалась на неравноправном обмене с конголезцами, вывозе ценных ресурсов и нещадной эксплуатации коренного населения. Европейцы экспортировали в Конго спиртные напитки, стеклянную посуду, дешёвые украшения, ножи, жестяные и скобяные изделия, фаянс и фарфор. Возникла новая денежная система на основе митако – разрезанной латунной проволоки с выгодной для европейцев разницей между её реальной и номинальной стоимостью. Вывозили из СГК слоновую кость и рабов из региона страны, контролировавшейся арабскими работорговцами во главе с Типпо-Типом. Но после войны в 1892 – 1894 гг. и поражения арабов их роль в экономике резко сократилась. С конца 1880-х гг. в структуре вывоза СГК стал преобладать каучук. Экспорт стабильно рос: с 2 млн. фр. в 1887 г. он поднялся до 43,4 млн. фр. в 1908 г. При этом за тот же период доля слоновой кости упала с 40% до 13%, пальмового масла – с 25% до 3%, доля каучука выросла с 5% до 70%.

Для увеличения сборов этого продукта с 1887 г. власти начали передавать отдельные территории в собственность или в концессию частным компаниям, отчислявших государству часть доходов, полученных с продажи в Антверпене каучука. Отныне СГК стало ареной деятельности крупных монополий, которым было передано не менее 30% доменных земель. Крупнейшими из них были «Сосьете аноним бельж дю о Конго», «Сосьете анверсуаз дю коммерс о Конго», «Англо-бельджиен индиа-раббер эксплоринг компани», компания Касаи. Монополии получали исключительные права на эксплуатацию каучуконосов, включая права на взимание налогов и повинностей (объём фактически определялся самими компаниями), содержание вооружённых отрядов.

Движущей силой экономики СГК был принудительный труд, применявшийся прежде всего на лесных разработках, для гребли на лодках, переноски грузов, ремонта дорог и эксплуатации телефонных линий. Жители деревень обязывались также поставлять продукты питания в качестве налога или в виде штрафов. Подушный налог колебался от 6 до 24 франков, но вместо него можно было сдавать каучук. При власти СГК и капиталисты не стремились вкладывать деньги в совершенствование системы добычи каучука путём его научного разведения на основе наёмного труда. Продолжало господствовать собирательство.

Эксплуатация населения была нещадной. За невыполнение поставок слоновой кости, каучука, продовольствия, за отказ выполнять трудовую повинность власти проводили карательные экспедиции, истребляя местных жителей, сжигая селения, опустошая целые районы. Условия работы конголезцев были невыносимыми: сотни тысяч людей гибли от голода и эпидемий. Часто для принуждения местных жителей к работе власти колонии брали в заложники женщин, держа их под арестом в течение всего сезона сбора каучука. Во время карательных операций от бойцов «Общественных сил» в качестве доказательства «целевого» расхода патронов требовалось предъявлять отрубленные руки убитых.

Из-за жестокой эксплуатации началось обезлюдивание берегов Конго и других рек – крестьяне бежали подальше от белых. Повсеместно вспыхивали восстания, в том числе среди войск. Ответом были многочисленные карательные экспедиции. Период 1895 – 1907 гг. отличался крайней напряжённостью. Режим СГК рассматривается многими современными политиками и историками как пример расового геноцида в отношении коренного африканского населения. За время правления Леопольда II население СГК сократилось почти в два раза: с 28-30 млн. чел. по оценке 1870-х гг. до 12-15 млн. чел. к началу 1920-х гг.

Постепенно информация о зверствах бельгийцев в Конго стала проникать в Европу, что серьёзно обеспокоило мировое общественное мнение. В 1904 г. английский журналист Е.Д. Морель основал «Конго реформ ассосиэйшн», остро критиковавшую леопольдовскую форму колонизации. В 1906 г. на основе имевшихся данных Морель издал книгу «Красный каучук», которая ещё больше настроила общественность против Леопольда II. В кампанию против бельгийского короля включились и видные писатели – М. Твен и А. Конан-Дойл. Открытое недовольство правлением Леопольда II в СГК, но уже не из-за гуманистических, а колониальных интересов, выражало британское правительство, опасавшееся активизации его экспансионистской политики в Южном Судане. В 1903 г. Великобритания даже разослала ноту правительствам ведущих держав с предложением высказаться о новой конференции в связи с ситуацией в СГК, но большинство стран отвергло эту идею.

Вскоре критика правления в СГК Леопольда II стала распространяться и в Бельгии, где в 1905 г. была создана следственная комиссия, чей доклад в этом же году частично подтвердил распространённые обвинения. Теперь и в Бельгии развернулась кампания против политики Леопольда в Конго. Всё большую популярность приобретала идея передачи СГК Бельгии в качестве обычной колонии. С 1906 г. Леопольд II, предвидя неизбежность этого шага, начинает уничтожать архивы СГК и вести переговоры об условиях передачи с представителями бельгийского парламента. Наличие в нём сторонников короля тормозило процесс, но в 1908 г. правящая католическая партия выступает за передачу Конго Бельгии. В парламенте создаётся комиссия из 17 членов для выработки закона «Об управлении Бельгийским Конго». Разгораются острые дебаты по условиям передачи, но под сильным давлением король отказывается от многих своих притязаний. 18 октября 1908 г. состоялось принятие колониальной хартии, а 15 ноября 1908 г. в соответствии с королевским декретом СГК преобразовывается в Бельгийское Конго, обычную колонию. В этих условиях громкие протесты международного общественного мнения постепенно стихают.

Третий этап: Бельгийское Конго.

Изменение статуса Конго первоначально не внесло существенных изменений в жизни колонии. Формирование территории и политико-административной структуры колонии завершилось лишь к 1914 – 1918 гг. Благодаря участию в Первой мировой войне и активным наступательным действиям против Немецкой Восточной Африки, Бельгия получила мандат от Лиги Наций на управление Руанды и Урунди. Хотя эти территории не считались колониями, Бельгия использовала их для увеличения своих доходов, применяя методы эксплуатации, схожие с теми, что были опробованы в БК.

К началу 1920-х гг. площадь колонии достигла 2345 тыс. кв. км., население – 12 млн. чел. Нижней ступенью административно-территориального деления являлись шеферии/ княжества, с этнически однородным населением, и сектора, с полиэтническим составом жителей. Шеферии и сектора объединялись в территории, те – в дистрикты, комиссарам которых подчинялись также городские поселения, делящиеся в зависимости от расового состава жителей на собственно города, туземные поселения и нетрадиционные центры. Эти структуры, за исключением нижнего звена, управлялись европейцами. Три-четыре дистрикта составляли вице-губернаторство (4 в 1914 г.), в 1933 г. преобразованное в провинцию (6 в 1933 г.). До 1923 г. столицей колонии был город Бома, но затем её перенесли в Леопольдвилль; переезд занял несколько лет. Стоит отметить практику частой смены административных границ в зависимости от текущей политики колонизаторов, которая позволяла более надёжно контролировать разноплеменные регионы.

Правое положение коренного населения оставалось тяжёлым. Африканцев судили по традиционному праву, при этом европейцы и конголезцы имели разные гражданские права. Местным жителям запрещалось участвовать в политической деятельности, забастовках, ограничивалось их передвижение и право на приобретение собственности. Особо ощутимым было экономическое неравенство: при одинаковой работе европеец заключал служебный контракт, африканец – трудовой, с заведомо низкой заработной платой и худшими условиями труда. Поднимавшийся вопрос даже о частичном уравнивании в правах саботировался на всех уровнях властной структуры.

Несмотря на некоторое смягчение режима в отношении конголезцев в сравнении с периодом СГК, нещадная эксплуатация коренного сельского и городского населения продолжала существовать, что дополнялось плохими условиями труда и низким жизненным уровнем. Большинство трудящихся получало минимальный уровень заработной платы, часто в натуральном виде. Широко практиковались штрафы, сверхурочные работы. Была распространена безработица. Конголезцы жили в трущобах или хижинах без элементарной коммунальной инфраструктуры. Колонизаторы не создали возможности для повышения социального уровня африканцев через получение образования. Поэтому БК считалось одной из беднейших стран мира, население продолжало сокращаться: около 12 млн. чел. в 1921 г., от 7,7 до 9,5 млн. чел в 1954 г.

В межвоенный период наблюдался дальнейший рост монополизации в сфере промышленного производства. На ведущие позиции выдвигаются новые компании: «Сосьете Женераль», «Юнион Миньер», «Компания Бельгийского Конго». Капиталисты активно вкладывали средства в БК: если на 1918 г. объём инвестиций составлял около 6 млрд. фр., то к 1959 г. он достиг 130 млрд. фр., из них около 100 млрд. фр. приходилось на частный сектор, а остальное – на государство. При этом наблюдалось увеличение доли реинвестированных с прибыли капиталов: 10% в 1926 г. и 75% к 1953 г. Уровень прибыли держался высоким (19% на 1955 г.).

Из отраслей промышленности наиболее успешно развивалась добывающая. Из БК вывозили медь, алмазы, золото, олово, кобальт, марганцевую руду, уран (первые ядерные бомбы в США производились из конголезского сырья). Ограниченный характер имели химическая промышленность и судостроение. Старые экспортные товары (слоновая кость и каучук) окончательно потеряли своё значение. Большие вложения делались и в инфраструктуру. При этом на сравнительно небольшую провинцию Катанга приходилось до 40% всех доходов БК, что стимулировало сепаратистские настроения у местной элиты и администрации, хотя регион и был сильно зависим от энергоносителей.

В сельском хозяйстве администрация продолжала вмешиваться в агротехнические процессы, принудительно увеличивая посевы выгодных экспортных культур. Конголезцев часто заставляли выращивать малорентабельные культуры и продавать продукцию по низким ценам. Практиковались варварские методы обработки почв. Наметилось разделение типов хозяйств: как правило африканцам принадлежали мелкие участки, где выращивались продовольственные культуры и малопродуктивный скот. Они были слабо связанны с рынком. Напротив, европейцы владели крупными и средними хозяйствами, где производились товары, пользующиеся спросом: масличная пальма, кофе, какао, мясомолочные изделия. Пейзанаты, поселения конголезцев, которых обязывали следовать рекомендациям агрономов, широкого распространения не получили.

БК развивалось в условиях непрекращающейся антиколониальной борьбы. Широко были распространены мятежи, применялись разные формы пассивного сопротивления. В межвоенный период одной из самых активных антиколониальных сил была религия. Проповедники многочисленных сект, совмещавших

христианские и местные верования, распространяли идеи светлого будущего после освобождения от колониального гнёта. Самым известным религиозным учением стал кимбангизм (по имени объявившего себя пророком Симона Кимбангу).

После Второй мировой войны религиозные формы борьбы окончательно отошли на второй план, оставаясь средствами протеста в периферийных и отсталых районах. Центр освободительной борьбы окончательно переместился из деревни в город. Возросло число забастовок, всё шире стали звучать экономические требования достойной заработной платы за равный с европейцами труд. Появились первые нелегальные профсоюзы, в 1957 г. легализованные, но поставленные под контроль колонизаторов. Активизировалась и местная буржуазная интеллигенция, выдвигавшая умеренные требования. Повсеместно наблюдалось пробуждение национального самосознания. Развивалась публицистика.

В 1956 г. в журнале кружка «Африканское сознание» был опубликован первый легальный манифест с требованием деколонизации в тридцатилетний срок. Отныне требования независимости стали широко звучать и обсуждаться. Конголезцы включаются в кампанию по требованию избирательных прав. Появляются первые политические партии, сперва нелегально, но к 1959 г. вполне законно. Самой влиятельной из партий становится Национально движение Конго, созданное П. Лумумбой и выступавшее за независимость. Появились и сепаратистко-реакционные движения – партия Конфедерация племенных ассоциаций Катанги (конакат), использовавшаяся колонизаторами.

В конце 1950-х гг., после жестокого разгона в январе 1959 г. мирной демонстрации конголезцев в поддержку митинга партии Абака, происходит стремительная активизация антиколониального движения. Повсеместно стали звучать массовые требования о предоставлении немедленной независимости.

В апреле 1959 г. в Лулвабуре состоялся первый конгресс политических партий БК. Власти метрополии неконкретными обещаниями и деятельностью своих сторонников на местах пытались продлить своё господство, но влияние Бельгии резко ослабло. С января 1960 г. в Брюсселе начались переговоры конголезских представителей с властями страны о будущем статусе БК. В апреле при рассмотрении экономических вопросов конголезцам пришлось сделать ряд уступок колонизаторам. 10 мая принимается «Основной закон о структурах Конго» – фактически временная конституция БК. В этом же месяце состоялись выборы в национальные и провинциальные парламенты БК. Победа досталась НДК и его союзникам, что продемонстрировало успех антиколониальных сил. 30 июня 1960 г. была провозглашена независимость бывшей колонии, ставшей теперь Республикой Конго.

Литература:

Винокуров Ю.Н. Орлова А.С. Субботин В.А. История Заира в новое и новейшее время. М., 1982; Мерлие М. Конго от колонизации до независимости / Пер. с фр. О.В. Волкова и В.А. Мартынова. Пред. А.З. Зусмановича. М., 1965; Hochschild A. A Story of Greed, Terror and Heroism in Colonial Africa. King Leopold's Ghost. Boston – New York, 1998; Martelli G. Leopold to Lumumba. A History of the Belgian Congo. 1877 – 1960. London, 1962.

БРИТАНСКАЯ ИМПЕРИЯ

Британская империя (англ. *The British Empire*) – обозначение государственного образования, состоявшего из метрополии (Великобритании, часто также называвшейся Англией) и многочисленных владений на всех обитаемых

континентах. Б.и. считается крупнейшей имперской формацией из когда-либо существовавших в истории человечества (хотя по территориальным показателям это звание оспаривается Монгольской империей). Пик могущества и расцвета Б.и. пришёлся на 1920-е гг., когда её доля по величинам территории и населения составляла около четверти от мировой (её площадь достигала 37,2 млн. кв. км., население – свыше 450 млн. чел.). Впервые термин Б.и. для обозначения колониальных владений Англии встречается в сочинениях английского математика, астронома и географа Джона Ди (1527 – 1609). В официальный обиход термин Б.и. вошёл в 1870-х гг. Он должен был демонстрировать величие и мощь британской цивилизации, а также отражать титулатуру британского монарха (тогда королевы Виктории), коронованного в 1876 г. как императрица Индии.

Б.и. стала закономерным результатом экспансии английской/британской цивилизации. Можно выделить следующие наиболее общие типы причин этого долгого процесса.

Экономические. Надежды на получение больших доходов от эксплуатации колоний толкали индивидов, компании и государственные структуры участвовать в мероприятиях по поиску годных для проживания и потенциально богатых территорий, а также их освоению. На протяжении всего периода существования Б.и. экономический мотив являлся основным.

Социальные. Развитие капиталистических отношений в Англии/Великобритании и технический прогресс высвобождали значительно число рабочих рук, оказывавших большое демографическое давление на экономику. Переселение этих людей в колонии для их освоения позволяло смягчить остроту этой проблемы. Показательна здесь и политика отправки каторжников в заморские земли с целью удалить нежелательный социальный элемент.

Стратегические/геополитические. В условиях проводимой державами-конкурентами колонизации свободных земель, отдельные территории приобретали стратегически важное значение как для защиты уже существующих колоний, так и для возможной будущей экспансии, что предопределяло необходимость их скорейшего приобретения. Кроме этого, учитывая британскую ставку на флот в стратегии обороны страны и зависимость метрополии от морских поставок сырья и продовольствия, контроль над морскими базами, побережьями и коммуникациями приобретал первостепенное значение для жизнеспособности страны.

Религиозные. Эпоха Великих географических открытий и образования колониальных империй совпала по времени с периодом Реформации и религиозных войн. Протестантская Англия серьёзно отстала от католических Португалии, Испании, Франции в освоении новых земель, и этот вызов требовалось преодолеть, расширяя сферу влияния протестантизма. При этом, религиозные гонения в разные периоды на разные конфессии в самой Великобритании заставляли преследуемых искать убежища за океаном, основывая новые колонии.

Цивилизационные. Непрекращающиеся успехи народа Великобритании в экономике, политике и социальной сфере создавали у её жителей чувство превосходства над другими нациями и естественное желание распространить свои достижения во всём мире. Кроме того, убеждение в отсталости коренного населения Азии, Африки, Океании привело к идее цивилизаторской миссии по распространению достижений своей культуры диким народам, что наиболее ярко выразилось в распространённой концепции «бремени белого человека».

В реальности почти всегда причиной экспансии был комплекс разных факторов.

Отличительной чертой Б.и. являлась её территориальная дифференциация и децентрализованное управление, что выражалось в сосуществовании разных типов зависимых территорий: владений частных компаний, колоний, протекторатов,

доминионов, мандатов.

Владения частных компаний – колониальные владения, основанные и эксплуатируемые частными акционерными коммерческими и торговыми компаниями, созданными на средства английского капитала, что предопределяло их развитие как часть британской цивилизации. Данный тип зависимых территорий был характерен на раннем этапе английской колонизации. Как правило, со временем эти предприятия сталкивались с серьёзными финансовыми трудностями и проблемами обеспечения безопасности (например, в случае войн и восстаний) и вынуждены были обращаться за помощью к английскому правительству, что приводило к их вовлечению в государственную колониальную политику. Наиболее известным владением частной компании была Индия, господство английской Ост-Индской компании в которой номинально сохранилось до 1858 г.

Колонии – зависимые от метрополии владения с преобладающим неевропейским местным населением, управляемые британскими чиновниками. Обычно колонии управлялись генерал-губернаторами, назначаемыми из Лондона (министерством по делам колоний). В помощь себе генерал-губернатор назначал должностных помощников из крупных предпринимателей, миссионеров, местных вождей. Также он назначал законодательный орган, на начальном этапе развития Б.и. состоявший из влиятельных чиновников и авторитетных представителей местной знати, а после подвергшийся демократизации. Этот тип зависимых территорий являлся самым распространённым в Б.и., в колониях проживало большинство населения Б.и., а на разных этапах её существования число колоний достигало свыше полусотни.

Протектораты – территории, чья зависимость от метрополии проявлялась в основном в сфере внешней политики, при этом степень вмешательства Лондона в дела этих образований сильно менялась в зависимости от сложившихся условий и имеющихся интересов. Часто протектораты рассматривались как формально независимые государства и их делами занимались в британском внешнеполитическом ведомстве. Протектораты как форма имперских владений являлись наиболее гибкими образованиями, требующих особого подхода.

Доминионы – зависимые от метрополии владения с преобладающим европейским населением, которым была предоставлена самостоятельность во внутренних делах. Доминионы отличались высоким уровнем социально-экономического и политического развития; отношения с метрополией основывались на общности традиций и интересов, что позволяло безболезненно повышать уровень их самостоятельности. Хотя официально термин доминион был закреплён на имперской конференции 1926 г., реальная организация власти в форме доминиона была введена раньше: в Канаде в 1867 г., в Австралийском Союзе в 1901 г., в Новой Зеландии в 1907 г., в Южно-Африканском Союзе в 1910 г., в Ньюфаундленде в 1917 г., в Ирландии в 1921 г. В 1931 г. по Вестминстерскому статуту доминионы стали полностью суверенными государствами, хотя и признали британского монарха своим сувереном. Отметим, что основной исторической предпосылкой успешного заселения территорий доминионов являлась низкая организация и слабая плотность аборигенного населения, а также наличие благоприятного для европейцев климата – умеренного в Ирландии, Канаде, Ньюфаундленде, Новой Зеландии, средиземноморского на побережьях Австралии и Южной Африки.

Мандаты – территории, переданные в управление Б.и. вновь образованной международной организацией Лигой Наций после Первой мировой войны на основе специального документа – мандата. В основном это были бывшие владения Германии (Танганьика, часть Камеруна, Того) и Османской империи (Палестина, Ирак, Трансиордания). Фактически мандатная система стала завуалированной

формой колониального дележа бывших территорий побеждённых в Великой войне стран и была внедрена в международную практику под давлением Президента США В. Вильсона, не разделявшего классические схемы передела колоний. Хотя смысл держания мандата заключался во временной опеке над народами, не готовыми к немедленной независимости, в реальности подмандатные территории выступали в качестве колониальных владений держав-мандатариев с разной степенью самостоятельности.

Имели место и специфические типы колониальных владений, основанных частными лицами, миссионерами и даже сбежавшими мятежниками, но они были единичными.

В эволюции исторического развития Б. и. можно выделить четыре основных этапа:

1) Становления империи (1497 – 1583)
2) «Первая Британская империя» (1583 – 1783)
3) «Вторая Британская империя» (1783 – 1945)
4) Деколонизация и распад империи (1945 – 1997)

Становления империи (1497 – 1583).

Начало истории Б.и. связано с включением Англии в процесс открытия и освоения новых земель в рамках эпохи Великих географических открытий. Символическим событием можно считать первое плавание Себастьяна Кабота к побережью Нового Света в 1497 г. и открытие им Ньюфаундленда с провозглашением этой земли владением Генриха VII. Хотя это событие не привело к образованию колонии, его можно считать началом английского вызова испанским притязаниям на Америку. Однако в целом активность англичан в первой половине XVI в. была низкой, что было вызвано серьёзной конкуренцией других держав и недостаточным развитием капиталистических отношений в стране. Елизавета I (1558 – 1603) стала проводить активную политику, направленную на ослабление других колониальных империй, прежде всего Испании. В 1562 г. она санкционировала морские операции каперов Джона Хокинса и Фрэнсиса Дрейка на атлантических коммуникациях Испании. Нападение на испанские порты в Америке и корабли способствовали накоплению богатств Англией. Также стоит отметить появление в 1550 – 1560-х гг. так называемых «ирландских плантаций», ранней формы экономической и политической колонизации Ирландии в Новое время, хотя первые колониальные захваты в регионе были совершены в XII в. при Генрихе II.

«Первая Британская империя» (1583 – 1783).

Отличительной особенностью периода существования «Первой Британской империи» было доминирование американского направления в колониальной экономике и политике. При этом наиболее развитыми компонентами считались собственно североамериканские колонии (то есть современные США и Канада) и владения в Вест-Индии (то есть на островах Карибского бассейна). Начало становления «Первой Британской империи» было положено в 1583 г. плаванием Хамфри Гилберта к берегам Северной Америке, в ходе которого он присоединил к Англии остров Ньюфаундленд, хотя и не основал поселения. В 1584 г. дело Гилберта продолжил Уолтер Рэли, снарядивший экспедицию для исследования побережья Северной Америки и поиска подходящего места для основания колонии. Однако все попытки англичан в конце XVI в. основать долговременные колонии в Америке оказались неудачными, хотя разгром испанской Непобедимой Армады облегчил Англии колонизацию региона.

В 1604 г. был заключён Лондонский договор с Испанией, положивший конец долгой войне. Англия должна была отказаться от притязаний на чужие колонии и сосредоточиться на становлении своих собственных. Уже в 1607 г. колонистами Лондонской компании было основано первое английское постоянное поселение в

Северной Америке – Джеймстаун, ставший центром колонии Виргиния. После того как в 1624 г. компания лишилась своей хартии, Виргиния стала королевской колонией. В 1610 г. появились постоянные поселения на побережье Ньюфаундленда. В 1623 г. был основан Нью-Хэмпшир. С основания в 1620 г. пуританами колонии «Новый Плимут» на несколько десятилетий одним из основных мотивов переселения англичан в Америку стал поиск религиозной свободы. Прибывавшие на континент последователи преследуемых конфессий (пуритане, англикане, католики, квакеры) участвовали в основании колоний, где можно было безбоязненно исповедовать свою веру. Так Мэриленд был основан как убежище для католиков (1634), Род-Айленд был веротерпим для всех религий (1636), Коннектикут – для конгрегационалистов. В 1663 г. была основана Каролина, контролировавшаяся группой собственников, разделённая в 1712 г. на Северную и Южную. В 1729 г. обе колонии стали принадлежать короне. В 1664 г. с захватом англичанами в ходе англо-голландской войны Нового Амстердама, началась история Нью-Йорка и Нью-Джерси. В 1681 г. была основана Пенсильвания. В XVIII в. появились колонии Делавэр (1704), Джорджия (1733). В 1670 г. Карл II даровал Компании Гудзонова залива монополию на торговлю мехами в Канаде и началось освоение этой территории, сопровождавшееся постоянными стычками с французами. Стоит отметить, что в отличие от колоний Карибского бассейна американские колонии не были столь успешны экономически, но привлекали колонистов из метрополии обширными плодородными почвами и умеренным климатом.

Другим важнейшим направлением британской экспансии в период Первой империи стал Карибский регион. Еще в 1604 г. состоялась первая неудачная попытка колонизации Гвианы, в 1605 г. и 1609 г. – Сент-Люсии и Гренады. Успешные долговременные поселения были основаны на островах Сент-Китсе (1624), Барбадосе (1627) и Невисе (1628) и других. Очень скоро в этих колониях получила распространение система сахарных плантаций, основанная на рабском труде. Первоначально рабы доставлялись на голландских судах, но после принятия в 1651 г. Навигационного акта этим правом стали обладать только английские корабли, что привело к войнам с Голландией. В 1655 г. Англия аннексировала у испанцев Ямайку, а в 1666 г. началась колонизация Багамских островов. В 1672 г. Королевской Африканской компании было предоставлено право снабжать британские владения в Вест-Индии рабами, что предопределило расцвет Лондона, Ливерпуля, Бристоля. Отныне рабовладение становится основой экономики региона. Процент чернокожего населения в населении региона стремительно рос: к 1780-м гг. негры стали составлять большинство населения на островах Карибского бассейна и на юге США. При этом развитие работорговли требовало строительство объектов инфраструктуры на африканском побережье. Основой системы торговых связей английских владений в Америке была так называемая треугольная торговля, при которой вершинами воображаемого треугольника являются крупные торговые центры, а сторонами – транспортные пути. Классическая схема этой торговли выглядела так: европейские суда, загруженные алкоголем, оружием, одеждой и безделушками совершали морской переход к берегам Африки с целью приобретения рабов как бесплатной рабочей силы. После пленения либо покупки рабов их перевозили через Атлантический океан для продажи в Вест-Индии либо в континентальной Америке. Из Америки в Европу вывозили произведённые с использованием рабского труда продукты – сахар, кофе, какао, табак, индиго. Существовали и другие схемы треугольной торговли, например, без захода в Европу. В 1698 г. попытку колонизации земли в районе Дарьенского залива предприняла Шотландия, однако это предприятие закончилось полным крахом и большими финансовыми потерями. Одним из итогов этой неудачи было

объединение Англии и Шотландии в королевство Великобритания в 1707 г. Отныне английская политика становится британской.

Огромные богатства территорий Южной и Юго-Восточной Азии, известных в Европе под общим названием Индии, также привлекли внимание англичан и в 1600 г. в Лондоне для торговли с регионом была основана частная Ост-Индская компания. С 1620-х гг. её интересы стали концентрироваться на собственно Индии, где ещё в 1613 г. появилось первое торговое поселение (фактория). В 1640 г. был основан Мадрас, опорная база англичан на юго-востоке Индии. В 1661 г. Карл II получил в приданное от португальской жены остров Бомбей, ставший центром английских владений на западном побережье. В 1686 г. компания основывает новую факторию в Бенгалии, где в 1690 г. начинается строительство Калькутты. Ост-Индская Компания управляла этими территориями при номинальном сюзеренитете могольского императора и местных князей, добившись от них в обмен на ежегодные выплаты в казну освобождения от пошлин и таможенного досмотра. Продвижение англичан в Индии началось в период упадка там португальского влияния и проходило в острой борьбе с республикой Соединённых провинций. Регион являлся одним из театров военных действий в англо-голландских войнах XVII в., но после Славной революции 1688 г. и утверждения на престоле в Англии Вильгельма Оранского наметилось разделение сфер влияния: голландцы сосредоточили внимание на Индонезии, англичане – Индии. В XVIII в. наметилось два пути расширения влияния Ост-Индской компании в Индии. Первый заключался в подписании с местными правителями субсидиарных договоров, по которым компания направляла в княжества свои войска в обмен на субсидии и предоставление личного состава. При этом по такому договору ранее независимое княжество отказывалось от самостоятельной внешней и внутренней экономической деятельности и не принимала на службу французов. Второй путь был менее распространён и заключался в установлении прямого управления территориями.

В XVIII в. резко усилилось англо-французское и англо-испанское колониальное соперничество, что проявилось в серии войн, итог которых определил не только ситуацию в Европе, но и положение в колониях. В результате войны за Испанское наследство (1701 – 1714) Великобритания получает от Франции Ньюфаундленд и Акадию, а от Испании – Гибралтар с Менорокой с правом на Асьенто – монопольную торговлю рабами в Испанской Америке. Противостояние с Францией продолжилось в войне за Австрийское наследство (1740 – 1748) и достигло своего пика в Семилетней войне (1756 – 1763), по итогам которой Великобритания получила от Франции Канаду, Восточную Луизиану, ряд островов в Вест-Индии, почти весь Сенегал и все владения в Индии. Испания же передавала Флориду. Успех в войне способствовал отходу Великобритании от политики «благотворного пренебрежения» в североамериканских колониях и ужесточению режима управления. В этот период колонии управлялись губернаторами, в помощь которым заседали колониальные законодательные собрания. В свою очередь колонисты в отсутствии внешней угрозы со стороны Франции стали более смело и открыто заявлять о своих правах. Многочисленные попытки метрополии ввести новые налоги вызывали бойкот английских товаров и прямые акции неповиновения. Наиболее опасным был экономический гнёт, тормозивший развития региона. Несмотря на огромный потенциал колоний, метрополия стремилась сделать Америку источником сырья и рынком сбыта и ограничивала её промышленный рост. Несмотря на притеснения, колонии развивались: на севере было широко распространено фермерство, южные колонии были зоной системы плантаций. Американская промышленность (в основном в северных колониях) достигла значительных успехов, например в судостроении. В итоге острые противоречия между колониями и метрополией разрешились силой в войне за независимость

США (1775 – 1783), главным результатом которой было признание Великобританией суверенитета бывших колоний. Также по Версальскому миру она должна была уступить ряд небольших владений союзникам США – Франции и Испании. Канада, объект настойчивых притязаний колонистов, осталась владением Великобритании, во многом благодаря принятому в 1774 г. Квебекскому акту, благоприятно разрешившему вопрос управления территорией после присоединения франкоговорящей общины в 1763 г., что обеспечило её лояльность в войне.

Потеря тринадцати североамериканских колоний, самых населённых британских владений в тот период, стала важным рубежом в истории Б.и. Отныне Великобритания переносит своё направление экспансии с Америки на Азию, а позже и Африку.

«Вторая Британская империя» (1783 – 1945).

Потеря тринадцати североамериканских колоний заставила власти метрополии теперь обратить особое внимание на сохранившиеся владения в Канаде. Хотя миграция на север десятков тысяч лоялистов существенно укрепила позиции англичан в регионе, притязания США и недовольство франкоговорящих жителей внушали постоянную тревогу. С целью упрочнения своего положения британские колониальные власти проводили частые территориальные перекроения канадских владений. Так в 1784 г. появился Новый Брунсвик, конституционный акт 1791 г. образовал провинции Верхнюю и Нижнюю Канады (англо и франкоговорящие). Но восстание 1837-38 гг. показало неэффективность британской политики в регионе. Отчёт Дарема 1839 г. открывал путь к повышению самостоятельности. В 1840 г. все британские владения на севере континента были преобразованы в одну колонию – Провинцию Канады. В 1848 г. сперва Новой Шотландии, а затем и другим провинциям было предоставлено право на ответственное правительство. По конституционному акту 1867 г. четыре провинции сформировали доминион Канада с полным самоуправлением, за исключением внешней политики. Были улажены и пограничные споры с США. Англо-американская война 1812 – 1814 гг. подтвердила существующие границы, а договоры 1818 и 1846 гг. установили разграничительную линию между двумя странами по 49 параллели. С начала XIX в. значение господствовавшей в течение двух веков торговли мехами значительно снизилось и теперь основой экономики канадского региона становится заготовка и экспорт древесины.

В этот период начинается активная колонизация тихоокеанского региона. Ещё в 1770 г. Джеймс Кук открывает восточное побережье Австралии, провозглашая британские права на него. В 1788 г. на континент приплывает первое судно с приговорёнными преступниками и основывается поселение Сидней-Коув, что положило начало колонии Новый Южный Уэльс. Транспортировка ссыльных продолжалась до 1868 г. Началось освоение территории, в котором наряду с каторжниками участвовали и свободные люди. Как итог в первой половине XIX в. были созданы новые колонии. Коренное население постепенно оттеснялось вглубь континента или уничтожалось. Значительный толчок подъёму экономики страны был дан открытием золота в середине XIX в., за которым последовал длительный экономический подъём. В 1769 г. Кук также объявляет владением Великобритании новозеландские острова, но в отличие от Австралии переселение сюда европейцев затянулось, хотя в конце XVIII в. они активно используются китобоями в качестве временных баз. Первое миссионерское поселение здесь возникло в 1814 г. В первые десятилетия XIX в. экономическая активность британцев проявлялась в основном в продаже оружия местным племенам маори. Лишь в 1840 г. возникает первое постоянное поселение европейцев Порт-Николсон, тогда же Уильям Гобсон заключает весьма противоречивый договор Вайтанги с племенами маори, по которому те признавали главенство Великобритании в обмен на покровительство и

сохранение ряда прав. Начинается колонизация островов британцами, проходящая в периодических войнах с местным населением. По конституционному акту 1852 г. Новой Зеландии было предоставлено ответственное правительство, с 1854 г. появляется местный парламент и колония становится самоуправляемой, а в 1907 г. ей предоставляется статус доминиона.

Развитие британской Вест-Индии определялось изменениями в юридическом статусе рабства. С конца XVIII в. в Великобритании развернулась мощная кампания против рабства и работорговли, организованная христианскими деятелями (например, евангелистами). В 1807 г. работорговля в британских владениях была запрещена, а акт об освобождении рабов 1833 г. формально запретил в колониях с 1834 г. институт рабства. Владельцам рабов была предоставлена компенсация в 20 млн. фунтов стерлингов, которые были потрачены не всегда эффективно. В то время как внимание властей метрополии было сосредоточено на других владениях, колонии Вест-Индии, особенно Ямайка, в силу экономических причин (резкое падение цен на основной продукт местного производства – сахар) приходили в упадок. А угнетённое положение местного населения было причинами частых народных волнений. Одним из итогов отмены рабства стала миграция колонистов голландского происхождения из Капской колонии на север, что привело к образованию бурских республик Трансвааль и Оранжевая и их признанию англичанами в 1852 и 1854 гг. соответственно.

В период «Второй Британской империи» ключевым владением Великобритании становится Индия, что предопределило повышение интереса властей метрополии к региону. Необходимость пополнения государственного бюджета и стремление контролировать деятельность Ост-Индской компании привели к принятию британским парламентом серии законов, регулирующих политику этого коммерческого предприятия в регионе. Уже в 1767 г. компанию обязали ежегодно платить в казну 400000 фунтов стерлингов. Финансовые трудности в компании в начале 1770-х гг. привели к принятию в 1773 г. так называемого Акта об управлении Индией, по которому компания признавалась не просто торговой организацией, а британским владением на индийской территории. К правительству переходило наблюдение за ее политической деятельностью, а парламент назначал генерал-губернатора и четырех советников. Эта мера была половинчатой и не поколебала влияние компании, которая теперь просто стала проводником государственных интересов. Акт 1784 г. официально разделил политическую и коммерческую деятельность компании, и для руководства первой был создан контрольный совет в Лондоне из шести членов, в составе канцлера-казначейства, государственного секретаря и четырёх тайных советников, назначаемых королём. Из-за огромного расстояния между метрополией и колонией и невозможностью быстрых коммуникаций местные чиновники продолжали вести самостоятельную политику. Акт 1786 г. чётче определил границы полномочий между короной и компанией. Ведение дорогостоящих войн привело компанию в 1813 г. к обращению в парламент за помощью. Итогом стала хартия 1813 г., подтвердившая суверенитет британской короны над захваченными компанией территориями, лишившая компанию торговой монополии (кроме торговли чаем с Китаем) и открывшая страну для миссионеров. По истечению срока хартии в 1833 г. она вновь была продлена на 20 лет с лишением компании всех торговых преференций, установлением полной власти контрольного совета над компанией и формальным уравниванием прав индийцев, служащих компании. Хартия 1853 г. подтверждала предыдущие и была бессрочной.

Экономика Британской Индии претерпела серьёзные изменения в период Второй империи. Так, если до начала промышленного переворота в Англии компании приходилось импортировать золото и серебро для оплаты индийских

товаров, прежде всего текстильной продукции, то в период последней трети XVIII в. Индия превратилась в импортёра готовой мануфактурной продукции из метрополии. Теперь экспортировать в основном сырьевые товары: необработанный хлопок, шёлк, индиго, опиум. Во многом, такой переворот смог произойти благодаря установлению налогообложения и разграблению богатой Бенгалии.

В ходе англо-майсурских (1767 – 1799) и англо-маратхских (1777 – 1819) войн и других вооружённых конфликтов в течение последней трети XVIII в. и первой половины XIX в. английское влияние распространилось на весь субконтинент. Около половины территории Индии находилось под британским управлением, остальными землями правили местные князья под контролем англичан. Покорение Индии осуществлялся в основном с помощью наемных индийских войск – армии сипаев, идея которых была унаследована от французов. Эта армия сохранилась в мирное время и использовалась англичанами при сборе налогов, но чаще для подавления выступлений против британской власти. Жестокий колониальный гнёт, нетактичные попытки христианизации, сокращение жалования и лишение ряда прав привели в 1857 – 1858 гг. к индийскому народному восстанию, известному также как восстание сипаев. Несмотря на поражение восставших, британские власти вынуждены были пойти на некоторые уступки, сделав свою колонизаторскую политику более гибкой. Важнейшим итогом восстания была передача в Индии функций Ост-Индской компании государству в 1858 г. Сама компания была ликвидирована в 1874 г., её активы, в частности вооружённые силы, передавались короне. А принятие в 1876 г. по инициативе премьер-министра Б. Дизраэли билля о присвоении королеве Виктории титула императрицы Индии означало не только фактическое, но и юридическое включение множества индийских княжеств в единую империю.

Кроме собственно Индии Великобритания имела в Азии и другие объекты экспансии, которая в целом была подчинена общему интересу защиты жемчужины Б.и. – Индии. Так в 1819 г. руководствуясь прежде всего коммерческими соображениями, чиновник Ост-Индской компании Стемфорд Рафлс основал порт Сингапур, ставший позже важнейшей стратегической базой метрополии в регионе. Для защиты своих торговых интересов в 1839 – 1842 гг. Великобритания вела с Китаем первую опиумную войну, по итогам которой ей были предоставлены торговые льготы в Китае и право на основание колонии на острове Гонконг (1842). После второй опиумной войны (1856 – 1860) торговые привилегии Великобритании были значительно расширены, также ей отдавались новые земли в районе Гонконга. Китайские владения Б.и. дополнились в 1898 г. присоединением Вэйхайвэя (Вэйхая). С 1841 г. началось проникновение британцев в Северный Борнео, объявленный в 1888 г. под английским протекторатом. Другим направлением экспансии в Азии была граничащая с Индией Бирма, которую британцы включили в империю по итогам трёх англо-бирманских войн (1823 – 1887). Из других владений отметим захват Великобританией чужих владений в ходе наполеоновских войн: Капскую колонию в Южной Африке (1795), Цейлон (1795), Мальту (1800). Показательно, что в регионах, находящихся в стороне от пути в Индию Великобритания до конца XIX в. демонстрировала слабые экспансионистские усилия. Например острова Общества, Новая Каледония, Сандвичевы острова в Тихом океане безуспешно просили установить на них британское правление, а подобная петиция со стороны Фиджи была удовлетворена лишь в 1874 г. после неудачной первой попытки в 1858 г.

В период «колониального раздела мира» в последней четверти XIX в. Великобритания переносит своё имперское внимание на Африканский континент и Средиземноморье. В 1875 г. благодаря блестящей сделке, осуществлённой Б. Дизраэли, империя устанавливает контроль над Суэцким каналом, а после англо-египетской войны 1882 г. и над всем Египтом. В 1878 г. воспользовавшись

обострением Восточного вопроса и русско-терецкой войной, Великобритания получает у Турции остров Кипр, ставший вместе с Мальтой ключом к Восточному Средиземноморью. В течении 1880-1890-х гг. метрополия завоевала обширные территории в Тропической и Южной Африке: Нигерию, Золотой Берег (ныне – Гана), Сьерра-Леоне, Южную и Северную Родезии (Зимбабве и Замбия), Бечуаналенд (Ботсвана), Басутоленд (Лесото), Свазиленд, Уганду, Кению. После подавления махдистского восстания в 1898 г. Судан становится формальным англо-египетским владением. Господствовавшая в умах имперской элиты (Сесиль Родс и пр.) концепция строительства трансконтинентальной железной дороги Каир-Кейптаун с подчинением окружавшей её территорий привела к кровопролитной англо-бурской войне (1899-1902). Хотя этот конфликт и окончился победой Б.и., однако он продемонстрировал внешнеполитическую изоляцию страны (несостоятельность политики «блестящей изоляции») и пределы имперских усилий. Для нормализации положения в приобретённых территориях бывших бурских республик – Трансвааля и Оранжевого Свободного государства, они были объединены в 1910 г. с британскими колониями – Капской и Наталем с образованием доминиона Южно-Африканский Союз, в котором африканеры уравнивались в правах с англоговорящим населением и возвращались к власти.

Стоит отметить, что все обширные завоевания и стремительное расширение империи стали возможными не только благодаря военно-административной мощи и умелой дипломатии Великобритании, но и из-за широко распространённой в метрополии уверенности в благотворности британского влияния для народов других стран. Идеи британского мессианства, колонизаторской миссии, «бремени белого человека» пустили глубокие корни не только в сознании правящей элиты, но и среди многих рядовых строителей империи – миссионеров, путешественников, отходников, торговцев, чья деятельность, окружались ореолом почтения, величия и романтики. Возник целый пласт имперской мифологии, идейно поддерживавший расширение и процветание империи. Наиболее ярким и известным популяризатором имперской миссии выступал, например, Редьярд Киплинг, который опоэтизировал колониальную политику. Из-за этого раздающиеся время от времени призывы сделать функционирование империи более практичным и прибыльным тонули в общей идее, что англичане являются прирожденными правителями отсталых народов, и что они идут в колонии не для извлечения прибыли, а чтобы принести этим народам «блага цивилизации». Имперские идеалы и традиции нужно было фиксировать и популяризовать, для чего применялись общенациональные праздники и иные поводы, формально сплачивающие конгломерат народов Б.и. Примером подобных мероприятий являлись золотой и бриллиантовые юбилеи правления королевы Виктории в 1887 и 1897 гг., подготовленные в стиле красочного имперского шоу, по британски величественного. Великолепие и пышность этих церемоний произвели сильное впечатление на политических деятелей и общество в целом.

Первую мировую войну Б.и. встретила достаточно цельным организмом: из-за того, что имперская внешняя политика находилась исключительно в ведении правительства метрополии, объявление войны в 1914 г. почти автоматически втянуло в неё всю империю. Доминионы Австралийский Союз, Канада, Новая Зеландия и Южно-Африканский Союз добровольно выставили крупные воинские контингенты, оказавшиеся в распоряжении британских стратегов. Для координации военных усилий главы правительств доминионов собрались в Лондоне и сформировали орган, получивший название Имперский военный кабинет. Стоит отметить, что одной из причин войны с Германией являлись притязания последней на ряд британских колониальных владений, напряженность вокруг которых в отношениях между двумя странами возникла еще задолго до мирового конфликта.

Таким образом, для Великобритании Первая мировая война имела в том числе цели защиты целостности империи и её доминирующего положения в мире от агрессивного европейского конкурента.

Победа Антанты в Великой войне имела для Б.и. двойственные последствия. С одной стороны, Великобритания получила мандат Лиги Наций на управление бывшими частями побеждённых распавшихся империй – Германской и Османской (Палестина, Иран, Трансиордания, Танганьика, часть Камеруна и часть Того). Эти территории включались как напрямую в метрополию, так и передавались в подмандатное управление британским доминионам. Так Южно-Африканский Союз получил мандат на управление Юго-Западной Африкой (ныне – Намибия), Австралия – на часть Новой Гвинеи и прилегающие острова Океании, Новая Зеландия – на острова Западное Самоа. Б.и. достигла апогея своей территориальной экспансии и контроля над значительной частью мирового населения. С другой стороны, победа Октябрьской революции в России и утверждение там большевистских антиколониальных принципов национальной политики, а также возрождение идей самоуправления (самоопределения) малых народов Европы, выраженных в антибольшевистском либеральном буржуазном ответе Запада – «14 пунктах» В. Вильсона (не разделявшего идеалы старых колониальных держав) привели к оголению кризисных явлений и центробежных тенденций внутри Б.и. Так, в первые послевоенные годы серьёзные волнения произошли в Индии. Сложная обстановка в 1919 г. заставила Великобританию признать независимость Афганистана. После серии восстаний периода мировой войны и кровавой гражданской войны 1919-1921 гг. метрополия вынуждена была предоставить независимость в виде доминиона Ирландской республике, с сохранением контроля над северо-восточными графствами острова, известных в дальнейшем как Северная Ирландия. На Ближнем Востоке в 1922 г. метрополия признала независимость Египта, а в 1930 г. прекратила осуществление мандата на управление Ираком, хотя при этом обе страны продолжали оставаться в сфере британского доминирования.

Характерным признаком ослабления прежней централизации в Б.и. стало повышение самостоятельности переселенческих «белых» колоний, переведённых на статус доминионов (Австралийский союз, Канада, Новая Зеландия, Южно-Африканский союз). Начиная с 1920-х гг. доминионы стали формировать собственный внешнеполитический курс (например, в 1923 г. Канада подписала соглашение с США без участия Великобритании), что демонстрировало всё более значимую роль этих стран в мировой экономике и политике. Помня об опыте исторических ошибок, британское правительство шло на взаимовыгодные уступки, которые становились всё более насущными по мере развития мирового экономического кризиса 1929-1933 гг. Так самостоятельность доминионов во внутренней и внешней политике укрепилась решениями Имперской конференции в 1926 г. и принятием Вестминстерского статуса в 1931 г., который де юре признал суверенитет доминионов, оставив монарха единственным формальным звеном, связывавшим доминионы и Великобританию воедино. Кроме этого, согласно статусу, объединение метрополии и доминионов получало название «Британского Содружества Наций». Экономические связи внутри империи закреплялись созданием в 1931 г. стерлинговых блоков и Оттавскими соглашениями об имперских преференциях (1932).

В целом, несмотря на обозначенные выше деструктивные тенденции, в межвоенный период Б.и. казалась куда более прочной, чем была на самом деле. Сами англичане, воспитывавшиеся в условиях имперского пространства, считали ее вечной. Представителям колониальных народов, в силу организационной инерции и грамотной пропагандистской политики метрополии также было присуще чувство принадлежности к некому единству. Кроме этого, сдерживающим фактором

оказались относительно благоприятные внешнеполитические обстоятельства: после неудачной попытки разжечь пожар мировой революции СССР занялся построением социализма в отдельно взятой стране, США выбрали политику изоляции от мировых проблем, а возрождавшаяся под руководством Гитлера Германия не могла стать серьёзным антиколониальным рупором из-за первостепенности достижения ею целей в Европе и непривлекательности идей национал-социализма для большинства колониальных жителей. Это позволяло властям метрополии удерживать огромную империю, несмотря на то, что британская сухопутная армия насчитывала едва около 200 тыс. человек личного состава.

Начавшаяся Вторая мировая война определила в качестве основной угрозы империи агрессивную политику Японии, стремившейся стать господствующей силой на Дальнем Востоке. После долгой подготовки японцы в конце 1941 г. обрушились на европейские владения в Азии, захватив за очень короткий срок британскую Малайю и большую часть Бирмы. Падение в начале 1942 г. Сингапура – важнейшей военной базы, которую англичане считали неприступной, оказалось крайне болезненным для имперского самолюбия. Непосредственной целью японского наступления являлась Индия, а в более отдаленной перспективе Австралия. При этом если функции защиты последней взяли на себя американцы, в западной части Бирмы англичане вели ожесточённые бои за Индию. На Ближнем Востоке и в Африке англичанам противостояла слабая в военном отношении Италия, поддерживаемая из союзнических побуждений Германией. Наиболее ярким эпизодом этой кампании являлись сражения в Северной Африке, окончившиеся поражением итало-немецкого экспедиционного корпуса, главным образом из-за проблем со снабжением. Показательно, что доминионы, юридически имевшие право отказаться от объявления войны, добровольно вступили в неё и отправили на фронты армейские контингенты (за исключением Ирландии, сохранявшей демонстративный нейтралитет); не связывая, однако, эти действия с актом провозглашения войны Великобританией. При этом Австралия, например, выступала одновременно и как лидер небольших государств, и в качестве составной части Б.и. В целом, можно констатировать, что, несмотря на самоотверженность войск Б.и. (имевших и туземные формирования), основная заслуга в недопущении крушения империи военным путём принадлежит союзникам Великобритании, СССР и США, своими действиями сковывавшими антибританскую инициативу основных противников Англии – Германии и Японии.

Деколонизация и распад империи (1945 – 1997)

Несмотря на победу Великобритании и её колоний во Второй мировой войне, потенциал Б.и. оказался подорван. Победа сил антигитлеровской коалиции привела к выдвижению в мировые лидеры двух сверхдержав – СССР и США, каждая из которых, хотя и по своим причинам, стояла на антиколониальных позициях и поддерживала в разной степени деколонизацию, объективный послевоенный процесс, бурно развивавшийся благодаря демократическому характеру победы во Второй мировой войне. Рост популярности коммунистических идей вкупе с образованием мирового социалистического содружества стали дополнительным антиколониальным фактором. Но помимо внешних обстоятельств, на целостность Б.И. негативное воздействие оказывали и внутренние причины, заключавшиеся в серьёзном финансово-экономическом ослаблении метрополии, росте её зависимости от США, неспособности больше на прежнем уровне поддерживать организацию империи.

В этих условиях перед пришедшими к власти в 1945 г. лейбористами во главе с К. Эттли, поддерживавшими в общем виде идеи деколонизации, стояла основная задача провести контролируемый демонтаж имперских институтов с сохранением максимальных выгод для бывшей метрополии, не допустив

обвального распада империи и прихода к власти в освободившихся государствах нежелательных режимов (прежде всего коммунистической ориентации). Касаясь собственно колониальной политики, в ней задачей для правительства Эттли было увеличение производства сырья в колониях, необходимое для разрешения экономических трудностей метрополии. Для выполнения указанных задач британской политической элите пришлось задействовать весь свой потенциал гибкости, тактичности и умения идти на компромиссы, в результате чего распад империи прошёл для жителей метрополии и колонии достаточно безболезненно и относительно бескровно (особенно в сравнении с распадом Французской колониальной империей).

Показательна политика властей страны на примере принятого ещё в 1940 г. в интересах политической и экономической мобилизации империи закона с планом выплат колониальным правительствам со стороны министерства финансов метрополии ежегодно в течение 10 лет до 5 млн.ф.ст. на развитие коммуникаций, на цели просвещения, здравоохранения, водоснабжения и т.п. В 1945 г. правительство Эттли обновило закон, в котором сумма расходов повышалась до 12 млн. ф. ст. в год и должна была предоставляться до 1956 г. При этом за время с 1940/41 по 1944/45 г. на указанные цели было израсходовано лишь 5,7 млн. ф. ст. (вместо 25 млн.), а в 1945/46 - 1949/50 гг. – только 33 млн. ф. ст. (вместо 60 млн.). Учитывая, что во время войны Англия вывезла из колоний сырья и продовольствия на сумму около 500 млн. ф. ст., а до середины 1952 г. на сумму 1042 млн. ф. ст., оплата которых была заморожена, становится очевидно, как англичане стремились минимизировать ущерб.

Начало распада Б.и. было положено уже в 1946 г., когда Великобритания вывела свои войска из Сирии и Ливана, а также предоставила независимость Трансиордании. Следующим важным этапом стало урегулирование ситуации в Британской Индии, где движение за независимость парализовало действия местной администрации. Уже в марте 1946 г. Эттли официально признал право Индии на независимость. И хотя правительство метрополии активно изыскивало возможности сохранить свое господство иными средствами, чрезвычайность ситуации и реальная опасность гражданской войны в колонии заставили последнего вице-короля Индии лорда Маунтбеттена провести в жизнь план разделения колонии, осуществлённый 15 августа 1947 г. Некогда единое британское владение было расчленено по религиозному признаку на два государства – Индию (статус доминиона, республика с 1950 г.) и Пакистан (статус доминиона, республика с 1956 г.). Вскоре в Азии на путь независимого развития встали Бирма и Цейлон (1948). Одновременно на Ближнем Востоке в 1947 г. Генеральная Ассамблея ООН приняла решение о ликвидации с 15 мая 1948 г. британского мандата на Палестину с созданием на её территории арабского и еврейского независимых государств.

Стоит отметить, что несмотря на достаточно мирный путь демонтажа Б.и., этот процесс сопровождался отдельными эксцессами, а также рождением болезненных для мировой безопасности конфликтов, приводящих к постколониальным войнам. Так, например, отделение Британской Индии сопровождалось взаимной резнёй индуистского и мусульманского населения, а в независимый период камнем преткновения, отравляющим отношения Индии и Пакистана, стал территориальный конфликт вокруг бывшего княжества Джамму и Кашмир, напряжение вокруг которого привело к нескольким локальным индо-пакистанским войнам. Отказ Великобритании от палестинского мандата также сопровождался зарождением длительного арабо-израильского конфликта, ставшего причиной многочисленных войн. Ещё в период британского господства здесь стало наблюдаться несовпадение интересов большинства арабского населения, стремившегося к самоуправлению, и еврейских переселенцев, чья эмиграция в

Палестину на волне нацистского преследования стала неконтролируемой. Деколонизационные процессы в Африке привели к возникновению другой крупной международной проблемы – утверждению режима апартеида в Южно-Африканском Союзе после победы в нём в 1948 г. Националистической партии, проповедовавшей расовую сегрегацию и стремившейся не допустить чернокожее население к участию в политической жизни. Аналогичная политическая ориентация была принята за образец и в Родезии, когда в 1953 г. Северная и Южная Родезия и Ньясаленд объединились в Федерацию Родезии и Ньясаленда, ставшую членом Содружества и просуществовавшей десять лет. С её развалом у Великобритании не осталось конструктивных идей для сохранения имперской системы в регионе, а под давлением мирового сообщества Англия вынуждена была включиться в борьбу с апартеидом. Кроме этого, из-за того, что политические границы, проведённые британцами, не всегда соответствовали реальному расселению этнических групп, это имперское наследие вызвало множество конфликтов в мире, в том числе в Судане, Нигерии и Шри Ланке.

Британскими властями также предпринимались попытки остановить борьбу народов за независимость военными средствами. Так, когда в августе 1945 г. Индонезия провозгласила свою независимость, правительство Эттли направило в помощь голландским колонизаторам стотысячную армию, выведенную в середине 1947 г. под давлением общественного мнения. Безрезультатными были и попытки оказать военную помощь Франции в Индокитае. Кроме этого английские правящие круги вели колониальные войны в Кении, на Кипре, в Адене и Малайе. В последнем случае английская администрация шла на большие уступки местной элите, но получить независимость от лейбористов Малайи не удалось. Причина этого заключалась в прокоммунистической направленности местной китайской общины, и в итоге Великобритания решила подавить восстание, опираясь на мусульманское малайское большинство, подразумевая предоставление независимости в будущем некоммунистическому правительству. Война в Малайе продолжалась с 1948 до 1960 г., однако уже в 1957 г. метрополия предоставила независимость Федерации Малайя в составе Содружества. Очень болезненным для британского имперского самосознания оказались последствия неудачной англо-франко-израильской агрессии против Египта с целью возвращения контроля над Суэцким каналом (т.н. Суэцкий кризис 1956 г.). Несмотря на тактическую военную победу, Великобритания потерпела крупнейшее стратегической поражение от СССР и США, продемонстрировавшее слабость метрополии в попытках защитить свои имперские амбиции. Показательно, что страны Содружества, равно как и большинство политических сил внутри страны выступили против вторжения. Этот эпизод привёл к своеобразному «суэцкому синдрому», избавиться от которого общественному мнению помог завершившийся победой англо-аргентинский вооруженный конфликт в Южной Атлантике (апрель – июнь 1982 г., т. н. Фолклендская война). Сам конфликт имеет причины в колониальном характере владения Великобританией Фолклендских (Мальвинских) островов и не разрешён до сих пор. Некоторые проблемы возникают также в связи с притязаниями Испании на Гибралтар. Не исключено, что Великобритания могла бы удовлетворить эти требования, если бы против любых изменений статуса владений не выступало немногочисленное местное население.

В дальнейшем от английского колониального господства освободились: в 1956 г. – Судан; в 1957 г. – Гана (Золотой Берег и подопечная территория Того), Малайя (из которой в 1965 г. отделился Сингапур); в 1960 г. – Сомали (Сомалиленд и подопечная ООН территория бывшего Итальянского Сомали), Кипр, Нигерия; в 1961 г. – Сьерра-Леоне, Кувейт, Танганьика: в 1962 г. – Ямайка, Тринидад и Тобаго, Уганда; в 1963 г. – Занзибар (объединившийся в 1964 г. с Танганьикой в

Объединённую Республику Танзания), Кения; в 1964 г. – Малави (бывшая Ньясаленд), Мальта, Замбия (бывшая Северная Родезия); в 1965 г. – Гамбия, Мальдивы; в 1966 г. – Гайана (бывшая Британская Гвиана), Ботсвана (бывшая Бечуаналенд), Лесото (бывшая Басутоленд), Барбадос; в 1967 г. – Народная Республика Южного Йемена; в 1968 г. – Маврикий, Свазиленд; в 1970 г. – Тонга, Фиджи. Стоит отметить, что в эту эпоху также были свергнуты проанглийские монархические режимы в Египте (1952) и Ираке (1958). Обретали независимость и подопечные территории доминионов Б.и. Так в 1962 г. независимости добились бывшая подопечная территории Новой Зеландии Западное Самоа, а в 1968 г. бывшая подопечная территория Австралии, Великобритании и Новой Зеландии Науру. Последним юридическим актом распада Б.и. стала передача в 1997 г. Гонконга Китайской народной республике с условием сохранения старой социально-экономической системы города в течение полувека.

Что касается традиционных доминионов – Канады (в 1949 г. в её состав по итогам референдума вошёл Ньюфаундленд), Австралии, Новой Зеландии и Южной Африки – то они окончательно превратились в политически независимые от Великобритании государства, а Южно-Африканский союз демонстративно порвал все имперские связи в 1961 г. в знак протеста против критики режима апартеида, став Южно-Африканской республикой. Аналогично, ещё в апреле 1949 г. официально вышла из Содружества Ирландская республика. Что касается небольших владений в Вест-Индии, таких, как Сент-Кристофер и Невис, Антилья, Антигуа и Барбуда, Доминика, Сент-Винсент и Гренадины, Сент-Люсия, то они в 1967 г. получили статус ассоциированных с Великобританией государств, имевших полное внутреннее самоуправление с правом требования полной независимости в любое время. К 1981 г. пять стран воспользовались этой возможностью. Необходимо отметить, что кроме политического ухода, правительство проводило политику сокращения военного присутствия метрополии в заморских территориях, хотя и дозированную из-за шедшей в тот период Холодной войны.

Распад Б.и. сопровождался и мирными попытками сохранить имперскую идею, идеал которой не исчезал и в бурные 1950-е гг. Для этого с 1947 г. в документах, печати и литературе немодный уже термин «Британская империя» уступил место названию «Британское содружество наций», а вместо «доминиона» стали писать и говорить «член Содружества». Закон о национальности 1948 г. отменил положение об общем гражданстве в Содружестве и империи. Чтобы открыть двери в Содружество для колоний, установивших республиканскую форму правления, конференция премьер-министров стран Содружества в апреле 1949 г. приняла решение отменить формулу Вестминстерского статута 1931 г. об общей верности короне. Отныне английский монарх считался только «символом свободной ассоциации независимых наций – членов Содружества и в качестве такового главой Содружества». Кроме этого, в условиях начавшейся холодной войны имперская политика Великобритании основывалась на создании военных баз по всему миру и тесном партнерстве с самоуправляющимися странами Содружества. Вскоре Содружество стало объединением всех государств, возникавших в пределах Б.и. Ради ещё большей политкорректности и изъятия из коллективной исторической памяти негативных ассоциаций из названия Британское Содружество Наций было изъято «британское», а в дальнейшем его стало принято называть просто: «Содружество». Отношения между членами Содружества также претерпевали множество вариаций, доходя до открытых военных столкновений (например, между Индией и Пакистаном). Центробежные тенденции в Содружестве особенно отчетливо проявились в период Суэцкого кризиса, когда в ООН вместе со странами-агрессорами голосовали лишь Австралия и Новая Зеландия. Однако при этом экономические, культурные и языковые связи, возникавшие на протяжении жизни

многих поколений существования Б.и., удерживали подавляющее большинство этих стран от выхода из Содружества. Так в экономическом плане важную роль долгое время играла т.н. стерлинговая зона, фактически неформальный валютный союз, включавший большинство бывших крупных колоний за исключением Канады. Возникнув ещё в 1931 г. после отказа от золотого стандарта, стерлинговая зона поддерживалась искусственными ставками валютного обмена с опорой на фунт стерлингов. Существенную роль сыграл и валютный контроль Великобритании в эпоху Второй мировой войны. Входившие в стерлинговую зону государственные образования использовали эту валюту в больших объемах в расчетах и хранили свои авуары в Великобритании. Распад этой системы начался в 1950-1960-е гг. в связи с ослаблением ф.ст. и ростом популярности доллара США. После девальвации ф.ст. в 1967 г. большинство стран вообще отказались от привязки курса своих валют к английскому эталону. Однако ещё в конце 1960-х гг. до трети объема всей мировой торговли все еще концентрировалось в стерлинговой зоне, хотя ф. ст. быстро выходил из международного обращения, окончательно сойдя на нет с зоной своего влияния в 1970-е гг. На начало XXI в. Содружество насчитывало 54 члена: 3 – в Европе, 13 – в Америке, 8 – в Азии, 19 – в Африке. Характерно, что в Содружество был принят даже Мозамбик, который никогда не входил в Б.и., хотя и имел с ней тесные экономические связи. Вероятно, наиболее ощутимым наследством Б.и. является распространение английского языка, ставшего вторым в мире по числу носителей и первым по значимости в сфере международных коммуникаций, в том числе и между странами Содружества (хотя объективности ради нужно отметить, в современном мире англоязычное влияние проводится не сколько силами Англии, а мощным информационным потенциалом её бывшей колонии – США). При этом для большинства стран неевропейской периферии в культурном плане почти невозможно отделить воздействие западной цивилизации как таковой от специфически английских влияний. Можно добавить, что в политике бывших колоний Б.и. получила широкое распространение Вестминстерская модель правления.

Литература *(общий список см.: приложение)*:

Антонова К.А. Английское завоевание Индии в XVIII в. М., 1958; Внешняя и колониальная политика Великобритании в XVIII-XIX вв. Ярославль, 1993; Ерофеев Н.А. Английский колониализм в середине XIX в. М., 1977; Ерофеев Н.А. Закат Британской империи. М., 1967; Ерофеев Н.А. Империя создавалась так… Английский колониализм в XVIII в. М., 1964; Крылова Н.С. Содружество наций: политико-правовые проблемы. М., 1991; Остапенко Г.С. Британские консерваторы и деколонизация. М., 1995; Палм Датт Р. Кризис Британии и Британской империи. М., 1959; Распад Британской империи. М., 1964; Соколов А.Б. «Правь, Британия, морями»? Политические дискуссии в Англии по вопросам внешней и колониальной политики в XVIII веке. Ярославль, 1996; Стрежнева М.В. Англия и современные региональные конфликты в «третьем мире». М., 1989; Фурсов К.А. Держава-купец: отношения английской Ост-Индской компании с английским государством и индийскими патримониями. М., 2006; Халфин Н.А. Создание и распад Британской колониальной империи. М., 1961; Armitage D. The Ideological Origins of the British Empire. Ideas in Context. New York – Cambridge, 2000; Boyce D.G. Decolonization and the British Empire 1775–1997. London, 1999; Brendon P. The Decline and Fall of the British Empire, 1781–1997. London, 2007; Brock. W. R. Britain and the Dominions. Cambridge, 2011; Cambridge History of the British Empire. Vols. 1–8. Cambridge, 1929–1959; Ferguson N. Empire: The Rise and Demise of the British World Order and the Lessons for Global Power. New York, 2004; James L. The Rise and Fall of the British Empire. London, 2004; Levine P. The British

Empire: Sunrise to Sunset. Harlow, 2007; Lloyd T. Empire. The History of the British Empire. London – New York, 2001; Lloyd T.O. The British Empire 1558–1995. Oxford, 1996; Oxford History of the British Empire. Vols. 1–5. Oxford, New York, 1998–1999; Porter B. The Lions Share. A Short History of British Imperialism 1850–1995. Harlow, Essex, 1996.

ВАТИКАН

Ватикан – город-государство Ватикан (Stato della Citta del Vaticano) – самое маленькое государство-анклав в мире, вспомогательная суверенная территория Святого Престола. Государство полностью располагается на территории города Рима (столица Италии) и занимает площадь в 44 га при населении чуть менее 1000 человек. Формой государственного устройства является абсолютная теократическая выборная монархия во главе с Верховным Понтификом, избираемым пожизненно Коллегией Кардиналов на конклаве и имеющим всю полноту законодательной, исполнительной и судебной власти.

Современное город-государство Ватикан появилось на карте мира после заключения 11 февраля 1929 г. (день памяти явлений Пресвятой Девы Марии в Лурде) Латеранских соглашений (названы по месту подписания – Латеранскому дворцу), состоявших из трех частей: договора (трактата), финансовой конвенции и конкордата. От имени Папы Пия XI их подписал государственный секретарь кардинал Пьетро Гаспарри, от имени короля Италии Виктора Эммануила III – премьер-министр страны Бенито Муссолини. Договор предоставлял Святому Престолу временную юрисдикцию и независимость в пределах определённой территории, что и является отличительной чертой Ватикана от Папского престола. Дело в том, что сам Папский престол существовал как юридическое лицо непрерывно ещё со времён Римской империи и был всемирно признан как независимое суверенное юридическое лицо, начиная с последних лет античности и до настоящего времени, без перерывов, даже когда Папский престол был лишен собственной территории (например, в 1870-1929 гг.).

Так как Ватикан является лишь вспомогательной суверенной территорией Святого Престола, история его имперских амбиций напрямую связана с историей института папства. Термин Римский Понтифик (Romanus Pontifex), как официально называют папу, появился ещё в III в. н.э. Столетием ранее, во второй половине II в. образуется институт епископата, а вместе с ним и церковь. Постепенно руководители христианских общин начинают отходить от идеалов раннего христианства: в III в. н.э. от правления императора Александра Севера (222-235) до Константина (306-337) движение церкви навстречу светским институтам шло ускоренными темпами. По внешней структуре церковь уподоблялась государству. На рубеже II-III вв. зарождается доктрина об апостольском наследовании, согласно которой епископ Рима унаследовал атрибуты власти, характерные для возглавлявшего коллегию 12 апостолов апостола Пётра. Раз Пётр являлся главой церкви, то и его преемники обладают властью над всем римско-католическим миром и иерархией. Однако римская церковь заняла центральное положение не только благодаря одному апостольскому наследию, но и благодаря тому, что действовала в центре политической жизни империи – Риме. Для ранних пап важно было поддержать внутреннюю дисциплину в общине и расширить влияние христианства среди особенно высших слоёв населения столичного общества. В III в. н.э., когда Римская империя начала разлагаться, религия стала служить объединяющим началом, что использовалась папами. Их авторитет по мере снижения политической значимости Рима не падал, а скорее возрастал.

Революционные изменения для римского епископа и церкви произошли в период правления императора Константина I Великого, который в 313 г. издал Миланский эдикт о веротерпимости, чем освободил христиан от преследований и способствовал превращению христианства в государственную религию. При этом христианским общинам возвратили отнятое имущество, юридические основания владения которым были уточнены законом Константина от 321 г., согласно которому за христианской церковью было признано право владения и передачи имущества. Вскоре после этого церковные владения стали быстро увеличиваться за счет завещаний и прижизненных дарений, пример чему, не исключено, подал сам Константин. Период активного накопления богатств таким образом продолжался до начала VII в. К тому моменту папа стал крупнейшим землевладельцем в Италии.

Но если экономическое положение папы улучшалось, долгое время его политический статус был зависимым от нового имперского центра – Константинополя. При этом возникла уникальная ситуация, когда сохраняя эту номинальную зависимость, папа естественным образом заполнял вакуум власти в центральной Италии. После переноса императорской резиденции на Восток, Рим перестал являться местом пребывания кого-либо из высших политических лиц. Эта функция была передана более надежно укрепленной Равенне. Здесь находились резиденция западных императоров, столица королевства остготов, резиденция наместника византийского императора в Италии – экзарха и центр Равеннского экзархата. В эпоху великого переселения народов Рим остался в одиночестве, и по праву морального авторитета папа превращался в светского правителя Рима и Центральной части Италии. С конца IV в. папы всё решительнее выступают за утверждение примата Рима, но если у Константинополя имелись ссылки на реальную политическую власть, у Рима – аргументы религиозно-библейского характера, что ограничивало прямую юрисдикцию пап. Так Лев I Великий (440-461) выступал с тезисом о верховенстве римского епископа, аргументируя его тем, что именно апостолу Петру Христос передал ключи от своего царства. Папа Григорий I Великий (590-604) выражал католический протест против титула Вселенский патриарх Константинополя, сохраняя внешнюю лояльность Византийской империи. В VII в. папы по-прежнему оставались подданными восточного императора, находясь от него в полной зависимости и не имея светской власти в Риме. Но зато их признавали первосвятителями в Западной Европе и главами Британской церкви. Это положение папства было достигнуто благодаря следующим предпосылкам: законами римских императоров, пребыванием в историческом имперском центре, оформленной католической мифологией, привлечением масс паломников и, самое главное, огромными накопленными материальными богатствами. Тем не менее, в силу цезаро-папистских тенденций константинопольских императоров, в VII в. папа продолжал играть роль своеобразного чиновника на Западе, и лишь с начала VIII в. стал предпринимать усилия по освобождению от такой зависимости. В частности последним папой, которого вызывали в Рим как чиновника, был Константин I (708-715).

К середине VIII в. наметилось взаимное сближение между папами и майордомами франков. Для римских первоепископов было принципиально важно заручиться поддержкой новых франкских королей в борьбе с лангобардами и в усилении своей власти в Италии. Для вчерашних майордомов было необходимо освятить свой новый характер власти церковным благословлением. Официально эта связь оформилась в период папства Стефана II (752-757) и правления короля франков Пипина III Короткого (751-768), когда в 754 г. был заключён так называемый договор в Керси. По легенде папе на коленях пришлось вымаливать у Пипина помощи против лангобардов, которая была ему предоставлена в обмен на освящение его власти. Папа помазал на царство короля Пипина (вторично), его

жену и двух сыновей, а также обязал франков под страхом отлучения не избирать себе королей, кроме Каролингов. В свою очередь Пипин дал торжественную клятву за себя и своё потомство заботиться о Церкви и блюсти её интересы. Не без сопротивления со стороны франкской знати, Пипин, отвоевав у Лангобардов захваченную ими территорию центральной Италии, передал её папе, в результате чего в 756 г. возникла Папская область, пока ещё юридически не суверенное государство, без вооружённых сил, опирающаяся в основном на теологические постулаты. Одновременно, вероятно, был сфабрикован изначально фальшивый документ «Константинов дар», согласно которому римский император якобы подарил папе Сильвестру (314-335) и его преемникам значительную часть своих владений в Италии, а также власть над всем Западом, хотя реально Сильвестр действовал в тени Императора. Ссылаясь на этот документ, папы стали утверждать, что франкский король не «даровал», а лишь «возвращал» принадлежавшие римскому епископу земли. Так у папства появилось основание для притязаний на верховную власть не только в Церкви, но и в средневековой Европе. Павел I (757-767) стал первым папой, получившим не только апостольскую столицу как Епископ Римский, но и обширные территории папского государства как его владетель и государь. Но формально верховенство Византии всё ещё не было отвергнуто Римом, хотя и оставалось уже чисто номинальным.

В целом папа посредством своего светского суверенитета получил гарантию своей независимости, став относительно свободным от уз светских властей, а также окончательно сбросил политические узы, связывавшие его с Востоком, и вступил в новые отношения с Западом, что сделало возможным развитие специфической западной цивилизации. Затем при папе Льве III (795-816) наметились новые шаги по сближению папы со светскими королями франков. После избрания Лев III переслал Карлу Великому ключи Св. Петра и папское знамя в знак признания власти короля как римского патриция. В ответ Карл помог в подавлении антипапского восстания 799-800 гг. Пиком взаимоотношений стала коронация папой Карла 25 декабря 800 г., после которой церковь становится более материально независимой на феодальной основе. Впрочем, Карл не терпел вмешательства церкви в политические дела, но при этом сам вмешивался в религиозные проблемы, например, введя в обиход песнопение credo с filioque. Император стремился сосредоточить политическую и духовную власть в своих руках, поэтому до IX в. папы не вмешивались в политику. Однако в связи с падением роли императоров на Западе и снижением их личных качеств во второй половине века власть политическая и религиозная плавно перешла в руки римских понтификов. При папе Николае I Великом (858-867) впервые была сформирована последовательная идея папской теократии, по которой папа обладает всей полнотой власти в церкви. Николай подчёркивал также и верховенство власти римского епископа над властью светских государей. Ещё с VIII в. папа как наместник Св. Пётра на земле представлялся главой разрываемой на части христианской ойкумены, обозначаемой как Imperium Christianum – христианская империя. А ещё на основе произведения Августина Блаженного «О граде Божьем» в сознании средневековых людей появляется идея о двух властях, или двух мирах – мирском и духовном, что использовалось папской пропагандой, согласно которой дело мирского мира заключается в служение церкви, так как конечной целью является спасение души. Соответственно оба мира должны быть в руках папы. В строгом понимании теория двух миров никогда не была догматом, а идеал папской теократии полностью так и не был выполнен, однако в XII-XIII вв. римские епископы делали всё возможное, чтобы его достичь. С 1034 по 1305 г. светская власть пап неуклонно возрастала. Наибольшего триумфа достиг Иннокентий III (1198-1216), который добился расширения Папской области до наибольшего размера за счёт присоединения ранее принадлежавших империи

земель и активно участвовал в делах европейской дипломатии. С начала XIII в. папы сделались совершенно самостоятельными владыками Рима. Во многом это было достигнуто благодаря успешному противостоянию с германскими императорами. С точки зрения истории имперских амбиций пап необходимо упомянуть о папстве Григория VII (1073-1085), чья борьба с императором Генрихом IV окончилась знаменитым эпизодом хождения в Каноссу (1077) и ростом дальнейших светских притязаний, которые нашли отражение в «Диктате папы» – программе Григория VII, где были сформулированы главные тезисы доктрины средневекового папства (1075). Они предусматривали сохранение имени «папа» лишь за римским епископом, право на назначение и коронование императора, а также неподсудность римского понтифика. Другим аспектом противостояния высшей духовной и светской власти являлась борьба в XI-XII вв. за инвеституру (право вводить в должность епископов). Она завершилась 23 сентября 1122 г. принятием компромиссного Вормского конкордата, по условиям которого избранные прелаты получали духовную инвеституру (возведение в сан) от папы, а светскую (право на землевладение) от императора.

Росту влияния папства способствовал и менталитет средневековых людей. Во времена феодальной раздробленности в сознании людей продолжала существовать мысль о единстве. Первоначальной фазе интеграции могла способствовать лишь церковь с её идеологией и организацией. Папы предприняли попытку создать Respublica Christianum под верховенством Рима, что согласно Григорию VII являлось мировой христианской империей, включавшей всех христиан. Основой её единства являлись общая вера и духовный вождь – папа, а способом её расширения являлись завоевательные походы против врагов – язычников и еретиков. В этом контексте вполне логичной является деятельность Урбана II (1088-1099), который выступил с идеей организации великого христианского похода для освобождения Иерусалима, что также было выгодно церкви в ходе борьбы с германскими императорами. С папского призыва в Клермоне в октябре 1095 г. началась долгая эпоха крестовых походов, которую в том числе можно считать проявлением папского империализма. Последним папой этой эпохи, который продолжал играть огромную роль в светской политике и с переменным успехом вмешивался во внутренние дела многих европейских государств, являлся Бонифаций VIII (1294-1303). Однако в этой сфере он вступил в конфликт с французским королём Филиппом IV Красивым (1285-1314), что для судеб папства окончилось трагически. Преемник Бонифация VIII Климент V (1305-1314) переехал в Париж, где отныне временно (1309-1376) должна была располагаться папская резиденция. Этот период получил название Авиньонского пленения пап. И хотя папы не являлись пленниками в строгом смысле этого слова, о былом светском могуществе приходилось забыть, так как к этому времени папство утратило былую роль в политической жизни Европы, сохранив, впрочем, власть церковную.

Ещё хуже стали обстоять дела на рубеже XIV-XV вв., когда на смену Авиньонскому пленению пап пришёл период Великого западного раскола (Великая Схизма 1378-1417 гг.) в ходе которого из-за интриг и в Авиньоне, и в Риме находились конкурирующие папы, расколовшие весь католический мир. Несмотря на то, что институту папства удалось преодолеть это неспокойное время, начавшаяся в 1517 г. Реформация окончательно свела на нет прежние грандиозные имперские замыслы римских епископов, так как приходилось думать о элементарном сохранении духовного влияния. Хотя Контрреформация смогла остановить реформационные процессы, возвращение утерянного контроля над многими территориями уже никогда не могло бы произойти. Впрочем, несмотря на вышесказанное, папы ещё сохраняли некоторое участие в политике, особенно среди

католических стран. Так, например, Александр VI (1492-1503) в булле Inter Caetera 1593 г. признал за королями Испании и Португалии исключительное право на владение землями, добытыми в морских походах, разумеется, с расчётом на установление в них католичества. Наибольшим успехом Пия V (1566-1572) было создание святой антитурецкой лиги, армада которой 7 октября 1571 г. разбила при Лепанто флот султана Селима. Проявлял активность и Иннокентий X (1644-1655), который осудил заключение Вестфальского мира в 1648 г., предпринял поход против маленького княжества Кастро, принадлежавшего семье Фарнезе, и присоединил к папским владениям. Однако эти эпизоды не могут прикрыть того факта, что папство теряло свои позиции в мире. Возникли проблемы и с сохранением Папской области, где Римские епископы были исключительными хозяевами. В 1809 г. Наполеон ликвидирует папскую область и присоединяет к её Франции, однако в 1815 г. Венский конгресс восстанавливает её. Окончательно судьба папского государства была решена при папе Пие IX (1846-1878), когда в 1870 г. пьемонтские войска заняли Рим, присоединив город к итальянскому государству. Несмотря на принятый итальянским правительством «Закон о прерогативах папы и Святейшего Престола» («Закон о гарантиях»), признавший суверенитет папы на территории Ватикана и предоставивший ему имущественные привилегии, Пий IX не принял эти условия и объявил себя узником Витикана и осудил «святотатственное нарушение границ папского государства». Положение сохранялось до понтификата Пия XI (1922-1939), подписавшего со светской властью Италии Латеранские соглашения. Стоит заметить, что в связи с имевшими место крупными изменениями менталитета людей в конце XIX – первой половине XX вв., произошедшими из-за появления новых научных знаний и философских идей, поколебалась и богословская власть церкви. Можно утверждать, что с этого периода империалистические в традиционном понимании этого слова претензии папства уже не могут восприниматься всерьёз. Деятельность Ватикана и Папского Престола теперь направлена преимущественно на удержание морального авторитета и не затрагивает напрямую политику, хотя и даёт Ватикану ощутимые материальные выгоды. Стремление пап к господству в Европе отошло в прошлое и может рассматриваться как анахронизм.

Литература:

Гергей Е. История папства / Пер. с венгр. М., 1996; Ковальский Я.В. папы и папство / Пер. с пол. М., 1991; Лозинский С.Г. История папства 3-е изд. М., 1986; Рыжков В.А. Очерки по истории Римско-католической церкви. Ч. I. М., 1992.
http://vaticanstate.ru/istoriya/

ВИЗАНТИЙСКАЯ ИМПЕРИЯ

Византийская империя – условное название, вошедшее в научный лексикон в XVI в. (И. Вольф), благодаря древнему названию Константинополя – Византий, мегарской колонии, выведенной в VII в до н. э. Лишь иногда, в неофициальном контексте этот термину употребляли Самоназвание византийцев – ромеи (т.е. римляне, как продолжатели Римского наследия), отсюда название империи на Востоке среди арабов, персов и турок – Рум. Самоназвание империи – Ромейское государство (☼◆❍♋♓&♒▤ ◘□●♓♦♓❖♋), Романия. (☼◆❍♋■♓❖♋). Западному миру после 800 г., как и славяне, они были известны, как «греки».

Годы существования – 395-1453 г. Исходной датой считается 395 г. – окончательный раздел единой Римской Империи на Западную и Восточную часть и становление Восточной Римской империи (Византийской) как самостоятельного организма. 1453 г. – взятие Константинополя войсками турецкого султана Мехмета II. Тем не менее, ряд исследователей говорят о «Византии до Византии» и связывают становление Византии с основанием Константинополя Константином I Великим. С другой стороны, говорят о «Византии после Византии», имея в виду духовное и культурное влияние К-польского патриархата

В российской исторической науке наиболее распространено деление истории В. и. на следующие периоды: 1) ранневизантийский. (позднерим.): IV - нач. VII в.; 2) средневизант.: сер. VII - кон. XII в.; 3) поздневизант.: XIII - сер. XV в.

В истории «Византии до Византии» следует выделить несколько ключевых моментов – Миланский эдикт 313 г., даровавший христианам равноправие с прочими религиями, I Вселенский собор (325 г.) и II Вселенский собор (381 г.) во многом заложивший основы симфонии Церкви и государства, а также определяющие черты византийского Православия, многолетние войны с персами (337-363, 371-391), определившие координаты византийско-персидского противостояния, а также поселение вестготов на Балканах, в Мезии (377) с последующим мятежом (377-380), которое не только способствовало известной варваризации Восточной Империи и, в особенности Балканского региона, но, в конечном счете, привело к гибели Западной Римской Империи.

Политическая история.
Территория.

Для Византии характерны тенденции территориального сжатия и расширения, однако, в течение веков доминирующей тенденцией все-таки оставалось сужение территории империи. В 395 империя занимала обширные территории Малой Азии, Балкан, Западной Армении, Сирии, Палестины, Египта. Завоевания Юстиниана привели к возвращению Италии, Юго-Восточной Испании, Северной Африки, войны с персами – всей Армении Однако, в VII в. в результате войн с арабами Империя теряет Сирию, Палестину, Армению, Египет, Северную Африку, а в результате славянских нашествий – северные части Балкан. В X-первой половине XI в. Империя отвоевывает часть Сирии и Месопотамии, Армению, уничтожает Болгарское Царство. Однако, в результате нашествия турок-сельджуков, Византия теряет большую часть Малой Азии и лишь западная и южная (приморская) части были отвоеваны в конце XI- первой трети XII в.

Ослабление империи в конце XII в. привело к потере болгарских и сербских земель, а IV Крестовый поход привел к распаду Византии и возникновлении на ее территории ряда латинских и православных государств (Латинская Романия с подчиненными ей Ахейским княжеством и Солунским королевством с одной стороны, Никейская империя, Эпирский деспотат, ТРапезунская империя). В восстановленной в 1261 г.Византийской империи находилась лишь часть прежних владений (Фракия, Македония, часть Пелопоннеса, Вифиния, Запад Малой Азии). К моменту падения Империи в 1453 г. за ней оставалась лишь небольшая часть Фракии, владения на Пелопоннесе, несколько островов). Параллельно менялась и этническая структура византийского общества. Если в ранюю эпоху значительный удельный вес составляли сирийцы, копты, исавры, германцы, то в средневизантийский период усиливается влияние славян, армян, параллельно усиливаются позиции греческого языка в области государства и права. В поздневизантийский период усиливаются процессы эллинизации, более того, ромеи все чаще называют себя «эллинами». Изменилась и конфессиональная

структура: если ранневизантйиское общество в значительной степени было поликонфессиональным (наличие значительного количества адептов триадологических ересей – арианства, а также христологических – монофизитства. Однако, после преодоления Второго иконоборчества (Торжество Православия – 843 г.) Византийская империи становится моноконфессиональной державой.

Политическая история ранневизантийского периода.

Ранневизантийский период характеризуется стремлением сохранить позднеримские структуры и римское наследие

После смерти имп. Феодосия в 395 г. и раздела Римской империи между его сыновьями на Западную часть (во главе с императором Гонорием) и Восточную (император Аркадий (395-408), Византийская империя переживает тяжелый кризис, связанный с нашествием Алариха на Фракию и Грецию в 397 г., а также попытками готов во главе с Гайной совершить государственный переворот в 400 г. Серьезным религиозным внутренним потрясением явилось дело Иоанна Златоуста. С одной стороны, в правление Феодосия (408-451) был достигнут ряд успехов: отражено нашествие гуннов в 412 г., успешно завершена византийско-персидская война 421-422 г., основан Константинопольский университет (425 г.), принят кодекс Феодосия. С другой стороны, империя потерпела поражения в войнах с вандалами (441 г.), с гуннами (441, 447 г.), которым пришлось платить дань в 2100 фунтов ежегодно. В правление Феодосия вспыхнул религиозный кризис, связанный вначале с учением Нестория, учившем о двух субъектах и двух природах во Христе, приведший к Эфесскому (III Вселенскому) Собору (431 г.) и, в конечном счете – появлению несторианской общины. Религиозный раскол усилился с появлением ереси Евтихия и Диоскора о единой (божественной) природе Христа, приведшей впоследствие к возникновению монофизитских церквей – армянской, коптской, эфиопской, сирийской. В правление императора Маркиана (450-457) ситуация несколько стабилизировалась: остановлено нашествие гуннов, был проведен IV Вселенский (Халкидонский) собор, утвердивший учение о едином лице (субъекте) и двух природах Христа. Лев I (457-474) смог разгромить гуннов (472), уничтожить засилие готской партии при дворе (471 г.), однако потерпел поражение в войне с вандалами (468 г.). Правление Зенона (474-491) было ознаменовано грандиозной гражданской войной (480-488), падением Западной Римской империи (476 г.) и отсылкой императорских инсигний в К-поль, а также церковным расколом с Римом (Акакианская схизма). Императору Анастасию (491-518), благоприятствовавшему монофизитам, удалось вничью завершить войну с персами (502-506). При нем впервые начинаются набеги славян. В правление Юстина I (518-527) было достигнуто примирение с Римом, царство лазов добровольно присоединилось к Византии (522 г.)), что вызвало войну с Ираном. Император Юстиниан I (527- 565) провел ряд законодательных реформ и создал законодательный свод: при нем был принят новый итуции (534). За время правления Юстиниан издал 154 новеллы (на греческом языке). Юстиниан предпринял программу отвоевания западной части Римской империи: В 533 г. войска во главе с Велизарием высадились в Северной Африке и после битв при Децииуме и Трикамаре в 534 г. он покорил гос-во вандалов в Сев. Африке. В 535 г. Велизарий, начал длительную войну против королевства остготов в Италии (535-554): после взятия Рима 536 г. и Равенны 539 г. почти вся Италия была покорена, но сопротивление готов под предводительством Тотилы продлило войну на 14 лет и привело к опустошению Италии. Патрикий Либерий, присоединил к империи земли на юго-востоке Пиренейского п-ова (554), а также Балеарские о-ва. Средиземное м. стало внутренним морем В. и. новеллы (на греческом языке).

На Востоке при Юстиниане вновь началась война с персами (540-563), в

результате которой серьезно пострадали восточные провинции, в т.ч. .Антиохия, взятая персами в 540 г. Тем не менее, византийцам удалось удержать Лазику (Зап. Грузию). В правление Юстиниана славяне усиливают натиск на империю: особенно опустошительными были набеги 547, 550-551 и 558 г., когда славяне доходили до Константинополя. В церковной сфере Юстиниан стремился к религиозной консолидации общества и с этой целью провел V Вселенский собор, имевший целью примирить монофизитов с Православием. Увеличение тяжестей налогов и повинностей приводило к восстаниям: начало правления Юстиниана ознаменовалось грандиозным мятежом «Ника» (532 г.), в результате которого погибло 35000 человек и сгорела половина Констнатинополя. Пожар явился поводом к грандиозным строительным работам, построению храма св. Софии К-польской (532-537) и др. церквей (Сергия и Вакха, св. Ирины, св. Апостолов). Юстиниан вел грандиозную строительную деятельность: только на северной границе было построено 80 крепостей.

Преемники Юстиниана не смогли удержать его наследства: при Юстине II (565-578) в результате нашествия лангобардов (568) была потеряна Северная Италия, усилился натиск аваров и славян, которые при Тиберии (578-582) перешли от набегов к поселению на византийской территории. Императору Маврикию (582-602 г.) удалось завершить долгу и кровопролитную византино-персидскую войну (570-590) миром (591 г.), по которому вся Армения переходила к Византии, однако, империя утратила контроль над рядом балканских территорий, где поселились славяне и основали свои автономные образования (славинии). Успешное контрнаступление, предпринятое против славян Маврикием в 598-599 г. было сорвано мятежом дунайской армии 602 г. Последствием военной революции 602 г. было не только низвержение и гибель Маврикия, а также значительной части столичного правящего слоя, но и практическое исчезновение дунайского лимеса. После 602 г.славяне стали заселять Балканы вплоть до Пелопонесса и Крита, не встречая никаких препятствий. Империя могла сохранять контроль лишь за частью городов и над некоторыми прилегавшими к ним территориями. Ряд районов Балкан для византийцев стал недоступным: по сообщению Феофана, вплоть до 784 г. «ни один ромей не мог показаться на Пелопоннесе». Разгром императором Фокой (602-610) военной и административной элиты империи привел к ряду тяжелейших поражений в войне с персидским шахом Хосровом II (603-630 г.) к потере Армении, Месопотамии и большей части Сирии. Переворот Ираклия (610-641) вначале не изменил ситуации: были потеряны Сирия и Палестина, в 614 г. был взят и разорен Иерусалим, в 619 персы захватили Египет. Тем не менее, Ираклию удалось реорганизовать армию и перейти с 622 г. в контрнаступление: воюя в Иранском Азербайджане, Армении, Сирии, Месопотамии, он нанес ряд тяжелых поражений персам и в 628 г. подступил к столице Сасанидской империи Ктесифону. Военный переворот и гибель Хосрова дал возможность Ираклию заключить с персами выгодный мир, по которому они отдавали все свои завоевания, всех пленных и добычу, и выплачивали большую контрибуцию. К сожалению, Ираклию не удалось воспользоваться передышкой. Расшатыванию империи способствовала его неумелая униатская религиозная политика, направленная на насильственное сближение православных и монофизитов, которая привела к т.н. монофелитской унии (Александрия, 633 г.), основанной на представлении о единой воле и действии во Христе. В этой обстановке в 634 г. началось нашествие арабов. После поражения при Ярмуке (20 августа 636 г.) для империи были потеряны Сирия, Палестина (Иерусалим пал в 637 г.), Месопотамия. В 639 г. арабский полководец Амр ибн Ас вторгся в Египет и приступил к его завоеванию, завершенному в 642 г. после смерти Ираклия. В этой обстановке промонофелитский религиозный указ Ираклия «Экфесис» (638 г.) лишь ухудшил ситуацию: он оттолкнул от него православных-

халкидонитов и не привлек на его сторону монофизитов.

Средневизантийский период (641-1204).
В начале средневизантийского периода упрощается система управления и законодательство. Военная власть соединяется с административной. Жизнь империи варваризируется. Это связано с нашествиями арабов и славян. Преемник Ираклия Констант II (641-668) столкнулся с новыми ударами со стороны арабов – окончательной потерей Египта (642), началом набегов на Северную Африку, потерей восточной Армении в результате сговора армянской знати с арабами (652 г.). Арабы завоевали господство на море и захватили Кипра, Крита, Родоса. Лишь смута в Халифате (656-659) способствовала приостановке арабского нашествия. Внутри империи продолжалась религиозная смута: православные не желали мириться с монофелитством. Оказались бесполезными и религиозные указы (Типос 648) и преследование инакомыслящих (расправа над св. Максимом Исповедником и его учениками– 662 г.). Оппозиция императору привела к тому, что в 663 он переселился на Запад, в Сиракузы и не вернулся в столицу даже после начала новых арабских ударов по Малой Азии. При преемнике Константа Константине IV Погонате (668-685) арабы доходят до берегов Эгейского моря и с 672 по 678 г. каждый год с моря осаждают Константинополь. Благодаря изобретению «греческого огня» и умелому руководству византийцам удалось нанести летом 678 г. арабскому флоту страшное поражение под Кизиком, сухопутная армия поддержки была уничтожена. По мирному договору 679 г. арабы ушли со всех пунктов, захваченных в Малой Азии и обязались платить дань. Однако, попытка Константина IV обуздать кочевников протоболгар, беспокоивших византийские владения в Мезии обернулась неудачей: протоболгары во главе с Аспарухом захватили Мезию (совр. Болгарию) вплоть до Балканского хребта и основали т.н.Первое Болгарское Царство (680). Более удачной была религиозная деятельность Константина: созванный им VI Вселенский собор (680-681) осудил монофелитство и восстановил религиозное общение с Римом.
Преемник Константина IV Юстиниан II (685-695; 705-711) добился ряда успехов в борьбе со славиниями и переселил 200000 славян в Малую Азию. Из них он сформировал «отборное воинство», которое, однако, его предало в битве с арабами в 692 г. при Севастополисе.

Юстиниан II являлся даровитым правителем, доказательством чего явился проведенный им Трулльский собор 691-692 г., укрепивший церковную дисциплину и синтезировавший каноническое наследие Православной Церкви, однако его агрессивность, выразившаяся как во внешней, так и внутренней политике, в конечном счете, стоила ему престола. Перерыв в его правлении ознаменовался потерей Карфагена и Северной Африки, а возвращение на престол в 705 г. ознаменовалось рядом уступок протоболгаром и поражений в войнах с арабами. При его преемниках империя вошла в полосу внешнеполитического кризиса, из которого ее вывели правители Исаврийской династии.

Лев III (717-741) смог отразить нашествие арабов в главе с Масламой на Константинополь, уничтожить флот из 1800 кораблей и 180000 войско. Двадцатые и тридцатые годы восьмого века прошли в напряженной борьбе с арабским натиском на Малоазийские провинции Византии, пока битва при Акроине в 740 г. не положила конец арабскому наступлению Его преемник Константин V Копрониим (741-775) перенес военные действия на вражескую территорию, неоднократно вторгался на территорию Сирии, Армении и Месопотамии, доходя до прежних имперских границ. Тем не менее, его тактика показывала явный недостаток сил и средств: не надеясь удержать покоренные города (Феодосиополь, Германикию и т.д.), он срывал их стены и угонял население. Константин V неоднократно

одерживал победы над протоболгарами и в шестидесятые-начало семидесятых годов контролировал обстановку в Болгарии. Однако, внутренняя политика Исавров способствовала внутренней нестабильности и напряженной религиозной борьбе, поскольку они объявили себя сторонниками иконоборчества, приравнивая иконы к идолам. Лев III в 726 г. объявил эдикт, направленный против почитания св. икон. Константин V в 754 г. провел Иерийский собор против иконопочитания. Политика иконоборчества встретила внутреннее сопротивление, в особенности на Балканах и в Италии, а также за пределами империи: св. Иоанн Дамаскин в «Трех словах в защиту св. икон» опроверг взгляды иконоборцев, папа Григорий III в 769 г. созвал антииконоборческий собор. Репрессии против монашества, казни и закрытия монастырей оказывались безрезультатными. В конечном счете, внешняя изоляция и внутренняя нестабильность вынудили императрицу Ирину в 787 г. созвать VII Вселенский (II Никейский) собор и восстановить иконопочитание.

Начало IX в. ознаменовалось крупными поражениями империи в войнах с болгарами, в результате которых погиб император Никифор I (802-811) и болгары подступали к самому Константинополю (813 г.). Эти неудачи способствовали возрождению второго иконоборчества (815-843), которое было менее ожесточенным, чем первое, но более идеологизированным. В правление императоров-иконоборцев из Аморийской династии империя испытала ряд ощутимых ударов: в 821-823 г. произошло восстание Фомы Славянина, в результате которого Византийская империя потеряла Крит. С 830 г. началось арабское завоевание Сицилии, а в 838 г. после поражений арабы взяли Аморий – родину династии.. Внешние поражения и внутренняя нестабильность во многом привели к восстановлению икон в 843 (Торжество Православия). Правление Михаила III (842-867), негативно оцениваемое многими историками, на самом деле, характеризовалось рядом успехов в войнах с арабами и активизацией миссионерской деятельности – миссия к хазарам, крещение россов (860) Кирилло-Мефодиевская Миссия (862) и, наконец, крещение болгар (865).

С его именем связано также возрождение Константинопольского Университета.С другой стороны, в его правление произошла т.н. «Фотианская» схизма между Римом и Константинополем.

Восшествие новой Македонской династии (867-1056) связано с одной стороны, с павликианским мятежом Хрисохира (868-872), с другой стороны – победами над арабами. Император Василий I (867-886) и его сын Лев VI (886-912) провели ряд законодательных реформ. Правление Льва VI и его преемников ознаменовано войной с Симеоном, царем Болгарии – первой войной между православными государствами, в которую включился практически весь Балканский полуостров. В этой войне болгары впервые выдвинули претензии стать преемниками Византии. Война кончилась практически ничейным результатом и, несмотря на нек. территориальные приобретения Болгарии, подорвала ее потенциал. Начиная с тридцатых годов X в. Византия приступает к планомерному отвоеваний территорий в Сирии, Армении, Месопотамии. При Романе I Лакапине (919-944) и Константине Багрянородном (945-959) империя приобретает Самосату, Мелитену, Мараш, Феодосиополь (совр. Эрзерум), при Романе II (959-963) b Никифоре II (963-969) – Крит, Кипр, Тарс и Антиохию, при Иоанне Цимсисхии (969-975) – Алеппо, Бейрут, Тир, Назарет. Иоанну Цимисхию после войны со Святославом удается включить восточноболгарские земли в состав Империи (972). При Василии II Болгаробойце (976-1025) происходит продолжительная и ожесточенная война Византии с державой Самуила (986-1019), которая привела к покорению всех болгарских, а также сербских земель. Своим успехам императоры Македонской династии были обязаны тем, что старались сохранить фемный строй и защитить простых воинов-стратиотов от произвола знати – динатов. Однако, после смерти

Василия II в результате слабости его преемников контроль над знатью и бюрократией ослаб, что вызвало расцвет коррупции, упадок армии, народные движения на Балканах (восстание Петра Деляна 1038-1040, Константина Бодина – 1072). В 1054 г. Римская Церковь разорвала церковное общение с Константинополем. Если в течение первой половины XI в. Византия еще приобрела ряд территорий (Эдесса, 1032, Восточная Сицилия -1037-38, Армения – 1045), то начиная с шестидесятых годов под ударами сельджуков Империя теряет Армению, а затем и ряд малоазийских территорий. После катастрофы при Манцикерте 1071 г., вызванной предательством знати, Византия теряет почти все свои малоазийские владения и, одновременно - Апулию и Калабрию. С севера набеги печенегов опустошают балканские владения империи. Из глубокого кризиса Византию вывел Алексей I Комнин (1081-1118). Ему удалось отразить нашествие норманнского правителя Роберта Гвискара (1081-1085), остановить печенежские набеги. Вопреки мнению нек. представителей зап. историографии, Алексей Комнин отнюдь не призывал крестоносцев себе на помощь, тем не менее, он смог поставить вождей I Крестового похода себе на службу. Воспользовавшись разгромом крестоносцами сельджуков, в 1097-1099 гг. византийцы вернули себе значительную часть ранее утраченных территорий в Анатолии. Были освобождены Никея, Смирна, области Вифинии, Асии, Фригии, Ликии, Памфилии, Пафлагонии. Сельджукские владения были более чем на столетие ограничены центральной частью М. Азии. В 1116 г. имп. Алексею Комнину удалось нанести поражение иконийскому султану Масуду. В 30-40-х гг. имп. Иоанн II Комнин (118-1143) вел против иконийской династии Данишмандинов затяжную войну. Византийцы овладели крепостью Кастамон, временно удерживали Гангру, угрожали осадой Анкире и Неокесарии. Эти успехи привели к политическому кризису и упадку гос-ва Данишмандидов. В 1143-1146 и 1160 гг. имп. Мануил I Комнин вел войны против Иконийского султана и с мнению и смог добиться вассалитета, однако битва при Мириокефалоне (1176) положила конец стремлению византийцев отвоевать Малую Азию.

Император Иоанн II Комнин и Мануил I (1143-1180) совершили ряд походов в Киликийскую Армению и Антиохию и временно добились установления сюзеренитета Византии над Киликией и Антиохией. Стремление норманнов к захвату позиций на Балканах и настойчивые попытки империи восстановить свое прежнее положение в Юж. Италии привели к ряду морских войн (наиболее продолжительная в 1147-1158). Войны с Венгрией велись из-за пограничных крепостей на Дунае и позиций в Боснии и Сербии в 1127-1130, 1150-1155 и в 1166-1167 гг. В 1167 г. имп. Мануил совершил поход за Дунай и угрожал Белграду, что заставило венг. короля заключить мир, сохранивший равновесие в регионе. В 1122 и в 1140-х гг. Византии пришлось отражать крупные набеги половцев на Балканы. В 1171 г. предпринималась попытка завоевания Египта (вместе с Иерусалимским королевством)

Смерть императора Мануила привела к династическому и общему кризису Византийской империи, выразившемся в узурпации Андроника Комнина (1183-1185), резне итальянских купцов в К-поле и разграблении в отместку Фессалоник, восстании сербов и болгар, приведших к становлении независимой сербской жупании Немани и Второго Болгарского царства Асеней. Попытки представителя новой династии Исаака Ангела (1185-1195) подавить движения болгар и сербов не принесли успеха. От империи отложился Кипр, захваченный крестоносцами в 1191 г. Низложение и ослепление Исаака Ангела дало повод к вмешательству крестоносцев IV Крестового похода в византийские дела: в 1203 г. он был восстановлен, но должен выплатить огромную контрибуцию. Его смерть дала крестоносцам предлог для взятия Константинополя 11 апреля 1204 г.

Поздневизантийский период (1204-1453).

В результате IV Крестового похода была создана Латинская Романия в составе Константинополя, Фракии, островов и зависимых владений – Фессалоникийского королевства и Ахейского княжества. Венецианцы получили четвертую часть византийской империи, прежде всего – острова, в т.ч. Крит. В то же время ряд бывших византийских земель не принял власть крестоносцев – Трапезундская империя на севере Анатолии (столица Трапезунд), Эпирский деспотат (стол. Арта) и Никейская империя (стол. Никея). Трапезундская империя под одновременным ударом никейцев и сельджуков уже в 1214 г. вышла из борьбы за византийское наследство. Эпирский деспотат под руководством императора Михаила Ангела в двадцатые годы достиг значительной степени могущества, однако поражение от болгар при Клокотице (1230) свело на нет успехи эпиротов. Наибольших успехов в борьбе за восстановление византийской империи добилась Никея. При имп. Феодоре Ласкарисе (1204-1222) удалось в основном отстоять и увеличить малоазийские владения, при Иоанне Ватаци (1222-1254) начать отвоевание европейских владений – Фракии и греческой Македонии, в т.ч. Фессалоник (1246), а Константинополь подвергся осаде (1235 г.) При Михаиле VIII Палеологе (1258-1282) в битве при Пелагонии никейцами были наголову разбиты войска ахейского князя Гильома Виллардуэна и его эпирских союзников (1259) и заняли Вардарскую Македонию, а через 2 года, в 1261 г. никейские войска заняли Константинополь. В 1262 г. была занята часть Пелопоннеса. Однако, взятие К-поля вооружило против Михаила VIII значительную часть западного мира: Карл Анжуйский готовил интервенцию. Единственным выходом казалась уния с Римом, которая была заключена в Лионе в 1274 г., однако, из-за своего явно капитулянтского характера она не была принята большинством византийского общества и отменена преемником Михаила императором Андроником II Палеологом (1283-1328). В его правление была потеряна большая часть малоазийских владений (за исключением приморских городов), в т.ч. древняя столица Вифинии Пруса (1326 г.). Попытка использовать против турок каталонских рыцарей привела к т.н. «каталонской смуте» (1306-1316) и опустошению Малой Азии, Фракии, Македонии и Аттики. В правлении Андроника III (1328-1341) был приобретен Эпир, однако потеряны Никея (1330) и Никомидия (1337 г.) с остатками Вифинии. В начале правления малолетнего Иоанна V Палеолога (1342-1390) разразилась гражданская война (1342-1347), в результате которой империя потеряла большую часть своих балканских владений, захваченных сербами и болгарами. Гражданская война стала «точкой возврата» для Византии, поскольку Стефан Душан захватил «пять шестых» фракийских и македонских владений империи. После нее Византия теряет свой суверенитет. В 1354 г. турки высаживаются в Галлиполи и начинают планомерный захват Балкан. В 1362 г. они захватывают Адрианополь и делают его столицей Османского султаната. После битвы при Черномене (1371 г.) Иоанн V Палеолог становится вассалом султана Мурада I (1359-1389). Косовская битва 1389 г. определила господство турок над Балканами. Преемник Мурада Баязид I оккупировал Фессалоники и, воспользовался в качестве предлога укреплением стен К-поля и осадил его. Крестовый поход европейских рыцарей, поднятый по наущению Мануила II Палеолога (1390-1425) закончился разгромом при Никополе (1396). Только поражение Баязида под Анкарой (1402 г.) на 50 лет отсрочило гибель Византии. Однако, Византия, хотя и вернула себе Фессалоники, не смогла воспользоваться передышкой. Султан Мурад II (1421-1451) усилил натиск на империю, осадил Константинополь в 1422 г. и захватил Фессалоники. В этой обстановке император Иоанн VIII Палеолог с помощью унии, заключенной во Флоренции в 1439 г., пытается привлечь помощь

Запада для спасения Византии. Однако, уния лишь расколола Византйское общество. Помощь Запада оказалась безрезультатной: польский король Владислав Ягеллон был разбит и убит в битве под Варной в 1444 г., а венгерские войска разгромлены в битве на Косовом поле в 1448 г. В 1446 г. турки вторглись на Пелопоннес и угнали в плен 60000 человек. Султан Мехмет II (1451-1481) решил положить конец существованию Византийской империи как анклава, препятствовашего единству его балканских владений. В 1452 г. он выстроил крепость на берегу Босфора, а в марте 1453 г. осадил Константинополь. Против 200000 турецкой армии последний византийский император Константин XII Палеолог (1449-1453) смог выставить лишь 7000 защитников, помощь Запада ограничилась несколькими галерами и 700 воинами. Несмотря на героизм защитников, не раз срывавший турецкие атаки, Константинополь пал 29 мая 1453. Император был убит во время штурма, храм св. Софии стал мечетью. В 1460 г. был ликвидирован Морейский деспотат – остаток византийских владений на Пелопоннесе, а в 1461 – Трапезундская империя.

Причиной гибели Византии явились, с одной стороны натиск турок, с другой – отсутствие единства в обществе, сильной и эффективной власти, равнодушие элиты к обороне государства и его судьбам, засилье иностранных купцов и, как следствие, упадок ремесел, торговли и экономической жизни в целом. Последний удар общественному единству нанесла уния, ликвидированная после прихода турок.

Литература (общий список см.: приложение):

Визант. очерки. Т. 1-7. М.; СПб., 1961-2001; Inalçik H. The Ottoman Empire: The Classical Age (1300-1600). L.; N. Y., 1973; Toynbee A.Constantine Porphyrogenitos and his World. L., 1973; Медведев И. П. Визант. гуманизм XIV-XV вв. Л., 1976; Рудаков А. П. Очерки визант. культуры по данным греч. агиографии. СПб., 1972; Успенский Ф. И. История Визант. империи. М., 1997. 3 т.; он же. Очерки по истории визант. образованности. М., 19982; Васильев А. А. История Визант. империи. СПб., 1998. 2 т.; Оболенский Д. Визант. содружество наций. Шесть визант. портретов. М., 1998; Визант. цивилизация в освещении рос. ученых. М., 1999. 2 т.; Любарский Я. Н. Визант. историки и писатели. СПб., 1999; Грабар А. Император в визант. искусстве. М., 2000; Карпов С. П. Латинская Романия. СПб., 2000; Бородин О. Р. Равеннский экзархат: Византийцы в Италии. СПб., 2001; Медведев И. П. Правовая культура Визант. империи. СПб., 2001; Le monde byzantin / Dir. C. Morrison. P., 2004. Карпов С.А. Трапезундская империя. СПб. 2006.

ГЕНОЦИД

Геноци́д (от греч. γένος – род, племя и лат. caedo – убиваю) – в современном мире под геноцидом подразумевают прежде всего определение, данное этому понятию «Конвенцией о предупреждении преступления геноцида и наказания за него», принятой резолюцией 260 (III) Генеральной Ассамблеи ООН от 9 декабря 1948 г. Согласно данной конвенции геноцид – это действия, совершаемые с намерением уничтожить, полностью или частично, какую-либо национальную, этническую, расовую или религиозную группу как таковую посредством убийства членов такой группы; причинения серьезных телесных повреждений или умственного расстройства членам такой группы; предумышленного создания для какой-либо группы таких жизненных условий, которые рассчитаны на полное или частичное физическое уничтожение ее; мер, рассчитанные на предотвращение

деторождения в среде такой группы; насильственной передачей детей из одной человеческой группы в другую.

Сам термин «геноцид» достаточно молодой, так как до 1944 г. этого слова просто не существовало в мировой практике. Своим появлением он обязан польскому юристу еврейского происхождения Рафаэлю Лемкину (1900 – 1959), работавшему в США и давшему в 1944 г. именно такое определение нацистской политике систематического уничтожения европейских евреев. Предлагая этот термин, Лемкин имел в виду «координированный план различных действий, направленных на уничтожение жизненно важных основ существования национальных групп и самих этих групп как таковых». Уже спустя год слово «геноцид» использовалось Международным военным трибуналом в Нюрнберге (Германия), где было включено в обвинительный акт, правда, как описательный, а не правовой термин. Так как юрисдикция Нюрнбергского трибунала распространялась только на проявления геноцида во время войны, в послевоенное время назрела необходимость распространить наказуемость за него и на мирное время, чему способствовал широкий резонанс в мировом сообществе после раскрытия ужасных подробностей Холокоста и других преступлений гитлеровцев против человечности. Также во многом благодаря личным непрестанным усилиям самого Лемкина и прогрессивных сил всего мира, 9 декабря 1948 г. Организация Объединенных Наций одобрила «Конвенцию о предупреждении преступления геноцида и наказании за него», которая объявляла геноцид преступлением, которое нарушает нормы международного права. Подписавшие конвенцию государства обязывались «принимать меры предупреждения» против него и «карать за его совершение». С тех пор понятие геноцида прочно утвердилось в мировом сознании как первое по значимости преступление против человечности, как из-за своего масштаба, так и умысла – уничтожения целой группы. В силу этого, а также опыта участия в нём таких больших структурных единиц как государство, данное преступление изначально требует вмешательства международного права и сообщества.

Первоначально планировалось включить в конвенцию и уничтожение политических групп (политические убийства), но под давлением СССР и некоторых других стран данные положения были убраны из конвенции, чтобы не создавать лишних проблем при её принятии в условиях биполярного разделения мира на пике расцвета холодной войны. Несмотря на отсутствие в тексте Конвенции упоминаний политических убийств, на Западе данный вопрос был и остаётся актуален в контексте противостояния с СССР и другими недемократическими государствами, поэтому некоторыми экспертами был даже предложен специальный термин политицид, сохранявший за геноцидом его традиционные определения, но ставивший знак равенства между этими понятиями.

Несмотря на наличие юридического определения понятия геноцида, признание факта этого преступления на международном уровне часто является проблематичным. Во многих случаях власти, которым инкриминируют геноцид, не желают его признавать его. Очень часто акт геноцида признаётся уже преемниками власти, ответственной за него. В мировой практике нередки случаи, когда геноцид признаётся лишь отдельными третьими странами. В правоприменительной практике существует и другая проблема: правомочно ли считать актом геноцида события, попадающие под его определение, но совершённые до принятия конвенции, то есть до 1948 г. В юридическом сообществе так и не выработан единый подход к этой проблеме, однако вне зависимости от мнения юристов, политические и общественные деятели, журналисты и историки явочном порядков экстраполируют термин на события, имевшие место до его появления. Ведь в истории человечества можно отыскать немало примеров геноцида, начиная с древнейших времён и вплоть

до наших дней. Особенно это характерно для многочисленных истребительных войн и опустошительных нашествий, походов завоевателей, внутренних межэтнических и межконфессиональных столкновений, а также для эпохи образования колониальных империй европейских держав.

Многими историками признаётся, что геноцид как реальная политика существовал задолго до того, как его морально заклеймило и юридически осудило мировое сообщество. И эти преступления геноцида органически связаны многочисленными идеологическими концепциями, пропагандирующими религиозную, расовую и национальную ненависть и нетерпимость, господство т. н. «высших» над «низшими» и т.п. Среди наиболее крупных, наиболее известных и обсуждаемых актов геноцида в истории можно выделить следующие:

1. Резня катаров («Крестовый поход против альбигойцев»; 1209-1229; религиозный)
2. Геноцид аборигенов Америки (1492 г. – конец XX в.; расовый; возможно, самый масштабный в истории человечества – десятки миллионов прямых и косвенных жертв)
3. Геноцид австралийских аборигенов (1788 г. – XIX в.; расовый; сотни тысяч жертв)
4. Геноцид конголезского населения (1884-1908; расовый; до 10 миллионов жертв)
5. Уничтожение коренных народов Намибии (племён хереро и нама; 1904-1907; расово-этнический; десятки тысяч жертв)
6. Геноцид армян (1894-1923; этнический; несколько миллионов жертв)
7. Геноцид ассирийцев (1914-1923; этнический; сотни тысяч жертв)
8. Геноцид понтийских греков (1919-1923; этнический, до миллиона жертв)
9. Холокост (1933-1945; расово-этнический; 6 миллионов жертв)
10. План Ост (1939-1944; расово-этнический, до 20 миллионов жертв)
11. Геноцид сербов (1941-1944; религиозно-этнический; сотни тысяч жертв)
12. Военные преступления японской императорской армии (1930-1945; этнический; миллионы жертв)
13. Геноцид в Камбодже (1975-1979; классово-этнический; более 1,5 миллиона жертв)
14. Геноцид африканского населения в Дарфуре (с 2003 г. до настоящего времени; этно-политический; сотни тысяч жертв)
15. Геноцид в Руанде (1994; этнический; до миллиона жертв)

Этот список явно не полон и может быть добавлен многочисленными случаями т.н. «маленьких» геноцидов, творимых почти повсеместно, особенно в военное время. Интересно отметить, что большинство реально имевших место фактов геноцида так или иначе связаны с имперской или колониальной практикой: часто при расширении своего государства вставал вопрос о судьбе иноэтничных присоединённых групп населения, которых не всегда было возможно заставить эффективно трудиться на себя, либо же подавить их открытое или скрытное сопротивление. В таких случаях вариант радикального решения проблемы всегда мог рассматриваться колониальными и имперскими властями, хотя и не всегда принимался. При этом изначально геноцид являлся системным процессом: беспричинное уничтожение огромной массы людей было неприемлемо для завоевателя, прежде всего по моральным причинам и благодаря факторам внутреннего и мирового общественного мнения (что особенно важно после середины XIX в.). Поэтому на помощь организаторам геноцида были присланы многочисленные идеологические концепции, облегчавшие их задачу.

Таким образом, до становления классической эпохи империализма геноцид являлся одним из средств проведения колониальной политики, но лишь фашистские

и нацистские теории сделали его по настоящему массовым. Важно подчеркнуть, что в эру колониализма классический геноцид применялся не всегда. Геноцид – не только физическое уничтожение людей, но также и ликвидация языка и культуры – национально-культурный геноцид – для подавления склонности к сопротивлению. Распространён был и биологический геноцид – препятствие росту народонаселения. Как уже говорилось выше, теоретическое оформление практики геноцида, когда он стал частью идеологии, стало возможным лишь с середины XIX в., когда появились современные расовые доктрины, а многие исторические преобразования стали объясняться особенностью рас – расовым фактором – движущей силой истории. Благодаря этому появилась идеологическая основа геноцида. Она формировалась в трудах Жозефа Артюра Гобино (1816-1882 – «Опыт о неравенстве человеческих рас», 1853); Жоржа Ваши де Ляпужа (1854-1936); Хаустона Стюарта Чемберлена (1855-1927); Фридриха Ницше (1844-1900). Отсюда гитлеризм, при котором геноцид вошёл в ранг официальной политики немецкого государства, не содержал принципиально новых идей – но в нём был собран воинствующий расизм в наиболее открытой и террористической форме. Активно расовая идеология развивалась и в США. Здесь стоит отметить книгу Нотти и Глиддона – «Типы человечества»; труд Мэдисона Гранта «Конец великой расы»; работу Ллойда Вернера и Лео Срола «Социальные системы американских этнических групп» (1945); Теодора Бильбо «Выбирайте между изоляционизмом и превращением в ублюдков» (1947) и В. Фогта «Путь к согласию» (1948). В трудах этих и других проповедников расизма всё человечество делилось на категории в соответствии с их расовыми качествами, но проповедь геноцида наиболее открыто звучала, прежде всего, против колониальных народов.

В заключение стоит отметить, что хотя геноцид признаётся мировым сообществом как тягчайшее преступление против человечества, в ряде конкретных случаев, когда ставится вопрос о признании геноцида, объективная и беспристрастная оценка имевших место в прошлом действий становится невозможной, а само обсуждение проблемы геноцида становится чрезмерно политизированным. Даже при наличии весомых доказательств совершения актов геноцида, виновные страны и их правительства не спешат их признавать. Наряду с чисто моральными причинами этого (формирование комплекса вины и достаточно болезненная смена мировоззрения и исторической памяти) имеется и сугубо меркантильный, материальный фактор – нежелание выплачивать многомиллиардные компенсации потомкам жертв геноцида, что предполагает современная юридическая практика. Это тем более очевидно, что исторический опыт демонстрирует, что как правило, потомки пострадавших от геноцида живут в государствах с менее развитыми социально-экономическими показателями, нежели страны, потенциальные правопреемницы правительств, совершавших геноцид. Притом доказать зависимость понижения этого уровня от последствий геноцида крайне затруднительно. Кроме этого, наличие в конвенции определения геноцида не только как действий, направленных на прямое уничтожение, но и действий косвенного характера (культурный, демографический геноцид) позволяют в ряде случаев очень широко толковать данное явления, что обесцвечивает сам смысл преступления (пример широко обсуждаемого в российском сегменте интернете геноцида русского народа в постсоветской России).

Литература:

Андрюхин М.Н. Геноцид в политике империалистических государств. М., 1967; Андрюхин М.Н. Геноцид – тягчайшее преступление против человечества. М., 1961; Геноцид / Пред. и общ. ред. проф. А.А. Галкина. М., 1985; Губин В.Ф. Расовая дискриминация: реакционная сущность и международная противоправность. М.,

1979; Оганесьян Ю.С. Империализм и расизм. М., 1970; Современный расизм как он есть / Авт.-сост. И. Ножнова, Ю. Оганесьян. 2-е изд., перераб. И доп. М., 1985; Card Claudia. Genocide and Social Death // Hypatia, Vol. 18, No. 1, Feminist Philosophy and the Problem of Evil (Winter, 2003),pp. 63-79; Destexhe Alain. The Third Genocide // Foreign Policy, No. 97 (Winter, 1994-1995), pp. 3-17; Docker John. The Enlightenment and Genocide // Journal of Narrative Theory, Vol. 33, No. 3 (Fall, 2003), pp. 292-314; Finch George A. The Genocide Convention // The American Journal of International Law, Vol. 43, No. 4 (Oct., 1949), pp. 732-738; http://genocide.ru/

ГЕРМАНСКАЯ КОЛОНИАЛЬНАЯ ИМПЕРИЯ

Колониальная предыстория

Первые попытки германской колонизации связаны с периодом существования Ганзы. В дальнейшем, в годы правления императора Карла V, аугсбургские банкиры Вельзеры в течение 27 лет (с 1529 по 1556 гг.) осуществляли эксплуатацию Венесуэлы («маленькой Венеции» - Klein-Venedig), прежде чем страна окончательно вернулась под управление испанской короны. Известен также проект баварского банкира Иоганна Бехера основать колонию своих соотечественников на американском континенте и в голландской Гвинее. Проект создания собственной «вест-индской» компании получил поддержку императора «Священной римской империи», но не был реализован.

Первая попытка основать германскую колонию в полном смысле этого слова относится к правлению великого курфюста Бранденбурга Фридриха-Вильгельма (1620-1688). 1 января 1683 г. на западном берегу Африки (нынешняя Гана) майор Отто Фридрих фон дер Гребена поднял бранденбургский флаг и заложил крепость «Гросс Фридрихсбург», откуда затем в течение двух десятилетий вывозились рабы, золото, слоновая кость, страусовое перо, соль и каучук. Колония просуществовала до 1717 г., после чего была продана Вест-Индской компании (вошла в состав колонии Голландская Гвинея). В 1685 г. Бранденбургско-африканская компания основала колонию на о. Аргуин у западного побережья Мавритании. Капитан фрегата «Красный лев» Корнелиус Реерс восстановил существовавшую на острове старую португальскую крепость и заключил с королём Аргуина договор, провозглашавшим Бранденбург государством-протектором. Удачное географическое положение острова позволяло ему играть роль перевалочного пункта мировой торговли каучуком. Остров был захвачен французами в 1721 г.

Кроме того, Бранденбургом предпринимались попытки приобрести опорные пункты в Карибском море: на арендованной у Дании, а затем аннексированной части о. Санкт-Томас (1685-1720), на Крабовом острове (нынешняя Гайана, 1689—1693) и о. Тертолен (1696).

Этапы формирования колониальной империи

В недолгой истории германского колониального правления традиционно выделяют три периода: (1) колониальные приобретения в период канцлерства О. фон Бисмарка (1884-1890), (2) переходный период первых шагов на пути выстраивания колониальной империи (1890-1906) и, наконец, (3) период рациональной, «научной» колонизации (1906-1914).

На первом этапе управление колониями было в руках частных компаний под защитой «охранных грамот» Германского рейха. Первой заботой этих компаний была эксплуатация ресурсов приобретенных территорий, вложения в их развитие были минимальны. Что касается политики государства, то основной заботой Берлина было лишь распространить между вождями африканских племен

имперские знамена и обосновать свои притязания на протекторат над ними перед европейскими дипломатическими канцеляриями.

На втором этапе управление колоний из рук компаний окончательно переходит к государственным чиновникам, военным и концессионерам. Это фаза административного и хозяйственного освоения имперских территорий, первые попытки сделать их доходными для казны. Эти усилия потерпели фиаско с целой серией мощных восстаний, потрясших германскую Африку в начале XX в.: восстания нама и герреро в Германской Юго-Западной Африке, восстание «маджи-маджи» в Германской Восточной Африке и волнения в Камеруне в 1904-1906 гг. Впервые колониальные проблемы выдвигаются на первый план внутриполитической жизни Германии, приведя к острому парламентскому кризису и перегруппировке политических сил («готтентотский блок»).

Заключительный этап выделяется на основе колониальной реформы, проводившейся с 1906 г. и связанной с именем Бернхарда Дернбурга, главы специально созданного отдела колоний в министерстве иностранных дел Германии, а в 1907-10 гг. – статс-секретаря по делам колоний. Вдохновляясь британским колониальным опытом, Дернбург отстаивал целую программу мер, направленную на «научное», рациональное освоение заморских территорий. Признавалось необходимым достижение большей автономности колониальной администрации и осуществление продуманной государственной программы экономического развития колоний, сопряженного с серьезными финансовыми и техническими инвестициями. Все вместе это должно было позволить перейти от простого ограбления местного населения, неминуемых восстаний и высоких военных расходов к достижению колониями самоокупаемости и, в перспективе, устойчивой доходности для казны. Местное население признавалось «важным активом» германской колониальной экономики, требующим соответствующего обеспечения. Попытки реализации этого нового курса на местах в ряде случаев дали свои ограниченные плоды, однако коренное население германских протекторатов едва ли успело до первой мировой войны ощутить серьезные изменения к лучшему.

Говоря о месте колониальной политики в дипломатии Германии, следует отметить, что на первом этапе она не относилась к числу приоритетов для страны, равно как и не имела широкой поддержки общественного мнения. Тем не менее, в 1873 году было организовано «Африканское общество в Германии», ставившее своей целью географическое исследование Африки. В 1881 г. в Африке находилось уже не менее 45 немецких исследовательских экспедиций. В 1870-е гг. в стране активизируется пропаганда в пользу приобретения торговых и поселенческих колоний в целях решения проблемы «перенаселения» Империи и проблемы германской эмиграции за океан. Однако канцлер О. фон Бисмарк был противником активной колониальной политики, неминуемо вовлекающей Германскую империю в противоречия с Великобританией. Колониальная политика была для Бисмарка скорее одним из средств достижения общественного согласия. Переход к приобретению первых колоний в немалой степени был продиктован потребностью привлечь перед выборами 1884 г. на сторону правительства немецкую национал-либеральную партию и «переключить» внимание общества после провала политики «Культуркампфа».

Важно отметить, что германская колониальная политика при Бисмарке была подчинена императивам его европейской политики. В частности, распоряжение о захвате Камеруна было сделано Бисмарком накануне Берлинской Африканской конференции (ноябрь 1884 – февраль 1885) с тем, чтобы не прийти на нее с пустыми руками. К началу 1880-х гг. в пользу колониальных приобретений высказывался и германский деловой мир. В 1882 г. – 200-летнюю годовщину основания «Бранденбургско-Африканской компании» – был создан «Германский

Колониальный союз», который должен был подготовить в пропагандистском и организационном отношении основание колоний частными обществами. Вслед за этим появился еще ряд колониальных объединений, слившихся в 1887 г. в «Германское колониальное общество». «Общество» имело более трехсот отделений по стране и собственный печатный орган – «Колониальную газету». Символичным эпизодом было и посещение в 1884 г. германским корветом «София» руин Гросс Фридрихсбурга. Шесть старинных пушек, доставленных им в Берлин, должны были зримо установить связь времен между колониальным прошлым и настоящим Германии.

Первоначально германские интересы были оформлены в южной части Океании (в т.н. Южных морях), где в 1860-70-е гг. сложилась германская сфера влияния в районе архипелага Самоа. В 1879 г. Германия заключила договор с Самоа, создавший благоприятные условия для экономической эксплуатации островов немецкими фирмами, а имперский военно-морской флот приобрел опорный пункт.

В 1883 году председатель торговой палаты Гамбурга и владелец крупнейшей из действовавших в Африке немецкой торговой и судостроительной фирмы К. Вёрман предложил правительству аннексировать широкую полосу прибрежных земель Камеруна. В ответ Бисмарк отдал распоряжение генеральному консулу в Тунисе Густаву Нахтигалю, отплывавшему в Атлантику на военном корабле, водрузить германские флаги в местах, указанных Вёрманом. 12 июля им был утвержден протекторат над Камеруном. По собственной инициативе Нахтигаль также поставил (4 июля 1884 г.) под германский контроль 50-километровую полосу Западноафриканского побережья между британской колонией Золотой берег и Дагомеей, входившей в сферу французских интересов. Эта территория послужила плацдармом для создания германской колонии Того, где уже несколько десятилетий действовало Северогерманское миссионерское общество. Повсюду Нахтигаль столкнулся с британским противодействием. Так, в частности, в Камеруне он лишь на два дня опередил английского губернатора Золотого берега Гавета, прибывшего для аннексии этой территории.

Бисмарк также поддержал просьбу о защите бременского коммерсанта Адольфа Людерица, который в расчете найти золото и алмазы «приобрел» в мае 1883 г. у местного африканского вождя бухту Ангра-Пекена и полосу прилегающего побережья. В 1884 г. германские военные корабли подняли имперские флаги по всему побережью Юго-Западной Африки от реки Оранжевой до реки Кунене, что изрядно выходило за пределы территориальных притязаний Людерица.

Тот же итог имела деятельность председателя созданного в марте 1884 года Общества германской колонизации Карла Петерса, приобретшего ряд территорий в глубине Восточноафриканского побережья. Особенностью его действий было то, что Петерс в силу своих авантюристических наклонностей и безграничного честолюбия не располагал доверием не только германского МИДа, но и сколь-нибудь крупных банкиров и промышленников. Деятельность Петерса поначалу не заслужили одобрения германского правительства, стремившегося в тот момент приобрести протекторат над Занзибаром. Лишь после окончания Берлинской конференции по Конго в феврале 1885 г. Бисмарк согласился выдать очередную имперскую «охранную грамоту» на приобретенные Петерсом земли. В 1887 г. «Германское общество Восточной Африки» Петерса было реорганизовано, после чего в него вошли новые крупные акционеры, не исключая самого императора Вильгельма I.

В те же годы представители ряда других германских фирм попытались закрепиться в районе Нигера и Южной Сенегамбии, но их попытки закончились

неудачей.

Сменивший Бисмарка на посту канцлера Лео фон Каприви рассчитывал привлечь Великобританию к Тройственному союзу (1882), во имя чего пошел на заключения с ней соглашения по колониальным вопросам – так называемый Гельголанд-Занзибарский договор (1890), предусматривавший также урегулирование пограничных проблем между обеими странами в Африке. Германия отказывалась в пользу Англии от своего протектората над Виту (часть Германской Восточной Африки, ныне – часть Кении), отказывалась от притязаний на Уганду и Сомали, соглашалась с установлением британского протектората над Занзибаром. В ответ Германия получала остров Гельголанд в Северном море, часть полосы Восточноафриканского побережья с выплатой компенсации султану Занзибара и о. Мафия. Германская Юго-Западная Африка приобрела выход к Замбези (так называемый «язык Каприви» - Caprivi Zipfel), что обеспечило связь по реке между немецкими колониями в Юго-Западной и Восточной Африке.

Третий этап расширения германской колониальной империи был связан с поражением Испании в испано-американской войне 1898 года. Претендовавшая изначально на Филиппины Германия была вынуждена удовлетвориться покупкой у Испании в 1899 г. расположенных в Тихом океане Каролинских, Марианских островов (кроме Гуама) и островов Палау. Воспользовавшись затруднительным положением Лондона в связи с англо-бурской войной (1899-1902), Германия добилась в 1899 г. передачи ей двух западных островов (Савайи и Уполу) из архипелага Самоа, над которым с 1889 г. осуществлялся кондоминиум (совладение) Германии, Великобритании и США. Переход Германии к «мировой политике» в конце 1890-х гг., связанный с развертыванием грандиозного военно-морского строительства, подталкивал к поиску опорных пунктов и угольных станций на стратегически важных направлениях. В рамках данной политики Германией в ноябре 1897 г. была приобретена бухта Киао-Чао (Циндао) в Китае.

К концу XIX в. колонии Германии достигли площади в 2 953 тыс. кв. км и населения в 12 миллионов человек (из них менее 29 тыс. - европейцы). Все германские колонии официально имели статус протектората (Schutzgebiet). Следует отметить, что колониальные владения сыграли крайне незначительную роль в экономическом развитии метрополии. На долю германских колоний приходилось только 0,6 % германского экспорта (51,9 млн. марок). Примечательно, что объем вывозимых германских товаров в остальные страны Африки (исключая Марокко) при этом был почти в три раза больше – ок. 136,3 млн. марок. То же касалось и положения с импортом из Африки. Общая стоимость товаров из германских колоний, ввезенных в 1913 г. в метрополию, оценивалась лишь в 49,8 млн. марок (0,5% всего импорта), тогда как из остальной Африки (исключая Марокко) – 339 млн. марок (4% германского импорта). Таким образом, колониальным владениям Германии так и не суждено было стать ни полноценным сырьевым придатком германской промышленности, ни сколь-нибудь существенным рынком сбыта ее товаров. То же касалось и германских инвестиций в собственные колонии. На начало Первой мировой войны здесь «работало» не более 2% размещенных за границей германских капиталов (ок. 500 млн. марок). С учетом расходов на ведение войн и подавление восстаний в африканских колониях, выделенных государством субсидий (за 1884-1914 гг. – ок. 646 млн. марок) и крайне низких отчислений в виде налогов и таможенных сборов, Германская колониальная империя оказалась хронически убыточным предприятием.

В результате поражения Германии в Первой мировой войне ее колониальная империя прекратит свое существование, а ее колонии в качестве «мандатов» Лиги Наций будут разделены между странами-победительницами в соответствии с решением Парижской мирной конференции.

Основные территории: место в общеимперской системе

Германская Западная Африка (Deutsch-Westafrika) – Того и Камерун.

Того. К моменту появления немцев крупнейшими поселениями на побережье были Анехо и Порто Сегуро, численность жителей которых достигала нескольких тысяч. Большинство других деревень населяло не более сотни жителей. Большинство обитателей побережья относились к племени эве. Еще два крупных поселения – Гриджи и Того были расположены в большой лагуне в глубь материка.

Того пользовалось репутацией «образцовой» германской колонией. Это, впрочем, было связано не с общими принципами колониального управления страны, а с ее финансовым положением. В отличие от всех прочих колониальных владений Германской империи, Того довольно быстро вышло на самоокупаемость. Достигнуто это было за счет высоких таможенных пошлин и налогов с местного населения. Именно в этой связи колония не требовала крупных дотаций из метрополии и ставилась в пример остальным.

Важным отличием Того от прочих германских колоний было и то, что она с самого начала управлялась правительственными чиновниками. Сразу же после формального провозглашения протектората в июне 1884 г. был сформирован Временный совет колонии. В 1885 г. ему на смену пришел Имперский комиссар (Imperial Commissioner). Присутствие немцев вначале было крайне незначительным – еще в 1890 г. в стране насчитывалось всего двенадцать чиновников из состава местной немецкой колониальной администрации.

В 1894 г. местные «полицейские силы» (Polizeitruppe) были реорганизованы, их численность была доведена до 144 человек. С этого момента начинается т. н. «замирение» Того. Все очаги сопротивления в центральных районах страны были подавлены, целый ряд поселений был сожжен дотла, местные племена были обложены высокими штрафами, а часть их имущества была конфискована. До конца столетия местные «полицейские силы» совершили не менее 35 военных походов по небольшой стране, в ходе которых произошло не менее полусотни сражений и стычек с местным населением. Особенно сильное сопротивление властям оказывали народы кабье и конкомба. По итогам походов «полицейских войск» в стране основывались все новые опорные пункты.

Проникновение германского влияния вглубь материка дополнялось все более широким вмешательством колониальной администрации в жизнь местного населения. Первоначальные мотивы были экономическими – направить торговлю каучуком к побережью Того и положить конец контрабанде через Золотой берег. В 1898 г. административный центр колонии был перенесен из Себе в Ломе, климат которого считался более здоровым для европейцев. Именно с этого момента выстраивается механизм полноценной колониальной администрации во главе с губернатором. При губернаторе действовал Административный совет (Verwaltungsrat) и с 1904 г. также – Правительственный совет (Gouvernementsrat), обсуждавший бюджет и местное законодательство, но имевший лишь совещательные функции. В совет входило как минимум три частных лица – обычно из числа германских торговцев колонии. В помощь губернатору был введен пост первого референта, исполнявшего также функции его заместителя, и ряд секретарей по вопросам финансовым и юридическим вопросам, образования, путей сообщения и т.д. С распространением контроля на территорию всей колонии выделялись также административные районы с местными окружными инспекторами, значительную часть которых составляли военные, появившиеся в Того в период его «исследования» и «умиротворения». Даже санитарные врачи имели вооруженную охрану, поскольку это считалось признаком их власти и придавало им высокое положение в глазах туземцев.

Уголовный Кодекс, принятый декретом императора 22 апреля 1896 г., давал

окружным инспекторам практически абсолютную власть над населением соответствующих округов. Единственное ограничение было введено для штрафов, превышающих 300 марок и тюремного заключения на срок свыше 6 месяцев. Смертный приговор мог быть подписан только губернатором. При этом колониальные власти побуждали учитывать местные обычаи и избегать самых суровых наказаний за практику кровной мести и фетишизм. С усилением роли государства в колонии самые жестокие наказания вроде смертной казни и пожизненного содержания в цепях стали редкостью. Однако в полной мере сохранялась практика телесных наказаний.

В начале XX в. вопросы сбора налогов и отбывания трудовой повинности из рук местных вождей окончательно перешли к назначавшимся колониальными властями чиновникам. С упрочнением своих позиций колонизаторы перестали принимать во внимание сложившуюся к их приходу властную пирамиду племенных вождей. Все крупные и мелкие африканские вожди стали рассматриваться как равные и независимые друг от друга. Это способствовало задаче подрыва их традиционной власти среди своих соплеменников.

До 1907 г. практически весь труд, осуществляемый местным населением по указанию колониальных властей и частных торговых фирм, был принудительным. В дальнейшем специальный закон об общественных работах предписывал осуществлять вознаграждение за труд, не связанный с прокладкой дорог и железнодорожных линий. Нехватка рабочих рук при прокладки транспортных путей привела к практике создания «исправительных лагерей», куда отправлялись за акты неповиновения вождям и надзирателям.

Население также несло тяжелое налоговое бремя – как в виде пошлин на ввозившиеся товары (к 1903 г. 88% доходов колонии), так и прямых налогов. К последнему, в частности, относилась 12-дневная трудовая повинность, от которой также можно было откупиться деньгами и натурой. Последнее было характерно для городских районов Ломе и Анехо. Местному населению было позволено заниматься только розничной торговлей – при уплате подоходного налога в 100 марок в год. Весь экспорт и импорт составлял исключительное право европейцев.

Особенностью положения Того – в отличие от Камеруна и Восточной Африки – было отсутствие острых противоречий между европейцами и местным населением из-за владения землей. Первой причиной было то, что Того никогда не управлялся привилегированными компаниями. Вторая заключалась в климатических особенностях, делавших невозможным привлечение большого числа белых поселенцев. Пригодная для сельского хозяйства земля уже была наилучшим образом введена в оборот крестьянскими хозяйствами. Играли свою роль и небольшие размеры колонии. Большая часть пригодных для сельского хозяйства земель была занята под плантации кокосовой пальмы и, позднее, под разведение какао. Попытки внедрения европейских культур успеха не имели. Накануне Первой мировой войны в стране проживало немногим более 4 тыс. европейцев, две третьих которых составляли правительственные чиновники и военные. Значительную долю частных лиц составляли немецкие миссионеры, также не связанные с сельским хозяйством. В значительной мере это объясняет норму, согласно которой земля местных племен не подлежала отчуждению без согласия на то губернатора колонии.

Тем не менее, колониальные власти не оставляли усилий увеличить объем и доходность экспорта. Наибольшее внимание при этом уделялось разведению хлопка. Ежегодный экспорт хлопка из Того с 1902 по 1913 г. вырос с 1,5 до 50 тонн. Тогда же из страны было вывезено 4 тыс. т. пальмового масла и 13 тыс. т. кофейных зерен. Общая сумма экспорта продукции сельского хозяйства составила ок. 8 млн. марок.

Уделялось значительное внимание и развитию дорог, которые должны были связать крупнейшие поселения на побережье с сельскохозяйственными районами в

глубине страны. С 1892 г. в Того началась прокладка первой железнодорожной линии. К 1914 г. колонизаторы построили около 1 тыс. км. дорог и три железнодорожные ветки, соединившие Ломе с Анехо (1905), Ломе с Палиме (1907) и Ломе с Атакпаме (1911). В указанных населенных пунктах также были открыты больницы. Плата за обращение за медицинской помощью доходила до 3 марок за визит, стационарное лечение – до 6 марок, что при среднем ежедневном доходе в полмарки было довольно дорогой платой для местного населения. Впрочем, правительственные чиновники и неимущие пользовались правом бесплатной медицинской помощи. В 1910 г. в больницах Ломе и Анехо лечилось около 7 тыс. пациентов. Врачи также периодически проводили обследования за пределами крупнейших поселений.

Гораздо более скромными были успехи колониальных властей в области образования. Как и в остальных частях германской Африки, основную роль на себя брали миссионерские организации, такие как Бременская миссия, Веслейская миссия, Общество божественного слова и Общество африканских миссий. Первая миссионерская школа была открыта в 1891 г., первая государственная – в 1905 г. В 1912 г. в государственных школах обучалось всего 335 учеников, тогда как в миссионерских – 14306.

Отдельной заботой колониальных властей составляла проблема миграции местного африканского населения. Поначалу колониальные власти не препятствовали миграциям, но затем это явление было превращено в доходную статью бюджета колонии. В 1892 г. на всех покидающих границы колонии был введен налог в 10 марок, который затем был поднят до 20 марок. Миграции принимали огромные масштабы. Так, например, только в 1900 г. более 14 тыс. человек пересекли границу между округом Мисахоэ и британским Золотым берегом (Ганой) ради торговли и посещения родственников. Большая часть спустя какое-то время возвращалась обратно.

Того не пережил злодеяний, творившихся в Германской Юго-Западной Африке, Восточной Африке или Камеруне. Но это не означало, что философия колониальных властей здесь сильно отличались от прочих уголков германской колониальной империи. Отличие заключалось в мере, но никак не в качестве.

Камерун. Первое десятилетие германское управление распространялось только на побережье. До середины 1890-х гг. главной целью местной колониальной администрации было покончить с монополией народа дуала на внутреннем торговом рынке, которая препятствовала доступу европейцев к рынкам сбыта своих товаров и источникам сырья. Большинство жителей (дуала, яунде, баса, фанг) говорило на языках языковой группы Банту. На самом севере колонии (где проживали народы фулани, канури, арабы шоа), связанном одной культурой с Суданом, был распространен ислам.

Как и в случае с Того, первый губернатор Камеруна, Ю. фон Зоден, был назначен уже вскоре после формального приобретения территории в 1885 г. Многие бюрократические институты, внедренные впоследствии в германских колониях, были изначально опробованы в Камеруне, хотя число чиновников в колонии оставалось невысоким.

Первоначально германская экспансия осуществлялась на территориях к западу от Дуала, более подходящих для сельского хозяйства и удобных в качестве плацдарма для торговли с удаленными районами. До конца 80-х гг. внутренние районы страны оставались недоступны для германских торговцев, что побудило местную администрацию во главе с временным губернатором Карлом Теодором Ляйстом наращивать местные полицейские силы. Большая их часть состояла из навербованных немцами солдат из Дагомеи. С Ляйстом был связан и самый скандальный эпизод в истории колонии, когда приказание губернатора публично

перепороть жен дагомейских солдат, составлявших ядро полицейских сил колонии, привело в декабре 1893 г. к почти недельному восстанию, в которое оказались вовлечены около сотни дагомейцев. На волне общественному возмущения в Германии Ляйст был подвергнут штрафу и вскоре оказался уволен со службы.

Дальнейший рост численности германских войск был связан с необходимостью подавления восстания 1891-92 гг. в области Або. Самые крупные походы были осуществлены на севере страны, против местных мусульманских княжеств (прежде всего, фулани). Использовав соперничество княжества, немцам быстро удалось поставить их под свой контроль. Здесь немцы ограничились утверждением верховного сюзеренитета, прибегнув по примеру соседей-британцев к методам косвенного управления. Существовавшая на момент их появления политическая система княжеств была сохранена. Местные властители под надзором «резидентов» - германских офицеров из числа колониальных войск - собирали с населения «дань» в денежной и натуральной форме (200 тыс. марок в 1914 г.). Однако «резидент» не имел права вмешиваться во внутренние дела «подопечных» территорий. То же касалось и положения ислама. Деятельность христианских миссионеров на севере Камеруна была запрещена. Пользуясь германским покровительством, местные султаны даже осуществляли своеобразный «субимпериализм», распространяя свою власть и на немусульманские территории. В Северном Камеруне, однако, немцы не нашли практически никаких полезных ископаемых и природных богатств.

При приемнике Ляйста на посту губернатора, Й. фон Путкамере (1895-1907), начинается систематическое распространение германского владычества на все сферы жизни страны. Полицейские силы колонии были развернуты в «колониальные войска» («Schutztruppe»), численность которых к 1900 г. достигла 40 офицеров, 53 унтер-офицеров и 900 солдат-африканцев. Этими силами в течение нескольких лет удалось подавить сопротивление народов бококо, яонде, бане и булу и обеспечить контроль над Южным Камеруном.

С именем Путкамера связаны и попытки хозяйственно-экономического развития страны.

Дело в том, что в отличие от соседнего Того, Камерун испытывал хронический дефицит бюджета. Путкамер предпринял попытку укоренить начала капитализма на африканской почве, переведя местное население на прямое налогообложение и оплачиваемый труд. Однако его инициативы вызвали критику местных предпринимательских кругов и миссионеров, опасавшихся чрезмерного расшатывания традиционных устоев африканского общества, его стремительной «пролетаризации» и связанного со всем этим роста социального напряжения.

Серьезных попыток превратить Камерун в поселенческую колонию не предпринималось, что было связано, прежде всего, с крайне неблагоприятным для европейцев климатом. Достаточно отметить, что из шестидесяти направленных между 1886 и 1896 гг. в Камерун миссионеров, не меньше трети стали жертвами малярии. По этой причине европейцы в Камерне проживали, прежде всего, на побережье в поселениях Дуала, Криби и Яунде, а также в Буэе, куда при Путкамере была перенесена резиденция администрации колонии (считалось, что климат Буаэ, расположенной на склонах горы Камерун более благоприятен для европейцев). В Камеруне были предприняты также попытки развернуть плантационное хозяйство. Однако большинство попыток осталось безуспешными, местные германские сельскохозяйственные фирмы были недолговечны. Производство развернутых на побережье и на вулканических склонах горы Камерун германских плантаций уступало сельскохозяйственному производству местного населения.

Тем не менее, между 1896 и 1905 гг. Камерун почти всегда возглавлял список германских владений по объему экспорта колониальных товаров, став для

метрополии важным источником сельскохозяйственного сырья. В 1913 г. общая стоимость камерунского экспорта, основу которого составляли традиционные африканские товары, оценивалась в 29 млн. марок.

Более половины экспорта колонии приходилась на каучук, спрос на который в мире неуклонно рос. Наряду со слоновой костью каучук являлся единственным продуктом африканской экономики, который многократно окупал высокие расходы на транспортировку. Добычей каучука в Камеруне занимались 49 фирм, в штате которых насчитывалось 280 европейцев (четверть белого населения всей колонии), тысячи африканских мелких торговцев-посредников и ок. 20-30 тыс. носильщиков.

Вторую строчку и пятую часть всего экспорта колонии к рубежу XIX-XX вв. занимало какао. Плантации какао в Камеруне по площади почти в четыре раза превосходили аналогичные хозяйства всех остальных германских колониальных владений вместе взятых. Германское колониальное присутствие, однако, оказало крайне незначительное влияние на структуру местного хозяйства: девять десятых какао-бобов произрастало на плантациях, принадлежавших европейцам. Предпринимались попытки также охватить производство кофе, чая и табака, но, несмотря на все большие ожидания, выращивание в местных условиях этих культур оказалось нерентабельным. В значительных объемах из страны вывозились также ядра пальмовых орехов, пальмовое масло, древесина.

В колонии осуществлялось также железнодорожное строительство, на которое были привлечены десятки тысяч африканцев. Несмотря на все усилия, к 1914 г. было построено лишь 310 км. железных дорог, и транспортировка товаров в колонии по-прежнему в большинстве своем осуществлялась носильщиками. Накануне войны только на маршруте Криби – Яунде в пути находилось ок. 80 тыс. носильщиков. На пути освоения колонии стояла проблема острой нехватки рабочей силы. Тяжелый труд на плантациях, жестокое обращение и дорожное строительство в катастрофических антисанитарных условиях приводили к высочайшей смертности, доходившей до 30 %. Нужды колонии в относительно квалифицированных работниках обеспечивали местные христианские миссии, как протестантские, так и католические.

В 1893-1894 гг. границы колонии были разграничены с соседними английскими и французскими владениями, в ходе чего Камерун включил в себя большую часть плато Адамауа и меньшую часть султаната Борну, получив тем самым выход к озеру Чад. В итоге колония достигла общей площади в 877 тыс. кв. км. Население на 1913 г. насчитывало 2239 европейцев и 3 млн. 783 тыс. африканцев.

Юго-Западная Африка (Deutsch-Südwestafrika)

Намибия. Площадь колонии составляла 835 тыс. кв. км. и приблизительно в 1,5 раза превышала территорию метрополии. К 1904 г. население колонии составляло ок. 200 тыс. местных жителей (герреро, овамбо, дамара, нама) и около 2,5 тыс. немцев (всего европейцев насчитывалось порядка 4800 чел., из них почти 2 тыс. – буры и англичане).

Германское правительство с самого начала вынашивало планы по превращению Юго-Западной Африки в поселенческую колонию. Немецкие власти поощряли приезд белых колонистов, что неминуемо было связано с захватом скота и лучших пастбищных земель у африканцев. Проблема обострялась тем, что у коренного скотоводческого населения земля находилась в коллективной собственности и не подлежала продаже. В этой части Африки немцы сразу столкнулись с упорным сопротивлением местного населения. Так, в 1888 г. гереро вынудили к бегству на соседнюю английскую территорию первого имперского комиссара Юго-Западной Африки Генриха Геринга (1885-1890 гг.). После этого немцы перешли к формированию охранного отряда, а на центральном плоскогорье

страны был возведен форт Виндхук – новый управленческий центр колонии. Отсюда начинаются карательные экспедиции на усмирение отдельных районов. Немцы использовали в своих интересах борьбу нама и гереро за верховенство: гереро подписали с Германией в 1885 г. «охранный договор», надеясь использовать его против нама. Отказ вождя нама (готтентотов) Генрика Витбоя от аналогичного соглашения с новым имперским комиссаром Куртом фон Франсуа привел к развязыванию немцами в стране «малой» войны, следствием которой стали восстания и других племен.

При преемнике Франсуа, майоре Теодоре фон Лейтвайне (1894-1905, с 1898 г. губернатор) немецкой администрации удается расширить свое влияние за пределы окрестностей Виндхука. Страна была поделена на «дистрикты». В результате эпидемии чумы, резко сократившей поголовье скота, вождям местных племен пришлось пойти на продажу колонизаторам части пастбищных земель. На приобретенные таким образом «коронные земли» с конца 1890-х гг. усиливается приток белых колонистов, число которых только в 1899-1903 гг. утроилось и достигло почти 3 тыс. человек. Для местных племен вводится практика создания неотчуждаемых резерватов, в пользу которых также активно выступали действовавшие в колонии миссионерские общества, озабоченные сохранением своих станций среди африканцев. Уже к 1902 г. у гереро, прежде владевших сотнями тысяч голов рогатого скота, осталось лишь 46 тыс. Почти столько же сосредотачивается в руках нескольких сотен белых фермеров. Захват скота до поры до времени позволял немцам окупать свои военные походы по стране.

Политика колониальных властей приводила к постоянным вооруженным выступлениям местного населения. 1900 год был одним из немногих после 1893 г., когда между колонизаторами и африканцами царил мир. Итогом же стало «великое восстание» гереро под руководством Самуэля Магареро, начавшееся 12 января 1904 г. В результате Виндхук был блокирован, а более сотни немецких поселенцев убито. При этом восставшие, как правило, не трогали немецких женщин, детей и миссионеров. Германия направила в Юго-Западную Африку 14 тыс. солдат во главе с генералом Лотаром фон Трота. К августу ему удалось загнать основную массу племени в Ватерберг, горный массив на краю пустыни Омахеке и нанести основным силам восставших тяжелое поражение. Тем не менее Магареро с частью сил удалось прорвать германское кольцо и продолжить партизанскую войну.

Фон Тротой было объявлено об изгнании всех гереро. Остатки племени попытались добраться через пустыню Калахари в британское владение Бечуаналенд, где им было обещано убежище. Этот переход также сопровождался большим числом жертв. По данным 1905 года, когда немцы провели первую перепись населения, в Юго-Западной Африке оставалось около 25 тыс. гереро, в основном женщины и дети. Они были помещены в концентрационные лагеря (до 1908 г.), подобные тем, что англичане устраивали во времена войны против буров. Из-за ужасных условий содержания и рабского труда в этих лагерях сохранялась высочайшая смертность. По данным переписи 1911 г. в колонии насчитывалось лишь 15130 гереро, т.е. физическому уничтожению подверглось от 75 до 80 % всего племени.

Немногим лучше была участь нама (готтентотов), поднявших восстание на юге страны в октябре 1904 г., вскоре после разгрома гереро. Их лидерами были Хендрик Витбоой и Якоб Моренга. Боевые действия продолжались до марта 1907 года, когда было подписано мирное соглашение (хотя Моренга вёл партизанскую войну и позже). При том, что боевые действия против почти 10 тыс. немецких войск вели лишь несколько сотен воинов, все племя также было подвергнуто жестоким репрессиям. В частности, сдавшихся нама переселяли на бесплодный Акулий остров в бухте Людерица, где влажный и холодный климат приводил к их

быстрому вымиранию. К 1911 г. численность племени сократилась вдвое, с 20 тыс. до 9871 человека. Численность горных даммара, не участвовавших в восстании, также сократилась на одну треть только по той причине, что немецкие солдаты не умели отличать их от гереро. Потери немцев от ран и болезней составили около 1,5 тыс. человек. К 1907 г. земли гереро и готтентотов были конфискованы, их общинная и племенная организация упразднена.

После разгрома восстания нама и герреро, а также обнаружения месторождений алмазов численность белого населения колонии стала стремительно расти. К 1913 г. численность местных жителей колонии сократилась почти в 2 раза, а доля немецкого населения выросла: 14830 белых поселенцев и 83300 африканцев. Росла численность и крупнейших населенных пунктов: Виндхука, Кеетсманхупа и Свакопмунда. Если в 1894 в Виндхуке было всего 34 европейца, то к 1913 г. белое население разрослось до 2186 чел. Юго-Западная Африка была единственным германским владением, в котором проживало сколь-нибудь большое число германских колонистов.

Германские власти были всерьез озабочены задачей поиска путей, которые позволили бы Юго-Западной Африке не только покрывать собственные нужды, но и приносить метрополии доход. Капиталовложений частных компаний было недостаточно. Предметом дополнительной тревоги была не только масса автохтонного населения, но и британская активность в регионе. Несколько концессионных компаний принадлежали англичанам, а угроза притока англичан и буров из соседней Капской колонии грозило нарушить германское преобладание.

В 1897 г. после эпидемии чумы, резко сократившей поголовье тягловых волов, колониальной администрации удалось вырвать у имперского правительства согласие на строительство первой узкоколейной железной дороги от Свакопмунда до столицы – Виндхука. Эту линия, завершенная к 1902 году, в последующее десятилетие была дополнена двумя ветками, соединившими Кеетмансхуп с Заливом Людереца и Кеетмансхуп с Виндхуком. К 1914 г. протяженность железных дорог составила чуть более 2104 км.

Германизация колонии проявлялась также в стремлении местных властей достичь уровня развития инфраструктуры, сопоставимой с метрополией. К началу Первой мировой в колонии функционировало 70 почтовых станций, протяженность телеграфных линий исчислялась 4 тыс. км., в колонии функционировали суды, школы и больницы. В Виндхуке насчитывалась почти сотня магазинов, два банка и восемь гостиниц, но в этом небольшом городке по-прежнему отсутствовали мощеные улицы и уличное освещение.

Наступление «эры Дернбурга», связанной с более рациональным и гуманным отношением к коренному населению колоний, не имела в Юго-Западной Африке никакого отклика. До 90 % взрослых африканцев (ок. 20 тыс.) находились на службе у европейских поселенцев, условия которой мало чем отличались от рабских. К тяжелым работам также активно привлекались женщины и дети, что неуклонно вело к падению рождаемости и высокой смертности.

Крупнейшей статьей экспорта колонии, начиная с 1908 г., становятся алмазы. В 1908-13 гг. в Германской Юго-Западной Африке добывалось 4,9 млн. карат алмазов общей стоимостью ок. 52 млн. марок. Далее следовала медь, добыча которой к 1913 г. достигла 70 тыс. тонн (почти 8 млн. марок). Помимо алмазов и меди из страны вывозился скот, шкуры, кожи, шерсть (в том числе ангорских коз) и страусовое перо. Всего экспорт колонии в 1913 г. составлял более 70 млн. марок. На долю Юго-Западной Африки приходилось 2/3 экспорта и 3/4 импорта всех германских колониальных владений.

Германская Восточная Африка (Deutsch-Ostafrika) – Танзания, Руанда, Бурунди.

Территории Германской Восточной Африки ограничивались на севере горой

Килиманджаро и рядом других горных пиков, а также озером Виктория. На западе граница колонии проходила по озерам Танганьика и Ньяса (ныне озеро Малави), на юге – по Рувуме. Внутренние районы были заселены преимущественно земледельческими народами языковой группы Банту (ньямвеси, геге, нгони, чага, маконде). Ряд народов на северо-востоке страны, в частности, сукума и мазаи, были скотоводами.

Как и в Юго-Западной Африке, продвижение немцев глубь протектората встретило упорное сопротивление, сопровождавшееся уничтожением отдельных германских отрядов. Только в 1891-97 гг. германские колониальные силы совершили во внутренние области страны 61 карательную экспедицию, в результате которых сначала были захвачены земли ньямвеси, а затем, после «малой войны» с вождем Мкавой (1891-97 гг.), и нгони.

Колониальные власти, заинтересованные в наращивании производства хлопковых деревьев в южных регионах колонии, вводили все более жесткие законы. Высокие и многочисленные налоги (включая налог на мусор), запрет на охоту и ряд других ограничений усилили недовольство населения и, в конце концов, вылились в 1905-07 гг. в полномасштабное вооруженное восстание «Маджи-Маджи», в которое оказалось вовлечено 20 племен, проживавших на территории современной Танзании. Название восстания связано с распространившимся поверьем о чудодейственной силе освященной воды из реки Руфиджи («маджи» на суахили означает «вода»), которая, как полагали восставшие, спасёт их от пуль белых. Восстание началось 20 июля 1905 г. на хлопковой плантации в горном районе Матумби к северу от Килвы и вскоре охватило всю центральную и южную части колонии, вплоть до озера Ньяса и границы с Мозамбиком. В начале 1907 г. восстание было подавлено германскими войсками. В результате военных действий, карательных экспедиций и разразившегося в результате тактики «выжженной земли» голода погибло около 120 тысяч африканцев, некоторые племена были полностью уничтожены.

На территории Руанды и Бурунди, а также области Букоба к западу от озера Виктория были сохранены сложившиеся там к приходу немцев монархии, правители которых в новых условиях признания своей формальной зависимости видели возможность упрочить свою власть. Эти территории, особенно султанаты на северо-западе страны, фактически оставались вне сколь-нибудь жесткого колониального контроля. Прямое налогообложение в пользу метрополии здесь было введено только накануне Первой мировой войны.

На юго-востоке страны, напротив, начиная с 1890-х гг. начинается быстрое экономическое развитие, связанное с прокладкой железнодорожных линий (общая протяженность их составила 1587 км.), привлечением белых поселенцев и внедрением плантационного хозяйства. Это развитие было основано на подневольном труде местного населения, который до 1905 г. в колонии никак не был регламентирован. После подавления восстания «маджи-маджи» местные колониальные власти осознали необходимость перехода к «политике реконструкции», связанной с именем гражданского губернатора колонии (1906-12) Альфреда фон Рехенберга. Целью его преобразований было заинтересовать коренное население в товарном производстве продуктов сельского хозяйства. Первым шагом стало прекращение практики насильственного насаждения хлопка за счет традиционных зерновых культур и неограниченного подневольного труда. В 1907 г. был принят закон, запрещавший дальнейшую скупку белыми поселенцами земли у африканского населения. Это позволило увеличить долю продукции, выращиваемой местными крестьянами. В экспорте копры и каучука (с 1913 г.) их доля превысила 50 %, доля хлопка составляла 46%, кофе – 40-50 %. Торговый баланс колонии оставался пассивным на протяжении всей истории ее

существования. В 1913 г. стоимость экспорта составила 35 млн., а импорта – 53 млн. марок. Германская Восточная Африка занимала второе место после Германской Юго-Западной Африки по размерам правительственных дотаций (122 млн. марок). Площадь Германской Восточной Африки составляла 995 тыс. кв. км., население (на 1913 г.) – 7 млн. 661 тыс. африканцев и 5336 европейцев.

Германская Новая Гвинея (Deutsch-Neuguinea) и Западное Самоа

Германская колония на Новой Гвинее была основана в 1884 году, когда агент немецких банкиров Ганземана и Блейхрёдера Финш предъявил претензии на значительные территории в северо-восточной части острова. Так было положено начало существованию Земли кайзера Вильгельма, к которой потом административно были присоединены близлежащие архипелаг Бисмарка, о-ва Бугенвиль и Бука из числа Соломоновых островов, о. Палау, Каролинские, Марианские (кроме о. Гуам), и, наконец, Маршалловы острова. Все вместе островные владения получили наименование Германской Новой Гвинеи.

Второй самостоятельной административной областью было Западное Самоа. К середине XIX века за контроль над островами разгорелось соперничество между Германией, Великобританией и США, что выражалось в отправке к берегам Самоа военных кораблей, поддержке враждующих между собой местных вождей, поставках им оружия и даже в прямом участии в междоусобных столкновениях. Это привело к восьмилетней гражданской войне, фактически инспирированной противоборствующими внешними силами. В 1889 г., в результате Берлинского соглашения, над островами был установлен протекторат трёх держав. В 1899 г. архипелаг Самоа был разделен (по 171° з.д.) между США и Германией, а Британия отказалась от претензий в обмен на о. Фиджи.

Общая площадь тихоокеанских владений Германии составляла 245 тыс. кв. км., население (1913 г.) – 641 тыс. чел, из них приблизительно 2 тыс. европейцев.

Германская Новая Гвинея. С 1899 г. протекторат административно делился на два округа – «материковую» часть новой Гвинеи и архипелаг. С этого же года колония получает собственного губернатора, при котором с 1903 г. начинает действовать Правительственный совет (Gouvernementsrat) из числа государственных чиновников, местных предпринимателей и миссионеров. Развитие Германской Новой Гвинеи тесно связано с именем доктора Альберта Халя, занимавшего пост губернатора колонии в 1902-1914 гг. При управлении вверенными территориями Халь опирался на систему местных вождей – так называемых «лулуаи», ответственных за поддержание порядка в своих деревнях и разбор мелких тяжб, организацию общественных работ и сбор подушной подати. Лулуаи пользовались значительными привилегиями и получали до 10 % от собранных ими в виде налогов средств. Позднее эта система будет дополнительно расширена за счет «тултулов» - помощников лулуаев из числа рекрутированных немцами на полицейскую службу аборигенов. Все вместе это позволило Халю намного эффективней стабилизировать внутреннее положение в германской Новой Гвинее, нежели его предшественнику на посту губернатора (1899-1902) Рудольфу фон Беннигсену, сыну одного из лидеров Национал-либеральной партии, отметившемуся проведением ряда жестоких карательных экспедиций. Карательные экспедиции осуществлялись и в период губернаторства Халя, но, в целом, колониальная администрация отдавала предпочтение «политическим» инструментам воздействия.

Губернатор Германской Новой Гвинеи также держал в своих руках все вопросы, связанные с приобретением в колонии земли. За местными жителями закреплялось не менее чем по 1 га на человека, создавались многочисленные «резерваты» (в 1914 г. около 70, общей площадью более 13 тыс. га). Более 5700 га, выкупленных европейцами до 1903 г., было возвращено местному населению. Основная масса плантаций находилась на островных владениях Германии. Тем не

менее, из приблизительно 180 тыс. га, отданных под плантационное хозяйство, к 1914 г. в активном использовании находилось лишь ок. 29 тыс. га.

Отдельной проблемой был недостаток рабочих рук, не покрывавшейся даже поголовной трудовой повинностью. По закону (с 1903 г.) трудовая повинность была ограничена сроком не более четырех недель в год. Специальными постановлениями 1901 и 1909 гг. дополнительно фиксировалась продолжительность работ и уровень оплаты, декретировалось обязательное медицинское обеспечение. Однако в реальности указанные ограничения сплошь и рядом нарушались. Так, в несколько раз превышалась «стандартная» норма в 10% от общего числа молодых мужчин, привлекаемых на работы. В Новом Мекленбурге, например, в 1914 г. это соотношение достигало 70 %. Среди задействованных на тяжелых работах сохранялась высокая смертность. Для решения проблемы недостатка рабочей силы германским компаниям приходилось активно рекрутировать рабочих из Китая и Юго-Восточной Азии. Вымирания туземцев побудило германские власти активней взяться и за проблему медицинского обеспечения. Так, к 1913 г. врачи и прочие медицинские работники составляли до одной пятой всех германских служащих. В 1909 г. в германской Новой Гвинее было расположено три государственных и две миссионерских больницы, существовала практика объезда врачами отдаленных деревень. В ряде мест к получению элементарных медицинских знаний были допущены и туземцы.

Довольно высок по сравнению с другими германскими колониями был процент обучающихся в школах (3,2 %). К 1914 г. в тихоокеанских владениях Германии действовало ок. 600 начальных школ, шесть ремесленных школ и одна школа переводчиков, которые посещало более 21600 учеников. Подавляющее большинство школ содержалось миссионерскими обществами, государственные посещало не более 500 учеников.

Благодаря активным мероприятиям А. Халя, Германская Новая Гвинея неуклонно повышала стоимость своего экспорта: с 1,7 млн. марок в 1908 г., до более чем 8 млн. марок в 1914 г. Основную долю экспорта составляла копра. Помимо вывозился также каучук, гуттаперча. На островах Науру и Ангаур осуществлялась добыча фосфатов. Таможенные отчисления в бюджет метрополии за шесть предвоенных лет возросли более чем в 6 раз, достигнув в 1914 г. ок. 2 млн. марок. Именно это объясняет рост интереса Империи к своим океанским владениям. В период 1900-1914 гг. германским Рейхстагом было вотировано в виде субсидий Германской Новой Гвинее не менее 11 млн. марок. Вторым признаком стало увеличение числа белых поселенцев на островах после отмены высоких требований к начальному капиталу поселенцев. Эти меры позволили увеличить число проживающих в колонии европейцев с 301 (1901) до 1137 чел (1914). Большинство их по-прежнему составляли миссионеры, но доля земледельцев, торговцев и чиновников существенно возросла. Еще более 1,5 тыс. человек составляли «завезенные» на острова жители Китая и Малайзии.

Необычайно высока была роль и губернатора Германского Самоа Вильгельма Зольфа, занимавшего свой пост в 1900-1911 гг. (с 1911 г. – статс-секретаря по делам колоний, с 1918 г. – статс-секретаря по иностранным делам). Несмотря на противодействие действовавших на острове германских предпринимателей, он решительно осуществлял жесткое регулирование в вопросах владения землей, стремясь не допустить лишения местного населения средств к существованию. В 1903 г. в этих целях была создана специальная Земельная комиссия, к состав которой были включены и представители аборигенов. За последними в 1907 г. было законодательно закреплено по 1,39 га на человека в качестве минимального надела возделываемых земель. Зольф также пытался противодействовать притоку на остров китайских рабочих как меры решения

хронической для многих германских владений проблемы нехватки рабочих рук. Помимо защиты интересов самоанцев не последнюю роль играло и опасение того, что в руках китайских мигрантов быстро окажется вся местная торговля. В этих целях администрация колонии ввела ограничение, по которому немецкие фирмы могли законтрактовывать иностранную рабочую силу сроком не более чем на три года. Тем не менее, к 1914 г. на Самоа было ввезено 2184 китайских кули.

Система управления на Самоа была направлена не только на поддержания эффективного колониального контроля, но и на подрыв традиционных институтов власти островитян и сложившихся группировок. Германский император был объявлен «верховным вождем» Самоа («Тупу Сили»), представителем власти которого являлся губернатор. «Германскую» партию под названием «Алии Сили» возглавил бывший претендент на корону государства вождь Матаафа. Как «служащий» германской администрации Матаафа получал ежегодный доход в 3000 марок. После его смерти в 1912 г. и упрочнении положения немцев на островах этот декоративный институт власти был без лишнего шума упразднен, а его функции стали исполнять два советника. Соперничество двух династических фракций прежних претендентов на престол упраздненного немцами королевства было направлено в благоприятное метрополии русло в рамках Собрания знати. Окончательное упразднение традиционных собраний самоанцев на Уполу и Савийи декретом от 14 августа 1905 г., ставшее настоящим революционным событием в истории островов, прошло фактически без каких-либо протестов коренного населения. Так же не получило широкой поддержки и восстание 1908-1909 гг. части самоанской элиты под лозунгом возвращения к традиционным порядкам.

Меры колониальных властей по стимулированию местного производства позволили Самоа к 1906 г. выйти на положительный баланс бюджета. Начиная с 1908 г. колония смогла самостоятельно покрывать свои расходы, не завися более от субсидий правительства. Около трех пятых экспорта копры при этом обеспечивалось наделами местного населения. Труд задействованных на плантациях европейцев самоанцев оплачивался из расчета не менее 3 марок ежедневно.

В целом, экономическая отдача от Германской Новой Гвинеи и Самоа для имперского бюджета была чрезвычайно низка, хотя и позволяла отдельным германским колониальным фирмам извлекать огромные прибыли. Основным продуктом германских тихоокеанских владений являлась копра, однако накануне первой мировой войны они покрывала не более 8,5 % от общих потребностей германской промышленности. Более 88 % копры Германия по-прежнему закупала в английских и голландских колониях. На островах также предпринимались попытки разведения каучуконосов и какао. Разработки фосфатов покрывали лишь 5 % потребностей метрополии. Доля тихоокеанских колоний в торговом балансе Империи составляла лишь около 0,14 %, германские инвестиции составляли не более 400 млн. марок.

Литература (общий список см.: приложение):

Балезин А.С., Притворов А.В., Слипченко С.А. История Намибии в новое и новейшее время. М., 1992; Бондаревский Г.Л. Багдадская дорога и проникновение германского империализма на Ближний Восток. 1888-1903. Ташкент, 1955; Бочаров, В.В. Власть. Традиции. Управление: (Попытка этноисторического анализа полит. культур соврем. государств Троп. Африки) / РАН. Ин-т этнологии и антропологии им. Н.Н.Миклухо-Маклая. М., 1992; Дрекслер, Х. Юго-Западная Африка под германским колониальным господством, 1884-1915 / Пер. с нем. Балезина А.С.; Предисл. Нуйомы С.; Отв. ред. и авт. послесл. Давидсон А.Б. М., 1987; Никитин, М.Д.; Парфенов, И.Д. Колониализм в Африке: проблемы историографии и

методологии / Под ред. Парфенова И.Д. Саратов, 1995; Силин А.С. Экспансия германского империализма на Ближнем Востоке накануне первой мировой войны (1908-1914). М.,1976; Троян С. Политическая борьба в Германии по вопросам колониальной политики (сер. 80-х - нач. 90-х гг. XIX в.). Черновцы, 1993; Троян С. Становление и развитие идей немецкого колониализма в 40-х - середине 80-х годов XIX в. Черновцы, 1993; Троян С.С. Формирование идеологии германского колониализма в 1841-1885 гг./. Черновцы, 1991; Фокин С.В. Геополитическое измерение колониальной политики Германии. М., 2005; Фокин С.В. «Дранг нах Африка»: колониальная политика Германии: (Конец XIX - 30-е годы XX века). М., 2003; Чарный И.С. Начало колониальной экспансии Германии в Африке (1879-1885). М., 1970; Чуров А.В. Германский колониализм в Восточной Африке. 1884-1890 гг. Л., 1988; Deutsche Kolonien: Traum und Trauma / Gisela Graichen ; Horst Gründer. Unter Mitarb. von Holger Dietrich. Berlin: Ullstein, 2007; Fischer H.-J. Die deutschen Kolonien: die koloniale Rechtsordnung und ihre Entwicklung nach dem ersten Weltkrieg. Berlin: Duncker und Humblot, 2001; Frohlich, M. Von Konfrontation zur Koexistenz: die deutsch-englischen Beziehungen in Afrika zwischen 1884 und 1914. Bochum : Brockmeyer, 1969; Fuhrmann M. Der Traum vom deutschen Orient: zwei deutsche Kolonien im Osmanischen Reich; 1851 - 1918. Frankfurt/Main; New York: Campus-Verl., 2006; Grosse P. Kolonialismus, Eugenik und burgerliche Gesellschaft in Deutschland 1850-1918. Frankfurt am Main: Campus Verlag, 2000; Grunder, H. (Hrsg.). '...da und dort ein junges Deutschland grunden': Rassismus, Kolonien und kolonialer Gedanke vom 16. bis zum 20. Jahrhundert. Munchen: Deutscher Taschenbuch Verlag, 1999; Grupp P. Deutschland, Frankreich und die Kolonien: die französische "Parti colonial" und Deutschland von 1890-1914. Tübingen: Mohr, 1980; Henderson W. O. The German Colonial Empire 1884-1919. Longman, 1993; Längin B. G. Die deutschen Kolonien: Schauplätze und Schicksale; 1884 - 1918. Hamburg; Berlin; Bonn: Mittler, 2005; Louis. W. R. Das Ende des deutschen Kolonialreiches: Britischer Imperialismus und die deutschen Kolonien, 1914 - 1919. [Übers. von Gerd Weissenberg.]. Düsseldorf: Bertelsmann-Universitätsverlag, 1971; Seligmann M. S. Rivalry in Southern Africa, 1893-99: the transformation of German colonial policy. St. Martin's Press, 1998; Voeltz R. A. German Colonialism and the South West Africa Company 1894-1914. Athens, USA, Ohio University, 1988; Wesseling H. L. Teile und herrsche. Die Aufteilung Afrikas 1880-1914. Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 1999;Wippich R. H. Japan und die deutsche Fernostpolitik 1894 - 1898. Vom Ausbruch des Chinesisch-Japanischen Krieges bis zur Besetzung der Kiautschou-Bucht. Ein Beitrag zur Wilhelminischen Weltpolitik. Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 1987 (Beitrage zur Kolonial-undUberseegeschichte, 35).

ГОСУДАРСТВО

Государство — в международном праве государством признается субъект международного права, обладающий признаками: 1) постоянное население, 2) определенная территория, 3) собственное правительство, 4) способность к вступлению в отношения с другими государствами.

Изучение Г. имеет богатую историографическую, юридическую и политологическую традицию. При этом конвенционального научного определения Г. нет. Приведем несколько наиболее распространенных определений:

Г. — “есть действительность нравственной идеи — нравственный дух как очевидная, самой себе ясная, субстанциональная воля, которая мыслит и знает себя и выполняет то, что она знает и поскольку она знает” (Г. В. Ф. Гегель).

Г. — “является государством самого могущественного, экономически господствующего класса, который при помощи государства становится также политически господствующим классом и приобретает таким образом новые

средства для подавления и угнетения эксплуатируемого класса” (К. Маркс).

Г. — “есть постоянный, единый организм таких установлении, которые, будучи руководимы общею волею, поддерживаемы и приводимы в действие общею силою, имеют задачей содействие достижению дозволенных целей определенного на данной территории народа, а именно, начиная от отдельной личности и кончая обществом, до тех пор, пока эти цели не будут удовлетворены собственными силами личности и пока они составляют предмет общей необходимости” (Р. Моль).

Г. — «есть машина для угнетения одного класса другим, машина, чтобы держать в повиновении одному классу прочие подчиненные классы» (В. И. Ленин).

Г. — “общественный союз. представляющий собою самостоятельное, признанное принудительное властвование над свободными людьми” (Н. М. Коркунов).

Г. — «целевое единство индивидов, наделенное качествами юридического субъекта, обладающее волей и являющееся носителем прав» (Г. Еллинек).

Г. — “это союз свободных людей, живущих на определенной территории и подчиняющихся принудительной и самостоятельной верховной власти” (В. М. Хвостов).

Г. — “особая организация политической власти экономически господствующего класса (трудящихся во главе с рабочим классом — в социалистическом обществе), располагающая специальным аппаратом принуждения и придающая своим велениям обязательную силу для населения всей страны” (С. С. Алексеев)

Г. — «это специализированная и концентрированная сила поддержания порядка. Государство — это институт или ряд институтов, основная задача которых (независимо от всех прочих задач) — охрана порядка. Государство существует там, где специализированные органы поддержания порядка, как, например, полиция и суд, отделились от остальных сфер общественной жизни. Они и есть государство» (Э. Геллнер).

Относительно возникновения Г. существует множество теорий. В эпоху существования монархических Г. власть государя расценивалась как имеющая божественное происхождение и легитимацию. Г. персонифицировалось в монархе, и с этим аспектом были связаны все правовые теории.

В органических концепциях происхождения Г. (А. Шеффле, Р. Вормс, П. Лилиенфельд и др.) оно описывается как живой организм, продукт социальной эволюции. Инструментами, аналогичными биологическому естественному отбору, выступают войны и социальные конфликты. Результатом этого отбора является совершенствование структуры Г., улучшение его управленческих функций, усиление эффективности и т.д. Более сильные Г. поглощают более слабые (империи — мелкие национальные Г.). К органическим концепциям примыкают социологические теории (начиная с О. Конта), которые определяют Г. как структуру, живущую и развивающуюся по законам социальной эволюции и прогресса.

С эпохи Просвещения получили развитие естественно-правовые теории происхождения Г. Прежде всего, это теория общественного договора (Т. Гоббс, Г. Гроций, Дж. Локк, Ж.-Ж. Руссо и др.). Согласно ей, Г. возникает как результат общественного договора, согласия граждан передать часть своих неотъемлимых прав органам управления, власти — для гарантирования соблюдения этих прав, общих интересов. Суверенитет государства есть делегированный суверенитет народа. Отсюда вытекала и теория, что если власть неправильно использует делегированный ей народный суверенитет, то народ имеет право на восстание.

Е. Дюринг выдвинул теорию завоевания, согласно которой Г. возникает путем внешнего насилия, завоевания. Сегодня к этому близко примыкают определения сущности Г. как структуры, имеющей право на легитимное насилие.

Власть — согласно организационной теории, власть — это способность индивида А, несмотря на сопротивление, добиться от индивида Б совершения деятельности Д именно так, а не иначе (Р. Даль). Сюда же можно отнести классовую теорию государства (марксистскую), согласно которой Г. возникает как аппарат угнетения и подавления классом эксплуататоров класса эксплуатируемых. Г. Оно есть средство угнетения людей, поддержания госудства одного класса над другим.

Сегодня получили распространение либеральные теории Г. как структуры, защищающей и организующей общество от хаоса и анархии, от нелегитимного насилия. Эта теория была обоснована в трудах Р. Нозика, который считал чрезнерно насильственным даже ординарное социальное Г. Г. должно быть не более, чем «ночным сторожем», защищать права граждан и гарантировать их максимальные свободы. Все остальное — пережитки прошлого, наследие империй и политических диктатур. В вариантах интерпретации этой теории прообразом государственного устройства выступает «сад», а власть выступает в роли «садовода».

При изучении Г. изучаются прежде всего его институты, институты публичной власти, «основания власти», референтность (принадлежность к власти как принадлежность к привлекательной социальной группе), легитимность власти (связана с понятием авторитета), компетентность (обладание особыми знаниями как признак принадлежности к власти), ее правовые основы, методы сохранения и поддержания государственного суверенитета, особенности международного статуса, фискальная политика, хозяйственная деятельность, территориальные, демографические и экономические ресурсы государства, его военный потенциал, особенности института гражданства, государственная символика.

Задачами Г. является прежде всего обеспечение и защита государственного суверенитета (как внешнего, на международной арене, так и внутреннего — сохранение социальной стабильности, территориальной целостности (борьба с сепаратизмом, что особенно актуально для империй). Другой задачей является обеспечение эффективной работы государственного механизма во всех его звеньях — от бюрократии управленческих структур до органов правопорядка, фискальной и пенсионной системы, учреждений здравоохранения и образования, транспортной системы и т.д. Г. должно обеспечивать политическую стабильность, в той или иной форме определять и гарантировать права и свободы гражданина (трактовка этих прав и свобод может быть весьма широкой, как известно, Сталинская конституция в СССР была одной из самых «свободных» в мире). Предполагается, что Г. должно нести социальную функцию — обеспечивать защиту и прожиточный минимум социально незащищенных слоев населения. Г. ведет определнную культурную политику, идеологическую политику и пропаганду.

При изучении империй неизбежно обращение к исследованию Г., потому что империя есть прежде всего государственная система, которая реализует практически все те же функции, что и национальное Г., только на полинациональном и поликультурном демографическом и географическом материале. Империя может рассматриваться как тип Г.

Литература:

Косарев А. И. Происхождение и сущность государства. М., 1969; Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства. М., 1982; Власть: Очерки современной политической философии Запада. М., 1989; Ильин В. В., Ахиезер А. С. Российская государственность: истоки, традиции, перспективы. М., 1997; Кашанина Т. В. Происхождение государства и права. М., 1999; Крадин Н. Н. Политическая антропология. М., 2001; Сапронов П. А. Власть как метафизическая и историческая реальность. СПб., 2001; Нерсесянц В. С. Общая теория права и государства. М., 2004; Гринин Л. Е. Государство и исторический процесс. М., 2007;

Малков С. Ю. Логика эволюции политической организации государства. М., 2007.

ГУМАНИТАРНАЯ ИНТЕРВЕНЦИЯ

Гуманитарная интервенция — военное вторжение на территорию другого государства, осуществляемое другим государством с целью предотвращения политики геноцида собственным правительством против своего народа, военных преступлений, агрессивных намерений и т.д.

Концепция Г. И. была основана на доминирующей в послевоенной североатлантической цивилизации идеи приоритета прав личности над правами государства. Поэтому притеснение и угроза жизни граждан в государстве не является его внутренним делом. Другие страны имеют право оказывать на него давление: экономическое, политическое, вплоть до военного с целью защиты его жителей (национальных меньшинств, социальных групп, политической оппозиции и т.д.) от расправы, физического насилия и уничтожения. Исходя из этого, Г. И. считается «применение силы или угроза силой, осуществляемые государством или группой государств за пределами своих границ без согласия страны, на территории которой применяется сила, и направленные на предотвращение или пресечение масштабных и грубых нарушений основных прав людей, не являющихся гражданами этих государств».

Особенностью военной стороны Г. И. является то, что противником здесь выступает не армия противника, ни вооруженные формирования повстанцев, а те факторы, которые вызывают напряженность в стране. Это могут быть как действия правительства, так террор националистических организаций и даже природные факторы. Целью Г.И. является нейтрализация этих негативных факторов, а не ликвидация и военное поражение противника.

Главной проблемой Г. И. является вопрос о ее легитимности. В мировом сообществе нет консенсуса о том, какие причины считаются основанием для Г. И. и какой орган (организация) правомочна принимать решение о начале и задачах Г. И. В основном Г. И. считается легитимной только в том случае, если она предпринимается ради прекращения геноцида, религиозных или этнических чисток, а также для предотвращения ситуаций, развитие которых чревато преступлениями против человечности. Решение о ней должно быть санкционировано ООН.

Здесь возникает много трудностей, поскольку, во-первых, в Хартии ООН национальный суверенитет государств-членов поставлен выше защиты прав человека. Во-вторых, благодаря особому статусу ряда держав (право «вето» и т.д.) велик риск односторонних, тенденциозных и конъюнктурных трактовок ситуаций, ведущих к объявлении. Г. И. (например, агрессия НАТО против бывшей Югославии в 1999 г.).

Благодаря концепции Г. И. современная политическая мысль вплотную подошла к идее, что нарушения прав личности в суверенных государствах с определенного момента (когда степень насилия превышает установленный предел) ставят под вопрос легитимность государственного суверенитета. И его можно нарушить. При этом страны-участники Г. И. выступают гарантами соблюдения прав личности в чужой стране.

В 2000 году Организацией Объединенных Наций были опубликованы результаты исследования, проведенного Университетом ООН в Токио, согласно которым Г. И. под эгидой ООН в суверенные государства для разрешения происходящих там конфликтов, связанных с нарушениями прав человека, является

оправданной. В докладе предлагалось лишить членов Совета Безопасности ООН, включая США, права вето, чтобы исключить возможность предотвращения Г. И. Столь радикальная позиция поддержки не получила, но вызвала сочувствие у многих государств — членов ООН.

Между тем, в 1990-е – начале 2000-х гг. под лозунгом Г. И. прошел целый ряд акций: В 1991 г. США установили на севере Ирака запретную зону для полетов военной авиации (прежде всего турецкой) для защиты народа курдов от геноцида. В 1992-1993 гг. иностранные войска проводили гуманитарную операцию в Сомали. В 1995 г. под этими же лозунгами началось вмешательство НАТО в события в Боснии, а в 1999 г. проходили бомбардировки Югославии под лозунгом защиты косовских албанцев. В 2011 г. концепция Г. М. была задействована для организация военного вторжения в мятежную Ливию.

Под Г. И. подводилось юридическое и теоретическое обоснование. В 2000 г. была создана Международная комиссия по вопросам вмешательства и государственного суверенитета, в 2001 г. разработавшая документ под названием «Ответственность по защите». В нем было выделено пять оснований для легитимности силовой акции. Они выражены в терминах:

- *серьезность угрозы* — является ли угроза причинения ущерба государству или человеку в достаточной мере ясной и серьезной, чтобы оправдать применение военной силы, сопряжена ли она с геноцидом и другими массовыми убийствами и другими серьезными нарушениями международного гуманитарного права;
- *правильная цель* — вмешательство должно быть направлено в первую очередь на помощь населению, а не смену существующего строя;
- *чрезвычайный характер применения силы* — обязаны быть изучены и использованы все невоенные варианты отражения данной угрозы (политические, дипломатические, юридические и экономические);
- *соразмерность средств* — предполагаемые военные действия по своим масштабам должны быть минимально необходимыми для отражения данной угрозы;
- *учет последствий* — организаторы операции должны быть едины во мнении, что при успешном осуществлении военных действий по отражению данной угрозы вмешательство не вызовет худших последствий, нежели бездействие.

В 2005 г. эти критерии вошли в итоговый документ саммита глав государств и правительств стран-членов ООН и были приняты государствами в качестве добровольных обязательств.

В новейшее время проблема Г. И. обострилась в связи с крушением биполярного мира, политикой глобализации и концепцией экспорта демократии. В результате в заявлениях западных политиков все чаще стали звучать определения: «интервенция в гуманитарных целях», «право на демократическую интервенцию», лозунг «чрезвычайной гуманитарной защиты». Г. И. вызывает неприятие в странах Третьего мира и неприсоединившихся государствах. В ней видят ширму, политическое лицемерие, прикрытие для доминирования США на мировой арене и концепции «экспорта демократии». Также есть мнение, что Г. И. дает обратный эффект: вместо умиротворения ситуации в странах, переживающих внутренний кризис, надежда на внешнюю интервенцию порождает сепаратизм и радикальные оппозиционные движения. Политолог А. А. Кокошин утверждает, что сама возможность Г. И. «стимулирует радикальные группы внутри религиозных и этнических меньшинств на обострение конфликтов вплоть до применения вооруженной силы в надежде на победу с помощью миротворческих сил». Именно по этому сценарию развивался конфликт в Ливии в 2011 г., закончившийся вмешательством иностранных войск. Кроме того, при Г. И., как указывают ее противники, очень трудно установить грань между действительной защитой местного населения и военной агрессией, вмешательством в суверенитет другой

страны. Поэтому Г. И. часто считают проявлением неоглобализма и *неоимпериализма*.

Сторонники Г. И. отвечают на это, что раз суверенное государство допустило хаос, террор и преступления против человечности на своей территории, то оно не справляется со своими прямыми обязанностями. И его суверенитет не распространяется на данные территории, над которыми утрачен контроль. И тогда Г. И. легитимна и не является агрессией в собственном смысле этого слова. Целью Г. И. является обеспечение основных прав и свобод человека, прежде всего права на жизнь, на равный доступ к общественным благам, свободу передвижения и вероисповедания, исключение дискриминации по признакам пола, расы, национальности, языка и религии. Но это означает способствование установлению демократического политического режима (в этом плане концепция Г. И. тесно сближается с доктриной «экспорта демократии»). Поскольку это процесс не одномоментный, становление демократических институтов требует времени, то Г. И. — миссия продолжительная, предполагающая длительную оккупацию, пребывание в стране иностранных вооруженных сил. Г. И. заканчивается не с ликвидацией факторов террора и хаоса, а с установлением демократических институтов.

Теоретическое обоснование под законность подобных действий было обосновано в конце 1980-х гг. профессором международного права Парижского университета Марио Беттати и французским политиком Бернаром Кушнером, одним из основателей организации «Врачи без границ». Последний еще в 1968 г. заявил о «необходимости западного вооруженного вмешательства в этнополитические конфликты с целью недопущения геноцида». В книге «Le Devoir d'Ingerence» («Обязанность вмешаться», 1987) говорилось, что демократические государства не только имеют право, но и обязаны для защиты людей и их прав, прежде всего права на жизнь, насильственными действиями вмешиваться в дела иностранных государств, даже если для этого придется нарушить их суверенитет.

Литература:

Hoffman S. Sovereignty and the Ethics of Intervention // (ed.) The Ethics and Politics of Humanitarian Intervention / Ed. by St. Hoffman. Notre Dame, 1996; Teson F. Humanitarian Intervention: An Inquiry into Law and Morality. Irvington-on-Hudson, 1997; Haass R. Intervention. The Use of American Military Force in the Post-Cold War World. Washington, 1999; Robertson G. Crimes Against Humanity: The Struggle for Global Justice. London, 1999; Chandler D. From Kosovo to Kabul. Human Rights and International Intervention. London, 2002; Киссинджер Г. Нужна ли Америке внешняя политика? М., 2002; Ferguson N. Empire. How Britain Made the Modern World. London, 2003; Finnemore M. The Purpose of Intervention. Changing Beliefs About the Use of Force. Ithaca; London, 2003; Humanitarian Intervention: Ethical, Legal and Political Dilemmas / Ed. by J. Holzgrefe, R. Keohane. Cambridge, 2003; Закария Ф. Будущее свободы. Нелиберальная демократия в США и за их пределами. М., 2004; Этциони А. От империи к сообществу. М., 2004; Ferguson N. Colossus: The Price of America's Empire. N.Y., 2004; Fukuyama F. State-Building. Governance and World Order in the Twenty-First Century. London, 2004; Hardt M., Negri A. Multitude. War and Democracy in the Age of Empire. Cambridge; London, 2004.

ДАНИЯ, КОЛОНИИ

Датское королевство в пору своего величия в начале Нового времени имела колонии двух политически и экономически различных типов: местные, то есть

балтийские, и заокеанские, удалённые от метрополии на многие тысячи миль.

Этапы формирования империи

У истоков датских колониальных компаний стоял голландец Роланд Краппе. Прибыв в 1615 г. в Данию, он сумел заинтересовать перспективами заокеанской торговли как копенгагенских купцов (среди них было немало его земляков), так и короля Кристиана IV (1588–1648). Уже через год он получил королевскую привилегию на учреждение компании, которую назвали Ост-Индской. Участие в ней никак не ограничивалось – каждый мог стать её акционером, вложив в дело не менее 150 ригсдалеров (далее: рд.).

Компания получила монопольное право на торговлю с Востоком в течение 12 лет с условием отчисления в королевскую казну доли прибыли с каждого рейса. Членами Ост-Индской компании становились торговые города. И в 1618 г. первая экспедиция вышла в море под командованием 24-летнего датского дворянина Ове Гьедде.

После восемнадцатимесячного плаванья датская эскадра подошла к берегам Цейлона. Но было решено продвигаться дальше, к Индии, где со времён Средневековья находился основной сырьевой рынок пряностей Европы. Далее, высадились на восточном берегу Южной Индии, датчане здесь вступили в переговоры с властителем (наиком) местного княжества Танжор, предложив ему передать датскому королевству в аренду прибрежную область Коромандель с центром в крупном селе Тарангамби (*хин.* «Город волн»). Добившись успеха, О. Гьедде, в считанные месяцы окружил это село, которое теперь именовалось Транкебар, крепостными стенами и возвёл в его центре мощную цитадель Данскборг. После этого Транкебар стал на несколько столетий торговым центром и опорным пунктом датского влияния в Азии. Этот выбор можно назвать оптимальным. Транкебар располагался в плодородной речной дельте, защищённой от океанских штормов, – это было прекрасное место стоянки как для торговых судов, так и для военных кораблей. И небольшая площадь относившейся к нему округи – примерно 10 км вдоль берега и 5 км в глубину материка – не смутила первого колонизатора. Дело было в эксплуатации даже не земель колонии, а будущего торгового порта и транзитного перевалочного пункта.

В 1621 г. эскадра О. Гьедде отправилась на родину, а в Транкебаре остался, в качестве доверенного лица короля, Р. Краппе. Получив титул губернатора датской колонии, он проявил незаурядные способности. Начался её расцвет, как в экономическом, так и в политическом смысле. Укреплению этого статуса содействовал следующий эпизод. В 1623 г. упомянутый наик Танжора, не добившись от датчан бесплатных поставок свинца, вторгся в пределы Транкебара. Неожиданное для него появление трёх датских фрегатов на рейде датской колонии содействовало скорейшему заключению мира, – на условиях, выгодных для Дании. В целом Транкебар превратился в складочный пункт для сбора товара, производившегося населением окружающего региона. В основном это были хлопчатобумажные и шёлковые ткани из местного сырья, которые отправлялись отсюда морем на Целебес и Яву в обмен на пряности, шёлк, алмазы и т.д. Именно эти компактные, но дорогостоящие товары отправлялись из Транкебара в Данию. Оттуда в Индию отправлялось ежегодно несколько судов, которые грузились в Транкебаре, кроме указанных видов тканей, перцем, гвоздикой и индиго.

В 1636 г. Р. Краппе оставляет Транкебар с тем, чтобы стать одним из директоров центрального управления компании, которая позднее стала называться Азиатской. Сменивший его на посту губернатора Бернт Пессартс не обладал и долей энергии своего предшественника и цветущая колония быстро приходит в упадок. А когда этого чиновника решили сменить, направив морским путём в Индию Виллума Лейера, то его судно было арестовано на подходе к колонии

испанцами, считавшими, что эта часть света входит исключительно в их сферу экономических интересов, и датчанам здесь не место. Однако датский двор, опираясь на поддержку великих морских держав, сумел сделать достаточно резкие представления в Мадриде, что привело к освобождению судна и губернатора и обошлось Филиппу IV в круглую сумму – он должен был возместить материальный и моральный ущерба, понесённый Данией. После этих инцидентов Транкебар мог длительное время не опасаться экспансии ни с моря, ни из глубины материка.

Тем не менее, дела в Транкебаре пришли в упадок, чему причиной была и Тридцатилетняя война, на протяжении которой не хватало средств для снаряжения больших судов для рейсов в Индию. Наконец, в 1650 г. Первая Азиатская компания прекратила свою деятельность.

Отметим, что идеалом для европейских купцов и предпринимателей XVII в. в целом стали компании для заокеанской торговли в Новом Свете. В 1621 г. была учреждена голландская Вест-Индская компания, что не могло не заинтересовать такого инициативного правителя каким был Кристиан IV. Через три года он отправил вместе с голландским караваном, направлявшимся в Вест-Индию и пару датских судов. Этот опыт оказался удачным, и ещё через год король издаёт патент на создание датской Вест-Индской компании. Впрочем пока это не привело ни к каким результатам.

Тем не менее, сама мысль о выходе Дании на атлантические просторы целиком захватила Кристиана IV, а её осуществление можно отнести к несомненным заслугам этого крайне энергичного и во многих смыслах неординарного короля. Ещё в 1620 г. монополия на торговлю с Исландией была передана им новой Исландской, Фарёрской и Финмаркенской компании, в дальнейшем обычно именовавшейся просто Исландской. Сумма общего пакета акций была определена в 66 000 рд., каждый акционер мог внести в неё от 300 до 12 000 рд. Контора компании разместилась в Копенгагене, который с этих пор становится единым центром заморской торговли Дании.

Исландская компания, а затем и иные датские торговые сообщества весьма напоминали средневековые гильдии – как, впрочем, и английская Ост-Индская компания. Компаньоны называли друг друга «братьями», и новые члены принимались в их круг только с общего согласия, участие же иностранного капитала было пока исключено. В случае, когда кто-то из акционеров собирался удалиться от дел, его место должно было вначале предлагаться для выкупа остальным «братьям» и лишь после их отказа выставлялось на открытые торги. В случае смерти одного из компаньонов его вдова и родные братья могли пользоваться материальной поддержкой компании – для этого существовал специальный фонд. Отличие от упомянутых торговых гильдий состояло лишь в том, что дирекция целиком могла распоряжаться общим капиталом, тогда как рядовые члены такого права были полностью лишены.

Компания процветала, несмотря на тяжёлые времена, наступившие с 1625 г. Главной трудностью торговых рейсов были тяжёлые климатические условия в той части света, но со временем появились и иные проблемы. Главной из них стала деятельность северо-африканских пиратов, неоднократно разорявших исландские берега в п. пол. XVII в. Тем не менее, в 1634 г. компания продлила свою лицензию ещё на 20 лет. И хотя дела её постепенно стали приходить в упадок, она осталась едва ли не единственной из многих, созданных по повелению Кристиана IV, и сохранившейся наплаву до его смерти (1648).

В 1625 г. натурализовавшийся в Дании голландские купцы Ян де Виллюм и Херман Розенкранц получают от короля разрешение на создание первой датской Африканской компании, которая должна была заняться доставкой в метрополию золота и слоновой кости с берегов Гвинеи. Одновременно Я. Виллюм основывает и

датскую Вест-Индскую торговую компанию, но его бурная деятельность не принесла плодов ни в Африке, ни у берегов Северной Америки. Впоследствии Дания неоднократно пытается освоить возможности Африки, создаётся вторая, затем третья (1636) Африканская и гвинейская компании, которые должны были наладить торговые связи между Гвинеей и Вест-Индией – но без видимого результата.

Наконец, уже в 1643 г. копенгагенские предприниматели братья Г. и Й. Брэмы получили в 1643 г. у короля Кристиана IV привилегию на основание четвёртой Гвинейской и Африканской компании и открыли ряд торговых факторий на берегу Гвинеи – также без особого успеха.

Основной проблемой в деятельности компаний в эпоху Кристиана IV была нехватка капитала. Король, постоянно нуждавшийся в деньгах для ведения своих бесконечных войн и обширных строительных работ в Дании, видел во внешней торговле самый полноводный источник средств для пополнения своих расходов. Поэтому он на протяжении всего своего долгого правления оказывал давление на купцов и других бюргеров с целью принудить их покупать акции компаний; он и сам был крупнейшим акционером, причём на протяжении многих лет. Начиная с 1627 г. ригсрод (государственный совет Дании) был постоянно занят поисками денег, в том числе и за рубежом, для поддержки компаний, которые рассматривались правительством как фактически государственные предприятия.

Однако это было делом безнадежным, с 1640-х гг. торговые рейсы судов Ост-Индской компании практически прекратились. Кроме того, трения между акционерами, управлением компании и колониальной администрацией становились всё более острыми. Наконец, в 1650 г. ригсрод всеподданнейше доложил королю, что поскольку компания далее не может функционировать по причине своей убыточности, то самым разумным выходом было бы уступить её в аренду англичанам, давно изъявлявших к этому готовность. Иначе под угрозой оказывается гораздо более ценное имущество короны – её заморские владения. Король был вынужден, скрепя сердце, пойти на этот шаг.

Лишь после смерти Кристиана IV в Дании вспыхивает новый интерес к полузаброшенной колонии. В 1650-х гг. начинаются более или менее регулярные рейсы датских судов, которые возвращались с грузом сахара, оливок, слоновой кости и золота. В 1659 г. в голштинском городе Глюкштадте создаётся пятая Африканско-гвинейская компания, и вскоре на западе этого владения датской короны (Золотой берег) началось строительство мощного форта Фредериксборг. Такая мера предосторожности оказалась совсем не лишней – в 1664 г. у его стен высадился голландский десант, началась осада – без видимого повода. И в этом случае датские политики сумели склонить к поддержке третью силу – конкурирующую на морях с Нидерландами Англию. Англичане не только сбросили голландцев с суши, но и помогли датчанам войти в голландский форт Каролусборг, расположенный неподалёку, на западной оконечности Золотого берега. В 1679 г. была заложена вторая крепость – Кристиансборг (близ современной Аккры).

При первом губернаторе гвинейских владений К. Корнелиусе удалось не только развернуть крепостное строительство, но и наладить нормальные экономические отношения с местным населением. Торговые рейсы датских судов приносили прибыль, пока не сменилась администрация. А затем начались трудности, знакомые и по истории индийских колоний Дании (см. ниже): оборотного капитала стало хронически недоставать, связь с метрополией стала ненадёжной, чиновники, прибывавшие из Копенгагена, не только не вникали в особенности работы в Африке, но и предавались пьянству, хищениям и т.д.

Сюда в наказание за различные проступки отправляли далеко не лучших солдат, а добиться замены их было невозможно. Часть солдат состояла из парней,

рождавшихся от случайных связей датчан с местными женщинами и воспитывавшихся за счёт так называемых «мулатских касс». Помимо прочего, здесь не было удобных гаваней, и грузы приходилось доставлять к судам, стоявшим на рейде, используя для этого лодки, не всегда удачно пересекавшие бурную полосу прибоя. Наконец, здесь свирепствовала местная лихорадка, отчего и в XVIII в. средний срок службы чиновника (в том числе и губернатора) не превышал 2 лет.

В 1652 г. удачно завершился первый после долгого перерыва рейс датского торгового судна к берегам Вест-Индии. «Фортуна» доставила в Копенгаген драгоценный груз, принеся немалую прибыль её владельцам и казне. Это и стало побудительной причиной для основания в том же году Караибской компании, созданной упоминавшимся Я. Виллумом, копенгагенским бургомистром Хансом Нансеном и ещё несколькими предпринимателями. Но должно было пройти ещё немало времени, прежде чем на обширном, но фактически «бесхозном» острове Св. Фомы (один из Виргинских островов, ныне Сент-Томас, принадлежит США) в 1666 г. взвился датский флаг. Собственно, там имелись жители, причём европейского происхождения, однако они никому не подчинялись. Теперь пастор Кьельд Йенсен Слагельсе привёл их к присяге верности датскому монарху.

Однако освоение богатств острова шло медленно, с перерывами. Немногочисленные колонисты страдали местными болезнями, многие умирали. Кроме того, их постоянно беспокоили английские пираты. Наконец, островитяне предпочли вернуться на родину, а остров стал на три года прибежищем морских разбойников. В 1671 г. Кристиан V (1746 – 1766) передаёт его в распоряжение второй Королевской датской Вест-Индской компании, образованной в том же году специально для эксплуатации богатств новой колонии.

Для предстоящей экспедиции было выделено два военных корабля, а губернатором заморского острова назначается датский чиновник Йорген Иверсен Дюббёль. Вскоре он уже обеспечивает регулярный ввоз на Св. Фому чёрных рабов для использования их труда на плантациях сахарного тростника. Их поставкой занимается Датско-Африканская кампания, скупающая для этого рабов в Гвинее. В 1675 г. губернатор Й.И. Дюббёль присоединяет к датским владениям расположенный невдалеке от Св. Фомы необитаемый остров Сен-Жан (один из Виргинских островов, ныне о. Сент-Джон, принадлежит США).

Между тем денег, которые губернатор Фредериксборга выручал от продажи рабов, не хватало на нужды гвинейской колонии, а метрополия часто просто забывала о её снабжении. Поэтому в 1685 г. у губернатора не оставалось иного выхода, как сделать заём у англичан под залог форта. А когда он не смог вернуть деньги в назначенный срок, Фредериксборг перешёл в английское владение. Соседний же форт Каролусборг стал английским ещё раньше. Напротив, вест-индский Кристиансфорт на Св. Фоме к этому времени превратился в типично датский городок (многие старинные строения на нём сохранились доныне). Это колониальное поселение получило новое имя в честь королевы Дании: Шарлотта-Амалия.

Однако многолетнее стремление датских королей выкачать из обеих колоний как можно больше товаров и денег, не давая ничего взамен, пагубно сказалось на экономике заморских владений. Поэтому в 1690 г. вест-индские острова были сданы в аренду крупному норвежскому купцу Йоргену Тормёлену, а гвинейская территория – датчанину Николаю Янсену Арффу. Королевский гарнизон остаётся лишь в третьем гвинейском укреплении – Кристиансборге. Новое положение никак не отразилось на поставках рабов для вест-индских плантаций Дании. Крупнейшие корабли, предназначенные для перевозки негров (например, «Кристианус Квинтус») уже вмещают до полутысячи чёрных «пассажиров».

Что же касается индийских владений Дании, то здесь значительные

трудности представляла связь с метрополией. Рейс из Восточной Индии в Данию мог длиться до 2 лет, в открытом море была постоянной опасность встречи с пиратами или военными кораблями соперничавших колониальных держав Европы, не редкостью были и корабельные бунты, суда гибли и от штормов. Так, из 18 первых кораблей отправленных Кристианом IV к Транкебару, домой возвратилось лишь 11. Поэтому на протяжении второй половины правления этого короля рейсы в Индию практически прекратились – для этого не хватало капитала, матросов для судовых команд. В отсутствие связи на протяжении почти 30 лет колонисты, числом чуть более 100 чел., окончательно погрязли в пьянстве, а два пастора, которые должны бы были подавать пример благочестивого поведения, содержали целые гаремы из местных женщин, сквернословили, в пьяном виде гонялись за своими жертвами с саблями и т.п.

Застой в Транкебаре продлился с 1650 г. примерно 20 – 25 лет. Но это был упадок чисто экономический, который, как странно это ни выглядит, сопровождался территориальной экспансией Дании. Затем возросшие доходы упоминавшейся выше Исландской компании позволяют королю с конца 1660-х гг. возобновить торговые рейсы к Транкебару. Когда же после долгого перерыва от берегов Восточной Индии вернулось первое датское судно, в 1670 г. была учреждена очередная Ост-Индская компания с монопольным правом на торговое судоходство на всём необозримом пространстве за мысом Доброй Надежды.

Однако многое зависело от чисто человеческих качеств самих колонистов, основная масса которых психологически была не готова к жизни вдали от родины. С местным, тамильским населением конфликтов не возникало, но были проблемы с тяжёлым климатом и лихорадкой. Датчане не могли отказаться от тяжёлой, жирной пищи, вредной в условиях влажной жары, а алкоголь потребляли и вовсе неумеренно: как отмечает датский историк, «там они пили ещё больше, чем дома». В довершение всех бед однажды исчез комендант с кассой, после чего длительное время колонистам не на что было покупать пищу. В результате к 1670 г. колония почти вымерла – в живых остался один человек.

Деятельность колонии возобновилась лишь в самые последние годы XVII в. Она даже начала расширяться: перед началом длительных военных действий против войск Великого Могола (1714-1720) на севере, в Бенгалии был заложен новый форт Даннемаркснагор (1698). В начале XVIII в. впервые доход от колониальной торговли стал стабильным, число акционеров компании возросло. Однако Великая Северная война 1700–1721 гг., окончившаяся для Дании не самым лучшим образом вновь привела к длительному разрыву контактов метрополии с Транкебаром. Колонисты разделились на две враждующие группы – чиновничью и офицерско-солдатскую. Были утрачены былые контакты и с аборигенами, которые просто боялись почти постоянно нетрезвых датчан. К тому же чиновники нередко задерживали выплаты за поставлявшиеся из глубины материка товары, вели незаконную торговлю в обход бюджета компании, совершали хищения из колониальной кассы, были и другие злоупотребления.

Поэтому со временем всё заметнее становились трения между правлением компании в Копенгагене и колониальным чиновничьим штатом. Члены столичного правления стремились получить как можно больше качественного и дешёвого товара, а выплаты за него часто задерживали, обвиняя (и не без оснований) губернаторов в неэффективности их административной политики, беспорядке в бухгалтерских расчётах и пр. Колонии же постоянно нуждались в звонкой монете, на местах не хватало людей. Кроме того, даже когда прибывали новые люди, то тех из них, кто не желал участвовать в пьяных оргиях, быстро заставляли покинуть Индию – для этого в ход пускались самые невероятные интриги.

Положение исправилось лишь через 10 лет после окончания Северной войны.

В 1730-1740-х гг. из Дании в Азию (главным образом, в индийские колонии) было отправлено товаров на 2 млн. рд., а вернулись эти суда с грузом на вдвое большую сумму. Если же подсчитать оборот за более длительный срок, то с 1732 по 1772 гг. Азиатская компания ввезла в Данию товару на 40 млн. рд., а отправила в колонии груз на ¾ этой суммы. Вывоз состоял, в основном, из цветных металлов, норвежского железа (его использовали во время рейса в виде судового балласта), оружия, канатов, скобяного товара, водки, табака, - но и религиозной литературы тоже. Поскольку же весь этот груз использовался, в основном, самими колонистами, то, как и раньше, для покупки местных товаров требовалось значительное количество серебряной монеты.

В 1752 г. к Транкебару подходят два датских линейных корабля, на борту которых было 300 пехотинцев королевской армии. Для тогдашней Индии этот отряд был значительным силовым фактором, а присутствие здесь огромных датских кораблей и их тяжёлая артиллерия также не могли не произвести впечатления на индийских князей, да и на европейские колониальные державы. На следующий год Колониальный совет Транкебара учреждает новую факторию Каликут (Кожекоде) на западном, Малабарском берегу Индии, чтобы направить весь поток индийского перца к причалам, где грузятся датские корабли. В 1755 г. бенгальское правительство передаёт Азиатской компании области по обе стороны русла реки Хугли (Hoogly) с их главным городом Серампур. Здесь возводится укреплённая фактория Фредерикснагор (1755). Позже датская колония расширяется, включив в себя индийские города Акну и Паррапур.

Но не всегда колониальная экспансия этих десятилетий шла удачно. В 1756 из Транкебара отправляется королевская экспедиция для овладения Никобарами в Индийском океане. Этот архипелаг переименовываются в о-ва Фредерика, а сама колония получает имя Новой Дании (Ny-Danmark), начинается строительство жилищ для колонистов. Но в этих селениях вскоре начитает свирепствовать смертельная «никобарская лихорадка» – род малярии, против которого в Дании тогда не имелось лекарственных средств. И в конце концов поселенцы покинули эту колонию, – дальнейшее существование здесь стало для них невозможным.

В период правления Фредерика V и отчасти Кристиана VII (1766 – 1808) в коммерческих и политических кругах Дании популярными становятся идеи Кольбера о торгово-промышленных компаниях как двигателях экономического прогресса. Не без влияния этих меркантилистских теорий на умы королей оживает и датская внешне-торговая деятельность, сильно зависевшая от монаршей поддержки. В 1772 г. государство считает разумным отменить монополию на судоходство в Индийском океане. Теперь в Ост-Индию могли плавать и частные торговые суда, в том числе и иностранные, которые, правда, должны были переводить на счёт компании 2% от стоимости товара европейского происхождения и 8% - от массы колониального груза, следовавшего в обратном направлении.

Между тем в эти десятилетия расцветает колония Фредерикснагор в Северной Индии. Город становится и центром датской протестантской миссии в Азии, в чём большую роль сыграл норвежский проповедник Оле Бие. Поэтому в экономическом и политическом смысле он превосходит Транкебар – правда лишь до 1787 г., когда обширные песчаные наносы сделали Фредерикснагор практически недоступным для больших кораблей. После этого связь Транкебара с Данией становится ещё более оживлённой, чем ранее.

Этот экономический подъём территориально значительно расширившихся датских колоний в Индии отразился на внутренней экономике последних. Теперь колонисты не ограничиваются транзитной торговлей: здесь начинается выпуск и собственной продукции. На территории Транкебара работают полотняные, кожевенные и мыловаренные мануфактуры, чья продукция идёт на экспорт. Таким

образом, ост-индская торговля не только возродилась, но получила гораздо более надёжный и экономически здоровый базис, чем это было во времена Кристиана IV.

Большого успеха удалось добиться в этот период и в отношении вест-индского направления датских экономических интересов, в будущем сыгравшего столь важную роль для Дании в целом.

В колониальной экономике Дании со временем крупное значение приобрёл тростниковый сахар. В отличие от американских табака и кофе сахарный тростник происходил из Южной Азии, а на островах близ американского континента он был культивирован европейцами. И уже в XVII в. именно оттуда Дания получала основную часть этого ценного продукта. В XVIII в. основные плантации тростника находились на о. Св. Фомы, являясь важнейшим экспортным товаром колонии. Кроме того, оттуда вывозились табак и хлопок; в обратном направлении шли продукты питания, средства производства и другие столь же необходимые товары европейского происхождения.

Вначале здесь денежная экономика практически отсутствовала, господствовал простой товарообмен, причём расчётной единицей служил фунт сахара. Так, 1 фунт датского сыра стоил 4 фунта сахара, литр датской водки – 8 фунтов и т.д. Постепенно Св. Фома стал торговым центром для всех близлежащих островов, причём не только датских. Их разноязычные жители получали при этом все товары, которые не могли быть им доставлены из стран Старого Света. И наоборот, они свозили на остров товары, которые не было возможности отправить в метрополии, особенно во время войн. Шкипера же датских кораблей, ходивших под нейтральным флагом и обладавших иммунитетом для каперов враждующих сторон, охотно брались за фрахтовые перевозки.

Больших доходов сахарный вывоз колонистам не приносил, главным образом по причине плохого качества товара. Сахар-сырец был не очищен, часто попорчен солёной водой и корабельными крысами. Поэтому уже при Кристиане IV делались попытки создания установок для рафинирования сырья, но они заработали лишь в 1657 г., да и то не в колонии, а в Копенгагене. Да и сама торговля с островами велась в скромных размерах. Для снаряжения судна требовались свободные деньги, в которых компании часто ощущали острую нехватку. Поэтому к Св. Фоме отправлялся пока всего один корабль в год. И лишь на рубеже XVII и XVIII вв. в вест-индской торговле наметились перемены к лучшему.

Они были окончательно закреплены за Данией международными актами лишь в начале правления Кристиана VI. В Дании тогда же был учреждён первый национальный банк (Kurantbanken), что значительно облегчила как валютные операции, так и получение кредитов (ранее Данию обслуживал Гамбургский банк). В Вест-Индии датские промышленники ещё в 1717 г. начали закладывать новые сахарные плантации на необитаемом французском о. Сен-Круа (ныне Санта-Крус, принадлежит США).; но значительно расширить торговлю с островными колониями долго не удавалось, отчего торговая кампания и местные жители испытывали немалые трудности. Тем не менее, в 1733 г. группе инициативных предпринимателей во главе с Ф. Хольмстедом удалось получить возможность выкупить остров Сен-Круа у французов за 160 000 рд. – в расчёте на экономические перспективы в будущем: по размерам он превосходил совокупную площадь острова Св. Жана и Св. Фомы, обладал плодородной почвой и действительно в дальнейшем стал давать прибыль большую, чем все заокеанские колониальные владения Дании. Компания получила очередную лицензию на монопольную торговлю и полную свободу действий на островах. Однако вскоре колонистов поразил непредвиденный удар, подобного которому они никогда ранее не испытывали.

Скупость метрополии по отношению к колониям (экономили даже на количестве солдат, посылаемых для охраны администрации, не говоря уже о

солдатском провианте) в какой-то момент поставила под вопрос само существование последних в Вест-Индии. В 1733 г. на о. Сен-Жане вспыхнуло восстание рабов, с которым не смогли справиться немногочисленные датские отряды (белое население в целом составляло лишь 10% от общего числа рабов). Местный форт Фредериксвэрн был взят, а его жители перебиты – как и остальное белое население острова. На следующий день войска, прибывшие с о. Св. Фомы, а также вспомогательный французский корпус с Мартиники (на острове были и французские частные плантации), оттеснили мятежников в горную часть острова. Но лишь через полгода колонисты смогли начать восстановление сожжённых во время восстания строений и разорённых плантаций.

Между тем некоторое оживление экономики Вест-Индских островов, наблюдавшееся в первой трети XVIII в., к середине его сменилось новым упадком. Он был вызван, прежде всего, монопольным правом компании, которое давно уже вызывало острое недовольство как среди потребителей островов и метрополии, вынужденных покупать товары компании по монопольно высокой цене, так и колонистов, которым дирекция компании назначала столь же произвольные цены за плоды их труда. Именно эти настроения стали первопричиной планов о национализации компании государством. А когда в начале 1750-х колонии поразили неурожайные годы, то ни в руководстве компании, ни среди её акционеров не нашлось противников такого решения проблемы. Что же касается датского правительства, то и здесь нашлось немало сторонников установления более жёсткого, централизованного контроля над островной экономикой.

Наконец, имелись планы превращения Копенгагена в главный северо-европейский центр рафинирования и перепродажи сахара, а портового города Шарлотты-Амалии – в ведущий коммерческий (в том числе и транзитный) пункт для обслуживания океанской торговли между Европой, Вест-Индией и Северной Америкой. По совокупности перечисленных причин в 1755 г. датские Вест-Индские острова переходят в безраздельную собственность государства, и тут же становятся зоной свободной торговли. При этом компания получила компенсацию в 22 бочонка золота, что равнялось 2 240 000 рд. Формально острова превратились в часть Датского королевства, верховная власть на них была передана генерал-губернатору, а гражданское управление – государственным чиновникам-амтманам, как это было в самой Дании.

При этом как в Вест-Индии, так и в Гвинее торговая монополия компаний ликвидируется – совершенно в духе фритредерства. В 1764 г. Шарлотта-Амалия получает статус свободного порта и действительно становится главным центром островной коммерции. Именно сюда доставляют рабов из Гвинеи, отсюда отгружается сахар, здесь идёт перевалка грузов, доставлявшихся из стран-участниц той или иной войны, на датские нейтральные суда. Это, прежде всего, кофе, табак, хлопчатобумажные ткани и индиго – всё из американских владений французской короны. Отсюда же европейские товары распределяются на другие острова архипелага. Была достигнута и первая из целей выше упомянутого плана – в 1790 г. Копенгаген по объёму торговых операций уже занимал почётное второе (после Лондона) место среди коммерческих центров Европы.

Дальнейшему развитию колониальной промышленности Вест-Индии содействовал стабильный спрос на сахар в Европе, а в середине XVIII в. на этом рынке произошёл скачкообразный рост цен на него. Поэтому плантации ширились, как и ввоз рабов, и вывоз продукции. Так за 1755-1764 гг. экспорт сахара из Сен-Круа возрос более чем в 10 раз. И если до того к островам приходило 3-4 судна в год, то в 1766 г. из Копенгагена сюда было отправлено 36 судов, гружёных 23 600 бочками сахара. За этот же период число рабов на островах удвоилось, достигнув 17 000 человек.

Впрочем, на положении рабов эти перемены никак не сказались, и в 1759 г. на острове Сен-Круа вспыхивает новое восстание, жестоко подавленное. Как только порт на о. Св. Фомы объявляется свободной гаванью (1764), вооружённые силы датских Виргинских островов получают подкрепление, правда, в количестве всего лишь двух пехотных рот.

Это восстание заставило датские власти обратить серьёзное внимание и на гвинейскую колонию. К этому времени между гвинейскими вождями и датскими колонистами наладилось взаимопонимание, основанное на совместной прибыли от работорговли. Поэтому при попытках голландцев из соседней колонии захватить датские форты эти вожди предоставляют датчанам помощь в виде многих тысяч воинов.

Очевидно, необходим небольшой экскурс в историю датской работорговли этого периода. Во время всех упомянутых драматических событий, да и позже, никаких мер по облегчению положения рабов проведено не было. Наоборот, в 1765 крупный копенгагенский купец Хеннинг Баргум основывает новую компанию – Общество работорговли (Slavehandelssocietetet), которое должно было существенно содействовать расширению этого вида коммерции.

И лишь в 1792 г. в отношении работорговли в Дании начинается своего рода переходный период. По инициативе министра финансов графа Э. Шиммельмана, опиравшегося на тогдашнюю творческую интеллигенцию, обсуждение этой проблемы широко велось в датской прессе. В результате король издаёт постановление, запрещающее ввоз рабов в колонии и метрополию. С другой стороны, оно должно вступить в силу лишь через 10 лет, а пока казна выделяет с этой целью крупные кредиты для плантаторов Вест-Индии, так что они по-прежнему могут обеспечить себя достаточным количеством рабов. Что же касается их эксплуатации и вообще быта, то здесь абсолютно ничего не изменилось – и в 1790-х гг., и позже на островах Вест-Индии велась «внутренняя» торговля «чёрным деревом», нередко при этом цветные семьи насильственно разлучали и т.п. Единственной переменой в первые годы XIX в. стало прекращение использования на плантациях труда беременных рабынь. Причиной тому было два фактора. Во-первых, дети цветных вскоре должны были стать единственным источником возобновления рабочей силы, а, во-вторых, всё более сказывалось влияние общественного мнения в самой метрополии – наступал век гуманизма.

Но вернёмся в середину XVIII в. Итак, острова Вест-Индии получили фритредерское право и перешли во владение датского государства. После этого производство сахара резко увеличилось. Если во время перехода колонии к новым коммерческим законам (1755) стоимость этого продукта, доставленного в Данию, не превышала 100 000 рд., то уже через 11 лет она возросла до 2, 5 миллионов рд. и практически сравнялась с азиатской. Это обильное поступление сырья из островной колонии благоприятно сказалось на структуре экономики метрополии. В Дании создаются один за другим сахарные заводы, где сырец рафинируют, в том числе для продажи за рубеж. Появляются крупные предприниматели вроде упомянутого графа Э. Шиммельмана, как скупающие как плантации в Вест-Индии, так и строящие сахарные заводы в Дании.

Однако этот расцвет колониальной экономики имел и свои тёмные стороны. Датские корабли, отправлявшиеся в Веет-Индию, были обязаны брать с собой продуктовые грузы лишь отечественного происхождения. Но образующийся при этом относительный избыток датско-норвежских продуктов был таким, что появлялся соблазн продавать их на сторону. Поэтому в 1764 г. ответственность за снабжение колоний была возложена на владельцев плантаций, причём вся доставка товара должна была осуществляться на датских судах. Дозволялся и приём иностранной продукции (за сравнительно небольшую пошлину в 5%), но зато для

покрытия этого расхода можно было часть сахара вывозить в Америку – тем более, что гавани Св. Фомы и Сен-Жана пользовались правом франко-портов.

Поэтому через некоторое время в полном соответствии с законом конкуренции почти весь ввоз на острова стал обеспечиваться кем угодно, кроме Дании – как и вывоз, в том числе и капитала. Так, если из Копенгагена в Вест-Индию в 1763 г. было вывезено товара на 186 000 рд., то через 6 лет – всего 32 000 рд. Это объяснялось тем, что, в отличие от Дании, Голландия предоставляла колонистам выгодные кредиты для нужд плантаций, а за это большая часть вест-индского сахара шла прямиком в Амстердам. Это падение колониальных доходов нужно было как-то остановить, – и в 1777 г. правительство Кристиана VII (1766–1808) практически ликвидировало для островов статус франко-портов. Отныне вся торговля и мореплаванье вест-индских колоний становились монополией даже не Дании, а исключительно Копенгагена – для удобства контроля. Таким образом, для крупного торгового капитала Дании были созданы все условия к использованию высокого конъюнктурного спроса, создавшегося в странах Атлантики с началом североамериканской Войны за независимость 1775 – 1783 гг. (см. ниже).

В Индии же история датских колоний развивалась по несколько иной схеме. Здесь большая часть недвижимого имущества бывшей Азиатской компании была в 1732 г. выкуплена новой, носившей то же имя. Последняя быстро возместила свои расходы, благодаря, среди прочего, моде тех лет. Не только в Дании, но и во всей Западной Европе стало престижным носить наряды из восточных шёлковых тканей и украшать жилища экзотическими предметами быта, лакированными шкатулками, фарфором (корабли новой компании ходили и в Китай) и пр. Всё это доставлялось в Данию, иногда прибыль акционеров от одного рейса доходила до 58 %. Но и колонисты Транкебара также были не в накладе, как и государственная казна. Так, в 1732 – 1772 в Данию было доставлено одной только Азиатской компанией ценностей на 40 млн. рд., тогда как за рубеж *всего* (то есть, не только на Восток) было вывезено лишь 30 млн. рд.

Поэтому имело смысл основывать в Индии новые колонии, в том числе вдали от Транкебара. Крупнейшей из них стал Фредерикснагор вблизи Калькутты. По сравнению с другими сообществами предпринимателей, именно Азиатская компания приносила в те годы наибольшие доходы – как акционерам, так и королевской казне. Вообще торговля с Востоком стала для национальной экономики в упомянутый выше период краеугольным камнем в процессе оборота капитала.

Но уже к концу 1760-х гг. индийские колонии стали давать всё меньше прибыли, чем гораздо менее затратная китайская торговля, не требовавшая сооружения дорогостоящих укреплений, как это было в Восточной Индии. К тому же компания должна была выдержать несколько жестоких ударов. Вначале выяснилось, что при сооружении конной статуи Фредерику V на Амалиенборг-пладс в Копенгагене (кстати, за счёт компании – в благодарность за постоянную поддержку её монархом) бесследно исчезло столько денег, что конечная стоимость этого дара доросла до фантастической суммы в 3 млн. крон. Разразившийся скандал сильно подорвал престиж компании, и тут, практически одновременно штормы погубили несколько судов компании, а в 1769 г. в кассе компании обнаружилась крупная недостача.

Всё это подорвало её престиж, курс акций упал, директорат подвергся нападкам акционеров и т.д. Тем не менее, в 1772 г., когда истекал срок 20-летней лицензии, многие датские предприниматели поддерживали правительство в том, что монополию компании в торговле с Китаем следует сохранить, тогда как индийские колонии должны получить право коммерческой свободы. Эта оппозиция директорату компании и одержала победу на общем собрании акционеров. Состав

дирекции был сменён, и при утверждении лицензии на очередной срок новый директорат добился свободы торговли для всех индийских колоний.

Наконец, в 1777 г. индийские колонии переходят в собственность короля. Вся недвижимость и учреждения компании в Индии становятся королевскими под тем предлогом, что приватная торговля, как гласил королевский указ, «…гораздо успешнее будет вестись к пользе страны, поскольку она, и только она одна, будет пользоваться Нашим покровительством». Азиатская компания при этом получила возмещение в 170 000 рд., но сохранила за собой право коммерции в Восточной Индии и получила новую лицензию, в которой, правда, допускалась свободная торговая конкуренция и не членов компании. То есть, индийская торговля Дании стала столь же свободной, как и некоторое время вест-индская, начиная с 1754 г.

В 1788 г. в число владений Транкебара входят ещё 53 деревни с прилегающими угодьями, которые очередной наик Танжора передаёт датской колонии за большой денежный заём. Однако в 1801 г. большую часть приобретённых таким образом земель приходится отдать англичанам, которые в 1790 г. установили свою административную власть в Танжоре и вернули датчанам сумму, которую задолжал наик.

Значительное влияние на датскую колониальную историю оказали наполеоновские войны, хоть королевство пыталось занять в них традиционно нейтральную позицию. Однако антинаполеоновская коалиция начиная с 1800 г. прилагала немало усилий, чтобы прекратить торговлю Дании с Францией, не останавливаясь для этого перед силовыми методами. В том же году делаются попытки английских капитанов проводить досмотр датских судов, при этом доходит до настоящих морских сражений и блокады Копенгагена английским военным флотом. Датчане были вынуждены пойти на уступки силам коалиции, отказавшись от конвоирования своих торговых судов, но это не останавливает враждебных действий англичан. В начале 1801 г. все датские корабли в английских гаванях были арестованы, а 28 марта Вест-индские острова вынуждены капитулировать ввиду огромного превосходства англичан: их блокировала эскадра из 25 кораблей, на которых находился 4-тысячный десант, тогда как островитяне располагали всего 343 чел. регулярных и 900 чел. плохо вооруженных милиционных войск.

Спустя некоторое время схожие события развернулись в Индии. Английские войска двигались от Мадраса, а их военные корабли заперли гавань Транкебара. И здесь явное преимущество противника исключало любое сопротивление датчан. Никакой помощи из метрополии ждать не приходилось, хоть колонисты ещё не могли знать о страшном разгроме датского флота английским, которым командовал Нельсон (так наз. Битва не рейде 2 апреля 1801 г.). И в начале мая 1801 г. датский комендант капитулирует – хоть и на вполне достойных условиях. Однако к октябрю 1801 г. в Европе происходит большая перемена в политической ситуации. Россия заключает договор с Англией, к которому присоединяется и Дания, после чего англичане освобождают датские колонии от оккупационных войск (Вест-Индские острова лишь через год).

Впрочем, это была лишь отсрочка, а не окончательное решение проблемы Транкебара. И снова судьба индийской колонии решалась в Европе. В ноябре 1806 г. Наполеон провозгласил режим континентальной блокады, согласно которому Англия отсекалась от европейского рынка. В течение 1807 г. в систему блокады были вынуждены войти не только Дания, но и Италия, Испания, Голландия, Россия и Пруссия. В ответ англичане воспретили нейтральным странам вести торговлю со странами, враждебными Англии. Наполеон в ответ объявил, что все суда, подчинившиеся требованиям Лондона, будут приравнены к английским и захвачены.

Однако, королевство вышло из этих войн политически ослабленным,

практически разорвав связи с великими морскими державами и утратив в 1814 г. Норвегию, но огромным был и экономический ущерб. В этот период континентальная блокада в корне оказалась в состоянии подорвать внешнюю торговлю Дании. Азиатская же компания была практически разорена и, просуществовав ещё некоторое время, так от этого удара и не смогла оправиться. Поскольку годы вынужденного простоя «съели» большую часть её капитала, в неё впервые стали принимать посторонних частных лиц, причём даже неспособных внести более или менее значительный вступительный взнос – компания шла на всё, чтобы рейсы в индийскую колонию возобновились.

В 1822 г. там вспыхивают народные волнения, имевшие почвой нарушение транкебарским губернатором местных традиций. Оказывается, датчанин сквозь пальцы смотрел на то, что один из зажиточных индусов Транкебара жил с вызывающей роскошью, что было недопустимо для презренной касты давильщиков масла, к которой он принадлежал. Мятеж был подавлен, но добрые отношения между колонистами и местным населением навсегда ушли в прошлое. Это имело и чисто экономические последствия: стало значительно труднее доставлять в датский порт продукты с собственных плантаций, а о выгодном транзите других колониальных товаров, ранее поставлявшиеся в Транкебар со всей Восточной Индии, теперь вообще пришлось забыть.

Очередной удар по экономике компании (а, значит, и колонии) был нанесён в 1838 г., когда её лишили монопольного права. Наконец, в 1843 г. Азиатская компания прекращает своё существование, а её имущество идёт с торгов по аукционным ценам. В том же году губернатор Транкебара Петер Хансен получает их Копенгагена распоряжение начать переговоры с английской Ост-Индской компанией насчёт продажи датских колоний в этой части света. Через год Транкебар и другие датские владения в Индии были проданы Англии. Трактат, подтверждающий эту сделку был подписан в 1845 г. в Калькутте. Окончательная же сумма, выплаченная английской компанией за все датские владения в Индии составила 1 125 000 рд.

На гвинейском берегу между тем губернаторов часто меняют, но без толку. В первой трети XVIII в. все они не только были мало способны исполнять свои обязанности и прекратить пьянство, но и совершали предательские поступки по отношению к короне. В 1754 г. Вест-индско–Гвинейская компания ликвидируется, африканские форты переходят в собственность государства. Та же судьба постигла и пятую Африканскую компанию, предназначенную для колонизации западного берега Марокко. За семь лет существования она потеряла к 1763 г. по причине нападений местных пиратов 250 000 рд. и была ликвидирована.

В 1782 г., во время англо-голландской войны, англичане захватывают голландские форты в Гвинее. Датские же форты в Африке передаются новообразованной Балтийско-гвинейской торговой компании. Воспользовавшись войной, датчане захватывают голландские форты и по заключении мира в 1784 г. попросту отказываются освободить их. Губернатор Й.А. Кёге, кроме того, заставляет племена, бывшие прежде под голландским покровительством, присягать датскому королю, после чего они оказываются под протекторатом метрополии. По его инициативе в дельте реки Вольты был заложен форт Конгестен, а затем датская территория расширяется ещё далее на восток – в 50 км. от упомянутого форта возводится укрепление Принсестен, а также цепь из 5 фортов вдоль всего 250-километрового берега – на большей части береговой полосы современной Ганы.

В том же 1784 году образуется новое Королевское Датское Балтийское и Гвинейское торговое общество. Эта компания, используя улучшившиеся экономические конъюнктуры, выстраивает «треугольную» торговую схему. Смысл её был в следующем: из Копенгагена в Гвинею отправляли ружья устаревших

моделей, пёстрые ткани, спиртное и скобяные товары; здесь на те же суда грузили рабов, предназначенных для вест-индских плантаций, а оттуда в Данию везли сахар-сырец и ром.

Если до того африканские форты рассматривались как укреплённые торговые станции, где бытовые (в отличие от административных и военных) правила жизни устанавливали частные компании, то с 1785 г. на обе датские территории (Золотой берег и Невольничий берег) распространяется державное или королевское право (højhedsret). В том же году африканские племена к востоку от нижнего течения р. Вольты принуждаются к принятию покровительства датского короля. Этот акт подкрепляется возведением двух новых фортов, а в 1787 г. губернатор Й.И. Кёге выстроил укрепление Аугустаборг (близ африканского городка Тессинг) и заложил первый камень форта Исеграм недалеко от селения Понни.

На этом датская экспансия не прекратилась. В 1802 г. губернатор Йохан Врисберг распространяет королевское право всё далее к востоку, на область Бимбию и закладывает плантации близ Камеруна. В 1803 г. вступает в силу положение 1792 г. о запрете работорговли – впервые в мире. Хотя некоторое время она в Гвинее и продолжалась нелегально, по причине явного попустительства датских властей. В 1811 г. датские плантации подверглись разорению береговыми аборигенами в ответ на отказ администрации Кристиансборга защитить их от нападений враждебного им племени ашанти. Возможно, этот инцидент стал причиной первой попытки Дании продать территории Золотого берега США (1818), впрочем, неудачной. Позднее, в 1824 г., английские колонисты, которым это племя досаждало не менее, чем датчанам, попытались подавить его силой, в чём датчане оказали им помощь.

Объединёнными силами ашанти были побеждены. Решающую роль здесь сыграли «датские» негры. Их королева Докуа Акимская лично вела своих воинов, осенённых датским флагом, в бой. Позднее Фредерик VI даровал ей, в признательность за личную храбрость, серебряный меч. Отмечено, что эта африканская королева, сохраняя преданность Дании, и в дальнейшем неизменно отклоняла предложения других европейских держав перейти под их покровительство.

Однако ашанти решились в 1826 г. на последний бой, собрав для этого все свои силы – около 11 000 воинов. Они штурмовали Кристиансборг, но потерпели поражение благодаря английским войскам, снова пришедшим датчанам на помощь. Решающее сражение произошло в горах Аквапима севернее датского форта. В результате победы европейцев войско ашанти было практически целиком уничтожено, а горная область Аквапим перешла под власть Дании. При этом горные племена официально были объявлены подданными датского короля. Однако это приобретение стало причиной нового соперничества с англичанами. В 1836 г. горное племя Кроббо восстало против датской власти, но было подавлено 10 000 чёрных датских воинов, посланных в горы губернатором Кристиансборга Мёрхом. После этого англичане высказали официальное сомнение в законности распространения датского королевского права на указанную горную область.

Соблазнённый щедрыми обещаниями англичан, вождь аквапимских племён Ада Адланква сближается с ними. Однако он был тут же смещён Мёрхом, а на его место был поставлен другой негритянский лидер, более лояльный по отношению к королевской верховной власти. Это не помешало некоторым племенам восстать в 1847 г. и несколько раз напасть на форт Принсестен. В ответ датский корабль обстрелял африканские деревни, находящиеся к востоку от устья Вольты, после чего их вожди снова поклялись в верности датскому королю.

Наконец в 1850 г., полностью разочаровавшись в своих надеждах на

возобновление прибылей от африканских владений, Дания предлагает Англии свои форты и всю прилегавшую к ним остальную территорию на побережье Гвинеи. При этом Копенгагеном была установлена стоимость будущей сделки – 285 000 фунтов стерлингов. Англичане сочли эту цену завышенной. Торг продлился некоторое время, пока датское правительство не согласилось продать свои африканские колонии всего за 10 000 фунтов стерлингов. Цена совершенно бросовая, но, повторяю, экономически эти земли давно были уже невыгодны и приносили сплошные убытки.

Что касается датских колоний Вест-Индии, то Американская война за независимость 1775 – 1783 гг. предоставила им новые возможности. Впрочем, почва для этого экономического успеха была создана несколько ранее. По ряду причин в королевстве началась инфляция. Явление это считается губительным для благосостояния обычных потребителей – но не всегда для крупных предпринимателей. Сконцентрировав в своих руках крупные суммы «новых» денег, они пустили их в оборот там, где датский ригсдалер ещё ценили по-старому. То есть, в судостроение за рубежом и в Норвегии, в котором, кстати, принимало деятельное участие и государство. Целью увеличения тоннажа были рыбный и китобойный промысел, ставший особенно выгодным в начале 1770-х гг., но вскоре корабли пригодились для куда более прибыльного использования.

С началом Американской войны за независимость традиционно нейтральная Дания не в первый и не в последний раз с выгодой использовала этот свой статус. Перевозки грузов воюющих стран давало прекрасную прибыль в условиях, когда весь флот последних неподвижно стоял в своих портах, опасаясь многочисленных каперов противника – ситуация известная. С началом войны датский флот стал расти ещё быстрее, так как воюющие страны пытаясь избавиться от бесполезных и приносящих убыток судов, сбывали их нейтралам по бросовой цене. Достаточно сказать, что общий тоннаж кораблей под датским флагом с 1766 до 1784 гг. почти утроился, а копенгагенский порт пришлось срочно расширять – имевшейся причальной стенки и складских помещений стало катастрофически не хватать. В 1778 г. государство решило принять ещё более деятельное участие в разделе прибылей военного времени, организовав Вест-Индское торговое общество, пользовавшееся массой преимуществ, важнейшими из которых была свобода от налогов и пошлин, бесплатное использование казённых пакгаузов, причалов и пр. Оно имело статус открытого акционерного общества, но из 500 000 рд., которые стоил совокупный пакет акций, доля короля составляла 200 000 рд. – соответственными были и его доходы. Он же назначал директоров Общества, определявших экономическую политику последнего.

Как говорилось выше, в результате небывалого оживления заокеанской торговли резко выросла роль копенгагенского порта. При этом в его грузообороте доминировал ввоз и вывоз именно вест-индских товаров. Их стоимость в 1782 г. составляла никогда не бывалую сумму в 2,7 млн. рд. из общей в 3,1 млн. Эти цифры показывают, что основной составной частью грузов, обрабатывавшихся в главном порте страны, были транзитные товары, поступавшие именно из вест-индской колонии или отгружавшиеся туда. То есть, это были грузы, принадлежавшие колониям воюющих стран, таким путём пытавшихся сохранить необходимую для них связь с европейскими рынками.

Отсюда нетрудно сделать вывод, что вест-индские владения Дании сыграли выдающуюся роль в пору, которая в датской историографии носит имя «Блестящего торгового периода» (Den glimrende Handelsperiode). Причём заслуженно – далёкая колония содействовала бурному росту имперского коммерческого мореплаванья и уникальному подъёму национальной денежной экономики. А также превращению довольно скромного по европейским масштабам Копенгагена с его небольшой

гаванью в торговый порт мирового значения.

Но после кризиса 1783 г. новое правительство ликвидировало большую часть торговых компаний, несмотря на то, что с почти всеми правительственная элита имела тесные финансовые и личные связи. И в 1786 г. Вест-индская компания, а в 1787 – и Гвинейско – Вест-Индская переходят в государственную собственность, то есть, проще говоря, ликвидируются. Однако со всеми акционерами казна честно расплачивается государственными облигациями.

К началу XIX в. число иностранных плантаторов на датских Вест-индских островах могло лишь увеличиваться. Их экономическая и политическая сила такова, что в 1821 г. они оказались в состоянии сместить датского губернатора Адриана Бенжамина Бентсона, который пытался передать все плантации исключительно в руки датчан. Столица о. Св. Фомы, город Шарлотта-Амалия, со своими 14 000 этнически крайне пёстрого населения, теперь занимает по величине почётное шестое место среди датских городов. Островная колония после окончания наполеоновских войн быстро возрождает свою экономику, чему не могло помешать даже монопольное право Копенгагена на вывоз всего сахара, производившегося в датской Вест-Индии. А в начале 1820-х гг. колонисты получили право сбывать сахар в Северную Америку без каких-либо налогов. К этому времени Дания получала ежегодно из этой колонии около 10 000 тонн сахара и множество иных колониальных товаров.

Но европейский экономический кризис 1820 г. хоть с опозданием, но докатился и до заокеанской колонии. Повсюду в мире стало производиться много сахара (в Европе – свекольного) и цены на него упали вчетверо. Поэтому производство вест-индского тростникового сырца перестало окупаться. Владельцы плантаций стали разоряться: почти ни у кого из них не хватало средств даже на закупку продовольствия в США, – и рабы оказались на грани голодной смерти. Помощь пришла из-за океана. Датская казна предоставила кредит на закупку питания, а островной губернатор А.Б. Бентцон самовольно повысил таможенные пошлины, что также дало какие-то средства. Кроме того, он выступил против чрезмерно жёстких условий копенгагенского кредита, публично заявив, что проценты будут выплачиваться по возможности, иначе основное (цветное) население островов вымрет, чего он допустить не может.

На островах было решено перейти к пастбищному животноводству. Иного выхода не было, но, как известно, скотоводство начинает оправдывать расходы не так быстро, как земледелие. Кроме того, оно требует значительных начальных инвестиций для закупки молодняка. Дания была не в состоянии предоставить дополнительных кредитов колонии, чей бюджет из доходного превратился в расходный. И если ранее средства давал вывоз рафинада, то теперь в Копенгагене остановилось большинство сахарных заводов, так как европейский рынок в значительной мере перешёл на самоснабжение – свёклу стали сажать повсюду. И тогда было принято более реальное решение: для того, чтобы колония из убыточной вновь стала приносить прибыль, оставалось окончательно освободить коммерцию, сделав её международной.

И в 1833 г. ликвидируется монополия на вест-индскую торговлю. Это был жестокий удар по копенгагенским купцам, – город навсегда утратил свою функцию крупнейшего реэкспортного центра. Но это решение пошло на пользу государственной экономике. Впрочем, оставалась ещё одна проблема. В 1834 г. Англия отменяет рабство в своих вест-индских владениях. Это становится причиной волнений (пока умственных) в датской Вест-Индии. Возможно, не без влияния этого фактора новый вест-индский губернатор Петер фон Шольтен старается по мере сил смягчить участь рабов – и это ему удаётся. В 1837 г. им ставятся границы, в которых рабовладельцы могут физически наказывать рабов.

Негры же получают некое право собственности. И само понятие «раб» заменяется новым: «несвободный» (ufri).

Предпринимаются попытки улучшить систему школьного образования для детей чёрных невольников. Уже через год копенгагенское правительство издаёт указ, согласно которому на всех трёх датских островах Вест-Индии учреждаются школы для негритят. Все школьные заботы передаются датской общине протестантской секты гернгутеров, прекрасно с этой задачей справившейся без сколько-нибудь значительной помощи от казны. В 1847 г. король издаёт указ, согласно которому все дети рабов, родившиеся после его опубликования, объявляются свободными. Через 12 лет рабство как таковое должно быть запрещено вообще.

Тем не менее, тяжёлое положение «несвободных» цветных оставалось, очевидно, крайне тяжёлым – об этом говорят волнения 1848 и 1878 гг. Первое из них началось на о. Сен-Круа и быстро переросло в открытый мятеж. Утром 3 июля 1848 г. тысячи рабов стеклись к стенам Фредериксстеда с требованием немедленного и полного их освобождения. Они захватили главное здание полиции и буквально снесли его. Восставшие рабы блокировали город. После этого к ним вышел губернатор Петер фон Шольтен и, опасаясь разгрома города, объявил всем свободу. Тем не менее, некоторые отряды восставших осадили Кристиансстед, но были рассеяны артиллерийским огнём.

Таким образом, мятеж был подавлен и в ближайшие 30 лет не повторялся. Однако это не означало, что были потушены все искры тлевшей неудовлетворённости цветного населения своим положением. Формально отношение «раб-рабовладелец» сменились иным, «рабочий-работодатель». В реальности же к новой ситуации ещё не созрели ни рубщики тростника, ни плантаторы. Поэтому без каких бы то ни было королевских указов или правительственных положений на островах явочным порядком установился порядок, абсолютно схожий с крестьянским «выходом» в Московском государстве XI – XVII вв. То есть, работник мог сменить место жительства и труда лишь раз в году. И даже внешне новая ситуация напоминала старую – среди резчиков тростника постоянно расхаживали надсмотрщики, и палки в их руках являлись отнюдь не только символами административной власти. На плантациях и перевозке тростника к прессам широко использовался детский труд.

Кроме того, если раньше хозяин был вынужден кормить раба, предоставлять ему жильё и минимальную медицинскую помощь, то теперь бывшие невольники должны были обеспечивать себя сами, получая совершенно недостаточную для этого плату. Результат можно было предвидеть: почти постоянное недоедание и эпидемии (жёлтой лихорадки и холеры) вели к стабильному падению численности цветной части населения островов. К сер. XIX в. по этой причине, а также нерентабельности плантаций на одном из островов, Св. Фомы, они вообще были ликвидированы. Причём создаётся впечатление, что с каждым годом тревожная эта ситуация волновала официальный Копенгаген всё меньше. Острова, конечно, ценили – но как заморскую территорию, которая ещё может пригодиться. О людях же никто не заботился – к тому же из 40 000 островитян этническими датчанами были лишь личный состав нескольких солдатских рот, да ещё более ограниченный контингент чиновников. И даже язык общения уже стал английским.

Поэтому идея продажи островов возникла вполне естественно при первом же серьёзном затруднении, с которым встретилась в очередной раз датская монархия. Речь идёт о поражении в датско-прусской (Второй шлезвигской) войне 1864 г. На мирных переговорах прусская сторона настаивала на крупных территориальных уступках Дании в Шлезвиге и Южной Ютландии. Тогда немцам и было предложено отказаться от этих требований ценой уступки им Вест-индских островов или

Исландии, также входившей тогда в состав датской монархии. Сделка эта не состоялась, но отнюдь не по вине датской стороны.

Через год схожее по смыслу предложение поступило от США. Президент А. Линкольн объяснил датскому послу В. Рослёфу, что в ситуации Гражданской войны северяне нуждаются в опорном пункте где-нибудь в районе Карибского моря, для чего как нельзя лучше подошёл бы о. Св. Фомы, тем более, почти обезлюдевший и датчанам реальной прибыли не приносивший. Если же Копенгаген уступит и о. Сен Жан, то может рассчитывать на 5 млн. долларов; соответствующая сумма предлагалась и за Сен-Круа.

Эта идея обдумывалась около 2 лет, а затем В. Рослёф, к тому времени ставший военным министром, добился согласия короля и правительства, доказав им, что деньги, которые можно выручить за острова, как воздух нужны для армейской реформы. Трактат был подписан в 1867 г., но сделка снова сорвалась. Теперь, при полном согласии ригсдага и островного населения, против ратификации договора в 1869 г. выступили новый президент У.С. Грант и поддержавший его американский сенат.

В последующие годы ещё более очевидным стал бесспорный факт: датская администрация островов не была в состоянии решить ни социальные, ни экономические проблемы населения. Администрация и Колониальный Совет, созданный ещё в 1852 г., не могли справиться даже с последствиями ряда серьёзных природных катастроф, нередких в этой части Атлантики. И заседания Колониального совета не приводили ни к каким серьёзным результатам – если не считать принятого в 1877 г. закона об обязательном школьном образовании для детей всех островитян – в том числе и цветных.

Как выше упоминалось, в 1878 г. на о. Сен-Круа вспыхивает очередное восстание. Крупные негритянские массы подавили полицейские силы во Фредериксстеде и подвергли штурму местную цитадель, откуда по ним открыли ответный огонь. Город подвергся разрушению, поджогам и разорению частных жилищ. Белые жители искали убежища в храмах или на кораблях, стоящих в гавани. Мятежники, вооружённые оружием, найденным в арсенале Фредериксстеда пытались занять форт, но солдаты гарнизона Кристиансстеда пришли на помощь осаждённым и вытеснили мятежников из города.

Датским колонистам предлагали вооружённую помощь англичане, французы, американцы и испанцы, но королевская администрация от неё отказалась, полагая, что справится сама. Мятежников немилосердно преследовали, многие вооружённые группы были ликвидированы до последнего человека. Однако мятежники держались до последних чисел ноября, когда из Дании прибыл фрегат с армейской поддержкой.

Между тем на колониальную политику Дании всё большее влияние оказывала активность датской общества. Очередной её подъём был отмечен в 1901 г. В октябре этого года в Копенгагене собрался представительный форум из учёных, политиков и предпринимателей, на котором было создано общество Датские атлантические острова (De danske Atlanterhavsøer). Однако это был скорее просветительский, чем экономический или политический институт. Но на его заседаниях высказывались весьма гуманные идеи о необходимости социальных реформ и мер. Это было необходимо, подчёркивали они, для гарантии принадлежности островов Дании. Но эти меры были нужны и для прекращения негативных демографических процессов, так как за полвека численность населения упала с 40 000 до 30 000 чел., среди которых европейцы составляли 2%, а доля датчан среди последних по-прежнему оставалась вообще ничтожной. К этим рекомендациям прислушалось датское правительство; в результате в 1902 г. начались новые переговоры с американцами на старую тему.

Теперь США предлагают те же 5 млн. долларов не за два, а все три острова. Предварительный договор, в котором фигурировала означенная сумма, был подписан в том же году в Вашингтоне датским послом Константином Бруном. Однако и на этот раз трактат не был ратифицирован по результатам голосования уже не американского сената, а датского ландстинга (первая палата парламента). Причина была достаточно простой – депутаты находились под влиянием крупных акционеров и правления сравнительно молодой (1897) Восточно-Азиатской компании. А те многого ожидали от строящегося Панамского канала, мечтая, что после этого город Шарлотта-Амалия оказавшись на скрещении атлантических торговых путей, станет неким «Западным Сингапуром».

Причём это были не пустые мечтания. Восточно-Азиатская компания уже имела свои отделения практически по всему свету, включая Южную Африку, Австралию и Америку. И к тому времени, как Панамский канал вступил в эксплуатацию (1914), порт Шарлотты-Амалии был модернизирован по последнему слову техники, а через датскую Вест-Индию уже пошли суда компании, направлявшиеся из Европы к тихоокеанским портам США по Панамскому каналу. Товары из Америки снова, тем же путём, что и в старые времена, направлялись к берегам Африки и не только Африки. Казалось, возобновилась датская колониальная торговля, – правда, в несравненно большем объёме, но в ней по-прежнему не последнее место занимали Виргинские острова Дании.

Однако жизнь островитян по-прежнему оставляла желать много лучшего – прежде всего потому, что именно они оказались вне международно-торгового процветания Шарлотты-Амалии, а отчасти и других вест-индских портов. Среди бывших рабов уже имелись свои лидеры; один из них Гамильтон Джексон, прибыл в 1915 г. в Копенгаген, где выступал в либеральных кругах – тщетная попытка привлечь внимание датского правительства к бедственному положению негров, среди которых вновь зрели мятежные планы. Единственным результатом этой поездки было откомандирование в Вест-Индию крейсера «Валькирия» с заданием находиться там, пока угроза бунта не исчезнет.

А осенью того же года к датскому правительству вновь обратился Вашингтон с предложением купить острова. На этот раз заинтересованность американцев носила не столько экономический, сколько военно-политический характер. Дело было в том, что с открытием Панамского канала неизмеримо возросло и стратегическое значение островов, и в США не без оснований опасались, что в условиях мировой войны (которой конца не было видно) немцы, так или иначе, попытаются овладеть датской Вест-Индией. Вашингтон, конечно, не мог допустить и не допустил бы появления близ американских берегов и Панамского канала такого опасного хищника, каким была кайзеровская Германия. Но это означало бы вступление США в войну, в чём они были отнюдь не заинтересованы.

Начались переговоры между двумя правительствами – естественно, тайные, как того требовало военное время. И в январе 1916 г. уже был готов предварительный договор, согласно условиям которого американцы должны были в обмен на владение тремя островами признать неотъемлемое право Дании на Гренландию (ряд американских радикальных политиков требовал передачи величайшего острова мира Соединённым штатам, поскольку географически он относится к американскому континенту). Кроме того, датчанам было гарантировано солидное возмещение за утрату островов – теперь уже 25 млн. долларов.

Относительно других пунктов трактата разногласий не возникало – за исключением того, что американская сторона не признавала права датчан провести на островах плебисцит среди местного населения по поводу передачи его под эгиду Вашингтона. Впрочем, от этого пункта датчане отказались довольно легко – им было прекрасно известно, что островные негры проголосуют в пользу сделки – как

они, так и белые ждали от неё благоприятных для себя перемен, так как в последние десятилетия они и жили-то почти исключительно на доллары, которыми им платили за сахар-сырец. Таким образом, переговоры близились к благополучному исходу.

Однако когда о самом их факте узнали политические круги Дании, разразился грандиозный скандал. Министры и лидеры крупнейших партий сочли себя глубоко оскорблёнными тем, что уступка законных территорий королевства готовилась за их спиной и без внимания к мнению масс. В правительстве, руководстве политических партий и прессе участники переговоров именовались «лжецами», а вся начавшаяся бурно протестная кампания получила в последствии в датской историографии имя собственное: «Вест-индский шторм». Он не утихал почти год, при этом чётко определились позиции правящих партий: Консервативная и Народная партии были против сделки, Социал-демократия и Радикалы – за, а левая партия Венстре вообще раскололась не две несогласные друг с другом части.

Дошло до того, что в скандал, которому не было видно конца, был вынужден вмешаться Кристиан X, монарх весьма терпимый и в политических конфликтах традиционно занимавший нейтральную политику. Теперь он согласился взять на себя роль посредника, но при этом призвал оппонентов прекратить взаимные оскорбления и прийти к соглашению о «гражданском мире». Однако конфликт угас лишь после того, как в королевстве была принята новая конституция, согласно которой 14 декабря 1916 г. в стране был проведён плебисцит по вест-индской проблеме. В результате за продажу островов отдали голоса 283 000 избирателей, против – 158 000. После этого договор, получивший статус конвенции, был одобрен ригсдагом. Официальная же передача датской колонии США состоялась лишь 1 апреля 1917 г.

В этот день в истории Дании завершилась колониальная эра, длившаяся 250 лет.

Система управления (в эволюции) и типы имперских владений

Отношения Азиатской и других компаний с государством и его правительством были чрезвычайно тесными. Заморские фактории управлялись губернаторами, назначавшимися королём или же высшими служащими компании, выступавшими в качестве представителей государства. При этом непомерно разрастался бюрократический штат, отчего управление компаниями становилось всё более неповоротливым и обходилось дорого. Во главе каждой из них стоял директор или консультант по прибылям (bevindthelber). Как директоров, так и консультантов могло быть несколько, но все они также назначались королём.

В этой системе были задействованы другие чиновники: секретари, ассистенты, бухгалтеры. Была ещё одна должность – суперкарго. Этот чиновник защищал интересы компании, находясь не на месте её пребывания, а на местах временных торговых операций – скажем, на самом крупном и хорошо вооружённом корабле торгового каравана. Суперкарго выступал в роли полномочного и доверенного лица компании, располагая всеми правами, предполагавшимися этим статусом.

Высшим управляющим органом компании являлось её генеральное собрание. Дирекция компании была обязана ежегодно представлять ему финансовый отчёт, который тщательно проверялся – в том числе и королевскими чиновниками. Расчёты, таким образом, были совершенно прозрачными, и никаких претензий к ней у акционеров не было. Однако в этой системе имелся один минус (вполне, кстати, обычный и для современных финансовых корпораций), который рано или поздно должен был сказаться не только на деятельности той или иной компании, но и на самом её существовании.

Имело место некая порочность самой этой системы, от успешного (или неуспешного) функционирования которой во многом зависела экономика и

политика империи. Кроме того, следует учитывать, что акционеры не были единой командой, которая только и могла стать гарантией долгого и успешного существования датских колоний. Каждый из акционеров думал о своей прибыли, а когда она сводилась к нулю, он тут же покидал компанию. Говоря другими словами, среди датских предпринимателей не было патриотов Дании, её колоний. Так что когда экономическая ситуация компаний менялась в худшую сторону, акционеры не спасали её – а вместе с ней и датские колонии – а просто переводили свои капиталы в другие сферы экономической деятельности.

Некоторые перемены наметились ишь в 1732 г., когда была учреждена очередная Азиатская компания. Её инвестированный капитал был разделён на два фонда: постоянный или твёрдый (400 акций каждая по 250 рд.) и переменный. Вкладчики последнего имели шанс на более крупные прибыли, в то время как твёрдый фонд гарантировал не более 5% дохода. Смысл создания твёрдого фонда заключался в давно назревшей консолидации акционеров, что укрепило бы компанию, а также в выкупе собственности бывшей Ост-Индской компании. В компаниях, учреждённых позже это разделение вложенного капитала не наблюдается, но зато вводятся определённые положения, нацеленные на стабильное увеличение основных фондов компаний.

Новым словом в организации управления не только колониями, но и торгово-предпринимательскими институтами Дании за рубежом стала структурная система Восточно-Азиатской компании, образованной на исходе XIX в. В ней возродились давно забытые времена, когда крупный купец являлся одновременно и коммерсантом, и владельцем необходимых в торговле судов, и руководителем промышленной стороны дела. Впоследствии, в процессе становления колониальной системы Дании, судовые конторы, как и многие другие экономические институты, обособились, а промышленность всячески стремилась к независимости от торговли, хотя часто была обязана последней своим появлением и развитием. Руководители же Восточно-Азиатской компании во главе с Х.Ф. Тицгеном снова, но уже на более высоком уровне объединили торговлю, судоходство и промышленность в цельную триаду и подчинили её единому стратегическому управлению.

Главным же направлением экономической стратегии новой компании стало создание стройной системы товарообмена между Востоком и Балтийским морем. Эти новые принципы, во-первых, быстро принесли экономический успех: компания быстро обросла такими мощными дочерними предприятиями, как Русское Восточноазиатское пароходное общество и The Siam Steam Navigation Company, а на Востоке, в частности, в Сиаме развернулась лесная промышленность, были разбиты обширные плантации каучуконосов, началась добыча олова – всё на основе свободного найма местной рабочей силы.

Во-вторых, сама успешность применения новых принципов в теории и на практике наглядно продемонстрировали архаичность старого, традиционного управления датскими колониями, да и всей колониальной системы в целом, в новые времена уже негодной. Наступала эпоха неоколониализма с её новыми принципами как в размещении промышленных объектов вне метрополии, так и в найме рабочей силы и в менеджменте.

Экономика колониальной империи

В основании первой Ост-Индской компании активное участие принял король, купивший её акций на 8 000 рд., но уже в 1617 г. он удвоил свой пакет, а в дальнейшем приобрёл ещё более значительное их количество. Кроме того, в 1617–1724 гг. король щедро покрывал её убытки, вызванные необходимостью расширять инфраструктуру Транкебара, – эти расходы, по некоторым подсчётам, достигли 300 000 рд. Но Транкебар приносил Кристиану IV неплохой доход, отчего он и в дальнейшем постоянно продолжал поддерживать компанию. Для придания ей

большего блеска он подарил ей здание в Копенгагене, а также назначил её президентом своего незаконнорожденного сына. Этот семилетний мальчик получал, впрочем, немалое ежегодное жалованье.

Выше говорилось о том, что король был кровно заинтересован в деятельности компаний, с момента учреждения находившихся под его покровительством. Подтвердим это мнение ссылкой на положение от 25 ноября 1618 г., где всем амтманам, не говоря уже об обычных бюргерах, предписывалось «каждому по своей возможности участвовать в компании и делать вклады». Через год подобные предписания были адресованы уже дворянам и вообще всем, кто в какой-то мере зависел от монарха.

Учреждение обеих первых датских компаний такого рода – Ост-Индской и Исландской – было вызвано новой экономической политикой Кристиана IV. Корни их следует искать в идее меркантилизма, страстным поклонником которой являлся этот король. Однако меркантилистская теория расходилась у него с практикой. Продолжительные и разорительные для Дании войны, которые были столь характерны для эпохи его правления, разрушали экономические программы даже в том случае, когда он затевал их (к примеру, в конфликтах с соседней Швецией) исключительно с целями, вроде бы благоприятными отечественной экономике.

Но и в мирные периоды правления Кристиана IV самые успешные из его экономических проектов давали сбои. Так, Исландская компания, ответственная, среди прочего, за снабжение островитян всем необходимым, нередко завозила на север товары, выгодные для собственной продажи, а не совершенно необходимые исландцам. Утверждают, что последние часто ставились, таким образом, перед угрозой голодной смерти – а ведь эта компания была не из самых бедных: в 1636 г., например, её активы равнялись 214 312 рд., что далеко превосходило соответствующий показатель для той же Ост-Индской компании. Но и для самой Дании, для акционеров этой компании, в том числе и для короля, её доходы со временем не росли, а падали. Так, если в первые десятилетия её деятельности прибыль достигала 40 000 рд. в год, то в 1636 г. эта сумма снизилась до 6 936 рд. и в дальнейшем продолжала падать. Ещё хуже стала ситуация с приходом к власти нового короля, Фредерика III (1648) – Исландская компания вместо прибылей приносить убытки.

В 1658 г. администрация компании поставила короля и общество перед необходимостью повышения цен на северные колониальные товары – иного выхода для выживания просто не было. Правительство медлило с ответом на эту крайне непопулярную меру спасения, а компания в это время вообще прекратила исландские рейсы своих судов. Впрочем, поскольку ряд крупных копенгагенских купцов вёл с Исландией собственную торговлю, опасность экономической и демографической катастроф в колонии если не исчезла полностью, то отодвинулась во времени.

Более того, королевская администрация, хорошо понимавшая спасительность этих частных лиц для исландской колонии в целом, по мере сил сохраняла особые привилегии упомянутых купцов. Что, кстати, ставило Исландскую компанию в условия, невыгодные для успешной конкуренции с частным капиталом. Кроме того, внутри самого этого сообщества начались трения, что никак не способствовало укреплению её положения в качестве экономического посредника между метрополией и колонией. Наконец, 7 марта 1662 г. она была ликвидирована как не справлявшаяся со своими обязательствами.

Для колонии это решение было, возможно, спасительным – по меньшей мере в экономическом смысле. Исландская торговля целиком сконцентрировалась в руках 4 копенгагенских купцов, получавших на неё монопольное право. При этом один из них стал владельцем ¼ всех гаваней Датско-норвежского королевства,

откуда в исландскую колонию отправлялись торговые суда. Правда, такая ситуация оказалась недолговечной, так как возникли трудности с определением суммы отчислений, которые казна считала себя вправе требовать с купеческих доходов. Поэтому уже в 1680-х гг. торговлю с исландской колонией было решено отдавать в аренду тем из купцов, кто мог предложить максимальный размер ренты – в пользу короны.

Что же касается Ост-Индской, Вест-Индской и Гвинейской компаний, то в правления их входили первые лица политической и экономической элит государства. В сер. XVIII в. акционерный капитал Азиатской компании, в общей сумме составлявший 2,4 млн. рд., на ¼ состоял из вкладов дворянской и чиновничьей элиты, на ¼ - иностранных торговых домов и на ½ - датского купечества и бюргерства, в основном, копенгагенских. При этом, напомню, успех и неуспех колоний зависел не столько от копенгагенских контор, сколько от управляющих на местах. Так, в последней трети XVII в. убыточность индийской колонии сменилась экономическим расцветом Транкебара, как только его комендантом стал В.Г. фон Калнайн. Уже в 1688 г. он смог отправить в Копенгаген 5 судов, груз которых был продан с большой прибылью. Значительная доля дохода досталась королю, и Фредерик V подарил колонии 4 военных корабля. Расцвет Транкебара продолжался и в 1690-х гг., когда в Данию дважды в год доставлялись селитра, рис, сахар, перец, гвоздика и чай.

Выше упоминалось, что наибольшую прибыль компаниям (а после национализации их инфраструктуры казной – государству) приносил вывоз коммерческих грузов из Вест-Индии. Так, половина всего экспорта в денежном выражении из Копенгагенского порта во второй половине XVIII в. приходилась на вывоз в страны Европы рафинированного сахара. В то же время из-за развитой контрабанды в фискальном ведомстве страны ежемесячно недосчитывались десятки тысяч ригсдалеров. Часть сахара поступала в Данию в обход таможенной службы. Обычно небольшие частные суда, подходя к берегам Ютландии, оставались в нейтральных водах до наступления темноты и разгружались в мелких портах. Затем сырец очищался на мелких «подпольных» мануфактурах и шёл в розничную торговлю. Точно так же было невозможно поддерживать государственную монополию на вывоз товара за рубеж. Нелегальный сахар вывозился не только в соседнюю Германию (на что подкупленные таможенники нередко закрывали глаза), но и на Вест-Индские острова тайно доставлялись такие товары, как продукты питания, спирт и текстильные изделия. В свою очередь с островов в США традиционно вывозился ром и сахар-сырец, и государство ничего не могло с этим поделать.

Упоминавшийся выше расцвет азиатских колоний и самой Азиатской компании во второй пол. XVIII в. был вызван несколькими факторами, не столько торгово-экономического, сколько государственно-политического происхождения. Здесь имеется в виду датский нейтралитет в Семилетней войне 1756-1763 гг. и Американской войне за независимость 1776 – 1783 гг. (население воюющих сторон остро нуждалось в колониальных товарах, подвоз которых они не могли обеспечить). Большое значение имел и демографический рост в Европе, начавшийся с середины XVIII в. – увеличение численности европейцев и их относительного благосостояния значительно расширило рынок потребления колониальных товаров на континенте и за его пределами. Именно в эти десятилетия не только европейскую, но и мировую известность приобретают Большие копенгагенские аукционы, постоянными участниками которых становятся купцы Нового Света.

В этот период войн, в том числе колониальных (напр., англо-французской в годы Семилетней войны в Европе) повышается роль губернаторов датских колоний. У них было достаточно возможностей для того, чтобы устанавливать

экономический баланс в торговле местных князей с европейскими державами, а также регулировать выгодное для королевства соотношение заходов в датские колониальные порты торговых судов тех или иных европейских стран. Таким образом, губернаторы принимали активное участие в создании базиса для оптимального использования датской экономикой высоких конъюнктур, отмеченных во второй пол XVIII в. С той же целью государство в 1776 г. перевело на собственный баланс всё колониальное имущество Азиатской компании на свой баланс, что положительно сказалось на товарообороте уже в ближайшие годы. За океан отправляли суда всех размеров и классов, буквально всё, что могло плавать, и каждый рейс приносил в казну или частным акционерам доход в 300-400%.

В 1835 г., то есть ещё накануне распродажи колоний, расходная часть датской казны состояла из следующих статей:

Королевский дом, двор, содержание дворцов и замков династии – 10,3%; на центральную администрацию уходило 9,3%; на армию и военно-морской флот – 27,3%.

Дефицит в 1835 г. составил 1 млн. рд., а всего к этому моменту накопилось 130 млн рд. государственного долга. Он превысил даже долг тяжёлого, послевоенного 1816 года. По этому поводу столичная газета «Кёбенхавнспостен» возмущённо писала: «Плодороднейшая в Европе страна с самыми высокими налогами, располагающая такой золотой россыпью как Зундская пошлина, после 20 лет нерушимого мира имеет в своих финансах дыру размером в 1 миллион!».

Доходы монархии достигали 14 млн. рд. Большую часть из них давали налоговые и таможенные сборы. По совокупности с территории королевства поступало 6 млн. рд., от герцогств – 4 млн.; Зундская пошлина давала 2 млн.

Таким образом, нетрудно сделать общий вывод о месте, которое колониальные прибыли занимали в финансах и, шире, экономике империи. Из приведённых цифр явствует, что основная часть колониальных доходов метрополии уходила в непродуктивную сферу: её присваивали владельцы и крупные акционеры торговых компаний, члены королевского дома. Несоразмерные для малой страны со сравнительно небольшим населением траты на личные нужды торгово-финансовых магнатов и содержание десятков городских и загородных дворцов династии Ольденбургов, затем Глюксбургов, лишали национальную экономику Дании возможности более быстрого развития. И в том, что датское сельское хозяйство в конце XVIII – первой половине XIX вв. стало одним из наиболее передовых в Европе, что позволило поднять и промышленное производство, никакой «заслуги» колониальной экономики не было – лидеры Великих аграрных реформ 1780-х – 1890-х гг. полагались целиком на датского крестьянина и его восприимчивость к новым моделям жизни и хозяйствования.

В этом смысле интересно сравнить её с колониальной системой Великобритании. Как известно, английские предприниматели и директора колониальных компаний тесно сотрудничали уже в XVIII в., отчего сырьё, доставлявшееся из заокеанских владений, становилось основой промышленного роста экономики метрополии – сначала количественного, а затем и качественного. Именно ввоз сырья (прежде всего хлопка, а затем и другого), его переработка и сбыт готового продукта стали материальной основой английской промышленной революции, явления уникального не только для Европы, но и всего мира. Она стала возможной лишь потому, что финансовые средства по большей части оставались в производственной сфере, а не уходили на непродуктивные траты, как в Дании.

И лишь Х.Ф. Тицген, сумев добиться относительной самостоятельности в своей деятельности, превратил колониальную экономику своих компаний в мощный, хоть и не единственный фактор общегосударственного развития. Но это произошло уже на закате колониальной империи, когда у руля индустриальных

объединений, торговых и транспортных компаний стали менеджеры нового типа, не имевшие ничего общего с типом «классического» управляющего колониального периода истории датского королевства.

Литература:

История Дании в XX веке. М., 1998; Дания и Россия – 500 лет. М., 1996; Lindemann K. Huset med det grønne Træ. Bd. I–II. København, 1960; Danmarks Historie und. red. af J. Danstrup og H. Koch. Bd. VII, IX. København, 1964,1965; Larsen K. De dansk-østindiske Koloniers Historie. Bd. I. København, 1907; Petersen K. Danmarkshistoriens hvornår skete det. København, 1969. S. 182. Далее: Petersen, 1969; Vibæk M. Den danske Handels Historie fra de ældste Tider til vore Dage. København, 1932; Danmarks Riges Historie. Bd. IV, V. København, 1903; Skovmand R. Folkestyrets fødsel. 1830-1870. København, 1964; : Cedergreen Bech S. Københavns historie gennem 800 år. København, 1967; Rasmussen E. Velfærdsstaten på vej. 1913-1939. København, 1965; Lehman K. Geschichtliche Entwicklung des Aktionrechts. Berlin, 1895.

ДИАСПОРА

Диаспора — от греческого слова διασπορά (=рассеяние) — этнически однородная группа населения, компактно проживающая в чужой стране, осознающая и поддерживающая свою общность и создающая социальные и культурные структуры и институты для поддержания своей идентичности и связи со своим народом, проживающим на этнической родине. Д. существуют на положении национально-культурного меньшинства.

Понятие Д. имеет древнегреческое происхождение и связано с Великой греческой колонизацией (VII-V вв. до н.э.). Греки колонизировали берега Средиземного и Черного морей, основывали там торговые фактории, из которых потом вырастали города-государства. Ядро населения факторий и городов-государств составляли этнические греки, переселявшиеся со своей родины. На новом месте они воспроизводили социальную структуру и культурные императивы своей метрополии, тщательно дистанцируясь от местных «варваров». Со временем неизбежно происходила метисация и миксирование с местным населением, но именно объединение в Д. помогало сохранять память о своем происхождении и этнокультурную цельность.

Термин Д. получил распространение среди эллинизированных евреев, обозначая компактные поселения добровольно проживающих не на Земле Израиля. Считается, что затем он стал применяться к евреям, насильно изгнанным с Земли обетованной, «рассеянным». Именно еврейские общины (наряду с армянскими, греческими, генуэзскими, «немецкими слободами» в русских городах и т.д.) в средние века и новое время в европейских городах образовывали компактные районы проживания с особой социальной структурой, языковой средой, культурной жизнью и т.д.

В XIX-XXI вв. понятие Д. становится более размытым и многозначным. Это связано прежде всего с переделом государственных границ, распадом империй, образованием новых государств. При этом целые районы с компактно проживающими этносами оказывались в составе чужих стран. В новое и новейшее время получает развитие такое явление, как трудовая миграция, носящая ярко выраженный этнический характер. То есть в современных Д. проявляется феномен наложения друг на друга социальных, этнических и политических пространств.

Поэтому сегодня ученые дают более сложные определения Д. Например: Д. — это образование, возникшее в результате насильственной или добровольной

миграции этнических групп за пределы этнической родины, оказавшееся в принимающей стране на положении меньшинства, сохранившего свою этническую, религиозную идентичность и социальное единство (Г. Шеффер). Или: Д. — это устойчивая совокупность людей единого этнического происхождения, живущая за пределами своей исторической родины (вне ареала расселения своего народа) и имеющая социальные институты для развития и функционирования данной общности (Ж. Т. Тощенко, Т. И. Чаптыкова).

Д. не стоит воспринимать просто как отделившуюся часть того или иного этноса. Как верно замечает В. Дятлов, принципиальной чертой состояния Д. является состояние «рассеяния»: «рассеяние превратилось в образ жизни, в особое устойчивое социально-экономическое, культурное, духовное состояние социума, особую форму существования в физическом и психологическом отрыве от этнического материка или без такового вообще». При этом «этнический материк» может и совсем отсутствовать, как это было до середины XX в. у евреев и как остается до сих пор у цыган. Или же этот «материк» существует, но его роль, материальное положение, состояние еще слабее, чем у Д. (напр., армяне до получения независимости). То есть член Д. все равно, несмотря на наличие «где-то там» «этнического материка», должен искать опору и основы своего бытия, идентичности в Д. Отсюда и повышенные требования в Д. к соблюдению этой идентичности (когда члены Д. в какой-то момент оказываются более чистыми, более ярковыраженными носителями этничности, чем этнос на «этническом материке»). Отсюда и обособленность Д., их нежелание интегрироваться в окружающую их чуждую среду (что приводит к конфликтам на бытовой, культурной и национальной почве).

При этом наблюдается следующая тенденция: Д., состоящие из бывших или настоящих колониальных, угнетенных народов, проявляют большую степень живучести, способности к адаптации и выживанию при сохранении своей культурно-национальной идентичности. В то же время, Д. из имперских, титульных наций (англичане, русские, немцы и т.д.) оказываются нестойкими, и, просуществовав какое-то время на положении иммигрантов, затем стремительно растворяются в местном населении. В их историческом опыте отсутствует опыт существования как этнического меньшинства, поэтому они могут еще существовать как анклав (немцы в Южной Америке, русские в Харбине), но в целом демонстрирует крайне низкую способность к этнической кооперации. Возможно, ситуация изменится в XXI в., на территориях, где русские оказались этническим меньшинством после распада СССР (Средняя Азия, страны Балтии).

Приниженное положение Д. определяет специфику профессиональной специализации ее членов. Они, как правило, оттеснены от государственно значимых сфер — военной, чиновной, производственной (будь то аграрное или индустриальное общество). На их долю достаются или работы, которые члены титульного этноса не хотят выполнять (феномен гастарбайтеров), или — посредническая сфера, преимущественно торгово-ремесленная, сфера свободных профессий (в том числе нередко криминальных). В силу приниженного положения для Д. большую роль играют родственные и клиентельные связи, корпоративная и общинная солидарность, клановость.

По А. Милитареву, можно выделить следующие характерные черты Д.:

1. Принадлежность к меньшинству населения;
2. Корпоративность;
3. Ограниченность сфер трудовой деятельности;
4. Ущемление в правах;
5. Запрет или ограничение на изменение социального статуса, в первую очередь, на вхождение в высшие сословия, землевладение и военную карьеру;

6. Изолированность от других групп населения, выражающаяся в:

6.1. негативном отношении к апостазии — вынужденному или добровольному переходу в другую религию или конфессию;

6.2. запрете или ограничении на смешанные браки;

6.3. обитании на компактной замкнутой территории, в гетто.

7. Ассимиляционные тенденции, выражающиеся в:

7.1. апостазии, характеризующейся переходом почти исключительно в религию доминантного населения;

7.2. игнорировании запрета на смешанные браки, заключаемые почти исключительно с представителями доминантного населения;

7.3. стремлении вырваться из гетто, с территории проживания своей диаспорной группы;

7.4. интенсивном освоении языка и культуры доминантной группы;

7.5. активном проникновении в наиболее престижные сферы деятельности вне территории проживания и традиционного круга деятельности своей диаспорной группы.

8. Диаспорное сознание — сознание общности с родственными диаспорными группами, включающее в себя:

8.1. общность происхождении;

8.2. общность культурной истории;

8.3. общность первоначальной территории обитания («прародины»);

8.4. общность языка дорассеяния;

8.5. восприятие рассеяния как изгнания;

8.6. восприятие рассеяния/изгнания как наказания свыше;

8.7. идею возвращения на историческую прародину;

8.8. восприятие себя как «чужаков» и «пришельцев» среди автохтонных групп.

Сегодня различают типы Д. (Попков В. Д.):

1. *По основанию общности исторической судьбы*. Сюда относятся те Д., члены которых в прошлом являлись гражданами одного государства, и в настоящий момент времени проживают на его территории, но за пределами ныне независимой страны исхода. Например, армянские или азербайджанские Д. в России; или же русские Д. в странах Балтии или Средней Азии. Также сюда надо отнести Д., члены которых ранее не были связаны с территорией нового проживания единым правовым, языковым полем и никогда не являлись частью единого государства. Это армяне в США, турки в Германии и т.д.

2. *По основанию юридического статуса*. Сюда относятся Д., которые обладают официальным юридическим статусом, необходимым для легального пребывания на территории принимающего региона. Сюда относится статус гражданина страны поселения, вид на жительство, статус беженца, и т.д. Сюда же надо отнести Д., члены которых находятся на территории принимающей страны преимущественно нелегально, и не имеют официальных документов, регламентирующих их пребывание.

3. *По основанию факта миграции или перемещения границ*. Имеется в виду или перемещение групп людей из одного региона в другой с пересечением государственных границ, в результате которого возникают (или пополняются уже существующие) Д., или перемещение самих границ, в то время как та или иная группа остается на месте и «вдруг» оказывается в положении этнического мень-шинства и формирует Д.

4. *По характеру мотивации к переселению*. Это Д., возникшие в результате добровольного перемещения, в основе которого лежали, например, экономические мотивации индивидов. К такому типу относятся большинство «новых» Д. в странах

Европейского Союза, например, турки или поляки в Германии. Сюда же относятся Д., которые сформировались в результате выдавливания членов дан-ной этнической группы с «исходной» территории вследствие различного рода социальных, политических изменений или природных катаклизм. К такому типу можно отнести большинство «классических» диаспор, возникших в результате принуждения к переселению, или, например, русскую эмиграцию после 1917 г.

5. *По характеру пребывания на территории региона поселения.* Здесь необходимо назвать Д., члены которых ориентированы на постоянное нахождение на территории региона нового поселения, т.е. на оседлость и получение гражданства страны поселения; Д., члены которых склонны рассматривать регион нового поселения как транзитную область, откуда должно следовать продолже-ние миграции или возвращение в страну исхода (выходы из стран Азии, пытающиеся через Россию попасть в страны ЕС); Д., члены которых настроены на непрерывную миграцию между страной исхода и регионом нового поселения (т. н. челночная миграция, характерная, скажем, для гастарбайтеров из среднеазиатских республик в России).

6. *По основанию наличия «базы» в регионе нового поселения.* Сюда относятся Д., члены которых длительное время проживают (или проживали) на территории региона поселения и уже имеют опыт взаимодействия в культуре и обществе нового поселения и исторически связаны с местом нового проживания. Такие диаспоры имеют уже сложившиеся сети коммуникаций и обладают высоким уровнем организации и экономическим капиталом. К такому типу следует отнести большинство классических Д., например, таких, как еврейские или армянские Д.

7. *По характеру «культурной схожести» с принимающим населением.* Здесь можно выделить три типа (классификация А. Фарнхема и С. Бочнера): 1) Д. с близкой культурной дистанцией (украинцы в России, азербайджанцы в Турции); 2) Д. со средней культурной дистанцией (русские в Германии, армяне в России); 3) Д. с дальней культурной дистанцией (афганцы в России, турки в Германии).

8. *По основанию наличия государственных образований на территории страны исхода*. Это Д., члены которых имеют «свое государство», куда могут уехать на основании ощущаемой принадлежности к своей «ис-торической родине», либо могут быть высланными туда же властями региона нового поселения.

Литература:

Modern Diasporas in International Politics / Ed. by G.Sheffer. New York, 1986; Immigration and the Politics of Citizenship in Europe and North America / Ed. by W. Brubaker. Lanham, Maryland, 1989; Safran W. Diasporas in Modern Societies: Myths of Homeland and Return // Diaspora, Journal of Transnational Studies. 1991. Vol. 1. No. 1. P. 83-99; Identität in der Fremde / Hrsg. von M. Dabag und K. Platt. Bochum, 1993; Boyarin D., Boyarin J. Diaspora: Generational Ground of Jewish Identity // Critical Inquiry. 1993. Vol. 19 (4). P. 693-725; Лебедева Н. Социальная психология этнических миграций М., 1993; Clifford J. Diasporas // Cultural Anthropology. 1994. Vol. 9 (3). P. 302-338; Тощенко Ж. Национальные диаспоры – новый фактор социально-экономического и духовного развития // Центральная Россия на рубеже XXI века. Орел, 1995. С. 182-186; Brah A. Cartographies of Diaspora: Contesting identities. London & New York, 1996; Cohen R. Diasporas and the nationstate: from victrums to challengers // International Affairs. 1996. Vol. 72 (3). P. 507-520; Тишков В. (ред.) Миграции и новые диаспоры в постсоветских государствах / Ред. В. Тишков. М., 1996; Van Hear N. New Diasporas. The Mass Exodus, Dispersal and Regrouping of Migrant Communities. London, 1998; Дятлов В. Диаспора: Попытка определиться в понятиях // Диаспоры. 1999. № 1. С. 8-23; Милитарев А. О содержании термина «диаспора» (к разработке дефиниции) // Диаспоры. 1999. № 1. С. 24-33; Полоскова

Т. Современные диаспоры (внутриполитические и международные аспекты), М., 1999; В движении добровольном и вынужденном. Постсоветские миграции в Евразии / Под ред. А. Р. Вяткина, Н. П. Космарской, С. А. Панарина. М., 1999; Брубейкер Р. «Диаспоры катаклизма» в Центральной и Восточной Европе и их отношения с родинами // Диаспоры. 2000. № 3. С. 6-32; Новые диаспоры. Государственная по-литика по отношению к соотечественникам и национальным меньшинствам /Ред. В. Мукомель, Э. Паин. М., 2002; Аствацатурова М. Диаспоры в Российской Федерации. Формирование и управление. Ростов-на-Дону; Пятигорск, 2003; Дробижева Л. Социальные проблемы межнациональных отношений в постсоветской России. М., 2003.

ДИСКРИМИНАЦИЯ

Дискриминация (от лат. Discriminatio – различение) – в наиболее общем значении – это социальное подавление, ущемление в правах или несправедливое обращение с членами групп общественных меньшинств или непривилегированного большинства. Дискриминацию можно определить как любую форму подчинения или негативного отношения к отдельным лицам или группам, основанную на характеристиках, которые не являются приемлемыми и подходящими в условиях, в которых они имеют место. Однако понятие «приемлемости» не имеет точного определения, поэтому традиционно считается неприемлемым ограничение прав по признакам, которые объективно не влияют на способность человека к реализации этих прав (например, раса, национальность, сексуальная ориентация, политические или религиозные убеждения, в значительной степени пол). В целом дискриминация означает любое различие, исключение или предпочтение, отрицающее или умаляющее равное осуществление прав. Дискриминацией называется лишение отдельных лиц, групп или целых сообществ равных социальных, политических или экономических прав; преследование по причине расового, этнического происхождения, национальности, мировоззрения или других социальных факторов. В сфере международных отношений понятие дискриминации также охватывает отношение к государству (или группе государств) как менее полноценному по сравнению с другими государствами, а также посягательство на его права, угрожающее общепризнанным обычаям и принципам международного права. Это проявляется в противоправном установлении для какого-либо государства, его учреждений или граждан меньшего объема прав, чем для другого государства, его учреждений или граждан. Дискриминация рассматривается как недружественный акт и может повлечь за собой ответные меры (реторсии) со стороны соответствующего субъекта международного права.

Дискриминация означает действие, совершаемое против других людей на основании их принадлежности к определенной группе, в частности, отказ предоставить членам другой группы возможности, которые могли бы быть предоставлены членам, которые принадлежат своей группе. Акты дискриминации могут происходить открыто или тайно, они могут получить широкое распространение, совершаться отдельными лицами или анонимными группами, они могут быть спорадическими или систематическими, незначительными (например, в шутках) или серьезными, наносящий психический, материальный или физический вред жертвам. В обыденной речи термины «предрассудок» и «дискриминация» часто взаимозаменяемы. Предрассудком считается предвзятое отношение к членам другой группы, не имеющее ничего общего с реальной действительностью.

Наиболее часто в современной мировой практике термин «Дискриминация» означает ограничение или лишение прав определенной категории граждан по

признаку расовой или национальной принадлежности, по признаку пола, по религиозным и политическим убеждениям и др. При этом следует специально отметить, что «расовая дискриминация» в западных странах и в международных организациях понимается широко, прежде всего как результат проведения различий по признакам происхождения или групповой (этнической) принадлежности, а не просто по критерию антропологического типа или цвета кожи. Дискриминация этнических групп в современном мире является основным источником политических конфликтов и сецессии (выхода из состава государства).

В своих проявлениях дискриминация имеет две основные формы: дискриминация *де юре* (или правовая), закрепленная в законах; и *de facto* (или неофициальная), укоренившаяся в социальных обычаях. Дискриминация *de facto* проявляется в тех ситуациях, когда доминирующая группа пользуется официально зафиксированными в нормативных актах преимуществами по отношению к меньшинству. В отличие от дискриминации *де юре*, которая может быть ликвидирована через изменение законодательной базы, дискриминацию *de facto* искоренить не просто, в силу того, что она существует долгое время и прочно коренится в обычаях или институтах общества, а зачастую даже не распознаётся его членами.

Кроме этого, современные правозащитники различают два вида дискриминации: прямую и косвенную. Прямая дискриминация – это дискриминация, наступающая в силу проведения различий по признаку этнической принадлежности определенных лиц или категорий лиц. Косвенная дискриминация – ситуации, в которых определенные ограничения или требования, формально не проводящие различий по этническому признаку, оказывают неодинаковый эффект на лиц разной этнической принадлежности в плане получения возможностей пользования правами и свободами.

Отдельно стоит отметить дискриминацию в экономике – разделение партнеров на «своих» и «чужих», что означает разное отношение к равным экономическим субъектам на уровне стран, предприятий, индивидов. Здесь дискриминация проявляется как ущемление или лишение прав одних экономических субъектов в сравнении с другими без законных на то оснований. Экономическая дискриминация создает для дискриминируемого субъекта невыгодные условия предпринимательской или трудовой деятельности. В последнем случае под дискриминацией понимают неравные возможности на рынке труда группы работников, выделенных по определенному признаку, и имеющих одинаковую производительность с другими работниками (*групповая дискриминация*), или неравные возможности отдельных работников по сравнению с работниками, имеющими аналогичные характеристики качества рабочей силы (*индивидуальная дискриминация*). Проблемы дискриминации в экономике стали настолько актуальны, что позволили сформировать новое направление экономической науки – экономику дискриминации.

Устав Организации Объединенных Наций исключает расовую, политическую, религиозную и другие виды дискриминации в международных отношениях (ст. 55, 62 и 73). В 1948 г. Всеобщая декларация прав человека запретила все формы расовой и другой дискриминации. В международных конвенциях по правам человека предусматривается, что страна, их ратифицировавшая, обязана уважать и обеспечить всем людям, находящимся на ее территории и в пределах ее юрисдикции, права человека без каких-либо различий, таких как раса, цвет кожи, пол, язык, религия, политические или иные взгляды, национальное или социальное происхождение, собственность, рождение или другой статус. Противоправность Дискриминации в международно-правовых отношениях следует из общепризнанных принципов и норм международного права,

установленных в Уставе ООН, Декларации о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом ООН 1970 г., Международной конвенции о ликвидации всех форм расовой дискриминации 1966 г., Конвенции о борьбе с дискриминацией в области образования 1960 г., Международном пакте о гражданских и политических правах 1966 г., Международном пакте об экономических, социальных и культурных правах 1966 г., Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин 1980 г., Конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г. и Протоколах к ней и др. Таким образом, ООН и многие другие международные организации активно ведут борьбу с разными формами дискриминации, в том числе пропагандистски. В частности, провозглашены специальные международные дни – Международный день борьбы с гомофобией, Международный день борьбы за ликвидацию насилия в отношении женщин, Международный день мигранта, Международный день памяти жертв работорговли и её ликвидации, Международный день борьбы за ликвидацию расовой дискриминации.

Отдельно стоит отметить практикующееся в последнее время явление так называемой позитивной дискриминации – комплекса политических мер, направленных на принятие во внимание пола, расы или этнической принадлежности субъекта с целью обеспечения равенства возможностей для представителей групп населения, подвергающихся или подвергавшихся ранее дискриминации. Движущая сила позитивной дискриминации носит двойственный характер. Её сторонники считают, что она помогает увеличить преимущества многообразия во всех слоях общества, а также компенсировать вред, причиненный ранее или причиняемый в настоящее время публичной, институциональной или непреднамеренной дискриминацией (в данном случае негативной). Таким образом, основная идея позитивной дискриминации состоит в том, что общество, которое допускало или допускает сейчас дискриминацию отдельных социальных, этнических и прочих меньшинств, должно компенсировать нанесённый таким образом вред за счёт большинства новыми элементами дискриминации, но уже «хорошей». Противники позитивной дискриминации заявляют, что она снижает ценность достижений личности, которые оцениваются теперь по принципу принадлежности к определённой социальной группе, а не по его квалификации. Из-за этого достижения представителей меньшинств в глазах общества становятся менее значимыми, воспринимаются как результат не их собственных усилий, а лишь предоставленных преимуществ, а у самих представителей меньшинств снижается мотивация и проявляется склонность к иждивенчеству. Основным же возражением противников позитивной дискриминации является то, что она фактически является не чем иным, как орудием ущемления прав большинства в пользу меньшинств. В реальном историческом контексте борьба с дискриминацией меньшинств и положительная дискриминация в некоторых случаях приводит к обратной ситуации – дискриминации потомков прежних угнетателей.

Таким образом, феномен позитивной дискриминации очень актуален в контексте преодоления негативных последствий колониализма. Хотя юридическое оформление понятия «дискриминации» произошло после Второй мировой войны, в момент распада мировой колониальной системы, по всем формальным признакам его смело можно экстраполировать на прежние периоды мировой истории, прежде всего имперской. Ведь в основе колониальной экспансии любого государства стояла идея о превосходстве своей нации над завоёвываемыми аборигенами (см. «цивилизаторская миссия»), обращение с которыми строилось на чисто дискриминационных принципах, причём всё это освящалось научными, как тогда полагали, расистскими концепциями. Можно констатировать, что дискриминация коренных народов колоний являлась непременным атрибутом системы

колониализма. В то же время интересно отметить, что, особенно в первые годы активной деколонизации, во многих бывших колониях наблюдался феномен обратной дискриминации к немногочисленным проживающим там белым европейцам, что объяснялось чисто психологическими причинами (стремление отыграться за прежние притеснения).

Стоит отметить, что современные правозащитники понимают под дискриминацией почти всегда умаление прав и свобод именно меньшинств (расовых, этнических, гендерных, сексуальных и др.). При этом полагается, что большинство по определению не может подвергаться дискриминации исключительно в силу того, что оно – большинство, и следовательно всегда способно постоять за свои права. Можно сказать, что существует своеобразная «презумпция виновности большинства», хотя в соответствии с Международной конвенцией о ликвидации всех форм расовой дискриминации, дискриминация может признаваться существующей только при одновременном наличии двух элементов: проведения различий по определенным критериям – в данном случае этнической принадлежности или этнического происхождения, цвета кожи – и ограничения в любой форме вследствие проведения этих различий возможности того или тех, в отношении кого эти различия проводятся, пользоваться на равных началах основными правами и свободами. Таким образом, не всякое проведение различий по этническому признаку и не всякое ограничение прав и свобод может считаться дискриминацией. В настоящее в время в отношении ряда случаев предполагаемой дискриминации разгораются бурные общественные дискуссии, не позволяющие объективно оценить имевшие место факты, как в прошлом, так и в настоящем, а посему данный вопрос требует уточнения правоприменительной практики.

Литература:

Балибар Э., Валлерстайн И. Раса, нация, класс. Двусмысленные идентичности. М., 2003; Губин В.Ф. Расовая дискриминация: реакционная сущность и международная противоправность. М., 1979; Кочои С.М. Расизм: уголовно-правовое противодействие: монография. М., 2007.

ДИСКУРСИВНЫЕ ПРАКТИКИ ИМПЕРИИ

Дискурсивные практики империи — система представлений, оформленная в виде знаковой (как правило, вербальной) модели, в которой в наиболее верифицируемой форме проявляются культурные, идеологические, этические и эстетические ценности, понятия, нормы и конвенции империи в их целостном и взаимосвязанном варианте.

Дискурсивные практики востребованы там, где империя должна объяснить себе и окружающим, каким именно образом, по выражению Д. Ливена, формируется имперский организм как иерархическая система консолидации суверенитетов, экономических укладов, этноконфессиональных зон, культур и субкультур в границах единого политического пространства. Необходимо учитывать, что, по уже признанному классическим определению М. Дойла, империя есть прежде всего «система политического контроля, навязанная одними политическими сообществами действующему политическому суверенитету других». Без дискурсивной практики здесь было не обойтись.

Здесь наиболее распространены модели: «империя — это мир» (в противовес хаосу доимперского политического пространства), «империя — это цивилизация» (в противопоставление дикости и неразвитости колонизируемых аборигенов), «империя — это мощь, развитие и прогресс» (взамен угнетенного состояния при ограниченном национальном суверенитете и низких темпов и уровня развития).

В центре внимания исследователей здесь должны быть дискурсивные практики, реализуемые в сфере пропаганды и идеологии, трансляции культурных стереотипов и образовательных программ, от жертвенно-гуманистической, хотя и с расистским оттенком, идеи «бремени белого человека» Р. Киплинга до неприкрыто экспансионистской идеологии III Рейха. Именно в сфере идеологии империя функционирует как метасистема. Вряд ли правилен подход, когда исследователи оценивают идеологические мотивации как субъективные, тенденциозные, политически ангажированные и потому неинтересные для анализа механизмов функционирования империй. То, что они были необъективными и политически ангажированными, вовсе не исключает их определяющего влияния на формирование мотивационных установок как имперских властей, так и подданных империи.

В изучении дискурсивных практик империй необходим фуколдианский подход, а именно — обращение к «археологии знания», через деконструкцию базовых идей империи. По словам представителей «новой имперской истории» (сегодня претендующей на реализацию именно такого фуколдианского подхода): «Археология знания об империи позволяет наглядно увидеть, как происходит национальная апроприация "общего" прошлого в полиэтничных регионах и имперских городах (Санкт-Петербурге, Варшаве, Одессе, Вильно, Киеве, Баку и т. д.). Именно археология знания об империи позволяет восстановить палимпсест социальных идентичностей (региональных, конфессиональных, сословных), которые обычно встраивают в телеологическую и монологическую парадигму строительства нации или класса / конфессии. Она же делает возможным контекстуализацию современного процесса конструирования национального прошлого через историографию как целенаправленное действие и инструмент политической борьбы».

Без деконструкции (и, главное, деконструкции, осуществляемой «археологически», с учетом динамики и этапов развития семантики основных понятий) изучение имперских дискурсов, в самом деле, невозможно. Как показано Р. Коэбнером и Х. Шмидтом, с 1840-х по 1960-е гг. смысл понятия «империализм» только в Великобритании менялся 12 раз!

Еще одна сфера изучения полинациональных общностей, где обращение к дискурсивным практикам первостепенно — эта сфера памяти и всего с ней связанного. Память необычайно важна для империи, потому что является одним из базовых компонентов идеологии — недаром столь велика роль музеев, памятников, воинских мемориалов, юбилеев, кладбищ, коммемораций и прочих ритуалов, связанных с памятью и «местами памяти». Это важно по двум причинам — во-первых, в империи особо востребована роль истории как инструмента формирования коллективной идентичности, и, во-вторых, в глазах людей империя — это всегда историческая, конечная категория, «неизбежно конечный феномен»; все империи в истории человечества имели исторический облик, то есть переживали подъем, упадок и закат. И описание особенно подъема, былой славы — системообразующая часть империи как метасистемы.

Обращение к изучению дискурсивных практик империи сегодня актуально и в контексте «лингвистического поворота», пережитого гуманитарными науками в последней трети XX в. Дискурсивные практики носят языковой характер, и имперские дискурсивные практики здесь не исключение.

Изучение империи через призму дискурсивных практик имеет целый ряд эпистемологических трудностей. Необходимо учитывать, что, по верному замечанию представителей «новой имперской истории», когда мы говорим о нормах и антинормах империи, мы во многом опираемся на «фундаментальные представления философской мысли Нового времени о норме (в том числе — о «нормальном» политическом устройстве)». Отсюда мы имеем дискурс империи как имманентного разрушителя принципа национального суверенитета (фундаментального для нового времени) и империи как колониального государства. Негативный дискурс империи во многом вытекает из ее дефиниции как государства, принципиальными чертами которого являются неравенство, национальная иерархия, культурная и языковая дискриминация.

Отсюда и определенный перекос исследовательских подходов — при описании империи гораздо чаще востребован взгляд на нее через оптику покоренных и дискриминируемых народов (особенно это характерно для исследований по истории стран и народов Центрально-Восточной Европы, Российской империи и СССР как империи). При этом оптика имперского центра исследователей интересует в гораздо меньшей степени и кажется им простой и самоочевидной. История империи тем самым превращается в историю национального угнетения и историю национально-освободительных движений. Этот подход объясняет, откуда на обломках империи берутся молодые национальные государства, но насколько он объясняет собственно феномен империи?

Между тем, разнообразия проявлений имперскости в XX в. (по выражению тех же авторов «новой имперской истории», империя «оказалась инкорпорированной в современный политический и культурный дискурс как “Иное” модерной политики, международного порядка и прогресса») требуют расширения данных представлений. К примеру, страна, в адрес которой сегодня наиболее устойчиво звучат инвективы в имперскости, неоколониализме, силовом навязывании миру иерархического мирового и национального порядка — США — является в то же время несомненным носителем самой демократической в мире политической и правовой идеологии, причем она не является для американцев ритуальной декларацией. В то же время страна, от которой все ждут выхода на мировую арену в качестве мощной экономической империи — Китай — вообще не занимается экспортом своей идеологии в направлении своих североатлантических идейных оппонентов. Значит, модерный подход к дискурсивным имперским практикам в политологической сфере, как минимум, нуждается в уточнении. Как писали представители «новой имперской истории»: «В полном соответствии со своей семантикой, перегруженной превосходными степенями и громкими эпитетами, понятие империи столь всеобъемлюще, что почти не имеет особого смысла. Действительно, империя воплощает в себе мрачную тотальность неограниченного господства и принуждения — но она же оказывается синонимом неуклюжего неологизма "мир-цивилизация", выступая в роли объединяющего начала ойкумены, окруженной разрушительной стихией хаоса и варварства. Империя ассоциируется то с ушедшим блеском высших классов метрополии, то с эксплуатацией и принуждением в колониях. Империя — неутомимый и непобедимый агрессор-экспансионист, но она же — колосс на глиняных ногах, не умеющий обуздать центробежные силы и рассыпающийся от слабого толчка. Империя — это "тюрьма народов", но она же и гарант сохранения местной самобытности перед лицом любых унификационных проектов... Так каков смысл использования самого понятия империя — помимо того, что на протяжении двух тысячелетий Anno Domini этим словом определялся юридический статус крупнейших политий Европейского континента, а ретроспективно или по аналогии

— и всего мира?». Изучение дискурсивных практик империи помогает получить ответ на этот вопрос.

Литература:

В поисках новой имперской истории // Новая имперская история постсоветского пространства / Ред. и сост.: И. Герасимов, С. Глебов, А. Каплуновский, М. Могильнер, А. Семенов. Казань, 2004; Гройс Б. Роль музея в момент распада национального государства // Ab Imperio. 2004. № 2; Кудрявцева Л. Борьба за «место памяти» в империи: история памятника основателю Выборга Торгильсу Кнутсону // Ab Imperio. 2004. № 2; Нора П., Озуф М., Пюимеж Ж., Винок М. Франция — память. СПб., 1999; Суни Р. 1) Империя как она есть: имперская Россия, «национальное» самосознание и теории империи // Ab Imperio. 2001. № 1-2; 2) Диалектика империи: Россия и Советский Союз // Новая имперская история постсоветского пространства. Казань, 2004; Ashcroft B. Post-Colonial Transformation. London, 2001; Doyle M. Empires. Ithaca, 1986; Koebner R., Schmidt H. Imperialism. The Story and Significance of Political Word, 1840-1960. Cambridge, 1964; Lieven D. Empire: The Russian Empire and its Rivals. London, 2004.

ЗОЛОТАЯ ОРДА

Золотая Орда — условное название Улуса Джучи, одной из частей монгольской империи Чингисхана, выделившейся в отдельное образование в империи в 1209 г. и существовавшей в качестве самостоятельного государства вплоть до 1502 г. Термин «Золотая Орда» — поздний, принятый в историографии, и для современников не являлся ни названием, ни самоназванием этого государственного образования. Его называли «», «Улус Джучи», «Орда», «Татары», «Татария» и т.д. Название «Золотая Орда» впервые появляется в русских летописях в XVI в. и является русской калькой с восточного *Сыра Орда* и *Орду-и Заррин-и бузург* — «Большая, или Великая Золотая Орда», термина, применявшегося для обозначения ставки хана.

З. О. возникла в результате распада *Еке Монгол Улус* — Великого монгольского государства, как с 1211 г. называлось государство Чингисхана. Монгольская империя распалась в 1260-х гг. на четыре части:

1) З. О., в состав которой входила вся Великая Степь (*Дешт-ы-Кипчак*) от р. Иртыш до низовьев Дуная;

2) Улус Чагатая, в состав которого входили Мавераннахр (междуречье Аму-дарьи и Сыр-дарьи), Семиречье, Восточный Туркестан;

3) иранское государство Хулагидов (Ильханов), охватывавшее земли от Аму-дарьи до Инлийскогот океана и от Инда до Ефрата, а также Малую Азию и Закавказье;

4) государство монголов в самой Монголии и в Китае с центром в Пекине — империя Юань.

Из них З. О. оказалась самым жизнеспособным госдуарством. Династия Тулуя (династия Юань) в Китае правила до 1368 г., когда ее сменила династия Мин. После этого потомки Тулуя управляли до XVII в. только собственно Монголией. Последний ильхан, Абу Саид, скончался в 1335 г., и государство Ильханов распалось до 1353 г. Чагатайское государство распалось в 1340-е гг., в его западной части — Мавераннахре — формируется держава тюрко-монгольских эмиров во главе с Тимуром (1336-1405). Тимуриды правили здесь до XVI в., когда их страна была завоевана узбеками. В восточной части бывшего улуса Чагатая образовалось несколько мелких государств, в некоторых их них Джучиды сохранили свои

позиции в правящей элите. Но особой исторической роли эти образования уже не играли.

Собственно З. О. сложилась в результате семилетнего похода хана Батыя в 1236-1242 гг., радикально изменившего карту Восточной Европы. Теперь номинально все земли от области уничтоженной Волжской Булгарии и покоренной Руси на севере до Дербента и Дагестана на юге, от Иртыша и оз. Ала-куль на востоке до низовьев Дуная на Западе входила в состав единой империи — З. О. Однако Батый вплоть до своей смерти в 1255 г. считался всего лишь вторым лицом в Моногольской империи, при нем З. О. еще не обрела независимости. Ее первым самостоятельным правителем стал внук Батыя Менгу-Тимур (1267-1280). Он первым стал чеканить монету с надписью: «правосудный великий хан», и выдавать ярлыки отдельным землям (первый ярлык русскому духовенству датирован 1267 г.).

Улус Джучи можно определять как империю, поскольку в его составе были насильственным образом объединены земли и народы с различным политическим строем, этническим составом, религиозными традициями. В ее составе шли процессы консолидации, ассимиляции, интеграции. Консолидация определялась действиями правящей тюрко-монгольской группы. Ассимилятивные процессы в основном инициировались кыпчаками европейской зоны степей. Интеграционные процессы вызывали консолидацию этносов и формирование общности, которую историки называют золотоордынской, хотя они и не были завершены: единого этноса не сложилось.

В истории З. О. выделяются три основных периода развития. Первый, раннеджучидский, с 1209 до конца XIII в., характеризуется формированием нового образования в рамках империи Чингисхана. В 1251 г. независимость З.О. была фактически признана на курултае в Карокоруме. Полный суверенитет Золотая Орда обрела при хане Менгу-Тимуре в 1266 в процессе распада Монгольской империи на ряд независимых государств (Империя Юань, Чагатайский улус, государство Хулагуидов). В 1250-60-х гг. Джучиды вводят свою монетную систему. Идет интенсивное строительство поволжских ордынских городов, формирование ордынской элиты, сопровождаемое переменой владельцев пастбищ, водопоев, маршрутов сезонных перекочевок. При этом происходил перенос за Урал собственно имперских административных структур, сформированных на основе центральноазиатских традиций, которые сочетались со степным сегментом, который продолжал доминировать.

В среднеордынский период (конец XIII – XIV в.) происходит становление культуры исламизированных ордынских городов. Они, как правило, не имели укреплений, так как считалось, что их охраняет сама империя со всей ее военной мощью (как и было до конца XIV века). Происходит резкий взлет ордынского ремесла. Государство все больше отделяется от своих культурных корней, забывается монгольский язык. При хане Тохтамыше (1376-1395) официальным языком орды стал тюркский.

В позднеордынский период (конец XIV в. – конец XV в.) происходит упадок ордынской цивилизации. Разгром орды среднеазиатским завоевателем Тимуром (1370-1405) в 1395 г. сломал становой хребет орды — систему богатых, высокоразвитых степных городов. Социально-экономический потенциал орды был подорван навсегда. Начался распад внутригосударственных связей, образование на обломках орды отдельных ханств и орд (Ногайской в 1426-1440, Крымской в 1443, Казанской в 1445, Сибирской в 1495, Астраханской в 1502 гг.). В 1502 г. войска Крымского ханства на р. Тихой Сосне разгромили Большую Орду — последнего правопреемника З. О., и она прекратила существование.

З. О. известна в истории как государство-завоеватель. Его имперские характеристики были следующими:

- *полиэтничность составных частей, имевших неравный статус в составе империи*. В З. О. проживали монголы (быстро, к сер. XIV в. растворившиеся среди тюрков), тюрки, русские, финно-угорские племена и народы. Правящим этносом были тюрки, хотя нельзя говорить о сильной выраженности этнического фактора в формировании имперской элиты — она формировалась не по этническому, а по родовому принципу, по принципу родства с Чингизидами и другими знатными родами. Государственный язык (язык документации, канцелярии был тюркский; монгольский употреблялся только на первом этапе и в основном для переписки с Великой Монгольской империей);

- *наличие особой системы отношений имперского центра и периферии*. Покоренные страны и народы были обязаны платить дань и выставлять воинские контингенты для службы в имперских войсках. Контроль за сбором дани осуществляли ордынские чиновники, при этом они опирались на переписи населения. Местная высшая политическая элита частично истреблялась, а частично обязывалась пройти через ряд политических ритуалов, демонстрирующих покорность. Предположительно, в ранний период это было поклонение золотой статуе Чингисхана, поклонение самому хану, получение от него «послания» (ярлыка), разрешающего правление данной территорией;

- *религиозная толерантность*. Для З. О., как и для многих империй, была характерна веротерпимость. С XIV в. З. О. приняла ислам, но, тем не менее, никогда не навязывала его покоренным странам и народам. Духовенство не было обложено данью, мало того, в столице империи — Сарае — открывались христианские храмы и был центр православной епископии;

- *насильственный характер управления*. Для З. О., особенно в ранний и среднеордынский периоды, характерны периодические карательные акции, походы на подвластные территории с уничтожением части населения, грабежом, разрушением городов и т.д. Карательные акции были в основном направлены против городов и местной элиты. Они сопровождались военными конфликтами, большим кровопролитием и т.д.;

- наличие имперских социально-демографических процессов. Процессы этнической ассимиляции коснулись в основном самой имперской элиты (монголы, составлявшие правящие круги в XIII-XIV вв., очень быстро оказались растворены в местной тюркской среде). Однако несомненна определенная метисация населения в пограничных, периферийных землях (Поволжье, Подонье, Приазовье и т.д.). Лучшие специалисты из жителей насильно переселялись вглубь империи (в столице — Сарае — была целая колония русских ремесленников);

- *культурное взаимовлияние имперского центра и подвластных земель*. З. О. оставила после себя высокую культуру, великолепные образцы произведений искусства. В то же время, надо отметить что эта культура сформировалась во многом благодаря осуществленному империей синтезу культур покоренных народов. Несомненно влияние З. О. на искусство и материальную культуру подвластных земель. Особенно оно проявилось в усвоении системы делопроизводства (на Руси еще в XVI в. некоторые дипломатические документы называли ярлыками) и влиянии З. О. на политическую культуру, символику и атрибутику власти.

Например, для Северо-Восточной Руси в результате вхождения вт состав З. О. на правах имперской провинции центр русской государственности сместился на северо-восток. Киев и Южная Русь окончательно утратили свой статус «стольных земель». По подсчетам А.А. Горского, в 70-80 % укрепленных поселений, прекратилась жизнь. Из них к началу XIV в. восстановилось в разных княжествах от 15 до 30 % крепостей. Северо-Восточная Русь, в которой было разорено более 40% городских центров, оживала быстрее: к началу XIV в. «коэффициент

восстанавливаемости» составил 125 %! Из анализа происхождения аристократических родов, оказавшихся на службе владимиро-суздальских князей, видно, что многие из них бежали из пришедших в упадок после нашествия Черниговщины, Киевщины, Переяславщины в далекие Приокские земли. Проблема заключалась в том, что именно северо-восточные княжества сильнее всех зависели от З. О., что накладывало отпечаток на их развитие.

Иго изменило облик древнерусского феодалитета. Старая арикстократия, ведущая свое начало от домонгольской эпохи, была почти полностью физически истреблена. На смену ей пришла новая служилая знать, сформировавшаяся главным образом из бывших слуг княжеского аппарата (тиунов, мечников, емцев и т.д.). Например, среди родов московских бояр, кроме Рюриковичей, Гедиминовичей и выходцев из Новгорода нет ни одной фамилии, у которой были бы известны предки до монгольского нашествия. Русский феодалитет утратил аристократизм, стремление к независимости и суверенитету личности, приобрел «службистский» менталитет.

Положение русских князей перед ханам напоминало принципы подданства (министериалитета). Они формально владели своими территориями и обладали на них определенной свободой действий. Но хан мог в любую минуту отобрать эти земли и даже лишить жизни (в XIII-XIV вв. по самым ничтожным поводам, а иногда и без них в Орде было убито более 100 русских князей).

Постепенно князья осваивались со своим новым положением. За годы ига выросло поколение психологически зависимых людей, для которых высшим законом была воля татарского царя. Становясь «служебниками» ханов, они поневоле впитывали дух империи: беспрекословную покорность подданных при безграничной власти правителей, и переносили эту модель внутрь своей страны, уже на своих подданных. Именно здесь лежат корни деспотизма московских царей.

Правители Северо-восточной Руси во многом заимствовали монгольскую политическую культуру. Как империя принадлежала всему роду Чингизидов, так и род Калитичей (потомков Ивана Ка-литы) в XIV в. начинает борьбу за полноту своей власти над всеми русскими землями по ордынскому образцу. А. Л. Юрганов обосновал гипотезу об общности моделей власти и собственности Монгольской империи и Руси. Сходство и преемственность можно найти и в организации верховной власти («царской» — ханской или великокняжеской), и в системе дьяческого делопроизводства, и в отношениях государства с под-данными.

Нашествие нанесло сильнейший удар по городам. По данным археологов, из 74 раскопанных древнерусских городов этого периода 49 разорены татарами, из них 14 не возродились уже никогда, а 15 превратились в села. Так как татары уничтожали в основном опорные пункты сопротивления —крепости, то большинство горожан было просто истреблено физически. Гибель городов вызвала упадок ремесла и торговли, некоторые виды ремесел после нашествия исчезли навсегда. Лучших мастеров уводили в рабство в Орду.

Социально-экономический ущерб оказался непоправимым: с тех пор резко затормозилось развитие городов как центров ремесла и торговли. Города на Руси приобрели облик преимущественно административных и военных пунктов. Сильно замедлилось формирование социальной корпорации горожан как потенциальной базы третьего сословия. Были утрачены демократические самоуправленческие традиции, начавшиеся складываться в Киевской Руси (резко упала роль вечевых собраний, в ряде городов они исчезли вообще).

Все эти аспекты сказались при становлении Российской державы и во многом определили путь ее развития.

Литература:

Бартольд В. В. Сочинения. М., 1963-1977. Т. I-IX; Горский А. А. Москва и Орда. М., 2000; Греков Б. Д., Якубовский А. Ю. Золотая Орда и ее падение. М., 1998; Егоров В. Л. Историческая география Золотой Орды в XIII-XIV вв. М., 1985; Кляшторный С. Г., Султанов Т. И. Казахстан: летопись трех тысячелетий. Алма-Аты, 1992; Крамаровский М. Г. Золото Чингисидов: культурное наследие Золотой Орды. СПб., 2001; Полубояринова М. Д. Русские люди в Золотой Орде. М., 1978; Сафаргалиев М. Г. Распад Золотой Орды. Саранск, 1960; Трепавлов В. В. Государственный строй Монгольской империи XIII в.: проблема преемственности. М., 1993; Федоров-Давыдов Г. А. Общественный строй Золотой Орды. М., 1973; Юрганов А. Л. Категории русской средневековой культуры. М., 1998.

ИДЕНТИЧНОСТЬ

Идентичность (от англ. identity) — устойчивое представление о принадлежности индивидуума к определенной социальной (культурной, национальной, реальной или воображаемой) общности, которое определяет его систему ценностей, социокультурные ориентиры и предпочтения, мотивацию поведения, представления о «чужих» и «своих».

Категория идентичности широко используется в психологии, где под ней понимается «свойство психики человека в концентрированном виде выражать для него то, как он представляет себе свою принадлежность к различным социальным, национальным, профессиональным, языковым, политическим, религиозным, расовым и другим группам или иным общностям, или отождествление себя с тем или иным человеком как воплощением присущих этим группам или общностям свойств». Считается, что формирование человеческой личности идет через понимание своего отличия от других, в процессе которого возникает представление о своей самости, своем Я. Это и есть идентичность, формируемая самим человеком как самоидентичность. Базовыми в этом процессе являются устойчивые представления о «чужих» и «своих».

Э. Эриксон определял идентичность как процесс, «находящийся в центре самого индивидуума, также как и в центре его общественной культуры, процесс, который раскрывает идентичность этих двух идентичностей». С. Холл писал: «Я использую термин “идентичность” для обозначения места пересечения, с одной стороны, дискурсов и практик, пытающихся “интерпеллировать”, определять нас как социальных субъектов определенных дискурсов, и, с другой стороны, процессов, конструирующих субъективность, которые создают нас как темы, на котрые можно “говорить”. Идентичности, таким образом, являются областями временной ассоциации с позициями субъектов, которых дискурсивная практика создает для нас». Подобная амбивалентность термина порождает недоверие к нему, его оценку как чисто инструментарного, но не категориального. Например, К. Леви-Стросс характеризовал идентичность как «нечто вроде виртуальногь центра, к которому необходимо обращаться, чтобы объяснить некоторые вопросы, но в реальности не существующего».

Р. Брубейкер и Ф. Купер предлагают несколько ключевых значений термина:

1) *когда идентичность понимается как фундамент или базис сицциальной или политической активности, как неинструментальный способ социальной и политической практики*. В данном случае индивидуальная идентичность противопоставляется гипотетическому универсальному социальному интересу;

2) *когда идентичность понимается как фундаментальное и последовательное тождество между членами одной группы или категории*. Это тождество находит выражение в солидарности, общем самосознании, коллективных

действиях;

3) *когда идентичность понимается как ядро индивидуального или коллективного Я*, и используется, чтобы указать на нечто глубинное, соновательное, значимое или императивное;

4) *когда идентичность понимается как продукт социальной или политической активности*. Через нее определяется содержание и вид коллективного самопонимания, солидарности или групповой сплоченности, которые делают возможным любое коллективное действие (к которым идентичность побуждает);

5) *когда индентичность понимается как продукт взаимодействия разнообразных дискурсов*. Этим подчеркивается нестабильная, многогранная, изменчивая и разрозненная природа современного Я.

Учеными предлагаются различные классификации идентичностей. Их делят на *естественные* (возникающие само собой и не требующие организованной работы по их поддержанию). Это идентичности расовые, природные, географические и т.д. Другая категория — *искусственные* идентичности (которые придумываются и специально поддерживаются). Это идентичности национальные, профессиональные, социальные, культурных групп и т.д. Некоторые идентичности являются *смешанными*. Например, гендерные — в них объединены естественные (пол) и искусственные (социальное значение половой принадлежности) идентичности. То же можно сказать об этнической идентичности, потому что в понятии этнос также присутствуют и биологические, и социокультурные компоненты.

Также можно говорить об *экзоидентичностях* (внешних, которые присваиваются индивидууму извне, например, этностереотипы, которые навязаны другими) и *эндоидентичностях* (самоидентичностях, вырабатываемых самостоятельно).

В социальные, политические и исторические науки термин «идентичность» распространился в 1960-е гг. в США. Переносу понятия идентичности в социологическую сферу способствовали социологическая теория ролей, теория референтных групп, теория социальных конструкций и так называемая социология символических интеракций. Большую роль также сыграли работы Э. Эриксона об *эго-идентичности* (понятие о цельности личности, которая сохраняется, несмотря на все изменения жизненного контекста) и «*кризисе идентичности*» (разрушение жизненных ориентиров, потеря человеком веры в свою социальную роль). Понятие этнической идентичности оказалось в фокусе внимания ученых после книги Г. Элпорта «Сущность предубеждения» (1954).

Распространение понятия идентичнсоти в социально-политических науках в 1960-е гг. происходило в контексте социальных волнений 1960-х гг. (немецкое студенческое движение в ФРГ и Западном Берлине, эмансипационные движения в США, выступления студенческих левых организаций во Франции и т.д.). Все они имели антиавторитарный идеологический окрас, то есть выступали против «господства людей над людьми». Соответственно, повышался интерес к индивидууму, к личности, к факторам, ее формирующим и т.п. Использование категории идентичности отвечало многим из насущных задач того времени.

Ф. Брубейкер и Ф. Купер приводят следующую характеристику использования термина в современных социальных науках: «Ясно, что термин “идентичность” пригоден для самого разнообразного использования. Его используют, чтобы подчеркнуть не инструментальную модальность действия; чтобы привлечь внимание к самопониманию в противовес личному интересу; чтобы определить сходство между людьми или периодами; постигнуть предполагаемую суть, базисные аспекты Я; подвергнуть сомнению существование этих аспектов;

подчеркнуть интерактивность процесса выработки солидарности и коллективного самопонимания; а также выявить раздробленность современного ощущения “себя”, показать, как Я, наспех собранное из клочков дискурса, по-разному активизируется в зависимости от обстоятельств и контекста».

В политических практиках современных демократических государств присутствует так называемая «политика идентичности» — охрана и поощрение национальных, культурных, социальных и т.д. идентичностей населения (того, что под ними понимается). Эта политика в последние годы (в связи с французскими событиями 2005 г., мятежом парижских пригородов, заселенных этническими выходцами из колоний) подвергается критике как ставящая под угрозу демократические основы цивилизации Запада.

Для имперской истории категория идентичности носит важный инструменталистский характер. Она применяется прежде всего при анализе культурных практик империи (сохранялась ли идентичность национальных меньшинств и колониального населения при унификационных мероприятиях империи, например, при русификации в Западных окраинах Российской империи в XIX в.). Идентичность можно конструировать и формировать, что особенно соблазнительно для имперских властей в отношении колониальной элиты, из которой надо формировать свою социальную, политическую опопру и союзников (ср. исследования Б. Андерсона о политике в Юго-Восточной Азии по формировании через обучение в боританских и французских университетах местных кадров прослойки «своих людей» в колониях). Вопрос о сохранении или разрушении идентичности малых народов часто поднимается в связи с инвективами в адрес империй. Категория идентичности является ключевой при анализе нациестроительства, национализма и национально-освободительных движений.

Литература:

Taylor Ch. Sources of the Self: The Making of the Modern Identity. Cambridge, 1989; Giddens A. Modernity and Self-Identity: Self and Society in the Late Modern Age. Cambridge, 1991; Люббе Г. Историческая идентичность // Вопросы философии. 1994. № 4. С. 108-113; Social Theory and the Politics of Identity / Ed. By C. Calhoun. Cambridge, 1994; Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности: Трактат по социологии знания. М., 1995; Calhoun C. Critical Social Theory: Culture, History, and Challenge of Difference. Oxford, 1995; Бергер П. Приглашение в социологию: гуманистическая перспектива. М., 1996; Melucci A. Challenging Codes: Collective Action in the Information Age. Cambridge, 1996; Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис. М., 1996; Barker C., Galasinsky D. Cultural Studies and Discourse Analysis: A Dialogue on Language and Identity. London, 2001; Бауман З. Индивидуализированное общество. М., 2002; Брубейкер Р., Купер Ф. За пределами «идентичности» // Ab Imperio. 2002. № 3. С. 61-115; Identities: Time, Difference, and Boundary / Ed. By H. Friese. New York, 2002; Edensor T. National Identity, Popular Culture and Everyday Life. London, 2002; Джерджен К. Социальный конструкционизм: знание и практика. Сб. статей. Минск, 2003; Abbinnett R. Culture and Identity: Critical Theories. London, 2003; Joseph J. Language and Identity: National, Ethnic, Religious. London, 2004; Lloyd M. Beyond Identity Politics. London, 2005.

ИМПЕРАТОР

Император — титул правителя империи, обладавшего монархической властью. В истории термин И. носил не только правовой, но прежде всего идеологический, символический характер. Так, далеко не все правители мировых

империй назывались императорами — например, глава самой крупной мировой империи — Британской — остался королем (хотя мог принимать импреторский титул применительно к отдельным областям, так, в 1876 г. английская королева Виктория была объявлена императрицей Индии). В то же время императорами объявляли себя правители, под властью которых находились отнюдь не империи (например, Центрально-африканская империя императора Бокассы I 1976-1979 гг., в 1849-1859 гг. императором провозгласил себя правитель Гаити Фостен I и т. д.). Как мы видим, в данных случаях речь идет скорее о символическом понимании императорской власти как чего-то очень значимого и могущественного.

Слово происходит от латинского: *imperium:* «полнота власти», «полнота полномочий». В Древнем Риме империем называлась полная военная и гражданская власть высших римских магистратур. Символом обладания империумом были фасции — связанный кожанными ремнями пучок прутьев с торчащим из него топориком. Фасции обычно носили специальные служители — ликторы, в зависимости от высоты должности чиновнику полагалось определенное количество фасциев. Передача империума через наделение полномочиями консулов и иных высших римских магистратур осуществлялась народным собранием по *Lex curiata de imperio*. Постепенно империумом стали называть не только высокие должностные полномочия, но и территорию, на которую распространялись военная власть и юрисдикция носителя империума. При образовании Великой Римской империи (Imperium Romanum), существовавшей с 27 г. до н. э. по 476 гг., этот термин стал обозначать императорскую власть. Институт императорской власти вырос из системы принципата, введенной Октавианом Августом (27 г. до н. э. – 14 г. н.э.), и представлявшей собой комбинацию республиканской магистратуры с военной монархией. К концу жизни он носил титул: «Imperator Caesar Divi filius Augustus, Pontifex Maximus, Consul XIII, Imperator XXI, Tribuniciae potestatis XXXVII, Pater Patriae» («Император, сын Божественного Цезаря, Август, Великий Понтифик, Консул 13 раз, Император 21 раз, народный трибун 37 раз, Отец Отечества»). Титул «Август» происходил от лат. *augere* — «увеличивать», переводился как «возвеличенный богами», или «тот, кто возвеличил государство». От когномена рода Юлиев «Caesar» произошел и другой титул — цезарь, вскоре ставший синонимичным императору. В III-IV вв. н. э. во времена соправительства старший правитель назывался «август», а младший — «цезарь» (при этом младший, как правило, являлся наследником). В IV в. титул «цезарь» отмирает и позже возрождается уже в значении «император».

В 395 г. Великая Римская империя окончательно распадается на Западную и Восточную. Правитель Восточной также сичтался императором, носил титулы *автократор* (греч. Αὐτοκράτωρ — самодержец) или *василевс* (греч. Βασιλεύς). В 476 г. под давлением завоевателей-варваров последний римский император, малолетний Ромул Август, отрекается от престола и Западная Римская империя прекращает существование как империя. Вождь варваров Одоакр отослал регалии императоров Рима в Константинополь, и некоторое время в Европе существовал только один император — правитель Византии. В эти века складывается представление, что император — это правитель именно христианских земель, что повышало ценность этого титула.

На правителей Западной Европы этот титул распространил правитель франков Карл I Великий (768-814), король франков с 768, лангобардов с 774, герцог Баварии с 788, император Запада с 800 г. В 800 г. он в Риме разбирал проблемы противостояния римского папы Льва III с местной знатью. На мессе в соборе Св. Петра 25 декабря 800 г. папа возложил на Карла императорскую корону. Все находившиеся в соборе воскликнули: «Да здравствует и побеждает Карл Август, Богом венчанный великий и миротворящий римский император». Появление

второго императора на европйеском континенте вызвало яростные протесты Византии, которая окончательно признала за Карлом этот титул только в 811 г., остронуждаясь в поддержке войск Карла в борьбе с болгарами. Кроме того, Карл отдал византийскому императору Михаилу I Венецию и Далмацию. К концу жизни полный титул Карла Великого был: Полный титул Карла был: «Karolus serenissimus augustus a Deo coronatus magnus pacificus imperator Romanum imperium gubernans qui et per misericordiam dei rex Francorum atque Langobardorum» («Карл милостивейший возвышенный, коронованный Богом, великий властитель-миротворец, правитель Римской империи, милостью божьей король франков и лангобардов»).

Здесь важно подчеркнуть, что возрождение императорского титула происходило именно как возрождение Римской империи, как бы ее «второе издание» уже на основе Королевства Франков и подвластных им земель. При преемнике Карла Великого Людовике I Благочестивом (814-840) был принят акт «О порядке в Империи» (Ordinatio imperii, 817), по которому утверждался порядок престолонаследия с доминированием одного из наследников, который и становился императором (до этого у франков все братья-наследники получали сравнительно равные доли). Титул «император Запада» существовал до 924 г., его последним обладателем был Беренгар I Фриульский, маркграф Фриуля с 874 г., король Италии с 888 г., последний император Запада с 916 г. После его смерти титул более никто не принимал.

В X в. титул императора в Европе переходит на правителей нового государственного образования имперского типа — Священной Римской империи германской нации. Ее первым правителем с титулом императора был Оттон I (герцог Саксонии в 936—961, король Германии с 936 года, король Италии с 961 года, император Священной Римской империи в 962-973 гг.). Он короновался в Риме 2 февраля 962 г. Этот титул правители Священной Римской империи носили до 1806 г. На ее престоле менялись представители немецких династий: Саксонской, Салической, Гогенштауфены, Виттельсбахи, Габсбурги.

С XII в. складывается представление, что император в «христианском мире» (под которым понимались европейские католические страны: Священная Римская империя, Испания, Италия, Англия, Франция, скандинавские страны и т.д.) один, двух императоров не может быть, поскольку он — носитель высшей власти и имеет для светских правителей не меньший авторитет, чем римский папа. В то же время, отстаивалась точка зрения, что князья империи, безусловно, подчиняются императору, но «Каждый король — император в своем королевстве». Большую роль для повышения авторитета императора в Европе играл имперский суд, на котором рассматривались тяжбы между князьями и землями империи, иногда даже между целыми государствами.

Идее «единственного императора» противоречило существование Византии с ее императорами, которые оправдывалось только сомнением в принадлежности православных христиан Византии к подлинному «христианскому миру». Во время кризиса Византии после ее разгрома крестоносцами в 1204 г. возникает ряд государств, правители которых считали себя преемниками византийских императоров: Никейская империя (1204-1261), Латинская империя (1204-1261), Трапезундская империя (1204-1461). Империями они были только по названию. В 1261 г. Византийская империя была восстановлена и существовала до 1453 г., года взятия турками Константинополя.

С XVI в. возникает титулатурная проблема в отношениях с Россией: в 1547 г. великий князь московский и государь всея Руси Иван IV официально принял титул *царя*, что являлось сокращенным от «цесаря» = императора. Тем самым Россией было поставлено под сомнение существование только одного императора для христиан. Правда, русских считали схизматиками и не совсем правоверными

христианами, но это не отменяло проблему признания царского титула, которая была предметом «титулатурной войны» России с европейскими странами в XVI-XVII вв. В 1721 г. по результатам Северной войны (1700-1721) русский царь Петр I (1682-1725) принял титул императора, и, по мнению многих историков, Россия стала империей. Оспорить это было невозможно, поскольку к 1721 г. она обладала одной из сильнейших в Европе армий, только что уничтожившей и поставившей на колени Шведскую империю. Таким образом, в Европе опять стало два императора: германский и российский.

В 1804-1815 гг. титул императора носил правитель Франции Наполеон Бонапарт, но после его военного поражения и низложения титул всего две недели в 1815 г. носил его сын Наполеон II, а потом императорская титулатура во Франции была ликвидирована. Период I Империи во Франции сыграл большую роль для Священной Римской империи: поскольку она в начале XIX в. предельно ослабела (на фоне возвысившихся Пруссии и Австрии), то в 1804 г. последний император Священной Римской империи Франц II принял титул первого императора Австрии (занимал престол с 1804 по 1835 гг.). Превращение Австрии в империю во главе с императором было сделано в противовес набирающей мощь I Империи в Франции. Однако I Империя Наполеона Бонапарта рухнула в 1815 г., а Австрийская империя просуществовала до 1918 г., в ней правила династия Габсбургов. Священная Римская империя была упразднена в 1806 г., ее фактической преемницей стала Австрийская империя. Таким образом, во второй четверти XIX в. в Европе опять стало два императора: австрийский и российский.

В 1852-1870 гг. к ним добавился французский — Луи Наполеон Бонапарт учредил во Франции II Империю и принял титул императора под именем Наполеона III. Однако поражение Франции во франко-прусской войне 1870-1871 г. привело к падению II Империи, сам Наполеон III попал в плен и не вернулся из Германии, а Пруссия благодаря победе в войне преобразовала Северогерманский союз в Германскую империю, официально учрежденную 18 января 1871 г. Ее первым императором (кайзером) стал Вильгельм I Гогенцоллерн (1871-1888). Теперь в конце XIX – начале XX в. в Европе было три императора: российский, австрийский и германский.

Гибель всех этих трех империй и ликвидация императорского титула приходится на конец I мировой войны, эпоху крушения и распада великих европейских империй. Последний российский император Николай II (1894-1917) открекся от престола 2 марта 1917 г. (по старому стилю) в пользу брата Михаила, а тот не принял престол. 9 ноября 1918 г. была упразднена Германская империя, последним носителем императорского титула был Вильгельм II (1888-1918). 12 ноября 1918 г. рухнула Австрийская империя, ее последним императором был Карл I (1916-1918). Больше в Европе никто из правителей не носил императорского титула.

В историографии также принято переводить термином «император» некоторые титулования восточных правителей: *каан* — монгольский император (империя существовала с 1206 по 1368 гг.), *тэнно* — правитель Японской империи (1868-1947), *падишах* (Империя Великих Моголов, 1526-1858), хуань ди (император Китая, с 246 г. до н.э. по 1912 г.) и т.д. Это правильно по существу (потому что характер их власти былл имперским, а полномочия близки к императорским), но неточно терминологически (европейский титул «император» нес конкретный смысл и правовое содержание, которые не всегда соответствуют восточной политической культуре).

Литература*:*

Савва В. И. Московские цари и византийские василевсы: К вопросу о влиянии

Византии на образование идеи царской власти московских государей. Харьков, 1901; Агеева О. Г. Величайший и славнейший более всех градов в свете — град святого Петра. СПб., 1999; Frie E. Das Deutsche Kaiserreich. Darmstadt, 2004; Филюшкин А. И. Титулы русских государей. СПб.; М., 2006; Goez E. Papsttum und Kaisertum im Mittelalter. Darmstadt, 2009.

ИМПЕРИАЛИЗМ

Империализм (от лат. imperium — власть, господство) — 1) *Империализм как глобализм*, термин, обозначающий распространенную на значительное пространство сильную верховную власть, подчиняющую себе разнородные социумы, этносы, социокультурные образования. В контексте современного мира часто связывается с политикой глобализма (неоглобализма) США, особенно с 1970-х гг.

Термином «империя» нередко оперируют сторонники концепции глобализации, которые считают, что развитие информационного общества приводит к глобализации мирового рынка, что,в свою очередь, неизбежно влечет размывание суверенитета национальных государств. Они замещаются новой глобальной властью, или «Империей», рождающейся из «серии национальных и наднациональных организмов, объединенных единой логикой правления», без ясной международной иерархии (М. Хардт, А. Негри). В этой концпеции, по замечанию Дж. Фостера, «Термин “империя” в анализе Хардта и Негри относится не к империалистическому господству центра над периферией, но к всепоглощающей сущности, не имеющей территориальных ограничений». Старый колониальный империализм, по их мнению, носил принципиально иной характер: он являлся всего лишь расширением суверенитета национального государства за его территориальные пределы. В этом смысле империализм умер, и сменился глобализмом, глобальной «империей» совершенно иного характера. Причиной его смерти послужил распад колониальной системы, ликвидация (по крайней мере, формальная) политической иерархии государств, а также гомогенизирующая роль мирового рынка. М. Харт и А. Негри пишут: «Империализм – это машина глобальной неоднородности, соединения, регулирования и территориализации потоков капитала, блокирующая одни потоки и разрешающая другие. Мировой рынок, наоборот, предполагает однородное пространство нерегулируемых и детерриториализированных потоков… империализм стал бы смертью капитала, если бы не был исчерпан. Полная реализация мирового рынка с необходимостью предполагает конец империализма». Их новая Империя является одновременно «постколониальной и постимпериалистической», глобальным распространением принципов западной демократии и рыночной экономики по всему миру. А силы, выступающие против такой Империи, например, ставящие национальный суверенитет выше глобализации — деконструктивны и противостоят прогрессу. С ними можно бороться в том числе силой оружия.

Оппоненты этой концепции, считая характер доминирования США «империалистическим», указывают, что в начале XXI в. военные базы США располагались в 69 из 193 признанных ООН странах мира. То есть, с их точки зрения, сегодня можно говорить именно об установлении империалистической гегемонии США, поддерживаемой и экономическим, и военным путем. После распада СССР в 2002 г. американский президент Дж. Буш заявил, что в мире осталась «единственная жизнеспособная модель для национального успеха: свобода, демократия и частная инициатива», воплощенные в американской модели развития. Любой, кто не хочет принять ее, автоматически становится врагом США и всего цивилизованного мира. После окончания войны во Вьетнаме в 1973 г., Америка не

менее 12 раз с 1983 по 2012 год участвовала в крупномасштабных военных конфликтах с бомбардировкой территории других стран или даже военным вторжением на эти территории, в большинстве случаев — по инициативе США. То есть здесь термин «империализм» используется применительно к политике США в негативно-оценочном контексте, связывается с «империализмом» колониальной эпохи.

2) *Империализм либеральный* — близкая к вышеописанным взглядам концепция, согласно которой либеральной империей, проводящей политику либерального империализма, является сильное демократическое демократическое государство, которое осуществляет экспорт демократических ценностей, помогает построить рыночную экономику, распространяет либеральные теории и практики на соседние страны, находящиеся на более низкой стадии развития демократии или же только-только избавившиеся от авторитарного или даже тоталитарного прошлого. Смысл концепции либерального империализма в том, что это империализм «мягкий». Его сила в установлении экономических, культурных сфер влияния, создании привлекательных демократических и рыночных ориентиров развития. Экспансия в ее любом (в том числе военном) виде возможна, но только в крайнем случае, если это полезно для самого объекта экспансии (теория «экспорта демократии»). Такая империя имеет приницпиально новую струутуру. Это вовсе не «метрополия — колония», а «держава-лидер — зоны ее влияния и ответственности» (Н. Фергюсон).

Отличие от глобалистских теорий в том, что если последняя связывается основном с США, то в роли «либеральной империи» в мире пытались выступать и другие страны (в XIX в. Франция и Великобритания, в 2003 г. доктрину России как «либеральной империи» даже озвучил лидер демократических сил А Чубайс, естественно, эту концепцию относят также и к США и к современной цивилизации Запада в целом).

3) *теория империализма как высшей и последней стадии капитализма*, при которой колониальным переделом мира руководят уже не сколько страны-метрополии, их политические структуры, сколько могущественные капиталистические кампании, корпорации. Сторонники этой теории относят эпоху империализма к концу XIX – началу XX в., и считают, что именно империализм породил I мировую войну как войну за передел мира между колониальными державами.

Теория империализма получила разработку в советской историографии, опирающейся прежде всего на концепцию В. И. Ленина, сформулировавшего пять основных прзнаков империализма: 1) Концентрация производства и капитала, приведшая к возникновению монополий (трестов, картелей, синдикатов и др. корпораций), играющих решающую роль в экономике; 2) слияние банкового капитала с промышленным и создание финансовой олигархии; 3) вывоз капитала и сознание международной банковской системы; 4) создание международных монополий, которые приступают к колониальному переделу мира; 5) закончен территориальный раздел мира крупнейшими капиталистическими державами.

Принципиальной чертой, отличающей империализм от капитализма, является доминирование экспорта не товаров, а экспорта капитала. Благодаря этому устанавливаются экономические связи на обширных территориях, в международном контексте.Становится нормой ситуация, когда какая-то финансовая кампания владеет банками, заводами, предприятиями сбыта в разных странах. Между ними возникают как горизонтальные (партнерские, инвестиционные) так и вертикальные связи (вкладывание в производство в слаборазвитых странах, колониях и тем самым установление контроля над их экономикой). Как писал В. И. Ленин, «Страны, вывозящие капитал, поделили мир между собою». На первый план

по экономической роли выходят не промышленники, а финансовая олигархия. Происходит сращивание крупных финансовых монополий с промышленными. Могущество таких монополий простирается далеко за пределы национальных государств (почему и возможно говорить о международном характере империалистических монополий), оказывает серьезное влияние на политику правительств. Следующим шагом, по В. И. Ленину и сторонникам его теории, было неизбежное превращение монополистического капитализма в ГМК — государственно-монополистический капитализм, когда финансовые и промышленные монополии сращиваются с государством, и их интересы защищаются на государственном уровне, их политика выступает в роли государственной политики.

Выход монополий на международный рынок, поглощение ими элементов слоборазвитых экономик неизбежно придают империализму агрессивный характер, потому что создают ситуацию для нового передела мира между крупными международными монополиями, а национальные (и имперские) правительства с их армиями и дипломатической службой выступают в роли инструментов. Поэтому, как объясняли сторонники данной теории, империализм неизбежно ведет к войнам между капиталистическими государствами (и даже к таким глобальным катастрофам, как I мировая война 1914 – 1918 гг.).

При этом советские историки вслед за В. И. Лениным определяли И. как: «...Империализм есть (1) — монополистический капитализм; (2) — паразитический или загнивающий капитализм; (3) — умирающий капитализм». Вывод о неизбежном кризисе, загнивании и гибели капитализма делался на основе логического построения: сущностью капиталистических отношений как таковых является свободнаяч конкуренция товаропроизводиелей, рыночность экономики, закон спроса и предложения и т.д. Но возникновение монополий губит свободную конкуренцию, поглощает мелких производителей. Производство и рынок регулируются уже не законом спроса и предложения, а волей монополий (ср. простейший вид монополий — картели — которые есть «сговор о ценах»). То есть, дойдя до империалистической стадии, по В. И. Ленину, капитализм начинает отрицать сам себя, свои основополагающие принципы, и потому неизбежно загнивает и гибнет.

Насколько данная теория соответствовала исторической действительности? Во второй половине XIX в. в национальных экономиках в самом деле начинается бурный рост монополий различных видов: *картелей* (фирмы, ведущие единую политику сбыта, особенно в области ценообразования), *синдикатов* (объединение юридически и экономически независимых предприятий для единой политики на рынке, в области заказов, сбыта), *трестов* (введение для различных кампаний единого управления, которое ведет к утрате их коммерческой самостоятельности), *концернов* (объединение финансовых и материальных ресурсов разных фирм) и т.д. Монополии первоначально давали значительный экономический прирост, поскольку убирали с рынка своих конкурентов, что вело к росту прибыли кампаний. Выгодным было и объединение финансов, материальных ресурсов, более эффективные рычаги давало общее управление. Благодаря «торговым войнам», политике демпинговых цен одни экономики поднимались над другими. Например, в 1870-е гг. доля Англии в мировом промышленном производстве составляла 32 %, а в мировом товарообороте — 65 %. Однако уже в 1880-90-е гг. другие европейские страны начинают ее опережать. В конце XIX – начале XX в. (до I мировой войны) промышленное производство в Германии выросло в 6 раз, во Франции — 3 раза, в США — в 9 раз. А в Англии всего чуть более двух раз. Утрачивала она свои позиции на мировом рынке, так как проводила политику свободной торговли (фритредерства), в то время как другие страны активно использовали

протекционистские и монополитические способы (защита своих товаров, объявление монополий на те или иные виды товаров, демпинговые цены на мировом рынке с целью ослабить конкурента и т.д.). В результате за 1880 – 1900 гг. экспорт промышленной продукции из Германии вырос на 40 %, из США — на 230 %, а из Англии — всего на 8 %.

Так что говорить, что империалистическая фаза развития капитализма была изначально неэффективной и кризисной, нет оснований. Хотя в ней, в самом деле, были заложены серьезные пороки развития, порожденные той же монопольной системой. В качестве примера можно привести ту же Англию. Длившееся несколько десятилетий в первой половине – середине XIX в. монопольное господство английских товаров на мировом рынке привело к застою в обновлении материально-технической производственной базы британской экономики: благодаря монополии она и так давала колоссальные прибыли. А когда монополия оказалась разрушена другими странами, то английская экономика оказалась неготовой действовать в условиях конкуренции. В погоне за сиюминутной прибылью английские предприниматели начали по монопольно низким ценам закупать в колониях сырье, ввозить его в метрополию, перерабатывать в промышленные товары и продавать в тех же колониях по монопольным ценам. Это привело к вывозу капитала из Англии, инвестированию национальных финансов в другие экономики (например, до 20 % финансов вывозилось в США). По темпам и объемам вывоза капитала Англия в начале XX в. опережала Германию и Францию, вместе взятые. А доля средств, вкладываемых в инвестиции в развитие собственной промышленности была куда меньше.

Многими современными экономистами (А. Харбергер, Х. Лейбенстайн, Р. Познер и др.) говорится о неээфективности монополий как спопоба организации производства и сбыта. Во-первых, монополия неизбежно приводит к поглощению более мелких предприятий более крупными, что ведет к отсутствию конкуренции, создает слишком трудные условия для развития малого и среднего бизнеса, приводит к потере рабочих мест, невозможности завести свое дело и как следствие — к росту социальной напряженности. Во-вторых, существует принцип, называемый экономистами «мертвый груз» (англ. — «Deadweight Loss»): монополия производит ровно столько товара, сколько возможно, чтобы удержаться на верхней границе прибыли. Поскольку других товаров все равно нет, его так или иначе вынуждены покупать потребители. Тем самым количество и его качество товара регулируется не рыночными механизмами, а определяется монополией. Это неизбежно ведет к экономическому застою и в дальнейшем к кризису. У монополий просто нет стимула опримизировать и развивать прозводство, делать его более эффективным. В-третьих, история показывает, что устойчивой может быть только та монополия, которая сращена с государством. Никто из известных монополий в исторической ретроспективе, если она существует долгое время, не обходился без поддержки государства. А это ведет к экономическому лоббизму, защите интересов одних кампаний при ущемлении интересов других и т.д.

Нетрудно заметить, что данная критика монополий и империализма построена на их противоречиях с принципами свободного рынка, либеральной рыночной экономики, конкуренции как главной ценности и основами демократического политического устройства. Несмотря на эту критику и бесспорность данных противоречий, основой и международной экономики, и национальных экономик уже более 100 лет являются крупные финансово-промышленные корпорации со смешанным капиталом (в том числе интернациональным). Их окончательному превращению в монополии препятствуют антимонопольные законы, принятые в большинстве стран. Но продолжает быть актуальной общая тенденция к концентрации капиталов и производства (в Англии в

середине XX в. менее 2 % собственников владели 64 % национальных, в том числе финансовых ресурсов, в США 1 % — владел 59 %), вывозу капитала, поглощению крупными корпорациями мелких предприятий в своей отрасли, сращиванию крупных кампаний с государством.

Ключевые позиции в экономике в XXI в. принадлежат финансовым группам (по определению «Энциклопедического словаря экономики и права»: «Группа из нескольких предприятий, организаций, лиц, объединивших свои финансовые ресурсы в общих целях и интересах. Объединение финансовых ресурсов может осуществляться в целях крупного инвестирования, повышения мобильности использования ресурсов, а тж. для достижения или укрепления монопольного положения»). По рейтингу Forbes (http://www.forbes.com/lists/2010/18/global-2000-10_The-Global-2000_Rank.html), сегодня первыми 20-ю крупнейшими мировым кампаниями являются:

1. JPMorgan Chase (США), банковское дело
2. General Electric (США), разная деятельность
3. Bank of America (США), банковое дело
4. ExxonMobil (США), добыча и переработка нефти и газа
5. ICBC (Китай), банковское дело
6. Banco Santander (Испания), банковское дело
7. Wells Fargo (США), банковское дело
8. HSBC Holdings (Великобритания), банковское дело
9. Royal Dutch Shell (Голландия), добыча и переработка нефти и газа
10. BP (Великобритания), добыча и переработка нефти и газа
11. BNP Paribas (Франция), банковское дело
12. PetroChina (Китай), добыча и переработка нефти и газа
13. AT&T (США), телекоммуникации
14. Wal-Mart Stores (США), торговля
15. Berkshire Hathaway (США), финансы
16. Газпром (Россия), добыча и переработка нефти и газа
17. China Construction Bank (Китай), банковское дело
18. Petrobras-Petróleo Brasil (Бразилия), добыча и переработка нефти и газа
19. Total (Франция) добыча и переработка нефти и газа
20. Chevron (США), добыча и переработка нефти и газа

Кроме того, в современном мире ярко выражена тенденция создания международных органов экономического регулирования, которые объединяют под своей властью различные национальные экономики и заставляют их на определенных условиях проводить единую экономическую политику. Еще после II мировой войны было заключено Генеральное соглашение по тарифам и торговле (ГАТТ, 1947), созданы Европейское экономическое сообщество (ЕЭС, 1958) и Европейская ассоциацич свободной торговли (ЕАСТ, 1960). В 1995 г. образована Всемирная торговая организация (ВТО), в которую входят 154 государства. Большую роль развитии экономик, особенно в развивающихся странах, играют Международный валютный фонд (1945) и Международный банк реконструкции и развития (1945). В связи с образованием в 1992 г. Европейского союза, объединившего 27 государств Европы, были созданы Европейская комиссия, Совет Европейского союза, Европейский совет, Суд Европейского союза, Европейская счетная палата и Европейский центральный банк. Европейский центральный банк контролирует еврозону — объединение 17 государств, отказавшихся от своих национальных валют и использующих единую европейскую валюту — евро.

Несмотря на периодические экономические кризисы, эта модель демонстрирует большую устойчивость и совершенно не оправдывает пророчества о

близком и неизбежном «загнивании и гибели» монополистического капитализма, звучавшие сто лет назад. Очевидно, что во второй половине XX – XXI вв. человеческое сообщество нашло новые формы функционирования и взаимодействия монополий, нейтрализации их вредных влияний и использования преимуществ. Сегодня нельзя говорить об империализме в классическом колониальном смысле, но тот феномен, который ученые называли «империализмом» в экономике и экономической геополитике в начале XX в. значительно эволюционировал по сравнению с прошлыми эпохами, приобрел качества экономического глобализма и демонстрирует устойчивые тенденции экономического роста.

Литература:

Ленин В. И. Империализм, как высшая стадия капитализма // Ленин В. И. Полное собрание сочинений / 5-е изд. Т. 27; May E. Imperial Democracy: The Emergence of America as a Great Power. New York, 1961; LaFeber W. The New Empire: An Interpretation of American Expansion, 1860–1898. Ithaca, N.Y., 1963; Варга Е. С. Очерки по проблемам политэкономии капитализма, М., 1964; Thornton A. Doctrines of Imperialism. New York, 1965; Baran P., Sweerzy P. Monopoly Capital: An essey of the American Tconomic and Social Order. New York, 1966; Baran P. The Political Economy of Growth. New York, 1968; Выгодский С. Л. Современный капитализм, М., 1969; Ленинский анализ империализма и современный капитализм. М., 1969; Политическая экономия современного монополистического капитализма. М., 1970. Т. 1, 2; Драгилев М., Мохов Н. Ленинский анализ монополистического капитала и современность. М., 1970; Healy D. U.S. Expansionism: The Imperialist Urge in the 1890s. Madison, 1970; Boulding K., Economic Imperialism / Ed. by Boulding K. E. & Mukerjee T. Michigan, 1972; Studies in the Theory of Imperialism. London, 1972; Sau R. Unequal exchange, Imperialism and Unterdevelopment: Essays on Political Economy of World capitalism. Oxford, 1978; Feuer L. S. Imperialism and the Anti-Imperialistic Mind. New York, 1989; Lundestad G. The American "Empire" and Other Studies of U.S. Foreign Policy in a Comparative Prospect. New York, 1990; Hollander P. Anti-Americanism: Critiques at Home and Abroad, 1965–1990. New York, 1992; Basevich A. American Empire: The Realities and Consequences of US Diplomacy. Harvard, 2002; Уткин А. Американская империя. М., 2003; Rigstad M. The "Bush Doctrine" as a Hegemonic Discourse Strategy // Critical Review of International Social and Political Philosophy. 2009. Vol. 12, No. 3; Callinicos A. Imperialism and Global Political Economy. New York, 2009; Walberg E. Postmodern Imperialism: Geopolitics and the Great Games. Atlanta, 2011; Petras J. The Arab revolt and the Imperialist counterattack. Atlanta, 2012.

ИМПЕРИИ КАК OVERSEAS EMPIRES

Империи Нового времени разделяются исследователями на «морские» и «континентальные». К числу ярко выраженных «морских» империй традиционно относят португальскую, испанскую, британскую, французскую и голландскую. Именно для указанных имперских наций освоение морских пространств было необходимой предпосылкой создания устойчивого господства над зависимыми территориями. В разные годы попытки обзавестись собственными заморскими владениями предпринимались также Швецией, Данией, Бельгией, Германией, Италией и Японией, но их имперский опыт по разным причинам был непродолжителен.

Море покрывает две трети земной поверхности, поэтому морские коммуникации между крупнейшими зонами расселения людей часто становились одной из господствующих сил в истории. Поэтому контроль над морем и материковыми водными путями составлял одну из ключевых целей политики и стратегии государств Нового времени. География во многом детерминировала развитие той или иной нации, заставляя ее делать выбор между поддержанием огромной армии ради обороны и экспансии сухопутных границ и большим флотом для поддержания контроля над обширными водными пространствами.

По многим своим параметрам «морские» империи могут быть увязаны с таким понятием геополитики, как «талассократия». Под *тассалократией* понимается тип цивилизации или государства, вся экономическая, политическая и культурная жизнь которых вследствие нехватки земельных ресурсов или особенностей географического положения сосредотачивается на деятельности, так или иначе связанной с морем, морским судоходством и контролем над морскими пространствами и прибрежными регионами.

Талассократия выступала иногда также в качестве первого этапа на пути становления империи. Особенно ярким примером этой эволюции являются Британская и Португальская империи. Главным отличием талассократии от империи является то, что она, как правило, не контролирует значительных земельных пространств с удалением от моря вглубь континента. Талассократия в основном строится на линейных цепочках прибрежных городов-портов, контроль над которыми осуществлют выходцы из метрополии. Антиподом, а в некоторых случаях результатом талласократии является *теллурократия*, т.е. контроль над обширными континентальными пространствами, составляющими ядро государства.

Типичным примерами талассократии в Европе позднего Средневековья являлись Венеция и Генуя, тогда независимые города-государства. Венеция, расположенная на островах в лагуне Адриатического море, и Генуя, зажатая со всех сторон отрогами Лигуриского хребта, не располагали сколь-нибудь значительными земельными ресурсами и их мужское население в своём большинстве вынуждено было заняться рыболовством, а позднее мореходством. Формирование сильной политической власти в указанных итальянских городах позволило им создать сильный флот, а зарождающиеся капиталистические отношения способствовали развитию полномасштабной торговли со странами востока.

Рост могущества Османской империи, возросшая исламизация региона и постепенная аннексия турками континентальных земель привела к упадку венецианской и генуэзской торговли. Падение Константинополя в 1453 г. заставило Португалию и Испанию начать морские исследования вокруг побережья Африки с целью найти пути в Индию и Китай. На начальном этапе этих исследований Иберийские государства захватывают многие мелкие архипелаги (Азорские острова, Канарские острова, о. Мадейра, острова Зелёного мыса) и прибрежные различные крепости в странах Магриба (Сеута, Мелилья, Танжер, Ифни, Оран, Аннаба, Тунис) и сами превращаются в атлантические талассократии. Португальская Индонезия, а затем и Голландская Ост-Индия на начальных этапах своего существования носили талассократический характер, опираясь на крепости (например, Макассар и Окуси-Амбену) и небольшие острова (Флорес, Тимор) для контроля над морскими торговыми путями, связывающими континенты.

В период между 1500 и 1900 гг. взаимоотношения на море между великими державами географически во многом задавались т.н. «европейской воронкой»: узкими проливами Па-де-Кале и Ла-Манш, отделявшими страны Северного моря от Франции, Испании и Португалии. На протяжении почти всей этой эпохи морские перевозки оставались самым быстрым и дешевым средством товарооборота. В сложившейся тогда европейской системе торговли географическое положение

отводило Англии одну из ключевых позиций. Сюда замыкались основные торговые потоки через моря на периферии: Балтийское на севере, Средиземноморское на юге и Карибское на западе. Черное море, Южная Атлантика, Индийский и Тихий океаны относились к второстепенным театрам.

В целом, способность нации создать крупный торговый флот, заморские колонии и сильный военный флот для защиты первых двух в немалой степени определялась географическим фактором. Определяющим здесь становилась некоторая обособленность, отсутствие обширных сухопутных границ, которые приходилось бы защищать – все это позволяло минимизировать размеры «внутренних вооруженных сил», высвобождало силы для заморской экспансии. Природа также должна была обеспечить потенциальные «»морские империи достаточным чистом удобных естественных гаваней, защищенных от ветров и штормов, но при этом достаточно крупных, чтобы вместить целые флотилии. Господствующие ветра также во многом определяли геополитическое значение тех или иных регионов Земли.

Как полагает Кларк Рейнольдс, подлинного звания «имперских держав» заслуживали те нации, основой национальной политики и экономики которых была «морская деятельность»: морская торговля, заморские владения или протектораты и активные военно-морские силы. «Морские» империи обычно были чувствительны к внешнему давлению в отношении поставок продуктов питания, сырья и источников энергии и стремились обезопасить от внешних посягательств собственную внешнюю торговлю. Национальные интересы «морских» империй обычно диктовались либо политикой монопольного контроля, либо свободы морей – в зависимости от того, что лучше отвечало их экономическому развитию. Так, Испания и Португалия стремились «закрыть» значительную часть подконтрольным им пространств от иностранной торговли в качестве протекционистской меры защиты интересов собственных отсталых экономик. Великобритания и США, наоборот, опираясь на промышленное лидерство, на протяжении длительных периодов своей истории были приверженцами доктрины «открытых дверей».

Господство на морях великой морской державы во имя экономической и, тем самым, политической стабильности имело своим следствием продолжительные периоды «видимого мира». Pax-Romana, Britannica и Americana в действительности были морским миром, когда господство на море становилось значимой сдерживающей силой для всех потенциальных противников. Впрочем, подобный «мир» всегда обеспечивался за счет хрупкого баланса сил и противостояния, ибо подлинный мир был возможен исключительно в «политическом вакууме», которого в действительности не существует. Во имя определенного баланса сил великих держав велось немало войн и «полицейских акций».

Эффективный контроль и лояльность заморских владений определялись в первую очередь наличием у метрополии мощного флота. Корабли же всегда были крайне дорогостоящим удовольствием – начиная с их строительства, снаряжения и обеспечения людскими и прочими ресурсами и заканчивая своевременной заменой на новые. Флот сам по себе является надежным индикатором достижения цивилизацией высокого уровня технологического развития.

Именно поэтому целый ряд исследователей пытается увязать формирование той или иной политической системы в странах Европы с теми возможностями, которые открывал для их общественного и экономического развития доступ к открытому морю. Начиная с Майкла Дойла сложилось целое историографическое направление, представители которого изучали преимущественно «морские» империи и рассматривали их как более «развитые» и «передовые» по сравнению с «континентальными» империями. Однако по мере накопления все новых данных и растущей детализации исследований подобное жесткое противопоставление

империй обеих пространственных категорий представляется все менее очевидным.

Классическими исследованиями морских империй могут быть названы работы Чарльза Боксера о голландской и португальских, Джона Перри об испанской и Джереми Блейка о британской империях. В рамках общего подхода к изучению истории вышеупомянутых империй все они доказывают, что приобретение морской мощи было важнейшей предпосылкой формирования вокруг ограниченного ядра метрополии широкой сети колониальной периферии, отделенной от нее огромными водными пространствами. Океан не только самым непосредственным образом влиял на принципы организации обороны, торговли, перевозок, но и способствовал формированию особенностей восприятия окружающего пространства и складыванию имперской идеологии морских наций. Другими словами, близость к морю оказывала глубокое влияние на практически каждый аспект голландского, испанского, португальского и британского общества, способствовала формированию, как доказывают вышеназванные исследователи, особой имперской культуры.

Современные исследователи «морских» империй не ограничиваются изучением проблем имперской торговли, истории кораблей и судостроения, прогрессом связанных с морем наук и технологий. Они ставят вопрос об особенностях пространства «морской» империи, описываемых не только географическими характеристиками освоенных ею морей и океанов, историей мореходства и особенностями навигации. Ими обращается внимание также на весь тот потенциал, который имеет изучение истории морских и речные портов. Именно порты связывают такую империю воедино, именно через них осуществляется круговорот людей, денег и товаров. Морские империи описываются также через историю рыболовства, морских (прежде всего, китобойного) промыслов, каперства и пиратства, а также все то великое множество людей, чей труд был связан с морем. Словами Маркуса Редикера, история морской империи – это нечто большее, чем история оседлого общества, которое обратило свой взор к морю.

Литераткра:

Abernethy D. The Dynamics of Global Dominance: European Overseas Empires, 1415-1980. New Haven and London, 2001; Black J. The British Seaborne Empire. New Haven, 2004; Boxer Ch. R. The Dutch Seaborne Empire, 1600-1800. Knopf, 1965; Boxer Cha. R. The Portuguese Seaborne Empire, 1415-1825. London, 1969; Doyle M.W. Empires. Ithaca, 1986; Hart J. Comparing Empires: European Colonialism from Portuguese Expansion to the Spanish-American War. N.Y., 2003; Howe S. Empire: A Very Short Introduction. Oxford, 2002; Maritime empires: British imperial maritime trade in the nineteenth century / Ed. by Killingray D., Lincoln M., Rigby N.. Woodbridge, 2004; Parry J.H. The Spanish Seaborne Empire. London, 1966; Quinn F. The French Overseas Empire. Westport, 2000; Reynolds C. G. Command of the Sea: The History and Strategy of Maritime Empires. Morrow, 1974; Scammell G. The First Imperial Age: European Overseas Expansion c. 1400-1715. London, 1989.

ИМПЕРИЯ КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ФЕНОМЕН

Империя как исторический феномен — многочисленные определения империй в упрощенном виде можно обобщить следующим образом: И. — это политическое (государственное) полинациональное образование, в котором существует неравенство *наций* (этносов) и территорий, причем одни (титульная нация, *метрополия*) находятся в привилегированном положении за счет эксплуатации и приниженного положения других (национальные меньшинства, *колонии*). И. — это иерархическая система консолидации суверенитетов,

экономических укладов, этноконфессиональных ареалов и субкультур в рамках единого политического пространства (Д. Ливен). И. существовали в классической форме с древности до новейшего времени (массовый распад европейских империй — Австро-Венгерской, Турецкой, Германской, Российской — произошел в 1917-1918 гг., крах колониальной системы Запада растянулся на первую половину и середину XX в.). В настоящее время государств, которые бы сами себя позиционировали как И., не существует. Ученые спорят о концепции либеральной И. и о том, можно ли считать особой формой имперской политики неоглобализм США.

Политический строй И., как правило, монархический (см. *Император*) или авторитарный (в СССР), в редких случаях тоталитарный (например, *Третий Рейх*). И. обычно представляют собой крупные в территориальном отношении государственные образования со сложной территориально-административной структурой. Как правило, И. активна в своей внешней политике, имеет высокую степень милитаризации. В то же время, история И. — это не только история внешних завоеваний, но и история национально-освободительных движений, антиколониальной борьбы, восстаний против центральной, имперской власти. И. является конечным историческим феноменом — все когда-либо существовавшие И. рано или поздно разрушались и прекращали свое существование.

Ключевым пунктом возникновения И. является момент, когда расширение политии на сопредельную территорию приобретает колониальный характер. Ученые по-разному определяют сущность этого момента. Одни считают главным наличие некоторой изначальной претензии на суверенитет над завоеванными землями (то есть их изначально намеревались оккупировать и в дальнейшем эксплуатировать). Другие акцентируют внимание на уровне развития (завоевание более цивилизованным народом менее цивилизованного, например, «белыми» дикарей, с последующим порабощением и эксплуатацией). Третьи во главу угла ставят экономическую составляющую, начало извлечения из колоний прибыли (а завоевание или иные формы насильственного присоединения рассматриваются отдельно). Четвертые считают важнейшим проявлением И. ее культурное влияние, культуртрегерство, воспетую Р. Киплингом «миссию белого человека».

Отношения и иерархии внутри И. оформляются юридически, через особую систему имперского права, в которой закрепляются компоненты политического строя и права политической власти И., приниженное положение в иерархии остальных народов и территорий, описывается механизм регулирования этих отношений и реализации колониальной практики. Имперское право фиксирует ущемление в правах национальных меньшинств и колоний.

Важнейшим компонентом И. являются целенаправленные имперские колониальные дискурсы и идеологии. В них обосновывалось исключительное положение титульной нации или «высшей расы» (напр., «белого господина») и, соответственно, легитимность приниженности и эксплуатируемости зависимого населения (которое изображалось как примитивное и обязанное «господам»). Правда, большинство таких идеологий разрабатывалось *ex post facto*, а изначальная аннексия была вызвана более прозаическими причинами.

И. является мощным инструментом преобразования мира. И. преобразует ландшафт, строит города и дороги, заводы и фабрики и т.д. И. не только эксплуатирует колонии, но и развивает их, строит экономические объекты, учит и подготавливает специалистов из аборигенов, формируют национальную элиту. Именно через имперские университеты и управленческие структуры местные кадры приобретают необходимую квалификацию. Таким образом, с одной стороны, как архаичная структура, корни которой уходят в древность и средневековье, И. консервативна, тормозит развитие колоний, фиксируя их в эксплуатируемом статусе. С другой, И. может выступать и инструментом модернизации, особенно для

народов, находящихся на существенно более низкой степени развития. И в этом также важная историческая роль И.

Здесь необходимо упомянуть о концепции имперской власти как власти/знания. Колониальное общество немое и слаборазвитое, и колонизаторы способны его полностью перемоделировать и пересоздать. И. прежде всего носитель знания, прогресса. В противовес этим взглядам ученые обращают внимание на насилие, исходящее от И. в адрес покоренных народов, прямые факты геноцида и этнических чисток. Степень прогрессивности и модернизирующей роли И. не стоит преувеличивать: перед нами скорее идеальная модель. Ведь носителем И., представителями И. элиты и лицами, осуществляющими имперскую политику были не сколько прогрессивные капиталистические, либеральные круги, столько консервативная элита феодального времени. И. консервировала развитие самой метрополии, мешала распространению капитализма, сохраняла феодальную иерархию. В своем большинстве И. — домодерные государства.

Сложнее ответить на вопрос об обратном влиянии, о влиянии колоний на метрополию И. Здесь существуют две точки зрения. Одна сводит это влияние сугубо к материальному, ресурсному фактору, отрицая политическое социальное и культурное воздействие. Метрополия развивается сама по себе, по своим правилам и законам, а в колониях черпает ресурсы, не более того. Другая концепция говорит о значительном культурном и социальном влиянии колоний на метрополию (увлечение *ориентализмом* в Британской империи, проблема адаптации элиты, возвращающейся из колоний в метрополию и т.д.). Нужно говорить именно о взаимопроникновении метрополии и колонии в рамках И. (концепция: «Без империи не было бы Британии»).

Отдельной проблемой является вопрос о формировании имперской этносоциальной общности. Формировала ли И. некий общий имперский народ? Можно ли говорить о «глобальной британскости», «советском народе» или об американской нации? Или в рамках И. границы между нациями/этносами непреодолимы, и сама система И. предполагает возведение пропасти, сословных и культурных перегородок между титульной нацией и угнетенными народами (например, в Османской империи)?

При этом стоит заметить, что И., как правило, толерантна в религиозном отношении. Религия является мощным фактором освободительной борьбы, за веру охотно умирают, и поэтому не в интересах империи вручать повстанцам такой козырь, как притеснение религиозных меньшинств. Как правило, в И. имеется главная религия, часто это связано с языком богослужения (ср. политику русификации богослужения в Российской империи при присоединении так называемого Западного края). Но при этом преследование конфессий национальных меньшинств носит либо формальный, поверхностный характер, либо вообще отсутствует.

Вопрос о характере национально-освободительных движений и об отношении к И. населения колоний носит сложный характер. Сущностью колониализма и имперской политики является сотрудничество, прямым насилием можно завоевать, но сложно наладить сколь-либо эффективный механизм функционирования системы «метрополия — колония». Здесь абсолютно необходим коллаборационизм. В свою очередь, национально-освободительное движение далеко не всегда вызвано реакцией на угнетение со стороны И. и стремлением к свободе. Оно, особенно на ранних этапах, было сильно замешано на борьбе и интересах местных кланов, социальной и политической элиты. Некоторые авторы указывают, что с точки зрения прогресса борьба с И. консервирует архаичное состояние обществ, ориентирует на внутреннюю замкнутость и возврат в прошлое. Антиколониальные выступления тесно связаны с ростом национализма, причем

нередко в экстремистских, радикальных, террористических формах. Поэтому И. оказывается предпочтительнее независимости, поскольку обеспечивает развитие, прогресс. Из этих тезисов вытекает концепция «либеральной империи» Н. Фергюсона как исторической реконструкции и как современной программы действий.

Историю человечества можно охарактеризовать как историю И. — очень немногие народы в своей истории избежали участи входить или в метрополию, или в колонию. Практически у любого из них есть имперский опыт. Поэтому И. является сущностным историческим феноменом и важной эпистемологической категорией исторического знания.

Литература:

Eisenstadt S. The Political Sestems of Empires. New York, 1963; Doyle M. Empires. Ithaca, London, 1986; Bernard S. Colonialism and Its Forms of Knowladge. The British in India. Princeton, 1996; Muldoon J. Empire and Order: The Concept of Empire. 800-1800. New York, 1999; Lieven D. Empire: The Russian Empire and Its Rivals. London, 2000; Hardt M., Negri A. Empire. Cambridge, 2000; Pagden A. Peoples and Empires: A Short History of European Migration, Exploration and Conquest, from Greece to the present. London, 2001; Cannadine D. Ornamentalism: How the British Saw their Empire. London, 2001; Empire and Nation-Making in the Age of Lenin and Stalin. Oxford, 2002; Balakrishnan G. Debating Empire. London, 2003; The New Imperial History: Culture, Modernity and Identity. 1660-1836. Cambridge, 2004; Ferguson N. Empire: How Britain Made the Modern World. London, 2004; Elliott J. Empires of the Atlantic World. New Haven & London, 2006.

ИМПЕРИЯ И «МЕСТА ПАМЯТИ»

Империя и «места памяти» — методология концепции «мест памяти», разработанная французскими историками во главе с П. Нора и получившая распространение в современной историографии, стала важным инструментарием для изучения национальной идентичности. Определенный интерес она представляет и для изучения имперской проблематики, в частности — имперских и антиимперских дискурсов, имперской идеологии и политических практик.

Имперская идеология в значительной степени блокирует память как таковую. При имперском режиме актуальна *идеология-память*, которая размечает, что в прошлом достойно упоминания и даже восхваления, что служит ориентиром, а что является ступенькой в будущее. Для нее характерны официальные памятники, мемориалы, церемониалы, которые крайне недолговечны и быстро аннигилируются не только со сменой, но даже с эволюцией режима. Таким образом, память при империи конструируема, причем вне зависимости от степени жесткости режима. Собственно, от настойчивости центральной власти зависит только то, насколько идеология-память внедряется в общество, а насколько сохраняет сугубо официозный характер, малопопулярный и маловоспринимаемый населением. Другое дело, что сконструированное сверху «место памяти», как правило, таковым не является и долго не живет.

Как пример можно привести попытку Петра I учредить свое «место памяти» в новой столице — Петербурге. После победы в Северной войне Св. Александр Невский был объявлен покровителем Санкт-Петербурга и всей Российской империи. В 1723–1724 гг. его мощи доставлены из Владимира в невскую столицу, а дата праздника в честь Святого перенесена с 23 ноября на 30 августа — именно в этот день был в 1721 г. подписан Ништадтский мир со Швецией.

Осматривая окрестности строящейся Северной столицы в 1710 г., Петр I назвал площадку в конце «Невской першпективы» «Виктори» и объявил ее местом, где Александр Невский в 1240 г. разгромил шведский отряд ярла Биргера. В действительности сражение произошло почти в двух десятках километрах юго-восточнее, возле устья р. Ижоры. Однако для Петра было принципиально важно, чтобы легендарный победитель шведов и один из главных русских святых одержал победу в точке, где заканчивалась главная улица новой русской столицы. Поэтому царь велел основать тут монастырь во имя Пресвятой Троицы и Св. Александра Невского. Согласно поверьям, «Александров храм» был построен на том самом месте, где перед битвой воин Пелгусий видел во сне Святых Бориса и Глеба, которые сообщили, что спешат на помощь «своему сроднику» — новгородскому князю. Но все эти идеологические конструкции не прижились. Для петербуржцев Александро-Невская лавра — прежде всего некрополь, но ни в коем случае не «место памяти» Невской битвы. Причем «искусственная память» петровских идеологов аннигилировалась очень быстро, уже в XVIII в.

Впрочем, подобные стихийные деконструкции официальных мест памяти имперскую власть смущают мало. Данная «контрпамять» (термин Я. Зарубавели), несомненно, «…память оппозиционная, враждебная господствующей коллективной памяти, обладающая подрывным потенциалом». Но, пока разрыв между памятью официальной и контрпамятью неопасен, империя не особенно настаивает на всеобщей присяге на верность идеалам идеологии-памяти. Ей проще не обострять, не навязывать людям (особенно ущемленным в правах представителям национальных меньшинств или социальных групп) ценности, которые для них заведомо ложные и вызовут только отторжение, неприятие, а там, не дай Бог, и сопротивление. Но если в имперской провинции неспокойно, тогда первым инструментом подавления антиимперских настроений выступает идеология-память.

Стоит заметить, что блокирование официозом исторической памяти, или, что точнее, ее конструирование и направление в определенное русло до поры до времени завуалируют, но вовсе не аннигилируют собственно коллективную память общества как таковую. Прежде всего это проявляется в краеведении, сохранении региональных и национальных историй (иной раз полулегальных), поскольку, по словам Я. Зарубавель, «Сохранение памяти о возникновении общества обосновывает его притязания на независимость — часто путем демонстрации его глубоких корней, теряющихся во мраке веков». Именно здесь подспудно сохраняется некая идеологическая оппозиция центральной, имперской власти (недаром в СССР в конце 1920-х – 1930-х гг. так преследовали краеведов). Но это и тот клапан, через который обществу дозволяется выпускать пар и на который унификационная имперская политика нередко смотрела сквозь пальцы.

Идеология-память является важным инструментом имперской политики в концепциях «империи-садовода», империи как креативного организма. Власть обращается с подданными, как рачительный садовод со своим садом: пересаживает / переселяет народы, кого-то «удобряет», кого-то выпалывает как «сорняк», определяет облик «сада» путем «культивации» народов, социальных групп и т.д.. Идеология-память здесь выступает как санационный механизм, легитимизирующий действия «садовода».

У имперской идеологии-памяти есть еще одна важная черта: она, как правило, достаточно шаблонна. Поскольку задачи, стоящие перед империями, на одинаковой стадии развития в большинстве случаев универсальны, то и пропагандируемые идеологические схемы тоже стандартны. Их наполнение в случае каждой отдельно взятой империи индивидуально, но сами схемы решения политических и идеологических задач имеют много общего. Подражательность уходит корнями в эпоху Великого Рима, эталонной империи для всех государств и

народов.

В качестве примеров можно привести обязательные военные триумфы и парады, культ «отца нации», строительство военно-политических мемориалов, имперское картографирование, имперскую этнографию, создание имперской историографии, организацию музея и т.д. В рамках этих структур «места памяти» востребованы и сами по себе порой играют даже системообразующую роль. Например, они маркируют границы империи и этапы ее становления, расширения, освоения новых пространств (географических и исторических), пространственную и ментальную структуру империи.

Перед имперской элитой при выборе модели империи встает проблема совпадения или несовпадения доминирующей нации и правящей элиты (как было, к примеру, в СССР, когда вот главе империи была отнюдь не русская нация, а полинациональная КПСС). Легитимизация существующей практики невозможна без соответствующего идеологического оформления, и здесь, опять-таки, возникает нужда в идеологии-памяти и ее конструирующем потенциале.

Особое значение «места памяти» обретают при распаде империй, потому что происходит (если слегка перефразировать выражение Пьера Нора) метаморфоза имперской истории в имперскую память. Причем по двум линиям. Для апологетов былой империи нужны символы былого величия, для освободившихся окраин — изобретенная память об имперской тирании и борьбе с ней. Но причины здесь не только дискурсивные — с гибелью империи резко слабеет память социальных групп в силу их трансформаций и миксирования, процессов внутренней деколонизации всего, что раньше не имело памяти или чья память была под запретом (национальные меньшинства, общества, партии и т.д.). А, это, как пишет П. Нора, является одним из необходимых условий возникновения комплекса «мест памяти»: «Многочисленные места памяти существуют потому, что больше нет памяти социальных групп».

Действительно, в результате крушения империй исчезают социальные группы — носители имперской идеологии-памяти: имперские аристократия, бюрократия и интеллектуальная элита. Зато и ностальгирующие по империи лица (которые могут принадлежать к самым различным социумам), и выстраивающие свои исторические дискурсы бывшие национальные окраины и меньшинства нуждаются в символическом воплощении своих идеологических и социокультурных устремлений.

И тут начинается моделирование и реконструкция «мест памяти», как имеющих исторические основания, так и в значительной степени мифологизированных. Природа этих сконструированных «мест памяти» в значительной степени обманчива, как и любых трансформаций культуры переходного периода. Но для деконструкции имперской идеологии (или того, что новые демократии считают такой реконструкцией) они играют исключительно важную роль.

По классификации М. Хроха, данные процессы конструкции и деконструкции характерны как раз для фазы *C* национальных движений, когда массам нужна символическая опора национального самосознания (фаза *A* — «научная», когда этничность конструируется кучкой ученых и интеллектуалов, фаза *B* — «национальной агитации», фаза *C* — «массового национального движения»). Здесь практически у всех наций, по выражению Э. Зарубавель, возникают «ментальные лакуны» в сознании — порожденные идеями «коренного отличия», «великого разрыва», столь культивируемые народами, освободившимися от имперской зависимости. Необходимость легитимизировать путь к свободе порождает и потребность «забыть» о неудобных страницах собственной истории, рисующих имперский период не в столь негативном свете, как требуется. Здесь

уместно вспомнить об обоснованных Я. Зарубавель понятиях «коммеративной плотности» («…одни периоды занимают привилегированное положение в общественном сознании, им посвящено множество памятных торжеств и ритуалов») и «коллективной амнезии» (периоды или события, которые затушевываются в коллективной памяти).

Проблема имперского наследия вообще тесно связана с возрожденными национальными идеологиями, опирающимися на национальную память (частично возрожденную, частично — сконструированную). Поскольку империи обычно падают на волне негативных коннотаций в собственный адрес, получается, что «позитивным» наследием империи как раз выступают освобожденные нации, народы, а негативным — их «имперское» прошлое. В этой ситуации «места памяти» выступают инструментом, с помощью которого в сознании общества выстраивается это «позитивное» и «негативное» наследие.

Бывшая контрпамять, таким образом, превращается в память и благодаря востребованности националистическими силами активно вытесняет бывшую имперскую идеологию-память. Но последняя так просто не уступает позиций. Мало того, ее пропагандистская составляющая даже усиливается. Н. Е. Копосов справедливо обратил внимание на современную ситуацию на постсоветском пространстве, когда, как утверждают некоторые современные политические деятели, «… в эпоху распада традиционных политических идеологий политика памяти становится единственно возможной формой политики».

Актуализация исторической памяти в постимперскую эпоху связана еще и с тем, что крушение империи, как правило, связано с подъемом социальных сил, с «революцией масс» и т.д. По словам Н. Е. Копосова, «Это была “история снизу”, увиденная с точки зрения “великого немого” исторического процесса — народных масс, которым пытались дать слово левые историки, ощущавшие свою связь… с жертвами исторического процесса… эта гуманистическая установка не только создавала “парадигму сострадания” в восприятии истории, но и стимулировала интерес исследователей к народной культуре со свойственными ей механизмами передачи “контристории” и “контрпамяти”». А это означает, что обращение к памяти связано в том числе с т. н. «демократическим поворотом» в историографии третьей трети XX в., выразившегося в торжестве социальной истории и исторической антропологии.

Литература:

Nora P. (ed.) Les Lieux de mémoire. Paris, 1984–1992. Vol. 1–7; Marquard O. Über die Unvermeidlichkeit der Geisteswissenschaften // Marquard O. Apologie des Zufälligen. Stuttgart, 1986. S. 98–116; Nora P. Between Memory and History: Les Lieux de Mémoire //. Representations. 1989. Vol. 26. Spring. P. 7–25; Гатагова Л. С. Проблема исторической памяти на переломных моментах истории: краеведческое движение 1920-х гг. // Человек и его время. М., 1991. С. 89-96; Zerubavel E. The Fine Line: Making Distinctions in Everyday Life. New York, 1991; Maier C. A Surfeit of Memory? Reflections on History, Melancholy and Denial // History and Memory. 1993. Vol. 5. P. 136-151; Hutton P. Pierre Nora, the archaeology of the French National Memory // History as an Art of Memory. Vermont, 1993. P, 147–154; Wood N. Memory's Remains, Les lieux de mémoire // History and memory. 1994. Vol. 6/1. P. 123–150; Pagden A. Lords of All the World: Ideologies of Empire in Spain, Britain and France, 1500-с. – 1800. New Haven & London, 1995; Realms of Memory. Columbia University Press, 1996–1998. Vol. 1–3; Нора П., Озуф М., Пюимеж Ж., Винок М. Франция — память. СПб., 1999; Хрох М. Ориентация в типологии // Ab imperio. 2000. № 2. С. 9-24; Суни Р. Империя как она есть: имперская Россия, «национальное» самосознание и теория империи // Ab imperio. 2001. № 1-2. С. 9-72; Заочный круглый стол: Размышления о памяти,

империи и нации // Ab imperio. 2004. № 1. С. 29-109; Зерубавель Я. Динамика коллективной памяти // Ab imperio. 2004. № 3. С. 71-90; Требст Ш. «Какой такой ковер?» Культура памяти в посткоммунистических обществах Восточной Европы: поптыка общего описания и категоризации // Ab imperio. 2004. № 4. С. 41-78; Хоппе Б. Борьба против вражеского прошлого: Кенигсберг / Калининград как место памяти в послевоенном СССР // Ab imperio. 2004. № 2. С. 237-268; Хальбвакс М. Социальные рамки памяти / Пер. с фр. и вступ. статья С. Н. Зенкина. М., 2007; Сафроновас Ф. О тенденциях политики воспоминания в современной Литве // Ab imperio. 2009. № 3. С. 424-458; Копосов Н. Мемориальный закон и историческая политика в современной России // Ab imperio. 2010. № 2. С. 249-274.

ИМПЕРИЯ И ГЕНДЕРНАЯ ИСТОРИЯ

Империя и гендерная история — под гендерной историей понимается изучение связи (взаимообусловленности) половой принадлежности индивида и его социальной роли, жизненных стратегий, социальной судьбы в исторической ретроспективе. Как научное направление гендерная история получила развитие в 1980-х гг., основополагающей работой здесь считается программная статья Дж. Скотт «Гендер: полезная категория исторического анализа» (1986). Гендерная история во многом выросла из так называемой «истории женщин» 1960–70-х гг. и сегодня исследования на феминную проблематику продолжают значительно преобладать над «историей мужчин». Она изучала соотношение понятий «класс» и «пол», социальная иерархия и иерархия полов, дискурсы гендера, культурные стереотипы гендера, мифология гендера и т.д.

Применительно к империи и имперской истории гендерный фактор малоизучен. И. Н. Тартаковская отмечает, что «Как справедливо указывает Р. Конелл, империализм изначально представлял собой гендерный процесс. На самой первой своей стадии колониальные завоевания и заселение завоеванных территорий осуществлялось гендерно сегрегированными силами и приводило к значительному разрушению местных гендерных порядков. Завоевание колоний в основном осуществлялось определенными группами мужчин – солдатами, моряками, торговцами, администраторами (многие из них проходили все эти позиции по очереди). Эти мужчины происходили из наиболее гендерно сегрегированных сфер жизни метрополии. Процесс завоевания сформировал специфический тип “фронтирной” маскулинности, совмещавший в себе черты профессиональной культуры вышеупомянутых групп с экстраординарным уровнем насилия и эгоцентрического индивидуализма. Политическая история империй полна свидетельств потери государственного контроля за событиями, происходящими на переднем крае завоеваний (“фронтирной черте”): испанские монархи были неспособны управлять конквистадорами, губернаторы Сиднея — останавливать сквоттеров, а правители Кейптауна — удерживать в повиновении буров. Это отсутствие государственного контроля способствовало размыванию всех прочих форм социального контроля, в частности, традиционного контроля над мужской сексуальностью. Завоевания сопровождались интенсивной сексуальной эксплуатацией туземных женщин».

На второй стадии, стадии классической колониальной империи, «…возникало новое разделение труда по полу, связанное с характерной для колониальных стран “плантационной экономикой” и развитием колониальных городов. Гендерные идеологии были тесно связаны с расовыми иерархиями и культурной зависимостью от империи». Белые женщины в колониях обладали более высоким статусом и являлись носителями более свободолюбивой морали, чем в

метрополии. Это было связано с тем, что их обычную работу по дому здесь выполняла прислуга, набранная из местной дешевой рабочей силы. Имперская ситуация влияла и на гендерные стереотипы в метрополиях. Так, движение бойскаутов «…построило свою программу воспитания мальчиков на идеологии и ритуалах “разведчиков”, создателей колониальной империи».

Можно выделить колониальные гендерные стереотипы, лежащие в основном в области сексуальных практик. Это миф о чрезвычайной сексуальной уступчивости аборигенок иностранцам, приехавшим из империи. Их можно брать в наложницы, и местное общество одобрит это, но их, как правило, нельзя увозить за пределы территории колонии. Л. Вульф в своей знаменитой книге «Изобретая Восточную Европу: Карта цивилизации в сознании эпохи Просвещения» приводит рассказы европейских путешественников в Польшу, Россию и другие страны Восточной Европы в XVIII – XIX вв. об их сексуальных похождениях в этих странах. Он квалифицирует данные рассказы как коллониальный стереотип: дискурс обладания, покорения, подчинения, обучения более развитыми цивилизациями (в лице их представителей-путешественников) менее развитых — так же, как в морали нового времени мужчина покорял, подчинял, обучал женщину.

Исторически такие гендерные стереотипы опирались на практику — в самом деле, колонизатором в подавляющем большинстве случаев выступал мужчина, как завоеватель, первопроходец, путешественник, торговец, миссионер, носитель экономического и политического прогресса, наконец, именно мужчины всегда выступали инструментом ассимиляции покоренных народов, а женщины — хранительницами их генофонда. Маскулинность характерна для идеологии и пропаганды империи — новые земли покоряет конквистадор, а отнюдь не женщина.

Другим схожим стереотипом колониальной эпохи была мифология половой распущенности туземцев (в противовес высокоморальности колонизаторов). Христианская моногамная семья с ее четкой иерархией отношений между членами семьи виделась колонизаторами образцом добродетели и совершенства. В противовес ей любые иные варианты, принятые у других народов, считались признаком аморальности и недоразвитости (матриархат — «богопротивное» доминирование женщины над мужчиной, многоженство, гаремы и т.д.). Недоразвитые народы нуждались в цивилизаторской миссии, и этим (в том числе) оправдывались колониальные практики.

В то же время, для легитимации колониализма надо было демонстрировать толерантность к покоренным народам. Демонстративное уважение и невмешательство в гендерные обычаи здесь было благодатным полем, поскольку не требовало от колонизаторов никаких усилий, а давало большой пропагандистский эффект: смотрите, какие туземцы дикие и морально разложенные, но мы уважаем их обычаи. Поэтому иной раз доходило до абсурда: так, только в 1829 г.(!) англичане отменили в своих индийских колониях обычай сатпи (самосожжение вдовы на погребальном костре вместе с телом мужа). До этого цивилизованная Великобритания смотрела на такие самосожжения сквозь пальцы.

Таким образом, сфера гендера в имперско-колониальном контексте относится к области социального неравенства, и гендерные исследования в значительной степени должны выявить и объяснить причины и следствия этого неравенства. И. Н. Тартаковская отмечает: «С точки зрения гендерных исследований, наиболее важным последствием глобализационных процессов является их сложное и неоднозначное влияние на неравенство между различными людьми и социальными группами. Гендерное неравенство является лишь одним из видов глобального неравенства, и его роль может быть адекватно представлена только в общем контексте». Для темы «Империя и гендерная история» наиболее актуально «биологическое, или витальное неравенство, [которое] в первую очередь,

выражается в разной продолжительности жизни и разном здоровье, но может также относиться к другим жизненно важным внешним обстоятельствам и к их распределению» (Й. Терборн). Представители имперских наций, как правило, считали себя более биологически высокоразвитыми, чем покоряемые народы (ср. отношение к африканскому или азиатскому населению, аборигенам Южной и Северной Америки). Отсюда уверенность в собственном праве на порабощение, расизм и т.д.;

В современных национальных государствах область гендера является сферой, часто относимой к национально-культурной автономии. Иными словами, формально все граждане государства вне зависимости от их наицональной принадлежности должны соблюдать единые законы, но именно в отношении гендерных обычаев общество с терпимостью относится к тем или иным проявлениям национальных обычаев, иной раз довольно варварских. Например, по подсчетам французских социологов, в 1980-е гг. во Франции более 20 000 девушек — иммигранток из Северной Африки — могли подвергнуться принятым у них на континенте операциям по уродованию женских генеталий (клитороэктомия и др.). Французское законодательство безусловно запрещает такие операции, но в отношении иммигрантов общество настроено толерантно, мол, такова их сексуальная культура, их не переделаешь. И сколько на самом деле было произведено таких операций в конце XX в. в цивилизованной Франции — никакой статистики нет.

Иммигрантские проблемы в бывших имперских странах порождают проблему конвергенции различных культур отношения к женщине. Напрмиер, в Европе большой резонанс вызвал «спор о хиджабах» — допустимо ли заставлять женщину мусульманку снимать платок, закрывающий ее лицо. Ношение хиджаба — мусульманский обычай, но возможно ли требовать соблюдения этого обычая в обычной французской или германской школе?

Тем самым гендерный аспект тесно связан с трендом сохранения национально-культурных идентичностей в эпоху глобализации. Гендерная сфера выступает одним из способов этого сохранения. Это тем более актуально, потому что в условиях глобализации все чаще раздаются голоса, что она ведет к унисексу. Для человека информационной эпохи, эпохи глобализации, тем более подверженного сильному идеологическому воздействию феминизма, пол и связанная с ним половая культура имеют сниженное значение. На первый план выходят универсальные категории и дискурсы, одинаково востребованные и мужчинами, и женщинами (Интернету все равно, кто перед ним). То есть гендер подвергается такому же разрушению, как и нация, и национальная культура. Какие тенденции здесь одержат верх, покажет только время.

Литература:

Scott J. W. Gender: A Useful Category of Historical Analysis // American Historical Review. 1986. Vol. 91. No. 5; Nicholson L. Gender and History. The Limits of the Social Theory in the Age of the Family. N.Y., 1986; Вульф Л. Изобретая Восточную Европу: Карта цивилизации в сознании эпохи Просвещения. М., 1993; Бок Г. История женщин, история полов // THESIS. 1994. № 6; Connell R. Masculinities. Cambridge, 1995; Пушкарева Н. Л. Гендерный подход в исторических исследованиях // Вопросы истории. 1998. № 6; Репина Л. П. История женщин и гендерные исследования: от социальной к социокультурной истории // Репина Л. П. «Новая историческая наука» и социальная история. М., 1998; Будде Г. Ф. Пол истории // Пол, гендер, культура / Под ред. Э. Шоре и К. Хайдер. М., 1999; Шаберт И. Гендер как категория новой исторической методологи // Пол, гендер, культура М., 1999; Leydesdorff S. Gender and the Categories of Experienced History // Gender & History.

1999. Vol. 11. No 34; Гендерная история: pro et contra. СПб., 2000; Скотт Дж. Гендер: полезная категория исторического анализа // Гендерные исследования. 2000. № 5; Therborn G. Globalization and Inequality: Issues of Conceptualization and of Explanation // Soziale Welt. 2001. Vol. 52. No. 4; Гендер и глобализация: теория и практика международного женского движения / Под общей редакцией Е. Баллаевой. М., 2003; Гендерное равенство в современном мире. Роль национальных механизмов / Отв. ред и сост. О. А. Воронина. М., 2008.

ИМПЕРИЯ И РЕЛИГИЯ

Империя и религия. Религия, как объяснительная метасиситема, может как привлекаться властями для империостроительства, так и служить идеологической основой антиимперской борьбы. В своем большинстве империи стараются не использовать религиозный фактор , потому что он опасен для них в силу имманентной полиэтничности и мультикультурности. Следовательно, империя либо должна последовательно придерживаться политики конфессиональной толерантности, либо прибегать к насильственной христианизации, исламизации и т.д. со всеми вытекающими последствиями, угрозой геноцида национальных меньшинств и нарастания сопротивления и сепаратизма.

Многие империи в истории придерживались именно принципов конфессиональной толерантности и религиозного плюрализма. Одна из основоположников имперской модели, Великая Римская империя, отличалась полной веротерпимостью в отношении языческих культов присоединяемых народов. В ней одно время преследовали ранних христиан (с движением которых в Иудее власти связывали и антиимперские настроения), но после Медиоланского эдикта 313 г. они получили право на исповедание христианского культа.

Наследница Великого Рима, Византийская империя, проводила более активную политику христианизации окраин империи путем поощрения миссионерской деятельности, добивалась крещения варварских народов, противопоставляла «ромеев» — христиан и язычников-варваров. Именно крещение и учреждение в далекой провинции православной митрополии могли выступать инструментом присоединения к империи. Так, в частности, было после Крещения Руси в 988 г., когда русским митрополитам были привоены сенаторские титулы синкелла и протопроэдра и в силу их назначения из Константинополя Русь стала считаться частью Византийской империи, причем далеко не самой важной: в списке имперских народов русы упоминаются наравне с половцами. В этом благодаря Крещению и распространению христианства на новые народы была реализована византийская доктрина *translatio imperio*, длящейся империи. Другое дело, что при этом Русь нетвердо знала, что она — провинция Византийской империи, и безразлично относилась к пренензиям византийского императора, а у него не было реальной политической силы реализовать эти претензии. То есть вхождение в империю произошло исключительно в головах некоторых политиков и интеллектуалов средневековья.

Кочевые империи Востока отличались религиозным плюрализмом вплоть до распространения ислама. Например, таковой до XIV в. была империя, чья история непосредственно связана с Европой — Золотая Орда. Ордынцы не только принципиально не трогали в завоеванных странах и народах священников и чиновников (чтобы было кому оправлять культы и управлять присоединенной провинцией). Они даже исключали священников из налогообложения. Знаменитые переписи населения русских княжеств с целью опеределения размеров дани не затрагивали священнослужителей. В Сарае — столице Орды — была основана

православная епископия, находившаяся под защитой ханской власти. Такая же политика плюрализма проводилась и в отношении других народов и конфессий. Ее истоки лежали в нежелании монголов давать в руки их противникам такой козырь, как сопротивление на религиозной почве, из-за претеснений в области веры. И эта политика себя оправдала, империя Золотая Орда в конечном итоге пала по политическим причинам, но не из-за массового сопротивления покоренных народов под религиозными лозунгами.

В средневековье и раннее новое время, когда в Европе господствовала Священная Римская империя, религиозный фактор в империостроительстве занял существенное место. Священная Римская империя считалась основой «христианского мира» (куда включали еще «правильные» христианские страны — Францию, Британию, Испанию, скандинавские страны, Польшу, Венгрию и т.д., но не включали схизматиков — православных христиан Сербии, Болгарии, Русских земель). Император, благословлявшийся римским папой, мог быть только один, и империя была единственной. Важной составляющей ее политики были крестовые походы, борьба с неверными (мусульманами) в Средиземноморье и с недобитыми язычниками в Прибалтике (деятельность Тевтонского ордена в Леттляндии и Эстляндии, его борьба с Великим княжеством Литовским до 1385 г.). Здесь христианская религия была склепляющей основой единства империи, а власть императора и папы, несмотря на все их конфликты по отдельным вопросам, в сознании современников была близкой.

Ситуация начинает меняться в раннее Новое время, в связи с Великими географическими открытиями, возникновением Нового Света, Реформацией. Колонизация земель Америки, а впоследствии и Африки, вновь со всей неприглядностью обнажила противопоставление «христианин — варвар», «христианин — туземец». Туземцев истребляли как животных, не считая их за людей именно в силу того, что они «нехристи». Хрестоматийной является цифра, что в момент прихода испанцев на Гаити там жило 300 000 человек, а через несколько лет осталось 15 000. Конквистадор и миссионер шли рука об руку.

Священная Римская империя не участвовала в колониальном освоении Нового Света потому, что она в XVI в. раздиралась своими внутренними проблемами, прежде всего религиозными. Появление протестантизма и религиозные войны между католиками и протестантами в XVI-XVII вв. (самой кровопролитной из которых, конечно, была Тридцатилетняя война 1618-1648 гг.) вновь поставили проблему «неправильных христиан». Именно с протестантизмом оказалось связано стремление народов и стран к суверенитету, к выходу из-под власти католической Священной Римской империи. Это не являлось каким-то специфическим свойством протестантизма — он нисколько не мешал в тот же XVII в. строить свою империю Швеции, и в английском варианте — Британии.

Но в зонах столкновений католиков и протестантов так исторически сложилось, что католики выступали за империю, а протестанты — боролись с ней. Речь, конечно, идет прежде всего о монархии Габсбургов, чьи победы над протестантами в Чехии и Венгрии вызвали затем имперскую политику католицизации и онемечивания в этих странах.

Роль католицизма в имперской политике Габсбургов хорошо видна на примере Чехии. После подавления движения гуситов в Чехии на период 1439-1452 не было центральной власти. Реальное управление сосредоточилось в руках краевых властей, лидерами которых были умеренные гуситы — утраквисты. 3 сентября 1448 г. один из местнвых правителей, Йиржи, захватил Прагу и на сейме 1452 г. был избран правителем всей страны, а с 1458 г. — королем. Однако католическая церковь объявила нового короля еретиком. Чешский престол отдали венгерскому королю Матьяшу Корвину, что вызвало чешско-венгерскую войну. В

стране усиливается католическая оппозиция, которая ждет своего часа и после гибели в Мохачской битве (1526) последнего чешского Ягеллона короля Людовика (1516-1526), корона Чехии переходит к католикам Габсбургам. Первый Габсбург на чешском престоле — император Фердинанд — пригласил в Прагу орден иезуитов, основал для них коллегиум св. Климента (1556) и восстановил Пражское католическое архиепископство.

Чехи в начале XVII в. продолжили противостояние с Габсбургами, сочетая религиозное движение и провозглашение социально-политических трубований. В 1609 г. чешские протестанты добились от императора Рудольфа II грамоту о защите своих прав. Фактически в Чехии возникло протестантское «государство в государстве». Попытки императора Рудольфа подавить мятеж к успеху не привели, его объявили низложенным, а на чешский престол были избран король Матвей (1611-1619). Именно соперничество чешских протестантов и католиков спровоцировало Тридцатилетнюю войну. Первые попытались свергнуть навязываемого им короля Фердинанда и призвали себе на царство кальвиниста Фридриха Пфальцского. Вторые добивались ликвидации протестантского сепаратизма и возвращения Чехии в состав империи.

Осенью 1620 г. войска Католической лиги, под командованием Максимилиана Баварского и имперского фельдмаршала Иоганна Церкласа фон Тилли вошли в Чехию. Решительная битва произошла 8 ноября 1620 г.на Белой горе, близ Праги. Чешское войско было разгромлено. Это решило судьбу чешского протестантизма. Начались массовые репрессии, конфискации земель участников восстания. В 1624 г. все храмы в стране были переданы католикам. Протестанты лишались гражданских прав. Им даже запрещали заниматься ремеслами и промыслами. Дошло до того, что некатоликов запрещали хоронить на кладбищах, им запрещали женитьс яи выходить замуж. За несоблюдение католических обрядов были введены большие штрафы. 31 июля 1627 г. вышел указ, по которому католицизм объявлялся единственной законной религией в Чехии.

Земли, конфискованные у протестантов, отдавались католикам, в основном немецкого происхождения. На землях Чехии стремительно растут и ширяться немецкие колонии. Кто из чехов хотел иметь успех в служебной карьере, тот должен был знать немецкий язык. Росло влияние иезуитов (в Чехии была создана даже отдельная провинцияч Ордена Иезуитов), которые повели охоту на рукописи на чешском языке, потому что считали его «небожественным», еретическим.

В Венгрии политика Габсбургов была еще более противоречивой. С одной стороны, именно Габсбурги выступили освободителями венгров от турок. Они воевали с Османской империей за земли Венгрии с 1547 по 1718 г. С другой стороны, это освобождение сопровождалось католической экспансией, резней венгерских протестантов (напр., в 1687 г., печально знаменитая «резня в Пряшеве»). Венгерская знать реагировала на антипротестантские гонения восстаниями (напр., восстание Ференца Ракоци в 1703-1711 гг.), и даже сотрудничеством с турками (в Трансильвании во вт. пол. XVII в.), которые вели на венгерских землях гораздо более веротерпимую политику, чем даже австрийцы. Это дало результат: в XVIII в. в Венгрии были расширены права протестантов. Особенно им покровительствовала императрица Мария-Терезия (1740-1780), которая была благодарна венграм за поддержку, которую они ей оказали в войне за Австрийское наследство (1740-1748 гг.).

В XIX в. подъем национально-освободительного движения против Австро-Венгерской империи на землях Чехии и Венгрии носил в большей степени светский характер и был связан в основном с новыми политическими течениями и идеями, и в гораздо меньшей степени с религией.

Религиозный вопрос в значительной степени оказался причиной краха Речи

Посполитой в XVIII в. и ее аннексии Российской, Австрийской империями и Пруссией. Страны, оказывавшие давление на Речь Посполитую, умело сыграли на проблеме так называемых диссидентов — некатоликов, протестантов и православных, которые в Речи Посполитой были ограничены в политических правах. Они потребовали расширения прав диссидентов и под предлогом их защиты начали вмешательство во внутренние дела Речи Посполитой, что быстро вызвало раскол в обществе и вскоре — знаменитые три раздела Польши (1772, 1793, 1795).

Турецкое завоевание балканских народов (сербов, черногорцев, болгар, греков, румын и др.) сопровождалось религиозным гнетом. Христианам запрещалось строить церкви выше, чем мусульманские мечети, были периоды, когда строительство христианских храмов запрещалось совсем. От турецкого периода остались памятники архитектуры — православные церкви — размещенные в избах и чуть ли не в сараях. Мусульмане проводили политическое и социальное различение «потурченцев» — людей, принявших ислам, и остальных, сохранивших верность вере. Они облагались специальными налогами, им запрещалось носить оружие, занимать военные и административные посты. Православным был закрыт любой карьерный рост. Турки также практиковали прямой произвол и насилие в отношении христианского населения (погромы, безнаказанные грабежи, «налог кровью» — наборы маленьких мальчиков славянских национальностей в янычарские корпуса, а девушек — в гаремы турецкой знати). Все национально-освободительное движение на Балканах с XIV по XIX в. было тесно связано с религиозным фактором, противопоставлением угнетенных христиан и поработителей-мусульман. Лозунгом «защиты христианских братьев» руководствовались и европейские державы, боровшиеся с турками на Балканах и в Восточной Европе (Австрия, Россия, в периоды суверенной политики — Венгрия и Польша).

Отдельно стоит сказать про Российскую империю. Россия как имперское государство изначально, с конца XV в. строилась на принципах религиозной терпимости, особенно в отношении мусульман. Россия никогда не знала религиозных войн. Однако присоединение больших земель со значительным количеством конфессионально иного населения в XVII в. (прежде всего бывших земель Речи Посполитой, совр. Украины и Белоруссии) обострило проблему «власть — верования населения». В частности, основную проблему создавали униаты (сторонники Брестской унии 1596 г.), которые Московским патриархатом расценивались как еретики (хотя они были христианами — их в Московском государстве перекрещивали). А их оказалось немало. Проблему создавало и нехристианское население Поволжья, Приуралья, Сибири.

Сперва власти создают систему поощрений для принимающих христианство (крестьяне могли уйти от неправославного помещика, землевладелец получал землю и т.д.). Но постепенно, по мере накопления «трудных» регионов, особенно на западных окраинах империи, начинает применяться политика руссификации — в том числе в религиозном вопросе. Особенно ярко это проявилось на землях бывшей Речи Посполитой, поскольку правительство видело в католицизме идентичность и опору польского повстанческого движения, и всеми силами старалось отвратить от католицизма крестьянство западных губерний (путем изменения языка богослужения и т.д.).

В империях XX в., равно как и в национально-освободительной борьбе, фактор религии играл меньшую роль, чем фактор идеологии. Он сводился скорее к созданию общего культурного фона, системы ценностей, апелляции к историческому прошлому и т.д.

Литература:

Of Religion and Empire: Missions, Conversion, and Tolerance in Tsarist Russia. New York, 2001; Империя и религия. СПб., 2006; Innis H. Empire and Communications. Toronto, 2007; Carey H. Empires of Religion. Palgrave Macmillan, 2008 (Cambridge imperial and post-colonial studies series); Долбилов М. Д. Русский край, чужая вера: Этноконфессиональная политика империи в Литве и Белоруссии при Александре II. М., 2010; Конфессия, империя, нация. Религия и проблема разнообразия в истории постсоветского пространства. М., 2012.

ИМПЕРИЯ КАК КАТЕГОРИЯ КУЛЬТУРЫ

Увязывая между собой феномен империи и массовую культуру, последняя должна пониматься, прежде всего, как набор практик – описание, коммуникация, репрезентация – относительно автономных от политической и социальной сферы, а также сферы экономики, и существующих в эстетической форме с главной целью развлечь или просветить. Она разом отражает как массовые представления об отдаленных частях мира, так и научные данные современной ей этнографии, филологии, социологии и истории.

Следуя определению, данному А. Я. Гуревичем («Категории средневековой культуры»), под категориями культуры следует понимать набор основополагающих для данной культуры понятий, образующих в совокупности модель реальности, характерную для данной конкретно-исторической эпохи. Содержание категории культуры отражает специфику существующей системы ценностей и задает образцы мировосприятия, социального поведения, а также возможные направления их развития. Исходя из этого, анализ империи как категории культуры должен отвечать на главный вопрос, являлась ли она одной из таких осей координат, в которых формировалось, скажем, самосознание и мировоззрение европейцев в эпоху империализма. Тесно связана с этим и задача выявления тех ключевых понятий, в которых она нашла свое отражение и с которыми вошла в массовое сознание соответствующей эпохи.

Эдвард Саид, раскрывая культурный пласт крупнейших европейских империй индустриальной эпохи, особое внимание уделяет литературному жанру романа. Роман является практически ровесником французского и английского империализма и отражает феномен экспансии западного общества. Не случайно, что прототипом современного реалистического романа является «Робинзон Крузо» - история «обживания» европейцем экзотического «дикого» острова. Завоевание и освоение империей пространства и народов всегда отражалась в «нарративе». Власть навязать определенный «нарратив» или блокировать конкурирующие многое определяет и в культуре, и в империализме и составляет главную взаимосвязь между ними.

Расхожим является и представление о том, что именно через «классические» произведения литературы и искусства раскрывается подлинная сущность того или иного народа, нации, государства. В этом смысле культура является источником идентичности. Постколониальный мир дает массу примеров того, как именно воинствующее обращение к традиции и «классической культуре», иногда проявлявшееся в религиозном или националистическом фундаментализме, рассматривалось прежде зависимыми народами наиболее правильным, в дополнение к обретению политической независимости, путем национального возрождения. В этом смысле империя, понимаемая в категориях культуры, всегда отличалась определенной гибридностью и тенденцией к смешению смыслов.

Для тех же французов и англичан XIX в. империя всегда была одной из

важных, но вместе с тем неявных тем в культуре. Трудно до конца оценить ту роль, что играла Индия и Северная Африка в воображении, экономике, политической и социальной ткани, соответственно, британского и французского общества. Имена Делакруа, Бёрка, Карлейля, Раскина, Джеймса и Джона Стюарта Милля, Киплинга, Бальзака, Флобера или Конрада лишь микроскопическая часть тех, кто коллективно создавал эту широкую картину. Свой вклад в превращение империи в категорию культуры внесли также и все те исследователи, чиновники, путешественники, торговцы, парламентарии, романисты, художники, поэты, авантюристы и даже отбросы общества, что делали колониальную тематику актуальной в сердце метрополии.

По справедливому утверждению Э. Саида, империализм не был лишь просто процессом захватов и накопления. Он всегда основывался и даже дополнительно подстегивался устойчивыми идеологемами, делавшими те или иные территории и народы заслуживающими и даже нуждающимися во внешнем управлении. Словарь классической культуры XIX столетия пополнился концепциями «низших» или «подчиненных рас», «покоренных народов», «зависимости» и «экспансии». Даже если принять точку зрения Дж. Р. Сили о том, что европейские морские империи поначалу формировались чуть ли не «по рассеянности», политика и воображаемый образ осваиваемых земель быстро обрели устойчивость и систематичность. Важнейшим шагом стал переход метрополий к плантационному хозяйству на своих отдаленных периферия́х, превративший колонии, словами Дэвида Ленда, в своего рода «безостановочное производство».

Важнейшей частью имперского сознания и культуры стало представление о необходимости «вдохнуть жизнь», наполнить энергией динамичной метрополии покоренные народы и провинции, пребывающие в вековом застое и упадке. Империя стала восприниматься в этой связи как чуть ли не метафизическое обязательство подчинить благам цивилизации нижестоящие или неразвитые народы. Возникавшее время от времени сопротивление этих народов в этой логике понималась как леность и упрямство нерадивых учеников или же строптивость больных, не желающих терпеть болезненные, но необходимые процедуры строгого врача.

Поддержание имперской власти в отдаленных колониях непропорционально маленькой горсткой колонистов в море коренных народов, по мнению Э. Саида, нельзя объяснить иначе как несгибаемой волей и уверенностью в своей правоте, даже заносчивостью европейцев, как проявления этого самого убеждения в свое «миссии». Власть Великобритании над 300 миллионным населением Индии поддерживалась лишь 4 тыс. английских чиновников, 60 тыс. солдат и 90 тыс. гражданских лиц (священников, предпринимателей и т.д.). Как писал Э. Саид: «Все предприятие под названием империя покоилось на идее обладания империей <…> и всем том в [европейской] культуре, что подготовило эту идею». Затем, когда империализм обрел свою цельность как практика господства над зависимыми народами, накопленный опыт подхода «правитель-управляемый» неминуемо вновь отпечатался в культуре. Жизнестойкость этой системы обеспечивалось до тех пор, пока взаимно поддерживалось ощущение культурно-исторической общности ее правителей и их далеких подданных с опорой на укоренившиеся традиции, восприятие истории, эмоции и перспективы. Именно на это указывал также Д. К. Филдхаус: «Основой имперской власти являются ментальные установки колониста. Империю делало прочной либо его верность метрополии через идею взаимной выгоды, либо неспособность выработать какую-либо иную альтернативу сложившейся системе.

Э. Саид ставил в центр своих исследований именно процессы развития империализма, которые разворачивались за рамками экономических законов и

политических решений. Через систему образования, литературу, изобразительное искусство и музыку эти процессы также проявлялись и закреплялись на еще одном значимом уровне – на уровне национальной культуры. Он цитировал слова Уильяма Блейка, называвшего искусство и науку «фундаментом империи». Блейк подчеркивал: «Уберите или умалите их, и Империи больше нет. Империя следует за искусством, а не наоборот, как полагают англичане».

В романах викторианской и эдвардианской эпохи абстрактные образы могущества метрополии и британского превосходства находили свое выражение в конкретных символах силы и власти: например, в образе шпаги, пушки или собирательных метафор вроде «Большой белой руки». Даже если это не указывалось открытым текстом, их значение подчеркивалось тем, как заострялось на них внимание героев. Между героем и предметом устанавливалась особая связь, подчеркивалась особенная значимость того, кто овладевал этими предметами. Таким примером может рассматриваться Гарри Вилам – герой романа «Обломок кораблекрушения» о Сипайском восстании Генри Сетон-Мерримана. Впервые приехав в Лондон, внимание юного Гарри акцентируется именно том, что отождествляло военное и торговое могущество Империи: на портрете герцога Веллингтона, на величественном здании Ост-Индской компании на Лиденхолл-стрит, на здании Казначейства. Он мечтает стать однажды офицером британской армии и заслужить свою шпагу, в которой для него и сосредотачивается Империя. Достигнув своей цели, он разом приобретает новую идентичность и атрибут, подчеркивающий его мужественность.

В Великобритании империя как категория культуры особенно активно утверждается на закате викторианской эпохи – на рубеже XIX и XX вв., – когда распространившийся страх перед упадком империи и англосаксонской расы в целом порождал особенно воинственные образы в ее литературе. Не менее трети всех романов о «Великом мятеже» 1857 г. было создано именно в период «нового империализма». События полувековой давности прочно вошли в имперскую мифологию как часть славной и героической эпохи, когда ее внешние границы еще необходимо было отстаивать, страна и армия находилась в надежных руках, а сама нация была закалена и полна созидательной энергии. Сами слова «империя» и «имперский» оказались прочно укоренены с понятием «превосходство». В романной прозе и поэзии они также облекались в звучные метафоры, в которых британцы представали «Богом Отмщения», «Голиафом», «Повелителями», «Расой господ».

Изображение Сипайского восстания в художественной литературе носило также печать парадокса. Задача обоснования превосходства цивилизации, прочности британского колониального правления и преимуществ имперского управления решалась не через принижение и локализацию данного исторического события, а наоборот, через наделение его масштабами природного катаклизма, представившего тем больше возможностей для проявления британского героизма. На страницах романов гнетущая атмосфера приближающегося социального взрыва передавалась в образах резкой перемены погоды, надвигающихся штормов и прочих явлений природы.

Следующим шагом стало превращение Восстания в событие прежде всего британской истории, необходимым испытанием, через которое должна была пройти метрополия. Именно так одна из статей «Edinburgh Magazine» в феврале 1897 г. утверждала, что в народном представлении в усмирителях Сипайского восстания «было что-то титаническое, что-то, что заставляло вспомнить о более славных стародавних временах». Чем дальше отдалялось в памяти живших тогда Сипайское восстание, тем больше – с подачи тогдашних литераторов – ретроспективно героизировались и романтизировались его события в общественном сознании. И

сочинения Редьярда Киплинга, считающегося одним из главных идеологов литературного империализма, в этом плане отличались куда более глубоким пониманием имперских реалий, нежели многих его современников и собратьев по перу, например Уильяма Хенли и Джорджа Генти.

Точно так же перенесение рассмотрения имперской истории и ее сущности в пространство академической науки с выходом работ Дж. Р. Сили и Ч. Дилкса утверждало мысль о том, что Индия как таковая сама была британским творением. Как писал Сили, «Индия не имела подозрительности к иностранцам, поскольку не имела чувства какой-либо национальной общности, поскольку самой Индии не существовало и, строго говоря, не существовало и иностранцев. Индия начала свое существование в истории только тогда, когда на ее землю впервые ступила нога английского солдата». Местное же население описывалось как аморфная апатичная масса или почти дети, нуждавшиеся в организации и контроле. Восстание 1857 г. придало «туземным» героям викторианской литературы и качества неблагодарной непокорности и упрямой враждебности, скрывающейся под видом безразличия.

Однако исследователи расходятся в том, можно ли представлять империю одной из ключевых категорий тогдашней европейской культуры. Безусловно, последняя неизменно присутствовала в культурном пространстве Великобритании викторианской эпохи. Почти в каждом романе попадались какие-либо упоминания о колониях, торговле колониальными товарами, эмигрантах и туземных народах. Но нельзя при этом упускать из виду, что эти упоминания почти неизменно тонули в многосотстраничных текстах, они лишь составляли фон повествования. По оценке Бернарда Портера, вплоть до 1880-х гг. в Британии не появилось ни одного сколь-нибудь значимого художественного произведения или произведения искусства, где империя играла бы роль главного компонента. Впрочем, это касалось не только тех произведений, которые по тем или иным причинам были удостоены звания «классики» рассматриваемой эпохи, но и наиболее популярных творений, большинство из которых в наши дни почти не известны. Империализм был прежде всего полем деятельности, а не размышления. Но констатации этого факта, разумеется, еще недостаточно, чтобы исключить присутствии империи в массовом сознании и культуре.

Для Патрика Брантлингера подобное долгое «молчание» британского искусства об империи было лишним доказательством того, что она была растворена в самом викторианском обществе как нечто само собой разумеющееся и потому не требующее дополнительной констатации. По его мнению, «то, что современники ранней и зрелой викторианской эпохи не называли сами себя империалистами <…> всего лишь предполагает, что они не осознавали или не беспокоились по поводу доминирования [Британской империи] в мире. Они быть империалистами без приверженности какой-либо формальной доктрине, и тем глубже были заложены принципы экспансии и гегемонии в стране и за ее пределами». Верность этой точки зрения, разумеется, крайне сложно доказать на практике конкретных исторических примеров, хотя она и имеет право на существование.

Другой подход отличает труды Эдвада Саида. Согласно его концепции, подобное «умолчание» могло быть сознательным принижением, которым отличалось восприятие «Востока» Западом. «Маргинализуя» имперские сюжеты в своей культуре метрополия могла тем прочнее утверждать свою власть над подвластной ей периферией, придавать той лишь второстепенную и подчиненную роль фона. По мнению Эдварда Саида, само понятие «Восток» было чисто европейским изобретением. Запад продуцировал образ «Востока», который, однако, не был лишь живописными картинками отжившего прошлого. В равной мере «Запад» никогда не стремился по-настоящему узнать и понять «Восток». Создаваемый образ был частью той имперской риторики, целью которой было

контролировать «Восток». «Запад» самоутверждался и самоопределялся через сознательно создаваемый образ «чужого», одновременно загадочного и погруженного в вековую отсталость. Для нескольких поколений британцев Индия стала окутанным определенной романтикой и духом приключений местом, которое сулило исполнение желаний, обещало быстрое обогащение и продвижение по социальной лестнице.

Э. Саид, несомненно, прав в том, что в случае с изучением культуры исторические свидетельства очень редко говорят сами за себя, они нуждаются в интерпретации. Большинство исследователей этой области исходят из того, что раз Великобритания превратилась в течение XIX в. в крупнейшую мировую империю, то это должно означать, что ее культура этого периода должна отражать ярко выраженный имперский дискурс. Отсюда попытки «взломать код» имперской культуры, определить те ключевые слова и понятия, в которых она раскрывается в общем потоке текстов, нот и картин.

По мнению Мартина Грина, империя должна быть тесно связана с концептом «приключения». Там, где превозносится дух приключений, всегда где-то рядом империя. Другим таким кодовым словом могут быть «драгоценности», которые, правда, даже Шекспира делают «имперским писателем». Большинство же поддержало идею Джона Маккензи о существовании «идеологического кластера» концептов, тесно связанных с теорией и практикой британского империализма в пору его расцвета: милитаризм, монархизм, культ героя, культ индивидуальности и научно обоснованный расизм. Сам Маккензи, правда, не доказывал того, что по одному из этих родовых признаков может быть выявлено «присутствие» империи. Впоследствии к его списку последователями были добавлены также концепты маскулинизма и рыцарства.

Слабой стороной этой концепции, безусловно, было то, что предложенный «кластер» был явно неполон и не описывал все проявления империи как категории культуры. Кроме того, взятые в отдельности, монархизм или милитаризм не всегда выражал приверженность идее экспансии британского влияния в мире. Еще сложнее ситуация становится, если пытаться выйти за рамки понимания империализма как физического контроля и завоевания и включить сюда стремление подчинять себе мир «концептуально»: через путешествия и исследования, картографию и изучение неевропейских культур и т.д.

Как полагает Б. Портер, большинство историков, «взламывавших имперский код» и находивших соответствующий подтекст в крупнейших произведениях эпохи, основывались на слишком ничтожных крупицах имперского контекста. Нужна немалая изобретательность, чтобы увидеть в жестокости Берты в «Джейн Эйр» подавленный страх ямайских плантаторов перед угрозой восстания негров-рабов или же трактовать отрицательные качества Лиззи в «Бриллиантах Юстаса» (1873) Энтони Троллопа как метафору колониализма. Сюда же относится и попытка доказать, что Вальтер Скотт, живописуя картины Шотландии XVIII столетия («История Шотландии», 1830), в действительности имел в виду современную ему Индию.

Особенно известна пост-колониальная реконструкция Э. Саидом текстов романов «Мэнсфилд-парк» Джейн Остин и «Большие надежды» Чарльза Диккенса. По мнению его критиков, Саид ради доказательства империалистического характера эти произведений придал чрезмерное значение тем деталям, которого они не заслуживали. Как полагает Б. Портер, увидеть в них доказательства «гегемонии имперской идеологии в Британии», «огромное влияние», которая имела Индия для всех сторон жизни английского общества и т.д. можно только в том случае, если изначально исходить из этих самых постулатов.

Диккенс, Троллоп, Кингсли, Карлейль и Раскин могли так или иначе

обращаться к теме империи, рабства и колониализма в своей публицистике и публичных лекциях, Теккерей провел в Индии свое детство, Джордж Эллиот имела колониальные вложения, но тем примечательней, что ни один из них не перенес широко этот интерес на страницы своих художественных произведений. Очевидно, что наряду с неким предубеждением против «колониальной тематики» в среде английских интеллектуалов, по-видимому, наблюдалось и отсутствие запроса на нее самого общества. В противном случае, указанные авторы, чутко следившие за интересами своих читателей, несомненно, так или иначе на интерес к империи откликнулись бы и в своих романах.

Но, как подчеркивает Б. Портер, на протяжении почти всего XIX в. тема империи в викторианском романе была развита на удивление слабо. Показательно, что авторы «отправляли» своих героев «в колонии» тогда, когда хотели их вывести на какое-то время из основного повествования. Это могло служить хорошей отправной точкой и финалом романной истории, или же поворотным моментом в жизни героя, но никогда не предметом подробного рассмотрения. Подлинное действие, рассказываемое в деталях читателю, разворачивалось исключительно в метрополии. Примечательно, что точно такую же роль могли исполнять и «глухие углы» на европейском континенте, например, Восточная Пруссия («Как мы теперь живем» Энтони Троллопа, 1875). Большинство произведений, однако, совершенно избегало каких либо мотивов империи. Это справедливо даже для произведений тех английских авторов, например, Троллопа, Кингсли, Диккенса, которые сами активно путешествовали и хорошо себе представляли мир за пределами Островов. При этом они не скупились на описание своих героев, скажем, во Франции и Германии, и потому Европа и Америка намного подробнее представлена в викторианском романе, нежели собственно британские заморские владения. Все вышесказанное в равной мере относилось и к викторианской поэзии и театру.

Еще меньше «имперская тема» проявлялась в свободных искусствах викторианской Англии, с самого начала ориентированных на вкусы и интересы тончайшей прослойки английского общества. В широте аудитории, к которой обращался в эти годы английский театр, музыка, живопись и скульптура, Великобритания серьезно уступала континентальной Европе и, прежде всего, Франции. То же самое касалось и сюжетов, которые так или иначе можно увязать с «восточной», «имперской» тематикой. Во Франции этого периода из произведений первой величины сходу можно назвать «Ловцов жемчуга» Бизе, «Африканку» Мейербера, «Алжирскую сюиту» Сен-Санса, «Аиду» Верди и многие др. В Англии же ни одна из более чем 3 тыс. опер, написанных с XVII в. и по настоящий момент, не имела ни малейшей связи в своем сюжете с колониями. Вплоть до середины 1880-х гг. английскими композиторами второго ряда (например, Джоном Придхэмом) было создано считанное число маршей и «военных песен», которые отсылали к завоеваниям Британской империи. В последней трети XIX – начале XX вв. к ним добавилось несколько произведений Артура Салливана и Эдварда Элгара. С наибольшей же открытостью имперские аллюзии проявлялись в жанре популярной музыки, которая в наибольшей степени стремилась угнаться за спросом и интересом публики, подогреваемым в связи с теми или иными политическими событиями.

Империя была крайне слабо отражена и в памятниках британской столицы. Из 80 монументов, возведенных в Лондоне вплоть до 1880-х гг. и сохранившихся до наших дней, только пять – фельдмаршалу герцогу Эдварду Кентскому, адмиралу Чарльзу Непиру, генералу Генри Хэвлоку, генералу сэру Колину Кемпбеллу и генералу Джеймсу Аутраму – так или иначе можно было связать с колониальными войнами империи. На рубеже веков Лондон украсили монументы новых военных героев Империи: лорда Лоуренса, сэра Герберта Стьюарта, Бартла Фрера, лорда

Робертса, лорда Китченера, генерала Гордона, капитана Кука и др. В Вулвиче был открыт также монумент павшим в Афганских и Зулуских войнах. Самое же большое число установленных в последнее предвоенное десятилетие памятников и памятных знаков, разумеется, оказалось посвящено англо-бурской войне. Имперской теме было посвящено от пяти до десяти (в годы войны с бурами) процентов всех материалов британской периодики. Учитывая резко возросшую аудиторию читателей, это соотношение должно быть признано весьма значительным.

В «имперском стиле» были украшены также новые здания Министерства иностранных дел и Министерства по делам колоний, возведенные в 1860-е гг. Снаружи и изнутри их украсили статуи Дрейка, Франклина и Кука, аллегории Африки, Америки и Австралии, восемь памятников вице-королям Индии и восемь памятников местным раджам, выступившим на стороне англичан во время Сипайского восстания 1857 г. В 1866 г. в Кенсингтонском парке появился памятник исследователю Африки, первооткрывателю озера Виктория, Джону Хеннингу Спику. Украсили город и два военных мемориала: в 1853 г. Чиллианвальской (Второй пенджабской) войне, а в 1874 г. – военным морякам, погибшим в Новой Зеландии. Столь же слабо проник «колониальный стиль» и в архитектуру метрополии. Куда большим успехом на рубеже столетий пользовалась неоготика, конкурировавшая с классическими стилями, отсылавшими к греко-римской античности.

В повседневности викторианской Англии Империя присутствовала визуально лишь в виде загородных бунгало, которые появлялись в пригородах Лондона и экзотических растений, которыми представители среднего класса украшали живые ограды вокруг своих домов. С конца XVIII в. существовала мода и на «китайские павильоны», которыми украшали частные и общественные сады и парки. В самой столице мимолетным напоминанием служили плакаты рекламы колониальных товаров, немногочисленные памятники героям колониальных войн и промышленные выставки.

На примере исследований, посвященных взаимодействию Империи и общества Великобритании XIX - начала XX вв. можно отметить глубокое расхождение в вопросе о том, насколько обоснованно рассматривать империю в качестве одной из ключевых категорий рассматриваемой эпохи. Э. Саид и его современные критики сходятся в том, что в случае с изучением культуры исторические свидетельства очень редко говорят сами за себя, они нуждаются в интерпретации. За последние десятилетия накоплен довольно широкий набор понятий и образов, которые могут быть представлены в качестве проекций европейской империи Нового времени в культуре. Однако при всей изощренности приемов современной культурологии, проблема прочтения «имперского кода», запечатленного в современных соответствующему историческому феномену литературе и произведениях искусства, остается открытой.

Литература:

Аксютин Ю. М. Понятие «Имперская культура» в современной общественной и научной практике // Вестник Томского государственного университета. № 329. 2009. Декабрь. С. 57-60; Лурье С. В. Российская и Британская империи: культурологический подход // Общественные науки и современность. 1996. № 4. Режим доступа: http://svlourie.narod.ru/imperium/empire.htm; Саид Э. Ориентализм / Пер. с англ. СПб, 2006; Attridge S. Nationalism, Imperialism and Identity in Late Victorian Culture: Civil and Military Worlds. N.Y., London, 2003; Empire and Culture: The French Experience, 1830–1940 / Ed. by M. Evans. N.Y., 2004; Fieldhause D.K. The Colonial Empire. A Comparative Survey. Houndmils, 1991; MacDonald R. The Language

of Empire : Myths and Metaphors of Popular Imperialism. Manchester, 1994; MacKenzie J. Propaganda and Empire : The Manipulation of British Public Opinion. Manchester, 1984; Porter B. The Absent-Minded Imperialists: Empire, Society, and Culture in Britain. Oxford, 2004; Promoting the Colonial Idea: Propaganda and Visions of Empire in France / Ed. by T. Chafer, A.Sackur. N.Y., 2002; Said Edward W. Culture and Imperialism. N.Y., 1994.

ИМПЕРИЯ КАК ПОЛИТИЧЕСКАЯ КАТЕГОРИЯ

Империя как политическая категория — среди политических категорий категория империи используется для обозначения государства: 1) полинационального; 2) с неравноправием этносов, возвышением одного этноса (нации) над другими; 3) агрессивной внешней политикой; 4) авторитарным, недемократическим характером верховной власти. Сочетание этих признаков в одной стране позволяет определять ее как империю.

Исторически такая трактовка империи как политической категории оформилась не сразу. Изначально само слово *imperium* в античности обозначало «властвование», «подчинение», и происходило от глагола *imperare* — «командовать». Понятие империи было тесно связано с военными завоеваниями, территориальными захватами, расширениями изначальных владений государства. Война не терпит демократии, требует единоначалия, поэтому развитие империи как агрессивного расширяющегося государства всегда сопровождалось развитием личной диктатуры, тиранической власти военного главнокомандующего, единоличного правителя (при этом неважно, применялась к его должности монархическая терминология или нет). Это развилось в институт высшей императорской власти с неограниченными полномочиями, придворным церемониалом и высокой символикой. Империя (в данном случае — Великая Римская империя) также оказывалась синонимом цивилизованной Вселенной, окруженной со всех сторон враждебными варварскими королевствами, вождествами и неорганизованными племенами. Изначально империя как политическая категория выступала особым миром с определенным мироустройством (деление на метрополию и колонии, понятие лимеса, имперских провинций, имперского центра и т.д.).

Уже тогда закладывается главная дихотомия империи как политической категории: империя полагается как источник насилия, тирании, которой противостоит свободолюбивый варварский мир. У варваров не хватало своих интеллектуалов, чтобы сформулировать эту доктрину в категориях политической культуры, но они сопротивлялись империи именно как силе, влекущей насильственное порабощение.

В средние века олицетворением империи выступала Священная Римская империя, в которой изачально был очень силен элемент теократии. Империя выступала как земное оформление Царства Божьего. Она должна была прежде всего обеспечивать расцвет христианства (недаром существовало понятие «христианский мир», по сути, синонимичное империи). Для этого существовали особые институты власти империи и римского папы над подвластными христианами (сама по себе власть императора, имперский суд, имперские налоги на нужды «всего христианства», например, имперский сбор на войну с Турцией и т.д.). Императору и папе должны были подчиняться рыцарские ордена (другое дело, как эти ордена вели себя на практике), заседавшие в рейхстаге имперские князья (*Reichsfürst)* — курфюрсты, герцоги, маркграфы, графы, прелаты церкви. Смысл существования и

функционирования всей этой сложной структуры было обеспечение благополучия, процветания, расширения владений христианской церкви. Врагами империи выступали в первую очередь мусульмане, язычники и православные схизматики (которые не считались настоящими христианами).

Именно здесь и крылась ловушка: позиционируя себя как высшую светскую силу на защите христианства, империя сама должны была соответствовать представлениям об истинной религиозности, праведной вере и правильном релишиозном порядке. С этим совершенно не сочетались практика инвеститур, продажи индульгенций, экспансионистская политика в отношении городов и имперских провинций. Подорвавшая позиции империи Реформация в XVI в. была прежде всего религиозным движением, направленным против католической церкви, но имевшая следствием фактически начало территориального распада Священной Римской империи — именно в силу того, что Реформация разрушала и ставила под сомнение способность империи утвердить и защитить истинный религиозный порядок.

Согласно Дж. Пококу, одновременно с возникновением и развитием республиканских концепций в новое время возникает целенаправленная критика империи как политической категории. Ранний республиканизм считал необходимым сохранять гражданские добродетели через участие в политической жизни общества. Именно возможность реализации этих добродетелей через политику была залогом политической устойчивости государства. Республика с ее демократическими институтами тут смотрелась несомненно предпочтительнее империи с ее автократией и ограничением гражданства для эксплуатируемого большинства. Республиканизм, по выражению представителей «новой имперской истории», «критиковал империю как антипод своего политического идеала — республики, т. е. как нелегитимное политическое устройство, подверженное кризису и упадку». Империя рассматривалась им как препятствие на пути к прогрессу, освобождению колоний, источник произвола колониальной администрации. Отсюда империя как политическая категория в республиканских политических теориях нового времени получила преимущественно негативные характеристики. С развитием модерного национализма как основной оптики восприятия истории и политики в XIX в. империя утратила шанс стать, по выражению исследователей, «базовой концепцией современности» (по аналогии с государством, обществом и т. д.), несмотря на значимость и распространенность этого исторического феномена.

Представители «новой имперской истории» отмечают особую роль в дискредитации империи как политической категории европейского романтизма нового времени. С распространением идеи национального суверенитета народ начал пониматься как носитель этого суверенитета, следовательно, достойный гражданских прав и свобод, которые было невозможно получить в рамках империи. Врагом национально-освободительных движений в Европе XIX в. неизменно выступали империи — Австро-Венгерская, Российская, Турецкая. Поскольку революционные движения имели сильный романтический окрас, именно идеология романтизма сыграла огромную роль в изображении империи как врага свободы, прогресса, «тюрьмы народов» и т.д.

В последней трети XX в. в историографии все чаще высказывается точка зрения, что категория империи может и должна выступать инструментом научного анализа, а не оценочных политизированных суждений. Империя понимается не как статичный исторический феномен, своего рода исторический ярлык, приклеиваемый к дискредитируемым государствам, а как длительная развивающая структура, живой и разносторонний организм, и в силу этого — не оценочная категория, а категория анализа, такая же, как «нация», «государство» и т.д.

Развитию такого взгляда на категорию империи послужило резкое расширение области изучения империи в постколониальную эпоху (если раньше доминировала политическая история империй, то теперь стали формироваться целые направления по социологии, демографии, культуре, экологии, дисурсивным практикам, гендеру империи и т.д.). Тем самым категория империи стала выступать в качестве базовой, своего рода «историографической оси».

Имперский период составляет значительную долю в истории многих народов, и нельзя сказать, что он несет в себе только негативные характеристики, и что имперские механизмы всегда были неэффективными. По словам Д. Ливена, «…на протяжении тысячелетий империи зачастую обеспечивали свое население основными общественными благами… [при этом] отнюдь не очевидно, что все эти общественные блага могли быть обеспечены в долговременной перспективе какими-либо другими, неимперскими средствами».

Э. Пагден писал, что институт вселенской христианской церкови это тоже имперский феномен. В XVIII в. религия как скрепа имперской конструкции уступает место светским критериям, прежде всего поянтиям цивилизации и гражданственности. Теперь все части империи в той или иной степени оказываются вовлеченными в общий имперский проект, что способствовало консолидации этносов, в противном случае никогда бы не ставшими этносами. Э. Пагден писал, что «империя придает некую общую политическую идентичность различным землям и обществам, которые иначе не обладали бы ощущением единства (например, в случае Габсбургов)».

Империя здесь выступает как инструмент коммуникации и интеграции. Причем она не исчезает даже после своего распада: мы все равно говорим о странах и народах постсоветского пространства, об историческом наследии Австрийской или Турецкой империй и т.д. Империй уже нет, но их пространство осталось, и особенности культуры, в том числе политической, истории, социального строя народа во многом продолжают определяться его былой принадлежностью к той или иной империи.

По выражению Д. Ливена, империя сегодня выступает средством концептуализации и осмысления мирового порядка. Р. Суни определил политическую категорию империи как метафору, с помощью которой осмысляются многие исторические явления прошлого и настоящего. Империя выступает формой организации отношений между несколькими субъектами, находящимися в иерархической связи — сегодня такое определение приложимо практически к любой иерархиезированной системе государств (доминирование США, ЕС, Китай и т.д.), следовательно, политическая категория империи востребована для их изучения. Суть здесь не в многообразии компонентов общености, определяемой как имперская, а в том, что связывающие их политики и практики определяются как «свои» или «чужие». Это характерно для империи, равно как и для многих современных общностей, и здесь категория империи будет полезна и востребована для анализа.

Литература:

Skinner Q. The Foundations of Modern political Thought. Cambridge, 1975; Gagliardo J. Reich and Nation: the Holy Roman Empire as Idea and Reality, 1763-1806. Bloomington, 1980; Walicki A. Philosophy of Romantic Nationalism: the Case of Poland. Oxford, 1982; Kennedy P. The Rise and Fall of the Great Powers. New York, 1987; Pocock J. Empire, Revolution and the End of Early Modernity // The Varieties of British Political Thought. Cambridge, 1994; De-Scribing Empire: Post-Colonialism and Textuality. New York, 1994; Tensions of Empire: Colonial Culture as a Bourgeois World. Berkeley & Los Angeles, 1997; Суни Р. Империя как она есть: Имперская Россия, «национальное»

самосознание и теория империи // Ab Imperio. 2001. № 1-2; Baron N. "Empire" and "Nation" as Categories of Spatial Politics and Historical Study: Metodological Notes for the Ab Imperio Roundtable // Ab Imperio. 2002. № 2; Colley L. What is Imperial History now? // What is History now? Palgrave, 2002; Scott Dixon C. The Reformation in Germany. Oxford, 2002; After the Imperial Turn: Thinking With and Through the Nation. Durham, 2003; Sunderland W. Imperia without colonialism? Ambiguities of colonization in Tsarist Russia // Ab Imperio. 2003. № 2; В поисках новой имперской истории // Новая имперская история постсоветского пространства. Казань, 2004; Пагден Э. "С семантическим полем 'империи' существует реальная проблема…" // Ab Imperio. 2005. № 1; Ливен Д. Империя, история и современный мировой порядок // Ab Imperio. 2005. № 1.

Империя континентальная

Континентальные империи – империи, особенностью которых является сухопутный характер управляемых территорий, их относительная монолитность и небольшое количество заморских колоний. Противопоставление континентальных империй морским стало одной из теоретических основ родоначальников геополитики, которые усматривали в качестве одной из основных тенденций развития мироустройства стремление к объединению стран и народов в рамках замкнутых географических пространств, ограниченных морями как естественными преградами. В частности, именно этот принцип лег в основу евразийского проекта Карла Хаусхофера по установлению оси «Берлин-Москва-Токио». Хаусхофер, взгляды которого в некоторых аспектах перекликались с идеей Халфорда Макиндера о «евразийском острове», «сердце мира» или «хартланде», видел мир пребывающим в состоянии перманентной нестабильности, ареной борьбы двух политических элементов: морской и континентальной сил. Начало их противоборства усматривалось упомянутыми идеологами уже в античности, в образцовом конфликте сухопутной Римской империи и морского Карфагена. Сухопутный характер связывался с фиксированностью пространства и устойчивостью культурных признаков, консерватизмом, строгостью юридических норм, устойчивостью социальных традиций, коллективизмом и иерархичностью. Морские империи являют собой полную противоположность и характеризуются динамичностью культурных норм, индивидуализмом, активными торговыми связями и техническим прогрессом. Поиски способов современного решения конфликта суши и моря приводили к созданию проектов оптимального макрополитического районирования, впрочем, даже две мировые войны XX в., свидетелем которых стали Хаусхофер и Макиндер, показали, что континентальные государства вступают в союз с морскими, и рассматривать континенты и приморские зоны в качестве неминуемых врагов нет оснований. Впрочем, в некоторых историософских теориях история человечества и сегодня продолжает рассматриваться как борьба «текучей» и «постоянной» стихий. В частности, наследником идей Хаусхофера и Макиндера в современной России является философ А.Г.Дугин, преобразовавший их в концепцию противостояния «атлантизма» и «евразийства» — морское могущество именуется им талассократией (др.-греч. *θάλασσα* «море», термин из лексикона военно-морского теоретика А. Мэхэна), а сухопутное – теллурократией (лат. *tellūs* «суша, земля»).

Упомянутое противопоставление колониальных и континентальных империй имеет определенный смысл с аналитической точки зрения, с той оговоркой, что большинство «континентальных» империй современности все же нередко и достаточно многочисленный флот, играющий региональное значение, и морские

амбиции, и колонии. Кроме того, не возможно указать грань превращения континентальных империй в колониальные, а свойства континентальных империй повторяются морскими – даже Британия в рамках «туманного Альбиона» характеризуется активными процессами «внутренней колонизации» и особыми отношениями по линии центр-периферия (Англии с Уэльсом и Шотландией), которые мало чем отличались от территориальной организации державы Габсбургов.

Поэтому скорее можно говорить о разных исследовательских традициях, сложившихся в исследовании «хозяйки морей» Британской империи и тех империй, которые сложились в новое время на Континенте. Чаще всего сюда включаются Французская империя Наполеона, Германская империя, Австро-Венгрия, Россия, иногда – Оттоманская порта. Вопрос о том, включать ли сюда Третий Рейх, СССР и КНР, является дискуссионным.

Кроме того, формально в разряд континенетальных империй попадают большинство крупных государств древности и средневековья – Китай, Вавилонское царство, империя Ахеменидов, Ассирийская империя, Македонская империя, Римская империя, Великая Армения, и т.д.

Необходимо отметить, что современные исследования так называемой «континентальной» Римской империи, выросшей вокруг Средиземного моря, несколько размывают черты прежней монолитности крупнейшей сухопутной военно-административной державы античного запада. С одной стороны, вариативность восприятия римских паттернов позволяет говорить Луизе Ревелл не о единой римской идентичности в прошлом, а скорее о дискурсе «римскости», не укорененном в единой социальной структуре или выраженном в определенной материальной культуре. С другой стороны, как утверждает Питер Хизер, расширение границ Империи находящейся на пике могущества было вызвано не столько социально-экономическими потребностями, а скорее стремлением отдельных лиц с помощью побед над варварами завоевать символический и политический капитал, и социально-политический облик «империи» на протяжении ее функционирования неоднократно менялся до неузнаваемости.

Особое направление, сформированное в рамках востоковедения и политической антропологии, изучает кочевые империи Евразии. В зависимости от теоретических предпосылок, эти образования относили могли относить к «феодальным», «ранним» государствам, или же к особым экзополитарным образованиям (Н. Н. Крадин), имеющим различную социально-политическую систему в центре (отсутствие государственной структуры) и на периферии (ее наличие в целях управления). Как в российских историософских рассуждениях, так и на западе, крупнейшей сухопутной империей средневековья, предшественницей грядущей «пан-Евразии», нередко называлась Монгольская империя Чингисхана, которая в современной литературе даже государством признается не всегда. В этом отношении интересный подход к оценке культурного влияния монгольской империи продемонстрировал современный советолог Стивен Коткин, который считает, что кочевая полития Чингисхана на территории Евразии стала сетью обмена паттернами управления, конституирующими формы государственной власти.

Среди исследователей, чьи интересы в основном фокусируются вокруг существовавших с античности до наших дней великих военных и абсолютистских земельных империй, Доминик Ливен особо выделил социолога Сэмюэля Айзенштадт (Шмуэля Эйзенштадта). Айзенштадт, еще в 1960-х гг. разработавший разветвленную типологию социальных политических характеристик империй, выступал критиком чрезмерного увлечения современных исследователей империй модными теориями национализма, весьма ограниченными, по его мнению, — поскольку те оставляют в тени другие варианты коллективных идентичностей, которые как таковые не даны изначально, а культурно конструируемы и

представляют собой базовое измерение строения общества. Несомненно, положительной чертой рассуждений Айзенштадта является выход за рамки европоцентристского подхода и внимательное отношение к политическим системам азиатских государств.

Особенности исторического развития континентальных империй нового времени рельефно проступают скорее не при обобщающем противопоставлении «морских» держав «сухопутным», а на фоне сравнения с главной и единственной «хозяйкой морей». Развитие Великобритании нетипично на фоне континента: протекционизм, подвижность общества, восприимчивого к нововведениям в технической сфере (паровой двигатель, прядильная машина, паровозы и железные дороги), обеспечили небывалый экономический рост и мировое лидерство в модернизационных процессах на протяжении XIX в. При этом, в отличие от абсолютных монархий в силу исторического развития власть короля была здесь ограничена «биллем о правах» и значительную роль в системе управления играл парламент. Немаловажным отличием, конечно, была и победа Великобритании в «освоении Нового света», т.е. гонке за колонии, в которой ей удалось оставить позади и Испанию с Португалией, и Голландию, и Францию. К XIX в. на Континенте повсюду созрел миф о наиболее передовом экономическом и социально-политическом устройстве, основанном на функционировании «гражданского общества», политических свободах, парламентаризме, ограничении абсолютной монархии, и на который необходимо равняться для достижения прогресса у себя на родине. Континентальные империи Россия и Австрия, строившиеся на авторитарных началах, столкнулись с небывалой угрозой стабильности имперского порядка и вступили на путь «догоняющего развития» во всех сферах своего существования. Реформы Штейна и Гарденберга в Пруссии в 1807—1814 гг. позволили ей выйти не первое место среди германских государств, а их объединение при Бисмарке и провозглашение империи ознаменовало появление новой сплоченной на национальном принципе бюрократически-авторитарной монархии, которая при Вильгельме II стала стремиться вырвать мировое первенство у Великобритании, построила флот и ввязалась в борьбу за колонии. Модернизационные процессы в Австро-Венгрии и России происходили значительно более медленными темпами и также не привели к либерализации политической системы. Жажда реформ и процессы «национального возрождения» привели лоскутную империю Габсбургов к небывалому кризису 1848-1849 гг., когда для усмирения восстания в Венгрии пришлось прибегнуть к российской помощи. Ответ на вызовы времени был найден в преобразовании страны в дуалистическую монархию с элементами либерализма в государственном устройстве и фактическим «зеленым светом» для национальных движений при сохранении лояльности императорской короне. Имперская элита решила не препятствовать развитию литератур на национальных языках и к началу XX в. столкнулась уже с новой многочисленной генерацией политических деятелей, мечтавших о национальных государствах.

Индустриализация России и великие реформы Александра II привели к значительным сдвигам в конфигурации коллективных идентичностей большей части населения России, расширили границы гражданских свобод, однако не ликвидировали форм самодержавного правления. Таким образом, сохранение авторитарной модели управления является одним из наиболее характерных отличий континентальных социально-политических систем от британской конституционной монархии.

Следует отметить, что многие континентальные империи в разные периоды с разным успехом ставили перед собой задачи обзавестись колониями. Даже, казалось бы, образцово сухопутная центральноевропейская империя Габсбургов, имея совсем

небольшую зону выхода к морю, учреждала Остендскую компанию в XVIII в., отправляла экспедиции к Никобарским островам и земле Франца Иосифа. Что касается Пруссии (затем Германской империи), то она приняла активное участие в «драке за Африку» и обзавелась островными колониями в Тихом океане. Все это стало возможным благодаря программе развития военно-морского флота, за которую ратовал Вильгельм II. Россия, как известно, продала США Аляску в 1867 г., а в начале XX в. получила Квантунскую область и ряд других территорий. Количество указанных владений не идет в сравнения с Британией, тем не менее, их существование показывает, что континентальные империи не всегда были чужды логике развития колониальных.

Россия неоднократно также именовалась колониальной империей (эксплуататором в отношении «угнетаемых» народов), тем не менее, для континентальных империй характерен в большей степени внутренний колониализм, чем внешний. Немецкий исследователь Йорг Баберовски, сравнивая Россию с европейскими империями, считает, что понятие колониализма к ней неприменимо. Здесь в присоединенных областях местные элиты не устранялись от власти, а, напротив, интегрировались в механизм власти. В то же время, в сопротивлении цивилизаторскому модернизационному проекту, который попыталась осуществить имперская элита, Баберовски видит корни революции и падения империи.

Литература:

Baberowski J. Rußland, die Sowjetunion und der Kolonialismusbegriff // Das gemeinsame Haus Europa. Handbuch zur europäischen Kulturgeschichte. München, 1999. S. 197-210; Eisenstadt S. N. The Political Systems of Empires. New York, 1963; Kotkin S. Mongol Commonwealth? Exchange and Governance across the Post-Mongol Space // Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History Volume 8, no. No.3 (2007): 487-531; Revell L. Roman Imperialism and Local Identities. Cambridge, 2009; Ливен Д. Российская империя и ее враги с XVI века до наших дней / Пер. с англ. М., 2007; Травин Д. *Я.* , Маргания *О.* Европейская модернизация*. М., 2004; Хизер П. Падение римской империи. М., 2011.*

ИМПЕРСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ

Имперская антропология — 1) изучение антропометрических параметров населения империи в исторической науке. Результаты используются для анализа социальной, экономической, культурной жизни империи. Термин «антропометрия» был введен немецким ученым Иоганном Елшольцем (J. Elscholtz). Исследования, получившие названия ауксологических, начали развиваться в XVIII в. во Франции и Германии. Сперва они развивались в русле определения зависимости между пропорциями тела и предрасположенностью к различным болезням, однако затем ауксологи обратились к изучению соотношения физических параметров и принадлежности к различным сословиям. В 1829 г. во Франции выходит первое обобщающее исследование на эту тему — антрополог Л. Р. Виллерме изучал физические показатели французских новобранцев, призванных в 1804-1810 гг., и попытался дать их социально-экономический анализ. Дальнейшее развитие изучения антропометрических параметров было связано с именами д'Орбиньи, М. Будена, П. Брока, А. Кетле и др.

Годом рождения собственно исторической антропометрии считается 1969 г., оно связывается с исследованиями французского историка Э. Ле Руа Ладюри. Рост антропологических исследований начался в 1990-е гг. С 2003 г. в Мюнхене издается

журнал «Economics and Human Biology» под редакцией Дж. Комлоса, биеналле проводится международная конференция по проблеме «экономика и биология человека».

По замечанию Б. Н. Миронова, «Новое направление родилось на границе истории, экономики, биологии человека, медицины, антропологии и демографии и главной его целью стала оценка вековых тенденций в изменении благосостояния населения и факторов, его обусловивших, на основе антропометрических показателей. Реализация столь амбициозной цели возможна, если знать, как экономическое, социальное и экологическое окружение влияет на физическое развитие человека, его рост, вес, заболеваемость и как по антропометрическим данным (прежде всего по росту) можно оценить благосостояние и социальное неравенство».

В империи физические параметры человека были призваны, во-первых, подчеркивать сословные и национальные различия, отличать жителей метрополии от обитателей колоний, представителей власть предержащих и привилегированных слоев от подданных. Во-вторых, представления о физических параметрах населения отвечали мобилизационным потребностям власти, недаром основной сбор антропометрических сведений велся в сфере военной мобилизации новобранцев, призывников и т.д. В-третьих, измерение антропометрических показателей в имперском контексте сближено с понятием человеческой расы и связано с представлениями о расовом неравенстве между народами империи.

Измерение биологических параметров населения востребовано властью для практических нужд (прежде всего в качестве трудовых, военных и экономических ресурсов). Но при привлечении расовых теорий и соответствующей идеологии они могут использоваться для обоснования превосходства одних рас над другими, принижения колониального населения, создания различных теорий «чистоты расы» и т.д. См. *Расизм.*

2) *имперская антропология* предполагает изучение народов империи как разных рас, племен, народов в этнографическом, антропологическом, историко-антропологическом ключе. Это изучение начиналось в XVIII –XIX вв. в рамках этнографии и ранних антропологических школ. По словам М. Могильнер, «Антропологическое описание Российской империи изначально воспринималось участниками этого проекта как ее “переоткрытие” и рациональное описание в новых объективных научных категориях… Выделяемые в процессе антропологического картографирования разнообразные “физические типы” сменяли друг друга и взаимодействовали на огромной единой имперской территории». Особое внимание уделялось способам репрезентации и саморепрезентации, идентичности и самоидентичности этнических типов в рамках имперского населения. Что делало человека принадлежащим к тому или иному населению империи? Где проходили границы между различными идентичностями? Что заставляло людей задумываться над этими различиями? Какие дискурсивные и политические практики были задействованы при формировании этих идентичностей и имперской культуры?

Здесь анализируются прежде всего культурные коды, «стратегии узнавания» и способы выстраивания образа себя и чужих. Это визуальные образы в виде посланий (СМИ, популярная литература, пропагандистская печатная продукция, праздники, публичные действия, театральные постановки, ярмарки, музеи, изобразительный ряд на предметах потребления (посуде, табакерках и др.), учебники и т.д.). Тем самым реконструируются языки описания и самоописания этносов и этносоциальных групп империи. Это позволяет воссоздать механизм возникновения культурных границ между этническими и иными группами жителей империи, присваиваемые им «характерные черты» и «нравы».

При этом в языке описания и самоописания стороны нередко прибегают к экзотизации художественных и визуальных образов, метафоризации, зооморфизму, приписыванию свойств. Изучаются этические нормы и ценности, физиогномика, эстетические представления и модели, гендерные и сексуальные стереотипы и предпочтения. Особым маркером описания и самоописания является одежда, «костюмные» образы и «этнические портреты». Много материала могут дать изучение музыки, фольклора, национальных и религиозных праздников. В современной культуре показательны практики исторических реконструкций и реконструкторов, особенно в военно-исторической сфере.

Результаты этих исследований помогут выявить стратегии различения населения в имперской политике и в имперском контексте, то есть, в конечном итоге, особенности и характерные черты имперской политики. Они имеют преимущество перед изучением имперских практик по официальным декларациям и законам, поскольку позволяют выявить скрытые мотивы и культурные коды. В то же время, непременным условием подобных штудий является тотальность, чтобы избежать иллюстративности и фрагментальности исследований, уйти от соблазна экстраполировать выводы, сделанные по отдельной группе источников, на период в целом.

3) из антропологического изучения империй выросла особая прикладная наука — *политическая антропология*. По мере накопления знаний о колониях и их населении в XIX в. стало очевидно, что знания о человеческом социуме, основанные на предшествующих теориях, не работают применительно к колониальной системе. Европейцы удивлялись, что у туземцев отсутствует государство, квалифицированное право, представления о цивилизации — но в социуме присутствует порядок, организующий и направляющий его не хуже западных политических структур. Мало того, колониальная политика оказывалась успешной только в том случае, если интегрировала в себя туземные системы. Для этого было необходимо их изучение. В имперских структурах появились должности антропологов как консультантов, практических специалистов, дающих рекомендации по колониальной политике. Именно отсюда, из необходимости поставить политику империй в колониях на твердую научную основу, и выросла политическая антропология как наука.

Л. Морган, Г. Мэн, Р. Лоуи и др. опубликовали во второй половине XIX в. ряд работ, посвященных анализу социо-регулятивных систем обществ на ранних стадиях развития. Главной проблемой, которая обсуждалась, была: как эффективно управлять аборигенами? Для этого требовалось прежде всего изучить, как они сами управляют собой.

Здесь возникала проблема: у туземных обществ отсутствовала политическая система в традиционном понимании европейской политической науки. Не было привычных законодательных и исполнительных институтов. Обычные подходы к изучению социумов не работали. Нужно было выработать что-то принципиально иное, и вот тут и понадобилась антропология с ее вниманием к человеку, его культуре, системе ценностей и мотиваций (традиционная политическая наука изучала не людей, а институты и системы). На смену британскому эволюционализму пришел функционализм (Б. Малиновский, А. Рэдклифф-Браун и др.) и структурализм (К. Леви Стросс): ученых в меньшей степени интересовал генезис того или иного явления, они изучали закономерности, связанные с функционированием этих явлений в системе культуры. Функционалисты утверждали, что в каждой культуре имеется набор социальных институтов, обладающих определенными функциями и развивавшимися в исторической динамике. Методом «косвенного» управления колониями предполагалось изменять функции традиционных институтов, чтобы через эти, традиционные институты

достигать принципиально новых, нужных империи целей. Элементы туземной жизни, которые раньше воспринимались как дикость и варварство, теперь рассматривались как функции, обеспечивавшие работу социального механизма аборигенов. Соответственно, признавалась их важность и необходимость, и рассматривалась возможность воздействия.

М. Фортес, Е. Эванс-Притчард в 1940 г. опубликовали книгу «Африканские политические системы». Это событие считается моментом рождения политической антропологии как особой науки. В 1950-е гг. функционализм стал замещаться теорией процессов (Э. Лич, М. Глакман и др.). Структуры и функции теперь рассматривались не сами по себе, но как действующие части социальных процессов: конфликтов, актов коммуникации, кризисов, социальной драмы индивида в кризисной ситуации и т.д. Политические процессы изучались через призму концепции «политической арены»: политика понималась как некое поле, на котором борются политические лидеры, группировки, силы и т.д. В то же время, в 1950-60-х гг. получил развитие неоэволюционизм (М. Салинз, Э. Сервис, Дж. Стюард, Л. Уайт и др.) с его новыми теориями: культурной эволюции, энергетической теорией культуры и т.д.

По словам В. В. Бочарова, «Интерес современной западной политической антропологии обращен, во-первых, на традиционные отношения власти, ее институты и системы: их задачи, формирование, структуру и функционирование, сравнительный анализ этих отношений, институтов и процессов, — различающихся как территориально и этнически, так и стадиально — их классификацию и типологизацию главным образом в доиндустриальных обществах. Во-вторых, он направлен на изучение процесса адаптации и/или инкорпорации традиционных структур власти во вновь создаваемые административные и политические институты, проежде всего развивающихся стран. В-третьих, на неформальные политические процессы в индустриальных (постиндустиальных) обществах, а такэе на изучение потестарных отношений».

Сегодня политическая антропология все больше эволюционирует в сторону поиска архаичных политических структур в современных обществах (коллективы в пеницитарной системе, «племенные» отношения внутри политических кланов — ср. исследование Дж. Везерфорда «Племена на холме» о политической борьбе внутри Конгресса США). Также проводятся исследования в странах «третьего мира» и в недавно образованных государствах (после распада СССР и Югославии). Но эти исследования уже в гораздо меньшей степени относятся к имперским сферам, а востребованы в современных политтехнологиях, постколониальной, социальной и национальной политике.

Литература:

Komlos J. Nutrition and Economic Development in Eighteenth Century Habsburg Monarchy: An Anthropometric History. Princeton, 1989; Cuff T. Historical Anthropometrics: Theory, Methods and State of the Field // The Biological Standard of Living on Three Continents: Further Explorations in Anthropometric History / Ed. By J. Komlos. Boulder, 1995. P. 1-18; Crary J. Techniques of the Observer: On Vision and Modernity in the Nineteenth Century. Cambridge, 1990; Fieldwork and Footnotes: Studies in the History of European Anthropology / Ed. by H. Vermaulen, A. Roldan. London, New York, 1995; Moscovici S. Social Representations: Theory and Social Constructionism. New York, 1997; Найт Н. Панславизм: Империя напоказ: Всероссийская этнографическая выставка 1867 года // Новое литературное обозрение. 2001. № 51. С. 111-131; Вульф Л. Изобретая Восточную Европу: Карта цивилизации в сознании эпохи Просвещения. М., 2003; Barth F., Gingrich A., Parkin R., Silverman S. One Discipline, Four Ways: British, GermalI, French, and American

Anthropology. The Halle Lectures. Chicago, 2005; Rempley M. Exploring Visual Culture: Definition, Concepts, Contexts. New York, 2006; Norris S.M. A War of Images: Russian Popular Prints, Wartime Culture, and National Identity, 1812-1945. Northern Illinois University Press, 2006; Imperiology: From Empirical Knowledge to Discussing the Russian Empire / Ed. By K.Matsuzatto. Sapporo, 2007; Picturing Russia: Explorations in Visual Culture / Ed. by V.A. Kivelson and J. Neuberger. New Haven, 2008; Могильнер М. Homo Imperii. История физической антропологии в России (конец XIX – начало XX вв.). М., 2008; Displaying the Nation and Modernity in Russia: Directions in Russian Museum Studies// Slavic Review. Vol.67. No 4. 2008. P. 907-967; Вишленкова Е..А.Визуальное народоведение империи, или «Увидеть русского дано не каждому». М., 2011; Антропология на пороге III тысячелетия. Материалы конференции. В двух томах. М., 2004; Миронов Б. Н. Благосостояние населения и революции в имперской России: XVIII – начало XX века. М., 2010; Political Anthropology / Ed. by M. Swartz, V. Turner, A. Tuden. Chicago, 1966; Fried M. The evolution of political society. An Essay of Political Anthropology. New York, 1967; Balandier G. Anthropologie politique. Paris, 1978; Куббель Л. Е. Очерки потестарно-политической этнографии. М., 1989; Крадин Н. Н. Политическая антропология. М., 2003; Антропология власти. Хрестоматия по политической антропологии. Т. 1: Власть в антропологическом дискурсе / Сост. и отв. ред. В. В. Бочаров. СПб., 2006.

Имперская имагология

Под «имперской имагологией» следует понимать широкий спектр представлений, присущих имперским элитам и развивающихся в процессе управления империями. Понятие *имагология* (лат. *Imago* — «образ») стало использоваться во второй половине XX века для обозначения сферы представлений и образов, существующих в рамках определенных культур для отражения и классификации окружающего мира. Имагологическое направление получило развитие в рамках нескольких дисциплин (культурологи, антропологии, социологии, литературоведения, историографии) и, имея выразительный междисциплинарный характер, в зависимости от исследовательской традиции или личного выбора фокусировалось на различных аспектах картины мира социумов. Наиболее популярными сюжетами становились этнические, национальные и пространственные стереотипы, складывающиеся в представлениях о «чужих» странах и народах, или сфера «потестарной имагологии», которая включает образы и символы власти, задействованные в установлении и поддержании отношений господства и подчинения.

Круг проблем и вопросов имперской имагологии чрезвычайно широк и вряд ли может быть сегодня окончательно определен. Сюда входят дискурсивные практики империй, имперские мифологии, доктрины и теории, религиозные и национальные идеологии, стереотипы и образы «врага», «чужого», «Другого», «своего», проблемы взаимосвязанной истории знания и власти, представлений о времени и пространстве, научных институтов, воображенной и ментальной географии, идентичности, имперской стратегии и тактики, административной мысли, политики, геополитики, экономики, колониализма и экспансионизма, отношений центра и периферии, а также многих других проблем, областей и измерений. Источниками изучения всего этого могут быть не только различные нарративы, в которых отражены основополагающие для данной культуры понятия, образующие в совокупности модель реальности, образы чужого и другого. При изучении образов власти М. А. Бойцов подчеркивал, что они «складываются из самых разных компонентов, включая изображения, жесты, церемонии, ритуалы,

предметы, музыку (или иные звуки, как, впрочем, и их отсутствие в случае, например, «священной тишины»), даже запахи и тактильные ощущения, а также архитектуру и градостроительство, а нередко и соответствующим образом осмысленные природные объекты».

Необходимо отметить, что в некоторых публицистических трактовках (например, Милана Кундеры) понятие имагологии приобретает негативный оттенок – под ним понимаются воображаемые, мнимые концепты, затмевающие реальность в интересах элиты (в частности, навязывание концепта «Восточной Европы» обитателям «центральной», по мнению Кундеры, Европы). Действие двойных стандартов и клеймение одних концептов в угоду другим предоставляет скорее дополнительный материал для изучения дискурсов имагологии, чем раскрывает механизм и законы их формирования.

Среди центральных проблем имагологии империи несомненно, находятся представления о себе самой – о ее власти, происхождении, устройстве, дискурсивные механизмы легитимации, выстраивания связи и сплочения между различными группами элит, подвластными слоями общества, механизмы идентификации различных социальных, культурных и языковых групп, населяющих имперские пространства. В дискурсивных практиках империи (см.) проявлялись идеологии и конвенции империи в их целостном и взаимосвязанном варианте, почти всегда постулирующие исключительность империи, ее культурное превосходство и миссию по сохранению устойчивого мирового порядка в противостоянии с хаосом, или продвижении культуры в дикие и отсталые регионы мира. Чаще всего все эти постулаты находили научно-религиозное обоснование в исторических концепциях времени и мироустройства (см. translatio imperii), а коммуникативно выражались в наборах ритуалов и церемоний, с помощью которых правители и элиты устанавливали связь с прошлым и воздействвали на память сообщества. Хизер Рэй отмечала, что в донациональную эпоху религия предоставляла единственное идеологическое поле для построения системы убеждений, необходимой для функционирования модерного государства.

Распространенным явлением не только национальных государств, но и империй были метафоры телесности и целостности («тело империи»), которые появлялись в различных аспектах от образов правящих лиц как воплощения империи до карикатур, изображающих империи в виде одного героя или животного, и риторики (например, проект венгерских публицистов по завоеванию Сербии вместе с Боснией обосновывался тем, что Босния одна будет горбом на теле империи, а с Сербией она получит хорошие мышцы и пропорции).

Исследование Бенедикта Андерсона, давшее старт крылатой формуле «воображенные сообщества», продемонстрировало, что фундаментальная легитимность большинства имперских династий была совершенно не связана с национальностью – «Романовы правили татарами и латышами, немцами и армянами, русскими и финнами. Габсбурги возвышались над мадьярами и хорватами, словаками и итальянцами, украинцами и южными немцами». Несмотря на культурную пестроту имперского населения, сам процесс возникновения модерного государства предполагал необходимость выработки четких категорий управления, упорядочивания, поэтому в государственной стратегии четко проявлялись тенденции включения и исключения, дисциплинирования и даже целенаправленной гомогенизации (достаточно упомянуть проект Иосифа II по переходу всей империи Габсбургов с латыни на немецкий). На пути развития новых культурных национализмов элиты империй столкнулись не только с вызовом наций, неожиданно почувствовавших себя «порабощенными», но и с трудностью собственной национальной идентификации. По словам Андерсона, «Натурализация» династий Европы — маневры, не обошедшиеся во многих случаях

без отвлекающих акробатических трюков, — постепенно привели к возникновению того, что Сетон-Уотсон язвительно называет «официальными национализмами», в числе которых царистская русификация является лишь самым известным примером. Эти «официальные национализмы» лучше всего понятны как средство совмещения натурализации с удержанием династической власти — в частности, над огромными многоязычными владениями, накопившимися со времен Средневековья, — или, иначе говоря, как средство натягивания маленькой, тесной кожи нации на гигантское тело империи. «Русификация» разнородного населения царских владений представляла собой, таким образом, насильственное, сознательное сваривание двух противоположных политических порядков, один из которых был древним, а другой — совершенно новым».

Становление собственной идентичности – будь то политической «имперской», средства легитимации которой лежали преимущественно в религиозной идеологии, или национально-культурной, сопровождалось развитием категорий классификации «другого» - соседних стран и народов, в том числе проживающих на территории империи, и наделенных в глазах чиновников и ученых империи набором устойчивых свойств. Поиск особенностей «национального характера» был одной из распространенных задач гуманитарной науки XIX в. не только по внутринаучным причинам, но и потому, что имперские элиты стремились сформировать устойчивую картину динамически развивающегося мира империи, сделать поведение различных групп прогнозируемым и в соответствии с ним выработать подходы управления в соответствии с особенностями, потребностями и степенью лояльности населения. Образы «турок», «русских», «поляков», «сербов», «славян» – обрастали каждый наборами стереотипов, и с течением времени, в зависимости от места и контекста менялись от защитников цивилизации и христианства, жертв национального угнетения, до экзотических пришельцев и варваров, попирающих устои мировой (то есть, европоцентристской) культуры.

Среди образов культурного превосходства явно выделяются по своей распространенности античный образ «варварства», характерный в том или ином виде для всех эпох (в данном случае в роли идеального «другого» выступает «варвар») и доктрина «ориентализма», связанная с маркировкой Востока как чуждого Западу культурного ареала, все выходцы с которого наделены устойчивыми характеристиками. С этими дискурсами связаны различные варианты идеологии превосходства – концепции цивилизаторской миссии и территориальной экспансии.

Ментальная география – комплекс представлений о пространстве, по мере развития науки и географических открытий постепенно приближавшийся к действительности, но по определению не тождественный ей, определял восприятие, ожидания и реакцию имперских элит в крупных регионах и отдельных их частях. С этими ожиданиями связаны не только банальные практики заморского колониализма. В представлениях ряда модерных империй особое место занимали концепты «восточной» и «центральной» или «средней» Европы. Рождение «восточной Европы» в конце XVIII в., как отмечает Ларри Вульф. произошло в связи с эпохой просвещения, сопровождалось появлением веры в прогресс и отразило взгляд промышленно и культурно развивающихся стран на менее развитые, то есть представляет специфический вариант «европейского ориентализма». Спекулятивные споры о принадлежности отдельных регионов к «восточной» или «центральной» Европе разворачивались в ходе противостояния континентальных империй, когда в начале XX в. концепция «mitteleuropa» стала обозначать сферу культурных и экономических интересов Германской империи и ее союзницы Австро-Венгрии. Мария Тодорова, проанализировав "балканизм" как дискурс отмежевания и исключения внутри Европы, показало его связь с наследием

османского правления и византийского православия

Существенную зону в ментальной картографии занимают образы врага. Будь то страх в Австро-венгерской империи перед усилением России на Балканах и осуществлением панславистских преобразований, или, наоборот, боязнь немецкого экспансионизма в самой России, все образы противника формируются, как правило, внутри культур в определенном социальном контексте, приобретая карикатурный характер, и часто адекватно отражают не реальные угрозы, а накал дипломатического и военного противостояния враждующих сторон.

Примером плодотворного изучения ментальной географии империй, идеологических доктрин экспансии, может служить работа Д. Схиммельпеннинка ванн дер Ойе, которая раскрывает различные мифологии Российской империи («восточничество», страх «желтой опасности», «конквистадорский империализм» и проект «мирного проникновения»), которые привели к русско-японской войне 1904-1905 гг.

История системы образования и научных обществ, учреждений и, в целом, взаимоотношений знания и власти демонстрирует интеллектуальные тенденции, от которых зависела имагология империй. В литературе путешествий, научных этнографических описаниях и картографии отражается взгляд имперских интеллектуальных элит, направленный как внутрь тела империи, чтобы структурировать и классифицировать собственные гетеорогенные популяции, так и вовне, чтобы предугадать приобретения и опасности, лежащие за границами владений. В этих описаниях, кроме упомянутых моделей, неминуемо реализовывались идеологические комплексы центра и периферии, которые отражают фундаментальные структурные черты организации имперского пространства.

В развитии системы образования, которая предоставляет возможность посредством учительного дискурса формировать картину мира подданных (преимущественно имперских элит), учета и статистики населения, историографии и картографии империи (по меткому выражению Бронислава Геремка, картография это один из способов получения превосходства над пространством), научных учреждений, юридической системы государства, предписывающей различные права для разных групп, можно проследить развитие реализациию «имперской инженерии», которая всегда отталкивалась от меняющиеся стереотипов и представлений о характерах и свойствах различных социальных групп и народов. Так, исследования М. Д. Долбилова показывают существенное изменение в подходах российской бюрократии к управлению Северо-Западным краем России, связанное с восстанием 60-х гг. и выразившееся в следовании стратегии деполонизации. Выявление национального характера (в данном случае – польского связано со стремлением наделить определенные группы населения четко выраженными характеристиками для того, чтобы оценивать его лояльность).

Крайние формы стремления имперских интеллектуалов к полному структурированию социальной реальности исследователи усматривают в развитии антропометрии – примером служит исследование М. Могильнер теории и институтов физической антропологии в России конца XIX и начала XX веков, которое поднимает проблематику расизма в поздней Российской империи.

Литература:

Imagology: the cultural construction and literary representation of national characters: a critical survey / Ed. by M. Beller and J. Leerssen. Amsterdam, 2007; Todorova M. Imagining the Balkans. N.Y., 1997; Андерсон Б. Воображенные сообщества. М., 2001; Власть и образ. Очерки потестарной имагологии / Под ред. М.А. Бойцова и Ф.Б. Успенского. СПб., 2010.

Долбилов М. В. Русский край, чужая вера: Этноконфессиональная политика империи в Литве и Белоруссии при Александре II. М., 2010; Лескинен М. В. Поляки и финны в российской науке второй половины XIX в.: «другой» сквозь призму идентичности. М.: «Индрик», 2010; Могильнер М. Homo imperii. История физической антропологии в России М., 2008; Ощепков А.Р. Имагология // Знание. Понимание. Умение. 2010. № 1. 251-253.

ИМПЕРСКАЯ КОМПАРАТИВИСТИКА

Сторонниками компаративистики как исследовательской практики в прошлом были такие выдающиеся историки и специалисты по общественным наукам, как А. Пиренн, М. Блок, О. Хинце и М. Вебер. Проблематичность выделения сопоставимых элементов сравнения при этом была достаточно подробно обоснована Марком Блоком еще в 1926 г. на международном историческом конгрессе в Осло. Сравнение позволяет восполнить пробел в источниках в какой-либо области при помощи аналогии, лучше понять отдельно взятое общество, изучая его в сопоставлении с другими, или выявить общие модели развития. Компаративистская программа привлекательна тем, что позволяет преодолеть ограниченность национальной истории. Интерес к компаративистике особенно вырос в зарубежной историографии в 1960-1970-е гг. на волне критики традиционного историописания.

В то же самое время компаративному методу присущ целый ряд трудностей, ограничивающих значимость достигнутых с его помощью результатов. М. Вернер и Б. Циммерманн в качестве основных выделяют следующие: (1) искажения, проистекающие из самой позиции наблюдателя. Таковая никогда на практике не бывает идеально отстраненной от объектов сравнения, ни стабильной. В той или иной форме ученые всегда включены в поле наблюдения: через язык, через используемые ими понятия, через исторический опыт или их личный багаж знаний; (2) Другой сложностью является выбор масштаба сравнения. Применительно к изучению таких пространственных структур, какими являются империи, ни региональный, ни национальный, ни цивилизационный уровень не может быть признан абсолютно уникальным или генерализирующим. Другими словами, полученные результаты не всегда возможно экстраполировать на другой более высокий или низкий уровень. Показательна, в частности, ограниченность т.н. «цивилизационного» подхода; (3) Свой отпечаток на объект накладывает не только выбранный масштаб сравнения, но и особенности той исследовательской дисциплины со своим набором дефиниций, с которыми ученый подходит к исследованию; (4) сравнительный метод требует определенной фиксации объекта во времени, даже если в центре исследования находится процесс трансформаций. В таких исследованиях всегда возникает опасность отдать предпочтение одному элементу процесса в ущерб другому; (5) Дополнительную сложность в изучении человеческих обществ составляет их взаимодействие и изменение под взаимным влиянием.

М. Миддель отмечает в этой связи, что на современном этапе развития исторической науки невозможно удовлетвориться простым сравнением рассматриваемых объектов как по умолчанию основой лучшего понимания исторического процесса. Исследование должно начинаться с четкого понимания и обоснования того, почему выбранное в качестве сравнения подходит для раскрытия темы наилучшим образом.

Вторым важным аспектом современных исследований является понимание самой истории как поля взаимодействия и взаимосвязи, приобретения общего опыта

и выработки общих структур. Это служит основанием для изучения «культурного трансфера» между обществами, понимаемого как постоянный и непрерывный процесс, одна из важных составляющих течения истории. Исследование трансфертов имеет целью понять, каким образом идеи циркулируют во времени от одного общества к другому и связывают между собой более или менее чуждые друг другу культуры. Такая история межнациональных культурных отношений способствует выявлению порожденных обменом заимствований, аккультураций, смешений и противодействий.

Изучение «трансфера» не только раскрывает взаимовосприятие и взаимовлияние человеческих сообществ, но и показывает трансформацию заимствованных элементов в нечто, что выглядело бы как исконная часть культуры-реципиента. Без учета этих трансформаций, особенно актуальных при изучении таких многосложных организмов, как империи Нового времени, любое сравнение будет обречено на значительные искажения. Это, в свою очередь, чрезвычайно усложняет процедуру сравнения, которая больше не сводится к вычленению общего и особенного.

Обращение к имперскому прошлому той же Великобритании может строиться не через противопоставление его современному национальному государству, а через сравнение с одномоментными ей обществами, иначе организовывавшими свое пространственное и социальное измерение. Такой подход рисует картину сосуществования национальных государств, империй, наднациональных организаций и транснациональных связей как результат постоянного «оформления территории». На пространственную стабильность империй оказывало влияние экономическое проникновение на новые рынки и защита их от иностранной конкуренции, процесс социальной интеграции в очерчиваемых имперской культурой границах, усвоение иностранного опыта как условие успешного выживания. Все это дает богатый материал для сравнения империй между собой, империй и национальных государств и их взаимосвязи с глобальными историческими процессами.

В рамках т.н. «новой имперской истории» само изучение империи как объекта исследования осуществляется в рамках постоянного сравнения и противопоставления идеальных моделей «империи» и «национального государства». Исторические примеры реально существовавших империй выстраиваются исследователями на воображаемой оси между этими двумя идеальными полюсами и по сравнению с ними. Проблема правильного выбора объекта и сопоставимых с ним объектов сравнения изначально заданных как «имперские» или «национальные» и составляет методологическую основу исследований империй. При этом, как правило, границы между, казалось бы, самоочевидными объектами сравнения оказываются настолько проницаемыми и подвижными, что присущее компаративному подходу четкое структурное противопоставление крайностей уступает место сложной и многогранной картине мира. В этом заключается особая сложность имперской компаративистики, в которой объекты сравнения не только не самоочевидны, но и меняются от контекста к контексту.

А. Рибер выделяет, по крайней мере, четыре подхода к сравнительному изучению империй во времени и пространстве. Первый подход предполагает сравнение современных друг другу и тесно контактировавших империй, таких как Османской, Габсбургов и Романовых. Второй подход предполагает сравнение империй-наследников, возникших в результате структурной и идеологической трансформации «старого режима», например СССР и КНР. При третьем подходе сравниваются «либеральные империи» с представительным правительством в метрополии, но не на территории колоний: французской, бельгийской, голландской, в разное время британской и американской. Наконец, четвертый подход —

избирательный, при котором сравниваются империи трех перечисленных выше типов. Будучи приверженцем принципа М. Блока «сравнивать сравниваемое», сам А. Рибер высказывается в пользу первого из перечисленных им подходов в рамках имперской компаративистики. По его мнению, анализ континентальных империй в силу их тесного исторического соседства и широких взаимосвязей более обоснован, нежели сравнение опыта этих империй и колониального империализма.

Тем не менее, отечественные и зарубежные следования последних лет убедительно демонстрируют сравнимость – в разных комбинациях – не только европейских империй Нового времени: Испанской, Британской, Французской, Австрийской, Германской и Российской, но также и современных им Османской империи, Ирана и Китая. Благодаря сравнительному изучению т.н. «континентальных» и «морских» империй современные историки постепенно уходят от прямого противопоставления империй обеих пространственных категорий. Разрушается и главный стереотип, согласно которому первые было принято описывать как «традиционные», а вторые – как «модерные». Сегодня историки признают то обстоятельство, что «традиционные» континентальные империи в XVIII и особенно в XIX веке демонстрировали очевидные успехи в экономической и политической модернизации. Кроме того, ныне появляется все больше примеров того, что даже в самых динамично развивавшихся морских империях этого же времени сохранялось немало традиционных элементов общественного устройства и форм контроля центра над периферией.

Д. Ливен также предостерегает от того, чтобы автоматически приравнивать «морскую» империю к «либеральной», пусть империя, основывающая свое богатство и доходы на торговле, финансах и промышленности, и должна по своей природе быть менее репрессивной, чем та, сила которой зависит от сбора налогов и рекрутов с крестьянства.. История Испанской империи также не подтверждает идею, будто морская империя обязательно должна быть децентрализованной, тогда как сухопутная автоматически порождает централизацию. К примеру, в XVI в. Кастилия правила заокеанской империей более централизованно, чем могла править Испанией в метрополии, а «континентальная» Габсбургская империя в XIX в. ближе всех подошла к построению современной многонациональной федерации.

Понимание самого концепта империи во многом определяет и возможное поле сравнения исторических примеров данного феномена. В понимании того же Д. Ливена империи – это, прежде всего, государства, имеющие вес на международной арене и ведущие активную внешнюю политику. В рамках этого подхода Ливеном была введена геополитическая категория «европейской периферии», где имперская экспансия оказалась возможной в силу недостаточного действия противовесов международного баланса сил. С помощью данной категории Ливен объясняет рождение континентальных империй на границах Европы и заморскую экспансию европейских держав. Таким образом, понятие «европейской периферии» становится общим контекстом для проведения сравнительных имперских исследований.

Сравнивая стратегические задачи управления «морской» Британской и «континентальной» Российской империй, Ливен выявляет общность проблем преодоления ими территориальной протяженности и полиэтничности населения. Это лишний раз заставляет его прийти к выводу, что сравнение империй как целостных феноменов невозможно в силу характерного для всех империй разнообразия региональных и национальных укладов и неравномерности течения имперского «времени». По его мнению, необходимо сравнивать отдельные регионы или имперские случаи между собой.

Одна из моделей продуктивного сравнительного анализа континентальных империй может быть выстроена вокруг концепции «оспариваемого пограничья» - многонациональной территории, на которую претендовало сразу несколько

империй. Основы этой концепции заложены в публикациях А. Рибера и А. Каппелера, которые призывают учитывать контекст межимперского соперничества и взаимовлияния для анализа истории отдельных имперских окраин. Каппелер, в частности, рассматривает пограничное соперничество Российской и Османской империи в качестве исторических наследников Золотой Орды. По мнению, А. Миллера, не беря в расчет историю этого соревнования и наличие больше чем одного центра притяжения и влияния, нельзя понять историю этого региона, который может быть описан как макросистема четырех континентальных империй.

Сама «имперская периферия» континентальных держав, как правило, оказывала и намного более серьезное обратное воздействие на имперский центр. Утрата периферийных стратегических пунктов и территорий «морских» империй могла тяжело бить по престижу и финансовому благополучию метрополии, однако не угрожала самим основам ее управления. Периферийные районы континентальных империй, оказавшись в руках врагов или мятежников, представляли собой непосредственную угрозу для центра метрополии. Континентальные евразийские империи с географически прилегающими к ним территориями окраин не могли, подобно заморским империям, устанавливать и различные формы правления для метрополии и колониальной периферии. Введение подлинно конституционного правления в одной части евразийских империй требовало бы его введения и в остальных регионах государства.

Столь же плодотворным может быть и сравнительное изучение идеологии континентальных империй, особенно с учетом контекста мощного западного интеллектуального влияния. По мнению А. Миллера, изучение имперских идеологий, которые создавались в ситуации реакции на многонациональную и «составную» структуру империи, позволяет выделить наиболее типические модели поддержания империи в столкновении с проблемами национализма и модернизации. Во всех континентальных империях в ответ предпринимались попытки выстроить всеимперскую идентичность (например, оттоманизм) или всеимперскую идеологию (панславизм, панисламизм, пантюркизм), которые неизбежно выходили при этом за пределы имперских границ. Попытки этих империй использовать этническую или религиозную карту в борьбе с противниками сказывались не только на характере этого межимперского соревнования, но также и на внутреннем состоянии самих империй. Это принципиально отличало их от западных колониальных империй, которые могли инициировать поддержку тех или иных конфессий или национальностей в мире, не меняя баланса сил и отношений лояльности внутри собственной метрополии.

Имперская компаративистика последних десятилетий приближает исследователей к важнейшей проблеме понимания общей логики формирования империй, ее зависимости от исторических условий. Она непосредственным образом затрагивает вопрос «исторического времени»: почему одни империи сложились в течение нескольких лет, а другим для этого потребовались десятилетия и даже столетия. И в этом сопоставлении существенное место занимает также понимание синхронности и асимметрии в историческом развитии. Длительность процессов складывания империи напрямую зависит от формирования среди политических элит и в массовом сознании имперских представлений и стереотипов. Вопрос глубины проникновения особой «имперской культуры» в общество крупнейших метрополий может и должен решаться в том числе через их сравнение между собой.

Изучение империи на современном этапе ведется также через опыт их столкновения с «национальным вопросом», давшим многочисленные примеры противостояния и даже столкновения различных национальностей в рамках империй, но также и адаптации национальных образований, их взаимодействия и конструктивного сотрудничества. В комплекс ключевых проблем современной

имперской компаративистики входит и сравнительно-исторический анализ распада империй в различных регионах, взаимодействие внутренних и внешних факторов, определивших распад, его специфику и темпы. С этим же тесно связана проблематика изучения постимперского периода и имперского наследия.

Литература:

Российская империя в сравнительной перспективе: Сб. статей / Под ред. А.И. Миллера. М., 2004; Вернер М., Циммерман Б. После компаратива: Histoire Croisée и вызов рефлективности // Ab Imperio. 2007. № 2. С. 59-91; Каппелер А. Центр и элиты периферий в Габсбургской, Российской и Османской империях (1700-1918 гг.) // Ab Imperio. 2007. № 2. С. 17-59; Ливен Д. Российская империя и ее враги с XVI века до наших дней / Пер. с англ. М., 2007; Миллер А. И. Империя Романовых и национализм. М., 2006; Первостепенная значимость сравнения: интервью с Маттиасом Мидделем // Ab Imperio. 2007. № 2. С. 91-113; Рибер А. Сравнивая континентальные империи // Российская империя в сравнительной перспективе: Сб. статей / Под ред. А.И. Миллера. М., 2004; Человек между Царством и Империей: Сб. материалов междунар. конф. / РАН. Ин-т человека; Под ред. М.С. Киселевой. М., 2003; Bloch M. Pour une histoire comparée des sociétés européennes // Revue de synthèse historique. 1928. Vol. 46. P. 15-50; Detienne M. Comparer l'incomparable. Paris, 2000; Espagne M. Sur les limites du comparatisme en histoire culturelle // Genèses. 1994. Vol. 17. P. 112-121; Miller A. The value and the limits of a comparative approach to the history of contiguous empires on the European periphery. Режим доступа: http://src-h.slav.hokudai.ac.jp/coe21/publish/no13_ses/01_miller.pdf.; Valensi L. L'exercice de la comparaison au plus proche, à distance: le cas des societies plurielles // Annales HSS. Vol. 57. No. 1. P. 27-30.

ИМПЕРСКАЯ КУЛЬТУРА

Культорологический подход в изучении феномена империи имеет довольно давние традиции в зарубежной историографии, хотя количественно это направление по-прежнему серьезно уступает исследованиям в сфере политической и социально-экономической истории. В своем конкретном приложении этот подход преломляется в два основных направления: исследования т.н. «колониальной ситуации», рассматриваемой как «столкновение культур», и изучение «имперской программы», укорененной в культурной традиции того или иного народа.

Начало изучения «колониальных ситуаций» было положено в 1930-е гг. Брониславом Малиновским, основателем функционалистского направления в культурной антропологии, который трактовал их как контакт более развитой активной культуры с менее развитой, пассивной. В дальнейшем наиболее глубокое развитие проблема «колониальной ситуации» получила в работах О. Меннони и А. Мемми, которые показали всю противоречивость и сложность процесса взаимодействия культур и цивилизаций. Ими отмечалось, что в процессе такого взаимодействия не возникало какой-то общей «имперской культуры». Население имперской периферии с легкостью воспринимало какие-то детали культуры метрополии, но, как правило, решительно отвергало ее как целое. С другой стороны, и поведение европейцев в огромной мере определялось не их сознательными целями, а логикой контактной ситуации. Последнее приводило к неизбежному искажению исходных идеологических установок европейцев и они, в результате, делали не то, что изначально собирались делать. Каждый европеец, оказавшийся в колониях, как полагает А. Мемми, вне зависимости от своей воли неминуемо

включался в систему «колонизатор-колонизуемый», отводившей ему по умолчанию привилегированное место.

В рамках второго направления ведутся попытки выделить то, что, собственно, отличало «имперскую культуру» метрополии. Наибольшее число исследований при этом посвящено исследованию культуры и общества крупнейших колониальных империй Нового времени – Великобритании и Франции. Многие авторы исходят из того, что сам факт формирования этих империй в течение XIX в. должен означать, что и их культура этого периода должна отражать ярко выраженный имперский оттенок. При этом целый ряд историков указывают на тот факт, что на протяжении почти всего XIX столетия «имперская тема» почти не находила отклика в массовом сознании, а значит, и в массовой культуре. Строительство империй было делом узких элит, причем территориальная экспансия европейских империй зачастую направлялась не из Лондона, Парижа или Петербурга, а становилась инициативой военных и гражданских служащих «на местах». Примером может быть названа французская экспансия в Западной Африке и Индокитае, в которой немалую роль играло самоуправство соответственно армейских и флотских офицеров. Иными словами, подобный захват территорий никогда не был «запросом снизу», и часто подвергался острой критике в Парламенте.

Однако с выходом книги «Пропаганда и империя» Джона Маккензи представление о взаимосвязях империи и общества было существенно расширено. Маккензи попытался доказать, что популярная литература и музыка, публичные выставки, газеты и кинематограф, публицистика и реклама, тиражировавшие расовые и имперские стереотипы, а также воинственный национализм, внесли огромный вклад в восприятие британцами своего места в мире. Более того, на рубеже XIX-XX вв., эти массовые представления перестают быть пассивным откликом на территориальную экспансию Великобритании и оказывают все большее «обратное влияние» как на политику, так и на культуру. Начиная с 1980-х гг., сначала английская, а затем и французская историография во все большей мере солидаризируется вокруг того тезиса, что империализм занимал центральное место в британском и французском национальном опыте и во многом сформировал их национальную идентичность.

Однако существует и принципиально отличный подход в определении понятия и сущности имперской культуры, наиболее полно сформулированный Ш. Х. Шогеновым. В рамках В рамках этого подхода «имперская культура» понимается не сколько как культура этническая, а как культура легитимации власти правящей элиты. Имперская культура не представляет собой нечто цельное. Она имеет свою иерархию, в которой народная культура отделена от высокой, призванной обеспечивать функцию возвеличивания империи. Она характеризуется ярко выраженной мессианской устремленностью и надэтничностью. Культура империи – «всемирная» культура и не сводима к «этническому» самоопределению. Она складывается исторически и противостоит индивидуализированным национальным культурам. Этот подход ныне разделяется целым рядом современных отечественных исследователей феномена империи: И. Бусыгиной, А. Захаровым, А. Миллером, С. Лурье.

Комплекс современных подходов к изучению «имперской культуры» может быть проиллюстрирован на примере Великобритании.

Для начала необходимо отметить, что ключевые идеологические и ментальные установки, которыми будет отмечена имперское измерение британской культуры, начали складываться задолго до того, как Туманный Альбион превратился в мировую империю. Ряд исследователей обращает внимание на то значение, которое имело в этой связи британское завоевание Ирландии. Квази-колониальный статус Ирландии быстро превратил ее в своеобразную

«лабораторию», в которой метрополия методом проб и ошибок не только вырабатывала общеимперское законодательство, но и сформировала для себя первый образец «туземной» культуры, к которому впоследствии апеллировало британское сознание в столкновении со все новыми народами расширяющейся империи.

Большое значение для складывания «имперской культуры» имел и ввод в 1875 г. , когда королева Виктория была торжественно коронована «императрицей Индии», в официальное употребление и самого термина «Британская империя». Именно в эти годы империя начинает привлекать все большее внимание британских ученых и интеллектуалов, фигурировать в выступлениях политиков и общественных деятелей. Начиная с 1870-80-х гг. Империя и британское общество начинают испытывать все большую потребность друг в друге. Пропаганда в пользу Империи, отождествление ее интересов с интересами всех без исключения классов британского общества, становится все боле широкой. При том, что политика Великобритании, конечно же, не была «менее империалистической» в середине XIX в., нежели в начале нового столетия, присутствие имперского дискурса в общественной жизни метрополии становится все более зримым. На протяжении предшествующих десятилетий британская экспансионистская политика не нуждалась в соответствующей «имперской культуре», особенно в ее массовом понимании. Все те немногие проявления «имперскости» в культуре, которые могут быть отмечены в раннюю и зрелую викторианскую эпоху, ориентировались и потреблялись узкой элитой. Но, начиная с 1880-х гг., ситуация начинает меняться. Именно то обстоятельство, что современники ощущали новизну этого явления, заставляло их даже несколько преувеличивать глубину переворота в общественном сознании.

Главным, что изменилось, стало завершение раздела мира колониальными империями. Впервые Британская империя и ее европейские соперницы вошли в тесное соприкосновение, не разделенное более «ничьими землями». Соответственно возросли и тревоги за неприкосновенность этих границ – прежде всего, со стороны Франции, России и Германии. Военно-морская и промышленная гонка с Германией впервые породила ощущение опасности не только для Империи, но и для самих Британских островов. Этому сопутствовали опасения финансистов, торговцев и промышленников по поводу угрозы, которую несли свободе торговле протекционисткие барьеры континентальных держав, закрывавшие для британского сбыта рынки целых регионов. Это, в свою очередь, оправдывало в глазах деловых кругов колониальную экспансию и все более жесткую эксплуатацию собственных зависимых территорий.

Место империи в политической культуре Британии росло и в связи расширением избирательного права, охватившего к 1884 г. уже 5,6 млн мужчин. Растущая политическая активность тех же английских рабочих в глазах многих делала империю не только внешнеполитическим и экономическим предприятием, но и оплотом внутриполитического согласия. Сесилу Родсу приписывают слова о том, что «империя <…> это вопрос средств к существованию. Если вы хотите избежать гражданской войны, вы должны стать империалистами». Первым же политиком, явственно увязавшим воедино империализм и «социальную программу» стал Бенджамин Дизраэли. Отнюдь не случайно, что после смерти премьер-министра его приверженцы организовали «Лигу подснежника», пропагандировавшую имперские концепции лидера консервативной партии и привлекавшую в свои ряды представителей всех социальных групп. Первое десятилетие XX в. было отмечено также серьезными экономическими проблемами, в результате которых шло снижение реальной заработной платы и рост безработицы. Все это вело к прогрессирующей популярности социалистов и лейбористов в стране

– силы, которые, по крайней мере концептуально, империализм осуждали (хотя не всегда отрицали саму империю). Сложившаяся ситуация подстегивала также все новые волны эмиграции из страны. В 1904 г. поток эмигрантов в колонии с Британских островов впервые перекрыл число выезжавших в США. В условиях почти всеобщей грамотности и все более развитых средств коммуникации, это, безусловно, позволяло в большей мере, чем прежде, ощутить узы между метрополией и ее многочисленными владениями.

В стране множатся всевозможные общества и союзы, объединявшие тех, кто уже так или иначе был вовлечен в колониальные предприятия империи: «Королевское колониальное общество», «Лига имперской федерации», «Лига Британской империи», «Имперская лига», «Дочери империи» для женщин и многие другие. Родившись в качестве объединений единомышленников, имперские лиги развернули впоследствии активную пропаганду своих идеалов, ориентированную на самые широкие слои общества. Сделать империю привлекательной или даже занимательной были призваны имперские колониальные выставки, первая из которых была проведена под официальным патронажем в 1886 г.

Именно в этот период рождаются многочисленные произведения искусства, либо описывающие, либо открыто прославляющие империю и ее идею. Первенство в жанре романа принадлежало Джозефу Конраду и Редьярду Киплингу. В жанре «имперской поэзии» творили все тот же Р. Киплинг, сэр Генри Ньюболт, Альфред Остин и Альфред Нойес. В живописи тема империи активно раскрывалась леди Элизабет Батлер, Байямом Шоу, Джорджем Джоем и «ориенталистом» Френком Брэнгвином. В музыке это было время «Имперского марша», «Страны надежды и славы» и «Короны Индии» Эдварда Элгара, маршей Артура Салливана, ставших церемониальным украшением почти всех проводившихся тогда имперских торжеств, «Оды золотому юбилею» и «Имперскому флагу» Александра Маккензи и «Старой доброй Англии» Эдварда Джермана.

Но самый большой акцент был сделан на воспитание в соответствующем духе подрастающего поколения. В эти годы детям и юношеству оказался адресован настоящий вал «имперской» литературы. Пальму первенства удерживали Джордж Альфред Генти и Уильям Гордон Стейблс, каждый из которых между 1880 и 1905 гг. выпустил по сотне приключенческих романов для юношества, в которых почти неизменно присутствовала тема империи. Ее же раскрывал целый ряд других авторов, активно публиковавшихся, например, в приложениях к журналам для юношества. Во всех этих историях юные англичане и англичанки сталкивались с полным опасностей внешним миром, но всегда выходили победителями из всех приключений. Подобная литература всегда была полна уничижительных стереотипов в отношении других наций и рас, подчеркивая явно или завуалировано превосходство своих главных героев над туземцами. Однако довольно широкая практика чтения ее далеко не всегда может быть увязана с укоренением имперского сознания. Для известного английского историка А. Дж. П. Тейлора политический подтекст книг Генти уже в юношеские годы представлялся очевидным нонсенсом. Британские социалисты приветствовали чтение романов Генти детьми, поскольку так они помогали восполнить очевидные школьные пробелы в географии и истории, подспудно прививая интерес к этим предметам. Само же молодое поколение неизменно оказывало предпочтение детективам, юмористическим рассказам и книгам о животных, научных открытиях, море и т.п.

Воспитание в верноподданническом и патриотическом духе была призвана также привить ревизия учебной программы государственных начальных и средних школ. Резко расширилось преподавание отечественной истории, прежде к числу обязательных предметов не относившейся. Еще в 1890 г. из 23 тыс. английских начальных школ история преподавалась лишь в 414, но уже к 1898 г. число

последних достигло отметки в 5659, пока в течение 1900-1902 гг. преподавание истории в школах ни было объявлено обязательным. В этот же период впервые педагогические колледжи начинают подготовку соответствующих специалистов – школьных учителей истории и географии. Немалое место было отведено и пропаганде империи: ученики должны были испытывать гордость за ее славное прошлое и готовность стать хорошими гражданами, чтобы быть достойными своих героических предков и обеспечить ее будущее. После 1880 г. империя вошла важной темой во все учебники истории. В частности, в кратком «Очерке английской истории» Гардинера издания 1888 г. сюжеты, посвященные Индии, Афганским войнам, колонизации и утрате Америки, приобретению Египта и гибели генерала Гордона от рук махдистов, составили 33 из общих 236 страниц. В конце XIX – начале XX вв. в свет выходили и учебные издания, целиком посвященные имперской истории Великобритании.

Нельзя не отметить, что изложение событий имперского прошлого страны в этих учебниках окончательно утрачивает даже ту долю критического подхода, который был характерен для середины века. Полной реабилитации были подвергнуты фигуры «морских волков» королевы Елизаветы, включая работорговца, пирата и впоследствии адмирала Джона Хокинса, а также таких печально известных правителей Индии, как Роберт Клайв и Уоррен Гастингс. Свое полное оправдание в большинстве учебников получали и колониальные войны Британии в Индии, Афганистане и Китае. Даже те из них, что сохранили критику работорговли и отдельных наиболее одиозных колониальных предприятий прошлого, никогда не ставили под сомнение имперский проект в целом, равно как и цивилизаторскую миссию англо-саксонской расы. В том же ключе преподавалась и география. На первых ступенях обучения знакомство с обширностью и разнообразием британских владений должно было заронить в головы юных британцев представление о величии империи, над которой «никогда не заходит Солнце». В старших классах курс географии вновь возвращался к британским колониям и зависимым территориям, имея целью уже поощрить молодых людей к эмиграции и службе на дальних рубежах империи. Все школьные учебники превозносили достоинства британского имперского правления в сравнении с ее европейскими соперницами.

По воспоминаниям Роберта Робертса, гордость школьников за Британскую империю были призваны поддерживать отрывки из книг Дж. Сили и Р. Киплинга, созерцание карты, в которой полмира было окрашено в британские цвета, а также регулярный «День Империи» с торжественным подъемом «Юнион Джека» и вывешиванием флагов доминионов. Наряду с этим, однако, существует немало свидетельств того, сколь мало содержание уроков истории и географии проникало в сознание учеников-выходцев из низших слоев общества. Куда большее значение в школе придавалось приобретению элементарных навыков чтения, письма и арифметики. Более того, курс отечественной истории в школе сплошь и рядом останавливался на Тюдорах. Почти полное неведение учащимися фактов новейшей истории с тревогой и прискорбием отмечалось целым рядом консервативных политиков. Сами британские учителя даже в начале XX в., когда государство озаботилось повышением качества «гражданского воспитания», очень редко выступали носителями сколь-нибудь связной «идеи Империи». Начальная школа, в целом, если и могла что-то привнести в формировании «имперской культуры», то только разрозненные стереотипы и предрассудки, вроде того, что «индусы способны обойтись в день горстью риса». Жесткого контроля за содержанием уроков не существовало, и учителя руководствовались лишь самыми общими предписаниями установленной программы.

Даже в период наивысшего подъема «джингоизма» и «народного империализма» в годы самой империалистической из всех колониальных войн

Британии – англо-бурской войны 1899-1902 гг.– всплеск шовинистических чувств значительной части английского общества еще не был тождественен приобщению к имперской культуре. Массовые народные манифестации, которыми было отмечено начало нового века, куда чаще были посвящены проблемам внутренней политики, нежели внешней. По оценкам современников, куда ярче джингоизм проявлялся в мьюзик-холле, который даже казался более авторитетным «учителем» простых масс, нежели собственно школа, церковь, политические митинги и общенациональные газеты вместе взятые. И все же в популярных шлягерах на концертных площадках чаще звучал «патриотический» мотив – защиты Британии и ее национального достоинства, – нежели чисто «имперский», в котором воспевалась бы экспансия ее флага. В целом, в популярной музыке была куда сильнее была сатирическая составляющая, она куда эффективнее била по образу своих противников, нежели создавала взамен что-то конструктивное.

Главное же, что прививалось широким слоям низов британского общества, являлась «дисциплина», «послушание» и «доброта нравов». Практическим навыкам, «действию», отдавалось явное предпочтение перед «размышлением» и всякому абстрактному знанию. При этом даже ярые сторонники империализма как инструмента воспитания масс не скрывали того факта, что низшим классам империи должна быть отведена подчиненная роль исполнителей приказов. Гордость за империю ни в коем случае не должна была означать равенства перед лицом этой высшей ценности. Отсюда то значение, которое отдельные идеологи придавали понятию расовой общности. Идея принадлежности к определенной расе сплачивала общество, не обновляя его. Расовая теория позволяла вознести на пьедестал империю, обходя неудобный вопрос о социальном, экономическом и политическом равенстве составляющих ее фундамент. Предполагалось, что англо-саксонской расе свойственно укорененное в самой ее основе чувство независимости и приверженность свободе, а также решительность и предприимчивость, что и выделяло ее среди всех прочих европейцев.

Но на практике, разумеется, никакие расовые теории не могли обратить широкие массы в носителей имперской культуры. Как полагает Бернард Портер, даже если низшие классы действовали «проимперски», причины для этого лежали вне самой империи. Публика охотно посещала колониальные выставки ради диковинок, английские школьники с энтузиазмом встречали «День империи», потому что он наполовину был праздничным днем, и играли в скаутов ради возможности провести активно время на природе. Впрочем, разумеется, это не значит, что вышеуказанная «сладкая оболочка» исключала хотя бы ограниченной действенности самом «пилюли». Пропаганда в пользу появления в календаре «Дня империи» не встречала единодушного одобрения в британском обществе. 24 мая выглядело крайне сомнительным поводом для торжеств как для ирландцев, как и для ряда депутатов от либеральной партии, включая премьер-министра Асквита. Либеральное правительство долгое время отказывалось придавать этому дню статус государственного праздника, и лишь в 1916 г., много позже Канады и Австралии, Великобритания примет соответствующий закон, хотя это и не означало, что все сопротивлявшиеся его принятию были при этом противниками империи.

Большинство тех, кто записывались в армию для участия в многочисленных колониальных войнах Великобритании, преследовало при этом вполне прозаические цели: выбраться из порочного круга безработицы, семейных проблем и «начать жизнь сначала» в колониях после окончания боевых действий, положившись на обещанные правительством хорошие подъемные. Даже англо-бурская война, которая, несомненно, характеризовалась наибольшим патриотическим и проимперским подъемом вплоть до самого начала Первой мировой войны, привлекла под ружье исключительно «ради идеи» лишь немногих.

Те 200 тыс. британцев, что прошли через конфликт в Южной Африке, в большинстве своем отнюдь не вернулись домой убежденными «империалистами». В документальных свидетельствах, оставленных ветеранами войны с бурами, акцент делался скорее на выпавшие на их долю тяготы службы и конфликты с офицерами, нежели на прославление империи, во имя которой они сражались.

Общественные круги, в рядах которых имперская культура проявлялась сколь-нибудь отчетливо, относились к узким элитам и аутсайдерам. Представление об особой «миссии управлять», правах и ответственности, налагаемых «бременем белого человека», укоренялось среди правящей элиты с младых ногтей. Патернализм составлял основу их мировоззрения и практический подход в решении внутренних и внешних проблем Империи. Сюда же укладывалось классическое представление о «туземных» народах как о пребывающих в состоянии младенчества, неспособных нести ответственность за себя и осознавать, что есть для них благо. По этой логике любое сопротивление колонизуемых воспринималось как упрямое нежелание быть приобщенными к «цивилизации» и потому заслуживало сурового наказания. Впрочем, патриархальность отношений местного населения во многих уголках империи вызывала одобрение консервативно настроенных правящих элит, не спешивших поэтому навязывать периферии культуру метрополии. Кроме того, методы непрямого управления, со все большим успехом внедрявшиеся Великобританией в своих колониях в начале XX в., диктовались и соображениями «простоты» и «дешевизны» сохранения традиционных властной вертикали в противовес затратному пути укоренения западных стандартов бюрократии. Такое приобщение к западным нормам политики и управления рассматривалось многими как опасное «заражение» вирусом либерализма неподготовленных к нему обществ. То же самое касалось и опасности разрушения традиционного хозяйства колоний и внедрение на их почве принципов капиталистического производства, которое, к тому же, многими представителями земельной аристократии по-прежнему отождествлялось с интересами узкой кучки биржевых спекулянтов.

Вторую группу (хотя никакого внутреннего единства она не имела) активных пропагандистов империи составляли т.н. «аутсайдеры» - люди, которые не чувствовали своей тесной принадлежности ни к одному из классов английского общества или самому обществу в целом. Их отличал куда более прагматичный подход к империи, что было характерно, скажем, для такого видного политика рубежа столетий и «белой вороны» в рядах правящей элиты, как Джозеф Чемберлен. Примечательно также, что очень многие из тех, с кем мы отождествляем проявление «имперской культуры» Великобритании, были рождены и воспитаны вне метрополии. Один из инициаторов войны с бурами, сэр Альфред Милнер родился и получил воспитание в Германии. Германские университеты окончили также инициатор закона о «Дне империи» лорд Мит и будущий военный министр Ричард Холден. Еще один пылкий пропагандист Британской империи, Дж. Эллис Баркер, был эмигрантом из Германии. Будущий министр колоний Леопольд Эмери родился в Индии, а его мировоззрение сложилось под началом Милнера в Южной Африке. Там же сформировался как личность и Сесил Родс, уехавший из Англии семнадцатилетним подростком. Своего рода отчужденность от лондонской жизни была близка и родившемуся в британской Индии Редьярду Киплингу. Редкий образец британского художника того времени, обращавшегося к имперской тематике, Байям Шоу, родился в Мадрасе. Композитор Имре Киральфи и кинематографисты братья Корда, оставившие свой заметный след в британской имперской традиции, были венграми, автор «Сердца Тьмы» Джозеф Конрад – поляком. Это требует определенной осторожности в том, чтобы в политической деятельности и творчестве перечисленных лиц в усматривать выражение глубин сознания и культуры британского общества. Более того, реализация

империалистических идеалов многих из названных выше деятелей вела бы к серьезному разрыву с британскими традициями. Ярким примером такого разрыва была необходимая с их точки зрения тарифная реформа и введение системы имперских преференций взамен векового британского принципа свободы торговли.

Главный же акцент даже в годы подъема «нового империализма» делался не на концепте «империи», а на концепте «свободы» как главного стержня британской истории, начиная с XVII столетия. Подразумевалось, что именно приверженность «свободе» и налагаемым ею на граждан обязанностям должна была составлять главный предмет гордости настоящего британца. Практическими следствиями приверженности этим идеалам выдвигались первенство в торговле, промышленности и в науке, но не военная мощь, которая сводилась почти исключительности к первенству британского флота. Осознание себя частью свободного и независимого народа помогало смириться с социальным и политическим неравенством. То же место в сознании, безусловно, могла бы занять и гордость за имперскую мощь страны, но она наталкивалась на ряд идеологических противоречий. Британская империя должна была отличаться, скажем, от Испанской (а позднее Российской и Германской империи), которые традиционно отождествлялись с деспотизмом, милитаризмом и грубыми территориальными захватами. В этом смысле Британская империя должна была выглядеть менее «империалистической». Она пропагандировалась прежде всего как орудие цивилизации во благо всего мира, инструмент распространения «свободы». При этом по умолчанию предполагалось, что даже если Великобритания воздержится от дальнейшего распространения своей благотворной власти и влияния, народы Азии, Африки и Океании неминуемо либо погрузятся в хаос, либо окажутся под гнетом куда менее просвещенных и либеральных европейских держав. Именно моральные обязательства Британии как передового и свободного государства, а не экономические выгоды выставлялись на первый план при обосновании необходимости поддержания империи. Из этого должно было складываться представление, что британский империализм был «империализмом поневоле» и своего рода филантропией. Даже те из британских деятелей, кто причислял себя к противникам империи и ее реальных, а не мифических издержек, разделяли общее убеждение, что большинство ее зависимых народов неспособно употребить во благо разом полученную независимость. Власть метрополии, сколь деспотической бы она себя не проявляла, виделась «лучшим из зол» по сравнению с рабством и междоусобицами.

Бернард Портер на основе своего изучения британской империи выводит общий закон, согласно которому для поддержания империй не нужна никакая специфическая «имперская культура», а только соответствующие материальные условия. В Великобритании в период ее имперского расцвета трудно вести речь о некой единой культуре. Английское общество было столь жестко разграничено по классам, что правомерно изучение культуры каждого из них в отдельности. Именно поэтому произведения тех писателей, что обращались к тематике империи, далеко не всегда выражали душу или убеждения всего народа. Укоренение имперской культуры происходило там, где она обращала в свою пользу «естественные» предрассудки, свойственные человеку.

Литература:

Аксютин Ю. М. Понятие «Имперская культура» в современной общественной и научной практике // Вестник Томского государственного университета. № 329. 2009. Декабрь. С. 57-60; Лурье С. В. Российская и Британская империи: культурологический подход // Общественные науки и современность. 1996. № 4. Режим доступа: http://svlourie.narod.ru/imperium/empire.htm; Саид Э. Ориентализм

/ Пер. с англ. СПб, 2006; Attridge S. Nationalism, Imperialism and Identity in Late Victorian Culture: Civil and Military Worlds. N.Y., London, 2003; Empire and Culture: The French Experience, 1830–1940 / Ed. by M. Evans. N.Y., 2004; MacDonald R. The Language of Empire : Myths and Metaphors of Popular Imperialism. Manchester, 1994; MacKenzie J. Propaganda and Empire : The Manipulation of British Public Opinion. Manchester, 1984; Mannoni O. Prospero and Colibian. The Psychology of Colonization. New York, 1957; Memmi A. The Colonizer and the Colonized. New York, 1965; Porter B. The Absent-Minded Imperialists: Empire, Society, and Culture in Britain. Oxford, 2004; Promoting the Colonial Idea: Propaganda and Visions of Empire in France / Ed. by T. Chafer, A.Sackur. N.Y., 2002; Said Edward W. Culture and Imperialism. N.Y., 1994; Thompson Andrew S. The Language of Imperialism and the Meanings of Empire: Imperial Discourse in British Politics, 1895-1914 // Journal of British Studies. 1997. Vol. 36. No. 2. P. 147-177; Wellerstein J. (ed.). Social Change: The Colonial Situation. N.Y., 1966.

ИМПЕРСКАЯ ПЕРИФЕРИЯ

Ценность изучения исторического феномена империи через всесторонний анализ концептов «имперского центра» и «имперской периферии» ныне подтверждена широким кругом исследований. Их теоретическим основанием является, прежде всего, ныне классическая концепция, выдвинутая американским социологом Эдвардом Шилзом. Согласно Шилзу, в каждом обществе может быть выявлен центр и периферия. Под центром понимаются те институты, которые осуществляют власть: политическую, экономическую, военную или культурную. Периферия же – та часть общества, которая воспринимает выработанные центром распоряжения и убеждения. Чем более периферийное положение занимает тот или иной сегмент общества, тем менее он влиятелен, менее созидателен, менее проникнут культурой, исходящей из центра, менее непосредственно охватываются властью центральной институциональной системы.

Шилз называет осознание водораздела между центром и периферией одной из важнейших человеческих установок практически во всех обществах. Так же, как «функционеры центра» единодушны относительно собственной «центральности», так и представители периферии убеждены в существовании других, обладающих большим богатством и могуществом, большим влиянием, в самом общем виде – более значительных, чем они сами. Но, как и центр, периферия не является для Шилза чем-то однозначно определенным: «Есть множество концентрических и при этом пересекающихся периферий. Периферия также содержит в себе многочисленные субцентры, например, центры семей, местные центры, такие как церкви или деловые предприятия и т.д.»

Отношения между «центрами» и «периферриями» могут быть определены в понятиях «близости» и «удаленности». В одних обществах отношения между центром и периферией более интенсивны, в других — менее. По мнению Шилза, для больших бюрократически-имперских обществ характерна большая дистанция между центром и периферией. Большинство сфер действия и убеждений, определяющих жизнь периферии, лежит за пределами радиуса действия центра. Самые отдаленные от центра окраины периферии остаются вне его досягаемости, подчинение ему сводится, скажем, к эпизодическому выполнению некоторых повинностей. Эти отдаленные зоны периферии, имеют свои собственные относительно независимые центры. Во многих отношениях подобные имперские системы не являются единым обществом, на их периферии существует лишь минимум общеимперской культуры, они лишь спорадически приобщены к общеимперскому праву. Обычно в таких обществах слабо развита общественная

политическая жизнь, вся она сосредоточена в центре, где и принимаются основные решения.

В других случаях большое «пространство» между центром и периферией заполняется «лестницей уровней власти», каждый из которых пользуется определенной самостоятельностью, но признает главенствующую роль большого центра. По мнению Шилза, ее целесообразно использовать при анализе многоуровневых, ассиметричных имперских образований, подобных империи Габсбургов, Испанской и Российской империям. Внутреннее политическое и административно-территориальное построение таких империй было весьма сложным, и периферия также приобретала свои особые черты, самостоятельные элементы и признаки.

Действительно, типологически империи как тип государственной системы отличаются именно тем, что основываются на жесткой централизации, которая, однако, не приводит к унификации. В рамках империй не формируется нация: население остается раздробленным на взаимно изолированные социальные, территориальные, этнические и сословные группы. Для каждой из таких групп характерно наличие собственных норм, претворяющихся в собственные, порой диаметрально противоположные способы организации управления, разной экономической организации и т.д. Иными словами, в силу экономических, этнокультурных и иных причин центр оказывается неспособным достичь подлинного единства в рамках империи. Его возможностей, как правило, хватает лишь на прямое принуждение и на расширение территории. Жизнь периферии во всем, что прямо не затрагивает общеимперские интересы, регулируется на основе сословных или местных обычаев, традиций, норм. Как правило, за местными центрами и элитами сохраняется также контроль над полицейскими и армейскими формированиями, мобилизуемыми при необходимости имперским центром. На имперской периферии армия часто сочетает как собственно военные и полицейские, так и управленческие функции.

Ряд ученых выделяет также роль элиты в развитии взаимоотношений имперского центра и периферии. По мнению французского социолога Жака Лагруа, имперская бюрократия неизменно обречена на «сосуществование с традиционными элитами, имеющими другую легитимацию». Именно наличие периферийных элит ограничивает процессы унификации имперского управления. Конкретные варианты распределения полномочий центральных и местных элит для каждой империи индивидуальны. По мнению Лагруа, именно поведением элит – как центральных, так и периферийных – определяется степень и прочность империи. Имперский центр, как правило, сознательно избегает чрезмерно унифицирующей и ассимилирующей политики, поскольку она может угрожать распадом имперских структур. Необходимость сохранения традиционных элит, по мнению немецкого социолога Вальтера Бюля, продиктована потребностью в создании буфера между имперской элитой и подданными, принадлежащими к иным культурам

Характерной чертой всякой империи является постоянная внешняя экспансия. В этих условиях особые качества приобретают границы империй. Рубежи империи не воспринимаются как естественные в географическом или культурном смысле и окончательные. В рамках имперской системы определен только центр, территории на периферии зачастую не имеют устоявшейся и четко демаркированной границы, представляют собой «фронтиры» – пограничные или контактные зоны, подвижные водоразделы между «освоенными» и «неосвоенными» землями. Как отмечает А. Захаров, всякая империя представляет собой «незаконченную систему, потенциально стремящуюся к бесконечности, то есть к совпадению с ойкуменой». Империя ориентирована на универсальные, абсолютные ценности, которые легитимируют имперскую экспансию и самое существование империи, представляя

собой «проекцию вечности в социальную реальность».

Однако с другой стороны, империи в силу своей автономной структурированности неизменно претендуют на самодостаточность, тяготея к замкнутости и изолированности. Согласно образной схеме американского политолога Александра Мотыля, имперскую систему можно уподобить колесу без обода. Элита имперского ядра и созданное ею государство доминируют над периферийными элитами и обществами, выступая в роли посредников в их важнейших взаимодействиях и управляя ресурсными потоками от периферии к ядру и обратно. Таким образом, суть империи заключается в постоянном воспроизводстве модели «доминирующий центр – подчиненная периферия», вне зависимости от того, используются ли при этом методы прямого управления, или привлекается посредничество местных элит. Ослабление контроля центра над периферией должно отождествляться со слабостью и упадком имперской системы.

Важнейшей особенностью империи является то, что весь обмен ресурсами (деньгами, товарами, информацией, людьми) в ее рамках идет исключительно через центр, а не напрямую между регионами. Империя, по сути, выступает как центростремительное пространство, она создает транспортную систему особого типа. Сеть коммуникаций империй, ее шоссе, основные железнодорожные магистрали, морские пути, в основном соответствуют радиальной структуре, то есть лучеобразно соединяют центр с различными участками периферии. И напротив, связи периферийных зон между собой носят случайный и фрагментарный характер. Центральная власть не поощряет непосредственных контактов периферийных зон между собой, «горизонтальных связей» регионов империи и стремится жестко их контролировать. Помимо субординации и неравенства важную роль в описании отношений между имперской метрополией и перифериями играют этнические барьеры, географическая неоднородность и административные различия.

Проводниками политических, социальных и культурных установок метрополии на периферии выступают миссионеры, купцы, военные, бюрократы. Они оказывают свое воздействие на запросы и «вкусы» элит периферии, могут так и или иначе формировать их состав и природу. Некоторые решения принимаются представителями центральной власти «на местах», руководствуясь сложившимся в рамках империи / региона прецедентом, другие поступают в качестве прямых указаний метрополии. Далее вертикаль центральной бюрократии должна обеспечить достаточную поддержку принятому решению для его воплощения на практике. Таким образом периферии на всех этапах от формирования до воплощения решений могут оказывать «возвратное влияние» на метрополию. Даже модель прямого управления требует от периферии определенной степени сотрудничества.

Классическое различие между моделями формальной и неформальной империи во многом и определяется той ролью, которая отводится периферии. Племенные общества периферии, как правило, подпадают под 1) «формальное управление», то есть суверенитет метрополии над территорией осуществляется войсками и бюрократией метрополии; и, вместе с тем, 2) «прямое управление» - кадры гражданской и военной элиты составляют исключительно уроженцы метрополии. С другой стороны, контроль над патриархальными, феодальными или разделенными на фракции периферийными обществами чаще осуществляется «неформально» - через посредничество местных элит. В ряде случаев это же касается и методов косвенного управления.

Для племенных обществ периферии вторжение метрополии, ее властных и культурных институтов всегда крайне разрушительно. Центр резко смещает баланс сил местной элиты, слабые религиозные установления и даже светские ритуалы. У племенных обществ попросту нет той социальной иерархии власти, на которую

могла бы опереться метрополия. Взаимодействие с подобной периферией крайне нестабильно, что подталкивает имперский центр к тому, чтобы «экспортировать» собственную порой весьма разветвленную бюрократическую систему. Во взаимодействии с более развитыми обществами издержки управления метрополии обычно ниже. Торговля периферии перезамыкается на метрополию к взаимной, хотя, безусловно, не равной выгоде. Методы «неформального» управления выгодны еще и по той простой причине, что сталкиваются с меньших сопротивлением периферии, нежели прямое, «формальное» подчинение.

Несмотря на жесткую иерархичность имперской системы как таковой, в рамках ее изучения было бы неправильным отдавать предпочтение «имперскому центру», полагать, что исключительно в нем выражается суть той или иной империи. Имперская периферия не является простым зеркалом, отражающим интересы и интеллектуальные конструкты «центра». Впрочем, в последнее время волна постколониальных исследований переключила ракурс рассмотрения империи как преимущественно интересов, вызовов и культурных проекций «центра» на реакции или области самодостаточного развития имперской периферии. Святослав Каспэ справедливо отмечает формирующийся перекос, когда исследовательское внимание фокусируется исключительно на «всевозможных границах, краях, периферия, маргиналиях, “мембранах”, “лимитрофах” и т.д.». При таком подходе периферия слишком часто предстает как что-то самодостаточное, «вопрос о том, по отношению к какому содержанию она периферийна, даже не задается». Порой периферия описывается как сопротивляющаяся агрессивному и унифицирующему давлению центра «зона свободного роста культурных форм, как территория социального творчества и инноваций». Авторы подобных исследований, механистически продолжая употреблять термины «центр» и «периферия», забывают, что в методологии Шилза инновационная функция принадлежит как раз центрам. Исследования С. И. Каспэ во многом признаны «реабилитировать» центр и нарушить возникшую тенденцию его упрощения в рамках имперской системы.

Точно также с выделением центра и периферии их изучение не сводится к простому противопоставлению, поиску границ и различий. Это было бы верно даже для самой простой модели, где единственному центру-ядру была бы подчинена одна единственная периферия. На практике многонациональные империи предлагают куда более сложную структуру центра, локальных центров и периферий, делающую их взаимодействие еще в меньшей степени бинарным. Разумеется, центры пытаются властвовать над периферия, формировать их и использовать их ресурсы в соответствии с собственным имперским проектом. Но усилия центра обычно ограничиваются традициями (как его собственными, так и периферийными), недостаточностью ресурсов и возможностей, а также сопротивлением пассивным или активным периферий. Периферии всегда сохраняют ту или иную степень свободы реакции: активной адаптации или пассивной покорности, стремления к самосохранению через изоляцию, попыток отделения, сопротивления или даже завоевания превосходства над центром. Периферии могут пытаться стать автономными центрами или заместить собой действующие центры.

Современные зарубежные исследователи предпочитают сосредотачиваться на том, что связывает центр и периферию, является либо «спорной территорией», либо наоборот, предметом договора, точкой достижения определенного равновесия. Тотальное противопоставление «центра» и «периферии» должно восприниматься как упрощение многосложной социальной реальности. Отношения центров и периферий – не однонаправленное доминирование, но сложная циркуляция взаимных обменов, ориентаций, история смещения акцентов, баланса, возвышения и нисхождения. Именно эти отношения становятся решающими в складывании имперской или периферийной идентичности. Идентичность же, согласно

пониманию Рональда Суни, «текуча», «многосложна» и постоянно нуждается в своем воспроизведении. Она укоренена в категориях культуры, но непосредственно отражается также в социальной, экономической, политической и др. реальности. Процессы складывания или целенаправленного формирования идентичности характеризуются отторжением или включением (как добровольным, так и навязанным) «чужого», достижением некоего консенсуса или наоборот конфликтом и т.д. Все это справедливо и для имперской модели.

Теоретический анализ проблемы взаимоотношений центра и периферии привел многих ученых к вопросу о способах преодоления противоречий по линии «центр-периферия». Важным в этой связи представляется тезис Бенедикта Андерсона о языковой политике как способе укрепления государства. На практике это выражается в активной политике утверждения государственного языка, как средства, объединяющего все иноязычные части империи. Государственный язык должен служить достижению универсальности империи. Ряд ученых также признает выравнивание центра и периферии основой разрушения несимметричности и, как следствие, распада империи. Под этим «выравниванием» можно понимать также развитие внутренней общности этносов и общественно-политической элиты на территории имперской периферии.

По мнению А.Ю. Бахтуриной, в более наиболее сложном положении в конце XIX – начале XX в. оказались империи, где различные нации и народности проживали в рамках единой имперской границы. С одной стороны, в таких государствах постепенно стиралось разделение на метрополию и колонию, и возникала иллюзия единого государства. С другой стороны, население, принадлежащее к одной нации, локализованное внутри империи на какой-либо территории, обладающее различными культурно-языковыми, религиозными, а нередко, и государственными традициями проявляло сперва стремление к автономии, а затем и к государственной самостоятельности. В этих условиях отрыв «периферии» от «центра» проходит наиболее болезненно.

Литература:

Андерсон Б. Воображаемые сообщества. М., 2001; Бахтурина А. Ю. Государственное управление западными окраинами Российской империи (1905 - февраль 1917 г.): автореф. дисс. ... д-ра ист. наук: 07.00.02. Москва, 2006; Бусыгина И., Захаров А. Sum ergo cogito: Политический мини-лексикон. М., 2006; Грицай О. В., Иоффе Г. В., Трейвиш А. И. Центр и периферия в региональном развитии. М., 1991; Каспэ С. И. Центры и иерархии: пространственные метафоры власти и западная политическая форма. М., 2008; Миллер А. И. (ред.) Российская империя в сравнительной перспективе. М., 2004; Хобсбаум Э. Нации и национализм после 1780 г. СПб., 1998; Шилз Э. Общество и общества: макросоциологический подход // Осипов Г.В. (ред.) Американская социология: перспективы, проблемы, методы. М., 1972. С. 341–359; Badie B. Le développement politique. Paris, 1994; Callahan K.J., Curtis S.A. (eds.)Views from the Margins: Creating Identities in Modern France. Lincoln & London, 2008; Doyle M.W. Empires. Ithaca, L., 1986; Duverger M. (ed.) Le concept d'empire. P. 1980; Gottmann J. (ed.) Centre and Periphery: Spatial Variation in Politics. Beverly Hills, L., 1980; Greenfeld L., Martin M. (eds.) Center: Ideas and Institutions. Chicago, L. 1988; Motyl A. Imperial Ends: the Decay, Collapse, and Revival of Empires. N.Y., 2001; Shils E. Center and Periphery: Essays in Macrosociology. Chicago, 1975.

ИМПЕРСКАЯ ПОЛИТИКА, ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРАКТИКИ ИМПЕРИИ

Имперская политика, политические практики империи — комплекс действий государства-метрополии, направленных на поддержание и удержание своей власти над колониями и на сохранение и усиление своих позиций в мире.

В области культуры важнейшим направлением политических практик империи является *самопрезентация империи*, то есть идеология ее представления перед подданными, официальное определение ее миссии и способы коммуникации и трансляции данной идеологии реципиентам. В основном это самооправдательные концепции («миссия белого человека», «империя — это мир» и т.д.).

Другими традиционно важными направлениями имперской политики можно назвать национальную, экономическую и религиозную политику империи.

Национальная политика. В общем и целом в государствах, относимых обычно к империи, всегда была доминирующая группа, привилегированная и «государствообразующая», обычно главная этническая или национальная группа метрополии, хотя известны отклонения – в Османской империи привилегированной группой были приверженцы ислама, а в случае с поздней Австро-Венгрией, таких групп было две. Зачастую и само существование империй объяснялось в терминах культуртрегерской миссии населения метрополии, которое призвано повести за собой отсталые народы периферии\подчиненных территорий по пути экономического прогресса, развития самосознания, обретения истинных религиозных ценностей.

В разных империях на разных этапах исповедовались принципы национальной политики прямо друг другу противоположные. В самом деле, есть очень существенные различия между предпринятым Испанской империей жестокими расправами с индейцами в Центральной Америке, численность коренного населения которой сократилась в разы за первое столетие испанского владычества, или на островах Карибского моря, индейское население которых практически перестало существовать, и поведением Российской и Советской империй в Средней Азии, сравнение бывших владений которой и соседнего Афганистана сразу дает понять, насколько велик прогресс во всех областях жизни за время состояния региона в статусе имперской периферии.

Испанская империя в своих владениях практиковала жесткое отношение к подчиненным группам – сперва индейцам, потом привезенным из Африки рабам, затем появившейся креольской и метисской общинам. С покоренным населением обращались вовсе без сантиментов – как описал поведение испанцев Бартоломео де Лас Касас, они «обращались с индейцами даже не как с дикими зверями, а как с кучкой навоза на дороге», «с полным пренебрежением к их душам или телам». Африканские рабы, которых корона начала ввозить в колонии, как только стало понятно, что возложить на индейцев задачу быть источником рабочей силы для эксплуатации новых владений, не удастся, рассматривались сугубо как инструмент. Вместе с тем, креолы и метисы, хотя и допускались в империи к занятию административных постов, но всегда оставались людьми второго сорта, сравнительно с привилегированным положением выходцев с Пиренейского полуострова, прозванным «пенинсуларес» - за двести лет существования аудиенсии Гватемала в ее административном аппарате лишь пять местных уроженцев, даже из семей европейцев во втором поколении, смогли получить хоть какие-то должности, по существу, ущемлялись права местного по сути населения в пользу присланных издалека чиновников, зачастую не превосходящих квалификацией местные кадры, не знающих местной специфики и не разделяющих трудностей и забот жителей колоний. Как следствие постоянных утеснений в экономическом и политическом плане и ряда событий, существенно ослабивших империю, население подчиненных территорий к началу XIX века вполне созрело для борьбы за свои права – исчерпав

легальные способы и прибегнув перед лицом нежелания государственного аппарата уступать свои позиции к силе.

В жестокости методов и пренебрежении к туземному населению близко к Испанской империи стоят бельгийские колониальные владения, появившиеся довольно поздно, но успевшие обрести весьма скверную славу своими методами управления на территории нынешней Демократической Республики Конго.

Как несомненно граждан второго сорта рассматривали обитателей периферии\нетитульное население своих владений Французская, Голландская, Британская, Итальянская, Османская империи, хотя очень отличны и национальная политика и методы ее претворения в жизнь. Во французских, итальянских, голландских владениях, частично и британских, как в Индии, в Западной Африке, островах Карибского моря или на Шри-Ланке, местное население официально не признавалось людьми стоящими ниже жителей метрополии по своему статусу, хотя де факто политика проводилась именно такая – многочисленны свидетельства того, что колониальные администраторы на местах вообще не ставили ни во что проблемы и нужды тех, кем управляли. Традиционно притесняла своих подданных, не принявших ислам, Османская империя. Британские владения на юге Африки всегда и открыто проводили политику апартеида, строго и неукоснительно, вплоть до того, что еще на заре колонизации территории современной ЮАР в городе с многонациональным населением численностью всего в несколько тысяч человек было две виселицы – одна для белых, другая для африканцев. Лишь в конце 1980-х годов апартеид был окончательно ликвидирован в ЮАР – последней стране, его проводившей в жизнь, спустя, что символично после де факто свершившегося демонтажа Британской империи. Все указанные империи никогда серьезно не занимались обучением и просвещением обитателей периферийных территорий, ограничиваясь только подготовкой кадров для работы мелкими клерками, железнодорожниками, подсобными рабочими, младшими офицерами и унтер-офицерами. До 1960-х годов в эту категорию можно было бы добавить США, долго не желавшие отказываться от практики сегрегации различных групп населения, хотя в данном случае мы имеем дело хоть и с политикой империи, но особого рода и в американском случае дискриминация не имела территориальной компоненты, противопоставления жителей разных районов.

Австро-Венгрия стоит особняком по той причине, что в ней было, что необычно в практике строительства империй, две главенствующие национальные группы, немцы и венгры, находившиеся в сложных взаимоотношениях друг с другом и с остальными группами обитателей империи. Венгры всю третью четверть XIX века подвергались дискриминации со стороны германофонной элиты, но при этом подвергали, в свою очередь, дискриминации подчиненные группы – румын, сербов, хорватов. Австро-Венгерская империя так и не сумела создать у своих многочисленных и разнообразных по происхождению, вере и культуре подданных единую идентичность.

Российская империя никогда всерьез не практиковала дискриминацию (исключая еврейскую общину) и охотно кооптировала элиты присоединяемых территорий, хотя, как и Австро-Венгрия, не прилагала особых усилий для выработки единой идентичности – хотя, как справедливо замечает ряд специалистов, проводилось стирание самобытности отдельных народов, обитавших на подчиненных ей землях.

Едва ли не единственной колониальной империей Европы, хотя бы выдвигавшей задачу создать новую расу путем слияния населения Африки и метрополии, была Португалия, где выдвинут был лозунг «лузотропикализма». Предполагалось, что путем развития африканских жителей удастся со временем довести до культурного и социального уровня обитателей метрополии, и

результатом станет новая раса, прекрасно подходящая для освоения африканских просторов, носительница древней и высокой португальской культуры. Выражали свои сомнения вслух даже видные администраторы имперской государственной службы, и в реальности, за несколько десятилетий, пока этот принцип официально декларировался как государственная политика, меньше 0,5% населения колоний сумело пройти тесты, позволявшие стать «ассимиладуш», т.е. формально быть поставленными на один уровень с португальцами – и то лишь формально, поскольку выше уровня клерка-стенографиста никому из них пробиться не удалось.

До некоторой степени в одну категорию с португальской можно внести и Советскую империю, которая провозглашала цель создать «советского человека» на базисе всех населяющих ее групп, но при этом прилагала серьезные усилия и добилась определенных успехов. Еще и спустя два десятилетия после ее распада существует значительное число людей, идентифицирующих себя как «советских» по причине нежелания или невозможности принимать идентичность населения одного из государств-наследников империи. При этом нельзя сказать, что обитателей СССР подвергали серьезной дискриминации именно по национальному признаку, хотя дискриминация в Советской империи практиковалась, причем и позитивная дискриминация тоже. В целом надо констатировать, что СССР провел значительную работу и добился заметных успехов на поприще взращивания национальных кадров – и управленческих, и культурных, а также существенно ускорил социально-экономическое развитие своих периферийных территорий. Такого мы не можем сказать ни про одну из колониальных империй.

Англия, Голландия, Испания, Португалия, Италия в разное время пробовали также переселять на подчиненные территории обитателей метрополии. Интересно отметить, что даже в тех случаях, когда метрополия осуществляла физическую экспансию, переселяя в свои владения представителей доминирующей группы своего населения, практически никогда не происходило смешения их с местным населением и совсем редки случаи появления новой идентичности – можно отнести в эту категорию разве что обособившиеся испанские колонии Латинской Америки, США, и, с известными оговорками, СССР. Как правило же, колонистам приходилось покидать территории после их выхода из-под контроля метрополии, хотя в редких случаях, как в Новой Зеландии и Австралии, колонисты стали доминирующим населением.

Таким образом, в области национальной политики империи, почти без исключений традиционно противопоставляют числящуюся по умолчанию более цивилизованной, развитой и дальше продвинувшейся по пути цивилизации группе, обычно доминирующему элементу населения метрополии, неразвитым и нуждающимся в опеке и наставлении обитателям периферии, которые обычно находятся в подчиненном положении. Вместе с тем степень и характер этого подчинения может значительно варьироваться от одного случая к другому. Не так уж много случаев, когда удавалось или хотя бы ставилось целью создание единой идентичности для населения империи, и не так уж много империй всерьез оплакивали их подданные.

Экономическая политика. Одним из важных аспектов строительства империй традиционно признается характерная для этого типа государственного устройства экономика, предусматривающая эксплуатацию экономических активов периферийных территорий метрополией – территорией, на которой сосредоточена элита государства.

Ранние известные империи прибегали к экспансии и территориальным захватам с целью контролировать источники сырья или пункты производства востребованных товаров, транзитные пункты и маршруты их транспортировки. Например, активная экспансия Португалии на юг вдоль побережья Африки и

Испании на запад, как считается, были прямо продиктованы развитием политической ситуации на Ближнем Востоке, и конкретно экспансией Османской империи, захватившей Константинополь и утвердившейся на традиционном пути доставки грузов из Индии, Китая и Юго-Восточной Азии. Экономические интересы потребовали найти альтернативный путь в Индию, к чему и были направлены усилия обоих империй с Пиренейского полуострова.

Поначалу эта стратегия себя оправдала. Прибыли от прямой торговли с Юго-Восточной Азией и эксплуатации Америки были баснословными, В экономическом плане открытие Америки принесло в краткосрочной перспективе гигантские прибыли испанской короне: ей отходила только пятая часть всего золота и серебра из Нового Света, но и это позволило увеличить ее доходы на 3500% за всего одно столетие. Испанской экономике, впрочем, прибыли от эксплуатации Америки пошли скорее во вред: империя так и не втянулась в процесс промышленной революции, поскольку предпочитала покупать готовый товар, а не развивать свою промышленность. То же самое касается Португалии, попытки королей которой приступить к индустриализации закончились неудачно в силу инерции общества, получавшего свою долю прибылей от торговли товарами из Нового Света и вполне удовлетворенного этой сырьевой рентой. Более того, договор об отмене тарифов с англичанами был заключен с португальской стороны в интересах местных сельскохозяйственных производителей, и обеспечивал, с другой стороны, доступ британским промышленным товарам на местный рынок, а в итоге за счет большой разницы в цене и объеме покупок той и другой стороны все получаемое из колоний золото уходило на оплату импорта из Англию, и вместо развития отечественной промышленности служило развитию английской. Характерной чертой испанской империи была ее сверхцентрализованность – долгое время любая торговля разрешалась только через три центральноамериканских порта, и даже если нечто требовалось переслать из одной колонии в другую, то сделать это можно было лишь транзитом через Испанию. Дополнительную трудность представляло для развития производства желание испанской короны контролировать поставки всех необходимых сырья и материалов – из рудников Гватемалы, например, удавалось извлечь намного меньше серебра, чем можно было бы, поскольку поставки необходимой для работы ртути зависели от массы обстоятельств процесса доставки ее из Мадрида и нескольких этапов бюрократической работы, и это же обстоятельство ставило барьер попыткам импортировать современные технологии для модернизации добычи.

Через столетие после Тордесильясского договора, разделявшего мир на испанскую и португальскую половины, не оставляя места для колониальной экспансии кого-либо другого, о нем уже приходилось вспоминать как об историческом курьезе. Хотя и португальцы и испанцы деятельно старались обезопасить свои новые позиции от конкурентов, будь то арабские торговцы акватории Индийского океана, малайские в районе современного Сингапура или представители европейских держав, пытающиеся закрепиться в Новом Свете, но Португалия вынуждена была свернуть активность по захвату новых территорий, ограничившись помимо Бразилии лишь несколькими владениями в Африке, Восточной Азии и форпостами на побережье Индии. Испанию активно теснили в Новом Свете англичане, французы и голландцы, а потом ее владычеству бросили вызов местные элиты в колониях, результатом чего стало, после затяжной войны, их превращение в независимые государства, связанные с бывшей метрополией только духовными узами. Экономическое влияние Испании в своих бывших латиноамериканских владениях и до сих пор совсем незначительно. Испании ее империя позволила некоторое время доминировать в мире, но ее существование в итоге обернулось значительными проблемами для самой метрополии.

Судьба колоний Португалии была другой, и в силу особенностей истории метрополии ее колониальная империя сохранилась дольше всех европейских аналогов и демонтирована только в 1970-х годах. Хотя исторически португальская и испанская империи имели сходное происхождение, в экономическом плане Португалия навязала своим владениям ту модель, которую затем применяли почти все европейские аналоги – интенсивная эксплуатация природных богатств и дешевой рабочей силы колоний и превращение их в рынок сбыта своих товаров, отличной от испанской модели именно последним аспектом. Примерно этой схеме следовали Англия, Франция, Голландия, частично Бельгия, Германия, Австро-Венгрия, в некоторой степени Российская империя. Инфраструктура во владениях империй, как правило, создавалась для удобства работы по такой схеме, и очень хорошо заметно, что конфигурация железных дорог в Африке и некоторых странах Латинской Америки изначально продиктована конкретными экономическими интересами колонизаторов.

Следует отметить, что изначально Англия, Франция и Голландия стали колониальными державами в значительной степени благодаря частной инициативе, именно частные компании, иногда с финансовым участием государства, открывали новые возможности для торговли и экономической экспансии, и зачастую официальные власти лишь закрепляли уже достигнутые инвесторами, действовавшими на свой страх и риск рубежи. Часто им предоставляли очень широкие полномочия – «Голландская Ост-Индская компания» имела право самостоятельно вести войны, строить крепости, заключать политические соглашения и чинить суд над обитателями заморских земель, и у подобных конгломератов в других странах также были большие полномочия. Обходились, вместе с тем, зачастую и без больших финансовых вложений – британские колонии в Карибском море в основном заложены трудами энтузиастов с меркантильной жилкой.

Политика компаний не отличалась сентиментальностью и была подчинена задаче извлечения прибыли невзирая на последствия – голландцы за попытки продавать пряности англичанам практически все население архипелага Банда на территории современной Индонезии подвергли расправе, а на его место завезены заключившие кабальные контракты обитатели других районов. Кроме того, голландцы постарались уничтожить абсолютно все – и дикие и культурные – посадки мускатного ореха в регионе, дабы сосредоточить его культивацию и продажу сугубо на Банде и только в своих руках, и оба случая исключения только по размаху предпринятого, но не по самому стилю работы.

Радикально в результате имперской экономической политики зачастую менялась структура сельского хозяйства – сахар, одним из важнейших поставщиков которого ныне является бассейн Карибского моря, в этот регион завезен европейцами; каучук в Малайзии, Индонезии, Бразилии; табак в Африке; хлопок вне стран Ближнего Востока; бананы в Латинской Америке; чай на Шри-Ланке; какао вне Западного Полушария; кофе вне Восточной Африке и Арабского полуострова – все это результаты деятельности колониальных империй, организовывавших экономическое пространство подчиненных земель по своему усмотрению и ради максимизации прибылей. Эксплуатация же колониальных владений приносила огромные доходы на раннем своем этапе, британская компания, занимавшаяся экономической экспансией в Индии, выплачивала акционерам 8-10% годовых, на рабах можно было в свое время получить и 700% прибыли. Значительный доход приносило и выстраивание цепочек: к примеру, голландские владения в Индии были важны как источник хлопковой ткани для обмена на специи на территории современной Индонезии, а территория современной ЮАР

использовалась как важный пункт обеспечения на морском маршруте доставки товаров в метрополию. У англичан была на широкую ногу поставлена доставка рабов из Африки в бассейн Карибского моря, оттуда доставка сахара и других товаров в метрополию, а из метрополии готовые товары в Африку для обмена на рабов. Португальцы извлекали большую выгоду из доставки востребованных в Африке товаров из Антверпена в устье Конго, оттуда доставляли рабов в Бразилию, а обратно в Европу из Южной Америки везли сахар.

К началу XIX века, впрочем, большая часть этих компаний была упразднена – главная голландская компания разорилась, что и неудивительно, учитывая все возраставшие и приобретшие баснословный характер злоупотребления на местах, и то обстоятельство, что голландские владения оказались разменной монетой в большой политике начала XIX века. По разным причинам сошло на нет влияние и других такого рода предприятий, и примерно с середины XIX века колониальная экономика перешла под контроль собственно администрации метрополий. Задача оставалась той же, и средства ее решения сходными, только государства смогли проводить свою политику в жизнь куда более решительно и с размахом, не стесняясь вкладывать большие средства в проекты краткосрочно убыточные. В тех же голландских владениях в Юго-Восточной Азии прозванная “Культурной системой” разработанная и внедренная государством схема налогообложения принесла большие доходы, казна Голландии в некоторые годы на 20-30% состояла из прибылей от колоний, за 1830-1870 годы объем экспорта увеличился в 10 раз, пусть даже и ценой серьезного роста социального напряжения. Франция обеспечивала большие доходы от колониальных владений в Центральной Африке за счет ее обитателей, как диктуя им что выращивать и по какой цене продавать, так и создавая инфраструктуру их же подневольным трудом, так что про стратегически важную железную дорогу Конго-Океан писали, что там за каждую уложенную шпалу пришлось отдать одну жизнь туземца. Колониальная экспансия Бельгии и Германии, изначально уже инициированная и проводившаяся под контролем и опекой государства, с самого начала была подчинена задаче извлекать прибыль. Эти империи не отступали от общего обыкновения не стесняться в средствах, период начала XX века в Бельгийском Конго известен особенно жестокой эксплуатацией местных жителей, численность которых за четыре десятилетия сократилась больше чем вдвое даже несмотря на традиционно высокий уровень воспроизводства населения.

Политика империй, как Российская и Австро-Венгерская, не имевших заморских владений, также была в значительной степени продиктована экономическими интересами – целый ряд авторитетных исследователей связывает экспансию России в Средней Азии с необходимостью обеспечить текстильную промышленность надежными и дешевыми источниками хлопка, дабы исключить зависимость от ненадежных, как показал период гражданской войны в США, внешних поставщиков. Вместе с тем, в обоих указанных империях не проводилась организованная откровенно без всякого интереса к нуждам и желаниям местного населения экономической политика, как осваивавшими Африку империями.

Следует особенно подчеркнуть принципиальную разницу: в отличие от испанцев раннего нового времени, бенефициары колониальной торговли этого периода вкладывали средства в производство, добившись немалых успехов в деле развития экономики метрополий.

В новейшее время принцип экономической имперской политики – обеспечивать своему производству рынки сбыта, а производству гарантированные поставки сырья – успешно проводили относительно недавно вступившие в фазу строительства империи США, действовавшие, впрочем, совершенно другими методами, нежели традиционно относимые к империям государства. США

относительно редко применяют открытое насилие для обеспечения своих экономических интересов, зато широко прибегают к огромному арсеналу средств политического и экономического давления. Страны, чья политика по каким-то вопросам идет вразрез со взглядами американского истеблишмента, могут быть наказаны и отлучением от огромного американского рынка, от инвестиций и передачи технологий со стороны США, ограничены в доступе или вообще лишены доступа к кредитным средствам на международных финансовых рынках.

Так или иначе, экономическая политика империй традиционно строится на эксплуатации подчиненных территорий, будь то заморские колонии, покоренные сопредельные районы или (в рамках внутреннего колониализма) регионы своей страны, обеспечении рынков сбыта и извлечения прибыли из разницы в реальной и номинальной стоимости товаров и услуг. Ряд исследователей считает именно наличие экономической системы, построенной по этому принципу, одним из важных признаков квалификации государства как империи.

Религиозная политика. В этом направлении в практике имперской политики встречается удивительное разнообразие подходов и достигнутых результатов.

Религиозные доктрины на одном из этапов провозглашались основной причиной экспансии двумя ранними империями нового времени – Испанией и Португалией, положившим начало строительству государств, чьи владения расположены в нескольких частях света, удаленных друг от другу зачастую на многие месяцы пути транспортными средствами того периода. Даже своих приговоренных к казни противников в Новом Свете испанцы старались все же обратить в христианство, как было, например, с владыкой инков Атауальпой и вождем индейцев Кубы Атауэем. Однако фактически мотив необходимости принести свет христианства, истинной веры, прикрывал реально конкретные экономические цели. Характерна в этом плане позиция организаторов освоения Бразилии, которые, получив строгое указание португальского короля обращать в рабство лишь тех индейцев, кто откажется принять христианства, пытались объявить регион своих экономических интересов территорией, куда по библейской легенде отправился проповедовать апостол Фома – как следовало из их построений, индейцы, раз пребывают в язычестве после этого, свой шанс стать христианами уже упустили и следовательно надлежит обращать в рабы всех обитателей без исключения. Испанская корона выступала против обитателей Нидерландов по мотивам в основном экономическим и внутриполитическим, намереваясь добиться полного контроля за этими двумя сферами жизни в своих владениях, но формально считала главным мотивом своих действий необходимость поддерживать чистоту веры.

Распространение единственно верного учения также ставилось формальной задачей Османской империи на протяжении нескольких веков, и хотя представителям других конфессий разрешалось существовать на территории, подчиненной империи, но в иерархии невозможно было продвижение вверх без принятия ислама и предпринимались всесторонние усилия для исламизации общества. Христианское население Балкан было обязано постоянно соблюдать целый набор правил повседневной жизни, призванный показать ему его низкое место в обществе: от указания, если мусульманин ехал мимо на коне, всем всадникам из числа христиан обязательно спешиваться; и до запрета носить определенные виды одежды и надевать что-либо зеленого цвета. Оно также подвергалось дискриминации в социальной и экономической сферах, и опять-таки в очень широком спектре: не разрешено открывать новые церкви и звонить в колокола в старых; христианское население платило намного больше податей, чем “правоверные”; христианам совершенно запрещено было носить оружие, что в условиях, например, Албании, означало серьезный гандикап в случае частных в

этой местности локальных конфликтов. Вместе с тем в Османской империи лидеры все же мыслили категориями реальной политики и религиозная экспансия де факто не ставилась во главу угла, и несмотря на призывы к расправе с неверными и тотальной исламизации подчиненных территорий, такая политика никогда всерьез не проводилась.

Такие империи, как Византийская или Габсбургов, также считали необходимым проводить религиозную экспансию или прикрывать свои экспансионистские цели словами о надобности распространять (и при необходимости насаждать) религиозные воззрения, которых придерживалась элита этих государств, но конфессиональный аспект не играл главенствующей роли в длительной перспективе. Более того, этим империям приходилось зачастую делать серьезные уступки группам населения, придерживавшимся других взглядов на вопросы веры. Считалось желательным, но не строго необходимым нести свет веры заблудшим или упорствующим, интересы политические зачастую ставились впереди. Это последнее относится и к Российской империи, которая на раннем этапе своей экспансии занималась и обращением населения присоединяемых территорий, но впоследствии предпочла вопросы веры оставлять на усмотрение подданных, изредка стараясь повлиять на те или иные аспекты их жизни – как, например, в случае со Средней Азией, было сочтено полезным оказывать финансовую помощь представителям тех толков и направлений ислама, которые считались наименее опасными для господства империи в регионе, или с Польшей.

Империи нового времени, такие как Франция, Бельгия, Англия, в своих колониальных владениях последовательным насаждением своих религиозных взглядов на уровне государственной политики не занимались, предпочитая оставлять вопросы веры миссионерам и клиру, хотя и оказывая им поддержку финансовую и административную (а в ряде районов, как англичане в Юго-Восточной Азии, от нее вообще воздерживаясь). Зачастую, вместе с тем, христианство оказывалось при этом для местных жителей возможностью приобщиться к цивилизации колонизаторов, естественно воспринимаемой в силу ее военного и экономического господства над туземной как более развитая, подняться на ступеньку выше на социальной лестнице, получить экономические преимущества. В Африке не наблюдается корреляции между процентом христиан в ныне существующих государствах континента, и тем, какая именно страна контролировала этот участок. Но, вместе с тем, довольно заметно, что христианство оказывалось религией групп, чаще всего и основательнее всего контактировавших с европейцами. Например, во всей Западной Африке от Гвинеи до Нигерии группы населения, обитающие по побережью, т.е. часто и постоянно сталкивавшиеся с европейцами, как правило христиане, обитатели внутренних районов обычно мусульмане. При этом в районах, колонизированных англичанами, христиане в основном приверженцы протестантизма, а в бывших колониальных владениях Франции превалируют католики. Вместе с тем, во владениях Голландии, стоящей по другим характеристикам в одном ряду с указанными тремя колониальными державами, христианизация проводилась по личной инициативе отдельных религиозных групп, без всякой поддержки колониальных властей, и как следствие, голландские владения в Юго-Восточной Азии как были так и остались почти исключительно мусульманскими, а среди христиан нынешней Индонезии католиков даже больше чем протестантов, т.е. приверженцев господствующего в Нидерландах направления религии. Как следствие разницы в подходах, на поделенном между португальцами и голландцами острове Тимор в португальской зоне колонизации наблюдается превалирование в конфессиональной структуре населения католиков, тогда как обитатели голландской части того же острова ревностные мусульмане.

В последнем веке нельзя не отметить интересную тенденцию: де факто

империи этого периода никак не проводят прозелитизацию в своих владениях, не поднимают религиозный вопрос вообще. Но вместе с тем в регионах, где, например, США доминируют экономически, как в Центральной Америке, регионе с традиционно сильными католическими традициями отмечается тенденция устойчивого роста численности протестантов, составляющих в США большинство населения. Тогда как в регионах, где господствовал СССР, даже на территориях, где не проводилась антирелигиозная пропаганда, характерная для первых лет существования советского государства, легко заметить рост атеистических настроений, причем после распада «советской империи» население в основном вернулось к прежним воззрениям. Иными словами, в империях наших дней население экономически или политически подчиненных территорий перенимало воззрения на религию, характерные для населения метрополии.

Таким образом, в накопленном опыте строительства империй обнаруживается весьма большой выбор вариантов, как построить конфессиональную политику, хотя, как правило, империи только средневековья и частично раннего нового времени мотивировали свою экспансию религиозными мотивами, и на протяжении последнего тысячелетия формы и характер политики империй по религиозным вопросам претерпели существенные изменения.

К области имперской политики обычно относят *агрессивную внешнюю политику*, направленную на подчинение и порабощение, колонизацию более слабых соседей или этносов и государств в колонизируемых уголках мира. Для этого империя ведет *имперские войны*. Стоит заметить, что агрессия во внешней среде характерна для империи на этапе ее становления, формирования имперского пространства, номенклатуры колоний и подчиненных земель и народов. В дальнейшем речь идет о поддержании *status quo*, сохранении своего владычества, и империя выступает скорей как миролюбивая и где-то даже миротворческая сила. Агрессивный характер приобретают национально-освободительные движения внутри нее. Империя реагирует силовыми акциями на сепаратизм и повстанческие движения в колониях, борется за свои владения в случае передела мира, но в целом предпочитает политическую стабильность. В этом проявляется общая склонность империй к политическому консерватизму, который нередко затрудняет способность империи реагировать на вызовы эпохи, и ведет к их гибели.

Литература:

Каппелер А. Россия — многонациональная империя: возникновение, история, распад. М., 2000; Российская империя в сравнительной перспективе / Под ред. А. И. Миллера. М., 2004; Черкасов П. П. Судьба империи. Очерк колониальной экспансии Франции в XV−XX вв. М., 1983; Andrews K. Trade, Plunder and Setlement: Maritime Enterprise and the Genesis of the British Empire : 1480-1630. Cambridge, 1984; Boxer C.R. The Dutch Seaborne Empire: 1600-1800. Oxford-New York, 1977; Boxer C.R. The Portuguese Seaborne Empire, 1415-1825. New York, 1969; Brendon P. The Decline and Fall of the British Empire, 1781–1997. London, 2007; Butlin R.A. A Geographies of Empire. European Empires and Colonies c. 1880-1960. Cambridge, 2009; Colonialism: An International, Social, Cultural, and Political Encyclopedia. Santa Barbara, CA, 2003; Colonialism and Development in the Contemporary World / Ed. by Chris Dixon and Michael Heffernan. Rutherford, 1991; Ferguson N. Empire: The Rise and Demise of the British World Order and the Lessons for Global Power. New York, 2004; Ferro M. Colonisation: A Global History. London – New York, 1997; James L. The Rise and Fall of the British Empire. London, 2004; Levine P. The British Empire: Sunrise to Sunset. Harlow, 2007; Lloyd T. Empire. The History of the British Empire. London – New York, 2001; McAlister L. Spain and Portugal in the New World, 1492-1700. Minneapolis, 1984; Motyl A. Imperial Ends: the Decay, Collapse, and Revival of Empires. N.Y., 2001; Rae H.

State Identities and the Homogenisation of Peoples. Cambridge, 2002; The Cambridge History of Latin America, Vols. 1-11. Cambridge, 1984-1995; The Dynamics of Global Dominance: European Overseas Empires, 1415-1980. New Haven-London, 2000; Waites B. Europe and the Third World. From Colonisation to Decolonisation. C. 1500-1998. Basingstoke – London, 1999.

ИМПЕРСКАЯ ЭКОНОМИКА

Имперская экономика — система экономических отношений как внутри имперской иерархии, так и империи с другими международными субъектами.

Традиционной схемой имперской экономики считается экономическая эксплуатация метрополией колоний. Поначалу, в ранних империях она осуществлялась путем прямой эксплуатации: обложения данью, угона в плен рабочей силы из местного населения, прямого насильственного захвата территорий и ресурсов. Как правило, из колоний изымалась либо массовая рабочая сила (для рабского труда) или специализированная рабочая сила (женщины для деторождения, мальчики для воспитания янычарами в Османской империи и т.д.), или квалифицированные специалисты (напр., ремесленники).

Особое развитие получила работорговля. Первая партия рабов из Гвинеи прибыли в 1510 г. на золотые рудники Эспаньолы (колонии Испании в Южной Америке). В 1620 г. африканских рабов ввезли в североафриканские колонии. По разным данным, за XVII-XIX в. из Африки в американские колонии и европейские страны было вывезено более 14 миллионов рабов, причем это число выживших. В пути погибло по меньшей мере в два-три раза больше. Отказ от работорговли поэтапно происходил в разных странах (во Франции — в 1794-1848, Британии — 1807-1824, в Северной Америке — 1865), он происходил по идеологическим, а не экономическим мотивам.

В пользу метрополии передавались лучшие территории (в феодальную эпоху на них основывались имения, фазенды , наиболее доходные производства, добыча полезных ископаемых (напр., вывоз драгоценных металлов из Нового Света: за 200 лет из Америки было вывезено 2600 т золота и 10 000 т серебра).

По мере развития империй механизм и структура имперской экономики менялись. Происходил отказ от прямых форм эксплуатации. Формировались экономические механизмы выкачивания из колоний материальных ресурсов и богатств. Прежде всего, это компании и предприятия, занимавшиеся целенаправленным извлечением прибыли из колоний. В 1551-1917 гг. существовала Московская торговая компания, 1600-1874 гг. — Английская Ост-Индская компания, 1660-1752 гг. — британская Королевская Африканская торговая компания. С помощью только Ост-Индской компании первые 15 лет после присоединения Индии колонизаторы вывезли из нее материальных богатств ценностей на один миллиард фунтов стерлингов. В 1602-1798 гг. функционировала Голландская Ост-Индская компания, 1621-1791 гг. — Голландская Вест-Индская компания, 1616-1729 гг. — Датская Ост-Индская компания, 1725-1754 гг. — Датская Вест-Индская и Гвинейская компания, 1664-1769 гг. — Французская Ост-Индская компания, 1627-1663 — Компания ста акционеров Новой Франции.

Это были торговые компании, которые занимались закупкой по сниженным ценам и вывозом колониальных товаров, рабов, устраивавшие в колонии выгодные предприятия, заключали колониальные договоры с местными властями. Теперь основная прибыль метрополий шла не от прямой эксплуатации, а от торговых операций, вывоза ресурсов, их скупки за бесценок. Формируется регулярный

товаропоток — трансатлантический товарообмен между Европой, Африкой и Америкой, так называемый «треугольник», приносивший баснословные прибыли в XVIII-XIX вв.

В дальнейшем имперская экономика развивалась в направлении переноса в колонии производства — сперва добывающего. Например, в 1889 г. создана Британская Южно-Африканская компания, владевшая монопольным правом добычи полезных ископаемых на юге Африки. В 1909 г. была образована «Англо-Иранская компания» для добычи нефти для британского военного флота.

Перенос производства в колонии вызвал уже не только выкачивание из них средств и сырьевых ресурсов, но и приток инвестиций, без которых нельзя было бы построить местное производство. Например, перед началом II мировой войны в колонии в Юго-Восточной Азии Англия вложила около 1 миллиарда 500 млн. долл., Франция— 1 миллиарда 100 млн., Голландия — 950 млн., США — 650 млн. долл. Отдача не замедлила ждать: накануне II мировой в колониях Юго-Восточной Азии было сосредоточено 90% мировой продукции натурального каучука, 70% — олова, 20% — свинца, 17% — цинка, 20% — вольфрама, 4% — нефти, 75% — риса.

Вслед за добывающим в колониях начинают строить заводы по переработке ресурсов и предприятия, производящие техническую продукцию. Например, компания «Дженерал моторс» в 1940 г. открыла на острове Ява завод по сборке автомобилей, выпустивший в этом году 5 500 грузовых автомашин. Благодаря британским инвестициям в экономику Аргентины с 1887 по 1895 г. в Буэнос-Айресе количество промышленных предприятий увеличилось в два раза.

Вмешательство метрополий в экономическое строительство в колониях, инвестиции в них формировали определенную экономическую политику, развитие одних отраслей экономики и торможение других.. Например, с 1888 по 1918 г. французские инвестиции в Юго-Восточную Азию составляли: в промышленность — 249 млн. франков, в транспорт—128 млн., торговлю — 75 млн., аграрный сектор — 40 млн. Особую область дохода метрополий начали составлять операции финансового капитала в колониях. Например, Так, например, французский Индо-Китайский банк с 1934 по 1944 г. извлек из финансовых операций в Юго-Восточной Азии 550 млн. франков прибыли.

Таким образом, имперская экономика выступает фактором формирования международного рынка труда, капиталов и товаров. Тем самым на определенном этапе имперская экономика выступает мощным стимулом развития мировой экономики. Она формирует взамен национальных общий рынок. Безусловно, на этом рынке доминировали компании метрополий, но экономики колоний в него также втягивались, повышали свой уровень развития, интегрировались в более развитые экономические системы, что впоследствии, после обретения независимости, позитивно сказалось на их национальном развитии. Во многих бывших колониях была построена своя промышленность, создана банковско-финансовая система, торговая инфраструктура, подготовлены национальные экономические кадры.

Однако, конечно, еще более благотворной была имперская экономика для метрополий. Помимо источника сырья, они были очень емким рынком сбыта (для некоторых метрополий туда уходило до 40 % продукции, но это скорее исключение — обычно в районе 10-15 %). Поступления из колоний составляли значительную долю бюджета Британии, Франции, Германии. Существуют разные подсчеты, часто спекулятивного характера, столько британцев, немцев и т.д. существовало за счет колоний. Статистика говорит о росте бюджетов метрополий. В 1903 г. имущество Британской империи составляло 108 513 миллиардов долларов, в 1913 г. — 140 110 миллиардов долларов, в 1923 г. — 149 000 миллиардов долларов. Это экономическое богатство выдвигало метрополии на роль экономических лидеров в

большом количестве отраслей. Например, та же Англия в третьей четверти XIX в. производила более 75 % всех строившихся в мире судов и кораблей, а в начале XX в. — более 50 %. Уровень железнодорожного строительства в Англии был настолько высок, что в ней строилось почти 20 % от мировой протяженности железных дорог.

Однако метрополия оказывается в невыгодном положении, когда империя рушится, колонии отпадают от нее и обретают независимость. Помимо прямых экономических потерь, империя иной раз бывает вынуждена нести серьезные экономические затраты при ликвидации последствий своей экономической деятельности в колониях. Например, закон английского парламента в 1833 г. запретил рабство в британских колониях. Но одновременно было принято решение о выплате 20 миллионов фунтов стерлингов компенсации владельцам плантаций, на которых ранее трудились рабы. При распаде СССР в пользу бывших республик были переданы огромные материальные ресурсы, оказавшиеся в их собственности как членов бывшей империи, Советского Союза.

Ключевым и спорным вопросом является проблема, является имперская экономика стимулом или тормозом развития для более слаборазвитых экономик. В постимперских национальных историографиях распространена концепция, что империя выступала тормозом развития, высасывала все ресурсы, сознательно консервировала развитие колоний на стадии аграрно-сырьевого колониального придатка метрополии. Империя выступает препятствием на пути экономической и социальной модернизации. Альтернативной точкой зрения является тезис об «империи-доноре», «патерналистской империи», которая вкладывает средства в экономическое развитие колоний. Только благодаря империи бывшие колонии после обретения независимости получают собственную промышленность, банковскую систему, налаженные экономические инфраструктуры. Особенно остро этот спор разворачивается в историографии на постсоветском пространстве. Например, Литва выдвигает требование компенсации за «советскую оккупацию» в размере 80 миллиардов литов (29,6 млрд долларов). Научных методик подсчета экономического эффекта или ущерба от «имперского владычества» пока не разработано.

Литература:

Will H. Colonial Policy and Economic Development in the West Indies, 1895-1903 // Economic History Review. 1971. Vol. 23. P. 129-147; Fieldhouse D. Economics and Empire 1830-1914. Ithaca, 1973; Kesner R. Economic Control and Colonial Development. Crown Colony Financial Management in the Age of Joseph Chamberlain. Oxford, 1982; Fieldhouse D. The Colonial Empires: A Comparative Survey From the Eighteenth Century. London, 1982; Cain P. & Hopkins A. The Political Economy of British Expansion Overseas, 1750-1914 // Economic History Review. 1980. Vol. 33. P. 463-490; Albertini R., Wirz A. European Colonial Rule, 1880-1940: The Impact of the West on India, Southeast Asia, and Africa Role. Oxford, 1982; Baumgart W. Imperialism: The Idea and Reality of British and French Colonial Expansion, 1880-1914. Oxford, 1982; Черкасов П. П. Судьба империи. Очерк колониальной экспансии Франции в XVI-XX вв. М., 1983; Andrews K. Trade, Plunder and Settlement. N. Y., 1984; Reynolds L. Economic Growth in the Third World, 1850-1980. New Haven; London, 1985; Cain P.& Hopkins A. Gentlemanly Capitalism and British Expansion Overseas: I. The Old Colonial System, 1688-1850 // Economic History Review. 1986. Vol. 39. P. 501-525; Owen R. The Middle East in the World Economy. New York, 1987; Hopkins A. Gentlemanly Capitalism and British Expansion Overseas: II. New Imperialism, 1850-1945 // Economic History Review. 1987. Vol. 40. P. 1-26; Ansprenger F. The Dissolution of the Colonial Empires. London, 1989; Cain P. & Hopkins A. British Imperialism: Crisis and Deconstruction. New York, 1993; Idem. British Imperialism: Innovation and Expansion, 1688–1914. New

York, 1993; Aldrich R. Greater France: A History of French Overseas Expansion. London, 1996; Миронов Б. Н. Социальная история России периода империи (XVIII-начало XX в.): Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. СПб., 1999. Т. 1, 2; Lieven D. Empire: The Russian Empire and Its Rivals. New Haven; London, 2000; Грегори П. Экономический рост Российской империи (конец XIX – начало XX в.). Новые подсчеты и оценки. М., 2003; Фурсов К. А. Держава-купец: отношения английской Ост-Индской Компании с английским государством и индийскими патримониями. М., 2006; Matthew J. Contesting the German Empire 1871-1918. Contesting the Past. Oxford, 2007.

ИМПЕРСКИЕ ВОЙНЫ

Имперские войны — под И. В. понимаются агрессивные, захватнические войны, направленные на захват территорий, природных, экономических и человеческих ресурсов, покорение народов и лишение (ограничение) их суверенитета. И. В. — это насильственный вариант *имперской политики*.и Поскольку *имперское пространство*, как правило, формируется насильственным путем, И. В. — главный инструмент его формирования. И. В. направлены прежде всего на захват земель, превращаемых в *колонии* и провинции метрополии.

Традиции такой имперской модели завоеваний были заложены еще в древних империях, и в классической Великой Римской империи. Римские легионы вторгались на территории, занятые варварами или соседними государствами, завоевывали их и оставляли в качестве инструментов имперской власти власть управителей провинций, опиравшуюся на гарнизоны и, крепости, построенные дороги, по которым из имперского центра могла придти помощь и т.д.

Войны для покорения соседних территорий, как правило, шли по направлениям от более высокоразвитых государств к менее высокоразвитым. Обратную схему развития И. В. имеют только на закате империи, когда менее развитые народы (варвары) завоевывают территорию более развитых, но ослабевших империй (как было с Западной и Восточной Римскими империями, с захватом славянами и балканскими народами бывших земель Османской империи и т.д.).

Европейские территории великих империй формировались в средние века и новое время в основном в ходе династических войн, «войн за наследство» или в результате столкновения сопредельных империй (борьба Австрии и Турции за Балканы в XVI-XIX вв.).

Священная Римская империя присоединила Чехию в 1041 г., когда германский король Генрих III (1039-1046, император Священной Римской империи в 1046-1056) разбил князя Богемии Бржетислава I (1034-1055), напав на него за нарушение договора. Бржетислав I получил от короля Богемию в лен, и в дальнейшем императоры Священной Римской империи или их ставленники становились еще и королями Богемии (институт королевской власти в Чехии учрежден в 1158 г., не считая кратковременного эпизода 1086 г.). В 1102 г. был заключен договор — Pacta Conventa — о династической унии Хорватии и Венгрии, и во главе Хорватии встал венгерский король Кальман Книжник (1095-1116). Уния действовала до поражения Венгрии в битве при Мохаче (1526), после которой распалась и была восстановлена уже в 1570-е г. под властью Габсбургов, подчинивших себе и венгерские, и хорватские земли. Они получили название *Szent István Koronájának Országai* (*Länder der heiligen ungarischen Stephanskrone*) — «Земли короны Святого Иштвана». Королевство Польское не завоевывало Великое княжество Литовское, но присоединило его в результате двух уний — Кревской

(1385) и Люблинской (1569). После последней образовалось единое государство — Речь Посполитая под эгидой Польши.

Здесь мы видим сочетание дипломатии, исторической необходимости с некоторой долей военных конфликтов, как правило скоротечных и направленных не сколько против присоединяемых земель и народов, столько против части их элиты и конкретных представителей династий. Иной характер носили завоевания в Европе Турецкой (Османской) империи и Российской империи. Турция покорила Балканы и захватила огромную часть Юга Европы путем прямого завоевания. Их вторжение началось при султане Мураде I Богоподобном (1326-1389). В 1352 г. они перешли Дарданеллы и разбили армии византийцев, сербов и болгар. В 1362 г. была взята континентальная византийская крепость Адрианополь, переименованная в Эдирне и с 1365 г. сделанная европйеской столицей Османской империи. В 1371 г. продолжились сокрушительные удары турок по славянским землям современной Македонии, Болгарии, Сербии, Боснии. В 1371 г. в битве на реке Марице турки разбили болгарско-сербско-греческое войско. В 1382 г. началось завоевание турками Сербии, в 1389 г. в битве на Косовом поле сербы потерпели сокрушительное поражение. С 1393 г. Турция наносит удары по территории Венгрии, под угрозой полного завоевания оказывается Болгария. В 1393 г. пала столица Болгарии Тырново, а в 1395 г. вся Болгария оказалась под турецким игом (последние очаги болгарского сопротивления в области Видин добивали до 1422 г.). В 1394 г. османы завоевали византийские владения в Фессалии и Морее. Попытка остановить турецкое продвижение на Балканах была предпринята в 1396 г. в битве при Никополе (Болгария), где войско крестоносцев во главе с французскими и бургундскими рыцарями (в его составе также были немцы, венгры и валахи) проиграло сражение турецко-сербскому войску.

В 1422 г. турки попытались взять Константинополь, но неудачно. Впрочем, дни Византийской империи были сочтены. Османы в 1430-е гг. захватывают все ее балканские владения, кроме того, заканчивают покорение Сербии и Валахии. В 1444 г. под Варной было разбито очередное коалиционное войско европейских правителей во главе с воеводой Трансильвании Яношем Хуньяди, пытавшееся освободить Балканы. В 1448 г. произошла вторая битва на Косовом поле, в которой турки разгромили венгерско-валашскую армию. В 1453 г. после продолжительной осады пал Константинополь, и погибла Византийская империя. В 1521 г. пал Белград, и на этом завоевание Балкан фактически было закончено. В 1526 г. в битве при Мохаче было разгромлено венгерско-чешско-хорватское войско. В 1529 г. турки не смогли взять Вену, и на этом их продвижение в Европу было приостановлено.

И. В. Турции носили оттенок геноцида. Собственно, на завоеванных ей территориях постоянно поддерживался военный режим (погромы, набеги башибузуков). Не утихало сопротивление туркам, движение носило в разные годы разную степень интенсивности, но порой выливалось в вооруженные восстания, сопровождаемые карательными акциями.

Завоевания Российской империи носили как аннексионный (Эстляндия, Лифляндия в годы Северной войны 1700-1721 гг., земли Великого княжества Литовского и Речи Посполитой (с 1487 по 1795 гг.), Поволжья (вт. пол. XVI в.), Молдавия (1711 и 1812 гг.), Средняя Азия (1839-1885), Северный Кавказ 1817-1864) так и охранительный характер (войны за Закавказье с Ираном и Турцией в первой четверти XIX в., в ходе которых Россия присоединила части территорий Грузии, Армении, Азербайджана, но этим спасла христианские народы Закавказья от геноцида со стороны мусульманских государств Азии. Россия, присоединяя Закавказье и вытесняя из него Турцию и Иран, преследовала свои интересы. Но объективно ее И. В. способствовали наступлению в Закавказье мирного периода (ср.

судьбу армян, оставшихся в составе Османской империи и в 1915-1923 гг. подвергшихся страшному генциду).

И. В. в Новом Свете в XVI-XVII вв. носили двойственный характер. В 1524-1604 гг. испанцами, португальцами, голландцами, англичанами и французами велось завоевание Южной Америки. Были уничтожены местные государства, покорены и частично истреблены местные племена. В ходе войн за Вест-Индию в XVI-XVII вв. были образованы испанские, французские, британские, голландские, датские и даже шведские колонии. Начались войны за передел колоний (например, англо-испанские войны 1585-1604, 1654-1660, 1727-1729, 1761-1763, 1779-1783 гг.). Таким образом, здесь мы имеем два типа И. В.: собственно конквистадорские войны и войны за раздел и передел колоний.

После завершения колониального раздела мира и его передела в локальных конфликтах И. В. приобретают новый характер — характер глобальных столкновений между мировыми империями за передел мира уже между ними. Считается, что такие конфликты получили развитие в XIX – начале XX в. (Первая (1840-1842) и Вторая (1856-1860) опиумные войны Англии и Франции в Китае, участие имперских держав в подавлении восстания боксеров в Китае в 1898-1902 гг., Крымская война 1853-1855 гг., русско-турецкая война 1877-1878 гг., русско-японская война 1904-1905 гг. и др.). Национально-освободительное движение начало выражаться не только в вооруженном антиимперском движении, но и в войнах между освободившимися народами за передел земель, освобожденных от имперского владычества (наиболее яркий и острый конфликт — Балканские войны 1912-1913 гг. между Сербией, Черногорией, Болгарией, Румынией, Грецией и Турцией, в которых бывшие турецкие колонии делили континентальной наследство ослабевшей Османской империи).

Масштабность И. В. шла по нарастающей, и в XX в. И. В. превращаются в мировые войны, ставящие своей целью победу одной мировой империи над другой и поглощение (полное и частичное) чужой империи и ее колоний. В какой-то степени здесь И. В. достигли цели, даже чрезмерно. В результате Первой мировой войны (1914-1918) погибли Германская, Австро-Венгреская, Османская и Российская империи. Их крах породил европейскую Версальскую систему международных отнощений, противоречия внутри которой были одной из важных причин появления III Рейха. На обломках Российской империи после Гражданской войны 1917-1922 гг. возникла новая империя — СССР.

Новая геополитическая реальность породила новые противоречия и новые И. В. (война в Абиссинии 1935 г., иначе называемая Второй итало-эфиопской войной 1935-1936 гг., аншлюс Австрии 1938 г., аннексия Германией Чехословакии 1938 г., советско-финская война 1939-1940 гг., в ходе которой СССР аннексировал часть Финляндии, присоединение СССР Литвы, Эстонии, Латвии и Бессарабии, Западной Украины и Белоруссии в 1939-1940 гг.). Эти локальные конфликты носили характер И. В., шли по нарастающей и перерасли в итоге во Вторую мировую войну 1939-1945 гг., в результате которой был уничтожен III Рейх и пала империалистическая Япония, а СССР как империя усилился и приобрел в Восточной Европе пояс стран-сателлитов (Польская народная республика, Чехословацкая социалистическая республика, Болгарская народная республика, Венгерская народная республика, Германская демократическая республика, не являлись сателлитами, но также строили социализм Румынская народная республика и Социалистическая Федеративная Республика Югославия).

Во второй половине XX в. происходит крах мировой колониальной системы, который сопровождался И. В. на территории стран Африки и Азии. Например, войны Португалии в 1961-1974 гг. в Анголе, Мозамбике, Гвинее-Бисау, Первая Индокитайская война 1946-1954 гг. велась Францией за сохранение своих

Индокитайских колоний, война США во Вьетнаме в 1957-1975 гг., локальные конфликты в Африке и т.д.). Их участниками были как старые колониальные державы (Франция, Португалия и т.д.), так и США. Политику США второй половины XX – начала XXI в. в историографии нередко именуют неоимперской. Некоторые исследователи считают одним из проявлений американского неоглобализма их неоимперскую политику, в том числе войны США в Латинской Америке (Панамский конфликт 1989 г.) и Азии («война в Персидском заливе» 1991 г., вторжение США в Афганистан (с 2001 по настоящее время), война США в Ираке (2003-2011) и т. д.). Будущее покажет, насколько это определение верно и в самом ли деле современные войны и политика неоглобализма носят характер И. В.

Литература:

Hahlweg W. Typologie des modernen Kleinkrieges. Wiesbaden, 1967; Elliott J. H. The Old World and the New 1492–1650. London, 1970; Leach D. Arms for Empire: A Military History of the British Colonies in North America, 1607–1763. London, 1973; Kondylis P. Theorie des Krieges. Clausewitz-Marx-Engels-Lenin. Stuttgart, 1988; Scammell G. V. The First Imperial Age: European Overseas Expansion c. 1400–1715. Routledge, 1989; Eccles W. France in America. Michigan, 1990; Steele I. Warpaths: Invasions of North America. Oxford, 1994; Gantzel K. J., Schwinghammer T. Die Kriege nach dem Zweiten Weltkrieg 1945 bis 1992. Daten und Tendenzen (Kriege u. militante Konflikte, Bd. 1). Münster, 1995; Der Krieg im Mittelalter und in der Frühen Neuzeit: Gründe, Begründungen, Bilder, Bräuche, Recht. Wiesbaden, 1999; Parker G. The Military Revolution: Military Innovation and the Rise of the West, 1500–1800. Cambrige, 1996; Roshwald A. Ethnic Nationalism and the Fall of Empires. Central Europe, Russia and the Middle East, 1914-1923. London, 2001; Reinhard W. Geschichte der Staatsgewalt. München, 2000; Elliott J. H. Imperial Spain. 1469–1716. London, 2002.

ИМПЕРСКИЕ МИФОЛОГИИ

Имперские мифологии — идеологические конструкты, призванные легитимизировать или делегитимизировать статус империи в глазах ее подданных или в международном контексте. Облеченные в мифологическую, легендированную, дискурсивную форму они транслируются с помощью средств пропаганды, внедряются в образование, воплощаются в имперских «местах памяти» (см. *Империя и места памяти*). И. М. составляют основу образа империи в официальной имперской историографии, влияют на имперское искусство (особенно монументальное), литературу, информационное и пропагандистское наполнение СМИ.

Можно выделить следующие основные направления развития имперских мифологий:

1) «империя — это мир». Это миф, что империя принесла покоренным народам мир, процветание, благоденствие, защиту от внешнего врага. Иллюстративным примером можно привести стихи М. Ю. Лермонтова, в поэтической форме прокомментировавшего присоединение Грузии к России:

И божья благодать сошла
На Грузию! Она цвела
С тех пор в тени своих садов,
Не опасаяся врагов,
За гранью дружеских штыков.

Данная мифология основывается на действительных фактах, что империя,

как правило, в самом деле прекращает междоусобные распри племен и сепаратистски настроенных мелких князей. Подчиняя народы себе, она защищает их от других агрессоров. Другое дело, что это — только одна сторона медали. Усмирение междоусобиц и племенных распрей происходит насильственным путем и нередко связано с истреблением или существенным умалением роли местных элит. Это ослабляет этносы (или племена), так или иначе представленные прежде всего элитами, и может поставить их на грань исчезновения, ассимиляции. Империи, безусловно, предоставляют защиту всем своим подданным, в том числе и на национальных окраинах. Можно привести много примеров регионов, раздираемых «войной всех против всех», и в средневековье и новое время переживающих мирные периоды только во времена их подчинения империи (Кавказ, Балканы и т.д.). Особенно ярко это видно в момент распада империй, когда на их обломках вспыхивают социальные волнения и националистические войны. Вчерашние порабощенные народы, обретя свободу, тут же начинают делить территории, вспоминать прошлые обиды. Так было после ухода Турции с Балкан (сербо-болгарская война 1885 г., Первая (1912-1913) и Вторая (1913) Балканские войны), после распада СССР (вооруженный конфликт в Приднестровье 1992 г., армяно-азербайджанская война из-за Нагорного Карабаха 1991-1994 гг. и т.д.), в ходе распада Югославии (война югославянских и балканских народов 1991-1995 гг.). Список этих примеров можно значительно расширить. В сознании населения в таких случаях имперская эпоха вспоминается как время мира, а освобождение от империи — как время политических кризисов и войны.

В то же время, платой за этот мир выступает утрата суверенитета (что лишает народ возможности построить свое национальное государство, политическая и социальная унификации, культурное нивелирование и т.д.

2) «бремя белого человека». Сформулированная идеологами Британской империи концепция особой миссии колонизаторов как культуртрегеров, цивилизаторов, поднимающих уровень развития туземных племен, при этом реализуя свою миссию путем тяжкого труда, самопожертвования и т.д. В образном виде эта идеология выражена в стихах Р. Киплинга (перевод М. Фромана):

Несите бремя белых, —
И лучших сыновей
На тяжкий труд пошлите
За тридевять морей;
На службу к покоренным
Угрюмым племенам,
На службу к полудетям,
А может быть — чертям!

Несите бремя белых, —
Сумейте все стерпеть,
Сумейте даже гордость
И стыд преодолеть;
Предайте твердость камня
Всем сказанным словам,
Отдайте им все то, что
Служило б с пользой вам.

Несите бремя белых, —
Восставьте мир войной,
Насытьте самый голод,
Покончите с чумой,

Когда ж стремлений ваших
Приблизится конец,
Ваш тяжкий труд разрушит
Лентяй или глупец.

Несите бремя белых, —
Что бремя королей!
Галерника колодок
То бремя тяжелей.
Для них в поту трудитесь,
Для них стремитесь жить,
И даже смертью вашей
Сумейте им служить.

Несите бремя белых, —
Пожните все плоды:
Брань тех, кому взрастили
Вы пышные сады,
И злобу тех, которых
(Так медленно, увы!)
С таким терпеньем к свету
Из тьмы тащили вы.

Несите бремя белых, —
Не выпрямлять спины!
Устали? — пусть о воле
Вам только снятся сны!
Старайтесь иль бросайте
Работу всю к чертям —
Все будет безразлично
Упрямым дикарям.

Несите бремя белых, —
И пусть никто не ждет
Ни лавров, ни награды,
Но знайте, день придет —
От равных вам дождетесь
Вы мудрого суда,
И равнодушно взвесит
Он подвиг ваш тогда.

Империя действительно выполняет миссию просвещения, поднимает культурный, социальный и экономический уровень колоний, несет цивилизацию. Это несомненно, но необходимо оговорить, что ее цивизизаторская деятельность носит унифицирующий, ассимилирующий характер (имперские стандарты образования, культуры, стратегий социализации и т.д.). Чтобы сделать карьеру в имперских структурах, надо было изучать титульный имперский язык, получать соответствующее образование, иной раз — менять веру и т.д. Индивид становился более развитым и образованным, но терял свои этнические и культурные корни. К тому же деятельность империй в колониях была не только цивилизаторской, но также эксплуатирующей, хищнической, причиняющей экологический ущерб. Благородные бескорыстные цивизизаторы — это тоже имперская мифология.

3) геополитические мифологии империи. Обычно вытекают из

провозглашения себя наследником какой-нибудь великой империи прошлого (Империи Ариев, Империи Гуннов, Великой Римской империи, Священной Римской империи и т.д.). Прямой исторической связи между вымышленным предком и существующей империей нет, но она провозглашается, мало того, организуются специальные коммеморации, пишутся исторические труды. Память о мифическом имперском предке используется для предъявления претензий на жизненное пространство (якобы некогда принадлежавшее предкам), на особую историческую роль, гегемонию в определенной среде и т.д.

4) антиимперские мифологии. Связаны с обратными сторонами вышеперечисленных имперских мифологий. Империя связана, как правило, в общественном сознании с негативными коннотациями, с идеей, что империя несет исключительно насилие и зло. То есть гиперболизируется и выпячивается «обратная сторона медали». Антиимперские мифологии в основном развиваются в либеральном дискурсе. Любые проявления империи воспринимаются негативно и объявляются чуть ли не преступлением. К империям со стороны бывших колоний предъявляется счет (ср. попытки некоторых бывших советских республик предъявить счет к России как наследнице СССР — за материальный, экономический, экологический ущерб, «за оккупацию» и т.д. Очень характерно, что реакция на эти претензии следовала совсем в духе имперских мифологий: предъявлялся ответный счет: сколько всего СССР в этих республиках построил, сколько специалистов воспитал и т.д.

5) каждая империя имела свои собственные имперские мифологии, связанные с особенностями ее происхождения, развития, истории, характером претензий и т.д. Это миф о правителе (происхождении власти), миф о происхождении титульной нации, миф о присоединении народов и земель, миф о непобедимости и т.д.

Имперские мифологии — важнейшая часть имперского дискурса и имперской идеологии. Сегодня их изучение — в эпицентре внимания историков империй, в частности, такого научного направления, как «*новая имперская история*».

Литература*:*

Васильева Т. Е. Стереотипы в общественнос сознании (Социально-философские аспекты). М., 1988; Гуревич П.С. Приключения имиджа: типология телевизионного образа и парадоксы его восприятия. М., 1991; Пивоев В.М. Миф в системе культуры. Петрозаводск, 1991; Богданова М. А. Роль мифа в политическом сознании. Ростов н/Д, 1992; Ахиезер А. С. Самобытность России как научная проблема // Отечественная история. 1994. № 4-5. С. 3-45; Слесарев А.А. Мифологическое мышление и образ жизни. Новые грани философского и социально-политического мышления. М.,1994; Косолапов Н. А. Политико-мифологический анализ социальнол-территориальных систем. Основы теории и методологии (на примере России). М., 1994; Баталов Э. Я. Советская политическая культура (к исследованию распадающейся парадигмы) // Общественные науки и современность. 1995. №3. С.60-70; Парфенов А. И. Политичекая мифология . Саратов, 1996; Чудинова И.М. Политические мифы // Социально-политический журнал. 1996. №6. С. 122-134; Формирование и функции политических мифов в постсоветских обществах. М., 1997; Шестов Н. И. Мифологический фактор российского политического процесса. Саратов, 1999; Суни Р. Империя как она есть: имперская Россия, национальное самосознание и теории империи // Ab imperio. 2001. № 1-2. С. 9-72; Схимменпеннинк Д. Идеологии империи в России имперского периода // Ab imperio. 2001. № 1-2. С. 221-226; Флад К. Политический миф. М., 2005; Шестов Н. И. Политический миф теперь и прежде. М., 2006; Фишман Л. Г. Политический

миф и идеология: «опасное сближение» // Полис. 2006. № 4. С.74-86; Хабибуллина Л. Ф. Имперский миф в английской литературе эпохи Возрождения // Гуманитарные исследования. 2010. № 1 (33). С. 120 – 136; Sanchez D. From Patmos to the Barrio: Subverting Imperial Myths. Minneapolis, 2011.

ИМПЕРСКИЙ СУВЕРЕНИТЕТ

В своем сжатом виде «имперский суверенитет», согласно Роберту Джексону, может быть определен как практика осуществления «верховной и исключительной власти над чужой территорией и ее населением», закрепляющая превосходство иностранной державы и отвергающая право на независимость коренного населения и местных правительств. Джоан Пембертон, в свою очередь, считает правомерным отождествлять «имперский суверенитет» с более узким принципом «юридического превосходства». Однако вне зависимости от теоретических тонкостей в трактовке этого термина, в исторической практике «имперский суверенитет» во многом сыграл роль юридического основания европейского колониализма.

Это юридическое основание строилось вокруг такого понятия международного права, как «территориальный суверенитет». Оно увязывало принцип суверенитета с государством, имеющим четко очерченные границы и устанавливающим в их пределах свою исключительную юрисдикцию. Оно же восходило к римскому праву и его обоснованию собственности: захватывая колониальные пространства или навязывая иным народам свою волю, европейские государства апеллировали к принципу *terra nullius* - «ничьей земли».

Подобный принцип «имперского суверенитета» являлся также необходимой нормой, регулирующей и легитимизирующей приобретение европейскими государствами заморских территорий в условиях острого соперничества. Империи взаимно признавали друг за другом право на территориальную экспансию, лишая права на суверенитет большинство неевропейских политических образований. В этом было принципиальное отличие от правовой ситуации в Западной Европе, которую установила Вестфальская система. В рамках этой системы все государства Европы, сколь бы они ни различались своей территорией, численностью населения, военной или экономической мощью, были признаны абсолютно равными с точки зрения международного права и дипломатии. Эти государства могли вести между собой войны и отторгать друг у друга куски территории, но не отрицать само право друг друга на существование. В этой логике окончательный раздел Польши Россией, Пруссией и Австрией в 1795 г. воспринимался как грубое нарушение принципов Вестфальской системы, а колониальный раздел целых континентов – нет.

На раннем этапе развития европейского империализма, впрочем, незападные правители еще признавались суверенами в соответствии с доктриной естественного права. Например, Гуго Гроций в своем трактате о свободе морей писал о союзническом статусе ист-индских правителей по отношению к ряду европейских держав и их принадлежности, соответственно, к «семье наций». Но хотя он и причислял войны, направленные на имперскую экспансию, к «несправедливым», а Эмерих фон Ваттель осуждал завоевания из моральных установок, они также признавали, что пока территориальные захваты составляют распространенную практику во внешней политике государств, эти завоевания нуждаются хотя бы в правовом оформлении. Такое оформление помогало бы умерить жестокость завоеваний, облегчить восстановление мира и упрочить границы завоеванных территорий.

Р. Джексон обращает внимание на то, что имперское видение мира получило

свое выражение даже у Иммануила Канта, чей «Вечный мир» покоился исключительно на европейском государственном конституционализме, европейском же международном праве, свободе торговли и Лиге европейских государств, понимаемых им в качестве универсальных институтов. Возникал парадокс, когда установление всеобщего мира достигалось исключительно через беспрестанные войны и внешнюю экспансию, постепенно приобщающие остальные континенты к этим правовым, политическим и экономическим нормам цивилизации. Идеальное мироустройство мыслилось Канту исключительно под главенством союза европейских наиболее развитых государств.

Тем не менее, И. Кант усматривал глубокое противоречие между принципами суверенитета и иностранного вмешательства. В этом Кант следовал за Э. фон Ваттелем, называвшим свободу от иностранного влияния главным смыслом существования государства: вмешательство в его дела «противоречило бы естественному закону, гласящему, что каждая нация свободна и независима от других». Кант признавал право на «автономию» тех наций, которые законно рассматривают себя в качестве независимых государств – например, современные ему Китай и Япония.

Подобный подход, однако, оставлял законным внешнее вмешательство в те части мира, что не были организованы на основе национального суверенитета. Кант, тем не менее, допускал в случае живущих «в беззаконной свободе дикарей» только право иностранных государств на учреждение своих поселенческих колоний – причем не на основе захвата, а на основе справедливого договора. Он соглашался с тем, что завоевание подобных сообществ может служить «во благо мира в целом», принося отсталым народам цивилизацию и давая шанс на перевоспитание «испорченным натурам», высылаемым из пределов европейской метрополии. И все же эти добрые намерения, на его взгляд, не могли сами по себе смыть клеймо несправедливости с тех средств, которыми эти блага совершаются: насилия и агрессии. Кант признавался, что с «глубоким отвращением» смотрит на «дикую свободу» вместо «осознанной», но полагал ее необходимой прелюдией к переходу под «узду закона». Немецкий мыслитель признавал право на самоопределение даже несуверенных народов, у которых отсутствовало собственное государство и писаное право. Он был готов признать за ними право бороться за свою свободу от внешнего захватчика, что вступало в противоречие с положением о легитимности принципа «имперского суверенитета».

Однако к XIX в. доктрина естественного права, укорененная в античной и средневековой юриспруденции, окончательно уступает свое место «позитивному праву» - официально признанному праву, выраженному в законодательстве государства. Позитивное право представляло собой те юридические нормы, что вырабатывались и признавались самими европейскими суверенными государствами. В силу этого правовые нормы неевропейских стран стали признаваться «местными», «отсталыми», противоречащими движению прогресса. В рамках этого подхода «имперский суверенитет» превратился в глобальную концепцию. В отношении тех государств, над которыми не мог быть в установлен прямой колониальный контроль, – например Китай или Османская империя – «имперский суверенитет» великих держав получал свое выражение в виде принципа «экстерриториальности» для европейцев и американцев, исключавшихся из сферы действия местного правосудия. Основанием для подобного ущемления государственного суверенитета неевропейских стран через систему неравноправных договоров было закрепление суверенных прав исключительно за государствами, достигшими необходимых «стандартов цивилизации». Достижение этих стандартов становилось первым условием претензий на полноправие этих народов в «семье цивилизованных наций».

Джеймс Талли относит к этим стандартам создание национальных

государств на основах конституционного представительства, принцип незыблемости частной собственности, свободу торговли и формализованное законодательство. В соответствии со стадиальной теорией всемирно-исторического развития народов от дикости к варварству и, наконец, цивилизации через смену «охотничье-собирательской», «пастушеской», «земледельческой» и «торгово-промышленной» форм хозяйствования, выработанной еще представителями шотландского Просвещения, все неевропейские народы выстраивались по шкале прогресса относительно эталона «европейской цивилизации». Распространение цивилизации среди отсталых народов признавалось одной из миссий суверенных имперских государств. Практическими шагами на пути к этой цели становилось «открытие» природных и людских ресурсов попавших под имперских контроль территорий, их включение в мировую торговую систему, установление принципов частной собственности и инициативы, трудовой дисциплины. Важной целью объявлялось «избавление» местных народов от деспотичных законов и традиционных коллективных форм экономической и социальной организации.

Д. Пембертон, однако, обращает внимание на то, что неевропейский мир, к разделу которого обратились великие державы Нового времени, на самом деле вовсе не был лишен границ или четких пределов власти. Пусть концепция государственного суверенитета, возможно, и отсутствовала за пределами Европы, это не означало, что понятия властной иерархии и территориальных границ были неведомы остальному миру. Если европейский колониализм и выстроил в итоге некоторую систему экономической эксплуатации мира, он вовсе не привнес в этот мир четких границ.

И все же распространение европейского международного права на неевропейский мир было значимым с точки зрения защиты от колониальных притязаний и смягчения европейского межимперского соперничества. Историческая практика с XVI по XIX вв. знает немало примеров того, как за неевропейскими государствами признавалась правосубъектность и их принадлежность к правовому сообществу наций. Как отмечается Шарлем Александровичем, заключая соглашения с азиатскими и африканскими королевствами, европейские державы демонстрировали должное (хотя бы и внешнее) уважение к их суверенитету. Это ни в коем случае не изменяет неравноправного характера этих соглашений, как и тот факт, что суть этих соглашений обычно совсем по-разному понималась подписывающими сторонами. Скорее это указывает на то, что европейские правовые концепции и дипломатическая практика вовсе не были настолько чужды правовому и политическому опыту неевропейских обществ. Европейские правители, пусть и с оговорками, были готовы признать как равных правителей с других континентов.

Высшей точки принцип «имперского суверенитета» европейских держав достиг во второй половине XIX в. Именно тогда теоретики колониализма окончательно увязали само понятие международного права с породившей его современной европейской цивилизацией. Вопрос же того, насколько всеобъемлющий характер должна приобрести европейская правовая система, вызывал у них заметные разногласия. Известный английский правовед и публицист Уильям Эдвард Холл утверждал, что международное право есть «продукт конкретной современной европейской цивилизации» и сложность ее теоретических конструкций не может по-настоящему быть понята и признана «нецивилизованными народами», а потому должна быть навязана им силой. Чтобы быть признанными равноправными, менее цивилизованные страны должны принять европейское международное право «во всей его полноте». Мартин Уайт называет этот подход «ортодоксальным», хотя и далеко не единственным. Так шотландский правовед Джеймс Лоример, сторонник «естественного права», обосновывал

правомочность полного признания лишь европейских государств и «зависимых от них колониальных территорий». Частичное признание должно было быть закреплено за такими «варварскими сообществами», как Турция, Китай, Сиам и Япония. Что касается остального человечества за пределами указанных выше территорий, отнесенного Лоримером к «дикарям», то в отношении него действовало только «естественное признание принадлежности к человеческому роду».

Не все европейские теоретики, однако, были готовы поддержать империи в их праве на цивилизаторскую и гуманитарную миссию. Как отмечает Д. Пембертон, немало европейских правоведов отвергали правомочность такого вмешательства в силу тех бедствий для народов иных континентов, которое оно несло во имя указанных идеалов или в рамках идеи установления всемирной империи. Джозеф Хорнунг, в частности, высказывался за то, что подобные интервенции должны иметь «незаинтересованный» характер, осуществляться европейскими державами на коллективной основе и с конечной целью полного освобождения наставляемых на путь цивилизации народов.

Идею великой цивилизаторской миссии европейских империй, которые должны подготовить опекаемые ими народы к обретению самостоятельности, отразили Генеральный акт Берлинской конференции 1884-1885 гг., санкционировавшей окончательный раздел Африки, и т.н. «мандатная система», распространенная Лигой Наций на бывшие германские колонии и арабские территории бывшей Османской империи после окончания Первой мировой войны. Только процесс деколонизации во второй половине XX в. окончательно лишил принцип «имперского суверенитета» легитимности, что и было закреплено в ряде резолюций Организации Объединенных наций. Так, в частности, резолюция Генеральной Ассамблеи ООН за номером 3103 от 1973 г. окончательно классифицировала колониализм как «преступление» с точки зрения международного права.

Литература:

История политических и правовых учений / Под ред. О. Э. Лейста. М., 2006; Пастухова Н. Б. Суверенитет: историческое прошлое и настоящее // Вопросы истории. 2007. № 8. С. 92-99; Anghie A. Imperialism, Sovereignty and the Making of International Law. Cambridge, 2005; Bowden B. The Empire of Civilization : The Evolution of an I|mperial Idea. Chicago, 2009; Bush B. Imperialism and Postcolonialism. London, 2006; Jackson R. Sovereignty: Evolution of an Idea. N.Y., 2007; Krasner S. D. Sovereignty: Organized Hypocrisy. Princeton, 1999; Pemberton J-A. Sovereignty: Interpretations. London, 2009; Tully J. Lineages of Contemporary Imperialism // Lineages of Empire: The Historical Roots of British Imperial Thought / Ed. by Duncan Kelly. Oxford, 2009.

ИМПЕРСКОЕ ВРЕМЯ

«Имперское время» – одна из наименее разработанных в современной историографии характеристик имперского феномена. При этом вполне очевидно, что империи не только по-новому организуют пространство и народы, но также и вовлекают их в течение масштабных событий, задают новый ритм, ускоряют протекание исторических процессов на своей периферии. Словами американского исследователя А. Роя, «время империи – это война и разрушение, но также созидание, красота и обновление». При этом многие исследователи отмечают устойчивость во времени, в котором протекает жизнь империи, обращаясь к броделевскому понятию «большой длительности». С. Амин в рамках

неомарксистского подхода увязывает империализм с развитием капитализма, выделяя три ключевых этапа на временной шкале существования современных империй: (1) завоевание обеих Америк меркантилисткими странами атлантического фасада Европы, (2) колониальный раздел Азии и Африки индустриальной Европой, (3) современный этап, начинающий свой отсчет с распада СССР. На современном отрезке в качестве последней глобальной империи выступают США.

Н. Конде, однако, оспаривает представление об империализме на длинном историческом отрезке как о процессе линейного прогресса: накопления капитала, перенапряжения, краха и постколониального послесловия. На основе изучения имперских (и в особенности культурных) практик царской России она дополняет их обычную линейную историю циклическим воспроизведением и смешением набора установок колониальных взаимоотношений прошлого. И если линейный прогресс подразумевает выбор осознанных стратегий, то подобное возвращение вновь и вновь к архаическим моделям могло носить спонтанный и почти произвольный характер. По мнению исследовательницы, российская современная культура противопоставляет атлантическому «линейному нарративу» сосуществование различных имперских временных измерений, свой вариант имперского времени. Регенеративная и циклическая модель имперского времени: крах, воссоздание, расширение и затем новые признаки нестабильности позволяет России возрождаться вновь и вновь, не переходя на путь модернизации нации-государства, проделанный другими империями прошлого, поскольку и крах – по крайней мере, в сфере культуры – может нести в себе элемент модернизации.

Отдельный интерес вызывают взаимосвязи, которые устанавливаются между империей и «линейным» временем. А. Берроуз в своем исследовании «имперского времени» отталкивается от того тезиса, что сам подсчет времени может нести в себе гомогенизацию и форму имперского контроля. С момента проведения Международной меридианной конференции в Вашингтоне 1884 г., рекомендовавшей всем странам мира использование Гринвичского меридиана в качестве «нулевого», «гринвичское время» окончательно стало одним из символов Британской империи. Британское время превратилось в очередную статью экспорта, эталон, на который привыкли опираться. Международное стандартизированное время стало частью постепенной синхронизации процессов в мире, особенно в транспортной, торговой и финансовой сфере – того процесса глобализации, который составляет одну из важнейших характеристик современности.

Подобная стандартизация не могла не откладывать свой отпечаток и в массовом сознании. Модернистская литература поздневикторианской эпохи оказалась в равной мере проникнута представлением о «правильном», «точном» времени, которое привносила с собой британская цивилизация. «Универсальное» время империй сталкивалось при этом с «локальным» и «социальным» временем, скажем, земледельцев-мусульман, отмерявших свой день с восходом и закатом солнца. Массы различных по своему укладу и вероисповеданию групп подданных крупнейших империй жили в своих иных временных измерениях. Точное, правильно отмеряемое время могло восприниматься как нечто искусственное, навязанное человеку Нового времени извне и противоречащие его природе. Нарушение связного течения хронологии в качестве художественного приема иногда могло нести в себе и логику протеста.

Так, в своей постколониальной трактовке произведений Вирджинии Вульф К. Филипс усматривает желание английской писательницы обратить внимание читателей на противоречия, укорененные в британской имперской идеологии. Известно, что В. Вульф критиковала представителей реалистической школы за неспособность показать реальное протекание человеческого времени с их привязкой к точным к точным цифрам циферблата и датам календаря. Фрагментарность

формирования человеческих характеров она стремилась, помимо прочего, продемонстрировать сознательной деформацией линейного времени. Время в ее романах и эссе циклично и «естественно», передается в простой смене дня и ночи, времен года. Отождествляя с «линейным временем» связный нарратив течения истории Британской империи, исследователи приходят к выводу о том, что герои В. Вульф не только «выпадают» из господствующего «имперского времени», но и сознательно противопоставляются навязываемому современным им обществом имперского сознания.

И все же империи далеко не всегда добивались цели «подчинения» себе времени, неминуемо сталкиваясь с присущей самой их природе этнической и религиозной пестротой. Такой вывод делает С. Малышева при изучении попыток регламентации календаря в Российской империи во второй половине XIX-начале XX вв. В пореформенное время в российском городе все еще существовал значительный разрыв между календарем высших городских слоев и низших, особенно выходцев из деревни, продолжавших практиковать архаичный сельский календарь, тесно связанный не только с православной традицией, но и с языческой, с аграрным циклом. Как писал А. И. Герцен, «внизу и вверху разные календари. Наверху XIX век, а внизу разве XV, да и то не в самом в низу…».

Модернизационные устремления Российской империи, потребности экономического развития страны и сама имперская идеология логически подразумевали сближение временных алгоритмов жизни горожан, формирование единого унифицированного современного календаря. Эту идею воплощал официальный досугово-праздничный календарь, чьи даты и праздники демонстрировали тесную связь с православной церковью и самодержавием. Однако этот государственный календарь так и не был распространен на всех жителей страны, поскольку не смог разрешить проблему учета национально-конфессиональной специфики ее населения, в частности, мусульман. Российская империя, как отмечает С. Малышева, так и не решила проблему полной унификации календаря. Эта задача будет решена в СССР только в рамках общего наступления на религиозную сферу в начале 1930-х гг., когда эксперименты с «пятидневной» и «шестидневной» рабочей неделей «упразднили» воскресенье, а также пятницу и субботу, тесно связанные с соответствующими христианской, мусульманской, иудейской праздничными культурами. Ситуацию не изменило и восстановление воскресенья как выходного дня для всех категорий трудящихся СССР в 1940 г.

Тайваньский исследователь Цзя-лань Ван отмечает, что для поддержания государственного порядка империя нуждается в укреплении соответствующей идентичности, что, в свою очередь, решается в том числе и «навязыванием однолинейного времени». Выстраивание подобной однолинейности акцентирует внимание на тех двух аспектах, которые побудили Т. Нэрна в свое время назвать национализм «двуликим Янусом»: обращение к имперской славе и «викторианским ценностям» прошлого вместе с конструированием многообещающего будущего, необходимого для мобилизации общества в преддверии новой стадии глобального капиталистического соревнования. Рассматривая имперскую нацию в качестве «воображаемого сообщества» в духе теории Б. Андерсона, нельзя не отметить, что четкая упорядоченность бега часов и календаря укрепляла ее социальную солидарность. В этом смысле синхронизация временных пластов способствовала укреплению внутреннего единства империи.

При этом важно учитывать и то, что время неизменно «ускорялось», начиная с Промышленной революции. Сама логика производства ныне требовала все более жесткой регламентации времени. Империи прошлого пытались синхронизировать протекающие в них процессы не ради одной идеи унификации – «одна империя, одно время», – а действуя в логике своих модернизационных усилий. Империя как

сложная система для эффективной работы требовала стандартизированного национального (государственного) времени. Так на смену «божьему» или естественному времени, подчиненному движению по небосклону Солнца и вековому ритму жизни крестьянина, пришло «человеческое» время Нового времени.

И если прежде подобную роль «организатора» времени и пространства невольно брали на себя империи прошлого, то на современном этапе развития информационного общества весь мир уже можно представить, доказывает Р. Хассан, в виде «империи скорости», основанной на компьютерных технологических системах, целью которых является дальнейшее ускорение процессов производства, обмена, потребления и т.д. Современная система выходит за рамки традиционного политического измерения империи, поскольку политика более не в состоянии угнаться за нарастающим темпом изменений, составляющих самоцель этой системы. Часы привнесли ускорение как нечто вытекающее из внутренней логики индустриализации и капитализма, подчиняя с распространением последних жизнь миллионов новому, все более лихорадочному ритму.

Литература:

Малышева С. «Еженедельные праздники, дни господские и царские»: время отдыха российского горожанина второй половины XIX – начала XX вв. // Ab Imperio. 2009. № 2; Banfield A. Time Passes: Virginia Woolf, Post-Impressionism, and Cambridge Time // Poetics Today. 2003. Vol. 24. № 3; Barrows A. The Cosmic Time of Empire: Modern Britain and World Literature. Berkeley, 2011; Condee N. Mediation, Imagination, and Time: Speculative Remarks on Russian Culture // Ab Imperio. 2008. № 1; Hassan R. Empires of Speed: Time and the Acceleration of Politics and Society. Leiden, Boston, 2009; Quayson A. The Sighs of History: Postcolonial Debris and the Question of (Literary) History // New Literary History. 2012. Vol. 43. № 2; Amin S. Imperialism and Globalization // Monthly Review. 2001. Vol. 53. № 2; Roy A. Praxis in the Time of Empire: [Электронный ресурс]. Фкешсду ЫефидуГКДЖ http://www.geog.ubc.ca/~ewyly/urban/Roy%282005%29.pdf (Дата обращенияЖ 2ю10ю2012).

ИМПЕРСКОЕ ПРОСТРАНСТВО

Имперское пространство — организация территориального устройства империи на пространственном и ментальном уровнях. На административном уровне главным принципом организации внутреннего пространства империи является несовпадение административных и этнических, национальных границ. Задачей империи является миксирование национальных меньшинств, недопущение их консолидации, профилактика роста локальных национализмов и сепаратизма. Одним из инструментов такой политики является искусственное национальное и этническое разобщение, которое достигается в том числе произвольным проведением административных границ, «дробящее» места кмпактного проживания этносов.

В разных империях эта модель реализовывалась по-разному. Так, Австро-Венгерская империя в силу своего дуализма делилась на две части: Австрийскую Империю (с 1867 г. Цислейтанию) и Венгерское Королевство (Транслейтанию). В первую входили исторически сложившиеся области: королевства Богемия, Далмация, Галиция и Лодомерия, эрцгерцогства Нижняя Австрия и Верхняя Австрия, герцогства Буковина, Каринтия, Крайна, Зальцбург, Верхняя и Нижняя Силезия, Штирия, маркграфства Моравия, Истрия, княжеские округа Тироль,

Горица и Градишка, земля Форарльберг, Австрийское Приморье и город Триест. В земли венгерской короны входили королевства Венгрия, Хорватия и Славония. Особый статус имела аннексированная в 1908 г. Босния и Герцеговина.

В XVIII-XIX вв. в основе административного деления земель Венгерской короны лежала традиционная для Венгрии система комитатов (территориальных органов местного самоуправления), которую в ходе имперских реформ Иосифа II (1785-1790) пытались приспособить к нуждам импреской политики. Именно комитатская система оказалась средоточием антиимперских настроений в первой половине XIX в. (например, в 1821 г. из 41 комитата только 17 выполнили имперские задачи мобилизации и налогообложения). Из комитатов во многом выросло революционное движение 1848 г. После подавления революции в Венгрии комитаты были упразднены, а вместо них введены военные округа, причем границы этих округов проводились так, чтобы в каждом из них были перемешаны этносы, и венгры не получили бы этнической концентрации ни в одном из округов. В 1860 г. к комитатам вернулись, но это были уже другие комитаты, и это было сделано уже в рамках имперской политики дуализма, либерализации в отношении Венгрии (этой политикой Австрия хотела удержать Венгрию и другие земли в составе империи).

Европейские владения Османской империи, как и ее азиатская часть, делились на вилайеты (Босния — включал земли Боснии и Герцеговины, Сербии, Хорватии, Черногории; Буда — земли Венгрии, Сербии, Хорватии; Румелия — земли Болгарии, Греции, Македонии, Албании, Сербии; и т.д.). Границы вилайетов менялись, как и и их количество. Также выделялись отдельные вассальные княжества (напр., Молдавия), территории под управлением высокопоставленных чиновников, назначаемых из Стамбула (пашалыки). Как мы видим даже из этого краткого экскурса (административная система на практике была сложнее и вэолюционировала во времени), в Османской империи границы проводились произвольно, без оглядки на исторически сложившиеся границы областей и этнические ареалы. Недаром именно Балканы, бывшие владения Османской империи, в XIX-XX вв. станут самым напряженным районом Европы в плане этнических и национальных конфликтов: они слишком долго тлели под турецким владычеством «под спудом», и при освобождении от имперской зависимости сразу же приняли радикальные формы.

В Российской империи с начала XVIII было принято деление на губернии (см. *Губернатор*). Это были в административно-территориальном отношении довольно крупные образования, в рамках которых могли объединяться различные этнические районы и исторически сложившиеся территории. Районы проживания национальных меньшинств Российской империи могли дробиться на разные губернии (как было с украинцами и белорусами).

Колониальные империи (Британская, Испанская, Французская и т.д.) организовывали свое И. П. по принципу «метрополия — колония». При этом благодаря большим географическим расстояниям, территориальному отдалению создавалась иллюзия всемирности империй (знаменитое выражение: «Над Британской империей никогда не заходило солнце»).

Вторым уровнем организации И П. является создание особой социокультурной среды. Империя, континентальная или колониальная, оставляет колоссальный след в менталитете социума, в его культуре, системе ценностей и т.д. Можно говорить об особых исторических зонах влияния империй, начиная со средневековья: Франкской (зона Ocidentes, западнее линии Лаба – Лита) и Византийской (Балканы и Киевская Русь). Затем развивается зона влияния германского мира (через священную Римскую империю Германской нации), зона влияния православного мира (Московской Руси), Османской империи (Балканы, частично — Венгрия и т.д.). От СССР осталось постсоветского пространство.

Входящие в него страны, несмотря на то, что идут суверенным путем уже более 20 лет, все равно объединены многими традициями, историческом опытом, культурным наследием, менталитетом.

В колониальном мире тоже довольно четко разделяются колонии, бывшие под испанским, французским, британским владычеством (от языка до культуры и менталитета).

Понятие И. П. востребовано для определение исторических масштабов влияния империи, следа, который она оставила в истории, и определения исторических и географических пределов этого влияния.

Пространственная характеристика империй является одной из базовых в анализе этого исторического феномена и отражает влияние геополитики. Общепринятым является разграничение империй на «морские» и «континентальные». К первым традиционно относят португальскую, испанскую, британскую, французскую и голландскую империи, ядром которых выступало соответствующее национальное европейское государство, а периферией – их заморские владения в Америке, Африке, Азии и Океании. В разные годы попытки обзавестись собственными заморскими владениями предпринимались также Швецией, Данией, Бельгией, Германией, Италией и Японией, но их имперский опыт по разным причинам был непродолжителен. В качестве типичных континентальных империй Нового времени традиционно рассматривают Российскую, Китайскую, Австро-Венгерскую и Османскую империю, а также США.

По мнению Доминика Ливена, соответствующим образом можно выделить две основные «школы» изучения исторического опыта империй, разграниченных именно по пространственному принципу. Первая, самым известным теоретиком которой является Михаэль Дойл, связана с изучением европейских «морских» империй и их колонизации других частей мира, строившейся на принципах политического доминирования, экономической эксплуатации и культурной агрессии. Вторая группа ученых, следуя традиции, заложенной Самюэлем Айзенштадтом и Морисом Дюверже, сосредотачивается на изучении «континентальных» империй древности и Нового времени, созданных великими военными завоеваниями и политическим абсолютизмом власти.

За каждым из этих вариантов стоит соответствующий тип колонизации – «естественный», когда метрополия расширялась за счет близлежащих земель, или «морской», связанный с приобретением заморских территорий и созданием там поселенческих общин. Континентальные империи традиционно тяготеют к территориальной монолитности, в то время как морские империи почти всегда разорваны. В силу вполне объяснимых причин для морских империй характерны более резко выраженные различия между ядром и периферией.

Долгие годы предполагалось также, что «морская» экспансия сопряжена с более высоким уровнем экономического и технологического развития метрополии, нежели простой захват прилегающих территорий. В частности, известный теоретик британского империализма Джон Сили утверждал, что для расширения континентальных империй достаточно «ничтожных побуждений и умеренных усилий». Однако это едва ли применимо, в частности, к российской колонизации Сибири и Дальнего Востока, сопряженной с освоением земель с суровыми природными условиями. Учитывая замечание Ф. Броделя о всех громадных преимуществах, которыми вплоть до XX столетия отличались морские перевозки в сравнении с транспортировкой грузов через обширные сухопутные пространства, «легкость» поддержания устойчивых связей между имперским центром и периферией континентальных империй становится еще более спорной.

Историография последних двух десятилетий уделяет все большее внимание сравнительному изучению империй обеих пространственных категорий. Благодаря

этим исследованиям современные историки постепенно уходят от прямого противопоставления континентальных империй морским. Разрушается и главный стереотип, согласно которому первые было принято описывать как «традиционные», а вторые – как «модерные». Сегодня историки признают то обстоятельство, что «традиционные» континентальные империи в XVIII и особенно в XIX веке демонстрировали очевидные успехи в экономической и политической модернизации. Кроме того, ныне появляется все больше примеров того, что даже в самых динамично развивавшихся морских империях этого же времени сохранялось немало традиционных элементов общественного устройства и форм контроля центра над периферией.

Так, в частности, Дэвид Кэннадайн убедительно показывает, что британский правящий класс не только широко использовал непрямые формы правления в своей империи, но и сохранял как в отношениях центра и периферии, так и в организации жизни в самих колониях традиционные, сословно-династические формы легитимации. В XX в. африканская и азиатская периферия Британской империи превратилась в своего рода «заповедник традиционных форм», уже в значительной мере подорванных процессом политической демократизации самой метрополии. Этот пример не исчерпывает дискуссии вокруг имперского прошлого Великобритании, которая постепенно разрушает ее образ эталона «морской империи», своеобразного полюса в историческом спектре империй прошлого, носительницы самых «передовых» технологий империализма.

Дэниэл Бо, в частности, полагает, что вплоть до 1650 г. Британия вообще не проводила последовательной имперской политики. Только в последней трети XVII столетия ее новая политическая стратегия, основывающаяся на контроле над «открытым морем», начинает обретать подлинно имперский масштаб. В этой стратегии главную роль играл не контроль над территориями, а способность страны поддерживать безопасность своих основных морских торговых путей, строить и снаряжать всем необходимым корабли, одерживать, наконец, победы над своими главными соперниками на морях: французами, испанцами и голландцами. Поворотным моментом стал выбор Англии в пользу приобретения Канады вместо Гваделупы у французов по итогам Семилетней войны. С этого момента, как доказывает Питер Маршалл, Британская империя во все большей мере становится не только «морской», но и «территориальной» - опирающейся помимо флота на сухопутные силы, а также на деспотическую власть над «не готовыми к свободе» народами.

Впрочем, один из ведущих историков флота в Великобритании, Николас Роджер, оспаривает точку зрения на Британскую империю как постепенно утрачивавшую свой «морской» характер. Он утверждает, что до самого 1815 г. Британия оставалась, прежде всего, европейской державой. Королевский флот преимущественно сосредотачивался в отечественных водах, а его главной задачей оставался не контроль над океаном, а защита Британских островов от иностранного вторжения. Лишь с обеспечением этого первостепенного требования флот предпринимал успешные морские операции вдали от своих баз, как это было в годы Семилетней войны. С этой точки зрения, морской империей в полном смысле этого слова – владычицей морей и обширных заморских территорий – Великобритания стала только в XIX в., когда смогла всецело опереться на свое индустриальное и торговое превосходство. Вплоть до этого времени торговля и колонизация велась руками британских торговых компаний (Ост-Индской компании).

Уже упоминавшийся выше Доминик Ливен, проводя сравнительный анализ исторического опыта целого ряда империй Нового времени, приходит к выводу, что все они – вне зависимости от типа пространственной организации – сталкивались с общей проблемой сочетания «контроля над огромными территориями и

разнообразным населением с попытками удовлетворить определенные требования национализма, демократии и экономического динамизма». Важно при этом отметить, что решая проблему «контроля и развития» демократические метрополии морских империй часто проводили при этом более жесткую, если не сказать жестокую, политику на колониальных окраинах, чем авторитарные правители континентальных империй.

Говоря о современных тенденциях изучения «континентальных» империй Алексей Миллер, отмечает смещение фокуса внимания «с их традиционных, предмодерных черт к сравнению их реакций и способов приспособления к вызовам Нового времени». Все континентальные империи столкнулись со схожими проблемами адаптации к требованиям капиталистического развития и выживания в условиях резко обострившейся конкуренции с более развитыми империями. Все они постепенно вовлекались в глобальную мир-систему, в которой им была отведена периферийная или полупериферийная роль. Как показывает целый ряд современных исследований, даже Османскую империю в XIX веке нельзя охарактеризовать как исключительно «традиционную», не говоря уже об империях Габсбургов и Романовых. Уже в XVIII веке эти империи встали на путь серьезных реформ в духе «просвещенного абсолютизма». Одной из важных задач их преобразований стало формирование эффективной бюрократии, верхние уровни которой были бы уготованы не только представителям аристократии в силу простого факта их принадлежности к элите по рождению, но и выходцам из низов социальной лестницы, вознесенных высоким уровнем образования.

При этом работы Стивена Величенко показывают, сколь обманчиво клише неэффективной и раздутой бюрократии Российской империи. Он приходит к выводу, что Российская империя скорее страдала от «недоуправляемости» и недостатка чиновников. Численность последних в пропорции к населению была едва ли не в десять раз ниже, чем в метрополиях Французской, Британской и Германской империй, и была весьма похожа на соответствующие показатели заморских колоний Британии и Франции. Исследуя национальный состав бюрократии на западных окраинах России, Величенко также показал, что представители местного населения были представлены среди чиновников в пропорциях, которые в целом соответствовали удельному весу различных этнических групп в этих губерниях.

Приведенные примеры призваны опровергнуть чрезмерное противопоставление исторического опыта морских и континентальных империй, чрезмерное упрощение сложной картины их контроля над периферией и ее развития. Крупные империи обычно сочетали самые разные инструменты колониального управления, к использованию которых подстегивало острое соперничество великих европейских держав. В ряде случаев континентальные империи напрямую заимствовали опыт своих более предприимчивых конкурентов. Российская империя, в частности, организовывала свою Русско-Американскую компанию для освоения Аляски и Калифорнии в соответствии с принципами деятельности британских колониальных торговых компаний. Точно также внедрить английский опыт для повышения экономической эффективности своих колоний в Африке и Океании в начале XX в. пыталась Германия. Разумеется, оценивая подобные модернизационные усилия континентальных империй, не следует впадать в противоположную крайность преувеличения их успехов на этом пути.

Итак, имперское пространство выступает отправной точкой в делении империй на категории, равно как и при анализе стратегии, которой придерживалось их развитие. Не секрет, в частности, что колониальная политика той же Великобритании во второй половине XIX в. во многом следовала логике защиты коммуникаций и безопасности рубежей главной жемчужине в его короне – Индии.

Сюда же можно отнести и попытки европейских колониальных держав связать воедино свои приобретения в Африке: от Каира до Кейптауна (как это было в случае с той же Великобританией), от Атлантики до Красного моря (Франция до Фашодского кризиса), от Средиземного моря до Индийского океана (Италия при Муссолини) и т.д. Эти «колониальные проекты», вдохновляемые идеей достижения некой целостности имперского пространства, хорошо известны. Гораздо хуже исследовано, что собственно представляет собой пространственная ткань Империи. Особенно трудной эту задачу можно признать для морских империй. Их изучение по большей части сводится к проблемам имперской торговли, истории кораблей и судостроения, прогрессом связанных с морем наук и технологий. Вопрос о том, что же составляет само по себе пространство «морских» империй при этом отходит в тень. Очевидно, что изучение «морских» империй должно быть тесно связано с пространством крупнейших рек, морей и океанов, равно как и самой историей мореплавания. Эти же вопросы в многих аспектах актуальны и для изучения «континентальных» империй.

Важной частью пространства «морской» империи, как показывает Роберт Биккер, являются морские и речные порты. Именно порты связывают такую империю воедино, именно через них осуществляется людей, денег и товаров. Новейшие исследования моря как пространства, как отмечает Маркус Редикер, сделали предметом своего рассмотрения не только торговлю, мореплавание и судостроение, но также и историю рыболовства, морских (прежде всего, китобойного) промыслов, каперства и пиратства, океанографию и морскую археологию, доки, порты и все то великое множество людей, чей труд был с связан с морем. История морской империи – это нечто большее, чем история оседлого общества, которое обратило свой взор к морю.

Необходимо рассматривать мировые моря и океаны не как пустоты между частями обитаемой суши, но как реальное пространство, где вершилась и продолжает вершиться история. Под «пространством» же традиционно представляют именно сушу, и известная мысль британского писателя Джозефа Конрада о корабле как «фрагменте, оторванном от земли», может служить тому подтверждением. Безусловно, корабль строится на суше людьми, живущими на суше, и управляется моряками, выросшими на суше. Они в какой-то мере являются носителями отношений, сформированными сухопутными обществами. Но в то же время практика освоения морского пространства образует собственный, во многом самодостаточный мир. Словами Фуко, корабль – это «подвижное пространство», пространство, которое «существует само по себе и для себя». Портовые города, корабли, моря и океаны поэтому должны рассматриваться как «транснациональные контактные зоны», где культуры и народы деформировались, перемешивались и трансформировались в новом качестве.

Границы империи – это почти всегда водораздел между «освоенным» и «неосвоенным» миром, между цивилизацией и варварством. Осмысление имперского пространства поэтому немыслимо без внимания к картографии. Последняя была не только важным инструментом информации в повседневном процессе завоевания и управления империей, она также является, по мнению британского историка Мэтью Эдни, важной составляющей «эмоциональных структур», которые оправдывали и придавали легитимность империализму: «империя, быть может, и определяла границы карты, но именно картография определяла содержание империи». Существование государственной системы немыслимо без четкого описания пространственной составляющей, в которой четко заданы отправные точки, направления и цели. Осмысление пространства империи (как морской, так и континентальной) было сложным историческим процессом, в котором важную роль играли естественнонаучные изыскания, накопление данных

географии, геодезии и гидрологии. Имперское пространство было продуктом деятельности конкретных людей в конкретное время, а потому, как подчеркивает Джордан Гудман, может быть осмыслено именно в контексте человеческих взаимодействий.

Все вышесказанное позволяет сделать вывод, что процесс всестороннего сравнительного анализа «морских» и «континентальных» империй, равно как и изучение внутреннего содержания концепта имперского пространства пока далеки от своего завершения и могут быть отнесены к числу наиболее перспективных направлений в изучения феномена Империи.

Литература:

Бусыгина И., Захаров А. Sum ergo cogito: Политический мини-лексикон. М., 2006; Ливен Д. Российская империя и ее враги с XVI века до наших дней / Пер. с англ. М., 2007; Миллер А. И. (ред.) Российская империя в сравнительной перспективе. М., 2004; Миллер А. И. Империя Романовых и национализм. М., 2006; Doyle M.W. Empires. Ithaca, L., 1986; Duverger M. (ed.) Le concept d'empire. P., 1980; Maritime empires: British imperial maritime trade in the nineteenth century / Ed. by David Killingray, Margarette Lincoln, Nigel Rigby. Woodbridge, 2004; Miller A., Rieber A. J. (eds) Imperial rule. Budapest, N.Y., 2004; Motyl A. Imperial Ends: the Decay, Collapse, and Revival of Empires. N.Y., 2001.

ИМПЕРСКОЕ СОЗНАНИЕ

Имперское сознание понимается учеными как часть общественного сознания, представления о месте своей страны в мире и в истории, связанные с генезисом, развитием и воспроизведением феномена империй. Это целостный комплекс разнородных идей, концепций, чувствований. По мнению Е.В. Анисимова, имперское сознание складывается из (1) элементов внешнеполитических доктрин, с помощью которых имперские правительства в разные времена обосновывают имперскую политику; (2) актуальных в данный момент идеологических концепций; (3) традиционных ценностей народа метрополии, перенесенных на всю империю; (4) сиюминутных суждений и общественных чувствований, (5) религиозных представлений. Имперское сознание формируется исторически, образ империи в глазах ее народов складывается постепенно. Имперское сознание изменчиво во времени, динамично и противоречиво по своему содержанию. Оно изменяется вместе с самой империей и способно даже после распада последней еще долго определять политику и общественные настроения как в бывшей метрополии, так и в бывших колониях.

Формирование имперского сознания может предшествовать успехам той или иной державы на поприще завоеваний. Согласно оценке Л. Кормака, англичане начали осознавать потенциал имперского мышления с конца XVII в. Первым шагом стало подчинение Шотландии и Ирландии, увенчавшееся провозглашением в 1707 г. королевства Великобритания. К концу следующего столетия Британская империя уже стала реальностью. Как полагает Кормак, подобной стремительной экспансии должно было предшествовать осознание англичанами себя «имперской нацией». Прежде чем перейти к созданию собственно империи, англичане сперва должны были отождествить себя с независимой и полноправной державой, обладающей всем необходимым для контроля над другими частями света. Возникновение имперской идеологии и имперского сознания, таким образом, предшествовало самой империи. И пусть интеллектуальная элита елизаветинской эпохи не демонстрировала единодушия в том, какова должна быть цель создания империи и каков ее идеал, все ее представители сходились на идее британского превосходства,

приобретения славы, торгового преуспеяния, колонизации и распространения «подлинной религии и гражданского согласия».

И.Г. Яковенко еще более категоричен: традиционную империю не может построить не имперский народ. Имперское сознание русских, согласно его оценке, формировалось из двух источников. Идеологическую традицию заложило восприятие православия от Византии. С падением последней Москва стала единственной хранительницей «истинной веры», что способствовало развитию мысли об ее имперской исключительности. Если принять во внимание мысль Алена де Бенуа о том, что главное различие между империей и нацией именно в том, что империя – прежде всего идея или принцип, а уже потом территория, Московское княжество стало превращаться в империю еще до того, как обрело имперские пространства. Политический порядок предопределялся не пространственной протяженностью, а наличием духовной или политико-юридической идеи. Политическую же и культурную традицию, конкретные формы империи Россия восприняла и воспроизвела от Золотой Орды. С завоеванием ханств-осколков Орды московские великие князья приблизились к западноевропейскому стандарту императора, власть которого простирается не над территориями, а над суверенами, и которая трансцендентна по отношении к той общности, которой он повелевает.

Стремление опереться на воображаемую и мифологизированную преемственность со своими историческими предшественницами было характерно для всех западных империй и некоторых империй Востока. Необходимость консолидации имперской власти требовала укоренения в определенной исторической традиции, к которой отсылала целая система символов. Эти сознательные и бессознательные символы соединялись сквозь время и пространство и принимали вид «цепочки смыслов». Потребность в подобной преемственности демонстрировало не только сознание имперских элит, но и массовое народное сознание. Ален Безансон утверждал, что «империи извечно опираются на базис более или менее искаженной, более или менее вымышленной модели империи прошлого». Альбер Сорель хорошо проиллюстрировал эту мысль, когда писал, что «после восемнадцатого брюмера Наполеон сказал: я – Цезарь. Во время коронации: я – Карл Великий. После 1810 года: я – римский император».

Возвращаясь к историческому опыту России, можно отметить и то, что универсалистские установки имперского сознания могут блокировать развитие национального сознания не только подчиненных народов периферии, но и доминирующего этноса. Словами Е.В. Анисимова, «раньше, чем русские осознали себя как нацию, они осознали себя империей». Традиционные доимперские ценности русских были интегрированы и изменены в рамках имперской идеологии, мышления и политики. Дж. Хоскинг называет сутью имперской идеологии развитие и поддержание империи. Сохранение территориальной целостности оставалось важнейшим приоритетом для российских правителей, перед которым отступали национальные, религиозные и экономические мотивы. Имперское сознание подданных основывалось на «гордости за просторы и многообразие державы, за ее военные победы».

Хоскинг видит противоречие в построении сначала Москвой, а затем Петербургом вселенской империи с тесной ее идентификацией с одним народом – русским. В конце XIX в. власти попытались трансформировать империю в «Россию» через процесс русификации, распространения на нерусское население русского языка, законов и административных структур, поощрение русской переселенческой колонизации. Русификация пыталась решить задачу укрепления шаткой империи за счет насаждения общего этнического сознания, но лишь ускорила дезинтеграцию государства.

В отличие от Турции, отказавшейся от имперского наследия Османов,

Россия после 1917 г. «воссоздала империю под знаменем еще более всеобъемлющей универсальной доктрины – коммунизма». Как отмечает Хоскинг, РСФСР в составе СССР была крупнейшей республикой, но была лишена каких-либо преимуществ: не имела собственной столицы и даже собственной коммунистической партии – в отличие от всех остальных советских республик. Российские национальные институты были растворены в имперских советских. Тем не менее, за годы существования СССР были устранены социальные барьеры и создана более-менее однородная культура.

Сознание элит и массы крестьянского населения при этом очевидным образом разнилось. Р. Суни справедливо обращает внимание на то, что среди дворянства и образованных слоев населения национальное чувство проявлялось, главным образом, в форме «государственного патриотизма». Для них «Россия» скорее отождествлялась с государством и его правителем, чем с нацией, более широкой политической общностью, мыслящейся отдельно от государства. Русские элиты так и не сумели выработать идентичность, отличную от религиозной (православной), имперской, государственной или узкоэтнической. Согласно оценке Суни, царизм так и не создал ни нации внутри империи, ни даже чувства национального единства среди коренного русского населения.

Е.В. Анисимов выделяет четыре группы причин, которые обусловили специфику русской модели имперского сознания. Во-первых, это особенности внутреннего исторического развития России: деспотическая власть московских самодержцев и рабский менталитет народа, основанный на крепостном праве, иерархии не вассалов, а государевых рабов. К этому исследователь прибавляет длительное отсутствие в обществе сословного строя, самоуправляющихся городов, общий дух несвободы и подавления личности государством и во имя государства.

Во-вторых, это сама специфика образования Московского государства, возникшего в остром соперничестве с другими русскими княжествами и в отражении постоянных внешних угроз. Т.н. «объединение русских земель вокруг Москвы» стало полигоном, на котором были опробованы многие принципы имперской политики будущего и дальнейших имперских завоеваний.

В-третьих, это представления о некой особой роли России и русских в мировой истории, что стало основой имперских стереотипов. Имперская идея покоилась на таких мифологемах, как историческая миссия спасения человечества российским народом, осуществляемая благодаря соборности, нестяжательству, духовности. Религиозное «одиночество» православной России, как полагает Е.В. Анисимов, вылилось в отрицание ценностей окружающего мира, изоляционизм и «психологию осажденной крепости» в массовом сознании и политике.

В-четвертых, это особенности существовавшей в империалистическую эпоху системы международных отношений, которую не могла не учитывать Российская империя, в частности, принцип «раздела мира» и «законных» сфер влияния. Впрочем, следует учитывать и замечание Д. Схиммелпеннинка о том, что на практике царская дипломатия в Азии очень редко руководствовалась единой идеологией. Русский экспансионизм формировали конкурирующие философии, каждая из которых характеризовалась своим отличным от других видением России как империи. Порой одной из точек зрения удавалось на какое-то время завоевать доминирующее положение, в других же случаях действия Петербурга на мировой арене определяли сразу несколько философий.

В имперское сознание составной частью вошли также представления о законном праве империи осуществлять предупредительные акции во имя обеспечения безопасности страны на дальних ее подступах; добровольном вхождении народов «навечно» в состав империи; объединяющих население образах «извечного врага».

Целый ряд исследователей отмечают тот факт, что общественное сознание в современной России в значительной (или даже полной) мере остается «имперским. А. Захаров объясняет популярность призывов е реконструкции империи стремлением преодолеть кризисные явления, переживаемые сегодня Россией, ибо в прежние времена ее великие достижения неизменно были связаны с имперской мобилизацией. Империя в рамках такой логики отождествляется с порядком, безопасностью, эффективностью управления и стабильностью. В то же самое время А. Захаров полагает, что реализация имперского проекта в России возможна лишь в ситуации изоляции и закрытости, немыслимой в современных условиях. Таким образом, живучесть имперского мифа в России он относит к «остаточным явлениям», свидетельству болезненного расставания с амбициями великой державы. Аналогичный синдром сопровождал и другие европейские народы, которым пришлось в XX в. распрощаться с имперским величием.

Именно в силу последнего обстоятельства, даже признавая тот факт, что исторически русские – народ традиционно имперский, утверждает И.Г. Яковенко, не является фатальным для определения его будущей судьбы. Носитель имперского сознания как тип личности уходит с исторической сцены вместе с самой империей. На первый план постепенно выходит осознание ценностей бытия, отдельной человеческой жизни, повышение значимости повседневности, т.е. всего того, отмечает И.Г. Яковенко, что с точки зрения традиционного имперского сознания осмысливается как «нравственное падение, утрата эсхатологической перспективы».

Л. Панкова и О. Леонова, в свою очередь, также отмечают привлекательность «имперской идеи» в современной России и ассоциируют империю с таким государственным устройством, которое пронизано «стремлением к конструктивности, единению, чувству долга и вытекающих отсюда различных форм служения». Идея империи позволяет объединить народы вокруг определенной общности целей и интересов. В этой мифологизированной картине империи каждый составляющий ее народ «является равноправным частником властного, правового и управленческих процессов».

Имперская идея строится вокруг категорий «могущества», «сильного государства», «величия», «миссии», «призвания», «истинного пути», «порядка» и т.п. Являясь в современных условиях политической утопией, «имперская идея», как полагают авторы, «реабилитирует ущемленное национальное сознание осевого этноса Российской державы». Миссией же русского народа как «осевого этноса», по мнению тех же авторов, может выступать «служение идее развития небольших и малочисленных народов», сохранения их целостности и самобытности. Имперское сознание приветствует расширение границ империи, которое происходит во имя высоких идеалов помощи и приобщения народов к благам просвещения и (христианской) культуры.

Н.С. Шкурко при этом отмечает схожесть настроений, царивших в российском обществе в конце XIX, с современной ситуаций: 1) «ощущение смутного времени», заставляющее отдельные социальные группы и элиты позитивно относиться к государственности; 2) необходимость радикальной корректировки структуры власти; 3) новый геополитический передел мира, способный разрушить российскую государственность. Именно в этих трех факторах исследователь видит причины возрождения имперского мифа и возврата в политическую жизнь ценности государства как опоры для подъема из кризисной ситуации 90-х гг. и борьбы с последствиями нового мирового экономического кризиса 2008 года.

Подытоживая, можно отметить, что имперское сознание пронизано идеей о некой исторической миссии, которая могла заключаться в распространении

«подлинной религии», «цивилизации» и т.п. Империя всегда стремилась выйти за четко очерченные пространства и границы реального. В российских условиях «живучесть» феномена имперского политического мифа объясняется не только историко-культурными особенностями развития страны и прочном укоренении на национальных архетипах и культурных стереотипах, но и высоким потенциалом его адаптации к изменяющимся реалиям. На разных этапах отечественной истории имперский миф увязывался в массовом сознании с модернизацией, «великими стройками века», выставляя на первый план свой позитивный, мобилизующий общество характер.

Литература:

Анисимов Е.В. Исторические корни имперского мышления в России: Электронный ресурс // Proceedings of Winter Symposium Socio-Cultural Dimensions of the Changes in the Slavic-Eurasian World / Slavic Research Center, Hokkaido University, 1997. Режим доступа: ***http://src-h.slav.hokudai.ac.jp/sympo/Proceed97/Anisimov.html*** *(Режим доступа: 10.10.2012); Бусыгина И., Захаров А. Sum ergo cogito: Политический мини-лексикон. М., 2006; Гурин И.Г., Тартыгина О.О. Имперская идея в представлении элиты Великобритании XIX - начала XX вв. // Вестник Самарского государственного университета. Гуманитарный выпуск. Самара, 2007. № 5/3. С. 89-95; Дронова Н.В. Традиции имперского мышления и новации имперской пропаганды в Великобритании в 70-е годы XIX века // Новая и новейшая история. Межвуз. сб. науч. тр. Вып. 21. Саратов, 2004. С. 151-169; Кантор В.К. Санкт-Петербург: Российская империя против российского хаоса. К проблеме имперского сознания в России. М., 2007; Лурье С. Русские в Средней Азии и англичане в Индии: доминанты имперского сознания и способы их реализации: Электронный ресурс. Режим доступа:* ***http://www.archipelag.ru/geopolitics/nasledie/history/03/*** *(Дата обращения: 10.10.2012); Панкова Л., Леонова О. «Имперская идея» как актуальный концепт политической культуры // Обозреватель-Observer. 2007. № 3 (206). С. 92-100; Порус В.Н. Имперское сознание... после империи? (размышления над книгой В.К. Кантора) // Вопросы философии. 2008. № 9. С. 125-134; Суни Р. Г. Империя как таковая: Имперская Россия, «национальная» идентичность и теории империи // Государство наций: Империя и национальное строительство в эпоху Ленина и Сталина / Под ред. Р. Г. Суни, Т. Мартина; Пер. с англ. М., 2011; Схиммелпеннинк ван дер Ойе Д. Идеологии империи в России имперского периода // Ab Imperio. 2001. № 1-2. С. 211-227; Хоскинг Дж. Россия: народ и империя (1552-1917) / Пер. с англ. Смоленск, 2001; Шкурко Н.С. Российский имперский миф как социокультурный феномен // Вестник ЯГУ. 2009. Том 6. № 1. С. 127-133; Яковенко И.Г. От империи к национальному государству: Попытка концептуализации процесса // Полис: Политические исследования. 1996. № 6 (36). С. 117-128; Яковенко И.Г. Прошлое и настоящее России: имперский идеал и национальный интерес // Полис: Политические исследования. 1997. № 4. С. 88-96; Benoist A. de. L'Idee d'Empire: Электронный ресурс. Режим доступа:* ***http://www.alaindebenoist.com/pdf/l_idee_d_empire.pdf*** *(Дата обращения: 10.10.2012); Bowden B. The Empire of Civilization: The Evolution of an Imperial Idea. Chicago, 2009; Cormack L.B. Britannia Rules the Waves?: Images of Empire in Elizabethan England // Literature, Mapping, and the Politics of Space in Early Modern Britain / Ed. by Andrew Gordon and Bernhard Klein. Cambridge, 2001. P. 45-69.*

ИСПАНИЯ, КОЛОНИИ

Этапы формирования. В первый, т.н. «островной», период испанской

колонизации (1492-1519 гг.) ее центром стал остров Эспаньола (Гаити). Испанский губернатор Овандо ввёл для всех местных жителей с 15-летнего возраста систему принудительного труда и обложил их тяжёлой податью. За полвека господства испанцев почти всё индейское население Антильских островов вымерло. По приблизительным подсчётам современников, к моменту появления испанцев на Эспаньоле жило около 250 тыс. индейцев, на Ямайке — 300 тыс., в Пуэрто-Рико — 60 тыс., а на всех Вест-Индских островах — около 1 млн. Перед колонизаторами возникла острая проблема рабочей силы. Она была разрешена путём массового ввоза негров-рабов из Африки.

Труд невольников (главным образом, в роли домашних слуг) использовался к середине XVI в. уже достаточно широко и в самой Испании. На 100 тыс. жителей Севильи в 1560-х гг. около 6 тыс. приходилось на долю рабов, преимущественно африканцев. Первый испанский корабль с партией именно таких испаноговорящих темнокожих невольников (*ладинос*) пришел на Эспаньолу еще в 1505 г., и в годы правления Карла V практика приобрела значительный размах. Работорговлей с Черного континента испанцы напрямую не занимались, предпочитая обращаться к услугам сначала португальцев, а затем голландцев, французов и англичан. Параллельно все больший размах приобрела «охота за людьми» непосредственно в Карибском море. Сначала испанцы пытались пополнять численность населения своих крупнейших на тот момент владений, островов Гаити и Кубы, за счет рейдов на меньшие острова архипелага. Вслед за этим начались рейды на побережье Флориды и Юкатана.

Используя Вест-Индские острова в качестве базы, испанцы устремляются отсюда на материк. Материковая часть Южной Америки была завоевана испанцами фактически в течение 21 года – с 1519 по 1540 гг. В 1519-1521 гг. Эрнандо Кортес с небольшим отрядом испанцев, используя борьбу между племенами, завоёвывает Мексику, разграбив и разрушив столицу ацтеков – Теночтитлан. В 1531-1533 гг. испанцами была уничтожена империя инков. Ими была захвачена огромная территория, на которой в настоящее время разместились три государства – Эквадор, Боливия и Перу. В 30-х годах XVI в. испанцы проникли в Чили и постепенно, преодолевая упорное сопротивление местных индейских племён, захватили большую часть страны.

Завоевание такой огромной территории на протяжении жизни одного поколения чрезвычайно ограниченными силами завоевателей объясняется как централизованным характером индейских империй ацтеков и инков с большим количеством подчиненных племен, так и внутренним состоянием этих империй, переживавших к моменту появления испанцев глубокий кризис. Свою роль, безусловно, сыграли и более высокие «технологии» испанцев: мушкеты, пушки и привезенные в Америку лошади. Важно отметить, однако, что применялось и то, и другое конкистадорами в весьма скромных масштабах и играло скорее роль психологического оружия. Роль невидимого союзника в этих войнах играли и завезенные европейцами на континент микробы, отсутствие иммунитета к которым индейцев приводило к опустошительным эпидемиям. Так, население Центральной Мексики упало с 25 млн. в 1519 г. до 2,65 млн. в 1568 г. и 1,6 млн. в 1620 г., население Перу – с 9 млн. (1532 г.) до 1,3 млн. (1570 г.). Столь катастрофическое по масштабам вымирание индейцев провоцировали европейские эпидемические болезни (оспа, тиф, корь, дифтерия, свинка, грипп – африканцы завезли малярию и желтую лихорадку), нарушение привычного хозяйства, тяжелая эксплуатация, «конец света» в идеологическом и религиозном восприятии индейцев – не только высокая смертность, в т.ч. и массовые суициды, но также и катастрофическое падение рождаемости.

Следует также отметить, что с утратой фактора внезапности испанцам стало

все сложней добиваться побед. Показательны в этом отношении т.н. Арауканские войны, в ходе которых конкистадорам так и не удалось подчинить себе южные районы Чили.

На положении испанской колониальной империи самым прямым образом сказывались и события в Европе. В результате войны за Испанское наследство (1701-1714 гг.) Испания была вынуждена предоставить Англии монопольное право (*асьенто*) на ввоз в свои колониальные владения негров-рабов из Африки. Британское правительство передало это право Компании Южных морей, открывшей по всему побережью Карибского моря сеть соответствующих факторий. В ходе англо-испанской войны 1739 г. британская эскадра захватила Портобельо на Атлантическом побережье Панамского перешейка. В 1740-1742 гг. английский флот атаковал Картахену, побережье Панамы, Венесуэлы и другие испанские владения. В ходе Семилетней войны англичанам удалось захватить Гавану. Ради возвращения своей власти на Кубе Испании на два десятилетия пришлось уступить англичанам Флориду. По Версальскому мирному договору (1783), подписанному после Войны за независимость США, Испания в последний раз расширила свою империю в Америке, возвратив себе Флориду. В дальнейшем колониальная империя Испании, обусловленная слабостью метрополии, переживает постепенный распад. Во второй половине 90-х гг. XVIII в. испанская корона лишилась своих вест-индских колоний Санто-Доминго и Тринидад. Но решающий удар по испанской колониальной империи нанесла в 1810-26 гг. война за независимость в Латинской Америке и утрата Испанией всех ее американских колоний, за исключением Кубы и Пуэрто-Рико.

В XIX в. Испания пыталась несколько поправить свои пошатнувшиеся позиции, приняв участие в колониальном разделе Африки. В 1860 г. ею был осуществлен захват области Ифни в Марокко, в 1885 г. берут начало испанские захваты в Рио-де-Оро (Западная Сахара). Однако в 1890-е гг. на Кубе и на Филиппинах набирает силу освободительная борьба против испанского владычества, которая приводит Испанию в 1898 г. к войне с США и полному разгрому испанской колониальной армии. По условиям Парижского мирного договор Испания уступает США контроль над Кубой, Пуэрто-Рико, Филиппинами и о. Гуам, что фактически означало окончание имперского периода испанской истории. Признанием этого стала продажа в 1899 г. Испанией Германии своих последних колониальных владений в Тихом океане: Каролинских, Марианских островов и островов Палау.

Начало XX в. было ознаменовано франко-испанской экспансией в Марокко. В 1912 г. произошла окончательная демаркация зон испанских и французских захватов в Марокко, за которой последовала затяжная борьба обеих европейских держав с освободительным движением местным рифских племен, увенчавшаяся победой первых лишь в 1926 г. В 1956-59 гг. значительная часть африканских земель Испании обретают независимость и воссоединяются с Марокко.

Испанская Америка

Колониальное управление. С самого открытия Нового Света испанская корона стремилась всемерно обезопасить себя от финансовых рисков, связанных с освоением неизведанных территорий. Ею была использована *система капитуляций* (договоров) – своего рода лицензий. Изначально *капитуляции* предусматривали лишь открытие в пользу короны новых земель за определенное вознаграждение, затем стали давать право на завоевание и управление определенными областями Америки. Конкистадоры самостоятельно снаряжали свои экспедиции и лишь в случае военного успеха могли претендовать на титул, земельную собственность и другие королевские милости.

Часть добычи – обычно пятую часть (*«кинту»*) – конкистадоры уплачивали в

казну, еще часть средств жертвовалась католической церкви. Правители вновь завоеванных областей под наименованием *аделантадо* становились вассалами короны. При каждом *аделантадо* действовал государственный казначей, следивший за выполнением условий капитуляции. Такая система действовала вплоть до открытия золотых и серебряных месторождений Мексики и Перу. Вплоть до середины XVI в. на территории Испанской Америки королевским эмиссарам приходилось подавлять бунты конкистадоров.

В Испанской Америке верховным собственником земли оставалась испанская корона, а все жители Нового света рассматривались как ее держатели. Добыча золота, серебра, драгоценных камней, ценных пород древесины в колониях, а также торговля с ними были объявлены королевской монополией. Разрешение корны также требовалось и на переселение за океан. С 1519 г. испанское правительство начинает целенаправленно поощрять переселение в свои заморские владения своих подданных. Земледельцам были обещаны большие участки земли, налоговые послабления и всевозможная материальная помощь.

К середине XVI в. в Испанской Америке складывается подлинная система колониальной администрации. Пика своего развития она достигла в XVIII веке в годы правления испанских Бурбонов, после чего ее охватил кризис, завершившийся Освободительными революциями 1810-1826 гг.

После смерти Колумба в 1506 г. дела Нового света были вверены в руки епископа Хуана Родригеса де Фонсеки, члена Совета Кастилии. С 1511 г. при испанском дворе появились первые советники по вопросам управления колонизируемыми землями.

Следующей важной вехой стало создание в 1524 г. самостоятельного от установлений Кастилии и Арагона *Совета по делам Индий*. Совет занимался заключением капитуляций, снаряжением экспедиций в Америку, назначением чиновников колониальной администрации и осуществлял контроль за их деятельностью. Совет также разрабатывал законы для колоний. На практике управление империей осуществлялось путем издания законов и декретов короля на основе знакомства последнего с *консультами* – записями дебатов в ходе заседания Совета по делам Индий. С 1561 г. заседания Совета проходили в королевском дворце в Мадриде. Совет по делам Индий не был особенно эффективен в принятии своих решений. Основу его рядов, помимо некоторых высших государственных чиновников и ученых, составляла особая порода юристов-бюрократов незнатного происхождения, очень немногие из которых имели опыт жизни в Америке. Члены Совета заботились в большей мере соблюдением норм и обычаев, защитой прерогативы короля, нежели серьезной модернизацией и развитием вверенных их заботам края. Деятельность Совета приобретала активный характер в том случае, когда во главе становился талантливый администратор, каким, например, был Хуан де Овандо (1571-1575). Ненадежность и медленность сообщений с Америкой часто приводили к тому, что решения запаздывали. Это приучало колониальные власти в Америке действовать самостоятельно.

Первоначально было образовано два вице-королевства – Новая Испания со столицей в Мехико (Мексика и часть Центральной Америки) и Перу со столицей в Лиме (юго-восточная часть Центральной Америки и Южная Америка кроме Карибского побережья). В рамках вице-королевств были выделены несколько самостоятельных административных единиц, управлявшихся *генерал-капитанами*. Они фактически напрямую подчинялись метрополии. К числу первых генерал-капитанств относились Гватемала (большая часть Центральной Америки за исключением Юкатана, Панамы, Табаско), Санто-Доминго (острова и побережье Карибского моря), а также Новая Гранада (в рамках вице-королевства Перу со столицей в Боготе).

В XVIII в. административное деление претерпело изменения. В испанской Южной Америке было выделено еще два вице-королевства: Новая Гранада (с 1739 г.) и Рио-де-ла-Плата (с 1776 г.). Куба (с 1764 г.), Пуэрто-Рико, Гватемала, Венесуэла (с 1777 г.) и Чили (с 1778 г.) получили статус генерал-капитанств. В их руках находилась военная, гражданская и судебная власть, но сами они полностью зависели от воли монарха и строго контролировались метрополией. Контроль осуществлялся *аудиенсиями* – административно-судебными коллегиями, под юрисдикцией которых находились определенные территории. Президенты *аудиенсий* наблюдали за действиями чиновников всех рангов и могли опротестовать в Совете по делам Индий даже решения вице-королей, однако не имели права их отменить. Они же заслушивали финансовые отчеты вице-королей и генерал-капитанов.

Городами и сельскими округами управляли коррехидоры, назначавшиеся вице-королями и генерал-капитанами. Там, где преобладало индейское население, коррехидоры занимались организацией принудительного труда и сбором налогов.

Существовали также: кабильдо (органы городского самоуправления, в состав которых входили рехидоры. Из числа последних выбирались алькальды – меры городов и округов и альгуасилы – начальники городской полиции). Индейские общины возглавлялись касиками – выборными или наследственными старейшинами.

Вице-короли и генерал-капитаны служили от трех до пяти лет, после чего возвращались на родину. Чтобы они не поддались соблазну выйти из повиновения короне, им запрещалось брать с собой семью или жениться по прибытию в Новый Свет, заниматься там торговлей и приобретать собственность. Широкое распространение получила практика продажа должностей, способствовавшая пополнению государственной казны. Это неминуемо порождало в колониях взяточничество, казнокрадство, незаконные поборы с населения и прочие злоупотребления.

Дети, родившиеся в колониях от браков уроженцев Испании образовывали особую категорию населения, называемую креолами. Хотя формально белые и уроженцы метрополий и колоний имели равные права, креолы очень редко допускались к верховным военным, гражданским и церковным должностям. Однако креольская верхушка занимала прочные позиции в органах городского самоуправления – контролировали через них полицию, судопроизводство первой инстанции, цены, тарифы и т.д. Внутренний порядок и внешняя безопасность колоний обеспечивалась креольским ополчением. Из этой же среды постепенно формировалась местная торговая и промышленная буржуазия. В начале XVII века в Испанской Америке возникли первые *консуладо* – объединения предпринимателей, напоминающие купеческие гильдии средневековой Европы. Теперь креолы получили реальную возможность отстаивать свои права и противодействовать тем решениям колониальной администрации, которые наносили ущерб их экономическим интересам.

Значительную по численности группу населения составляли метисы (потомки европейцев и индианок), мулаты (рожденные негритянками от испанцев) и самбо (индо-африканцы). Метисы и мулаты были свободными людьми, но не могли быть избраны на выборные и общественные должности. Они не облагались подушным налогом и не несли трудовую повинность. Основным занятием было ремесло и мелкая торговля. Были среди них и представители свободных профессий, пастухи (гаучо, льянеро). Разбогатевшие метисы покупали специальный сертификат и переходили в разряд «белых» колонистов, становились землевладельцами-плантаторами.

В отношении индейского населения действовала система *энкомьенде*. *Энкомьендеро* из числа европейских переселенцев получали право

«попечительства» над индейцами определенной местности. Со временем это право стало наследственным. «Опекаемые» индейцы должны были платить своему *энкомендеро* подать, четверть которой отчислялась в королевскую казну, и отбывать повинность, напоминавшую барщину. Они считались лично свободными людьми, но фактически прикреплялись к земле. В обязанности опекунов входило приобщение индейцев к христианству. В дальнейшем корона перешла к ограничению прав *энкомендеро*, что вызывало широкое противодействие последних. В рамках империи выделялись две группы индейцев: «дикие», не имевшие собственной государственности и «королевские», жившие замкнутыми общинами под управлением коррехидоров с помощью касиков.

Завоевание Испанией Америки создало условия для создания подлинно мировой империи, однако и Карл V, и Филипп II по-прежнему сохраняли титул «короля Испании и Индий». Тем не менее, формирование представление об особом положении Испании после установления ею прочных связей с заокеанскими территориями, ее имперскости, было неизбежным. Существовал термин «испанская (корона) монархия», объединявший всю совокупность приобретенных путем династических браков и завоеваний территорий. Сюда же включалась и «империя Индий» - при этом центральное место занимала Кастилия – у нее с самого начала особые узы с Индиями – как владение Кастилии и Леона.

Булла Александра VI «Inter Caetera» (1493 г.) вверило управление вновь открытыми землями не королям Испании, но королям Леона и Кастилии. Впоследствии Индии рассматривались как владения Кастилии и должны были управляться в соответствии с ее законами и установлениями.

Важной вехой в осознании испанской империи как «мировой» стало царствование Карла V. Его девиз «Plus Ultra», призванный изначально олицетворять гуманистическую концепцию безграничности возможностей человека, быстро стал также символом глобальной империи. Пусть «империей» в понимании Карла V и его наследников могла быть только Священная Римская империя, тот факт, что их власть простиралась далеко за пределы самой Испании, безусловно, придавало сознанию испанских правителей имперский характер.

Экономика империи. Система экономической эксплуатации испанцами местного населения после того, как эпоха открытых захватов, выкупов и грабежа была окончена, складывалась во многом с учетом социально-экономических реалий самих индейских обществ, уровня их организации. В основе лежал подневольный или рабский труд. В результате высокой смертности среди местного населения колонизаторам приходилось осуществлять активную трудовую миграцию индейцев. Уже во второй четверти XVI в. многие индейцы нынешнего Никарагуа принудительно отправлялись в Панаму и Перу, а обезлюдившие острова Карибского моря повторно заселись за счет переселенцев с побережья Флориды и Гондурасского залива, с Тринидада и Багамских островов. Наиболее известны этой практикой «жемчужные острова» Маргарита и Кубагуа у побережья Венесуэлы. С исчерпанием людских ресурсов на побережье европейцы перешли к широкомасштабному ввозу рабов из Африки.

Испанская корона довольно быстро осознала необходимость прекращения прямого рабского труда индейцев, особенно в центре их колониальной империи – в густонаселенных земледельческих районах Мексики и Перу. Более того, *энкомьенда* не стала прямым аналогом феодального владения, на что рассчитывали первые конкистадоры. Она рассматривалась как временное владение на договорной основе, когда индейское население «вверялось» материальной и духовной опеке испанцев-землевладельцев и духовенства, получавших право за это взыскивать ограниченные определенными рамками труд и всевозможные доходы. Другими словами, это было право на доход, а не на вассалов. Метрополия последовательно ликвидировала все

рудименты вассальных отношений, в ряде районов запрещая *энкомьендеро* проживать в их индейских владениях и напрямую собирать с населения подати.

Система *энкомьендо* быстро доказала свою неэффективность, а ее влияние на индейские общины было поистине катастрофичным. Обычно они были в состоянии обеспечить достаток только первого поколения испанских помещиков, более-менее стабильный доход последующих двух, после чего приходили в полный упадок. К концу XVI в. стали нередки случаи, когда владельцы забрасывали или освобождали свои *энкомьенды*, а уцелевшие индейцы переходили под прямую опеку короны.

К концу XVI в. в центральных районах Испанской Америки доходы от *энкомьенды* практически полностью слились с *трибуто* – государственным подушным налогом. Его уплачивали все мужчины в индейских общинах в возрасте от 18 до 50 лет. От уплаты налога освобождались касики и их старшие сыновья. Взимание *трибуто* сопровождалось многочисленными злоупотреблениями, поскольку коррехидоры стремились собрать больше положенного. За непосредственный сбор подати отвечали касики – не индивидуально, а с общины. Для уплаты *трибуто* индейцам приходилось выращивать товарные культуры, добывать металлы и заниматься другими промыслами. Доходы шли в общинную кассу – часть шла на уплату налогов, остальное расходовалось по мере необходимости на нужды самой общины.

Фактически с начала XVII в. испанская корона прекратила выплату жалования своим чиновникам в Америке, позволив им взамен получать доходы в обход закона. Источникам дохода для испанских чиновников стали те индейцы, что находились под их юрисдикцией. Выступая фактически представителями и компаньонами торговых компаний, они обеспечивали себя за счет принудительного включения индейцев в товарное производство в интересах испанских купцов, навязывая им товары, денежные кредиты и земледельческие орудия в обмен на продукты сельского хозяйства и труд. Так каждая индейская община должна была предоставить ежегодно определенное число мужчин в возрасте от 15 до 60 лет. Система такого подневольного, но оплачиваемого труда индейцев на рудниках, на строительстве дорог и всевозможных сооружений получила название *репартимьенто* (в Мексике) или *миты* (в Перу). Специальными королевскими декретами запрещалось привлекать индейцев к особенно тяжелой работе на плантациях сахарного тростника и индиго, но эти запреты сплошь и рядом нарушались. Многое зависело от прибыльности конкретного производства и доступности альтернативных источников рабочей силы. Так, в частности, добыча ртути в Хуанкавелике, жизненно важной для очистки местного серебра, осуществлялась посредством системы *репартимьенто* вплоть до конца колониального периода. В Перу трудовая повинность получила наибольшее распространение. Среди *митайосов* держалась высокая смертность – по некоторым подсчетам в колониальный период на рудниках Испанской Америки погибло более 8 млн. индейцев. Проблема решалась за счет ввоза негров-рабов. В отдельных регионах, например, Мексике, система принудительного труда была упразднена уже в первой половине XVII в. В Перу она сохранилась до самого обретения независимости.

Система *репартиемьенто*, с одной стороны, снимала с испанской казны какие-либо расходы и заставляла индейцев включаться в товарное производство. Обратной стороной медали, однако, становились массовые злоупотребления, тотальное закабаление местного населения, отвечавшего на подобную политику восстаниями и проблема неуклонного ослабления контроля королевского правительства над местной колониальной администрацией. Испанская Америка управлялась чиновниками, зависевшими не от государственного жалования, а от торговли и торговых компаний. Отчасти это объяснялось тем, что с момента

открытия Америки в духе политики меркантилизма испанская корона рассматривала свои колонии прежде всего как источник драгоценных металлов – основной статьи экспорта. Оставаясь собственностью короны, рудники и прииски сдавались в концессию частным лицам, уплачивавшим в казну пятую часть добытого ими серебра и золота. Со временем в колониях появилось и несколько крупных горнодобывающих предприятий, принадлежавших уже не короне, поскольку у той не было необходимых свободных средств для инвестиций, а состоятельным креолам.

Помимо этого из Америки вывозилась сельскохозяйственная продукция. Во второй половине XVI-XVII в. *энкомьенды* были реформированы и превратились в поместья – *асьенды*, которые удерживали в своих руках потомки *энкомендеро*, т.е. бывших владельцев пожалованных земель. В первой половине XVIII в. энкомендарная система была окончательно отменена. В Испании на протяжении XVI-XVII вв. также появились законы, устанавливавшие минимальный размер общинного поля и запрещающие отчуждение земель индейских общин.

В результате массового разорения индейцев увеличивалось число *пеонов* – батраков с наделами, расплачивавшихся за предоставленную им землю трудом, реже – частью урожая. В *асьендах* производилось прежде всего зерно и мясо. Но экспорт и того, и другого искусственно сдерживался властями метрополии. В Европу везли прежде всего «колониальные товары» - урожай тех культур, которые не произрастали в Старом Свете (индиго, какао, кофе, тростниковый сахар, ваниль, хлопок). В то же время в колониях не разрешалось разводить оливки, виноград, лен, поскольку этим занимались иберийские помещики, заинтересованные в сохранении высоких цен на свою продукцию.

Еще большие ограничения были установлены для колониальной промышленности. К тяжкому уголовному преступлению приравнивалась добыча и обработка железа – но полностью обеспечить промышленными товарами метрополии колонии не могли, поэтому там неизбежно развивалось кустарное производство – *обрахе* (крупные ремесленные мастерские или даже мануфактуры). Работниками становились законтрактованные метисы и индейцы, нуждавшиеся в деньгах и превращавшихся в долговых рабов.

Экономические связи между отдельными территориями искусственно ограничивались. До последней трети XVIII в. вице-королевствам практически не разрешалось торговать друг с другом. Самый строжайший запрет был наложен на торговлю колоний с иностранными государствами. Ни один иностранный корабль не мог заходить (даже во время бури) в порты Испанской Америки без согласия Мадрида под страхом пожизненного заключения для его команды.

В колониях Испании существовали многочисленные торговые монополии казны, в частности, на продажу гербовой бумаги, игральных карт, спиртных напитков, табака. Сама Испания удовлетворить спрос колоний не могла – ввозились товары из Англии. Со второй половины XVI в. с торговых сделок по продаже и перепродаже товаров взимался специальный налог – *алькабала* (от 4 до 6 %). Это привело к расцвету контрабанды. С территории Ла-Платы, где быстро росло поголовье скота, приблизительно 70% кож вывозили контрабандисты.

До 1765 г. морской путь из Испании в Новый Свет начинался в Севилье, затем и в Кадисе – за этим строго следила Торговая палата – ее агенты выдавали разрешения и осматривали суда. С середины XVI в. на протяжении двух столетий существовала система двух флотилий, насчитывавшая от 75 до 100 торговых кораблей. Около ста лет караваны снаряжались ежегодно. Потом, вследствие упадка Испании, все реже. Одна флотилия шла в Веракрус (Мексика) и по пути доставляла товары на острова Вест-Индии. Другая держала курс на панамское побережье – в Портобельо. Принимали груз с/х продукции и драг. металлов,

соединялись в Гаване и возвращались в Испанию.

Доходы от колоний – до 50% расходовались на нужды чиновников и военные, остальное почти полностью шло в метрополию. Внутренние потребности населения колоний – медицина, развитие городов, строительство дорог – практически не учитывалось. Образование было в руках католических миссионеров. Для белых колонистов были открыты школы, в XVI-XVII вв. – университеты (Сан-Доминго, Лима, Мехико, Богота, Кордова, Чукисака), в которых преподавалось богословие, а позже и прикладные науки. Появились типографии, газеты. Но коренное население, метисы, мулаты и тем более негры были в массе своей неграмотны.

Значительную роль в экономике Испанской Америки играло плантационное рабство. В XVIII в., однако, восстанавливается демографический рост индейского населения вице-королевств Мексика и Перу. Это снизило остроту проблемы рабочих рук на материке, и – как следствие, количество темнокожих рабов. Число негров-рабов в Мексике сократилось в течение столетия в два раза – с 10 тыс. до 5 тыс. В Перу, где на рудниках их труд применялся особенно широко, к концу XVIII в. их было не более 90 тыс. Ситуация была обратной в менее развитых районах колониальной империи. Открытие новых золотых приисков в Новой Гранаде, разведение все новых плантаций какао в Венесуэле и сахарного тростника на островах Карибского моря подстегнули новую волну работорговли. Особенно быстрыми темпами росло число негров-рабов на Кубе, экономика которой пережила настоящий взрыв в середине XVIII в. До середины столетия экономика острова обслуживала преимущественно потребности флота и его военно-морской базы в Гаване. В 1763 г. часть Кубы вместе с Гаваной была захвачена англичанами. Однако испанскую корону шокировало не только падение своей главной морской базы в Вест-Индии, но и то «экономическое чудо», которое пережила местная экономика в течение нескольких месяцев британского владычества. Британия открыла Кубу иностранной торговле, что моментально подстегнуло местное сельскохозяйственное производство. Рассчитывая надолго обосноваться на острове, англичане ввезли сюда за 5 месяцев почти 11 тыс. негритянских невольников – в пять раз больше, чем это допускалось установленной испанцами годовой квотой. Вернув себе контроль над Кубой после окончания Семилетней войны, испанская корона была вынуждена признать невозможным возвращение прежних порядков и инициировала в своей колониальной империи целый ряд реформ. Для самой Кубы это означало продолжение экономического роста, основанного на плантационном рабстве. К концу XVII столетия на острове уже проживало более 65 тыс. негров-рабов. Это контрастировало с положением в материковых владениях Испании, где неуклонно росла доля свободного цветного населения – на севере Южной Америки (за исключением Венесуэлы) и в Панаме она уже повсеместно превышала 50 %. После начала в 1791 г. революции на Гаити – крупнейшего тогда производителя сахара и кофе, его испанские конкуренты, Куба и Пуэрто-Рико, пережили очередной экономический подъем, вызванным резким ростом цен и спроса на их продукцию. С 1791 г. по 1805 гг. Куба и Пуэрто-Рико (наряду с Бразилией и Ямайкой) удвоили свое производство сахара и продолжали увеличивать свою долю на мировом рынке. Именно эта исключительно выгодная экономическая конъюнктура во многом объясняла то, почему местные политические элиты сохранили свою лояльность метрополии после начала войны за независимость в Латинской Америке. В 1780-е гг. на Кубе ежегодно производилось 18 тыс. тт. сахара. К концу 1820-х гг. кубинский экспорт сравнялся с показателями Ямайки и достиг 70 тыс. тт. После отмены рабства на Ямайке она уже не могла конкурировать с кубинским сахаром, себестоимость производства которого была значительно ниже. К 1870 г. Куба достигла своего максимума в составе Испанской империи, производя свыше 700

тыс. тт. или 41 % всего мирового производства тростникового сахара. Точно также в течение первой половины XIX в. Куба выиграла соревнование с Ямайкой и за производство кофе, который стал для нее экспортной культурой лишь в конце XVIII в.

Реформы Карла III (1759-1788 гг.). Во второй половине XVIII в. и в метрополиях, и в их заокеанских владениях произошли важные изменения – результат реформ Карла III.

Уже в конце XVII в. логика экономического развития Испанской Америки естественным образом привела ее к все менее тесной зависимости от метрополии. Все большая доля средств, получаемых колониями, шло на покрытие их собственных нужд: на местный бюрократический аппарат, оборону и экономику. Экономический подъем целого ряда новых отраслей способствовал формированию местной креольской элиты, интересы которой все больше расходились с интересами метрополии. Оборона вице-королевств полностью обеспечивалась из местной казны, что способствовало строительству верфей, медеплавильных заводов и оружейных мастерских. Особенно далеко в этом процессе продвинулась Мексика, где падение производства горнодобывающей промышленности вело к более интенсивному развитию земледелия и животноводства, а также зачаткам мануфактурного производства. Основой ее экономической самостоятельности стали крупные помещичьи хозяйства – *асьенды*. При том, что Перу не смогло тогда достичь такого же уровня самообеспечения, в период с середины XVII в. до 1739 г. четыре пятых поступлений в ее казну оставались в колонии, и лишь немногим более 20 % было отправлено в Испанию. Английский историк Дж. Линч весьма убедительно показывает, что лояльность по отношению к метрополии, проявленная ее владениями в Латинской Америке во время войны за испанское наследство, объяснялась, помимо всего прочего, большой фактической свободой. Именно стремление империи после 1765 г. добиться более тесной зависимости своих заокеанских владений и стало катализатором устремлений к независимости.

Толчком к реформам Карла III (1759-1788 гг.) стал временный захват англичанами Кубы в ходе Семилетней войны. Начиная с 1763 г., Испания напрягает все силы, чтобы восстановить пошатнувшееся соотношение сил со своими соперниками в Европе и Америке. Реформы в духе просвещенного абсолютизма привели к попытке вторичного, на сей раз административного «завоевания» Америки. Так, укрепляя административный аппарат, Бурбоны повели наступление на позиции тех привилегированных корпораций, на которых, по сути, зиждилась вся система управления колониальной империи. Самой привилегированной организацией, обладавшей, к тому же, огромными ресурсами, являлась католическая церковь. Церковная десятина, пожертвования верующих и собственные удачные финансовые операции делали ее крупнейшим в Испанской Америке банкиром, подрядчиком и кредитором. В 1767 г. в Испанской Америке ликвидированы все иезуитские редукции и конфискованы в пользу государства принадлежащие ордену огромные богатства, а сами иезуиты изгнаны из Испании и Америки, что стало началом борьбы испанских либеральных правительств за приоритет светской власти. Примечательно, что большинство из около 2500 изгнанных иезуитов были креолами, высылка которых из своей родины стала источником многочисленных возмущений. Другой мерой усиления административного контроля метрополии стало введение в 1780-е гг. по французскому образцу системы интендантств и округов. В Новой Испании было создано 12 интендантств, в Перу и Рио-де-ла-Плате – по 8, в Чили – 2.

Другим направлением новой политики в колониях стала реформа армии. Испания не располагала ни финансовыми, ни людскими ресурсами, чтобы обеспечивать регулярными войсками свои обширные владения, и потому возлагала

задачи обороны на местные ополчения, которые с середины XVIII в. были расширены и реорганизованы. Основой этих ополчений стали креолы и метисы. Чтобы стимулировать пополнение этих колониальных формирований, Испания предоставила их участникам привилегированный статус (*фуэро милитар*), распространяя на креолов права и иммунитеты, которыми прежде пользовались только испанские военные. Передавая защиту своих имперских владений креольской милиции, Испания сама создавала силу, которая в итоге оказалась обращена против метрополии.

Дополнительным источником раздражения стали попытки империи с середины XVIII в. увеличить свои доходы за счет колоний для оплаты разорительных войн в Европе. Возросла подушная подать с индейцев (кроме того, ее распространили на метисов и мулатов), увеличилась алькабала (с 4 до 6 %), произвольно вводились новые поборы, и тысячи ремесленников, торговцев и крестьян оказались на грани разорения. Невиданный размах, особенно в Перу, приобрела система *репарто*, которая охватила теперь и неиндейское население сельских округов. В колонии хлынули иностранные товары и торговцы с помощью *коррехидоров* поставляли их в общины, выкачивая огромные средства из общинных касс.

В 1765 г. для торговли с Америкой помимо Севильи и Кадиса были открыты девять испанских портов, во второй половине 70-х гг. их число еще увеличилось. Право сношений с Испанией получили также 24 испано-американских порта – затем вся Испанская Америка получила право торговать с метрополией. Система флотилий была окончательно отменена. С 1789 г. были сняты все ограничения на торговлю рабами, а с 1795 г. испанская корона даровала разрешение на торговлю с иностранными колониями. Наконец, в 1797 г. началась практика выдачи разрешений перевозить товары в свои колонии на судах нейтральных стран, что резко увеличило товарооборот между Испанской Америкой и Европой. Снимались и некоторые ограничения на организацию мануфактур в обрабатывающей промышленности и торговлю между различными территориями – относительная экономическая свобода колонистов. – обогатило испанских торговцев, плюс приток средств в казну.

Правительственные меры привели к громадному росту поступлений в казну метрополии: с 74,5 млн. реалов в 1778 г. до 1213 млн. в 1784 г. Но сами колонии почти не ощутили благотворного эффекта этого роста доходов, поскольку львиная доля прибылей досталась испанским купцам. Декрет 1765 г. позволил кубинцам и другим жителям испанской Вест-Индии торговать с метрополией на тех же условиях, что и испанцы. Но эта уступка не распространялась на материковую часть Испанской Америки, которой было разрешено вести лишь межколониальную, но не трансатлантическую торговлю и судоходство. Кроме того, неразвитость колониальной экономики не позволяла быстро отреагировать на стимулы извне и лишь вела к увеличению дефицита торгового баланса. Покрывался он во многом по-прежнему за счет вывоза драгоценных металлов, составлявших 76 % стоимости всего американского экспорта. Резкий приток на внутреннем рынке иностранных товаров привел к существенному снижению потребительских цен и росту неконкурентноспособности местного производстав, нанеся удар по традиционной цеховой организации и массовому разорению ремесленников.

Еще одним следствием реформ стало резкое увеличение испанской иммиграции с Пиренейского полуострова. В период 1780-90 гг. уровень эмиграции из Испании в Америку превышал уровень 1710-30 гг. в 5 раз. С учетом того, что именно «пиренейцам» по-прежнему доставались ведущие посты в колониальной администрации и экономике, у испаноамериканских элит объяснимо росло гипертрофированное представление о том, что их права продолжают урезаться.

Кроме того, опасаясь безудержной концентрации земли в руках немногих и полного обнищания индейского крестьянства, колониальные власти при разборе земельных споров далеко не всегда принимали сторону местных креольских помещиков и часто защищали права других королевских подданных – индейцев-общинников. Местные чиновники пытались ограничить произвол латифундистов и упорядочить эксплуатацию индейского населения. Креольских помещиков даже заставляли возвращать индейским общинам земли. Захват плантаторами и скотоводами огромных массивов «пустующих» земель, которые они были не в состоянии освоить даже в течение многих десятилетий, лишал к средств к существованию тысячи ранее осевших на них крестьянских семей и резкому росту социальной напряженности. Поэтому важно отметить, что движение народных масс (свободные крестьяне и ремесленники, в том числе креольского происхождения, индейцы-общинники, негры-рабы) в колониях стало протестом не только и не столько против гнета метрополии, сколько выступлением против угнетения со стороны «своих» помещиков, промышленников и торговцев, озабоченных прежде всего собственным экономическим положением.

Несмотря на ощутимый экономический эффект реформ, их слабой стороной стала непоследовательность. Сохранение сложившийся системы эксплуатации населения колоний, запрет на торговлю с другими государствами препятствовали подлинному экономическому росту самой Испанской Америки. Реформы привели к увеличению товарности колониального хозяйства, которому стало тесно в тех границах, которые ему определила метрополия. Теперь экономика колоний уже не могла развиваться без скорейшего освобождения от любых преград для роста торговли, промышленности и сельского хозяйства, включая какие бы ни было ограничения на эксплуатацию рабочей силы латифундистами, горнорудными магнатами и владельцами мануфактур. Иными словами, реформаторы последней трети XVIII в. не только обеспечили приток в казну новых средств, но и вырыли могилу самой колониальной системе Испании.

Филиппины и Гуам.

После того как испанцы обосновались в Новом Свете, началась их борьба с Португалией за господство на о-вах Юго-Восточной Азии. Экспедиция Магеллана, отправленная через Южную Америку, в 1521 г. достигла островов, названных впоследствии Филиппинами. Однако утвердиться на островах испанцам удалось лишь полвека спустя. Экспедиция баска по национальности Мигеля Лопеса де Легаспи (из Новой Испании в ноябре 1564 г.) была новой по стилю. Де Легаспи имел указание испанского короля Филиппа II осуществлять экспансию сугубо мирными средствами. По пути экспедиция высадилась на Марианских и Маршалловых островах, объявленных испанскими. В апреле 1565 г. после пятимесячного путешествия состоялась высадка на о. Себу. Он стал первой базой испанцев на Филиппинах, обследовавших с него в течение шести лет близлежащие острова. Испанцы умело использовали в своих интересах соперничество враждующих кланов – барангей. Так, в 1570 г. была совершена вылазка на о. Лусон, главный город которого Манила с 1571 г. становится столицей испанской колонии на Филиппинах. Легаспи как руководитель экспедиции получил титул и права *аделантадо*, его помощники стали *энкомендерос*. К 1576 г. территория Лусона была поделена на 143 *энкомиенды*, после чего практика пожалований на острове была прекращена короной.

Из-за большой удаленности от Европы Манила с самого начала снабжалась из Нового Света и рассматривалась как территория, зависимая от Новой Испании. Лишь в 1583 г. Манила получила собственный орган управления – *аудиенсию*, с 1595 г. также собственный суд.

Испанцам так и не удалось создать на Филиппинах собственной

жизнеспособной экономики, и до самого XIX в. они зависели от регулярной финансовой помощи, которую получали серебром из Мексики – т.н. *«ситуадо реаль»* (королевская субсидия). По сути своей, это была реституция островам тех таможенных пошлин, которые их суда платили ради торговли в Акапулько.

Особенности географического положения Филиппин, большое число больших и малых островов и не вполне благоприятный климат с самого начала становились препятствием для глубокого проникновения завоевателей. Испанская община базировалась главным образом на самом крупном острове Филиппин - Лусоне, в ряде мест также были основаны торговые посты. Никаких попыток завладеть всем архипелагом, в частности, большим южным островом Минданао с мусульманским населением, всерьез не предпринимались. Центральная часть архипелага, Висайские о-ва была охвачена деятельностью испанских миссионеров. При необходимости испанские войска могли совершать вылазки на окружающие территории, но они никогда по-настоящему не держали Филиппины под контролем. Даже на самом Лусоне испанцам никогда не удавалось поставить под свой контроль северо-восточные горные районы.

В связи со всем вышесказанным, влияние испанцев на жизнь филиппинцев было минимальным. Здесь не произошло демографической катастрофы, поскольку местное население уже обладало соответствующим иммунитетом ко многим болезням европейцев. Не подвергалась серьезному изменению и хозяйственная система местного населения, связанная в других частях империи с выращиванием товарных культур (например, сахарного тростника) или добычей драгоценных металлов. Традиционное земледелие филиппинцев, связанное с выращиванием риса сохранилось. Попытки испанцев разводить на островах пшеницу и маис потерпели неудачу.

География островов не способствовала также масштабному развитию скотоводства, мулы и овцы, завезенные европейцами, приспособиться к климату не смогли. Решением проблемы стал ввоз азиатских пород известных испанцам животных, в частности, китайских лошадей. Но тропический климат существенно ограничивал возможности использования сухопутных дорог, и транспортная система колонии оставалась долгое время абсолютно неразвитой.

В годы испанского управления Манила превращается в удобный порт транзитной торговли, но значения колониальной столицы так и не получила. Основой стала торговля предметами роскоши соседнего Китая – шелк, кружева, фарфор, духи. Существенной была роль и продовольствия из Китая. К 1586 г. китайское население Манилы (*сангли*) достигло 10 тыс. человек, тогда как испанцев и метисов было не более восьмисот. Испанские власти были озабочены притоком китайцев, следствием чего стало решение о создании в городе особого китайского квартала, Париана, за пределами которого подданным Поднебесной селиться было запрещено. Однако это не могло отменить того факта, что фактически все дальнейшее развитие Манилы стало возможным только при участии китайских купцов, ремесленников, земледельцев и прочего рода работников. Тем не менее, в отношениях между общинами города наблюдалась напряженность. В 1603, 1639 и 1662 гг. при содействии филиппинцев испанцы провели несколько кровавых китайских погромов, лишь ненадолго, однако, отпугнувших *сангли* от переселения на острова.

Число испанцев в Маниле было невелико. В 1637 г. здесь насчитывалось лишь 150 испанских семей. Испанцы пытались использовать местных жителей на тяжелых работах на островах, но, как и в Новом Свете, те оказались к нему совершенно не приспособлены. Это приводит к тому, что в XVI в. на Филиппины при посредничестве арабских и китайских купцов начинается ввоз африканских рабов. Как и в Латинской Америке, однако, быстро росло число освобожденных

негров, исполнявших роль солдат, матросов и земледельцев.

Событием исторического масштаба стало впервые подробно задокументированное плавание в 1565 г. испанского корабля по Тихому океану на восток, осуществленное вдоль 40 % с.ш. Это, наконец, позволило испанцам установить регулярное сообщение между Манилой и Акапулько. Испанские галеоны покидали Манильскую бухту в июне и июле, используя попутные муссонные ветра с юго-запада. Путь через Тихий океан занимал пять-шесть месяцев. По прибытии их в Акапулько устраивалась ярмарка, на которой торговали привезенными с Филиппин товарами. В обратный путь корабли брали на борт серебро и пассажиров и отплывали в марте, чтобы поймать северо-восточные ветры на Тихом океане. Основной статьей испанского экспорта в Азию через Манилу являлась серебряная монета из Мексики. Американское серебро пользовалось неизменно высоким спросом у китайских купцов. На пике торговли, в 1597 г. из Акапулько в Манилу было отправлено серебра на 12 млн. песо – цифра, превосходившая общий товарооборот испанской торговли через Атлантику.

Филиппины также традиционно являлись частью японской системы торговли, однако японское серебро быстро превратилось в нежелательного конкурента американскому, и торговые связи между Испанией и Японией оказались непрочными.

Испанские поселенцы на Филиппинах предпочитали вкладывать свои средства в торговые операции. В отличие от Латинской Америки, здесь практически не было крупных земледельческих латифундий. В свою очередь, это обусловило зависимость испанцев на Филиппинах от импорта продовольствия.

Однако налаженный путь через океан не привело к имперской экспансии. Одной из причин этого было отсутствие промежуточного порта при пересечении Тихого океана. так, в частности, испанцы так и не обнаружили Гавайских островов, а Соломоновы (Гуадалканаль и Сан-Кристобаль) о-ва, открытые Альваро де Минданьей в 1567 г., оказались слишком неблагоприятны.

Испанская Гвинея.

Испанская Гвинея объединяла испанские владения, находившиеся в районе Гвинейского залива. Экваториальная Гвинея была открыта в 1472 году экспедицией Фердинандо-По и, начиная с 1592 г. была колонизирована португальцами. В начале XIX в. остров Фернандо-По захватили англичане, но в 1843 г. испанцам удалось вернуть над ним свой контроль. В 1856 г. им также удалось завоевать территорию Рио-Муни на материковой части залива. Страна стала называться Испанской Гвинеей.

Колония была образована в 1926 году путём объединения в единую структуру колоний Рио-Муни, Биоко и Элобей, Аннобон и Кориско. Испания не была заинтересована в развитии инфраструктуры колонии, но заложила большие плантации какао на острове Биоко, куда были завезены тысячи рабочих из Нигерии. В 1900 г. были определены границы между испанскими и французскими владениями на материке. Испанские колонизаторы жестоко эксплуатировали местное население, выселяли его с наиболее плодородных земель, ввели систему принудительного труда. Испытывая недостаток в рабочей силе, испанские плантаторы вербовали африканских рабочих из других стран Африки (главным образом из Нигерии). С конца 30-х гг. XX в. в колонии усиливается движение в пользу независимости, образуются первые местные политические партии. Стремясь замаскировать колониальный режим, Испания в 1960 г. объявила о превращении Фернандо-По и Рио-Муни в «заморскую провинцию» Испании. С 1964 г. Испанской Гвинее была предоставлена внутренняя автономия, в колонии были созданы собственный правительственный совет и генеральная ассамблея. Тем не менее в 1968 г. Испания была вынуждена пойти на предоставление своей бывшей

колонии политической независимости, провозгласившей создание независимой Республики Экваториальная Гвинея.

Испанское Марокко.

Понятие Испанское Марокко включает в себя регион в северной части Марокко, находившийся в колониальной зависимости от Испании в 1912-1956 гг., а также анклав в Южном Марокко: Сиди-Ифни. Столицей владения являлся город Тетуан.

Вытеснив мусульман с Иберийского полуостров, испания и Португалия переносят Реконкисту и на южный берег Средиземного моря (Варварский берег). Уже в 1497 г. испанцам удается здесь приобрести крепость Мелилью. В 1580 г. Испании была также передана португальцами крепость Сеута. Испанскими становятся многие прибрежные крепости (Оран**,** Алжир**,** Танжер). Но сплошную полосу своих владений испанцы сумели здесь создать лишь после 1912 г. При этом города Сеута и Мелилья не были отнесены к Испанскому Марокко поскольку считались неотъемлемой частью собственно Испании. Кроме того, Испании принадлежал также ряд анклавов на Атлантическом побережье Южного Марокко: Сиди-Ифни**,** сектор Тарфая (Мыс Хуби), Западная Сахара. В целом, в годы испанского правления Испанское Марокко сохранило свой мусульманский характер, хотя испано-арабское двуязычие получило некоторое распространение в городах.

После получения независимости в 1956 г. Марокко стала претендовать на соседние испанские территории. Согласно условиям Фесского договора 1912 г., Испания должна была вернуть свои западноафриканские владения обратно Марокко в случае окончания французского протектората над этой страной. Весной 1957 г. при поддержке марокканских властей в Сиди-Ифни начинаются антииспанские выступления, увенчавшиеся вводом испанских войск и началом открытых боевых действий с Марокко. Война была завершена после подписания испано-марокканского соглашения в апреле 1958 г. Испания уступала Марокко территорию Мыса Хуби, сохранив за собой Сиди-Ифни (до 1969 года) и Западную Сахару (до 1975 года). В 1969 г. под международным давлением Испания передала Сиди-Ифни Марокко.

Сеута и Мелилья по-прежнему управляются Испанией.

Испанская Сахара (Западная Сахара).

В конце XIX века в ходе колониального раздела Африки регион Западной Сахары отошёл к Испании, что было подтверждено на Берлинской конференции 1884 г. После этого была известна под названием «Испанская Сахара». В 1900 г. была окончательно установлена граница между Испанией и Францией на полуострове Рас-Нуадибу, который с 1887 г. находился под управлением испанской администрации на Канарских островах. В 1904 году испанская (западная) часть полуострова вошла в состав новой колонии Рио-де-Оро. В соответствии с соглашениями 1904 и 1912 гг. с Францией Испания присоединила к Рио-де-Оро территорию Сегиет-эль-Хамра. В таком виде колония просуществовала до 1920 г., когда полуостров Рас-Нуадибу получил статус отдельной колонии Агуэра. После раздела Марокко, севернее колонии Рио-де-Оро стала располагаться другая испанская колония - Мыс Хуби. В 1924 г. все три испанских владения в Западной Африке: Агуэра, Рио-де-Оро и Мыс Хуби были объединены в единую колонию под названием Испанская Сахара со столицей в форте Кап-Джуби (Вилья-Бенс).

После получения независимости Марокко постоянно заявляло территориальные претензии на Западную Сахару. В 1958 г. Испанская Сахара получила статус испанской провинции. В 1967 году испанские власти создали местный орган управления — Генеральную ассамблею Западной Сахары (Джамаа). В ноябре 1975 г. Марокко организовало так называемый «Зелёный марш», массовую демонстрацию 350 тысяч безоружных людей из всех районов Марокко,

вошедших в Западную Сахару, вынудивший Испанию вывела свою администрацию. Территория Западной Сахары была поделена между Марокко и Мавританией. Мавритания позже вывела свои войска из Западной Сахары и отказалась от территориальных притязаний на неё. С 1979 г. Западная Сахара полностью оккупирована Марокко, где сохраняется повстанческое движение в пользу независимости. Часть бывшей Испанской Сахары контролируется официально не признанной т.н. Сахарской Арабской Демократической республикой.

Литература *(общий список см.: приложение)*:
Гуляев, В.И. Под личиной ацтекского бога: (Испанское завоевание Мексики) / РАН. Ин-т археологии. М., 2006; Диас дель Кастильо, Б. Правдивая история завоевания Новой Испании. М., 2000; История Испании и Португалии М., 2002; Кеймен, Г. Испания: дорога к империи. М., 2007; Олива де Коль, Х. Сопротивление индейцев испанским конкистадорам. М., 1988; Селиванов В.Н. Латинская Америка: от конкистадоров до независимости. М., 1984; Хроники открытия Америки. 500 лет. Антология. М., 1998; Симон Боливар: история и современность. М., 1985; Altman I. Transatlantic Ties in the Spanish Empire: Brihuega, Spain, & Puebla, Mexico, 1560-1620. Stanford University Press, 2000; Israel J. I. Empires and Entrepots: The Dutch, the Spanish Monarchy, and the Jews, 1585-1713. *Continuum International Publishing Group, 1990; Millar H. Spain in the Age of Exploration. Marshall Cavendish, 1999; Pearson M. N.* Before Colonialism: Theories on Asian-European Relations, 1500-1750. *Oxford University Press, 1988; Chudoba B. Spain and the Empire, 1519-1643. Octagon Books, 1969 (1952);* Elliott J. H., Hufton O. Spanish Naval Power, 1589-1665: Reconstruction and Defeat. *Cambridge University Press, 2004 (1997); Kagan R. L., Parker G. (eds.)* Spain, Europe, and the Atlantic World: Essays in Honour of John H. Elliott. *Cambridge University Press, 1995; Schmidt-Nowara C. Empire and Antislavery: Spain, Cuba, and Puerto Rico, 1833-1874. Univ. of Pittsburgh Press, 1999; Walton T. R.* The Spanish Treasure Fleets. Pineapple Press Inc, 2002.

ИТАЛИЯ, КОЛОНИИ

Этапы формирования итольянской колониальной империи. Италия приступила к колониальной экспансии лишь в конце XIX в., что было связано с поздним политическим объединением страны. Лишь в 1871 г. Итальянское королевство (1861) под управлением Савойской династии смогло добиться присоединения Рима и Папской области.

Исследователи традиционно выделяют два основных периода в истории итальянской колониальной империи. Первый – от начала колониальных захватов с середины 80-х гг. XIX в. и до прихода к власти Б. Муссолини в 1922 г. Второй – 1920-40-е гг. и попытки фашистов превратить разрозненные владения Итальянской короны в империю.

На первом этапе Италия аннексировала и присоединила к себе ряд территорий Африканского Рога: в 1885 г. – Эритрею, в 1889 г. – юг Сомали (Бенадир). Между тем, попытка установить протекторат над Эфиопией в 1895 г. окончилась неудачей. По итогам итало-турецкой войны 1911-1912 гг. под итальянский контроль перешли также области в Северной Африке – Триполитания, Киренаика и Феццан, а также Додеканесские острова в Восточном Средиземноморье. Важной особенностью колониальной активности Италии была ее высокая зависимость от международных факторов.

В 1922 г. к власти в Италии пришло фашистское правительство во главе с Бенито Муссолини. Внешняя политика страны стала более агрессивной. До 1925 г.

колониальные вопросы занимали второстепенное место в итальянской внешней политике. Итальянская дипломатия ограничивалась задачей «закрепления» на достигнутых колониальных позициях. Имперские амбиции Муссолини до поры до времени реализуются на Балканах. В 1923 г. фашистская Италия предприняла неудачную попытку оккупации греческого о. Корфу. В сентябре 1926 г. в результате подписания греко-итальянского договора о дружбе и арбитраже Греция фактически отказывается от притязаний на Додеканезы. В том же 1926 г. подписан Тиранский пакт с Албанией, дающий право Италии при необходимости вводить на территорию Албании войска и запрещавший Албании без санкции Рима заключать соглашение с третьими странами. Протокол об итало-албанском союзе от 1927 г., утвердивший итальянский контроль над албанской армией, фактически оформил итальянский протекторат над Албанией. Итальянскому влиянию в стране отводилась роль защитника перед лицом притязаний на Албанию ее соседей – Сербо-хорвато-словенского королевства (Югославии) и Греции.

Муссолини также вернулся к планам захвата Эфиопии. В 1928 г. Италия заключила с Эфиопией 20-летний договор о дружбе, предусматривавший мирное разрешение возможных территориальных споров при международном посредничестве Лиги Наций, членами которой являлись оба государства. Тем не менее, с 1932 г. Италия переходит к подготовке войны против Эфиопии. Участились пограничные конфликты. 3 октября 1935 г. итальянские войска вторглись в Эфиопию. Решением Лиги Наций Италия была объявлена агрессором, и против нее были введены экономические санкции. Несмотря на упорное сопротивление эфиопов, к маю 1936 г. итальянские войска захватили Аддис-Абебу, вынудив императора Хайле Силассие I бежать из страны. 1 июня 1936 г. Муссолини было объявлено об объединении Эритреи, Итальянского Сомали и Эфиопии в Итальянскую Восточную Африку (*Africa Orientale Italiana*). Итальянский король Виктор Эммануил III был провозглашен императором Эфиопии.

В апреле 1939 г. итальянские войска оккупируют Албанию. Дальнейшая экспансия в районе Средиземного моря осуществлялась в союзе с нацистской Германией, на стороне которой с июня 1940 г. Италия вступила во Вторую мировую войну. При поддержке германских войск на Балканах была захвачена Греция, в Африке развернуто наступление в Египте и Британском Сомали. Однако к июлю 1943 г. Италия потерпела военное поражение на всех фронтах, режим Муссолини был свергнут, а страна перешла на сторону союзников по антигитлеровской коалиции. Несмотря на это по Парижскому мирному договору 1947 г. Италия была лишена всех колоний.

После второй мировой войны Додеканесские острова были переданы Греции. Эфиопии была возвращена независимость. В 1952 г. решением ООН под управление Эфиопии на правах автономной области также была передана Эритрея. Низведение Эритреи в 1962 г. до положения одной из эфиопских провинций спровоцировало затяжную борьбу страны за независимость, достигнутой лишь в 1993 г. Ливия добьется окончательной независимости в 1951 г., Сомали (после десяти лет итальянского управления под опекой ООН) в 1960 г. В 1997-98 гг. Сомали начнет вооруженный конфликт с Эфиопией из-за Огадена, но потерпит сокрушительное поражение.

Основные территории: место в общеимперской системе.

Эритрея. К моменту появления итальянцев на берегах Красного моря власть Османской Турции над регионом (с 1557 г.) ослабла. После открытия Суэцкого канала в 1869 г. интерес Великих держав к обладанию опорными пунктами на Красном море возрос. Особую активность проявляли англичане, стремившиеся укрепить свои позиции в Египте и контролировать морские пути к Индии. Именно поэтому Великобритания поощряла египетскую оккупацию Эритреи,

завершившуюся к 1872 г. занятием Керена и Массауа. В 1875 г. египетские войска вторгаются в Эфиопию, но терпят сокрушительные поражения от армии негуса Йоханныса. Дополнительной преградой египетской экспансии стала активизация движения махдистов в Судане. В 1884 г. англичане выступили посредниками в заключении соглашения с императором Эфиопии о взаимной борьбе против махдистов. Йоханныс, фактически контролировавший с 1876 г. большую часть эритрейского плоскогорья, рассчитывал занять Массауа после вывода оттуда египетских гарнизонов. Но Великобритания предпочла поощрить итальянскую экспансию в регионе.

Еще в сентябре 1869 г. в Красном море появилась группа итальянских миссионеров, приобретшая кусок земли в провинции Денкель и собравшая важные сведения о местности и ее обитателях. В 1879 г. итальянская судовладельческая компания «Рубаттино» выкупила у местного султана порт Ассаб (Асэб) в качестве своей торговой и угольной станции. 15 марта 1881 г. Ассаб был приобретен итальянским правительством, формально провозгласившим о создании колонии Ассаб. При этом зона оккупации была существенно расширена, несмотря на протесты правительств Египта и Турции, рассматривавших эту часть побережья Красного моря как находящейся под своим суверенитетом. Закрепление итальянцев в Ассабе рассматривалось англичанами в качестве противовеса Франции, утвердившейся в те же годы в Джибути (Обоке). В 1885 г. при попустительстве англичан итальянские войска заняли Массауа, что означало крушение устремлений Йоханныса IV приобрести выход к Красному морю. В результате произошло первое итало-эфиопское столкновение, закончившееся поражением одного из итальянских отрядов численностью в 550 чел. у Догали.

Однако поражение у Догали не остановила экспансию Италии, искусно использовавшую борьбу за власть внутри Эфиопии. В 1888 г. войска генерала Бальдиссеры заняли Керен и Асмару. К 1890 гг. контроль Италии распространился над всей частью побережья Красного моря, названного ими Эритреей. Так древние римляне именовали все Красное море.

Колониальная администрация рассматривала колонию в качестве плацдарма для проникновения вглубь Эфиопии, еще только переживающей процесс становления единого государства. Новый император Менелик II в 1889 г. в обмен на признание себя верховным правителем страны заключил с Италией в местечке Уччиали договор о дружбе и торговле. В соответствии с договором северная граница Эфиопии была определена «на основе фактически существующего положения», что побудило итальянцев к новым захватам. 1 января 1890 г. Италия официально провозгласила о создании колонии Эритрея.

Итальянское правительство воспользовалось тем, что тексты договора на итальянском и амхарском языкам не был идентичным, провозгласило в 1889 г. о своем протекторате над Эфиопией (Абиссинией). Итальянский протекторат над Абиссинией был признан всеми европейскими странами за исключением России и Франции, имевшими в Эфиопии свои интересы. Через территорию Французского Сомали Россией и Францией начали осуществляться поставки вооружений Эфиопии. В страну прибыли и первые военные советники. Опираясь на моральную и дипломатическую поддержку России и Франции, Менелик II в 1893 г. денонсировал договор с Италией. Ответом стало возобновление боевых действий, однако 1 марта 1896 г. итальянские войска потерпели сокрушительное поражение при Адуа. По договору, подписанному 26 октября 1896 г. в Аддис-Абебе, Италия была вынуждена признать «полную независимость Абиссинии» и гарантировать свое уважение границ между итальянской колонией Эритреей и Абиссинией. Дополнительное соглашение, фиксирующее южную границу Эфиопии с итальянским Сомали было подписано в 1897 г. и незначительно изменено в пользу

Италии в 1908 г.

Эритрея занимала важное место в общеимперской системе и общеимперской идеологии. Колония носила почетное звание «перворожденной» (*la colonia primogenital*). На волне поражения при Адуа Италия была даже готова отказаться от своего колониального проекта, но бурная деятельность первого гражданского губернатора Эритреи Ф. Мартини помогла колонии сохранить роль стратегического и торгового плацдарма.

Второй важной функцией Эритреи было обеспечение метрополии колониальными войсками. К концу 1920-х гг. около 10 тыс. жителей Эритреи состояли в итальянских колониальных войсках. Подразделения из Эритреи, лучше приспособленные к войне в пустыне, нежели итальянцы, начиная с 1905 г. постоянно использовались метрополией в других своих колониях – Сомали и Ливии. Экономика Эритреи в значительной мере была подчинена нуждам содержания колониальной армии. Итальянское присутствие до нач. 30-х гг. было ограниченным. К 1932 г. в г. Асмара проживало 3 тыс. итальянцев и 30 тыс. эритрейцев. Однако развернувшая с 1932 г. подготовка Италии к войне с Эфиопией существенно изменила облик Эритреи. Резко усиливается приток итальянцев. В 1938 г. население Асмары насчитывало уже 98 тыс. человек – из них 53 тыс. итальянцев. В этот период Италия инвестирует миллиарды лир на капитальное строительство и поддержание вооруженных сил. После захвата Эфиопии и провозглашения в 1936 г. Итальянской Восточной Африки именно Эритрее отводилась центральная роль наиболее близкого и лояльного метрополии центра. Именно здесь к концу 1930-х гг. было сосредоточено больше торговых и промышленных фирм, чем во всех остальных итальянских колониях вместе взятых.

Итало-эфиопская война 1935-36 гг. также повлекла за собой разрушение натурального хозяйства Эритреи. Более 400 тыс. итальянских солдат, прошедших через Эритрею в ходе войны, были поддержаны более 60 тыс. эритрейцев из состава колониальных сил. Большинство из этих 60 тыс. человек были оставлены в Эфиопии на постоянной основе, нанеся тем самым сокрушительный удар по традиционному земледелию Эритреи, лишившейся 40 % своего трудоспособного населения. Это было самым массовым привлечением местного населения в колониальные войска для всей Тропической Африки. К началу 1940 г. в Эфиопии насчитывалось 90 тыс. итальянских солдат и офицеров и св. 200 тыс. солдат-африканцев. Столь большой оккупационный контингент был необходим для подавления партизанского движения, сохранившегося вплоть до освобождения в 1941 г.Эфиопии англичанами.

Если эритрейский контингент был призван стать ядром итальянского господства в Эфиопии, то сама Эритрея окончательно превращается в переселенческую колонию. Итогом масштабной переселенческой кампании, развернутой режимом Муссолини во второй пол. 1930-х гг., стало то, что накануне Второй мировой войны итальянцы составляли 12% населения колонии.

Колониальные власти также проводили продуманную политику расового, религиозного и национального размежевания среди жителей Восточной Африки, при котором эритрейцам отводилась роль этноса, стоящего по уровню развития выше, скажем, чем жители Эфиопии в силу более давнего пребывания под благодатным воздействием итальянской цивилизации. Формально на эритрейцев не распространялось понятие «туземцы», которое было закреплено за прочими этническими группами колонии. Им отводилась роль привилегированных колониальных подданных, которым был открыт более широкий доступ к рабочим местам и профессиональному обучению.

Сомали. После закрепления англичан и французов в стратегически важных пунктах Северного Сомали итальянцы могли претендовать только на его побережье

со стороны Индийского океана. В 1889 г. итальянский консул на Занзибаре при поддержке Великобритании приобрел у султаната узкую полоску побережья в провинции Бенадир. Земля была пожалована итальянскому консулу и предпринимателю В. Филонарди. К 1892 г. под итальянский протекторат также отошли расположенные во внутренних районах страны султанаты Оббия и Миджуртини.

В 1895 г. у султана были взяты в аренду сроком на 25 лет еще три области вокруг прибрежных городов Мерки, Брава и Могадишо. Однако средств компании Филонарди на освоение территории в глубине материка не хватало. В 1896 г. права на эксплуатацию Бенадира были переданы другой колониальной компании (*La compagnia di Benadir*) с уставным капиталом 1 млн. лир, в которую акционерами вошли Коммерческий банк Италии и 34 ведущих итальянских промышленника. В их числе крупнейшая доля принадлежала Б. Креспи, владельцу ткацких фабрик и крупнейшей миланской газеты «Corriere della Sera».

Высокие прибыли, которое Колониальное общество регулярно показывало от своей деятельности, однако, существовали только на бумаге. Не было реализовано и обязательство покончить с рабовладением – итальянская колониальная администрация даже взимала налоги с работорговли как одного из видов хозяйственной деятельности в нарушение всех международных соглашений и обязательств Италии. Отчет компании за 1900 год показал, что в колонии постоянно проживает лишь 10 итальянцев – представители самой компании. В результате протестов ряда республиканских политиков и после кампании в прессе в 1905 г. Бенадир перешел под прямое колониальное управление Италии. В 1908 г. было провозглашено о создании колонии Итальянское Сомали (Бенадир, Оббия, Миджуртини). Несмотря на несколько вооруженных экспедиций вглубь материка, вплоть до начала 1920-х гг. итальянцы контролировали фактически лишь прибрежную часть страны.

Правление итальянцев основывалось на сохранении сложившейся системы местных правящих кланов и уважении местных религиозных верований. Официальной религией в Сомали был признан ислам, серьезных попыток к распространению католицизма местными колониальными властями не предпринималось. Тем не менее, крупнейшее в довоенный период восстание в Сомали было осуществлено в 1900-1904 гг. сейидом Абдель Хасаном – главой религиозного братства салихийя.

Ситуация в самой отдаленной из африканских владений Италии меняется с приходом к власти Муссолини. В 1925 г. в результате англо-итальянских переговоров к Итальянскому Сомали был присоединен Джубаленд. Тогда же, в 1925-26 гг. губернатор колонии Чезаре де Векки по указанию Рима осуществил кампанию по вторичному покорению султанатов Оббия, Ногаль и Миджуртини. Стихийно вспыхнувшие восстания в областях Серенли, Було-Бурти и Эль-Бур были жестоко подавлены.

С 1932 г. в Сомали была развернута подготовка к войне с Эфиопией. Несмотря на то, что сомалийскому фронту отводилось второстепенное значение, в крупнейшие порты страны (прежде всего, Могадишо) резко увеличивается приток итальянских военных и поселенцев. Активизируется городское строительство. К 1935 г. в 50-тысячном Могадишо 20 тыс. жителей уже составляли итальянцы.

Киренаика и Триполитания (Ливия). Добившись от великих держав, поглощенных развернувшейся борьбой вокруг Марокко, признания своих притязаний на Триполи и Киренаику, две последние турецкие провинции в Африке, Италия перешла к их формальному захвату. 28 сентября 1911 г. Италия предъявила ультиматум Османской империи, потребовав в 24 часа дать согласие на оккупацию Триполитании и Киренаики итальянскими войсками. Несмотря на готовность

Турции к уступкам, Италия перешла к боевым действиям, быстро нанеся поражение немногочисленному турецкому гарнизону. Дальнейшее продвижение вглубь территории итальянских войск, однако, однако, вызвало ожесточенное сопротивление местных берберских племен. 5 ноября 1911 г. итальянское правительство объявило об аннексии Киренаики и Триполитании. В мае 1912 г. итальянцы захватили Додеканесские острова. В октябре 1912 г. в Лозанне был подписан мирный договор. Вопреки его положениям, Италия не эвакуировала Додеканесские острова. Киренаика и Триполитания перешли под колониальное управление Италии.

В августе 1914 г. турецкие войска при поддержке местного мусульманского братства сенуситов перешли в наступление. К концу 1916 г. вся Киренаика и большая часть Триполитании были очищены от итальянских войск, удерживавших лишь в Триполи и Хомсе. После окончания Первой мировой войны итальянскому правительству пришлось пойти на предоставление Триполитании и Киренаике прав внутренней автономии.

В 1923-25 гг. в обеих североафриканских провинциях вновь разворачиваются широкомасштабные боевые действия с применением танков, авиации и артиллерии. Итальянская группировка под общим командованием маршала П. Бадольо насчитывала ок. 30 тыс. человек, включая 16 «цветных» батальонов из числа эритрейцев и эфиопов. Италия также широко задействовала политико-дипломатические и экономические рычаги воздействия на восставших. На «освобожденных» территориях появлялись новые колодцы, дороги и рынки, тогда как в отношении повстанческих районов действовала экономическая блокада. В 1925 г., в результате итало-египетского соглашения, к Киренаике отошел стратегически важный оазис Джагбуб – важный пункт связи ливийских повстанцев с внешним миром. В феврале 1926 г. оазис был оккупирован итальянскими войсками.

В 1928-29 гг. войска под командованием Р. Грациани перенесли боевые действия в Ю. Триполитанию и Киренаику. Летом 1930 г. итальянцами было осуществлено «библейское переселение» местного населения из южных в северные районы страны. В ходе этой насильственной акции ок. 80 тыс. чел. было помещено в гигантские концентрационные лагеря в районах Сулука, Марса-эль-Бреги, Барки, Дерны, в зоне между Бенгази и Тукрой. В 1931 г., в целях прекращения поставок оружия сануситам извне, на ливийско-египетской границе дополнительно было возведено 270-километровое заграждение из колючей проволоки. Эта область вокруг барьера постоянно патрулировалась бронемашинами и авиацией. 11 сентября 1931 г. пала последняя цитадель сануситов, а их многолетний лидер – шейх Омар аль-Мухтар был взят в плен и повешен. К 1932 г. «умиротворение» Ливии было завершено.

Важной вехой в колониальной пропаганде фашистского режима стал визит в апреле 1926 г. в Триполитанию Б. Муссолини и проведение по всей Италии 21 апреля т.н. «колониального дня», вылившегося в итоге в многодневные помпезные манифестации. Резко увеличивается число публикаций на колониальную тематику, в стране разворачивается кампания по переселению в колонии.

Пик переселенческая кампании в отношении Ливии пришелся на конец 1930-х гг. Только в 1938-39 гг. сюда прибыло около 30 тыс. итальянских колонистов. Итальянские семьи, призванные послужить возрождению Римской империи, проходили тщательный отбор и специальную подготовку. Переселение сопровождалось масштабными изъятиями земли у местного населения и переводом пастбищ под земледельческие фермы. В 1942 г. большая часть итальянских колонистов будет эвакуирована.

Официальная пропаганда вслед за поэтическим образом Габриэля

Д'Аннунцио рисовала Ливию «четвертым берегом» Италии (в дополнению к Адриатическому, Ионическому и Тиррентскому побережьям метрополии). Предполагалось, что со временем Ливия превратится в процветающую «житницу». Новый губернатор Ливии Дж. Вольпи ввел новые ограничения в доступе к образованию и работе для местного населения, были произведены новые экспроприации земель. Многие из оказывающих сопротивление ливийцев депортировались в качестве «внутренней ссылки» на безлюдные острова у берегов Италии (например, о. Устика). В 1934 г., в период губернаторства Итало Бальбо – высокопоставленного деятеля Национальной фашистской партии и прославленного авиатора, Киренаика и Триполитания окончательно объединяются в единую колонию Ливия. В этот период в колонии был развернут ряд крупных строительных проектов, как, например, прокладка в 1937 г. трансливийского шоссе (Litoranea Libica). Правление Бальбо также ознаменовалось ликвидацией концентрационных лагерей и политической амнистией. В стране создавались новые школы для местного населения, открывались мечети. Ливийцы были уравнены в правах с итальянцами в вопросе получения земли, в ограниченных масштабах даже осуществлялась программа наделения землей ливийских ветеранов, воевавших в составе итальянских колониальных сил в Восточной Африке.

Додеканесские острова. Группа островов в Эгейском море общей площадью 3,5 тыс. кв. км. близ юго-западного побережья Турции. Двенадцать самых крупных из них дали имя всему архипелагу, которое в переводе с греческого языка означает "двенадцать островов". Острова находились на положении колонии Италии с 1912 по 1947 гг. и имели большое стратегическое значение в имперских амбициях метрополии, распространявшихся на все Восточное Средиземноморье. На островах Родос, Кос и Лерос были созданы военно-морские базы итальянского флота.

Кроме того, с учетом ограниченности ресурсов Италия и их близости к Европе, правительство постаралась использовать острова в качестве витрины своих колониальных достижений. В период правления Муссолини на островах было развернуто широкое городское и дорожное строительство, осуществлялись реставрационные проекты. Здесь, в отличие от других своих колоний, Италия проводила активную итальянизацию местного греческого населения – итальянский в обязательном порядке преподавался в школе, место греческого постоянно сокращалось.

В 1937 г. губернатор островов и один из высших чинов фашистской партии Ч. де Векки окончательно запретил греческий в школах и существенно ограничил его употребление. Меры вызвали растущее недовольство местного населения, усугубленное ухудшившимися условия жизни на островах в результате начала Второй мировой войны и политикой изъятий продовольствия в пользу метрополии. Италия утрачивает контроль над островами к концу 1943 г. В марте 1945 г. острова были заняты английскими войсками. Италия лишилась островов в пользу Греции в соответствии с условиями Парижского мирного договора февраля 1947 г. В целом, итальянский режим на островах был довольно мягким.

Колониальное управление. В *Эритрее*, в отличие от других итальянских колоний, с самого начала было введено прямое колониальное управление. В Сомали и будущей Ливии первоначально широко задействовались механизмы косвенного управления, опирающегося на местную арабскую знать. В *Сомали* непосредственный контроль метрополии долгое годы осуществлялся лишь над прибрежной частью страны и в крупнейших портах, итальянское присутствие в султанатах Оббия и Миджуртини до сер. 1920-х гг. было практически номинальным. После вторичного завоевания страны в 1925-26 гг. специальным декретом было введено новое административное деление. Все Итальянское Сомали было разделено на 7 административных округов, границы которых не совпадали с зонами

расселения местных племен. В главе округов были поставлены комиссары-итальянцы.

После захвата Эфиопии Эритрея и Сомали вошли в состав Итальянской Восточной Африки. Итальянская Восточная Африка (*Africa Orientale Italiana*) по площади в четыре раза превосходила Италию, ее население оценивалось в 8-10 млн. человек. Административно колония делилась на 6 провинций: Амхара, Эритрея, Галла-Сидама, Харэр, Шоа и Сомали с Огаденом. Во главе каждой из провинций стоял губернатор, подчинявшийся генерал-губернатору ИВА – вице-королю Эфиопии. Провинции делились также на комиссариаты и резидентства с итальянцами во главе. Местная знать была допущена только в состав Консультативного совета ИВА.

В *Триполитании* и *Киренаике* итальянская администрация привлекла к управления часть местной верхушки (туземная знать, вожди племен). Согласно королевскому декрету от 1914 г., территория обеих провинций делилась на районы во главе с комиссарами-итальянцами, далее делившиеся на административные округа во главе с «окружными делегатами» из числа племенных вождей. В июне и октябре 1919 г. Триполитания и Киренаика получили конституционные Статуты, предоставившие им внутреннюю автономию. В обеих провинциях предусматривался созыв местного представительского парламента, для части населения вместо подданства вводилось «итальянское гражданство Триполитании» и «итальянское гражданство Киренаики» с гарантиями всех основополагающих прав и свобод. В период с 1918 по 1923 гг. итальянцам удалось достичь определенного согласия с местными элитами. В Триполитании (1918-22) и Киренаике (1920-23) действовал собственный парламент. Оба Статута, однако, фактически игнорировались пришедшими к власти фашистами. В июне 1926 г. новый «органический закон» перевел обе территории под прямое управление Рима. Все местные выборные учреждения были ликвидированы.

С 1929 г. введена практика назначения для Триполитании и Киренаики одного губернатора. Наконец, 3 декабря 1934 г. был обнародован декрет о создании единой колонии Ливии. Средиземноморская часть Ливии разделялась на 4 провинции (Триполи, Мисурата, Бенгази и Дерна), которые в июне 1939 г. были провозглашены провинциями Итальянского королевства. Последнее не принесло, однако, местному населению сколь-нибудь широкого расширения прав. Южная часть Ливии получила название «Южной военной территории» (с 1939 г. – Ливийская Сахара). Северная часть колонии находилась под гражданским управлением, в южной действовал военный режим. При центральном правительстве Ливии действовали Генеральное правительственное совещание и Правительственный совет, в состав которых входили исключительно высшие чиновники итальянской администрации. Колония делилась на провинции, административные округа и резидентства, главами которых (префектами, окружными комиссарами, резидентами) могли быть только итальянцы. Даже вожди мелких племен назначались в этот период генерал-губернатором колонии.

Жесткая централизация сочеталась с различного рода (в том числе и земельными) пожалованиями местной арабской знати. Местное население получило доступ к сельскохозяйственному кредиту.

Экономика империи. Общей практикой для всех колониальных владений Италии стало создание «государственного фонда земель», сопровождавшегося массовыми изъятиями у местного населения наиболее пригодных для сельскохозяйственного использования участков.

В *Эритрее* в 1890-е гг. в государственный земельный фонд было включено до 413 тыс. га (при том, что общая площадь пригодных для использования земель оценивалась в 649 тыс. га). С 1891 г. управление по колонизации приступило к

созданию поселений для итальянских эмигрантов, однако первая поселенческая кампания успеха не имела. В результате уже в начале XX в. часть земель была возвращена прежним владельцам на правах концессии. К 1939 г. в стране насчитывалось около 150 итальянских сельских хозяйств (включая небольшие семейные хозяйства), в использовании которых находилось 23,5 тыс. га. Добыча полезных ископаемых в Эритрее не велась. Осуществлялась только добыча соли. Эритрея играла также важную роль для экспортной и импортной торговли Италии с соседними Эфиопией и Суданом. К границам последних в этих целях, а также из стратегических соображений были построены железнодорожные линии. К концу 1920-х гг. до 25 % эфиопского экспорта и импорта шло через Эритрею, однако в целом торговый баланс колонии оставался пассивным.

В *Сомали* наиболее плодородные земли в долинах рек Веби-Шебели и Джуды также были экспроприированы итальянским правительством. С приходом к власти в Италии Муссолини в Сомали были предприняты новые попытки развития сельскохозяйственного производства. К началу 30-х, однако, сохранился только один крупный промышленно-хозяйственный консорциум, созданный герцогом Абруццским в 1920 г. – «Виллабруцци». К 1935 г. на 30 тыс. га хозяйства было занято более 4 тыс. человек. Основной продукцией были хлопок, сахар и бананы. Стоит отметить, что большая часть земли была приобретена у местного населения, а не конфискована. Местным сельскохозяйственным рабочим, организованным в родовые кланы, фирма предоставляла наделы в личное пользование и выплачивала жалование. Поселение имело развитую сеть дорог и электричество. Фашистское государство оказывало финансовую поддержку подобным товарным латифундиям, широко эксплуатировался пропагандистский эффект. Бананы «Виллабруцци» превратились в символ имперского благополучия Италии. Однако уже к 1935 г. шкуры и кожи вытесняют бананы в качестве главной статьи экспорта Итальянского Сомали. Всего к 1939 г. в Сомали насчитывалось 213 итальянских хозяйств с общей площадью обрабатываемых земель в 64,9 тыс. га. Как и в Эритрее, существенными сдерживающими факторами оставались неблагоприятный климат и высокие финансовые затраты. Страна была соединена сетью дорог с Восточной Эфиопией, что способствовало развитию торговли внутри Итальянской Восточной Африки. Однако, существовали ограничения для местного населения на хозяйственную деятельность в тех областях, в которых они могли составить конкуренцию итальянским фирмам.

В *Ливии* также было налажено выращивание товарных сельскохозяйственных культур (хлопок, табак, кунжут (сезам) и др.), построены морские порты и автомобильные дороги. Фонд государственных земель резко увеличивается в процессе окончательного покорения страны. В 1922-31 гг. было «огосударствлено» св. 190 тыс. га., из них в руки итальянских концессионеров перешло ок. 118 тыс. га. Распределением земли в колонии занималось созданное в 1919 г. бюро по колонизации. Именно в Ливии итальянская сельскохозяйственная колонизация приобрела наибольший размах. Декретами 1927 и 1928 гг. вводилось специальное материальное поощрение для переселяющихся из метрополии в Триполитанию и Киренаику. Государство принимало на себя от 15 до 50 % всех расходов. Всего к концу 30-х гг. в концессию ок. 840 самостоятельных сельских хозяйств получили 291,8 тыс. га (освоено 171 тыс. га). Половина хозяйств была невелика по размерам – менее 20 га. Традиционное скотоводство местного населения ограничивалось, часть ливийцев перешла на положение батраков итальянских землевладельцев.

Итальянская колониальная экспансия не основывалась на сколь-нибудь значительном экономическом базисе. Одним из бедствий Италии в XIX в. оставалась массовая эмиграция, причем молодые итальянцы устремлялись не

только в Европу и Америку, но и в захваченный Францией в 1882 г. Тунис. Ряд итальянских политиков разделял на этой основе иллюзию того, что активный империализм и колониальные завоевания решат проблему эмиграции и аграрного перенаселения юга. Итальянская индустриализация «сверху» также подталкивала государство к активной внешней политике. Свою роль играли и соображения национального престижа.

Итальянский империализм в к. XIX – начале XX в. имел ту особенность, что к активной колониальной политике государство подталкивали не финансовые круги, а политические интриги, в результате которых отдельные группировки приобретали доступ к скрытому и защищенному от всяческих рисков государственному финансированию. Военные операции Италии в Триполи и Киренаике в 1911 г. также не были отражением «здоровой» активности финансового и промышленного капитала, нуждающегося в выходе на внешние рынки. Экспансионистский курс, сопряженный с значительными расходами, неизменно встречал значительную оппозицию в парламенте, в прессе и деловых кругах страны.

Широкая пропагандистская переселенческая кампания не принесла быстрых плодов. При том, что в 1876-1915 гг. за океан ежегодно устремлялось от 100 до 200 тыс. итальянцев, лишь ничтожная доля их была готова осесть в Восточной Африке. В 1882 г., спустя 13 лет после приобретения первых опорных пунктов, в Ассабе и Массауа насчитывалось всего 7 итальянцев (пять мужчин и две женщины). Тропический климат и отсутствие зримых торговых перспектив отпугивали потенциальных переселенцев. Устремление итальянцев к Абиссинскому плато отражало также тот факт, что там были более плодородные земли и более здоровый климат.

К 1934 г. в Ливии насчитывалось всего 26 тыс. итальянцев, в Эритрее – 4,5 тыс., в Сомали – 1,6 тыс. В те же годы в Египте насчитывалось ок. 49 тыс. итальянцев, в Тунисе – 97 тыс. В результате колониальной активности более сильных империалистических держав – Англии и Франции – итальянские поселения в Тунисе и Египте превратились в очередные компактно проживающие итальянские диаспоры, а не основу для новых колониальных поселений. Неразвитость собственных колоний обусловила «агрессивную бдительность» итальянского фашизма в отношении положения итальянцев в колониях Англии и Франции, которая должна была заложить пропагандистскую и дипломатическую основу для нового колониального передела Северной Африки.

После всех масштабных усилий фашистского руководства к 1940 г. в Итальянской Восточной Африке проживало лишь 184824 итальянцев (151224 мужчин и 33224 женщин), из которых 109 тыс. составляли военнослужащие. В Ливии в июне 1940 г. насчитывалось 102281 итальянцев, из которых приблизительно 40 тыс. проживало в Триполи, а 20 тыс. – в Бенгази. Здесь также большинство составляли гражданские служащие и военные. За этот же период итальянского империализма – с 1860-х до 1940 г. из Италии эмигрировало около 18 млн. итальянцев (значительная часть оставила родину навсегда).

Таким образом, вывод ряда историков о том, что итальянский колониализм – как в период пребывания у власти Либеральной партии, так и фашистов – был ответом на феномен массовой эмиграции из страны, относится прежде всего к сфере идеологии. «Демографическая колонизация», призванная решить проблемы безработицы и снизить накал общественных противоречий, не достигла своих целей, хотя и получила второе рождения в период правления Муссолини. Для последнего расширение колониальных владений, помимо всего прочего, было способом «вернуть итальянцев домой». Таким образом, в итальянском варианте империализма к традиционной плоскости метрополия-колонии, добавлялось также третье измерение: итальянцы за рубежом.

Можно отметить и высокую степень насилия, которым отмечались итальянские захваты. Итало-эфиопская война 1935-36 гг. стала кульминацией этого процесса, фактически сопряженная с геноцидом эфиопов, унесшим жизни не менее 750 тыс. коренных жителей страны. В Киренаике усмирение непокорных племен в 1928-32 гг. сопровождалось широкомасштабными карательными экспедициями, массовыми концентрационными лагерями, целенаправленным разрушением системы хозяйства местного населения, приведшими к гибели приблизительно 100 тыс. мирных жителей.

Литература:

Белоусов Л.С. Режим Муссолини и массы. М., 2000; Виноградов А. Итало-эфиопская война 1935-1936 годов // Вопросы истории. 1998. № 5. С. 44-60; Трофимов В.А. Итальянский колониализм и неоколониализм: история и современность. М., 1979; Цыпкин Г.В. Эфиопия в антиколониальных войнах. М., 1988; Яхимович З.П. Итало-турецкая война. М., 1967; Bosworth R. Italy, the Least of the Great Powers. Italian Foreign Policy before the First World War. Cambridge, 1979; Colonialism in Africa: 1870-1960 / Ed. by Lewis Henry Gann, Peter Duignan. Vol. V. Cambridge, 1973; Italian Colonialism / Ed. by Ruth Ben-Ghiat and Mia Fuller. N.Y., 2005; Lyttelton A. Liberal and Fascist Italy, 1900-1945. Oxford, 2002; Miège J.-L. L'impérialisme colonial italien de 1870 à nos jours. Paris, 1968; Porter A. European imperialism, 1860-1914. London, 1994; Webster R.A. Industrial imperialism in Italy, 1908-1915. Berkeley, 1975; Wong Aliza S. Race And The Nation In Liberal Italy, 1861–1911: Meridionalism, Empire, and Diaspora. N.Y., 2006.

КОЛОНИАЛИЗМ, ВНУТРЕННИЙ

Внутренний колониализм – (Internal Colonialism) в самом широком смысле – система внутренней колонизации, при которой происходит освоение ресурсов государства силами этого же государства. Являясь производным понятия колонизации, изначально термин подразумевает освоение прежде всего сельскохозяйственных земель, однако в данном значении он используется относительно редко, в связи с тем что за десятилетия научной разработки проблем колонизации, накопилось немало интерпретаций этого термина. На данный момент понятие внутреннего колониализма используется, как правило, в социологической, политологической и экономической практике, и под ним обычно подразумевают экономическую (но не только) эксплуатацию «центром» страны (под которым часто имеется в виду столичный или аналогичный по значимости регион, где сосредоточена политическая элита государства) своей «периферии» (за счёт использования дешёвой рабочей силы или богатых природных ресурсов), то есть иными словами выкачивание государством ресурсов из собственных регионов. Существующая теория внутреннего колониализма описывает политическую иерархию территорий в составе государства, которая объясняется экономическим неравенством. Для периферии характерна ориентация на производство сырья, а местная рабочая сила отличается низкой квалификацией. В то же время центр берет на себя переработку сырья и обучение специалистов. Считается, что теория внутреннего колониализма объясняет отношения между центром и периферией в неомарксистском ключе, и что униженное положение периферии стимулирует сепаратизм, если на этой территории проживают национальные меньшинства, что на практике наблюдается довольно часто. В этом случае параллельно наблюдается господство расово или культурно отличных правящих групп над коренным местным

населением, стоящим на более низком уровне социально-экономического развития. Господство оправдывается расовым, этническим или культурным превосходством, и власть метрополии узаконивается не только военной силой, но также комплексом расовых или культурных стереотипов. Доминирующая этническая группа, проживающая в центре, практикует дискриминацию по отношению к культурно отличающимся от нее периферийным группам, что очень напоминает классическую заморскую колониальную ситуацию, воссоздает в прямой или замаскированной форме социально-экономическое неравенство, приводит к межэтнической обособленности, отчуждению, порождает дискриминацию по языку, религии, этнической принадлежности. Концепция внутреннего колониализма хорошо объясняет многие этнические процессы как в развивающихся, так и в развитых странах. При этом она лучше учитывает такие скрытые факторы, как исторические традиции, сложившийся потенциал, географическую среду, этнопсихологические установки, устойчивые стереотипы в отношениях между этническими общностями и т.д.

Применение данного термина также означает его взаимосвязь с такими понятиями как внутренняя колонизация и внутренняя колония. Под последней, как правило, подразумевают колонию со всеми присущими ей генетическими признаками, но расположенную в пределах собственных границ колонизирующего государства. В этом случае понятие внутренней колонии противопоставляется заморской колонии (или просто колонии), которая отделена от метрополии естественными, как правило, водными преградами, и требует дополнительных усилий для её физического достижения и колонизации.

Одним из первых в научный оборот термин «внутренний колониализм» был введён классиком марксизма-ленинизма В. И. Лениным, который таким образом пытался согласовать свою теорию империализма с действующими в тот момент взаимоотношениями «центр-периферия». Согласно Ленину, внутренний колониализм проявляется когда империалистическая держава осуществляет экспорт эксплуатации пролетариата в свои колонии или в другие неразвитые страны, торговля с которыми находится под ее контролем; и тем самым пролетариат центральной колонизующей державы субсидируется за счет пролетариата эксплуатируемых регионов. В своей работе «Развитие капитализма в России» Ленин представил Российскую империю как внутренний рынок для капиталов, сконцентрированных в Санкт-Петербурге и Москве и осуществляющих экспансию на периферию. Идея понятия внутреннего колониализма оказалась весьма популярной в марксистской философской и научной мысли, и продолжателем этих ленинских идей стал итальянский коммунист Антонио Грамши, распространивший данный термин на проблему Юга Италии.

Доминирование долгие годы в отечественной исторической науке марксистских концепций привело к формированию устойчивого образа России как империи внутреннего колониализма. В то же время, равным образом и вполне справедливо сложилось представление и о США как о стране, долгое время осуществлявшей внутреннюю колонизацию. Изначально это государство обладало всеми условиями для проведения, прежде всего внутренней колонизации. Так высоким темпам экономического развития США благоприятствовало отсутствие больших военных расходов, а окруженные более слабыми государствами, США в первые полтора века своего существования довольствовались разграблением своих западных земель, экспансией внутреннего колониализма. В этих благоприятных обстоятельствах вывоз капитала и борьба за внешние колониальные рынки были сведены к минимуму: к 1900 г. сумма заграничных инвестиций США составляла всего 500 млн. долл. Долгое время у капиталистов США отсутствовали стимулы для вывоза капитала. Емкость внутреннего рынка, возможность жестокой эксплуатации

чернокожего и иммигрантского населения, использование потогонной системы труда, а также монопольно высокие цены делали внутренние инвестиции не менее выгодными, чем внешние, что стимулировало внутреннюю колонизацию. Однако по мере развития монополистического капитализма правящие круги США постепенно стали втягиваться в колониальную активность во внешнем мире. Условным началом этого процесса можно считать приобретение еще в 1867 г. за бесценок Аляски. Внутренний колониализм стал перерастать во внешний. Особенностью колониальной политики США было то, что она «запоздала» и проводилась в условиях уже поделенного мира и нарастания национально-освободительного движения. Поэтому наряду с открыто захватническими методами использовались финансовое закабаление, экономическое подчинение слабых государств, остающихся при этом формально независимыми.

Следующая фаза разработки понятия внутреннего колониализма пришлась уже на период активной деколонизации и глобальных изменений в мире в 1960-1970-х гг. При этом учёные стали акцентировать внимание на социально-экономические, нежели политические аспекты этого явления, в том числе в связи с чётко обозначившейся в это время проблемой взаимодействия бедного Юга и богатого Севере, в дополнение к устойчивому политическому противостоянию Восток – Запад. Различные теории внутреннего колониализма использовались многочисленными учеными и экспертами для объяснения ситуации и тенденций развития почти всех стран мира – прежде всего развивающихся, но также развитых капиталистических и даже социалистических государств. Термин также использовался для сравнительного анализа колониального опыта и структур, а также постколониальных теорий развития. К 1980-х гг. в связи с новыми научными веяниями и прокатившейся по миру неоконсервативной и неолиберальной волной концепция внутреннего колониализма стала выходить из моды, но до сих пор сохраняет привлекательность в интеллектуальных кругах и научных работах. Несмотря на наличие огромного числа авторов, работавших с данной концепцией, заметный след в общественных и гуманитарных науках оставили лишь немногие учёные, чьи разработки достойны упоминания и перечислены ниже.

В 1972 г. Роберт Блаунер, видный представитель так называемой радикальной социологии США, разработал свою теорию расового угнетения, названную им внутренним колониализмом. Эта теория была основана на аналогии с обычным международным колониализмом, при котором местное население насильственно подчиняют экономическому, политическому, военному и культурному господству колонизаторов. В рамках этой теории Блаунер доказывал существование в США внутренних колоний, эксплуатируемым населением которых являлось преимущественно негритянское население. В своей концепции Блаунер перечислил следующие компоненты колониальных отношений: принудительное навязывание туземцам господствующей культуры (например, их ввоз в метрополию в качестве рабов); попытки господствующей культуры изменить и контролировать туземную культуру; политическое господство; экономическая эксплуатация; идеология, оправдывающая власть господствующей группы. Согласно Блаунеру, в отличие от других этнических групп (белых) негры, индейцы и американцы мексиканского происхождения в США ограничены в правах управлять основными политическими и экономическими институтами. Основная собственность и ресурсы, сосредоточенные на территории, где они компактно проживают, находятся во владении и под контролем групп большинства. Меньшинства могут иметь своих представителей в правительственных органах (например, в городских советах), но часто их избирают и манипулируют ими господствующие группы. Кроме того, предпринимаются попытки разрушить культуру этих групп (которая объявляется примитивной) и заменить ее господствующей. Таким образом, утверждает Блаунер,

была почти полностью уничтожена культура африканцев, после того как их вывезли в Америку в качестве рабов. Большой заслугой Блаунера является то, что он вывел расизм из чисто антропологических и психологических рамок, делая акцент на социально-экономических взаимоотношениях в мультирасовых и мультинациональных обществах. Поэтому борьба с расизмом должна напоминать борьбу с последствиями колониализма, что и происходило в тот период. Время появления концепции Блаунера совпало с завершающим этапом борьбы негритянского населения США за гражданские права и позволяло объяснить многие процессы и явления. Показательно, что в 1967 г. Мартин Лютер Кинг провозгласил негритянские гетто Америки её внутренними колониями.

Одну из наиболее влиятельных в академических кругах формулировок понятия в 1975 г. создал Майкл Гектер, употребив ее для изучения национального развития Великобритании, чем расширил дебаты. Он применил аспекты анализа мировой системы для доказательства того, что внутренний колониализм предполагает подчинение периферийных культурных групп группами центра отчасти в результате неравномерной индустриализации территорий. То есть находящиеся в наиболее передовых регионах достигают господства над проживающими в менее развитых, что позже может привести к возникновению национальных движений, как имело место в некоторых европейских странах и Канаде в конце 1960-х гг. Рассматривая проблему детерминации этнополитического конфликта, Гектер выдвинул концепцию внутреннего колониализма, в которой обосновал тройную модель возникновения этнополитической напряженности: 1) конфликтогенную по своей природе объективную обделенность этнических периферийных групп многонационального государства в процессе его неравномерной модернизации; 2) осознание этой обделенности членами этнической группы как образа коллективных взаимоотношений угнетения в системе центр-периферия; 3) формирование этнонационализма как реакции угнетаемой общности на внутренний колониализм центра. Кроме того было выяснено, что отдельный пласт причин, порождающих этнополитические конфликты, коренится в истории этносов и их взаимодействии, сформировавшемся национальном складе ума, национальном сознании, психологии, традициях, идеологических мифах и стереотипах, транслирующихся из поколения в поколение и др.

Достойна упоминания и своеобразная интерпретация внутреннего колониализма, данная главным теоретиком «национал-революционеров», представителем крайне правой немецкой общественной мысли ФРГ, Хеннингом Айхбергом. Первой книгой, давшей читающей публике представление о системной взаимосвязи движущих «национальную волну» новых позициях, был выпущенный в 1978 г. сборник статей автора «Национальная идентичность. Отчуждение и национальный вопрос в индустриальном обществе». Исходя из старого правоконсервативного образа мыслей и используя присущие экологическому движению настроения тревоги, обусловленные бегством из городов, Айхберг рисует последствия, идущие от разрушений «идентичности». Так, он утверждал, что в любом сегодняшнем индустриальном обществе колониализму чуждых идей держав-победительниц соответствует «внутренний колониализм», а именно «индустриальный централизм» города, «метрополий», лишающий деревню, сельский «регион» их идентичности. В качестве избавления от двойной угрозы, Айхберг в конечном счете рекомендует следующую программу нынешних «национал-революционеров»: подъем осознавших собственную ценность и обретших волю к самоутверждению национальностей Европы на борьбу против засилья «иностранных» держав; восстание «регионализма» против «интернационализма», «революционного национализма» – против «империализма»; европейский «освободительный национализм», который должен «революционным

путем», «снизу», разрушить созданную в результате договоренности держав-победительниц на Востоке и Западе на базе статус-кво «новую меттернихскую систему спокойствий и порядка – новый «Священный союз».

В настоящий момент достаточно активно понятийный аппарат внутреннего колониализма используется в отечественном интернет-сообществе преимущественно левой социально-политической ориентации. Использование терминологии связано с обсуждением проблем, порождённых взаимоотношениями «золотого миллиарда» и остальных жителей планеты. Считается, что целенаправленная политика внутреннего колониализма характерна для богатых ресурсами стран третьего мира, таких, как Нигерия, Кения, Ангола и др. Часто этот термин применяется и для описания российских реалий. Суть в том, что Запад эксплуатирует эти страны в целом. Элита же, сосредоточенная в столице, эксплуатирует свою страну, но делится с населением столицы или крупных экономических центров. Эти столицы или крупные города и составляют внутреннюю метрополию, а их население является опорой существующего политического режима. Огромная концентрация финансов (когда метрополии достаётся все, регионам – ничего) позволяет создать в нищих странах островки процветания, где стандарт жизни приближается к западному. При этом подчеркивается, что внутренний колониализм имеет принципиальные отличия от внешнего. Если в традиционном колониализме изначально взаимодействуют две разных системы (сильная и слабая; два народа; различные типы цивилизаций), то в данном случае происходит раскол одной страны, одного народа на два разных мира, когда первый мир мыслит себя частью «золотого миллиарда», а второй скатывается все дальше в деградацию и нищету. Но они уже не мыслятся как часть единого народа, хотя их и большинство; их судьба не волнует «избранных» жителей метрополии. Те, кто между ними, ориентируются на метрополию, стремятся туда перебраться. Таким образом, продолжающееся неравенство развития регионов во многих странах будет порождать предпосылки для активного использования понятийного аппарата внутреннего колониализма и сопутствующей терминологии.

Литература:

Blauner B. Racial Oppression in America. Harper & Row, 1972; Calvert P. Internal Colonisation, Development and Environment // Third World Quarterly. Vol. 22. № 1 (Feb., 2001). PP. 51-63; Colonialism and Development in the Contemporary World / Ed. by Chris Dixon and Michael Heffernan. Rutherford, 1991; Eichberg H. Nationale Identität. Entfremdung und nationale Frage in der Industriegesellschaft. München, 1978; Ethnic and Racial Studies. 1979. Vol. 2, Issue 3. PP. 253-399; Hechter M. Internal Colonialism: The Celtic Fringe in British National Development, 1536-1966. London, 1975; Internal Colonialism: Essays Around a Theme. Edinburgh, 1983; Internal Colonialism and Structural Change in Colombia / Ed. by A. Eugene Havens and William L. Flinn. New York, 1970; Netzloff M. England's Internal Colonies: Class, Capital and the Literature of Early Modern English Colonialism. Basingstoke, 2003; Pablo G.C. Internal colonialism and national development // Studies in Comparative International Development. Vol. 1 (1965). PP. 27-37; Sachchidanand S. The Internal Colony: A Study in Regional Exploitation. New Delhi, 1973; Sorvarajah M. Internal Colonialism and Humanitarian Intervention // Georgia Journal of International and Comparative Law. Vol. 11. Winter, 1981. PP. 45-77; Ленин В.И. Развитие капитализма в России. // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. 5-е изд. Т. 3. М., 1973. С. 1-609; Хечтер М. Внутренний колониализм // Этнос и политика. М., 2000.

КОЛОНИЗАЦИЯ

Колонизация – (англ. colonization) в самом широком смысле – освоение новых территорий, которое подразумевает прежде всего процесс заселения и хозяйственной разработки земель. В общественных науках колонизацию подразделяют на внутреннюю, когда происходит освоение пустующих земель государства силами этого же государства; и внешнюю, когда основание поселений идёт за пределами своих признанных границ. Хотя в смысловом аспекте под колонизацией можно подразумевать освоение любых новых земель любыми человеческими группами, в научном обороте имеются определённые терминологические ограничения, и о колонизации, как правило, говорят в контексте истории классовых обществ, достигших государственной фазы своего развития, а поэтому, например, расселение древнего человека по планете исключается из этого сферы применимости термина. Стоит добавить, что данный термин также широко используется и в биологических науках, хотя для массового сознания неразрывно связывается со строительством колониальных империй.

Процесс колонизации в силу объективных исторических условий не всегда мог происходить в чистом виде, когда имелись по настоящему пустующие необрабатываемые земли: часто он сопровождался соприкосновением представителей разных культур и цивилизаций. В этом случае колонизация обычно переплетался с насильственным подчинением (иногда – с истреблением) местного населения и служила орудием экспансии государства и его правящих классов. При этом стоит отметить, что хотя, как правило, колонизация ведёт к основанию колоний, сами колонии не всегда создаются путём классической колонизации – возможен, например, метод вооружённого захвата земель с установлением разных форм эксплуатации местного населения для извлечения максимальной прибыли. Такой путь часто доминировал в Новое и новейшее время в контексте деятельности ведущих колониальных империй. Так или иначе, процесс колонизации шёл на протяжении всего классового этапа развития человечества, однако примеров массовых колонизационных мероприятий, имевших важные исторические последствия, было сравнительно немного.

Первым масштабным процессом колонизации в истории можно считать Великую греческую колонизацию (VIII – VI вв. до н.э.), когда за сравнительно короткий период времени произошло распространение греческого влияния и образа жизни за пределы Балканской Греции и Восточного Средиземноморья, по итогам которого греческие полисы возникли по берегам Средиземного и Чёрного морей. Причинами греческой колонизации стали нехватка территории для ведения сельского хозяйства; недостаток собственных сырьевых ресурсов для развития ремесленного дела; рост населения; концентрация земельной собственности в руках знати; обострение политической борьбы в полисах с появлением политических изгоев. Всё это приводило к принудительной эмиграции на новые земли.

Основание новых поселений в рамках греческой колонизации происходило по определённой схеме. Колонии основывались в местах, удобных для жизни, с плодородными землями и источниками пресной воды. Как правило, они находились на морском берегу, где были хорошие гавани для связи с метрополией и другими полисами, а также была возможность лёгкой защиты поселения. Города строили там, где греки уже бывали раньше по торговым делам. Строительство города-колонии повторяло базовые структуры обычного греческого полиса. Стоит отметить, что земля не обязательно могла быть пригодной для зернового земледелия, так как продукты, необходимые грекам для обмена на нужные товары, давали также виноградарство и оливководство.

Важнейшей особенностью греческой колонизации было то, что новые города-колонии были совершенно независимы от того города, из которого

приплыли колонисты (этот город назывался метрополией – городом-матерью). Вновь основанная колония (апойкия) сразу же становилась суверенным полисом со своим собственным гражданством, законодательством, органами управления, денежной системой. Метрополия, обычно, выступала лишь в роли организатора колонизационного процесса, налаживая с колонией связи на равноправной основе. Позднее апойкия устанавливала тесные экономические, религиозные и культурные связи, могла рассчитывать на военную поддержку. Часто в число колонистов входили жители разных городов Эллады. Более того, новообразованные колонии спустя некоторое время сами могли инициировать процесс создания новых полисов-колоний.

В результате Великой греческой колонизации было основано несколько сотен новых полисов-колоний, ставших важным источником поступления в Грецию продовольствия. Импорт зерна, в свою очередь, привел к структурным изменениям в сельском хозяйстве самой Греции, которое постепенно теряет свой натуральный характер и приобретает черты товарного производства. Колонии стали важнейшими источниками сырья для ремесленного производства, что стимулировало ускоренное развитие городов Греции. В результате Великой греческой колонизации весь регион Средиземноморья и Причерноморья стал единой экономической макросистемой, центром которой являлась Греция. С варварской периферии в Грецию ввозились дешевые товары: зерно, соленая рыба, руды металлов, лес, кожи и прочие виды продовольствия и сырья, а также рабы. Из греческих полисов в колонии (и далее к варварам) отправлялись дорогостоящие товары: оливковое масло, высококачественное вино, расписная керамика, разнообразное вооружение, ювелирные украшения, парфюмерия и многое другое. Колонизация значительно расширила кругозор греков, наладила контакты с различными народами, что способствовало интенсивному развитию греческой культуры.

Практика колонизации в Древнем мире была продолжена и Римом. Римские колонии основывались двумя способами: в результате стихийного поселения италийских торговцев и переселенцев (в том числе рабов, люмпенов и вольноотпущенников) и позже – путем поселения римских солдат-ветеранов. Нужно отметить, что вторых колоний было мало по сравнению с первыми. Обычно ветеранов селили в гражданских колониях. Процесс колонизации значительно усилился в последнем столетии Республики, но особенно около середины I в. до н. э. Приблизительно к этому же времени относятся первые высказывания идеологов римского мира, свидетельствующие о понимании ими значения колоний для Рима, например, Цицерон в речи «За Фонтея» и во «Второй речи о земельном законе народного трибуна Сервилия Рулла». Римская колонизация преследовала несколько целей, и, прежде всего, коммерческую – создание торговых центров. Во-вторых, аграрную – наделение землей обезземеленного крестьянства и посредством этого избавление Рима от части люмпен-пролетариата. И, наконец, военно-стратегическую цель – укрепление римского господства в завоеванной провинции. Римских граждан-колонистов всегда можно было использовать как военную силу в случае восстаний местного населения. Но в целом в римской имперской истории классическая колонизация играла меньшую роль, нежели методы прямых военных захватов, что ослабляло внутреннюю структуру и силу империи.

Крупные передвижения племен рубежа античности и раннего средневековья (Великое переселение народов и др.), заканчивавшиеся оседанием племен на новых территориях, привели к сложным взаимоотношениям между местным населением и пришельцами, а также перекроили области расселения племенных общин, что в свою очередь привело к процессам колонизации некоторых земель, например, Балканского полуострова славянами в VI-VII вв. Также стоит отметить, что переход к Средневековью и феодальному способу производства многократно повысил роль

земли и сельского хозяйства в экономике, что являлось предпосылкой для будущих процессов колонизации.

Следующим этапом массовой колонизации, уже в Средневековье, являются военно-колонизационные предприятия европейских феодалов, известные как Крестовые походы. Хотя традиционно под ними подразумевают активность крестоносцев в ближневосточном регионе, не имевшую долговременных последствий в силу сравнительно быстрого изгнания европейцев из региона, к ним также можно отнести походную активность рыцарей на востоке Европы, наиболее ярким примером чего может служить немецкая колонизация Восточной Европы или же «драг нах остен». Эта колонизация, начавшаяся со времен Карла Великого, достигла кульминации в XIII в. и продолжалась до XVII-XVIII вв. и даже позднее. Она не всегда носила «мирный» характер, а сопровождалась в ряде регионов ожесточёнными войнами и даже физическим уничтожением славянского и иного языческого и христианского населения. Хотя немецкие колонисты – крестьяне и ремесленники – принесли с собой хозяйственный опыт и сыграли важную роль в подъеме сельского хозяйства, промышленности, торговли, культуры западных славян и Венгрии, в целом немецкая колонизация преследовала захватнические цели и была формой феодальной экспансии. Поэтому роль этого явления в истории Восточной Европы остаётся спорной и дискуссионной.

Также в Средневековье, наряду с основанием городских и сельских поселений в завоеванных странах и землях (например, фактории Венеции и Генуи, деятельность немецких колонистов) имела место внутренняя колонизация – постепенное, длившееся столетиями заселение и хозяйственное освоение свободных и пустующих земель собственной страны, сопровождавшееся переселением части населения из прежних мест обитания на новые. В отдельных странах внутренняя колонизация совпала с процессом отвоевания страны у захватчиков (реконкиста в Испании). Наиболее заметных успехов процесс внутренней колонизации достигает странах Западной Европы в XII-XIV вв. Тогда происходила расчистка залежных земель, раскорчевка лесных районов; а на их месте появились пашня и многочисленные деревни. Внутренняя колонизация свидетельствовала о прогрессе производительных сил феодального общества: происходило расширение посевных площадей, увеличение производства сельскохозяйственной продукции. Ради увеличения земельной ренты и расширения сферы своей власти, феодалы и церковь часто выступали инициаторами этой колонизации, привлекая различными льготами в новые поселения крестьян и ремесленников. Решающую роль в процессе внутренней колонизации сыграло крестьянство, осуществившее освоение новых земель и чаще всего выступавшее зачинателем этого процесса. Для крестьянства колонизация представляла не только средство расширения размеров хозяйства, но и способ облегчения феодальной зависимости, т. к. вновь освоенные земли использовались крестьянами либо на льготных условиях, либо в качестве свободной земельной собственности (по крайней мере, в первое время).

В Новое время колонизация европейцами других районов земного шара совпала с эпохой Великих географических открытий середины XV – середины XVII вв. Изначально доминировали военные экспедиции с целью грабежа и основания военно-торговых пунктов, но постепенно они уступали место сельскохозяйственному (а затем и промышленному) освоению новых земель с использованием труда местного населения или силами самих европейских переселенцев. В это время многие земли Азии, Африки, Латинской Америки путем военного и экономического принуждения были превращены в колонии в том значении, какое придается этому слову в настоящее время, став объектами капиталистической эксплуатации. Однако стоит заметить, что в связи с тем, что вновь открываемые и захватываемые европейцами земли не отличались

благоприятными природно-климатическими условиями (регионы тропического и экваториального поясов), процесс классической колонизации был часто затруднён, а то и невозможен, и контроль за подчинённой страной осуществлялся военно-политическими методами или косвенным управлением. Тем не менее на протяжении Нового времени не прекращалась колонизация посредством организации переселенческих колоний в благоприятном климате эмигрантами стран-метрополий, при этом утверждение колонистов на новой территории часто вело и к её колониальному подчинению. Типичным примером организации переселенческих колоний может служить американский континент (а также английские колонии Австралии и Новой Зеландии, голландской и английской Южной Африки). При образовании европейцами переселенческих колоний (например, англичанами на территории Северной Америки и в Австралии, голландцами в Южной Африке) коренные жители оттеснялись на неудобные земли или истреблялись, позднее поселялись в резервациях. Одновременно шел процесс частичного смешения пришлого и коренного населения. Верхушка европейских колонистов, сосредоточившая в своих руках лучшие земли и политические привилегии, оставалась до последнего времени (например, в Алжире, в ЮАР, бывшей Южной Родезии) опорой колониализма и расизма. При этом исторический опыт показал, что страны со смешанными обществами не отличаются постколониальной внутренней стабильностью, в отличие от почти мононациональных переселенческих колоний.

Отдельным случаем массовой внутренней колонизации служит пример США. На данный момент в США потомки переселенцев из разных стран Европы составляют большинство населения этой страны. Наличие огромных массивов необработанных земель на западе континента создавало возможность прибывшим в Северную Америку из Европы колонистам приобретать там земельные участки, создавая самостоятельные фермерские хозяйства. Быстрому заселению и освоению земель на Западе способствовало превращение после войны за независимость в Северной Америке 1775-83 территории к Западу от Аллеган в «общественные земли». Большую роль в колонизации играло массовое движение скваттеров. Изданный во время гражданской войны гомстед-акт (1862) явился наиболее важным законом в истории колонизации западных земель США. Заселение западных земель быстро подвинулось вперед, и вскоре начальная стадия колонизации США была закончена (однако отведение земли для сельскохозяйственной обработки продолжалось и в XX в.). По мнению многих авторов, постоянная колонизация Америки (фактор фронтира) сыграла свою роль и в становлении американской формы демократии.

Типичным примером государства, развивавшегося с помощью процесса колонизации, может служить и Россия, при этом за свою историю это государство пережило несколько этапов разнонаправленной колонизации. Начало было положено в IX-XII вв., когда славянское население Древней Руси постепенно колонизовало территорию в бассейнах рек Ока, верхняя Волга, Вятка, а также территории Подвинья, Прионежья, Поморья и др. В XIII-XV вв. усилилась колонизация северных частей Русской равнины в результате того, что после монгольских завоеваний массы людей вынуждены были покинуть насиженные места и переселиться из разрушенных сёл и городов на север и северо-восток, что, с другой стороны, сопровождалось запустением обширных степных и лесостепных районов к югу от Оки, вначале подвергавшихся частым набегам, а затем ставших местами кочевий завоевателей. Эти районы получили название Дикого поля и стали базой для будущей реколонизации.

В XVI – первой половине XIX вв. колонизационные движения русского населения стали направлены преимущественно на юг и восток – в Сибирь, на

Дальний Восток, на Дон, Прикубанье, Причерноморье, Предкавказье, Поволжье. Последние направления вызывались усиливавшимся феодально-крепостническим гнётом в центре страны и появлением относительного аграрного перенаселения. Бежавшие на окраины государства крестьяне и горожане были вынуждены вести непрерывную борьбу, главным образом против набегов степных феодалов. В этих условиях колонизация приняла также характер образования военных общин казаков. Опираясь на осевшее к югу от Оки население и засечные черты, правительство России закрепило за собой территорию Дикого поля. Колонизация этих районов привела к образованию здесь многих городов, распашке земель и развитию земледелия; со второй половины XVII в. эти районы становятся поставщиками хлеба и скота для центра страны. Сюда проникают и феодалы, ставшие получать от правительства освоенные и заселённые земли в поместья и вотчины. После завоевания Казанского и Астраханского ханств (1550-е гг.) началась интенсивная колонизация Среднего и Нижнего Поволжья и Приуралья.

С конца XVI в. началась колонизация Сибири и Дальнего Востока, где русские основали города и принесли сюда земледельческую культуру – свои орудия труда и агротехнику. Вслед за ними земледелием стали заниматься и представители местных народов (якуты, буряты и др.). Характерными чертами внутренней колонизация в XVIII – первой половине XIX вв. были помещичья колонизация южных районов, осуществлявшаяся путем перевода крепостных крестьян из Центра, и правительственная колонизация Сибири путём ссылки сюда участников антикрепостнических выступлений, а также уголовных преступников. Переселенческое движение из центральных губерний и хозяйственное освоение огромных районов Сибири, Дальнего Востока, Северного Кавказа особенно усилились в XIX в., продолжались и в начале XX в., приобретая всё более капиталистический характер. Таким образом, развитие капитализма вглубь приводило и к распространению его вширь путём дальнейшей колонизации. В рамках процесса происходила широкая распашка земли колонистами, производившими на продажу пшеницу, табак и другие культуры. Колонизация в этот период приводила к созданию в осваиваемых районах рынка для капиталистической промышленности и втягиванию их в мировое хозяйство. В кон. XIX – начале XX вв. начальная стадия колонизации окраин России была завершена, хотя в настоящее время не утихают споры, насколько этот процесс полностью прекратился.

В последние десятилетия в связи с бурным развитием научно-технического прогресса и началом освоения космоса, термин колонизация стали часто применять к возможному в будущем заселению человечеством космического пространства, как ближнего, так и дальнего космоса. На данный момент общепризнанной теории колонизации космоса не существует, но проблема активно обсуждается отдельными учёными, писателями-фантастами, футурологами и представителями общественности. В ближайшей перспективе наиболее вероятными кандидатами на заселение являются околоземное пространство (станции-поселения), Луна, Марс. Технически более сложную задачу представляет колонизация Венеры, объектов пояса астероидов, планет-гигантов. Совсем уж гипотетической представляется возможность колонизации планет в других звёздных системах, однако темпы развития науки позволяют приблизить этот процесс, хотя только в отдалённом будущем. Также возможность начала космической колонизации зависит от политической воли руководителей государств и готовности самих людей преодолеть свою земную природу и вырваться, по словам К.Э. Циолковского, за пределы своей колыбели – Земли.

Литература*:*

Crosby A.W. Ecological Imperialism: The Biological Expansion of Europe, 900-1900. Cambridge – New York, 1986; Morris H.C. The History of Colonization from the Earliest Times to the Present Day. New York – London, 1908; Osterhammel J. Colonialism: A Theoretical Overview. Princeton, 1997; Rockman M., Steele J. The Colonization of Unfamiliar Landscapes. London – New York, 2003; Verlinden C. The Beginnings of Modern Colonization. Cornell, 1970; Виймар П. Крестовые походы СПб., 2003; «Дранг нах Остен» и историческое развитие стран центральной, восточной и юго-восточной Европы. М., 1967; Заборов М. А. Крестоносцы на Востоке М., 1980; Любавский М. Колонизация, Образование основной государственной территории великорусской народности, Л., 1929; Сапрыкин Ю. М., Англ. колонизация Ирландии в XVI – нач. XVII вв., М., 1958; Самойло А. С., Англ. колонии в Сев. Америке в XVII в., М., 1963; Шунков В. И., Очерки по истории колонизации Сибири в XVII – начале XVIII вв., М. – Л., 1946; Хрусталёв Д. Северные крестоносцы. Русь в борьбе за сферы влияния в Восточной Прибалтике XII – XIII века. СПб., 2012; Яйленко В.П. Греческая колонизация VII – III вв. до н.э. М., 1982.

КОНФЕДЕРАЦИЯ

Конфедерация, наряду с федерацией и унитарным государством, относится к трем базовым формам государственного устройства, определяющим принципы национально-территориальной организации государства и взаимоотношений центральных органов власти с региональными.

Конфедерация – союз самостоятельных государств, за которыми закреплена главная часть государственных прерогатив. Согласно определению М. Форсайта, конфедерация является «союзом, не достигающим полного слияния или инкорпорации, в которой один или все субъекты теряют свою идентичность в качестве государств». Этот союз «федеративен» по своей природе, то есть основан на феде (foedus), или договоре, между государствами, а не на сугубо одностороннем волевом акте. Быть «федеративным» в широком смысле означает, во-первых, что государственное устройство определено неким юридически обязующим договором или конституцией; и, во-вторых, что деятельность такого государственного устройства основывается на принципе «разнообразия в единстве». Именно в этом широком смысле конфедерация, как и собственно федерация является «федеративной» по своей природе.

Это также означает, что союз, установленный федом, или договором, представлен не каким-либо отдельным лицом, но некой формой ассамблеи, конгресса, парламента или совета государств, которые создают союз. Таким образом, за рамки подобного понимания конфедерации выносится «персональная уния» — другой некогда весьма распространенный тип союза государств (например, унии Англии и Шотландии в 1607 г.) – двух монархий, объединенных под властью одного правителя.

Конфедерация являлась достаточно устойчивой и распространенной в прошлом формой государственного объединения. Примерами могут быть названы Рейнская конфедерация, просуществовавшая с 1254 по 1350 гг., Ганзейская лига (1367-1665), Швейцарская Конфедерация (1291-1798 и 1815-1848), Республика Соединенных провинций (Нидерланды) (1579-1798), Соединенные Штаты Америки (1781-1789), Германский Союз (1815-1860); Конфедеративные Штаты Америки (1861-1865), Австро-Венгерская монархия (1867-1918) и др.

Конфедерация традиционно характеризуется следующими принципами:

1) ее государства-члены имеют закрепленное законом право выйти из ее состава;

2) полномочия центральных органов власти делегируются государствами-членами;

3) государства-члены пользуются правом вето, блокирующим решение центральных органов конфедерации по многим вопросам;

4) решения центральных органов касаются государств-членов конфедерации, но не напрямую их граждан;

5) центральные органы не собирают напрямую налоги;

6) центральные органы не избираются прямым всеобщим голосованием граждан конфедерации;

7) Полномочия государств-членов конфедерации обычно делегируются не на постоянной основе, а для решения какой-то конкретной задачи, например, ради свободы торговли между государствами членами или совместной обороны. Чаще всего создание конфедерации преследует именно внешнеполитические цели. Центральные органы конфедерации и, при необходимости, также единые вооруженные силы и общая финансово-банковская система, формируются на паритетной основе и только при условии ратификации в законодательных органах субъектов конфедерации.

Таким образом, политический «центр» в рамках конфедерации намного слабее, нежели в системе федерации, и напрямую зависит от государств-членов. Точно так же суверенитет не разделяется между центральным правительством и местными органами власти, а целиком закрепляется за государствами-членами.

Конфедерация как форма государственного устройства традиционно сталкивалась с серьезной критикой. В наиболее полном виде она была изложена еще более двухсот лет назад такими отцами-основателями США, как Александр Гамильтон и Джеймс Мэдисон. Призывая в своих политических эссе, объединенных позднее в сборнике «Записки федералиста», заменить Конфедерацию США более сильной централизованной формой правления, они подвергли сомнению целесообразность конфедеративного устройства как такового. Подвергая жесткой критике также, в частности, Швейцарскую и Нидерландскую конфедерации, федералисты не придавали никакого значения тому факту, что и та, и другая относительно стабильно просуществовали несколько веков, а Нидерландская конфедерация одно время даже выступала как мировая держава.

Одной из основных причин образования этих конфедераций была забота о безопасности или обороне. В случае старой Швейцарской Конфедерации и Соединенных провинций Нидерландов создание конфедераций было вызвано стремлением отразить притязания Габсбургской династии. Создание Германского союза имело целью заключение союза держав против проникновения идеологии Великой Французской революции, а образование конфедерации США должно было объединить силы колонистов в борьбе с имперской державой – Англией.

При создании всех конфедераций конституционная основа для них была заложена рядом договоров, подписанных странами участницами. Все они сохраняли право выхода из конфедеративного союза. Именно эта особенность отличает конфедерализм от других форм правления, и именно эта черта конфедерации вызывала самую серьезную критику со стороны ранних федералистов. Они считали конфедерацию слишком слабой и рыхлой формой союза, в котором трудно было достичь единства и который перманентно подстерегала опасность распада.

Однако на практике ни одна из конфедераций не распалась изнутри, т. е. ни одна из них не завершила своего существования из-за отделения и сепаратизма своих составных частей. Как старая Швейцарская Конфедерация, так и Соединенные провинции Нидерландов были распущены только под давлением французов в период после 1789 г. Швейцарцы после короткого периода восстановления конфедерации со временем пришли к законченной форме

федерации с принятием новой конституции в 1848 г. Нидерланды, бывшие наиболее усложненной формой конфедерации, интегрировались до такой степени, что после освобождения от французского давления преобразовались с 1815 г. в унитарное государство. Германский союз закончил свое существование после разгрома Австрии Пруссией в войне 1866 г., причиной которой была не попытка отделения со стороны Пруссии, напротив, стремление к созданию единого германского государства. Что касается Конфедерации США, то ее крах, по мнению Форсайта, объяснялся главным образом отсутствием достаточных полномочий у конгресса в области финансов и, как следствие, недостатком средств после Войны за независимость. Огромные плохо управляемые территории и неразвитость дорожного сообщения также в немалой степени способствовали ее роспуску.

Кроме того, опыт существования конфедераций имел немало положительных черт. Прежде всего, это то огромное значение, которое имели в законодательных актах всех конфедераций положения о внутреннем арбитраже при рассмотрении спорных вопросов. Урегулирование внутренних конфликтов и поддержание единства обычно достигалось не силовым путем, а путем переговоров. За долгую историю существования той же Швейцарской Конфедерации подобные арбитражные процедуры успешно применялись более ста раз. Учитывая большую разнородность стран-участниц, столь слабо связанная форма правления, какой являлась конфедерация, позволяла сочетать разнообразие с единством без нарушения индивидуальности своих членов. Подобная способность конфедеративного управления учитывать разнообразие своих составных частей должна восприниматься не как его слабость, а как одно из его главных достоинств.

В институциональном строении конфедераций прошлого просматривается много общего. Так, в частности в их конфедеративных законах проводилось четкое разграничение полномочий. Как правило, собрание делегатов от субъектов конфедерации образовывало конфедеральное правительство. Генеральная ассамблея (парламент Швейцарской Конфедерации, генералитет в Соединенных провинциях Нидерландов, бундестаг в Германском союзе и конгресс Конфедерации США) обладала исключительными полномочиями по вопросам внешних сношений и обороны. Она имела право направления и приема посольств, заключения договоров и объявления войны. В ряде случаев Генеральная ассамблея получала также более широкие права: например, право регулирования торговли, чеканки единой монеты и регулирования вопросов религии.

Делегаты от субъектов конфедерации, различные по численности, проводили заседания Генеральной ассамблеи в регулярные промежутки времени. В основном существовало два порядка голосования для вынесения решения. По важным вопросам, обычно касавшимся объявления войны и заключения мира, а также внесения поправок в статьи конфедеративного договора, действовала система голосования с правом вето. В других случаях достаточно было простого голосования с подсчетом большинства поданных голосов, как, например, при вынесении решений о подвластных территориях (таковыми являлись территории, завоеванные конфедерацией, не становившиеся ее субъектами, а остававшиеся в подчинении). Страны-участницы конфедерации несли ответственность за проведение в жизнь решений, вынесенных Генеральной ассамблеей, и за использование своих исключительных полномочий в пределах своих территорий в соответствии с конфедеративными договорами.

Бюджет Генеральной ассамблеи составляли долевые взносы каждой из участниц Конфедерации. Исключением являлась Генеральная ассамблея Соединенных провинций Нидерландов, которая имела также свой независимый доход. Важнейшими независимыми источниками федеральных доходов были налоги, поступавшие из подвластных территорий, управляемых генералитетом, а

также налоги на фрахт и лицензии на торговлю, которыми облагались корабли торгового флота. Доходы от второго источника направлялись на оснащение военного флота. Хотя независимый доход был для Генеральной ассамблеи далеко не достаточен и она во многом зависела от долевых взносов субъектов конфедерации, значение независимых федеральных доходов для последующего развития и укрепления конфедерации не стоит недооценивать.

В самом деле, подобные конфедеративные союзы предоставляли не только гарантию безопасности, но – при условии достаточно длительного существования – также и возможность социальной, экономической и политической интеграции. В период расцвета Швейцарской Конфедерации и Соединенных провинций Нидерландов оба союза фактически перешли от оборонительной позиции к наступательной. Они действовали на международной арене как сильные державы, что также повысило их ощущение единства. Преобразование всех конфедераций либо в федерации (в случае Швейцарской Конфедерации, Германии и США), либо в централизованное унитарное государство (в случае Нидерландов) не является простым совпадением. Оно стало возможным благодаря их прежнему опыту политического союза, дававшему рождение нового суверенного народа.

Ряд политологов поэтому определяет конфедерацию как довольно неустойчивое объединение, «переходный этап», за которым следует либо преобразование ее в федерацию, либо распад. В подтверждение этого тезиса обычно указывается и то, что в современных условиях существование государств-конфедераций оказывается все более кратковременным. В XX веке примерами таких неудачных политических экспериментов можно назвать Конфедерацию Сенегамбия (союз Сенегала и Гамбии, продержавшийся в 1982-1980 гг.), Объединенную Арабскую Республику, образованную Египтом и Сирией и просуществовавшую лишь с 1958 по 1962 гг. Коротким эпизодом в истории «бархатного развода» Чехии и Словакии стало существование и Чешской и Словацкой Федеративной Республики (1990-1992 гг.).

Однако начиная с 1980-х годов интерес к конфедерализму вновь возродился. Его современные исследователи: Фредерик Листер, Меррей Форсайт, Даниэл Элазар, едины во мнении о необходимости переоценки и более глубокого изучения конфедерализма в современных условиях. Несмотря на различия в подходах к этой проблеме, все они ставили перед собой задачу создать теорию конфедерализма и связать ее с современностью. Все они разделяли общий оптимизм по поводу блестящих перспектив возрождения конфедерализма как начального этапа последующей более тесной интеграции на региональном и глобальном уровнях. В отличии от конфедераций прошлого, ныне этот принцип объединения может широко использоваться для экономического сотрудничества, примером чего может служить интеграция в рамках Европейского союза.

Действительно, в своем нынешнем виде Европейский Союз по своей структуре в большей мере можно отнести к конфедерации, нежели чем к федерации. В частности, исполнительная власть в рамках ЕС коллективно осуществляется его государствами-членами в рамках Совета министров, ЕС не осуществляет единую оборонительную или внешнюю политику. Впрочем, ряд политологов и правоведов указывают на факт необходимости достижения квалифицированного большинства для принятия решений Советом министров ЕС, что является проявлением принципов федерализма.

Следует признать, что ныне в мире не осталось «чистых» конфедераций. Хотя само это слово присутствует в названии ряда государств (Швейцария), оно не меняет сущности их федеративного государственного устройства. По мнению А. Мушга, устойчивость Швейцарской конфедерации на протяжении многих столетий предопределили две ключевые особенности. Во-первых, швейцарские политические

партии не разделялись (и не разделяются) по языковому признаку. Во-вторых, языковые границы здесь не совпадают с религиозными, причем сам религиозный фактор в жизни ее провинций теряет глубокое идеологическое значение и все больше выступает в роли значимой культурной традиции. Единство достигается значительной долей автономности жизни франкоязычных и германоязычных кантонов. Однако даже на фоне этого видимого благополучия А. Мушг указывает на те факторы, которые грозят в будущем дестабилизировать обстановку в старейшей из Конфедераций мира. Это, прежде всего, фактор влияния параллельного процесса интеграции Европы. Большая, немецкоязычная часть Швейцарии более развита экономически и меньше, чем франкоязычная, желает более тесной интеграции с Европой. Во франкоязычной же части Швейцарии можно наблюдать определенное стремление к языковой самоидентификации, и серьезное понижение жизненного уровня этой части страны неизбежно усилит центробежные тенденции.

Конфедерализм на своем современном этапе, в XX веке, выступает также в качестве одного из путей трансформации традиционных колониальных империй в широкие ассоциации метрополии с прежде зависимыми от нее, а ныне суверенными государствами. В этом случае традиционно указывается на опыт реформирования Британской империи в Содружество. Как показывают исследования В.В. Грудзинского, проблема «имперского федерализма» остро встала в Великобритании еще в последней трети XIX - первой четверти XX в. – параллельно с постепенной демократизацией ее политической системы в целом. Но если изначально «имперский федерализм» воспринимался прежде всего как способ «сохранения империи», то имперская конференция 1926 г. и Вестминстерский статут 1931 г. обозначили медленный поворот общественного сознания от идеала Великой Британии к «малой» Англии. В дальнейшем империя была весьма гибко заменена на Содружество, выстроенное на все более широких конфедеративных началах. Нынешнее Содружество объединяет большинство бывших британских владений и является наиболее крупным и влиятельным после ООН объединением государств. Несмотря на весьма жаркие споры относительно эффективности этого международного правового механизма, руководящая роль Англии во главе его остается реальной, а не номинальной. Параметры Вестминстерской системы политического устройства и тенденции ее реформирования до настоящего времени определяют близкие процессы в странах Содружества. Вестминстерская система в широком смысле – это парламентский режим британского типа, модель которого чрезвычайно влиятельна за пределами Соединенного королевства, и многие характерные черты которой были экспортированы в страны-члены Содружества.

Принцип конфедерализма или ассоциации со своими бывшими колониями рассматривался во второй половине XX в. также и Францией. В период принятия конституции Пятой республики (1958 г.) остро встал вопрос отношений бывшей метрополии и ряда некогда зависимых от нее территорий. В его центре был выбор типа того политического образования, которое должно было возникнуть в результате деколонизации: в частности, будет оно федеративным или конфедеративным. Идея федерации занимала большое место в дебатах Конституционного консультативного комитета, дискуссии в котором быстро выявили непреодолимые противоречия между сторонниками федерации и конфедерации. Первоначально представители заморских территорий выступали за идею федерации. Но невозможность добиться консенсуса в этом вопросе привела к «реалистическому» решению, состоявшему в введении компромиссного термина – «Сообщество» (Communaute) – прагматической концепции, предложенной Комитетом для выхода из тупика, в который завела дискуссию идея федерации. Созданное в 1958 г., Французское Сообщество представляло собой систему,

направленную на сохранение тесных связей между Францией, ее заморскими департаментами и территориями, а также некоторыми независимых африканскими государствами, ранее входившими в состав Французской колониальной империи. Члены Сообщества получали значительную автономию, но не контролировали вопросы обороны, высшего образования, денежного обращения и внешней политики. Недовольство ограничениями автономии привело к пересмотру конституции Сообщества в 1960 г. Тогда же в начале 1960-х гг. большинство африканских стран получили независимость, и Сообщество утратило свое значение. Однако все эти страны сохранили тесные связи с Францией, оформленные двусторонними договорами. Франция продолжает оказывать им экономическую помощь, поддерживает в ряде случаев свое военное присутствие и широко задействует рычаги культурно-лингвистической общности (франкофония). Но попытка придать этому взаимодействию политическое измерение принесло лишь ограниченные плоды.

Таким образом, конфедеративный союз как форма объединения занимает срединное положение между обычными межгосударственными и обычными внутригосударственными отношениями, это, согласно меткому определению М. Форсайта, «дом на полпути». Следует иметь в виду то, что теория и практика конфедерализма эволюционны по своему характеру. Природа каждой конфедерации зависит от 1) природы общих межгосударственных отношений в эпоху, в которой она сформировалась, и 2) природы государств региона, в котором она расположена. Именно поэтому практика конфедеративного правления сегодня сильно отличается от своих исторических прототипов, поскольку отражает сложные межгосударственные и внутригосударственные отношения сегодняшнего дня.

Фредерик Листер указывает на следующие важнейшие сферы применения конфедерализма в современном мире:

1) Возможность создания союзов конфедеративного типа группами малых и мельчайших государств для повышения своего экономического статуса. Создавая для себя возможность выдвигать взаимосогласованные позиции по отдельным вопросам, они увеличивают свой вес на переговорах в случае создания более крупных и более мощных образований.

2) Трансформация на принципах конфедерализма является вполне жизнеспособной альтернативой разрыву всячих связей для ряда тех многонациональных государств, которым угрожает полный распад.

3) Конфедеративные связи также могут быть весьма привлекательны целых групп смежных государств, больших или малых, поскольку дают возможность получения наибольших выгод от растущей экономической взаимозависимости в мире. Такие группы могут также использовать подобные связи для усиления своей коллективной безопасности.

Литература:

Daniel J. E. Constitutionalizing Globalization: the Postmodern Revival of Confederal Arrangements. Lanham, 1998; Elazar D. J. (ed.). Federal Systems of the World: a Handbook of Federal, Confederal and Authonomy Arrangements. Essex, 1994; Forsyth M. Unions of States: the Theory and Practice of Confederation. New York, 1981; King P. Federalism and Federation. London, 1982; Lister F. K. The European Union, the United Nations, and the Revival of Confederal Governance. Westport, 1996.

МЕТРОПОЛИЯ

Метрополия (от греч. μήτηρ – «мать» и πόλις – «город») – многозначный термин, ведущий своё происхождение с эпохи древнегреческой колонизации. Изначально под метрополией подразумевали древнегреческие города (полисы), имевшие колонии. Например, Массалия (современный Марсель) являлась колонией полиса Фокея, и таким образом Фокея была метрополией Массалии. В тот период метрополия не распространяла свою власть над колониями, хотя покровительствовала им и в их спорах играла роль третейского судьи, а в случае военной опасности и нужды помогала военными силами и другими средствами. Государственное устройство метрополии переходило и к колонии. Враждебные отношения между метрополией и колонией считались нетипичными и редко встречаются в древности.

Позднее метрополией стал назывался главный город провинции, а в Азии – вообще всякий большой город. Отсюда епископы больших городов назывались митрополитами. В дальнейшем в эпоху колониальных захватов Нового времени термин «метрополия» стал применяться к государствам, владеющим колониями (как правило, заморскими). То есть под метрополией стал пониматься статус страны по отношению к своим колониям. В более широком значении метрополия означает центр имперского образования, осуществляющий контроль и управление своей периферии. Политико-правовые формы связей метрополии с колониями могут быть различными (протекторат, вассалитет, инкорпорация и т.д.), но по существу это всегда отношения господства, подчинения и эксплуатации метрополии этих территорий. Важнейшей составляющей отношений «метрополия – колонии» являлась насаждаемая идеология имперской лояльности, и иные схожие доктрины, имевшие целью сцементировать центр и периферию.

В качестве конкретных исторических примеров отметим значение слова метрополия для крупнейших колониальных империй Нового и новейшего времени. В Британской империи под метрополией («metropolitan Britain») подразумевался центр империи в составе собственно Великобритании (как острова), Англии (как цивилизационного центра), а зачастую термин экстраполировался на Лондон как крупнейший имперский центр, имеющий аномально большое значение даже для самой Великобритании. Французская метрополия («France métropolitaine» или просто «la Métropole»), термин, актуальный для XVI-XX вв., включает в себя европейскую часть страны в виде территории на континенте и ближайших островов в Атлантическом океане, Ла-Манше и Средиземном море (в том числе и остров Корсику), то есть собственно Францию без её протекторатов и колоний. Стоит отметить некоторые семантические и лингвистические трудности при определении французской метрополии на современном этапе в связи с тем, что хотя Франция имеет т.н. заморские департаменты, они не носят статуса колоний ещё со времён Четвёртой республики. При этом в разговорной речи французская метрополия противопоставляется заморским владениям Франции, то есть тем территориям Французской республики, которые находятся вне европейской зоны. Из-за этого в обороте фигурируют термины «европейская территория Франции» (territoire européen de la France) и «континентальная Франция» (France continentale), которые тоже не могут быть признаны абсолютно верными, но позволяют определить сердце Франции, её культурный центр. Для Португалии эпохи Португальской империи под метрополией (Metrópole) понималась европейская часть страны, то есть собственно Португалия плюс Азорские острова и Мадейра, в то время как заморские владения назывались Ultramar. Термин был актуальным до середины 1970-х гг., то есть до периода активной деколонизации португальских владений. Аналогичное значение для метрополии придавалось и в других имперских образованиях.

Традиционная историография крупных систем «метрополия-периферия», таких как, например, Британская империя, считала обе её составляющие достаточно

изолированными элементами. В этой системе информационный обмен осуществляется в одностороннем порядке: от центра к периферии. Однако в эпоху начавшейся деколонизации и крушения европоцентристской системы тезис был поставлен под сомнение и заговорили о взаимности влияния на развитие системы, что прослеживается, например, в трудах Джона Галлахера и Рональда Робинсона и др.

В соответствии с традиционными отечественными взглядами на метрополию её культурное взаимодействие с колониями основывалось на введении стандартов метрополии. Внедрялись язык, религия, экономические отношения. При этом возможности государства применялись для торгового обмена в пользу метрополии путем завышения цен, открытия рынков колоний для бизнесменов из метрополии и других подобных мероприятий. Как раз эти обстоятельства послужили причинами борьбы за независимость для прежних выходцев из метрополий в переселенческих колониях. В то же время, наиболее передовая западная историография не рассматривает отношения «метрополия – колонии» как односторонние. На примере Британской империи, система не порождала одностороннюю передачу власти и знаний из центра в периферию, первый тоже формировался под влиянием своей периферии и её обитателей, что можно проследить на примере имперского Лондона.

Стоит отметить, что даже с распадом мировой колониальной системы применимость старого термина «метрополия» не ушла в прошлое. В этом отношении можно отметить фигурирование данного понятия в ряде современных теорий зависимости. Одной из самых характерных является концепция отношений «метрополия – сателлит», разработанная Андре Гюнтером Франком для описания процесса оттока экономических излишков из «третьего мира» в индустриальные капиталистические страны. Эта идея представляет собой структуру, как пространственную, так и социально-экономическую, в которой центральный регион (метрополия) доминирует над периферийной (сателлитом) в основном путем экономических средств. В своей книге «Капитализм и слабое развитие в Латинской Америке» (1967) Франк сосредоточил внимание на внешних механизмах воздействия центра (или метрополии) на периферию (или сателлита). Центр удерживает периферию в состоянии экономической отсталости ради ее чрезмерной эксплуатации, при этом эта отсталость является не исконным, ни унаследованным состоянием, а скорее результатом сложившихся исторических связей между государством-господином и государством, занимающим подчиненное положение. Поскольку она является производным от капиталистического развития, преодолеть ее можно лишь уничтожив капиталистическую систему. Хотя концепция критиковалась за смешение пространственных и социально-экономических процессов; за неопределённость терминов и неадекватное объяснение механизмов экономического функционирования системы, а также за чрезмерное упрощение отношений между «третьим миром» и развитыми странами, она заложила основы вместе с другими концепциями зависимости терминологическое существования понятия «метрополия» в постколониальную эпоху.

В современной, как правило, зарубежной практике термин метрополия имеет и третье значение, актуальное для эпохи глобализации. Под метрополией (англ.: metropolitan area) подразумевают очень крупный город или городскую территорию (агломерация, мегаполис), которые имеют выдающееся экономическое, политическое и культурное значение для государства или региона, и являются важным узлом для региональных и международных связей и коммуникаций. Метрополия в этом контексте представляет крупную городскую структуру с глобальным влиянием, где глобальные связи доминируют над локальными. Так в некоторых государствах (например, в Канаде) метрополией обозначают центральный город провинции или области. Иногда метрополией называют также

столицы государств, в том числе бывших колониальных. В любом случае, важнейшей характеристикой метрополии является её центральное положение по отношению к другим областям системы.

Литература:

Doyle M.W. Empires. Cornell, 1986; Fieldhouse D.K. The West and the Third World: Trade, Colonialism, Dependence, and Development. Malden (Mass.), 1999; Howe S. Empire: A Very Short Introduction. Oxford, 2002; Imperial Cities: Landscape, Display and Identity. / Ed. by Felix Driver and David Gilbert. Manchester – New York, 1999; Muldoon J. Empire and Order: The Concept of Empire, 800-1800. New York, 1999; Schneer J. London 1900: The Imperial Metropolis New Haven – London, 1999; Theories of Empire, 1450-1800. / Ed. by David Armitage. Brookfield, Vt., 1998.

МИГРАЦИЯ

Термин миграция (лат. migratio – переселение) применяется по отношению к отдельным людям или группам людей, перемещающимся из одного места жительства в другое. Миграция − важный фактор современной жизни, влияющий на экономическую, политическую, социальную сферы многих государств мира. Еще на заре человеческой цивилизации миграция была непременной формой существования людей. Если исходить из теории африканского происхождения человека, то его присутствие в разных уголках планеты является результатом миграции. Около 80 тыс. лет назад Homo sapiens вышел за пределы Африки, его расселение по Евразии и Австралии имело место примерно 40 тыс. лет назад. С тех пор миграция населения, как групповая, так и индивидуальная, − непрекращающееся явление.

Л. Н. Гумилев разработал историко-психологический подход к миграционным явлениям, в основе которого лежит пассионарность, т. е. активность человека в его стремлении к цели, зачастую иллюзорной. Пассионарность, по учению Л. Н. Гумилева, передается с генами. Наличие большого количества пассионариев, т. е. людей, стремящихся к бурной активности, вызывает миграционное движение всего этноса. Примеры: Великое переселение народов, арабские завоевания, походы викингов, покорение Сибири великороссами во второй половине XVI века.

Со времен Великих географических открытий по настоящее время выделяют три основных этапа в развитии миграции населения в Европе:

С рубежа XV−XVI веков до середины XX в., когда Европа была основным регионом оттока населения, многие европейские страны имели колонии, самыми значительными колониальными державами были Великобритания и Франция.

С середины 1950 г. по конец 1990 г., когда Европа становится центром скопления рабочей силы из бывших колониальных владений. Иностранная рабочая сила использовалась в низкооплачиваемых и не престижных сферах деятельности.

С конца 1990-х гг. по настоящее время, когда европейские государства принялись активно регулировать и ограничивать иммиграцию, отдавая предпочтение высококвалифицированной рабочей силе.

Люди, совершающие миграцию, − мигранты. В зависимости от того, совершают ли они перемещение в пределах страны проживания или пересекают государственную границу, их делят на внутренних и внешних мигрантов. Эти последние, в свою очередь, делятся на две категории в зависимости от точки зрения

наблюдателя: эмигранты, покинувшие страну, становятся иммигрантами при въезде в другую страну. Миграция может быть временной и долгосрочной, маятниковой, пограничной или транзитной, организованной и неорганизованной. В ходе миграции выделяют несколько стадий: принятие решения, территориальное перемещение, адаптация. Миграция может быть как добровольной, так и вынужденной.

Мотивации, подталкивающие человека или группу людей к добровольной миграции, могут быть самыми разными. В зависимости от мотиваций миграцию подразделяют на несколько видов.

Классификация миграций:

В зависимости от причин внутренняя миграция бывает следующих видов:

- Миграция из сельской местности в города, как правило, в развивающихся странах в процессе индустриализации (урбанизация).

- Миграция из городов в сельскую местность, более распространенная в развитых странах (рурализация).

- Сезонная миграция, включающая перемещения туристов и сельскохозяйственных рабочих.

- Кочевничество и паломничество.

В зависимости от причин международная миграция бывает следующих видов.

- Экономическая или трудовая миграция.

Экономическая миграция – перемещение рабочей силы в поисках новой работы для удовлетворения ряда жизненно важных социальных потребностей. Такой вид миграции преследует цель смены образа жизни или повышения ее уровня. Как правило, экономическая миграция имеет вынужденный характер. Рабочая сила, предлагающая себя на иностранном рынке труда, может быть как без особых компетенций, так и высококвалифицированной. В случае оттока высококвалифицированной рабочей силы, страна, откуда осуществляется «утечка мозгов», несомненно, остается в проигрыше. Так, в 1930-х гг. ученые, художники, писатели из нацистской Германии устремились в США, положив начало элитарной миграции. Однако исторически сложилось, что наибольшая доля иммигрантов занята тех отраслях экономики, где в больших масштабах применяется ручной труд (текстильная, пищевая, кожевенная, строительная и др. отрасли промышленности). До половины, а то и более занятых малоквалифицированным и низкооплачиваемым трудом – рабочие-иммигранты.

Известны случаи, когда страны запрещали отток рабочей силы из своих пределов. Так, патронат Марокко, заинтересованный в рабочей силе, был у истоков запрета эмигрантского потока в первые десятилетия XX века. Тогда как многие марокканцы из самых бедных районов стремились перебраться во Францию на заработки, султанский дахир 1921 г. запретил создание в Марокко бюро по найму, а дахир 1924 г. не разрешал экспорт мужской рабочей силы. Циркуляр 1925 г. ввел запрет на эмиграцию вплоть до 1931 г. Тем не менее, эмиграция из Марокко во Францию продолжалась, хотя и нелегально. В 1925 г. из Марокко уехало 15 тыс. чел., в 1928 – 21 тыс. Только султанским дахиром 1938 г. в Марокко была создана Служба эмиграции.

Массовая экономическая (трудовая) миграция в разные периоды истории осуществлялась по инициативе государств, испытывавших недостаток дешевой рабочей силы в условиях невысокой рождаемости на фоне экономического подъема. Примером такого государства может служить Франция. В конце XIX века, а также в 1920−1930-е гг. отрасли французской индустрии и сельского хозяйства с применением неквалифицированного труда, как горная промышленность, черная металлургия, нуждались в иммигрантах. В период между 1885 и 1895 гг. на

заработки во Францию приехали около 1 млн. иностранцев, в основном европейского происхождения, среди них самыми многочисленными были итальянцы (30% рабочих юго-востока страны). В Италии в то же самое время наблюдался отток населения в поисках работы, часть итальянских мигрантов направлялась в европейские страны, в т. ч. Францию и Швейцарию, часть – в Латинскую Америку. К концу XIX в. относится и начало североафриканской иммиграции (алжирцев, марокканцев, тунисцев) во Францию. По окончании Второй мировой войны снова встал вопрос об иммиграции как возможном варианте решения демографических и экономических проблем. В результате, в 1950-е гг. и после обретения Алжиром независимости, в 1960-е гг., приток выходцев из Северной Африки во Францию достиг значительных пропорций, опередив в количественном отношении португальскую и испанскую миграцию. Впоследствии доля европейских мигрантов продолжала сокращаться по мере повышения уровня жизни в этих странах, тогда как росла магрибинская миграция.

Распределение иммигрантов по регионам Франции осуществлялось в зависимости от спроса на рабочую силу. Наибольшее их количество обосновались на окраинах трех крупных городских агломераций Марселя, Лиона и Парижа. Труд их был востребован на стройках и заводах по переработке сырья, на шахтах и промышленных предприятиях севера и востока, на виноградниках Лангедока. Если в 1913 г. иммигранты составляли во Франции 3% населения, то в 1931 г. – 6,6% от населения страны. Отметим, что количество иммигрантов во Франции в процентном соотношении на начало 1990-х гг. соответствует показателю 1931 г. В период 1975−1990 гг. число иммигрантов увеличилось лишь на 7% против 31% в 1968−1974 гг. В начале 1990-х гг. число иммигрантов стабилизировалось. Объяснение находят в механизмах государственного регулирования миграционных потоков. Во время мирового экономического кризиса начала 1930-х гг. французским правительством были изданы первые постановления об ограничении въезда иностранной рабочей силы и о стимулировании отъезда ранее прибывших иммигрантов. В 1945 г. была создана Национальная иммиграционная служба (ONI). В ее обязанности входило монопольное управление миграционными потоками, наем иностранной рабочей силы, организация переселения (воссоединения) семей, оценка профессиональной пригодности и оформление вида на жительство. С 1960-х гг. миграционные процессы стали объектом все более жесткого государственного регулирования. С 1970-х гг. французские власти взяли курс на сокращение иностранцев в стране.

Между тем, в 1970-е гг. получила распространение семейная иммиграция, более выгодная, ибо позволявшая избежать утечки денежной массы за границу и расширявшая оборот внутреннего рынка во Франции. Косвенным следствием государственной политики регулирования притока рабочей силы стало появление незаконной эмиграции и, как следствие, формирование негативного общественного мнения об иммигрантах, которое до сих пор имеет многих приверженцев. Кризисные явления во французской экономике конца 1960-х – начала 1970-х гг. (нефтяной кризис) имели следствием проявления ксенофобии и рост расистских настроений. Правые политические силы возложили ответственность за кризисные трудности, за снижение социальных ассигнований на иммигрантов. На волне ксенофобских настроений в 1972 г. возникла партия Национальный фронт, возглавляемая Ж.-М. Ле Пеном. В 1980-х гг., когда отмечался рост безработицы, иммиграция воспринималась как угроза занятости французов. Кризисы в экономике, усиливавшие борьбу за рабочие места, имели следствием сокращение притока неквалифицированных работников-иммигрантов.

В начале 1990-х гг. безработица продолжала расти в странах Европы, что вынуждало европейские правительства еще более ужесточать иммиграционные

законы. Шенгенские соглашения, декларировавшие свободу передвижения в пределах Европы с 1992 г., были дополнительным стимулом к ужесточению контроля на внешних границах. Новым поводом для ужесточения иммиграционных законов стал магрибинский экстремизм на волне исламизма.

- *Миграция, обусловленная войнами, природными катаклизмами, политическими преследованиями.*

Миграция может быть обусловлена войнами, природными катаклизмами, голодом, политическими, этническими, религиозными преследованиями, во всех этих случаях это вынужденная миграция. Вынужденным мигрантам присваивается в принимающей стране статус политических беженцев. В ходе Гражданской войны в России (1917−1922/1923), последовавшей за Февральской и Октябрьской революцией, многие представители имперской интеллигенции, всего около 2 млн., вынуждены были в срочном порядке эмигрировать, чтобы спасти свою жизнь. Боснийская (1992−1995) и Иракская (2003−2011) войны послужили причиной исхода из зон конфликта массы беженцев, мигрировавших в соседние страны. Конфликт между белыми фермерами и чернокожим большинством Зимбабве из-за собственности на землю (2000-е гг.) стал причиной эмиграции многих жителей. Природные катастрофы также могут служить причиной вынужденной миграции. Извержение вулкана (28 июля 2008) на заморской территории Великобритании острове Монтсеррат, входящем в архипелаг Малые Антильские острова, стало причиной миграции части его жителей в Великобританию. Отметим, что вынужденная миграция служит для авторитарных режимов средством социального контроля.

- *Культурная (студенческая) миграция*

Культурная миграция включает в себя студенческие миграционные потоки. Большая часть студенческих миграций осуществляется с юга на север и с востока на запад. Миграционные потоки студентов на 88% направлены в сторону высокоразвитых стран. Две трети студентов, осуществляющих этот тип миграции, − уроженцы стран юга. Эти общие данные демонстрируют неравенство в области образования между «Северными странами» и «Южными странами». И лишь оставшаяся треть студентов, осуществляющих миграции в целях получения образования, являются уроженцами Северных стран, их экспатриация осуществляется главным образом в направлении других Северных стран. В этом общем контексте за период с 1960 по 2000 гг. численность студентов-экспатриантов возросла на 7% в год. Их численность, по оценкам ЮНЕСКО и Организации по экономическому сотрудничеству и развитию, достигла 1,8 млн. в 2000 г.

- *Сезонная миграция*

Сезонная миграция – миграция туристов и сельскохозяйственных рабочих. Многие страны (Испания, Италия, Франция, США) используют сезонную рабочую силу иностранного происхождения в момент сеяния или сбора урожая фруктов или овощей ручным способом. Не всегда размещение временных рабочих соответствует санитарным нормам. Бывает также, что они плохо оплачиваются и не имеют социального страхования, будучи при этом более других подвержены влиянию пестицидов и различных инфекций.

- *Экзистенциальная миграция.*

Существует категория добровольных мигрантов, которые оставляют свои дома исключительно из желания жить в другой стране. Среди основных мотивов такой миграции: стремление самоутвердиться, открытость новому жизненному опыту, стремление к свободе и независимости, к расширению самосознания. Таких людей характеризует определенный духовный настрой, тяга к чужеродному и необычному.

Современные тенденции (XXI в.)

Согласно отчету Международной организации по миграции, число международных мигрантов в 2010 г. составило 214 млн. человек или 3,1% населения мира. Если рост этого показателя продолжится с прежней скоростью, то к 2050 г. он достигнет значения 405 млн. Миграционное сальдо − разница между притоком и оттоком населения за определенный период времени. На 2008 г. страны и регионы с позитивным миграционным сальдо: Западная Европа, Россия, Скандинавия, Северная Америка (США и Канада), Австралия. Негативное миграционное сальдо просматривалось отчасти в Южной Америке (Бразилия, Венесуэла), странах Африки (Марокко, Алжир), Юго-Восточной Азии, стабильное − в Аргентине, Турции.

Общая тенденция в европейских странах направлена на ужесточение иммиграционного законодательства. В соответствии с Маастрихтским договором об эмиграции в страны ЕС, каждая из них имеет свою квоту. В то же время нормы ЕС предоставляют странам-участницам свободу в способах регулирования миграции. Франция поставила целью депортировать ежегодно по 20 тыс. африканцев. В 2010−2011 гг. правительством Фийона были приняты меры по насильственной депортации цыган. Студенты-иностранцы, уличенные в том, что работают не на полставки, как им разрешено, а на полной, также высылаются из страны.

В подавляющем большинстве иммигранты заняты на не престижной и низкооплачиваемой работе, которую не желают выполнять коренные жители. Важными сферами применения труда иммигрантов выступают строительство (20%) и отрасли промышленности с применением поточно-конвейерного производства (29%), а также сфера обслуживания и торговля (49%). Нередки случаи дискриминации в оплате труда и при приеме на работу рабочих-магрибинцев. В принимающих обществах, в частности во Франции, доминирует враждебное отношение к иммигрантам. На них возлагают ответственность за безработицу, их обвиняют в росте преступности. Кроме того, в последнее время прибавились опасения французов о будущем своей страны в демографическом и культурном плане. Рождаемость у североафриканцев намного выше и многие опасаются угрозы растворения французской «самобытности» в «многокультурном» обществе. Ж.-М. Ле Пен, лидер партии Национальный Фронт, регулярно обещает французам бороться с засильем выходцев из бывших колоний. На последних президентских выборах во Франции в 2002, 2007 и 2012 гг. иммигрантский вопрос имел особую важность. Весной 2002 г. в первом туре президентских выборов, получив 17,2% голосов, кандидат в президенты от Национального фронта Ж.-М. Ле Пен сократил разрыв между собой и Ж. Шираком до 2,5 %. Тем не менее, во втором туре Ж. Ширак получил 82% и вышел победителем. На президентских выборах 2007 г. Ле Пен набрал 10,44% голосов, что не позволило ему пройти во второй тур, вероятно, потому, что часть предвыборной риторики перенял у своего конкурента Н. Саркози. На президентских выборах 2012 г. Национальный фронт, который отныне возглавляет дочь прежнего лидера Марин Ле Пен, также не вышел во второй тур, несмотря на обновленческую риторику.

Нет оснований говорить о смягчении миграционной политики государств в ближайшем будущем. При том, что спрос на иностранную рабочую силу в условиях растущей безработицы в общем небольшой, на мировом рынке отмечается рост интереса к высококвалифицированным кадрам, в том числе из иммигрантов. Статистические данные демонстрируют тенденцию к «избирательной иммиграции», благоприятствующей исходу мозгов и компетенций из бедных стран в богатые за счет конкурентоспособности этих последних. В частности, Франция предпочитает принимать на своей территории иммигрантов высокой квалификации – специалистов по перспективным отраслям науки и производства, высших

административных руководителей. Большая часть миграции высококвалифицированных специалистов происходит из стран Восточной Европы в США, Канаду, Западную Европу.

В развитых странах, куда направляется основной поток экономических мигрантов, отношение к ним зачастую скептическое. Поэтому среди них велик процент находящихся на нелегальном положении, без виз и разрешений на работу. Миграционное движение экономического типа затрагивает примерно 100 млн. человек. По недавним статистическим данным, Индия и Канада охотно принимают экономических мигрантов, в отношении которых в этих странах существует определенные правовые нормы и законодательные акты, регулирующие их права. В последнее время отмечается все большая диверсификация стран происхождения и назначения миграционных потоков.

Основной задачей правительств европейских стран является улучшение условий жизни уже обосновавшихся законным путем магрибинцев во Франции, турок в Германии, а также создание благоприятных условий для их как можно более качественной интеграции в общественно-экономическую структуру принимающей страны. Выходцы из Африки, прибывающие со своей религией, обычаями и нормами поведения, в европейские страны вызывают к себе неприязнь со стороны коренных жителей. Как говорится, «в гости со своим уставом не ходят». В 2000-е гг. во Франции имели место протестные выступления мусульманской молодежи (бёры), которые перешли в погромы, поджоги автомобилей и столкновения с полицией. Эти иммигранты второго поколения, родившиеся и выросшие во Франции, сталкиваются с проблемами интеграции во французское общество из-за некоего процесса отторжения их коренными жителями, проживают в неблагополучных кварталах на окраине городов. Правительства европейских стран пытаются найти наиболее приемлемое решение для наилучшей интеграции приезжих. Долгое время говорили о необходимости ассимиляции иммигрантов, под которой подразумевалось полное усвоение этническими группами чуждой для них культуры. С другой стороны, получила распространение концепция «многокультурности». Французские социалисты с 1988 г. отдают предпочтение интеграции. Сам термин «интеграция» не означает полного отказа от культуры своего народа, но ее трансформацию для наиболее безболезненного и результативного общения с культурой страны пребывания. Французские политики, особенно социалисты, склоняются к термину «insertion» («включение»), который подразумевает уважение к культурным истокам прибывшего. Правые же, по-прежнему, склонны настаивать на ассимиляции, на «полном включении» иммигрантов в общество, на принятии ими юридических законов, языка, культуры Франции.

В России в последнее время часты дебаты о том, как сделать так, чтобы при значительном притоке иностранных рабочих в условиях нехватки коренных трудовых ресурсов, избежать иммиграционных проблем и порождаемой ими социальной напряженности, с которой сталкивается современная Франция. Этой цели подчинена утвержденная в ноябре 2012 г. правительством Санкт-Петербурга программа «Миграция», рассчитанная на 2013−2018 гг. В ней предполагается ограничить присутствие иностранных иммигрантов (гастарбайтеров, нелегалов), привлекая в первоочередном порядке высококвалифицированные кадры из российских регионов, а также Белоруссии и Казахстана.

Не прекращается и вынужденная миграция. На 2012 г. около 45 млн. человек (25 млн. политических беженцев и 20 млн. переместившихся внутри их собственных границ) были вынуждены покинуть места своего проживания по религиозным, политическим или этническим причинам. Следствием приумножения войн, в частности в Черной Африке, в Центральной Азии, на Среднем Востоке является то, что целые поколения живут в лагерях для беженцев. Около 50 %

вынужденной миграции в 2000-е гг. – из Черной Африки. В 2008 г., по официальным данным, более 50 тыс. человек пересекли Аденский залив, чтобы достичь берегов Йемена, в 2007 г. эта цифра составляла 29 500 человек. Такой отчаянный шаг, как нелегальная миграция, сопровождается риском для жизни.

Литература:

Бродель Ф. Что такое Франция? Люди и вещи. Т. 1. М., 1995; Воробьева О. Д. Миграционные процессы населения: вопросы теории и государственной миграционной политики // Проблемы правового регулирования миграционных процессов на территории Российской Федерации / Аналитический сборник Совета Федерации ФС РФ. 2003. № 9 (202); Деменцева Е. Б. Магрибинцы во Франции: история эмиграции и эволюция диаспоры. М., 2002; Ионцев В. А. Международная миграция населения: теория и история изучения. М.: Диалог-МГУ, 1999; Синяткин И. В. Североафриканская миграция во Франции: Социокультурный и конфессиональный аспекты. М., 2002; Brachet J. Migrations transsahariennes. Paris: Editions du Croquant, 2009; Sintès P. (dir.). Migrations et territoires de la mobilité en Méditerranée. Aix-en-Provence: Publications de l'Université de Provence, 2009; Stark O. The Migration of Labour. Cambridge: Blackwell, 1991; Weber S. Nouvelle Europe, nouvelles migrations. Frontières, integration, mondialisation. Paris: Ed. du Félin, 2007.

МИНИ-ИМПЕРИЯ

Мини-империя – неутвердившийся окончательно в научном обороте термин, под которым, как правило, подразумевают тип государства, в котором в силу определённых причин нетитульные нации и этнические группы достигают большой пропорции (до 20-30 %) в общей численности населения, что приводит к необходимости использовать элементы имперской политики в управлении страной. Указанные выше признаки не лишают мини-империю возможности проявлять на внешнеполитической арене традиционные имперские амбиции, но основным вопросом является проблема внутренней стабильности. В историческом контексте данный термин применим к ряду государств Восточной Европы (Польша, Румыния, Чехословакия) периода между двумя мировыми войнами. Для этих стран, образованных или видоизменённых по итогам Первой мировой войны, были характерны следующие черты: большой процент национальных меньшинств, активная ассимиляторская политика (в Польше и Румынии), использование позитивного и негативного имперского опыта других стран (в том числе своих бывших метрополий), скрытые или открытые агрессивные внешнеполитические устремления с целью стабилизации внутреннего положения и расширения своего влияния (не относится к Чехословакии).

В современной отечественной публицистике термин «мини-империя» применяют к ряду постсоветских республик (прежде всего Украине и Грузии, изредка Молдове и Азербайджану), выход которых из состава полиэтничного Советского Союза привёл к формированию новых многонациональных государственных образований и соответствующей политике. В частности, в Украине просматривается имперская метрополия из галицийских земель (что проявляется в политике и идеологии) и периферия, прежде всего в лице более развитого экономически Юго-Востока страны. В Грузии компактно живет целый ряд национальных меньшинств, а также своеобразных субэтносов грузинского народа, часто очень резко отличающихся друг от друга. Эта ситуация дополняется большими амбициями грузинского руководства в отношении отделившихся республик Абхазии и Южной Осетии. Для всех названных выше государственных

образований характерен общий парадокс, состоящий в том, что чем резче выламываются «дочерние империи» из «империи материнской» (СССР), тем мельче и озлобленней они оказываются и тем более присущи им все отрицательные имперские характеристики из-за неспособности к спокойному, самостоятельному и самодостаточному существованию.

В современной западной историографии термин «мини-империя» часто применяется к государству, не обладающему всеми чертами полноценной колониальной империи, однако активно стремящемуся осуществить свои амбиции в межнациональной внутренней и внешней политике. С этих позиций в качестве мини-империи рассматривается Российская Федерация (как наследница Советской империи и демонстрирующая силу в ряде стратегически важных регионов), и, гораздо реже, Израиль. Также довольно часто понятие «мини-империя» применяется для обозначения крупных и мощных структур, которые слабее крупных государств, однако обладают исключительным контролем и влиянием в своей сфере. Примером служат транснациональные корпорации, монопольные компании эпохи колониализма и прочие подобные структуры. Однако в данном контексте термин «мини-империя» является производным от других семантических понятий и применяется не в самостоятельном значении.

Литература:

Усыскин Л. Украина – мини-империя // Апология Украины. Сборник статей / Ред.-сост. И.Булкина. М., 2002; Гайжевская Т. Грузия – мини-империя, управляемая маловменяемым президентом // ***http://obozrevatel.com/news/2008/8/12/253275.htm*** *(дата обращения: 02.12.2012) ; Национальная идентичность и правопреемство //* ***http://www.zlev.ru/29_4.htm*** *(дата обращения: 02.12.2012) ; Украина как мини-империя //* ***http://odessa36.tv/index.php?option=com_content&view=article&id=4591:---&catid=469&Itemid=112*** *(дата обращения: 02.12.2012)*

МНОГОНАЦИОНАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВО

Многонациональное государство — 1) в широком смысле — многонациональным считается государство, в котором проживают представители более чем одной национальности. На практике же в мире почти нет национально однородных государств. Многонациональные государства различаются по форме политического устройства (*империя*, *национальное государство*, *федерация*, конфедерация), по статусу земель с компактным проживанием национальных меньшинств (автономная республика (край), национально-культурная автономия, полуавтономия, анклав, резервация, и т.д.), по статусу национальных меньшинств (оформлена *диаспора* или нет, по степени защиты их культурных, языковых, образовательных прав и т.д.).

В *империи* и *национальном государстве* основную роль играет титульная нация, а статус остальных понижен. Для продвижения вверх по социальной лестнице индивид должен или принадлежать к титульной нации, или демонстрировать ей полную лояльность вплоть до ассимиляции. В *федерации* суверенитет на внутреннем уровне осуществляется путем разделения компетенций между федеральным правительством и по крайней мере двумя субъектами федерации, которые могут быть выделены на административно-территориальной, а могут — и на национальной основе. В конфедерацию объединяются земли с одинаковым суверенитетом и правами на добровольной, конституционной или договорной основе. Собственно, конфедерация представляет собой настолько рыхлое и редко встречающееся в истории образование, что некоторые ученые

сомневаются, можно ли считать ее государством, или ее надлежит определять как форму добровольного объединения суверенных государств, делегирующих часть своих прав общему правительству для решения конкретных задач. Исходя из этих определений, наиболее комфортно этносы чувствуют себя в рамках конфедерации или — в меньшей степени, федерации.

Конфедерация — форма, встречавшаяся в основном в исторической ретроспективе (США в ранний период своей истории, кратковременно существовавшие государства — союз Сербии и Черногории в 2003-2006 гг., Сенегамбия, 1982–1989), Союз Африканских Государств (в 1960-1962 гг. объединял Мали, Гвинею и Гану). Сегодня конфедерацией можно назвать Боснию и Герцоговину.

В наши дни в мире более 20 государств называют себя федеративными республиками, и все они являются многонациональными (Аргентина, Австрия, Бразилия, Венесуэла, Германия, Индия, Мексика, Микронезия, Непал, Нигерия, Пакистан, Россия, США, Швейцария, Эфиопия, ЮАР и т. д.).

В рамках федераций и даже национальных государств территории с компактным проживанием отдельных этносов могут получать статус автономии (принимающей различные иерархиезированные формы — республика, область, край, округ и т.д.). Автономия может иметь свои органы власти, обладающие определенными полномочиями в вопросах экономики, сбора и распределения налогов, социальной политики, культуры, здравоохранения, образования и т.д. Но они не имеют федеральных политических полномочий, своих вооруженных сил, права на осуществление внешней политики и т.д.

Существует также понятие национально-культурной автономии, принимающей форму общественной организации (общественного движения). Это добровольные объединения граждан, принадлежащих к одному этносу (являющемуся в данном контексте национальным меньшинством), которые объединяются в какию-либо общественную структуру с целью защитить и развить культурные особенности своего этноса — открыть клуб, школу, музей, создать национальную ассоциацию и т.д. Национально-культурная автономия — понятие неполитическое. Его обосновали еще в начале XX в. австрийские социал-демократы, так называемые австромарксисты О. Бауэр и К. Реннер. Для Австро-Венгерской империи была актуальной проблема сохранения этносами империи национальной самобытности в имперском контексте. Сохранение культуры, языка, образования, обычаев отдельных народов без претензий на суверенитет и политическое самоопределение, получившее название «культурной автономии», виделось австромарксистам выходом из данной ситуации, спасением для национальных меньшинств и тем компромиссом, на который бы пошли имперские власти.

После II мировой войны идеи национально-культурной автономии получили большое распространение. Ее предоставление национальным меньшинствам казалось выходом из национальных противоречий и путем к созданию толерантного многонационального государства.

Так, например, Аландские острова в составе Финляндии имеют свой официальный язык — шведский, свое особое местное гражданство (швед. Åländsk hembygdsrätt), даже собственный парламент (лагтинг), особое налогообложение, выпуск собственных почтовых марок и т.д. 6 % населения Финляндии говорит по-шведски, имеют свои газеты, литературу, право деловой и официальной переписки на шведском языке, перевода законов на шведский язык, культурные шведские организации и т.д. Кроме того, в 1992 г. был принят закон о саамском языке, согласно которому даже для такого этнического меньшинства, как саамы (менее 8000 человек) обязателен перевод на саамский язык финских законов, если они затрагивают интересы саамов.

В Бельгии 60 % населения — фламандцы, говорящие на разных диалектах нидерландского языка, и 40 % — франкоязычные валлоны. Для фламандцев и валлонов устраиваются отдельные университеты (например, Лювенский университет представлен двумя отдельными университетами: фламандским в собственно Лювене и французским в Лювен-ля-Нёв (Louvain-la-Neuve — «Новый Лувен»), издается национальная пресса или издания одновременно на двух языках, обеспечивается национальная культурная жизнь. В 1963 г. были приняты законы о языках, в 1980 г. французский и нидерландский языки в Бельгии были уравнены в правах, но их использование сосредоточено в районах компактного проживания предтавителей той или иной нации.

Попытка создания многонационального государства как союза равноправных свободных союзных республик с правом на самоопределение и автономных республик была предпринята в СССР. Союзные республики имели свои конституции, правительство, выборные верховные органы, свои коммунистические партии. В рамках республик официальный статус имели национальные языки. Всячески поощрялись пролетарский интернационализм, «дружба народов» (был учрежден даже одноименный орден), изучение истории и культуры «народов СССР», разного рода культурные контакты, фестивали и т.д. Предполагалось, что такая политика в перспективе приведет к слиянию равноправных народов и образованию принципиально новой общности людей — советского народа (в данном случае он выступал синонимом нации). Крушение СССР в 1991 г. и его стремительный распад, «парад национализмов» в бывших союзных республиках, вылившийся даже в войны на национальной почве (на Кавказе и в Средней Азии) показали всю безосновательность этих надежд и неправильность политики СССР в национальном вопросе. СССР не смог стать толерантным многонациональным государством, межэтниччеcкие противоречия оказались загнанными далеко вглубь, но не изжитыми навсегда. Как только их перестал сдерживать рухнувший коммунистический режим, страна — СССР — распалась, а националисты в республиках начали построение собственных национальных государств.

Историческая практика показала, что многонациональное государство возможно только при сильном устойчивом демократическом режиме. При нем главной ценностью является личность человека и его права, и это экстраполируется и на этнические меньшинства. Развитие национально-культурных автономий в демократиях Европы во второй половине XX в. было реализовано вполне успешно и явилось успешной апробацией способов решения наицонального вопроса в некоторых госудаствах. В то же время, в ряде европейских стран (Испания, Великобритания, балканские государства) проблемы многонациональных государств не решены, а в последние десятилетия даже обострились из-за иммиграционных процессов.

2) в узком смысле *многонациональным государством* называется государство, где ни один из этносов не доминирует над другими и не составляет большинства. Считается, что многонациональным можно назвать государство, где ни один этнос не превышает 2/3 населения. Например, в конституции Индии официальный статус имеет 21 язык — цифра, поражающая воображение, но не столь уж и большая, если учесть, что в Индии 1652 языковых диалекта.

Литература:

Бауэр О. Национальный вопрос и социал - демократия. СПб., 1909; Шпрингер Р. Национальная проблема (борьба национальностей в Австрии). СПб., 1909; Alonso W. Citizenship, Nationality and Other Identities // Journal of International Affairs. 1995. Vol. 48; Этничность. Национальные движения. Социальная практика. СПб., 1995; Абдулатипов Р. Национальный вопрос и государственное устройство России. М.,

2000; Основы национальных и федеративных отношений. М., 2001; Национальный вопрос и государственное строительство: проблемы России и опыт зарубежных стран. М., 2001Тишков В.А. Этнический федерализм: российский и международный опыт // Тишков В. А. Этнополитология и политика. М., 2005; Столяров М. В. Теория и практика федерализма. Курс лекций о федеративном государстве. М., 2008; Карсанова Е. С. Этнополитический фактор в формировании и развитии бельгийского федерализма // Социология власти. 2011. № 3.

НАРОДНЫЙ СУВЕРЕНИТЕТ (КОНЦЕПЦИЯ)

Категория «народный суверенитет» возникла во время революционной борьбы против феодального абсолютизма в XVII–XVIII вв. и противопоставлялась претензиям монархов на неограниченную власть. Идея народного суверенитета развивалась в противовес теории государственного суверенитета, которая ранее была подробно разработана Жаном Боденом и Томасом Гоббсом и в которой в роли суверена выступал единоличный абсолютный правитель.

Концепция народного суверенитета была подробно разработана выдающимся представителем французского Просвещения Жан-Жаком Руссо в его трактате «Об Общественном договоре, или Принципы политического права» (1762). В нем излагалась такая идеальная модель государства, которая могла бы обеспечить естественные права индивидов: их свободу и равенство. Согласно Руссо, законное правительство и законная власть могут быть основаны только на договоре. Сутью этого соглашения было «полное отчуждение каждого из членов ассоциации со всеми его правами в пользу всей общины». Было бы абсурдным полагать, рассуждал Руссо, чтобы кто-нибудь добровольно согласился на порабощение и отказался от своей свободы без компенсации взамен. Такой компенсацией становится государство, управляемое «общей волей» ради общего же блага.

«Общая воля» не является волей многих или большинства, но всегда справедлива и всегда направлена на общее благо. Однако с юридической точки зрения крайне важным оставалось гарантировать естественные права, поскольку добродетельная воля не всегда является всеобщей, а всеобщая воля не всегда добродетельна. В этой связи Руссо видит в акте учреждения суверенитета путь избегнуть рабства, и гарантия естественных прав граждан должна быть частью самой сути государственного суверенитета – без них государство утрачивает сам смысл своего существования. Потому народ, согласившийся на одну покорность, творит не суверена, а господина и одновременно с этим лишает себя качества политической ассоциации.

Главным принципом общественного договора является справедливость, ибо он дарует всем гражданам одинаковые права и обязанности. Перед лицом суверена существует лишь единый народ, он не может налагать на одних граждан большие обязанности, нежили на других. Гражданин обязан служить государству всем, чем только может, но в то же время суверен не может налагать на граждан узы, бесполезные для общины. Власть суверена «абсолютна, священна, нерушима», но ограничена при этом естественными правами всех граждан и общим благом как целью. Народ устанавливает законы для народа же и только он имеет право изменять их.

Руссо критиковал мысль о том, что суверенитет должен рассматриваться разделенным между законодательной, исполнительной и судебной властями и уподоблял это попыткам собрать человека из нескольких тел. Вслед за Гоббсом Руссо подчеркивал неделимость суверенитета. Для Руссо суверенитет – это только исключительное право принимать законы, все же остальные полномочия лишь

следствия суверенитета. Точно так же Руссо воспринял у Гоббса и мысль об абсолютности власти, но наделял ею не одного человека, а сообщество людей, отождествляющих себя с единым «народом». Суверенитет народа, по Руссо, имеет абсолютный характер: «Подобно тому, как природа наделяет каждого человека неограниченной властью над всеми членами его тела, общественное соглашение дает политическому организму неограниченную власть над всеми его членами, и вот эта власть, направляемая общей волей, носит, как я сказал, имя суверенитета».

Если у Гоббса правитель олицетворяет собой государство, то у Руссо государство в виде организованного политически народа олицетворяет правительство. В государстве Руссо все наделенные полномочиями официальные лица обязаны действовать в рамках, очерченных им общей волей, они не представляют при этом суверена. Если суверен (т.е. народ) принимает законы, то правительство лишь играет роль посредника, уполномоченного приводить законы в исполнение и поддерживать гражданскую и политическую свободу. Правительство, таким образом, лишь исполняет наказ народа. Народ постоянно сохраняет право распустить правительство, которое является лишь несуверенным исполнителем законодательных запросов суверенной общности. Все распоряжения, которые самовластно делает какой-либо частный человек, законом не являются. Даже то, что приказывает суверен по частному поводу, представляет собой «не закон, а декрет; и не акт суверенитета, а акт магистратуры».

В концепции Руссо суверенитет народа неотчуждаем. Он не может быть ограничен конституцией или каким-либо законом и его исполнение не может быть делегировано какому-нибудь правительственному органу. Суверен не имеет права каким-либо образом изменить условия изначального общественного договора, отторгнуть часть своего суверенитета или передать его другому суверену. Суверен не может действовать за рамками общественного договора, давшему ему власть, в противном случае он перестает быть сувереном и возвращает людям полную свободу. Это также означает, что общую волю может выразить только весь народ, когда он собирается в собрании, то есть выразить непосредственно, а не через своих представителей. Это позволяет отнести Руссо к приверженцам непосредственной демократии. Для Руссо реальной угрозой для выражения общей воли являются партии – носители частной воли. Общая воля не получает своего искажения только тогда, когда каждый отдельный гражданин высказывает исключительно свое собственное мнение, не уговариваясь с другими. Представительная демократия современной ему Англии Руссо критикуется.

Руссо, оставаясь последовательным защитником народного суверенитета, затрагивает и вопрос его гарантий. Он исходит из того, что любое правительство стремится к узурпации народного суверенитета. Гарантией от этого может быть проведение периодических народных собраний, которые придавали бы совместно выраженной воле граждан характер акта суверенитета. Именно подобные собрания могли принимать решения как о сохранении (изменении) формы существующего правительства, так и продлении полномочий (отставки) лиц, правительство составляющих. Роль гаранта народного суверенитета должен был исполнять и еще один особый государственный орган – трибунат. Этот орган, подобный современному Конституционному Суду, по мысли Руссо, должен был обладать правом отменить любое постановление правительства.

Суверенитет у Руссо не играет роль чистой абстракции: общая воля и законодательная власть должны опираться на силу принуждения – власть исполнительную. Право на жизнь каждого гражданина священна, но это право, в трактовке Руссо, также означает законность лишения жизни каждого, кто сам стал убийцей. При этом французский мыслитель признавал «определенные опасности и даже определенные жертвы» в рамках реализации «народного суверенитета»:

общественный договор подразумевал, что если суверен ради интересов всего государства потребует чьей-то жизни, то эта жертва должна быть принесена. Непогрешимость – вот еще один признак суверенитета народа. Руссо полагал, что народ в собрании, выражая в законе общую волю, не может ошибаться; общая воля всегда с необходимостью направлена на благо всех и каждого. Но в то же самое между сувереном и народом сохраняется дистанция. Общая воля – это лишь императив, в рамках которого действуют обладающие свободой принятия решений представители народа. В этом смысле общая воля все равно не могла быть чем-то иным, чем верным или ложным отражением интересов некоторых. Отсюда рождалась проблема поиска сдержек и противовесов, которая так и не была до конца решена Руссо. Не получила своего всестороннего освещения в учении Руссо и проблема ограничения суверенитета народа неотчуждаемыми правами человека.

Положения, сформулированные Руссо нашли свое прямое отражение в правовых документах эпохи Великой Французской революции: Декларации прав человека и гражданина, Конституции 1791 г., Конституции 1793 г. Не без влияния идей Руссо уже в XIX в. возникли такие новые демократические институты, как референдум и народная законодательная инициатива. Они же стали основой популярных политических требований (как яркий пример, т.н. чартистское движение в Англии в 1830-40 гг.) сокращения срока депутатских полномочий, «императивного мандата» и возможности отзыва депутатов избирателями в случае неисполнения их наказа.

Ряд ученых, например американский политолог Дж. Талмон, видели в «народном суверенитете» Руссо политическую программу, реализовавшуюся на практике в виде современной диктатуры, в которой узурпатор власти успешно манипулирует народным волеизъявлением, апеллирует напрямую к «воле народа» и потому сосредотачивает в своих руках исключительную власть. Для обозначения подобной политической системы Талмон вводит термин «тоталитарная демократия». Такова была, по его мнению, природа якобинской диктатуры, правления Наполеона Бонапарта, фашистской и коммунистической доктрины государственной власти в XX в.

В подобной интерпретации народ столь же абсолютный суверен, как и абсолютный монарх. Нация трактуется не как совокупность мужчин, женщин и детей, но практически как «религиозное братство». Таким образом, согласно Талмону, Руссо демонстрирует тесную взаимосвязь между доведенным до крайности принципом «народного суверенитета» и тоталитаризмом, что, разумеется, не было его идеалом. В революционной Франции именем народа было оправдано создание мощного централизованного, деспотичного и фанатичного режима, власть которого превосходила власть монарха в самый расцвет абсолютизма. Революционный разрыв между декларациями и реальными гарантиями прав личности было отмечены еще Алексисом де Токвилем. В XX в. Б. Муссолини говорил о фашистском государстве как о «высшей и наиболее могущественной форме личности», «духовной силе», которая не только пронизывает все формы нравственной и интеллектуальной жизни человека, но и пересоздает их содержание, самого человека и его характер. Роберт Джексон видит наибольшую иронию в эволюции идеи «народного суверенитета» в том, что именно от имени народа в XX в. творились большие репрессии и беззакония, нежели когда-либо прежде от имени иного правителя или династии.

В современной правовой науке понятие «народный суверенитет» используется как верховное, неотчуждаемое право народа определять свою судьбу, быть единственным, ни от кого и ни от чего не зависимым носителем и выразителем верховной власти в государстве и обществе. При этом принцип народного суверенитета содержит определенную долю условности, необходимую для

юридической гармонизации действительности: с целью создания эффекта легитимности, народности государственной власти, производности государственного суверенитета от народа как некоего сакрального источника власти. При этом народ мыслится как коллективное целое, что дает возможность преподносить политически оформленную волю части общества как всеобщую, единую волю этого целого.

Понятие «народный суверенитет», возникшее в результате политической борьбы с абсолютизмом в противовес идеи об абсолютной власти монарха и принципа коронного владения, носит больше политический, нежели юридический характер. Термины народный и национальный суверенитеты указывают лишь на народ (нацию) как источник суверенитета и на возможность нации самоопределиться в виде национальной автономии или отдельного государства. Народный суверенитет, таким образом, может считаться лишь предпосылкой государственного и национального суверенитета. Суверенитет народа, не образовавшего государства, носит чисто умозрительный характер.

Литература:

Грачев Н. И. Концепция народного суверенитета: происхождение, практика реализации и основные противоречия // Философия социальных коммуникаций. 2009. № 7. С. 36-52; Грачев Н.И., Климова М.И. Государственный и народный суверенитет: соотношение, противоречия и тождество // Философия социальных коммуникаций. 2011. № 3. С. 62-74; Деменок С.А. Идея народного суверенитета в учении Ж.-Ж. Руссо о государстве и праве // Труды Института государства и права Российской академии наук. 2008. № 3. С. 283-299; Ильина Е.В. Народный (национальный) суверенитет как правовая фикция // Современные научные исследования и инновации: [Электронный ресурс]. URL: http://web.snauka.ru/issues/2011/11/4994; История политических и правовых учений / Под ред. О. Э. Лейста. М., 2006; Курскова Г. Ю. Идея народного суверенитета в западной политико-правовой мысли // Закон и право. 2008. № 9. С. 48-51; Пастухова Н. Б. Суверенитет: историческое прошлое и настоящее // Вопросы истории. 2007. № 8. С. 92-99; Руссо Ж.Ж. Об общественном договоре. Трактаты / Пер. с фр. М., 1998; Черниченко С. В. Теория международного права: в 2-х тт. Т. 2: Старые и новые теоретические проблемы. М., 1999; Черняк Л.Ю. О соотношении государственного, народного и национального суверенитетов // Сибирский юридический вестник. 2006. № 2. С. 30-39; Jackson R. Sovereignty: Evolution of an Idea. N.Y., 2007; Krasner S. D. Sovereignty: Organized Hypocrisy. Princeton, 1999; Pemberton J-A. Sovereignty: Interpretations. London, 2009; Putterman E. Rousseau, Law and the Sovereignty of the People. Cambridge, 2010; Talmon J.L. The Origine of Totalitarian Democracy. L., 1952.

НАЦИЕСТРОИТЕЛЬСТВО

Нациестроительство — 1) концепция, по которой допускается возможность с помощью определенных социальных технологий создание новой нации или ускорение развития национального самосознания. Н. основано на принципах конструктивизма — теории генезиса наций, противоположной примордиализму. Согласно примордиализму, свойства наций — врожденные или обусловлены социальным, экономическим, политическим и историческим контекстом развития. Они настолько прочно усваиваются и передаются с опытом, воспитанием, пропагандой, что даже в отрыве от контекста представители нации сохраняют свои

характерные черты. Этот подход предполагает, что в народах как бы скрыты латентные черты наций, которые раскрываются и проявляются в соответствующих обстоятельствах (при подъеме национально-освободительного движения, получении суверенитета и т.д.). Конструктивизм же говорит, что нацию можно «построить», создать, причем по определенным моделям, с определенными целями, задачами и т.д. То есть это искусственный и регулируемый, а не естественный и стихийный процесс.

Теория Н. выросла из политической и социальной практики конца XIX – XX вв. На глазах происходило возникновение новых наций. В конце XIX – начале XX в. этот процесс шел на Балканах. Ученые считают одним из случаев Н. конструирование национального самосознания македонцев. Во второй половине XX в. распад колониальной системы, события на Ближнем Востоке, а в конце XX в. — распад СССР дали целый ряд подобных примеров. Классическими работами, в которых анализируются практики Н., являются труды Г. Кона и Б. Андерсона.

В основе этих практик лежит прежде всего политика в отношении национального языка. Язык формирует нацию по крайней мере в трех аспектах: 1) национальный литературный язык, на котором пишутся памятники национальной прозы и поэзии, формирующие самосознание нации; 2) язык бюрократии, без знания которого невозможна гражданско-правовая реализация в рамках суверенного государства; 3) язык начального, среднего и высшего образования, благодаря которому гражданин приобретает квалификацию, обеспечивающую ему реализацию социальной судьбы. В случаях Н. мы видим резкий подъем национальной литературы разных жанров, переводы на национальный язык важнейших для данной культуры сочинений иностранных авторов. Знание национального языка оказывается не только условием занятия государственных постов и поступления на государственную службу, но и способствует продвижению вверх по социальной лестнице. Наконец, образование на национальном языке способствует формированию национальной идентичности. Как мы видим, все эти аспекты необычайно важны для Н., но при этом они все регулируемы и формируемы в рамках специальной политики. То есть процесс Н. посредством языковой политики конструируем.

Следующим важным компонентом Н. является формирование национальных историй, их популяризация, формирование комплекса «мест памяти» и соответствующей системы коммемораций. Национальные истории формируют национальные идентичности и национальную мифологию как центральный элемент картины мира для нации. Особую роль для конструирования национальной памяти играет музей. Для развития своего национального самосознания назначаются «враги нации», часто находится в истории геноцид, выдуманный или реально бывший («дело прочно, когда под ним струится кровь»). Все эти элементы, как показала историческая практика XX в., конструируемы и моделируемы, то есть в данной сфере Н. также можно управлять.

Третьим компонентом Н. являются соответствующие социальные практики. Например, перепись населения, в которой субъекты переписи обязаны указывать свою национальную принадлежность; административные реформы (картографирование) с соответствующим районированием территорий с разными этносами.

На основе всего этого вырастает официальный национализм как смоделированная официальная идеология, который и играет решающую роль в Н.

2) *Нациестроительство* — государственная политика в отношений наций и национальностей, направленная на гармонизацию их отношений, сглаживание конфликтов, распространение толерантности, социокультурное развитие наций и национальностей.

Примером Н. может служить попытка создания особого «советского народа» из многочисленных национальностей, населявших СССР. С. Г. Кара-Мурза определял сущность этого процесса следующим образом: «Мобилизующим средством стал исторический вызов — Гражданская война. Белые предстали в ней как враждебный иной, который пытается загнать уже обретший национальное самосознание народ в прежнюю «колониальную» зависимость. В Гражданской войне сложился кадровый костяк будущего народа, та управленческая элита, которая действовала в период сталинизма... Гражданская война собрала земли (страну). Народ СССР обрел свою территорию (она была легитимирована как «политая кровью»). Эта территория была защищена границами. И земля, и ее границы приобрели характер общего национального символа, что отразилось и в искусстве, и в обыденном сознании. Особенно крепким чувство советского пространства было в русском ядре советского народа… Советский народ был сплочен сильным религиозным чувством, как и русская революция. Представление о благой жизни вырабатывалось людьми в состоянии религиозного подъема. Общинный коммунизм был в большой мере верой, а революционное движение — богоискательским. В целом, советское общество выработало свою специфическую центральную мировоззренческую матрицу. На ней все народы СССР собирались в надэтническую общность. Ей было присуще сочетание здравого смысла с антропологическим оптимизмом. Общее культурное ядро создавала единая общеобразовательная школа, давшая общий язык и приобщившая всех жителей СССР и к русской литературе, и к общему господствующему типу рациональности (синтезу Просвещения и космизма традиционного общества). При этом знание русского языка сочеталось с устойчивым сохранением родного языка своей национальности: в 1970 г. свой родной язык сохраняли 93,9% населения и в 1979 г. 93,1%. Советская школа…воспитывала детей в системе норм человеческих отношений, которые были механизмом созидания народа, а не разделения людей. Агентом собирания стала Советская армия. Крупные города стали в СССР центрами интенсивных межнациональных контактов. Мощное объединяющее воздействие оказывали СМИ, задающие общую, а не разделяющую идеологию и тип дискурса (языка, логики, художественных средств и ценностей). Наконец, все этнические общности СССР были вовлечены в единое народное хозяйство… Советское предприятие, по своему «генотипу» единое для всех народов СССР, стало микрокосмом народного хозяйства в целом. По типу этого предприятия и его трудового коллектива было устроено все хозяйство СССР как единый крестьянский двор. Семьей в этом дворе и стал советский народ».

Процесс Н. «советского народа» не был завершен и оказался неудачным — его победил рост регионального национализма, сепаратистских устремлений и антисоветское движение. Национальную карту в 1980-90-е гг. разыгрывали политические элиты, для которых развал СССР был способом достижения власти (как известно, первой декларацию независимости приняла именно РСФСР во главе с Б. Н. Ельциным). Таким образом, распад Советского Союза показывает нам проявления обоих трактовок Н. — и как особой национальной государственной политики, и как способа моделирования и конструирования новых наций.

Литература:

Kohn H. Natlonalizm: Its Meaning and History, 1955; Геллнер Э. Нации и национализм. М., 1991; Тишков В.А. Нация: теория и политическая практика // Взаимодействие политических и национально-этнических конфликтов. Часть 1. М., 1994; Mythos und Nation: Studien zur Entwicklung des kollektiven Bewusstseins in der Neuzeit / Hrsg. von H. Berding. Frankfurt am Main, 1996; Национальная политика в императорской России. Цивилизованные окраины М., 1997; Колосов В. А. «Примордиализм» и

современное национально-государственное строительство // Политические исследования = ПОЛИС. 1998.№ 3. С. 95-106; Мнацаканян М. О. Интегрализм и национальная общность: новая этносоциологическая теория. М., 2001; Нации и национализм. М., 2002; Андерсон Б. Воображаемые сообщества: Размышления об истоках и распространении национализма. М., 2001; Тишков В. Р. Реквием по этносу: Исследования по социально-культурной антропологии.М., 2003; Буховец, О. Г. Изучение национализма в Европе и Евразии: новые аспекты. М.,, 2004; Этничность. Национальные движения. Социальная практика: Сборник статей / Центр гуманитарных исследований и социальных прогнозов СПбГУ ; Центр гуманитарных исследований и социальных прогнозов СПбГУ. СПб., 1995; Пак Г. Н. Федеративное устройство России и проблемы гармонизации межэтнических отношений. Саратов, 1998; Рыбаков С. Е. Анатомия этнической деструктивности. Два облика национализма // Вестник Московского университета. 2001. № 3. С. 22-54; Актуальные аспекты проблемы толерантности в современном обществе. СПб., 2004; Этническая ситуация и конфликты в странах СНГ и Балтии / Институт этнологии и антропологии РАН, Сеть этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов. М., 2008; Государственная политика нациестроительства в современной России. М., 2011.

НАЦИОНАЛИЗМ

Национализм — это принцип, требующий, чтобы политические и этнические единицы совпадали, а также чтобы управляемые и управляющие внутри данной политической единицы принадлежали к одному этносу. Если этот принцип нарушается, то национализм имеет негативный оттенок («долой инородцев во власти», «верните наши исконные земли» и т.д.). Если соблюдается — то это позитивный национализм с его чувством удовлетворения («Прошлое России прекрасно, настоящее более чем в великолепно, а будущее превосходит все, что может вообразить человек» — А. Х. Бенкендорф).

Термин «национализм» впервые использовал в 1774 г. немецкий философ Иоганн Гердер.

По определению Э. Геллнера, «национализм — это теория политической законности, которая состоит в том, что этнические границы не должны пересекаться с политическими, и в частности, что этнические границы внутри одного государства не должны отделять правителей от основного населения».

Национализм, как считают ученые, возникает при переходе от аграрного общества к индустриальному. В аграрном обществе человек существует в замкнутом мире своей деревни. Поколения живут и умирают, имея самым большим приключением своей жизни поход в соседний лес. Внешним обликом христианского мира, природным контекстом, в котором жили люди, был огромный покров лесов с разбросанными по нему возделанными прогалинами. Лес — это пустыня Запада, место жительства хищников, разбойников и отшельников. По выражению французского историка Ле Гоффа: «Лес обступал этот мир, изолировал его и душил». Это была главная граница, «ничейная земля».

Принципом аграрного общества является подчеркивание культурной дифференциации между сословиями. Чем больше отличаются друг от друга во всех отношениях разные слои, тем меньше трений и недоразумений возникает между ними. Система насаждает культурное расслоение по горизонтали (это получило название принципа сословности).

Что же касается основной массы населения, то здесь также никто не был заинтересован в сохранении культурного единства крестьянской массы, разве что в

религиозном вопросе (но здесь силен фискальный и правовой аспект). Различия нарастают сами собой — крестьяне живут замкнутыми общинами, нарастают диалектные, локальные этнографические отличия, но никто не заботиться о нивелировании подданных.

Что здесь важно — как доказано Э. Геллнером, в рамках аграрного государства почти невозможно достичь единства культурных и политических границ. Огромная масса крестьянства просто не поддается культурной унификации, а у власти нет рычагов, чтобы ее реализовать. Высшие сословия слишком часто космополитичны (русские дворяне, говорившие по-французски). Часто их основу составляют выходцы из других народов (поляки в Речи Посполитой, немцы в Чехии, турки в Болгарии и т.д.). Грамотность — удел высших сословий. Образование носит кастовый характер. Понятие о долге, чести и т.д. — то есть об идеях, во имя которых можно жертвовать своей и чужими жизнями — носит сословный характер. Все ждут идейного поведения от дворянина, но никто ее не ждет от крестьянина, от подлых сословий. Простолюдин может умереть за веру — но вовсе не обязан умирать за свою страну. Он вообще нетвердо знает, что это такое (принудительные мобилизации ополчения, к примеру, монголами). Раз так, то нет способов распространения в массах националистических взглядов. То есть национализм в аграрном обществе невозможен по определению.

В таком контексте вопрос о национально-государственной принадлежности малоактуален для большинства населения. Но при переходе к индустриальному обществу эти границы разрушаются. По словам Э. Геллнера, «Новый общественный порядок не предполагал замыкания в маленьких сообществах, а, напротив, требовал взаимодействия с огромным числом других людей в необъятном, мобильном, массовом человеческом море. При таком общественном порядке деятельность человека больше не ограничивалась ручным трудом в окружении людей, знакомых ему на протяжении всей его жизни». Человек выбрасывался в мир. И ему были нужны более адекватные идентичности, чем «уроженец деревни» или даже уроженец какой-то земли, подданный сеньора. Возникала идентичность себя как представителя той или иной нации (или народа).

Колоссальную роль в развитии национализма сыграли грамотность и образование — без них национализм невозможен. Как показал Э. Геллнер, «При старом общественном порядке было невозможно и нежелательно иметь универсальное образование; в современном индустриальном обществе это необходимо. Основное предназначение и идентификация человека связаны теперь с письменной культурой, в которую он погружен и внутри которой способен успешно функционировать. Это — высокая культура, передаваемая не путем неформального общения с непосредственным окружением, а при помощи формального обучения. На мой взгляд, именно этот фактор лежит в основе современного национализма и определяет его силу».

Другим фактором стала универсализирующая роль бюрократии индустриальной эпохи — не тупой правящей бюрократической машины, а бюрократии с ее универсализацией социума и производства — паспорта, метрики, ведомости, переписи населения, бюрократически оформленные стандарты производства и потребления, бюрократически оформленная финансовая система и т.д. Здесь принципиален язык. Как писал Э. Геллнер, «…при традиционном социальном строе языки охоты, жатвы, различных обрядов, ратуши, кухни или гарема образуют автономные системы. Сопоставление терминологий этих несоотносимых сфер, выявление расхождений между ними, попытка их унифицировать — все это было бы нарушением социальных законов или еще хуже — кощунством или святотатством — и не имело бы под собой никакой почвы». Теперь же и для рыцаря, и для купца, и для ремесленника, и для служанки

вырабатывался единый язык, единая сфера принципиально важных понятий (что выразилось в первую очередь в возникновении богослужения на национальных языках и переводах Библии на национальный язык, затем в возникновении национального литературного языка и т.д.).

В старые времена не имело смысла спрашивать, любят ли крестьяне свою культуру: они воспринимали ее как нечто само собой разумеющееся, как воздух, которым они дышали, и не осознавали ни того, ни другого. Но когда трудовая миграция и бюрократизм стали заметными явлениями на их социальном горизонте, они очень скоро поняли разницу в отношениях с людьми, сочувствующими и симпатизирующими их культуре, и с людьми, враждебными ей. Возникла потребность в общении, в связях с подобными себе, с носителями той же культуры, той же идентичности.

А как обеспечить такую связь? Как ни парадоксально, она возникает именно из нарастающей социальной дифференциации. Жизнь человека аграрного общества в целом стабильна в статусе его занятий: родившийся крестьянином с детства помогает родителям ходить за скотиной, потом становится крестьянином — главой семейства, им и умирает. То же — рыцарь, ремесленник и т.д. В индустриальном обществе самим условием его существования является *социальная мобильность*. Человек, во-первых, должен учиться, чтобы обрести профессию. Это — уже разные социальные роли в течение жизни — от учащегося, курсанта, студента до работника. Во-вторых, у него есть возможность социального роста и смены и профессии, и социальной роли — из рабочего в директора фабрики, известный капиталистический миф — и в то же время главная надежда и идеал «общества возможностей». Отсюда вытекает своеобразный эгалитаризм, разрушение сословных преград. Но — что же тогда может связывать этих людей, таких разных? В роли такого связующего цемента в индустриальном обществе может выступать только нация, и национализм, как радикальное выражение чувства принадлежности к ней.

Как писал Э. Геллнер, «Именно понятие нации начинает объединять рабочего и буржуа, студента и профессора, рыночную торговку и скрипача императорской оперы. Именно нация является тем фетишем, во имя которого декларируется политика, внешняя и внутренняя, объявляются войны, приносятся жертвы, устраиваются революции. Возникают понятия национального дохода, национальных интересов, национальных границ и т.д.».

По Э. Геллнеру, «век перехода к индустриализму неизбежно становится веком национализма, то есть периодом бурного переустройства, когда либо политические границы, либо культурные, либо и те и другие вместе должны меняться, чтобы удовлетворять новому националистическому требованию, которое впервые заявляет о себе. Поскольку правительства неохотно расстаются со своей территорией (а каждое изменение политических границ кому-то наносит ущерб), поскольку смена культуры чаще всего воспринимается очень болезненно и поскольку, кроме того, существуют враждебные культуры, борющиеся за души людей, так же как существуют враждебные центры политической власти, стремящиеся подкупать людей и завоевывать новые территории, то из нашей теории следует, что этот переходный период должен быть острым и конфликтным. Реальные исторические факты полностью подтверждают это предположение».

Э. Геллнер делает такое сравнение: «Как заметила героиня романа «Нет орхидей для мисс Блэндиш», каждая девушка должна иметь мужа, и предпочтительно своего собственного. Каждая высокая культура теперь хочет иметь государство, и предпочтительно свое собственное. Не все дикие культуры могут перерасти в высокие культуры, и те из них, которые не имеют серьезных оснований на это надеяться, обычно устраняются без всякой борьбы; они не

порождают национализма. Те же, которые считают, что у них есть шансы на успех, или (если избегать антропоморфических оборотов) носители которых верят в их большие возможности, вступают друг с другом в борьбу за нужные им народы и необходимое жизненное пространство. Это один из видов националистического или этнического конфликта. Там, где существующие политические границы не совпадают с границами старых или формирующихся культур с политическими устремлениями, возникает конфликт другого типа, в высшей степени характерный для века национализма».

Национализм несет в себе и внутренний конфликт. Как писал Э. Геллнер, «Основной обман и самообман, свойственный национализму, состоит в следующем: национализм, по существу, является навязыванием высокой культуры обществу, где раньше низкие культуры определяли жизнь большинства, а в некоторых случаях и всего населения. Это означает повсеместное распространение опосредованного школой, академически выверенного, кодифицированного языка, необходимого для достаточно четкого функционирования бюрократической и технологической коммуникативной системы. Это замена прежней сложной структуры локальных групп, опирающихся на народные культуры, которые воспроизводились на местах—и в каждом случае по-своему—самими этими микрогруппами, анонимным, безличным обществом со взаимозаменяемыми атомоподобными индивидами, связанными прежде всего общей культурой нового типа. Но это противоречит тому, что проповедует национализм и во что горячо верят националисты. Национализм обычно борется от имени псевдонародной культуры. Он берет свою символику из здоровой, простой, трудовой жизни крестьян, народа… Если национализм добивается успеха, он устраняет чужую высокую культуру, но не заменяет ее старой низкой культурой. Он возрождает или создает собственную высокую (обладающую письменностью, передающуюся специалистами) культуру, хотя, конечно, такую культуру, которая имеет определенную связь с прежними местными народными традициями и диалектами».

Национализм противоречит имперскому характеру государства. Империя по определению является конгломератом разных народов, что противоречит главному принципу национализма (совпадению этнических и политических границ). Поэтому империя обычно негативно относится к любым видам национализма, усматривая в них истоки *сепаратизма*. С другой стороны, для империй часто характерен национализм титульных наций (*великодержавный национализм, шовинизм* и т. д.). И национализм в регионах нередко является реакцией на *русификацию*, *германизацию* и др. политические практики в империях.

В связи с этим неизбежен вопрос, как национализм соотносится с *государством* (раз это теория политической законности, власть своего этноса). Государство, по М. Веберу — это такая организация внутри общества, которая владеет монополией на законное насилие. То есть насилие может применяться только центральной политической властью и теми, кому она дает такое право. Эта совокупность организаций, имеющих законное право на насилие, на принуждение — и есть государство. Э. Геллнер несколько конкретизировал это определение: «государство — это специализированная и концентрированная сила поддержания порядка. Государство—это институт или ряд институтов, основная задача которых (независимо от всех прочих задач) — охрана порядка. Государство существует там, где из стихии социальной жизни выделились специализированные органы охраны порядка, такие, как полиция и суд. Они и есть государство».

Когда национализм становится частью официальной (или негласной) идеологии, он проявляется в системе административных кадровых назначений или запретов на профессию, политике в отношении армейских и судебных кадров, в поддержке или запрете определенных культурных феноменов (СМИ, литературы,

искусства и т.д.). Это может вылиться в официальные или неофициальные, но негласно поощряемые акты насилия националистического характера (погромы, этнические чистки и т.д.).

Проблема национализма возникает, когда государство нездорово. Национализм — это симптом болезни страны. Германский фашизм (национал-социализм) вырос именно из этого: Германия была унижена, загнана в угол, поставлена на колени проигрышем I мировой войны, позорным Версальским миром 1919 г. — и отреагировала на это рождением радикального национализма, который утопил в крови полмира. Но и природа реакции понятна, понятно, почему за Гитлером пошла масса простых немцев, для которых потом наступило очень позднее прозрение и отрезвление. Молодые демократии Восточной Европы практически все больны национализмом именно в силу их политической нестабильности, экономической отсталости, культурной неразвитости.

Джон Пламенац выделял в Европе два типа национализма: *западный* и *восточный*. Относительно мягкие западные национализмы действовали в интересах высоких культур, нормативно централизованных и имевших в своем распоряжении легко распознаваемую народную основу. Восточный национализм выступал от лица еще не окончательно сложившейся культуры, культуры, зародившейся и находящейся в процессе формирования. Поэтому для восточноевропейского национализма необходим предварительный этап — мощное культурное строительство. По словам Э. Геллнера, во многих случаях оно вынуждало к перемещению народов, их изгнанию, насильственной ассимиляции, а иногда и истреблению с целью достижения той тесной связи между государством и культурой, которая и составляет суть национализма. Особенно ярко это в XX в. проявилось в трагедии на Балканах, распаде Югославии, войнах националистов в этом регионе. И все они не были следствием какой-то невиданной жестокости националистов (они были не хуже и не лучше всех остальных), а вытекало из неизбежной логики ситуации.

Сегодня ученые дают два прогноза относительно будущего наций и национализма. Согласно одним, и то и другое будет отмирать., постиндустриальное общество, информационное общество не допускают никакой возможности для существования подобных феноменов (какой национальности Интернет или информационные технологии?). Немалые надежды здесь возлагаются на современную систему образования, возникло даже выражение «поколение “Эразмус”», по названию одной из образовательных программ Болонской системы. Предполагается, что европейская Болонская система образования воспитывает космополитичных по мировоззрению студентов с крайне размытыми националистическими представлениями. И что это поколение, вступив в Европе в активную политическую жизнь, навсегда покончит с национализмом. Сохранятся только трогательные этнографические праздники и обращение к национальным корням исключительно в цивилизованных формах культурной памяти. Национализм станет позорным уделом отсталых стран «третьего» и «четвертого» мира.

Другие ученые, ссылаясь на недавние примеры распада СССР и Югославии, как раз наоборот считают XXI век веком наций и национализма. По их мнению, острота конфликтов вокруг национального вопроса будет только нарастать. Современный мир насчитывает около 3000 различных этнических групп, 280 из них, которые могут претендовать на суверенитет в соответствии с Уставом ООН, заявили, что хотят выйти из состава государства, которому сейчас принадлежат. В настоящее время 70 из этих требований являются предметом вооруженных конфликтов внутри государств-членов ООН.

Национализм будет увязан с проблемой несправедливого распределения

мировых ресурсов, и новое «восстание наций» придет из тех стран, которые считают себя обиженными и обделенными более высокоразвитыми соседями. Футурологи рисуют картину националистического бунта против космополитических «ведущих мировых держав». Правда, этот сценарий имеет ту неубедительную сторону, что противостояние Западной цивилизации идет в основном с исламским миром, а исламские движения в своей основе религиозны, но не националистичны.

Литература:

Kohn H. Natlonalizm: Its Meaning and History. Princeton, 1955; Геллнер Э. Нации и национализм. М., 1991; Eriksen T. Ethnicity and Nationalism. Anthropological perspectives. London, 1993; Citizenship, nationality and migration in Europe / Ed. D. Cesarani, M. Fulbrook. London, 1996; Pilkington H. Migration, displacement and identity in post-Soviet Russia. New York and London, 1998; Коротеева В. Теории национализма в зарубежных социальных науках. М., 1999Theories of Race and Racism: A Reader / Ed. by J. Solomos. Routledge, 2000; Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышление об истоках и распространении национализма. М., 2001; Smith A. Nationalism. Theory, Ideology, History, 2001; Нации и национализм. М., 2002; Балибар Э. Валлерстайн. Раса, нация, класс. Двусмысленность идентичности. М., 2003; Тишков В. Реквием по этносу: Исследования по социально-культурной антропологии. М., 2003; Смит Э. Национализм и модернизм: Критический обзор современных теорий наций и национализма. М., 2004; Майлз Р., Браун М. Расизм. М., 2004; Миграция и национальное государство / Под ред. Т. Бараулиной и О. Карпенко. СПб., 2004; Хантингтон С. Кто мы?: Вызовы американской национальной идентичности. М., 2004; Малахов В. Национализм как политическая идеология. М., 2005; Нация, национализм, этничность, мультикультурализм: Библиографический справочник / Сост. Н. Кокшаров. СПб., 2005; Этнические группы и социальные границы. Социальная организация культурных различий / Под ред. Ф. Барта. М., 2006; Национализм в поздне- и посткоммунистической Европе Том 1: Неудавшийся национализм многонациональных и частичных национальных государств. М., 2010.

Национальная гомогенизация (гомогенность)

Национальная гомогенизация – это процесс стирания культурных различий внутри нации, идущий в силу действия объективных факторов, а также набор практик строителей национальных государств современного (модерного) типа. Национальная гомогенность – состояние высокой степени тождественности культурных характеристик нации.

До развития конструктивизма процессы национальной гомогенизации исследовались и описывались культурными антропологами в терминах ассимиляции и аккультурации. Под каждое из этих понятий подведена обширная теоретическая база, объясняющая механизм смены языков в мигрантских сообществах, а также сохранения и восприятия культурных паттернов.

Бенедикт Андерсон в рамках конструктивистской теории «воображенных сообществ» описал пути, ведущие к усилению национальной гомогенности. Основными инструментами становления национальной идентичности он назвал печатный станок, школу и армию. В условиях разрушения религиозного самосознания и развития капиталистического уклада в экономике чтение газет в Новое время стало коллективным ритуалом, заменив собой «утреннюю молитву».

Наряду с появлением субъективного восприятия читающей информационной общности как воображенного сообщества, происходила постепенная унификация языка. Тем же самым целям послужило введение литературы в школьные программы и создание словарей, указывающих на «общепринятую норму», «диалектизмы» и «вульгаризмы». Таким образом, в схеме Андерсона гомогенизация представляется как процесс, обусловленный рядом естественных факторов: складывания читающего сообщества и литературного языка, расширения сети коммуникаций, урбанизации и создания системы массового образования.

Материалистические взгляды Иммануила Валлерстайна на процессы гомогенизации следуют из его концепции формирования современной системы государств вместе с развитием капиталистической мир-системы. Валлерстайн отдал приоритет экономическим факторам, считая второстепенными политические и культурные аспекты функционирования государственной системы. Дворянство, изнуренное кризисом феодализма, голодом, эпидемиями, крестьянскими восстаниями и междоусобными войнами, на заре нового времени обратило взоры на короля для восстановления и поддержания порядка. В начале современной эпохи европейские монархи укрепили свои государства и власть с помощью ряда средств: идеологической легитимации, бюрократизации, монополизации насилия и гомогенизации подвластного населения. Необходимым условием успеха светского процесса централизации и усиления внутреннего контроля было складывание капиталистической мир-экономики. В шестнадцатом веке короли смогли полноценно вступить в роль «менеджеров», которые взяли в свои руки процессы принятия решений. Принудительные перемещения населения рассматриваются Валлерстайном как следствие потребностей растущей мировой экономической системы. В рамках этой системы, по мнению исследователя, в экономических интересах монархов было иметь «этническую» гомогенность среди определенных слоев населения. В частности, изгнание евреев из Испании в 1492 году было продиктовано экономическими интересами расправы с конкурентами и кредиторами.

Если подход Андерсона был сосредоточен на объективных процессах и тенденциях, ведущих к унификации культуры естественным образом, то в центре внимания Хизер Рэй оказались наиболее «экстремальные» формы гомогенизации, массовых изгнаний и геноцида, которым она дает название «стратегий патологической гомогенизации». Рэй утверждает, что существует прочная взаимосвязь между стратегиями патологической гомогенизации и формированием государства, которое, в свою очередь, должно рассматриваться во взаимодействии с концепцией суверенитета, изменением форм политической легитимизации и формированием коллективных идентичностей.

Исследовательница стремится доказать, что практики «патологический гомогенизаци были эндемичными чертами государства с момента их образования, что беженцы и жертвы этнических чисток – не аномалии или примеры системного сбоя государственного строительства, а являются неотъемлемой частью государственной системы и, более того, практики патологической гомогенизации являются одним из конституирующих условий государственной системы. Не считая, что самые крайние формы насилия в таком случае относятся к разряду неизбежных, Рэй указывает, что они естественным образом возникают в рамках системы, которая основана на резком различении между «своими» - гражданами, подданными, и всеми, кто находится по ту сторону государственной системы. Границы между членами сообществ превращаются в модерных государствах в моральные границы (и, следовательно, вполне логично, что те, кто находятся за пределами морального сообщества, могут быть изгнаны из государства или подвергнуты насилию).

Процесс формирования государства имеет существенное культурное

измерение и неразрывно связан с формированием коллективной идентичности . Строители государства должны были обосновать свое право править, а также легитимность политического порядка, который они стремятся установить или консолидировать. Это включало в себя две задачи: построение единой политической общности в пределах территории, то есть, сообщества с единой, сплоченной идентичностью и выработку идентификация монарха или национального правительства как политического представителя и воплощения этого сплоченного сообщества.

Для того, чтобы "вообразить" политическое единство государства, его строители должны "полагаться на преобладающие культурные ресурсы, доступные для них, поскольку они стремятся построить единую коллективную идентичность, при этом, выделяют границы суверенного государства, как границы морального сообщества».

Эти практики и методы создания и введения «эксклюзивных моральных сообществ, из которых посторонние должны быть исключены путем создания посторонних или чужаков как особой социальной категории Рэй называет «патологической гомогенизацией». В результате государство приобретает формальную упорядоченность и идентичность с помощью выбора чужаков или посторонних в качестве целей насилия и дискриминации. Процессы патологической гомогенизации приобретают импульс по мере того, как границы суверенной власти становились все более пространственно четкими, и существование культурных различий внутри уже воспринималось как угроза единству области и, следовательно, суверенитету монарха

Важный момент, который следует из ее рассуждений – что практики патологической гомогенизации, таким образом, не следует рассматривать как результат национализма как такового. Скорее, как утверждает Рэй, они являются результатом усилий современных строителей государств, направленных на построение единого государства в соответствии с различными критериями идентификации, которые, начиная с конца восемнадцатого века, были в первую очередь национальными. До этого доминирующим критерием включения и исключения была религия. Государственные строителям приходилось полагаться на уже существующие рамки, в которых формировались культурные идентичности. В сухом остатке, с 1500-х годов и вплоть до «эпохи национализма», если использовать терминологию Хобсбаума, «критерий гомогенной идентичности не мог быть иным, нежели религиозным, после того как правители перехватили религиозную власть из рук ранее универсальных источников. Единство внутри государства могло выражаться только в терминах религиозного единства.

Таким образом, получается, что трансформация политического сообщества от универсальной Церкви и Империи по направлению к четко очерченным суверенным государствам была частью трансформации от средневекового взгляда на мир к современному. Религия была единственной существующей идеологией, и поэтому альтернатив для строителей государства не было.

В данном случае взгляд Рэй существенно скорректиировал Бенджамин Карвальо, утверждающий, что развитие принципа территориального суверенитета связано с процессами реформации. Фрагментация религиозной власти была необходимым условием для формирования коллективных идентичностей вокруг территориально фрагментированного понимания политической власти. Таким образом, вместо того, чтобы говорить о религиозном мировоззрении», нужно говорить о «конфессиональном мировоззрении», которое лежит в основе строительства коллективной идентичности в раннемодерной Европе. До этого существующий взгляд на мир подчеркивал универсалистское понимание идентичности, и, следовательно, не мог сформировать базис для партикуляристских

государственных идентичностей.

Как отмечала Рэй, даже когда правители бросили вызов универсальной власти Церкви, культурные ресурсы, на которые они опирались в целях определения гомогенных идентичностей и легитимации их власти внутри их государств находились всецело в сфере религиозного мировоззрения. В девятнадцатом веке национализм открыл новую форму политической легитимации как внутри, так и между государствами. После победы национального принципа строители государства обратились к этому новому светскому критерию идентификации, который тем не менее обнаруживает преемственность со старым религиозным мировоззрением. Таким образом, Рэй утверждает, что существует преемственность между раннемодерными попытками формирования коллективной идентичности, основанными на религиозных принципах дифференциации и более поздними, руководствующимися принципами национализма.

Соответственно. Практики патологической гомогенизации, одной из основных черт которых была четкая дифференциация населения, первоначально на ранних этапах формирования модерного государства, основывались на религиозном мировоззрении, затем, начиная с Эпохи Просвещения эту функцию стал выполнять принцип национализма.

Примеры практик патологической гомогенизации, рассмотренные Рэй (изгнание евреев и морисков из Испании, гугенотов из Франции, геноцид армян в Оттоманской империи, этнические чистки в Югославии), показывают, что принятие решений об изгнании или физическом преследовании меньшинств было нацелено на легитимацию и усиление королевской власти, или же ответом на дезинтеграцию империй или федеративных государств, которые проходили трудный путь перерождения в национальные государства.

Другой подход продемонстрировал Норберт Элиас, который утверждал, что одним из важнейших процессов, ведущих к формированию модерного государства, был в «цивилизации», или внутреннего умиротворения, «одомашнивания» дворянства. Таким образом, произошла «реконфигурация насилия», которое не столько было «устранено» из повседневности, но «выселено» на окраины государства и сообщества и обратилось в сторону религиозных меньшинств.

Комментируя менее экстремистские способы гомогенизации, Джеймс Скотт указывал, что современное государство стремится с различным успехом к созданию территории и населения с определенными стандартными характеристиками для упрощения счета, контроля и управления. Внедрение последовательной идентичности среди подданных государства не было легким, так как ранее существовавшие идентичности, связанные с религией, были далеки от последовательности и и однородности и не совпадали с государством.

Государства исторически складывают себя за счет производства все более плотных систем классификации, категоризации и предписаний. Роберт Хайден утверждает, что гомогенизация население может быть вызвана целым рядом способов: В областях, где суверенная группа уже занимает подавляющее большинство, гомогенизация может быть вызвана юридическими и бюрократическими средствами, такими, как лишение гражданства не членов группы, или включение представителей меньшинств, которые могут усваивать культуру большинства, или выселения тех, кто не может или не желает ассимилироваться. В более смешанных районах, гомогенизация требует более решительных мер - физического изгнания, или даже истребления меньшинств. Мэри Дуглас, изучая риторику социальной загрязненности и очищения, показывает, что в классификации присущи любому типу общественной организации, и в этой классификации всегда присутствуют аномалии Любая система классификации должна приводить к аномалиям, и именно стремление к культурному очищению,

заложенное в культуре, определяет политику национальной гомогенизации.

Литература:

Андерсон Б. Воображенные сообщества. М., 2001; Rae H. State Identities and the Homogenisation of Peoples. Cambridge, 2002; Carvalho B. The Early Modern Nation State: A Framework for Analysis. PAPER PRESENTED AT THE INTERNATIONAL STUDIES ASSOCIATION'S 47TH ANNUAL CONVENTION, SAN DIEGO, CA, MARCH 22ND—25TH, 2006 – http://www.svet.lu.se/conference/papers/carvalho.pdf

НАЦИОНАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВО

Национальное государство — форма и стадия развития государства, в основу которой положены принципы национального суверенитета, национального гражданства с единым языком, культурой, политической, правовой и фискальной системой. Позиционируется как государство одной государствообразующей нации, остальные народы имеют статус национальных меньшинств и нередко поражены в правах (не имеют возможности использовать на официальном уровне свой язык, отсутствует своя система образования и т.д.).

Считается, что национальные государства возникают на определенной стадии развития человечества, при начале перехода от аграрного общества к индустриальному. В аграрном обществе основными формами государства выступают или феодальная монархия, или средневековая империя. И та, и другая основаны на принципе подданства определенной династии. А легитимность этой власти происходит от Бога и от крови (происхождения династии).

В национальном государстве на первый план выходит понятие нации, народа, для обеспечения суверенитета которого, неприкосновенности и целостности его территории необходима сильная национальная государственная власть. Теперь не династия, а нация выступает в качестве главного политического актора государства. Нация заключает с властью Общественный договор, который теперь и определяет легитимность власти. Поскольку это власть определенной страны и определенного государства, то возникает Нация-государство, политическое понятие, из которого и вырастает национальное государство. Стремление к суверенитету и обретению собственного государства теперь являются сущностной чертой любой нации.

Хронологически точкой отсчета истории национальных государств считается Вестфальский мир 1648 г., знаменовавший собой становление Вестфальской системы, в некоторой степени до сих пор определяющей принципы международных отношений в Европе. В ее основу положены принципы суверенитета государств-наций, их право на самоопределение, право на защиту своей территории. Идеологическое обоснование концепции национальных государств содержится в работах мыслителей XVI – XVII вв. Ж. Бодена, Н. Макиавелли, Г. Гроция, Т. Гоббса, Б. Спинозы, а также английских и французских просветителей XVIII в.

Образование национальных государств в истории имело несколько особенностей. Стремление любой нации, которая хочет считаться нацией, к совему суверенитету вызывает рост националистических движений, целью которых является построение своего государства, в котором бы совпадали этнические и государственные границы. Однако такое государство — редкость, как правило, или оно вбирает в себя национальные меньшинства, или же часть титульной нации остается проживать в других странах. До Второй мировой войны в Европе практически не было таких этнически монолитных государств. Но после 1945 г., после военных потерь, этнических чисток и послевоенной перекройки границ

возникли государства, в которых принадлежность к титульной нации декларируется более чем 90–95 % населения.

Вопрос о территориальных границах национального государства очень непрост. Страны, насчитывающие многие столетия своего суверенитета, за эти годы успели более-менее устроиться в конвенциональных границах. Хуже обстоит дело с молодыми национальными государствами, особенно образовавшимися в XIX – XX вв. на обломках бывших империй. Утрата Турцией своих европейских балканских владений в конце XIX в. породила сербско-болгарскую войну 1885 г., две Балканские войны 1912-1913 гг. и обусловила нахождение славянских балканских народов по разную сторону фронта в годы I мировой войны. Все это было вызвано тем, что границы новообразованных Сербии, Болгарии, Румынии не во всем совпадали с районами компактного проживания представителей этих наций. Яблоком раздора оказалась и такая область, как Македония, которую считали своей Болгария, Сербия и Греция одновременно. В течение XX столетия эти вопросы не были решены, и вызвали крупный политический кризис в 1990-е гг., приведший к гражданской войне на националистической основе и распаду Социалистической Федеративной Республики Югославия. Распад СССР в 1991 г. породил кровавые конфликты из-за границ на Кавказе (Карабахский конфликт между Арменией и Азербайджаном, 1988-1994 гг., проблема отношений Грузии, Абхазии и Южной Осетии), в Средней Азии и т.д.

Представления о «правильных» границах национального государства могут быть идеологизированными, основанными на мифологических представлениях. Об этом очень точно сказал А. И. Миллер: «Терминами “национальная территория” и “идеальное отечество” я обозначаю националистическое представление о том, какое пространство должно принадлежать данной нации “по праву” именно как нации, как “наша земля”, а не подвластная территория. Аргументы в пользу такой принадлежности могут быть самыми разными – от фактической демографической ситуации на данный момент до “исторического права” (“наши предки здесь жили”), геополитических резонов (“выход к морю”, “жизненное пространство”), ссылок на кровь, пролитую “нашими” солдатами за эту землю, и т.д.».

Здесь проявляется одно из фундаментальных противоречий национального государства. В его основе лежит священное стремление нации к суверенитету и образованию своего собственного государства. Но при этом: 1) национальное государство не признает такого же права за входящими в его состав национальными меньшинствами и считает их стремление к суверенитету вредным и преступным сепаратизмом; 2) наицональное государство стремиться к объединению под своей властью всех земель, населенных представителями данной нации, что поднимает вопрос о возможности и легитимности их объединения военным путем. История знает несколько войн, которые начинались именно под лозунгом защиты «своего» национального меньшинства в соседней стране и заканчивались попыткой (успешной или нет) аннексии территории, на которой проживают «братья по нации» (проблема Эльзаса и Лотарингии, аннексия гитлеровской Германией Судетской области Чехословакии

Неотъемлимыми чертами национального государства является десакрализация (недаром образование национальных государств совпало по времени с умалением в Европе роли папства и ослаблением Священной Римской империи), постепенное умаление роли монархий и вытекающее из теории Общественного договора развитие систем демократического представительства (после буржуазных революций XVII-XVIII вв.), что выражалось прежде всего в расширении круга людей, вовлеченных во власть, заботой социальной и политической элиты о национальном консенсусе.

Ю. Хабермас так определил связь национального государства с

демократическим режимом: «Этот тип государства, возникший в результате Французской и Американской революций, распространился по всему миру. Не все национальные государства были или являются демократическими, т. е. не все они имеют конституцию, основанную на принципах ассоциации свободных и равных граждан, осуществляющих самоуправление. Но повсюду, где возникли демократии западного образца, они приняли форму национального государства. Очевидно, национальное государство отвечает важным предпосылкам для успеха демократического самоуправления общества, формирующегося в его границах. Национально-государственное устройство демократического процесса можно схематически проанализировать с четырех точек зрения. А именно: современное государство возникло как (a) государство управления и сбора налогов и (b) как наделенное суверенитетом на определенной территории государство, которое (c) может развиваться в рамках национального государства по направлению (d) к демократическому правовому и социальному государству».

Каково соотношение понятий «национальное государство» и «империя»? Их обычно противопоставляют. В национальном государстве совпадают территории проживания нации и политически контролируемая властями территория. В империи иначе: титульная нация занимает только метрополию, но при этом политически контролирует куда более обширную территорию колоний. Если нация в национальном государстве стремиться к расширению своей территории, используя для этого, как уже говорилось выше, разные поводы, в том числе и мифические, идеологизированные, то метрополия никогда не стремиться к расширению самой себя (в истории известен пример, как правители Великого Рима стали давать римское гражданство далеко за пределами Рима — и это кончилось для великой империи трагически). Считается, что национальное государство приходит на смену империи, нередко вырастает из бывших колоний, добившихся независимости.

Сегодня считается, что подавляющее большинство государств в мире являются национальными, и именно принцип объединения национальных государств положен в основу создания ООН (которая называется не «Организация объединенных государств», но «Организация объединенных наций», хотя в ней представлены не народы, а именно страны). Однако в последние десятилетия все чаще раздаются голоса о кризисе национального государства. Это вызвано развитием «информационного общества», глобализацией, размыванием понятия нации и т.д. Многие современные государства добровольно отдают часть своего суверенитета более сильным державам, оформляя это через членство в наднациональных структурах (НАТО, ЕС, ВТО, МВФ и т.д.). При этом в самих государствах может быть высоким «градус внутреннего национализма», жесткая языковая и этническая политика (Грузия, Литва, Латвия, Эстония и т.д.), они позиционируют себя как национальные государства — что не мешает им добновольно принимать на себя экономическую, политическую, военную зависимость.

Сегодня в результате глобализации наметились две тенденции в развитии национальных государств: 1) консервация, политика протекционизма, закрытие границ, ограничение иммиграции и т.д., неприятие институтов глобализации (ВТО и т.д.) то есть поиски путей защиты национального государства; 2) либертианская политика, открытость, безразличие к трудовой миграции, добровольное ограничение своего суверенитета в пользу международных институтов и т.д. Это сочетается с существованием в мире наций, которые еще только ведут свою борьбу за независимость и создание своих национальных государств (Палестина, Абхазия, Курдистан, Южная Осетия и т.д.). Поэтому, признавая справедливость современных концепций кризиса национального государства как института XXI века, надо отдавать себе отчет в том, что эта концепция не универсальна и применима не ко

всем регионам, странам и народам.

Литература:

Breuilly J. Nationalism and the State. Chicago, 1985; Hobsbawm E. Nations and Nationalism since 1780: Programme, Myth, Reality. Cambridge, 1990; Моммен А. Федерализм и национальное государство // ПОЛИС. 1992. № 4; Schultze H. Staat und Nation in der europäischen Geschihte. München, 1993; Basch, L., Glick-Schiller, N., & Szanton-Blanc, C. Nations Unbound: Transnational Projects, Postcolonial Predicaments, and Deterritorialized Nation-States. Netherlands, 1994; Яковенко И. Г. От империи к национальному государству (попытка концептуализации процесса) // ПОЛИС. 1996. № 6; Dicken P. Transnational Corporations and Nation-States // International Social Science Journal. 1997. Vol. 49; Albrow M. Abschied vom Nationalstaat. Frankfurt/M., 1998; Фрейдзон В. И. Нация до национального государства. Историко-социологический очерк Центральной Европы XVIII в. – начала XX в. Дубна, 1999; Альтематт У. Этнонационализм в Европе. М., 2000; Смит Э. Образование наций // Этнос и политика: Хрестоматия. М., 2000; Fulcher J. Globalization, the Nation-State and Global Society // The Sociological Review. 2000. Vol. 48. No.4; Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. М., 2001; Хюбнер К. Нация: от забвения к возрождению. М., 2001; Поланьи К. Великая трансформация: политические и экономические истоки нашего времени. СПб., 2002; Омаэ К. Конец национального государства: становление региональных экономик // Глобализация: контуры XXI века. М., 2004. Ч. I; Кольев В. Н. Нация и государство. Теория консервативной реконструкции. М., 2005; Ноженко М. Национальные государства в Европе. СПб., 2007; Мариносян Э. Национальное государство. Проблшемы и перспективы в эпоху глобализации // Философские науки. 2008. № 8.

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ВОПРОС

«Национальный вопрос» традиционно определяется как вопрос о взаимоотношениях (экономических, территориальных, политических, государственно-правовых, культурных и языковых) между нациями, национальными группами и народностями, а также о причинах возникновения противоречий между ними. Понятие «национального вопроса» получило особенно большое распространение в рамках марксистского подхода к теории нации и национализма. При этом содержание «национального вопроса» коренным образом различалось в зависимости от принадлежности к той или иной общественно-экономической формации. Так, в эксплуататорском обществе национальный вопрос порождается частной собственностью и понимается как прогрессивная борьба наций и народов за национальное освобождение. Считалось, что в рамках социалистической формации упразднение частной собственности и общий экономический уклад ведут к преодолению каких-либо межэтнических конфликтов. Применительно к СССР под «национальным вопросом» понимались проблемы формирования общей социалистической нации, на первый план выдвигались отношения добровольного союза и взаимопомощи в общих интересах развития социалистической собственности, укрепления единства и всестороннего сближения.

Однако мировая история XX в., равно как и история самого СССР, самым наглядным образом доказывают искусственность этой конструкции. Одним из самых трудноразрешимых проблем в теоретической разработке «национального

вопроса» была и остается проблема определения «порога», за которым провозглашенное «право наций на самоопределение» начинает работать против исторического прогресса. Как показывает Эрик Хобсбаум, между идеологами классического либерализма, с одной стороны, и К. Марксом и Ф. Энгельсом, с другой, в этом вопросе не было серьезных расхождений. И те, и другие признавали право на собственное государство только за «большими историческими нациями». Ф. Энгельсом даже указывалось на открыто контрреволюционную роль малых народов и национальных обломков в историческом прогрессе, понимаемым, в том числе, и как экономически оправданный процесс слияния и ассимиляции вокруг больших исторических наций. Национальное равенство с этой точки зрения означало только равенство людей разных наций внутри государства. При этом на долгие годы догматизированное в Советском Союзе сталинское определение нации как «исторически сложившейся устойчивой общности людей, возникшей на базе общности языка, территории, экономической жизни и психологического склада, проявляющегося в общности культуры», не выдерживает научной критики. Трудно отрицать существование достаточно большого числа человеческих общностей, которые не отвечают одному или нескольким предложенным здесь критериям (например, экстерриториальны), но при этом понимаются как нации (евреи, поляки в период между 1795 и 1918 гг., швейцарцы, филиппинцы, испанцы, курды, уйгуры и т.д.). Крайне расплывчатым является и критерий «общности психологического склада.

Как справедливо замечено Э. Хобсбаумом, приступая к анализу «национального вопроса», «разумнее всего начинать именно с понятия «нации», а не с той реальности, которую данное понятие представляет». Сложность анализа обуславливается и всей той разницей в подходах, с которой связано изучение «нации». По мнению целого ряда исследователей «нация» как социальное образование принадлежит к конкретному и весьма ограниченному историческому периоду. По этой логике рассмотрение наций имеет смысл только в контексте определенного типа современного территориального государства: «государства-нации». Национальные феномены в общем и главном конструируются «сверху», пусть и достигаются во многом благодаря убеждениям, предрассудкам, потребностям, стремлениям и интересам «низов», которые вовсе не обязательно являются национальными по своей природе.

«Национальный вопрос», таким образом, согласно Хобсбауму, оказывается в точке пересечения политики, техники и социальных процессов. Нации существуют не только в качестве функции территориального государства особого типа или стремления к образованию такого; они обусловлены и вполне определенным этапом экономического и технического развития. Складывание и распространение литературных национальных языков было напрямую обусловлено изобретением книгопечатания, а в условиях XX в., также распространением радио и телевидения.

Те же историки связывают рождение национализма как стремления совместить этнические границы с политическими с буржуазными революциями Нового времени и, прежде всего, с Великой французской революцией. Именно эти революции признали политическую власть легитимной только в том случае, если она отражает волю народа и отвечает его интересам. Нации стали считаться законными вершителями истории, обладающими правами, волей и способностью принимать или отвергать ту или иную форму правления. Однако для разных обществ на разных этапах их истории «национальный вопрос» мог существенно менять свой характер. Это отражает всю многогранность самого «национализма» который выступал в качестве (1) идеологии процесса «собирания» государства и ли «государственного строительства» (как пример, движение Рисорджименто в Италии и процесс объединения Германии); (2) идеологии социальной интеграции населения

уже существующего государства (национальное строительство Японии в последней трети XIX в., Кемалистская Турция, Египет, Иран и Китай в 1920-1930-е гг.; (3) идеология антиколониализма в странах Азии и Африки XX в. (4) идеология этнически мотивированного сепаратизма (сецессионизма) на современном этапе.

При этом Х. Сетон-Уотсон справедливо обращает внимание на различия между медленно формировавшимися на протяжении многих веков нациями (и государствами) Западной и Северной Европы и более поздними «нациями, созданными по расчету» в эру национализма. В первом случае «формирование нации» было непредвиденным и непреднамеренным. Оно стало «побочным» продуктом создания централизованного государства вокруг доминировавших этнических сообществ. В других частях мира этот процесс был ускорен внешними стимулами и целенаправленными усилиями.

Энтони Смит, в свою очередь, видит недостаток модернистской картины национализма в том, что увязав нацию и национализм исключительно с переходом к современной эпохе, она не объясняет постоянного возвращения нации «назад», ощущаемой народами преемственности с этническим прошлым. Вот почему, с его точки зрения, так важно и необходимо изучать культурные модели досовременного сообщества, особенно в области мифа, символа и исторической памяти. Многие части света были социально и культурно структурированы в понятиях разных видов этнической общности, каковыми продолжают оставаться и по сей день, еще во времена античности и средневековья. Как полагает Смит, именно эти этнические общности прошлого представляют собой наилучшую отправную точку «исследования трансформаций и пробуждений, связанных с формированием современных наций».

Крейг Калхун также обращает внимание на то, что идея «восхождения» легитимности от народа имела более ранние истоки, связанные, в частности, с Древней Грецией и Римом, а также с некоторыми «племенными» традициями предков современных европейцев, пусть она и получила гораздо более широкое распространение в эпоху раннего Нового времени. Он согласен с тем, что более ранние политические формы не проводили четких границ и не заботились о столь большой внутренней интеграции общества и его однородности. Однако Калхун критикует подход того же Геллнера называвшего, культурную однородность современных обществ «необходимым сопутствующим обстоятельством» индустриального производства. В нынешних условиях постиндустриального мира национальный вопрос не становится менее острым и актуальным. К тому же, принадлежность к нации определяется не только самоощущением, но и биологическим фактом рождения, что предопределяет крайне запутанные взаимоотношения нации с государством.

Но сколь ни ограниченной может выглядеть модернистская картина зарождения наций и национализма, «национальный вопрос» как проблема, по-видимому, должен отождествляться с историей последних столетий. Пик его приходится на конец XIX – первую половину XX в. и непосредственно связан с распадом великих европейских империй.

С самого начало необходимо отметить, что империя как форма государственного устройства по самой своей сути направлена на преодоление жесткой национальной самоидентификации. Как это формулирует А. Захаров, «имперская лояльность лишена этнического контекста; именно поэтому во властной элите любой империи находится место для представителей знатных родов имперской периферии. Чувство принадлежности к империи объединяет и роднит, в то время как чувство причастности к нации, напротив, обособляет и противопоставляет». XIX век как «век наций» одновременно стал эпохой заката имперской государственности. Именно в это время отношения между различными

группами населения в переживавших процесс модернизации империях все более осмысливались в новых категориях нации и класса. Пространство империи становится ареной соперничества различных националистических движений, претендующих на одни и те же земли в качестве их исконной «национальной территории», а порой и вовсе отрицая право некоторых других групп претендовать на статус отдельной нации.

Алексей Миллер обращает также внимание на процессы строительства нации в самом имперском ядре. Многие старейшие нации-государства, включая Францию, уходят корнями в крайне разнородные династические конгломераты, в которых легко вычленялись традиционные для империй метрополии и периферии. Колонии или иные эксплуатируемые владения способствовали консолидации нации и индустриальному развитию, связанному с денежным товарообменом. Так, колониальные владения способствовали раннему формированию государств-наций во Франции, в Англии, отчасти в Португалии. Дания и Швеция сформировались как национальные государства также благодаря элементам имперского развития. Напротив, Испания, одна из первых колониальных держав, сравнительно поздно стала эволюционировать в сторону государства-нации. Как показывает опыт Германской, Австро-Венгерской и Российской империй, «внутренняя колонизация» наоборот препятствует национальному строительству, поскольку метрополия оказывается территориально не выделенной. Отсутствие «большой воды» между ядром и периферией, характерной для «морских империй», осложняло формирования представления о «национальной территории» внутри континентальных империй.

Имперские элиты строили нации в ядре собственных империй и никогда не пытались включить в эту общность все имперское пространство и всех подданных. Так, в частности, проекты создания русской нации делали различие между русской «национальной территорией» и империей как целым, между различными группами, одни из которых становились мишенью ассимиляторской политики, а другие – нет. То же самое касалось формирования британской и французской идентичности, которая касалась только европейской части соответствующих империй. При этом национализм доминирующих наций во Франции, Великобритании и Испании был намного более «развит». Но даже здесь процесс создания «национального государства» развивался параллельно с имперской экспансией и в какой-то мере обуславливался ею. Именно с этим связана мысль Г. Камена о том, что скорее империя создала Испанию, нежели Испания империю. Созвучный тезис Линды Колей о том, что «британская идентичность» во многом является порождением борьбы Британской империи со своими соперницами, может быть признан справедливым и для других стран.

Появление т.н. «официального национализма» – провозглашение связи правящей династии с определенной национальностью – во многом способствовало возникновению этнических противоречий между имперским центром и периферией. Бенедикт Андерсон определяет этот феномен как «упреждающую стратегию, принимаемую господствующими группами, когда над ними нависает угроза маргинализации или исключения из возникающего национально-воображенного сообщества». Она давала монархии возможность компенсировать ослабление прежних механизмов обоснования своей власти принятием этого нового источника легитимации. При этом проекты «национализации» империи, могут идти не только «сверху», но и идти от представителей общественно-политических кругов, вступая между собой в существенные противоречия (как это было, в частности, в условиях Австро-Венгрии) и дополнительно дестабилизировать ситуацию.

Каждая из империй при этом имела ряд существенных особенностей, связанных как с обстоятельствами возникновения и развития национализма, так и с

решением вставшего перед ними «национального вопроса». Джон Бройи, сравнивая исторический опыт типологически близких империи Габсбургов и Османской империи, во многом противопоставляет их друг другу. Так, в Османской империи гораздо большую роль играла «внешняя функция легитимации»: националистическая аргументация здесь в основном была позаимствована из-за рубежа и в большинстве случаев, по сравнению с империей Габсбургов, имела довольно сырую и рудиментарную форму. Однако националистические оппозиции к Османской империи в Европе конца XIX века были куда более успешны в плане достижения национального самоопределения. В империи Габсбургов развитие националистической оппозиции было обусловлено процессом политической модернизации. Эта националистическая оппозиция смогла вобрать в себя идеи, выработанные извне, но способные в ее специфических условиях объединить вокруг себя элиты и снискать поддержку масс. В Османской империи стимулом к подъему в различных регионах движений за автономию явился, напротив, процесс политического упадка. И только благодаря тому, что националистические идеи уже были развиты где-то еще, эти движения смогли использовать такие аргументы, которые никогда не выполняли каких-либо важных внутренних функций в их собственных рамках.

Под воздействием национального вопроса империя может на сравнительно коротком отрезке времени переживать существенные трансформации, как это показывает на примере Германии Филипп Тер. На первом этапе имперское по своему характеру управление польскими землями Пруссией (1772-1830) было непрямым и неформальным, поскольку местная знать сохранила большую часть своей власти и почти не подвергалась культурным ограничениям. После польского восстания 1863 г. прусская корона чем дальше, тем более переходит к методам прямого и формального правления, воздействие которого теперь ощущалось в самых отдаленных районах имперской периферии.

Однако несмотря на все более жесткие меры, направленные на унификацию империи, Германия потерпела ту же неудачу, что ждала аналогичную политику Франции в отношении Алжира, а Англии – применительно к Ирландии. Процесс расставания с этими ближайшими к имперскому ядру периферия для всех трех империй стал наиболее болезненным. Для всех трех империй характерно сочетание самых разных принципов имперского управления вышеперечисленными прилегающими территориями – своеобразными «внутренними колониями» – и заморскими колониями. Даже Веймарская республика не отказалась от своего «имперского» статуса, отраженного в официальной титулатуре, еще более укрепленного нацистами – как идеологически, так и в практике территориальных захватов.

Э. Геллнер, однако, справедливо обращает внимание на то, что само по себе уничтожение центральноевропейских империй, заклейменных некогда как «тюрьмы народов», и сознательное дробление их по национальному принципу не решило «национального вопроса». Принцип «самоопределения наций», закрепленный в Версальской системе, должен был обеспечить легитимность принимаемых политических решений. Но в ситуации этнического разнообразия, характерного для Восточной Европы, бесспорная и справедливая политическая карта была просто невозможна, новые политические границы были несправедливы в самом очевидном смысле этого слова.

Созданные по итогам Первой мировой новые государства были меньше и слабее, чем империи, которым они пришли на смену. Но это сокращение размеров и потенциала отнюдь не было компенсировано их этнической однородностью и, следовательно, большей сплоченностью. Проблема меньшинств встала в них не менее остро, чем прежде. Причем к прежним добавились и «новые меньшинства»,

то есть те, кто внезапно приобрел здесь статус меньшинства и все сопутствующие ирредентистские настроения, в прошлом нередко входили в состав этнических или лингвистических групп, культура которых была доминантной.

Говоря о рубеже нового тысячелетия, Э. Хобсбаум, делает несколько любопытных выводов, так или иначе касающихся перспектив «национального вопроса» в мире. Культурный плюрализм и принцип «национального равенства» в наше время почти наверняка надежнее гарантированы в крупных государствах, сознающих и признающих свой многонациональный и многокультурный характер, нежели в мелких странах, которые стремятся к идеалу этнолингвистической и культурной однородности. Национализм по-прежнему является важным фактором мировой политики, но его историческая роль уже сыграна. Он уже не является глобальной перспективой развития или всеобщей политической программой, чем он, вероятно, действительно был в XIX – начале XX вв. Постиндустриальному миру нового тысячелетия все сложнее будет оставаться в жестких рамках «наций» и «наций-государств» в их прежнем политическом, экономическом, культурном и даже лингвистическом толковании. Возникающие наднациональные связи по-новому поставят и «национальный вопрос».

Литература:

Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышление об истоках и распространении национализма. М., 2001; Балибар Э. Валлерстайн. Раса, нация, класс. Двусмысленность идентичности. М., 2003; Бусыгина И., Захаров А. Sum ergo cogito: Политический мини-лексикон. М., 2006; Геллнер Э. Нации и национализм. М., 1991; Калхун К. Национализм / Пер. с англ. М., 2006; Коротеева В. Теории национализма в зарубежных социальных науках. М., 1999; Малахов В. Национализм как политическая идеология. М., 2005; Миллер А. И. (ред.) Российская империя в сравнительной перспективе. М., 2004; Миллер А. Империя Романовых и национализм. М., 2006 (Historia Rossica); Нации и национализм / Б. Андерсон, О. Бауэр, М. Хрох и др; Пер с англ. и нем. М, 2002; Смит Э. Национализм и модернизм: Критический обзор современных теорий наций и национализма. М., 2004; Хобсбаум Э. Нации и национализм после 1780 г. СПб., 1998; Boehmer E. Empire, the National, and the Postcolonial, 1890-1920: Resistance in Interaction. Oxford, 2002; Economic Change and The National Question in Twentieth-Century Europe / Ed. by Alice Teichova, Herbert Matis, Andjaroslav Patek. Cambridge, 2004; Miller A., Rieber A. J. (eds) Imperial rule. Budapest, N.Y., 2004; The National Question in Europe in Historical Context / Ed. by Mikulas Teich and Roy Porter. Cambridge, 1998; Rethinking Ethnicity: Majority Groups and Dominant Minorities /[Ed. by Eric P. Kaufmann. London, N.Y, 2004; Roshwald A. Ethnic Nationalism and the Fall of Empires: Central Europe, Russia and the Middle East, 1914–1923. London, N.Y, 2001; A State of Nations: Empire and Nation-Making in the Age Of Lenin And Stalin / Ed. by Ronald Grigor Suny and Terry Martin. Oxford, 2001.

НАЦИЯ

Нация (от лат. natio — племя, народ) — социально-экономическая, культурно-политическая и духовная общность людей, фаза развития этноса (по ступеням*: род – племя – народность – народ – нация*), в которой данный конкретный этнос обретает суверенитет и создает собственную полноценную государственность. Может рассматриваться как форма этнической жизни индустриальной эпохи.

Н. является ключевым понятием для понимания концепта империи. Под

титульной Н. понимается Н., основавшая и организовавшая империю, представители которой составляют имперскую элиту и язык которой является государственным языком империи. Подвластные н.-и считаются менее развитыми, имеющими меньше прав на самостоятельное существование, и нередко низводятся на роль Э., то есть этнокультурного образования, не созревшего до создания своего государства, и поэтому исторически обреченные входить в состав империи на правах покоренных, второстепенных народов. С другой стороны, лозунг о «праве Н.-й на самоопределение», борьба за национальную независимость, суверенитет являются неотъемлемой страницей истории любой империи и нередко — главным фактором ее распада.

В то же время, в науке понятия и этноса, и Н., и их соотношения остаются предметом дискуссий. В чем принципиальное отличие Н. от этноса — нация полиэтнична. Она может быть этнически однородной (напр., исландцы), но это — редкое явление. Обычно Н. строится на базе большого количества этносов, которых свела вместе историческая судьба. Полиэтничны, например, швейцарская, французская, вьетнамская нации, а американцы вообще не имеют никакого ярко выраженного этнического лица.

Н. не обязательно должна иметь общность территории — должна быть некая территория, которая связывается с понятием родины, отчизны (для всей нации), но диаспоры и анклавы различных наций рассеяны сегодня по всему миру. Н. не обязательно должна иметь уникальность языка — В Швейцарии единая Н. пользуется четырьмя языками: немецким (65 % населения), французским (18,4 %), итальянским (9,8 %), и ретороманским (0,8 %). В Германии существует множество местных диалектов, сильно отличающихся от нормативного немецкого. Язык, отличая англичан от французов, не отделяет их от американцев, англо-канадцев, англо-австралийцев, англо-новозеландцев. Отличая испанцев, скажем, от шведов, язык не отграничивает их от мексиканцев, кубинцев, чилийцев, аргентинцев. На немецком языке говорят не только немцы, но также австрийцы и германо-швейцарцы. На французском языке, кроме французов, говорят валлоны, франко-швейцарцы и франко-канадцы. На одном языке говорят сербы, хорваты, черногорцы и боснийцы. Нет американского языка, но существует американская культура. Нет аргентинского языка, но существует аргентинская культура.

Принципиальным моментом, отличающим Н. от этноса, является неразрывная связь Н. с государством. Н. либо имеет свое государство, либо мечтает о нем и ведет национально-освободительную борьбу, чтобы его обрести. Поэтому большинство ученых считает Н.-и явлением нового времени, и связывает их возникновение со строительством европейских буржуазных государств.

Относительно происхождения Н. существуют два теоретических направления — *примордиализм* и *конструктивизм*.

Примордиализм — теория, согласно которой нации образуются в древности, как явления природы, имеют прежде всего биологические, лингвистические и этнографические характеристики. Национальные черты передаются по наследству. «Кровь и почва» — вот что определяет нацию.

При этом есть *примордиализм социобиологический* — человек, рожденный русским, всегда будет русским, где бы ни жил. В своей радикальной форме примордиализм трактует этносы как «биосоциальное явление, соединяющее естественную природу с обществом». При этом указывают на тот факт, что общности, из которых возникают этносы: род и племя – представляли собой «расширенные семьи», продукт развития кровнородственных связей. Отсюда следовало, что этносы — кровнородственное сообщество, и потому соединяющие его связи имеют биологическую природу. Например, Петер ван ден Берге, современный немецкий ученый, фактически сводит этничность к генам. По его

теории этническая группа обречена на воспроизводство в своем поведении и мышлении тех образцов, которые заложены в генотипе ее членов.

Существует более мягкий *эволюционно-исторический примордиализм* — что этносы могут образовываться разными, не всегда нам ясными путями, но сформировавшись, они создают особую культуру — и человек, рожденный в этой культуре, навсегда и в любой среде будет ее носителем. Представители эволюционно-исторического направления в примордиализме рассматривают этнос скорее как общность, в которой взаимная привязанность достигается воздействием социальных условий, а не ходом биологического развития, но закрепляется жёстко. Один из основателей этого направления, Э. Смит, определяет этнос как «общность людей, имеющих имя, разделяющую мифы о предках, имеющую совместную историю и культуру, ассоциированную со специфической территорией, и обладающую чувством солидарности». Изначальной данностью сторонники этого направления считают не кровь, а запечатленные в младенчестве культурные структуры. К.Янг пишет: «Человеческие существа рождаются как несформировавшиеся до конца животные, реализующие себя через создаваемую ими культуру, которая и начинает играть роль примордиальной «данности» в общественной жизни». Р. Барт усматривает суть самосознания в наборе ключевых значений, символов и основных ценностных ориентаций, через которые данная группа осознает свое отличие от «других»; граница — это ядро сознания. Для Кейеса примордиальные корни этничности «берут начало из интерпретации своего происхождения в контексте культуры»

Примордиализм как научная теория возник в середине XIX века под влиянием работ Э. Дюркгейма о групповой солидарности. Его возникновение было тесно связано с развитием прикладной этнологии и антропологии, востребованных прежде всего в связи с развитием колониализма — XIX век, это век колониальных европейских империй, и народами империй надо было как-то управлять. И европейцы пытались поставить это на научную основу. Как говорил один из основателей английской антропологии А. Радклифф-Браун, прежде чем пытаться реформировать общество колоний, надо его изучить.

Власти США уже в 1860 г. привлекали антропологов к решению задач по управлению индейскими сообществами. Но систематически стали использовать антропологов англичане. С 1908 г. английские антропологи активно работали в Нигерии, затем в Судане по заказу колониальных властей были проведены первые этнографические исследования. В некоторых колониях была введена официальная должность правительственного антрополога. В период между Первой и Второй мировыми войнами значительное число антропологов служили в МИДе и Министерстве по делам колоний Англии. С 50-х годов специалистов по антропологии и этнологии стали активно привлекать правительство и спецслужбы США для прикладных исследований в Латинской Америке, а также в разработках, связанных с войной во Вьетнаме.

Развитие этнологии было сопряжено с острыми идеологическими проблемами и сопровождалось конфликтами. Так, в 1863 г. произошел раскол Лондонского этнологического общества в связи с расовой проблемой, обострившейся в ходе гражданской войны в США. Организатор раскола и создатель нового Антропологического общества Дж. Хант опубликовал статью «Место негра в природе», в которой представлял африканцев как отличный от европейцев вид. Это был программный манифест биологизаторства в этнологии.

Примордиализм возник при изучении этнических конфликтов, эмоциональный заряд и иррациональная ярость которых не находили удовлетворительного объяснения в европейской социологии и представлялись чем-то инстинктивным, «природным», предписанным генетическими структурами

народов, многие тысячелетия пребывавших в доисторическом состоянии. Также большое влияние на него оказала эволюционная теория Ч. Дарвина и теория естественного отбора Мальтуса. Примордиализм (особенно его социобиологическое направление) был тесно связан с расовыми теориями, которые находили поддержку в культурных установках иудаизма и христианства. С.Н. Булгаков видит в «мифе крови» отзвуки ветхозаветных представлений об этничности. Он пишет: «Субстратом расы, как многоединства, для расизма является кровь. Основное учение именно Ветхого Завета о том, что в крови душа животных (почему и возбраняется ее вкушение), в известном смысле созвучно идее расизма. Раса мыслится не просто как коллектив, но как некая биологическая сущность, имманентная роду».

Теория примордиализма во многом основана на научных представлениях о первобытности — о человеческом стаде, о кровном родстве как основе родовой общины, о племени, вырастающем из родовой общины и т.д. То есть в его основе лежит исходная посылка, что принципом объединения человеческих сообществ есть их объединение как более мелких единиц — семей, родов, племен, то есть исходной единицей оказываются группы, построенные по кровно-родственному принципу.

При этом главное в примордиализме то, что он придает этничности смысл онтологической сущности – всеобщей сущности бытия, сверхчувственной и сверхрациональной. Для него характерны изучение «национального духа», «души народа», «национальной идеи» и т.д. Характерен парадоксальный язык («Единственный внятный ответ на вопрос: «Кто такие русские?» — «Это русские. И этим все сказано»»). «Теоретик русского национализма» И.А. Сикорский (отец известного авиаконструктора) писал в 1895 г.: «Черты народного характера, его достоинства и недостатки передаются нисходящим поколениям: через тысячи лет в данной расе мы встречаем те же особенности народного характера».

Способом научного познания, которым пользуется примордиализм, является методологический *эссенциализм* (от лат. essentia – сущность) – метод, имеющий своей целью открытие истинной «природы вещей». В крайнем случае приверженцы примордиализма доходят до буквального овеществления этничности, считая ее материальной субстанцией, включенной в структуры генетического аппарата человека. Смысл сущностного подхода в том, что этничность понимается как вещь, как скрытая где-то в глубинах человеческого организма материальная эссенция (скрытая сущность).

Крупнейшими представителями примордиализма были К. Гирц (Geertz) и Э. Шилз (Shils). Сегодня лидером этого направления считается Энтони Смит.

Конструктивизм считает Н. искусственным образованием, порожденным прежде всего человеческим сознанием, воображением (Б. Андерсон: «нации — это воображаемые сообщества»). Суть конструктивизма в том, что национализм и националистическая политика государственных элит *создает* Н.-и, используя те или иные инструменты (стандартизированная система образования и школьных программ, сеть массовых коммуникаций, «печатный капитализм», пропаганда определенных лингвистических представлений, использование эмоциональных факторов и т.д.). Нет никаких «изначальных» и имманентных черт той или иной нации. Все они придуманы, сконструированы в сознании нации с помощью средств манипулирования этим сознанием. Н. — явление искусственное, порожденное идеологиями нового времени.

В основе конструктивизма лежит представление, что природа «национальных», «протонациональных» и «этнических» идентичностей есть дискурсивная природа. Понятие дискурса было введено в науку Мишелем Фуко. Существует множество определений дискурса, суть которых в общем виде можно выразить следующим образом: это система представлений, оформленная в виде

знаковой (как правило, вербальной) модели, в которой отражены культурные, идеологические, этические и эстетические ценности, понятия, нормы и конвенции социума на определенном этапе развития. Это отложившийся и закрепившийся в языке способ упорядочения действительности, способ видения мира, выражаемый в самых разнообразных, не только вербальных, практиках, а следовательно, не только отражающий мир, но и его проектирующий и сотворяющий. Иначе говоря, понятие «дискурс» включает в себя общественно принятые способы видения и интерпретирования окружающего мира и вытекающими из именно такого видения действия людей и институциональные формы организации общества.

Представителями конструтивизма сегодня являются ученые Эрнст Геллнер, Эрих Хобсбаум, Бенедикт Андерсон, Джон Брейи.

Какой подход более верен?

Сложность тут в том, что аргументы есть и у той, и у другой концепции. С одной стороны, дискурсивность национального очевидна, и отрицать ее невозможно. Очевидно также и то, что национальное может моделироваться с помощью определенной политики, то есть нацию, действительно, можно сконструировать, создать, выдумать — и мы видели этот процесс в истории. Особенно много подобных примеров в XIX-XX вв., когда на обломках европейских империй стремительно создавались Н.-и, о которых как о Н.-ях никто раньше и не слышал. На примерах бывших союзных республик после распада СССР мы видим, что процесс нациестроительства в них организован сверху, и политика государства направления на моделирование, воспитание Н.-и. Популярный в XIX в. взгляд, что нации — это некие «спящие красавицы», которые разбудили в XIX в. «будители», и наступила «весна народов», крах европейских империй — наивен.

С другой стороны, национальные дискурсы — явление нового времени. Если мы признаем это, то возникает вопрос: а раньше — что было? Что, до Петра I — это еще НЕ русские, а с Петра — русские? Но, помимо противоречию здравого смысла, это противоречит всему накопленному нами историческому багажу, знаниям о прошлом. Если Н. — явление нового времени, а когда именно возникает национальное самосознание? Что его заменяло до XVIII-XIX вв.?

На сей счет существует два подхода. Один — ступенчатый. Ученые различают этносоциальные группы по уровням развития: *род – племя — народность — нация*. Но здесь проблема — где грани между ними? Как одно переходит в другое? Как отличать этнос, протонацию, нацию?

Второй подход — *концепция средневековых Н.-й*. Ее смысл в том, что Н.-и образуются еще в средневековье — они, бесспорно, отличаются от Н.-й нового времени, но их природа точно также дискурсивна. И они точно также моделируемы. Просто содержание дискурсов другое, в большей степени зависимо от религиозных дискурсов. Скажем, как считает московский ученый М. В. Дмитриев, понятие «русский» было полностью тождественно понятию «православный». Крещеный татарин становился русским. Византийцы считались «русскими» по вере, «греческая вера» была «русской». С концепцией М. В. Дмитриева выразили свое несогласие многие исследователи, так как она не учитывает факторы языка и этнокультурных различий, и гипертрофирует роль религиозного фактора. Определенное рациональное зерно здесь есть, так как, по Б. Андерсону, нации и национализм появляются как раз тогда, когда светское мировоззрение приходит на смену религиозному, и отмирает династическое государство. То есть *национализм* (см.) как крайняя форма выражения идеологии нации в каком-то смысле приходит на смену религиозному сознанию, а значит, родственен с ним. Но это не означает, что в средневековье этнонациональные дискусрсы всегда и во всем тождественны религиозным.

Из последних концептуальных разработок в данной сфере надо назвать

венскую школу исторической этнографии. В центре внимания ее представителей — «стратегии различения» (strategies of distinction, термин заимствован из работ П. Бурдье). Речь идет о *дискурсах этнической дифференциации*, выработанных европейской средневековой культурой. Они формировались в процессе политической интеграции или дезинтеграции отдельных территорий и эволюции институтов власти, способов ее легитимации. Собственно говоря, эта этническая дифференциация рассматривается в тесной связи с процессами, механизмами и идеологиями политического строительства и социальной консолидации средневековоых обществ. Сущность научного поиска описывается следующим образом: «В центре анализа — то, как шла борьба за придание того или иного смысла общественным институтам, за интерпретацию наличных слов и понятий и за то, как регулировать и направлять развитие этих институтов через манипулирование приписанными им смыслами… В частности, и представления об этнических различиях воспринимались как, так сказать, онтологические различия лишь тогда, когда появлялись группы людей, считавшие эти различия существенными. В этой «борьбе за смыслы» решающую роль играло понимание прошлого, memoria, и в соответствующих исследованиях венской школы показано, какую роль интерпретация прошлого играла в легитимизации власти и, соответственно, в формировании представлений о коллективной идентичности и самой этой идентичности отдельных европейских социумов.

Поэтому главные усилия исследователей «венской школы» сосредоточены на изучении источников, которые позволяют судить, как сложились и в чем выразились языки и системы представлений, описывающие «этнические различия» в раннесредневековой Европе и наделяющие эти различия определенным этнически-дифференцирующим смыслом».

Крупнейшими представителями венской школы исторической этнографии школы являются Г. Вольфрам, В. Поль, Я. Вуд и др.

Литература*:*

Wenskus R. Stammesbildung und Verfassung. Das Werden der frühmittelalterlichen gentes. Köln-Graz: Böhlau, 1961; Smith A. The Ethnic Origins of Nations London: Basil, 1986; Wolfram H. Die Goten. Von den Anfängen bis zur Mitte des sechsten Jahrhunderts. Entwurf einer historischen Ethnographie. München, 1990; Геллнер Э. Нации и национализм. М., 1991; Brubaker R. Nationalism Reframed: Nationhood and the National Question in the New Europe. Cambridge 1996; Canovan M. Nationhood and Political Theory. Cheltenham, 1996; Хобсбаум Э. Нации и национализм после 1780 г. СПб., 1998; Grenze und Differenz im fruhen Mittelalter / Hrsg von W. Pohl und H. Reimitz. Wien, 2000; Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. М., 2001; Geary P. The Myth of Nations: The Medieval Origins of Europe. Princeton, 2002; Handbook of Nations and Nationalism / Ed. by . Gerard Delanty and Krishan Kumar. London, 2005.

НЕОНАТАЛЬНАЯ ИМПЕРИЯ

Неонатальная империя — под неонатальной, то есть «младенческой империей» понимается протоимперия, в которой нарождающиеся имперские черты сочетаются с неимперскими, традиционными принципами государственного устройства. *Империя* она потому, что уже фактически создано имперское тело и сформировалось поле имперской политики: под центральной монархической властью в рамках единого государственного образования объединены разные народы, конфессии, социокультурные уклады и некогда самостоятельные политии.

Неонатальная же потому, что еще не освоила имперских механизмов функционирования, образно говоря, являясь политическим младенцем первых дней жизни.

Под *Н. И.* понимается государственное образование, у которого сформировалось имперское тело (в территориальном, этническом и административном плане — паттерн, периферия и лимитрофы) и существует сфера его функционирования (внутренняя — социальное поле имперской политики, и внешняя — геополитическая ниша). Паттерн — (англ. pattern — модель, форма, система) самовоспроизводящаяся структура, обеспечивающая устойчивость объекта или явления во множестве его вариативных воплощений. Здесь: «отцовское» территориальное ядро государства, неотчуждаемые земли, с потерей которых гибнет и само государство. В его строении можно выделять: паттерн, периферию (земли, обладающие всем комплексом признаков, присущих данному государству, но отчуждение которых не ставит под угрозу его существование) и буферные, пограничные территории (лимитрофы), на которых культурно-цивилизационные критерии размыты.

Неонатальная империя возникает на границе средневековья и нового времени. Механизм ее зарождения следующий: обладатель самой большой феодальной вотчины (князь, король, хан и т.д.) различными путями концентрирует под своей властью вотчины других правителей. Пока он захватывает аналогичные территориально-государственные образования (характеризующиеся адекватными этническими, конфессиональными, институциональными параметрами), он строит свое государство (великое княжество, королевство, ханство) как свою большую вотчину.

Но в процессе этих захватов рано или поздно такой правитель подчинит себе земли, населенные чуждыми этносами с иными верой, культурой, политическими и социальными традициями. И тогда встает проблема их интеграции в государственную систему. Кроме того, в процессе консолидации государственного тела молодая держава рано или поздно исчерпает лимит «адекватных земель», и будет покушаться на спорные территории, о которых мечтают соседи. Соответственно, на новый уровень должна выйти внешняя политика: в ней резко возрастает потребность как в четко сформулированных мотивациях политических акций, так и в членстве в разного рода союзах и блоках.

На данном этапе развития государство и превращается в *Н. И.* Это империя-младенец, у которого уже есть все «органы» (институты), но они еще не функционируют, как положено у взрослого человека. Она еще не умеет говорить (не выработаны имперские дискурсы). Она видит мир по-своему, поэтому внешняя политика *Н. И.* неадекватна реалиям геополитического контекста, строится по только ей самой понятным принципам. Она еще не способна организовывать целый ряд направлений своей жизнедеятельности (не выработаны принципы имперской внутренней политики, она реализуется как бы инстинктивно, по традиции). «Способы питания» *Н. И.* (налоговая и социальная политика) мало отличаются от предшествующего этапа развития. Имперские каналы мобилизации необходимых ресурсов еще не сложились. Такому государству сложно организовывать для себя окружающую среду (внешняя политика не соответствует критериям классической империи, а строится по вотчинным принципам удельной эпохи).

Если данное государство не «повзрослеет», то есть не усвоит механизмов функционирования классической империи нового времени — оно не сможет выйти на уровень развития, позволяющий найти решения вышеописанных задач. Тогда *Н. И.* империя умрет как империя, и либо вообще исчезнет с карты, либо продолжит существование как неимперское государство. Очень соблазнительно здесь воспользоваться терминологией Н. Я. Данилевского и назвать народ, не сумевший

создать империю, «этнографическим материалом» (*Данилевский Н. Я*. Россия и Европа: Взгляд на культурные и политические отношения славянского мира к германо-романскому. СПб., 1995. С.75) для других империй. Но подобные определения еще более рискованны, чем биологические параллели.

Если же неонатальная империя повзрослеет, то она преобразуется в империю нового времени. Их отличия заключаются в следующем. В последней осуществлена организация в ее теле внутриимперской среды, то есть структуры «имперский центр — провинции (колонии)» с соответствующей системой управления, налогообложения и судопроизводства. Вырабатываются категории имперской внутренней политики, в числе первых — социокультурная унификация, иерархия этносов, титульный язык. Отработаны пути интеграции этнических элит и механизм формирования политической элиты.

Во внешнем поле империя нового времени обладает легитимизированным статусом великой державы, выполняет на международной арене блокообразующую роль, выступает центром притяжения для некоторых народов и стран. Она ведет имперские войны (отличающиеся от прежних войн своей мотивацией). В ней сформулирован имперский дискурс, в том числе его важнейшая составляющая: ментальные матрицы самопрезентации и самоидентичности. Империя нового времени разработала концептуальные ответы на вопросы о своем соотношении с империями и державами прошлого, о своем месте в современном мире и о своей исторической миссии. Эти ответы отражены в соответствующих идеологических и историографических произведениях. Наконец, она населена подданными империи с соответствующим мировоззрением, спецификацией и самоидентификацией.

В *Н. И*. эти качества еще не оформлены, они только в потенции.

Литература*:*

Филюшкин А. И. Проблема генезиса Российской империи // Новая имперская история постсоветского пространства: Сборник статей: (Библиотека журнала “Ab Imperio”) / Ред и сост.: И. Герасимов, С. Глебов, А. Каплуновский, М. Могильнер, А. Семенов. Казань: Центр исследований национализма и империи, 2004. С. 375-408; Филюшкин А. И. Московская неонатальная империя: к вопросу о категориях политиче-ской практики // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2009. Сер. 2: История. Вып. 2. С. 5-20.

НИДЕРЛАНДЫ, КОЛОНИИ

Нидерланды, колонии – совокупность заморских по отношению к Нидерландам территорий, находившихся в колониальной зависимости от метрополии и образовывавших в XVII-XX вв. Нидерландскую колониальную империю, также известную как Голландская из-за не вполне корректного перенесения понятия Голландия (изначально – одна из провинций Нидерландов) на всё государство исторических Северных Нидерландов.

Нидерландская империя образовалась в результате торговых, колониальных, научно-исследовательских экспедиций в первой половине XVII в. и быстро расширялась. За свою историю Нидерландская империя включала множество территорий во многих частях мира, самыми важными из которых были владения в Индонезии и Карибском бассейне.

Нидерландская Индия (Индонезия).

Первые экспедиции к индонезийским островам были предприняты нидерландцами в 1596 г., когда путешественники достигли острова Суматра. Новые экспедиции состоялись уже в 1598 г. Несмотря на их эпизодический характер,

голландцам удалось установить экономические контакты с населением, сопровождавшиеся многочисленными эксцессами. Уже в 1601 г. произошли столкновение голландцев с конкурирующими португальцами из-за остовов, а после 1604 г. стало наблюдаться активное англо-голландское соперничество, выросшее из негласного союз против португальцев. Противостояние с англичанами длилось до 1623 г., когда из-за Амбонской резни (казни английских купцов) те вынуждены были уйти с архипелага. Быстрым успехам голландской колонизации способствовал Ян Питерсон Кун, назначенный в 1613 г. главой голландской фактории в Бантене и ставший фактически руководителем дел компании на Яве. Благодаря энергичной деятельности Куна голландцам удалось поставить под свой контроль торговлю пряностями Индонезийского архипелага. В 1617/8 г. Кун получил назначение генерал-губернатором Голландской Ост-Индии. При нём на месте разрушенной в 1619 г. Джаякерты был основан форт Батавия (названный в честь батавов – предков голландцев), чьё название с 1621 г. получил и выросший вокруг форта город, ставший центром Голландской Ост-Индии. В течение 1620-1660-х гг. произошло утверждение торговой монополии Нидерландов в Индонезии благодаря устранению конкурентов и упрочнению своего влияния в регионе. При этом средства достижения торговой монополии зиждились на грубом, неприкрытом насилии. Так после захвата Молуккских остров в 1638-56 гг. и Малакки в 1641 г. в результате Молуккских войн голландцы добились монополии на экспорт пряностей и импорт своих товаров на большинстве островов. Во второй половине XVII в. Нидерланды перешли к прямым захватам в Индонезии, что не могло не вызвать недовольства у местного населения, самым известным проявлением которого стало антиколониальное движение Сурапати (рубеж XVII – XVIII вв.), национального героя Индонезии. Он смог на востоке острова Явы возглавить независимое государственное образование, долгое время оказывающее сопротивление колонизаторам. Несмотря на гибель Сурапати в бою в 1706/7 гг., его наследники оказывали сопротивление голландцам до 1719 г., а партизанская борьба продолжалась на востоке Явы до 1760-х гг. В целом в XVIII в. в связи с опасением конкурентов голландцы продолжали активную экспансию на т.н. внешних островах. Тогда же в середине XVIII в. после полного подчинения Явы окончательно сформировалась административная, судебная и налоговая система голландского колониального управления.

Важнейшим звеном управления колонии в Индонезии стала основанная в 1602 г. нидерландская ост-индская компания (НОИК). Изначально она была чисто коммерческим торговым предприятием, наибольшее влияние в котором имела олигархией крупных городов, прежде всего Амстердама. Но вскоре НОИК взяла на себя функции колониальной власти, от имени метрополии распоряжаясь судьбами Индонезии. С 1670-х гг. НОИК стала активно вмешиваться в дела независимых яванских государств, окончательно покорив остров к 1777 г. Уже с конца XVII в. НОИК представляла из себя территориальную державу, основанную на крепостнической эксплуатации яванского крестьянства. Начало эксплуатации Индонезии НОИК началось с монопольной внутренней торговли, для сохранения которой применялись наказания местных жителей. Вскоре были основаны плантаций – перкениры. С конца XVII в. расцвела крепостническая эксплуатация яванского крестьянства. В 1677 г. стала применяться практика принудительных поставок продуктов местным населением НОИК, а в XVIII в. началось насильственное внедрение культур, пользующихся повышенным спросом в Европе. Так с 1711 г. в Индонезии стал выращиваться кофе, монополию на который НОИК получила в 1723 г. Объём произведённой продукции быстро рос (1711 г. – 100 фунтов, 1732 – 12 млн. фунтов). Другими внедряемыми насильственно культурами являлись сахарный тростник, индигоноска, хлопчатник. При этом уровень

производства сельскохозяйственных культур, выращиваемых на экспорт регулировался зависимости от цен, не учитывая интересы самих производителей (крестьян).

В целом НОИК широко применяла методы косвенного управления захваченными территориями при помощи их прежних феодальных правителей. Во второй половине XVIII в. возросла роль китайцев. Китайский капитал занял место посредника между колониальной властью и населением. При этом капиталистические отношения как таковые не развивались. Показательно, что к концу XVIII в. европейцы мало контактировали с местным населением, поэтому оно оказалось вне культуры и ценностей европейцев. Их общая численность в это время составляла лишь около 10 тыс. чел.

Постепенно, в условиях капиталистического развития Европы НОИК становится уже анахронизмом и постепенно приходит в упадок. Он выражался в падении прибыли, росте расходов на военные операции, повальной коррупции, которая была настолько масштабной, что даже пришлось вводить налог на взятки. Активно процветала контрабандная торговля. Окончательный удар НОИК был нанесён Четвёртой англо-голландской войной 1780-1784 гг., которая продемонстрировала уязвимость владений компании и обернулась финансовой катастрофой. По итогам войны британцы получили право на свободу плаванья в водах НОИК. В метрополии начались споры о судьбе НОИК, которые только усилились с началом революционных и наполеоновских войн. Колонии Нидерландов по-прежнему были крайне уязвимыми для ударов англичан, чем те и пользовались. Тем временем 29 декабря 1795 г. был ликвидирован совет семнадцати, вместо него появился правительственный комитет по делам ост-индской торговли и владений. В 1798 г. было принято решение о ликвидации компании, что и произошло 31 декабря 1799 г., когда активы и долги компании перешли к государству. Эти изменения, однако, не могли помешать лидерству Великобритании на морях и продолжавшимся захватом ею нидерландских владений.

В 1802 г. была образована комиссия нидерландского правительства по выработке принципов управления колонией. По итогам её работы в 1803 г. появилась хартия Азиатских владений, в соответствии с которой сохраняются старые принципы ОИК. Но несмотря на эти меры, кризисные явления продолжились. При этом внутренние проблемы накладывались на внешнеполитические события. Так в ходе революционных войн почти все азиатские колонии Нидерландов были захвачены англичанами, но по Амьенскому миру они были возвращены. Однако с возобновлением войны англичане достаточно быстро смогли вновь оккупировать все нидерландские владения, за исключением Явы. Долгая оборона этого острова стала возможной благодаря энергичной деятельности назначенного в 1808 г. в чине маршала Г.В. Данделса. Он смог заставить яванских регентов – феодалов из местного княжеского рода, управлявших округами – в обмен на весомое вознаграждение от правительства подчиниться требованиям метрополии. Притом сумма вознаграждения зависела от урожая в системе принудительных экспортных культур. Контроль за регентами осуществляли префекты округов, или резиденты – колониальные чиновники, которым реально принадлежала власть. Но несмотря на долгое сопротивление в 1811 г. англичанам всё равно удалось оккупировать территорию Явы. Впрочем, большой заинтересованности в новом владении они не проявили, за исключением губернатора Томаса Раффлза, ратовавшего за систему прямого управления. 13 августа 1814 г. в Лондоне было подписано англо-голландское соглашение о возвращении колоний, по которому Великобритания возвращала Яву Нидерландам, но зато те утратили Цейлон, Капскую колонию, ряд территорий в Южной Америке. В 1815 г. по конституции королевства Нидерландов исключительное право контроля над колониями

принадлежало королю.

Возвращение отнятых колоний затянулось: только в 1816 г. Нидерланды де-факто вернули контроль над своими владениями, притом, что англичане задержались до 1818 г. В течение 1816-1830 гг. в Индонезии шла борьба двух систем – старой «системы торговли» и новой «системы налогообложения», причём метрополия склонялась к старым методам. В 1818 г. утвердили «Положение об управлении», по которому главой колонии становился генерал-губернатор. Ему в помощники давались четыре советника и главный секретарь. В 1816-1824 гг. губернатором Явы был Г.А. ван дер Капеллен. Он усилил власть европейских чиновников, но не смог обеспечить повышения доходов. Так, несмотря на повышение поземельного налога в 1814-1823 гг. с 3,35 до 5,41 млн. гульднов, доходы казны упали с 23,45 до 21,88 млн. гульденов.

Окончательное урегулирование спорных колониальных вопросов с Великобританией состоялось 17 марта 1824 г. при подписании Лондонского договора. В соответствии с ним в обмен на Малакку и другие фактории вне Индонезии Англия отдала Банкулен и Биллитон. Сингапур признавался английским. Стороны гарантировали взаимную неприкосновенность владений и сохранение независимости султаната Аче. В 1824 г. было создано Нидерландское торговое общество – акционерная компания с капиталом в 37 млн. гульденов (из них 4 млн. получено от короля). Обществу даровалась хартия на 25 лет, по которой во главе общества стоял совет из 5 директоров, секретарь и 26 уполномоченных от акционеров. Разрешалось использовать для транспортировки продукции лишь нидерландские суда.

Из-за ущемления метрополией прав местной знати в 1825 г. в султанатах Суракарта и Джокьякарта вспыхнуло восстание, с трудом подавленное к 1830 г. В историю оно вошло как восстание принца Дипонегоро, фактически являясь настоящей народной войной. Боевые действия негативно сказались на показателях колонии: отрицательное сальдо за 1817-1829 гг. составило 40 млн. гульденов; центральная Ява была разорена; погибло 8 тыс. европейцев. Назревал серьёзный кризис колониальной системы, из которого вышли в 1830 г. введением на Яве (а после и на Западе Суматры) «системы принудительных культур». Этот проект был разработан Иоанном ван дер Босом в 1829 г. В 1830 г. он стал генерал-губернатором Явы. С введением «системы принудительных культур» отменялся земельный налог с крестьян, но им вменялось в обязанность принудительно разводить экспортные культуры (кофе, сахарный тростник, индиго, табак и т. д.) и сдавать все продукты правительству по крайне низким ценам, притом проделав первичную переработку продукции. «Система принудительных культур» фактически восстановила существовавшую некогда крепостную систему. Яванская община (Дессе) пятую часть своего орошаемого рисового поля должна была отдать под культуры для европейского рынка. Взамен в качестве поощрения выплачивалась небольшая сумма, похожая на заработную плату. Часть крестьян должна была принудительно трудиться (60 дней в году на главу семьи) на предприятиях по переработке урожая. Система смогла функционировать лишь благодаря привлечению местной феодальной верхушки: её введение обеспечивалось регентами-индонезийцами, лишившимися земли, но зато получавшими так называемый «культурный процент». Должность регента была наследственной. Фактически яванские феодалы стали звеном колониального управления.

Эта система государственно-крепостнической эксплуатации была тяжело воспринята яванскими крестьянами так как обрекала их на непосильный труд и лишала возможности возделывать необходимые продовольственные культуры. Ситуация усугублялись высокими таможенными пошлинами на импортные товары, государственной монополией на соль и т. д. Деятельность частного капитала

(включая голландский) фактически исключалась. Так на 1856 г. из живших на Яве 20 тыс. европейцев лишь 608 занимались частным бизнесом.

Экспортом сельскохозяйственной продукции занималось НТО, принося доход в казну и дивиденды. К 1840 г. экспорт составил уже 666,1 млн. гульденов. Колониальная экономика обеспечивала рост отраслей промышленности Нидерландов, обслуживающих колонии, таких как судостроение и производство сельскохозяйственной техники. Доходы казны устойчиво росли, составив в 1851 – 1860 гг. 267 млн. гульденов (31% общих поступлений).

Несмотря на повсеместное распространение «системы принудительных культур», её показатели отличались от плановых в меньшую сторону. Так к 1845 г. реально лишь 6% всех культивируемых земель было отведено под эти культуры, хотя по регионам и наблюдались сильные колебания (1-12%). Тогда в систему было вовлечено не более половины населения. Сельскохозяйственный налог так и не был отменён, хотя вознаграждение платили исправно и оно было выше налога (так вознаграждение и налог составляли в 1840 – 10 и 7 млн.; 1850 – 11 и 8 млн.; 1860 – 14 и 10 млн.).

В середине XIX в. в метрополии серьёзно усилились либеральные идеи, касательно колониального управления. Это объяснялось ростом либеральной оппозиции против системы культур из этических и меркантильных соображений. Либералы призывали допустить в колонии частников, что тормозилось скандалами с частными контрактами. В 1849 г. король вынужден был поделиться своей огромной властью в колониях с Генеральными штатами. Всё чаще звучала критика «системы принудительных культур» и способов эксплуатации колоний. Огромное влияние на общественное мнение метрополии оказал роман «Макс Хавелаар, или кофейные аукционы Нидерландского торгового общества», написанный Эдуардом Дауэсом Деккером, больше известным как Мультатули. В 1860 г. либералы стали правящей партией и в период правления министра Торбеке (1862-1866) отменили ряд принудительных культур (пряности, индиго, чай, табак). В 1864 г. был принят закон об отчётности, по которому ежегодный бюджет Индонезии должен был утверждаться в Генеральных штатах.

Долгожданная отмена «системы принудительных культур» началась в 1870 г. после принятия Сахарного и Аграрного законов. Первый значительно сократил посевные площади, принудительно занятые сахарным тростником. По Аграрному закону земля была поделена на «несвободную», обрабатываемую местным населением, и «свободную», необрабатываемую. Государственной собственностью объявлялась большая часть земель в Индонезии, но при этом тот, кто не смог доказать право своей собственности на землю получал возможность её арендовать. Так за крестьянскими общинами и индивидуальными хозяйствами признавалось наследственное владение обрабатываемыми ими землями. Все свободные земли можно было отдавать в наследственную аренду частным лицам любой национальности и компаниям на срок до 75 лет. Плантаторы же «с согласия местных жителей» могли арендовать и земли крестьянских общин на срок до 25 лет. Для исключения земельных споров предписывалось проведение межевания. В итоге в 1870 г. принудительные культуры отменили повсеместно и почти полностью, за исключением кофе (сохранилось в этом статусе до 1917 г.). К 1890 г. всё сельскохозяйственное производство перешло в частные руки. Отмена принудительных культур открыла дорогу инвестициям: иностранный капитал устремился в развивавшееся плантационное хозяйство и горнорудную промышленность. Этому способствовали закон 17 ноября 1872 г. о новых тарифах и отмена с 1874 г. дифференцированных пошлин. В 1880-х гг. были приняты меры по отмене разных принудительных работ, но реально трудовая повинность просуществовала на Яве до 1902 г., а на других островах ещё дольше. Кули

пытались поставить в рабское положение. Поводя итог существованию «системы принудительных культур» стоит сказать, что она принесла огромные прибыли метрополии: 473 млн. гульденов в 1849-1866 гг. и 900 млн. за всё время её существования с 1830 г.

В 1874 г. министр колоний ванн де Пютте унифицировал административное деление и управление: отныне резидентство делилось на отделения (афдеелинги) равные регентству. Во главе их были поставлены ассистент-резиденты. Обязательной стала должность патиха – заместителя регента. С 1872 г. в административную иерархию были включены контролёры.

Тем временем в 1860 гг. происходило расширение прямых владений Нидерландов в Индонезии. В 1870 г. англичане согласились на признание прав голландцев над Сииаком и Аче. Для урегулирования англо-нидерландские противоречия в регионе в 1871 г. в Гааге был подписан Суматранский договор, по которому Индонезия становилась открытой колонией для британского капитала, а взамен Великобритания допускала расширение подконтрольной голландцам территории, прежде всего за счёт независимого султаната Аче на Суматре. Его завоевание началось в 1873 г. и вылилось в тяжёлую Ачехскую войну, проходившую в четыре этапа: 1873-1874; 1874-1880; 1881-1896; до 1914 г. Этот конфликт унёс жизни свыше 250 тыс. человек. Для скорейшего замирения региона с 1898 г. по инициативе губернатора Аче Й.Б. ванн Хэютса и учёного востоковеда К.С. Хюргронье нидерландская администрация стала заключать с правителями Аче т.н. «Краткие заявления», состоявшие из трёх условий. Они включали признание ачехских территорий частью Нидерландской Индии, обязательство их правителей не вступать в политические связи с иностранными державами, обязательство выполнять распоряжения колониальной администрации. Взамен метрополия гарантировала им статус самоуправляющегося княжества. К 1920 г. было заключено 267 таких договоров.

На середину 1890-х гг. пришёлся конец эры невмешательства, когда началась широкая голландская экспансия непокорённых островах Индонезии. К началу XX в. нидерландские экспедиции завершили подчинение остававшихся независимыми территорий во всей стране. Во главе этого процесса стояли решительные люди: министр колоний И.Т Кремер, генерал-губернатор Нидерландской Индии К.Х. ванн дер Вейк. Но из-за слабости Нидерландов в военном и экономическом отношении они вынуждены были проводить в своей колонии политику «открытых дверей», дававшую возможность капиталу других колониальных стран участвовать в экономической деятельности в Индонезии. Ввоз иностранного капитала, проникновение монополий и иностранных банков постоянно возрастали. Наиболее крепкие позиции в стране после самих Нидерландов занимала Великобритания. Не случайно в начале XX в. была основана крупнейшая англо-голландская нефтяная монополия «Ройял датч-Шелл», ставшая эксплуатировать богатейшие запасы нефти Индонезии. В целом с 1900 по 1914 гг. доля иностранного капитала в Индонезии удвоилась, достигнув 750 млн. долл. При величине нидерландских инвестиций лишь в 314 млн. долл. Основные вложения пришлись на плантационное хозяйство (выращивались сахар, чай, табак, куучук). Также капиталы шли на развитие горнодобывающей промышленности (эксплуатировались месторождения олова, нефти, угля). Наиболее крупными и известными внутренними монополиями Индонезии стали Яванский сахарный синдикат, Всеобщий сельскохозяйственный синдикат. Основным торговым партнёром колонии в этот период являлись метрополия и Великобритани, причём доля первой сокращалась. Сохранялась огромная роль государства в экономике.

В социальной сфере в это время происходило рождение национального пролетариата и буржуазии, наблюдалась повышенная активность крестьянства из-за

падения его жизненного уровня, вызванного пауперизацией населения. При этом крестьянские волнения приобретали религиозную, мессианскую окраску (популярны предания о мессии, саминизм). Развитие капиталистических отношений в колонии переплеталось с докапиталистическими формами. Становление национальной буржуазии шло крайне медленно. Но несмотря на это в Индонезии создавались предпосылки для складывания народностей в нации, шёл процесс становления общеиндонезийского самосознания. Выразителями этого процесса выступали главным образом представители интеллигенции из мелкобуржуазной среды.

В 1901 г. к власти в Нидерландах приходит «христианская коалиция» во главе с лидером Антиреволюционной партии А. Кюйпером. В колониальном вопросе был взят так называемый этический курс, разработанный при участии Питера Броосхофта и Конрада ван Девентера. В нём впервые обращалось внимание на положение коренного населения страны, но вопрос об отделении Индонезии от метрополии не стоял. Инициаторы и проводники этого курса декларировали следующие задачи: повышения благосостояния местного населения; децентрализация управления; развитие образования и здравоохранения. Преобразования должны были проводиться по лозунгами «образование; ирригация; переселение». При этом решение социального вопроса должно было обеспечиваться за счёт самих колоний.

В целом демагогическая составляющая этического курса была огромна, зато реальные результаты оказались весьма скромными. В 1903 г. принимается закон о децентрализации, по которому образовывались советы в городах и резидентствах Явы, а с 1917 г. – и городские советы во внешних провинциях. В 1905 г. Нидерланды простили долг Индонезии в 49 млн. гульденов. При этом вывоз капитала из колонии составил 700 млн. гульденов, ввоз – 500 млн. Стали эксплуатироваться новые богатства: олово, уголь, нефть, каучук. Неслучайно, в 1914 г. эта колония давала 10% национального дохода Нидерландов.

В начале XX в. в Индонезии наблюдается повышение национального самосознания, прежде всего среди интеллигенции. Происходит её радикализация, так как все притеснения стали ощущаться остро. Наиболее громко звучали идеи против феодального гнёта и за эмансипацию женщин Раден Адженг Картини. Знаменем освобождения стал Абдул Риван – первый доктор медицины в Европе, выходец из индонезийцев. 20 мая 1908 г. была создана первая национальная организация «Буди утомо» («прекрасное стремление»), первоначально носившая культурно-просветительный характер, стремящаяся помочь простому народу. Она имела черты постоянной организации, отличалась умеренностью требований и лояльностью к властям, её языком общения стал малайский. Рост национального самосознания проявился и в попытках торгово-промышленной буржуазии сплотиться ради защиты своих интересов. Неслучайно возникший в 1911 г. на Яве Союз исламских торговцев, изначально созданный для борьбы с китайским капиталом, быстро превратился в массовую организацию Сарекат ислам (Мусульманский союз), численность которой к 1913 г. достигла 360 тыс. чел. Вскоре эта организация стала отражать общенациональные демократические интересы народа. В 1912 г. индоевропейцами (метисами) и передовыми индонезийскими интеллигентами была создана Индийская партия во главе с Д. Деккером, выступавшая с общеиндонезийских позиций и первая поставившая вопрос о независимости страны. Стоит отметить появление многочисленных этнических союзов, отражавших интересы локальных групп населения.

Как и многие страны, в 1918-1921 гг. Индонезия испытала подъём национального и революционного движения, что проявилось в массовом стачечном движении и крестьянских волнениях. Наблюдался рост профсоюзов. Брожение

коснулось армии и флота вплоть до попытки организации советов. 23 мая 1920 г. на базе ИСДФ выделилась коммунистическая партия Индонезии (КПИ), сразу же ставшая одной из самых активных антиколониальных сил. После этого в Сарекат исламе развернулась борьба за руководство между буржуазными и коммунистическими. В течение 1921-1923 гг., во многом из-за разных подходов к религии, произошёл раскол Сарекат исламе. Секции, находившиеся под влиянием компартии, вскоре образовали Сарекат райат (Союз народа). Сарекат исламе, преобразованный в политическую партию, всё более терял массовую базу. Максимальных успехов КПИ достигла к 1925 г., когда она считалась самой радикальной антиколониальной партией. По многим идейным позициям КПИ была левее Коминтерна, взяв вопреки реальной ситуации в 1924 г. нереалистический курс на социалистическую революцию. Такая позиция КПИ привела к ответным репрессиям властей с 1925 г., которые породили раскол в среде левых сил. В этих условиях КПИ предприняла в ноябре 1926 г. попытку восстания на Яве, которое, однако, оказалось разрозненным, а потому неудачным. Начавшееся уже после расправы на Яве вооружённое восстание на Западной Суматре (январь 1927 г.) было также быстро подавлено. Жестокое подавление этих выступлений привели к протестам мировой общественности. КПИ подверглась разгрому, а связанные с ней профсоюзы и организации были запрещены. Но процесс строительства новых антиколониальных группировок продолжался. Началось выдвижение будущих лидеров независимой Индонезии. Несмотря на неудачу, это восстание характеризуется как первое крупное антиколониальное выступление, значимым итогом которого стал отход от радикализма в антиколониальном движении. В целом, после 1926-1927 гг. в индонезийском национальном движении оформились следующие течения: правое, умеренно-реформистское крыло, либерально-реформистское крыло и левое крыло. В 1927 г. возникла Национальная партия во главе с Сукарно. Выдвинутая партией задача достижения независимости и улучшения положения народа, попытки опереться на трудящихся обеспечили быстрый рост её влияния в массах. В 1929 г. власти арестовали Сукарно и его сторонников. В 1930 г. Национальная партия была ликвидирована, но в 1931 г. возродилась под названием Партия Индонезии (Партиндо), став наиболее популярной партией. В годы экономического кризиса программа Партиндо приобрела большую социальную направленность. В 1933 г. в своей брошюре «За свободную Индонезию» Сукарно заложил основы будущих «Панча сила» («Пять принципов») и теории «мархаэнизма» (от «мархазн» – простой человек). Идеология «мархаэнизма», основанная на национализме с элементами социализма, предлагала единство национальных, религиозных и коммунистических составляющих общества и неразрывно была связана с борьбой за независимость Индонезии. При этом стоит отметить эклетизм учения и произвольное толкование многих идей. В 1937 г. представители буржуазии и коммунисты создали массовую патриотическую организацию Движение индонезийского народа (Геракан ракьят Индонесия; Гериндо). По её инициативе совместно с другими политическими силами был образован Индонезийский политический союз (Габунган политик Индонесия, ГАПИ). В обстановке роста угрозы распространения в Европе и Азии фашизма и японского вторжения ГАПИ, отстаивая национальные интересы и требуя самоуправления и демократии, готов был сотрудничать с властями Нидерландов. Но представители метрополии не желали даже на малейшие уступки национальному движению. Впрочем, в целом из-за указанных выше внешних факторов во второй половине 1930-х гг. антиколониальная борьба снизилась.

Несмотря на нейтралитет Нидерландов в Первой мировой войне в Индонезии произошло ухудшение основных экономических показателей. Это привело к активизации национальных сил. В этих условиях власти метрополии вынуждены

были пойти на уступки местному населению. Так в 1915 г. ему было предоставлено право на собрания и союзы; состоятельные индонезийцы смогли принять участие в городских/муниципальных выборах; в некоторых учреждениях колонии было уравнено жалование голландских и индонезийских чиновников; индонезийцы получили возможность получения высоких офицерских постов. В декабре 1916 г. было провозглашено создание фолькраада – «народного совета», состоящего из 39 человек (15 из которых были индонезийцами, 10 из них – выборными; остальные приходились на европейцев, китайцев, арабов). Официально открытие «народного совета» состоялось 18 мая 1918 г. Несмотря на ограниченные функции этого фактически совещательного органа, он стал использоваться национальными силами как трибуна для критики системы.

После Первой мировой войны власти метрополии решились на проведение политики децентрализации системы управления, базировавшейся на идее создать правление во главе с губернатором, при котором действовали бы провинциальные и резидентские советы. Всего было создано три провинциальных совета по числу провинций. В 1925-1927 гг. на Яве были ликвидированы резидентские и созданы регентские советы. Тогда в стране насчитывалось 3 провинции и 76 регентств, причём на провинциальном уровне в советах над индонезийцами доминировали европейцы, китайцы и арабы. К 1930-м гг. было образовано и 32 городских совета. В 1927 г. фолькрааду формально предоставили законодательное право, однако оно было ограничено правом вето генерал-губернатора и необходимостью утверждения бюджета колонии генеральными штатами метрополии. В целом в межвоенный период нидерландская колониальная политика оставалась негибкой, несклонной к компромиссам. Индонезийцы составляли менее 7% всех чиновников, никто из них не стал регентом и ассистент-регентом. Власти метрополии не желали поступаться ничем всерьёз в пользу нарождающейся новой элиты индонезийского общества.

Экономическое развитие Индонезии в период между Первой и Второй мировыми войнами характеризовалось продолжением политики открытых дверей. Хотя основные (75%) инвестиции принадлежали метрополии, иностранный капитал вкладывался весьма активно (Великобритания – 13%, США – 3%, Япония – 1%). Благодаря благоприятной конъюнктуре до конца 1920-х гг. экономика Индонезии была на подъёме. Наблюдался устойчивый спрос на кофе, табак, чай, пряности, а также нефть и олово, чья добыча постоянно росла (7,5 млн. тонн нефти в 1938 г. в сравнении с 1,5 млн. в 1913 г.). Другими полезными ископаемыми, добываемые в колонии были уголь, золото, серебро, марганцевая руда, сера, йод, фосфориты, началась добыча никеля. Однако основным объектом эксплуатации было сельское хозяйство: в этот период наблюдался бурный рост плантационного хозяйства. На начало 1930-х гг. четверть лучшей обрабатываемой земли принадлежало иностранному капиталу. На первом месте по производству стоял каучук, на втором – сахар. В связи с повышением спроса наблюдался рост производства пальмового масла и таких культур как табак, чай, кофе, кора хинного дерева. По прежнему основной хозяйственной территорией оставался остров Ява, вслед за ним активно развивалась Суматра. Наблюдалось и развитие инфраструктуры. Все эти позитивные факторы привели к огромному положительному торговому сальдо, которое в 1911-1915 гг. составляло 235 млн. гульденов, в 1916-1920 гг. – 650 млн., в 1921-1925 гг. – 600 млн. Только за один 1928 г. метрополия извлекла из колонии прибыль в 320 млн. долл. Негативным фактором экономического развития Индонезии стала огромная зависимость страны от мировой конъюнктуры на её экспортные товары. Рост экономики сопровождался на Яве пауперизацией крестьянства и обезземеливанием, хотя на внешних островах имелась система аренды из-за огромных площадей свободной земли. При этом предпринимательство среди индонезийцев развивалось крайне медленно и было, в основном,

представлено сферой торговли. Промышленная буржуазия была крайне слаба.

В таких обстоятельствах мировой экономический кризис 1929-1933 гг. сильно ударил по Индонезии. Он привёл к катастрофическому падению цен на экспортные культуры, втрое сократив их стоимость. Это привело к упадку плантационного хозяйства и закрытию многих предприятий, что сопровождалось падением занятости и снижением жизненного уровня населения. Власти искали выход в принудительном регулировании и картелировании. Был введён режим экономии. Удивительным фактом было отсутствие во время кризиса сколь либо серьёзных выступлений рабочих и крестьян. Исключение составили лишь волнения в ВМФ: В 1933 г. произошло крупное восстание на броненосце «Семь провинций», которое было жестоко подавлено. Тяжёлое положение сохранялось до 1938 г., когда начался подъём экономики, во многом связанный с благоприятной предвоенной конъюнктурой. При этом власти Нидерландов предпринимали шаги по ограничению активности Японии на островах, для чего были даже заинтересованы в росте индонезийской национальной промышленности.

Ещё до начала Второй мировой войны японцы вели в Индонезии антинидерландскую пропаганду, эксплуатируя неприязнь местных жителей к европейским колонизаторам. Важно отметить и наличие своей агентуры. С 10 мая 1940 г. власти метрополии ввели в колонии осадное положение, усилили цензуру, запретили массовые собрания. Одновременно звучали обещания реформ. Однако в целом в этот период произошло усиление преследования национальных организаций и их лидеров, что привело к переориентированию части из них на Японию. Стоит отметить, что вооружённые силы в Индонезии были незначительны: там служило лишь 32 тыс. солдат королевской армии Нидерландской Индии и квартировались незначительные англо-американские части. После нападения на Перл-Харбор с 8 декабря 1941 г. Японии начала масштабную агрессию в азиатско-тихоокеанском регионе и уже 10 января 42 г. началось японское наступления на индонезийские острова. Сил для отпора было недостаточно и уже к марту японцы оккупировали Индонезию. Первоначально национальная элита страны имела иллюзии в отношении японцев, но действия новых колонизаторов их быстро развеяли. Неограниченный произвол японских военных, вывоз продовольствия, неприкрытый грабёж жителей, введение трудовых повинностей, ликвидация ненужных в период войны отраслей сельского хозяйства вызвали рост антияпонского движения. Если в первые месяцы оккупации японцы считали достаточным распустить старые колониальные органы власти и ввести вместо них военное правление с делением Индонезии на три зоны, то с конца 1942 г. был взят курс на привлечение к сотрудничеству местных национальных лидеров. Для усиления в Индонезии своей политической опоры, вместо распущенных ранее партий японцы в марте 1943 г. создали единую организацию Пусат тенага ракьят (ПУТЕРА; Концентрация народных сил), а в декабре – Пембела танах аир (ПЕТА; Добровольческая армия защитников отечества, где индонезийцы были допущены к командным должностям). Несмотря на все эти меры, положение японцев было непрочным и постоянно ухудшалось. Так уже в 1942 г. вспыхнуло восстание крестьян в Тапанули (Суматра), затем сопротивление только нарастало. Возникали и тайные организации Сопротивления, причём, несмотря на малочисленность воссозданной в подполье КПИ, коммунисты были в первых рядах Движения Сопротивления.

Ухудшение положения Японии на фронтах войны вынуждало её власти идти на новые уступки, вроде расширения участия индонезийцев в административном аппарате, создания в апреле 1945 г. Комитета по изучению вопроса о независимости. Но антияпонское движение стало настолько мощным, что местные патриоты, используя легальные выступления, вели открытую пропаганду требования

немедленного предоставления независимости стране. На первом заседании Комитета по изучению вопроса о независимости 1 июня 1945 г. Сукарно выступил с большой программной речью, впоследствии получившей название «Рождение Панча сила». В ней требование немедленной независимости сочеталось с изложением «пяти принципов» организации будущего независимого государства. Эти принципы: национализм; интернационализм или гуманизм; дискуссия или демократия; социальная справедливость; вера в бога. Эти принципы стали платформой объединения для всех патриотических сил. Японские власти вынуждены были создать Комитет по подготовке независимости во главе с Сукарно. Спустя два дня после вступления СССР в войну с Японией, главное командование в Юго-Восточной Азии объявило о даровании Индонезии независимости с 24 августа 1945 г. Однако разгром советскими войсками Квантунской армии и принятие 14 августа Японией условий капитуляции дали возможность представителям индонезийских патриотических сил (Сукарно, Хатта) уже 17 августа провозгласить от имени народа независимость страны.

Уже 18 августа была принята первая конституция на основе принципов панча шила. В соответствии с переходными постановлениями до образования конгресса и парламента власть должна была осуществляться президентом при помощи центрального национального комитета. В тот же день Комитет по подготовке независимости избрал президентом Сукарно и вице-президентом М. Хатта. Однако мирного развития нового независимого государства не случилось. В сентябре 1945 г. возникла угроза военной интервенции: в Джакарте (Батавии), где высадились англо-индийские войска, формально предназначавшиеся для разоружения японских сил, но реально содействовавшие восстановлению голландской колониальной администрации и высадке голландских войск. В ноябре 1945 г. действия английских войск приобрели характер агрессии и объяснялись солидарностью колониальной державы, которая имела проблемы с национально-освободительным движением. Нидерланды же не отказались от стремления восстановить своё господство в Индонезии, для чего хотели разделить народ Индонезии, но антиколониальные настроения были везде сильны. Борьба за независимость объединила основные, хотя и пёстрые социальные силы: основанную в ноябре 1945 г. на принципах ислама партию Машуми, воссозданную в январе 1946 г. Национальную партию, основанную в ноябре 1945 г. Народную социалистическую партию; немногочисленную КПИ и разные социалистические партии.

Ослабленные гитлеровской оккупацией, неготовые к ведению полномасштабной колониальной войны, скованные мировым общественным мнением Нидерланды с октября 1945 г. вынуждены были вступить в переговоры с индонезийцами. Итоговые соглашения (Лингаджатские) были парафированы 15 ноября 1946 г., а подписаны 25 марта 1947 г. По их положениям Нидерланды де-факто признали республику в границах Явы, Мадуры, Суматры. Оккупированные районы этих островов подлежали возвращению республике, которая вместе с созданными на других островах под контролем колонизаторов автономными «государствами» должна была образовать федеративное государство Соединённые Штаты Индонезии (США), входящее в Нидерландско-Индонезийский Союз. Однако это соглашение являлось лишь временным компромиссом, не устраивающим обе стороны. Уже в июле 1947 г. Нидерланды начали открытую войну против Республики Индонезия. Успехи армии Нидерландов не были прочными, одновременно на метрополию оказывалось давление со стороны мировых антиколониальных и демократических сил, что вынуждало её принять попытки мирового сообщества урегулировать ситуацию через ООН. Впрочем, перевес в ООН мнения колониальных держав позволил добиться создания «Комиссии добрых услуг» по Индонезии, под нажимом которой 17 января 1948 г. правительство

Шарифуддина вынуждено было подписать крайне тяжёлое Ренвильское соглашение. Это соглашение было негативно воспринято индонезийским обществом и привело к падению кабинета: вместо Шарифуддина его возглавил вице-президента Хатта. В целом в этот период политическая ситуация характеризовалась поляризацией в связи с повышением влияния коммунистов. 19 декабря 1948 г. Нидерланды начали Вторую колониальную войну. Уже в декабре временная столица и важнейшие центры республики были захвачены, президент Сукарно и большая часть членов правительства арестованы и вывезены с Явы. Но это вызвало лишь усиление сопротивления индонезийского народа, развернувшего партизанскую войну. Активную поддержку борьбе нидерландского народа выражало мировое общественное мнение, под давлением которого Нидерланды вынуждены были вернуть правительство в Джокьякарту и согласиться на созыв конференции «Круглого стола». Конференция состоялась в Гааге с 23 августа по 2 ноября 1949 г. с представителями Республики Индонезия и государственных образований, созданных под своим контролем территории архипелага. В соответствии с решением конференции 27 декабря 1949 г. Индонезия получала суверенитет и становилась федеративным государством – Республикой Соединённых Штатов Индонезии (США), в которую вошли Республика Индонезия и 15 марионеточных государственных образований. При этом Нидерланды добились включения в эти соглашения ряда условий, ущемлявших суверенитет США в области внешней политики, экономических связей и обороны. Вопрос о Западном Ириане, на воссоединение которого с Индонезией Нидерланды не желали согласиться, остался открытым. Впрочем, расчёты колонизаторов на сохранение кабальных соглашений конференции «Круглого стола» не оправдались. Стремление индонезийского народа к созданию единого независимого государства привело к добровольному слиянию штатов с республикой и в августе 1950 г. США превратились в унитарную Республику Индонезия, что было закреплено во временной конституции. Нидерландско-индонезийский союз был расторгнут в 1954 г., а окончательно прекратил своё существование в 1956 г.

Проблема Западного Ириана была окончательно решена в начале 1960-х гг. К тому времени лозунг освобождения этой территории был очень популярен в Индонезии. В августе 1960 г. дипломатические отношения с Нидерландами были разорваны. Угроза освободить Западный Ириан силой сопровождалась военной подготовкой и широкой пропагандой и в итоге воплотилась в боевых действиях в 1961-1962 гг., которые были прекращены под давлением США и СССР. В 1962 г. было достигнуто соглашение с Нидерландами о постепенной передаче Западного Ириана под управление республики: колония сперва перешла под эгиду специального комитета ООН, а с 1 мая 1963 г. на ней расположилась администрация Индонезии. Окончательно переход Западного Ириана в состав Индонезии был оформлен по итогам проведённого в августе 1969 г. референдума в Индонезии.

Вест-индские владения.

Вест-индские колонии Нидерландов обычно разделяют на две части: материковую, состоящую из Суринама (Нидерландская Гвиана) и Нидерландские Антильские острова (6 штук). Первые представители Нидерландов в Суринаме появились ещё в 1551 г., однако они не смогли там укрепиться. Уже с конца XVI в. в колонии хозяйничали испанцы, с 1630 г. – англичане, и лишь с 1667 г. – вновь голландцы. В 1682 г. Суринам был передан Вест-индской компании, основанной в 1621 г. Основой экономики колонии долгое время являлись плантации сахарного тростника, обрабатываемые чернокожими рабами из африки. Большой доход предприимчивым нидерландцам приносила и работорговля. Жестокие условия труда на плантациях приводили к многочисленным восстаниям и побегам рабов, которые могли укрыться в лесных районах Суринама. Сила и численность беглых

рабов была настолько велика, что в 1780 г. так называемые «лесные негры», бывшие рабы, добиваются самостоятельности и признаются свободными людьми. В 1798 г. происходит ликвидация Вест-индской компании, одновременно начинается и упадок плантационного хозяйства. Запрет на работорговлю в Великобритании и США в 1807 и 1808 гг. соответственно, а также в Индонезии в 1814 г. серьёзно ударяют по всей плантационной системе в Суринаме, хотя рабство как институт сохраняется. В эти годы наблюдалась и контрабанда «живого товара». Дальнейшее ухудшение положения произошло в течение 1834-1848 гг., когда рабство было отменено в соседних Британской и Французской Гвианах. В итоге после долгих дебатов 1 июля 1863 г. рабство было отменено и в Нидерландской Гвиане. Освобождению подлежало 38,5 тыс. рабов, причём их владельцам выплачивалась суммарная компенсация в размере 12 млн. гульденов за счёт государства.

Важно отметить, что ещё в 1860 г. Суринам приобрёл официальный статус колонии, состоявшей теперь из 9 провинций и управляемой генерал-губернатором при помощи совета (колониальные штаты) из землевладельцев. После отмены рабства колония столкнулась с серьёзной проблемой нехватки рабочей силы, для восполнения которой применялся наём индийских кули (обычно на основе пятилетних контрактов), при этом в 1869 г. был введён официальный запрет на привлечение дешёвых рабочих из Китая. Плантационная система тогда находилась в таком упадке, что на 1890 г. действовало всего лишь 16 плантаций, где выращивались сахарный тростник, кофе, какао, батат. В 1874 г. было найдено золото. В целом, на начало 1890-х гг. территория вест-индских колоний Нидерландов достигла около 200 тыс. квадратных километров, в которых проживало 70 тыс. чел. в Суринаме и 50 тыс. чел. на островах. При этом большая часть Суринама оставалась неосвоенной, 90% населения жило на побережье.

Открытые испанцами Нидерландские Антильские острова суммарной площадью 1000 квадратных километров перешли к нидерландцам в 1630-40 гг. Ещё долгое время они часто оккупировались другими державами, но в 1816 г. окончательно отошли к Нидерландам. Эти острова также служили базами для пиратов и традиционно отличались пёстрым составом населения. Губернатор островов имел свою резиденцию на острове Кюрасао; в управлении ему помогал административный совет из 4 членов, колониальные штаты и верховный суд. Важнейшими островами НАО были Кюрасао, Аруба, Наветренные острова. До отмены в 1863 г. рабства территория была центром работорговли в Карибском бассейне. На начало XX в. основными статьями экспорта островов были: дивидиви (пигмент), апельсиновая цедра, алоэ, козьи шкуры и соль, древесина, кирпич, известь, животные.

После открытия в начале XX в. месторождений нефти в Венесуэле, англо-голландская компания «Ройял Датч-Шелл» построила в 1916 г. на Кюрасао крупный завод по переработке нефти. Отныне переработка венесуэльской нефти стала основой экономического развития Нидерландских Антильских островов. А в 1915 г. в Суринаме были открыты огромные залежи бокситов, и в 1927 г. было построено первое крупное предприятие по их добыче (продукция находила спрос в США). В 22 г. состоялось официальное присоединение территории островов к королевству Нидерландов.

Как и в других колониях, после Второй мировой войны в вест-индских владениях Нидерландов обострилась борьба за независимость. В Суринаме проявлял активность «Союз суринамцев», но несмотря на его деятельность владычество метрополии сохранялось. С 1948 г. в употребление вводится понятие Нидерлландские Антилы. С 1954 г. Антильские острова стали пользоваться внутренней автономией в составе Королевства Нидерландов. В 1959 г. был принят новый устав королевства, по которому Нидерланды становятся королевством трёх

равных партнёров: Суринама, Нидерландов и Антил. Договор содержал ряд оговорок, поэтому автономия была крайне незначительна. Сохранялась и большая роль губернатора – без его санкции не принималось ни одно решение. Однако движение за независимость крепло и в 1973 г. на выборах в законодательное собрание Суринама большинство получил блок партий, выступавших за независимость страны. А 25 ноября 1975 г. Суринам был провозглашён независимой республикой.

Литература:

Берзин Э.О. Юго-Восточная Азия и экспансия Запада в XVII – начале XVIII века. М., 1987; Демин Л.М. Японская оккупация Индонезии. М., 1971; Кямилев Э.Х. Завоевание Индонезией независимости. М., 1972; Муссо М. Индонезия – колония голландского империализма. М., 1931; Тюрин В.А. Ачехская война (Из истории национально-освободительного движения в Индонезии). М., 1970; Тюрин В.А. История Индонезии. М., 2004; Шатохина-Морвинцева Г.А. Нидерланды в новое и новейшее время. М., 2002.

НОВАЯ ИМПЕРСКАЯ ИСТОРИЯ

Новая имперская история — новое научное направление в изучении феномена империй, созданное группой ученых, объединившихся вокруг журнала «Ab Imperio»: И. В. Герасимовым, С. В. Глебовым, А. П. Каплуновским, М. Б. Могильнер, А. М. Семеновым. Организацией, издающей журнал, выступил организованный ими Центр исследований национализма и империи в Казани (Российская Федерация).

В редакционный совет журнала вошли ведущие специалисты в изучении национализма и имперских исследований из России, Германии, США, Японии, Венгрии, Австрии и Чехии: Б. В. Ананьич (Санкт-Петербургский Институт российской истории РАН), Й. Баберовский (Humboldt University, Германия), С. Бейкер (Rutgers University, США), Р. Брубейкер (UCLA, США), М. фон Хаген (Columbia University, США), Дж. Хоскинг (University of London, Великобритания), М. Хрох (Charles University, Чехия), Я. Грицак (Львовский университет, Украина), Р. Ш. Ганелин (Санкт-Петербургский Институт российской истории РАН), И. А. Гилязов (Казанский государственный университет), П. Гатрелл (University of Manchester, Великобритания), А. Каппелер (University of Vienna, Австрия), М. Ковач (CEU, Венгрия), Я. Кузбер (Mainz University, Германия), Д. Лангевише (Universitaet Tuebingen, Германия), К. Мацузато (Hokkaido University, Япония), А. Ремнев (Омский университет, Россия), А. Рибер (CEU, Венгрия), В. Розенберг (University of Michigan, США), Ю. Слезкин (University of California at Berkeley, США), Р. Суни (University of Chicago, США), Р. Вортман (Columbia University, США).

Первый номер журнала вышел в июне 2000 г. До 2010 г. были объявлены годовые темы: «Российская империя / СССР: парадоксы модернизации» (2002), «Грани и границы империи» (2003), «Археология памяти империи и нации: конфликтующие версии имперского, национального и регионального прошлого» (2004), «Языки самоописания империи и многонационального государства» (2005), «Антропология языков самоописания империи и нации» (2006), «Imperium знания и власть умолчания» (2007), «Возделывая “имперский сад”» (2008), «Homo Imperii: человек в имперской ситуации множественной темпоральности и гетерогенного пространства» (2009), «Друзья, враги и соседи: придание смысла имперскому политическому, экономическому и социальному порядку» (2010).

Развернутая концепция новой имперской истории была декларирована в специальном сборнике «Новая имперская история постсоветского пространства» (Казань, 2004) и развита в многочисленных последующих публикациях. Суть подхода в изучении феномена империи через ее контекстуализацию: «Тонкий, вдумчивый, внимательный к нюансам анализ имперского контекста в результате воссоздает удивительно неожиданный, незнакомый и странный мир. С нашей сегодняшней точки зрения этот мир представляется иррациональным или, по крайней мере, подчиненным некой совершенно иной по типу рациональности. В этих работах империя проявляет себя через скрытые или неявные конфликты (tensions) и “скандал”; она производит “плотское знание” (carnal knowledge) и сама оказывается обретенной или завоеванной парадоксальным образом “по рассеянности” (absent-mindedness)». Целью представителей данного направления является «…критический анализ феномена империи через когнитивный поворот к империи как категории анализа и контекстообразующей системе языков самоописания имперского опыта».

Объектом изучения выступают новые стороны имперского исторического феномена: «Мы предлагаем сосредоточиться на имперском опыте, то есть реальном или семантически сконструированном столкновении с различиями, и на тех аспектах неравенства и дисбаланса власти, с которым это столкновение обычно связано. Различия как норма социально-политической реальности и их восприятие оказываются в центре нашего проекта изучения истории Российской империи и наших размышлений о потенциале империи как критической аналитической категории. В качестве отправной точки мы выбираем не саму историческую структуру политических, социальных и культурных различий, а момент сигнификации, семиотического маркирования этих различий. Такой подход расширяет наше представление о природе империи путем “денатурализации” (термин Рональда Суни) ее политической и семантической реальности».

В качестве эпистемологических категорий представители данного направления обосновали ряд терминов. Это «стратегический эссенциализм» (термин Энн Стоулер). Под ним понимается следующее: «Важным различием между национальной и имперской когнитивной рамкой является то, что дискурс национализма и модерный склад мышления могут помыслить соперников только в виде четко очерченных и внутренне однородных элементов культурного и социального пространства. Для ясности и чтобы подчеркнуть специфику нации как идеального типа, этот тип дискурса и политики можно назвать “стратегическим эссенциализмом” (используя термин Энн Стоулер). Он создает правильные и регулярные типологии, все элементы которых однопорядковы и потому сопоставимы между собой».

Другой категорией выступает «стратегический релятивизм»: «Под этим мы понимаем дискурс и взгляд, релятивизирующие замкнутую и внутренне однородную природу составных частей социально-политического пространства и государственного управления. Логика стратегического релятивизма создает неправильные и нерегулярные типологии, элементы которых неоднопорядковы и неравномерны. Такая когнитивная рамка социально-политического взаимодействия и воображения создает ситуацию неопределенности, несоизмеримости и неразличимости, которые Энн Стоулер считает сущностными характеристиками “имперской формации».

Важным отличием новой имперской истории является перенос акцентов изучения империи на дискурсивную практику: «Отказ от фокуса на структуралистских, эссенциалистских и функционалистских определениях империи в пользу более динамической модели конструирования и маркирования имперского опыта логически ведет к исследованию комплекса языков самоописания и

саморационализации. Вместо обсуждения того, что такое империя, мы приглашаем наших читателей к размышлению о том, что делает определенные тропы и дискурсы имперскими. Таким образом, мы не претендуем на универсальную теорию или определение империи. Вместо этого мы предлагаем рабочую модель “имперской ситуации”, характеризуемой напряженностью, несочетаемостью и несоразмерностью языков самоописания разных исторических акторов».

Литература:

Ab Imperio. 2000-2010*; Новая имперская история постсоветского пространства. Казань, 2004; Gerasimov I., Glebov S., Kusber J., Mogilner M., Semyonov A. New Imperial History and the Challenges of Empire // Empire Speaks Out: Languages of Rationalization and Self-Description in the Russian Empire. Leiden & Boston, 2009. P. 3-32*.

ОКСИДЕНТАЛИЗМ

Оксидентализм — доктрина, основанная на выделении Запада как особого культурного, идеологического, исторического и социополитического феномена и ориентира в реализации культурной или политической деятельности. В широком смысле оксидентализм представляет собой изучение западной цивилизации как наиболее эффективной и успешной в истории человечества, через призму ее ценностей, принципов и ориентиров. В узком понятие оксидентализма нередко используется в негативном, критическом контексте. Запад рассматривается как антигуманная, разрушительная сила, тлетворно и деструктивно влияющая на традиционные культуры.

Для позитивного оксидентализма характерна постановка вопроса — не надо искать причины отставания Восточной Европы и других регионов, это методологический тупик, потому что при такой постановке вопроса получается — изначально все культуры были в равных стартовых условиях, но потом по разным причинам пошли разными путями. Надо изучать причины успешности, эффективности Запада, что такого было в западной культуре и цивилизации, что она сумела опередить всех и стать самой влиятельной силой на Земном шаре. Эти причины видят в протестантской этике, капитализме как доминантном типе экономического развития, институте частной собственности, магдебургском праве, особом типе городского развития, Реформации, Ренессансе, Просвещении, экономической и политической модернизации XIX в., парламентской демократии, культурном либерализме, идее свободы, правах человека и т.д.

Сторонники критической концепции оксидентализма негативно трактуют прежде всего экономическое и культурное влияние Запада, оценивая его как «вестернизацию» — попытку переделки традиционных культур, прежде всего исламских, по западным стандартам. Они воспринимаются как гибельные, антагонистические для восточных культур. Сходную позицию в России занимали славянофилы. Запад в данном контексте трактуется как коварный враг, который хочет разрушить самые основы других культур и превратить их в свой экономический, интеллектуальный и культурный придаток. При этом особую опасность сторонники такого подхода видят в вариантах прозападных социальных, политических и экономических реформ (реформы Мейдзи в Японии 1866-1869 гг., «белая революция» 1563 г. в Иране, «перестройка» в СССР в 1985-1991 гг. и т.д.). Признавая их экономическую эффективность, критики говорят об их противоречии

фундаментальным основам духовности, общественного строя, культурных традиций. Выигрывая в темпах и уровне развития («модернизации»), общество теряет свои корни, сущностную культурно-цивилизационную составляющую, свою идентичность.

Данная концепция оксидентализма тесно связана с антиамериканизмом, панисламизмом, националистическими движениями в некоторых государствах. Особое развитие она получила на постсоветском пространстве в ряде национальных государств, возникших на основе бывших советских республик. Как отметил П. С. Шаблей, «Складывается представление, что многие страны Центральной Азии, пребывая в нарциссическом состоянии, стремятся таким образом защититься и выработать свою оценку событий. Одна из форм — это азиатский оксидентализм, который рисует Запад почти в таких же красках, в которых западный ориентализм некогда рисовал Восток. В общественном сознании он проявляется как попытка отстоять традиции, создать идеальное общество. Появляются различные варианты национальных идей, символические образы, извлеченные из истории, рисуют героический независимый путь государства, его древнюю уникальную этническую историю, достижения цивилизации, несопоставимые по размаху с западными достижениями. Переписывание национальной истории придает символическую форму так называемому традиционализму. Например, исламское возрождение осуществляется под видом интеллектуального, культурного подъема, социального и политического движения. Возвышение мусульманских законов (ценностей) преподносится как альтернатива «растлевающим» западным. Поэтому конструируемая идеологическая конкуренция превращается в стремление больше использовать религиозный язык и символику, экспансию исламского образования, добиться международной солидарности в мусульманском мире. Таким образом, создается представление об автохтонной культуре, образ которой закрепляется в стереотипах общественного сознания».

В антизападнической критике сторонников негативной концепции оксидентализма много справедливого, для западной цивилизации в принципе характерно уходящее корнями в эпоху империй «колониальное» отношение к иным, отлчиным от нее культурам и цивилизациям. Даже если их сегодня не хотят поработить и подчинить себе, включить в свою империю, но лидеры Западной цивилизации убеждены в правильности и превосходстве именно своей модели развития, и пытаются ее привить и распространить по миру разными способами (теории «экспорта демократии», «мягкой империи», «тоталитарной демократии»). Национальным культурам в этой модели отводится в основном этнографическая роль, национальные элиты космополитизируются, идентичность размывается. Другое дело, что альтернативные традиционалистские движения предлагают довольно ограниченный и стандартный набор альтернатив вестернизации — экономическую, политическую и культурную автаркию (что невозможно в информационном обществе), консерватизм как политический идеал, национализм, в том числе его радикальных и экстремистских, ксенофобных формах, рост религиозности общества и т.д. Эти альтернативы являются реакцией на негативные аспекты оксидентализма, но они не решают тех задач, эффективные решения которых предлагает именно западная модель — экономическая модернизация, экономический рост, формирование гражданского общества, правового государства и т.д. Критика западной модели лежит в основном в культурной сфере и относится к боязни утраты экономического и политического суверенитета. Апологетика же Запада относится в основном к экономической (рыночная экономика), социальной сферам и области политической и национальной толерантности, защиты прав человека, понятию «общечеловеческих ценностей» и т.д.

Научная концепция оксидентализма, в отличие от ориентализма, слабо

разработана и является гораздо более идеологически и политически ангажированной.

Литература:

Carrier J. Occidentalism: The World Turned Upside-down // American Ethnologist. 1992. Vol. 19. No. 2. P. 195-212; Carrier J. Occidentalism: Images of the West. Oxford, 1995; Ning W. Orientalism versus Occidentalism? quick view // New Literary History. 1997. Vol. 28. No. 1: Cultural Studies: China and the West. P. 57-67; Chen X. Occidentalism: A Theory Of Counter-Discourse in Post-Mao China. Maryland, 2002; Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М., 2003; Bonnett A. The Idea of the West: Culture, Politics and History, Houndmills, Basingstoke, Hampshire; New York, 2004; Buruma I., Margalit A. Occidentalism: A Short History of Anti-Westernism. London, 2004; *Шаблей П. С. Символические формы репрезентации истории Казахстана и современность // История и современность. 2009. № 2 (10); Ориентализм / оксидентализм: языки культур и языки их описания. М., 2012.*

ОРИЕНТАЛИЗМ

Ориентализм — доктрина, основанная на выделении Востока (противопоставляемого Западу) как особого культурного, идеологического, исторического и социополитического феномена и ориентира в реализации культурной или политической деятельности. По определению Э. Саида, «Ориентализм — это стиль мышления, основанный на онтологическом и эпистемологическсклом различении «Востока» и (почти всегда) «Запада… Начиная примерно с конца XVIII века, ориентализм можно считать корпоративным институтом, направленным на общение с Востоком — общение при помощи высказываемых о нем суждениях, определенных санкционированных взгдяжах, его описания, освоения и управления им — это западный стиль доминирования, реструктурирования и осуществления власти над Востоком».

Ориентализм развивался прежде всего в произведениях искусства, живописи, архитектурных стилях, литературных и публицистических произведениях, в одежде, предметах быта и продуктах питания, даже в моде. Стоит различать *ориентализм поверхностный*, отражающий лишь внешнее увлечение восточной атрибутикой, *ориентализм культурный* (попытка постичь, понять и усвоить основы и принципы культуры Востока, выражалась в появлении восточных стилей в искусстве) и *ориентализм как производная от попыток Запада осмыслить себя*. По словам Э. Саида, «Имагинативное исследование Востока основывалось более или менее исключительно на полновластном западном сознании, из неоспоримой центральности которого появился восточный мир — вначале в соответствии с общими идеями о том, кто или что восточный человек, затем в соответствии со скрупулезной логикой, направляемой не одной только эмпирической реальностью, но и сонмом желаний, репрессий, инвестиций и проекций».

Ориентализм также выделяется *ксенофобный* (Восток как враг Запада, средоточие всех негативных характеристик, дикий, темный, пугающий, развратный, достойный только колонизации), и *ксенофильный* (интерес к чужеродности Востока как постигшего высшую мудрость, к восточным медицинским (йога, восточная медицина), философским, литературным, бытовым практикам, восточным единоборствам, восточной кухне, восточным сексуальным практикам и т.д.).

Появление ориентализма было связано с развитием на Востоке колониальных империй (прежде всего Британской и Французской). Как писал Э. Саид, «… я рассматриваю ориентализм как динамический обмен между отдельными

авторами и крупными политическими темами, заданными тремя великими империями — Британской, Французской и Американской — на чьей интеллектуальной и имагинативной территории это письмо создавалось… Ориентализм поднимает политические вопросы следующего характера: какие еще типы интеллектуальных, эстетических, научных и культурных энергий участвуют в создании такой имперской традиции, как ориентализм? Каким образом филология, лексикография, история, биология, плитическая и экономическая теория, художественная литература и лирическая поэзия становятся на службу широкому империалистическому взгляду империализма на мир? Какие изменения, корректировки, усовершенствования, даже революции происходят в пределах ориентализма? Какова роль в этом контексте оригинальности, преемственности, индивидуальности? Каким образом ориентализм передается и востпроизводится от эпохи к эпохе? В общем, каким образом мы можем относиться к культурному, историческому феномену ориентализма как к роду *сознательной деятельности человека* — а не только как к безапелляционным суждениям — во всей его исторической сложности, деталях и достоинствах , одновременно не упуская из виду альянса между культурной работой, политическими тенденциями, государством и специфическими реалиями господства?»

«Восток — это не только сосед Европы, но еще и место расположения ее самых больших, самых богатых и самых старых колоний, это исток европейских языков и цивилизаций, ее культурный соперник, а также один из наиболее глубоких и недоступных образов Другого. Кроме, того, Восток помог Европе (или Западу) определить по принципу контраста свой собственный образ, идею, личность, опыт. Однако ничто в таком Востоке не является сугубо воображаемым. Восток — это неотъемлимая часть европейской *материальной* цивилизации и культуры. Ориентализм выражает и репрезентирует эту часть культурно и идеологически как вид дискурса с соответствующими ему институтами, словарем , ученой традицией, образным рядом, доктринами и даже колониальными бюрократиями и колониальным стилем… Так же, как и сам Запад, Восток — это идея, имеющая историю и традицию мышления, образный ряд и свой собственный словарь, обусловившие их реальность и присутствие на западе и для Запада. Таким образом, эти две географические сущности поддерживают и до определенной степени отражают друг друга».

Таким образом, ориентализм — это одна из разновидностей имперской дискурсивной практики, развивающаяся в парадигме «свой» – «чужой», прием в диалектической связи между политической и дискурсивной практикой, когда одна порождала другую и наоборот. Э. Саид очень точно охарактеризовал этот процесс: «Моя идея состоит в том, что европейские и американские интересы на востоке носили политический характер, судя по некоторым явным историческим признакам… именно культура породила этот интерес, который динамично действиует наряду с откровенными политическими, экономическими или военными соображениями. В итоге Восток оказывается тем разнообразным и сложным полем, каким он, очевидно, предстает в той области, которуюя называю ориентализмом. А потому ориентализм не есть ни только лишь политическоетобразование или сфера, пассивно отрадаемая культурой, гуманитарной наукой или институтами, ни громадное и хаотичное собрание текстов о Востоке, ни выражение и прояаление какого-то гнусного «западного» империалистического заговора с целью держать «восточный» мир в подчинении. Скорее, это распространение геополитического создания на эстетические, гуманитарные, экономические, социологические, исторические и филологические тексты. Это *разработка* не только базового географического различения (мир состоит из двух неравных половин — Востока и Запада), но также и целого ряда «интересов», которые такими средствами, ка

кгуманитарные открытия, филологические реконструкции, психологический анализ, ландшафтные и социологические описания он не только создает, но и поддерживает его. Это не столько выражение, сколько определенная *воля* или интенция понимания, а в некоторых случаях — инструмент контроля, манипулирования, даже инкорпорирования того, что выступает как явно иной (или альтернативный и новый) мир. Прежде всего, ориентализм — это такой дискурс, который некоим образом не состоит в непосредственных отношениях с политической властью как таковой; скорее дело обстоит так, что он производится и существует в неравном обмене с различными видами власти, он до некоторой степени сформирован этим обменом с политической властью (с колониальным или имперским эстеблишментом), интеллекутальной властью (например, госуподствующими науками вроде сравнительнйо лингвистики или нанатомии, или с современными политическими науками), властью культурной (как, напрмер, с традициями и канонами вкуса, текстами, ценностями), властью моральной (с представлениями о том, что такого делаем «мы», чего «они» не могут ни сделать, ни понять). Моя позиция состоит в том, что ориентализм является — а не только репрезентирует — важным измерением современной политико-интеллектуальной культуры, и в качестве такового имеет больше общего с «нашим» миром, нежели с Востоком».

Сегодня в ориентализм проникли западные правовые и политические демократические теории, Восток рассматривается как полигон для их апробации. Теория Э. Саида, актуальная для XVIII – нач. XX в. частично утратила позиции, поскольку с крушением великих колониальных империй Запад перестал нуждаться в Востоке как в зеркале, отражающем «антизапад». Сегодня в ориентализме на первый пран вышли представления об исламской цивилизации как особом феномене и главном противнике культурно-цивилизационной экспансии Запада, о «восточном терроризме» и т.д. От колониального дискурса осталась идея необходимости искуственной консервации развития Востока (например, недопущение овладения им ядерной энергией), чтобы он не смог составить конкуренцию Западу. В то же время, традиционный ориенталистский образ Востока во многом размыт технологическими и экономическими успехами в развитии Южной Кореи, Японии, Китая, появлением среди ближневосточных государств Израиля и т.д.

Литература:

Восток — Запад. Исследования. Переводы. Публикации. Выпуск 1-4. М.: Наука. 1982-1989; Ausstellungskataloge des Ausstellungsclusters Exotische Welten-europäische Phantasien. Stuttgart, 1987; Взаимодействие культур Востока и Запада. М., 1991; Lowe L. Critical Terrains: French and British Orientalisms. Ithaca, 1992; Fred H. «Orientalism» and Its Critics // British Journal of Middle Eastern Studies. 1993. Vol. 20. No. 2. P. 145-163; Kabbani R. Imperial Fictions: Europe's Myths of Orient. London, 1994; MacKenzie J. Orientalism: History, theory and the arts. Manchester, 1995; Oueijan N. The Progress of an Image: The East in English Literature. New York, 1996; Lemaire G. Orientalismus. Das Bild des Morgenlandes in der Malerei. Köln, 2000; Noble dreams, wicked pleasures: Orientalism in America, 1870–1930 / Ed. by H. Edwards. Princeton, 2000; Murti K. India: The Seductive and Seduced "Other" of German Orientalism. Westport, 2001; Little D. American Orientalism: The United States and the Middle East Since 1945. New York, 2002; Macfie A. Orientalism. New York, 2002; Klein C. Cold War Orientalism: Asia in the Middlebrow Imagination, 1945–1961. Berkeley, 2003; Kontje T. German Orientalisms. Michigan, 2004; Davies K. The Orientalists. Western Artists in Arabia, the Sahara, Persia and India. New York, 2005; Irwin R. For lust of knowing: The Orientalists and their enemies. London, 2006; Саид Э. Ориентализм: Западные концепции Востока. СПб., 2006; Schlicht A. Die Araber und Europa. Stuttgart, 2008;

One World Periphery Reads the Other: Knowing the "Oriental" in the Americas and the Iberian Peninsula / Ed. By I. López-Calvo. Cambridge, 2009.

ОСМАНСКАЯ ИМПЕРИЯ

В ходе завоеваний тюрок-сельджуков во второй половине XI в. началось массовое переселение кочевых и полукочевых тюрко-язычных племен огузов из Центральной Азии в страны Передней (Иран, Армения, Сирия, Верхняя Месопотамия) и Малой Азии (Византия). В результате появились сельджукские государства; среди них Румский султанат (осн. в 1077) в Малой Азии с центром попеременно в Никеи и Иконии. После сокрушительного удара нанесенного монголами в 1243 султанат распался и во владениях, пограничных с Византийской империей и Киликийским Армянским королевством, появились небольшие два десятка однотипных бейлик, которые наживались, занимаясь пиратством. Правители крупнейшего Караманидского бейлика в 1307 взяли Иконию, претендуя на наследство румских султанов.

На северо-западе п-ва возник Османский (Оттоманский) бейлик с центром в Сёгюде. В ходе монгольских завоеваний огузы-кайы в несколько тысяч шатров откочевали из Балха (Средняя Азия) на запад, где их вождь Эртогрул в 1230-е получил от румского султана Кай-Кубада I владение по р. Сакарья (Сангарий). Ок. 1299/1300 его сын Фахр уд-Дин Осман (1288-1324), утвержденный племенной знатью беем, вышел из-под власти султанов и начал осуществлять грабительские походы против соседей. От его имени происходит название и династии, и эмирата, и этническое название малоазиатских или анатолийских тюрок. Походы в основном были направлены против Византии. Ихтияр уд-Дин Орхан-бей (1324-62) взял Брусу (Бурса), переместив сюда резиденцию, Никею (Изник) и Никомедию (Измит). Поскольку Константинополь османы взять тогда не могли, они переправились через Босфор и Дарданеллы, где в период между 1352-57 продолжили завоевания.

Орхан-бей ввел институт визира, систему адм. деления, стал чеканить монету (акче). Для перехода к феодальной армии воинам он начал раздавать земельные участки, пользующиеся налоговым иммунитетом (тимары). В них отразились арабо-мусульманские и византийские формы феодального землевладения. К адм. управлению Орхан-бей привлекал ученых-богословов (улемов) и провозгласил суннизм официальной религией бейлика. В нем шел процесс исламизации и тюркизации греческого и армянского населения. Одновременно наблюдался рост этнического самосознания тюрок, отразившийся в создании литературы на местном наречии тюркского языка, получившем название османский язык, для которого была приспособлена арабская графика.

Мурад I (1362-89) покорил балканские владения Византии, перенес в Адрианополь (Эдирне) резиденцию и провозгласил себя султаном. Затем он двинулся на Сербию, где на Косовом поле в 1389 разбил коалиционные силы южных славян, хотя и сам погиб. В 1393 Баязид I Йылдыр (Молниеносный, 1389-1402) взял болгарскую столицу Тырново, а в 1396 под Никополем разбил европейских рыцарей во главе венгерского короля Сигизмунда. Среди балканских народов уже первые султаны начали проводить политику исламизации.

Используя любые методы борьбы (от агрессий до династических браков), Баязид распространял свою власть над бейликами Анатолии. Он стал даже готовиться к взятию Константинополя, но ему помешал вторгшийся из Средней Азии эмир Тимур (Тамерлан), который в 1402 в битве под Анкарой разбил османов; погиб и сам Баязид. Тимур восстановил анатолийские бейлики. Даже судьба самого

Османского султаната оказалась под угрозой. И только в 1413 один из сыновей Баязида, Гыяс уд-Дин Мехмед-хан (1413-21) смог в борьбе за власть победить брата и стать единовластным султаном. А при Мураде II (1421-44 и 1446-51) в 1425 окончательно были подчинены бейлики Анатолии. Как принято писать в научной историографии, османское государство проделало эволюцию от «варварского» эмирата до обширного султаната.

Раздача завоеванных земель в качестве условных пожалований воинам закрепляла соц. базу султанской власти и военный потенциал государства, что давало возможность продолжить экспансионистскую политику. Этому способствовало также создание за счет казны первых частей регулярной армии: корпуса янычар («новое войско»), состоящие из военнопленных христиан. Были сформированы также отряды конной гвардии, корпус артиллеристов и морской флот. Теперь османская армия по своей организации не уступала европейским армиям. Она могла осуществить главную цель «джихада» – взять Константинополь. Упадок и разложение Византии облегчили эту задачу. Мехмед II Фатих (Завоеватель, 1444-46 и 1451-81) весной 1453 сосредоточил вокруг византийской столицы 100-тысячную армию и флот из 400 кораблей. На 50-й день осады, 29 мая Константинополь был взят, подвергся трехдневному грабежу, император Константин IX погиб, уцелевшие горожане проданы в рабство. Мехмед II переименовал город в Стамбул, перенес сюда резиденцию и принял титул «падишах».

Затем он приступил к ликвидации остатков греческих и южнославянских владений: в 1454-59 захватил Пелопоннес и Сербию, в 1463-82 – Боснию. Князья Валахии и Молдавии признали его сюзеренитет (1456). На востоке Мехмед II аннексировал Трапезундскую империю (1461), разгромил войска Караманидов (1468) и туркменского кочевого объединения Ак Коюнлу (1473). В ходе войн против Венеции и Генуи он стал господствовать в Эгейском море. В 1475 Крымское ханство признало его сюзеренитет.

При Баязиде II Дервише (1481-1512) в 1485 турки вторглись в пределы бейлика Рамаданидов в Киликии и Дзулкадиридов в Каппадокии. Это привело к началу первой османо-мамлюкской войны 1486-91, т.к. они были вассалами Султаната египетских мамлюков. По миру 1491 османский султан закрепил за собой завоевания в Анатолии.

Однако местная тюркская знать оружие сложить не спешила. Идеологическим знаменем их борьбы становится шиизм. Из-за репрессий анатолийские шииты бегут в Иран под подданство шиитской династии Сефевидов. В 1514 начинается первая в истории османо-сефевидская война. 23 августа султан Селим I Явуз (Грозный, 1512-20) разбил Сефевидов на Чалдыранском поле (между озерами Ван и Урмия). Затем его войска в 1514-24 покорили Западную Армению и Курдистан.

Перед ним открылась возможность окончательно разделаться с мамлюками. В 1516 Селим I вторгся в подвластную им Сирию, где 24 августа при Мардж Дабике разгромил их армию. Получив здесь некоторые реликвии ислама, 29 августа он принял духовный сан «халиф ислама». Затем приступил к осуществлению халифских прерогатив (организации хаджа в Мекку), которые принадлежали мамлюкским султанам. В декабре Селим I вторгся в Египет; разгромил армию мамлюкского султана Туман-бея при Риданийи (22.01.1517) и взял Каир (13.04.1517). Османские султаны унаследовали от мамлюкских султанов их сюзеренные права на Мекканский шерифат Хашимитов, султанаты Фунг в Южной Нубии и Адал на Африканском Роге. Позднее (1538) – на Йемен и Хадрамаут.

Султан Сулейман I Кануни (Законодатель, 1520-66) возобновил войну с Сефевидами. В 1533-35 он занял Ирак, в 1548-55 – армянские области вокруг оз.

Ван и аравийские области ал-Хаса и Неджд. По миру в Амассии (29.05.1555) все завоевания турок на востоке в период между 1514 и 1555 получили юридическое оформление; восточная граница О.и. протянулась от юго-восточного берега Черного моря до Персидского залива. В 1578 начинается вторая война, в ходе которой Сефевиды отступили из Западного Ирана, Восточной Армении и Южного Кавказа. По Стамбульскому миру (21.05.1590) были закреплены новые завоевания турок. Восточная граница О.и. протянулась от юго-западного берега Каспийского моря до Персидского залива. Однако в ходе последующих войн 1602-12, 1616-18 и 1623-39 Сефевиды смогли вернуть себе эти владения и по Каср-е Ширинскому миру (17.05.1639) восточная граница О.и. тянулась от Б. Кавказского хребта до Персидского залива.

О.и. пыталась утвердиться в Центрально-Восточной Европе и Северной Африке. В 1521 Сулейман I взял Белград, 1522 – Родос и развернул войну против Испании за Алжир. После присоединения Алжира (1533) турецкий флот стал хозяйничать в Средиземном море. В тоже время он был разгромлен португальцами в бассейне Аравийского моря у о-ва Диу (1538), Ормуза (1552) и Маската (1554).

В Европе для турецких захватчиков создалась благоприятная обстановка. 29.08.1526 у Мохача (на правом берегу Дуная) Сулейман I разгромил коалиционные силы короля Венгрии и Чехии Лайоша II. 10 сентября он вступил в Буду и возвел на венгерский престол своего ставленника. 27 сентября 1529 его 120-тысячная армия подошла к Вене и начала осаду. 14 октября в связи с наступлением императора Карла V султан был вынужден осаду снять и вернуться в Стамбул. Безуспешной была и вторая попытка 1532.

В 1534 в Стамбул пребывает первый посол из Парижа, которому удается убедить султана создать единый антигабсбургский фронт. В 1540 Сулейман I начинает новую австрийскую войну, которая продолжится до 1547. По её итогам венгерские земли были превращены в вилайет Будин, а княжество Трансильвания признала сюзеренитет султана.

В 1551 туркам удалось высадить десант на Мальту, взять Триполи и сформировать вилайет Западный Триполи (ныне Ливия). Отсюда в 1556 они продолжили поход в Тунис и к 1568 дошли до Орана. Однако новый султан Селим II (1566-74) после очередной неудачной австрийской войны 1566-68 временно решил заняться делами на Востоке (в 1569 пытался взять Астрахань, а в 1571 покорил Кипр). Это стало причиной разгрома турецкого флота в сражении при Лепанто (залив Патраикос, 7.10.1571) со стороны коалиционных сил Испании, Венеции, Мальты, Генуи, Савойи. Победа развеяла миф о непобедимости османов. К концу жизни Селим II смог взять только крепость Тунис. Тринадцатилетняя война с Габсбургами (1593-1606) и польско-турецкие войны (1616-17 и 1620-21) носили локальный характер. Дело в том, что при Мураде III (1574-95) и Мехмеде III (1595-1603) начинается период застоя и разложения османского общества.

Социально-политические и экономические институты О.и. законченную форму приобрели при Сулеймане I и сохранялись в течение последующих веков. Османские историки представляли империю как истинный халифат, как первое в мире государство, где нормы шариата регулировали все стороны общественно-политической жизни. Впервые также мусульманское духовенство получило официальный статус, сформировав иерархическую организацию из числа теологов. Мехмед ибн Фира-Мурза (ум. в 1480) и целая плеяда улемов разработали идейно-теоретическую и всю правовую базу османского общества. На ней основывался османский вариант интерпретации шариата; из неё исходили власти в ходе законодательной и административной инициативы, т.е. любая инициатива, прежде всего, должна была получить заключение (фетва) улемов о том, что она не нарушает основные принципы шариата.

О.и. была наследственной монархией, где правила династия Османов. Глава государства с титулами «султан», «падишах» и «халиф ислама» был светским и духовным лидером всех правоверных мусульман. В случае если султан нарушал мусульманские ценности в османской интерпретации, то народ «мог» свергнуть его и даже казнить.

При султане действовал совещательный орган (диван-и хумайюн) из представителей духовной и военной элиты. Не было четкого разграничения органов законодательной, исполнительной и судебной власти, а также религиозных и административных функций. Подразумевалось принятие коллективных решений по принципу шуры (совета), т.к. решения считались волей всех мусульман. Поэтому политические структуры были представлены в органах коллективного руководства – правящих советах (диванах), от имени которого осуществлялась власть на каждом уровне гос. управления.

В XV в. О.и. подразделялась на 3 бейлербейства во главе с беями: Румелия (балканские владения); Анадолу (анатолийские владения); Рум (мало-армянские и понтийские владения). К 1520 их число выросло до 6, а к 1610 – до 32. Они были переименованы в вилайеты (во главе вали), которые делились на санджаки (во главе санджакбей), а те – на нахии (во главе субаши). Только беи/вали назначались самим султаном сроком на 3 года. Города были всех трех значений, т.е. подчинений. Существовали также районы с внутренним самоуправлением в горных областях Западной Армении, Курдистана и Ливана во главе с местными династами.

Немусульманское меньшинство О.и. (25%) – райи (стадо, паства) – было объединено в 3 миллета – автономные религиозно-политические образования иноверцев. Рум (византийский) миллети, объединяющий православное (греческое и славянское) население, эрмени (армянский) миллети, объединяющий армян и других последователей древневосточных церквей – коптов, яковитов, несториан, и яхуди (еврейский) миллети, объединяющий еврейские конгрегации караимов, самаритян и др.

При условии признания верховной власти султана и уплаты подушной подати (джизьи) для мужчин-немусульман в возрасте от 17 до 75 лет миллеты пользовались полной свободой культа и самостоятельностью в решении общинных дел. Во главе стоял миллет-баши с резиденцией в столице (Вселенский Константинопольский патриарх, Армянский Константинопольский патриарх (1461) и Гахам-баши). Он был членом имперского совета, утверждался на должности спец. указом султана и был подотчетен непосредственно ему. Назначал иерархов миллета, ведал сборами налогов, формировал бюджет, внутренние войска, производил суд по законам и обычаям общины (у христиан, как правило, это были церковные каноны, у иудеев – Галаха). При нем функционировал диван миллета из представителей духовенства и мирян.

Таким образом, миллеты представляли собой своего рода церковно-конфессиональные государства без определенной территории и границ, т.к. все иноверцы объединялись в миллеты независимо от места их жительства. Создавая их, власти объединяли одни народы, расчленяли другие, пытаясь выхолостить представление о былой суверенной нации и внедрить представление о религиозном меньшинстве, которая не сможет претендовать, ни на отдельную территорию, ни на политическую власть.

Главой военно-политической власти О.и. был великий визир – второе лицо в государстве. Гражданское управление среди мусульманского большинства (75%), контроль над хозяйственной деятельностью, соблюдением принципов шариата, судопроизводство, образование и религиозные культы, всё это было монополией духовенства. Во главе гражданского управления стояли шейх ул-ислам и 3 кадиаскяра, которые возглавляли автокефальные шариатские организации Анадолу,

Румелии и Египта. В провинциях шариатская власть находилась в руках у кадии (в вилайетах), у шехира (в санджаках) и у кудата ан-навахи (в нахии). Только кадии назначались самим султаном сроком на 1 год. Базовой ячейкой османской социально-политической структуры были самоуправляемые общины во главе с шейхами.

Важнейшим компонентом общественно-политического устройства О.и. была тимарная (военно-ленная) система. Получатели (сипахи) являлись условными держателями земли. Более крупные земельные пожалования назывались «зеаметы», а крупнейшие – «хассы», которые предоставлялись лицам, занимавшим высшие гос. посты. В отличие от тимаров хассы и зеаметы относились к категории «свободных держаний», а их владельцы пользовались судебным и административным иммунитетами и собирали в свою пользу почти все налоги с крестьян. В XVI в. тимарная система подверглась жесткой централизации и регламентации. Земель категории мульк (частновладельческие) было незначительно, т.к. частная собственность выступала как не защищенная от произвола властей. Гос. земли составляли 87% обрабатываемых площадей, а вакуфные (находившиеся в ведении мусульманского духовенства) – остальные 13%.

В периферии преобладали государственно-бюрократические формы управления крестьянством. При этом крепостное право и любые формы личной зависимости в О.и. отсутствовали полностью. Раз в 30-40 лет проводилась перепись всех земельных угодий и податного населения, обновлялись кадастровые книги. В европейских вилайетах османские власти сохраняли прежние виды и размеры налогов, обозначая их мусульманскими терминами: ресм-и чифта, харадж (поземельная подать); ушра (десятина); джизья. Затем эту налоговую систему применяли в восточных вилайетах.

В литературе османское общество подразделялось на 4 класса: духовенство (улама), военные (аскери), мещанство (ан-нас) и крестьянство (райя). Внешне они напоминают европейские сословия, но юридически оформлены не были. Поэтому считается, что в османском обществе на практике отсутствовали понятия дворянство, личные права и привилегии. Перед султаном все подданные были равны или, что то же самое – бесправны. Зато авторитетом пользовались потомки Пророка (шерифы), а также те, кто вел свое родословное от сельджукских и мамлюкских султанов. Юридическое оформление получили 2 класса, которые отличались не правами, а обязанностями. Класс управляющих – аскери (воины, мусульманское духовенство и гос. чиновники); класс управляемых – райя (мещанство, крестьянство и немусульмане).

С XVI в. получает развитие институт янычар. С раннего возраста будущих янычар вырывали из своей культурно-религиозной (христианской) среды и отдавали на воспитание в турецкие семьи, затем – на обучение представителям мусульманской организации (дервишскому ордену бекташей). Янычары превращались в султанскую гвардию и выделялись своей жестокостью в отношении христианского населения. Отуреченных и исламизированных мальчиков готовили также к гражданской службе (институт капыкулу). Многие из них сделали карьеру при дворе и нередко становились великими визирами. На время службы они получали земельные владения.

О.и. представляла собой аграрную страну с плановым типом развития, что сдерживало свободное развитие производственных сил. Реальная власть в городах принадлежала кадии, который выдавал лицензии, регламентировал объемы производства, ввоз и вывоз готовой продукции, собирал налоги, устанавливал цены. По шариату, власти должны были поощрять не отечественного производителя, а импортера, т.к. тот заботился о процветании государства, регулярным ввозом товаров. Европейским купцам постепенно начинают предоставлять льготы на

импорт товаров. В течение веков эта экономическая концепция приведет катастрофическим последствиям, превратив О.и. в рынок сбыта европейских товаров.

По финансовому равновесию О.и. был нанесен удар в последней трети XVI в., когда начался наплыв на Восток американского золота и серебра. В О.и. начались гиперинфляционные процессы. К 1630 испанская валюта даже на внутреннем рынке вытеснила акче. О.и. охватила коррупционная лихорадка, т.к. гос. казна была не в состоянии с такими темпами индексировать жалованья огромного бюрократического аппарата. При Мураде III падает авторитет власти. В результате в полит. жизни активную роль начали играть жены гарема. Им приписываются дворцовые заговоры и смещения великих визиров и шейх ул-исламов. Повсюду начинается разгул анархистов и бандитов. Лояльные султану янычары впервые в 1589 направили оружие борьбы против верховной власти. В большинстве вилайетах они стали наиболее влиятельной полит. силой – в настоящие правящие «партии». В 1594 янычары захватили власть в Тунисе, в 1603 – в Западном Триполи и установили в них режимы «военной демократии» – во главе с выборными янычарскими правителями (дей). Позднее (в 1672) аналогичный режим будет установлен и в Алжире. Восстания охватили и др. провинции – Египет (восстания янычар 1587-1605), Сирию и Горный Ливан (восстания друзов 1598-1613 и 1618-35), Тырново (1598), а также вассальные княжества – Молдавия (1572-74), Трансильвания (1594), Валахия (1594-1601).

В Анатолии преимущественно с турецким населением с 1596 по 1658 происходила «джелялийская смута» (по имени вождя мятежных шиитов начала XVI в.), когда все воевали против всех. На стороне повстанцев нередко выступали и профессиональные военные (сипахи) и бывшие анатолийские беи. В этих условиях Мустафа I (1614-18 и 1622-23) и Осман II (1618-22) попытались провести реформы в сфере шейх ул-исламата и армии – распустить янычарские и сипахские полки и формировать армию из числа турецких крестьян. В итоге янычары, подстрекаемые духовенством, и получившие соответствующие фетвы, низложили обоих, второго казнили. Следующий Мурад IV (1623-40), опасавшийся такой участи проводил политику традиционализма. Однако повсюду по-прежнему царит хаос и разгул бандитизма. Некоторые вали угрожают даже походом на Стамбул. В 1631 Мураду IV был предъявлен манифест с требованием вернуться к «законности» Сулеймана I. После его принятия султан получил поддержку со стороны янычарских командиров, и путем террора он навел порядок в империи; даже смог минимизировать коррупцию.

Однако в годы правления Ибрахима I (1640-48) всё началось заново. В результате он был смещен, а на его место – возведен семилетний сын Мехмед IV (1648-87), но и он не смог навести порядок. Очередная девальвация акче привела к мощному восстанию в Стамбуле 1651. Вали начали открытый грабеж населения. Начались захваты крестьянских наделов. Нарушая соц. статус райи сипахи стали незаконно присваивать крестьянские наделы, превращая их хозяев в арендаторов земли. Возникли т.н. «чифтлики», владельцы которых, не изменяя юридического статуса на землю, по-новому стали организовывать свое хозяйство, создавая из бывших крестьянских наделов личные поместья. Появилась еще и откупная система взимания налогов – ильтизам. Откупщики свои отношения с крестьянами также стали строить на частноправовой основе. В конце XVII в. по всей империи откупа, как правило, за скромный гонорар, вносимый в гос. казну, становились пожизненными и передавались по наследству. Владельцы чифтликов и откупщики стали формироваться в единый провинциальный класс, заменивший тимарных сипахи. Эта новая провинциальная элита (аяны) не была связана от метрополии гос. службой и могла вести себя независимо. Она формировалась из наиболее

влиятельных и богатых представителей местного мусульманского населения.

Мехмед IV любил охоту, гаремные развлечения и передал всю полноту власти великим визирам, которые династически стали править. Это был род албанского происхождения – Кёпрюлю (1656-83). Ненадолго они смогли возобновить прежнюю тимарную систему и начали утверждать ежегодные бюджеты. Главной опорой власти Кёпрюлю был чиновничий аппарат центральной администрации, получившей название «Баб Али» (Высокая Порта), ведомства которой они отделили от султанского двора и вывели из-под влияния его гарема. Разграничение дел, касающихся правящей династии и государства, позволили правительству стать независимым органом власти.

О.и. возобновляет военную экспансию в Центрально-Восточной Европе. Войны с Венецией 1645-69, Австрией 1663-64, Польшей 1672-76 и Россией 1676-81 завершались победами турок. Однако они не дали решающего перевеса. Единственным исключением является обл. Подолия, отошедшая к О.и. Между тем эти войны вдохновили Мехмеда IV и великих визиров Кёпрюлю. В 1683 последний из них Кара Мустафа-паша (1676-83) двинулся с 200-тысячной армией к Вене. Однако, 12 сентября польский король Ян Собеский во главе коалиционных сил (70 тыс.) наголову разбил турок. Великий визир был умерщвлен, а Мехмед IV в 1687 – низложен. Престол занял его брат Сулейман II (1687-91), затем другой брат Ахмед II (1691-95).

Победа воодушевила Европу. В 1684 по инициативе папы Иннокентия XI была образована «Священная лига» (Австрия, Польша, Венеция, Мальтийский орден, Россия). Уже 1686 пала Буда, 1688 – Белград, а в 1697 – Сараево. По Карловицкому миру (26.01.1699) Мустафа II (1695-1703) Венеции уступил Пелопоннес, часть Далмации и о-ва Архипелага в Адриатике, России – Азов, Австрии – Венгрию, Трансильванию, Бачку и Славонию, Речи Посполите – Подолию. Османская экспансия в Европе завершается.

В XVIII в. все усилия султанов будут направлены на сохранение территориальной целостности О.и., т.к. военные поражения на фоне структурного кризиса усилили центробежные тенденции. Формальной независимости добились арабские владения. В Западном Триполи появился эмират Караманли, Тунисе – Хусейнидов, Египте и Ираке – мамлюков, Хиджазе – шерифат Хашимитов. Суннитские эмираты появляются также в Сирии, Ливане, Палестине и Кувейте. В Аравии формируется эмират Ваххабитов (Неджд), имаматы Зейдитов (Йемен) и Хариджитов (Оман), в отличие от которых, суннитские лидеры признавали авторитет султанов, как «халифов ислама», но не более того. Они вели самостоятельную внешнюю политику, создавали вооруженные силы, таможни, чеканили собственные монеты. Де-юре назначаемые султанами наместники (паши) осуществляли чисто протокольные функции. Суверенитет султана в XVIII в. реально распространяется на Балканы, Анатолию, Западную Армению и Верхнюю Месопотамию.

Внешнеполитический курс Порты, ориентированный на Париж, обострял отношения с соседями: войны с Россией 1710-11 и с Венецией и Австрией одновременно 1714-18. По итогам новых войн с Австрией и Россией 1735-39 султан Махмуд I (1730-54) вернул Белград, который его предшественник Ахмед III (1703-30) уступил австрийцам. В то же время он вернул России Азов, который его предшественник отбил у русских. Одновременно в 1723-27, 1730-36 и 1743-46 О.и. продолжает безуспешные войны с Ираном за Восточную Армению, Южный Кавказ и выход к Каспийскому морю.

Судьбоносными для Мустафы III (1757-74), Абдул-Хамида I (1774-89) и Селима III (1789-1807) стали последующие войны с Россией – 1768-74 и 1787-91. По Кючук-Кайнарджийскому миру (21.07.1774) и Ясскому миру (9.01.1792) О.и.

отказывается от сюзеренных прав над Крымским ханством и права монополии на судоходства в Черноморском бассейне. Более того, Екатерина II выступает с инициативой не только полного изгнания турок с Балкан и Кавказа, но и раздела «османского наследства» между великими державами, с чем не соглашаются Англия и Франция («восточный вопрос»).

По мере утверждения ведущей роли крупного частного землевладения позиции аянов в периферии укреплялись. Расширение сферы действия откупов и умножение числа чифтликов приводили к увеличению доли прибавочного продукта, присваиваемого аянами за счет той доли, которая прежде поступала в султанскую казну. В начале XVIII в. её объем составлял 80% всех сборов, в начале XIX в. – 87,5%. Политическому возвышению аянов в периферии способствовала административная политика Порты, рассчитывавшая с их помощью справиться с местным сепаратизмом. В свою очередь, аяны, опираясь на собственные отряды и финансовые возможности, стремились выбраться в ряды правящей верхушки, и им удалось удержать под своей властью большую часть вилайетов. На столичном уровне шел процесс складывания стамбульской бюрократии.

Города О.и. в XVIII в. продолжали расти за счет урбанизации населения. В тоже время они постепенно теряли свое привилегированное положение. Отсюда уменьшалась доля прибавочного продукта, которая прежде предназначалась на их благоустройство и поддержание ремесленного производства. Поэтому, несмотря на некоторый прогресс, товары городского ремесленного производства О.и. по сравнению с предыдущим периодом по своему ассортименту и, особенно, по качеству не могли уже конкурировать с продукциями раннекапиталистической европейской промышленности. Более того, О.и. теряла прежние монополии на сбыт шелка и пряностей, а её владения превращались в источник сельскохозяйственного сырья (шелка-сырца, шерсти и зерна).

Новым явлением в городской жизни стало сближение торгово-ремесленного населения с янычарским корпусом с целью заставить Порту вернуться к прежнему курсу по поддержанию городов. Оно ставило в более выгодное положение торговцев и ремесленников из числа мусульман. В результате часть христиан, которая не желала терять экономические и финансовые привилегии обращалась в ислам.

Несмотря на все попытки централизации империи, социально-политический кризис давал о себе знать, что было связано с активизацией периферии. Предпосылками большинства нововведений XVIII в. стал устойчивый интерес Порты к Европе. Великий визир Ибрахим-паша (1718-30) регулярно направляет туда посольства для ознакомления с прогрессом на местах. Попытки «вестернизации» общества возобновились в конце столетия. Селим III в 1792-93 издал указы, получившие название «обновленное устройство». Главная цель – укрепление его власти за счет воссоздания боеспособной армии. Сформировалась мощная оппозиция, которая обвиняла главу государства в ведении новшеств, заимствованных у «неверных». Положение реформ осложнилось также началом в 1798 военной экспедицией Наполеона Бонапарта в Египет. Однако Селим III получил поддержку со стороны Англии и России и в июне 1801 принудил к сдаче французский гарнизон, дислоцированный в Каире.

Одновременно на Балканах активизируются национально-освободительные движения, самым мощным из них становятся сербские восстания, начавшиеся в 1804. Ухудшением положения Селима III воспользовались противники реформ. В Эдирне они организовали бунт янычар, который 25.05.1807 перерос в восстание, приведшее к отречению султана. Реакционерами на престол был возведен его двоюродный брат с консервативными взглядами – Мустафа IV (1807-08). Это стало возможным благодаря временному затишью в ходе русско-турецкой войны 1806-12.

Однако сторонники низложенного султана двинули на Стамбул 15-тысячную армию и 28.07.1808 взяли его. Но в тот же день сторонники правящего султана убили низложенного Селима III, а Мустафу IV заменили его же братом – Махмудом II (1808-39). 15 ноября вспыхнул новый бунт янычар, который заставил нового султана идти на некоторые уступки реакционерам. Это было связано еще и с организацией борьбы против России. Последняя в 1809-11 заняла вассальные от О.и. дунайские и западно-грузинские княжества и царство Имерети. Война завершилась Бухарестским миром (28.05.1812), по которому к России отходила Бессарабия, Имерети, и на правах автономии – княжества Абхазия, Мингрелия и Гурия. Сербия получала автономию в рамках О.и.

Однако Махмуд II в 1813 удушил сербское восстание. В итоге в 1815 оно вспыхнуло вновь. В 1821 вспыхнули восстания и в Греции. К январю 1822 повстанцы овладели Мореей, Центральной Грецией и провозгласили независимость. Великие державы созвали Петербургскую конференцию (VI.1824–IV.1825), но не смогли выработать единую позицию по «греческому вопросу». А Махмуд II против греческих повстанцев отправил египетские войска во главе с Ибрахимом-пашой, которым удалось подавить очаги греческого сопротивления.

После этого он выдвинул проект реформирования армии. И вновь нововведениям стали воспрепятствовать янычари, которые 15.06.1826 в Стамбуле подняли очередной мятеж. В результате 17.06.1826 Махмуд II издал указ об упразднении янычарского корпуса и предании его анафеме, что позволило ему начать реализацию преобразований.

В июне 1827 Ибрахим-паша овладел Афинами. Великие державы потребовали от султана предоставить Греции автономию. Получив отказ, англо-русско-французские военные корабли в Наваринском сражении (20.10.1827) наголову разбили эскадру из турецких и египетских судов. Французы заняли Морею, а русская 150-тысячная армия в апреле 1828 заняла дунайские княжества. Одновременно на Кавказском фронте до весны 1829 русские взяли Ахалкалаки, Ахалцихе, Баязет, Карс и Эрзурум. 20.08.1829 на Балканах пал Эдирне. Возможная война с Англией и Францией заставила русских отказаться от взятия Стамбула и по Адрианопольскому миру (14.09.1829) к России отошли только Ахалкалаки и Ахалцихе. Махмуд II под давлением великих держав 24.04.1830 де-юре признал гос. суверенитет Греции, а в августе – Сербское авт. княжество. В том же году Франция лишает О.и. сюзеренных прав над дейским Алжиром.

В этих условиях наместник Египта Мухаммед Али-паша отказывается выплатить ежегодную дань султану и осенью 1831 начинает военные действия. Заняв Палестину, Сирию и Киликию, в декабре 1832 он наголову разбивает султанские войска под Иконией и создает непосредственную угрозу столице. На этот раз Россия спасает Стамбул, оказывая Махмуду II военную помощь. В мае 1833 Мухаммед Али идет на соглашение с султаном, признавая его сюзеренитет взамен на закрепление за ним наследственной власти над Египтом и завоеванными странами. В 1838 Мухаммед Али вновь отказывается от уплаты дани и в июне 1839 под Нисибином наголову разбивает султанские войска. В эти же дни скончался Махмуд II. В конфликт вмешиваются великие державы, начав летом 1840 интервенцию в Сирию. В мае 1841 было подписано соглашение союзных держав и О.и., которое зафиксировало лояльность Мухаммеда Али султану Абдул-Меджиду I (1839-61). На этот раз его наследственные владения были ограничены Египтом. Тем не менее, потомки Мухаммеда Али будут править Египтом и Суданом (с 1867) до 1914.

При Махмуде II реформы коснулись не только армии. По указу 1831 владения тимаров и права на их управления и на сбор налогов начали передаваться государству. Было установлено новое административно-территориальное деление.

Удалось восстановить прямое правление в Ираке (1831) и Западном Триполи (1835). В 1834-39 была создана новая структура органов центральной власти по европейскому образцу – Кабинет из трех министерств. Продолжением стали танзиматские реформы. Абдул-Меджид I обнародовал программу – «Гюльнахейский хатт-и шериф» (3.11.1839), в которой провозглашались гарантии безопасности жизни и имущества, равенство всех подданных вне зависимости от вероисповедания. Несмотря на жесткое сопротивление феодально-клерикальных кругов с 1845-54 был опубликован ряд законов, регулировавших вопросы землевладения и судопроизводства: создан уголовный суд уже не по шариату.

Реформы были временно приостановлены из-за Крымской войны (1853-56). Весной 1853 Царское правительство выдвинуло Порте ультиматум, требующий признать преимущественное право РПЦ над «святыми местами» и права покровительства всеми православными подданными О.и. После его отклонения Николай I объявил войну, будучи уверенный в том, что Англия и Франция вмешиваться не станут. В июле 1853 русские вторглись в пределы дунайских княжеств, 30 ноября у Синопа – разгромили турецкий флот. В декабре турки были разбиты и в Западной Армении под Карсом. Ввиду угрозы полного поражения О.и. в Черном море появились эскадры Англии и Франции. В марте 1854 они заключили с О.и. союзный договор и взялись «защищать» её территориальную целостность. Война получила название Крымской в связи с обороной Севастополя, осажденного 120-тысячной англо-турецко-французской армией. Город был взят только в сентябре 1855 ценной потери 70 тыс. солдат. Вместе с тем в ноябре 1855 турки сдали русским Карс и Баязет. По Парижскому миру (30.03.1856) О.и. получала от России Южную Бессарабию и возвращала оккупированные армянские вилайеты.

О.и. вышла из войны крайне ослабленной. Начался второй период танзимата, который серьезно затронул сферу законодательства и судопроизводства. С целью централизации власти в 1864 был принят закон о вилайетах, утверждены регламенты, определившие новый статус миллетов. (Кстати, в 1841 был образован новый маруни миллети.). В соответствии с Органическими статутами («Национальными конституциями») светские дела иноверческих общин, находившиеся введении их религиозных иерархов, переходили в компетенцию создававшихся при них гражданских советов («Национальные собрания»). На деле они оказались под полным контролем султанской администрации. Танзиматские преобразования коснулись и центральных органов власти. В 1868 был создан Гос. совет с функциями разработки гос. законопроектов и правительственных постановлений.

Танзиматские реформы мало соответствовали потребностям развития огромного конгломерата – отсталой аграрной страны с низким уровнем развития производительных сил. В О.и. существовали немногочисленные предприятия добывающей промышленности, которые находились в жалком состоянии. Полностью отсутствовали шоссейные дороги, длина ж.д. достигала всего 1600 км. Дефицит во внешней торговле рос с каждым годом. В 1860-70-е в экономику широко стал проникать иностранный капитал. Иностранцы имели права на экспорт и импорт любых товаров кроме оружия, соли и табака. Ежегодный дефицит гос. бюджета Порта погашала с помощью внешних займов. Взамен приходилось передавать иностранным банкам ряд статьей гос. дохода, что приводило к финансовому закабалению О.и. Ок. половины расходной части бюджета шло на погашение гос. займов и процентов по ним. Концессии на строительство ж.д., на разработку природных ископаемых и создание банков получил англо-французский капитал. Так был учрежден Оттоманский банк (1856) с правом гос. банка (1863). Вместе с тем шло развитие товарно-денежных отношений, возникали мануфактуры и отдельные предприятия фабрично-заводского типа. Рост происходил и в сфере

военной промышленности. Процессу зарождения капиталистических отношений способствовали и танзиматские реформы, и вовлечение О.и. в мировой товарооборот, что вело к росту товарности сельского хозяйства в прибрежных районах, которые были связаны с внешним рынком. Так происходил процесс формирования внутреннего рынка империи и торгово-промышленной буржуазии, состоявшей в основном из местных греков и армян.

В 1860-е гг. распространение получили буржуазно-либеральные конституционные идеи. В Стамбуле было создано тайное «Общество новых османов» (1865) с участием крупных чиновников. Лидер Н. Кемаль призывал установить конституционную монархию, созвать парламент, выступал за единство О.и. и сохранение института султанской власти. В то же время «новые османы» стали пропагандировать великодержавную доктрину «паносманизма». Согласно ей, все поданные султана – независимо от вероисповедания – это «османы». В 1867 власти начали репрессии и аресты лидеров. Однако Кемалю удалось эмигрировать в Лондон и там развернуть деятельность, что напугала султана Абдул-Азиза I (1861-76), и он в 1871 разрешил ему вернуться. Продолжив деятельность в Стамбуле, Кемаль открыто выступал даже с критикой в адрес Порты. Весной 1876 развернулась политическая борьба за конституционную реформу. Дело в том, что Египет в 1873 добился от султана статуса «государства», а из-за ухудшения финансовой ситуации Порта осенью 1875 нашла выход в повышении ставки налога ушра. Эти меры привели к крестьянским волнениям и к резкому подъему национально-освободительного движения в Боснии, Болгарии и Македонии.

13.05.1876 Россия, Австрия и Германия приняли «берлинский меморандум», который требовал от Абдул-Азиза I проведения на Балканах реформ под их наблюдением. В этих условиях активизировались сторонники конституционных реформ во главе с Мидхат-пашой. Начались массовые акции протеста. Во избежание вмешательства великих держав «новые османы» 30 мая низложили Абдул-Азиза I и на престол посадили его племянника Мурада V. Однако в августе 1876 в связи с тяжелой его болезнью трон занял брат Абдул-Хамид II (1876-1909). Последний в критической ситуации, когда войну ему объявили его же вассалы – князья Сербии и Черногории (с 1852), а великие державы решили созвать в Стамбуле международную конференцию, был вынужден создать комиссию во главе с Мидхат-пашой по выработке проекта конституции. Более того, он назначил Мидхат-пашу, который пользовался большой популярностью на Западе, великим визиром. Абдул-Хамид делал всё для того, чтобы до 23 декабря (до открытия конференции) Порта успела утвердить конституцию, и ему это удалось. Ведь в конституционной монархии формально возникали условия для самостоятельного выхода из кризиса. В документе гарантировались личная свобода и равенство перед законом всем подданным без различия вероисповедания. В то же время все объявлялись османами, господствующей религией объявлялся ислам, единственно официальным языком – турецкий. Вместе с тем в империи вводился самостоятельный Законодательный орган власти с двухпалатным парламентом – сената и палаты депутатов.

Делегаты Стамбульской конференции не признали конституцию гарантией осуществления необходимых реформ на Балканах, и они оказались правы. Как только конференция закрылась, в феврале 1877 Абдул-Хамид сместил Мидхат-пашу и начал репрессии против его сторонников. В марте в Лондоне великие державы подписали протокол, требовавший от султана решительно улучшить положение христианских подданных. В связи с его отклонением Россия 4 апреля объявила О.и. войну.

Русская армия форсировала Дунай и начала военные действия на территории Болгарии. Одновременно на Кавказском фронте летом были заняты Баязет и Батуми,

в ноябре – Карс, в феврале 1878 – Эрзурум. На Балканах дальнейшее продвижение русских задержалось более чем на 4 месяца в связи с упорными боями у Плевны. Она была взята только в декабре 1877. 4 января русские взяли Софию, 20 января – Эдирне. На этот раз Стамбул спасла Англия, эскадра которой появилась в Мраморном море.

В Сан-Стефано был заключен мир (03.03.1878), по которому Боснии и Герцеговине предоставлялась автономия, Сербии, Черногории и Румынии (с 1861) – гос. суверенитет. Под эгидой России создавалась также «Великая Болгария», а Южная Бессарабия возвращалась ей. В Западной Грузии России отходил Батуми, Западной Армении – Карс и Баязет. Более того, Абдул-Хамид брал на себя обязательство в течение 6 месяцев до эвакуации русских войск с занятой ими территории 6 армянских вилайетов провести там реформы. Под давлением европейских держав России пришлось согласиться на созыв Берлинской конференции (13.06.1878). В соответствии с Берлинским трактатом (13.07.1878), вместо «Великой Болгарии» создавалось вассальное от О.и. княжество в её северной части и авт. провинция Восточная Румелия в составе О.и. в её южной части. Австро-Венгрия получала права оккупировать Боснию и Герцеговину. Сербия, Черногория и Румыния получали гос. суверенитет. На востоке Абдул-Хамид уступал России Карс и Батуми, а также брал на себя обязательство проводить реформы в 6 армянских вилайетах. Однако гарант этих реформ, русские войска, немедленно должны были быть эвакуированы. Осуществление реформ ставилось под международный контроль («армянский вопрос»).

Три послевоенных десятилетия деспотического режима Абдул-Хамида вошли в историографию под названием «Зулюм» (насилие, бедствие), а султан получил прозвище «Кровавый». Уже в 1878 он разогнал парламент, приостановил действие конституции, установил военно-полицейский режим насилия и террора. При дворе были созданы специальные бюро, которые ведали деятельность разных правительственных ведомств. Особенно султанские цензоры вмешивались в дела учебных заведений и прессы.

Продолжается финансово-экономическое закабаление О.и., в котором всё большую роль играли иностранные банки с их разветвленной сетью. Западные банкиры контролировали все банки О.и., кроме одного Сельскохозяйственного (1888). Более того, по Высочайшему повелению (20.12.1881) создается Администрация оттоманского публичного долга, куда были зачислены тысячи европейских чиновников. Пользуясь правами гос. аппарата, она получила право сбора гос. налогов и пошлин в некоторых вилайетах О.и., дабы обеспечить выплаты по её астрономическому внешнему долгу. О.и. оказалась в замкнутом финансовом круге. Для пополнения казны, покрытия бюджетного дефицита, осуществления выплат по внешнему долгу она была вынуждена соглашаться на новые внешние займы, на новых кабальных условиях, предоставляя новые концессии.

О.и. превратилась в разменную монету в большой дипломатической игре великих держав. Они успешно использовали нац. вопросы в О.и. для усиления влияния на Стамбул. Недовольства нац. и религиозной политикой Порты охватили в 1890-е Македонию, Эпир и Крит. Для борьбы против нац. движений Абдул-Хамид из преданных ему курдских племен стал формировать иррегулярную кавалерию («хамидие»), которая с особой жестокостью расправлялась с мятежным христианским населением. Кульминации достигло армянское нац. движение. Трехмиллионное армянское население продолжало компактно проживать в 6 армянских вилайетах, в Киликии, Стамбуле и др. крупных городах. Обязательства Абдул-Хамида, взятые им на себя в Берлинском трактате, относительно реформ в 6 вилайетах не были до сих пор осуществлены. Более того, в 1894 он учинил жестокую расправу в г. Сасун. В связи с этим 11.05.1895 Англия, Франция и Россия

представили султану проект реформ в армянских вилайетах. На это он ответил ликвидацией в Стамбуле 18 сентября 2 тыс. мирных армянских демонстрантов. В сентябре-ноябре по всей О.и. прошли погромы и массовая резня десятков тысяч армян. С 14-16 августа 1896 в Стамбуле было вырезано еще ок. 10 тыс. армян. Всего за 2 года было уничтожено ок. 300 тыс. армян, эмигрировало из О.и. еще ок. 200 тыс. «Армянский вопрос» стал поводом созыва новой Стамбульской конференции (XII.1896–II.1897). Был принят очередной проект реформ, реализация которого была отодвинута критским кризисом. Островитяне взялись за оружие под лозунгом воссоединения с Грецией, и последняя объявила в апреле 1897 войну О.и. Европейские же державы поддержали в войне султана. Тем не менее, Крит достался Греции.

Абдул-Хамид стал открыто ориентироваться на Германию. Дело в том, что Великобритания оккупировала Кипр (1878), Египет и Судан (1882), установила протекторат над Южным Йеменом (1886) и Кувейтом (1899), а Франция – над Тунисом (1881). В 1898 кайзер Вильгельм II посещает Стамбул и объявляет себя покровителем мусульман. Султанская армия была поставлена под контроль германских генералов, правительственные ведомства – под опеку германских советников.

Буржуазно-либеральные конституционные идеи при режиме Абдул-Хамида не умерли. Они воплотились в движении младотурок. В 1894 появляется первая листовка от имени подпольного общества «Единение и прогресс», которая призывала всех без различия вероисповедания подняться на борьбу против режима «кровавого» султана, деспотизма и тирании. Порта отреагировала репрессиями; часть лидеров перебралась в Европу. В Париже Ахмед Риза-бей в 1895 опубликовал устав общества: сохранение территориальной целостности О.и.; восстановление конституции; освобождение от иностранной кабалы; справедливость, равенство и свобода для всех подданных без различия вероисповедания. Там же прошел I конгресс младотурок (1902) под председательством Сабахеддина – племянника Абдул-Хамида. Среди делегатов были даже турецко-подданные армяне, греки, албанцы и др. Однако единства не было. Председатель считал возможным бескорыстную помощь делу реформ в О.и. со стороны великих держав. Ахмед Риза-бей выступал против этого и создал «Общество прогресса и единения».

На II конгрессе младотурок (Париж, 1907) с участием армянских нац. партий и лидеров македонского освободительного движения была принята «Декларация» о восстановлении конституции и о созыве парламента. Она призывала к всеобщему восстанию всех народов империи ради свержения режима Абдул-Хамида.

В македонских землях в начале XX в. происходили восстания на нац. и соц. почве. В июне 1908 Россия и Великобритания достигли согласия о вооруженном вмешательстве в македонские дела. Возникла реальная угроза отторжения от О.и. её последних вилайетов в Европе. Кризисной ситуацией воспользовалась оппозиция Абдул-Хамида в лице младотурок с резиденцией в Салониках. В результате повсюду в Македонии имели место выступления в армейских частях на соц. почве, а консулы великих держав, аккредитованные там, стали получать от комитетов младотурок ноты протеста по поводу возможного вмешательства во внутренние дела О.и.

Абдул-Хамид попытался расправиться с растущим движением, к которому примкнули даже представители турецкой администрации на местах: свыше 15 тыс. оппозиционеров. 3 июля началось мощное восстание в Охриде, в котором участвовали не только турецкие офицеры и солдаты, но и албанские и македонские отряды. К повстанцам начали открыто присоединяться армейские части, которые направлялись султаном для их подавления. После этого они во главе с Энвером-беем заняли Монастырский и Салоникский вилайеты и объявили о восстановлении

конституции 1876. Того же они потребовали от султана. Волнения перекинулись на Анатолию, охватив Стамбул. Абдул-Хамид был вынужден пойти на уступки и 24 июля опубликовать указ о восстановлении конституции и обещать созыва парламента («младотурецкая революция»).

Уже через несколько дней на смену революционным лозунгам к населению обратились с призывами к гражданскому повиновению и порядку те же лидеры младотурок. Они пустили в ход даже жандармерию и армейские части. Несмотря на революционные победы, комитет «Единение и прогресс» отказался от управления империей. Младотурки не тронули султана, которого еще недавно обвиняли во всех грехах. Они полностью ликвидировали только султанскую тайную полицию и убрали скомпрометировавших себя чиновников. Резиденция младотурок осталась в Салониках, но по всей империи они учредили сеть филиалов Общества. На конгрессе (5-25.10.1908) «Единение и прогресс» был преобразован в полит. партию. Была утверждена и её программа: ограничение прав и полномочий султана и передача их парламенту; подотчетность членов правительства перед парламентом, право депутатов на внесение законопроектов; свобода слова, печати и собраний. По очень важному и болезненному нац. вопросу программа партии подходила в духе паносманизма.

Революционная ситуация в О.и. позволила Австро-Венгрии аннексировать Боснию и Герцеговину (3 октября), а Болгарии вместе с Восточной Румелией – провозгласить независимость (4 октября). Это привело к нарастанию антимладотурецких настроений; реакционные силы начали обвинять лидеров «Единение и прогресс» в военно-политических поражениях государства. В такой ситуации прошли первые выборы в парламент (палату депутатов), в котором победу, тем не менее, одержали младотурки.

Соц. база и полит. влияние младотурок не расширялись, и они быстро начали терять популярность среди различных слоев общества. Потеряли поддержку и со стороны нац. полит. сил, т.к. отказывались от прежних обещаний по автономизации нац. областей. Более того, младотурки на практике показали, что методы «решения» нац. вопросов они заимствовали у «Кровавого» султана. 1–4 и 12–14 апреля 1909 армейские части вырезали свыше 30 тыс. киликийских армян. Реакционные силы не стали долго ждать. В ночь на 13 апреля солдаты столичного гарнизона начали контрреволюционный мятеж, получивший поддержку Абдул-Хамида. Повстанцы заняли здания парламента и правительства, но лидеры младотурок успели спастись в Салониках. Здесь они мобилизовали 100-тысячную «Армию действия», к которой присоединились также отряды албанцев и македонцев. Нац. лидеры решили вновь оказать поддержку младотуркам, т.к. стояла угроза отмены восстановленной конституции. 16 апреля «Армия действия» выступила в поход на Стамбул и 22 апреля столица была окружена. Абдул-Хамид поспешил договориться, но младотурки на этот раз были настроены решительно. 26 апреля они взяли Стамбул и подавили мятеж. 27 апреля парламент принимает фетву о низложении Абдул-Хамида и ряд поправок к конституции, ограничивая права и полномочия нового султана Мехмеда V (1909-18) в пользу парламента.

Младотурецкий режим отличался полит. нестабильностью. За 10 лет режима (1908-18) сменилось 14 правительств. Ситуация осложнялась постоянной внутрипартийной борьбой в правящей партии. В результате О.и. была не готова отразить новые вызовы. Осенью 1911 итальянцам легко удалось оккупировать Западный Триполи. В такой ситуации сторонники оппозиционной партии «Свобода и согласие» (1911) в июле 1912 совершили гос. переворот и сформировали подконтрольный им кабинет министров. Полит. силы некоторых нац. меньшинств приняли участие в перевороте, т.к. им вновь обещали принцип автономизации нац. областей. Младотуркам вновь пришлось перебраться в Салоники. Итало-турецкая

война 1911-12 завершилась полным разгромом О.и. По Лозаннскому миру (18.10.1912) она уступила Италии Ливию. В тот же день военно-политический блок Болгарии, Греции, Сербии и Черногории объявил О.и. войну. Еще в сентябре блок предъявил Мехмеду ноту с требованием предоставить автономию Македонии и Фракии и получил отказ. За полтора месяца боев союзники заняли всю европейскую часть О.и. и были остановлены на подступах к Стамбулу. Порта была вынуждена обратиться за помощью к великим державам. В Лондоне 16 декабря начались переговоры. Союзники требовали от Порты отказаться от всех своих европейских владений. 22 января 1913 она согласилась. В ответ 23 января офицеры-младотурки во главе с Энвер-беем осуществили новый переворот в Стамбуле и сформировали новое правительство. 3 февраля О.и. возобновила военные действия, которые завершились для неё новыми поражениями. В результате 30 мая Порта вынуждена была пойти на подписание Лондонского мира, по которому за О.и. в Европе сохранялся только Стамбул с прилегающей территорией. Однако бывшие союзники начали братоубийственную войну за раздел Македонии и Фракии (Вторая балканская война). С 13 июля 1913 О.и. начала успешные военные действия против Болгарии. По Стамбульскому миру (29.09.1913) часть Восточной Фракии была возвращена ей.

С конца 1913 власть была сконцентрирована в руках триумвирата – Энвера, Талаата и Джемаля. Диктатура поставила О.и. под полный контроль Вильгельма II. Германский кайзер открыто поддерживал крайне реакционные концепции идеологии младотурок «панисламизма» и «пантюркизма». Они были связаны со стремлением младотурок создать «Великую империю тюрок» от Малой Азии до Сибири.

После резни армян Киликии последовали карательные экспедиции против албанских националистов. В 1910-14 имели место многократные курдские погромы в Битлисе и Мосуле. Разжигалась межнациональная вражда между курдами и армянами. Россия в очередной раз возбуждает перед Портой «армянский вопрос». После долгих переговоров заключается Стамбульское соглашение (8.02.1914), по которому из 7 восточных вилайетов создавались 2 армянских сектора под контролем России, управление которыми, однако, поручалось Генеральным инспекторам из числа европейцев, назначаемых Портой по рекомендации великих держав. Армяне получали широкую автономию в области управления, судопроизводства, военной службы, употребления родного языка. Мировая война позволила О.и. в одностороннем порядке аннулировать соглашение.

Первоначально Порта объявила о нейтралитете в начавшейся войне. Но уже 2 августа заключила с Германией секретное соглашение о военном сотрудничестве. 11 ноября султан Мехмед объявил о «джихаде» против государств Антанты и вступлении О.и. в войну на стороне Германии и Австро-Венгрии. Вооруженные силы были предоставлены в полное распоряжение германского командования. Военно-стратегический план Энвер-бея на первом этапе предусматривал решительное наступление одновременно на Кавказском фронте против России; Суэцком – против Великобритании и Франции. На втором этапе – решительное наступление в сторону Ирана и Афганистана. Однако в результате контрнаступления русской армии в 1915-16 турки не только были отброшены из Кавказа, но и значительная часть Турецкой Армении была занята русскими. В Эрзинджане было достигнуто перемирие (5.12.1917).

В наступлении русских активную помощь оказывали турецкие армяне, принимая их, как освободителей. Такая поддержка стала для них судьбоносной. По решению младотурецкого триумвирата все армянское население Турецкой Армении и Киликии подверглось геноциду. В результате массовой резни и депортации 1915-16 было уничтожено свыше 1,5 млн. армян. Спаслись ок. 300 тыс. армян из тех

районов, которые успели русские силы и армянские отряды занять. Уничтожению подверглись также понтийские греки (ок. 350 тыс.) и ассирийцы (ок. 600 тыс.).

Окончательный разгром О.и. на короткое время был отсрочен в связи с революциями в России. По Брестскому миру (3.03.1918) к О.и. должны были отойти Карсская и Батумская области. Воспользовавшись эвакуацией русских сил с территории Турецкой Армении и Закавказья, Энвер-бей начал агрессию против суверенных республик Закавказья; 15 сентября его армия вступила в Баку, вырезав 40 тыс. местных армян. Действия турок были успешными и на Балканском фронте, где еще в январе 1916 они изгнали войска Антанты из Дарданелл, и первоначально на Месопотамском фронте, где в апреле 1916 они принудили к капитуляции англо-индийские войска. Между тем под решительными ударами британских и французских сил, которые действовали при поддержке арабских отрядов, 17 марта 1917 пал Багдад, 1 октября 1918 – Дамаск. О.и. была вынуждена подписать акт капитуляции в порту Мудрос (30.10.1918). В соответствии с ним, на всех фронтах устанавливалось перемирие, Порта эвакуировала свои войска со всех занятых районов до границ 1914. 31 октября командование турецкой группировкой немцы передали турецкому генералу Мустафе Кемалю. За несколько дней до капитуляции члены младотурецкого триумвирата навсегда покинули страну. Позднее в 1919-20 султанский верховный суд заочно приговорит их смертной казни.

В конце 1918 – начале 1919 войска стран победительниц-Антанты вступили на территорию Турции: англичане заняли Стамбул, французы – Киликию, итальянцы – Антакию, а греки – Измир.

19 мая 1919 Мустафа Кемаль, порвав отношения с султаном Мехмедом VI (1918-22), возглавил начавшееся нац. движение против Антанты. 28 января 1920 по его требованию парламент принял «Нац. обет», определявший территорию и границы и особенности гос. устройства будущей Турции. В рамках этих границ предполагалось включить «земли, населенные османским мусульманским большинством, объединенным религией, расой и идей». Особо подчеркивалось, что эти территории являются «собственно турецкими, представляют единое целое, которое не терпит разделения ни де-юре, ни де-факто по каким бы то ни было причинам». В рамках подобных территорий оказались Курдистан и Западная Армения.

«Нац. обет» не был признан странами Антанты. Более того, 10 августа 1920 в Севре (Франция) Порта заключила мир с Союзными державами и их союзниками. В соответствии с ним, Восточная Фракия и Измир отходили к Греции, Мосул – к подмандатной Великобритании Ираку, Киликия – к подмандатной Франции Сирии, Западная Армения – к подмандатной США Армении. Зона проливов выделялась в особый район под международным управлением. Турецкая армия подлежала разоружению.

Севрский мир усилил нац. движение под эгидой кемалистов, которое направило оружие борьбы против султанской власти и всех союзных держав. К тому времени Мустафа Кемаль-паша в ходе переговоров с РСФСР добился от неё огромной военной и материальной помощи. В ходе турецко-армянской войны, которая началась в конце сентября 1920, кемалисты овладели 30 октября Карсом, 7 ноября – Александрополем. 2 декабря 1920 Армения капитулировала. Позднее, по Карсскому миру (13.10.1921) между Арменией, Азербайджаном, Грузией с одной стороны и Турцией – с другой, Карсская обл. и Сурмалуинский уезд Армении, часть Батумской обл. Грузии отошли к Турции. Одновременно кемалисты вели военные действия против французских сил Киликии и Северной Сирии, где под французским мандатом была провозглашена Киликийская Армянская Республика (4.08.1920). В ходе боев, которые шли здесь с января 1920 турки заняли Мараш, Аджн и Урфу. По Анкарскому миру (20.10.1921) французы уступили Турции

Северную Сирию и Киликию без г. Искендерун (отойдет по договору 1938). Затем кемалисты начали военные действия против греческих сил в Западной Анатолии. 10 января и 31 марта 1921 они нанесли поражение грекам у Инёню, с 23 августа – 13 сентября 1921 – у Сакарьи и 30 августа 1922 – у Думлупынара. К 18 сентябрю 1922 вся Анатолия и Восточная Фракия были уже под контролем вооруженных сил кемалистов.

В ходе этих войн продолжалась резня десятков тысяч греков и армян, свыше 1 млн христиан спаслись бегством в Грецию, Армению, Грузию и Сирию. В Турцию же переселились сотни тысяч мусульман из Балкан, Кавказа и арабских стран.

Кемалисты добились заключения Лозаннского мира (24.07.1923) между Союзными державами и Турцией. В соответствии с ним, в составе Турции оказались оговоренные в «Нац. обете» территории (кроме Мосула), включая и все занятые в ходе войн области. 29 октября 1923 Великое Национальное Собрание Турции (парламент, созванный в 1920 в Анкаре) принял поправки в действующую конституцию О.и. В соответствии ними, была провозглашена Турецкая Республика (ТР) с президентской властью со столицей в Анкаре. 3 марта 1924 издан закон об упразднении халифата и низложении султана Абдул-Меджида II (1922-24). Все члены императорской семьи лишились возможности стать гражданами ТР и 4 марта покинули её территорию. Закон предусмотрел выделение им из казны средства для безбедного существования за границей.

Литература *(общий список см.: приложение)*:

История Востока в шести томах. Т. 2. Восток в средние века. М., 1995. Т. 3. Восток на рубеже средневековья и нового времени (XVI-XVIII вв.). М., 2000. Т. 4. Кн. 1-2. Восток в новое время (конец XVIII – начало XX в.). М., 2004-05. Т. 5. Восток в новейшее время (1914-45 гг.). М., 2006; Гасратян М.А., Орешкова С.Ф., Петросян Ю.А. Очерки истории Турции. М., 1983; Еремеев Д.Е., Мейер М.С. История Турции в средние века и новое время. М., 1992; Петросян Ю.А. Османская империя: могущество и гибель. Исторические очерки. М., 1990; Shaw ST.J., Shaw E.K. History of the Ottoman Empire and Modern Turkey. Vol. 1-2. London, NY, 1976-77.

ПЕРИФЕРИЯ

Периферия – составная часть систем изображения разделения мира/цивилизации «центр и периферия». Эта концепция развивалась в рамках политической экономии и других наук на Западе, начиная с конца XIX в., но особенно активно после Второй мировой войны, когда началось крушение мировой колониальной системы и стала ощущаться потребность исследования и анализа мировых экономических и политических связей. В наиболее общем виде концепция «центр и периферия» подразумевает разделение прежде всего единой мировой экономической системы на две взаимозависимых части, два полюса: «мировой центр» и «мировая периферия», соответствующие странам Запада и развивающимся странам.

В конце 1940-х и в 1950-х гг. в западной историографии преобладала точка зрения о независимом развитии Запада. Она вызвала серьезные возражения у ряда ученых, таких как Андре Гундер Франк, Иммануэль Валлерштейн, Джейн Шнейдер, Эрик Вольф. Дискуссия об особенностях развития была начата работами А. Франка (1967), который утверждал, что слабое развитие стран третьего мира (периферия) стало результатом их эксплуатации странами растущего капитализма (зона центра). Это осуществлялось через разделение труда, извлечение прибавочного продукта и создание рынка для сбыта продукции развитых стран. Сформировались понятия

«центр» и «периферия». При этом подчеркивалось, что слабое развитие периферийных обществ не стало результатом свойственной им архаической структуры, а определялось их историческими связями с развитыми центрами.

Стоит отметить, что хотя понятия центра и периферии сегодня широко применяются в социологии и разнообразных исторических школах, они чаще всего связываются с подходом Э. Валлерштейна к мировой системе, опубликовавшем в 1974 г. книгу «Современная Мировая Система». Он расширил в историческом и географическом аспектах данную концепцию, задавшись целью описать и найти истоки современной политической и экономической структуры капитализма. Он утверждал, что с XVI в. начала возникать всемирная капиталистическая система во главе с Англией, Францией и Нидерландами, обладавшими мощными централизованными политическими структурами и меркантилистскими экономиками. В рамках этого процесса другие государства превращались в подчиненные центру и обеспечивали дешевую рабочую силу, как правило, несвободный труд в форме рабства или долгового пеонажа. Эти регионы и образовали периферию, снабжающую сырьем, продовольствием и предметами роскоши купцов центра, которые господствовали в мировой торговле. Позже Валлерштейном и другими авторами было введено понятие полупериферии для описания тех стран, которые в XX в. добились определенного уровня индустриализации, в меньшей мере находятся под господством экономики центра, достигнув некоторого уровня политической централизации, а также гражданско-политической организации. К их числу было отнесено большинство южноевропейских стран, некоторые латиноамериканские (например, Аргентина, Бразилия, Чили) и азиатские, такие как Южная Корея.

Классическую модель «центр–периферия» также представил Джон Фридман в конце 1960-х гг., изложивший её в книге «Политика регионального развития». Всякая экономика, согласно автору, представляет собой связанные воедино и взаимодействующие между собой зоны. При этом в пространственном измерении качества экономики, уровень экономического развития, техника, культура изменяются в зависимости от движения от центральных районов к периферийным. Эти районы считаются антиподами: центр, объединяющий всё самое передовое (место зарождения технологических и социальных нововведений) противостоит громадной периферии – среде их распространения (характеризующейся архаичностью, отсталостью, возможностями легкой эксплуатации со стороны центра). Эти черты проявляются на глобальном, региональном и государственном уровнях. При этом периферия неоднородна, так как имеет внутреннюю (ближнюю) сферу, которая тесно связана с центром и получает непосредственно от него импульсы к развитию, и внешнюю (дальнюю), на которую центр не оказывает практически никакого влияния. Постоянное доминирование центра над периферией обеспечивается постоянной инновационной деятельностью. Кроме агломерационного эффекта, экономическое доминирование центра обеспечивается за счет выкачивания ресурсов из периферийных районов, что усиливает и закрепляет различия между ними. В системе прослеживается тенденция вытеснения старых, рутинных, грязных отраслей на ближнюю, а затем и дальнюю периферию (диффузия устаревших нововведений). И хотя это способствует частичному развитию периферии, но и закрепляет ее подчиненное положение по отношению к центру. Центр и периферия на любом пространственном уровне связаны между собой потоками информации, капитала, товаров, рабочей силы. В результате этих взаимодействий, несмотря на постоянное подтягивание периферии, разрыв между ней и центром сохраняется, что усиливается неравномерностью экономического роста.

Понятия «периферии» и «центра» активно разрабатывались и в многих

концепциях зависимости, или зависимого развития, которые были созданы первоначально на материалах Латинской Америки и лишь затем были распространены на весь «третий мир». Их основы были заложены видным латиноамериканским экономистом Раулем Пребишем, работавшим с 1950 г. по 1963 г. исполнительным секретарем Экономической комиссии ООН для Латинской Америки (СЕПАЛ), когда им были разработаны основы своей экономической теории. Они были изложены в труде «Экономическое развитие Латинской Америки и его главные проблемы» (1950). Основные постулаты этой концепции были приняты и развиты целой группой экономистов, работавших вместе с ним в СЕПАЛ. Это концептуальное направление получило название сепализма. Главное в концепции Р. Пребиша состояло в том, что капиталистическая мировая экономика представляет собой единое целое, совершенно четко разграниченное на «центр», включающий в себя несколько высокоразвитых индустриальных держав, и «периферию», которую составляют в основном аграрные страны. Периферийные страны находятся в экономической зависимости от «центра», что препятствует их развитие и обуславливает их отсталость. Важнейшей причиной отсталости периферии было сочтено выкачивание центрами существенной части ее доходов. В 1970-х годах им было создано несколько новых работ, которые были затем сведены в книгу «Периферийный капитализм: Кризис и трансформация» (1981), где под влиянием критики его первоначальная концепция была обновлена и переросла в теорию «периферийного капитализма», суть которой заключалась в том, что периферийные страны, как и страны, составляющие центр, являются капиталистическими, но их капитализм качественно отличен от капитализма «центров». Он функционирует и развивается во многом по иным законам. Специфика периферийного капитализма определяет особый характер всего общества.

Таким образом, модель «центр–периферия» задает общие рамки, в которых действуют взаимоотношения между обществами, находящимися на различном уровне политического, экономического и технического развития. Центр рассматривается как регион, контролирующий наиболее развитые технологии и производственные процессы, владеющий более совершенными формами организации труда и имеющий сильный идеологически обоснованный государственный аппарат. Элита этих обществ становилась потребителем сырьевых ресурсов. В системе состояло, как правило, не одно, а несколько – конкурирующих между собой государств, обладающих боле или менее разветвленной сетью подчиненных им территорий. Периферии – регионы, в которых наблюдался недостаток этих атрибутов, но было много сырьевых ресурсов. Функционирование этих регионов обеспечивалось также за счет элиты, которая стремилась к господству на своей территории.

Принципиально важным моментов во всех концепциях «Центра и периферии» является общее колониальное прошлое этих составляющих. Колониальные владения превратились в хозяйственную периферию европейского капитала и послужили базой для резкого расширения внешней торговли, которая фактически стала мировой. Великие географические открытия создали довольно прочный фундамент для возникновения международного разделения труда, мирового хозяйства и мирового рынка. Рос объем торговли, а за счет колониальных товаров невиданно расширялся ее ассортимент. В результате мировой рынок (мировая торговля) дополнился международным переплетением ссудного и предпринимательского капитала, созданием системы международной эксплуатации западными державами громадной колониальной периферии. Все это и привело к возникновению мирового хозяйства как глобального экономического организма, в котором сложилась взаимозависимость всех стран и народов планеты. Однако

следует принять во внимание, что модернистский Запад практически ассимилировал и включил в себя в качестве колониальной периферии все остальное человечество. В тех редких случаях, когда восточные страны смогли отстоять свою независимость, это было достигнуто ценой радикальной модернизации и вестернизации, то есть ценой того же самого включения в структуру западной цивилизации только путем присоединения к мировой метрополии. Такое состояние вселенского доминирования, поглощения одной цивилизацией всех остальных, сложилось впервые в известной истории человечества.

Концепция «центра и периферии» применима и к современной ситуации в мире. В структуре мирового хозяйства можно выделить центр и периферию. К центру относятся высокоразвитые промышленные страны, на долю которых приходится три четверти совокупного объема мирового валового национального продукта, потоков капитала и мировой торговли. Эти страны являются пионерами научно-технического прогресса, применения высоких технологий и научных открытий, обладают огромным военно-промышленным комплексом и наиболее дееспособной военной организацией (НАТО). Отношения между промышленно развитыми странами характеризуются борьбой двух тенденций – сотрудничества и соперничества (конкуренции). Среди экономически развитых стран наибольшей мощью обладают США, которые совместно с Канадой и Мексикой строят обширное экономическое пространство, страны Западной Европы (Европейский Союз), Япония, новые индустриальные государства Азиатского региона (Гонконг, Сингапур, Тайвань, Южная Корея).

В мировом хозяйстве наименее развитые страны занимают место периферии, выполняя функции поставщиков сырья и дешевой рабочей силы. Их также называют «третий мир» или «развивающиеся» страны. Многие из них имеют однобокую сырьевую или полуфабрикатную специализацию экономики, устаревшую материальную базу производства, низкий уровень развития товарно-денежных отношений. Несмотря на огромное разнообразие хозяйственной жизни, страны третьего мира имеют и сходные характеристики, позволяющие объединить их в данную категорию. Основная из них – колониальное прошлое, последствия которого можно обнаружить в экономике, политике, культуре этих стран. У них один путь формирования действующей структуры промышленности – повсеместное преобладание ручного производства в колониальный период и программа перехода к индустриальным методам производства после обретения независимости. Поэтому в развивающихся странах тесно соседствуют доиндустриальные и индустриальные типы производства, а также производства, основанные на новейших достижениях научно-технической революции. Но в основном преобладают два первых типа. Центр и периферия находятся в постоянной связи и взаимовлиянии, несмотря на то, что перед государствами стоят разные проблемы. Для многих стран центра на первое место выдвигаются экологические и гуманитарные критерии развития, формирование качественно новой структуры производства и потребления. Для развивающихся – переход к устойчивому росту, решение социальных проблем; в ряде стран – обеспечение населения продовольствием.

Литература:

Frank A.G. Crisis in the World Economy. New York, 1980; Frank A.G. The World System: Five Hundred Years or Five Thousand? London - New York, 1996; Friedmann J. Regional Development Policy: A Case Study of Venezuela. Cambridge (Mass.), 1966; Prebisch R. Theoretical and Practical Problems of Economic Growth, 1950; Prebisch R. Socioeconomic Structure and Crtisis of Peripheral Cpaitalism, 1978; Wallerstein I. The Modern World System: Capitalist Agriculture and the Origins of the European World Economy in the Sixteenth Century. New York, 1974.

ПОРТУГАЛИЯ, КОЛОНИИ

Португальская империя из всех европейских колониальных империй была самой длительной, просуществовав с начала XV по конец XX вв. К 1918 г. Португальская империя занимала третье место по площади и населенности своих территорий после Английской и Французской. Однако термин «Португальская колониальная империя» (Império Colonial Português) был в употреблении только в период между 1930 и 1951 гг. По традиции обширные владения Португалии на пяти континентах обозначались как «заморские провинции» (*Ultramar Português*).

Построение империи. Началом португальской экспансии за пределы Иберийского п-ва стало завоевание Сеуты, крепости на северном побережье Африки, в 1415 г. По завершении Реконкисты (1249) и после устранения угрозы аннексии Кастилией (1385), силы Португалии оказались высвобождены для продолжения крестового похода против мусульман по другую сторону Средиземного моря. Отдав распоряжение об отплытии армады из 200 судов с 20 тыс. войска на борту, король Жуан I, великий магистр Ависского ордена и основатель Ависской династии, руководствовался не только религиозными мотивами. Большую роль играли политические и экономические соображения. В силу своего расположения в стороне от главных торговых маршрутов Средиземноморья португальский экспорт был невелик, посредники завышали цены на товары Востока, и прежде всего пряности. Португалия нуждалась в открытии новых возможностей для участия в мировой торговле. Дворянство жаждало земель, славы и наживы, буржуазия − расширения торгового обмена и прибылей.

Сеута, конечный пункт назначения караванов, следовавших из Судана через Сахару и нагруженных золотом, медью, рабами, была знаменита процветавшей в ней торговлей. К тому же расположение у входа в Гибралтарский пролив делало из нее важный стратегический пункт. Овладев ею, Жуан I рассчитывал уничтожить пиратство в районе Гибралтара. Гарнизон Сеуты, застигнутый врасплох, не сумел оказать сопротивления, город пал 15 августа 1415 г. Мечеть Сеуты была преобразована в церковь. Принц Генрих (Энрике) (1394−1460), принимавший участие в штурме Сеуты и знаменитый решающей ролью в организации морских экспедиций Португалии (прозвище “Мореплаватель” является красноречивым тому свидетельством), был к тому же страстным поборником завоевания Марокко, планируя обратить «неверных» в христианство и дойти до Иерусалима. Предпринятая по его инициативе попытка овладеть Танжером в 1437 г. закончилась неудачей и пленением инфанта Фердинанда, однако Сеута осталась за Португалией. В правление Афонсу V и при непосредственном участии принца Генриха португальцы овладели в 1458 г. крепостью Алькасер-Сегер, расположенной между Танжером и Сеутой.

К началу XV в. поле зрения португальских мореплавателей не простиралось далее Канарских о-вов и мыса Бохадор (северо-запад Африки). Эпоха Ренессанса способствовала пробуждению любознательности. Принц Генрих, испытывавший немалый интерес к астрологии, астрономии, математике, собрал в навигационной школе в Сагреш лучших капитанов, географов и картографов того времени. К тому же географическое положение Португалии на перекрещении морских путей и в непосредственной близости от Африканского континента располагал к плаваниям в открытом море. Но не только умозрительный интерес к открытию новых земель двигал Генрихом при организации и снаряжении морских экспедиций к западному берегу Африки. Перспективы обогащения и пополнения государственных доходов

имели тем большее значение, что из хроник и разговоров с пленными Сеуты были почерпнуты обширные сведения о фантастических богатствах африканских народов. Популярный в Португалии рыболовный промысел формировал отважных мореходов. Каравеллы, парусные суда, с давних пор служившие португальцам для рыболовства и каботажных плаваний, преображенные в трехмачтовые корабли с высокими бортами, легкие и маневренные при исследовании береговых линий и в условиях океана, сделали географические открытия возможными.

Первым делом португальская корона закрепила за собой ряд о-вов, открытых ранее, в XIV в. В 1419 г. постоянные поселения португальцев появились на архипелаге Мадейра, а в 1427 г. – на Азорских о-вах. Канарские о-ва были признаны папой Евгением IV законным владением Кастилии в 1436 г., что лишило Португалию права претендовать на них. В 1434 г. парусный корабль Жиля Еанеша обогнул мыс Бохадор (26˚ С.Ш.), что потребовало от мореплавателя немалой доли мужества. Мыс Бохадор имел репутацию чрезвычайно опасного вследствие соседства бурного атлантического течения, увлекавшего корабли к югу и силой прибоя разбивавшего их о прибрежные скалы или рифы. Далекие плавания к неизведанным землям были сопряжены с риском. Истории о мифических монстрах, обитающих в глубинах океана и уничтожающих суда, были хорошо известны морякам, страшившимся смерти в *Mar Tenebroso* (Мрачное море). Тем не менее, португальские экспедиции к западному берегу Африки следовали одна за другой, продвигаясь все далее на юг. На вновь открытых землях моряками устанавливался падран – памятный столб с изображением королевского герба Португалии в знак их перехода под управление португальской короны. В 1441 г. Нуньо Триштан доплыл до мыса Кабо-Бланко в северной Мавритании (современный Нуадибу). В 1444 г. Диниш Диаш достиг самой западной точки Африканского континента, поросшей пышной растительностью, дав ей название Зеленого мыса (Cabo-Verde), и о-ва Горе, названного им Палма. Тогда же в Португалию были доставлены первые партии чернокожих невольников, на торговлю которыми принц Генрих ввел государственную монополию. Вырученные средства шли на финансирование дальнейших экспедиций. В 1452 г. папская булла санкционировала захват португальцами африканских земель и обращение их жителей в рабство. И хотя африканцы оказывали, как могли, сопротивление и вступали в стычки с белыми пришельцами, стрелы против оружия и пороха были бессильны. Некоторые из капитанов-работорговцев и членов их экипажей все же поплатились жизнью при попытках пленить чернокожих. Так, Нуньо Триштан, исследователь устья реки Сенегал (1445), был убит отравленными стрелами в устье реки Гамбия в 1446 г., и вместе с ним 17 его спутников. Но не только рабы и золото влекли португальцев… Древесина и красящие вещества, шкуры и жир тюленей, которые экипажи кораблей привозили из своих отдаленных экспедиций, позволяли выручать от их продажи значительные средства и создавать материальную основу для последующих экспедиций.

Альвизе Кадамосто, венецианский мореплаватель на службе у португальской короны, посетил в 1456 г. некоторые из о-вов Зеленого мыса, необитаемых и известных в прошлом только арабам и финикийцам. Диого Гомиш и Антонио Ноли открыли остальные о-ва архипелага в 1460 г. (официальная дата открытия Кабо-Верде европейцами). В 1462 г. на о-ве Сантьяго было основано первое постоянное поселение португальцев в тропических широтах − Рибейра Гранде (современный Сидаде Вела). О-ва Кабо-Верде стали базой для португальского проникновения на материк. В том же 1462 г. Педро де Синтра достиг Сьерра-Леоне.

Начиная с 1460 г., со смертью принца Генриха, морская экспансия Португалии несколько замедлилась. Король Афонсо V по прозвищу “Африканец” был поглощен марокканским проектом. В его правление Португалия пополнила

количество опорных пунктов на африканском побережье, между Танжером и Сеутой. К крепости Алькасер-Сегер добавились порты Арзила и Лараш, завоеванные в 1471 г. И, наконец, после нескольких неудачных попыток, португальцы овладели Танжером. Победоносная экспедиция 1471 г. была впечатляющей по масштабам задействованных сил: 500 кораблей с 30 тыс. воинов на борту. Завоевав вышеупомянутые опорные пункты, португальцы приложили немало усилий к их укреплению, строительству донжонов и крепостных стен. Договор 1479 г. с Кастилией знаменовал собой распределение зон влияния в Марокко. Кастилия отказалась от претензий на Сеуту, некогда входившую в сферу ее влияния (в конце XIII в.). Несмотря на видимое забвение, в котором Афонсу V оставил атлантический вектор португальской экспансии, в его правление отважные мореходы достигли Гвинейского залива. В 1471 г. Жуан ди Санторен и Педру ди Эшковар добрались до Ганы, которую нарекли Золотым берегом. Приплыв в залив Биафра, Фернандо По первым из европейцев высадился в 1472 г. на о-ве Биоко (Экваториальная Гвинея), который будет назван его именем.

Систематическое исследование западного побережья Африки возобновилось с 1474 г., под руководством сына и наследника Афонсу V инфанта Жуана, с 1481 г. – короля Жуана II по прозвищу *Principe Perfeito* (Совершенный принц). Более того, он сформулировал новую доктрину атлантической политики Португалии, о которой помышлял уже принц Генрих в последние годы своей жизни. Речь идет о *plano das Indias* (Индийском проекте), который заключался в том, чтобы, обогнув Африканский континент с юга, открыть для португальцев морской путь в Индию, известную процветающей торговлей специями, драгоценными камнями, текстилем и рисом, и, тем самым, разрушить монополию арабских и венецианских посредников, с давних пор освоивших восточный рынок. Восточные товары, столь ценимые в Европе, издавна доставлялись туда двумя путями: через Черное море и Аравию – генуэзцами, через Персидский залив и Александрию – арабами и венецианцами. С падением Константинополя в 1453 г. прервался, во всяком случае, на время, маршрут доставки пряностей через Черное море, оказавшееся под контролем Османской Турции. Повышение цен на перец, имбирь, корицу и др. подтолкнуло португальцев к поиску собственного пути. Слухи о христианском королевстве пресвитера Иоанна, которое помещали то в Африке, то в Азии, внушив португальским монархам желание заключить с ним союз в перспективе совместной борьбы против «неверных», также направляли усилия первооткрывателей в сторону Индийского океана с целью его поисков.

Но прежде чем приступить к реализации обширных планов торговой и морской экспансии Жуан II учредил принцип *mare clausum* (закрытого моря), запретив иностранным судам проникать в африканские воды и территории, открытые португальцами, и заключил с этой целью договор со своей ближайшей конкуренткой королевой Изабеллой Кастильской (Толедо, 6 марта 1480). Согласованное между ними разделение Атлантики по параллели Канарских о-вов оставляло Португалии монополию на африканское побережье и, следовательно, на морской путь в Азию. Для усиления португальского присутствия в Африке Жуан II распорядился о строительстве опорных пунктов на побережье и, в первую очередь, крепости Сан-Жоржи-да-Мина (Гана) в 1482 г.

В том же году, по поручению короля, Диогу Кан предпринял плавание вдоль западного берега Африки за пределами открытых ранее территорий. Экспедиция пересекла экватор и вышла из Гвинейского залива целой и невредимой, подтвердив тем самым необоснованность поверий о том, что солнечный зной нулевых широт испепеляет корабли. Достигнув устья Конго и одноименного обширного королевства, в составе которого были объединены территории ряда современных государств юго-западной Африки, Д. Кан продолжил плавание к югу, вдоль

побережья Анголы, до мыса Санта Мария (13° Ю.Ш.), куда до него не отважился проникнуть ни один европеец. Во время второго плавания (1485−1486) Д. Кан спустился еще дальше на юг и доплыл до мыса Кросс (Намибия). Находясь в 1 тыс. милей от южной оконечности Африки, Д. Кан не стал дальше испытывать судьбу. Возможно, надежда вступить в контакт с мифическим королевством пресвитера Иоанна, которого он предполагал достичь, поднявшись вверх по течению Конго, подталкивала его в обратный путь. Однако доплыв по Конго до Матади (примерно в полпути между Атлантическим океаном и г. Киншаса), Кан повернул назад, предварительно выгравировав на камне памятку о своем там пребывании, и захватив с собой некоторое количество чернокожих невольников.

После смерти Д. Кана, которая последовала вскоре после его возвращения на родину (по другой версии – во время очередной экспедиции), Жуан II поручил Бартоломеу Диашу продолжить поиски пути в Индию. В августе 1487 г. экспедиция в составе двух каравелл и транспортного судна с провизией отплыла из Португалии. Из 60-ти членов экипажа, большая часть были опытными мореходами, в том числе главный штурман Перу ди Аленкер. В декабре 1487 г. Диаш продвинулся вдоль берега Намибии южнее своего предшественника, но, застигнутый штормом, вынужден был выйти в открытое море. После долгих блужданий португальцы вышли в Индийский океан и обнаружили, наконец, 3 февраля 1488 г. берег, ориентированный в северо-восточном направлении (Южная Африка) и населенный враждебно настроенными по отношению к пришельцам готтентотами. Достигнув бухты Алгоа (вблизи Порта-Элизабет), Б. Диаш намеревался плыть дальше, но на параллели *Rio do Infante* (*Great Fish River*) вынужден был повернуть вспять, ибо матросы, утомленные длительным плаванием, угрожали бунтом. На обратном пути, плывя на запад и придерживаясь береговой линии, Диаш открыл самую южную точку Африканского континента, названную им *Cabo das Agulhas* (Игольный мыс) от португальского слова *aguhla* (стрелка магнитного компаса). Рельеф местности, усеянный острыми скалами (иглами), как нельзя лучше, оправдывал данное ему название. В мае 1488 г. Диаш достиг глубоко вдающегося в море скалистого мыса, который нарек мысом Бурь в память о штормовых ветрах, которые заставили его несколькими месяцами ранее отдалиться от берега. Поворот береговой линии в этом месте на восток в сторону Индийского океана означал, что путь в Индию найден. Именно так воспринял новость Жуан II, переименовавший мыс Бурь в мыс Доброй Надежды в знак упования на успех будущих плаваний в Индию, а также, возможно, чтобы не охладить пыл будущих путешественников.

В 1487 г., одновременно с эскадрой Б. Диаша, король отправил в Индию и Эфиопию двух бывалых авантюристов, превосходно владевших арабским языком, − Перо да Ковильяна и Афонсу ди Паиву. Их путь пролегал через Неаполь, о-в Родос, Александрию, Каир, Аден, откуда Ковильян отправился в Индию, а Паива – в Абиссинию (Эфиопию). Оба путешественника выдавали себя за торговцев, ибо истинную цель экспедиции – поиск благословенной земли пресвитера Иоанна − было предписано держать в секрете. Судьба обоих сложилась трагично. Паива умер в Абиссинии, а Ковильян, посетив Ормуз, а также Каликут и Гоа и собрав максимум информации о торговых возможностях Индии, был вынужден провести последние 30 лет жизни при дворе абиссинского императора (негуса). Тем не менее, собранные Ковильяном и доставленные в Португалию евреями-торговцами сведения, в том числе о торговых путях и стоянках в портах Индийского океана, как и открытия Диаша, оказались чрезвычайно полезными при подготовке плавания Васко да Гамы (1497−1499).

Потребовав тщательно подготовки, новая морская экспедиция в Индию совершилась в правление Мануэла I. Армада Васко да Гамы, вышедшая из Лиссабона 8 июля 1497 г., состояла из трех каравелл с товарами и подарками и

транспортного судна для перевозки запасов питьевой воды и провизии. Общая численность экипажа составляла около 170 человек. Судна были снабжены артиллерией. В ноябре флотилия с трудом обогнула мыс Доброй Надежды, а в декабре, миновав последний падран, установленный Диашем, достигла области названной Натал в честь Рождества. Дальнейшее плавание осуществлялось с помощью индийских и арабских лоцманов, завербованных силой или арендованных у правителей восточноафриканского побережья. 20 мая 1498 г. португальские суда, пользуясь попутным муссоном и направляемые опытным лоцманом, достигли Индии, остановившись на рейде против г. Каликут на Малабарском побережье (ныне Кожикоде). Местный раджа заморин хотя и выдал Васко да Гаме разрешение на открытие торговой фактории, но констатировав, что португальские товары (мед, шляпы, комнатные горшки) не пользовались спросом, отказал ему в торговых привилегиях. К тому же арабская конкуренция давала о себе знать. Оказалось также, что Индия насчитывала много меньшее число христиан, чем принято было думать. На обратном пути португальцы захватили несколько арабских торговых судов, но и сами вынуждены были отбиваться от пиратов. Тем не менее, по возращении экспедиции в Лиссабон (сентябрь 1499) после длительного и изнуряющего плавания, причинившего гибель двум третям экипажа, выручка от продажи привезенных из Индии товаров в десятки раз превысила затраты на ее снаряжение. Окруженный почетом и обласканный королем, Васко да Гама оказался ловким манипулятором, не преминув воспользоваться славой для создания собственной легенды и выдавая себя за первооткрывателя неизведанной земли, что, разумеется, далеко не так. Много европейцев перебывало в Индии до него и самый известный из них – Александр Македонский. Неоспоримо, однако, что Васко да Гама первым достиг Индии, обогнув южную оконечность Африки и совершив переход из Атлантического океана в Индийский.

Новая экспедиция в Индию под руководством Педру Алвариш Кабрала отплыла из Лиссабона 9 марта 1500 г. Вторая Индийская флотилия была внушительной: 13 кораблей, 1 500 членов экипажа (из них 700 солдат) и грозная артиллерия на борту на случай столкновения с арабскими негоциантами. Как обычно, отплытие флота сопровождалось публичным прощанием с мессой в присутствии короля и двора и при большом стечении народа. Под командованием Кабрала оказались как опытные капитаны, Б. Диаш, Д. Диаш, Н. Коэлью, так и новички. Следуя традиции поручать командные посты выходцам из дворянства, португальская корона обращала внимание не столько на их подготовку, сколько на рекомендации лояльности. Перейдя экватор, Кабрал рассчитывал достигнуть мыса Доброй Надежды, но отклонился на запад и был отнесен ветрами к незнакомому берегу (22 апреля 1500), который был назван им *Ihla de Vera Cruz* (Земля Истинного креста) – северо-восточное побережье современной Бразилии. Бросив якорь, Кабрал отрядил небольшой отряд на берег для завязывания контактов с местными жителями – индейцами, которые встретили пришельцев дружелюбно. От *Monte Pascual* (Пасхальная гора), первоначальной стоянки, португальцы отплыли в северном направлении и 24 апреля бросили якорь в *Porto Seguro* (Надежный порт), где ими был возведен деревянный крест и отслужена месса.

Открытые Кабралом земли Южной Америки лежали на восток от воображаемой линии раздела на два полушария, определенной Тордесильяским договором 1494 г. между Португалией и Испанией и, тем самым, входили в португальское пространство. Было ли это счастливым совпадением или «открытие» Кабрала было лишь подтверждением более ранних открытий, осуществленных португальскими мореплавателями и оставленных в секрете? Быть может, экспедиция Кабрала не сбилась с пути, как принято думать, а целенаправленно плыла к Бразилии? Трудно что-либо утверждать за неимением документальных

подтверждений. Вполне допустимо предположить, что увлеченные поверьями о существовании в Атлантике некоего острова Семи городов или даже континента, отважные мореходы рисковали брать курс на запад, однако документальные свидетельства о результатах их путешествий отсутствуют. Известно, однако, что король Жуан II отклонил в 1484 г. представленный ему Х. Колумбом проект морской экспедиции в Индию через западную Атлантику. Теории шарообразности земли были известны европейцам со времен древних греков… Но Жуан II не захотел рисковать деньгами для предприятия, успех которого был подвержен случайностям, тогда как португальские корабли были уже на подступах к Индийскому океану. Получив в марте 1493 г. известие об успехе плавания Колумба под патронажем католических королей Изабеллы Кастильской и Фердинанда Арагонского, Жуан II, без сомнения, пожалел о своей несговорчивости. Пользуясь присутствием Колумба в Лиссабоне (отклонившись от курса вследствие штормовых ветров, его корабль вошел 4 марта в устье Тежу), Жуан II пригласил его на аудиенцию, во время которой заявил претензии на о-ва Карибского моря, принятые мореплавателем за Японию и Китай. В обоснование своих претензий португальский король ссылался на папские буллы 1445, 1456, 1479 гг. Вспыхнул испано-португальский конфликт, для разрешения которого папа римский Александр VI издал в мае 1493 г. буллу *Inter Caetera*. Новая булла гарантировала Испании все территории к западу от воображаемой линии, проведенной в 100 лье (418 км) западнее о-вов Зеленого мыса (36˚8 З.Д.). Годом позже Португалия склонила Испанию к заключению Тордесильяского договора, по условиям которого воображаемая линия раздела была перемещена на расстояние 370 лье к западу от о-вов Зеленого мыса (39˚53 З.Д.). Определив, что все территории на восток от вышеупомянутой линии приходились на ее долю, Португалия проявила завидную предусмотрительность, лишив Испанию возможности претендовать на территорию современной Бразилии, хотя установлено, что первенство в ее открытии принадлежало испанскому мореплавателю Винценту Пинзону. Выброшенный бурей в устье Амазонки (январе 1500), он на несколько месяцев опередил Кабрала на побережье Бразилии.

После краткого пребывания в землях Веракруш Кабрал продолжил плавание к Индии, предварительно отрядив капитана транспортного судна Гаспара Лемуша в Лиссабон с письмом бортового секретаря Перу Ваш де Каминья королю от 1 мая 1500 г. с описанием новых земель. На тот момент не было установлено, шла ли речь об острове или о новом континенте… Но упомянутые в письме леса с гигантскими деревьями, среди которых *pau brasil* (Бразилия – производное от него), видимое знакомство индейцев с золотом и серебром, не могли остаться незамеченными. В последующие годы к бразильским берегам были отправлены экспедиции Г. Лемуша (май 1501 − сентябрь 1502), Г. Коэлью (май 1503 − июнь 1504), финансировавшиеся отчасти на средства богатого еврея Фернанду ди Норонья. Оба плавания проходили при участии флорентийского негоцианта, космографа и кормчего Америго Веспуччи, именем которого впоследствии будет назван Американский континент (предложение исходило от лотарингского книгопродавца М. Вальдземюллера, издавшего в 1507 г. книгу с описанием его путешествий). И хотя сочинения, приписываемые Веспуччи, были написаны не им (во всяком случае, не в их интегральности), тем не менее, неоспорим результат плаваний с его участием, а именно констатация того, что побережье Южной Америки − часть нового континента (Новый Свет), а не острова, затерянного в Азии, как считали многие навигаторы. Экспедиции 1501−1504 гг., в ходе которых была исследована большая часть берегов Бразилии, сопровождались значительными открытиями. Были нанесены на карту архипелаг Фернанду-ди-Норонья, залив Всех Святых, залив Гуанабара, принятый за устье реки и названный Рио-де-Жанейро, о-в Сан-Висенте,

поселение Анрга дус Рейс, основанное 6 января 1502 г. Были завязаны торговые отношения с индейцами, и хотя на земле Веракруш не было обнаружено ни золота, ни пряностей, фернамбуковое дерево *pau brasil*, ценимое в Европе, вознаграждало за трудности плаваний.

В конечном счете, эскадра Кабрала, после ряда перипетий и потеряв часть кораблей в буре на широте Южной Африки, среди них была каравелла под командованием Б. Диаша, прибыла к берегам Индии, встав на якорь в Каликуте 13 сентября. Была достигнута договоренность с зиморином, и португальцы получили разрешение учредить в Каликуте торговую факторию и склад. Однако в декабре фактория подверглась внезапному нападению сотен арабов и индусов и была сожжена, более 50-ти португальцев были убиты, остальные отступили на корабли. Причиной была борьба за торговую монополию, начавшаяся между арабами и португальцами с момента проникновения этих последних в акваторию Индийского океана. В отместку португальцы произвели атаку на арабские суда, стоявшие в порту, конфисковали их груз и сожгли купцов заживо. В наказание за несоблюдение договоренностей Кабрал отдал распоряжение в течение целого дня обстреливать Каликут. Малонаселенная страна, Португалия с самого начала избрала пушечную политику по отношению к колонизуемым народам и своим конкурентам, чтобы внушить страх и уважение к себе. Превосходство в артиллерии способствовало достижению этой цели. Использование внутренних разногласий между индийскими племенами составляло еще одну составляющую португальской тактики на пути к всемирному могуществу. Отплывшим из Каликута португальцам удалось наладить отношения с правителем Кочина, вассалом Каликута, который рассчитывал с их помощью вернуть себе независимость. Каннанур был последним портом, куда зашли португальские корабли, прежде чем отправиться в обратный путь с трюмами, доверху нагруженными ценным товаром и, прежде всего, специями (январь 1501 г.). Изрядно истрепанная штормами и, не досчитавшись половины кораблей, флотилия Кабрала вошла в лиссабонскую гавань в июле 1501 г. Реализация привезенных товаров позволила португальской короне извлечь 800% прибыли. Кабрал значительно обогатился как, впрочем, и его предшественник Васко да Гама, которому в 1502 г. был присвоен титул адмирала Индийского океана со всеми вытекающими отсюда почестями и привилегиями, среди которых контроль над частью торговли с Индией.

Перед экспедицией Васко да Гамы, отплывшей из Лиссабона в феврале 1502 г., стояла задача укрепить португальские позиции на западном побережье Индии. Из 20 судов пять предназначались для воспрепятствования арабской торговле в Индийском океане, пять – для охраны факторий, остальные – для доставки грузов, которые на этот раз должны были вызвать интерес индийцев, ибо речь шла о золоте и серебре, доставленных из Америки. По достижении Малабарского берега Васко да Гама учинил жестокие расправы с арабскими конкурентами и индийцами. Получив разрешение раджи Кананнура на строительство фактории, португальцы направились к Каликуту, где адмиралом были приняты карательные меры в отместку за убийства, учиненные в отношении экипажа Кабрала. Стоявшие на рейде суда были захвачены, город обстрелян и превращен в развалины. Попытки сопротивления оказались бесплодными. В своей рьяной ненависти к мусульманам и в пылу борьбы против арабского судоходства, Васко да Гама предпочел сжечь арабское торговое судно со всеми его пассажирами-паломниками, возвращавшимися из Мекки, нежели принять предложенный ему мусульманскими купцами богатый выкуп. Догрузив корабли в Кочине, и оставив там португальский гарнизон, Васко да Гама с триумфом вернулся в Лиссабон в октябре 1503 г. В том же году Афонсу де Албукерки удалось закрепить союз с Кочином, добившись от его правителя разрешения заложить там крепость, первую португальскую крепость на

индийской территории. Однако и в Кочине португальцам приходилось вести боевые действия с арабами, не говоря уже о Каликуте, где арабское сопротивление возрождалось раз за разом после очередного погрома. Заручившись поддержкой береговых корсаров и собрав эскадру из 23 кораблей, Албукерки совершил нападение на мусульманскую твердыню Гоа и овладел ею в марте 1510 г. И хотя Юсуф Адил Шах сумел себе вернуть крепость, в ноябре А. де Албукерке отвоевал ее. За учиненным грабежом и расправой последовало строительство города на европейский манер, Гоа стала первым постоянным поселением португальцев – колонией в Индии и приобрела столичный статус.

Португальская борьба за контроль на индоокеанской торговлей, кроме непосредственно Индийского субконтинента, имела и другие театры военных действий. Восточное побережье Африки активно осваивалось португальцами в ходе их плаваний в Индию, туда корабли заходили для ремонта, пополнения запасов провизии и питьевой воды, аренды опытных лоцманов, но также и для заключения союзов и основания факторий с торговыми привилегиями. Обогнув мыс Доброй Надежды, португальцы вторглись в территории, связанные давними торговыми отношениями с Индией, арабами, Китаем. Распространенная на этих территория суахильская культура представляла собой оригинальный сплав местных африканских традиций и восточных, прежде всего, арабо-мусульманских, влияний. Арабские торговцы не только повсеместно присутствовали на восточном побережье Африки, но и обладали значительным влиянием на местных султанов. Подозрительность султана Мозамбика дорого обошлась его подданным. Васко да Гама обстрелял прибрежные селения из пушек. Последовали остановки в портовых городах Момбаса и Малинди, окруженных коралловыми рифами (Кения). Шейх Малинди был единственным, кто по своей воле и вследствие вражды с Момбасой, заключил с португальцами союз в 1498 г. Предоставленный шейхом лоцман направлял флотилию Васко да Гамы в ходе последней части ее путешествия в Индию, его “собратья по цеху” делали то же самое в интересах последовавших эскадр. Уже в 1499 г. португальцы обосновались в Малинди, и с тех пор эта гавань стала обязательной остановкой на пути судов в Индию или по возвращении из нее. Султан Момбасы, крупнейшего центра невольничьей торговли Восточной Африки, проявив несговорчивость, португальцы подвергли его владения обстрелу с судов в 1502 г., а в последующем совершили нападение на султанат (1528).

Одна из каравелл экспедиции Кабрала, имея целью порт Софала на территории государства Мономотапа (современный Мозамбик), откуда арабы издревле вывозили золото, достигла его в 1501 г. Васко да Гама в 1502 г. побывал в Софале и на о-ве Мозамбик, расположенном к северо-востоку. Овладев гаванью Софалы в 1505 г., португальцы основали там первое постоянное поселение − колонию к югу от экватора, снабдив ее фортом и зданием торговой фактории. В 1508 г. на о-ве Мозамбик ими была построена крепость, а в 1530-е гг. – форты Сена и Тете на берегу реки Замбези. Процветающий султанат Килва, расположенный на трех островах поблизости от берега Танзании, не пожелав заключить договор с португальцами, подвергся обстрелу в 1505 г., был подчинен и выплачивал дань. Торговля золотом, текстилем, пряностями, слоновой костью, шкурами животных и рабами, ранее проходившая через руки арабов, была захвачена португальцами, но ненадолго, ибо в 1512 г. прежние хозяева султаната руками арабских наемников вернули себе свое владение. Расположенный к северу от Софалы, Килвы, Момбасы и Малинди, древний город-государство Могадишо (Сомали) с удобной естественной бухтой также подпал под контроль португальцев 1500-е гг., а соответственно − и пролегавшие через него торговые маршруты.

К 1598 г. португальцам удалось, наконец, укротить несговорчивых правителей султаната Момбасы, построенный ими величественный форт Иисуса

был тому зримым свидетельством. В 1638 г. г. Момбаса был официально объявлен португальской колонией и пребывал в этом качестве до тех пор, пока в 1698 г. не был включен в состав арабских султанатов Оман и Занзибар. Примерно в 1630 г. г. Малинди подпал под власть Португалии и в дальнейшем его судьба была во многом схожа с Момбасой. Опорные пункты в Мозамбике, основанные португальцами в XVI – XVIII вв., служили им для развития торговли с Индией. В 1752 г. португальские владения в Восточной Африке были официально объявлены колонией Мозамбик.

В 1511 г. португальцы достигли Малакки, в 1512 г. – Молуккских о-вов, в 1516 г. захватили китайский порт Макао.

К моменту смерти Жуана III (1557), несмотря на то, что пришлось отказаться от некоторых марокканских территорий, Португальская империя достигла своего апогея. Кроме прибрежной Бразилии, в нее входил ряд факторий, которыми была усеяна морская дорога в Индию: Мадейра, Азорский архипелаг, о-ва Кабо-Верде, Гвинея и портовые города Анголы на западном побережье Африки; на восток от мыса Доброй Надежды: фактории Делагоа, Софала, Мозамбик, Мадагаскар, Ормуз при входе в Персидский залив и ряд факторий в Восточных Индиях: Кошен, Диу на Малабарском побережье, Цейлон и далее к востоку Малакка, Макао. Не было выработано, однако, единой политики освоения этой обширной империи.

Упадок империи. Упадок колониальной империи представляется неизбежным, учитывая демографическую, географическую и экономическую ограниченности (миллион жителей) по отношению к протяженности империи. Колониальные богатства отчасти были использованы для создания престижа и не были инвестированы в модернизацию экономических структур Португалии. В экономическом плане метрополия зависела от своих колоний, жажда легкой добычи развратила умы.

4 августа 1578 г. молодой король Себастьян I, достигнув Марокко во главе 17-тысячной армии, погиб в ходе битвы Трех королей. Вместе с этим тяжелым поражением Португалия теряет «свой престиж, свою армию, свою независимость и свою позицию в мире».

С 1580 по 1640 гг. Португалия была аннексирована испанской короной, и португальцы, только-только обретшие независимость, пользуются этим, чтобы захватить новые фактории и колонии Португалии. К концу XVI в. в Индии остаются только три фактории Гоа, Дью и Дамао. В 1602 г. голландцами была основана Голландская Ост-Индская компания, которая захватив в 1605 г. Амбон, сделала его своим местом заседаний. Португальцы были окончательно изгнаны с Молуккских островов в 1636 г. В 1641 г. голландцы Ост-Индской кампании захватили Малакку.

На острове Цейлон португальцы столкнулись с сопротивлением королевства Канди. С 1593 по 1638 гг. они пытались разрушить королевство, пять раз сжигали и грабили Канди, но их войска были, в конечном счете, разгромлены. Король Канди заключил союз с голландцами, чтобы отбросить португальцев и, в 1659 г., Жаффна, последняя крепость, остававшаяся во власти последних, пала в руки голландцев. Как и португальцы, они обосновались на острове на почти 50 летний период.

В 1807 г. король Жуан VI был вынужден бежать из своей столицы ввиду нашествия наполеоновских армий, чтобы утвердиться в Рио. Вернувшись в Португалию, он оставил своего сына Педро в качестве регента, и в 1822 г. этот последний провозгласил независимость Бразилии, став конституционным императором под именем Педро I.

Возрождение империи

После потери Бразилии стала очевидной необходимость возрождения империи. Португальские фактории в Южной Африке, в Анголе и Мозамбике, должны были обеспечить базы для обретения утраченного величия Португалии.

Ангола на побережье Атлантического океана была одним из полюсов работорговли. Португалия запретила торговлю невольниками в 1836 г. и полностью упразднила институт рабства в своих владениях в 1869 г. С 1836 г. особенно утвердилась идея создания Южноафриканской колонии, которая опоясала бы континент между двумя океанами, Атлантическим и Индийским, соединив Анголу с Мозамбиком. Для реализации этого плана Португалии необходимо было захватить внутренние земли. Помехой в этом ей были великие европейские державы, которые не собирались признавать за Португалией исторических прав на африканские земли, в обладании которыми сами были не меньше заинтересованы. На Берлинском конгрессе 1884−1885 г., где, образно говоря, вершился раздел Африки, претензии Португалии были поддержаны Англией, усматривавшей в ней менее опасного конкурента по сравнению с Францией или Германией. В результате, великие державы признали за Португалией право занять внутренние территории Анголы и Мозамбика. Но Англия, давняя и могущественная союзница Португалии, не желала допустить разрушения единства ее имперской оси Каир – Ле Кап вследствие соединения ангольских и мозамбикских владений. И сочла нужным предупредить об этом свою протеже, адресовав ей *Ultimato* от 11 января 1890 г. Документ этот, написанный в резком тоне, нанес ужасное оскорбление португальским гордыне и патриотизму. Многих возмутила капитуляция перед Великобританией, особенно республиканцев, обвинявших правящую династию в иностранном, более того английском происхождении (Сакс-Кобург). С этого момента республиканская идея стала набирать в популярности. Попытки Дона Карлоса укрепить власть с помощью диктатуры Жуана Франко успехом не увенчались, спровоцировав убийство короля и наследного принца Луи-Филиппа. Государственный переворот, совершенный силами военных, моряков и республиканцев (3−5 октября 1910), имел следствием отречение молодого короля Мануэла II и провозглашение республики. Но политическая нестабильность и постоянная чехарда правительств (50 за 16 лет), за исключением короткого периода Священного единения (1916−1917) во время Первой мировой войны, в которую Португалия вступила на стороне стран Антанты, дискредитировали режим, тем более, что республика не более чем либеральная монархия оказалась в состоянии решить экономические и социальные трудности в стране. Государственный переворот 28 мая 1926 г. имел следствием установление военной диктатуры генерала Гомеш да Коста (1926−1933), которая прибегла к иностранным займам, лишь усугубив и без того тяжелую финансовую ситуацию. С приходом Антонио ди Оливейра Салазара, профессора политической экономики Коимбрского университета, к власти (в 1932 г. он возглавил Совет министров) наступил конец военной диктатуре в Португалии. Новое государство (*Estado Nuovo*), установленное в соответствие с конституцией 1933 г., сохранив республиканскую форму, являло собой государство авторитарное и корпоративное. Салазару удалось поправить финансовую ситуацию в стране и избежать всякой вовлеченности во Вторую мировую войну, осуществляя поставки в оба борющихся лагеря.

Крах империи

Пользуясь послевоенной обстановкой противостояния социалистического и капиталистического блоков, Португалия вышла из изоляции, став членом-организатором НАТО (1949), членом ООН (1955) и Европейской ассоциации свободной торговли (1959). Несмотря на реальные достижения в экономике, которые пришлись на годы диктатуры Салазара, Португалия не смогла приблизиться к уровню развитых стран Европы (между 1956 и 1971 гг. темпы роста валового национального продукта составляли 7,5% в год). Большая часть народа пребывала в бедности, многие вынуждены были эмигрировать, по большей части в европейские страны. В то же время демографический прирост оставался на стабильно высоком уровне (население Португалии с 6,8 млн. в 1930 г. достигло 8,8

млн. в 1960 г.), во многом из-за снижения смертности. Режим Салазара оставался верен португальской традиции, игнорируя понятие колонии и защищая идею Португальского государства, состоящего из множества континентов и множества рас. Тем не менее, Салазару не удалось сделать из Анголы, переживавшей экономический бум, вторую Бразилию и возможный вариант для расселения там португальского населения, постоянный прирост которого имел следствием нехватку рабочих мест. Ангола пребывала почти исключительно под контролем крупных банков и международных обществ. Следуя примеру французских и английских колоний, португальские подневольные народы стали требовать освобождения от колониального пресса и предоставления им независимости. Индийский союз оккупировал и аннексировал в декабре 1961 г. последние форпосты Португальской Индии, Гоа, Даман, Диу. В феврале 1961 г. вспыхнуло восстание в Анголе, за которым последовало восстание в Гвинее-Биссау в январе 1963 г., в Мозамбике в августе 1964 г. Восстания в «заморских провинциях» вновь ввергли режим Салазара в изоляцию вследствие суровой критики, которой международное сообщество, в частности НАТО и ООН, подвергли развязанную им колониальную войну. Сохранение колониальной империи расценивалось режимом Салазара как необходимое условие для сохранения престижа. С этой целью им были задействованы значительные силы как финансовые, так и людские (продолжительность военной службы была увеличена с 18 месяцев до 4-х лет в 1968 г.). Человеческие потери в ходе колониальной войны составили более 5 тыс. убитыми, 30 тыс. ранеными и 20 тыс. изувеченными. Кроме того, каждый год население убывало вследствие эмиграции (100 тыс. ежегодно в течение 1960-х гг.). Режим рухнул в 1974 г. во многом из-за колониальной проблемы, хотя армия и церковь, некогда столпы, на которых он держался, с 1961 г. стали проявлять все больше недовольства. Марцело Гаэтано, смеривший Салазара во главе государства в 1968 г., несмотря на провозглашенные в его программе принципы, так и не смог или не захотел обеспечить эволюцию режима к большей демократии. Книга «Португалия и ее будущее», автором которой был генерал Антонио Спинола, один из самых известных сановников армии, наделала много шума сразу после ее выхода 22 февраля 1974 г. Основываясь на опыте своего губернаторства в Гвинее-Биссау, А. Спинола выступил в ней с предложением признать право африканских провинций на самоопределение с возможной перспективой построения португальской федерации. Следствием чего стало его увольнение с должности заместителя главнокомандующего вооруженными силами Португалии (14 марта 1974). Был разработан план восстания. Движением вооруженных сил под руководством майоров Эрнесто Мело Антунес и Отело Сараива де Карвало привело его в исполнение 25 апреля 1974 г. За исключением столкновений перед зданием политической полиции (PIDE), следствием которых было шестеро убитых среди манифестантов и один полицейский, революция, позывным сигналом к которой была песня *Grândola, vila morena* на волнах *Radio Renascença*, совершилась без кровопролития и была символизирована гвоздиками, которые толпа протягивала солдатам. За несколько часов режим рухнул: его сановники с президентом республики адмиралом Тома и председателем совета Марцело Гаэтано вынуждены были отправиться в изгнание, по большей части в Бразилию. Победившие военные учредили Хунту национального спасения (*Junta de salut national*) под руководством генерала Спинолы, провозглашенного президентом республики (15 мая). Хотя Спинола и помышлял о том, чтобы заменить империю федерацией самоопределившихся государств, начатый революционерами процесс переговоров с мятежными лидерами достаточно быстро привел к признанию Португалией независимости заморских территорий. Гвинея-Биссау обрела независимость 10 сентября 1974 г., Мозамбик – 25 июня 1975 г., острова Зеленого мыса – 5 июля 1975

г., архипелаг Сан-Томе и Принципе – 12 июля 1975 г., Ангола и Кабинда – 11 ноября 1975 г. Восточный Тимор также провозгласил свою независимость в 1975 г., но был тотчас завоеван и аннексирован Индонезией. Многие из бывших колоний Португалии после обретения независимости оказались подвержены советскому и кубинскому влияниям. В 1975 г. около 300 тыс. португальцев, проживавших в Анголе, стали «*retornados*», репатриированные в Лиссабон с багажом и оружием. Таким образом, «Революция гвоздик» положила конец Португальской колониальной империи. Португалия сохранила за собой лишь архипелаги в Атлантике (Мадейру и Азорские о-ва) и на некоторое время китайский порт Макао. В соответствии с португальско-китайским соглашением от 26 марта 1987 г., Макао был передан Китайской Народной республике 20 декабря 1999 г.

Связи Португалии с бывшими колониями никогда не были в полной мере прерваны. Общность португальского языка позволяет поддерживать их. Сегодня в условиях европейского экономического кризиса, такие страны, как Ангола или Бразилия, с большими доходами по сравнению с бывшей метрополией (темпы экономического роста Анголы вот уже 10 лет составляют в среднем 10%), привлекают португальцев перспективами трудоустройства. Разрушенная 14-ю годами колониальной и 27-ю годами гражданской войны, инфраструктура Анголы предоставляет обширное поле для деятельности. Из проживающих там ныне 110 тыс. португальцев, большинство прибыли туда за последние пять лет. Кроме того, Ангола – первый торговый партнер Португалии за пределами Европейского Союза, место имплантации 2 тыс. португальских предприятий, еще около 10 тыс. экспортируют туда свою продукцию из Португалии.

Литература:

Droz B. Histoire de la décolonisation au XXème siècle. Paris: Le Seuil, 2006 (coll. “Points”); Oliveira Marques A. H. Hstoire du Portugal et de son empire colonial (trad. Du portugais par Marie-Hélène Baudrillart). Paris: Karthala, 1998 (2e éd.); Pétré-Grenouilleau O. Les traits negrières. Essai d’histoire globale. Paris: Gallimard, 2004; Subrahmanyam S. Empire portugais d’Asie (1500−1700): histoire politique et économique. Paris: Maisonneuve&Larose, 1999; Subrahmanyam S. Vasco de Gama. Légendes et tribulations du vice-roi des Indes. Paris: Alma, 2012; Wesseling H. Les empires coloniaux européens 1815−1919. Paris: Gallimard, 2004.

ПОСТКОЛОНИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

Постколониальная политика (Postcolonial Policy) – комплекс решений и осуществляемых государственным руководством действий в странах, вышедших из системы прямых связей «метрополия – колония», иными словами – это политика бывших колоний и метрополий в постколониальный период, то есть после получения независимости в процессе деколонизации. Обычно чаще всего термин применяется в отношении стран, потерявших свои колониальные империи и вынужденных перестраиваться в новых для себя условиях, хотя учитывая неизбежные тесные связи между колонизуемыми и колонизаторами, термин также адекватен и часто применяется для обозначения политики недавно освободившихся стран. При этом необходимым условиям для обозначения политики как постколониальной является наличие некого комплекса проблем, порождённых колониальными связями и обострившихся в ходе деколонизации, который необходимо решать. Страны (будь то бывшие метрополии или колонии), преодолевшие своё колониальное прошлое и перестроившие социально-экономическую, политическую и культурную жизнь под требования автономного и неконфликтного существования, проводят вполне обычную, неспецифическую

политику.

Хотя постколониальная политика подразумевает повседневную деятельность государственного руководства, предпосылки, причины и стимулы такой политики непосредственно исходят из объективных факторов, сложившихся в колониальном прошлом и в процессе деколонизации. Таковыми могут быть как социально-экономические императивы, так и идеологические доминанты. В большинстве случаев можно уверенно проследить некий общий набор проблем постколониальных государств, то есть любого из вновь образованных национальных государств, появившихся в процессе деколонизации в период после Второй мировой войны, более известных сейчас как развивающиеся страны. В идеологической сфере со стороны бывшей колонии достижение независимости часто сопровождалось так называемой «волей к забыванию» колониального прошлого, попыткой вместо истории подчинения и угнетения выдвинуть на авансцену историю героического сопротивления или даже самодостаточный, замкнутый нарратив национального, в котором колонизатор или занимал маргинальное место, или вообще не существовал. Деколонизация происходила в атмосфере высокого морального подъёма, при котором элита и население освобождавшихся обществ стремились забыть колониальное прошлое и демонизировала бывшую метрополию. Учитывая, что процесс деколонизации часто сопровождался кровавыми вооружёнными конфликтами как между колонией и метрополией, так и внутри колонии между сторонниками и противниками метрополии и разных путей развития, в большинстве случаев изначально закладывался негативный вектор отношений к своим бывшим хозяевам. В большинстве случаев это проявлялось в росте национализма и открытой ксенофобии к осевшим представителям бывшей метрополии, заставляя тех возвращаться домой. Со стороны бывшей метрополии в идеологической сфере могли присутствовать как настроения виновности и покаяния (достаточно редко и в основном со стороны демократических групп населения), так и пренебрежения к бывшей колонии, в которую было вложено столько труда по её цивилизации, а она отплатила такой неблагодарностью. Спустя десятилетия после начала деколонизации, очевидно, что успешный процесс преодоления колониального прошлого возможен лишь совместными усилиями бывшей метрополии и колоний посредством диалога и взаимопонимания.

С другой стороны, произошедшее освобождение не могло заслонить обнаружившиеся объективные проблемы, набор которых для постколониальных стран оказался вполне стандартным. Это социально-экономическая отсталость, достигающая в отдельных случаях многих десятилетий, а то и веков; трибализм, приводящий к ухудшению условий управления вновь освободившихся государств, а также порой к их распаду и длительным гражданским войнам; отсутствие опыта по самостоятельному управлению государством; усилия бывших метрополий по сохранению своего влияния в стране. В этих условиях постколониальным государствам пришлось проводить крайне осторожную политику, цена ошибки в которой означала резкое ухудшение существующих условий и крах перспектив развития.

В этом аспекте постколониальное государство характеризуется с двух точек зрения: какие политические и экономические проблемы оно решает и как оно способно управлять? Одной из главных задач, которые пришлось неотложно решать освободившимся странам, был вопрос управляемости нового государства. Отсутствие позитивного опыта самостоятельного эффективного управления и низкая производительность традиционных политических схем (имеется в виду управление с помощью вождей, малоэффективное в современных условиях, что прекрасно было продемонстрировано ещё в колониальную эпоху) привело к

копированию, часто слепому и подражательному, политических систем своих бывших метрополий. Из-за этого в политическом устройстве постколониальных государств много черт, присущих колониальным государствам. В частности, например, модель английского парламента была принята многими бывшими британскими колониями, популярными оказались и французские республиканские схемы. Однако ряд освободившихся стран предпочёл искать иные пути, что заключалось или в росте традиционных институтов власти (неэффективных в современную эпоху, а потому выводящих страну с пути динамичного развития), или в выборе модели социалистического государства по советскому образцу (что не всегда оказывалось адекватным ступени политического и социального развития постколониального общества).

Постколониальные государства также характеризуются как «сильные» или «слабые» в зависимости от их способности претворять в жизнь политические решения, т.е. от наличия политической инфраструктуры и того, насколько хорошо она функционирует. В последнем заключается отличие действительно «сильного государства» от просто «деспотического». В реальных условиях постколониального мира освободившиеся государства в большинстве своём продемонстрировали слабость, что часто было связано с высоким уровнем политического насилия, проявлявшегося в условиях роста внутренней нестабильности и при тенденции отказа от демократических институтов западного типа и скатыванию к построению тех или иных форм диктатур. Это как раз объяснялось тем, что способность управлять обществом зависит от политической инфраструктуры государства и при ее отсутствии оно все чаще прибегает к насилию, порождая ответное насилие в обществе. Способность управлять осталась для постколониальных государств непреходящей и серьезной проблемой.

Важнейшей сферой постколониальной политики освободившихся государств являлась экономическая. В связи с обычно слабым развитием самостоятельной и конкурентноспособной промышленности, сферы услуг и сельского хозяйства, большинство постколониальных государств первоначально стремились проводить политику вмешательства правительства в экономическую деятельность в стране. Однако возможность осуществить эти программы в решающей степени зависело от сложившейся политической системы. С середины 1970-х гг. начался постколониальный период развития. Он характеризовался существенными изменениями в процессе экономического и социального развития освободившихся стран, связанными с выбором путей экономического и политического развития, а также с перемещением центра тяжести экспансии Запада в экономическую, финансовую и научно-техническую сферы, а также нарастанием политической и экономической неустойчивости и ростом социальных противоречий в странах «третьего мира». В постколониальных странах вставал вопрос о выборе путей дальнейшего развития независимых государств. В условиях шедшей тогда холодной войны, на выбор путей развития оказало влияние противоборство двух общественно-политических систем и склонность правящих элит к различным общественно-политическим блокам, различным политическим идеям. При этом во многом из-за желания сохранить свою самостийность в новых условиях, в ряде государствах лидеры элит проявляли склонность к разработке своих, часто утопических «независимых доктрин».

В силу несколько разных стартовых условий и дальнейшей политики, страны третьего мира стали неоднородными: достаточно быстро возрастало их разделение на богатых и бедных, при этом разрыв составлял огромную величину. В то же время большинство освободившихся стран находились на низком уровне развития производительных сил, а экономика имела ярко выраженный аграрно-сырьевой характер. В целом общая картина отставания бывших колониальных стран от

процессов мирового развития сохранилась и этот разрыв в современных условиях продолжает увеличиваться. Уже в условиях политической независимости наметилось обострение конфликта между новыми суверенными государствами и их экономической зависимостью от западных государств. Экономическое развитие третьего мира серьезно тормозилось из-за возраставшего долга западным государствам: быстрое нарастание финансовой зависимости от Запада в определенной степени тормозило экономику развивающихся стран. Финансовая задолженность имела тенденцию к росту, что использовалось Западом для оказания нажима на правительства развивающихся государств. В целом долговой кризис еще более привязывал третий мир к западным странам и потребностям их капиталистического рынка. Таким образом, западным странам удалось перенести потери от крушения колониализма и компенсировать их различными формами неоколониальной экспансии. Преобладание политики над экономикой сыграло свою отрицательную роль и в конечном итоге привело к поражению этих режимов в экономической и политической сферах. Отрыв от мирового хозяйства и мировой экономики лишь закреплял отсталость независимых государств во всех сферах экономического и политического развития. С точки зрения исторической перспективы при выборе пути социально-экономического развития выигрывали те страны, которые не связывали себя с различными идеологическими концепциями. Они строили свое развитие на основе товарно-денежных отношений, опирались на частную инициативу и участие в развитии экономики ТНК, ориентируясь на мировой рынок и международную помощь западного мира.

Постколониальная политика бывших метрополий определялась структурой бывшей империи и типологией процесса деколонизации. Как правило, в условиях роста национально-освободительного движения, метрополии предпринимали усилия, чтобы затормозить этот процесс и не дать ему возможность расползтись вширь и вглубь (включая колониальные войны). Когда становилось ясно, что сделать это невозможно, намечался комплекс мер по закреплению зависимости освободившегося государства от бывшей метрополии, что достигалось прежде всего через экономику. При этом на плечи органов власти новых стран взваливалось решение проблем в социальной и политической областях (в том числе порождённых колониальным прошлым), что серьёзно их ослабляло, а метрополии продолжали извлекать прибыль из наиболее конкурентоспособных предприятий. Попытки новых стран преодолеть это наталкивались на сопротивление западного мира, дружно защищавшего капиталистические ценности, а меры по национализации экономики приводили к экономической изоляции или даже военному вмешательству (Суэцкий кризис 1956 г.). С крушением СССР и мировой системы социализма для постколониальных стран стало фактически невозможно противостоять неоколониальной политике бывших метрополий.

Отдельно необходимо коснуться постколониальной политики бывших метрополий в отношении территорий, которые сохранили от неё свою зависимость. Именно в этом вопросе метрополиями демонстрируется гибкость и степень усвоенности полученных в процессе деколонизации политических уроков. К настоящему времени практически все заморские владения обладают органами самоуправления и могут рассматриваться в качестве особых периферий. Бывшие метрополии традиционно обладают полномочиями в сфере обороны и внешней политики, оставляя все или значительную часть внутренних дел органам самоуправления. В этой связи можно говорить о постколониальных моделях децентрализации, совпадающей с общемировым процессом деколонизации. Можно выделить несколько моделей деколонизации внутренней системы с целью сохранения контроля над зависимыми территориями, притом эти модели начали предлагаться ещё в период существования колониальных империй и даже в

отношении тех территорий, которые позже стали независимыми.

Французская модель предполагает не только самоуправление в самом заморском владении, но и участие этой территории в общегосударственной политике. В этой системе активно применяется и «департаментская подмодель», в рамках которой бывшие колониальные владения имеют самоуправление по схеме, схожей с континентальными департаментами Франции, официально называясь заморскими департаментами. Здесь действует институт префектов, представляющих общенациональную власть, а также генеральный совет (орган самоуправления департамента) и региональный совет (орган самоуправления региона). Появление региональных советов в заморских департаментах связано с развитием во Франции нового управленческого уровня – регионов, и соответствующими процессами децентрализации. Все заморские владения Франции, кроме Южно-Антарктических территорий, представлены в национальном парламенте. Во всех (в разных сочетаниях и пропорциях) действуют как местные партии, так и отделения общенациональных французских партий. В особом положении находится Новая Каледония, которая занимая переходное положение характеризуется высоким уровнем автономии с перспективой обретения независимости.

Вторая принципиально важная модель может быть названа монархической. В ней заморские регионы считаются владениями короны, при этом уровень самоуправления может заметно разниться. Заморские регионы, как правило, не участвуют в решении общегосударственных вопросов. Наиболее развитую и разнообразную систему монархических владений имеет Великобритания. Особый статус в британской территориально-политической системе имеют острова, непосредственно прилегающие к Британии. Эти регионы считаются владениями короны и официально не входят в состав «основной» территории. В них действуют органы самоуправления и эти острова имеют особый экономический режим офшорных зон. Модели самоуправления действуют и в заморских владениях Великобритании, объединяемых понятием «British Dependent Overseas Territory» (т.е. британская зависимая заморская территория). Более высокий уровень самоуправления характерен для Гибралтара и Бермудских островов, политически более развитых территорий, где вопрос о независимости так или иначе пытались перевести в практическую плоскость. Там действуют свои правительства, формируемые в соответствии с парламентской системой в результате многопартийных выборов. В целом же в заморских владениях Великобритании принята модель, когда королева назначает губернатора, а самоуправление представлено легислатурой (в составе которой наряду с выборными депутатами есть назначенные представители и депутаты по должности) и главным министром. Монархическая модель характерна и для Нидерландов. Две заморские территории в Карибском море – Антильские острова и Аруба считаются частью королевства. Статус 1954 г. дал Антильским островам полную автономию по внутренним вопросам. На Антильских островах были созданы легислатура и совет министров во главе с премьером, представляющим партию, победившую на выборах. Интересы центра представляет губернатор. После отделения Арубы в 1986 г. там была сформирована аналогичная система властных органов, в которой представлены общенациональные и местные интересы.

Особый тип монархической модели децентрализации в заморских территориях характерен для Дании, под контролем которой остаются Гренландия и Фарерские острова. Эти регионы входят в «Danish Realm», состоящую из трех частей (включая собственно Данию) монархическую систему с единым гражданством. Конституция Дании действует на всей территории королевства. Гренландия и Фарерские острова при этом участвуют в общенациональном управлении и имеют по два места в датском парламенте. Датская модель отчасти

напоминает классическую монархическую модель, отчасти – французскую, и характеризуется не только участием заморских регионов в решении общенациональных вопросов, но и самой высокой степенью автономии регионов, которые по многим признакам (уровень самоуправления, собственная международная деятельность) напоминают независимые государства. Отношения между Данией и регионами регулируются специальными конституционными соглашениями и основываются на принципах самоуправления. Гренландия и Фарерские острова имеют органы власти, созданные по образцу парламентских республик с той разницей, что в них еще есть институт губернатора, представляющего интересы Дании. Оба региона имеют ограниченные права в международных отношениях.

Уникальные постколониальные системы сложились в Австралии и Новой Зеландии. Их особенность заключается в том, что оба государства входят в состав Британского содружества, и формальным главой государства является британский монарх. Поэтому в их заморских территориях возможно еще и представительство интересов британской короны. В этом модель близка к монархической. Заморские регионы имеют свое самоуправление, но не участвуют в формировании общенациональных органов власти и отличаются асимметрией, т.е. органы самоуправления не являются идентичными.

В связи с определённой обоснованностью точки зрения на СССР как на специфическую колониальную империю, необходимо рассмотреть постколониальную политику на постсоветском пространстве, которая во многом повторяла опыт деколонизации, пройденный европейскими колониальными империями, хотя и специфически. Так распад СССР привёл к ухудшению социально-экономического положения населения как в «условной метрополии», так и «условных колониях», и в связи с этим к необходимости выбора эффективной системы хозяйствования и политической структуры. Социально-экономические проблемы наложились на взлет этнонационального сепаратизма и разрастание этнических конфликтов на значительном пространстве бывшей постсоветской территории. Среди националистически настроенных элит как России, так и бывших республик зазвучали взаимные претензии. Важно отметить, что из-за серьёзного ослабления России во всех сферах, отмечались, особенно активно в 1990-х гг., попытки западных стран закрепиться на постсоветском пространстве, частично успешные. Уже в XXI веке России в связи с начавшимся процессом медленного возвращения своего силового потенциала, ей пришлось принимать меры к ликвидации последствий возникших проблем, что выразилось в подавлении открытых сепаратистских движений и попытке играть на постсоветском пространстве ведущую роль, традиционно присущую многим бывшим метрополиям. В то же время, до сих пор политика России на постсоветском пространстве отличается непоследовательностью и в этом отношении Новая Россия только начинает обозначать свои позиции. Отличительно особенностью является и то, что если постсоциалистический и постколониальный векторы в странах Восточной Европы, ситуативно близким постсоветским республикам, как правило, совпадают, работая на создание национальных идентичностей, в случае с Россией они оказываются практически противоположно направленными, что связано, во-первых с тем, что идентичность российского национального субъекта традиционно выстраивалась исходя из универсального имперского проекта. А во-вторых, потому что последовательное воспроизведение постколониальной логики угрожает целостности нынешнего российского государства (по крайней мере эта опасность осознается ее политической элитой). По прошествии двадцати с лишним лет можно констатировать, что фактически ни одна из постсоветских республик кроме России не стало политически самостоятельной и самодостаточной, что означает

необходимость продолжения проведения постколониальной политики. Основными векторами являются или возрождение интеграционного движения с Россией, или попытка самоизоляции на основе традиционных идей, или переход под опёку более сильных, как правило западных стран.

Литература:

Восточный мир: опыт общественной трансформации. / Сб. статей. М., 2001; Партия и политика в развивающихся странах Востока. М., 1988; Эволюция восточных обществ. Синтез традиционного и современного. М., 1984; Becker D.G., Sklar Richard L. Postimperialism and World Politics. Westport, CT, 1999; Colonial Discourse, Postcolonial Theory. Ed. by Barker F., Hulme P., Iversen M. Manchester - New York, 1994; Contemporary Postcolonial Theory: A Reader. / Ed. by Mongia, Padmini. London - New York, 1996; Globalization in World History. / Ed. by Hopkins, A.G. Norton, 2002; Lawrence J. The Rise and Fall of the British Empire. New York, 1997; Melkote, S. Communication for Development in the Third World: Theory and Practice. New Delhi - Newbury Park (CA), 1991; Motyl A.J. Imperial Ends: The Decay, Collapse and Revival of Empires. New York, 2001; Smith, L.T. Decolonizing Methodologies: Research and Indigenous Peoples. London - New York, 1999; Waters M. Globalization. New York, 1995; The Post-Colonial Studies Reader. / Ed. by Ashcroft Bill, Gareth Griffiths & Helen Tiffin. London - New York, 1995.

ПОСТНАЦИОНАЛЬНЫЙ МИР

Постнациональный мир – концепция, согласно которой политические и культурные процессы в современном мире ведут к размыванию и постепенному аннигилированию наций и национальных государств.

Считается, что процесс формирования постнационального мира начался с 1980-х гг. Первой причиной этого является глобализация, конвергенция и международная интеграция. Нормой для современного социально активного человека является родиться в одной стране, учиться в другой, работать в третьей и т.д. Болонская система предполагает академическую мобильность, человек в процессе обучения может сменить несколько ВУЗов в разных странах. С 1975 г. по 2005 г. доля студентов, обучающихся не в стране своего рождения и проживания, увеличилась в 4,5 раза и достигла 2,7 млн человек. По прогнозам к 2025 г. она достигнет 7,2 млн человек.

Трудовая миграция, как на уровне выскоквалифицированных специалистов, так и гастарбайтеров, также способствует размыванию национальных границ. По данным The World Bank за 2010 г. трудовая иммиграция в 10 «наиболее популярных» стран составила около 111 миллионов человек. Наибольшее количество иммигрантов принимают США, далее следуют Россия, Германия, Саудовская Аравия, Канада, Франция, Великобритания, Испания, Индия, Украина.

После II мировой войны с ее ужасами Холокоста, нацизма, этнических чисток многие страны проводили жесткий курс национальной и этнической толерантности. В Германии вводились специальные программы приема иммигрантов из числа народов, пострадавших от немецкого фашизма (программа приема евреев из стран бывшего СССР, с 1991 г., программа приема «русских немцев»). Кроме того, в Германии проживает большое количество турок, арабов и т.д. Нарастала иммиграция во Францию из бывших северафриканских французских колоний и других мест, в результате которой иммигранты составили 2 % населения Франции и т.д.). Все эти процессы, сопровождающиеся смешанными браками,

метисацией населения и т.д. также способствовали разрушению национальных границ, хотя реакция на «инородцев» иногда приводила к росту национализма коренного населения и беспорядкам (напр., во Франции в 2005 г.).

Стиранию национальных границ способствуют и системы мобильности, например, шенгенская зона (с 1985 г.), когда между 24 государствами, входящими в Евросоюз, отсутствуют как таковые границы, вывборочно и только в чрезвычайных ситуациях осуществляются пограничная служба и контроль и т.д.

Мощным фактором становления постнационального общества является глобализация экономической жизни. Все большая интернационализация ведущих компаний и финансовых групп (вплоть до создания еврозоны в рамках ЕС), доминирование в экономике сетевых проектов размывают экономическую основу национальных государств. Помимо интернационализации самого процесса производства и потребления, в данной системе экономика по целым структурным отраслям перестает быть частью национальных экономик, а структурируется во что-то наднациональное. Это сразу ставит под угрозу национальную налоговую систему (потому что налоги продолжают собираться в рамках национальных государств). Перед странами встает все больше экологических (напр., Чернобыльская катастрофа 1986 г.), военных (проблема нейтрализации международного терроризма), экономических проблем (просьбы о помощи к другим странам или международным организациям странами ЕС (Греции, Португалии и др. во время мирового экономического кризиса в 2011-2012 гг.). Эти проблемы нельзя лишить в одиночку, а только сообща, привлекая международные структуры, помощь других стран и народов. Все это также умаляет значение национального суверенитета в XXI в.

Другой глобальной причиной формирования постнационального мира является влияние информационной культуры. Если вслед за Б. Андерсоном считать нации «воображаемыми сообществами», то сегодня мы видим возникновение многих других «вооражаемых сообществ», члены которых связаны общей информационной культурой, культурой Интернета, но никак не скованы национальными рамками и государственными границами. То же касается разного рода объединений в сообщества по политическим, культурным, социальным взглядам. По словам А. А. Болдырихина, «Возрождение космополитизма и распространение транснационализма являются основными показателями постнациональных трендов. На сегодняшний день существуют все основания полагать, что все общепринятые на сегодняшний день концепции, так или иначе связанные с идентичностью и гражданством, обладают свойствами, которые выходят за территориальные пределы национальных государств. Будь то организация с неким формальным статусом, защита прав человека, практика института гражданства или опыт коллективной идентичности, национальное государство не лимитирует поля их деятельности, хотя и является одним из ключевых концептов в данной сфере. Но трансформационные процессы современности сигнализируют о наличии новой динамики развития».

В тенденции становления постнационального мира заложено одно существенное противоречие. С одной стороны, само появление этой тенденции является результатом глобализации, интеграции, рыночной экономики, демократизации, либерализации государственных и образовательных систем и т.д. Но, как верно заметил А. Макгрей, «Ибо если государственный суверенитет уже не считается неделимым, но частично отдается международным организациям; если государства уже не контролируют собственные территории; и если территориальные и политические границы становятся все более проницаемыми, то центральные принципы либеральной демократии — само управление, демос, консенсус, представительство и народный суверенитет — становятся явно проблематичными». Поэтому, как указал Ю. Хабермас, «Мы сможем принимать

вызовы со стороны глобализации лишь разумным путем, если в постнациональной ситуации удастся разработать новые формы демократического самоуправления общества».

Попытка объяснить это противоречие и спрогнозировать развитие постнационального мира предпринята в концепции Э Тоффлера. Он считает, что переход к постиндустриальному или информационному обществу влечет исчезновение государства-нации и его политической формы — национальной демократии. Тоффлер выделяет три фазы в развитии человечества: аграрная, индустриальная, постиндустриальная (информационная). В последней стадии, которую он именует «третьей волной», происходит деизинтеграция и дифференциация социальных, политических, культурных институтов, всех, от политических структур до института семьи и *modus vivendi*. В результате утрачивается главный принцип демократии — доминирование большиснтва над меньшинством, поскольку большинства просто уже нет — одновременно существует слишком много равноценных раздробленных партикулярных групп. Мир превращается в социальный макрокосм, который держится на глобальных сетях теле- и информационных коммуникаций. Люди живут разобщенно, связанные не сколько традиционными гражданскими институтами, столько инфломационными сетями, и требующие реформы власти в соответствии с этой системой. В этих условиях неизбежен поиск новых форм, которые заменят старое национальное государства, как исторический феномен принадлежашее целиком эпохе индустриального общества, и устаревшие демократические институты как форму политического режима. Будет найдено что-то принципиально новое, что и позволяет говорить о «третьей волне» и постнациональном мире.

Противники концепции постнационального мира указывают на иные исторические обстоятельства: несмотря на все вышеописанные процессы и тенденции, именно конец XX в. дал резкий всплеск национализма, который сопровождал распад СССР и Югославии, конфликты в Азии и Африке и т.д. Поэтому нельзя говорить о тенденции становления постнационального мира как единственной и тем более определяющей тенденции в мировом развитии. Национальность прочно опирается на институт гражданства: каждый человек обязан принимать гражданство конкретной страны, что неизбежно влечет его самоидентификацию или с государствообразующей нацией, или с национальным меньшинством. Не существует никакого «наднационального гражданства», понятие «гражданин мира» является культурным, но не юрилическим. Пока такая практика сохранится, никакой постнациональный мир невозможен.

К тому же тенденции к формированию постнационального мира проявляются в основном в высокоразвитых странах, находящихся на стадии информационного общества. Большинство же человечества в Африке, некоторых странах Азии и Латинской Америки живет на более низкой степени развития, для которой данная тенденция просто неактуальна, и даже формирование национального государства (уровень Европы XVII в.) есть очень большой прогресс. Для них вышеописанные тенденции просто неактуальны. Человечество неоднородно, и этот фактор мало учитывается сторонниками теории постнационального мира.

Во всяком случае, сейчас мы имеем два вектора развития наций: один ведет к их постнациональной аннигиляции, второй, напротив — к росту популярности идей национального суверенитета, вплоть до радикальных экстремистских форм. Говорить о безоговорочности наступления постнациональной эпохи пока преждевременно.

Литература:

Basch L.G. Nations unbound: transnational projects, postcolonial predicaments, and deterritorialized nation-states. London, 1994; Feldblum M. Reconfiguring Citizenship in Western Europe // Challenge to the Nation-State: immigration in Western Europe and the United States / Ed. by C. Joppke. Oxford, 1998; Sassen S. Globalization and its Discontents: Essays on the New Mobility of People and Money. New York, 1999; Хабермас Ю. Постнациональная констелляция и будущее демократии // Логос. 2003. № 4-5 (39); Sassen S. Globalization or Denationalization // Review of International Political Economy. 2003. Vol. 10. No 1; Sassen S. Towards post-national and denationalized citizenship // Handbook of Citizenship Studies / Ed. by. E. Isin and B. Turner. New York, 2003; Тоффлер Э. Третья волна. М., 2010; Болдырихин А. А. Постнациональный этап в трансформации западного общества: теории национализма в современном гуманитарном знании // Российский журнал исследований национализма. 2012. № 2.

РАСИЗМ

Расизм — учение о превосходстве одной расы над другой в биологическом отношении. Из этого превосходства якобы вытекает легитимность господства одной нации над другими, «слаборазвитыми». Различие между расами расисты проводят по степени их наследственной духовной одаренности, по якобы передаваемой по наследству способности к духовному и материальному творчеству, созидательной и высококвалифицированной деятельности.

Большинство расистских концепций было создано представителями белой расы, которые утверждали ее совершенство по сравнению с желтой и тем более черной. Поэтому представители одной расы должны занимать высшие слои в обществе, а других — работать на «черных» работах и служить своим господам (социорасизм).

Впрочем, внутри рас также мог возникнуть свой расизм (так называемый этнорасизм). Ср. политику Холокоста в фашистской Германии, когда гитлеровцы массово уничтожали евреев только за то, что они евреи. Также второсортной и подлежащей уничтожению фашисты объявили славянскую нацию, и планировали в случае победы во II мировой войне истребить не менее 100 млн только одних русских.

Основы расизма складываются в XIX в. Его симптомом была организация европейцами т н. «человеческих зоопарков». Известно, что первым подобные зрелища организовывал в XV в. еще Колумб. Одним из известных шоу был цирк П. Т. Барнума, в 1836 г. показывавший пожилую рабыню-негритянку Джойс Хет (Joice Heth), выдавая ее за няню Джорджа Вашингтона. В 1870-е гг.человеческие зоопарки появились в Антверпене, Лондоне, Барселоне, Милане, Нью-Йорке, Варшаве, Гамбурге, каждую из которых посетили от 200 до 300 тысяч человек. Показ людей был частью так называемых «колониальных выставок», где представлялись различные экономические достижения колоний. В Германии особую известность получил Карл Хагенбек, выставлявший племена с Самоа и саами (лапландцев). Подобные акции имели ярко выраженный расисткий подтекст. Дикари часто выставлялись рядом с обезьянами, чтобы показать их сходство.

Вслед за экзотикой начались теоретические разработки. Одним из первых идеологов расизма (а конкретно одного из его течений — так называемого *нордизма*) считается француз Ж.А. де Гобино (1816-1882). В четырехтомном сочинении «Опыт о неравенстве человеческих рас» (1853-1855) он рассматривал всю историю человечества всего как борьбу между расами, которая вытекает из их

биологической природы. В этой борьбе побеждают представители наиболее приспособленных, наиболее совершенных рас. Самой низшей является черная. Несколько более развитой – желтая. Высшей и единственной способной к прогрессу является белая, среди которой особо выделяется арийская раса, а элиту арийцев составляют германцы.

Именно белыми, а конкретно арийцами, созданы десять цивилизаций, которые Гобино определяет слдующим образом: индийская, египетская, ассирийская, эллинская, китайская, италийская, германская, аллеганская, мексиканская, андская. Почему же цивилизаций было целых 10, и они погибали одна за другой? Гобино отвечает просто: все дело в злонамеренных демографических диверсиях местного населения. Арийцы смешивались с аборигенами, начиналась их порча, вырождение, потеря «первоначальной энергии» и — гибель. Поэтому залог успеха арийской расы — соблюдение чистоты крови, дистанция от низших рас. Взгляды Гобино в дальнейшем легли в основу печально известной «арийской теории», орую пытался на практике воплотить в жизнь III Рейх.

Помимо Европы, в XIX в. центром расизма были США. Здесь процветало рабство, с конца XVII в. основанное на цвете кожи. Рабами были в подавляющем большинстве негры, которых насильно выкрадывали из Африки и везли на продажу на невольничьи рынки. Несмотря на запрет Конгрессом работорговли в 1808 г., она в виде контрабанды процветала еще полвека. Реально рабство было отменено только в 1860-е годы (распоряжение А. Линкольна в 1863 г. и 13-я поправка к Конституции США в 1865 г.). Движение за уравнение негров в правах с белыми американцами вызвало отторжение у радикально настроенных американцев.

В 1865 г. в городе Пьюласки штата Теннеси судья Томас Л. Джонс и шесть его единомышленников создали тайную организацию, получившую название *Ку-клус-клан*. Относительно происхождения названия идут споры: одни считают его звуком затвора винтовки при перезаряжании, по другой версии, оно образовано от др.-греч. κύκλος — круг, колесо, и англ. clan — родовая община, клан (у шотландцев и ирландцев). Первоначально они проводили собрания, ездили по ночам по улицам в белых балахонах и пугали негров, будто бы их преследуют души убитых на войне южан. Однако эти ночные игрища обрели неожиданно много сторонников, и в 1867 г. организация была реорганизована на более серьезных началах. Ее лидером движения стал Натан Бэдфорд Форрест, бывший генерал армии Юга. Ему дали титул «Великого Волшебника (или Мудреца)». Целями было объявлено спасение страны от негров, месть за унижение белой расы, недопущение равенства белых и черных.

В Ку-Клус-Клане изначально было много театрального и игрового. Само общество получило название «Невидимая империя Юга» (Invisible Empire of the South), глава — «Великий Мудрец», или «Великий визирь» (Grand Wizard), при котором был совет из 10 «гениев». Каждый штат — это «королевство», которым управляет «Великий дракон» и штаб из 8 «гидр». В каждом «королевстве» есть «домены», во главе «доменов» — «великие тираны» с помощниками («фуриями»). «Домены» состоят из «провинций», главенство в которых у «Великих гигантов» и 4 «Домовых». Были и другие должности: «циклопы», «великие волхвы», «Великие казначеи», «Великие стражи», «Великие Турки» и т. д. У каждого были свои обязанности. Рядовые члены назывались «вампирами». Еще был «Великий знаменосец», хранящий «Великое знамя», то есть регалии.

ККК действовал на территории южных штатов Мериленд, Вирджиния, Северная и Южная Каролина, Джорджия, Флорида, Алабама, Миссисипи, Кентукки, Теннеси, Луизиане. В него, по разным оценкам, входило от трех до пяти тысяч мелких региональных объединений. Теперь он приступил к вооруженной подпольной деятельности: убийства негров и «белых предателей», особенно из

новой администрации, недопущение негров на сколь-либо значительные должности, борьба за возврат плантаций их бывшим владельцам. Символом скорой внесудебной расправы стал «суд Линча», повешение жертвы без суда за незначительные преступления или просто за «проявленное неуважение к белому человеку».

Поскольку тайное вооруженное общество на Юге США властям было совершенно не нужно, 20 апреля 1871 года Конгресс США издал закон, запрещающий Ку-клукс-клан (Ku Klux Klan Act of 1871[5]). По этому закону президент США мог отменять право личной неприкосновенности и прибегать к оружию для преследования членов клана. В октябре 1871 г. в девяти округах Каролины было введено осадное положение, начались массовые аресты, членов организации судили судом военного трибунала. Генерал Форрест, «Великий визирь», объявил о роспуске организации. В результате это первое массовое расистское общество в США было подавлено Отдельные региональные отделения продолжали свою подпольную деятельность до 1880 г.

Инициатором возрождения Ку Клукс Клана и новым «Имперским визирем» стал полковник Вильям Джозеф Симмонс из Атланты, идеологическая программа которого основывалась на трех центральных понятиях: патриотизм, американизм и превосходство белой расы. Новая организация «Рыцарей ККК» возникла в Алабаме в 1915 г. В нее поначалу был строгий отбор. Симмонс говорил: «Мы принимаем только “избранных людей”. В орден не имеет права вступить человек, не признающий *абсолютного превосходства и власти правительства США над всем остальным миром*. Только урожденные американцы, признающие основы протестантской веры и не имеющие никаких обязательств перед иностранными правительствами, нациями, государственными и религиозными учреждениями, имеют право вступить в организацию».

К 1922 г. ККК имел 1500 отделений в 45 штатах. Вся территория США была разделена на 9 групп — «доменов», во главе которых стояли «Великие Гоблины», живущие в Бостоне, Нью-Йорке, Филадельфии, Чикаго, Атланте, Сент-Луисе, Хьюстоне и Лос-Анджелесе. Всего в ККК в это время состояло около 100 000 человек.

Акции ККК теперь распространялись не только на негров. Они также преследовали и убивали евреев, католиков, коммунистов, лидеров профсоюзных и забастовочных комитетов, китайцев и гомосексуалистов. «Предупреждения» (за которыми часто следовал теракт) посылались даже неверным женам. Пик влияния ККК пришелся на 1922-25 годы, когда он оказывал серьезное давление на правительство и его члены участвовали в выборах в Конгресс. В августе 1925 г. в Вашингтоне прошел 40-тысячный марш членов ККК. Однако в годы «Великой депрессии» американцам стало как-то не до ночных собраний в белых балахонах у горящих крестов. Кроме того, приближенные к руководству члены организации перессорились из-за финансовых проблем и человеческих амбиций. После ряда громких разоблачений в прессе, с леденящими душу описаниями публичного сожжения негра в котле с кипящим маслом в Техасе, влияние и роль ККК стали падать. Северные организации ККК накануне Второй мировой войны запятнали себя сотрудничеством с нацистскими организациями, что в условиях войны с фашизмом стало серьезным дискредитирующим обстоятельством. Кроме того, руководство попало под суд по страшному для Америки обвинению в неплатеже более 600 000 долларов налогов.

Официально ККК был распущен в 1944 году, восстановлен в 1946 году, раскололся на ряд группировок в 1949 году. После войны его лидером был Самуэль Грин из Атланты. Теперь объектом террора стали активисты борьбы за гражданские права. Кроме того, подкладывались бомбы в церкви, где молились чернокожие. При

этом ККК поддерживал негласное правило одной капли крови (англ. One drop rule) — строгое соблюдение теории «чистоты расы», согласно которой человек с малейшей долей негритянской крови должен считаться черным во всех отношениях.

Отмена в 1954 г. в США законов о сегрегации вызвало среди белых американцев всплеск сочувствия к ККК, однако он продолжал оставаться аморфным обществом с нестабильным числом членов. Последнее возрождение ККК переживал в 1975-79 гг., когда его численность выросла до 10 000 человек. Лидером ККК в эти годы были Дэвид Дьюк и Билл Вилкинсон, прославившийся экстремистскими выходками. Однако власти США применили жесткие меры, начались аресты, и в 1993 г. организация была в очередной раз распущена. Сейчас ККК официально не существует.

Но если в США расистское движение хоть и было массовым и привело к многочисленным жертвам, но все же не вышло на государственный уровень, но в Европе все оказалось куда хуже. После Ж. Гобино расистские идеи получили довольно широкое распространение. Они развивались и пропагандировались французским социологом и психологом Г. Лебоном (1841-1931) в работе "Психология толпы" (1895). Он писал: «Первобытные расы, те, у которых не находят ни малейшего следа культуры и которые остановились на той эпохе первобытной животности, какую переживали наши предки в каменном веке: таковы нынешние фиджийцы и австралийцы. Кроме первобытных рас существуют еще низшие расы, главным представителями которых являются негры. Они способны только к зачаткам цивилизации, но только к зачаткам. Никогда им не удавалось подняться выше совершенно варварских форм цивилизации... К средним расам мы относим китайцев, японцев, монголов и семитические народы. Через ассирийцев, монголов, китайцев, арабов они создали высокие типы цивилизаций, которые могли быть превзойдены одними только европейскими народами. Среди высших рас могут занимать место лишь индоевропейские народы. Как в древности, в эпоху греков и римлян, так и в настоящее время одни только они оказались способными к великим открытиям в сфере искусства, науки и промышленности. Только им мы обязаны тем высоким уровнем, какого достигла ныне цивилизация... Между четырьмя большими группами, которые мы только что перечислили, не возможно никакого слияния; отделяющая их умственная пропасть очевидна".

Немецкий социолог Л. Вольтман (1871-1907) в своей «Политической антропологии» и многие другие идеологи расизма пытались поставить на службу этой концепции дарвиновскую теорию естественного отбора. Другой крупный немецкий философ, Ганс Гюнтер, создал расистскую теорию, которая легла в основу расистской идеологии гитлеровского III Рейха.

Он выделял несколько рас и типов по отличительным антропологическим признакам — черепному указателю, пропорциям тела, лица, абсолютным размерам и пигментации (цвет волос, глаз, кожи). Каждому типу приписывались определенные психические и умственные качества.

В европеоидной расе выделялись следующие типы, ранжированные по своим способностям:

Нордический тип. Высокорослые долихоцефалы стройного телосложения. Узкое лицо, преимущественно жёлтые волосы, голубые или серые глаза, узкий длинный нос, угловатый выступающий подбородок. Распространены в Германии, Скандинавии, Англии. Характеризуются как рассудительные, расчетливые, холодные, зачастую жестокие люди. По умственной одаренности ставятся на первое место.

Динарский тип. Высокорослые брахицефалы, стройного телосложения. Узкое лицо, темные волосы и глаза, темноватая кожа, выступающий «орлиный» нос. Распространены в Динарских Альпах, Австрии. Характеризуются как храбрые,

гордые, грубые и вспыльчивые люди. По умственной одаренности ставятся на второе место, наравне с фальским типом.

Фальский тип. Долихоцефалы или мезоцефалы очень высокого роста, широкого, но плоского телосложения. Широкое лицо, относительно длинный нос, светлые, часто — рыжие волосы, светлые глаза. Распространены в Вестфалии. Характеризуются как скрытные, дружелюбные, обидчивые, упрямые и добродушные люди. По умственной одаренности ставятся на второе место, наравне с динарским типом.

Восточно-балтийский тип. Брахицефалы низкого или среднего роста, ширококостного коренастого телосложения. Широкое лицо, волосы серо-жёлтого или серо-коричневого цвета, серые или голубые глаза, относительно широкий короткий нос. Распространены в восточнославянских, прибалтийских, северных финно-угорских странах. Характеризуются как гостеприимные, терпеливые люди с хорошим воображением, быстрой сменой настроения, не ценящие деньги и неспособные к принятию решений. По умственной одаренности ставятся приблизительно на третье место.

*Восточный, или альпийский тип***.** Низкорослые брахицефалы, коренастого телосложения, склонные к полноте. Широкое, круглое лицо, темные волосы и глаза, широкий и короткий нос. Распространены повсеместно, особенно в Скандинавии, Испании, Франции, западнославянских странах, но нигде не составляют большинства. Характеризуются как спокойные, миролюбивые, замкнутые, самодостаточные, бережливые, склонные к жадности и ведомые люди. По умственной одарённости ставятся на четвертое место.

Западный (средиземноморский) тип. Низкорослые долихоцефалы, стройного грациозного телосложения. По пропорциям похожи на нордический тип. Темный цвет волос и глаз, темноватая кожа. Распространены в Испании, Италии, меньше — во Франции, Ирландии. Характеризуются как очень эмоциональные, веселые, легкомысленные люди, немного склонные к жестокости и лени. По умственной одаренности ставятся на пятое место.

Гюнтер приписывает каждой расе определенный набор установок, утверждает, что ум и характер зависят только от физических данных. Эта теория легла в основу нацистской расовой теории, которая использовалась для оправдания войны и массовых убийств. Впрочем, Гюнтер тут был не одинок: в 1920-е годы в Германии начала развиваться теория «расовой гигиены» (нем. Die rassenmässige Hygiene). Термин был изобретен немецким учёным Альфредом Плётцем. Он утверждал, что строгие правила воспроизводства потомства должны были привести к улучшению расовой чистоты немцев. Его концепция расовой гигиены означала необходимость разделять людей на представителей высшей расы и низших элементов и необходимость соответствующего отбора. Первых следовало искусственно поддерживать, тогда как воспроизводство вторых требовалось предотвращать.

В 1921 г. в Германии вышел учебника по генетике человека Эрвина Бауэра, Эугена Фишера и Фрица Ленца. Авторы заявили, что основные физические характеристики и особенности поведения человека наследуются генетически, а воспитание играет менее важную роль. Была высказана идея, что существуют «худшие» (inferior) люди с низким уровнем умственного развития, которые размножаются намного быстрее «лучших», или «высших» (superior) представителей человечества. Напрашивался вывод о необходимости поддержки первых и истреблении вторых. Позже эти идеи войдут в учебные пособия для СС.

В 1921 г. в Германии была создана комиссия, которая разрабатывала вопрос о принудительных абортах и стерилизации «неполноценных людей». В 1923 г. в Мюнхенском университете была создана кафедра расовой гигиены. В 1927 г. в

Берлине основан специальный институт антропологии, генетики человека и евгеники им. кайзера Вильгельма для поиска научно обоснованных идей, подобных расовой гигиене. С этим институтом был связан Йозеф Менгеле. Он защитил докторскую диссертацию на тему: «Расовые различия структуры нижней челюсти». Во время II мировой он будет служить в концлагере Освенцим, ставить медицинские опыты над заключенными и получит прозвище: «Ангел смерти».

Немецкие интеллектуалы в 1920-е гг. будто бы соревновались в людоедских высказываниях. Альфред Хохе и Карл Биндинг в книге: «Разрешение на уничтожение жизни, недостойной жизни» писали, что «идиоты не имеют права на существование, их убийство — это праведный и полезный акт». Хохе утверждал, что некоторые люди — это просто балласт, который создает неприятности для других, а также, что немаловажно, и экономические издержки. Биндинг предлагал государству создать специальные организации по умерщвлению людей, недостойных жизни.

Все эти идеи вылились в немецкую нацистскую программу истребления «неполноценных граждан» (так называемая Программа умерщвления «Т-4» («Акция Тиргартенштрассе 4»)). Программа получила название по адресу главного бюро. Ее также называли: «Акция — смерть из жалости» (нем. «Aktion Gnadentod»). Убийства в документах назывались «дезинфекцией».

Первоначально предполагалось уничтожать душевнобольных, умственно отсталых и наследственно больных. Позже в список на стерилизацию и уничтожение были включены нетрудоспособные лица (инвалиды, а также болеющие больше 5 лет), а также лесбиянки как не приносящие потомства. Особые акцент делался на уничтожении больных детей. Сперва убивали детей до 3-х лет, потом — до 17 лет.

На совещании 9 октября 1939 г. по программе Т-4 был установлен план убийств в 70 000 человек. Была принята формула 1000:10:5:1, согласно которой из каждой тысячи людей десять нетрудоспособны, 5-ти из 10-ти нужно оказывать помощь, а одного физически уничтожить. По этой формуле из 65—70-ти млн. граждан Германии надо было убить 70 тысяч человек. Авторы программы подчеркивали огромный экономический эффект: убийство этих «неполноценных» сохраняло для страны 885 440 000 рейхсмарок.

Программа в полную силу заработала в 1939 г. Сперва составлялись списки, а с 1940 г. начались массовые убийства. К ним также была подключена система концлагерей, где на неполноценных людях (к числу которых здесь также относили евреев и славян) ставились медицинские опыты, в основном с сфере изобретения новых способов убийства. Именно в рамках программы Т-4 были изобретены газовые камеры (первая газовая камера была испробована в Хадамаре (земля Гессен) в конце 1939 г.). Всего по программе Т-4 к 1941 г. было убито более 70 000 человек, после чего официально она была приостановлена. Неофициально же истребление «неполноценных» продолжалось до 1945 г., от программы Т погибло 275 000 человек (по данным Нюрнбергского процесса).

К биологически неполноценным людям гитлеровцами были отнесены целые нации. Здесь семена упали на почву европейского антисемитизма. Им увлекались многие интеллектуалы того времени. Например, англичанин Хьюстон Стюарт Чемберлен (1855—1927) писал в своей скандально известной книге «Основы XIX века» («Die Grundlagen des neunzehnten Jahrhunderts»), вышедшей в 1899 г., что есть арийцы — творцы и носители цивилизации, и евреи — разрушительная и вырождающаяся сила.

В начале XX века в Германии очень широко были распространены статьи и брошюры с изложением расовой теории, которые превозносили германскую и всячески унижали семитскую расу — евреев. Евреев относили к низшей,

«неполноценной» расе. Итоги первой мировой войны усилили расистские настроения. Писатели-расисты, разочарованные поражением, воспевали благородного немецкого солдата с чистой кровью. Евреи изображались виновниками всех постигших Германию бед. Так были сформированы стереотипы положительного немецкого героя-арийца и отрицательного еврея.

29 июня 1933 г. вышел закон о наследовании, по которому земельные участки от 7,5 до 125 гектар могут пожизненно закрепляться за их владельцами и передаваться в наследство, только если владельцы могут доказать чистоту своей крови до 1800 года. Под действие этого закона попало более 60 % всей сельскохозяйственной территории Германии.

15 октября 1934 года партийный лидер Рудольф Гесс создал ведомство для изучения родства при национал-социалистической партии. Позже оно получило название «Имперское ведомство по изучению родства». Работой ведомства руководило СС и министерство юстиции.

В «Нюрнбергских законах» 1935 г. (нем. Nürnberger Gesetze), вводились правила, по которым определяется принадлежность к немецкой или еврейской расе: «Чистокровными» немцами являлись немцы в четырёх поколениях. Евреями считались потомки трех-четырёх поколений евреев, а между ними находились «полукровки» первой или второй степени.

Главное расово-поселенческое управление СС разработало методику расового отбора в СС, а также Брачный кодекс СС, который запрещал эсэсовцам женится на не чистокровных арийках. В 1936 году Рихард Дарре публикует книгу «Кровь и почва, главная идея национал-социализма», где пропагандирует единство немецкой расы и её жизненного пространства.

15 ноября 1938 года еврейским детям было запрещено посещать немецкие школы.

Все это вылилось в печально известный Холокост. Английское слово «holocaust» заимствовано из латинской Библии (где используется в латинизированной форме holocaustum наряду с holocau(s)toma и holocaustosis), а там оно происходит из греческих также библейских форм ὁλόκαυ(σ)τος, ὁλόκαυ(σ)τον «сжигаемый целиком», «всесожжение, жертва всесожжения», ὁλοκαύτωμα «жертва всесожжения», ὁλοκαύτωσις «принесение жертвы всесожжения. Термин употреблялся для обозначения уничтожения европейских евреев нацистами с 1942 г. Сами же немцы называли этот геноцид «окончательным решением еврейского вопроса». Евреи же называют это: Шоа (бедствие, катастрофа).

В результате преднамеренных карательных акций было уничтожено 60 % евреев Европы и около трети еврейского населения мира. Это 6 000 000 человек. Кроме того, были уничтожены около 30 % существующих на земле цыган, 10 % поляков, около 3 000 000 военнопленных СССР (не считая убийств гражданского населения) и т.д.

По оценкам «Энциклопедии Холокоста» (издана музеем Яд-Вашем), погибло до 3 000 000 польских евреев, 1 200 000 советских евреев, 560 000 евреев Венгрии, 280 000 — Румынии, 140 000 — Германии, 100 000 — Голландии, 80 000 евреев Франции, 80 000 — Чехии, 70 000 — Словакии, 65 000 — Греции, 60 — Югославии. Из советских республик только в Белоруссии было уничтожено более 800 000.

Как пример последствий Холокоста приведем Польшу. Как уже говорилось, было истреблено около 3 000 000 польских евреев. Выжило около 300 000: 25 000 спаслись в Польше, 30 000 были освобождены из концлагерей, а остальные вернулись из СССР. В Польше они не задержались: страна была разорена, местечки еврейской культуры уничтожены. Началась массовая эмиграция в Центральную Европу. После 1946 года в Польше осталось только 50 000 евреев. Это означало, что еврейская культура, составлявшая неотъемлемою часть культуры польских городов,

была практически уничтожена навсегда.

В наши дни расизм и расовые теории представлены на уровне мелкомасштабных маргинальных политических движений и философских учений. С 1960-х гг. человеческое сообщество, в общем-то, едино в осуждении расизма. В Международной конвенции о ликвидации всех форм расовой дискриминации (1965) расовая дискриминация определяется следующим образом: «Любое различие, исключение, ограничение или предпочтение, основанное на признаках расы, цвета кожи, родового, национального или этнического происхождения, имеющие целью или следствием уничтожение или умаление признания, использования или осуществления на равных началах прав человека и основных свобод в политической, экономической, социальной, культурной или любых других областях общественной жизни». Сегодня никто из крупных политических сил открыто не решиться исповедовать противоположные взгляды. Хотя попытки в том или ином виде реанимировать расовые теории предпринимаются постоянно.

В заключение как пример современных маргинальных расистских идеологий надлежит сказать о «черном» и «желтом» расизме. Например, среди африканских интеллектуалов возник *негритюд* (фр. Négritude) — учение о самобытности, самоценности и самодостаточности негроидной расы. Предшественником этой теории считается учение Э. Блайдена — западноафриканского просветителя, священника, государственного деятеля. Он заявил о своеобразии и уникальности африканской личности, о её особом психическом складе: миролюбии, коллективизме, духовности и связи с природой. Этим позитивным качествам он противопоставлял агрессивность, индивидуализм, материализм белых.

Основоположниками негритюда считаются сенегалец Л. С. Сенгор, мартиниканец Э. Сезер, гвианец Л. Г. Дамас. Негритюд особенно был популярен в 1950—1960-х гг. и стал идейной основой движения «Black is beautiful». В основу негритюда легли утверждения об исключительности негро-африканской цивилизации. Его сторонники провозгласили особую роль негроидных народов в духовном развитии человечества. Сначала эта теория отражала протест против колониализма и расовой дискриминации, выступала против приоритета европейских духовных ценностей. Позднее негритюд приобрел другую окраску — в нем стали прослеживаться мотивы расовой исключительности, расовое сознание негритюда противопоставлялось классовому.

С негритюдом тесно смыкается американская «афроцентристская египтология». Основные ее постулаты: древние египтяне были чернокожими; Древний Египет намного превосходил все древние цивилизации; древнеегипетская культура была истоком древнегреческой и тем самым всей европейской культуры; существовал и существует заговор белых расистов, ставящий целью все это скрыть.

Кроме того, «среди древних цивилизаций, которые Африка дала миру: Эфиопия, Нубия, … Куш, Аксум, Гана, Мали и Сонгай» (М. К. Асанте). Афроцентристы настаивают на огромном влиянии негроафриканской культуры на развитие античных Греции и Рима, Древнего Востока и современной Западной цивилизации. Так, М. Бернал утверждает преемственность египетской и греческой цивилизаций, а И. Ван Сертима — распространение негроафриканской культуры на территории Америки в древности. Говорится и об особой первичной роли негроидов в антропогенезе: происхождении других рас от негроидной.

Очевидно, что в основе всех этих идей лежит «вывернутый наизнанку» расизм белых. Но само по себе это сходство очень характерно раскрывает природу расизма как не объективного, а субъективного, глубоко идеологизированного явления человеческой культуры.

Литература:

Karl Saller: Die Rassenlehre des Nationalsozialismus in Wissenschaft und Propaganda. Darmstadt, 1961; Преступные цели — преступные средства. Документы об оккупационной политике фашистской Германии на территории СССР (1941—1944 гг.). М., 1968; Kaul F. Nazimordaktion, T. 4. Ein Bericht uber die erste industrimabig durchfuhrte Mordaktion des Naziregimes. Berlin, 1973; Mosse G. Toward the Final Solution: A History of European Racism. Madison, 1985; Kater M. Doctors Under Hitler. Chapel Hill, 1989; Origins of the Holocaust / Edited by Michael R. Marrus. Westport, 1989; Burleigh M., Wippermann W. The Racial State: Germany, 1933-1945. Cambridge, 1991; Weindling P. Health, Race, and German Politics between National Unification and Nazism, 1870-1945. New York, 1993; Freisleben E. Grundelemente der Rassenkunde und Rassenhygiene der Weimarer Zeit. Eine Untersuchung zu zwei Standardwerken. Diss., Freie Universität. Berlin, 2003; Penton M. Jehovah's Witnesses and the Third Reich. Toronto, 2004.

РЕЧЬ ПОСПОЛИТАЯ

Речь Посполитая — государство, возникшее в 1569 г. в Центрально-Восточной Европе в результате объединения Королевства Польского и Великого княжества Литовского. Оно занимало большие территории на землях современной Польши, Украины, Беларуси, Литвы и Латвии, России, Эстонии, Молдавии и Словакии. Речь Посполитая была ликвидирована в 1795 г. в результате внешней агрессии, насильственного раздела ее территории между Россией, Пруссией и Австрией.

Для имперской проблематики история Р.П. интересна тем, что перед нами полинациональное государство, с монархией как формой политического режима, с явным политическим и культурным доминированием одной нации — польской. Государство периодически переживало серьезные внутренние политические и этноконфессиональные конфликты, в XVII в. вылившиеся в сепаратистский мятеж украинских земель и их отделение. То есть, казалось бы, налицо все признаки имперской истории. В то же время, история Речи Посполитой в историографии позиционируется как особый исторический феномен, уникальный способ организации различных народов и конфессий в единый социо-политический организм, который не был империей. В этом плане ее изучение как раз крайне важно для рассмотрения исторического феномена империй.

Речь Посполитая возникла из объединения двух государств, которые сами по себе складывались как полиэтнические образования. Великое княжество Литовское, Жемайтское и Русское (таково полное название этой державы) образовалось в 1240-е гг.. Первоначально оно включало в себя восточную часть современной Литвы (Аукштайтию) и т.н. «Черную Русь» (совр. Западная Беларусь). Его основателем считается Миндовг. По этническому составу население княжества было балто-славянским с преобладанием славянского православного элемента. Литовцы составляли правящий этнос. При этом они являлись язычниками.

Из-за этого религиозного плюрализма перед властями молодого государства сразу же встал вопрос о необходимости религиозной реформы. Возможно, около 1246 г. обсуждался вопрос о переходе всей Литвы в православие. Во всяком случае, его принял сын Миндовга, Войшелк. Однако великий князь сделал другой выбор. В 1252/53 гг. Миндовг получил от римского папы королевский титул в обмен на принятие католичества и основание католического епископства. Он надеялся, что Рим поможет Литве в отражении агрессии немецких рыцарей. Однако новые

союзники помогали в основном молитвами и воззваниями, но не войсками. А рыцарей тем временем разгромили язычники из племени жмудь. Поэтому в 1261 г. Миндовг отрекся от христианства и принял жмудь в состав своего княжества.

Резкое расширение территории Литвы произошло при великом князе Гедимине (1316-1341). Он присоединил Смоленские, Минские, Киевские, Брестские земли и в 1339 г. вступил в прямой военный конфликт с Ордой, тем самым возглавив восточноевропейское антитатарское национально-освободительное движение. Гедимин в 1324 г. предпринял еще одну попытку католицизации страны, но ей воспротивилось православное население, и проект отвергли. Зато бурными темпами идет территориальный рост: около 1325 г. присоединен Брест. Началось интенсивное наступление на Волынь. В 1320-30-е гг. литовские отряды подчинили часть Киевских земель. Перед смертью Гедимин разделил свои владения между семью сыновьями. Казалось, что Литва стоит на пороге феодальной раздробленности. Но страна не распалась. После короткой усобицы, в ходе которой новый великий князь Явнут был убит своими братьями, на престол в 1345 гг. взошел Ольгерд, а его соправителем сделался Кейстут. Они вдвоем правили Литовской державой много лет.

В 1358 г. Ольгерд и Кейстут провозгласили программу объединения под властью Великого княжества Литовского, Жемайтского и Русского всех прибалтийских и восточнославянских земель. В годы их правления происходит стремительный территориальный рост Литвы. В 1350-е г. она захватывает города в междуречье Днепра, Березины и Сожа. К 1362 г. окончательно подчинены Киев, Чернигов, Переяславль, Брянск, Северские земли (процесс их присоединения шел с 1330-х гг.).

При этом литовцы выходили победителями из конфликтов с другими претендентами на господство в Восточной Европе. В 1362 г. в битве у Синих Вод полки Ольгерда нанесли сокрушительное поражение Орде (это сражение считают по масштабам аналогом Куликовской битве). В 1368, 1370 и 1372 гг. при поддержке союзной Твери великий князь литовский трижды нападает на Москву. Но она выстояла. Лишь в знак того, что «он здесь был», Ольгерд подъехал и сломал свое копье о кремлевскую стену.

После смерти Ольгерда в 1377 г. престол занял его сын князь Ягайло — человек, которому было суждено кардинальным образом изменить путь развития литовской государственности. В 1385 г. Литва резко меняет ориентацию в сторону Польши. В местечке Крево подписывается уния — союз литовской и польской короны. Теперь у двух стран был один властелин, носивший титул «короля Польского и великого князя Литовского». Ягайло крестился по католическому обряду, принял имя Владислава и стал основателем династии Ягеллонов. Он женился на польской королеве Ядвиге и с 1387 г. начал интенсивную католицизацию своего княжества. Тем самым произошло сближение православной Литвы с ка-толическим Западом. Она оказывается вовлеченной в орбиту политической жизни Польши, Священной Римской империи, Ватикана, Франции. Ее политический и социальный строй приобретает все больше сходства с польским. Это радикально изменило направление развития данного государства и его место на восточноевропейской карте.

В историографии Кревская уния расценивается по-разному. В тексте документа стоит слово *applicare,* то есть получается, что Королевство Польское *присоединяет* Великое княжество Литовское. На практике это было не совсем так — оба государства сохраняли свою автономию, свои правительства, независимые бюрократические аппараты правительства, советы знати (королевская рада и литовская рада панов), свои вооруженные силы и независимую внешнюю политику (скажем, польская армия не помогала Литве в войнах с Россией — считалось, что

поляк может воевать только на обороне своего Отечества). Несомненным был только рост культурного влияния Польши как более высокоразвитого государства, полонизация в области социальных стереотипов, моделей поведения шляхты, католицизация и т.д. Однако в литовской историографии Кревская уния оценивается как акт экспансии со стороны Польши. Некоторые историки отрицают подлинность Кревского акта. Именно здесь отдельные специалисты видят первый имперский акт со стороны Польши. Однако эти оценки скорее эмоциональные и конъюнктурные. Кревская уния была сугубо династической — у двух государств оказывался единый правитель. Об объединении двух держав, тем более при доминировании одной из них еще рано говорить.

История Польши развивалась параллельно истории Великого княжества Литовского. До середины на территории Польши X в. существовали несколько племенных княжений. В конце I тысячелетия на её территории известны такие племена, как западные поляне (от них название страны), лендзяне (от них название поляков у соседей-славян: «ляхи»), куявяне, поморяне, мазвовшане, висляне, слензяне (в Силезии) и т. д. Постепенно на основе крупных племенных княжеств возникают протогосударственные объединения; из этих княжеств основными было княжество вислян в нынешней Малой Польше (район Кракова) и полян в Великой Польше (район Познани).С середины X в. ведущая роль в политической жизни лехитских славян принадлежала полянам с центром в Гнезно. В 877 году после завоевания Малой Польши Великой Моравией центром формирования польского государства осталась Великая Польша, столицей которой был город Гнезно. Первым известным правителем Польши был великопольский князь Мешко I из рода Пястов (960—992); в 966 году он принимает христианство по западному обряду.

Средневековая история Польши — это история ее противостояния с Чехией (с переменным успехом, бывали периоды, когда Чехия подчиняла себе Польшу, бывало, когда на чешский престол садился король из польской династии Ягеллонов). Другим врагом был Немецкий орден, который с XIII в. проводил свой знаменитый «Натиск на восток». Противостояние с Немецким орденом завершилось победой над ним в Тринадцатилетней войне 1454-1466 гг., присоединением Прусского герцогства (бывшего Тевтонского ордена) в 1525 г. и земель Ливонского ордена (1561 г.). В 1466 году по Второму Торуньскому миру Польша присоединила Померанию с Гданьском и обрела выход к Балтийскому морю.

В 1320 году Куявский князь Владислав Локетек (1305-1333), присоединив к своим владениям Великую Польшу, короновался в Кракове польским королем. Отныне Краков становится новой столицей Польши. При его преемнике Казимире III Великом (1333-1370) Польша пережила расцвет. В 1349 году к Польше была присоединена Галиция. В XV в. происходит становление так называемой «монархии Ягеллонов» или системы Ягеллонов, при которой представители польской королевской династии садились на престол в Польше, Венгрии, Чехии.

В конце XV-XVI в. Великое княжество Литовское столкнулось с нарастающей экспансией Российского государства. В результате пяти порубежных войн (1487-1494, 1500-1503, 1507-1508, 1512-1522, 1535-1537) Литва потеряла огромные территории: Северские и Верховские земли, Смоленск. Русские войска вышли к Днепру, было недалеко до Киева (страх перед возможным нападением России на Киев пронизывает всю историю Великого княжества Литовского в XVI в.). Это ставило под угрозу саму литовскую государственность. В начале Ливонской войны (1558-1583 гг.), которая велась за балтийские земли, Великое княжество Литовское продолжает нести территориальные потери. В 1563 г. Россия взяла Полоцк и присоединила Полоцкий повет. Русская кавалерия вышла на Виленский тракт, между Вильно и русской армией не было больше сильных крепостей, которые могли бы остановить ее движение.

Великое княжество Литовское оказалось в состоянии сильного политического кризиса. Ему не удавалось собрать необходимые войска для обороны страны. В начале 1569 г. начал работу польско-литовский сейм, на котором обсуждался вопрос о слиянии двух государств в одно — Речь Посполитую. Литву к этому подталкивала ситуация: было очевидно, что в одиночку она не может противостоять военному давлению России. Ее положение было усугублено переходом в марте 1569 г. Подолья, Киева, Волыни под власть Короны. Тем самым Великое княжество Литовское лишилось наиболее экономически развитых и не разоренных войной земель. В итоге Литва была вынуждена пойти на слияние с Польшей (что в самой Литве воспринималось негативно, как польская экспансия). 28 июня 1569 г. была заключена Люблинская уния, провозгласившая создание Речи Посполитой (польск. Rzeczpospolita — буквально «республика») обоих народов (польского и литовского).

В литовской и российской имперской историографии Люблинская уния 1569 г. оценивалась как покорение Польшей Литвы. М. О. Коялович писал: уния стала окончательным порабощением Литвы Польшей, хотя часть литовских депутатов на коленях умоляла Сигизмунда не губить их государства. Влияние иезуитов, ополячивание и Брестская уния 1596 г. довершили дело. По Кояловичу, за Люблинскую унию история особенно карает славянское братство: «как жестоко казнит история за святотатственное признание совершенно различных стран!». Виной всему — наплыв латинства, которое «изменило совесть» народов Речи Посполитой.

Речь Посполитая была федерацией. Во главе стоял король, избираемый на сейме шляхты. Шляхта обладала обширными правами, король выступал их гарантом. Она называлась «политическим народом», реализовывала свои права на сеймах. Эти права все ширились и в XVII в. вылились в знаменитое *liberum veto*, когда все важные решения сеймы могли принимать только единогласно. По сути, этот апофеоз демократии привел к полному параличу политической системы Речи Посполитой, потому что при принятии любого важного решения почти всегда находился шляхтич, который кричал «Не позволяю!» и проваливал это решение.

В Речи Посполитой религиозный вопрос до конца XVI в. не был острым. Ее называли «государством без костров» из-за ее религиозного плюрализма. Современники говорили, что если человек потерял свою веру и сам не может понять, во что верит — ему надо ехать в Речь Посполитую, там он либо найдет свою веру, либо такой веры не существует на земле. На землях Речи Посполитой уживались католицизм (бывший доминирующей конфессией), протестантство (которое приняли к XVII в. даже некоторые видные магнатские роды, например, Радзивиллы), православие (которое было распространено на русинских землях, составлявших до 70 % земель Великого княжества Литовского). Были иудаизм (Вильно называли Северным Иерусалимом за большое количество еврейского населения), мусульманство, армянская церковь и т.д.

В Речи Посполитой жили поляки, литовцы, жмудины, русины, евреи, татары, армяне. В присоединенных землях жили немцы (Пруссия, немецкие города польского Поморья, Польские Инфлянты), балтийские племена (ливы, эсты, латтгалы). В XVI-XVII в. на основе казачества шло интенсивное формирование украинского этноса. До конца XVI в. этнических конфликтов практически не было, а некоторое ущемление в правах в отдельные периоды, например, русинской православной шляхты хоть и вызывало ее недовольство, но не было критичным.

Ситуация резко обостряется с конца XVI в., когда в 1596 г. была принята Брестская уния, по которой на землях Речи Посполитой произошло объединение православной и католической церквей при доминировании католичества. Теперь началась борьба между православными и униатами, которая отразилась как в чисто

интеллектуальной церковной полемике, так и в нараставшем на юге Речи Посполитой освободительном движении украинского казачества. Остается дискуссионным вопрос, была ли защита православия только лозунгом, которым украинские казаки призывали свои сепаратистские устремления, или религиозный фактор в самом деле играл серьезную роль. Историк М. В. Дмитриев определяет социально-политическую борьбу на южных землях Речи Посполитой в первой половине XVII в. как восточноевропейский вариант религиозных войн. Эти столкновения быстро приобрели социально-этническую окраску. Лозунг сторонников Богдана Хмельницкого, лидера освободительного движения украинцев (начавшегося в 1648 г.): «Лях, жид и собака — вера одинака». Хмельнитчина прославилась и антипольскими, и антиеврейскими погромами.

В этих событиях можно усмотреть элементы имперской истории — недаром, когда о Речи Посполитой говорится как об империи, на вопрос: «Где ее Индии?» отвечают: «Ее Индии — это Украина», то есть украинские земли могут рассматриваться как особая форма внутренних колоний. Восстание было реакцией не только на католицизацию, но и на полонизацию, произвол польских панов, ограничение прав православных русинов и т.д. — то есть здесь можно видеть классические черты антиколониальной борьбы. В то же время, положение украинских земель в Речи Посполитой вряд ли можно определить как «классически» колониальное, а ее политику назвать имперской. Это был скорее внутренний, гражданский конфликт, имевший элементы этнического и религиозного конфликта.

В 1654 году в Польшу вторглись русские войска; в следующем году — шведы, которые и занимают Варшаву, король Ян II Казимир бежит в Силезию — начинается анархия, получившая в Польше название «Потоп». Он был усугублен продолжением роста сепаратистских тенденций: в 1655 г. попытку выйти из Речи Посполитой предпринимает Великое княжество Литовское. Его гетман Януш Радзивилл в 1655 г. заключил со шведским королем Карлом X Густавом Кейданскую унию, по которой Литва выходила из состава Речи Посполитой и оказывалась в подданстве Швеции. Как мы видим, здесь тоже имел место некий протест против верховенства поляков, который можно было бы трактовать как антиимперский, если бы не одно обстоятельство: попытка сепаратистского мятежа носила чисто верхушечный характер, это был не протест литовского народа, а планы магнатов-Радзивиллов добиться для себя исключительного положения и власти. Общество Речи Посполитой не поддержало изменников, уния провалилась. Хотя в историографии есть ее оценки как попытки Великого княжества Литовского добиться суверенитета.

В 1657 году Польша отказалась от суверенных прав на Восточную Пруссию. Шведы так и не смогли удержаться в Польше из-за разгоревшейся партизанской войны. Движение Хмельницкого, получившее поддержку русских войск, победило. Согласно Андрусовскому перемирию с Россией (1667 год), Речь Посполитая потеряла Киев и все украинские районы восточнее Днепра. С этого момента начинается закат Речи Посполитой, хотя в конце XVII в. при Яне Собеском (1674-1696) она переживала некоторый подъем и даже сыграла решающую роль в разгроме турок под Веной в 1683 г.

В какой-то степени можно сказать, что кризису Речи Посполитой в конце XVII – начале XVIII в. способствовали ее внешнеполитические устремления. Она вышла из войны с Россией, поставив своеобразный мировой рекорд: официально, если считать с первой порубежной войны, Россия, Великое княжество Литовское, Речь Посполитая находились в состоянии войны с 1487 по 1686 г., когда был подписан Вечный мир. До этого почти 200 лет заключались только короткие перемирия на несколько лет. Заключение Вечного мира 1686 г. сопровождалось

договором об окончательном разделе Украины: Россия получала Левобережную Украину, Киев, Запорожье, Смоленск и Чернигово-Северскую землю с Черниговом и Стародубом. Однако, если обращаться к имперской истории, то это была скорее страница становления России как империи. А для Речи Посполитой — явное свидетельство упадка.

В начале XVIII в. Речь Посполитая оказывается вовлеченной в войну со Швецией. Это было связано как с союзническими обязательствами, так и с желанием взять реванш за Потоп, за потерю Прибалтики в начале XVII в. в ходе шведских завоеваний. Однако военная судьба Речи Посполитой в Северной войне (1700-1721) гг. складывалась неудачно. Швеция захватила значительную часть Речи Посполитой, и ее король Август II был вынужден в 1706 г. подписать сепаратный мир со Швецией (Альтранштедский договор). По этому договору Август II отрекался от польской короны в пользу ставленника Карла XII Станислава Лещинского (еще в 1704 г. коронованного частью шляхты польским королем). Договор был предательством по отношению к России, поскольку Речь Посполитая бросала своего союзника и выходила из Северной войны. Правда, Август II пытался скрывать договор от Петра I, но Карл XII его обнародовал, чем нанес удар по престижу польской короны.

После поражения шведов под Полтавой в 1709 г. Август II по Торуньскому договору вернул себе польский престол, но из-за Альтранштедского договора его политические позиции были сильно утрачены, Речь Посполитая в своей политике очень сильно зависела от соседних держав, в первую очередь от набирающей сил Российской империи. Собственно, история Речи Посполитой в XVIII в. — это уже история ее превращения в объект раздела более сильными европейскими империями. В ходе войны за польское наследство 1733-1735 гг. между Россией, Австрией и Саксонии с одной стороны, и Францией, Испанией и Сардинским королевством с другой эта слабость была продемонстрирована в полной мере: кто будет королем, решала уже не сама Речь Посполитая, а имперские интересы соседних держав.

Последняя страница «польской драмы», как ее иной раз называют историки — это история трех разделов Речи Посполитой во второй половине XVIII в. Соседние державы вмешались во внутреннюю политику Речи Посполитой из-за так называемого вопроса о диссидентах — некатоликах, православных и протестантов, права которых в католической Речи Посполитой ущемлялись. Российская империя, Пруссия и Австрия выступили как бы заступниками диссидентов, хотя на самом деле преследовали при этом свои имперские интересы.

Польша становится как бы разменной картой, за счет которой европейские державы хотели решать свои территориальные проблемы. В русско-прусском договоре 1764 г. в тайных статьях стороны обязывались защищать Польшу от внешних врагов и содействовать избранию на варшавский престол только поляка. Это означало, что две державы решили контролировать развитие этого государства без его ведома и установить свое монопольное влияние в регионе.

Толчком к кризису послужило решение России в 1767 г. потребовать от правительства Понятовского решения вопроса о диссидентах. Екатерина желала, чтобы их избирали в суды и органы местной власти. По ее мнению, сейм должен был на одну треть состоять из диссидентов. Понятовский в ужасе говорил, что «это требование для него подобно громовому удару». Русский посол Н.В. Репнин заявил, что если Польша откажется признать права других конфессий, то Россия введет в нее войска и способствует созданию Конфедерации — отделению православных и протестантских областей и введению в них особого управления.

Собранный в 1767 г. сейм отказался даже рассматривать вопрос о правах диссидентов. Требованием Репнина шляхта была страшно возмущена. Тогда

Екатерина велела начать работу по созданию Конферерации. В том же году в Слуцке собралась конфедерация православной шляхты, в Торуни — протестантской. Центром диссидентов стал г. Радом. Во главе Конфедерации встал авантюрист Карл Радзивилл. В помощь ему в Польшу вошел русский корпус генерала Карра. Однако следует отметить, что большинство рядовых участников движения поддержало его не по религиозным мотивам, а по приказу старшего магната, из-за желания побунтовать, свергнуть Понятовского и т.д.

Сейм 1767-68 гг. проходил в окруженной русскими полками Варшаве. Лидеров шляхты и католического духовенства, протестовавших против Конфедерации, прямо на заседаниях арестовали и сослали в русский город Калугу. Посол Репнин откоыто угрожал полякам: «Я требую не толков, не объяснений, а послушания». 13 февраля 1768 г. сломленный сейм принял решение об уравнении в правах католиков, православных и протестантов. Уже 29 февраля образовано объединение польских дворян, не признавших этого закона. Они подняли мятеж, организовав свою, Барскую конфедерацию. По просьбе Понятовского против конфедератов сражаются специально введенные в Польшу русские войска. Шляхта, не способная воевать с регулярной армией, вымещает свое зло на простонародье. В ответ в Правобережной Украине вспыхивает народное антикатолическое восстание, известное под названием «движение гайдамаков».

Барские конфедераты обратились за помощью к Турции, пообещав отдать османам Подолию и Волынь. Поводом к войне послужило нападение гайдамацкого отряда командира по имени Шило на один из шляхетских отрядов. Поляки укрылись за турецкой границей, и Шило догнал и перебил и шляхтичей, и заодно подвернувшихся под руку турок. Несмотря на все объяснения России, что она не имеет к этим событиям ни малейшего отношения, потому что Шило гайдамак, то есть вообще даже не подданный Российской империи, султан 25 ноября 1768 г. объявил войну Екатерине II. Стратегический план Турции состоял в том, чтобы армией в 300 тысяч человек нанести удар в районе Каменца-Подольского и соединиться с войсками Барской конфедерации.

Россия вела против Турции успешные боевые действия, которые обеспокоили европейские страны. В 1770 г. между Пруссией и Австрией заключено Нейштадтское соглашение о грядущем разделе Польши. Вена претендовала на Южную Польшу с Краковым, а также Галицию. Фридрих хотел балтийское побережье с Гданьском. В 1771 г. между Австрией и Турцией заключена так называемая «тугутова конвенция» (по имени имперского министра иностранных дел Тугута). По ней австрийцы обещали любыми средствами добиваться возврата Османской империи всех крепостей, когда-либо захваченных у нее Россией. В ответ турки отдавали Малую Валахию и выделяли субсидию в 10 миллионов пиастров.

Свой ход пытались сделать и барские конфедераты, не способные долго сопротивляться регулярной русской армии. Они решили выиграть войну одним махом: похитить польского короля, свалить это преступление на Россию, а монарху в заточении диктовать свою волю. 23 октября 1771 г. Станислав был схвачен прямо на улицах Варшавы. Для конспирации заговорщики во время нападения что-то бессвязно кричали по-русски. Однако, поймав короля, мятежники испугались. Они не знали, что делать дальше. Когда под Варшавой конь с венценосной особой упал в яму и сломал ногу, конфедераты не спешили вытаскивать пленного монарха. Одни уехали куда-то вперед, другие стали растерянно совещаться. Наконец, среди конвоиров осталось всего шесть человек. Пятеро из них разбежались при одном слухе, что поблизости появились русские солдаты. Последний, Кузьма Косинский, раскаялся в содеянном и просил у пленного короля помилования. Станислав был спасен и с триумфом въехал в Варшаву. Это неудачное покушение вконец скомпрометировало Барскую конфедерацию, начался ее закат.

В этой ситуации, опасаясь вступления Австрии в войну, и видя явную слабость раздираемой усобицами Речи Посполитой, Екатерина II согласилась на Первый раздел Польши. Соглашение о нем подписано 5 августа 1772 г. Пруссия получила Поморье и часть Великой Польши, Австрия — Галицию и часть Малопольши, Россия — Восточную Белоруссию. После этого «тугутова конвенция» не была ратифицирована венским правительством. Пруссия «забыла» о своих симпатиях к Порте. Россия получила полную свободу рук на фронтах русско-турецкой войны и в 1774 г. триумфально выиграла ее.

В 1787 г., во время путешествия Екатерины II по югу России, в Каневе состоялась ее встреча с польским королем Станиславом. Он предлагал России военный союз, но для этого просил увеличить подвластную ему армию и усилить прерогативы монарха. Одновременно польская шляхта жалуется на Станислава, обвиняя его в тирании. Екатерина не оказала королю необходимой поддержки, опасаясь подъема национального движения в Польше. Тогда в 1788 г. был созван т.н. «Четырехлетний сейм», который должен был, по замыслу короля, провести реформы, укрепляющие его власть. 3 мая 1791 г. он завершил работу, приняв Конституцию Польши — одну из первых консти-туций в мире (в XVIII в. существовали еще американская и французская). По ней ликвидировалось право «либерум вето», король больше не избирался, а передавал свою власть по наследству, закреплялись все права аристократии и крепостное право для крестьян.

Уже в октябре 1791 г. оппозиционная королю шляхта основала т.н. Тарговицкую конфедерацию. Прикрываясь лозунгами о борьбе с «королевской тиранией», она призвала в Польшу войска российской империи, Екатерина велела русской армии, которая возвращалась после Ясского мира с Дунайского театра военных действий, идти через Польшу. В мае 1792 г. она перешла границы Речи Посполитой. Станислав пытался сопротивляться, но поляки оказались абсолютно не способными противостоять русским генералам, возглавлявшим тогда самых непобедимых в мире солдат. Екатерина потребовала от Станислава присоединиться к Тарговицкой конфедерации.

Решив воспользоваться ситуацией, Пруссия в конце 1792 г. предложила Екатерине организовать Второй раздел Польши. Императрица согласилась, и 23 января 1793 г. он был проведен. Пруссия получила Гданьск, Торунь, часть Великой Польши по р. Варта и Висла — всего 58 тыс. кв.км. Россия же захватила почти 250 тыс. кв.км. — всю Белоруссию и Правобережную Украину. От Австрии договор о разделе скрывали в течении четырех месяцев.

Станислав 17 июня 1793 г. собрал новый сейм, заседавший в г. Гродно, окруженным русской армией. Россия откровенно вмешивалась в заседания, производя аресты и высылки неугодных депутатов. Король сумел-таки сформировать небольшую группу, которая выдвинула идею «переждать» Екатерину — дождаться ее смерти (которая была не за горами в силу преклонного возраста императрицы) и попытаться возродить Речь Посполитую при Павле, пользуясь его неприязнью к деяниям матери.

Между тем, на западе Европы разгорается пожар Великой Французской революции. Польша традиционно была в культурном и политическом отношении связана с Францией теснейшим образом. Многие польские патриоты единственное спасение страны видели во всеобщем вооружении народа и революции по образцу французской. Освободительное движение возглавил Тадеуш Костюшко. в апреле 1794 г. повстанцы изгнали из Варшавы русские войска. Против мятежников была брошена армия под командованием самого знаменитого А.В. Суворова. 4 ноября 1794 г. Суворов взял предместье Варшавы — Прагу. Это означало разгром восставших.

24 октября 1795 г. Россия, Австрия и Пруссия подписали конвенцию о

демаркации, которая знаменовала собой Третий раздел Польши. Россия получила Западную Белоруссию, Литву, Курляндию (120 тыс. кв. км.), Австрия — часть западной Украины и Краков (47 тыс. кв. км.), а Пруссия — центральную часть польши с Варшавой (48 тыс. кв.км.). Станислав отрекся от престола. 26 января 1797 г. специальная Петербургская конвенция запретила употреблять название «Королевство Польское». Речь Посполитая прекратила существование.

В XX в., при возрождении польской государственности, периодически выдвигался лозунг возрождения Речи Посполитой «от моря и до моря» в границах ее наибольшего территориального расширения в первой половине XVII в. Однако эта идея осталась лишь в умах политиков.

Таким образом, история Речи Посполитой показывает пример возможности объединения в рамках неимперской модели разных народов, культур и конфессий. Элементы имперского режима, которые присутствовали в ее политическом и социальном строе, так и не оформились в классическую империю, а приняли мягкие формы. В этом плане Речь Посполитая продемонстрировала уникальную историческую модель развития. Правда, необходимо подчеркнуть, что она оказалась непрочной перед имперскими устремлениями соседних держав.

Литература:

Артамонов В. А. Россия и Речь Посполитая после Полтавской победы (1709-1714). М., 1990; Бальцер О. К истории общественно-государственного строя Польши. СПб., 1908; Бардах Ю., Леснодорский Б., Пиетрчак М. История государства и права Польши. М., 1980; Бобжинский М. Очерк истории Польши. Т. 1-2. СПб., 1888-1891; Геровский Ю. А. Польша среди европейских государств в XVI-XVII вв. // Вопросы истории, 1977. № 12; Грабеньский [Смоленьский] Вл. История польского народа. СПб., 1910; Дмитриев М. В. Польская шляхта в XVI - XVIII вв. // Европейское дворянство XVI - XVII вв.: границы сословия. Под ред. В. А. Ведюшкина. М., 1997. С. 192-215; Дмитриев М.В. Между Римом и Царьградом. Генезис Брестской церковной унии 1595-1596 гг. М., 2003; Заборовский Л.В. Россия, Речь Посполитая и Швеция в середине XVII в. М., 1981; История Польши. Т.1 / Под ред. И.С. Миллера, В.Д. Королюка, П.Н. Третьякова. М., 1954; Кареев Н.И. Исторический очерк польского сейма. М.,1888; Кареев Н.И. Очерк истории реформационного движения и католической реакции в Польше. М., 1886; Кареев Н.И. Польские реформы XVIII в. СПб., 1890; Кеневич Я., Тымовский М., Хольцер Е. История Польши. М., 2004; Кутшеба Ст. Очерк истории общественно-государственного строя Польши. СПб., 1907; Лелевель И. Краткий очерк истории польского народа. СПб., 1862; Носов Б.В. Установление российского господства в Речи Посполитой. М., 2004; Стегний П.В. Разделы Польши и дипломатия Екатерины II. 1772, 1793, 1795. М., 2002; Флоря Б.Н. Русско-польские отношения и политическое развитие Восточной Европы во второй половине XVI – начале XVII вв. М., 1978; Чаплинский В. Органы государственной власти в Польше XVI-XVII вв. // Вопросы истории, 1977. № 12; Chynczewska-Hennel T. Rzeczpospolita XVII wieku w oczach cudzoziemców. Wrocław, 1993; Janiszewska-Mincer B. Rzeczpospolita Polska w latach 1600-1603. (Narastanie konfliktu między Zygmuntem III Wazą a stanami). Bydgoszcz, 1984; Janiszewska-Mincer B., Mincer F. Rzeczpospolita Polska a Prusy Książęce w latach 1588-1621. Sprawa sukcesji brandenburskiej. Warszawa, 1988; Lolo R. Rzeczpospolita wobec wojny trzydziestoletniej. Opinie i stanowiska szlachty (1618-1635). Pułtusk; Warszawa, 2004; Opaliński E. Kultura polityczna szlachty polskiej w latach 1587-1652. System parlamentarny a społeczeństwo obywatelskie. Warszawa, 1995; Rzepa Z. Rzeczpospolita Polska w latach 1505-1648. Warszawa; Wrocław, 1985; Rzońca J. Rzeczpospolita Polska w latach 1596-1599. Wybrane zagadnienia polityki wewnętrznej i zagranicznej. Opole, 1990; Wielka Historia Polski. T. 1: Kaczanowski Piotr , Kozłowski

Janusz Krzysztof : Najdawniejsze dzieje ziem polskich; Wyrozumski Jerzy : Dzieje Polski piastowskiej (VIII wiek-1370) ss. 784, il., mapy. Kraków-Warszawa, 2003; Wielka Historia Polski. T. 2: Baczkowski Krzysztof : Dzieje Polski późnośredniowiecznej (1370-1506); Grzybowski Stanisław : Dzieje Polski i Litwy (1506-1648) ss. 736, il., mapy. Kraków-Warszawa, 2003; Wielka Historia Polski. T. 3: Gierowski Józef [Andrzej] : Rzeczpospolita w dobie złotej wolności (1648-1763); Grodziski Stanisław : Polska w czasach przełomu (1764-1815) ss. 720, il., mapy. Kraków-Warszawa, 2003; Wisner H. Król i car. Rzeczpospolita i Moskwa w XVI i XVII wieku. Warszawa, 1995; Wisner H. Najjaśniejsza Rzeczpospolita. Szkice z czasów Zygmunta III i Władysława IV Wazy. Warszawa, 2001; Wisner H. Rzeczpospolita Wazów. [T.] 2: Wojsko Wielkiego Księstwa Litewskiego, dyplomacja, varia. Warszawa, 2004.

РОССИЙСКАЯ ИМПЕРИЯ

Российская империя — государство в Евразии, существовавшее до 1917 г. Включало в себя современные территории Польши, Финляндии, Литвы, Латвии, Эстонии, Молдовы, Украины, Белоруссии, Российской Федерации с Сибирью и Дальним Востоком, Северный Кавказ и Закавказье, Среднюю Азию. Российская империя была третьим в мире по площади из когда-либо образованных государств (после Британской и Монгольской империй).

Относительно начальной точки возникновения Российского государства как империи существуют разные точки зрения. Основных подходов два. Первый — отчет имперского периода истории России начинается с момента, когда русские монархи начинают присоединять территории, которые никак нельзя было назвать «исконно русскими», некогда принадлежавшими правящей династии Рюриковичей. Сторонники этой теории ведут отсчет Российской империи с эпохи Ивана III (1462-1505) и Ивана IV (1533-1584). Второй подход — начинать историю Российской империи с момента, когда ее правитель официально принял титул императора, а страна стала называться империей. Это эпоха Петра Великого (1682-1725), принявшего императорский титул в 1721 г.

Ретроспективный обзор складывания территории Российской империи выглядит следующим образом (упоминаются только территории с нерусским населением, которые никогда не входили в вотчинные земли Рюриковичей). В 1472 г. была присоединена территория Пермь, 1478 г. – земли вепсов, карелов, саамов, 1489 г. – Вятка, 1500 г. – Югорская земля (район Печоры –Урала, населенный хантами, манси, ненцами и самоедами). В 1487 г. под протекторат России попадает Казань. Всего во время правления Ивана III подвластная ему территория выросла более чем в шесть раз (с 430 тысяч кв. км. до 2800 кв. км.).

В 1552 г. после продолжительной «Казанской войны» 1545-1552 гг. было окончательно ликвидированное вышедшее из повиновения в 1520-30-е гг. Казанское ханство. К 1557 г. после подавления сопротивления местных жителей его земли отошли под власть Москвы. Это были территории, населенные татарами, чувашами, черемисами, башкирами. В 1554 году хан Исмаил, возглавлявший Большую Ногайскую Орду, признал себя вассалом Русского государства. В 1554-1556 гг. было ликвидировано и присоединено к России Астраханское ханство, являвшееся историческим наследником Большой Орды, центрального обломка некогда великой Орды (Золотой Орды русской историографии). После этого около 1556 г. подданство России приняли северокавказские народы — черкасы и адыги. В 1561 году Иван Грозный женился на дочери кабардинского князя Темрюка Идарова

— первый династический брак Рюриковичей с представительницей другого народа. В 1558-1582 гг. в состав России входила часть Эстляндии («Русская Ливония» со столицей в Юрьеве Ливонском (бывшем Дерпте)), однако по результатам Ям-Запольского перемирия (1582), завершившего Ливонскую войну (1558-1583), Россия эти земли потеряла.

В 1580-е гг. началось продвижение России на земли так называемого «Поля» (в историографии — «Дикого поля»), ничейные территории между южной границей России и «улусами» (территориями массового выпаса лошадей в Северном Причерноморье) Крымского ханства. Продвижение началось с основания на Поле опорных крепостей (Ливны, Воронеж, Оскол, Валуйки и т.д.). В XVII в. по мере продвижения России дальше на юг были основаны засечные черты — линии крепостей и полевых укреплений (Белгородская черта 1635-1654, Изюмская черта 1680 г. и др., вошедшие в общую систему пограничных засечных черт Российского государства). Присоединенные территории были заселены казаками, свободными крестьянами, промысловиками и т.д. Этнически они были русскими, татарами, велика была степень метисации населения. Однако там не было государственных образований, и присоединение проходило сравнительно безболезненно. Казачье Войско Донское присягнуло на верность российской короне еще в 1615 г.

В конце правления Ивана Грозного с 1582 гг. начинается продвижение русских в Сибирь и постепенное присоединение ее территорий. Еще в 1555 г. сибирский хан Едигер, воевавший с бухарским эмиром, обратился к России с просьбой о принятии его государства в русское подданство. Прошение было удовлетворено. Но фактически Сибирское ханство оставалось независимым. Вместо 700 шкурок, которыми Едигер обязался платить дань, в Москву прислали 30. А в 1573 г. хан Кучум вообще отказался признавать свою зависимость от Руси.

Иван Грозный вынашивал планы покорения Сибири, но сил на это не хватало. Тут ему помогли сольвычегодские промышленники Строгановы. Они владели землями по р. Каме и желали их расширить на восток. В 1574 г. им были пожалованы территории по р. Туре и Тоболу. Это означало проникновение русских в бассейны р.Оби и Иртыша. Строгановы наняли отряд казаков под командованием воеводы Ермака. В 1582 г. он двинулся на Сибирь. Ермак поднялся по р. Чусовой, перешел Уральские горы, далее двинулся по р. Туре, Тоболу и Иртышу. Он осадил и взял Кашлык — столицу Сибирского ханства. Вслед за войсками туда проникли купцы и землепроходцы.

В 1593 г. были разгромлены Пелымское и Кондинское ханства. Проникновение вглубь сибирских лесов сопровождалось интенсивным градостроительством. В 1587 г. в качестве административной столицы края основан г. Тобольск. Среди крупнейших крепостей стоит назвать Пелым (1593) и Нарым (1593), Сургут (1594), Обдорск (1595), Верхотурье (1598). В эти же годы Россия продолжила свое продвижение на Кавказ: в 1590 г. в ее состав вошла Кабарда.

Важные приобретения Россия делает в XVII веке. Она резко увеличила свои размеры за счет присоединения и освоения Сибири. Активизация политики на данном направлении началась летом 1639 г., когда атаман Копы-лов направил отряд Ивана Москвитина «отыскивать реку Ламу» (видимо, имелся в виду Амур). В 1640-е гг. русские проникли в Забайкалье, где в качестве опорных пунктов были основаны Верхне-Ангарский, Баргузинский, Нерчинский и др. остроги. В 1643-46 гг. В.Д. Поярков описал течение р.Амур. После этого похода было принято правительственное решение об обложении податью местного населения и приведении его в подданство российской короне.

Однако здесь начались столкновения с маньчжурами, с 1644 г. ведущими войну за покорение Китая и воцарении там своей династии Цин. Поэтому особое значение имела военная экспедиция Е.П. Хабарова в 1649-52 гг. Он подчинил

российскому царю большую часть местных даурских племен, а 24 марта 1652 г. под Ачанским острогом разгромил армию маньчжуров, пытавшуюся напасть на его отряд. Событие имело чрезвычайный эффект: местные племена, страдавшие от маньчжуров, поспешили добровольно перейти под покровительство России. К 1653 г. в результате экспедиции Хабарова практически все течение р. Амур было присоединено к Московскому государству.

В 1655 г. маньчжурская армия под командованием военного министра Цинской империи Мингардари вторглась в Приамурье. Но в марте в сражении под Усть-Комарским острогом она была разбита. После этого маньчжуры начали насильственный сгон населения с отошедших к России земель и их увод в свои владения. Русским оставлялись лишь пустые леса.

В 1665 г. военная экспедиция Н. Черниговского восстановила власть России в регионе. Казачьи отряды буквально сновали вверх и вниз по Амуру, приводя население в подданство далекому Алексею Михайловичу. Маньчжуры отказались от открытого боевого противостояния. Стороны пытались решить спорные вопросы путем переговоров. Лишь в 1689 г. русско-китайские отношения были урегулированы Нерчинским договором, который утвердил территориальный раздел Приамурья. Многие статьи этого договора действуют до сих пор.

Помимо победы в борьбе с Китаем, русские землепроходцы совершили на Дальнем Востоке множество выдающихся географических открытий. В 1648 г. С.И. Дежнев обнаружил пролив между Азией и Америкой, впоследствии названный Беринговым проливом. В 1648 г. Ф.А. Попов открыл Камчатку, в 1697-99 гг. В.В. Атласов начал освоение Курильских островов.

Присоединение и освоение Сибири вызвало необходимость в создании особых институтов центрального управления. Это был новый опыт — никогда ранее не присоединялась территория, на которой буквально с нуля надо было создавать эффективно работающую властную и экономическую инфраструктуру (практически без опоры на ранее существовавшие институты местной власти, что принципиально отличало ситуацию от более раннего опыта присоединения чужих земель). Здесь и начинали вырабатываться имперские принципы государственной власти (недаром многие историки рассматривают Сибирь как российскую колонию, а к освоителям Сибири XVII в. применяется термин «русские конквистадоры».

Другим фактором, давшим толчок к формированию имперского режима, было присоединение Украины по результатам Переяславской рады 1653 г. и русско-польской войны 1654-1667 г. Речь Посполитая официально передала России Смоленск, Черниговское воеводство, Стародубский повет, Северскую землю, а также признала присоединение к России Левобережной Украины. На данной территории была веками сформированная система власти и социальных отношений, основанная на «шляхетской демократии» Речи Посполитой, выборности казачьих гетманов, гарантиях прав разных социальных слоев и т.д. Первоначально Россия предоставила украинским землям довольно широкую автономию, удовлетворившись только самим фактом признания Украиной своего перехода под власть российской короны. Однако затем начались ограничения прав и свобод, сокращение полномочий гетманов, усиление русской администрации, ввод российских гарнизонов и т.д. Это было не всегда связано с общей государственной политикой в отношении Украины, но нередко — с отношениями с конкретным украинским гетманом. Эпоха 1657–1687 гг. в украинской историографии получила название «Руины». Она характеризуется как время распада Войска Запорожского на Право- и Левобережное, развалом и упадком украинской власти и экономики. Это время можно назвать гражданской войной на Украине, в контексте которой соседние государства — Российское царство, Речь Посполитая, Османская империя, Швеция — вели борьбу за контроль над украинскими территориями, причем их

политику можно охарактеризовать как имперскую.

Однако органы управления Российским государством в XVII в. как имперские еще только формировались. Присоединенные земли контролировались одновременно несколькими государственными ведомствами. Часть вопросов была в компетенции Посольского приказа. В 1550-60-е гг. создается Приказ Казанского дворца, который ведал управлением территориями Среднего и Нижнего Поволжья, Башкирией, городами бывшего Астраханского ханства, Урала и Сибири (с 1599 по 1637). В 1637 г. был создан Сибирский приказ, ведавший всей Сибирью и Дальним Востоком. Но до 1663 г. он функционировал совместно с Приказом Казанского дворца. В 1662 г. для управления территориями присоединенной Левобережной Украины (Глухов, Киев, Нежин, Новгород-Северский, Стародуб, Чернигов, Чигирин и др.) был создан Малороссийский приказ. Формально он подчинялся Посольскому приказу, но имел собственное делопроизводство и штат. Кроме новой сферы ответственности (контроля за вновь присоединенными территориями), в остальном это были обычные государственные учреждения московской приказной бюрократической системы.

В начале XVIII в. в результате Северной войны (1700-1721) Россия разбила Шведскую империю, присоединила Прибалтийские провинции — Эстляндию, Лифляндию, Ингерманландию, Карелию, Выборг, острова Эзель и Даго. Окончание Северной войны знаменовало собой окончательное превращение России в империю и великую европейскую державу (что было зафиксировано в соответствующей терминологии в международных договорах эпохи). 22 октября 1721 г. российский Сенат торжественно преподнес Петру I титул «Император Всероссийский», приставку к имени: «Великий» и звание «Отец Отечества». Петр принял только титул, скромно отказавшись от остального.

Одним из результатов Северной войны стало ограничение автономии Украинского гетманства из-за измены в 1708-1709 гг. гетмана И. Мазепы. Конкретный эпизод раскола украинского общества во время вторжения на Украину войск шведского короля Карла XII на сторонников перехода под власть шведов и хранивших верность Российской империи привел к утрате доверия к самому институту украинского гетманства и украинской автономии. Резко увеличилась роль имперских органов управления Украиной, в 1722 г. Малороссийский приказ был преобразован в Малороссийскую коллегию, подчинявшуюся Сенату. Без санкции коллегии гетман не мог проводить ни одного серьезного решения.

Одним из актов новой имперской внешней политики стал Персидский поход Петра I 1722-1723 г. и подписание Петербургского договора с Ираном 1723 г., по которому России отошли южное и западное побережья Каспийского моря с Дербентом, Баку и провинциями Гилян и др. Тем самым при Петре Россия осуществила территориальное расширение не только в Прибалтике, но и в Прикаспии. Россия при Петре I также начала продвижение в Среднюю Азию: в 1717 году казахский хан Тауке из-за военной опасности со стороны джунгар обратился к Петру I с просьбой принять казахов в российское подданство, но без выплаты ясака, без исполнения повинностей и при сохранении власти хана. Однако дело ограничилось переговорами.

Имперский характер внутреннего устройства страны выразился прежде всего в губернской реформе. Допетровская Россия делилась на уезды. В 1701 г. Петром был сделан первый шаг к административной реформе: учрежден особый округ из Воронежа и недавно завоеванного Азова. В 1702/03 аналогичная территориальная единица возникла в присоединенной в ходе Северной войны Ингрии. В 1707-10 гг. началась губернская реформа. Страна делилась на крупные земли, называемые губерниями. Каждой из них управлял назначаемый царем губернатор. Сперва были созданы губернии: Петербургская, Архангелогородская, Смоленская, Московская,

Казанская, Киевская, Азовская и Сибирская. В 1713-1714 гг. были образованы Рижская и Нижегородская, а Смоленская разделена между Московской и Рижской. В 1717 г. из Казанской губернии была выделена Астраханская. В 1719 г. губернии были разделены на провинции, а провинции, в свою очередь — на дистрикты. В том же году была образована новая Ревельская губерния. В 1725 г. Азовская губерния переименована в Воронежскую и восстановлена Смоленская губерния. В 1727 г. дистрикты переименованы обратно в уезды, и учреждены Белгородская и Новгородская губернии.

Тем самым в единую губернскую систему объединялись и унифицировались земли, заселенные разными народами, с разными культурами, обычаями, языком. Одинаково губерниями оказались как исконные русские территории, так и недавно присоединенные области. Тем самым началось имперское стирание культурной и этнической самобытности отдельных народов, включенных в состав империи. Это помножалось на политику христианизации религиозных меньшинств, преследования старообрядцев как иноверцев.

Унификация окраин и этносов не была самоцелью реформы. Главной целью было упорядочивание финансовой и фискальной систем для обеспечения нужд армии, а для этого нужно было всех подданных — и русских и инородцев, и православных и иноверцев — ввести в единую систему учета и управления. Губернатору подчинялись губернская канцелярия и следующие должностные лица: обер-комендант (ведал военными делами), обер-комиссар (занимался сбором налогов) и ландрихт (ответственный за судопроизводство). По губерниям вводилась роспись полков. При них находились кригс-комиссары от губерний, ведавшие сбором средств для своих частей. При Сенате была открыта специальная Кригс-комиссарская контора, которую возглавлял обер-штерн-кригс-комиссар.

Губернии оказались слишком большими территориальными единицами, плохо поддающимися централизованному управлению. Сперва их поделили на уезды, во главе которых стояли коменданты. Однако они тоже являлись слишком громоздкими для эффективного управления. Тогда в 1712-15 гг. губернии были разделены на провинции во главе с обер-комендантами (их было около 50), а провинции подразделялись на дистрикты (уезды) под началом земских комиссаров.

Внешнюю политику России в XVIII в. можно охарактеризовать как имперскую. Это проявлялось во вмешательстве во внутренние дела соседних, более слабых государств, захвате и присоединении новых земель, борьбе за сферы влияния с другими империями (Турецкой, Австро-Венгерской и т.д.). Первым подобным актом была т.н. «война за польское наследство» 1733-1734 гг. В 1733 г. умер Август II, бывший союзник Петра I. В борьбе за польский трон Франция и Швеция поддерживали Станислава Лещинского, тестя французского короля Людовика XV, а Россия и Австрия – Фридриха-Августа, сына Августа II. Польское дворянство было склонно оказать доверие Лещинскому, и в сентябре 1733 г. в Варшаве он был избран королем. Однако и Швеция, и Франция помогали гораздо меньше, чем хотелось бы новому монарху. Оппозиция Лещинскому обратилась к России с так называемой «Декларацией доброжелательных», в которой утверждали, что Франция губит «польские вольности» и просили Россию за них заступиться. Что с охотой и было сделано.

В сентябре Речь Посполитую вошло 20-тысячное русское войско под командованием П. П. Ласси. 24 сентября в местечке Грохове (под Варшавой) королем был провозглашен саксонский курфюст Август III. Попытки Франции в 1734 г. атаковать с моря г. Гданьск были отражены фельдмаршалом Б. Х. Минихом. Россия одержала в «войне за польское наследство» уверенную победу. Но она проявила себя именно как имперская держава, поскольку военными методами решила судьбу соседней страны.

По Рештскому (1732) и Гянджинскому (1735) договорам Россия вернула Ирану часть Прикаспийских земель: Баку и Дербент с прилежащими землями, прикаспийские провинции Астрабад, Гилян и Мазендеран, в обмен на обязательства Ирана не передавать их под власть других держав. Россия сделала это в надежде обрести союзника против Турции в русско-турецкой войне 1735-1739 гг. Однако Иран своих обязательств не выполнил. Россия выиграла войну с Турцией, но заключенный в 1739 г. Белградский мир выглядел странно: несмотря на все победы, Россия получила только небольшую территорию на Днепре и право основать на Дону крепость (будущий г.Ростов). Русские не могли держать на Черном море военный флот. Поэтому проблема раздела сфер влияния на юге между Российской и Османской империями осталась нерешенной. Для этого потребовались еще две русско-турецких войны в конце XVIII в.

В эти же годы Россия постепенно продвигается на территорию Средней Азии. В 1730 г. казахстанские правители вновь обратились за военной помощью и с просьбой о покровительстве к России, и в 1731 г. Россия приняла часть казахских земель (западный Младший жуз) под протекторат. В 1740 г. Средний жуз принял двойное поддаанство и Китая, и России.

В то же время, в имперской политике были и некоторые послабления. В 1727 г. император Петр II пообещал восстановить полномочия украинского гетманства, а в 1728 г. была ликвидирована Малороссийская коллегия, и новым гетманом стал Даниил Апостол. Зато на поволжских мусульманских территориях с середины XVIII в. нарастает политика русификации и христианизации. В 1740 г. в Поволжье (с центром в Свияжске) была основана Контора новокрещенских дел для христианизации мусульманского населения. Для новокрещенцев вышел целый комплекс законов: они освобождались от рекрутской повинности, получали налоговые послабления, земели на льготных условиях и т.д.

В середине XVIII в. Российская империя начинает играть все более весомую роль на европейской арене, участвовать в военно-политических блоках, перекройке европейской карты. Начало 1740-х гг. в Европе ознаменовалось «войной за Австрийское наследство» (1740-48). Она была вызвана смертью в 1740 г. Карла VI Габсбурга. Он не имел сыновей, и в 1713 г. принимается так называемая «Прагматическая санкция» о переходе престола к его старшей дочери Марии-Терезии. Большинство европейских стран, в том числе и Россия, выступили гарантами этого документа. То есть Россия оказалась гарантом стабильности империи Габсбургов. В 1741-43 гг. состоялась русско-шведская война. Российская армия под командованием П. П. Ласси вторглась в Финляндию и разбила там неприятеля. По Абовскому миру 1743 г. Россия передала Швеции часть Саволакса и Карелии, полученные по Ништадскому миру, но к Российской империи отошла Кюменегордская губерния с крепостью Нейшлот и городами Вильманстранд и Фридрихсгам (южное побережье Финляндии). Тем самым русско-шведская граница была отодвинута от Санкт-Петербурга, и начался процесс вхождения Финляндии в состав России.

Руководитель внешней политики России канцлер А. П. Бестужев в эти годы создал внешнеполитическую доктрину России, которую он сам назвал «системой Петра I». Ее основная идея заключалась в следующем: необходимо создавать долговременные союзы с теми странами, с которыми Россию связывают постоянные интересы. Это, по мнению Бестужева, в первую очередь Англия и Голландия, поскольку с ними нет и не может быть территориальных споров. Перспективен альянс и с саксонским королем, потому что с его помощью «можно в узде держать Польшу». Важнейшим союзником является Австрия, которая выступает главным партнером в борьбе против Турции и Франции. Последние две державы, а также Швеция — традиционные и заклятые враги русских. К числу

«потаенных» и новых врагов канцлер относил Пруссию.

В 1748 г. армия Российской империи впервые действовала в Европе в составе союзных сил. 37-тысячный корпус В.А. Репнина выдвинулся на помощь Англии и Голландии против Франции. Как и в предыдущем случае, это сыграло решающую роль в окончании «войны за австрийское наследство». В 1748 г. был подписан Аахенский мир, по которому сохраняла свою силу «Прагматическая санкция», Мария-Терезия оставалась императрицей Австрии, но Пруссия получала Силезию.

В 1755 г. по инициативе Англии в Европе стала складываться новая система союзных блоков. Сперва был подписан договор России и Англии, направленный против Пруссии. Однако в 1756 г.Англия неожиданно заключила Уайтхоллский договор с Пруссией. Этим она хотела изолировать Францию и Австрию. Тем самым Россия внезапно оказалась в компании очень странных союзников и в стане противников своего главного международного партнера — Венского двора.

Английская дипломатия имела результаты, прямо противоположенные тому, чего хотели в Лондоне. Началось стремительное сближение Австрии и Франции, в 1756 г. подписавших союзный договор, направленный против Пруссии. К нему быстро присоединилась и Россия. Фридрих II, видя, что в Европе активно формируется антипрусская коалиция, решил не терять времени и разбить своих противников по одиночке. В августе 1756 г. он вторгся в Саксонию и там разгромил австрийскую армию. Так началась большая европейская война, получившая название «Семилетней» (1756-1762).

В 1757 г. дипломаты, предчувствующие, что война приведет к очередной перекройке карты Европы, заключают ряд соглашений под грядущий передел территорий. Россия претендовала на Курляндию и Семигалию, Австрия на Восточную Пруссию и возврат Силезии. Присоединившаяся к коалиции Швеция требовала Померанию.

В 1759 г. у деревни Кунерсдорф армия Фридриха была разгромлена. В 1760 г. отряд генерала З. Г. Чернышова взял Берлин. Пруссия была на краю гибели, но ее спасли изменения на российском престоле: в декабре 1761 г. умерла Елизавета, и на трон вступил Петр III. Он изменил Российскую внешнюю политику и не стал добиваться от Пруссии мира на выгодных для России и условиях. В результате, как говорят историки, «Россия не приобрела ничего, кроме военного опыта». Результаты Семилетней войны больше сказались на судьбах других империй: Франция уступала Англии Канаду, Восточную Луизиану, некоторые острова Карибского моря, а также основную часть своих колоний в Индии. Франция потеряла почти все свои колониальные владения, уступила Испании Западную Луизиану. Испания отдала Англии Флориду. В 1763 г. Пруссия подписала с Австрией и Саксонией Губертусбургский мирный договор, подтвердивший права Пруссии на Силезию и графство Глац. В результате войны Пруссия вошла в круг ведущих европейских держав. Начался процес объединения германских земель во главе с Пруссией (хотя он растянулся более чем на столетие).

При императрице Екатерине II (1762-1796) были предприняты меры по дальнейшему совершенствованию административного устройства Российской империи. В 1775-1785 гг. проводилась губернская реформа. Были ликвидированы провинции, вводилось деление «губерния — уезд». Губернии были уменьшены в размерах, в течении нескольких лет их стало 50. В основу деления был положен количественный критерий: численность населения. На территории губернии проживало около 400 000 душ мужского пола, на территории уезда — около 30 000. Деление на губернии и уезды осуществлялось по строго административному принципу, без учета географических, национальных и экономических признаков.

В ходе губернской реформы вводились наместничества, управляемые генерал-губернатором. Они в основном совпадали по своим границам с губерниями,

в документах конца екатерининского царствования слова «наместничество» и «губерния» часто употребляются как синонимы. В то же время, сама идея наместничеств представляла собой административную надстройку над губернией, и в Сибири и национальных окраинах наместничества могли не совпадать с губерниями. К 1796 г. было 48 наместничеств. Из наместничеств национальных окраин империи надо выделить Брацлавское (1793-1796), Виленское (1795-1796), Волынское (1795-1796), Выборгское (1783-1796), Изяславское (1793-1795), Иркутское (1783-1796), Кавказское (1785-1796), Казанское (1781-1796), Киевское (1781-1796), Колыванское (1782-1796), Курляндское (1795-1796), Минское (1795-1796), Могилевское (1777-1796), Новгород-Северское (1781-1796), Олонецкое (1784-1796), Полоцкое (1777-1796), Ревельское (1783-1796), Рижское (1783-1796), Слонимское (1796), Тобольское (1782-1796), Уфимское (1781-1796), Харьковское (1780-1796), Черниговское (1781-1796) и др. Отдельно выделялись Таврическая область в Крыму и Область («Жилище») Войска Донского с казачьим самоуправлением. В 1787 г. из переселенных запорожских казаков было создано Черноморское казачье войско, сначала между Южным Бугом и Днестром с центром в городе Слободзея, а с 1792 г. — на Кубани с центром в городе Екатеринодар.

Имперская политика Екатерины II проявилась в активной внешней политике и в имперской унификации присоединенных земель. При Екатерине II наблюдается стремительный территориальный рост. В результате русско-турецкой войны 1768-1774 гг. по Кючук-Кайнарджийскому мирному договору (1774) к России отошли Азов, Керчь, Ени-Кале, Азов и Кинбурн со степью между Днепром и Бугом, Большаяи Малая Кабарда. Крымские и кубанские татары получили независимость от Турецкой империи, оставшись в ведении османов только по религиозным делам. За Россией признавалось право покровительства христианам в Дунайских княжествах — Молдавии и Валахии. Россия получила право иметь свой флот на Черном море и право прохода через турецкие проливы Босфор и Дарданеллы. В марте 1779 г. как дополнение к договору была принята Айналы-Кавакская конвенция, по которой более широкие права и гарантии их соблюдения при покровительстве России получало Молдавское княжество.

В 1776 г. Россия на южном направлении строит Днепровскую укрепленную линию крепостей от Днепра до Азовского моря. Это были опорные пункты в дальнейшем продвижении на юг. В феврале 1783 г. последний крымский хан Шагин-Гирей отрекся от престола, и манифестом от 8 апреля 1783 г. Крым, Тамань и Кубань были присоединены к России.

По итогам русско-турецкой войны 1787-1792 гг. по Ясскому миру закреплялось владение Россией этими землями. Кроме того, она получала территории между Южным Бугом и Днестром, а на кавказском направлении — по р. Кубань. Турция отказалась от претензий на Грузию.

Не менее масштабной было продвижение России на западном направлении, где произошли три раздела Речи Посполитой между Россией, Австрией и Пруссией, ликвидировавшие это государство почти на 120 лет. Это была классическая имперская политика, которая началась с вмешательства России и других держав во внутренние дела Речи Посполитой. В 1767 г. Россия потребовала от Польши резко расширить права дисседентов (некатоликов — протестантов и православных), расширить их представительство в сейме и органах местного управления. Если Польша откажется признать права других конфессий, то Россия введет в нее войска и способствует созданию Конфедерации — отделению православных и протестантских областей и введению в них особого управления.

Уже в 1767 г. в Речь Посполитую входят русские войска, которые оказывали давление на население. Например, сейм 1767-68 гг. проходил в окруженной русскими полками Варшаве. Лидеров шляхты и католического духовенства,

протестовавших против Конфедерации, прямо на заседаниях арестовали и сослали в русский город Калугу. Посол Репнин откоыто угрожал полякам: «Я требую не толков, не объяснений, а послушания». 13 февраля 1768 г. сломленный сейм принял решение об уравнении в правах католиков, православных и протестантов. Но это не помогло — в польские дела вмешались Турция, Франция, Австрия, Пруссия. В 1770 г. между Пруссией и Австрией заключено Нейштадтское соглашение о грядущем разделе Польши. Вена претендовала на Южную Польшу с Краковым, а также Галицию. Фридрих хотел балтийское побережье с Гданьском. В 1771 г. между Австрией и Турцией была заключена так называемая «тугутова конвенция» (по имени имперского министра иностранных дел Тугута). По ней австрийцы обещали любыми средствами добиваться возврата Османской империи всех крепостей, когда-либо захваченных у нее Россией. В ответ турки отдавали Австрии Малую Валахию и выделяли субсидию в 10 миллионов пиастров.

В 1772 г. произошел первый раздел Речи Посполитой. Конвенция о нем была ратифицирована 22 сентября 1772 г. К России перешли Задвинское герцогство, Витебская, Полоцкая и Мстиславльская земли (до Двины и Днепра). Это были земли площадью 92 000 км² с населением 1 300 000 человек. Пруссия захватила Эрмланд (Вармию) и Королевскую Пруссию до р. Нотеч, герцогство Померания без Гданьска, Поморское, Мальборское (Мариенбург) и Хелминское (Кульм) воеводства: всего 36 000 км² и 580 000 жителей. Австрии отошли Затор и Освенцим, часть Бельского, Краковского и Сандомирского воеводств, Галиция: 83 000 км² и 2 600 000 человек.

Россия продолжала свое давление на Польшу, ее войска принимали участие в боях с польской армией и отрядами повстанцев. 23 января 1793 г. Россия и Пруссия подписали договор о Втором разделе Речи Посполитой. Россия получила территории будущей Белоруссии до пограничной линии Динабург — Пинск — Збруч, восточную часть Полесья, Подолье и Волынь. Пруссия захватила Гданьск, Торунь, часть Великой Польши, Куявию и Мазовию. Австрия в разделе не участвовала и договор от нее длительное время скрывали.

После подавления в 1794 г. восстания Т. Костюшко судьба Речи Посполитой была решена. 24 октября 1795 г. были подписаны документы о третьем разделе Польши. Россия получила земли к востоку от Буга и линии Немиров — Гродно, общей площадью 120 000 км² с населением 1 200 000 человек. Пруссия — территории западнее рек Вислы, Буга и Немана, Варшаву и Жемайтию (Самогитию). Их общая площадь составляла 55 000 км², население — 1 000 000 человек. Австрия захватила Краков и часть Малой Польши между Вислой и Бугом, часть Подляшья и Мазовии, общей площадью 47 000 км², с населением 1 200 000 человек.

Территория Речи Посполитой, перешедшая под власть Российской империи, была разделена на Курляндскую, Виленскую и Гродненскую губернии.

При Екатерине II закладываются основы грядущего продвижения России на Кавказ. В 1783 г. по Георгиевскому трактату Российская империя взяла под покровительство грузинское царство Картли-Кахети (Восточная Грузия).

В 1784 г. экспедиция под командованием Г. И. Шелехова высадилась на Алеутских островах. Так началось проникновение русских на североамериканский континент. В 1799 г. была основана Российско-американская торговая кампания. Самой южной точкой российского продвижения по североамериканской земле был Форт-Росс в 80 км к северу от Сан-Франциско в Калифорнии. Русские владения в Америке подчинялись сначала Сибирскому генерал-губернаторству, а с 1822 г. — Восточно-Сибирскому генерал-губернаторству.

При Екатерине II на присоединенных и на внутренних российских территориях интенсивно проводилась национальная имперская политика. В 1762-

1764 гг. специальным манифестом она открыла доступ в Россию иностранным колонистам с дозволением выбирать место поселения. Это вызвало приток немецких колонистов и рост их колоний в Поволжье: в 1765 г. — 12, 1766 — 21, 1767— 67, 1769 — 105. Немецкие колонисты были освобождены от налогов и большинства податей в пользу государства.

В 1764 г. Екатерина II ликвидировала украинское гетманство и восстановила Малороссийскую коллегию как орган управления Украиной. В 1775 г. Екатерина II издала манифест «Об уничтожении Запорожской Сечи и о причислении оной к Новороссийской губернии». Оплот украинского казачества был насильственно ликвидирован, часть казаков ушла за границу, часть была переселена в разные области империи. Хотя политика Екатерины в отношении населения бывших земель Речи Посполитой сперва была достаточно мягкой, в том числе в налоговом отношении, но постепенно нарастали унификация и русификация. В 1781 г. на Украину было распространено общероссийское уложение о губерниях. В 1786 г. была ликвидирована Малороссийская коллегия, и управление Украиной было унифицировано под имперские губернские стандарты. В 1783 г. на территории Украины было введено крепостное право, тем самым эти земли были унифицированы под стандарты имперской социальной политики.

В то же время, в отношении мусульманского населения империи политика Екатерины II принесла некоторые послабления. В 1764 г. была ликвидирована Контора новокрещенских дел, от мусульманских областей были приняты наказы в Уложенную Комиссию 1767 г., было разрешено строительство мечетей в мусульманских районах. В 1788 г. началось создание муфтията в России (открыт в 1789 г. под названием Оренбургского магометанского духовного собрания).

Екатерина II заложила еще одно одиозное явление Российской империи: еврейскую черту оседлости. С присоединением земель Речи Посполитой на территории Российской империи оказалось около 1 000 000 евреев, с давних лет живших в городах и местечках Западной Белоруссии, Украины, Литвы (Вильно даже называли «Северным Иерусалимом»). Чтобы не допустить их проникновения на основные земли империи, Екатерина II в 1791 г. ввела черту оседлости — ограничения территорий, на которых разрешалось селиться евреям. В нее вошли местечки в губерниях: Бессарабской, Виленской, Витебской, Волынской, Гродненской, Екатеринославской, Киевской (с ограничениями по самому Киеву), Ковенской, Минской, Могилевской, Подольской, Полтавской, Таврической, Херсонской, Черниговской, во всех 10 губерниях Царства Польского. Эта черта оседлости существовала до 1915 г., когда по законам военного времени в годы I мировой войны началась депортация евреев из профронтовых районов.

Имперская политика Павла I (1796-1801) отличалась радикальными и не всегда последовательными мероприятиями, хотя некоторые из них оказались действенными на многие годы. В 1798-1799 гг. русская армия воевала в Европе в составе антифранцузской коалиции, то есть вместе с европейскими империями (Французской, Австро-венгерской, Британской, Турецкой) участвовала в новом переделе Европы. С 1800 г. Россия меняет свой курс и готовится к борьбе с Великобританией на территории ее колониальных владений. По приказу Павла I готовился поход русских войск на Индию. Целью удара русских войск также намечались среднеазиатские государства, Хива и Бухара. Но азиатское направление развития империи не было реализовано из-за смерти Павла I.

В 1796-1797 гг. императором Павлом I (1796-1801) была проведена реформа административно-территориального деления. Наместничества были упразднены, губернии укрупнены (при этом сокращены с 51 до 42). Из документов исчез термин «наместничество». Генерал-губернаторства были оставлены как надстройка над несколькими объединенными губерниями только на национальных окраинах

империи. Преемник Павла I, Александр I, восстановил часть упраздненных губерний. Однако до второй половины XIX в. сохранялась принципиальная схема, заложанная Павлом: на основной, российской территории империи сохранялась сетка из нескольких десятков губерний (около 50), на национальных окраинах и в наиболее важных приграничных областях (кроме прибалтийского Остзейского края) — система генерал-губернаторств. В 1914 г. насчитывалось 9 генерал-губернаторств: *Санкт-Петербургское* (территориально совпадавшее с Санкт-Петербургской губернией), *Московское* (территориально совпадавшее с Московской губернией), *Варшавское* (состоявшее из Варшавской, Калишской, Келецкой, Ломжинской, Люблинской, Петраковской, Плоцкой, Радомской, Седлецкой и Сувалкской губерний), *Иркутское* (состоявшее из Енисейской и Иркутской губерний, Забайкальской и Якутской областей), *Киевское* (состоявшее из Волынской, Киевской и Подольской губерний), *Приамурское* (состоявшее из Амурской, Камчатской, Приморской и Сахалинской областей), *Степное* (состоявшее из Акмолинской и Семипалатинской областей), *Туркестанское* (состоявшее из Закаспийской, Самаркандской, Семиреченской, Сыр-Дарьинской и Ферганской областей); Финляндское (состоявшее из Або-Бьерненборгской, Вазаской, Выборгской, Куопиосской, Нюландской, Санкт-Михельской, Тавастгусской и Улеаборгской губерний). Кроме того, существовало особое Кавказское наместничество (состояло из Бакинской, Елисаветпольской, Кутаисской, Тифлисской, Черноморской и Эриванской губерний, Батумской, Дагестанской, Карсской, Кубанской, Терской областей, Закатальского и Сухумского округов).

В XIX в. продолжается территориальный рост Российской империи. Было окончательно оформлено присоединение Восточной Грузии. 18 января 1801 г. вышел манифест императора Павла I о присоединении Грузии (Картли-Кахетинского царства) к России на вечные времена, 12 сентября его подтвердил Александр I. Вслед за Картли в 1803 г. присоединилась Менгрелия и Имеретинское царство. Эти события вызвали российско-иранскую войну 1804-1813 гг. Россия захватывала все новые и новые территории. В 1804 г. присоединено Гянджинское ханство, в 1805 г. — Шурагельский султанат, Шекинское, Ширванское и Карабахское ханства, в 1806 г. — Дербентское, Бакинское и Кубинское ханства. Война завершилась в 1813 г. Гюлистанским мирным договором, по которому Гюлистанский мир (Карабах), по которому Иран признал вхождение в состав Российской империи Восточной Грузии, Северного Азербайджана, Имеретии, Гурии, Менгрелии и Абхазии.

По итогам русско-турецкой войны 1806-1812 г. по Бухарестскому миру к ней отошла Бессарабия. Граница между Россией и Портой была установлена по реке Прут. К России отошли также Сухуми и часть Западной Грузии.

В 1826-1828 гг. прошла вторая русско-иранская война, завершившаяся заключением Туркманчайского мирного договора. Он подтвердил все территориальные приобретения России по Гюлистанскому мирному договору 1813 г., а также утвердил вхождение в состав России Эриванского и Нахичеванского ханств. По Адрианопольскому миру 1829 г. (завершившему русско-турецкую войну 1828-1829 гг.) к России перешло восточное побережье Черного моря, дельта Дуная, Турция признала Грузию и Армению сферой владычества России, русские войска вошли в Молдавию и Валахию до выплаты Османской империей контрибуции.

Не менее успешным было продвижение России на западном направлении. В 1807 г. Россия потребовала от Швеции присоединиться к континентальной торговой блокаде Великобритании. Швеция отказалась, и в 1808 г. русская армия вторглась в Юго-Восточную Финляндию. Она была объявлена целью российского завоевания, и 15 марта 1809 г. вышел Манифест о государственном устройстве Финляндии.

Финляндия входила в состав Российской империи, но при этом сохраняла свое законодательство, имела особую сословную политику и т.д. Окончательно переход Финляндии к России был оформлен в 5 сентября 1809 г. Фридрихсгамским мирным договором между Россией и Швецией.

Сложнее решался вопрос с Польшей. В 1807 г. после победы над Пруссией Наполеон создал из части Прусских земель вассальное к Франции Герцогство Варшавское. Россия признала его легитимность, получив за это Белостокскую область. Поляки участвовали на стороне Наполеона в наполеоновских войнах этого периода, и разделили с ним горечь поражения. В результате в 1813 г. Герцогство Варшавское было завоевано Россией. В 1814 г. в ходе переговоров, и окончательно на Венском конгрессе 1815 г. державами-победительницами был оформлен так называемый Четвертый раздел Польши. Россия получила значительную часть бывшего Герцогства Варшавского, где было основано вассальное по отношению к России, но. Пруссия получила Великое княжество Познанское, Краков стал «вольным городом» (до 1846 г., когда вошел в состав Австрийской империи).

Царство Польское в 1815 г. получило конституцию и автономию. Оно имело свои законы, российские власти поначалу не очень вмешивались в польские дела. Сперва их удовлетворяло признание поляками вассалитета перед российским императором. Однако постепенно в русско-польских отношениях нарастали противоречия. Польша хотела еще большей независимости, а Россию раздражали попытки поляков приобрести больше прав. Кончилось все это Ноябрьским восстанием в Польше в 1830-1831 гг., жестоко подавленным русскими войсками, штурмовавшими Варшаву. Целью восставших было восстановить Речь Посполитую в границах 1772 г. Это было настолько первое крупное антиимперское выступление в истории Российской империи. Оно имело для Польши трагические последствия: 26 февраля 1832 г. вышел «Органический статут». Царство Польское объявлялось частью России. Сейм и польская армия ликвидировались. В Польше вводилось российское деление на губернии, русская монетная система, на нее распространялись важнейшие российские законы. Тем самым Польша оказалась окончательно подчинена Российской империи и утратила свою автономию.

Имперский характер России в середине XIX в. проявился в том, что она выступает в роли «жандарма Европы». На Венском конгрессе 1815 г. была оформлена Венская система международных отношений, по которой Россия вошла в состав великих держав и выступала (вместе с другими великими державами) гарантом незыблемости существующего миропорядка, защиты существующих легитимных монархических режимов. В 1848-1849 гг. именно Российская империя выступила главной военной силой по подавлению революций в Венгрии, повстанческого движения в Молдавии и Валахии.

В середине XIX в. завершается самая длительная война в истории России — Кавказская война (1817-1864). Это была имперская война за завоевание Северного Кавказа. Главными противниками России были черкесы, кабардинцы, шапсуги, народы Дагестана и Чечни. Последние в годы войны объединились в военно-теократическое исламское государство — Северо-Кавказский имамат. Война с горцами с их стороны носила характер газзавата — священной войны мусульман против неверных. В ходе этой войны была отработана тактика подавления сопротивления независимых горских народов путем уничтодения привычной для них природы (вырубка лесов), прокладывания путей сообщения (строительство дорог), строительства военных опорных пунктов (крепостей) по мере продвижения и захвата территории, крайне жестокой военной политике по отношению к мирному населению в сочетании с попытками перекупить горскую знать. Все это дало свои плоды: к 1864 г. завоевание Северного Кавказа было в основном закончено, организованное сопротивление подавлено.

Восточное направление продолжало оставаться самым успешной сферой российской экспансии. В 1860 г. началась война России с Кокандским ханством. В 1864 г. русские войска прошли по р. Сырьдарье до г. Туркестан и захватили территорию в бассейне Сырдарьи. Здесь в 1865 г. была создана Туркестанская область. В том же 1865 г. русскими был взят Ташкент. Русскому наступлению в Средней Азии пытался противостоять Бухарский эмират, но его войска были разбиты в 1866 г. в Ирджарской битве. В 1868 г. Кокандское ханство подписало с Россией договор о свободе русской торговли на территории ханства, в вассальную зависимость от Россиийской империи попал Бухарский эмират. Значительные части его территории — Самаркандское, Катта-Курганское, Пенджекентское и Ургутское бекства, лучшие территиории в плодородной долине Зеравшана — отошли к России.

В 1871 г. в результате военной операции под властью России оказался Илийский султанат (в 1881 г. передан Китаю). В 1873 г. под ее протекторат перешло Хивинское ханство (его земли вошли в состав Аму-Дарьинского отдела Туркестанского края). В 1876 г. окончательно присоединено Кокандское ханство и вместо него образована Ферганская область Российской империи.

Однако далее на восток, за океаном, дела Российской империи шли менее успешно. Ее военного и экономического потенциала не хватало, чтобы удерживать заокеанские североамериканские владения. В январе 1841 г. Форт-Росс был продан гражданину Мексики Джону Саттеру. В 1867 г. США выкупили Аляску за 7 200 000 долларов. Так Россия ушла из Северной Америки.

Вершиной европейского влияния Российской империи была ее успешная борьба в последней трети XVIII в. за освобождение Балкан. В русско-турецкой войне 1877-1878 г. была разбита Османская империя, русская армия победоносно прошла через Балканы. В 1878 г. на Берлинском конгрессе был подписан Берлинский трактат, по которому Россия получила южную часть Бессарабии, а на Кавказе Карс, Ардаган и Батуми. На Балканах была возрождена государственность Болгарии (в виде вассального Княжества Болгария); увеличивались территории Сербии, Черногории и Румынии. Освобождение балканских народов было результатом их национально-освободительной борьбы и поддержки Российской империи.

В 1897 г. началось строительство Китайско-Восточной железной дороги (КВЖД). Россия начала укреплять свое присутствие на Дальнем Востоке и хотела участвовать в разделе Китая. В 1898 г. она взяла в аренду на 25 лет Порт-Артур вместе с прилегающим Ляодунским полуостровом и начала проникновение в Манчжурию. В 1898-1901 г. Россия вместе с коалицией западных стран приняла участие в подавлении китайского восстания ихэтуаней (боксеров). Россия получила 30 % денег из огромной контрибуции, которую наложили на Китай. Успехи России на Дальнем Востоке приведут в 1904-1905 гг. к русско-японской войне, которая знаменита тем, что впервые в истории азиатская держава разбила европейскую. Россия потерпела поражение, потеряла Порт-Артур, южную часть Сахалина, была вынуждена вывести свои войска из Манчжурии.

В конце XIX – начале XX в. в Европе складываются два враждебных блока держав. Это — Тройственный союз (Германия, Австро-Венгрия, Италия, 1879-1882). В ответ в 1891-1894 гг. через ряд соглашений оформлен франко-русский союз, в 1904 г. — англо-французский, в 1907 г. — англо-русский. Союз этих трех держав, Англии, России и Франции, назвали Антанта. В 1914-1918 гг. между этими блоками развернется I мировая война, в которую будут втянуты и другие народы и государства. Она приведет к краху и гибели всех европейских империй: Германской, Австро-Венгерской, Российской, Турецкой. Первый шаг к гибели Российской империи был сделан в феврале 1917 г., когда в России пала монархия, прекратилось правление династии Романовых, власть перешла в руки Временного правительства,

значительную часть власти которого оспаривал Петроградский совет, отчего отдельные отрезки этого переходного периода называют периодом Двоевластия. Официально Россия была провозглашена республикой 1 (14) сентября 1917 г. Этот день и считается официальной датой прекращени существования Российской империи, хотя фактически об империи нельзя говорить уже после февраля 1917 г.

Территориальные потери она начала нести еще раньше. В ходе боев на фронтах I мировой войны в 1914-1916 гг. германскими войсками были оккупированы принадлежавшие Российской империи польские губернии (в 1916 г. Германия и Австро-Венгрия провозгласили создание на этих землях нового Королевства Польского. После образования в марте 1917 г. в России Временного правительства одним из его первых решений было постановление от 17 марта 1917 г. о готовности признать независимость Польши, если это будет дружественное России свободное государство. Окончательно отказ Российской республики от польских земель был оформлен 29 августа 1918 г., когда Совет Народных Комиссаров РСФСР объявил недействительными договоры о разделе Польши 1772-1815 гг.

Падение монархии в России и отречение от престола Николая II 2 марта 1917 г. означало, что личная уния российского императора и Финляндии более недействительна. 7 (20) марта 1917 г. Временное правительство утвердило Конституцию Великого княжества Финляндского, по которой восстанавливались все права автономии. В июле 1917 г. парламент Финляндии сделал попытку провозглашения независимости, но встретил противодействие России. Независимость Финляндии была окончательно провозглашена 6 декабря 1917 г., уже после большевитского переворота в России и в контексте нарастания в Финляндии гражданской войны, противостояния «красных» и «белых».

Независимости потребовали и земли, никогда ранее не имевшие своей независимой государственности. 4 марта 1917 г. была образована Центральная украинская рада, целью которой было провозглашение автономии Украины в составе России. Однако вскоре возобладали сепаратистские тенденции и настроения, в июле – августе 1917 г. были приняты решения о движении Украины к независимости. В июле украинский сепаратизм даже вызвал кризис российского Временного правительства, неспособного удержать распад страны. 20 ноября 1917 г. провозглашена автономия Украины, 22 января 1918 г. была провозглашена независимость Украины. Однако Брестский мир в марте 1918 г. вызвал вторжение на Украину войск Австрии и Германии, а развитие молодой украинской государственности протекало в сложных условиях оккупации и гражданской войны.

Курс на независимость взяли также территории и народы Белоруссии, Эстонии, Латвии, Литвы. Там были сепаратистские движения, попытки создания органов независимого управления и самоуправления. На некоторые территории в 1917 г. вошли германские войска, началась их оккупация. Постепенно с развитием гражданской войны был утрачен контроль над Северным Кавказом и Закавказьем, Донской областью, Средней Азией, Сибирью, Дальним Востоком. Собирание земель бывшей Российской империи начнут уже большевики под принципиально новым лозунгом — как союз равноправных советских республик (см. *СССР*).

Историография изучения Российской империи огромна. Можно выделить основные концепции и теории. Большая историография посвящена истории российских колоний. Раз Россия империя, то надо определить, что является метрополией, что колонией. Спецификой Российской империи оказывалось то, что ее колонии оказывались непосредственно примыкавшими к метрополии, а не отделялись от нее морями и другими странами. Они были составной и непосредственной частью административной системы империи. Поэтому противопоставлять метрополию и колонию для Российской империи очень сложно.

Тем более что некоторые колонии (Польша, Финляндия, прибалтийские земли и т.д.) по уровню социального, экономического и культурного развития превосходили «материнскую» территорию метрополии, центральнорусские губернии. Поэтому применить к ним классическую схему: «высокоразвитая митрополия» — «слаборазвитые колонии» будет неисторично. Тем более, что классические империи Запада никогда не предполагали интеграцию заморских колоний. Они всегда рассматривались лишь как объект колонизации и эксплуатации. Россия же интегрировала свои колонии в себя, для большинства из них (точнее, для их национальных элит) были предусмотрены пути и механизмы вхождения в имперскую элиту. Показательно, что в отличие от классических империй в России никогда не было министерства по делам колоний.

Стоить здесь заметить, что при ее несомненных плюсах такая система делала Российскую империю уязвимой: отпасть от нее какая-то часть могла только при общем коллапсе и развале всей имперской системы (в то время как отделение заморских колоний в классической империи было не столь болезненно для метрополии).

Классическая европейская колонизация — покорение слаборазвитых народов, эксплуатация и порабощение туземцев (вплоть до работорговли) — в России была развита слабо. Мы не видим здесь конквистадора, силой покоряющего и грабящего туземцев, истребляющего целые племена ради работорговли и грабежа. Как показано У. Сандерлендом, русская колонизация была прежде всего крестьянской, и связанной с переселенческими процессами. Именно миграции земледельцев присоединили к России Урал, Сибирь, Юг России. Это была не разрушающая, не хищническая, но созидающая колонизация (которая нередко, конечно, вступала в противоречие с традиционными туземными культурами и вытесняла их). Иным был характер и российского продвижения на Восток, который, скажем, А. Эткинд опреджеляет как проявление внутреннего ориентализма и российскую «самоколонизацию».

Безусловно, имели место русификация, христианизация, насаждение имперских экономических традиций, использование туземного людского потенциала в армии и в качестве рабочей силы. Но в то же время именно империя построила в колониальных землях дороги, заводы и фабрики, серьезно ограничила борьбу кланов и другие родовые и феодальные пережитки. Империя защитила эти народы от внешних врагов, спасая от уничтожения (особенно ярко это видно на примере армян и других народов Закавказья, спасенных от турецкого геноцида).

В связи с этим встает вопрос о русских как титульной нации империи. Д. Хоскинг писал, что империя в России доминировала над нацией, государственное строительство превалировало над национальным. Имперское самодержавие требовало подданства и службы от всех наций, но не занималось нациестроительством русской нации. В этом было существенное отличие Российской империи от классических империй Запада: последние предполагали власть государства над зависимыми территориями, а для России значимым была власть династии над всеми подданными одинаково. Причем если в династических униях с поляками и финнами они очевидно отличались от русских, но в случае с украинцами, белорусами отрицалась их принадлежность к отдельным народам. Они расценивались как принадлежащие к русскому народу (А. Миллер выделяет как элемент имперской национальной политики проект «большой русской нации»).

Официальный национализм, начавший развиваться при Риколае II (1825-1855) и воплотившийся в доктрине официальной народности, был одной из попыток противопоставить западному дискурсу нации свою концепцию, в которой бы нация тесно связывалась с монархом, государством и официальной религией («православие, самодержавие, народность»). Это была чисто имперская концепция,

направленная на спасение империи, по словам Р. Суни, в ответ на вызов западной концепции политического сообщества *ancien regime*, суверенитет которого отождествлялся с фигурой правителя в рамках государства.

Изучение национального вопроса в Российской империи в историографии весьма противоречиво, содержит много концепций. Один из вопросов, который живо активно обсуждается — почему Россия не смогла пойти путем других империй (Французской, Германской, Османской и т.д.) и создать национальное государство? Приоритеты российской имперской элиты препятствовали его образованию. Несмотря на политику русификации, интенсифицировавшуюся во второй половине XIX в., она не привела к гомогенизации имперского населения. По словам Р. Суни, русификация должна была снабдить государство облоснованием в виде этнической нации. Но эта политика провалилась. Как писал Р. Суни, «Царская Россия прекрасно спарвилась с задачей строительства государства и создания империи, однако потерпела неудачу в создании полиэтничной “российской нации” в рамках этой империи. История царизма есть история империи, которая время от времени вступала на путь нациестроительства, но эта государственная национализирующая практика всегда вступала в конфликт со структурами и дискурсом империи… [царскому режиму] так и не удалось ни сформировать эффективную национальную идентичность, основанную на принципе гражданства, ни построить (или хотя бы попытаться построить) этническую нацию, даже среди русских».

А вот призывы к народному суверенитету тесно смыкались с лозунгом права наций на самоопределение, находили отклик и поддержку в националистических и сепаратистских движениях и в конечном итоге развалили Российскую империю. Здесь можно было пойти путем либерализации и модернизации, но Россия применяла либерализацию в основном к национальным окраинам (более либеральные законы и даже конституции Царства Польского и Великого княжества Финляндского), что создавало нехороший контраст с законами метрополии, применявшимися для русских, «титульной нации».

Много споров порождает определение самого характера Российской империи. В каком соотношении она находилась с классическими западными, европейскими империями? Здесь наиболее влиятельной в историографии стала теория модернизации С. Беккера, согласно которой «Роль России во всемирной драме была уникальной: Россия выступала одновременно как ее действующее и противодействующее лицо». С одной стороны, Россия со всеми противоречиями и колебаниями шла по пути вестернизации и модернизации, усваивая новые технологии и проводя реформы, особенно со второй половины XIX в. Россия позиционировала себя как Запад по отношению к своим восточным колониям и в свою очередь несла им модернизацию. То есть это была колониальная империя, «испытывавшая модернизационные конвульсии». С другой, Россия сама была объектом западной экспансии. Этим и был обусловлен сложный исторический путь Российской империи.

В противовес С. Беккеру Дж. Хоскинг определял Российскую империю как азиатскую империю, которая характеризуется наличием наднациональной элиты с сильным милитаристским этосом, «под которую кооптиророваны и культурно интегрированы» туземные элиты. Она инкорпорирует их в административную, военную, экономическую и правовую структуру империи. Главным приоритетом развития является политическое выживание и территориальная целостность государства.

С. Беккер писал о разных типах отношений Российской империи с колониальными периферийями. Он сравнивает Западные окраины и Закавказье с доминионами. Которые приобретали правители Запада в Европе в средние века и в

начале Нового времени. В случаях Украины и Белоруссии имел место дискурс Реконкисты православных земель, освобожденных от католической Речи Посполитой. Этот же дискурс играл роль в отношении Бессарабии, Грузии, Армении.

В Сибири же Россия строила «империю на берегах северных рек» (термин Д. Майнига). Это было, по С. Беккеру, в чем-то похоже на то, что французы и голландцы строили в Северной Америке в новое время. Постепенно русские пришельцы вытесняли туземцев, которые просто вымирали в столкновении с чужой культурой, подрывавшей основы их традиционного образа жизни. Это приводило ко все большей интеграции сибирских территорий в империю. В XIX в. в Сибири шло такое же строительство русского национального государства, как и на европейских землях империи.

Третьим типом были отношения Российской империи со среднеазиатскими владениями, с Туркестаном, Бухарой и Хивой. Это тип «националистической империи» (термин Д. Майнига), характерный для европейского «нового империализма» второй половины XIX в. Здесь метрополия вполне осознавала культурную, религиозную и цивилизационную чуждость колоний, их отсталость, и более откровенно их эксплуатировала. В обществе присутствовала четкая сегрегация между имперской администрацией и подвластным населением.

В изучении имперских сословий в 1990-е гг. получила развитие теория «слоеного общества» (*sedimentary society*) А. Рибера. После отмены крепостного права к началу XX в. российское общество было атомизировано, разбито на множество групп. Их сословные, культурные, правовые границы накладывались друг на друга и не давали обществу сложиться в целостную социальную структуру. Отсюда и уязвимость России перед политическими и сицальными вызовами, опасность революции и т.д.

М. фон Хаген проанализировал один из новаторских подходов к изучению Российской империи, который он связал с «федералистскими» концепциями. Причиной его возникновения стала констатация простого и очевидного факта, что классические европейские империи гораздо успешнее справлялись с проблемами местных национализмов, чем национальные государства XX в., которые явили миру примеры жесточайших кровавых трагедий и геноцида целых народов (напр., «окончательное решение еврейского вопроса» Третьим Рейхом, трагедия распада Югославии в 1990-е гг. и т.д.). Модели экстерриториальной культурной автономии, практикуемые в Австро-Венгерской и частично — в Российской империях, давали эффективную модель решения этнокультурных и национальных проблем. И хотя официально провозглашались единство и унитарность империи, особый статус отдельных территорий позволял соблюдать равновесие, политический и культурный баланс и снимать социальную напряженность. Эта модель наиболее востребована сегодня, когда актуальным является выработка транснациональной и мультикультурной политики, которая по определению антинациональна.

По определению А. Каппелера, сейчас наиболее перспективен регионалистский подход к истории Российской империи: изучение ее через призму регшиональных историй отдельных образований и народов. Тем более, что они еще очень мало и недостаточно изучены. В то же воремя, А. И. Миллер показал, что понятие «регион» применительно к истории империи еще само нуждается в изучении и дефиниции.

В последние годы к изучению Российской империи пытаются приложить конструктивистские теории. Если нация является воображаемым сообществом и когнитивной рамкой, то, исходя из того, что империя также является формой политической организации — нельзя ли поставить вопрос об империи как «воображаемом сообществе»? Речь идет не о правовых и социальных, а о

культурных и ментальных структурах, создающих идеальный образ империи, который выступает основой для имперской дискурсивной практики. Этот вымышленный образ, хотя в своей идеальности он, естественно, не соответствовал действительности, выступал серьезной идеологической скрепой империи, обеспечивал солидарное социальное действие и коллективную лояльность.

Библиография изучения Российской империи огромна, рекомендуем смотреть списки литературы в нижеуказанных работах.

Литература:

Armstrong J. Nations before Nationalism. Chapel Hill, 1982; Doyle W. Empires. Ithaca, 1986; Weeks T. Nation and State in Late Imperial Russia: Nationalism and Rissification on the Western Frontier, 1863-1914. DeKalb, 1996; Геллер М. История Российской империи. В 3-х томах. М., МИК, 1997; Миронов Б. Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.). Т. 1-2. СПб., 1999; Каппелер А. Россия — многонациональная империя: возникновение, история, распад. М., 2000; Хоскинг Дж. Россия: народ и империя, 1552-1917. Смоленск, 2000; Уортман Р. Сценарии власти: мифы и церемонии русской монархии от Петра Великого до смерти Николая II. М., 2002; Российская империя в сравнительной перспективе / Под ред. А. И. Миллера. М., 2004; Новая имперская история постсоветского пространства / Под ред. И. Герасимова, М. Могильнер и др. Казань, 2004; Миллер А. Империя Романовых и национализм. Эссе по методологии исторического исследования. М., 2006; Западные окраины Российской империи / Ред. М. Д. Долбилов, А. И. Миллер. М., 2006.

СВЯЩЕННАЯ РИМСКАЯ ИМПЕРИЯ ГЕРМАНСКОЙ НАЦИИ

Священная Римская Империя Германской Нации (лат. Sacrum Romanum Imperium Nationis Germanic*æ*, нем. Heiliges Römisches Reich Deutscher Nation), также известная как «Первый рейх» – крупное государственное образование в центре Европы, просуществовавшее с 962 по 1806 гг. Это государство позиционировало себя как прямой преемник франкской империи Карла Великого (768-814), которая наряду с Византией считала себя наследницей античной Римской империи. Несмотря на номинальный имперский статус, эта империя на протяжении всей своей истории оставалась децентрализованной, имевшей сложную феодальную иерархическую структуру, объединявшую множество государственных единиц. Хотя во главе империи стоял император, его власть не являлась наследственной, так как титул присваивался коллегией курфюрстов. Кроме того, эта власть не была и абсолютной, ограничиваясь сначала аристократией, а позже, с конца XV века – рейхстагом.

Образование Священной Римской империи. Предпосылки формирования крупного имперского государства в центре Европы следует искать в сложном положении, сложившемся в регионе в поздней античности и раннем средневековье. Крушение Западной Римской империи было болезненно воспринято современниками, которым идейно казалось, что империя существовала всегда и будет жить вечно – настолько универсальной, древней и священной была сама ее идея. Это наследие античности дополнялось и новой мировой религией – христианством. На некоторое время, к VII в., идея общеримского христианского единства, присутствовавшая в Римской империи начиная с ее христианизации, была в основном забыта. Однако церковь, находившаяся под сильнейшим влиянием римских законов и учреждений, выполнявшая объединительную функцию для смешавшегося после Великого переселения народов населения, о ней помнила.

Церковная система, требуя единообразия в вероучении и организации, поддерживала чувство единства у народов. Многие представители духовенства сами были римлянами, живя по римскому праву и пользуясь латинским языком как родным. Они хранили античное культурное наследие и идею единого всемирного светского государства. Так святой Августин в трактате «О граде Божием» (De Civitate Dei) предпринял критический анализ языческих представлений об универсальной и вечной монархии, но средневековые мыслители истолковали его учение в политическом аспекте, более позитивно, чем подразумевал сам автор.

При этом до середины VIII в. на Западе формально признавалось верховенство византийского императора, однако после того как в Византии началось ударившее по церкви иконоборческое движение, римские папы стали все больше ориентироваться на Франкское королевство, правители которого сами проводили объединительную политику. Реальная власть короля франков Карла Великого (768-814) к тому моменту, когда на Рождество 800 г. в церкви Св. Петра в Риме папа Лев III (795-816) увенчал его императорской короной, была сравнима в глазах современников лишь с властью правителя Римской империи, выполнявшего роль покровителя церкви и святого престола. Коронация явилась освящением и легализацией его власти, хотя по сути явилась результатом соглашения между папой, королём, церковными и светскими сановниками. Сам Карл придавал большое значение титулу императора, возвышавшего его в глазах окружающих. При этом ни он, ни короновавший его папа не имели в виду восстановление только Западной Римской империи: возрождалась Римская империя в целом. В силу этого Карл считался 68-м императором, преемником восточной линии непосредственно после низложенного в 797 г. Константина VI, а не преемником свергнутого в 476 г. Ромула Августула. Римская империя считалась единой, неделимой. Хотя столицей империи Карла Великого был Ахен, имперская идея была связана с Римом, центром западного христианства, который объявлялся как политическим, так и церковным центром империи. Императорский титул изменил положение Карла, окружил его особенным блеском; вся деятельность Карла с тех пор была связана с теократическими идеями.

Однако империя Карла Великого оказалась недолговечной. По итогам Верденского раздела 843 г. империя опять угасла как единое государство, вновь трансформируясь в традиционную идею. Титул императора сохранился, однако реальная власть его носителя ограничилась лишь территорией Италии. А после кончины последнего римского императора Беренгара Фриульского в 924 г. власть над Италией в течение нескольких десятилетий оспаривалась представителями ряда аристократических родов Северной Италии и Бургундии. В самом Риме папский престол оказался под полным контролем местного патрициата. Источником возрождения имперской идеи стала Германия, где возрождение наметилось в первой половине X в., в период правления в восточной части бывшей Каролингской империи Генриха I Птицелова (919-936), основателя первой немецкой (Саксонской) династии. Он заложил основы не только Германского королевства, но и будущей Священной Римской империи. Его дело продолжил Оттон I Великий (936-973), при котором в состав государства вошла Лотарингия с бывшей имперской столицей Каролингов Ахеном, были отражены набеги венгров, началась активная экспансия в сторону славянских земель, сопровождавшаяся энергичной миссионерской деятельностью. При Оттоне I церковь превратилась в главную опору королевской власти в Германии, а племенные герцогства, составлявшие основу территориальной структуры Восточнофранкского королевства, были подчинены власти центра. В итоге к началу 960-х годов Оттон I стал наиболее могущественным правителем среди всех государств-наследников империи Карла Великого, приобретя репутацию защитника церкви и положив начало итальянской политике, так как в то время

имперская идея связывалась с Италией и получением императорского достоинства от папы в Риме. Будучи религиозным человеком, он хотел быть христианским императором. В конечном итоге по завершении трудных переговоров 31 января 962 г. Оттон I принес папе Иоанну XII присягу с обещанием охранять безопасность и интересы папы и Римской церкви, что послужило юридическим основанием для становления и развития средневековой Римской империи. 2 февраля 962 г. в церкви Св. Петра в Риме состоялась церемония помазания и венчания Оттона I имперской короной, после чего он, уже в новом качестве, заставил Иоанна XII и римскую знать присягнуть ему на верность. Хотя Оттон I не намеревался основывать новую империю, рассматривая себя исключительно как преемник Карла Великого, фактически переход императорской короны к германским монархам означал окончательное обособление Восточнофранкского королевства (Германии) от Западнофранкского (Франции) и формирование нового государственного образования на основе немецких и североитальянских территорий, выступавшего наследником Римской империи и претендующего на роль покровителя христианской церкви. Так родилась новая Римская империя. Византия не признала императором грубого франка, также как и Франция, что изначально ограничило универсальность империи.

Основы и история титулатуры Священной Римской империи. Традиционный термин «Священная Римская империя» появился довольно поздно. После своей коронации Карл Великий (768-814) пользовался длинным и вскоре отброшенным титулом «Карл, светлейший Август, боговенчанный, великий и миролюбивый император, правитель Римской империи». После него вплоть до Оттона I (962-973) императоры именовали себя просто «Император Август» (лат. imperator augustus) без территориальной конкретизации (подразумевая, что в перспективе вся бывшая античная Римская империя, а в перспективе и весь мир подчинятся им). Первый монарх Священной Римской империи Оттон I использовал титул «император римлян и франков» (лат. imperator Romanorum et Francorum). В дальнейшем Оттона II (967-983) иногда именовали «Император Август римлян» (лат. Romanorum imperator augustus), а начиная с Оттона III (996-1002) этот титул становится обязательным. При этом между вступлением на трон и своей коронацией кандидат пользовался титулом королей Римлян (лат. rex Romanorum), а начиная со своей коронации носил титул Германский Император (лат. Imperator Germanic*æ*). Словосочетание «Римская империя» (лат. Imperium Romanum) как название государства стало использоваться с середины X в., окончательно закрепившись к середине XI в. Причины задержки кроются в дипломатических осложнениях из-за того, что преемниками Римской империи считали себя и византийские императоры. При Фридрихе I Барбароссе (1155-1190) с 1157 г. к словосочетанию «Римская империя» в знак ее христианско-католического характера впервые было добавлено определение «Священная» (лат. Sacrum). Новый вариант названия подчёркивал убежденность в святость мирского государства и претензии императоров к церкви в контексте завершившейся недавно борьбе за инвеституру. Эта концепция получила дальнейшее обоснование в ходе возрождения римского права и оживления контактов с Византийской империей. С 1254 г. в источниках укореняется полное обозначение «Священная Римская империя» (лат. Sacrum Romanum Imperium), по-немецки (нем. Heiliges Römisches Reich) оно стало встречаться при императоре Карле IV (1346-1378). Добавление к названию империи словосочетания «германской нации» появилось после того, как в руках австрийской династии Габсбургов в XV в. оказались все земли (кроме швейцарских), населенные в основном немцами (нем. Deutscher Nation, лат. Nationis Germanicae), изначально чтобы отличить собственно немецкие земли от «Римской империи» в целом. Так в указе императора Фридриха III (1452-1493) от 1486 г. о «всеобщем мире» говорится

о «Римской империи германской нации», а в постановлении Кёльнского рейхстага 1512 г. императором Максимилианом I (1508-1519) впервые официально была использована окончательная форма «Священная Римская империя германской нации», сохранившаяся до 1806 г., хотя в своих последних документах это государственное образование обозначалось как просто «Германская империя» (нем. Deutsches Reich).

С точки зрения государственного строительства в 962 г. было положено начало соединению в одном лице двух титулов – императора Римского и короля Германского. Сперва это соединение носило личный характер, но затем – вполне официальный и реальный. Однако, основанная в X в. империя являлась, в сущности, обычной феодальной монархией. Усвоив идею преемственности своей власти от древнего мира, императоры осуществляли ее феодальными методами, управляя племенными герцогствами (основными политическими единицами в Германии) и марками (пограничными административно-территориальными образованиями). Сперва Священная Римская империя имела характер феодально-теократической империи, претендующей на высшую власть в христианском мире. Положение императора и его функции определялись из сравнения власти императорской с властью папской. Считалось что он был «imperator terrenus», наместником Бога на земле в светских делах, а также «patronus», защитником церкви. Поэтому власть императора во всем соответствовала власти папы, а отношения между ними считались аналогичными отношениям души и тела. Коронационный церемониал и официальные титулы императора указывали на стремление придать императорской власти божественный характер. Император считался представителем всех христиан, «главой христианского мира», «светским главой верных», «покровителем Палестины и католической веры», превосходящий достоинством всех королей. Но эти обстоятельства стали одной из предпосылок многовековой борьбы германских императоров за обладание Италией с папским престолом. Борьба с Ватиканом и усиление территориальной раздробленности Германии постоянно ослабляли императорскую власть. Теоретически находясь выше всех королевских домов Европы, титул императора не давал королям Германии дополнительных полномочий, так как реальное управление осуществлялось используя уже существующие административные механизмы. В Италии императоры мало вмешивались в дела своих вассалов: там их главной опорой являлись епископы ломбардских городов.

По сложившейся традиции императоры короновались четырьмя коронами. Коронование в Ахене делало монарха «королем франков», а со времени Генриха II (1014-1024) – «королем римлян»; коронование в Милане – королем Италии; в Риме монарх получал двойную корону «urbis et orbis», а Фридрих I (1155-1190), под конец жизни, принял и четвертую корону – бургундскую (regnum Burgundiae или regnum Arelatense). Коронуясь в Милане и Аахене, императоры не называли себя королями лангобардов и франков, менее значимыми титулами в сравнении с титулом императора. Последний принимался только после коронации в Риме, а это создавало чрезвычайно важную основу для притязаний папы, из рук которого передавалась корона. До Людвига IV (1328-1347), гербом империи являлся одноглавый орёл, а начиная с Сигизмунда (1433-1437) таковым становится двуглавый орёл, в то время как герб короля римлян сохранился в виде одноглавого орла. При саксонских и франконских правителях императорский престол был избирательным. Каждый христианин-католик мог стать императором, хотя обыкновенно выбирался член одной из могущественных княжеских фамилий Германии. Избирали императора курфюрсты, чью независимость узаконила золотая булла 1356 г. Этот порядок этот продержался до Тридцатилетней войны.

Социально-экономическое развитие Священной Римской империи.

Социально-экономическое развитие Священной Римской империи на протяжении всего времени существования этого государственного образования коррелировалось с тенденциями общеевропейского развития, но имело и свои особенности. В частности, входящие в состав империи территории значительно отличались друг от друга по населению, языку, уровню развития, поэтому политическая раздробленность империи сопутствовала экономической дезинтеграции. Начиная с раннего средневековья в Германских землях основой хозяйствования являлось пашенное земледелие, сопровождавшееся активным освоением пустошей и лесов, а также мощным колонизационным движением на восток (оно выражалось и в переселении крестьян на пустующие или отвоёванные земли, а также в силовой экспансии немецких рыцарских орденов). Процессы феодализации развивались медленно, закрепощение крестьянства также происходило замедленными темпами в сравнении с соседями, поэтому на раннем этапе основной хозяйственной единицей являлся свободный или полузависимый крестьянин. Позднее, с ростом продуктивности земледелия наблюдалось усиление эксплуатации крестьян со стороны феодалов разного уровня. С XI-XII вв. в результате активного развития сеньориальных и свободных имперских городов стало формироваться сословие бюргерства. В сословной иерархии особую роль стал играть поддерживаемый императорами слой мелких и средних рыцарей и министериалов, мало зависящей от местных князей. Последние две группы населения стали опорой центральной имперской власти.

В Итальянских владениях империи процессы экономического развития оказались более интенсивными. Сельское хозяйство развивалось значительно быстрее, чем в немецкой метрополии и характеризовалось многообразием форм крестьянского землевладения, при этом главным движителем экономики стали города, быстро превратившиеся в крупные торгово-ремесленные центры. К XII-XIII вв. они добились и фактически полной политической самостоятельности от феодалов, а их богатства приводили к продолжавшейся борьбе императоров за усиление своей власти в итальянском регионе.

В эпоху позднего средневековья в связи с трансформацией империи в сугубо немецкое образование, социально-экономическое развитие зависело от процессов, происходивших в Германии. В этот период повышение спроса на хлеб привело к повышению товарности аграрного сектора в Северной Германии, с укрупнением крестьянских владений на западе и ростом вотчинного хозяйства на востоке. Южногерманские земли, отличавшиеся мелкими крестьянскими хозяйствами, испытали активное наступление феодалов, выражавшееся в увеличении барщины, росте повинностей и других форм ущемлений крестьян, что приводило (вместе с нерешёнными церковными проблемами) к серии крестьянских выступлений (гуситские войны, движение «Башмака» и др.). Разразившаяся в середине XIV в. эпидемия чумы, серьёзно сократив численность населения страны, положила конец немецкой аграрной колонизации и привела к оттоку производительных сил в города. В неаграрном секторе экономике на первый план вышли ганзейские города Севера Германии, сосредоточившие в своих руках торговлю в Северном и Балтийском морях, а также текстильные центры Южной Германии (Швабия) и Исторических Нидерландов (пока они примыкали к империи). Новый импульс получили и традиционные центры горного дела и металлургии (Тироль, Чехия, Саксония, Нюрнберг), при этом огромную роль в развитии индустрии стали играть и крупные купеческие капиталы (империя Фуггеров, Вельзеров и др.), финансовый центр которых располагался в Аугсбурге. Несмотря на значительный рост экономических показателей субъектов империи (прежде всего торговых), необходимо отметить, что он наблюдался в условиях отсутствия единого немецкого рынка. В частности, наиболее крупные и успешные города предпочитали развивать связи с

заграничными партнёрами, а не с немецкими, притом, что значительная часть городских центров вообще оказалась изолированной от контактов даже с ближними соседями. Такое положение способствовало сохранению как экономической, так и политической раздробленности в империи, от чего в первую очередь выигрывали князья.

Усиление эксплуатации крестьянства Южной Германии, обострение межсословных противоречий на раннем этапе Реформации привели к масштабному народному восстанию, получившему названию Великой крестьянской войны (1524-1525). Поражение немецкого крестьянства в этой войне на ближайшие века определило его социально-экономическое положение, приведя к усилению феодальной зависимости на Юге Германии и распространению крепостничества на другие регионы, хотя свободное крестьянство и общинные институты сохранились в ряде районов страны. При этом в целом социальное противостояние между крестьянством и дворянством в XVI-XVII вв. утратило остроту, во многом за счёт развития разных форм патронажа, религиозной солидарности и наличия судебных возможностей защиты крестьянами своих интересов. Поместное и крестьянское хозяйства в XVII в. имели тенденцию консервации существующих порядков. Развитие имперских городов в раннее новое время характеризовалось стагнацией бывших экономических лидеров и переходом первенства в руки центральнонемецких городов во главе с Франкфуртом и Нюрнбергом. Наблюдалось и перераспределение финансовых капиталов. Процесс усиления бюргерского сословия в эпоху реформации постепенно сменился обратным явлением, когда на первое место вышло дворянство. Даже в рамках городского самоуправления происходил процесс роста олигархических институтов и укрепления власти городского патрициата. Тридцатилетняя война окончательно добила Ганзу и разорила многие немецкие города, подтвердив экономическое лидерство Франкфурта и Кёльна.

В XVIII в. в ряде регионов страны наблюдалось существенное оживление суконной и металлургической промышленности, появились крупные централизованные мануфактуры, однако по темпам своего индустриального развития империя оставалась отсталым государством в сравнении с соседями. В большинстве городов продолжал господствовать цеховой строй, а производство в значительной степени зависело от государства и дворян. В большинстве регионов страны в сельском хозяйстве сохранялись старые формы феодальной эксплуатации, а появившиеся крупные помещичьи предпринимательские хозяйства основывались на барщинном труде крепостных крестьян. Наличие мощных военных машин у ряда княжеств и королевств империи позволяло не опасаться возможностей крупных крестьянских выступлений. Процессы экономического обособления территорий продолжались.

Эпоха правления Оттонов и Гогенштауфенов. Как император Оттон I (962-973) имел власть в наиболее могущественном государстве Европы, однако его владения оказались существенно меньше тех, что принадлежали Карлу Великому. Они ограничивались в основном германскими землями, северной и центральной Италией; нецивилизованными пограничными областями. При этом главной заботой для императоров представляло удержание власти одновременно и к северу, и к югу от Альп. Так Оттон II (967-983), Оттон III (996-1002) и Конрад II (1024-1039) были вынуждены подолгу находиться в Италии, защищая свои владения от наступающих арабов и византийцев, а также периодически подавляя волнения итальянского патрициата. Однако окончательно утвердить имперскую власть на Апеннинском полуострове германским королям так и не удалось: за исключением короткого царствования Оттона III, перенёсшего свою резиденцию в Рим, ядром империи оставалась Германия. К правлению Конрада II, первого монарха Салической

династии, относится формирование сословия мелких рыцарей (включая министериалов), чьи права гарантировались императором в постановлении «Constitutio de feudis» 1036 г., которое легло в основу имперского ленного права. Мелкое и среднее рыцарство в дальнейшем стало одним из главных носителей тенденций интеграции в империи.

Важную роль при ранних династиях Священной Римской империи играли отношения с церковью, особенно касающиеся кадровых назначений в церковную иерархию. Так выборы епископов и аббатов осуществлялись по указанию императора, и ещё до рукоположения священнослужители приносили ему клятву верности и ленную присягу. Церковь была включена в светскую структуру империи и превратилась в одну из главных опор трона и единства страны, что отчётливо проявилось в правление Оттона II (967-983) и во время несовершеннолетия Оттона III (996-1002). Тогда папский престол оказался под доминирующим влиянием императоров, часто единолично решавших вопросы назначения и смещения римских пап. Наибольшего расцвета имперская власть достигла при императоре Генрихе III (1046-1056), который начиная с 1046 г. получил право назначать пап подобно епископам в германской церкви. Однако уже в период несовершеннолетия Генриха IV (1084-1106) началось падение влияния императора, что происходило на фоне подъёма клюнийского движения в церкви и развившихся из него идей григорианской реформы, утверждавших верховенство папы римского и полную независимость церковной власти от светской. Папство обратило принцип свободы «божественного государства» против власти императора в делах церковного правления, в чём особенно прославился папа Григорий VII (1073-1085). Он утверждал принцип превосходства духовной власти над светской и в рамках так называемой «борьбы за инвеституру», противостояния папы и императора по кадровым назначениям в церкви в период с 1075 по 1122 гг. Борьба Генриха IV и Григория VII нанесла первый и самый тяжелый удар империи, значительно понизив ее влияние как в Италии, так и среди германских князей (самым запоминающимся эпизодом этого противостояния было хождение в Каноссу в 1077 г. тогда ещё германского короля Генриха IV). Борьба за инвеституру завершилась в 1122 г. подписанием Вормского конкордата, закрепившего компромисс между светской и духовной властью: отныне выборы епископов должны были происходить свободно и без симонии, однако светская инвеститура на земельные владения, а тем самым и возможность императорского влияния на назначение епископов и аббатов, сохранялась. В целом, итогом борьбы за инвеституру можно считать существенное ослабление контроля императора над церковью, что способствовало подъёму влияния территориальных светских и духовных князей. После смерти Генриха V (1111-1125) юрисдикция короны стала значительно меньше: была признана самостоятельность князей и баронов.

Отличительными чертами политической жизни империи во второй четверти XII в. оказалось соперничество между двумя крупными княжескими родами Германии – Гогенштауфенами и Вельфами. Достигнутый в 1122 г. компромисс не означал окончательной ясности в вопросе о верховенстве государства или церкви, и при Фридрихе I Барбароссе (1155-1190) борьба между папским престолом и империей разгорелась вновь. Плоскость противостояния на сей раз сместилась в сферу разногласий о принадлежности итальянских земель. Главным направлением политики Фридриха I стало восстановление императорской власти в Италии. При этом его правление считается периодом наивысшего престижа и могущества империи, так как Фридрих и его преемники централизовали систему управления подконтрольных территорий, покорили итальянские города, установили сюзеренитет над государствами вне империи, распространили свое влияние даже в восточном направлении. Не случайно, что Фридрих считал свою власть в империи

зависящей непосредственно от Бога, такой же священной, как и папская. В самой Германии позиции императора значительно укрепились благодаря разделу владений Вельфов в 1181 г. с формированием достаточно крупного домена Гогенштауфенов, к которым в 1194 г. в результате династической комбинации перешло Сицилийское королевство. Именно в этом государстве Гогенштауфены смогли создать сильную централизованную наследственную монархию с развитой бюрократической системой, в то время как в собственно немецких землях усиление региональных князей не позволяло закрепить подобную систему правления.

Фридрих II Гогенштауфен (1220-1250) возобновил традиционную политику по установлению имперского господства в Италии, пойдя на жёсткий конфликт с папой римским. Тогда в Италии развернулась борьба гвельфов, сторонников папы римского, и гибеллинов, поддерживавших императора, развивавшаяся с переменным успехом. Концентрация на итальянской политике вынудила Фридриха II пойти на большие уступки немецким князьям: по соглашениям 1220 и 1232 гг. за епископами и светскими князьями Германии признавались суверенные права в рамках их территориальных владений. Эти документы стали правовой основой для формирования в составе империи полунезависимых наследственных княжеств и расширения влияния региональных правителей в ущерб прерогативам императора.

Священная Римская империя в позднее средневековье. После прекращения династии Гогенштауфенов в 1250 г. в Священной Римской империи начался длительный период междуцарствия (1254-1273), завершившийся в 1273 г. вступлением на германский трон Рудольфа I Габсбурга (1273-1291). Хотя новые монархи предпринимали попытки восстановить былое могущество империи, династические интересы вышли на первый план: значение центральной власти продолжало падать, а роль правителей региональных княжеств – возрастать. Избираемые на имперский престол монархи прежде всего старались максимально расширить владения своих семей и править на основе их поддержки. Так Габсбурги закрепились в австрийских землях, Люксембурги – в Чехии, Моравии и Силезии, Виттельсбахи – в Бранденбурге, Голландии и Геннегау. В этом отношении показательно правление Карла IV (1346-1378), при котором центр империи переместился в Прагу. Ему же удалось провести важную реформу конституционного устройства империи: Золотой буллой (1356) была учреждена коллегия курфюрстов из семи членов, в состав которой вошли архиепископы Кёльна, Майнца, Трира, король Чехии, курфюрст Пфальца, герцог Саксонии и маркграф Бранденбурга. Они получили исключительное право избрания императора и фактически определять направления политики империи, при сохранении за курфюрстами права внутреннего суверенитета, что закрепило раздробленность немецких государств. Таким образом в позднее Средневековье принцип выборности императора приобрёл реальное воплощение, когда во второй половине XIII в. – конце XV в. императора выбирали из нескольких кандидатов, а попытки установления наследственной власти оказывались неудачными. Это не могло не привести к резкому росту влияния крупных территориальных князей на имперскую политику, причём семь наиболее могущественных князей присвоили себе исключительное право избрания и смещения императора (курфюрсты). Эти процессы сопровождались укреплением среднего и мелкого дворянства и ростом феодальных усобиц. В периоды междуцарствий империя теряла свои территории. После Генриха VII (1308-1313) окончилась власть императоров над Италией; в 1350 г. и 1457 г. к Франции перешло Дофине, а в 1486 г. – Прованс. По трактату 1499 г. Швейцария тоже перестала быть зависимой от империи. Священная Римская империя всё более ограничивалась исключительно немецкими землями, превращаясь в национальное государственное образование немецкого народа.

Параллельно наблюдался процесс освобождения имперских учреждений из-

под власти папства, что произошло благодаря резкому падению авторитета пап в период Авиньонского пленения. Это позволило императору Людвигу IV (1328-1347), а вслед за ним и крупным региональным немецким князьям, выйти из подчинения римскому престолу. Было устранено и всякое влияние папы на выборы императора курфюрстами. Но когда в начале XV в. резко обострились церковно-политические проблемы в условиях раскола католической церкви, функцию её защитника на себя взял император Сигизмунд (1433-1437), которому удалось восстановить единство римской церкви и престиж императора в Европе. Но в самой империи ему пришлось вести длительную борьбу с гуситской ересью. При этом попытка императора найти опору в городах и имперских рыцарях (т.н. программа «Третьей Германии») провалилась из-за острых разногласий между этими сословиями. Потерпела неудачу имперская власть и в попытке покончить с вооружёнными конфликтами между субъектами империи.

После смерти Сигизмунда в 1437 г. на престоле Священной Римской империи окончательно утвердилась династия Габсбургов, представители которой, за одним исключением, продолжали править в ней до её роспуска. К концу XV в. империя оказалась в глубоком кризисе, вызванном несоответствием её институтов требованиям времени, развалом военной и финансовой организации, децентрализацией. В княжествах началось формирование собственного аппарата управления, военной, судебной и налоговой систем, возникли сословные представительные органы власти (ландтаги). К этому времени Священная Римская империя представляла уже, в сущности, лишь немецкую империю, где власть императора признавалась только в Германии. От пышного титула Священной Римской империи оставалось одно название: князья расхитили все земли и разделили между собой атрибуты императорской власти, оставив императору только почетные права и считая его своим ленным господином. Особенного унижения достигла императорская власть при Фридрихе III (1440-1493). После него ни один император не был коронован в Риме. В европейской политике влияние императора стремилось к нулю. В то же время упадок имперской власти способствовал более активному вовлечению имперских сословий в процессы управления и формированию всеимперского представительного органа – рейхстага.

Священная Римская империя в раннее Новое время. Растущая из-за постоянно враждующих мелких государств внутренняя слабость империи требовала её реорганизации. Закрепившаяся на троне Габсбургская династия стремилась слить империю с Австрийской монархией и начала реформы. Согласно Постановлению Нюрнбергского рейхстага 1489 г. учреждались три коллегии: курфюрстов, духовных и светских имперских князей, имперских вольных городов. Обсуждение ставившихся императором на открытии рейхстага вопросов теперь производилось отдельно по коллегиям, а решение принималось на общем собрании коллегий тайным голосованием, причем коллегия курфюрстов и коллегия князей обладали решающим голосом. В случае одобрении императором решений рейхстага они принимали силу имперского закона. Для принятия постановления требовалось единогласие всех трех коллегий и императора. Рейхстаг обладал широкими политическими и законодательными компетенциями: рассматривал вопросы войны и мира, заключение договоров, являлся высшей судебной инстанцией империи. Его постановления охватывали обширный спектр вопросов – от нарушения предписаний против роскоши и шулерства до упорядочения монетной системы и учреждения единообразия в уголовном судопроизводстве. Однако реализации законодательной инициативы рейхстага препятствовало отсутствие общеимперских исполнительных органов власти. Рейхстаг созывался императором по согласованию с курфюрстами, определявшими место его проведения. С 1485 г. рейхстаги созывались ежегодно, с 1648 г. исключительно в Регенсбурге, а с 1663 г. до 1806 г.

рейхстаг можно считать постоянно действующим органом власти со сложившейся структурой. Фактически он трансформировался в постоянный конгресс посланников германских князей во главе с императором.

К моменту смерти императора Фридриха III (1493) система управления империей находилась в глубоком кризисе из-за существования в ней нескольких сотен государственных образований различного уровня независимости, доходов и военного потенциала. В 1495 г. Максимилиан I (1508-1519) созвал в Вормсе всеобщий рейхстаг, на утверждение которого предложил проект реформы государственного управления империи. По итогам обсуждения была принята так называемая «Имперская реформа» (нем. Reichsreform), по которой Германия была разделена на шесть имперских округов (в 1512 г. в Кёльне к ним были добавлены ещё четыре). Этой реформой также предусматривалось создание высшего имперского суда, ежегодный созыв рейхстага и закон о Земском мире – запрет использования военных способов разрешения конфликтов между субъектами империи. Органом управления округа стало окружное собрание, в котором право участия получили все государственные образования на его территории. Утверждённые границы имперских округов просуществовали практически без изменений до разрушения окружной системы в начале 1790-х гг. из-за войн с революционной Францией, хотя часть из них просуществовала до самого конца империи (1806). Имелись и исключения: так не являлись частью системы округов земли Чешской короны; Швейцария; большинство государств Северной Италии; некоторые немецкие княжества.

Однако дальнейшие попытки Максимилиана углубить реформирование империи, создав единые органы исполнительной власти, а также единую имперскую армию провалились. В силу этого, осознавая слабость императорской власти в Германии, Максимилиан I продолжил политику своих предшественников по обособлению Австрийской монархии от империи, что выразилось в налоговой самостоятельности Австрии, её неучастии в делах рейхстага и других общеимперских органов. Австрия фактически была поставлена вне империи, а её независимость была расширена. Кроме этого, преемники Максимилиана I (кроме Карла V) уже не стремились к традиционной коронации, а в имперское право вошло положение, что сам факт избрание германского короля курфюрстами делает его императором.

Реформы Максимилиана были продолжены Карлом V (1519-1556), при котором Рейхстаг превратился в периодически созываемый орган законодательной власти, ставший центром осуществления имперской политики. Рейхстаг также обеспечивал сложившийся устойчивый баланс власти между разными социальными группами страны. Была разработана и система финансирования общеимперских расходов, которая хотя и оставалась несовершенной из-за нежелания курфюрстов вносить свою долю в общий бюджет, но позволявшая вести активную внешнюю и военную политику. При Карле V был утверждён единый уголовный кодекс для всей империи – «Constitutio Criminalis Carolina». В результате преобразований конца XV – начала XVI вв. империя приобрела организованную государственно-правовую систему, позволившую ей сосуществовать и даже успешно конкурировать с национальными государствами нового времени. Однако реформы не были завершены, из-за чего империя до конца своего существования продолжала оставаться совокупностью старых и новых институтов, так и не приобретя атрибутов единого государства. Формирование новой модели организации Священной Римской империи сопровождалось ослаблением выборного принципа избрания императора: с 1439 г. на престоле империи прочно установилась династия Габсбургов – наиболее сильный немецкий род в регионе.

Большое значение для повышения эффективности имперских округов имели

постановления рейхстага 1681 г., передавшие вопросы военного строительства и организации армии империи на уровень округов. В компетенции императора были оставлены лишь назначение высшего командного состава и определение стратегии военных действий. Финансирование армии осуществлялось по округам за счёт взносов окружных государств-членов в соответствии с пропорцией, утверждённой в 1521 г. Эта система демонстрировала эффективность в случае, если подавляющее большинство членов округа принимали реальное участие в обеспечении войск. Однако многие крупные княжества (например, Бранденбург или Ганновер) преследовали в основном собственные цели, поэтому зачастую отказывались от участия в окружных мероприятиях, что практически парализовало деятельность округов. Округа, где отсутствовали крупные государства, часто являлись примером эффективного взаимодействия и даже создали межокружные союзы.

Начавшаяся в 1517 г. Реформации быстро привела к конфессиональному расколу империи на лютеранский север и католический юг. Реформация уничтожила ту религиозную теорию, на которой основывалась империя. В условиях возрождения претензий на гегемонию в Европе императора Карла V, а также его политики централизации имперских институтов, это привёло к обострению внутреннего положения Германии и росту конфликта между императором и сословиями государства. Нерешённость церковного вопроса и провал Аугсбургского рейхстага 1530 г. в достижении компромисса привели к оформлению двух политических союзов в Германии – протестантского Шмалькальденского и католического Нюрнбергского, чьё противостояние вылилось в Шмалькальденскую войну 1546-1547 гг., потрясшую конституционные основы империи. Несмотря на победу Карла V, вскоре против него сплотились все основные политические силы империи. Их не устраивали универсализм политики Карла, стремившегося создать «всемирную империю» на основе своих обширных владений, а также непоследовательность в решении церковных проблем. В 1555 г. на рейхстаге в Аугсбурге появился Аугсбургский религиозный мир, признавший лютеранство в качестве легитимной конфессии и гарантировавший свободу вероисповедания имперским сословиям в соответствии с принципом «cujus regio, ejus religio». Это соглашение позволило преодолеть вызванный Реформацией кризис и восстановить работоспособность имперских институтов. Хотя конфессиональный раскол и не был преодолён, политически империя восстановила единство. При этом Карл V отказался подписать этот мир и вскоре сложил с себя полномочия императора. В результате на протяжении следующего полувека католические и протестантские субъекты империи весьма эффективно взаимодействовали в органах управления, что позволяло сохранять в Германии мир и социальное спокойствие.

Основными тенденциями развития империи во второй половине XVI – начале XVII вв. стали догматическое и организационное оформление и обособление католицизма, лютеранства и кальвинизма, и влияние этого процесса на социальные и политические аспекты жизни немецких государств. В современной историографии этот период определяется как «Конфессиональная эпоха» (нем. Konfessionelles Zeitalter), во время которой ослабление власти императора и развал правительственных институтов привёли к формированию альтернативных властных структур: в 1608 г. протестантскими князьями была организована Евангелическая уния, на что католики в 1609 г. ответили учреждением Католической лиги. Межконфессиональное противостояние неуклонно углублялось и привело в 1618 г. к пражскому восстанию против нового императора и короля Чехии Фердинанда II (1619-1637). Поддержанный Евангелической унией мятеж обернулся началом тяжёлой и кровавой Тридцатилетней войны (1618-1848), в которую включились представители обоих конфессиональных лагерей Германии, а затем и иностранные государства. Заключённый в октябре 1648 г. Вестфальский мир положил конец

войне и кардинальным образом преобразовал империю.

Завершающий период Священной римской империи. Условия Вестфальского мира оказались тяжёлыми, имевшими фундаментальное значение для будущего империи. Территориальные статьи договора закрепили утрату империей Швейцарии и Нидерландов, признанных независимыми государствами. В самой же империи значительные земли попали под власть иностранных держав (особенно усилилась Швеция). Мир подтверждал проведённую секуляризацию церковных земель Северной Германии. В конфессиональном плане католическая, лютеранская и кальвинистская церкви уравнивались в правах на территории империи. Для имперских сословий было закреплено право свободного перехода из одной религии в другую, для религиозных меньшинств гарантировались свобода вероисповедания и право на эмиграцию. При этом конфессиональные границы были строго зафиксированы, а переход правителя княжества в другую религию не должен был приводить к смене конфессии его подданных. Организационно Вестфальский мир привёл к кардинальной реформе функционирования органов власти империи: отныне религиозные проблемы отделялись от административно-правовых вопросов. Для их решения в рейхстаге и имперском суде был введён принцип конфессионального паритета, по которому каждой конфессии предоставлялось равное количество голосов. В административном плане Вестфальский мир перераспределил полномочия между властными институтами империи. Теперь текущие вопросы (включая законодательство, судебную систему, налогообложение, ратификацию мирных договоров) передавались в компетенцию рейхстага, ставшего постоянно действующим органом. Это существенным образом изменило баланс сил между императором и сословиями в пользу последних. В то же время, имперские чины не становились носителями государственного суверенитета: субъекты империи оставались лишёнными ряда атрибутов независимого государства. Так они не могли заключать международные договоры, входящие в противоречие с интересами императора или империи.

Таким образом, согласно условиям Вестфальского мира император фактически лишался всякой возможности непосредственно вмешиваться в администрацию, а сама Священная Римская империя становится сугубо Германским образованием, непрочной конфедерацией, существование которой постепенно теряет всякий смысл. Это выражалось в существовании в поствестфальской Германии около 299 княжеств, ряда самостоятельных имперских городов, а также неподдающегося учёту множества мелких и мельчайших политических единиц, зачастую представлявших собой небольшое поместье, наделённое правами государства (в качестве примера можно привести около тысячи лиц со званиями баронов или имперских рыцарей, не сохранивших сколько-нибудь значительных владений).

Поражение в Тридцатилетней войне также лишило империю ведущей роли в Европе, которая перешла к Франции. К началу XVIII в. Священная Римская империя утратила способность к экспансии и ведению наступательных войн. Даже внутри империи западнонемецкие княжества тесно блокировались с Францией, а северные ориентировались на Швецию. Кроме того, крупные образования империи продолжали идти по пути консолидации, укрепляя собственную государственность. Впрочем, войны с Францией и Турцией рубежа XVII – XVIII вв. вызвали возрождение имперского патриотизма и вернули императорскому престолу значение символа национальной общности немецкого народа. Укрепление императорской власти при преемниках Леопольда I (1658-1705) привело к возрождению абсолютистских тенденций, но через укрепление Австрии. Уже при Иосифе I (1705-1711) имперские дела фактически перешли в ведение придворной австрийской канцелярии, а эрцканцлер со своим ведомством были отстранены от

процесса принятия решений. В XVIII в. империя существовала как архаичное образование, сохранив лишь громкие титулы. При Карле VI (1711-1740) проблемы империи оказались на периферии внимания императора: его политика определялась в основном его претензиями на испанский престол и проблемой наследования габсбургских земель (Прагматическая санкция 1713 г.).

В целом, к середине XVIII в. крупные немецкие княжества де-факто вышли из-под контроля императора, а тенденции дезинтеграции явно превалировали над робкими попытками императора сохранить баланс сил в империи. Попытки же перенести на имперское пространство успехи централизаторской политики в наследственных землях Габсбургов встретили резкую оппозицию имперских сословий. Против «австризации» имперской системы решительно высказался целый ряд княжеств во главе с Пруссией, взявшей на себя роль защитника немецких свобод от «абсолютистских» притязаний Габсбургов. Так Францу I (1745-1765) не удалась попытка восстановить прерогативы императора в сфере ленного права и создать эффективную имперскую армию. А к концу Семилетней войны немецкие княжества вообще перестали повиноваться императору, что выражалось в самостоятельном заключении сепаратного перемирия с Пруссией. В период войны за Баварское наследство 1778-1779 гг. имперские сословия во главе с Пруссией открыто выступили против императора, пытавшегося силовыми методами закрепить за Габсбургами Баварию.

Для самого императора корона Священной Римской империи неуклонно теряла привлекательность, становясь главным образом средством для укрепления Австрийской монархии и позиций Габсбургов в Европе. Одновременно застывшая имперская структура входила в противоречие с австрийскими интересами, ограничивая возможности Габсбургов. Особенно ярко это проявилось в период правления Иосифа II (1765-1790), вынужденного практически отрешиться от имперских проблем, сосредоточившись на интересах Австрии. Этим успешно пользовалась Пруссия, выступавшая защитником имперского порядка и под шумок усиливающая свои позиции. В 1785 г. Фридрихом II был создан Союз немецких князей как альтернатива подконтрольным Габсбургам имперским институтам. Австро-прусское соперничество лишало остальные немецкие государственные образования возможности оказывать хоть какое-нибудь влияние на внутриимперские дела и реформировать имперскую систему в своих интересах. Всё это вело к так называемой «усталости от империи» почти всех входящих в неё субъектов, даже тех, которые исторически являлись главной опорой конструкции Священной Римской империи. Устойчивость империи была окончательно утрачена.

Ликвидация Священной Римской империи. Великая Французская революция первоначально привела к консолидации империи. В 1790 г. между императором и Пруссией был заключён Райхенбахский союз, временно прекративший австро-прусское противостояние, а в 1792 г. подписана Пильницкая конвенция с взаимными обязательствами оказать военную помощь французскому королю. Однако целями нового императора Франца II (1792-1806) оказались не укрепление империи, а реализация внешнеполитических планов Габсбургов, включавших расширение собственно Австрийской монархии (в том числе за счёт немецких княжеств) и изгнание французов из Германии. 23 марта 1793 г. рейхстаг объявил общеимперскую войну Франции, однако имперская армия оказалась крайне слабой из-за ограничения субъектами империи участия их воинских контингентов в боевых действиях за пределами собственных земель. Они также отказывались платить военные взносы, стремясь скорее добиться сепаратного мира с Францией. С 1794 г. имперская коалиция стала распадаться, а в 1797 г. армия Наполеона Бонапарта вторглась из Италии на территорию наследственных владений Австрии. Когда император-Габсбург из-за поражений от революционной французской армии

перестал оказывать поддержку мелким государственным образованиям, рухнула вся система организации империи.

Однако в этих условиях была предпринята ещё одна попытка реорганизовать систему. Под нажимом Франции и России после длительных переговоров и при фактическом игнорировании позиции императора был принят проект реорганизации империи, утверждённый 24 марта 1803 г. В империи производилась всеобщая секуляризация церковных владений, а свободные города и мелкие графства поглощались крупными княжествами. Это фактически означало конец системы имперских округов, хотя юридически они просуществовали до официального роспуска Священной Римской империи. Всего, не считая аннексированных Францией земель, в составе империи было упразднено свыше 100 государственных образований, при численности населения секуляризированных земель около трёх миллионов человек. В результате реформы наибольшие приращения получили Пруссия, а также французские сателлиты Баден, Вюртемберг и Бавария. После завершения территориального размежевания к 1804 г. в составе империи осталось около 130 государств (не считая владений имперских рыцарей). Произошедшие территориальные изменения затронули положение рейхстага и коллегии курфюрстов. Были упразднены титулы трёх церковных курфюрстов, чьи права предоставлялись правителям Бадена, Вюртемберга, Гессен-Касселя и эрцканцлеру империи. В результате в коллегии курфюрстов и палате князей имперского рейхстага большинство перешло к протестантам и сформировалась сильная профранцузская партия. При этом ликвидация традиционной опоры империи – вольных городов и церковных княжеств – привела к потере империей устойчивости и полному падению влияния императорского престола. Священная Римская империя окончательно превратилась в конгломерат реально независимых государств, утратив перспективы политического выживания, что стало очевидно даже для императора Франца II. Стремясь оставаться равным по рангу Наполеону, в 1804 г. он принял титул императора Австрии. Хотя этот акт не нарушал напрямую имперскую конституцию, он свидетельствовал об осознании Габсбургами возможности потери престола Священной Римской империи. Тогда также появилась угроза того, что римским императором будет избран Наполеон. Этой идее симпатизировал даже эрцканцлер империи Карл Теодор Дальберг. Однако последний, смертельный удар по Священной Римской империи нанесла победоносная для Наполеона война с Третьей коалицией в 1805 г. Отныне перед империей стояло две перспективы: либо роспуск, либо реорганизация под французским господством. Учитывая властные аппетиты Наполеона, сохранение Францем II имперского престола грозило привести к новой войне с Наполеоном (о чём свидетельствовал соответствующий ультиматум), к которой Австрия была не готова. Получив гарантии французского посланника, что Наполеон не будет искать короны римского императора, Франц II решился пойти на отречение. 6 августа 1806 г. он объявил о сложении с себя титула и полномочий императора Священной Римской империи, объяснив это невозможностью исполнения обязанностей императора после учреждения Рейнского союза. Одновременно он освободил имперские княжества, сословия, чины и должностных лиц имперских учреждений от обязанностей, наложенных на них имперской конституцией. Хотя с юридической точки зрения акт об отречении не считается безупречным, отсутствие в Германии политической воли поддерживать существование имперской организации привело к тому, что Священная Римская империя германской нации перестала существовать.

Литература:

Балакин В.Д. Творцы Священной Римской империи. М., 2004; Брайс Дж. Священная Римская империя. М., 1891; Бульст-Тиле М.Л., Йордан К., Флекенштейн Й.

Священная Римская империя: эпоха становления / Пер. с нем. Дробинской К.Л., Неборской Л.Н., под ред. Ермаченко И.О. СПб., 2008; Воцелка К. История Австрии: культура, общество, политика. М., 2007; Колесницкий Н.Ф. «Священная Римская империя»: притязания и действительность. М., 1977; Медведева К.Т. Австрийские Габсбурги и сословия в нач. XVII в. М., 2004; Прокопьев А.Ю. Германия в эпоху религиозного раскола: 1555-1648. СПб, 2002; Низовский А. Ю. Реликвии Священной Римской империи германской нации. М., 2008; Pann Ф. Священная Римская империя германской нации / Пер. с фр. М.В. Ковальковой. СПб., 2009; Социальные отношения и политическая борьба в средневековой Германии XIII-XVI веков. Вологда, 1985; Шимов Я. Австро-Венгерская империя. М., 2003; Angermeier H. Reichsreform 1410–1555. München, 1984; Aretin von K.O.F. Das Alte Reich 1648-1806. 4 vols. Stuttgart, 1993-2000; Brauneder W., Höbelt L. (Hrsg.) Sacrum Imperium. Das Reich und Österreich 996–1806. Wien, 1996; Bryce James. The Holy Roman Empire. New York, 1911; Gotthard A. Das Alte Reich 1495–1806. Darmstadt, 2003; Hartmann P.C. Das Heilige Römische Reich deutscher Nation in der Neuzeit 1486-1806. Stuttgart, 2005; Hartmann P.C. Kulturgeschichte des Heiligen Römischen Reiches 1648 bis 1806. Wien, 2001; Herbers K., Neuhaus H. Das Heilige Römische Reich – Schauplätze einer tausendjährigen Geschichte (843–1806). Köln-Weimar, 2005; Moraw P. Von offener Verfassung zu gestalteter Verdichtung. Das Reich im späten Mittelalter 1250 bis 1490. Berlin, 1985; Prietzel M. Das Heilige Römische Reich im Spätmittelalter. Darmstadt, 2004; Schmidt G. Geschichte des Alten Reiches. München, 1999; Schindling A., Ziegler W. (Hrsg.) Die Kaiser der Neuzeit 1519–1806. Heiliges Römisches Reich, Österreich, Deutschland. München, 1990; Weinfurter S. Das Reich im Mittelalter. Kleine deutsche Geschichte von 500 bis 1500. München, 2008; Wilson P.H. The Holy Roman Empire, 1495-1806. London, 1999.

СОЕДИНЕННЫЕ ШТАТЫ АМЕРИКИ

Территориальная экспансия США – путь к созданию империи. Сегодня США занимают почти половину северо-американского континента. Их территория занимает более 9 млн. кв. км. То есть это четвертая по величине в мире страна – после России, Канады и Китая. Население США около 250 млн. чел. США граничат с двумя странами – на севере с Канадой, на юге с Мексикой. Но единой территории на континенте США не имеют, потому что Канада отделяет основную часть США от расположенной на северо-западе материка Аляски, а Гавайские острова лежат и вовсе далеко к западу от Тихоокеанского побережья Калифорнии. Эта страна омывается тремя океанами и испытывает влияние каждого из них. По разнообразию естественных богатств США превосходят западно-европейские государства.

В настоящее время влияние США на различные аспекты существования современного мира велико, говорим ли мы о политических, экономических, культурных аспектах. Однако так было не всегда и США прошли длительный путь к тому, чтобы осуществлять это влияние, равно, как и не всегда США имели ту территорию, которую имеют в настоящее время. Пути и методы формирования современной территории США были разными – от покупки до экспансии. Это стремление к расширению территории было заложено уже в названии молодого государства, в XVIII в. протянувшегося лишь достаточно узкой полосой вдоль побережья Атлантического океана.

Прежде всего, нужно учитывать и то, какую упорную борьбу выдержали Англия, Франция, Голландия с Испанией и Португалией, желавших удержать монополию на открытый Х. Колумбом в конце XV в. Новый Свет. Открытия Х.

Колумба в XV в. возбудили внимание всех морских государств Европы, побуждаемых любовью к славе, честолюбием и корыстью. Со времени своего открытия Америка стала ареной борьбы между европейскими государствами, начавшими колонизацию Нового Света. Кроме Новой Испании, в Америке со временем возникли Новая Голландия, Новая Англия. Новая Франция, Русская Америка, Новая Швеция. Когда Испания в конце XVI в. стала слабеть, в сущности, осталось три претендента на мировое господство (торговое и колониальное) – Франция, Голландия, Англия.

Англия, усилившаяся после пуританской революции XVII в., смогла сокрушить морское, торговое и колониальное могущество Нидерландов, одного из своих главных соперников, и захватила ее колонии в Северной Америке. А в XVIII в. та же участь постигла и Францию, которая начала колонизацию Нового Света раньше Англии, в начале XVII в. (французы хотели найти свой путь в Китай и Индию, чему должна была послужить экспедиция Жака Картье в 1534 г.). Но в результате экспедиций Ж. Картье французы открыли реку и залив Св. Лаврентия и восточное побережье Канады.

В XVIII в. обострилось соперничество между Англией и Францией. Окончательную точку в этом соперничестве в Новом Свете поставила лишь Семилетняя война (1756-1763 гг.) , завершившаяся победой англичан -Канада полностью и целиком отошла к Англии, в обмен на возвращение Франции двух островов – Мартиники и Гваделупы. Так у англичан оказался сплошной массив колониальных владений – от Флориды до Канады. Но после Семилетней войны английское господство оказалось несовместимым с экономическими и политическими интересами разных социальных слоев, особенно верхнего класса колоний.

Участвовала в открытии нового континента и Россия – именно ей принадлежит слава открытия континента с востока, со стороны Азии. Начало этому процессу освоения было положено экспедицией С. Дежнева, который в 1648 г. открыл морской путь вокруг северо-восточной оконечности Азии и продолжено было в ходе Великой Сибирско-Тихоокеанской экспедиции, инициированной еще Петром I, под командованием В. Беринга и А. Чирикова, показавшей, что Азия не сошлась с Америкой, т. е. была установлена раздельность материков и пролив, их разделяющий, носит сегодня имя Беринга. Вплоть до 1867 г., когда был подписан договор о продаже Аляски, существовали русские владения в Северной Америке.

В ходе английской колонизации континента, а регулярная английская колонизация началась в начале XVII в. (не считая так называемую “потерянную колонию” У. Роли), индейские земли рассматривались как часть английских (потом – американских) владений. Инициатива изгнания индейцев с мест их исконного обитания исходила от белых поселенцев или от властей штатов и территорий.

Английские поселения к началу XVIII в. уходили вглубь континента на расстояние от 15 до 120 км. Но перед каждой границей этих поселений (фронтиром) стоял индейский фактор, тем более, что индейцы держали в руках горные перевалы и ущелья. Большую роль в заселении земель на фронтире сыграли фермеры-скваттеры, практиковавшие самовольный захват земли индейцев. В пределах каждой из английских колоний в Америке существовали две зоны – давно заселенная прибрежная полоса и недавно заселенный запад (передовые поселения колонистов), так называя “граница”, “фронтир”. Это слово “фронтир” в одно и то же время означало и фронт, и границу – границу поселений колонистов-пионеров, бывшую одновременно фронтом борьбы с соседями-индейцами. Поэтому войны с индейцами стали постоянным фактором американской жизни. Самой известной была так называемая война короля Филиппа в Новой Англии в 1675 г. В период с начала XVII в. и до 1763 г. колонисты, отодвигая границу, вытесняя индейцев,

продвинулись и заняли земли между линией водопадов и Аллеганскими горами.

В целом же политика в отношении индейцев, после провозглашения независимости США в ходе Войны за независимость, 1776 г., прошла несколько разных по своей сущности этапов. Первый этап (до 1830 г.) правительства США в целом продолжало политику Великобритании и колониальных губернаторов – отношения с индейцами, в основном, регулировались системой договоров с племенами. Однако продвижение поселенцев на Запад приводило к столкновениям с индейскими племенами, порой дело доходило до боевых действий, например, в 1794-1795 гг. индейцы потеряли значительную часть территории современного штата Огайо. В ходе второго этапа (1830-1883 гг.) политика федеральных властей была направлена на сегрегацию индейцев путем их перемещения на специально создаваемую индейскую территорию или в резервации. Третий этап, начавшийся в 1883 г., когда решением Верховного суда США индейцы были признаны гражданами США, продолжается и поныне. Этот период именуется периодом ассимиляции.

В течение своей ранней истории (1607-1776) США находились в колониальной зависимости от Англии. В ходе Войны за независимость (1775-1783), когда 13 восставших английских колоний вели борьбу за независимость, 4 июля 1776 г. была принята Декларация Независимости, фактическим автором которой был один из отцов-основателей Т. Джефферсон и по сути от даты принятия Декларации Независимости идет отсчет уже собственно истории США. Но Америка была потеряна для англичан лишь частично, ибо Канада не восстала, как на то рассчитывали американцы, и осталась за Англией. Провозглашение независимости означало, что бывшие колонии, а после провозглашения независимости – штаты - не признают демаркационной линии, проведенной в 1763 г. указом английского короля Георга III и запрещающей колонистам переселяться за Аллеганы. По Парижскому мирному договору 1783 г. между США и Англией, Англия вынуждена была признать независимость США и новые границы .

По сути это означало возможность для бывших колонистов двигаться с востока континента на запад. Но так как не все штаты (бывшие колонии) имели фиксированную западную границу, а значит, могли претендовать на территорию на западе, а у некоторых штатов географическое положение не позволяло расширяться, то было решено, еще в период существования Конфедерации, земли на западе считать достоянием (собственностью) всех штатов, которые можно продавать поселенцам. По существу это решение было подтверждено в 1787 г. принятием Северо-Западного Ордонанса, по которому земля была объявлена собственностью всего американского народа, национальным достоянием, на которой, по мере ее заселения, будут создаваться новые штаты. Там вводился принцип продажи земли гражданам США. Но эта земля могла продаваться только крупными участками и по высокой цене. Поэтому человек небогатый не мог себе купить участок земли. И американцы вплоть до Гражданской войны (1861-1865) вели борьбу за продажу земель мелкими участками (“движение за гомстед”). Это не было случайностью, ибо США были в конце XVIII в. одной из наиболее аграрных стран – отсюда и значение аграрного вопроса. По первой переписи населения, проведенной в 1790 г., лишь 3,3% жили в городах (правда, для более экономически развитого северо-востока, эта цифра составляла 10%). И массы американцев стремились к тому, чтобы получить свободный доступ к земле на западе.

К тому же по Версальскому миру 1783 г. Англия уступила США огромную территорию между Аллеганскими горами и рекой Миссисипи на западе, между Великими озерами на севере и Флоридой на юге. Эта уступка со стороны Англии открыла новую страницу в истории США – экспансию на Запад.

Договор США с Испанией (договор Пинкни), заключенный в 1795 г. , по

сути, дал США возможность широкого освоения Запада и означал первую стадию территориальной экспансии США и стал в сущности “заявкой” США на Луизиану. Этот договор, подписанный американским представителем в Испании Т. Пинкни урегулировал американо-испанские противоречия по вопросу о границе США с испанскими владениями – граница с Луизианой проходила по Миссисипи (западная граница США), а с Флоридой по 31 параллели -южная граница. Причем, по этому договору США предоставлялось право свободного судоходства по реке Миссисипи - по всей ее протяженности – от истока до океана. Кроме того, США предоставлялась возможность беспошлинного хранения товаров в порту Нового Орлеана (для дальнейшей их погрузки на океанские суда).

Заветы отца нации Дж. Вашингтона, известные как “Прощальное послание” и объявившего, что он не будет баллотироваться на третий срок и уходит на покой (1796 г.) надолго стали важнейшими принципами внешней политики США, по сути оно было политическим завещание Дж. Вашингтона. Два момента звучали в этом завещании - США не должны вмешиваться в европейские дела (отсюда берет начало американский изоляционизм), США должны оставаться нейтральным государством и воздерживаться от постоянных союзов с любой частью зарубежного мира, временные же союзы возможны лишь при чрезвычайных обстоятельствах. Акцент в “Прощальном послании” делался на развитии торговых отношений при минимально возможных политических связях.

Политически осуществления идеи “Запад” в дальнейшем было подкреплено победой на президентских выборах 1800 г. джефферсоновских республиканцев. Именно в президентство Т. Джефферсона началось ее осуществление. И связано это было с покупкой Луизианы у наполеоновской Франции в 1803 г. Луизиана всегда была яблоком раздора между европейскими державами, занимавшимися колонизацией нового континента. Время для решения вопроса американцами было выбрано удачно, ибо Франция потерпела неудачу в подавлении восстания на о. Гаити и у Наполеона I в этой связи пропал интерес к побережью Мексиканского залива. Хотя американцы хотели договориться с французами лишь о продаже Нового Орлеана, очень важного порта для американских фермеров и купцов, французское правительство предложило США купить всю Луизиану общей площадью более 2,6 млн. кв. км. всего за 15 млн. долл. (2,3 долл. за акр земли). Это была огромная территория, расположенная к западу от Миссисипи и простиравшаяся от Мексиканского залива до Канады, а на запад – до Скалистых гор.

И хотя лично Т. Джефферсон не афишировал свое участие в этой покупке, но считал ее важнейшим делом своей администрации. Территория США после этой сделки увеличилась почти в два раза. Так как в договоре с Францией формулировка о границах Луизианы была расплывчатой, то в США решили этим воспользоваться и включить Западную Флориду, принадлежавшую тогда Испании, в луизианскую покупку. Правда, произойдет это при другом представителе “виргинской династии” - Дж. Мэдисоне в 1810-1813 гг., когда Западная Флорида будет аннексирована. Вообще испанские владения в Новом Свете рассматривались американскими политиками, в том числе и Т. Джефферсоном, в качестве важного объекта колонизации.

В ходе дебатов о покупке Луизианы у правительства Т. Джефферсона созрела идея обследовать западные границы своих владений. С этой целью в 1804-1806 гг. была организована экспедиция под руководством капитанов М. Льюиса и У. Кларка, задачей которой было найти путь к Тихому океану, что и было сделано. Экспедиция продолжалась 28 месяцев, было пройдено более 12 тыс. км. в обе стороны. По сути, эта экспедиция заложила основание для американских претензий на Дальний Запад, прежде всего, на Орегон. Так в сущности начала реализовываться идея правящих кругов США о создании трансконтинентальной державы.

В 1807 г. по инициативе президента Т. Джефферсона были установлены дипломатические отношения между США и Россией, которым предшествовала переписка Александра I и Т. Джефферсона. Таким образом, с одной стороны, возможно, США были обеспокоены наличием на северо-американском континенте владений России (Аляска, Алеутские острова и форт Росс в Калифорнии), но, с другой стороны, вряд ли в начале XIX в. США и Россия видели друг в друге потенциальных соперников в сфере международных отношений.

Решение о присоединении Западной и Восточной Флориды происходит в течение двух президентств – президентства Дж. Мэдисона (1809-1817) и Дж. Монро (1817-1825). Необходимо отметить, что первая попытка США заявить о претензиях на испанскую Флориду произошла в 1803 г. на том основании, что она якобы является составной частью перешедшей в 1803 г. от Франции огромной территории Луизианы, т. е. была предпринята попытка включить Флориду в Луизианскую покупку. Она оказалась неудачной, однако в 1810 г. Западная Флорида была провозглашена проживавшими там американцами “свободной и независимой”, а в 1811 г. Конгресс США принял так называемую “резолюцию о непереходе”, в которой говорилось о том, что США не могут без серьезного беспокойства отнестись к переходу любой части Флориды в руки какой-либо иностранной державы. Однако, попытка США организовать “революцию” в Восточной Флориде успехом не увенчалась. Введенные туда американские войска в 1812 г. вынуждены были ее оставить – США в это время объявили войну Англии и правительство Дж. Мэдисона до поры, до времени решило не осложнять ситуацию. США были также озабочены тем, что испанская Флорида была убежищем для беглых рабов, там существовала коалиция негров и индейцев-семинолов против угнетателей и это было постоянным источником беспокойства для властей США.

После окончания войны с Англией (1812-1814(15) гг., которую американские историки не случайно назвали “второй войной за независимость”, и в которой в действительности США подтвердили свою независимость, они вновь обратились к вопросу о Восточной Флориде, но в решении этого вопроса акцент был сделан на переговорах с Испанией, дабы не ущемить ее гордость. Переговоры вплоть до 1818 г. не приносили результатов – они велись по трем вопросам - о Флориде, о разграничении на Западе, об удовлетворении различных претензий граждан США и Испании. А в 1818 г. генерал и будущий президент-экспансионист Э. Джексон направил письмо президенту Д. Монро, которое содержало предложение захватить восточную Флориду под предлогом преследования восставших индейцев-семинолов.

Как реагировало правительство США на агрессивный план генерала Э. Джексона. Здесь имеются два противоречащих друг другу свидетельства. Одно – это свидетельство Дж. Монро о его непричастности, другое – свидетельство Э. Джексона о согласии Дж. Монро, переданном через одного из членов Конгресса. И под предлогом преследования индейцев-семинолов, дававших приют бежавшим с плантаций рабам, в 1818 г. войска под руководством генерала Э. Джексона насильственно вторглись на испанскую территорию, что поставило правительство Дж. Монро в весьма щекотливое положение. Тем более, что и среди членов его администрации не было единой точки зрения на произошедшее. Но решающий голос в защиту действий Э. Джексона был голосом госсекретаря США Дж. К. Адамса, который заявил о том, что действия Э. Джексона не противоречили Конституции, ибо были оборонительными.

В такой сложной, в особенности для Испании обстановке (ибо восстали ее колонии в Южной Америке), начались американо-испанские переговоры, причем американские войска за две недели до подписания договора были выведены из Восточной Флориды. Результатом этих переговоров было подписание в 1819 г.

Договора о дружбе, урегулировании и границе – творцом его был государственный секретарь Д. К. Адамс. Этот договор, как правило, называют “Флоридским”, а содержание сводят к продаже Флориды США за 5 млн. долл. Но это упрощенный подход. Правильнее будет называть этот договор Трансконтинентальным договором – это название предложил американский историк А. Г. Брукс – внук Дж. К. Адамса), ибо в договоре шла речь о разграничении границы с Испанией не только на юго-востоке, но и в Техасе. По сути, этот договор был первым договорным признанием прав США на территорию вплоть до Тихого океана (граница была установлена по 42-й параллели).

Впоследствии и сам Дж. К. Адамс назвал этот договор самым важным моментом своей жизни. Будучи государственным секретарем Д. К. Адамс заявил в 1819 г., что пока в европейском сознании США не будут ассоциироваться с Северной Америкой, как с географической реальностью, любое наше усилие разуверить мир в наших честолюбивых замыслах лишь убедит всех в том,что мы лицемерим, скрывая свои истинные цели. Современный американский историк С. Ф. Бимис, оправдывающий экспансионистскую политику США и их стремление к мировому господству, назвал договор 1819 г. величайшей дипломатической победой, одержанной одним человеком во всей истории США.

В отношении к восставшим испанским колониям в Центральной и Южной Америке администрация Дж. Монро опять же под воздействием Дж. К. Адамса, достаточно четко выразила свои внешнеполитические принципы (“не плестись в хвосте за Англией”) путем провозглашения важнейшей своей внешнеполитической доктрины – доктрины Монро. Доктрина Монро явилась составной частью концепции “Американской системы”, сформулированной Генри Клеем и Дж. Куинси Адамсом в начале 1820-х гг., той ее части, которая касалась внешней политики. Впервые она была озвучена в послании Конгрессу президентом Дж. Монро 2 декабря 1823 г. В сущности это было практически первое (не считая так называемого “Прощального послания Дж. Вашингтона) систематическое изложение принципов поведения США на международной арене.

Главной идеей этого послания была идея о разделении мира на европейскую и американскую системы. В ней был выдвинут принцип, запрещающий дальнейшую колонизацию американского континента любой европейской державой. Молодая северо-американская нация очень ревниво относилась к сохранению и укреплению независимости, с одной стороны, с другой, она стремилась к расширению своих позиций как в Северной, так и в Южной Америке. Тем более, что Испанская колониальная империя переживала в это время кризис – ее южно-американские владения были охвачены национально-освободительной войной, а некоторые уже стали независимыми государствами. И авторы концепции “американской системы” полагали, что в эту систему постепенно войдет и Южная Америка, в особенности, в экономической области.

Таким образом, основными идеями доктрины Монро были идея невмешательства в европейские дела и идея запрета дальнейшей колонизации американского континента европейскими странами (в реальной политике провозглашенный доктриной принцип “неколонизации” стал инструментом создания сферы влияния самих США). В заключи тельной части этой доктрины говорилось о том, что могущество и благополучие США зависят от их дальнейшего продвижения на Запад, т. е. что это благополучие связано с экспансией.

Эта доктрина, провозглашенная в виде послания президента Дж. Монро Конгрессу США, не была оформлена как законодательный акт, что позволило в будущем в каждом конкретном случае приспосабливать эту доктрину к конкретной исторической ситуации. В будущем принципы этой доктрины использовались не для защиты стран Южной Америки, а против них, равно, как и против

Великобритании и других европейских стран, как конкурентов США в борьбе за влияние в Западном полушарии, в том числе и России. Действительно, в начале 1820-х гг. отношения между США и Россией вступили в стадию обострения, вызванного расширением границ США на Запад, к Тихому океану. В 1821 г. начались переговоры двух стран о пересмотре русско-американской границы в Северной Америке, которые продолжались более двух лет и в ходе которых США заявили о том, что что они будут оспаривать право России на любое территориальное владение на американском континенте. По сути, цель доктрины Монро, кроме всего прочего, состояла и в том, чтобы изгнать Россию из Америки. В соответствии с российско-американской конвенцией 1824 г., Россия передала США территорию, вплоть до современной южной границы Аляски.

Доктрина Монро обеспечила защиту политических и экономических интересов США в Западном полушарии. К этому времени, к 1820-м гг. границы США простирались от Атлантического до Тихого океана, а население страны выросло в сравнении с первой переписью 1790 г. с 4 млн. чел. до 12 млн. В 1830-е гг. в соответствии с принятым специальным законом при президенте Э. Джексоне о переселении индейцев последние переселялись на земли к западу от реки Миссисипи, не включенные в какой-либо штат или организованную территорию. На протяжении 1831-1839 гг. индейцы были переселены за Миссисипи на так называемую “индейскую территорию” по “Дороге слез”.

К 1840-м гг. на старом западе индейцев практически не осталось. Всего, согласно навязанным индейским племенам договорам, они уступили государству территорию в девять раз большую, чем они получили в пределах “индейской территории”. Именно при президенте Э. Джексоне (1829-1837), который был и идеологом и практиком экспансии, и который считал, что индейские территории должны быть заселены американцами, экспансионизм станет важной чертой американского массового сознания. Американцы видели в экспансионизме не только залог процветания страны, но и процветания себя самого. Именно нацеленность Э. Джексона на экспансию сделала этого президента популярным в массах. Конечно, не надо забывать и о его происхождении, это был первый американский президент, не принадлежащий по рождению к элите американского общества.

И хотя аннексия Техаса и Калифорнии произошла не в правление Э. Джексона, однако он всячески поощрял “освоение” Техаса американцами, которое усилилось после провозглашения независимости Мексики в 1821 г. По предложению президента Дж. Монро , конгресс США в 1822 г. признал независимость Мексики, имея далеко идущие плана. Не без давления США правительство этой молодой страны принимает в 1823 г. “ Закон о колонизации”, который предусматривал раздачу земли как мексиканцам, так и иностранным гражданам в случае, если они являются католиками.

Так в Техас, одну из слабо заселенных провинций Мексики, начался наплыв иммигрантов из США, которые принимали мексиканское подданство и католическую веру (фиктивно). В плодороднейших землях Техаса особенно были заинтересованы плантаторы юго-западных штатов, которые с 1820-х гг. начали систематическую и целенаправленную колонизацию Техаса. Тем более, что условия “Миссурийского компромисса” способствовали этой экспансии. Численность американцев в Техасе в результате значительно превысила численность коренного населения этой провинции (штата). Когда в 1827 г. Техас, как один из штатов Мексики, запретил рабство на своей территории , а в 1830 г. была запрещена и дальнейшая иммиграция из США, американская колонизация продолжилась нелегально.

В 1836 г. при поддержке американского правительства власть в Техасе

была захвачена американцами, провозгласившими “независимую республику” Техас - операцией руководил друг и протеже президента Э. Джексона генерал Сэм Хьюстон. “Независимость” Техаса, признали европейские государства – Англия, Франция, Нидерланды, наивно полагавшие, что “новая республика” станет барьером по пути дальнейшей экспансии США. Однако в правящих кругах США думали о будущем Техаса иначе. Северные штаты США, не желавшие распространения рабства и усиления тем самым рабовладельческого юга в Конгрессе США, противились присоединению Техаса. И президент Э. Джексон на это не решился и ограничился признанием независимости Техаса 3 марта 1837 г., а 4 марта 1837 г. вступил в должность президент М. Ван-Бюрен, второй джексоновец.

Юг думал и мечтал о Техасе, ибо экстенсивная система хозяйства в южных штатах при использовании труда рабов, быстро истощала землю. А Югу нужны были новые поля для хлопка, становившегося в это время “королем” юга. Кроме того, южные плантаторы считали, что из Техаса можно будет выкроить четыре рабовладельческих штата, стало быть, они смогут обеспечить себе перевес в сенате и сохранить таким образом свое политическое влияние и свою рабовладельческую систему.

В течение следующих 1837-1843 гг. Техас пытается через своих агентов добиться допущения в США. И президент Джон Тайлер 1 марта 1845, уходя со своего поста (4 марта 1845 г. вступал в должность Д. Полк, последний джексоновец, экспансионист, рабовладелец) подписал закон о принятии Техаса под юрисдикцию США. Это решение американских властей, оккупация Техаса войсками США во главе с генералом и будущим президентом З. Тейлором привели к войне между США и Мексикой, которая велась в 1846-1848 гг. и в которой Мексика потерпела сокрушительное поражение. По мирному договору 1848 г., известному как договор Гуаделупе-Идальго, побежденная Мексика вынуждена была уступить США не только Техас, но и Новую Мексику и Верхнюю Калифорнию. За смехотворную компенсацию в 15 млн. долл. Мексика уступила США до 55% своей территории, проживающее нам население было объявлено гражданами США а американо-мексиканская граница стала проходить по реке Рио-Гранде. С присоединением этой огромной территории, на которой в настоящее время находятся штаты Калифорния, Юта, Невада, Аризона, часть штатов Нью-Мексико, Колорадо и Вайоминг, опять встал вопрос о том, будут ли присоединенные территории рабовладельческими или свободными от рабства.

После победоносной войны с Мексикой, в которой оттачивали свое военное мастерство будущие генералы Гражданской войны, США ставят вопрос об Орегоне, огромной территории, приблизительно в 742 тысячи квадратных километров, на северо-западе американского континента, расположенной между Русской Америкой и Калифорнией, на востоке ограниченной Скалистыми горами, которая в то время была совместным владением США и Англии, и которая к этому времени уже активно заселялась американцами. Наплыв переселенцев в Орегон, особенно активный в 1840-е гг., заставил США и Англию начать переговоры о его статусе.

Орегонская проблема стала главной в экспансионистской программе президента Дж. Полка (1845-1849), требование его избирательной компании “возвратить Орегон США” помогло президенту Дж. Полку выиграть президентские выборы 1844 г. США основывали свои права на эту территорию на открытии реки Колумбии американским капитаном Греем в конце XVIII в., а также на фактическом заселении территории гражданами США, активно шедшем с 1830-х гг. Экспансионисты в США настаивали на том, чтобы Англия отказалась от своих прав на Орегон. Орегонская проблема была решена путем переговоров с Англией. В 1846 г. при президенте Дж. Полке между США и Англией был заключен договор,

по которому 49 градус северной широты стал границей между двумя странами - к США отходила территория к югу от 49 градуса северной широты, за исключением о. Ванкувер, включенного в состав Британской Колумбии.

Так США вышли на побережье Тихого океана. В борьбе за Орегон сторонниками американских имперских устремлений в 1845 г. была сформулирована концепция “предопределения судьбы”, обосновывающая право США на всю Северную Америку и ставшая в конце XIX в. американской экспансионистской доктриной. Авторы доктрины (в том числе, Дж. О”Салливан) высказывали убеждение в превосходстве американских политических институтов и в исключительной одаренности американцев. Эта доктрина о предопределенной свыше особой судьбы США и легла в основу оправданий всех территориальных приобретений, которые, как предшествовали ее провозглашению, так и следовали за ними. Доктрина оправдывала право США доминировать над любой частью Нового Света, которая входила в сферу их интересов - от Атлантического до Тихого океана На эту доктрину будут ссылаться и впоследствии - в оправдание империалистических претензий США на сферы влияния, рынки сбыта, источники сырья и за пределами США - в Азиатско-Тихоокеанском регионе, Центральной Америке, Кубе.

В Годы Гражданской войны и после ее окончания внешняя политика США формировалась и проводилась непосредственно государственным секретарем США У. Сьюардом (1861-1869), ибо ни президент А. Линкольн (1861-1865), ни президент Э. Джонсон в сущности не имели опыта внешнеполитической деятельности. Государственный секретарь У. Сьюард был убежденным экспансионистом в западном направлении и сторонником “доктрины Монро”, вся внешняя политика США в эти годы формировалась и направлялась непосредственно им. В первую очередь он руководствовался торгово-экономическими интересами и именно он предсказал, что борьба за власть над миром развернется в Азии (правда об этом вспомнили в конце XIX в.). Именно У. Сьюард оформил покупку Русской Америки - в марте 1867 г. У. Сьюард и российский посланник в США Э.А. Стекль подписали договор о продаже США Русской Америки за 7,2 млн. долларов золотом, общей площадью 1519 тыс. кв. км. Причем, США передавались все колониальные архивы, все недвижимое имущество, исторические документы. Местные жители либо могли остаться в США, либо в течение трех лет вернуться в Россию. Как в США, так и в России отношение к приобретению Аляски было неоднозначным. В США противники экспансионизма отнеслись к нему негативно, критиковали У. Сьюарда, находя много общего с тем, как это произошло с Техасом. Но, с другой стороны, более дальновидными оказались те, кто одобрил эту покупку.

Но не только приобретение Аляски было заслугой Сьюарда. В 1867 г. США аннексировали атолл Мидуэй, расположенный в Тихом океане, а в 1868 г. был подписан американо-китайский договор (договор Берлингейма, по фамилии американского представителя в Китае), по которому уточнялись американские права в Китае, регулировались вопросы двусторонней торговли, и разрешалась неограниченная китайская иммиграция в США. США таким образом делали заявку на АТР, но пока еще они не могли соперничать в этом регионе с ведущими европейскими державами. Китайские ученые считают, что вплоть до начала XX в. можно говорить о совместной агрессии США в Китае с ведущими державами.

Но колониальную экспансию США тормозили два фактора – ни по армейскому контингенту, ни по флоту (что еще более важно) США еще не могли конкурировать в конце XIX- начале XX в. с ведущими европейскими державами., к тому в самих США существовал обширный внутренний рынок и отнюдь не вся буржуазия была заинтересована во внешнеполитической экспансии. В силу этого США не могли в полной мере развернуть политику колониальных захватов на

других континентах в последней четверти XIX в.

США сосредоточили свои внешнеполитические усилия в странах Латинской Америки и в Тихоокеанском бассейне, стремясь, особенно в Латинской Америке ослабить позиции европейских государств. Здесь они по-прежнему руководствовались доктриной Монро, которая в конце XIX в. была подкреплена идеей пан-американизма.

Пан-американисты выдвинули тезис о единстве интересов государств Западного полушария, ссылаясь на географическое положение, взаимозависимость экономики, сходство исторических судеб и политических систем. Официальный Вашингтон стал поддерживать эту доктрину, ибо она стала удобной формой противодействия политике европейских держав, одним из способов борьбы США против Великобритании, являвшейся главной соперницей США в регионе. Вытеснение Великобритании с континента началось не в экономической, а в политической области созывом первой межамериканской конференции в Вашингтоне в 1889 г., результатом которой стало создание Международного союза американских республик в целях взаимного обмена экономической информацией. Ее постоянно действующая структура – Коммерческое бюро – размещалось в Вашингтоне (в 1910 г. Бюро было переименовано в Пан-американский союз). Так в сущности было поставлено под сомнение доминирующее положение Великобритании в Латинской Америке.

Идеологическое обоснование проникновению американских монополий в Латинскую Америку призвано было дать “дополнение Олни” (по имени госсекретаря США) , которое было адресовано Великобритании в связи с первым Венесуэльским конфликтом (1895-1896 гг). Формальным поводом для принятия “дополнения Олни” послужил спор между Венесуэлой, поддерживаемой США и Британской Гвианой, в пограничном районе между которыми были обнаружены золотые россыпи и обе стороны стали претендовать на них. США выступили в этом споре на стороне Венесуэлы (американские монополии к этому времени уже проникли в Венесуэлу) и США потребовали передать этот спор на арбитраж, заявив о том, что Великобритания, вмешиваясь в дела Венесуэлы, нарушает доктрину Монро. В действительности США были заинтересованы в концессии на земли Венесуэлы и в этом смысле ставшая предметом спора территория с золотыми россыпями в устье реки Ориноко, давала американским монополиям контроль над торговыми путями вглубь континента, т. е. имела для США стратегическое значение .

Это дополнение по сути означало истолкование доктрины Монро применительно к новым условиям развития – США заявляли о том, что именно они являются сувереном на континенте и поэтому отвергают любые формы контроля европейских государств в Латинской Америке. А Венесуэльский кризис был разрешен на американских условиях и Великобритания, заинтересованная в сотрудничестве с США в Китае против России и в связи с обострением англо-германских и англо-французских отношений по вопросу об африканских колониях, вынуждена была согласиться с этим пойти на уступки США.

По мере усиления экономического веса США, усиления американских корпораций, обостряется курс на захваты, а правительства США под их влиянием одобряют этот курс. Однако в конце XIX в. мир фактически уже оказался поделенным. Поэтому главной становится борьба за захват источников сырья и рынков сбыта, в которой США начинают активно участвовать. Здесь для них особенно привлекательными были богатый сырьем Китай и Корея. Но там были сильны позиции Великобритании и Японии. Поэтому в конце XIX в. США в своей политике применительно к АТР активно маневрировали, поддерживали агрессивный внешнеполитический курс Японии в Китае, стремясь с ее помощью

проникнуть на китайский рынок. Поэтому в сущности США и провозгласили курс на поддержку “японских интересов”. Япония, в свою очередь, пошла США на уступки в вопросе о Корее – три корейских порта, уже открытые для Японии, были открыты и для США, которым предоставлялся режим наибольшего благоприятствования. Так, не без поддержки Японии, США навязали Корее в 1882 г. неравноправный договор о дружбе и торговле.

А вскоре в Корею и в Китай хлынули американские миссионеры, много говорившие о необходимости распространения американской цивилизации в Азии. Именно они сыграли особую роль в практическом осуществлении внешнеполитического курса США.

Но тогда политика США, прежде всего, в отношении Китая определялась влиянием “европейского фактора”, ибо в отношения с Китаем США вступили позднее европейских держав. Поэтому, с одной стороны, США как бы “защищали “ китайские интересы, с другой, поддерживали Японию, рассчитывали с ее помощью проникнуть на китайский рынок. Если европейские государства вместе с Японией стремились разделить Китай на сферы влияния, США все более активно выдвигали лозунг “открытых дверей и равных возможностей” в Китае.

В период японо-китайской войны 1894-1895 гг. США стремились “защищать” интересы и той , и другой стороны, официально объявив о своем нейтралитете. Эта политика получила название “политики добрых услуг”, переросшей под влиянием экспансионистских кругов США в так называемую “дипломатию канонерок” (официально сохраняя нейтралитет США высадили свои войска в Корее, а значительная часть военно-морского флота США находилась у китайских берегов). После окончания этой войны корпоративный капитал США настаивал на том, чтобы правительство США обеспечило ему привилегии в Китае. Т. е. , в первую очередь, финансовые круги США начали активно участвовать в “битве за концессии” в Китае, хотя имели серьезных соперников в лице Англии, России, Франции, др. В 1899 г. США выступили с так называемой доктриной “открытых дверей и равных возможностей” (доктриной Хэя), рассчитывая с ее помощью овладеть китайским, прежде всего, рынком, без конфронтации с другими государствами.

Цель США в конце XIX в – это экономическое проникновение в Китай. Госсекретарь Д. Хэй, инициатор доктрины, считал главным противником США на Дальнем Востоке Россию, однако был готов согласиться с ее особыми правами в Северном Китае, если Россия признает доктрину “открытых дверей и равных возможностей”. Когда этого не произошло, Хэй стал сторонником жесткого курса США в отношении России, что проявилось в годы русско-японской войны 1904-1905 гг.

Пока по военно-морскому флоту США занимали пятое место в мире (после Великобритании, Франции, Германии, Италии, России), но именно в конце XIX в. США переходят к военно-морскому строительству – идеи маринизма находят поддержку и одобрение руководящих кругов страны – в 1883 г. Конгресс США принимает Акт о реконструкции флота на новой технической основе.

Теоретическое обоснование необходимости развития военно-морских сил было дано в трудах военно-морского деятеля, историка, контр-адмирала А. Мэхена, (его поддерживали и представители политических кругов США, например, влиятельный сенатор-республиканец Г. К. Лодж), который заявлял о том, что успешное развитие великой державы зависит от завоевания ею господства на морях, а главным вопросом международной политики считал борьбу за Китай, в которой, как полагал Мэхен, должны участвовать и США. Поэтому правящими кругами США уделялось большое внимание строительству флота, ибо в конце XIX в. у США еще не было опорных пунктов в Тихом Океане, которые вели бы в Китай.

Поэтому в планах стоял вопрос об овладении островами на путях из США в Китай и Японию. Хотя нужно отметить, что еще со времен гос. секретаря Д. Уэбстера (1850-52-х гг.) этот вопрос интересовал США. Здесь большое значение имело приобретение Гавайских островов. Еще в 1875 г. Гавайям был навязан неравноправный договор о товарообмене, однако в нем говорилось о том, что гавайские острова не должны принадлежать никакому другому государству. Договор был продлен в 1884 г., причем в нем оговаривалось исключительное право США на Перл-Харбор как военно-морскую базу. Политическое подчинение Гавайских островов стало лишь делом времени. В 1893 г. на Гавайях было установлено правительство, настроенное проамерикански (морская пехота США была высажена в Гонолулу), оно подписало с США соглашение, по которому Гавайи рассматривались в качестве составной части США. Против выступили английские доминионы. На законодательном уровне оформление фактической аннексии Гавайских островов произошло лишь в 1898 г. в ходе испано-американской войны при президенте У. Маккинли - в атмосфере разгула экспансионистских настроений в США Конгресс США провозгласил присоединение Гавайев к США на правах территории, статус штата Гавайи получили в 1959 г.

А раздел архипелага Самоа, (интерес к которому со стороны США был обусловлен географическим положением архипелага в южной части Тихого океана, в то время, как Гавайи находились в Северной части Тихого океана,) между США и Германией, когда после длительной дипломатической борьбы в 1899 г. США получили еще одну, после Гавайских островов, военно-морскую базу. Все это говорило о том, к началу XX в. экспансионистские устремления США, направились уже за пределы Нового Света – в Азию и к Тихоокеанским островам. Эти захваты стали заявкой США на создание собственной колониальной империи. Но мир уже, к началу XX в. был поделен.

Первой войной за передел уже поделенного мира была испано-американская война 1898 г., имевшая целью окончательно изгнать Испанию из Западного полушария. Преддверием этой войны стали освободительные движения в испанских владениях – Кубе и Филиппинах, и экономически и в военном отношении слабая Испания вынуждена была сосредоточить свои усилия за тысячи километров от метрополии - в Атлантическом и Тихом океанах.

Большое значение для определения позиции США в этих условиях были президентские выборы 1896 г., когда президентом был избран республиканец У. Маккинли, экспансионистски настроенный. Его правительство берет курс на войну с Испанией. Нагнетаемая в США военная истерия подогревается прессой . Ослабленная Испания была вынуждена предоставить Кубе и Пуэрто-Рико автономию, которую не признали ни Куба, ни США. Предлогом для военного вмешательства США в этот вопрос стали жестокость Испании в отношении кубинского населения. В действительности же речь шла в первую очередь об экономических интересах США, ибо к концу XIX в. коммерческие компании и банки США почти полностью контролировали две важнейших отрасли промышленности на Кубе – производство сахара-сырца и табачную промышленность, в то время как Испания стремилась не допустить на Кубу США.

Начало войны США против Испании ускорил взрыв американского броненосца “Мэн” в Гаване в феврале 1898 г. Виновницей взрыва США объявили Испанию, а девиз “помни Мэн” стал девизом сторонников войны с Испанией. Так испано-американская война стала неизбежной. В апреле 1898 г. президент У. Маккинли обратился к Конгрессу с призывом произвести насильственное умиротворение Кубы, после чего 20 апреля 1898 Конгресс признал независимость Кубы, заявил о необходимости вывода с острова испанских войск, и дал добро

президенту на использование военной силы. Причем, США официально заявили, что не намереваются аннексировать Кубу. По сути это был ультиматум Испании, который она отвергла. США же объявили о блокаде Кубы, в ответ Испания 23 апреля 1898 г. объявила войну США.

Дипломатические отношения между Испанией и США были разорваны. Конгресс США также заявил о состоянии войны с Испанией. Так началась война. И успех этой войны решил флот. И первый удар США нанесли испанскому флоту на Филиппинах в мае 1898 г., когда американская эскадра ворвалась в Манилу и пустила на дно находившийся там испанский флот, тем более, что на суше испанские войска были блокированы филиппинскими повстанцами. Для обеспечения операций в Тихом океане США заняли острова Уэйк и Гуам. Т. е. положение Испании стало безнадежным.

Летом 1898 г. на Кубе была блокирована испанская эскадра, а Куба оказалась таким образом полностью отрезанной от метрополии. При поддержке кубинской освободительной армии американцы начали высадку близ Сантьяго. В этих боевых действиях участвовал и будущий президент Т. Рузвельт, вернувшийся на родину в звании полковника и героя. В июле же 1898 г. американские войска начали оккупацию Пуэрто-Рико. Испанский гарнизон капитулировал. 22 июля 1898 г. Мадрид запросил мира. В августе при посредничестве Франции было заключено перемирие, а в декабре 1898 г. был подписан Парижский мирный договор, по условиям которого Испания отказывалась от своих прав на Кубу, США передавался Пуэрто-Рико и другие испанские острова в Вест-Индии, а также на о. Гуам (крупнейший из группы Марианских островов), гарнизон которого в ходе испано-американской войны сдался США. К США по условиям договора переходили и Филиппинские острова, правда, за них Испания получила компенсацию в 20 млн. долл. В договоре не говорилось о независимости Кубы и о том, как долго пробудут там американские войска.

Когда в США узнали об условиях Парижского мира 1898 г., многие американцы были удивлены – они полагали, что война ведется за свободу Кубы, но она оказалась оккупирована американским войсками. В результате часть американской интеллигенции создала так называемую Антиимпериалистическую лигу, объединившую около 500 тыс. американцев, принадлежащих к различным социальным слоям и выступившую с осуждением позиции США. Но Парижский мирный договор был ратифицирован Конгрессом США в феврале 1899 г. большинством в два голоса.

А независимость Кубы таким образом оказалось под вопросом. Тем более, что в 1901 г. Конгресс США принял так называемую “поправку Платта”, предложенную сенатором от штата Коннектикут. В соответствии с этой поправкой право контроля над внешней политикой Кубы принадлежало США, без согласия правительства США Куба не могла заключать договоры с иностранными государствами, брать у них займы, на территории Кубы создавались американские военно-морские базы. Войска США покинули Кубу, лишь когда на Кубе прошли в 1902 г. первые президентские выборы и президентом стал Эстрада Пальме, в котором США были уверены.

“Поправка Платта” вошла в силу после подписания договора США и Кубы в 1903 г., по которому США имели право на приобретение или аренду любой части кубинской территории для размещения на ней военных баз, в том числе США получили право на бессрочную аренду военно-морской базы в Гуантанамо, существующую и в настоящее время. Администрация президента Т. Рузвельта стремилась превратить Кубу в своего рода образцовый протекторат, который должен был стать примером для других латино-американских республик. На Кубе строились дороги, мосты, больницы, была проведена реорганизация системы

школьного образования. Системы местного самоуправления, судебной системы, проводилась в жизнь программа санитарного оздоровления. При этом в ответ на антиправительственные восстания на Кубе в 1906-1909 гг., 1912 г., 1917-1922 гг. фактически было установлено прямое управление США. Лишь в 1934 г. по договору между США и Кубой режим протектората был отменен.

Таким образом, в 1898 г. по результатам испано- американской войны США приобрели огромную колониальную империю, население которой превышало 8 млн. чел. Итоги этой войны вовлекали США в серьезный международный конфликт на Дальнем Востоке. США таким образом стремились стать самостоятельным игроком на мировой арене. К этому времени, к концу XIX – началу XX вв. по степени монополизации США значительно перегнали Европу, для которой в это время были характерны картели и синдикаты, объединяющие десятки относительно небольших предприятий. В США монополистический капитал миновал эту фазу.

Поэтому в США поведение монополий (тогда в виде трестов) было особенно беззастенчивым и внешнеполитический курс, как правило, проводился в угоду их интересам. То есть растущий экономический потенциал страны активно использовался для проведения в жизнь внешнеполитического курса, нацеленного на экспансию с помощью экономического влияния США и стало быть экономической зависимости от них других стран, что в особенности в это время проявилось в Латинской Америке, когда доллары выполняли роль штыков. США еще не могли в это время опереться на свою военную мощь. Эта политика получила название политики “большой дубинки”, дополняемой так называемой “дипломатией доллара”. Под финансовым протекторатом США оказались многие латино-американские государства в начале XX в. - Доминиканская республика, Гондурас, Никарагуа, др. То есть существовала видимость политической самостоятельности при экономическом господстве США.

Важным для осуществления экономического и политического влияния США являлось строительство канала между Атлантическим и Тихим океанами, что означало поворот США к мировым делам, к глобальной политике. Это будет связано с президентом Т. Рузвельтом (1901-1909 гг.), хотя интерес к этому США стали проявлять с конца 1870-х гг. Существовало два варианта строительства канала – через Никарагуа и через Панамский перешеек, т. е. через колумбийскую провинцию Панаму.

В 1903 г. США подписали договор с Колумбией, но сенат Колумбии отказался его ратифицировать. Тогда США пошли уже проверенным путем – путем экспансии. В Панаме в 1903 г. была инсценирована революция, провозглашена ее независимость от Колумбии, что признали США, подписав с новым государством – Панамой - договор о строительстве этого стратегически важного для США канала. По договору Панамская республика уступила США зону Панамского перешейка – под контролем США оказалась полоса шириной 10 км. После захвата зоны Панамского перешейка США стали рассматривать Карибский бассейн как свое внутреннее море. Президент Т. Рузвельт считал решение вопроса о строительстве Панамского канала высшим достижением своей внешней политики, которая применительно к странам Латинской Америки получила название “политики большой дубинки”, которая, когда это было необходимо, дополнялась “дипломатией доллара” при президенте У. Тафте, что не было случайностью, ибо опереться на достаточную военную мощь США пока не могли, хотя и прилагали усилия к ее росту.

В сущности, именно с президентом Т. Рузвельтом было связано и стремление США играть более значимую роль в мировой политике, учитывая их возрастающий экономический вес. В 1905 г. Т. Рузвельт выступил в качестве

посредника после окончания войны России с Японией при условии, то Япония будет придерживаться “политики открытых дверей в Китае” и эвакуирует свои войска из Маньчжурии. Мирные переговоры состоялись в г. Портсмуте, в штате Нью-Гемпшир, и по подписанному мирному договору Россия потеряла значительную часть своих территорий, включая Южный Сахалин. Т. Рузвельт “играл на японском поле”, рассчитывая с помощью Японии ослабить Россию и проникнуть в Китай, но в действительности в лице Японии США получили серьезного противника, хотя и не осознавали тогда этого. За свое “посредничество” в 1906 г. Т. Рузвельт получил Нобелевскую премию мира.

Таким образом в начале XX в. усилилось внимание США к Дальнему Востоку, которое подкреплялось, прежде всего, устремлениями американских корпораций. Отношение же США к Ближнему и Среднему Востоку было в начале XX в. сдержанным, ибо их внимание было поглощено Западным полушарием и Дальним Востоком. К тому же США не могли не осознавать, что столкнутся с соответствующей реакцией европейских государств. Но при этом, как это было и в случае с Дальним Востоком, в Турции, Персии, Сирии, Иране уже появились американские миссионеры, которые прокладывали путь для проникновения как американского влияния, так и американских корпораций. Можно согласиться с известным американским историком У. Кимболлом, который писал о том, что для всей американской внешней политики с начала XX в. характерен неуклонный рост вовлеченности США в мировые дела.

К этому времени – к концу XIX – началу XX века складывается идеология экспансионизма, которая имела в США глубокие истоки, начиная с колониального периода. В колониальный период преобладала теологическая трактовка, когда переселенцам из Европы Америка представлялась “Новым Ханааном”, а сами поселенцы считали, что они находятся под покровительством Бога. Отсюда и доктрина “американской исключительности”.

Начиная с Войны за независимость, провозгласившей принципы свободы и демократии, на первый план выдвинулась концепция политического “предопределения судьбы”. США в первой половине XIX в. были единственной буржуазной республикой и они полагали, что должны нести демократию в другие страны, ибо их политическая система отличается от европейской, стало быть, можно говорить и об “избранности” американского народа в целом. То есть речь шла о уникальности американской демократии, ее превосходстве над государственными системами Старого Света, именно американская демократия должна стать образцом для других стран.

В работах известных ученых конца XIX в. - Дж. Фиске и Дж. У. Барджеса - представителей англосаксонской школы в США - была предпринята попытка проследить происхождение и развитие американских политических институтов. Они писали о “тевтонском политическом наследии”, которое англосаксами в V в. было перенесено в Англию, а затем английскими пуританами в Америку. Дж. У. Барджес относил арийские народы к “политическим нациям”, а неарийские – к “неполитическим”. т. е. он говорил о превосходстве англосаксов, (которые, как он полагал, соединили идею государства со свободой), над другими народами. В сущности именно Дж. У. Барджесом, считающим, что государство должно расширяться за счет экспансии до достижения “естественных границ”, была сформулирована в конце XIX в. программа империалистической экспансии США, которую будут претворять в жизнь американские политики конца XIX – начала XX в.

Американский капитал, который вместе с экономической мощью обретал и политическое влияние не мог оставаться в стороне от процесса передела мира, который сулил серьезные прибыли участникам этого передела. В конце XIX –

начале XX в. запросы и экономические возможности американского государства стали перерастать национальные рамки. Началась внешнеполитическая и экономическая экспансия за пределами их границ, она продолжается и в настоящее время.

Для США исторически всегда была характерна вера в собственную избранность и предназначение распространять свои принципы в мире, что в результате привело, как считает российский американист В. В. Согрин, к созданию модернизированной империи, которая утверждала выгодный ей миропорядок с помощью различных стратегий, главной целью которых было установление экономического, политического, культурного влияния в различных странах мира без их территориального завоевания и без непосредственного политического управления. Эта нетрадиционная форма империализма, как считают и некоторые американские исследователи, была четко обозначена на рубеже XIX-XX вв., когда США стали претендовать на статус великой державы и стремились потеснить своих конкурентов, в качестве которых выступали империи старого света, в значительной степени , экономическими методами — преобладающей военной силы США тогда не имели.

Серьезным «дебютом» на международной арене явилась деятельность президента Т. В. Вильсона (1913-1921 гг.), который стремился превратить США в ведущую державу мира и многое сделал для того, чтобы участвовать в переделе сфер влияния, в соответствии с итогами Первой мировой войны. Хотя с началом Первой мировой войны президент Т. В. Вильсон говорил, что США будут оставаться нейтральным государством, и был избран президентом второй раз, в 1916 г., под лозунгом «...он удержал нас от войны». Но в действительности, в период так называемого «нейтралитета США»- 1914 - апрель 1917 г. - США участвовали в войне «косвенно», т. е. они в сущности участвовали в ней в форме экономической экспансии американского финансового капитала путем кредитования военных заказов, отдавая все же приоритет странам Антанты.

Свою задачу американские правящие круги, много говорившие о своем нейтралитете и своем «традиционном» изоляционизме», видели в том, чтобы извлечь из результатов войны как можно больше экономических и политических выгод для себя. А со вступлением в войну в апреле 1917 г. США в сущности уже заявляли о себе как о стране, стремившейся к тому, чтобы играть передовую роль в мировой политике, т. е. президент Т. В. Вильсон считал, что его страна готова рассматривать глобальные внешнеполитические проблемы

В самом деле, Первая мировая война дала США, также, как и Японии, шанс активно участвовать в переделе мира и оказывать влияние на формирование мировой политики. С другой стороны, финансовый капитал США волновался за судьбу своих капиталовложений на европейском континенте. Таким образом, не нейтралитет в войне — основа безопасности США, а «участие в наведении порядка в мире». Здесь Т. В. Вильсон был солидарен с президента-экспансионистом - Т. Рузвельтом, находившимся у власти (1901-1909 гг.).

Именно Т. В. Вильсон оказался тем президентом, который стремился к тому, чтобы возглавить прорыв США во внешний мир. Можно говорить о том, что контуры современной внешней политики США были разработаны администрацией президента Т. В. Вильсона в 1917-1920 -х гг., но претворятся в жизнь они будут гораздо позже, ибо Вильсон был не понят в собственной стране. Конгресс США отказался ратифицировать Версальский мирный договор 1919 г., подписанный президентом Вильсоном, что означало также и неучастие США в работе Лиги Наций — США, очевидно, не хотели брать на себя каких-бы то ни было обязательств в этой новой международной организации.

Начавшийся в связи с ратификацией Версальского мирного договора сенатом США конституционный конфликт «конгресс-президент», победу в котором одержал конгресс, не ратифицировавший Версальский мирный договор, подписанный президентом Т. В. Вильсоном, означал, что часть политической элиты страны считала, что Т. В. Вильсон добился недостаточных для усиления влияния США результатов на Парижской мирной конференции 1919 г.

А главное Вильсоном был крайне недоволен большой бизнес, который жаждал получить реальную выгоду для себя в складывающемся новом мировом порядке. Победа на президентских выборах 1920 г. республиканской партии означала, что внешняя политика Вильсона, так называемая политика «демократического интернационализма», и его внутренняя политика, политика «новой демократии» послевоенными США приняты не были.

В 1920-е гг., которые были периодом нахождения у власти в США республиканцев (1921-1933 гг.), США значительное внимание уделяют азиатскому вектору своей внешней политики, представлявшемуся правящим кругам США наиболее перспективным. Здесь, прежде всего, речь идет о Китае с его колоссальным рынком сбыта и неограниченными природными ресурсами. Уместно вспомнить американского госсекретаря конца XIX в. Дж. Хэйя, говорившего о том, что Средиземное море — это океан прошлого, Атлантический океан — океан настоящего, Тихий океан — океан будущего. США, еще, начиная с середины XIX в., стремились проникнуть в Японию, настаивали на установлении дипломатических отношений с последней, что и произошло под нажимом США в 1854 г. , когда Япония вынуждена была подписать неравноправный договор. Япония в это время рассматривалась США как промежуточная станция по пути в Китай, в развитии торговых отношений с которым США были тогда заинтересованы. Одновременно правящие круги США также осознавали стратегическое положение Японии, проникнув в которую можно будет контролировать Северо-Восточную Азию. Как противник тогда в середине XIX в. феодальная Япония правящими классами США не рассматривалась.

Однако, после «реставрации Мэйдзи» (1868 г.) Япония начала развивать свои вооруженные силы, перешла к агрессивной политике и победила в 1894-95 гг. в развязанной ею войне с Китаем, а затем и в русско-японской войне 1904-1905 гг. Это говорило о том, что Япония имеет собственные аппетиты и нацелена прежде всего на Китай с его богатыми сырьевыми ресурсами.

Экономическая основа современной американской империи была заложена в годы второй мировой войны, которая позволила США установить контроль над нефтяными ресурсами, ранее принадлежавшими другим империям, прежде всего, Британской империи.

Но в борьбе за Китай США неизбежно сталкиваются с Японией. Хотя во время Первой мировой войны Япония была союзницей Антанты, но между ней и США шла борьба, обострившаяся в начале 1920-х гг., в основе которой лежало стремление обеих стран укрепить собственные позиции в Китае.

Причем, еще президент Т. В. Вильсон рассматривал политику США в Китае как «политику открытых дверей» для интересов США в Китае. Но накануне Первой мировой войны и в ее ходе все же экономические преимущества в отношениях с Китаем имела Япония, а не США. Сами же США в годы, предшествующие Первой мировой войне, в особенности в 1910-1914 -е гг. были основным торговым партнером Японии. А с военной точки зрения тогда США и Япония рассматривали себя как возможных военных соперников. Поэтому и «21 требование Китаю», предъявленное Японией в 1915 г., в США было воспринято как прямая угроза политике «открытых дверей и равных возможностей», за которую они ратовали. В результате отношения между двумя странами резко ухудшились, и

эта тенденция продолжала усиливаться и после окончания Первой мировой войны, когда на Парижской мирной конференции США играли роль защитника интересов Китая. Эта тенденция со всей очевидностью проявилась и в ходе Вашингтонской конференции 1921-1922 гг., созванной по инициативе США, уже новой ее республиканской администрацией президента У. Гардинга.

Позиции США на этой конференции, которая была ими же и инициирована под лозунгом ограничения вооружений и посвящена Тихоокеанским и Дальневосточным вопросам, были в достаточной степени выигрышными. Хотя главными соперниками США в АТР выступали Япония и Великобритания, находившиеся в союзнических отношениях, однако срок их договора истекал в 1921 г., что не могли не учитывать правящие круги США. Япония, использовавшая Первую мировую войну для укрепления собственных позиций в Азиатско-Тихоокеанском регионе, выдвигает после войны лозунги «Азия - для азиатов», «Азия, руководимая Японией». То есть столкновение двух держав было неизбежным. Япония же была связана пролонгированным в 1911 г. договором с Великобританией (он к тому же в сущности разделял Китай на сферы влияния этих двух держав — Великобритании и Японии), и срок его истекал в 1921, чем и воспользовались США, созывая конференцию. Великобритания обладала на Тихом океане важными стратегическими и экономическими районами. Здесь находился ряд ее доминионов и владений. Здесь были Гонконг — британские ворота в Китай и Сингапур — закрывающий подступы к Индии и в Индийский океан.

Для Великобритании же Япония пока еще ее союзник, одновременно становилась и серьезным соперником. Великобритания с неудовольствием смотрела на проникновение Японии не только в Северный Китай, но и в сферу своего наибольшего влияния — долину реки Янцзы. Английские доминионы — Австралия, Новая Зеландия, Канада также были против усиления Японии в регионе. Вторым соперником в АТР (после Японии) для Англии после Первой мировой войны становились США, экономически усилившиеся в годы Первой мировой войны, претендовавшие на свою, особую роль в регионе. Не следует забывать о том, что Великобритания стала должником США после окончания войны, т. е. она была зависимой от США в финансовом плане.

Вместе с тем, говоря об усилении финансового влияния США после Первой Мировой войны, все же заметим, что промышленность США до Первой мировой войны почти на 90% работала на внутренний рынок, ибо прибыльно было вкладывать капиталы внутри страны. То есть, как говорил Ганс Моргентау, США отказывались от вложения капиталов за рубежом не потому, что были добродетельны, а потому что в их распоряжении в качестве объекта колонизации была лучшая часть континента (американского — С.Ш.).

К тому же США пока не могли ни по воинскому контингенту, ни по флоту соперничать тогда с ведущими европейскими державами. После окончания Первой мировой войны новая администрация президента У. Гардинга переносит свое внимание на АТР. США не намеревались примириться с усилением Японии в Китае, и в регионе в целом. И борьба США с Японией за преобладание в АТР вышла на совершенно новый виток и в сущности стала одной из актуальных проблем международных отношений в этот период.

Задачи, которые поставила перед собой американская дипломатия на Вашингтонской конференции, сводились к тому, чтобы обеспечить США руководящее положение в Китае, оттеснив своих конкурентов, в первую очередь Японию. США также рассчитывали добиться отказа Великобритании от господства на море, выдвинув лозунг ограничения морских вооружений и установления приемлемого для США соотношения военно-морского флота крупнейших морских держав. Все поставленные США задачи были выполнены американской

дипломатией на Вашингтонской конференции.

В сущности, именно 1920-е гг. стали временем усиления международных позиций США, что стало реальным в силу ослабления международных позиций других стран, в особенности Великобритании и Японии, а также в силу возросшего экономического потенциала самих Соединенных Штатов Америки. С начала 1920-х гг. США берут курс на экономическое, прежде всего, проникновение, используют свою финансовую мощь в качестве средства давления на политику западно-европейских стран, прежде всего Великобритании, в АТР такой державой — противовесом США - была Япония. Таким образом, применительно к АТР, американо-английские и американо-японские противоречия статут важнейшими противоречиями послевоенного мира.

Тем более, что Япония, усилившаяся в годы Первой мировой войны, навязавшая в 1915 так называемое «21 требование» Китаю, создавшая свою собственную тяжелую промышленность, выступила с претензиями на установление собственной гегемонии в Восточной Азии и в бассейне Тихого океана. США не намеревались с этим мириться. К тому же США были недовольны и получением Японии мандатов на Каролинские, Марианские и Маршалловы острова, а также на полуостров Шаньдун с первоклассным портом Циндао, до этого бывшими подмандатными территориями Германии. По статье 156 Версальского мирного договора 1919 г. Японии передавались все права и привилегии, которыми обладала Германия в этой китайской провинции.

Поэтому в самом начале работы Вашингтонской конференции 1921-1922 гг. США поставили вопрос об отказе Великобритании от союза с Японией. Причем, США, выдвигая подобное требование, учитывали расхождения между Великобританией и ее доминионами, что показала имперская конференция, состоявшаяся накануне Вашингтонской - Канада, Новая Зеландия, Австралия были против Японии настроены. Подписанный на конференции в декабре 1921 г. трактат четырех держав, хотя и гарантировал сроком на 10 лет, т. е. до 1931 г. «права» его участников (США,Великобритании, Японии,Франции) на островные владения и островные территории в бассейне Тихого океана, но главной статьей этого трактата была другая — он объявлял о ликвидации англо-японского союза. Англичане, правда, пытались подчеркнуть, что англо-японский договор 1911 г., направленный тогда против планов США в АТР, не аннулирован, а заменен трактатом четырех держав, для американце и японцев же было очевидно другое.

Подписание же трактата пяти держав в феврале 1922 г. — США, Великобритании, Японии, Франции, Италии- трактата об ограничении морских вооружений — было выгодно в первую очередь США, ибо трактатом устанавливалась предложенная американцами пропорция соотношения линейных флотов пяти держа в- 5:5:3:1,75:1,75. К тому же США настояли на ограничении водоизмещения крупного флота , не более 35 тыс. тонн., в то время, как Великобритания и Япония уже строили линкоры водоизмещением 45 тыс. тонн. Для США же была принципиально важно ограничить водоизмещение линкоров 35 тыс. тонн, ибо таким образом для них сохранялось стратегическое значение Панамского канала, через который легко было перебросить флот из Атлантического в Тихий океан , но по которому можно было проводить суда водоизмещением не более 35 тыс. тонн.

К тому же, на Вашингтонской конференции, в соответствии с трактатом пяти держав, Великобритания вынуждена была отказаться от принципа, согласно которому ее военно-морской флот должен был быть всегда равен соединенным флотам двух сильнейших после нее в мире морских держав. Таким образом, договор пяти держав также стал победой США, которые добились установления принципа равенства своего линейного флота с английским, а тоннаж японского флота

устанавливался на более низком уровне. То есть, США реально приступили к осуществлению идей А. Мэхэна (1840-1914) — завоевать превосходство на морях. Именно этот известный военно-морской деятель, сторонник превращения США в мировую империю, еще в конце XIX- начале XX в. писал о том, что развитие великой державы зависит от ее превосходства на морях, что военно-морской флот - это фактор политический, оказывающий важнейшее влияние на международные позиции той или иной страны, а главнейшим вопросом мировой политики считал борьбу за утверждение в Китае с его неограниченными возможностями.

Правда, попытка США на Вашингтонской конференции распространить эти пропорции на все другие категории военного-морского флота - крейсера и подводные лодки - потерпела неудачу. Великобритания, а вместе с ней и Франция выступили против . Вопрос о военно-морских базах был выделен особо — договор в этом вопросе установил статус-кво. Это означало запрещение создавать новые военно-морские базы в центральной и западной частях Тихого океана. К тому же США и Великобритания не могли иметь военно-морские базы на расстоянии ближе 5 тыс. км. от Японии. Таким образом, США лишались возможности укреплять Филиппины и о. Гуам, что должно было усилить американо-японские противоречия. Великобритания же сохраняло за собой право укреплять Сингапур, прикрывающий подходы к Индии, и с фланга — Австралию и Новую Зеландию, что, в свою очередь, усиливало англо-японские противоречия также. По сути трактат пяти держав (Вашингтонский договор), хотя и был договором, ограничивающим военно-морские вооружения, однако, он решил вопрос о перераспределении военно-морских сил, выдвигая США на первые роли.

США же на Вашингтонской конференции подняли и вопрос о Шаньдуньском полуострове, поскольку они были заинтересованы в вытеснении Японии из Китая и настояли на подписании японо-китайского соглашения, по которому Япония обязалась не позднее, чем через шесть месяцев (после его подписания) возвратить Китаю территорию Шаньдун и хотя японцам разрешалось участвовать в акционерных компаниях по эксплуатации собственности, передаваемой Китаю, это соглашение можно также рассматривать как, с одной стороны, победу США над Японией в их борьбе за Китай, с другой, как ревизию Версальского мирного договора.

США играли на этой конференции роль опекуна и защитника Китая от Японии. Поэтому подписание еще одного трактата — так называемого трактата девяти держав, по которому, с одной стороны, все подписавшие его государства обязались уважать суверенитет Китая, но с другой, они договорились соблюдать на территории Китая принцип открытых дверей и равных возможностей для торговли и промышленности всех наций на всей территории Китая. То есть в сущности, данным документом получил международное признание выдвинутый США еще в 1899 г. принцип «открытых дверей и равных возможностей» (так называемая доктрина Хэйя), который им наконец-то удалось осуществить применительно к Китаю, в то время, как существующий до этого англо-японский принцип разделения Китая на сферы влияния был серьезно поколеблен. Данный трактат можно рассматривать как направленный против, прежде всего, монопольного положения Японии в Китае, США же стремились обеспечить для себя более выгодные условия проникновения в Китай.

Таким образом, на Вашингтонской конференции произошла перегруппировка сил в АТР — распался англо-японский блок, направленный против США и было положено начало совместным выступлениям США и Великобритании против Японии. И хотя решения Вашингтонской конференции стали первой крупной дипломатической победой США после окончания первой мировой войны, значение ее не было однозначным.

Действительно, гарантами нового международного порядка в АТР становились США и Япония, а также Великобритания и, в меньшей степени, Франция. Но реально на положение дел все же больше влияла Япония. Ни одна региональная держава не смогла стать инструментом сдерживания японских аппетитов в Китае. Результаты Вашингтонской конференции по ограничению вооружений 1921-1922 гг. в сущности говорили, что США стремятся сопротивляться планам Японии.

Захват Японией Маньчжурии в 1931 г. и создание на ее территории марионеточного государства Маньчжоу-Го, которое стало плацдармом для завоевания Китая, с одной стороны, с другой, Япония захватом Маньчжурии как бы демонстрировала и направление своих будущих военных устремлений — СССР. Правительство США и правительства западно-европейских стран тешили себя надеждами, что экспансия Японии будет направлена не на юг, а на север, в то время, как, начиная с 1936 г., японские правящие круги готовились к войне на двух направлениях — северном и южном. В сущности США, как и западно-европейские страны, в начавшейся в 1937 г. войне Японии против Китая проводили политику мало, чем отличающуюся от политики умиротворения Германии, снабжая Японию стратегическими материалами и сырьем. Хотя существовал Акт о нейтралитете США, принятый Конгрессом в 1935 и дополненный в 1937 г. и ограничивающий экспорт военных материалов в воюющие страны, но он не запрещал вывоз стратегического сырья, чем и пользовались американские монополии, которые получали большую прибыль.

К тому же, к к началу 1930-х гг., казалось бы, существовали такие инструменты предотвращения войны, как Лига Наций, пакт Бриана-Келлога об отказе от войны, о неприменении силы в разрешении международных споров, который подписали и США, наряду с другими государствами в 1928 г. Инициатива подписания будущего пакта Бриана-Келлога исходила от Франции, озабоченной проблемами собственной безопасности и не имевшей по сути ни одного договора с великой державой. Франция предложила США заключить двусторонний договор о вечной дружбе, который запретил бы обращение в койне как к средству национальной политики, а Франция в результате получила бы политическую поддержку США. Но США не намеревались связывать себя какими бы то ни было конкретными соглашениями с Францией и предложили многосторонний пакт. Идея была подсказана профессором Колумбийского университета Дж. Т. Шотвеллом, автором многотомного труда, посвященного Первой мировой войне, который писал о том, что война между двумя экономически развитыми странами всегда перерастет в международный конфликт, т. е. ограниченные войны в индустриальную эпоху нереальны. В результате этот многосторонний Пакт Бриана-Келлога был подписан, но Япония в начале 1930-х гг. пренебрегла пактом им, т.е. порвала со всеми международными договоренностями, встав на путь агрессии, и выйдя в 1933 г. из Лиги Наций.

7 января 1932 г. США провозгласили так называемую «доктрину Стимсона» или «доктрину непризнания» японских захватов, в которой присутствовало моральное осуждение Японии за агрессию в Китае. Эта политика республиканской администрации была признана неправильной представителями администрации Ф. Д. Рузвельта, пришедшей в Белый Дом в марте 1933 г., ибо США оказались в опасной оппозиции к Японии. Маньчжурский кризис и рост антиамериканских настроений в Японии продемонстрировали США опасность вовлечения в действия, направленные против этой страны. Главной чертой внешней политики администрации Ф. Д. Рузвельта в АТР становится не защита американских интересов в Китае, не оказание ему помощи, а стремление избежать войны с Японией. И это было одной из причин, кроме сопутствующих экономических,

нормализации отношений с СССР, установления с ним дипломатических отношений в 1933 г., ибо часть правящих кругов, включая президента США Ф. Д. Рузвельта, государственного секретаря К. Хэлла, ближайших советников президента полагали, что это улучшит положение США в АТР, к тому же СССР рассматривался и как противовес Японии.

Таким образом, к началу 1930-х гг. в АТР стали складываться два очага потенциальных крупных конфликтов — на юге — между Японией и США с Великобританией, на севере — между Японией с Маньчжоу-Го против СССР. Первой ревизионистской державой стала Япония, хотя она рассматривалась как один из гарантов Вашингтонского порядка в АТР.

Формирование взглядов президента Ф.Д. Рузвельта по вопросам внешней политики происходило в период выхода США как великой державы на мировую арену. Ф.Д. Рузвельту, в отличие от его предшественников, а также следовавших за ним президентов, удалось избежать провалов во внешней политике. Еще в 1928 г. в журнале «Форин Афферс» появилась статья Ф. Д. Рузвельта, ставшая во многом внешнеполитическим манифестом демократической партии на президентских выборах 1932 г. В ней Ф. Д. Рузвельт отмечал, что с победой республиканцев на президентских выборах 1920 г. и нератификацией Версальского мирного договора, США сделали очень мало или ничего не сделали для решения проблем, с которыми столкнулось мировое сообщество, он считал неправильным отказ США от сотрудничества с Лигой Наций. Ф. Д. Рузвельт, как и Т. В. Вильсон, считал, что его страна должна играть активную роль в мировой политике.

Одним из важнейших шагов его администрации было установление дипломатических отношений с СССР в 1933 г. по инициативе администрации Ф.Д. Рузвельта, хотя и в СССР было встречное движение. Ибо для И. В. Сталина США не были врагом номер один, таковыми были скорее страны Антанты, к тому же И. В. Сталин осознавал, что индустриальный, финансовый центр находится в Новом Свете и также, как и США, был озабочен агрессивными устремлениями Японии. Произошло это в ноябре 1933 г.. когда советская делегация с наркомом М. М. Литвиновым прибыла в США. Лично президент Ф.Д Рузвельт всегда был сторонником конструктивного диалога с СССР, что доказала Вторая мировая война и сотрудничество США и СССР в рамках антигитлеровской коалиции, причем отношения с СССР в значительной степени строились при участии доверенных лиц президента, представителей его личной дипломатии.

Но в 1930-е гг., после установления с СССР дипломатических отношений, эти двусторонние отношения развития не получили, ибо США не хотели связывать себя какими бы то ни было соглашениями, ссылаясь на Закон о нейтралитете 1935 г., принятый по инициативе изоляционистской части Конгресса США. В результате диалог двух держав — США и СССР был свернут, по сути, не начавшись. Ф. Д. Рузвельт и его администрация не предприняли реальных шагов в плане обуздания нацистской Германии в 1930-е гг. Однако после отказа США от политики нейтралитета,, которую, впрочем, похоронило окончательно лишь нападение Японии на США, принятия ими билля о ленд-лизе в марте 1941 г., (или, как его называли изоляционисты, «билля о необъявленной войне»), их участие в антигитлеровской коалиции — все это говорило об изменении взглядов президента Ф. Д. Рузвельта, осознавшего новую роль и собственной страны в послевоенном мире, и все возрастающую роль СССР в будущем послевоенном мире, особенно после коренного перелома в ходе Второй мировой войны

Новым в политике администрации Ф.Д. Рузвельта было изменение политики США в отношении государств Латинской Америки, в отношении которых им была провозглашена политика «доброго соседа». На первый план в отношении государств Латинской Америки выдвигались методы экономические, финансовые,

культурные, а не военные. То есть Ф. Д. Рузвельт меняет тактику в отношении стран Латинской Америки, а с приближением Второй мировой войны стремится к тому, чтобы сплотить государства континента на антияпонской и антигерманской основе под эгидой США, являясь инициатором созыва Панамериканских конференций.

Особое место в политике «доброго соседа» заняла панамериканская конференция в Буэнос-Айресе (Аргентина) в 1936, на которую Ф. Д. Рузвельт прибыл лично. Конференция приняла протокол о невмешательстве, запрещающий интервенцию в прямой и косвенной форме. Впервые на этой конференции была одобрена идея взаимопомощи американских государств. То есть в Буэнос-Айресе концепция «добрососедства» была дополнена новыми элементами. Документы Панамериканских конференций, в частности, Панамериканской конференции в Лиме (Перу), состоявшейся в декабре 1938 г. , после конференции в Мюнхене, предрешившей судьбу Чехословакии, имею в виду Лимскую Декларацию или Декларацию принципов межамериканской солидарности, были проникнуты антифашистским духом. А подписавшие Лимскую Декларацию страны заявили о своей континентальной солидарности, о решимости защищаться от иностранного вмешательства и о координации действий в случае опасности. По существу был создан региональный блок американских государств под эгидой США. После начала Второй мировой войны в 1939 г. в системе панамериканского союза появился новый внешнеполитический орган — консультативное совещание министров иностранных дел. Первое совещание прошло в сентябре 1939 г. в Панаме — оно приняло общую Декларацию о нейтралитете в войне государств американского континента, для чего был создан Межамериканский комитет по нейтралитету с местопребыванием в Рио-де-Жанейро. Вторым важным документом была Панамская декларация о создании так называемой зоны безопасности вокруг американского континента — с тем, чтобы не допустить войну в Новый свет и исключить экономическое присутствие Германии на континенте.

В своей европейской политике администрация Ф.Д Рузвельта руководствовалась Принятию Актом о нейтралитете в 1935 г. принятию которого предшествовала борьба в Конгрессе между изоляционистами (националистами) и так называемыми интернационалистами, в результате которой на принятие закона значительное влияние оказало изоляционистское крыло Конгресса, считающее, что США должны сохранять свободу рук и не вступать в военно-политические союзы с европейскими странами. Изоляционисты (националисты) выдвигали лозунг «нейтралитета» США в возможном военном конфликте в Европе или где бы то ни было. Гражданам США запрещалось принимать участие в зарубежных конфликтах, закон также исключал вступление США в военный конфликт с другими странами и предусматривал эмбарго на вывоз оружия и снаряжения странам, находящимся в состоянии войны.

Значительная часть американских исследователей рассматривает изоляционизм как проявление национализма, читайте — американизма в области внешней политики, ибо США должны заботиться о себе, не считаясь с тем, что происходит в остальном мире. Франклин Д. Рузвельт в течение двух своих первых президентских сроков в сущности избрал тактику балансирования между изоляционистским и «интернационалистским» подходами в международных отношениях. В годы, предшествующие второй мировой войне в США особое значение приобрел тезис об ошибочности вступления США в первую мировую войну. И ФДР учитывал не только взгляды изоляционистской оппозиции, но и результаты опросов общественного мнения. В течение 1935-1937 гг. большинство опрашиваемых выступали за неучастие США в международных конфликтах и говорили об ошибочности политики 1917 г., т. е. политики Т. В. Вильсона. Опыт

Вильсона также убедил ФДР в том, что для смелой внешней политики нужна твердая поддержка внутри страны. И вплоть до октября 1937 г., до «карантинной речи» в Чикаго, вызвавшей сильный протест и непонимание, существовало определенное согласие между администрацией Ф. Д. Рузвельта, включая госсекретаря К. Хэлла, и изоляционистским крылом Конгресса по внешнеполитическим вопросам.

На сознание, как рядовых американцев, так и законодателей, оказали влияние события 1938 г., главным из которых был чехословацкий (судето-немецкий) кризис, который убедил американцев в неэффективности гарантий европейских демократий (Великобритании и Франции), они также убедились в агрессивных устремлениях Германии и осознали необходимость увеличения собственных военных ассигнований. Обострились и американо-японские отношения, особенно после вторжения японской армии в Китай в 1937 г. Формально война не была объявлена, т. е. Китай в США не рассматривался в качестве воюющей стороны. Поэтому США стали поставлять в Китай оружие, стремясь не допустить усиления Японии. В результате торговые и финансовые отношения с Японией были прерваны.

На протяжении от начала Второй мировой войны до нападения Японии на США шел процесс отхода от Закона о нейтралитете. В сентябре 1939 г. по инициативе Ф. Д. Рузвельта Конгресс принял поправку к этому закону, а именно, был снят запрет на продажу и экспорт оружия дружественным США странам, вводился так называемый принцип «cash and carry» - «плати и увози» - плати наличными и увози на своих судах. Это еще сохраняло видимость нейтралитета. Следующим шагом было принятие Конгрессом билля о ленд-лизе в марте 1941 г. или билля о содействии обороне США- по сути это была программа предоставления экономической и военной помощи странам, ведущим войну со странами «оси», если оборона данных стран от агрессии признавалась жизненно важной для обороны США. Закон о ленд-лизе давал США возможность принимать участие в войне «малыми жертвами».

Но так было лишь до нападение Японии на на американскую военно-морскую базу Перл-Харбор 7 декаСША, ибо оно окончательно похоронило Закон о нейтралитете США нападение Японии на американскую военно-морскую базу Перл-Харбор 7 декабря 1941 г., в результате которого была уничтожена значительная часть Тихоокеанского флота США. 8 декабря 1941 США объявили, что находятся в состоянии войны с Японией. Союзники Японии — Германия и Италия 11 декабря 1941 г. объявили войну США. Так США вступили во Вторую мировую войну.

Уже в условиях идущей Второй мировой войны, Франклин Делано Рузвельт был избран президентом США в третий раз в 1940 г.- вопреки существующей в стране традиции. Он был одним из первых лидеров западного мира, который откликнулся на нападение Германии на СССР, предложив СССР помощь. Но и после создания антигитлеровской коалиции, Ф.Д. Рузвельт занимал выжидательную позицию, прежде всего, в вопросе об открытии Второго фронта, да и в других вопросах. К тому же, в США было немало и таких политиков, которые рассматривали войну Германии и СССР как своего рода средство ослабления обеих сторон, ибо от этого выиграли бы США. Эту точку зрения разделял и сенатор Г. Трумэн - именно он станет вице-президентом в ходе четвертой президентской компании Ф. Д. Рузвельта., а после смерти ФДР в апреле 1945 г. - президентом США, и другие политики, включая первого посла США в СССР — У. Буллита.

С Великобританией же США связывали особые отношения — поэтому и совместные военные операции и политические решения, прежде всего принимались, на созданном ими комитете объединенных начальников штабов. Только после разгрома немецких войск под Сталинградом, а потом и на Курской духе, в США

осознали, что СССР станет одной из главных держав послевоенного мира, с которой нельзя будет не считаться. Лишь на Тегеранской конференции 28 ноября-1 декабря 1943 на вопрос об открытии второго фронта будет дан почти определенный ответ — весна 1944 г. В то же время, как И.В. Сталин дал в Тегеране устное обещание Ф.Д. Рузвельту вступить в войну с Японией - через три месяца после капитуляции Германии. А Ф. Д. Рузвельт согласился на возвращение СССР Курильских островов и южной части о. Сахалин. В Ялте, в 1945 г. на второй встрече большой тройки, данные договоренности были оформлены.

Перед странами антигитлеровской коалиции стояла сложная задача не допустить, чтобы будущая международная организация (ООН), вопрос о создании которой был одним из наиболее значимых в отношениях держав, ведущих войну с нацизмом, превратилась в новую Лигу Наций. С другой стороны, внутри антигитлеровской коалиции, равно, как и внутри правящих классов стран, в эту коалицию входящих, в течение достаточно длительного времени не было единой точки зрения. Президент США, Ф.Д. Рузвельт первоначально склонялся к точке зрения У. Черчилля о необходимости создания не одной международной организации, а нескольких региональных — в Европе, Америке, на Дальнем Востоке, но постепенно он отошел от регионализма в сторону универсалистских идей. Сторонником этих идей был и государственный секретарь К. Хэлл, в отличие от своего заместителя С. Уэллеса.

В политическом мышлении Ф.Д. Рузвельта идея создания ООН занимала важное место. В свое время, в 1920-е гг. он, как и тогдашний президент Т.В. Вильсон, находился в числе сторонников Лиги Наций, осознавая необходимость участия США в международных делах. Как политик-прагматик, Ф.Д. Рузвельт осознавал необходимость участия США в Лиге Наций, ибо в противном случае, считал он, в ней будут главенствовать европейские страны, Англия и Франция, в первую очередь. Однако, в 1930-е гг., когда изоляционистские настроения в США усилились, в особенности, в ходе своей президентской компании 1932 г., ФДР мало затрагивал вопросы международного сотрудничества, тем более, что Лига Наций доказала к этому времени свою малоэффективность — главными тогда для будущего президента были вопросы внутриполитические.

С началом Второй мировой войны распоряжением Ф. Д. Рузвельта в конце 1939 г. был дан старт работам по послевоенному планированию, об этом говорилось и в его обращении к Конгрессу 6 января 1941 г., имею в виду его речь «о четырех свободах». Его концепция четырех свобод, на которых должен основываться будущий мир - это свобода слова и самовыражения, свобода вероисповедания, свобода от нужды и свобода от страха, и стала, в сущности, отправной точкой для послевоенного планирования Ф.Д. Рузвельта.

Из всех проблем послевоенного мира проблема международной организации занимала в планах Ф.Д. Рузвельта приоритетное место. Он возлагал надежды на создаваемую ООН, которая, как он полагал, должна быть способна поддерживать прочный мир, если необходимо, с помощью силы.

В октябре 1941 г. Ф.Д. Рузвельт, осознавая необходимость планирования будущего устройства мира (после окончания войны), обсудил со своими ближайшими советниками — госсекретарем К. Хэллом и его заместителем С. Уэллесом вопрос о необходимости учреждения консультативного комитета по послевоенной внешней политике, в который должны были войти не только представители Госдепартамента, но и специалисты по внешнеполитическим вопросам, экономисты, юристы, журналисты, что и было сделано. Возглавил комитет К. Хэлл. Именно К. Хэлл будет назван впоследствии Ф.Д. Рузвельтом «отцом ООН». В рамках комитета была создана группа во главе с С. Уэллесом по разработке планов создания ООН, которая летом 1942 г. превратилась специальный

подкомитет, занимавшийся исключительно вопросом создания ООН. В него вошли и представители сената, как демократы, так и республиканцы, т. е. он был создан на двухпартийной основе, ибо К. Хэлл осознавал необходимость поддержки конгресса в столь важном вопросе, как создание ООН.

По просьбе К. Хэлла в рамках сената был также создан комитет для изучения вопросов, связанных с созданием ООН. Ключевой фигурой в этом сенатском комитете был сенатор-республиканец А. Вандерберг, который к этому времени отошел от изоляционизма, активным сторонником которого он был прежде и который в годы Второй мировой войны осуществлял связь между изоляционистами (националистами) и интернационалистами, осознавая необходимость участия США в деятельности ООН. Хотя в действительности, взгляды А. Вандерберга, как считает один из отечественных исследователей В.Т. Юнгблюд, были своего рода новой версией изоляционизма — изоляционизма без изоляции, ибо в действительности он отстаивал право США на односторонние действия.

В целом деятельность президента Ф.Д. Рузвельта, госсекретаря К. Хэлла, а потом и сменившего его в 1944 г. Э. Стеттиниуса, сенатского комитета, а также общественных организаций привели к тому, что к весне 1945 г. и большинство населения страны поддержало планы администрации по созданию ООН. Окончательно все основные спорные вопросы о процедуре голосования в Совете Безопасности ООН и о первоначальном членстве были согласованы в переписке Франклина Д. Рузвельта и И. В. Сталина в промежутке между конференцией в Думбартон-Оксе, подготовившей Устав ООН, и Ялтинской конференцией. На открывшейся 25 апреля 1945 г. (уже после смерти Ф.Д. Рузвельта) конференции ООН в Сан-Франциско, был принят Устав ООН.

На состоявшейся в Потсдаме, после безоговорочной капитуляции Германии, последней встрече «большой тройки», где вместо скончавшегося 12 апреля 1945 г. Ф. Д. Рузвельта присутствовал новый президент США — Г. Трумэн, а У. Черчилля, уже в ходе Потсдамской конференции сменил новый премьер К. Эттли, были согласованы ключевые вопросы послевоенного устройства мира и подведены итоги Второй мировой войны. 26 июля 1945 г., в ходе работы этой конференции Японии была предъявлена Потсдамская декларация, (еще до вступления СССР в войну с Японией), фактически ультиматум, настаивающий на ее безоговорочной капитуляции и не оговаривающий положение японского императора.

В конце Второй мировой войны США были сильны и уверены в себе как никогда. В некоторой степени этим объяснялось и решение президента Г. Трумэна об атомных бомбардировках японских городов Хиросимы и Нагасаки. В действительности — это не диктовалось военной необходимостью, что признавали и генерал Д. Макартур и адмирал У. Лэги и другие крупные военачальники. Прежде всего, это была демонстрация силы перед своим союзником по второй мировой войне — СССР. Здесь США имели определенную политическую цель — не допустить своего союзника СССР в АТР, с тем, чтобы именно США сыграли доминирующую роль в мирном урегулировании проблем этого региона. То есть, вероятно, президент Г. Трумэн рассчитывал добиться капитуляции Японии именно до вступления в войну СССР, чтобы именно США имели исключительное право в решении проблем АТР. К тому же, некоторые американские политики считали, что это необходимо для утверждения исключительного положения США в послевоенном мире.

Вторая половина 1940-х гг. прошла под знаком формирования двухполюсного мирового порядка в условиях начавшейся «холодной войны». Одним из тяжелых поражений США стала потеря Китая, в котором в 1949 г.

гражданская война завершилась победой китайских коммунистов. США провозгласили в 1947 г. так называемую «доктрину Трумэна» или «доктрину сдерживания коммунизма», фактическим автором которой был Джордж Кеннан, находившийся в 1944-1946 гг. в Москве в качестве сотрудника посольства США.

Именно он в своей так называемой «длинной телеграмме» в Госдепартамент, опубликованной в качестве статьи в 1947 г. в журнале «Foreign Affairs» под названием «Истоки советского поведения», сформулировал основы будущей доктрины сдерживания коммунизма и предпринял усилия по их реализации на практике. В ней СССР предстает как главный враг США. Дж. Кеннан призывает в телеграмме западный мир сплотиться перед лицом советской угрозы. Вскоре он становится главой отдела политического планирования Госдепартамента США (1947-1949 гг.) и оказывает непосредственное влияние на принятие внешнеполитических решений.

Следующим шагом в практическом осуществлении стратегии сдерживания стал «План Маршалла» или, как его еще называли, «Континентальный план» , когда Конгресс США в апреле 1948 г. принял Закон № 472 о помощи иностранным государствам. Он принимался в обстановке Берлинского кризиса 1948 г. В сущности, план сводился к следующим целям — в политическом плане — к созданию военно-политического блока из числа присоединившихся к нему западных стран, в экономическом — к использованию финансовой зависимости европейских стран от США для проникновения на европейские рынки американских товаров и капиталов.

«План Маршалла» подготовил экономическую базу для создания военно-политического блока западно-европейских стран и США - североатлантического пакта (НАТО), когда в апреле 1949 г. в Вашингтоне 12 стран подписали договор о его создании. Главная цель создания пакта — это «атлантизация» Западной Европы, и ее изоляция от восточной части континента, находившейся в сфере советского влияния.

В современной зарубежной исторической науке существует несколько направлений в изучении «холодной войны». Такие историки, как Г. Файс, А. Шлезингер-мл., и другие историки-традиционалисты одобряли политику президента Г. Трумэна и считали, что она отвечает национальным интересам США. А историки-ревизионисты, такие как В. Вильямс и др. считали, что политика сдерживания является предвзятой и направлена на установление американской мировой гегемонии. Среди историков-постревизионистов выделяются труды Дж. Л. Гэддиса, который определял «доктрину сдерживания» как направленную на поддержание баланса сил невоенными методами.

Наиболее сложный период «холодной войны» приходится на президентство Гарри Трумэна (1945-1953 гг.), которая по мнению некоторых историков стала дуэлью между Трумэном и Сталиным. Обычно историки, говоря о начале «холодной войны» ссылаются на речи И.В. Сталина от 6 февраля 1946 г. и речи У. Черчилля «о железном занавесе» в Фултоне от 5 марта 1946 г.

Действительно, после окончания Второй мировой войны лидеры США и СССР считали, что их государства должны быть настолько сильными, чтобы никто не мог напасть на них снова. США были единственной страной, которая за годы войны усилилась в экономическом и военном отношении. Основные экономические блага от участия в войне пришлись на долю большого бизнеса — именно он, в первую очередь, сотрудничал с Пентагоном (около 70 % правительственных контрактов пришлись на долю крупных корпораций)— в результате получился тесный альянс, ставший позднее называться военно-промышленным комплексом. Армия США была самой многочисленной и сильной в капиталистическом мире. К тому же вплоть до 1949 г. США обладали монополией на атомное оружие.

Эпоха Ф. Д. Рузвельта была названа пришедшими к власти в 1952 г. республиканцами «двенадцатью годами государственной измены». Республиканцы рвались к власти под девизом «настало время для перемен», и в 1952 г. в лице президента Д. Эйзенхауэра, они пришли к власти. Именно в годы его президентства получила дальнейшее развитие концепция «американского века», которую можно рассматривать в качестве развития концепции «предначертания судьбы». Еще в 1941 г. в передовой статье журнала «Лайф» известный американский издатель журналов «Тайм», «Лайф» Генри Люс выдвинул концепцию «американского века». Он писал о том, что именно США являются самым мощным и жизнеспособным государством для того, чтобы управлять миром во имя тех целей, которые считают важными для себя и делать это они могут такими средствами, какие найдут нужными.

Сторонники этой концепции во главе с Г. Люсом сыграли важную роль в победе Д. Эйзенхауэра на выборах 1952 г. Эти выборы проходили под лозунгами отказа США от всех соглашений, которые были заключены администрацией Ф. Д. Рузвельта на Ялтинской (Крымской) конференции, много говорилось о том, что США должны стремиться к восстановлению независимости порабощенных народов. Но в действительности, например, по мере ослабления позиций Франции в Индокитае, американские стратеги, прибегнув к «теории домино», считали, что именно США должны принять руководство этим районом. Одним из шагов, было создание в 1954 г. блока СЕАТО, который оказывал поддержку марионеточному правительству Южного Вьетнама во главе с Нго Динь Дьемом. Внешнеполитический курс администрации Д. Эйзенхауэра практически во всем определялся опытным дипломатом Дж. Ф. Даллесом, занимавшим пост государственного секретаря до 1958 г. и как правило находившимся на правом крыле американского политического спектра. Именно Д. Ф. Даллес явился автором доктрины «освобождения» или «отбрасывания коммунизма», считая чрезвычайно важным вовлечение Западной Германии в военный блок под началом Вашингтона, что и произошло в 1955 г. - ФРГ стала членом НАТО. Действительно, период с середины 1950-х гг. знаменовался созданием новых блоков под эгидой США не только в Европе, но и в Азии.

Основную свою задачу Дж. Ф. Даллес видел в том, чтобы найти путь, с помощью которого США смогут контролировать стратегический Ближний Восток с его запасами нефти. В 1957 г., после арабо-израильской войны, конгрессом США была официально провозглашена доктрина Эйзенхауэра-Даллеса, разрешавшая США использовать военную силу на Ближнем и Среднем Востоке . Таким образом, от политики «сдерживания мирового коммунизма», которой придерживалась администрация Г. Трумэна, администрация Д. Эйзенхауэра перешла к политике «балансирования на грани войны». Лишь после смерти Дж. Ф. Даллеса в 1959 г. президент Д. Эйзенхауэр сделал заявление о возможности переговоров между Западом и Востоком, с тем, чтобы обсудить проблемы гонки вооружений — Москву в 1959 г. посетил вице-президент Р. Никсон, и в 1959 же году Н.С. Хрущев прибыл в Нью-Йорк для участия в работе ООН. В ходе этого неофициального визита в Кэмп-Дэвиде состоялись переговоры лидеров двух стран. Однако намечавшаяся встреча на высшем уровне в Париже не состоялась из-за начавшегося скандала, связанного с нарушением советского воздушного пространства американским самолетом-шпионом У-2. По сути основой внешней политики администрации Д. Эйзенхауэра в течение двух его президентских сроков оставалась концепция неизбежности атомной войны с СССР.

Демократическая партия, пришедшая к власти во главе с президентом Дж. Ф. Кеннеди в 1961 г.,в своих предвыборных речах много говорившим о политике «новых рубежей», об исторической миссии США вести за собой остальной мир,

меняет внешнеполитическую стратегию США. Дж. Кеннеди отказался от политики «балансирования на грани войны», на вооружение была взята стратегия «гибкого реагирования», которая стала официальной стратегией НАТО. Особое внимание его администрацией было уделено странам «третьего мира», что стало одной из основных тем в его послании конгрессу в 1961 г. В этом послании конгрессу Кеннеди сказал о том, что Азия, Африка, Латинская Америка, Ближний Восток, которые президент назвал «землями пробуждающихся народов», являются великим полем битвы в защиту и распространения свободы.

В американских правящих кругах в этот период было распространено мнение, что именно страны перечисленных регионов, страны, стремящиеся обрести экономическую и политическую независимость, являются фронтом борьбы с коммунизмом. На примере стран Латинской Америки администрация Д. Кеннеди намеревалась разработать новую модель отношений с развивающимися странами. Эта политика содействия реформам в странах латинской Америки получила название «Союз ради прогресса» - она была провозглашена Д. Кеннеди в 1961 г. на специальной сессии Организации Американских Государств (ОАГ) как конкретная программа действий сроком на 10 лет. По сути это было нечто вроде «Плана Маршалла» для стран Латинской Америки, (Куба была исключена из этого списка),с который включал финансовую помощь правительства США, частные капиталовложения и займы международных финансовых организаций. Но страны Латинской Америки должны были предоставлять на одобрение ОАГ (а по сути главному инвестору - США) свои планы экономического и социального развития. Однако после гибели Д. Кеннеди эта политика была предана забвению, ибо Л. Джонсон избрал другую — воинственную линию в отношении стран Латинской Америки.

Один из помощников Д. Ф. Кеннеди — Т. Соренсен говорил о том, дилемма, стоящая перед президентом состояла в том, как разъединить русских с «освободительным движением» стран третьего мира, не вызывая большого американо-советского столкновения». Столкновения, однако, избежать не удалось, но удалось разрешить его путем компромисса — имею в виду Карибский кризис 1962 г., когда мир в сущности стоял на грани войны. Но Д. Кеннеди был весьма неординарным и гибким политиком и смог обуздать те круги в своей собственной стране, которые были сторонниками принятия более жестких мер, например, бомбардировок Кубы. Именно Кеннеди, после кризиса, выступая летом 1963 г., признал бессмысленность ракетно-ядерной войны и высказался в пользу мирного сосуществования с СССР, по сути он призвал американцев пересмотреть свое отношение к «холодной войне» и к СССР. Карибскому кризису предшествовала жесткая встреча Д. Кеннеди и Н.С. Хрущева в Вене в июне 1961 г., в ходе которой обсуждался статус Берлина и другие вопросы, встреча, закончившаяся безрезультатно. Вернее, ее результатом стало сооружение Берлинской стены, который положил начало новому этапу конфронтации двух блоков. США увеличили свои военные приготовления, а решением Д. Кеннеди на военную службу были приняты резервисты. Казалось, мир находится на пороге третьей мировой войны, в которой, однако, обе стороны заинтересованы не были. В результате США вынуждены были согласиться (молча) с тем, что Берлинская стена существует, а руководство СССР не торопилось пересмотреть статус Западного Берлина.

Но и после Карибского (Кубинского) кризиса администрация Д. Кеннеди оказалась не в состоянии снизить напряженность «холодной войны». Вьетнам казался Д. Кеннеди, а потом и его преемнику Л. Джонсону наиболее подходящим местом, чтобы убедить СССР в мощи США. Сам Л. Джонсон неоднократно упоминал, что его главным наставником в делах внешнеполитических был Г.

Трумэн. Одновременно от Д. Кеннеди Л. Джонсон унаследовал все проекты мирового лидерства США и стремился их осуществить. В августе 1964 г. конгресс США принял специальную резолюцию, предоставлявшую президенту полную свободу в использовании вооруженных сил в Юго-Восточной Азии. Война во Вьетнаме приняла затяжной характер, в 1967 г. численность американских войск во Вьетнаме составила более 500 тыс. человек, а расходы на эту войну оказались больше, чем за все годы Второй мировой войны.

Необъявленная война во Вьетнаме действительно стала «американской войной», ибо в этой войне никто не делил с США ответственность за нее. К тому же все растущие расходы на нее не позволили Л. Джонсону в полной мере осуществить свою программу построения в США «Великого общества». А известия об огромных жертвах среди мирного населения Вьетнама усилили отрицательное отношение к этой войне, как в самих США, где развернулось мощное антивоенное движение, которое приняло массовый характер, так и в других странах.

По отношению к социалистическим странам Л. Джонсон руководствовался так называемым дифференцированным подходом — в 1964 г. он выдвинул доктрину «наведения мостов» - она предполагала развитие отношений с отдельными социалистическими странами, при этом учитывалась степень их дистанцирования от СССР.

Применительно к странам Латинской Америки в 1965 г. была провозглашена «доктрина Джонсона», в соответствии с которой США имели право на вооруженное вмешательство в дела любой латиноамериканской страны в случае «угрозы ее перехода под коммунистическое господство». Так, в 1965 г. было осуществлено вторжение в Доминиканскую республику.

Война же, которую США вели во Вьетнаме, шедшая под лозунгом «умиротворения, порядка и процветания Азии», в действительности привела к тому, что и часть здравомыслящих политических кругов США, стала постепенно осознавать, что наступил предел американской вседозволенности. В США развернулось мощное антивоенное движение против этой войны, в котором участвовали представители практически всех социальных слоев, при том, что до этой войны миллионы американцев верили в то, что не было лимита власти для США, чтобы действовать во мире в соответствии со своими намерениями, которые осознавались как наиболее правильные. Это была своего рода «идея фикс», но идея, которая вошла в сознание многих поколений американцев. Ее можно также определить как «иллюзию американского всемогущества», которая вплоть до войны во Вьетнаме была серьезным стимулом проводимой США внешней политики.

Эта война, принесшая огромные жертвы той и другой стороне, привела к падению престижа президента. Л. Джонсона, он отказался баллотироваться на пост президента и заявил, что бомбардировки ДРВ будут прекращены. Позже в своих мемуарах Л. Джонсон напишет о том, что в это время его страну раздирали глубокие противоречия, наиболее глубокие со времен Гражданской войны.

На новых президентских выборах в 1968 г. , в обстановке серьезного политического кризиса в США, победа досталась республиканцу Р. Никсону. Р. Никсон в своей предвыборной программе обещал избавить американцев от этой войны и начал постепенный вывод американских войск из Вьетнама. Однако, лишь в 1973 г. в Париже было подписано соглашение о прекращении огня во Вьетнаме и 7 мая 1975 г. уже президент Дж. Форд публично объявил об окончании этой войны. Казалось, что война во Вьетнаме должна была преподнести США урок о границах их власти, о том, что существует предел их вседозволенности, но можем ли мы говорить об этом, учитывая современную внешнюю политику США применительно к арабскому Востоку?

Нормализация отношений с СССР, начавшаяся при Кеннеди, не получила

своего развития при президенте Л. Джонсоне, во многом это было связано с войной во Вьетнаме. Хотя в 1967 г. состоялась встреча президента Л. Джонсона с советским премьером А.Н. Косыгиным, в ходе которых обсуждалась возможность мирных переговоров с Ханоем, тем более, что А.Н. Косыгин передал Л. Джонсону послание северо-вьетнамского правительства, готового вступить в переговоры с США, в случае, если США прекратит свои бомбардировки. Президент Л. Джонсон должен был прибыть в Москву с визитом в октябре 1968 г., но в связи с вступлением войск Варшавского договора в Прагу в августе 1968 г. визит был снят с повестки дня.

На формирование внешнеполитического курса президента Р. Никсона оказало влияние то, что его политическая карьера, началась в годы холодной войны, в условиях противостояния двух сверхдержав во второй половине 1940-х гг., когда была провозглашена доктрина Трумэна, или доктрина «сдерживания коммунизма». Именно тогда в 1947 г. Р. Никсон был избран в Конгресс США, а в 1952 г. - вице-президентом США. Главную задачу США в области внешней политики он видел тогда в противодействии коммунизму, в том числе это относилось и к понимаю им американо-китайских отношений после прихода к власти КПК в 1949 в Китае и провозглашения КНР. Такой точки зрения Р. Никсон придерживался вплоть до второй половины 1960- х гг. Он и войну США во Вьетнаме рассматривал тогда как средство сдерживания коммунистического Китая.

Лишь в 1967 г., после публикации его статьи «Азия после Вьетнама» в журнале «Foreign Affairs» можно говорить о том, что его видение политики США в отношении Китая и Азии в целом изменилось. Хотя он и продолжал считать Китай государством агрессивным, однако считал необходимым убедить китайскую сторону в преимуществах многосторонней дипломатии. Возможно, к этому времени Р. Никсон осознал ограниченность политических возможностей США по управлению миром, да и цена была невообразимо высокой. К тому же, в 1960-х гг. американские ученые-синологи стали доказывать, что китайское направление внешней политики США имеет стратегическую роль и что США должны отказаться от дипломатической изоляции Китая, учитывая изменившуюся к этому времени роль КНР в АТР.

Став президентом в 1968 г. Р. Никсон начал строить «новые» отношения с КНР. В его публичных выступлениях, а также в американской прессе начинает использоваться термин «Китайская народная республика», а не «красный» или «коммунистический» Китай. Особая роль в становлении «нового» курса в отношении Китая принадлежала советнику Р. Никсона по национальной безопасности — Г. Киссинджеру, который пополнил СНБ учеными — китаеведами. По сути, в СНБ находилось тогда управление внешней политикой США. Кроме того, в плане нащупывания контактов с руководством КНР Г. Киссинджер использовал и посредничество третьих стран и их руководителей. Все эта работа, продолжавшаяся несколько лет, привела к тому, что Китай заявил в апреле 1971 г. о том, что готов принять специального посланника президента США. В ходе секретной поездки Г. Киссинджера в Китай в июле 1971 г., а потом и в октябре 1971 г., последний впервые отказался от политики «двух Китаев», что устроило китайскую сторону. Именно июльская встреча 1971 г., как считал сам Г. Киссинджер, позволила Р. Никсону и Мао Цзэдуну перевернуть страницу в истории американо-китайских отношений.

Кульминацией «новой» китайской политики Р. Никсона стал его визит в Китай в 1972 г. и подписание Шанхайского коммюнике, которое определило политическую основу развития американо-китайских отношений на последующие десятилетия. США признали единство и территориальную целостность китайского государства и подтвердили, что вопрос о будущем Тайваня должен решаться самими китайцами, без вмешательства США. Значение КНР для США, вероятно,

определялось не только ее значимостью в АТР, но и тем, что КНР могла противостоять СССР.

С приходом в Белый дом Р. Никсона в его внешнеполитических заявлениях тема «холодной войны» уже не превалировала, напротив говорилось о переходе «от эры конфронтации к эре переговоров», что нашло свое выражение в политике разрядки. Ибо для лидеров обоих блоков было очевидно, что разрыва в ядерном потенциале США и СССР более не существует, а существует военно-стратегический паритет. Р. Никсон осознал необходимость нормализации отношений с СССР, в практической политике это нашло выражение в визитах Р. Никсона в СССР и подписании ряда договоров с СССР, включая Договор об ограничении систем противоракетной обороны, в оппозиции которому находился военно-промышленный комплекс США. К тому же вторая президентская компания Р. Никсона в 1972 г. проходила в условиях крупнейшего внутриполитического кризиса в США (т.н. Уотергейтский кризис — С. Ш.), в результате избранный второй раз в качестве президента, Р. Никсон вынужден был, под угрозой импичмента, объявить о своей отставке в августе 1974 г. А в январе 1974 г. в Париже было подписано Соглашение о прекращении огня во Вьетнаме, в марте 1974 г. американские войска покинули Вьетнам .

«Доктрина Никсона» получила название «Гуамская доктрина», ибо впервые ее контуры были обозначены на острове Гуам в Тихом океане в 1969 г., куда Р. Никсон прилетел встретить экипаж американского космического корабля Аполлон-2, впервые ступившего на поверхность Луны. Успехи американского космоса были использованы администрацией Р. Никсона для поднятия национального духа, ослабленного войной во Вьетнаме. На о. Гуам президент Р. Никсон обозначил контуры своей внешнеполитической программы — партнерство в отношении союзников, военная сила, переговоры в отношении потенциальных противников. Новым в этом были - «переговоры».

Важное место во внешней политике Р. Никсона было уделено Японии и Китаю. Партнерство с Японией рассматривалось как равноправное и зрелое — в 1971 г. США возвратили Японии острова Рюкю и Хонсю, но сохранили там свои военные базы. Была проведена корректировка отношений США с Китаем, чему способствовали две секретные поездки помощника президента по делам национальной безопасности, одного из творцов внешней политики США в этот период Генри Киссинджера, сторонника реальной политики, в КНР и его переговоры с лидерами этой страны. Эти поездки Г. Киссинджера во многом подготовили визит Р. Никсона в Китай в 1972 г. В результате, в ходе переговоров Р. Никсона с лидерами КНР в 1972 г. было подписано Шанхайское коммюнике о согласии сторон на развитие двусторонних связей в различных областях.

Сменивший Р. Никсона после его отставки конгрессмен Дж. Форд во внешнеполитическом плане пытался продолжать линию Р. Никсона, однако не был поддержан Конгрессом, контролируемом демократами. Шансов быть избранным президентом в 1976 г. у Дж. Форда не было — президентом был избран Д. Э. Картер, первый президент, начиная с 1880-х гг. выходец из «глубокого Юга», мало известный за пределами своего штата. Война во Вьетнаме, Уотергейтский скандал подорвали доверие американцев к профессиональным политикам. Д. Э. Картер оказался победителем во многом и потому, что не принадлежал к коррумпированному Вашингтону.

На формирование внешнеполитической позиции Д. Э. Картера оказало влияние его участие в начале 1970-х гг. в деятельности «Трехсторонней комиссии», созданной при финансовой поддержке Рокфеллеров. Эта комиссия должна была изучать проблемы, возникающие во взаимоотношениях трех центров мира — США, Западной Европы, Японии. В комиссию входили и политические деятели и

представители академического мира, в частности З. Бжезинский. Когда Д. Картер будет избран президентом, многие из них, включая З. Бжезинского, специалиста по странам Восточной Европы и СССР, станут внешнеполитическими советниками Д.Э. Картера, а З. Бжезинский - помощником президента по национальной безопасности.

В своей предвыборной программе Д. Картер много говорил о «правах человека», которыми он обещал руководствоваться, как во внутренней, так и во внешней политике, что отразилось в первую очередь на развитии отношений с СССР (в СССР шла в это время борьба с диссидентами), а ввод советских войск в Афганистан в 1979 г.. прервал процесс американо-советских переговоров по ограничению ядерных вооружений. США объявили о бойкоте Московских Олимпийских игр 1980 г. Хотя встреча Д. Картера и Л.И. Брежнева в Вене в 1979 г. закончилась подписанием Договора об ограничении стратегических национальных вооружений между СССР и США, но решение США о размещении с 1983 г. в Западной Европе американских ядерных ракет средней дальности исключили возможность дальнейшего развития взаимоотношений..

В актив дипломатии администрации Д. Э. Картера обычно относят Кэмп-Дэвидские соглашения 1978 г., подписанные президентом Египта А. Садатом и премьер-министром Израиля М. Бегином при посредничестве США, которые должны были положить конец вражде между арабскими странами и Израилем. Латинская Америка по-прежнему рассматривалась как зона особых интересов США. Из всех проблем региона Д. Картер выбрал проблему Панамы. В 1977 г. США подписали договор с Панамой (договор Картер-Торрихос) — Панамский канал в 2000 г. должен был перейти в собственность Панамы.

Жестким ударом по престижу США, и лично президента Д. Картера была революция в Иране в 1979 г., свержение иранского шаха М.Р. Пехлеви, и неспособность администрации американского президента освободить американских заложников. К президентским выборам 1980 г. Д. Картера критиковали по всем статьям его непоследовательной внешней политики и президентом был избран республиканец Р. Рейган, настроенный антикоммунистически.

Именно Р. Рейган был в первых рядах критиков Д. Форда, протестовал против участия последнего в Совещании по безопасности и сотрудничеству в Европе в 1975 г., считал, что подписание им Заключительного акта Хельсинкского совещания означает готовность капитулировать перед русскими. Одна из целей, которую Р. Рейган ставил перед собой -как президент — это возрождение морального превосходства США в мире, превосходства, подорванного войной во Вьетнаме. В годы своего первого президентского срока СССР рассматривался не иначе как «империя зла», как «империя безбожного коммунизма». Вероятно, здесь нужно учитывать, что представления Р. Рейгана о СССР формировались в 1940-е гг., в период «холодной войны». Р. Рейган заявил в своем послании конгрессу в январе 1984 г. , что США будут оказывать помощь странам Латинской Америки, Азии, Африки, если они ведут борьбу против советского экспансионизма. То есть основу внешнеполитического курса первой администрации Р. Рейгана составляло военное противостояние с СССР. Это противостояние двух держав начала 1980- х гг. получило название «второй холодной войны».

Однако после прихода к власти в СССР в 1985 г. М. Горбачева, провозгласившего курс на улучшение отношений с США, основанный на «новом мышлении», руководство обеих стран стало осознавать бесперспективность наращивания гонки вооружений. И в общественном мнении в США в 1980- е гг. стали осознавать бесперспективность гонки вооружений. 89% опрошенных американцев в 1984 г. заявили, что в ядерной войне не может быть победителей.

Важным событием в развитии отношений двух стран стали встречи руководителей двух стран в Женеве в 1985, в Рейкьявике в 1986 г., и визит М.И. Горбачева в США в 1987 г. В 1987 г. был подписан Договор о ликвидации ракет средней и малой дальности, размещенных в Западной Европе и в западных областях СССР. Три личных встречи Р. Рейгана с М. С. Горбачевым даже заставили президента США публично отречься от образа «империи зла». Но не от милитаризации космоса в рамках программы СОИ, рассчитанной на слом военно-стратегического паритета.

На развитие внешнеполитического курса следующих за Р. Рейганом президентов США оказали влияние такие масштабные в мире события, как распад СССР и социалистического содружества, объединение Германии, другие события. Все это породило у лидеров США иллюзии о том, что только США являются единственным мировым лидером, единственной сверхдержавой. А попытка Москвы участвовать в качестве посредника в ходе операции «Буря в пустыне», когда в Москву в феврале 1991 г. прибыл министр иностранных дел Ирака Тарик Азиз, провалилась, т. е. восстановить авторитет СССР на Ближнем Востоке не удалось.

В ходе первой встречи Дж. Буша с М.С. Горбачевым в 1989 г. была принята предложенная США программа развития американо-советских отношений из 21 -го пункта. А после распада СССР, уже с руководством России, в пользу США была урегулирована значительная часть спорных вопросов.

Внешнеполитические установки президент У. Д. Клинтона основывались на том, чтобы сохранить за США роль единственного мирового лидера, основываясь на модернизации военного и экономического потенциала. В начале 1990-х гг. У. Д. Клинтон отказался от СОИ и сделал акцент на программу развития противоракетной обороны. В своей внешней политике администрация У. Д. Клинтона большое внимание уделяла, как Азии, так и Европе. В азиатских странах, особенно в КНР, в это время наблюдался экономический рост и эта перспектива превращения Китая в сильную экономическую страну заставляет администрацию У. Д. Клинтона пересмотреть свой курс в отношении Китая. К тому же, в связи с распадом СССР, США отказались от использования КНР в качестве козырной карты, против уже не существующего СССР.

Встреча президента У.Б. Клинтона с председателем КНР Цзян Цзэминем в 1994 г. привела к нормализации политических и развитию торгово-экономических отношений США с КНР. Осуществление внешнеполитического курса, в особенности, второй администрации У. Д. Клинтона , проводилось государственным секретарем М. Олбрайт, первой женщина в истории США, возглавившей внешнеполитическое ведомство. Именно она настояла на вмешательстве США в события на Балканах в 1999 г., ибо в противном случае существует угроза лидерству США в мире, - считала М . Олбрайт. Так, в 1999 г., в обход СБ ООН, был создан прецедент использования военных сил НАТО в Югославии - вопреки Уставу ООН. Именно госсекретарь М. Олбрайт настаивала на принятии в члены НАТО стран Центральной и Восточной Европы.

США в последние десятилетия XX в. и в начале XXI в. стремятся к тому, чтобы укрепить свое влияние в нефтеносных районах Ближнего Востока и Персидского залива и покончить с арабской солидарностью. Вашингтон не раз заявлял в годы президентства Д. Буша-мл. о том, что после завершения войны в Афганистане, «борьба» с международным терроризмом будет перенесена в другие точки мира — в так называемые «страны-преступники (мошенники) » (Rogue States), так они были определены американцами. Но результатом этой политики является разжигание исламского религиозного фанатизма, ведущего к новым террористическим актам со стороны исламских экстремистов. Все элементы этой политики США нашли свое проявление в годы президентства Д. Буша-мл.,

несмотря на трагедию 11 сентября 2001 г., которую не смогли предотвратить правящие круги США. Американскими стратегами был разработан метод борьбы с терроризмом, который предусматривал применение военной силы с перенесением военных действий на территорию противника. Бюджет Пентагона в эти годы был самым крупным в истории США, а президент Д. Буш-мл. заявлял о том, что США должны отбросить (т. е. пересмотреть — С.Ш.) реликвии Второй мировой войны и начать строить новую военную стратегию, утвердив США в роли единственной мировой сверхдержавы.

А это — укрепление НАТО и его расширение на восток, отказ от международных обязательств, противоречащих интересам США, в том числе и выход из Договора по ПРО 1972 г. (хотя, до этого, в ходе встречи в Москве в мае 2002 г. президент Дж. Буш-мл. и В. В. Путин подписали Договор о сокращении стратегических наступательных потенциалов — в течение следующих 10 лет предполагалось сокращение на 65 % стратегических ядерных сил обеих стран) и создание национальной системы противоракетной обороны. Еще в ходе встречи Дж. Буша-мл. с президентом России В.В. Путиным в 2001 г., было констатировано обеими сторонами преодоление наследия «холодной войны» и вступление обеих стран на «путь новых отношений для XXI столетия.»

В соответствии с «доктриной Буша», обнародованной в сентябре 2002 г. главным противником США объявлялся международный терроризм, а также те, кто его поддерживает. «Доктрина Буша» провозгласила абсолютное военное преобладание США в современном мире, чтобы ни одна из стран не могла сравниться с США по военной мощи. В 2002 г. было создано новое министерство — министерство внутренней безопасности, а в марте 2003 г. началось вторжение вооруженных сил антииракской коалиции во главе с США в Ирак, хотя это не диктовалось военной необходимостью, ибо Ирак согласился принять экспертов ООН, которые должны были проверить наличие у Ирака оружия массового уничтожения.

В президентской избирательной компании 2012 г. конкурентом действующего президента Б. Обамы выступает М. Ромни, номинированный республиканской партией в качестве кандидата в президенты США. Именно М. Ромни называет Россию «врагом № 1» и подвергает критике политику «перезагрузки» в отношении России, проводимую администрацией президента Б. Обамы. Нынешняя администрация Белого Дома, в первую очередь сам президент обвиняется во «всех смертных грехах», в частности, в том, что Россия стремится бросить вызов лидерству США в Европе и ставит под угрозу внешнеполитические цели США в Европе, такие, как расширение НАТО, размещение системы ПРО, др. Объектом критики республиканцев во главе с М. Ромни является и позиция России по Ирану и Сирии. Главная задача, которую ставит себе кандидат в президенты от республиканской партии М. Ромни — это вернуть США былое величие, в первую очередь, военную мощь, которых они могут лишиться в результате проводимой президентом Б. Обамой политики «перезагрузки».

Большое значение американского фактора в мировой политике или как его можно назвать «Pax Americana» - «Мира по-американски», обосновывается в самих США и идеей богоизбранности Америки и ее особой миссии в мире, что идет еще от первых переселенцев-пуритан, убежденных в том, что они построят «Город на холме», который станет образцом для всего мира. А в XIX в. территориальная экспансия на континенте Северной Америки, благодаря которой тысячи американцев превращались в фермеров-собственников земли, рассматривалась многими американскими президентами, включая таких разных по своему мировоззрению, как Т. Джефферсон и Э. Джексон, как основа для укрепления демократии. Однако, если применительно к Т. Джефферсону и Э.

Джексону речь шла о североамериканском континенте, то в провозглашенной в 1823 г. доктрине Монро уже весь континент рассматривался по сути как объект колонизации, из которого должны были быть исключены европейские государства. А притязания США на новые территории обосновывались миссией их переустройства по демократическим принципам. Эти идеи стали частью американской национальной ментальности еще в XIX в.

Сама мысль о том, что США могут разделить судьбу других великих держав и стать равной среди других держав, неприемлема не только для политического истэблишмента США, но и для значительной части ее рядовых граждан. Ибо исторически сложилось так, что для многих поколений американцев США были неким маяком, указывающим путь, как преодолеть политические несвободы и разрешить экономические проблемы.

Идеологическую базу под эту позицию в XX в. подвели политологи С. Липсет и С. Хантингтон, особенно последний, который считал, что уже XX век был американским веком и XXI век тоже им будет. На рубеже XX-XXI вв. американские неоконсерваторы заявляют о том, что США являются в настоящее время единственной сверхдержавой, создающей свой Pax Americana. Однако реальный мир более сложен и многообразен. Возможности США контролировать ситуацию в мире единолично не безграничны. Американской идее бросают вызов европейская, азиатская, др. идеи (может быть, правильнее их именовать центрами силы). На судьбы мира оказывает влияние сегодня азиатский центр силы, который именуется сегодня восходящей Азией и в который входят такие страны, как Китай, Япония, Южная Корея, Сингапур, др., которые сегодня являются центром экономической силы, прежде всего, но набирающей и внешнеполитические очки.

Литература (общий список см.: приложение):
Баталов Э.Я. Мировое развитие и мировой порядок. Анализ современных американских концепций. М., 2005; Бжезинский З. Еще один шанс. Три президента и кризис американской сверхдержавы. М. 2010; Ганелин Р.Ф. Россия и США: Очерки истории русско-американских отношений:1914-1917 гг. Л., 1969; Дементьев И.П. Идейная борьба в США по вопросам экспансии: На рубеже XIX-XX вв. М., 1973; Зубок Л.И. Империалистическая политика США в странах Карибского бассейна: 1900-1939 гг. М., 1948; Куропятник Г.П. История внешней политики и дипломатии США: 1867-1918 гг. М., 1997; Обама Б. Дерзость надежды: Мысли о возрождении американской мечты. С Пб, 2008; Очерки новой и новейшей истории США: В 2 т. М., 1960; Паренти М. Власть над миром. Истинные цели американского империализма. М., 2006; Рахшмир П.Ю. Американские консерваторы и имперская идея. Пермь, 2007; История США в 4-х тт. М. 1983-1987; Согрин В.В. Политическая история США. М., 2002; Bacevich A. J. American Empire: The Realities and Consequences of US Diplomacy. Harvard University Press, 2002; Garrison J. America as Empire: Global Leader or Rogue Power? Berrett-Koehler Publishers, 2004; Magdoff H. The Age of Imperialism: The Economics of US Foreign Policy. Monthly Review Press, 1969; Smith N. American Empire: Roosevelt's Geographer and the Prelude to Globalization. University of California Press, 2003; Van Alstyne R. W. The Rising American Empire. Norton, 1960; Wallerstein, I. The Decline of American Power. New Press, 2003; Williams W. A. The Roots of the Modern American Empire. Random House, 1969.

СОЮЗ СОВЕТСКИХ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ РЕСПУБЛИК

В ходе революции и Гражданской войны в России, когда то мощная Российская империя распалась на многочисленные самостоятельные государства. В одних установились буржуазные социально- экономические отношения (Польша, Финляндия Латвия, Литва, Эстония), другие вступили на неизведанный путь социалистического развития (РСФСР, УССР, БССР, Закавказская Советская федеративная социалистическая республика(ЗСФСР). Ход экономического, политического и культурного развития показал, что для дальнейшего успешного продвижения вперёд необходимо объединение экономических политических и культурных ресурсов этих республик. Объединению способствовало и наличие единого экономического пространства и хозяйственная специализация отдельных районов бывшей Империи и хотя многие связи в результате революции и Гражданской войны были нарушены их восстановление было вполне решаемой задачей. Не последнюю роль в этом процессе играла и угроза внешнего вторжения, что требовало значительных усилий по укреплению обороноспособности.

Вопрос о формах объединения обсуждался в ЦК РКП(б). Российская империя существовала , как унитарное государство. Попытка его преобразования Временным правительством (март – октябрь 1917 г.) привело к взрыву сепаратизма на национальных окраинах и началу отделения Украины от России. В связи с этим вопрос о формах объединения был далеко не праздным. Да и за годы Гражданской войны власть центра значительно ослабла. В ходе развернувшейся дискуссии выявилось две точки зрения на объединение. Одну представлял Генеральный секретарь ЦК РКП(б) И.В.Сталин, другую председатель СНК В.И.Ленин. Сталин выступил с идеей автономизации т.е. вхождения самостоятельных советских республик в состав РСФСР на правах автономии. По сути это было тоже унитарное государство. В свою очередь Ленин предложил создание новой формы объединения – Союза Советских Социалистических Республик. В новое государственное образование все советские республики входили на равных правах. В результате обсуждения Октябрьский пленум(1922 г.) ЦК принял ленинский план создания союзного государства.

30 декабря 1922 г. в Москве открылся 1-й съезд Советов, который утвердил Декларацию об образовании СССР. В ней нашли отражение основные принципы объединения республик: равноправие и добровольность вхождения, право свободного выхода из Союза и вступление в него новых членов. Съезд рассмотрел и утвердил Договор об образовании СССР. Первоначально в Союз вошли: РСФСР, БССР, УССР, ЗСФСР. Верховным органом власти союзного государства стал ЦИК СССР (председатели М.И.Калинин Г.И.Петровский Н.Н.Нариманов и А.Г.Червяков). На второй сессии ЦИК было сформировано правительство СССР – СНК СССР во главе с В.И.Лениным.

31 января 1924 г. второй съезд Советов утвердил первую конституцию СССР. В её основу легли Декларация и Договор об образовании СССР принятые первым Всесоюзным съездом Советов в 1922 г. ЦИК СССР состоял из двух равноправных палат: Союзный Совет и Совет Национальностей. Вводилось единое гражданство: гражданин каждой республики являлся гражданином СССР. Наряду с обеспечением широких прав и свобод граждан конституция лишала избирательных прав классово чуждых элементов: кулаков, торговцев, служителей религиозных культов бывших служащих полиции и жандармерии.

После образования СССР процесс национально-государственного строительства продолжался. В результате национально-государственного размежевания советских республик Средней Азии в 1924 – 1925 гг. возникли Узбекская и Туркменская Советские социалистические республики.

Образование СССР привело и укреплению международных позиций государства. В 1924 г. были установлены дипломатические отношения с

Великобританией, Италией, Австрией, Норвегией, Швецией, Китаем, Данией, Мексикой, Францией, в 1925 г. с Японией. В мае японские войска эвакуировались с Северного Сахалина. В 1925 г был подписан советско-турецкий договор о дружбе и нейтралитете, а в 1926 г. советско-германский договор о дружбе и нейтралитете, а также договор о нейтралитете и взаимном ненападении между СССР и Афганистаном и договор о ненападении и нейтралитете с Литвой. В 1927 г. договор о гарантии и нейтралитете с Ираном.

К 1926 г. народное хозяйство СССР в основном достигло довоенного уровня. Однако СССР продолжал оставаться аграрной державой, отсталой в технико-экономическом отношении. Около двух третей продукции народного хозяйства давало сельское хозяйство и примерно одну треть промышленность. В это время по объёму выпуска промышленной продукции СССР стоял на пятом месте в мире и на четвёртом в Европе. Однако , чтобы встать вровень с ведущими капиталистическими державами СССР должен был пройти трудный путь индустриализации. На XIV съезде ВКП(б) (декабрь 1925 г.) был взят курс на индустриализацию страны и преимущественное развитие тяжёлой промышленности с целью превращения СССР в экономически независимую и сильную в военном отношении державу. Индустриализация проводилась исключительно за счёт государственных ресурсов в условиях централизованной системы государственного управления. Главным источником валютных поступлений должен был стать экспорт зерна. Однако крестьяне из-за дороговизны промышленных товаров стали сокращать продажу зерна. В результате чего его экспорт составил 36% от запланированного, соответственно снизился и импорт оборудования и уменьшились темпы развёртывания промышленного производства.

Вначале 30-х гг. все ресурсы и прибавочный продукт оказались в руках государства. Во внутрихозяйственной сфере и во внешнеэкономических отношениях возобладало централизованное планирование(пятилетние планы, государственная монополия на внешнюю торговлю). Краткосрочное кредитование сосредоточилось в Государственном банке, долгосрочное в специальных банках. Всё это вместе взятое позволило обеспечить высокие темпы роста экономики в ходе индустриализации.

В 1928 – 1941 гг. среднегодовой прирост промышленного производства составлял 15%. За 1928 – 1937 гг. практически полностью перестроена структура народного хозяйства. Удельный вес крупной промышленности составил 77,4%. Свыше 80% промышленной продукции было произведено на новых предприятиях. К 1937 г. было построено 9000 новых предприятий. По объёму выпускаемой продукции в 1937 г. СССР занял второе место в мире после США и первое в Европе, уступив затем его Германии, после аншлюса Австрии и оккупации Чехословакии. Начиная с четвёртого квартала 1928 г. развитие народного хозяйства осуществлялось на основе пятилетних планов. За годы индустриализации советское государство осуществило сдвиг промышленности на восток, создав в Поволжье, на Урале и в Сибири мощную индустриальную базу для развития производства вооружений и боеприпасов.

Капиталовложения в индустриализацию складывались из накоплений государственной промышленности, разницы в ценах на промышленные товары и продукцию сельского хозяйства, увеличение экспорта зерна экстраординарными мерами, займы у населения, целевые отчисления из заработной платы работников, а также за счёт понижения жизненного уровня населения(заработная плата рабочих в1925 – 1937 гг. увеличилась, в 5,5 раза, цены на продукты питания в 8,8 раза. Крестьянство было переведено на натуральную форму оплаты труда. В стране прошла большая денежная эмиссия. В 1930 г. денежная масса возросла на 45 % и она опережала выпуск товаров народного потребления в 2 раза. Расширилась

продажа и повысились цены на спиртоводочные изделия. Определённые средства были выручены от продажи предметов искусства и антиквариата. Для заготовки бронзы в технических целях велась компания по снятию церковных колоколов и сдачи их на переплавку.

Высокие темпы роста экономики достигались также и за счёт привлечения в производство дополнительной рабочей силы. В государственной промышленности, строительстве и на транспорте в 1928 г. насчитывалось 5,8 млн. рабочих и служащих, а в 1940 г. – 15,9 млн. Одним из условий ускоренной индустриализации стал широкий энтузиазм народных масс. Усилиями коммунистической партии и Советского государства удалось организовать социалистическое соревнование. Широко пропагандировались достижения рационализаторов и изобретателей, популяризировалось движение за повышение производительности труда (стахановское движение). Для подготовки кадров была создана система фабрично-заводского обучения, открыты десятки новых техникумов и технических вузов. С 1930 г. было введено обязательное четырёхлетнее образование для детей и семилетнее для детей проживавших в городах и городских посёлках. Советское государство создало условия для социального роста людям из рабочих и крестьян. И это помогло создать новый слой – советскую интеллигенцию. Энергия народ направленная на созидание дала невиданные результаты.

На работу в СССР приглашались также иностранные рабочие и специалисты. В ходе индустриализации использовался труд 2,2млн. граждан находившихся и исправительно-трудовых лагерях.

Упор сделанный на тяжёлой промышленности привёл к дефициту потребительских товаров, что снижало мотивацию труда. Проведение индустриализации вызвало рост городского населения и его бытовую неустроенность. С 1932г. для жителей городов, городских посёлков и рабочих совхозов вводились паспорта и система прописки. На колхозников паспортизация не распространялась. С 1938 г. вводились трудовые книжки. А с 1940 г. был запрещён самовольный уход рабочих и служащих с предприятий и учреждений, что диктовалось условиями начавшейся мировой войны.

Постепенно налаживался городской быт. 1 января 1935 г. была отменена карточная система, введённая в1928 г. Появились новые виды транспорта (автобусы, троллейбусы, метро), новые предприятия службы быта. В 1929 г.была ликвидирована безработица.

Чтобы не зависеть от крестьянской стихии XV съезд ВКП(б) принял решение о начале коллективизации, которая должна была обеспечить поступление средств для индустриализации. Считалось, что крупные хозяйства в деревне позволят обеспечить города продуктами питания, промышленность сырьём и рабочей силой. Проведение сплошной коллективизации несмотря на жёсткие методы при её осуществлении, позволило перейти от мелкотоварного крестьянского хозяйства к крупному товарному общественному производству сельскохозяйственному производству. В результате коллективизации в города и на стройки из деревни ушло от 15 до 20 млн. человек, что дало дополнительные рабочие руки для промышленности. Несмотря на все издержки коллективизации, во время Великой Отечественной войны в 1941 – 1944 гг., колхозы заготовили около 70 млн. тонн зерна. В Первую мировую войну царское правительство закупило около 23 млн. тонн зерна.

Проведение индустриализации и коллективизации осуществлялось при упрочении командно-административной системы. Её укреплению способствовала также и противоречивая международная обстановка балансировавшая на грани войны. Эти условия объективно вели к централизации руководства страной. При этом командные методы существовавшие в коммунистической партии после

Гражданской войны, продолжали существовать и укрепляться последующие годы. Во многом это вело к единоличной власти И.В.Сталина, имевших ряд негативных последствий для страны.

Накануне Великой Отечественной войны СССР представлял из себя мощную индустриально аграрную державу. В её состав входило 16 союзных республик с населением 191,7 млн. человек. Огромными усилиями советского народа был создан мощный военно-экономический потенциал.

Нападение нацистской Германии на СССР 22 июня 1941 г. стало проверкой на прочность советского социалистического государства. Первый период войны 22.6. 1941 – 18.11.1942 был отмечен рядом неудач на фронте в результате чего немецкие войска овладели Прибалтикой ,окружили Ленинград взяли Киев, Минск, Смоленск, подошли на расстояние 20 – 30 км к Москве. В летне-осеннюю кампанию 1941г. Красная Армия потеряла убитыми 2,5 млн. человек раненными и больными 1, 1млн. человек пленными и пропавшими без вести 2,2 млн. человек. Массовая сдача советских солдат и офицеров в плен свидетельствовало глубоком недовольстве методами коллективизации поскольку армия в основном оставалась крестьянской. Однако надежды на нацистских избавителей не оправдались. Сожженные деревни., расстрелы и виселицы, грабёж, угон на работы в Германию показали последнему солдату, что несёт за собой победа Германии, но для этого потребовался год , чтобы свершилось чудо на Волге.

Трагическое начало войны заставило советское и партийное руководство страны пойти на ряд чрезвычайных мер. Так, вся полнота власти в стране была сосредоточена в руках Государственного Комитета Обороны (ГКО). Постановления ГКО были обязательны как для государственных органов, общественных организаций так и отдельных граждан. Советское правительство приняло ряд постановлений по перестройке всей жизни страны на военный лад.

В результате успешного наступления немецких войск к началу зимы 1941г. противник захватил территорию на которой до войны проживало около 42% населения добывалось 63% угля, выплавлялось 68% чугуна и 58% стали. В июне ноябре 1941г. выпуск валовой продукции сократился в 2 раза. В первые месяцы войны была произведена, не имевшая аналогов в мире, эвакуация промышленности из прифронтовых районов в Сибирь, на Урал в Поволжье Среднюю Азию, что позволило в небывало короткие сроки наладить производство вооружений и боеприпасов, способствовала индустриализации новых районов. Жёсткая централизация заложенная в довоенное время дала положительный результат в годы войны. Во второй половине 1941 г., по неполным данным, было перебазировано оборудование около 2,6 тысяч промышленных предприятий из них свыше 1,5 тысяч крупных, эвакуировано 30% – 40% рабочих инженеров и техников. На восток страны переместили около 2,4 млн. голов скота, десятки тысяч тракторов и сельскохозяйственных маши, запасы зерна и продовольствия.

В результате усилий стран боровшихся с нацизмом летом и осенью 1941 г. сложилась антигитлеровская коалиция. Московская конференция, проходившая 29.9 - 1.10 1941 г. представителей Великобритании, СССР и США решила вопрос о военных поставках в СССР по ленд-лизу. За годы войны СССР поставки по самолётам составили 13% от произведённых в СССР, по танкам 7%,по зенитным орудиям 2%. Важное значение имели поставки автомобилей 427 тысяч, а также горючего продовольствия и технологических материалов (станков, паровозов, рельсов).

Победа Красной Армии под Москвой позволило похоронить немецкий план «блицкрига» и развеяла миф о непобедимости германской армии. Это позволило выиграть время для формирования новых соединений и переводу экономики на военный лад. Однако переоценка своих возможностей советским командованием

привела к неудачам в Крыму, на Волховском фронте, под Харьковом и осложнило обстановку на советско-германском фронте. Противник вновь захватил стратегическую инициативу и вышел в большую излучину Дона создав угрозу прорыва к Волге и на Кавказ. 17 июля началась Сталинградская битва.

Несмотря на тяжёлые условия войны во втором полугодии 1942 г. военная промышленность СССР производила военной продукции больше чем промышленность Германии. Это позволило советскому командованию подготовить и провести контрнаступление под Сталинградом (19.11.1942 – 2.2.1943). Победа под Сталинградом укрепила антигитлеровскую коалицию, сорвала планы Турции и Японии вступить в войну против СССР. В последовавшей летом 1943 г. Курской битве была сорвана последняя попытка германского командования перехватить стратегическую инициативу. Значительную помощь в борьбе с оккупантами Красной Армии оказало партизанское движение. К середине 1943 г. на оккупированных территориях сражалось около 250 тыс. партизан и подпольщиков. Во главе движения находился Центральный штаб партизанского движения. Пророческие слова Льва Толстого о дубине народной войны нашли подтверждение и на этот раз.

В результате победы под Курском началось стратегическое наступление Красной Армии. К декабрю 1943 г. было освобождено около 50% оккупированной территории. Успешные действия на фронте привели к повышению престижа СССР на мировой арене, что и продемонстрировала Тегеранская конференция руководителей СССР, США и Великобритании. На ней были достигнуты договорённости об открытии второго фронта в Европе в 1944 г.

Третий период войны (январь 1944 – 9 мая 1945 гг.) продемонстрировал возросшую мощь советской промышленности. А также рост выпуска вооружений и боевого мастерства командного состава всех уровней. В 1944 г. были разгромлены основные группировки противника, освобождена территория СССР и советские войска приступили к освобождению европейских стран ,закончив разгром Германии в Берлине.

Победу в войне позволила осуществить централизованная система управления, которая подчинила себе деятельность всех партийных, советских, хозяйственных органов. Наряду с этим окрепла и инициатива руководителей на местах, что позволило принимать быстрые, исходящие из местных условий решения. За годы войны советское руководство приобрело опыт решения сложнейших народно-хозяйственных задач в предельно сжатые сроки и при ограниченности ресурсов. В результате проведённых решений удалось полностью мобилизовать материальные ресурсы государства, добиться выпуска необходимого количества вооружений и техники. На протяжении всей войны фронт и тыл представлял собой единый многонациональный военный лагерь. Сила духа и жертвенность советского народа позволили одержать победу в войне.

Война нанесла огромный урон народному хозяйству страны. Экономика страны была перестроена на военный лад. Во многих отраслях промышленности произошло сокращение производства. Резко сократилось производство товаров народного потребления. Продукция сельского хозяйства в1945 г. составляла 60% довоенного уровня Предстояло восстановить разрушенное войной хозяйство и затем двигаться вперёд. Предполагалось, что выполнение четвёртого пятилетнего плана завершит процесс восстановления народного хозяйства. Концу пятилетки удалось восстановить сельское хозяйство и приблизиться к уровню 1940 г. Концу 1948 г. промышленность достигла довоенного уровня. Определённая доля трудностей пережитых советским народом была связана с разработкой и производством в кратчайшие сроки ядерного оружия. Раскол мира на два противостоящих блока подстегнул гонку вооружений и отвлёк значительные

ресурсы от народно-хозяйственных нужд.

Не смотря на жёсткую иерархическую структуру власти, в её высших эшелонах, после войны, усилилось личное соперничество руководителей, проявивших самостоятельность и инициативу в годы войны. Это последнее и стало одной из причин нового витка репрессий, которые нанесли и определённый урон экономике страны.

Со смертью И.В.Сталина 5 марта 1953 г. разрешился кризис уже давно назревавший в советском руководстве. В результате первые места в новой иерархии заняли Председатель Совета Министров Г.М.Маленков и его заместители Л.П.Берия, в.М.Молотов Л.М.Каганович и Н.А.Булганин. Однако их нахождение во власти было недолгим. В новом руководстве постепенно усиливалась роль Н.С.Хрущёва В сентябре 1953 г. он избирается Первым секретарём ЦК КПСС, а в 1958 г. становится и председателем Совета Министров. Недолгий период коллективного руководства провозглашённыё на XX съезде партии закончился и сменился единоличным руководством. Важными вехами этого периода стали XX съезд партии, на котором прозвучала резкая критика культа личности И.В.Сталина, а также ликвидация внесудебных органов. Партийный аппарат выводился из под постоянного контроля спецслужб. В 1954 г. было ликвидирован Министерство государственной безопасности и образован Комитет государственной безопасности при Совете Министров СССР. Произошла некоторая либерализация общественно-политической жизни. Однако ошибки связанные с принятием решением в области народно хозяйственной жизни, непродуманная реорганизация партийного и советского аппарата, ошибки при сокращении вооружённых сил и импульсивная и противоречивая внешняя политика, привели к падению авторитета Н.С.Хрущёва в различных слоях населения, что и привело к отставке в октябре 1964 г.

Смещение Н.С. Хрущёва с поста Первого секретаря ЦК КПСС проходило под лозунгом возвращения к коллективному руководству. Коллективное руководство состояло из Первого секретаря ЦК КПСС Л.И.Брежнева Председателя Совета Министров А.Н.Косыгина Председателя Президиума Верховного Совета СССР А.И.Микояна и других государственных и партийных деятелей. В 1966 г. Брежнев стал Генеральным секретарём ЦК КПСС. В это время наметился отход от коллегиального руководства. Опираясь на «днепропетровскую группировку» лиц работавших с Брежневым на партийной работе, ему удалось произвести серьёзные кадровые перестановки в правительстве и в Политбюро. С 1977. Брежнев становиться и Председателем Президиума Верховного Совета СССР. Занимая руководящие посты в партии и государстве на руководящие должности он выдвигал своих сторонников. В это время наблюдается сращивание партийных и государственных органов власти. С 1973 г. министры обороны иностранных дел внутренних дел и председатель КГБ становятся членами Политбюро. Генральный секретарь поддерживал регулярную еженедельную связь по телефону с первыми секретарями обкомов. Таким образом сформировался правящий слой который покидал свои посты только в случае смерти.

Определённый итог развития политической системы советского общества подвела Конституция 1977 г. Конституция провозгласила построение развитого социалистического общества. При всей заформализованности общественных структур общественное самоуправление хоть и в ограниченных формах, но продолжалось. Политические права провозглашённые в Конституции далеко не всегда выполнялись.

Попытки реформирования правящей верхушки партийно-государственной бюрократии предпринял новый Генеральный секретарь ЦК КПСС Ю.В.Андропов, заменивший умершего в 1982 г. Л.И. Брежнева. Однако, последовавшая внезапная смерть в 1984 г. прервала намечавшиеся преобразования. Занявший должность

Генерального секретаря представитель «днепропетровской группы» К.У.Черненко начал возвращение к брежневской эпохи, но через год он умер и появилась возможность переломить эпоху апатии и застоя в экономике и общественно-политической жизни общества.

В марте 1985 г. Генеральным секретарём ЦК КПСС был избран М.С.Горбачёв. За 1985 – 1987 гг. им была проведена кадровая чистка. За три года было обновлено 85 % состава ЦК. Реформы начатые Горбачёвым проводились через систему партийных и государственных органов то есть сверху.

В 1988 г. начались конституционные реформы, которые привели к началу противостояния центра и республик. Так, Эстония приняла закон о верховенстве республиканского закона над союзным. Кровавые межнациональные конфликты возникли между Арменией и Азербайджаном, между Грузией, Абхазией и Южной Осетий по территориальным вопросам. Кровь пролилась в Фергане и Ошской области (Киргизия). На самом съезде Народных депутатов СССР возникла Межрегиональная депутатская группа выступавшая за радикальное реформирование СССР. В 1990г. была отменена 6-я статья Конституции о руководящей и направляющей роли КПСС. Получение в этих условиях М.С.Горбачёвым дополнительных полномочий и избрание его президентом СССР ощутимых результатов не принесло.

Крупными шагами на пути к распаду СССР стало образование Коммунистической партии РСФСР – это закрепило разбегание республиканских коммунистических партий по национальным квартирам. Самостоятельными провозгласили себя компартии Прибалтики. В самой КПСС происходил серьёзный кризис. После XXVIII съезда КПСС начался массовый выход из партии. Другим шагом в этом направлении стал созыв I съезда народных депутатов РСФСР , оппозиционно настроенного к центру , а также избрание Б.Н.Ельцина главой РСФСР и принятие Декларации о государственном суверенитете России.1 ноября 1990 г. было принято постановление о экономическом суверенитете России. После этого противостояние союзного центра и регионов вступило в решающую фазу. Немаловажную роль в дискредитации советского прошлого сыграли средства массовой информации, представляя историю советского государства и коммунистической партии в исключительно негативном виде, что способствовало формированию негативного отношения к «этой стране» среди широких слоёв населения.

События 1991 г. стали заключительным аккордом в существовании СССР. 10 января 1991 г. президент СССР потребовал восстановления конституционного порядка на территории Литовской ССР. События в Литве привели к человеческим жертвам. Это дало повод к выступлению российской и региональной демократической оппозиции против Горбачёва. 19 февраля Б.Е,Ельцин заявил , что отмежёвывается от политики президента СССР и призвал Горбачёва уйти в отставку. Однако большинство граждан СССР выступали за сохранение обновлённого СССР и на референдуме 17марта 76.4% сказали да союзу. Начались прямые переговоры президента СССР с руководителями республик о заключении нового Союзного договора.

12 июня 1991 г. состоялось избрание Б.Е.Ельцина президентом РСФСР, что означало ослабление центральной власти и распаду СССР. К августу кое- как удалось согласовать новый договор, который намечалось подписать 22 августа. Однако события 19-21 августа и образование Государственного комитета по чрезвычайному положению положили конец этому процессу. Деятельность ГКЧП носила декларативный характер, не подчинялась единой воле, а потому инициативу перехватили сторонники Ельцина и блокированный на даче в Форосе Горбачёв вернулся в Москву. В сентябре началась разработка нового Союзного договора о

создании конфедеративного союза суверенных государств вместо СССР.

Состоявшийся 1 декабря референдум на Украине высказался за независимость республики. 5 декабря президент Украины Л.М Кравчук подписал указ о выходе республики из состава СССР. 8 декабря в обстановке строжайше секретности в Беловежской Пуще состоялась встреча президентов России, Украины и Белоруссии во время которой состоялось соглашение о прекращении деятельности СССР и создании Содружества Независимых Государств. 25 декабря М.С.Горбачёв подал в отставку с поста президента СССР, хотя этот формальный жест уже ничего и не решал. Так, прекратила свое существование великая держава и на её развалинах осталось 15 слабосильных государств.

Литература:

Документы свидетельствуют. Из истории деревни накануне и в ходе коллективизации 1927 – 1932 гг. М.:1996; Писатель и вождь: Переписка М.А.Шолохова с И.С.Сталиным. 1930 – 1950 гг.: Сб. док. Из личного архива И.В.Сталина. Сост. Ю.Мурин. М.:1997; Политбюро ЦК РКП(б) – ВКП(б) и Европа. 1923 – 1939 М.: 2001; Экономика ГУЛАГа и её роль в развитии страны. 1930 –е гг. Сб. док. М.: 1998;

Гинзбург В.Л. Об атеизме, религии и советском гуманизме. М.: 2008; Зеленин И.Е. Сталинская «революция сверху» после «великого перелома». М.: 2006; Ивницкий Н.А. Коллективизация и раскулачивание (начало 30-х гг.) М.: 1996; Индустриализация Советского Союза: новые документы, новые факты, новые подходы. М.: 1997. Ч. 1- 2; Исаев А., Мельтюхов М., Морозов М. Мифы Великой Отечественной М.: 2010; кислицын С.А. Контрэлиты, оппозиции и фронды в политической истории России. Изд. 2-е. М.: 2011; Лельчук В.С. Индустриализация СССР: история, опыт, проблемы. М.: 1984; Наумов Л.А. Сталин и НКВД. М.: 2010; Родионов А.И. российская государственность на переломных этапах XX в. (Опыт исторического анализа). М.:1996; Хлевнюк О.В. Политбюро: Механизмы политической власти в 1930-е годы. М.: 1996; Шешуков С. Неистовые ревнители из истории литературной борьбы 20 –х годов. Изд. 2-е. М.:1984.

ТРЕТИЙ РЕЙХ

Третий рейх проводил ярко выраженную имперскую политику, которая отражала сущность стояния германского тоталитарного государства 1933-1945 гг. Природа этого империализма первоначально выражалась в исключительно реваншистском ее характере. Она базировался в первую очередь на стремлении к преодолению чувства национальной ущербности и позора, царивших в обществе после Первой мировой войны.

В 1934 г. на партийном собрании нацистской партии (НСДРП) ставший во главе Германии ее руководитель (фюрер) А. Гитлер сказал, что «мы не должны чувствовать себя неполноценной расой, никчемной и бесполезной швалью, которую может попирать ногами любой, кому это вздумается. Напротив – мы должны ощущать себя великой нацией, которой просто однажды не повезло и она попала под водительство безумцев, но ныне этот великий народ вновь свободен от прежнего неожиданного наваждения». Обращение победителей с Германией казалось немецкому населению особенно унизительным и подлым по той причине, что таким образом раньше обращались только со слаборазвитыми колониями Африки или Азии. Версальскую систему немцы рассматривали как серию беспрецедентных актов унижения, вызванных желанием навредить Германии. Французский правый публицист Дриё ла Рошель удачно сравнивал Германию после

Версальского мира с Францией при Наполеоне III – эта Франция, спустя 35 лет, мечтала об отмене договоров 1815 г. и хотела нового Наполеона, чтобы найти в нем утешение за потерю прежнего. Также и поколение Гитлера сформировалось в вильгельмовской Германии, в которой сам собой разумеющимся был имперский статус страны; по этой причине требования ревизии Версальского договора обладало мощной объединяющей силой и находило полную поддержку в рейхсвере, промышленности, партиях и общественности.

Также «нацистский империализм» выражался в том, что само видение будущей немецкой империи было отличным от видения старой немецкой политической элиты. Это видение во многом определялось романтическим стремлением к безграничной экспансии, ценность которой в самой экспансии и заключалось, потому что только она и могла в полной мере обеспечить поступательное развитие страны.

Имперскую фиксацию Гитлера лучше всего описал в 1925 г. один из идеологов немецкой «консервативной революции» Эрнст Юнгер: «Устремление в неведомые дали и в безграничное мы унаследовали от самой природы нашего национального германского духа, который поможет нам в будущем сформировать такой империализм, который, – не как прежний жалкий кайзеровский империализм, концентрировавшийся на незначительных прерогативах наших пограничных провинций или на обладании какими-то южными островами, – будет претендовать на все». Иными словами, когда Гитлер стал канцлером, он не был просто ревизионистом, он понимал суть французского империализма и насколько это было возможно в его положении, старался его не задевать. Гитлер считал, что будущее Германии можно гарантировать, лишь военными средствами обеспечив стране «жизненное пространство» на Востоке. Это позволило бы Гитлеру расселить «излишки» населения и гарантировать желанную хозяйственную автаркию. Во «Второй книге» он писал, что-либо Германия станет мировой империей, либо вообще перестанет существовать. Реализация этой цели предполагала отказ от прежних принципов и норм внешней политики – цена риска была очень высока, поскольку Гитлер мог лишиться всякого доверия в Европе. Последнее, впрочем, нельзя слишком переоценивать: известно, что честность и приверженность принципам в политике мало значат, но и вовсе сбрасывать их со счетов, как это сделал Гитлер, тоже нельзя.

Положение Гитлера в системе власти Третьего рейха было таково, что нацистскую имперскую политику можно считать гитлеровской в полной мере, то есть представления Гитлера в этой сфере имели решающее значение. Несмотря на расплывчатость понятий, которыми оперировал Гитлер, его представления обладали внутренней целостностью и ясностью, которые с высоты современного знания легко преодолеть; но эта легкость ничего не стоит, ибо ничем не помогает нам в понимании смысла происшедшего. Главным было убеждение Гитлера, что при сохранении в Германии темпов роста населения однажды настанет момент, когда наличная немецкая территория не в состоянии будет это население прокормить, Этой ситуации, на его взгляд, следовало избежать во что бы то ни стало. Однажды Гитлер сказал примерно следующее: пусть лучше на Востоке в войне за землю погибнет три миллиона солдат, чем 30 млн немцев умрут от голода. В этом отношении важно и то, что синтезирующим началом гитлеровского мировоззрения была история, которую он понимал исключительно как борьбу народов за «жизненное пространство». С этой позиции Гитлер и воспринимал политику, которая была для него просто средством реализации этой борьбы; вследствие этой единственно важной цели политики разница между войной и миром, между политикой внешней и внутренней теряла у Гитлера свои традиционные различия. Такая позиция Гитлера тем более примечательна тем, что когда он пришел к власти,

Германия совершенно не была готова к новой войне, напротив, как никакая другая европейская страна она была от войны далека. К тому же демократическая Веймарская конституция и плюрализм, царивший в Веймарскую республику, усиливал впечатление неподготовленности и неспособности Германии к войне. Немецкой промышленности, связанной с международным рынком и исключительно от него зависимой, война была совершенно не нужна. Кроме того, Германия была относительно бедна ресурсами и не обладала необходимой географической глубиной (как СССР) для отражения возможного военного нападения. Иными словами, на пути реализации геополитической линии Гитлера стояли препятствия столь же серьезные, как и в попытке осуществления расовой утопии и превращения ее в практическую политику.

Деятелей Веймарской республики Гитлер обвинял в том, что они, как зачарованные, ограничивались в своей внешней политике мелочными и узкими пограничными немецкими проблемами. Еще в 1928 г. Гитлер подчеркивал, что в будущем необходимо решительно пересмотреть политику формальных пограничных требований Германии. Он считал, что требование простого восстановления прежней немецкой границы вдвойне глупо потому, что не решает ни одной проблемы и не соответствует историческим реалиям. В противовес этому фюрер требовал проведения «политики пространств» *(Raumpolitik)*, то есть обеспечения страны возможностями для расширения жизненного пространства. Последнее в представлении Гитлера было в основном связано с землями «еврейско-большевистского» Советского Союза.

В исторической перспективе такое направление геополитики было попыткой реставрации планов древних тевтонских завоеваний на Востоке Европы. Помимо того, что это опровергало принципы и нормы права, твердо укоренившиеся в немецком сознании и традиции, – этому противоречили принципы и ценности большого культурного народа. Фронтальное нарушение прежних правил и ценностей противоречило также интегральной включенности Германии в систему ценностей и представлений западного мира, а также экономическим, политическим, культурным, технологическим и человеческим контактам. Все эти связи Гитлер смог разорвать в невероятно короткие сроки, что указывает на историческую обоснованность (либо ее искусно сфабрикованную видимость) его ревизии прежней немецкой геополитики, а также на его дар государственного деятеля, сумевшего в короткий срок подготовить нацию к реализации собственных представлений. Для того чтобы подготовить рейх к войне, нужно было осуществить множество перемен, а сделать это было очень не просто. Без анализа внутреннего смысла гитлеровской геополитики понять это невозможно. Перспектива, которой вдохновлялся Гитлер, определяла мировоззренческие горизонты миллионов немцев и таким образом интегрировала миллионы людей в единое целое. Эти имперские установки (да и политика в целом) не обязательно только диктовалась и насаждалась сверху, – гораздо чаще она просто соответствовала уровню обыденных представлений людей и формировалась в сложном взаимодействии, когда импульсы шли и сверху, и снизу. Для того, чтобы сдвинуть с мертвой точки немецкую имперскую политику, Гитлер инициировал принятие двух принципиальных решений: начать вооружаться к войне и создать принципиальную систему экономического, политического и расового неравенства взамен парламентской Веймарской демократии, которая не могла обеспечить реализацию его целей. Вскоре после принятия этих решений вся жизнь Германии попала в поток регулирующих и направляющих действий государства, а нарушение принципа равенства всех перед законом открыло двери и окна произволу; точно так же и экономика, сошедшая с рельсов рыночного регулирования, попала в руки управляющих инстанций. Несомненно, что Гитлер планировал именно такое развитие, так как ключевые позиции в руководстве

внешней политикой и в военном руководстве удивительно быстро перешли к нему, и он добился в этих сферах почти полной самостоятельности, сознательно и целеустремленно направляя развитие в нужное ему русло. Следует еще раз подчеркнуть, что в этом процессе решающим был геополитический фактор.

В представлениях Адольфа Гитлера история была вечной борьбой за жизненное пространство; будущее нации должны были обеспечить не столько социально-экономические преобразования и новшества, сколько завоевание жизненного пространства (это и составляло главную цель гитлеровского «социализма»). Не принимали участие в борьбе только евреи, не имевшие собственной территории. Гитлер считал, что именно по этой причине евреи препятствуют нормальному ходу истории, борясь за власть другими средствами. Достаточное количество «жизненного пространства» с сельскохозяйственными угодьями, сырьем и источниками энергии и составляло, по Гитлеру, основное условие существования народа. В определенном жизненном пространстве проживает определенное количество людей; при нормальных условиях население растет, и на определенной стадии развития территориальная «ограниченность» жизненного пространства приходит в противоречие с ростом численности населения. Гитлер еще в 1928 г. писал, что «нужда, беды, социальные болезни – все это вытекает из неблагоприятных условий существования». Гитлер не захотел идти за США и ограничиться стратегией экономического покорения мира, то есть не захотел полагаться на экономическую политику, ориентированную на экспорт товаров; такую политику он считал мнимым решением проблемы несоответствия растущей численности народа и неизменного «жизненного пространства», так как другие народы тоже не сидят, сложа руки, и конкурентная борьба неминуемо выльется в борьбу за «жизненное пространство». В августе 1927 г. Гитлер писал: «Есть только одна возможность преодоления противоречия между “жизненным пространством” и “численностью населения”, а именно – экспорт товаров. Тем не менее, это обманчивая возможность, ведь не только Германия идет по пути индустриализации, но и Франция, Англия, Италия. А в последнее время в строй конкурентов вступила и Америка, и теперь самое трудное состоит не в повышении производительности труда, как у нас думают, а в расширении сбыта. Вот это и есть сегодня главная проблема в этом мире, который повсюду индустриализируется и который борется за эти рынки... Германии со временем будет все хуже из-за конкуренции, а также из-за нехватки сырья». Поэтому Гитлер сделал вывод, что стратегия постепенного экономического покорения мира – это иллюзия, и она не может решить геополитические проблемы Германии.

Активную экспортную политику Гитлер не считал действенной еще и по той причине, что в то время господствовало убеждение о всеобщей тенденции к сокращению емкости рынков. Знаменитый политэконом Вернер Зомбарт даже вывел «закон сокращения экспорта»; этот закон он обстоятельно прокомментировал в популярной брошюре «Будущее капитализма», которую, возможно, читал Гитлер. Вероятно также, что на Гитлера произвела впечатление дискуссия в левом крыле НСДАП по поводу гибели капитализма. Не исключено также, что Гитлер был в курсе существа марксистской теории империализма, которую в свое время развивали Роза Люксембург и Н. И. Бухарин. В «Майн кампф» отчетливо видны следы этих убеждений: Гитлер пишет, что почти все европейские страны нацелены на экспорт, а между тем емкость рынков небезгранична, и борьба за рынки сбыта будет вестись, чем дальше, тем ожесточенней. Поэтому, по Гитлеру, лучше не ходить вокруг да около, а идти прямым путем военных захватов новых земель.

Во «Второй книге» Гитлер пояснял: «Увеличение численности народонаселения можно компенсировать увеличением жизненного пространства. Да, вполне верно сказать, что вся борьба любого народа в действительности сводится

только к тому, чтобы обеспечить необходимое землевладение в качестве общего условия существования... В жизни народов есть лишь немногие способы корректировать несоответствие между численностью народонаселения и занимаемой им территорией. Наиболее естественным из них является подгонка время от времени территории к растущей численности населения. А это требует военной готовности и кровопролития». Гитлер был убежден, что основной исторической несправедливостью является то, что в Германии на один квадратный километр территории приходится 140 человек, – это он и называл «немецким вопросом». В феврале 1939 г., выступая перед командирами вермахта, Гитлер заявил: «Я намерен решить германский вопрос, то есть решить проблему германской территории. Имейте в виду, что пока я жив, эта идея будет всецело владеть моим существом. И еще будьте уверены, что, как я полагаю, когда в какой-то момент понадобится сделать шаг вперед, то тогда я моментально начну действовать и при этом не побоюсь пойти на самую крайность, потому что убежден, что этот вопрос так или иначе должен быть решен». Пропитание растущего населения страны Гитлер считал возможным, если в будущем удастся присоединить к рейху территорию в 500 тыс. км² (это размеры территории Франции). Когда эти земли будут завоеваны, они должны быть очищены от «расово чуждых» элементов для того, чтобы воспрепятствовать неблагоприятному для немцев смешению. С другой стороны, Гитлер полностью исключал войны, которые не мотивированы необходимостью устранения противоречия между «численностью народонаселения» и «базой для их пропитания»; по его мнению, именно такие немотивированные войны привели к возникновению пацифизма.

При этом немецкая промышленность была серьезно ориентирована на экспорт и международные экономические связи, поэтому она меньше всего была заинтересована в войне. Но после 1929 г. в мировой экономической политике многое изменилось; ведущие западные страны склонялись к протекционизму, поэтому дезориентированным немецким промышленникам мнение Гитлера показались обоснованным и логичным. В этой связи следует вспомнить, что в межвоенный период международная экономическая экспансия была слабой (в отличие от времени до Первой и после Второй мировых войн). В 1924–1933 гг. программу расширения немецкого «жизненного пространства» на Восток Гитлер сделал догмой нацизма. Утверждение этой догмы требовало большой разъяснительной публицистической и устной пропагандистской работы, поскольку сначала среди сторонников Гитлера было больше националистов, чем собственно национал-социалистов. Первые помышляли, скорее, о мести Западу за Версальский договор. Большое значение имели вначале и левые национал-социалисты, которые мечтали о совместном (с Советской Россией) походе «наций-пролетарок» на Запад. Гитлеру, благодаря колоссальной силе убеждения и пропагандистскому дару, удалось превратить всех своих сторонников в «истинных» национал-социалистов, без всяких фракционных оттенков и нюансов.

По мнению Гитлера, прежняя немецкая имперская и экспансионистская политика была половинчатой: она лишь незначительно расширила национальную немецкую территорию. Гитлер считал, что за всю немецкую историю наиболее успешными и значительными были следующие захваты:

1. Осуществленная преимущественно баварцами колонизация Восточной марки;

2. Присоединение и освоение районов восточней Эльбы;

3. Создание Бранденбургско-Прусского государства – центра, вокруг которого и произошла национальная консолидация Германии.

Без первых двух завоеваний немецкий народ, по мнению Гитлера, вообще не смог бы сыграть никакой роли. Поэтому направление экспансии сомнения не

вызывало, она должна была быть направленной на Восток, так как на Западе все государства были перенаселены и не имели географической глубины.

Английский ученый-экономист Томас Мальтус (1766–1834) в качестве средства от перенаселения рекомендовал поздние браки, ограничение рождаемости и интенсивное развитие сельского хозяйства. Теория Мальтуса основывалась на предпосылке, что предложение продуктов питания на рынке растет в арифметической прогрессии, а рост населения происходит в геометрической прогрессии. Это несоответствие в росте различных показателей приводит к постоянно расширявщемуся разрыву между количеством живущих людей и производством необходимых продуктов питания. Согласно Мальтусу, теоретически вполне реально, что в конце концов настанет время, когда продуктов питания не будет хватать, чтобы накормить всех.

Гитлеру идея Мальтуса показалась конгениальной, поскольку в Германии с ростом населения росла и его плотность: если в 1871 г. на квадратный км приходилось 56 жителей Германии, то в 1910 г. – 120 (в ФРГ – 245 человек). К тому же постоянно были слышны разговоры о нехватке продовольствия, о том, что его приходится ввозить. Гитлер искал решения проблемы перенесения исключительно в захватнической войне; в отличие от Мальтуса, Гитлер не предостерегал от перенаселения, а желал его, чтобы побудить народ действовать и подчинять другие нации. Якобы рациональные и четкие доводы Мальтуса на самом деле были совершенно ложными: он, как и Маркс, попал в ловушку, сформулировав некие долгосрочные закономерности на основе среднесрочных закономерностей, которые к моменту их формулирования уже затухали. Истинно сказал однажды Бисмарк, что в политике близорукость лучше, чем дальнозоркость».

Для того чтобы сделать немецкую нацию «здоровой», то есть пригодной для успешной борьбы за выживание, нацисты хотели сделать из немцев народ крестьян и воинов, а для этого нужно было обеспечить всех немцев (в том числе и прозябающим в сутолоке больших городов рабочим) землей. Очевидно, что немецкой земли для этого было недостаточно (даже если учесть еще не подвергшиеся внутренней колонизации земли Восточной Пруссии), что и побуждало нацистов к экспансии. Направление же экспансии было и очевидным, и традиционным: *Drang nach Osten!* Еще основатель геополитики Фридрих Ратцель в 1897 г. писал, что задачей политики является обеспечение необходимого количества земли для растущего населения (хотя при этом напоминал, что история часто теряет масштаб, актуальный для современности и для будущего). Ратцель сделал идею расширения жизненного пространства геополитическим законом: «Народ растет, увеличивается в числе, страна увеличивает контрлируемое ею пространство». При этом Ратцель привел вполне конкретную цифру – 5 млн. км² – таковой на его взгляд должны быть территория государства, если оно стремится стать великой державой (территория Германии была 550 тыс. км²).

Преемник и продолжатель дела Ратцеля директора Института геополитики Карл Хаусхофер разделял его мысль, согласно которой упадок нации происходит от ущербности концепции жизненного пространства этой нации. «Пространство не только является носителем силы, оно само и есть сила, – говорил Хаусхофер своим студентам, среди которых был его ассистент Рудольф Гесс, – я намерен преподавать политическую географию как оружие, которому суждено пробудить Германию с тем, чтобы она выполнила свое великое предназначение. Я перевоспитаю нацию, я заставлю ее осознать роль географии в истории, так что даже самый юный немец перестанет замыкаться в границах родной деревни и начнет мыслить в масштабах континента». Хаусхофер владел редким искусством обращать самые тусклые факты в повод для патриотических порывов: он написал 40 томов сочинений, 400 эссе, его наследие составило 3420 геополитических сочинений, написанных между двумя

войнами. Центральной категорией учения Хаусхофера была категория жизненного пространства *(Lebensraum)*, которую Гитлер воспринял в полной мере: слово *«Lebensraum»* гораздо чаще встречается в более откровенной «Второй книге» гитлеровской «Майн кампф», чем в первой. В самых важных главах (II–VII) этот термин встречается 11 раз, не считая его синонимов: «*Grund und Boden*», «*Grundfläche*», «*Bodenfläche*», «*Boden*», «*Grund*», «*Raum*» и т. д. Гитлеровская маниакальная одержимость «жизненным пространством» вполне выразилась его книге: удивительно, но никогда в истории не было, чтобы прежде чем прийти к власти политик изложил свои намерения столь исчерпывающе, как Гитлер в «Майн кампф».

Хаусхофер умел набрасывать на политическую географию вуаль расового мистицизма, представляя немцам псевдонаучное обоснование необходимости завоевания отдаленных регионов. Теория Хаусхофера имела в Германии большой успех; к 1935 г. его геополитику преподавали во всех школах Третьего рейха. Уже во времена диктатуры в одной из пропагандистских радиопередач Хаусхофер, оправдывая культ фюрера, заявил: «Каждый из нас в какой-то мере является актером на политической сцене мира. Даже находясь на самом скромном посту, ниспосланным нам богом, мы внесем свой вклад в формирование будущего нашего народа, если будем следовать за вождем. Не будьте ограниченными, мыслите в масштабах больших пространств и создайте вашу жизнь по образу нашего фюрера».

В целом идеи Хаусхофера, который подчеркивал необходимость установления континентального контроль над Евразией в союзе с Японией и Россией, оказали определенное влияние на Гитлера, хотя ему не нравилось, что Хаусхофер совершенно не принимал расизма и антисемитизма нацистов.

Восточное направление имперской экспансии Третьего рейха оформилось именно по той причине, что в Германии было широко распространено мнение об аморфном характере восточных пространств, их неокультуренности и заброшенности; это и делало морально «обоснованной» демографическую «раскорчевку» восточных земель и заселение их немцами. Упомянутая «раскорчевка» Запада была бы более сложной, менее обоснованной и чреватой серьезным сопротивлением интегральной и более древней культуры. В сентябре 1930 г., незадолго до прихода нацистов к власти, «аграрный папа» нацизма Вальтер Дарре говорил: «Мы попытаемся получить недостающие земли там, где они в наибольшей степени созрели к освоению и колонизации, там, где они естественным образом принадлежат нам, а именно – на Востоке. Кроме того, идея «крови и почвы» дает нам право получить на Востоке столько земли, сколько необходимо для восстановления естественного равновесия между размерами национальной территории и потребностями здоровой и растущей нации». Такая экспансия связана с установлением непосредственного владения землей, в отличие от либеральной экспансии, не обязательно предполагающей утерю суверенитета подконтрольными странами; поэтому либеральная геополитическая экспансия не имеет границ, она более абстрактна и всеобъемлюща.

Не последнюю роль в процессе мотивировки восточной экспансии играли для Гитлера и морально-этические факторы: «Не следует забывать, что правители нынешней России – это запятнанные кровью подлые преступники, подонки человечества, которые, пользуясь случаем, в трагический час разрушили огромное государство, удушили миллионы ведущих интеллектуалов, элиту общества, и уже десять лет тиранически правят страной. Нельзя забывать, что правители России принадлежат к народу, который соединил в себе дикую кровожадность и непостижимое искусство вранья – к интернациональному еврейству».

Уже 3 февраля 1933 г. – четыре дня спустя после назначения канцлером, на секретном совещании Гитлер заявил военному руководству (которое в тот момент

относилось к нацистскому фюреру весьма прохладно), что в будущем он не отступит от принципов, изложенных в «Майн кампф», и по-прежнему считает, что жизненное пространство для немецкого народа находится на Востоке. 5 ноября 1935 г. на другом секретном заседании Гитлер даже уточнил срок начала этой экспансии – 1943–1945 гг. С января 1939 г. Гитлер начал говорить, что немецкие территориальные проблемы даже при сопротивлении извне могут быть решены только военным путем; при этом он предрекал, что грядущая война будет войной мировоззрений, расовой войной. В этот период свои намерения Гитлер высказывал только военной и партийной верхушке, а народ продолжал убеждать в своем исключительном миролюбии.

До войны Гитлер неоднократно говорил, что у Германии нет никаких интересов на Западе, и она и в будущем не намерена что-либо там предпринимать. Вместе с тем, он не упускал возможности упомянуть необходимость экспансии на Востоке. В речи от 23 ноября 1939 г. Гитлер таким образом оправдывал необходимость борьбы за «жизненное пространство»: «Меня упрекают: борьба и снова борьба! Но в ней я вижу судьбу всего сущего. Уклониться от борьбы, если только он не хочет быть побежденным, не может никто. Рост народонаселения требует большого жизненного пространства. Моей целью было добиться разумного соотношения между численностью населения и величиной этого пространства. Тут без борьбы не обойтись! От решения этой задачи не может уйти ни один народ, ибо если он пренебрежет этим, то обречен на постепенное вымирание. Отказ от применения насилия означает величайшую трусость, уменьшение численности народонаселения и деградацию. Важно осознать одно: существование государства имеет смысл только тогда, когда оно служит сохранению своей народной субстанции. У нас речь идет о 82 млн человек. А это налагает на нас величайшую обязанность. Тот, кто не берет ее на себя, не достоин принадлежать к народному организму. Вот что дало мне силы для борьбы».

В этой связи важно уяснить, чем было для Гитлера «жизненное пространство» – инструментом национальной интеграции или хозяйственной, геополитической необходимостью? В «Майн кампф» и особенно во «Второй книге» содержатся указания на этот счет: они сводятся, прежде всего, к хозяйственной необходимости приобретения новых земель. Гитлер писал, что долгом каждого правительства является восстановление баланса между численностью населения и территорией его проживания. Приемлемым для него был только один путь – путь завоеваний. Аргументы за агрессию Гитлер неоднократно воспроизводил в своих статьях, выступлениях; отражены они и в знаменитом «протоколе Хоссбаха» – записи монолога Гитлера 5 ноября 1937 г. перед генералами вермахта. В этом монологе Гитлер обосновывал необходимость войны за передел мира. Завоевание «жизненного пространства» должно было способствовать ликвидации асинхронности развития сельского хозяйства и промышленности, неравенства города и деревни. Райнер Цительман подчеркивал, что из этого стремления Гитлера не следует делать вывод о том, что он хотел вообще ликвидировать города, а их обитателей переселить в деревню. Напротив, гитлеровская аргументация была нацелена на то, чтобы дискредитировать экономическую экспансию и предложить свое решение проблемы.

Эта тема была в центре внимания геополитической теории. Хаусхофер, основательно изучив материал, утверждал, что стратегические преимущества большой территории неоспоримы; в глазах Гитлера это было решающим аргументом в пользу политики вооружений, ибо новые территории можно было получить только военным путем. Поэтому Гитлер был убежден, что война в любом случае неизбежна. Это обстоятельство побуждало его поставить другой, чрезвычайно болезненный для немцев в Первую мировую войну вопрос – об

автаркии ввиду ограниченных природных ресурсов Германии. Для Гитлера, в отличие от аграрных романтиков Дарре, Гиммлера и Розенберга, сырьевые ресурсы были куда важнее, чем сельскохозяйственные угодья. 28 апреля 1939 г. в рейхстаге Гитлер, возражая Рузвельту, заявил, что США достаточно богаты сырьем и плодородной землей, чтобы прокормить полмиллиарда людей, а в Германии большинства ресурсов не хватает. Летом 1941 г., после первых больших побед в России, Гитлер несколько раз возвращался к теме сырьевых ресурсов: по его мнению, сырье, которое немцы получили в свое распоряжение в России, должно не служить подъему российской промышленности, а использоваться в Германии (России же, по его планам суждена реаграризации. По Гитлеру, завоевание «жизненного пространства» на Востоке должно было обеспечить Германии столь же мощную сырьевую и аграрную базу, какая существует у США. Сверх того: последовательная расовая политика должна была позволить европейским странам избежать американской гегемонии. С одной стороны, Гитлера восхищала современная техника США, и он испытывал уважение к американским экономическим успехам и евгеническим законам (евгеника – учение о наследственном здоровье и умственных способностях человека и отборе лучшего материала. Первоначально перед евгеникой стояли гуманные цели, но в итоге ею стали злоупотреблять для реализации расовых доктрин. До нацистов это наиболее активно делали в некоторых штатах США). Также Гитлер одобрял строгие въездные квоты для разных национальностей.

Мотивация гитлеровской имперской политики в итоге сводилась к завоеванию «жизненного пространства» для немецкого народа, что, как он считал, было совершенно необходимым как с экономической, так и с расовой точки зрения. Его система взглядов на проблему «жизненного пространства» представляла собой причудливый конгломерат научных теорий, псевдонаучных представлений, расовых предрассудков, современной ему политэкономии, геополитики, теории империализма. Завоевание «жизненного пространства» являлось задачей среднесрочного планирования, долгосрочной задачей было завоевание мирового господства и глобальной гегемонии. Тезис о «жизненном пространстве» сыграл роль инструмента интеграции партии, а также значительную пропагандистскую роль.

Собственно, гитлеровская геополитика на основе расовой доктрины была идефикс фюрера, сосредоточением всех его планов. Ее трудно оценить позитивно, ибо она игнорировала интересы и существование других наций; она свидетельствовала о целостности подхода к воображаемой проблеме, но в координатах ложных ценностей. В принципе, английский историк Х. Тревор-Роупер был прав, когда в 1960 г. писал: «При жизни Гитлера едва ли кто из историков хотел верить в его последовательный, целеустремленный подход. Возможно потому, что Запад проводил страусиную политику по отношению к нацизму. Последовательный подход Гитлера оспаривался и после 1945 г. историками, которые чувствовали отвращение к вульгарной и нечеловеческой натуре Гитлера в такой степени, что не хотели допускать в нем ничего положительного, даже остроту мышления и целеустремленность действий. И я хотел бы утверждать, что историки – среди них мои глубокоуважаемые соотечественники Льюис Неймир, Алан Буллок, А.Д.П. Тейлор – допустили ошибку, делая вывод о наличии низкого морального уровня и низкого интеллекта». Со словами о «моральном уровне» все же трудно согласиться, поскольку «моральная» позиция предполагает учет интересов и других людей, а не только собственных сограждан. Что касается «научной» стороны гитлеровской геополитики, то тогдашний уровень знаний не позволял предвидеть полную дискредитацию мальтузианской теории вследствие социально-экономических и демографических процессов в Европе после Второй мировой войны. По крайней

мере, ни одна из развитых стран не испытывает сейчас проблем в связи с нехваткой «жизненного пространства» (этого, правда, не скажешь об Африке), как это предрекал Гитлер; именно экономическая экспансия, о бесперспективности которой говорил Гитлер, оказалась наиболее эффективной.

Кроме прочего в выборе основного направления имперских захватов сыграло еще одно важное обстоятельство – дело в том, что Гитлер принадлежал к поколению, пережившему на фронте Первую мировую войну, и эта война имела определяющее значение для развития его геополитических представлений: в заключительной стадии Первой мировой войны захватнические помыслы Германии обратились не на Запад, а на Восток. Собственно, Германия и в войне-то оказалась из-за страха перед растущей мощью России – огромной тиранической империи, стоявшей у самого порога Германии и, по мнению немцев, враждебной по отношению к ней. К середине 1918 г. германцы выполнили свою главную задачу, избавились от самого страшного кошмара – царская Россия была побеждена и уничтожена, а Брестский мир гарантировал Германии её завоевания. Брестский договор передавал Германии все, что она считала ценным в европейской части России. Как злорадно отметил один из членов германского правительства: «Именно на Востоке мы соберем проценты наших военных облигаций». Брестский договор открывал для немцев захватывающую перспективу создания огромного экономического пространства на Востоке Европы под контролем Германии, что обеспечило бы последней желанную автаркию (Германия в этот момент изнывала от эффективной континентальной блокады, организованной Англией).

Именно царская Россия мешала реализации старинной германской мечты о колонизации Востока, и вот в заключительной фазе войны эта помеха оказалась устранена: 1 марта 1918 г. немецкие войска захватили Киев: по указке Людендорфа была декларирована «Украинская держава» во главе с гетманом П.П. Скоропадским и под германским контролем, и это явилось основой для консолидации колонии-сателлита Германского рейха. В оккупированной немцами Прибалтике кайзер стал герцогом Курляндским, в состав которого были включены Литва и Эстония, управляемые местным немецким меньшинством. В апреле 1918 г. войска германского генерала фон дер Гольца захватили Финляндию, также потенциального сателлита или союзницу Германии.

7 мая 1918 г. был подписан Бухарестский мир, который обеспечивал германцам хорошие возможности экономической экспансии в Румынии. По приказу Людендорфа немецкие войска были введены в Крым, тамошняя немецкая колония до войны была экономически доминирующей, и по логике завоевателей Крым также подлежал германскому освоению и колонизации. В сентябре 1918 г. немецкие войска добрались до бакинских нефтяных скважин, готовясь сделать рывок в Закавказье, чтобы занять стратегические позиции на границе с Центральной Азией. Даже приближающееся падение Габсбургской монархии и Османской Порты рассматривались немецким военным руководством как дополнительная возможность для экономической и политической экспансии на Ближний Восток и Юго-Восточную Европу. Коротко говоря, к осени 1918 г. немцам казалось, что, несмотря на «тактическое» отступление на Западе, война отнюдь не проиграна, а, наоборот, на самых существенных направлениях выиграна с огромным перевесом. Более того, казалось, что из послевоенного перераспределения мира Германия (по экономическому потенциалу и масштабам природных богатств и ресурсов) выйдет равной США и Великобритании

Положение вещей немцы осознали только в мае 1919 г., когда были опубликованы условия Версальского мира, воистину ставший для немцев «Карфагенским миром». И это несмотря на то, что Версальский мир позволил Германии сохранить все, что было создано Бисмарком. По Версальскому миру

немцы потеряли относительно немного, но эти потери следует рассматривать в перспективе тех захватывающих дух завоеваний, которые Германия уже считала состоявшимися. По мнению Гитлера, после Брестского мира немецкое руководство стояло на верном пути в решении геополитической проблемы Германии, и вот в самый ответственный момент последовало «нелепое» поражение. Планы Гитлера начинались там, где кончался Брест-Литовский мир. В этом отношении интересно отметить, что гитлеровские геополитические устремления французский дипломат А. Франсуа-Понсе объяснял не расовой доктриной, а стремлением к преемственности кайзеровской внешней политике и её достижениям, до которых Гитлер хотел сначала добраться, а потом и превзойти. Мысль о том, что Россия навязала бы Германии куда более тяжелые условия (так и произошло в 1945 г.), не приходила в голову немцам, поскольку царская Россия была уничтожена именно при помощи германского оружия! Почему же тогда целые германские общины на Востоке Германия должна отдавать под власть варваров? Именно эти потери и вызвали у немцев сильную горечь и негодование, им казалось противоестественным жить «под славянским игом», «под игом людей, которые пришли к европейской цивилизации во многом благодаря немцам».

Гитлер, скорее всего, и находился в плену этого видения: для него война с Советским Союзом была осуществлением обширной территориальной экспансии немецкого народа с целью обеспечения его долгосрочной экономической безопасности и одновременно реализацией возможности постоянного расового обновления. В войне на Востоке речь шла не о таких банальных вещах, как изоляция Британии или обеспечением Германии жидким топливом. Общая картина гитлеровского видения перспектив войны на Востоке претерпевала во время войны некоторые изменения, под влиянием актуальной политики и реалий происходили переносы акцентов, но главный принцип сохранялся, – он заключался в обеспечении Германии «жизненного пространства». Еще в 1919 г. Гитлер риторически вопрошал, справедливо ли, что в России земли на человека приходится в 18 раз больше, чем в Германии; поэтому не удивительно, что, став канцлером, Гитлер сразу объявил о своих намерениях и не забывал о них никогда. Уже в феврале 1933 г., выступая перед офицерами рейхсвера, он заявил, что расширение и укрепление армии является важнейшей предпосылкой восстановления внешнеполитических позиций рейха, которые должны обеспечить переход к «завоеванию нового жизненного пространства на Востоке и безоговорочной и безусловной его германизации». Ни немецкая, ни мировая общественность, несмотря на открытое декларирование этих целей в «Майн кампф», не представляла, насколько последовательно будет действовать Гитлер. С другой стороны, эта гитлеровская «открытость» была затемнена и замаскирована его прочими декларациями и уверениями в собственном миролюбии и готовности к сотрудничеству; это делалось для успокоения соседей и выигрыша времени для подготовки к войне. Эти заверения и тактические маневры фюрера до сих пор дезориентируют историков.

Гитлер рассчитывал на то, что вследствие большевистской революции Россия ослаблена, и какие-либо позитивные достижения стали для нее невозможны. Из гитлеровской логики видно, что причиной нацистского экспансионизма нельзя считать оборонительную реакцию буржуазной Европы против большевистской опасности: глубоко укорененный в нацизме антикоммунизм и нацистский экспансионизм существовали каждый сам по себе. Первый был просто удобным предлогом для экспансии. Интересно отметить, что сначала Гитлер считал, что сумеет договориться с Польшей; когда этого сделать не удалось, и Германия напала на Польшу, Гитлер просто распространил концепцию «жизненного пространства» (прежде относящуюся исключительно к России) и на Польшу. В этой связи

интересно отметить, что цель польской кампании 22 августа 1939 г. Гитлер определял как «уничтожение Польши», «уничтожение ее жизненных сил, а не выход на определенную линию». Даже Данциг для него не был важной целью – это был всего лишь поводом к дальнейшему расширению или «округлению жизненного пространства». Напротив, в отношении Советского Союза захватнические цели были заранее определены и зафиксированы. Эту фиксацию, бесспорно, привнес в имперскую политику сам Гитлер, но диалектика развития позиции Гитлера в отношении СССР имела довольно сложную природу: дело в том, что еще в 1914 г. правящие круги Германии оказались в своей имперской политике в Восточной Европе во власти логики, последовательно опровергнуть или ревизовать которую довольно сложно.

Центральное (срединное) положение Германии в системе держав в Европе всегда было чревато всевозможными осложнениями, и находившаяся на подъеме кайзеровская Германия хотела разорвать этот замкнутый круг проблем путем утверждения европейской континентальной гегемонии. Этот германский гегемонизм и империализм не были специфически немецкими: ничуть не лучше и не хуже были французские или английские имперские доктрины. После Первой мировой войны, однако, эта первоначально безобидная или, по крайней мере, трезвая немецкая геополитическая логика стала носить зловещий характер, поскольку Советская Россия могла осуществить желанную мировую революцию только через Берлин, а Запад мог защитить демократию и собственную интегральность только на Рейне. Гитлер, обладая необыкновенно развитым политическим инстинктом, использовал эту новую ситуацию для решения старой проблемы срединного (центрального), следовательно, не имеющего резервов развития, положения Германии путем экспансии на Восток, путем завоевания там «жизненного пространства». Это последнее, однако, было настолько отвлеченным понятием, что не имело никакого исторического смысла (может быть, только футуристическое). Столь же нелепым выглядит и его стремление представить старую европейскую державу – Россию, имевшую вековые имперские традиции и долгое время являвшуюся самым существенным континентальным имперским центром силы, – объектом колонизации. Легко было предвидеть, что в случае неудачи этой авантюры сами немцы могли оказаться (с ГДР так и получилось) в той роли, которую они уготовили русским.

Огромное влияние на отношение Гитлера к России оказала националистическая традиция; основными выразителями антирусских настроений в Германии во время Первой мировой войны, – когда Гитлер как губка, впитывал основы националистических убеждений, – были три балтийских немца: Теодор Шиман, Йоганн Галлер и Пауль Рорбах. Двое первых были известными историками, а Рорбах был публицистом. Колония прибалтийских немцев, несмотря на свою относительную малочисленность, во многих отношениях, и особенно в геополитическом, оказала огромное интеллектуальное воздействие на немцев в рейхе. Многочисленные труды упомянутой троицы, несмотря на то, что эти деятели не были прямо связаны с нацистами и даже относились к ним критически, повлияли и на нацистов и на поколения немецких теоретиков и практиков национализма. Издавна прибалтийские немцы (с их культом эффективности, целесообразности и рациональности) с неодобрением и скептицизмом наблюдали за тем, как отвратительно устроено хозяйство в России; но объясняли плачевное состояние этой страны не расовой неполноценностью русских, как это делали нацисты, а культурными и этическими различиями справедливость этого можно признать и сейчас.

Реакция русских на подобное отношение была соответствующей: немцев в России не любили – стоит вспомнить Штольца в романе И.А. Гончарова «Обломов»

(1859 г.): вроде бы во всех отношениях положительный, образ этот вызывает у русского читателя устойчивую антипатию. Присущий немцам культ эффективности не мог совпасть с движениями русской души по причинам, вдаваться в которые мы не будем. Теоретики превосходства германцев считали русских неспособными измениться к лучшему, поэтому полагали, что русские, будучи не в состоянии ассимилировать даже близкие им народы (украинцев и белорусов), – не имеют право диктовать свою волю другим. Один из самых известных и читаемых теоретиков геополитики Пауль Рорбах в Первую мировую войну отстаивал идею расчленения России на «естественные» составляющие: Финляндию, Польшу, Бесарабию, Украину, Кавказ, Туркестан, Россию. Рорбах писал, что Российскую империю можно разделить на части, как апельсин – без разреза и ран, естественным образом. Следует ещё раз подчеркнуть, что ни один из упомянутых прибалтийских геополитиков не был расистом; эта разновидность империализма была вдохновлена национально-либеральными идеями, широко распространенными не только в Германии, но и во всей Европе, во всяком случае, в этих представлениях не было ничего исключительно немецкого.

Вместе со всей цивилизованной Европой Рорбах осуждал преследования евреев в России. Не менее влиятельный и известный публицист профессор русской истории Теодор Шиман считал русскую империю искусственным образованием, ибо она, на его взгляд, представляла собой конгломерат несовместимых между собой народов и рас. Не меньшей русофобией дышали многочисленные публикации Й. Галлера, который пытался реставрировать старый лозунг крестоносцев о натиске на Восток, ибо, по его мнению, Россия всё равно находится вне семьи европейских народов.

Суждения прибалтийско-немецких «остфоршеров», конечно же, были учтены Гитлером в его размышлениях о геополитическом «тупике» Германии (как он его себе представлял) накануне войны. Гитлер так обосновывал необходимость войны на Востоке: «Эта вечная болтовня о мире – она доводит народы до сумасшествия. Ведь в чем дело? Нам нужны зерно и древесина. Из-за зерна мне нужно пространство на Востоке, из-за древесины – одна колония, только одна. Мы жизнеспособны. Наши урожаи в 1938 г. и в этом году были прекрасными. Но однажды почва истощится и откажется работать, как тело после того как проходит эффект от допинга. И что тогда? Я не могу допустить, чтобы мой народ страдал от голода. Не лучше ли мне оставить два миллиона на поле боя, чем потерять еще больше от голода? Мы знаем, что это такое – умирать от голода. У меня нет романтических целей, у меня нет желания господствовать. Прежде всего, я ничего не хочу от Запада, – ни сегодня, ни завтра. Я ничего не хочу от регионов мира с высокой плотностью населения. Там мне ничего не надо, совсем ничего, раз и навсегда. Все идеи, которые мне приписывают по этой части – выдумка, но мне нужна свобода рук на Востоке». Приблизительно так же Гитлер обосновывал внешнюю экспансию и в «Майн кампф»: «Германия имеет ежегодный прирост населения в 900 тыс. человек, и задача пропитания этой массы людей становится из года в год все сложней, и однажды станет вовсе неразрешимой, настанет голод». Выход Гитлер видел не в ограничении рождаемости (этот путь отнимает у народа будущее, полагал Гитлер), не во внутренней колонизации (этот путь чреват распространением пацифизма, по мнению Гитлера), не в активной торговой и промышленной экспансии (другие европейские страны, он полагал, будут сильными конкурентами Германии), а в более «здоровом», по его выражению, пути – в территориальных захватах. После 1933 г., по мере наращивания вооружений, экономическая проблема становилась все более приоритетной и важной.

В августе 1936 г. в «Памятной записке» к четырехлетнему плану Гитлер ставил задачу через 4 года быть готовым к войне на Востоке; эта война, по его

мнению, должна дать сырьевую и продовольственную базу для немецкого народа. На совещании 5 ноября 1937 г. Гитлер заявил: «Участие в мировом хозяйственном процессе: перед нами возведены границы, которые мы не в состоянии устранить... И в особенности следует основательно задуматься над тем, что с момента окончания мировой войны происходит индустриализация как раз тех стран, которые ранее были экспортерами продовольственных товаров». А поскольку автаркия в Германии может быть реализована только в отдельных отраслях, то Гитлер делает вывод: «Единственный и, вероятно, кажущийся несбыточным, способ устранить наши трудности лежит в завоевании более обширного жизненного пространства, то есть в том, что во все времена было причиной основания государств и народных движений». 9 января 1941 г. Гитлер говорил, что «русская территория таит в себе неизмеримые богатства. Германия должна установить над ней экономическое и политическое господство, но не присоединять ее к себе. Тем самым создадутся все возможности для будущей борьбы с континентом, и тогда уж Германию разгромить не удастся никому». Отто Вегенеру, руководителю экономико-политического отдела НСДАП, концепцию завоевания «жизненного пространства» в России Гитлер разъяснял таким образом: «Европе, чтобы выстоять в решительной борьбе с Америкой, потребуется зерно, мясо, древесина, уголь, железо и нефть России».

В октябре 1941 г. Гитлер говорил, что захваченное в России «жизненное пространство», по-видимому, обеспечит автаркию для Европы: «Где еще мы найдем область, имеющую железо столь высокого качества как украинское? Где еще столько никеля, угля, марганца, молибдена? Это же те самые марганцевые рудники, из которых получает руду Америка. К тому же есть возможность разведения каучуконосных растений! Если их посевную площадь довести до 40 тыс. га, то мы покроем все наши потребности в резине». Особенно «проникновенно» о советских богатствах Гитлер говорил в беседе с голландским нацистом Муссертом: «В распоряжении Востока, по-видимому, находятся гигантские запасы сырья, будь то в сельском хозяйстве или в отношении рудных залежей. Россия, безусловно, самая богатая страна на земле. Вспомним хотя бы о железорудных месторождения Керчи, о запасах нефти, о редких металлах и так далее. Кроме того, в распоряжении России есть, вероятно, важнейшее сырье – человек». Представление о том, что этим «сырьем» в СССР распоряжаются плохо и не те люди, в Германии было распространено не только среди нацистов; так, государственный секретарь Вейцзекер, довольно далекий от нацистов, описывал свое впечатление от визита советской делегации в Берлин в 1940 г.: «Свита Молотова состояла их типично уголовных типов, как будто специально подобранных для съемки кинофильма. Мне стало даже не по себе, что огромный 130-миллионный народ представлен подобной делегацией». Вместо того, чтобы привести к позитивному результату, визит Молотова ускорил созревание планов Гитлера, направленных против СССР. Вейцзеккер считал, что виной тому был список пожеланий народного комиссара. Все это напоминало встречу между Александром I и Наполеоном в Эрфурте в 1808 г. Молотов выдвинул свои требования точно также, как и во время царского режима, только более вызывающе. Он сказал о потребности расширения к югу к теплым морям и необходимости учреждения баз в турецких проливах – это всегда было традиционной русской политикой и никого не могло удивить. Во время разговора с Гитлером Молотов поднял вопрос о свободном проходе советских кораблей за пределы Балтики. В своих требованиях Молотов казался настоящим мамонтом. Обещание Гитлера о разделе британских владений, когда Англия потерпит поражение, не произвели на него никакого впечатления.

Таким образом, ясно, что именно имперские, а не идеологические задачи предопределили для Гитлера главное направление экспансии – Советский Союз; следовательно, не «еврейско-большевистский» характер Советского Союза был

подлинной причиной принятия Гитлером программной целевой установки на войну против России. Решение о начале этой войны было принято независимо от этого, хотя, конечно, Гитлеру удалось использовать антибольшевистскую пропаганду в качестве дополнительного обоснования завоевательных целей на Востоке. Этот же предлог был основным и в оправдании «разрыва» с бисмарковской традицией союза с Россией: в России во времена Бисмарка господствующее положение занимала германская элита, а в СССР настоящими хозяевами являются евреи. По этому поводу Гитлер однажды заявил: «Нордическая раса имеет право доминировать во всем мире – вот краеугольный принцип нашей внешней политики. Поэтому никакой союз с Россией, славяно-татарским государством, которым управляют евреи, невозможен. Знавал я этих славян в своей собственной стране! Когда над ними доминируют немцы, Германия может объединиться с ними для достижения общих целей, как это было во времена Бисмарка. Сегодня же такое поведение было бы преступлением». Собственно, господство евреев и большевизм были для Гитлера идентичны. Нельзя упускать из виду и характерный для австрийца устойчивый антиславизм Гитлера. В «Майн кампф» он писал: «во время русско-японской войны я был на стороне японцев, в поражении русских я увидел и поражение австрийского славянства». Характерен его отклик об убийстве кронпринца Франца Фердинанда: «Самый большой друг славян пал под пулями фанатика-славянина. Вначале я боялся, что кронпринца убил какой-нибудь немецкий студент из-за славянофильства наследника австрийского престола». С началом войны на Востоке антиславизм этот стал нарастать, принимая гротескные формы и эксцессивный характер. Об этом свидетельствует то, что Красную Армию планировалось отбросить за Урал; в Сибири Гитлер допускал существование остатков большевистского режима. Он рассчитывал на возникновение перманентных вооруженных стычек с вермахтом, позволявших бы вермахту поддерживать боевой дух и испытывать новые. Такой беспредельный акционизм кажется просто анекдотическим, но, тем не менее, это так. 9 июля 1941 г. Геббельс: «Если большевизм будет ликвидирован, на Востоке достаточно оставить 50 дивизий. Этими силами страна, поскольку она станет нами оккупирована, будет совершенно умиротворена». В сентябре 1941 г. Гитлер заявил, что граница между Европой и Азией проходит не на Урале, а там, где кончаются поселения племен германского толка и начинается славянство; поэтому задачей немцев, на его взгляд, должно стать максимальный перенос этой границы на Восток.

В целом переселенческие и колонизационные потенции Германии нацистами были абсурдно переоценены, а в реализации планов колонизации эсэсовцы провалились. Насколько большого успеха Гиммлер добился в создании Ваффен СС, насколько эффективный полицейский аппарат был создан в Германии, насколько жесткая система концлагерей была создана СС, настолько же провальной и неудачной была поселенческая политика и колонизационная политика СС. На этом «поприще» Гиммлера ожидала и масса проблем объективного свойства и организационных провалов, являвшихся следствием интриг соперничающих с СС инстанций.

Не на оккупированных советских территориях, а только в Чехии и Моравии (и отчасти в аннексированных у Польши землях) нацисты смогли приступить к начальной стадии освоения отобранной у славян земли. Когда Гейдрих стал рейхспротектором Чехии, он получил возможность реализовать планы СС по созданию поселений в Богемии и Моравии. При вступлении в должность 2 октября 1941 г., Гейдрих сказал, что на Востоке нужно создать слой немецких «хозяев», которые будут распоряжаться славянскими «илотами»; что на первом этапе нужно заселить аннексированные польские районы, затем территорию собственно Польши, а затем Украину. Несмотря на то, что в этих планах ничего принципиально нового

не было, Гитлеру эти предложения понравились. В одной из застольных бесед он однажды сказал, что чехи прилежны и исполнительны и, может быть, они смогут служить надсмотрщиками на Востоке. Гитлер поддержал Гейдриха и разрешил распространить область действия эсэсовского «Имперского комиссариата по укреплению немецкой народности» на Богемию и Моравию, что стало крупной победой ведомства Гиммлера. Убийство Гейдриха спутало планы СС в Богемии, ибо его преемник, генерал-полковник полиции Далюге, старый оппонент Гиммлера, был сторонником объединения вопросов колонизации и эксплуатации оккупированных территорий под эгидой министерства Шпеера. В Лотарингии местный гауляйтер Роберт Вагнер был против поселения 5 тыс. человек из Буковины, – Вагнер сам хотел решать вопросы, связанные с переселением, а не исполнять приказы соответствующих эсэсовских ведомств. С большими трудностями столкнулись и планы создания немецкого поселения в районе Замостья (дистрикт Люблин); это поселение должно было стать первым в цепочке немецких поселений от Балтики до Крыма. Гиммлер планировал переселение 60 тыс. немцев с Волыни в стратегически важные пункты района Житомира и Винницы. Вооруженное сопротивление этому оказали местные польские и украинские крестьяне; протестовали и гражданские немецкие власти, опасавшиеся срыва планов производства сельскохозяйственной продукции и покушения на их компетенции.

В соответствии с вышеупомянутым планом профессора К. Майера-Херлинга, представленном в конце мая 1942 г., предлагалось создать «поселенческие марки», которые находились бы под полным контролем РКФДВ (Имперский комиссариат по укреплению немецкой народности), а Розенбергу осталось бы только управление славянскими резерватами. По этому плану, в течение 25 лет должны были возникнуть три марки – в Крыму, в районе Ленинграда и в Белоруссии. Для поселения и размещения 5 млн немцев предполагалось потратить 66 миллиардов марок. Гиммлеру план, в целом, понравился, но он потребовал включения в план колонизации и «германизации» района Западной Пруссии и Данцига, района Варты, юго-восточной Пруссии, Верхней Силезии, Богемии и Моравии, Эльзаса и Лотарингии, Верхней Крайны и южного Штайермарка. Кроме того, в планировании «тотального онемечивания» Гиммлер потребовал учесть генерал-губернаторство Польшу, Латвию, Эстонию (их предполагалось заселить в течение 20 лет), хотя рейхсфюрер «отдавал себе отчет, насколько трудна эта задача». Слово «трудна» в этой цитате – это эвфемизм, так как указанная задача была или невыполнима вовсе, или была делом чрезвычайно отдаленного будущего. Наиболее ответственные и профессиональные немецкие администраторы прекрасно это понимали; так, сотрудник Розенберга министериальдиректор в Прибалтике Петер Кляйст, эсэсовец, в резких выражениях критиковал колонизационную политику Гиммлера: «Нам, немцам, нужна земля не для колыбелей, а для могил погибшим воинам. Если через 100 лет у нас будет избыток населения, то его можно расселять в Эстонии, Латвии, Литве, но только после того как немецкими городами и районами станут не являющиеся таковыми до сих пор Познань, Лицманнштадт (Лодзь), Прага, Краков и множество других мест, нужно будет эвакуировать тамошнее население. Сейчас гораздо важнее выиграть войну, а не пропагандировать утопии, которые мешают победить».

В завершение обзора гитлеровской имперской политики следует сказать о её итогах. После Второй мировой войны миллионы немцев были изгнаны со своей исторической родины; границы, устроенные Бисмарком, рухнули, а немецкие пределы были перенесены далеко на Запад. Гитлеровская геополитика означала завершение немецкой колонизационной и, в некотором роде, культуртрегерской роли в Европе, особенно в Восточной Европе: большинство из 18 млн. немцев на

Востоке после 1945 г. было охвачено бегством; 1,71 млн. из них погибли, из 12,45 млн. немецких беженцев 7,9 млн. осели в ФРГ, 4,065 млн. в ГДР, 370 тыс. в Австрии, 115 тыс. в других странах. Немцам понадобилось более четверти века для того, чтобы найти в себе силы и примириться в канцлерство Вилли Брандта с территориальными потерями на Востоке. В итоге то, что Гитлер планировал для других народов, обернулось против самих немцев: почти все немецкое население Восточной Европы (более 12 млн. человек) было выселено; это стало самым крупным переселение за обозримую человеческую историю.

В исторической перспективе гитлеровская имперская политика оказалась ложной не только вследствие ее совершенно очевидных обскурантистских установок, но и по существу: после войны, на рубеже 50–60-х годов, произошла «зеленая революция», которая (вкупе с изменившейся демографической ситуацией) в коне изменило положение. Если до Первой мировой войны в Германии постоянно был сильный дефицит в сельскохозяйственном производстве: 28 % составляла нехватка белка, около 20 % – нехватка по калориям; кризисы снабжения продуктами питания продолжались и в 1930-е гг., превратившись для Гитлера в настоящий кошмар. Во второй половине XX века все изменилось: рынок продовольствия на Западе перенасыщен. Поэтому гитлеровские ожидания продовольственной катастрофы представляются ныне нелепыми, а его геополитика с высоты опыта начала XXI века предстаёт совершенной чепухой.

Многие немецкие современники Гитлера, глядя так же, как он, на географическую карту, думали, что их страна слишком мала для тогдашнего населения Германии, но эти размеры имеют значение лишь при экстенсивном, а не высокотехнологическом развитии. Теперь, после «зеленой революции», 4–5 % нынешнего немецкого населения обеспечивают потребности страны в продуктах питания более чем на 70 %, при этом их доля в ВНП по сравнению с довоенными временами умопомрачительно мала. Гитлер сделал немцев жертвой изобретенного им же мифа – мифа борьбы за империю, который утерял свою актуальность за полторы тысячи лет до него.

Гитлер сопоставлял благосостояние и мощь государства с размерами его территории, упуская из виду гораздо более важный фактор: промышленную революцию, давно уже ставшую реальностью. После промышленной революции благосостояние и мощь государства уже не зависело от размеров земельных владений, но от состояния технологии и масштабов ее развития; для интенсивного и поступательного развития технологии размеры территории не имели ни малейшего значения. Для развития промышленности высоких технологий большая территория, наоборот, кажется препятствием, а не преимуществом. Именно из-за отсутствия или недостаточности высоких технологий СССР так и не смог грамотно воспользоваться огромными естественными богатствами страны. С другой стороны, промышленный рост был причиной устойчивого и живучего страха европейцев перед бесчеловечным, безжалостным и унифицирующим миром современного производства; Гитлер собирался избежать такого будущего, реализуя утопические имперские идеи, но всякая утопия является, как известно, исторически реакционной.

Литература:

Бросцат М. Закат тысячелетнего рейха. М., 2005; Бросцат М. Тысячелетний рейх. М., 2004; Грейг Г. Немцы. М., 2000; Йонг Л. де Немецкая пятая колонна во второй мировой войне. М., 1958; Лакер У. Россия и Германия – наставники Гитлера, s.a.e.l.; Мазер В. Адольф Гитлер. Легенда, миф, реальность. Ростов/Дон, 1998; Нольте Э. Гражданская война в Европе. М., 2002; Нольте Э. Три облика фашизма. М., 1999; Пленков О.Ю. Социализм Гитлера. СПб., 2010; Полиаков Л. Арийский миф. СПб., 1996; Толанд, Д. Адолф Гитлер. ТТ.1-2, Пермь, 1994; Фест Й. Адолф

Гитлер. ТТ. 1-2, Смоленск, 1993; Шпенглер О. Пруссачество и социализм. Петербург, 1922; De Felice R. Interpretations of Fascism. London, 1977; Griffin R., Feldman M. (Ed) Fascism. Critical Concepts in Political Science. Vol. 1-5. London, 2004; Laqueur W. Fascism – Past, Present, Future. New York, 2001; Mann G. Geschichte und Geschichten. Frankfurt am Main, 1962; Mosse G. Nazi culture: Intellectual, Cultural, and social life in the Third Reich. New York, 1966; Mosse G. Nazism: A historical and comparative analysis of NS. New Brunswick, 1978; Nationalsozialistische Diktatur 1933-1945 : eine Bilanz. Bonn, 1983; Neiberg M. Fascism. New York, 2006; Nolte E. Streitpunkte. Heutige und künftige Kontrowersen um den Nationalsozialismus. Berlin, 1993; Payne S. Fascism: Comparison and Definition. Madison, 1980; Thamer H.-U. Verführung und Gewalt. Deutschland 1933-1945. Berlin, 1986.

ФЕДЕРАЦИЯ

Федерация – эта такая форма государственного устройства, в котором суверенитет на внутреннем уровне осуществляется путем разделения компетенций между федеральным правительством и по крайней мере двумя субъектами федерации. Федерация поэтому характеризуется наличием двух официальных государственных уровней власти. Д. Элейзер называет федерализм организационным принципом территориального распределения власти, характеризующимся «самоуправлением и совместным управлением». Он «объединяет отдельные политии в рамках более широкой политической системы таким образом, чтобы позволить сохранить каждой из них основополагающую политическую целостность». В рамках этой системы федеративное государство наделяется ничем не ограниченным внешним суверенитетом и частью внутреннего, а субъект федерации сохраняет только некоторые атрибуты внутреннего суверенитета.

Каждый субъект федерации наравне с центром располагает своей системой законодательных, исполнительных и судебных органов. Компетенции между общефедеральными органами власти и подобными им институтами отдельным субъектов федерации (штаты – в США, Бразилии, Индии и т.д., земли – в ФРГ и Австрии, кантоны – в Швейцарии) строго разграничены. Как правило, субъекты федерации принимают собственные конституции или уставы, однако верховенство сохраняется за общефедеральным законодательством. Ряд областей могут быть отнесены целиком к законодательному регулированию субъектов федерации. Именно разделение властных функций между центральным правительством и региональными правительствами, закрепляющее за каждым из них ряд вопросов, по которым оно принимает окончательное решение, является, по мнению У. Райкера, главной отличительной особенность федерализма. Субъекты федерации опираются также на значительные полномочия и финансовые ресурсы. В федерации как федеральное, так и региональное правительства взимают свои прямые или косвенные налоги, однако центральное правительство обычно обладает контролем над основными источниками налогообложения. Независимый финансовый потенциал федерального правительства позволяет ему поэтому, несмотря на разграничение полномочий между двумя уровнями правления в федерации, оказывать влияние на региональное правительство с помощью финансового давления.

Полномочия между центральным и региональными правительствами распределяются на конституционно закрепленной основе. Именно на это обращает особое внимание Аренд Лейпхарт: «федерализм означает конституционно гарантированное разделение власти между центральным правительством и

правительствами составляющих (федерацию) единиц». Это означает, что ни один из уровней управления не может изменять эти конституционные свойства в одностороннем порядке. Каждый уровень управления свои права и компетенции основывает непосредственно на конституции, и в этом смысле один уровень власти не подчинен другому. Изменения в конституции, как правило, принимаются с прямого или косвенного согласия обоих уровней правительства. В редких случаях конституция может устанавливать правила, регулирующие право на отделение. В целом, чтобы успешно функционировать, каждая федеративная система должна найти надлежащий баланс между сотрудничеством центрального правительства и субъектов федерации (федерированных единиц) и конкуренцией между ними.

Некоторые федерации были созданы с тем, чтобы обеспечить соблюдение принципа национального самоопределения всех даже небольших наций в многонациональном государстве. Они получают название «этнофедераций», и их создание облегчается тогда, когда составляющие их нации компактно сконцентрированы на конкретных территориях. Однако в рамках этнофедераций порой не все нации требуют одинаковых прав и полномочий или имеют одинаковые рычаги для достижения своих целей. Так возникает модель асимметричных федераций, в которых некоторые субъекты федерации пользуются более широкими полномочиями, нежели другие.

Специалисты выделяют три наиболее известные категории федерации, отражающие различные формы взаимоотношений между центром и субъектами, преимущественно в сфере экономики: договорную, централистскую и кооперативную. Договорная форма основана на передаче объединяющимися субъектами (государствами) части своих прав новообразованному центру, и федеральное правительство не может приобрести дополнительных прав, прежде всего, в сфере экономики, без предварительного согласия субъектов, поскольку оно сформировано ими. Централистская форма основывается на том, что социально-экономическая (соответственно, и политическая) жизнь в отдельных частях государства должна регулироваться решениями общефедеральных органов. Идеологическим обоснованием этого служит тезис о том, что только народ страны образует единственно законный источник суверенной власти, и потому решения центрального правительства являются приоритетными и обязательными. Ныне в Европе все большее распространение получает кооперативная форма, основанная на социальном и экономическом сотрудничестве между федеральным центром и субъектами федерации. Для нее характерны целевые программы развития, повышающие роль субъектов федерации и развивающие конкурентные отношения между ними.

Сегодня в мире критериям федерализма отвечают не более 24 государств, но в них проживает более 2 млрд. человек (ок. 40% населения планеты). Федерализм сохранился в большинстве развитых европейских стран. Целым рядом стран во второй половине XX в. была осуществлена значительная децентрализация власти, ее передача на более низкие этажи политико-управленческой системы. Такого рода решения, в частности, были приняты в 1948 г. Индией, в 1969 г. Бельгией, в 1975 г. Испанией. Устойчивая тенденция к возрождению федерализма отмечается сегодня и в других странах, ориентирующихся на экономически наиболее развитые — США, ФРГ, Канаду, где, несмотря на все существующие проблемы, очевидны преимущества федеративного устройства. В то же время показателен также и возросший интерес исследователей к изучению причин, породивших распад федераций на территориях бывшего СССР, СФРЮ, ЧССР.

Сравнивая между собой федерацию и конфедерацию, можно отметить, что в рамках и той, и в другой формы государственного устройства конституция изначально является основополагающим пактом между странами--участницами.

Затем в федерации статус конституции как пакта между странами-участницами, как правило, пропадает с годами, тогда как договорные отношения между странами-участницами конфедерации остаются. Кроме того, федеральная конституция может принудительно вводиться в действие по всей федерации, в то время как обычное право в конфедерации охватывает только ограниченные сферы общей заинтересованности.

Федерацию и конфедерацию объединяет также то, что они придерживаются федеративного принципа «разнообразие в единстве» и характеризуются наличием двух уровней власти. Разделение полномочий и функций в обоих случаях имеет много общего. Первичными функциями обычно наделяется федеральное правительство. Сюда относятся сферы иностранных дел, войны и мира, контроль над вооруженными силами. В сфере экономики федеральное правительство обычно несет ответственность за регулирование внешней и внутренней торговли, стандартизацию мер и весов и установление общего или единого рынка. Контроль над социальной сферой, образованием, здравоохранением и культурой, то есть теми видами деятельности, которые самым непосредственным образом затрагивают каждодневную жизнь граждан, в рамках федерации обычно входит в компетенцию региональных правительств.

По мнению ряда исследователей, жесткая дихотомия «федерация» - «унитарное государство» в современных условиях чем дальше, тем больше утрачивает свою способность описать и классифицировать многоуровневые системы управления. В нее трудно «уместить» целый ряд современных явлений. Первым таким процессом является правовое оформление регионов в таких государствах, как Италия, Испания, Бельгия и Франция. Этот вид территориального разграничения власти трудно отнести либо к незавершенной форме федеральной системы или некоему эволюционному типу унитарного государства.

Вторым вызовом устоявшейся традиции стали движения в пользу деволюции, с которыми в последние десятилетия столкнулись многие унитарные государства. Деволюция ведет к складыванию новых форм территориального разграничения власти, сочетающих децентрализацию с ассиметричным федерализмом. Примером последнего является современная Испания. С принятием конституции 1978 г. страна была поделена на автономные региональные сообщества. Одновременно предусматривалось, что Страна Басков и Каталония, а также любая другая региональная общность, которая того пожелает (в конечном итоге, ими оказались также Галисия и Андалусия), могут вести переговоры с Мадридом относительно устройства своих управленческих механизмов и объема передаваемой региональным правительствам власти. Большинство других регионов страны предпочло удовольствоваться тем базовым разделением власти, которое устанавливалось конституцией и введенными в соответствии с ней законами. Часть территорий Испании поэтому сохраняет региональный статус, а часть уже преобразована на принципах федерации. Деволюция Шотландии и Уэльса ставит также вопрос о постепенном превращении в федерацию Великобритании, хотя этот процесс еще и далек от завершения. Передача ряда полномочий центральных органов власти на местный и региональный уровень в Италии как ответ на деятельность небезызвестной Лиги Севера, также описывается как федерализм. Все большая взаимосвязь и взаимовлияние центрального, регионального и местного уровней власти, в целом, характерна для большинства западноевропейских стран современности.

Согласно Р. Вайтекеру, любая реально функционирующая федеральная система по самой своей сути отвергает тот принцип, что «национальное большинство является достаточным выражением суверенитета народа: федерация заменяет это большинство более широким пониманием суверенитета». Федерализм

вводит принцип территориального представительства составляющих государство политий, он разом представляет суверенный народ как единое целое и как множество территориальных образований. Этим федерация коренным образом отличается от империи, стержнем который традиционно является конкретная государствообразующая нация, воспринимаемая как единое целое.

Одним из критериев оценки того, насколько сильно развит «федерализм» в рамках конкретной федерации, служит закрепленное конституцией разграничение полномочий между центральным и региональными правительствами, а также представительство территорий в рамках Верхней палаты Парламента. Они могут реализовываться как: 1) разграничение законодательных компетенций; 2) остаточные правомочия; 3) критерий разграничения полномочий (юрисдикционный / функциональный); 4) территориальная диффузия (симметрия / асимметрия). Из этого следует, что чем больше широкие законодательные права и остаточные правомочия закрепляются за территориями-субъектами федерации, тем более ограничена власть центра.

Юрисдикционное разграничение полномочий подразумевает независимость каждого из уровней власти: общефедерального и регионального. Полномочия каждого из них четко определены: те вопросы, которые исключаются из общенациональной «повестки дня», не могут решаться центральными органами власти. Функциональное разграничение, напротив, основывается на взаимозависимости: оба уровня власти связаны воедино, а центральные органы власти должны учитывать мнение на местах. Последний критерий разграничения полномочий, безусловно, в меньшей степени гарантирует от прямого вмешательства политического центра.

Что касается территориальной диффузии (распыления) власти, то под симметричной диффузии понимается равное распределение полномочий между всеми субъектами федерации. Асимметрия означает наделение теми или иными полномочиями только некоторых субъектов федерации. Первый вариант, как считается, в большей степени способен уравновешивать политический центр в рамках федерации, именно в силу того, что охватывает всю территорию страны и придает соответствующий уровень легитимности.

Основным органом принятия решения является двухпалатная система Парламента. Нижняя палата состоит из представителей, избранных прямым голосованием, в то время как состав и организация работы верхней палаты в различных федерациях неодинаковы. Представительство во Верхней Палате может осуществляться: 1) исходя из статуса территорий (исключительное право представительства / частичное право); 2) исходя из политических рамок (относительно Нижней Палаты); 3) степени доминирования (число представителей относительно размеров субъекта федерации); 4) метода отбора представителей (на основе прямого или косвенного волеизъявления граждан (как в США) или же назначения исполнительными органами власти субъекта федерации (как в ФРГ). Германский вариант, к слову, обладает большим потенциалом к уравновешиванию центра, поскольку ставит процесс выработки общенационального законодательства в зависимость от исполнительных органов власти субъектов федерации. Считается, что именно таким образом местные интересы лучше защищены при принятии тех или иных решений на общефедеральном уровне. Очевидно также, что чем шире территориальное представительство и политический охват в рамках Верхней Палаты, тем выше ее потенциал в ограничении воли большинства, выразителем которого в общенациональном масштабе является Нижняя Палата Парламента.

Политологи учитывают также степень территориального представительства в партийной структуре той или иной страны. Большая роль региональных представительств в рамках общенациональных партий и / или наличие сугубо

региональных партий составляет еще один важный канал политического выражения местных интересов в общенациональном Парламенте. Его сила также зависит от степени социального расслоения, национального (этнического, языкового), религиозного, и экономического размежевания. Чем глубже эти расхождения в масштабах федерации, тем более велика вероятность создания региональных партий, равно как и их способность отстаивать местные интересы. Партийная система, в основе которой находятся сильные региональные партии, безусловно, в большей мере ограничивает общефедеральный центр, нежели система, состоящая из общенациональных партий, поскольку в первом случае территориальное многообразие будет широко представлено даже в Нижней Палате Парламента.

Пример современной Испании самым наглядным образом иллюстрирует ситуацию, когда именно региональные партии являются главным инструментом территориального представительства. Процесс постепенной федерализации унитарной государственной системы Испании осуществляется именно благодаря активной деятельности региональных партий и их представителей в Генеральных Кортесах при всем при том, что по Конституции территориальное представительство в Сенате крайне ограничено. Региональные партии играют столь же важную роль и в Бельгии, где территориальное представительство в Сенате является очень слабым. Можно сделать вывод, что региональные партии являются действенным инструментом территориального представительства, способным выйти за узкие рамки, отведенные ему конституцией.

Однако большое значение для эффективности защиты местных интересов региональными партиями имеет и тип разграничения полномочий между двумя (общенациональным и местным) уровнями власти. Юрисдикционное разграничение полномочий между центром и субъектом федерации поощряет создание развитой партийной организации на региональном уровне и антагонизм между региональным и общенациональным большинством. При этом, поскольку каждый из уровней власти действует в значительной мере независимо, этот здоровый антагонизм не имеет слишком больших политических издержек. В условиях функционального разграничения, требующего, напротив, постоянной координации и взаимодействия двух уровней, подобное противопоставление раз за разом будет заводить процесс принятия решений в тупик.

Способ образования федерации также может определять эффективность системы сдержек и противовесов между федеральным центром и субъектом федерации. Процесс федерализации путем интеграции, примером которого являются США, обычно подразумевает наличие более сильных механизмов гарантий прав и полномочий территорий-субъектов. Первой такой гарантией становится их широкое представительство в рамках Верхней Палаты Парламента, обладающей к тому же весьма значительными полномочиями. Вторым условием является принцип равенства между всеми субъектами федерации: одинаковое число представителей в Верхней Палате и симметричное распределение властных полномочий. В-третьих, разграничение полномочий между центром и субъектами федерации основывается на юрисдикционном принципе, обеспечивающем независимость от центрального правительства.

Федерализация путем дезагрегации, выделения в прежде унитарном государстве составных частей-регионов, пример чего являет современная Испания, наоборот, гарантий субъектам предоставляет значительно меньше, поскольку осуществляется центральным правительством. Сама федерализация принимает характер односторонних уступок. В подобных условиях территориальное представительство в Верхней Палате обычно является слабым, а разграничение компетенций между двумя уровнями власти строится вокруг функционального принципа. Тем не менее, подобный принцип разграничения полномочий обычно

поощряет межправительственное взаимодействие, что само по себе становится альтернативным каналом территориального представительства.

Многонациональные федерации (простейшей моделью в Европе является Бельгия) традиционно сталкиваются с разного рода размежеванием и центробежными тенденциями. В этой связи территории обычно представлены в Верхней Палате слабо, чтобы облегчить процесс выработки общефедерального законодательства и обеспечить единство государства. При этом разделение полномочий базируется на юрисдикционном принципе, широком самоуправлении и асимметрии. В этих условиях традиционно также формирование системы сильных региональных партий, программы которых отражают интересы составляющих федерацию территорий.

Мононациональная федеральная система, характерная для Германии, наоборот не сталкивается столь остро с центробежными силами и общественным расслоением. В этой ситуации объясним функциональное разграничение полномочий и широкое территориальное представительство в Бундесрате, уравновешивающее общенациональные установки Рейхстага.

Сплошь и рядом федерации исторически тесно взаимосвязаны с империями, пусть они во многом и строятся на противоположных принципах. В отличие федерации, характеризующейся систематическим рассредоточением (диффузией) властных полномочий, империя целенаправленно и последовательно концентрирует власть политического центра. Властные полномочия спускаются сверху вниз, местное управление в полной мере подотчетно центру. Центр дарует и отбирает полномочия на местах по собственному усмотрению. Управление государством осуществляется не путем баланса сил и компромиссов, а директивно или путем прямого принуждения. Российский политолог А. Захаров также обращает на то, что трактовка лояльности гражданина (подданного) в рамках федерации и империи диаметрально отличается. В имперском государстве она «линейна и однозначна, ибо сама власть здесь целостна и механистична», а в федеративном государстве, наоборот, практикуется множественная лояльность, поскольку гражданин «избирает должностных лиц как минимум на двух уровнях, которые перманентно конкурируют друг с другом».

Наконец, регионы и центр соотносятся друг с другом в рамках двух моделей принципиально по-разному. О наличии регионов как составных частей, обладающих той или иной степенью самостоятельности, можно говорить только применительно к федерации, потому что в империи имеются лишь центр и периферия, отдельные сегменты которой контактируют между собой сугубо через посредничество центральных управленческих институтов. Однако для континентальных империй, которые благодаря особенностям своей географии отличаются довольно интенсивными контактами между имперским ядром и имперской периферией, характерна намного более глубокая степень интеграции этнических элит периферии в политическую элиту ядра, которая просто немыслима в разорванных, «морских» империях («overseas empires»).

Как отмечает А. Захаров, в силу этого европейские сухопутные и многонациональные империи (Австро-Венгрия, Россия, Турция) были вынуждены экспериментировать с различными комбинациями самоуправления и разделенного правления, то есть подступались к решению той задачи, которая составляет саму суть федерализма. Принимая во внимание те ограниченные успехи, которых на разных этапах достигали сухопутные (а в случае с Великобританией, и морские) империи, специалисты предполагают, что, ассимилируя составляющие их народы и демократизируя институты власти, империи не только теоретически, но и практически могут трансформироваться в многонациональные федерации.

Кроме того, империю и федерацию отличают механизмы заинтересованности

региональных элит в стабильности Центра. Если империя пытается добиться этого путем устранения политической конкуренции и «назначения в элиту» на основе принципа личной преданности центральному руководству, федерация, напротив, использует для достижения желаемой цели политическую конкуренцию и дает преимущество тем региональным элитам, которые готовы конструктивно поддерживать баланс. У. Райкер объясняет повсеместное пришествие федерации на смену империи в качестве механизма контроля над большими территориями самим развитием технологий. В частности, развитие технологий вооруженного сопротивления сделало удержание больших пространств при помощи грубой силы практически невозможным делом. Тот же технологический прогресс упростил передачу информации и политическую организацию населения, что повысило значимость региональных элит как инструментов сдерживания недовольства на местах. Соответственно, выросла плата за лояльность региональных элит, и политические методы поддержания империй стали столь же непосильно дорогостоящими, как и силовые.

Примечательно, что если раньше специалисты считали распад федераций досадными аномалиями, то ныне они все чаще обосновывают теоретическую и практическую ценность подхода, согласно которому провал федерации есть норма, а ее успех – исключение. Основу для этого дали неудачные попытки создания федераций бывшими британскими владениями в Карибском море и в Африке, Индонезией, Эфиопией, Камеруном, Пакистаном и странами Магриба. Свою роль сыграл и распад многонациональных социалистических государств в лице Советского Союза, Чехословакии и Югославии. Действительно, федерация, сочетающая в себе желание вступить в союз и боязнь слишком тесного союза, представляет собой крайне сложную систему. Во всех случаях развала федераций зарубежные политологи усматривают три общие предпосылки: 1) отрицание принципов либеральной демократии; 2) слабость институтов власти, призванных представлять интересы малых идентичностей; 3) попытки навязать федерализм извне или обособленными внутренними элитами. Не менее опасен для федерализма этнический национализм. При том, что федерализм часто рассматривается как эффективное средство разрешения межэтнических противоречий, исторический опыт показывает, что именно образованные по этническому принципу федерации имеют наименьшие шансы на выживание. Большинство из них не смогли противостоять устремлению субъектов федерации к расширению своего суверенитета и, в конечном счете, к независимости.

Реализация федеративных принципов далеко не всегда приводит к ожидаемым результатом, поскольку создание сложной системы разделения компетенций и полномочий может быть эффективным лишь в том случае, если оно опирается на соответствующую политическую культуру широких слоев общества и элит. Вопрос же составляющих этой политической культуры до сих пор четко не решен. С другой стороны, по мнению специалистов, федеративную систему в той или иной ее форме можно выстроить и в том случае, если в рамках потенциального федеративного образования уравновешиваются несколько разных политических культур. Отмечая неоднозначность федерализма, нельзя не отметить, что никогда прежде соответствующие принципы и механизмы не применялись в европейской и международной практике столь широко и успешно, как в настоящее время.

Литература:

Бусыгина И., Захаров А. Sum ergo cogito: Политический мини-лексикон. М.: Московская школа политических исследований, 2006; Бусыгина И.М. Германский федерализм: история, современное состояние, потенциал формирования // Полис. 2000. №5; Захаров А. Унитарная федерация: Пять этюдов о российском

федерализме. М.: Московская школа политических исследований, 2008; Каспэ С. Центры и иерархии: пространственные метафоры власти и западная политическая форма. М.: Московская школа политических исследований, 2008; Киселева А., Нестеренко А. Теория федерализма. М.: МГУ, 2002; Тадевосян Э.В. О моделировании в теории федерализма и проблеме асимметричности федерации // Государство и право. 1997. № 8; Элейзер Д.Дж. Сравнительный федерализм // Полис. 1995. №5; Языкова А. Несвоевременные заметки о федерализме. Теория и практика федерализма: международный опыт // Вестник Европы. 2009. № 26-27; Burgess M. Comparative Federalism: Theory and practice. London and N.Y.: Routledge, 2006; Elazar D.J. Exploring Federalism. Tuscaloosa: University of Alabama Press, 1987; Federalism in Asia / Ed. by Baogang He, Brian Galligan, Takashi Inoguchi. Cheltenham (UK), Northampton (USA): Edward Elgar Publ., 2007; Lijphart A. Democracy in Plural Societies: A Comparative Exploration. New Haven: Yale University Press, 1977; King P. Federalism and Federation. Baltimore: The Johns Hopkins University Press, 1982; Riker W.H. Federalism: Origin, Operation, Significance. Boston: Little, Brown and Company, 1964; Swenden W. Federalism and Regionalism in Western Europe: A Comparative and Thematic Analysis. N.Y.: Palgrave Macmillan, 2006; Umbach M. German Federalism: Past, Present, Future. N.Y.: Palgrave Macmillan, 2002. (New Perspectives in German Studies).

ФРАНЦУЗСКАЯ ИМПЕРИЯ

История французского колониализма включает в себя две империи. Первая колониальная империя, начало которой было положено в эпоху Великих географических открытий, сформировалась в XVII−XVIII вв. и была почти полностью разрушена в ходе длительного франко-английского конфликта, новой Столетней войны (третьей с XII в.), 1689–1815 гг. На ее обломках в 1830 г. началось формирование Второй колониальной империи, разросшейся быстрыми темпами в последней трети XIX в. Достигнув пика своего могущества в 1920-е гг., она была преобразована в 1946 г. во Французский союз, а в 1958 г. – во Французское сообщество и распалась в процессе деколонизации.

Первая колониальная империя Франции. Площадь первого колониального пространства Франции достигала 8 млн. км^2, включая обширные территории Северной Америки, Антильские и Маскаренские о-ва, Гвиану, рабовладельческие и торговые фактории в Африке и в Индии.

Колониальная экспансия. Франция приступила к колониальной экспансии значительно позднее Испании и Португалии, лишь в начале XVII в. Романтика неизведанного и жажда наживы побуждали и ранее французов к дальним странствиям: Ж. де Бетенкур основал в 1402 г. королевство Канарских о-вов, бретонские и нормандские рыбаки отважно пускались в плавания к о-ву Ньюфаундленд. Но это были отдельные случаи, не поддержанные королевской политикой. Когда Х. Колумб совершал свои плавания в Новый Свет, внимание французской короны было поглощено континентальным соперничеством с императором Священной Римской империи германской нации за обладание Италией (Итальянские войны 1494–1496, 1499−1504). Налаженные торговые связи с Генуей и Ганзейским союзом также отвращали французов от авантюрных предприятий. Лишь в 1520-е гг., когда в Испанию хлынули сокровища Мексики и Перу, к французскому королевскому дому пришло осознание экономической выгоды от открытия и освоения новых земель.

Издав в 1517 г. указ об учреждении порта Гавр на нормандском побережье, Франциск I выразил заинтересованность в интенсификации заморских плаваний. В

1524 г. флорентийский мореплаватель на французской службе Дж. да Веррацано положил начало исследованию восточного побережья северной Америки, назвав его Nova-Gallia. Однако реальность внесла коррективы в королевские планы. Французская армия терпела поражения от испано-имперских войск. Разгромная битва при Павии (1525) обернулась годичным пленением Франциска I. Однако зависть к американским богатствам удачливого соперника императора Карла V Габсбурга не давала покоя французскому королю. Обретя свободу, он стал ходатайствовать об ограничении действия испано-португальского Тордесильясского договора 1493 г., добившись от римского понтифика Климента VII в 1533 г. признания закрепленного им раздела мира действительным только по отношению к открытым на момент его заключения землям. На испанские возражения Франциск I дерзко заявил: «Я не помню того места в завещании Адама, которое лишало бы меня моей доли мирового господства». Тогда же была сформулирована доктрина заморской экспансии Франции. В основу ее было положено исследование североамериканских земель, куда не ступала нога испанцев и португальцев, и куда было несравненно труднее добраться, чем до о-вов Карибского бассейна, учитывая, что переход через Северную Атлантику в эпоху парусных судов был чрезвычайно проблематичным из-за гигантских волн, штормовых ветров и айсбергов. Заморская экспансия стала государственной политикой.

Отправляясь к северным берегам Америки в 1534 г., капитан Ж. Картье имел королевское предписание открыть новые острова и страны богатые золотом. После первого путешествия, в ходе которого были исследованы залив Св. Лаврентия и п-ов Гаспе, последовали второе (1535−1536) и третье (1540−1541) плавания. Новые земли, открытые Ж. Картье, были названы Канадой и объявлены собственностью французской короны. Так был заложен фундамент в основание Новой Франции. Течение реки Св. Лаврентия представлялось первооткрывателю верным путем к сказочным богатствам Востока, но речные пороги помешали ему пройти дальше впадения в нее притока Оттавы. Горные породы с блестящими отливами, принятые за золото и алмазы, на поверку оказались кварцевыми кристаллами и железными пиритами. Основанное Картье постоянное поселение вблизи индейской деревни Стадаконы со временем было заброшено из-за враждебности ирокезов, зимнего холода и цинги. Ж.-Ф. Ла Рок де Роберваль репатриировал в 1543 г. остатки привезенных им с собой колонистов. Отсутствие Эльдорадо наподобие того, что испанцы нашли в Перу, охладило пыл французов к освоению Новой Франции. К тому же во Франции начались религиозные (гугенотские) войны (1562−1598). Поглощенные внутренними распрями, последние короли династии Валуа оставили всякие помыслы об организованной экспансии.

Морские экспедиции в Новый Свет вновь на время стали уделом одиночек, среди которых особой предприимчивостью отличались гугеноты. Скрываясь от религиозных преследований на родине, они предприняли попытки потеснить португальцев в Бразилии и испанцев во Флориде. Результатом стали две эфемерные колонии. Первая из них, основанная по берегам залива де Гуанабара в 1555 г., связана с именем кальвиниста Н. Дюрана де Вильганьона и получила название «Антарктическая Франция». Религиозные раздоры среди поселенцев ослабили защитные силы колонии, чем воспользовались португальцы, стерев форт Колиньи с лица земли и довершив изгнание французов в 1567 г. Две попытки утвердиться на северо-восточном побережье Флориды были связаны с именами гугенотов Ж. Рибо и Р. де Лодонньера. Форт Шарль на берегу реки Сен-Джонс, а затем и сооруженный на его месте форт Каролин постигла печальная участь. Первый был сожжен в 1562 г., а второй капитулировал в 1565 г. под натиском испанцев, которые учинили жестокую расправу над его обитателями.

С воцарением Генриха IV Бурбона государство вновь проявило

заинтересованность в колониальных захватах, и этот интерес не спадал на протяжении всего XVII в. П. Дюгуа получил в 1603 г. эксклюзивное право на освоение Американского континента между 40º и 60º северной широты. В 1605 г. им был заложен Пор-Руаяль (Аннаполис в Новой Шотландии). Так было положено начало колонии Акадия, в состав которой входили п-ов Новая Шотландия, Нью-Брансуик и близлежащий архипелаг Сен-Пьер и Микелон, а также о-в Сен-Жан (Принца Эдуарда). Акадию приходилось отстаивать в постоянном соперничестве с Нидерландами и Великобританией. В XVII в. французы неустанно оспаривали у англичан о-в Ньюфаунленд. Живописная бухта Плезанс на южном берегу стала средоточием французского присутствия на острове.

С. Шамплейн основал форт Квебек в устье реки Св. Лаврентия 3 июля 1608 г. Форт Труа-Ривьер (Трехречье) был основан в 1634 г., укрепленное поселение Вилль-Мари, первоначальное название Монреаля, − в 1642 г. Другие опорные пункты возникли в долине Св. Лаврентия и в районе Великих Озер. Название «Канада» прижилось со времен плавания Картье, позаимствовавшего его у лаврентийских ирокезов. Во французскую Канаду входили провинции Квебек, Онтарио и часть побережья Великих Озер.

Большую роль в успехе французской экспансии сыграл военно-морской флот, детище кардинала Ришелье. Заброшенный при Мазарини (к 1661 г. Франция насчитывала лишь 30 военных кораблей, за исключением галер), флот был не только возрожден, но и приумножен усилиями Ж.-Б. Кольбера, морского министра. В 1671 г. королевский флот насчитывал 196 хорошо вооруженных судов, а в 1683 г. – 276.

Канада и Акадия составляли северную часть колонии Новая Франция, границы которой к концу XVII в. значительно расширились, благодаря предприимчивости и отваге Р.-Р. Кавелье де Ла Саля. Первым из европейцев он спустился в 1681–1682 гг. по Миссисипи, объявив весь ее бассейн владением Людовика XIV. Несмотря на соперничество испанцев, которые опередили французов в открытии земель, прилегающих к Мексиканскому заливу (экспедиция Э. де Сото 1539–1542), права Франции на эти земли получили признание европейских государей при подписании Рисвикского договора (1697), завершившего войну Аугсбургской лиги.

Международное признание развязало французам руки, и долина Миссисипи стала активно осваиваться. Первый форт в Иллинойсе, Сен-Луи, был основан Кавелье де Ла Салем в 1683 г. Попытка этого отважного первопроходца основать французское поселение в дельте Миссисипи окончилась неудачей и повлекла за собой его гибель (1687). Однако у него были последователи. В 1698 г. Пьер Ле Муан д’Ибервиль исследовал устье Миссисипи и заложил форт Морепа, а в 1702 г. – форт Мобиль. Плавания по Красной реке и Миссури (1714), а также по Арканзасу (1721) способствовали расширению зоны французского влияния. У впадения Миссисипи в Мексиканский залив был заложен форт Новый Орлеан в честь регента Филиппа Орлеанского (1717).

Попытки основать колонии в Южной Америке возобновились под патронажем Генриха IV. Берега Гвианы были особенно привлекательны для европейцев, веривших в легенду об Эльдорадо. В 1604 г. португальцы разрушили французское поселение на о-ве Кайенна. В 1643 г. та же участь постигла 300 колонистов во главе с Ш. Понсе де Бретиньи, на этот раз индейское племя галиби жестоко расправилось с пришельцами. Однако французы не оставили мечты основать колонию близ экватора, поселения вдоль побережья и по берегам рек возрождались из пепла. Расположенная по соседству голландская колония Суринам была постоянным источником опасности. В 1654 г. голландцы захватили Кайенну и до 1663 г. удерживали ее. Колония была разграблена англичанами в 1667 г., после

чего перешла в разряд коронных владений. «Равноденственная Франция», как было принято называть Гвиану в метрополии, стала реальностью. Военный успех вице-адмирала д'Эстре в 1676 г. закрепил колонию за Францией. Утрехтский договор (1713) установил западную границу французской Гвианы по реке Марони, а южную по реке Ояпок, хотя двусмысленная формулировка дала французам возможность претендовать на территории ближе к долине Амазонки. Военные патрули, религиозные миссии и торговые фактории, используемые для продвижения на юг, имели следствием конфликты с португальцами.

За время правления кардинала Ришелье французам удалось установить полный или частичный контроль над Малыми Антильскими о-вами, оставленных испанцами в силу отсутствия там месторождений золота. О-в Сен-Кристоф стал отправным пунктом французской экспансии в Вест-Индии. В 1635 г. усилиями Компании Американских островов началась колонизация Мартиники, Гваделупы, Мари-Галант, Сент и Доминики. В стремлении подчинить себе о-ва Карибского моря французы наталкивались на соперничество конкурирующих наций, англичан и голландцев, а также на ожесточенное сопротивление воинственного племени карибов. Индейцы неохотно шли на контакт, и усилия католических миссионеров, пробовавших обратить автохтонное население в христианство, пропадали даром. Французским поселенцам приходилось организовывать карательные экспедиции, как после резни, учиненной индейцами в 1653 г. на Мари-Галант. После поражения на Мартинике в 1658 г. карибы были вытеснены с некогда принадлежавших им островов, что облегчило их заселение колонистами.

При кардинале Мазарини колониальная экспансия осуществлялась по преимуществу методами сделок и переговоров. Соперничество с англичанами за о-в Сент-Люсия разрешилось в пользу французов в 1650-е гг., хотя впоследствии англичанам удалось вырывать у них соглашения на совместное владение Сент-Люсией (1723, 1748). В 1648 г., по договоренности с Нидерландами, французы получили северную часть о-ва Сен-Мартен, который, как и близлежащий островок Сен-Бартелеми, административно стал частью колонии Гваделупа. В 1650 г. Франция купила у испанцев о-в Гренада. Гваделупа и Мартиника были официально объявлены собственностью французской короны в 1674 г.

Западная часть о-ва Сен-Доминго стала легкой добычей для французских пиратов и охотников за одичавшими животными, приступивших к основанию населенных пунктов: Пети-Гоав (1654), Пор-де-Пе (1666), Кап Франсе (1670). Рисвикским договором (1697) Мадрид признал западную часть Сен-Доминго французским владением.

О-в Сен-Кристоф, часть которого принадлежала французам, а другая – англичанам, неоднократно переходил из рук в руки в ходе войн 1666−1667, 1688−1697 гг., но Бредский и Рисвикский договоры восстановили довоенный *statu quo*.

Морские победы д'Эстре в войне с Голландией позволили французам в 1678 г. вступить во владение о-вом Тобаго.

Побережье Западной Африки между устьем Сенегала и Гвинейским заливом вошло в историю как Невольничий берег, привлекая европейцев возможностями торговли живым товаром рабами, золотом, пальмовым маслом и т.д. Французы начали осваивать берега Сенегала с 1626 г., когда по распоряжению Ришелье была создана Нормандская компания. В устье одноименной реки моряками из Дьепа была возведена торговая фактория Сен-Луи (1659). Ж. д'Эстре захватил в 1677 г. островную факторию Горе, ранее принадлежавшую голландцам. Нимвенгенский мир закрепил за Францией это приобретение, а также старинные португальские поселения Рио Фреско (Рюфиск), Портудаль и Жоаль (1678). В 1681 г. французы обосновались в Альбреде на северном берегу реки Гамбия, получив разрешение от

местного правителя на создание торговой фактории. У Нидерландов было приобретено в 1696 г. побережье Мавритании от мыса Бланко до реки Сенегал.

Впервые французские поселенцы, католические миссионеры, появились на побережье Гвинейского залива в районе Кот-д'Ивуар в 1637 г. Однако их поселение в Ассини, рядом с Кот-д'Ор (Золотой берег, современная Гана), было разрушено аборигенами. Через полвека, в 1687 г., французские миссионеры и коммерсанты, на этот раз при вооруженной охране, вернулись в Ассини, построили форт Сен-Луи, но в 1705 г. из-за недостаточно прибыльной торговли вынуждены были сняться с места. Среди поселенцев был адмирал Жан-Батист дю Касс, директор Сенегальской компании, который по возвращении во Францию написал рапорт о необходимости создать постоянные учреждения в регионе. Однако французские власти не последовали его совету, сосредоточившись на использовании возможностей портов Уида и Лагос, расположенных на побережье Бенинского залива. Форты в Сави и Уида были учреждены в 1666 г. Король Дагомеи, торговавший рабами, не препятствовал их созданию.

Привлеченные возможностями прибыльной торговли рабами, французские негоцианты высаживались в XVII и XVIII вв. в Габоне, хотя и не смогли там закрепиться.

Постепенно французы начали проникать во внутренние районы Африканского континента. Старинный г. Подор на севере Сенегала, был необходимым этапом на пути к королевству Галам, откуда поступали рабы, слоновая кость и камедь. В 1745 г. колонисты соорудили там форт, который должен был обеспечить французское присутствие на реке и во внутренних областях Сенегала, но его возможности были крайне ограничены.

Идя по следам португальских первооткрывателей, французские колонисты смогли создать свои поселения в акватории Индийского океана, на островах, расположенных вблизи важных морских путей в Индию. Их проникновение на Мадагаскар датируется 1643 г., когда был построен Форт-Дофин (Тоуланару) в юго-восточной части острова. Но населявшие его воинственные племена, вооруженные огнестрельным оружием, купленным у пиратов, оказывали сопротивление, и остров плохо поддавался колонизации.

О-в Реюньон из группы Маскаренских о-вов, был необитаем, когда французы заявили претензии на этот клочок земли в 1642 г., высадив там 20 колонистов в 1665 г. Остров получил название Бурбон и использовался как стоянка для кораблей по дороге в Индию, а с 1710-х гг. стал настоящей колонией. В 1760-е гг. Бурбон, находившийся до того в ведении Ост-Индской компании, перешел в разряд коронных владений, как и расположенный по соседству Иль-де-Франс (Маврикий). Маврикий с конца XVI в. заселялся голландцами, а французы ссылали туда бунтовщиков с Мадагаскара. К 1710 г. голландцы покинули юго-западную часть Индийского океана. Остров оказался настоящей находкой для французов как надежное укрытие от пиратов, источник эбенового дерева, а также провизии и воды на пути в Индию. 20 сентября 1715 г. уроженец Сен-Мало Г. Д. д'Арсель занял территорию от имени Людовика XIV, голландский Mauritius стал Иль-де-Франс. Небольшой о-в Родригес был колонизирован французами в XVIII в. Вынужденные вследствие отмены Нантского эдикта искать себе пристанище на заморских территориях, гугеноты предприняли попытку основать там колонию, но неудачно. На острове, кроме черепах, не было ни души. Постоянное французское поселение на Родригесе появилось лишь в 1735 г., вследствие особого распоряжения губернатора Маскаренских о-вов Б.-Ф. Маэ де Лабурдоннэ для того, чтобы снабжать черепашьим мясом проходившие мимо суда Ост-Индской компании.

Ост-Индская компания не преследовала завоевательных целей в богатой пряностями Индии, сосредоточив внимание на выгодах коммерции. Когда

французы начали основывать там свои фактории, там уже ощущалось присутствие других торговых наций. Первая французская фактория появилась на западном побережье, в Сурате (1666). Впоследствии французы осваивали по преимуществу восточное побережье. Деревенька на Коромандельском берегу, купленная у султана Биджапура в 1673 г., разрослась, обросла укреплениями и вошла в историю под названием Пондишери. В 1688 г. французы основали факторию Чандернагор на участке земли в дельте Ганга, купленном у набоба Бенгалии. Новый всплеск французской экспансии на Индостане пришелся на вторую четверть XVIII в. В 1723 г. была основана фактория в Янаоне, в 1724 г. – в Маэ на Малабарском побережье. В 1739 г. генерал-губернатор французских владений в Индии П.-Б. Дюма купил у раджи Таньора крепость Карикал с пятью окрестными деревнями. Сменивший его в 1742 г. Ж. Ф. Дюплекс, пользуясь анархией, произведенной распадом Могольской империи, приступил к реализации завоевательной политики с целью установить французское господство над Индией. К 1750 г. Дюплексу удалось подчинить французскому контролю княжества Карнатик и Хайдерабад в Южной Индии. Однако в 1754 г. он был отозван во Францию, акционеры Ост-Индской компании и французское правительство не одобряли его предприимчивости.

В 1756 г. Франция вступила во владение Сейшельскими о-вами, которые на протяжении двух столетий служили излюбленным пристанищем для пиратов Индийского океана. Удобно расположенный между Африкой и Азией, архипелаг был назван по имени министра финансов Людовика XV, Моро де Сейшеля. Тогда же на самых крупных островах архипелага, гранитных Маэ и Праслен, появились первые постоянные поселения.

С XVII в. католические миссионеры стали проникать на территорию государства Дай Вьет в Юго-Восточной Азии, встречая там настороженный и временами враждебный прием. В ходе гражданской и междоусобной войны наследник династии Нгуен заручился французской поддержкой в борьбе за власть, обязавшись по условиям Версальского договора 1787 г. в обмен на военную интервенцию, предоставить Франции торговую монополию и отдать в ее распоряжение о-в Пуло Кандор. Однако в силу обстоятельств (революция 1789 г.) Версальский договор остался без последствий. Нгуен Ан сумел, тем не менее, победить своих соперников на суше и на море с помощью иностранных, в том числе французских наемников. Традиция приписывает большую роль в этом апостолическому викарию Пиньо де Беэн. Заняв Кохинхину, Хюэ, Ханой, он провозгласил себя императором Зя Лонг (1802−1820), объединив под своей властью всю территорию Вьетнама, от китайской границы до Сиамского залива. Был положен конец преследованиям христиан. Период правления Зя Лонга способствовал установлению во Вьетнаме французского влияния.

Расположенные в различных географических зонах, колониальные владения Франции, обладали разнообразными ресурсами, определявшими методы и формы их эксплуатации.

Особенности колониального развития. Торговая монополия была двигателем колонизации. Поначалу вице-короли и генерал-лейтенанты получали от короля монопольное право на торговлю с аборигенами, взамен должны были способствовать заселению колоний. Так, П. Дюгуа, генерал-лейтенант Новой Франции (1603), получил монопольное право на пушную торговлю в обмен на обязательство поставлять ежегодно по 60 колонистов. Впоследствии монополия на экспорт и импорт, другие привилегии стали дароваться торговым компаниям в обмен на обязательство способствовать заселению новых земель, обеспечивать их управление и защиту, прилагать усилия по обращению язычников в христианскую веру. Кардинал де Ришелье, а впоследствии Ж.-Б. Кольбер активно содействовали их организации. Но торговые компании не всегда оказывались достаточно

эффективными, и в случае банкротства акционеров, колонии переходили в разряд коронных. Система «исключительного права», в соответствии с которой колониям было позволено торговать только с метрополией, снабжая ее сырьем и потребляя ее мануфактурные изделия, была базой французской колониальной экономики.

Торговые компании назначали губернаторов заморских территорий. Были случаи, когда официальные лица, обзаведясь собственностью, преследовали собственные интересы, которые шли вразрез с ограничениями на торговлю и таксами Губернатор Гваделупы Ш. Уэль выкупил управляемую им территорию у Компании Американских островов в 1649 г. и приобрел соседние Дезирад, Мари-Галант и Сент. В 1650 г. Мартиника была продана губернатору Дю Парке. В 1651 г. губернатор Лонгвилье де Пуанси оформил сделку о покупке о-ва Сен-Кристоф. В 1760-е гг. окрепшая королевская власть вернула острова под свой контроль.

При Людовике XIV система управления колониями имела много общего с провинциальной администрацией королевства. Во главе колоний были поставлены губернатор и интендант, причем их функции были строго разграничены, так что на долю первого выпадали все вопросы, связанные с обеспечением обороноспособности, на долю второго – юстиция, финансы и полиция. На зависимых территориях действовало французское законодательство, а Верховный Совет был главным органом колониальной юрисдикции. Для управления группами территорий, как Антильские или Маскаренские о-ва или Новая Франция, были созданы должности генерал-губернатора и главного интенданта, в подчинении которых находились более мелкие территориальные единицы – губернаторства. Людовик XIV и его преемники стремились проводить в колониях политику абсолютизма, но, вследствие обширности зависимых территорий, отсутствия достаточных людских ресурсов и удаленности, контроль центральной власти был не столь эффективен, как того желали в метрополии.

Экономическая жизнь колоний отличалась разнообразием и зависела от имевшихся в наличии ресурсов, климата, почв. Плантационная экономика утвердилась на Антильских о-вах. Гваделупа и Мартиника производили, главным образом, табак, индиго, какао. Особенно славился табак с Мартиники. Негры-рабы появились во французских колониях Карибского моря в 1640-е гг. через посредничество голландцев. Тогда же появились первые плантации сахарного тростника. Непременным условием экономического развития островов было их заселение. Вест-Индская компания, созданная королевским эдиктом 1664 г., как и ее предшественницы, Компания Сен-Кристоф (1626) и Компания Американских островов (1635), пыталась вызвать интерес французов к этому региону Карибского моря, суля переселенцам быстрое обогащение. Однако запрет колонистам на торговлю с Голландией, в то время как французский флот, слишком малочисленный, не был в состоянии обеспечить порты продуктами питания и товарами из Европы, был источником лишений. Мятежи на Мартинике 1665–1666 гг. и на Сен-Доминго 1670 г. были следствием политики «исключительного права».

Разоренная войной и конкуренцией контрабандистов, Вест-Индская компания была распущена в 1674 г. Антильские о-ва перешли под управление короля, который поощрял посадки сахарного тростника, надеясь извлечь большие доходы из производства и экспорта сахара. Пример английского о-ва Барбадос был достаточно красноречивым. К тому же плантаторы табака испытывали трудности в связи с табачным кризисом 1670–1690-х гг. Некоторые из них вынуждены были продать свои земли, чтобы выплатить долги и вернуться на родину. Располагавшие необходимым капиталом для налаживания сахарного производства, колонисты покупали освобождаемые ими земли. Незначительные по размерам, табачные плантации не требовали большого количества рабочих рук, при их возделывании зачастую использовался труд уроженцев Франции, прибывших в колонию по

контракту с плантатором на три года (политика «36 месяцев»). Иное дело культура сахарного тростника, требовавшая большего ухода и последующей обработки стебля. Наиболее богатые плантаторы имели более сотни рабов. Высокая смертность подневольной рабочей силы и низкая рождаемость влекли за собой необходимость постоянного ее пополнения путем закупки живого товара на берегах Африки.

Треугольная торговля, которую французы начали практиковать позднее португальцев, голландцев и англичан, с созданием Сенегальской компании (1674), оказалась рентабельной. Огнестрельное оружие, порох, стеклянные украшения, ткани обменивались на негров, которых племенные вожди поставляли в специальные сборные пункты на побережье. Прикованные цепями друг к другу, негры погружались на корабли и, скученные в трюмах, перевозились, как товар, в Новый Свет (далеко не все выдерживали изнурительного плавания), где продавались местным плантаторам в обмен на сахар. Доставленное в Европу, «белое золото» сбывалось по высоким ценам, которые к 1700 г. колебались между 36 и 44 ливрами за центнер, хотя к 1725 г. упали до 13 ливров. Судовладельцы и торговцы зарабатывали на продаже сахара значительно больше, чем расходовали на приобретение товаров для сбыта в Африке. Роскошные особняки в портовых городах Бордо, Нанте, Ла-Рошели, Сен-Мало по сей день свидетельствуют о невероятных богатствах, приносимых треугольной торговлей в XVII-XVIII вв.

Владельцы плантаций и сахароварен также извлекали значительные прибыли, тем большие, что труд негров был даровым. Многие дворяне из королевского окружения были одарены землями между 1673 и 1685 гг., тогда как еще в 1640-е гг. Антильские о-ва считались бедными и малоперспективными, служа местом ссылки для лиц, неугодных короне, как К. д'Обинье. Детство его дочери, в будущем маркизы де Ментенон, фаворитки Людовика XIV, прошло на Мартинике в чрезвычайной бедности между 1635 и 1647 гг. Все изменилось, как только сахарная культура и треугольная торговля стали обычной практикой. Плантационные хозяева в поисках пространства брались за выкорчевку тропического леса, а также силились изгнать тех немногих индейцев и охотников, которые еще оставались на побережье. Пираты Карибского моря, причинявшие вред спекуляцией и захватом кораблей с колониальными товарами, также подверглись гонениям. Ш. Ф. д'Анжен, маркиз де Ментенон, продав в 1674 г. родовой замок и титул фаворитке короля, переселился на острова, где занялся поимкой и разоружением пиратов. Его служебное рвение было вознаграждено губернаторской должностью на Мари-Галант. Более того, в 1680-е гг. он стал самым богатым плантатором Мартиники, имея в своей собственности 200 рабов, сахароварню и монополию на торговлю с испанской Венесуэлой с правом продажи 245 тонн сахара в год (10% мартиникской продукции).

Деятельность Сенегальских компаний, а также контрабандная закупка невольников у голландцев позволили плантаторам значительно увеличить количество рабов. На Мартинике к 1700 г. имелось 15 тыс. рабов, вдвое больше, чем в 1670 г., что вкупе с 230 сахароварнями свидетельствовало о феномене, названном «сахарной революцией». Порт Сен-Пьер способствовал экономическому процветанию о-ва, но его деловая активность негативно сказалась на соседней Гваделупе.

«Сахарная революция» на Сен-Доминго запоздала и была связана с деятельностью Гвинейской компании (1685) и Компании Сен-Доминго (1698). Строптивые флибустьеры, населявшие о-в, не были склонны признавать королевскую власть, занимаясь грабежом испанских судов. Некоторые из них возделывали табачные плантации. В 1670-е гг. Сен-Доминго продавал ежегодно на 2,5 млн. ливров табака, но табачный кризис сказался и здесь. Несмотря на

стремление интегрировать флибустьеров в плантационную экономику, войны конца XVII в. вынудили французские власти прибегнуть к их услугам. Захваченная в ходе рейдов добыча, будь то рабы или орудия сахарного производства, доставили флибустьерам необходимый капитал, который они инвестировали в плантации индиго и сахара. Губернатор Сен-Доминго флибустьер Ж.-Б. Дюкасс стал влиятельным сахарным плантатором. Договор асьенто (1701), предоставил Франции монопольное право на ввоз негров-рабов в американские владения Испании, чем способствовал наплыву капиталов. Между 1700 и 1713 гг. количество чернокожего населения на Сен-Доминго возросло с 9 тыс. до 24 тыс. В 1720 г. Сен-Доминго производил около 10 тыс. тонн сахара.

Миролюбивая политика регента Филиппа Орлеанского и кардинала де Флёри положительным образом сказалась на торговой активности Антильских о-вов. С 1740-х гг. Сен-Доминго экспортировал столько сахара, сколько все британские о-ва вместе взятые (более 43 тыс. тонн) и стал главным рынком сбыта негров-рабов. Но все же эти цифры бледнеют по сравнению с показателями периода расцвета плантационной экономики после Семилетней войны. Показатели экспорта неуклонно росли: 63 тыс. тонн сахара в 1767 г., 86 тыс. тонн в 1789 г. Треугольная торговля приобрела наибольший размах. За один только 1790-й г. плантаторы Сен-Доминго приобрели более 39 тыс. рабов. Этому способствовала деятельность Ангольского Общества, основанного в 1748 г. в первом невольничьем порту Европы, каковым был Нант, и контролировавшего вместе с Обществом Гру и Мишель 49% работорговли. Наряду с доминирующим сахарным тростником, культуры кофе, индиго, хлопка пользовались все большим спросом. В 1733 г. Мартиника экспортировала 300 тонн кофе, в 1788 г. – около 8 тыс. тонн. В 1774 г. Сен-Доминго экспортировал 19 500 тонн кофе. Накануне революции 1789 г. колониальные товары с Сен-Доминго составляли треть французского экспорта.

На Маскаренских о-вах также существовало высокопродуктивное плантационное хозяйство. Практиковавшаяся там рабовладельческая экономика до некоторой степени сравнима с той, которая существовала на Антильских о-вах. В течение доброй сотни лет, с 1665 по 1764 гг., о-ва Бурбон (Реюньон), Иль-де-Франс (Маврикий) и Родригес находились в ведении Ост-Индской компании. Генерал-губернатор Маскаренских о-вов Б.-Ф. Маэ де Лабурдоннэ (1735–1746) многое сделал для их освоения, превратив невозделанные территории в рентабельные колонии. Были проведены работы по строительству портовых сооружений и фортификаций на Иль-де-Франс, который использовался как стоянка для военных и торговых судов. На Иль-де-Франс преобладали плантации сахарного тростника. Начиная с 1715 г. главным богатством о-ва Бурбон стали плантации кофе, завезенного туда из знаменитого йеменского порта Мока. Ежегодный экспорт кофе составлял 100 тыс. ливров до 1735 г., а в 1744 г. достиг 2,5 млн. ливров. Интендант Пьер Пуавр открыл королевский период в управлении о-вами после банкротства Ост-Индской компании в 1767 г. П. Пуавр был у истоков акклиматизации и возделывания пряностей на острове Бурбон и Иль-де-Франс, в результате чего французы сумели потеснить голландцев на этом богатейшем рынке. Мускатный орех и гвоздика, завезенные из Индонезии и Молуккских о-вов, прижились, став полезным дополнением к культурам кофе и сахарного тростника.

Население колоний было пестрым и состояло из трех групп: белые креолы, собственники земли и рабов, цветные (мулаты, метисы), негры-рабы. При патриархальном укладе жизни границы между группами были нечеткими. Среди чернокожего населения встречались вольноотпущенники и беглые рабы. Случаи, когда ребенок черной рабыни от связи с белым господином становился свободным, имели следствием рост численности мулатов. Такая практика, далеко не повсеместная, получила распространение на Мартинике. В соответствии с данными

переписи населения на 1680 г. Мартиника насчитывала 314 мулатов, Гваделупа – 170. Тенденция к росту численности мулатов была расценена в Версале как опасная, ибо означала потерю потенциальной рабочей силы. Версаль взялся за разрешение проблемы двояким способом. 250 белых женщин, прозванных в народе «королевскими невестами», были отправлены на Мартинику между 1680 и 1685 гг., а специальный ордонанс, вошедший в историю как «Черный кодекс» (март 1685), постановил, что ребенок, рожденный от рабыни, наследует подневольный статус своей матери (ст. 13). Положения «Черного кодекса», регламентировав правовой и социальный статус рабов, предписывали колониальным властям изгнание евреев и преследование протестантов. Впоследствии «Черный кодекс» был дополнен и развит в ряде законодательных актов, которые лишь усугубили и без того жестокое обращение с рабами. Эдикт Людовика XVI (1784), ограничив телесные наказания кнутом 50-ю ударами, не внес существенного улучшения в их участь.

В численном отношении чернокожее население Антильских и Маскаренских о-вов преобладало над белым, примерно 7 к 1: к 1789 г. на Гваделупе 86 100 рабов приходилось на 11 100 белых, на Мартинике − 73 416 рабов на 10 634 белых. Соотношение чернокожего и белого населения на Сен-Доминго достигло в 1789 г. 12-ти к 1 (470 тыс. рабов на 40 тыс. белых). Население Иль-де-Франс в 1767 г. достигало 20 тыс. человек, 3/4 были чернокожими невольниками, занятыми на плантациях и изготовлении рома. Труднодоступный в силу скалистых берегов, о-в Бурбон насчитывал в 1779 г. 36 тыс. жителей, из них 29 тыс. рабов. Соотношение между белым и цветным населением оставалось в пользу белого. Цветное население Сен-Доминго, 7 тыс. в 1775 г., через 15 лет составляло 28 тыс. человек, 2/3 от белого населения. Та же тенденция к росту численности мулатов наблюдалась и на Мартинике, и на Гваделупе.

Аутсайдерами плантационной экономики были Гвиана и Луизиана. Все попытки, заселить Гвиану оказались тщетными. Враждебность индейцев, соседство португальцев, испанцев и голландцев, атаки англичан приводили к тому, что людские потери в разы превышали количество выживших колонистов. К 1696 г. около 600 французов населяли о-в Кайенну и его окрестности. Период голландской оккупации (1654–1663) способствовал появлению культуры сахарного тростника, а вместе с ней и первых рабов, так что в 1685 г. их было не менее 1,5 тыс. Некоторое оживление колонизации наступило после перехода Гвианы под непосредственное управление королевской администрации, тем более что мечты об Эльдорадо еще не совсем рассеялись. Иезуиты облюбовали эти земли, способствуя введению культур хлопка, индиго и маниока. Треугольная торговля снабжала колонию рабочими руками, однако ввоз рабов в Гвиану был намного менее значительным, чем на Антильские о-ва, ввиду слабого спроса. Несмотря на попытки введения новых и новых культур, кофе в 1716 г., какао в 1730 г., сельскохозяйственную и торговую колонизацию Гвианы нельзя считать удачной, болотные миазмы убивали большинство колонистов. К 1740 г. население колонии достигало 5 290 жителей, из них 566 белых, 54 освобожденных, 4 634 черных рабов. Индейское население превалировало, около 8 тыс., но было оттеснено на окраинные территории.

После поражения в Семилетней войне перед Францией встала задача утвердить свое господство в Южной Америке. Власти вновь взялись за освоение и заселение Гвианы. Но великий проект колонизации, разработанный герцогом де Шуазёлем, обернулся полным провалом. Колонисты, в основном эльзасцы и лотарингцы, массами прибывавшие в Гвиану, вместо обещанной плодородной почвы, находили там мучительную смерть от голода и лихорадки. К 1765 г. из 15 тыс. колонистов всего 600 прижились, остальные погибли либо были репатриированы. За Гвианой закрепилась репутация проклятой земли, и даже попытки осушения почв, предпринятые губернатором Малуэ в 1776 г., не смогли

поколебать ее.

Коммерческое освоение Луизианы началось лишь в 1717 г. Предыдущие попытки, связанные с именем банкира А. Кроза, оказались неудачными. Компания Миссисипи, созданная Дж. Лоу в 1718 г., расширенная и переименованная в Компанию Индий (1719), осуществляла спекуляции на вымышленных историях об индейском золоте, пока на улице Кенкампуа не выстроилась очередь недовольных парижан, призывавших к бунту (1720). Несмотря на волюнтаристскую политику Регентства, которая выражалась в насильственном ангажировании рабочих рук и депортации неугодных слоев населения, к 1723 г. в Луизиане насчитывалось менее 5 тыс. французских поселенцев. Плантационное хозяйство в Нижней Луизиане, к югу от реки Арканзас, не приносило экономических выгод. К 1743 г. туда было завезено около 6 тыс. африканских рабов, которые осели в окрестностях Нового Орлеана и употреблялись для возделывания плантаций табака и индиго. Продукция экспортировалась в метрополию, но это была капля в море по сравнению с оборотами Антильских о-вов. Мятеж индейцев натчез в 1731 г. на долгое время подорвал экономику колонии. К 1763 г. в Луизиане проживало 10 тыс. французских переселенцев. Колонисты были рассеяны по огромной территории, что повышало их уязвимость в случае атак индейских племен натчез и чипасо.

Французы неохотно заселяли бескрайние просторы североамериканского континента, отпугиваемые суровой природой, болезнями, враждебностью индейцев и конкурирующих наций. Компания Ста акционеров, в числе которых был кардинал Ришелье (1627), оказалась на грани банкротства, после того как 400 колонистов, направлявшихся в Квебек, попали в английский плен. Форт Квебек и Новая Шотландия были оккупированы англичанами до 1632 г. (договор в Сен-Жермен-ан-Ле). В 1635 г. Канада насчитывала едва 300 колонистов. Ассоциация жителей, сменившая Компанию Ста акционеров в 1645 г., оказалась не более успешной, чем ее предшественница, что побудило Людовика XIV перевести колонию в разряд коронных владений в 1663 г., отправив туда войска, новых колонистов и около тысячи «королевских невест».

Колонизация Канады осуществлялась, главным образом, благодаря выгодам от эксплуатации ее природных ресурсов, мехов диких животных и рыбного изобилия. Пушная торговля с индейскими племенами гуронов, алгонкинов и др., охотно обменивавших меха бобров, волков, куниц на произведенные в Европе ткани, бисер, краски, ножи, посуду, алкоголь, с самого начала приносила большие прибыли. Трапперы служили посредниками в контактах между негоциантами и индейцами. Бобровые шкурки пользовались наибольшим спросом. Земледелие постепенно входило в обычаи поселенцев, становясь единственным средством выживания в ходе длительных и яростных конфликтов, каковыми были франко-ирокезские войны за контроль над пушной торговлей между 1630 и 1763 гг. Французов поддерживали союзные им индейские племена, а Ирокезскую конфедерацию – голландцы, а с 1664 г. – англичане. К 1701 г. (Монреальский мир) французы отстояли традиционные торговые пути, но их победа оказалась иллюзорной, вследствие падения цен на пушнину и переориентации многих индейских племен на британский рынок.

Канада оставалась слабозаселенной. Французское население не превышало 20 тыс. в 1715 г. и 90 тыс. в 1760 г., причем большая часть жителей была сконцентрирована в районе Квебека и Монреаля. Рыболовный промысел на отмелях Ньюфаундленда и о-вах Сен-Пьер и Микелон был доходным. Засушенная или засоленная треска пользовалась спросом на рынках. Апогей французского присутствия в заливе Св. Лаврентия пришелся на период между 1678 и 1688 гг., когда около 20 тыс. французских рыбаков и 300 кораблей были задействованы в рыбной ловле, вдвое больше, чем у англичан.

Французские рабовладельческие и торговые фактории в Африке, на Мадагаскаре и в Индии существовали на территориях неподконтрольных Франции государств или племенных союзов. К 1664 г. фактория Сен-Луи в Сенегале стала важным центром торговли золотом, камедью, слоновой костью и рабами. На невольничий рынок французы пришли позже португальцев, голландцев и англичан, что увеличивало уязвимость их положения. Показателен пример франко-английской борьбы за укрепленный о-в Джеймс на реке Гамбия, а, по сути, за экономическое и политическое преобладание в регионе вверх по течению реки. Французы неоднократно овладевали островом на непродолжительное время, но закрепиться им удалось лишь в Альбреда на северном берегу реки Гамбия.

К середине XVIII в. африканские владения Франции, известные под названием «Сенегал и зависимые территории», представляли собой ряд прибрежных анклавов от устья Сенегала до дельты реки Нигер и управлялись из фактории Сен-Луи. Многие десятки тысяч африканцев ежегодно проходили через французские пересылочные пункты Сен-Луи, Горе, Альбреда, Сави и Уида на пути к депортации на Антильские о-ва. Богатые французские торговцы и военные представляли собой элиту факторий, где проживали также свободные африканцы, мулаты. Особую прослойку населения Сен-Луи и Горе составляли женщины смешанной крови, прозванные синьяр, которые, соединяясь узами брака с колониальными нотаблями, обладали значительными капиталами и способствовали расцвету креольской архитектуры.

Восточная компания Ришелье и Ост-Индская компания Кольбера имели большие виды на Мадагаскар, намереваясь организовать там сельскохозяйственную колонию. Однако отсутствие субсидирования и военной поддержки привело к краху грандиозных замыслов, и даже такой предприимчивый губернатор, как Э. де Флакур (1648–1655), оказался не в силах переломить ситуацию. В 1670 г. остров перешел в разряд коронных владений. Однако колония была ослаблена вооруженными конфликтами с аборигенами, тесно связанными с пиратами, и внутренними разногласиями. Туземцы спалили Форт-Дофин, а колонистов перерезали в местной церкви во время рождественской мессы 1672 г. После этого Франция еще трижды в 1680, 1768, 1773 гг. предпринимала попытки подчинить своему влиянию Мадагаскар, но тщетно. Прибежище для пиратов и работорговцев, остров редко навещался колониальными властями, и французы сохранили за собой лишь несколько укрепленных пунктов, где закупали быков, рис и рабов во время стоянок кораблей на пути в Индию или обратно.

Французское присутствие в Индии было связано с деятельностью Ост-Индской компании, которая обладала исключительным правом на торговлю от мыса Доброй Надежды до мыса Горн. Деревни, купленные компанией у местных правителей, как Пондишери и Чандернагор, под французским управлением превратились в процветающие города, несмотря на убытки, причиняемые колониальной торговле военными конфликтами с англичанами и голландцами. Так, во время войны Аугсбургской лиги голландцы оккупировали Пондишери на шесть лет (1693–1699) и заблокировали устье Ганга, препятствуя проходу французских кораблей. Впоследствии все принадлежавшие французам фактории были укреплены с оборонительной целью.

В XVIII в. Пондишери стал административным центром, достигнув своего апогея в губернаторство Ж. Ф. Дюплекса, когда были проложены дороги и расширена территория под французским влиянием. Под французский контроль отошла прибрежная полоса к северу и югу от Янаона (1753) с налоговыми округами, все сборы от которых поступали во французскую казну, до 1 млн. рупий в год. Янаон был крупным центром хлопкового производства. Активная портовая деятельность французских факторий зиждилась на закупке в Индии текстиля

(шелков, муслинов и органди; полотен; окрашенных, цветных или простых перкалей), но также драгоценных камней, красящих веществ и пряностей. В период наиболее удачной деловой активности от 8 до 10 кораблей, нагруженных тканями, причаливали ежегодно в порту Лорьяна. В 1740-е гг. французская торговля с Индией была почти столь же активной и прибыльной, как британская.

Революционные преобразования и возврат к statu quo. Революционные события 1789 г. в метрополии, упразднение привилегий и провозглашение всеобщего равенства, отозвались в колониях гражданскими войнами, борьбой свободных мулатов за политические права и негров-рабов за освобождение. Сознавая опасность, которая угрожала их привилегированному положению, белые колонисты вступали в конфликты с представителями революционного правительства, препятствуя введению вотированных в Париже реформ в колониях.

К 1789 г. численность мулатов на Сен-Доминго, 28 тыс., почти сравнялась с креолами, около 30 тыс. Мулаты имели в своей собственности треть плантаций и четверть рабов, играли значительную роль в социально-экономическом плане и претендовали на политическую роль. Вспыхнувшее на Сен-Доминго в 1790 г. восстание мулатов под предводительством В. Оже и Ж.-Б де Шаван было разгромлено, а его зачинщики казнены. Рабы возжелали свободы, чему немало способствовала пропагандистская деятельность Общества друзей чернокожих, разоблачавшего рабовладельческую практику во имя естественных прав человека. В августе 1791 г. на Сен-Доминго вспыхнуло грандиозное восстание рабов (около 50 тыс.) под руководством Ф. Д. Туссен-Лувертюра.

Декретом Законодательного собрания от 4 апреля 1792 г. жителям сенегальских о-вов Сен-Луи и Горе было присвоено французское гражданство. Тот же декрет уравнял в правах с белыми свободных мулатов. Однако реальные бенефиции нового статуса не были ощутимы. Белые колонисты противились допуску мулатов в колониальные ассамблеи. К 1794 г. Франция почти полностью потеряла контроль над Сен-Доминго. Воспользовавшись смутами, британцы высадились на побережье, в то время как испанцы попытались завладеть французской частью острова. Рабы заняли сторону Испании, которая снабжала их оружием и боеприпасами в борьбе против Франции.

С целью наведения порядка Республика отправила на Сен-Доминго комиссию, один из членов которой Л.-Ф. Сонтонакс провозгласил 29 августа 1793 г. эмансипацию рабов. Его инициатива была поддержана Национальным конвентом, который декретировал 4 февраля 1794 г. отмену рабства в колониях. У этой меры было много противников, опасавшихся краха колониальной экономики, но Робеспьер был категоричен: «Пусть погибнут колонии, но не принцип». На момент принятия декрета во французских колониях проживало около 700 тыс. рабов.

Армия эмансипированных рабов под предводительством Ф. Д. Туссен-Лувертюра перешла в мае 1794 г. на сторону Франции, определив перелом в ходе военных действий. Испанцы были оттеснены в испанскую часть Сен-Доминго, по Базельскому миру 1795 г. весь остров перешел под юрисдикцию Франции, а в 1798 г. пали последние крепости удерживавшиеся англичанами. Туссен-Лувертюр сконцентрировал в своих руках неограниченную власть. Завладев испанской частью острова в 1801 г., он провозгласил Сен-Доминго автономным владением Франции, а себя пожизненным губернатором. После многих лет кровавых конфликтов плантационная экономика была полностью разрушена. Туссен-Лувертюр смог выправить экономическую ситуацию, принудив бывших рабов к возделыванию плантаций. Свобода обернулась для них продолжением каторжного труда, но уже в качестве издольщиков, подчиненных суровой дисциплине. Пока продолжалась война с Англией, Париж не мог помышлять о восстановлении контроля над Сен-Доминго.

В 1794 г. английские войска при поддержке плантаторов оккупировали Гваделупу, но удерживали ее лишь несколько месяцев с 21 апреля по 2 июня. Французский отряд под командованием комиссара Конвента В. Юга сумел отбить остров у англичан. Провозгласив уничтожение рабства на острове, В. Юг гальванизировал патриотизм негритянского населения. Как следствие, к декабрю 1794 г. остров был полностью очищен от англичан. По прозвищу «Грозный», Ф. Юг установил на острове режим террора. Революционные трибуналы и гильотина не прекращали свою деятельность в течение четырех лет его управления. Сменивший его генерал Дефурно вызвал недовольство населения и части армии новыми налогами.

Декрет об освобождении рабов нашел применение в Гвиане, которая с 1792 г. стала местом депортации неприсягнувших священников. В 1798 г. в Кайенну были сосланы пострадавшие от переворота 18 фрюктидора V года роялисты.

Революция 1789 г. способствовала рождению ассимиляционного концепта французской колониальной политики. Заявления о единстве политического пространства метрополии и колоний неоднократно были подкреплены действием. Конституция 1795 г. в ст. 6 утверждала: «Французские колонии являются интегральной частью Республики и подчиняются единому конституционному закону». Имперское гражданство распространялось как на жителей метрополии, так и на потомков африканцев в колониях. Гваделупа, Мартиника, Гвиана получили статус департамента.

Однако Мартиника и Маскаренские о-ва, где роялисты одержали верх, сохранили привычный рабовладельческий порядок. В соответствии с договором плантаторов с британской короной (Уайтхолл, 19 февраля 1794), английские войска оккупировали Мартинику. О-ва Реюньон (бывший Бурбон) и Иль-де-Франс сохранили рабовладение в силу соответствующего решения колониальных ассамблей. Конституция VIII года Республики (13 декабря 1799), ст. 91, постановив, что «режим французских колоний определяется специальными законами», и, покусившись тем самым на принцип единой и неделимой Республики, подготовила почву для восстановления рабства и старого законодательного порядка.

По условиям Амьенского мира (27 марта 1802), Великобритания возвратила консульской Франции отнятые у нее ранее колонии Мартинику, Тобаго, Сент-Люсию и фактории в Индии. Дабы успокоить несговорчивых плантаторов, декрет от 20 мая 1802 г. гарантировал сохранение рабства в подвергшихся реституции колониях и в других французских владениях за мысом Доброй Надежды, что подразумевало Реюньон, Иль-де-Франс, индийские фактории. Работорговля восстанавливалась тем же декретом в соответствии с законами и регламентами, существовавшими до 1789 г.

16 июля 1802 г. Наполеон аннулировал революционный закон об отмене рабства. Но еще до принятия декрета о повсеместном его восстановлении, в декабре 1801 г. и в апреле 1802 гг. Наполеон распорядился о снаряжении карательных экспедиций на Сен-Доминго и Гваделупу. Кроме восстановления рабства, экспедиции имели целью восстановить французское владычество на островах. Генерал Леклерк с армией высадился на Сен-Доминго в январе 1802 г., а 5 мая Туссен-Лувертюр, преданный ближайшими сподвижниками, согласился на перемирие, после чего был арестован и депортирован во Францию. Указом от 20 мая 1802 г. Наполеон распорядился восстановить рабство на Сен-Доминго. Однако тропическая лихорадка подкосила ряды французского войска, унеся жизнь и главнокомандующего. Слухи о восстановлении «Черного кодекса» побудили чернокожих генералов Дессалина, Кристофа и Петиона возобновить сопротивление. В ноябре 1803 г. французские войска были разгромлены и бежали с острова. 1 января 1804 г. была провозглашена независимости Республики Гаити (так стало

именоваться бывшее французское Сен-Доминго). Испания вернула себе восточную часть острова в 1808 г., но для французов колония Сен-Доминго была утрачена навсегда.

Назначенный губернатором Гваделупы в 1802 г. Лакросс попытался выслать с острова всех цветных офицеров, которые были интегрированы в армию после уничтожения рабства, чем вызвал недовольство местного населения. Действия губернатора и слухи о близящемся возвращении к старому порядку спровоцировали мятеж. Во главе французских экспедиционных сил, высадившихся на Гваделупе в мае 1802 г., генерал Ришпанс практиковал жестокости и массовые убийства, что позволило ему за считанные недели подчинить остров. Руководитель восставших Л. Дельгре и верные ему воины покончили с собой 28 мая на склонах вулкана Матуба, предпочтя смерть пленению и перспективе вновь стать рабами. Рабство на Гваделупе было восстановлено силой 17 июля 1802 г.

После восстановления старого порядка, Гваделупа утратила статус департамента, дарованный ей Республикой. В 1805 г. на Гваделупе был введен в действие Французский гражданский кодекс. В революционную и наполеоновскую эпоху атлантические порты прозябали без дела, многие негоцианты разорились.

Гибель империи. Торговые и территориальные вожделения Французского королевства постоянно наталкивались на аппетиты Великобритании. Ставкой в борьбе были прибыльные монополии на сахар Антильских о-вов, рабов из Африки, шелка и пряности из Индии, меха и рыбу из Америки. Французская экспансия вдоль Миссисипи, лишив английские колонии возможности расширения на запад, увеличила напряженность в отношениях. Между 1689 и 1815 гг. франко-английское соперничество приняло характер декларированных войн. Вооруженные столкновения двух держав в составе враждующих коалиций имели место, как в Европе, так и в колониях, как на суше, так и на море.

Борьба велась, прежде всего, за контроль над североамериканским континентом. Численное превосходство было за английскими поселенцами. За период между 1608 и 1760 гг., в то время как приток иммигрантов в Новую Францию был в среднем 56 в год, в Новую Англию прибывали по тысяче поселенцев. Английские колонисты были в количестве 300 тыс. в 1715 г., 900 тыс. в 1740 г. и 1,5 млн. в 1760 г. Решительная поддержка со стороны крупных состояний и короны, не знавший себе равных Royal Navy были в числе британских козырей.

Война Аугсбургской лиги (1688–1697) была первым эпизодом в длительном франко-британском противостоянии. Регулярные армии противников с помощью колонистов и индейских союзников боролись за контроль над пушной торговлей в районе Гудзонова залива и акваториями рыбной ловли в районе Акадии и Ньюфаундленда. Французы удержали свои позиции по условиям Рисвикского мирного договора (1697). Были закреплены права Франции на Луизиану и западную часть Сен-Доминго, Акадия, фактории в районе Гудзонова залива остались во французском владении. Ньюфаундленд остался за англичанами, но Франция сохранила Плезанс, под ее контроль отошла обширная территория на юго-западном побережье острова.

Следующее столкновение с Великобританией в рамках войны за Испанское наследство (1701–1714) закончилось потерями для Франции. Война велась с переменным успехом. Используя методы герильи, канадские ополченцы подвергли разгрому в 1709 г. форт Сент-Джонс, столицу британского Ньюфаундленда. После ряда безуспешных осад, англичане сумели захватить форт Пор-Руаяль в Акадии (1710), как раз в то время, когда Франция терпела катастрофические поражения на европейском театре военных действий. Условия Утрехтского мира 1713 г. были в пользу британцев. Франция признала английские права на территорию в районе Гудзонова залива, на Ньюфаундленд, сохранив за собой, тем не менее, право

рыбной ловли вдоль северной части побережья, получившей название «французский берег». Французские колонисты вынуждены были переместиться из крепости Плезанс на соседний о-в Кейп-Бретон, переименованный в Королевский о-в (Иль Руаяль). Великобритания получила в свое владение континентальную часть Акадии (Новая Шотландия), архипелаг Сен-Пьер и Микелон и о-в Сен-Кристоф (Сен-Китс). Франция уступила ей монополию на ввоз рабов в испанскую Вест-Индию (асьенто). Утрехтский договор знаменовал начало разрушения Французской колониальной империи в Северной Америке, британские тиски сжались вокруг Канады.

Дипломатическая революция кардинала Дюбуа соединила Францию с ее извечным врагом, Англией, узами союза (1718), конец которым положил «Семейный пакт» между французскими и испанскими Бурбонами (1731). Франко-британский мир продлился до 1744 г., несмотря на то, что сооружения фортификаций и иные военные приготовления с обеих стороны свидетельствовали о его непрочности.

Франция отвергла английские притязания на Новый Борансуик, соорудив в 1720 г. мощную крепость Луисбург на Иль Руаяль, который, как и соседний о-в Сен-Жан (Принца Эдуарда), быстро заселялся беженцами из той части Акадии, где хозяйничали англичане. Но основным пунктом франко-английских разногласий была долина Огайо между Аппалачами и Миссисипи. Расположенные по соседству английские колонии Пенсильвания и Виргиния в стремлении расширить свои территории на запад наталкивались на противодействие французов, считавших Огайо жизненно важным связующим звеном между Канадой и Луизианой. Франко-британская борьба возобновилась в ходе войны за Австрийское наследство. В июне 1745 г. Луисбург капитулировал, но через три года был возвращен Франции в обмен на Мадрас в соответствии с Аахенским договором 1748 г., по которому стороны обязались привести свои границы в довоенное состояние.

В 1754 г. после ряда кровавых стычек французы отбили атаки виргинской милиции Дж. Вашингтона, отстояв форт Дюкень (Питтсбург). Началась Семилетняя война, на начальной стадии которой успех сопутствовал французам и союзным им индейским племенам. Методы герильи с привлечением «краснокожих» оказались выигрышными в сравнении с «европейской тактикой» британцев. После 1758 г., однако, последовала серия французских поражений, во многом из-за смены тактики. Новый командующий Л.-Ж. де Монткальм сделал ставку на регулярные войска, тогда как герилья была единственно возможным способом борьбы с численно превосходящим противником. Численность французских войск в Новой Франции не превышала 11-ти тыс. Противник обладал превосходством из расчета пять к одному, имея в своем распоряжении 60-титысячное войско. В 1758 г. форт Фронтенак на озере Онтарио капитулировал, пал форт Дюкень, был захвачен Луисбург. В 1759 г. все французские форты в долине Огайо были захвачены британцами, в зоне их контроля оказалось озеро Шамплейн. Корабли Royal Navy блокировали подступы к побережью Новой Франции и получили контроль над устьем Св. Лаврентия. Решающая битва произошла на Авраамских равнинах близ Квебека 13 сентября 1759 г. Победа досталась британцам, но в сражении погибли командующие обеих армий, генералы Л.-Ж. де Монкальм и Дж. Вольф. Гарнизон Квебека капитулировал 18 сентября 1759 г., через год наступил черед Монреаля.

Слабая заселенность территорий, отсутствие подкреплений из метрополии и поддержки флота были факторами слабости французских колонистов, которые обусловили их поражение. На рапорт об отчаянном положении дел в Новой Франции морской министр Н. Беррьер возразил: «Когда дом охвачен пожаром, не следует беспокоиться о конюшнях». На занятых территориях британцы проводили суровую политику в отношении выходцев из Франции, подвергнув насильственной

депортации между 1755 и 1762 гг. 12 тыс. французских колонистов из Акадии в Новую Англию.

В Вест-Индии британцам удалось захватить Гваделупу (1759) и Мартинику (1762). Добившись от французского правительства отзыва Дюплекса из Индии в обмен на обещание мира, Лондонский кабинет не сдержал слова. В короткие сроки Великобритании удалось приобрести контроль над Бенгалией. В 1757 г. британская армия захватила Чандернагор, а затем разбила франко-индийские войска при Плассей. Но самой досадной неудачей французской армии была капитуляция Пондишери в 1761 г., город подвергся разрушению. Семилетняя война принесла разочарования французам и в Западной Африке. В 1758 г. Сен-Луи капитулировал перед британской эскадрой, тогда же англичане захватили о-в Горе в Дакарской бухте.

Парижский мирный договор (10 февраля 1763) положил конец существованию Новой Франции. Все французские территории в Северной Америке перешли к Великобритании: Канада, о-ва в Северной Атлантике, а также восточная Луизиана (левый берег Миссисипи). Правый берег Миссисипи с портом Новый Орлеан достался Испании, которую французская корона вознаградила, таким образом, за союзнические усилия и потерю Флориды. За французами остались о-ва Сен-Пьер и Микелон, а также право рыбной ловли на французском берегу Ньюфаундленда в границах, определенных Утрехтским договором. Франция взяла на себя обязательство не укреплять острова и не использовать их в качестве военной базы. Соглашаясь на унизительный для национального достоинства мир, Людовик XV полагал, что, сохраняя Сен-Доминго, самое процветающее из своих заморских владений, он сохраняет за Францией основу ее колониального богатства. Гваделупа и Мартиника также остались за Францией, но Доминика, Сент-Винсент, Гренада, Тобаго стали британскими владениями. Близорукая политика Людовика XV и его министров привела к утрате контроля над Деканом. Пондишери был возращен французам, как и Чандернагор, Карикал, Янаон, Маэ. Мощь Ост-Индской компании была серьезно подорвана, что привело к приостановке ее деятельности в 1769 г. Франция лишилась владений на реке Сенегал, и, прежде всего, форта Сен-Луи, но сохранила Горе.

Капитан флота Л. А. де Бугенвиль попытался компенсировать территориальные потери Франции, исследовав в 1763−1765 г. Мальвинские о-ва в юго-западной части Атлантического океана. Первыми их поселенцами были моряки и рыбаки из бретонского Сен-Мало, отсюда название архипелага. Вняв протестам испанской короны, претендовавшей на Мальвинские о-ва, Людовик XV передал их в 1766 г. испанцам. В ходе последовавшего кругосветного плавания (1766−1768) Л. А. де Бугенвиль посетил Таити, Гебридские о-ва, которые будут колонизованы Францией лишь в XIX−XX вв.

Поддержав борьбу североамериканских колоний Англии за независимость (1778–1783), Франция не получила ощутимых дивидендов в Северной Америке, хотя смогла взять своеобразный реванш за предыдущее унижение. По условиям Версальского мира (3 сентября 1783), о-в Тобаго был возвращен Франции. Несмотря на капитуляцию Пондишери и Янаона, морские победы в Бенгальском заливе позволили Франции сохранить за собой эти фактории, от которых после английской оккупации остались только камни и пепел. Франция вновь обрела сенегальские фактории, в том числе и форт Сен-Луи. Испания вернула себе Флориду, а также получила территорию по левому берегу Миссисипи вдоль Мексиканского залива. Восточная Луизиана отошла к США.

В 1884 г. Франция лишилась маленького о-ва Сен-Бартелеми в Карибском море, передав его Швеции в обмен на крупный торговый склад в гавани Гутеберг.

Революция 1789−1799 г. обернулась для Франции потерей части

колониальных владений. С 1793 г. Великобритания принимала активное участие в борьбе европейских монархий против революционной Франции, практикуя блокаду портов и войну на море. Французские фактории в Индии оказались оккупированы британцами. В 1794 г. Мартиника была захвачена англичанами и удерживалась ими до 1802 г. В 1797 г. Великобритания захватила о-ва Сен-Винсент и Тобаго.

Идея колонизовать Египет, выдвигавшаяся в 1760-е гг. герцогом Шуазелем, министром Людовика XV, возродилась при Директории. Ш. М. де Талейран, министр иностранных дел поддержал инициативу Египетской экспедиции Наполеона Бонапарта. Завоевав Египет, Бонапарт планировал досадить Англии в Индии. Кроме стратегических расчетов, Египет мог компенсировать потери американских колоний. В 1798 г. под руководством Наполеона Бонапарта была предпринята Египетская экспедиция. Однако в Египте французская армия оказалась в ловушке: флот был разгромлен Нельсоном при Абукире, местное население было настроено враждебно. Поход Наполеона в Сирию (февраль – май 1799) не увенчался успехом. После заключения Амьенского мира (27 марта 1802 г.) французские войска были выведены из Египта. Тогда же Великобритания возвратила консульской Франции о-ва Мартинику, Тобаго и Сент-Люсию.

По секретному договору в Сан-Ильдефонсо (1 октября 1800) Испания уступала Франции правый берег Миссисипи (западная Луизиана). Наполеон планировал создать французскую империю в Новом Свете, и Луизиана должна была стать ее частью. Победа восставших рабов на Сен-Доминго вынудила Наполеона отказаться от американского проекта в условиях, когда надвигался новый полномасштабный конфликт с Англией. Франция не располагала достаточными силами, чтобы удерживать под контролем американский регион, велика была опасность того, что Великобритания или США захватят Луизиану. Наполеон предложил продать всю Луизиану США. Американская делегация, командированная в Париж Т. Джефферсоном для переговоров о покупке Нового Орлеана и его окрестностей, подписала договор о покупке всей территории Луизианы за 80 млн. франков 2 мая 1803 г. Столь неожиданная развязка была продиктована стремлением не допустить англо-американского союза в условиях, когда Амьенский мир дал трещину.

В ходе последующего морского и колониального соперничества с Великобританией часть французских владений вновь подверглась британской оккупации: Мари-Галант и Дезирад в 1808 г., Сент в 1809 г. и Гваделупа в 1810 г. Маскаренские о-ва были блокированы британским флотом (1808−1810). Первым пал Родригес, в 1810 г. Бонапарт (бывший Реюньон) и Иль-де-Франс капитулировали перед преобладающими силами противника. Британская администрация вернула о-ву Бонапарт его прежнее название Бурбон, Иль-де-Франс стал Маврикием, а Пор-Наполеон − Пор-Луи. Франция утратила последние опорные пункты былой гегемонии в Индийском океане. В сенегальской фактории Сен-Луи вновь разместился британский гарнизон (1809).

Французская Гвиана на несколько лет перешла во владение Португалии, вторгшейся туда при поддержке англичан с соседней Бразилии.

Первый Парижский договор (30 мая 1814), Заключительный акт Венского конгресса (9 июня 1815), Второй Парижский договор (20 ноября 1815) положили конец «третьей Столетней войне». Первый Парижский договор (ст. 8–14) определил послевоенное распределение колоний. Великобритания взяла на себя обязательство вернуть Бурбонам колонии, рыболовные промыслы, фактории, которые находились во французском владении на 1 января 1792 г., «за исключением о-вов Тобаго и Сент-Люсии, Иль-де-Франс и зависимых от него территорий, а именно Родригеса и Сейшел» (ст. 8). Король Швеции и Норвегии, которому англичане уступили Гваделупу по Стокгольмскому договору (5 марта 1813), обязался передать ее

Франции (ст. 9). Португалия обязалась вернуть Гвиану в границах, определенных Бадахосским и Мадридским договорами (1801), из которых следовало, что Франция приобретала часть португальских владений в Амазонии (ст. 10). Отдельно оговаривались условия французского присутствия в Индии (не возводить фортификаций, ограничить численность воинских гарнизонов), в обмен Великобритания обязалась не чинить препятствий французской торговле (ст. 12). Франции возвращалось право рыбной ловли на отмелях Ньюфаундленда и в заливе Св. Лаврентия (ст. 13). Договор фиксировал даты передачи колоний французским властям: в северных морях и на континентах Америки и Африки по истечении трех месяцев, за мысом Доброй Надежды шести месяцев с момента ратификации (ст. 14). Однако высадка Наполеона в бухте Жуан 1 марта 1815 г. внесла свои коррективы в эти сроки.

Заключительный акт Венского конгресса, как и Второй Парижской договор, более суровый по сравнению с Первым в том, что касалось континентальной Франции, подтвердил положения 1814 г. относительно заморских территорий. Корректировка была внесена Заключительным актом Венского конгресса (ст. 106, 107) в разграничение между французскими и португальскими владениями в Южной Америке: река Ояпок ограничила с юга французскую Гвиану, Амазония вернулась под контроль португальцев. Процесс реституции остатков Французской колониальной империи был завершен к 1816–1817 гг.

Длительное вооруженное противостояние с Великобританией оказалось катастрофичным для Французской колониальной империи XVII–XVIII вв., самой обширной по протяженности и самой доходной по некоторым статьям товарооборота. В результате Семилетней войны Францией были утрачены огромные территории в Северной Америке и в Индии. Последующая борьба обернулась для нее утратой командных позиций в Индийском океане и части владений в Карибском бассейне. Колониальные предприятия Наполеона потерпели крах.

Вторая колониальная империя Франции. В период своего апогея, который пришелся на 1920-е – 1930-е гг., Французская Вторая колониальная империя охватывала пространство площадью около в 12 млн. км^2 с населением более 66 млн. человек, уступая по площади и населенности только Британской колониальной империи. Французские владения находились во всех частях света: в Африке (северной, западной и центральной), в Азии (Индокитай), в Океании (Таити и Маркизские о-ва в Полинезии, Новая Каледония, Новые Гебриды в Меланезии), в Америке (Антильские о-ва и Гвиана).

Колониальная экспансия. Режим Реставрации унаследовал от Старого порядка лишь жалкие остатки былого величия: о-ва Мартинику и Гваделупу, Гвиану, архипелаг Сен-Пьер и Микелон, о-в Бурбон (Реюньон), прибрежные фактории в Сенегале (Сен-Луи, остров Горе, Рюфиск) и пять факторий в Индии (Пондишери, Янаон, Чандернагор, Карикал и Маэ). Республика Гаити (бывшая колония Сен-Доминго), начав переговоры о признании своей независимости, получила удовлетворение в 1825 г. против выплаты компенсации в 150 млн. золотых франков. Торговый флот Франции водоизмещением 729 тыс. тонн в 1787 г., второй после английского, насчитывал не более 435 тыс. тонн в 1816 г. Континентальная блокада, подтолкнув метрополию к развитию индустрии сахарной свеклы, способствовала снижению интереса к поставкам тростникового сахара из колоний. Реставрация не имела ни достаточных средств, ни желания возобновить дорогостоящие заморские предприятия.

О-в Святой Марии вблизи северо-восточных берегов Мадагаскара, который с XVIII в. заселялся выходцами из Франции, к 1820−1822 гг. стал французской колонией.

Отдав распоряжение в мае 1830 г. о снаряжении экспедиции с целью завоевания г. Алжир, Карл X не преследовал далеко идущих целей колониальной экспансии. Его намерением было наказать дея Алжирского регентства за оскорбление, нанесенное консулу Франции в 1827 г., и разрушение французских факторий Ла Калль и Бон на средиземноморском побережье. Экспедиция попутно задавалась целью положить конец морскому разбою и отвлечь общественное мнение от внутренних проблем. 5 июля 1830 г. генерал Л. Бурмон вынудил дея к капитуляции, французы стали хозяевами г. Алжир. Однако расчеты на блестящий военный успех как средство усмирения либеральной оппозиции не оправдались. Не прошло и месяца, и Июльская революция свергла Карла X.

Новый режим планировал ограничиться возвращением «алжирских концессий», прибрежных территорий, принадлежавших Франции с конца XVII в. Слишком велики были опасения вызвать неудовольствие Великобритании, единственного союзника Июльской монархии, и так обеспокоенного усилением французского присутствия в Средиземном море. Один за другим пали прибрежные Оран (1831), Бон (1832), Бужи (1833). Желание консолидировать французское господство толкало губернаторов на авантюрные предприятия, и зона завоевания вскоре поползла на юг. К тому же общественность требовала энергичной внешней политики. Генерал Б. Клозель сумел привлечь на сторону Франции целые племена. Абд эль-Кадер, эмир Маскары, собрав под своим руководством в 1834 г. арабские племена, оказывал яростное сопротивление на равнинах и в горах. В 1837 г. пала крепость Константина. Прерываемое кратковременными перемириями, противоборство двух сторон было длительным, кровавым и разрушительным. В 1839 г. франко-алжирский конфликт распространился на соседний Марокко. За поражением марокканской армии при Исли последовал Танжерский договор (10 сентября 1844), который определил алжиро-марокканскую границу. Тесня эмира к пустыне, Т. Бюжо овладел значительными территориями вплоть до Атласких гор. Абд эль-Кадер сдался в плен в декабре 1847 г.

Паровые суда, которыми пополнился французский флот в 1830–1840-е гг., сжигали много угля, что послужило толчком для поиска позиций в различных уголках мира, которые могли бы служить складом для горючего. Эта политика, получившая название доктрины опорных пунктов, была изложена министром иностранных дел Ф. Гизо в 1842 г. Необходимость в морских станциях побудила французский флот к приобретению новых позиций на африканском побережье, многие из которых в дальнейшем дали импульс к основанию колоний.

В 1836 г. во французское владение отошел о-в Карабан в устье реки Казаманс, к югу от сенегальских факторий. На болотистом о-ве превосходно произрастал рис, и французское государство обязалось выплачивать за него ежегодную ренту в 196 франков. В 1837 г. Франция приобрела участок земли по правому берегу Казаманс. Основанная там фактория Седьу стала ее главным торговым центром в Казамансе.

В 1842 г. французские миссионеры, коммерсанты, солдаты занялись освоением Берега Слоновой кости (Кот-д’Ивуар). Были восстановлены торговые фактории в Ассини и Гран-Бассам на юго-восточном побережье, недалеко от нынешнего Абиджана, с фортами Немур и Жуанвиль. Несмотря на английскую конкуренцию и дававшую о себе знать временами враждебность населения, французский протекторат был установлен к 1846 г. практически над всеми племенами ивуарийского побережья.

В 1839 г. капитан Э. Буэ-Вийомез заключил с вождем мпонгве договор о передаче во французское владение нескольких арпанов земли в устье реки Габон. Бухта Габон стала базой для заправки судов топливом, положив начало французской колонизации в регионе.

О-в Нуси-Бе в Мозамбикском проливе вблизи северо-западных берегов

Мадагаскара, привлекательный своими рейдами, был занят французами в 1841 г. Тогда же султан о-ва Майотты, составной части Коморского архипелага, движимый осознанием непрочности своей власти, подписал договор, по которому остров стал французским протекторатом. Франция приобрела в свое владение стратегически важный порт. Договор был ратифицирован Луи-Филиппом в 1843 г., после чего состоялась церемония официального вступления во владение с поднятием флага. О-ва Нуси-Бе и Сент-Мари вместе с Майоттой составили колонию Маойтта и Нуси Бе.

В конце XVIII в. французские мореплаватели, вслед за испанцами и англичанами, начали проникать в центральную часть Тихого океана, Полинезию. Э. Маршан посетил в 1791 г. северные о-ва Маркизского архипелага, южная часть которого была открыта еще в XVI в. Священники парижского монастыря Пикпюс, обосновавшись на них в 1838 г., приобрели некоторое влияние на аборигенов. Английская аннексия Новой Зеландии (1840) была воспринята французским правительством как вызов. В мае 1842 г. контр-адмирал А. Дюпети-Туар по поручению Луи-Филиппа и его именем осуществил аннексию Маркизских о-вов. Но вулканические и труднодоступные, острова оказались малопригодными для организации на них морской базы.

О-в Таити подходил для этой цели намного больше. Л. де Бугенвиль был первым французом, который 3 апреля 1768 г. высадился на Таити, спустя десять месяцев после его открытия С. Уоллисом. Несмотря на репутацию гостеприимной и благословенной земли, Таити редко посещался французскими судами. Англичане проявили больше предприимчивости, сделав из Таити обязательную стоянку в ходе своих плаваний, и приобрели там большое влияние. Попытка католических миссионеров обосноваться на острове в 1836 г. была неудачной. В 1842 г. адмирал А. Дюпети-Туар вынудил королеву Помаре IV подписать договор о протекторате. Но едва он отплыл во Францию, королева денонсировала договор. По возвращении в ноябре 1843 г. Дюпети-Туар сверг королеву и изгнал ее английского советника, дипломата Притчарда. Провозглашенная им аннексия острова была дезавуирована Парижем и Лондоном, тогда как «дело Притчарда» накалило франко-британские отношения. Между тем, правительство Луи-Филиппа подтвердило протекторат. На Таити прибыли четыре военных корабля и тысяча французских солдат под руководством комиссара Брюа, которому было доверено командование морскими базами в Океании (EFO). В 1844 г. на Таити разгорелся мятеж, подавленный в 1846 г. после ряда кровопролитных боев. В 1847 г. в г. Папеэте был подписан новый договор о протекторате, по которому Англия и Франция обоюдно признавали друг за другом сферы влияния в Новой Зеландии с одной стороны, на Маркизских о-вах и на Таити с другой.

В 1843 г. священники и монахи Общества Св. Марии под руководством Г. Дуарра, епископа Амата, подняли триколор на о-ве Новая Каледония, но, вняв протестам Лондона, Луи-Филипп распорядился в 1846 г. о репатриации флага.

Из французов лишь Л. Бугенвиль посетил архипелаг Уоллис и Футуна, затерянный в юго-западной части Тихого океана, до того, как католические миссионеры Общества Марии высадились на них в 1837 г. Принятые благожелательно местным правителем, французские проповедники вызвали недовольство части островитян. Инцидент с убийством П. Шанеля на о-ве Футуна в 1841 г. побудил миссионеров обратиться к властям с просьбой о защите. В ноябре 1842 г. Уоллис и Футуна были объявлены «свободными и независимыми под защитой Франции».

Режим Июльской монархии неоднократно прибегал к демонстрациям военной силы в Латинской Америке с целью защиты прав французских подданных или торговых интересов. В 1838 г. эскадра в составе 23-х судов под командованием адмирала Ш. Бодена открыла пушечный огонь по крепости Сан Хуан де Уллоа,

защищавшей подступы к порту Веракрус на восточном побережье Мексики. Похожий конфликт дважды противопоставил Францию диктатору Аргентинской конфедерации Х. М. Росасу в 1838−1840 гг. и 1845−1848 гг., когда Буэнос-Айрес подвергся блокаде французского флота.

Вторая республика (1848−1852) сумела сохранить имевшиеся владения и установить новые зоны влияния в Африке. Нападения местных этносов на французские поселения в южном Сенегале имели следствием военную интервенцию 1851 г. в устье реки Казаманс, в ходе которой был учрежден суверенитет Франции над о-вом Карабан и близлежащими селениями. В 1851 г. Франция заключила договор о дружбе с королем Дагомеи (современный Бенин). Обладавшая и ранее участками прибрежной полосы (форт Уида), Франция получила возможность вести торговлю на зависимой от Дагомеи территории и ввозить туда католических миссионеров.

Император Наполеон III не имел сколько-нибудь продуманной программы колониальной экспансии, рассматривая, тем не менее, колонии как верное средство повышения престижа страны и правящей династии. При Второй империи под давлением промышленных и торговых кругов колониальная экспансия интенсифицировалась. Военный флот, лучший, каким Франция обладала со времен Кольбера, был создан за 15 лет, в 1868 г. − 300 судов. Канонерские лодки, «базы мобильного огня», проникали вглубь территорий по речным путям, будь то в Сенегале или в Кохинхине. Недаром колониальную политику Второй империи именуют «политикой канонерок». Заслуга большей части колониальных приобретений, реализованных при Второй империи, принадлежала личным инициативам губернаторов на местах.

К началу Второй империи Франция имела под своим контролем большую часть Алжира, кроме большой Кабилии, населенной берберами, и оазисов на юге. В 1850-е гг. войска под руководством генерала С. Рандона овладели оазисами Лагуа и Туггурт. В Лагуа войска прибегли к резне населения. В результате ряда военных операций Франция завершила завоевание Кабилии в 1857 г. Пограничные с Марокко территории, в районе Ужда, многократный источник смут, были подчинены в 1870 г. К концу Второй империи под властью Франции находилась вся территория Алжира до северного края Сахары.

Песчаное море, Сахара с давних пор привлекала европейцев. Тем не менее, правительство Второй империи так и не решилось предпринять поход на туарегов, кочевников в синих плащах («hommes bleus»). Лишь отдельные первопроходцы, как А. Дюверье, автор книги «Туареги Севера» (1864), отважились углубиться в Сахару.

Л. Проте, губернатор Сенегала между 1850 и 1854 гг., способствовал дальнейшему освоению региона, укрепил форт Подор на реке Сенегал и очистил ее окрестности, победив воинственное племя тукулер. Его преемник Л. Фэдэрб (1854−1861 и 1863−1865), создал из разбросанных по побережью факторий целостную колонию. Торговля арахисом предполагала расширение территорий, на которых можно было заниматься его выращиванием. Имея в своем распоряжении достаточно скромные воинские контингенты, Л. Фэдэрб приступил к завоеванию внутренних районов Сенегала, оккупировав в 1855 г. территорию племени уолоф. Мавры осадили Сен-Луи, но, потерпев поражение в 1858 г., отказались от взимания пошлин и обязались не совершать более набегов к югу от реки Сенегал. В 1855 г. у французов объявился могущественный враг – Эль-Хадж-Омар, который, выдавая себя за пророка, создал мусульманскую державу от Томбукту до Сенегала. Форт Медина, построенный по распоряжению Фэдэрба в верхнем течении Сенегала, был осажден в 1857 г. войском Эль-Хадж-Омара, составленным из племен тукулеров, пелей, бамбаров и др. Прибывшее на борту канонерки подкрепление решило дело в пользу французов. Потерпев еще ряд поражений, в 1860 г. Эль-Хадж-Омар признал

французское владычество по реке Сенегал, отступив в Судан (современный Мали). Между 1857 и 1859 гг. Фэдэрб заключил договоры о протекторате над областями по левому берегу Сенегала, обеспечением которых служили взятые в заложники дети племенных вождей. У Зеленого мыса, самой западной оконечности Африки, в 1857 г. был основан г. Дакар, который со временем стал крупным портом и столицей Сенегала. Французская экспансия встречала отпор со стороны местного населения. Контроль над обширной территорией Кайор между Сен-Луи и Дакаром удалось установить только в 1869 г., после того как предводитель кайорских войск Лат-Диор сложил оружие. В Казамансе, на юго-западе Сенегала, воинственные этносы (мандинки, диола), недовольные навязанными им договорами, совершали грабежи рисовых плантаций. Для их усмирения потребовалось вооруженное вмешательство сенегальских войск в 1860 г.

Сенегал стал первой западноафриканской колонией Франции в полном смысле этого слова. Французский контроль был обеспечен по побережью между реками Сенегал и Салум, во внутренних областях по левому берегу Сенегала и по течению реки от форта Сен-Луи до Медины. Между тем, губернаторам Сенегала не удалось осуществить его территориального единства. Английская колония Гамбия вклинивалась между северной его частью и расположенной южнее областью Казаманс, составленный Фэдэрбом проект передачи во французское владение Гамбии в обмен на Габон не встретил поддержки.

Разведывательные экспедиции с риском для жизни их участников проникали внутрь черного континента. В 1860 г. лейтенант Паскаль достиг Бамбука, регион на границе с Мали, лейтенант Ламбер − Фута-Джалон. Офицер флота Маж и доктор Кентен достигли в 1866 г. затерянного на крайнем востоке Сенегала селения Сегу.

В 1860-е гг. французские войска вытеснили с побережья Гвинеи последних португальцев, ослабленных британской оккупацией Гвинеи-Бисау. Тогда же было начато строительство укреплений, заключены договоры о ненападении с вождями племен.

Король Дагомеи договором 1868 г. уступил Франции порт Котону на бенинском побережье. Сфера французского влияния в Габоне расширилась посредством договоров «о защите и покровительстве» с вождями прибрежных племен. В 1862 г. французы овладели нижним течением реки Огове и мысом Лопес. Имеются сведения о том, что договоренность о приобретении одной квадратной мили стоила Франции 2 бочки разведенной водки, 8 кусков ткани и 400 связок табака.

В 1862 г. Франция впервые заняла позиции в Восточной Африке, в районе Африканского рога, на побережье нынешнего государства Джибути. Населенная этносами афар и исса, территория эта находилась под властью арабских султанов. Комиссия, прибывшая на побережье залива Таджура для расследования обстоятельств убийства консульского агента Франции А. Ламбера, нашла султана расположенным уступить Франции часть побережья в местечке Обок. Э. Тувенель подписал с эмиссарами султана договор о мире и вечной дружбе 11 марта 1862 г., по которому Франция приобрела «порты, рейд и якорную стоянку Обок […] с равниной…». Приобретение Обок, прибрежной зоны в 400 км^2, обошлось Франции в 52 тыс. франков. Работы по прорытию Суэцкого перешейка делали желательным устройство угольных складов на выходе в Красное море, и Обок мог удовлетворить эту потребность.

В 1868 г. Франция вступила во владение небольшой территорией на азиатском побережье Красного моря, Шейх-Саид, посредством сделки торгового дома Рабо-Базен из Марселя с местным шейхом. Эта пустынная территория в 160 км^2 служила угольным складом во время войны с Пруссией 1870 г. из-за закрытия порта Аден для кораблей воюющих сторон.

К середине XIX в. Франция не располагала зависимыми территориями в Юго-Восточной Азии, где было ощутимо присутствие Англии, Голландии, Португалии. По итогам Первой опиумной войны (Нанкинский договор 1842 г.), Великобритания получила в свое владение о-в Гонконг, китайские порты открылись для английской торговли. Воспользовавшись ослаблением империи Цин, вследствие поражения и внутренних смут (восстание тайпинов), Франция навязала Китаю неравноправный Хуанпуский договор 24 октября 1844 г., получив равные с Великобританией и США права и привилегии и режим благоприятствования для католических миссионеров. В 1856 г. началась Вторая опиумная война, в которой приняла участие Франция. Порт Гуанчжоу (Кантон) подвергся в 1857 г. бомбардировке объединенными военно-морскими силами Англии и Франции, к которым присоединились американские корабли. После взятия Гуанчжоу, военные операции возобновились в 1860 г. на Ляодунском п-ве и в северном Китае. Англо-французские войска вошли в Пекин 13 октября 1860 г. 18 октября Летний дворец подвергся разграблению и был сожжен. По условиям Пекинского договора (25 октября 1860), цинское правительство обязалось выплатить контрибуцию, открыть порт Тяньцзинь для иностранной торговли, разрешить использование китайцев в качестве рабочей силы (кули) в английских и французских колониях. Но война не принесла Франции территориального приращения в Китае. По просьбе пекинского двора, французские моряки приняли участие в подавлении восстания тайпинов до полного его усмирения в 1864 г.

Вьетнам состоявший, хотя и номинально, в вассальной зависимости от Цинской империи, с давних пор был объектом французского интереса. Католические миссионеры как обычно были авангардом французского проникновения, несмотря на преследования. Инцидент с убийством французских и испанских миссионеров имел следствием распоряжение Наполеона III о совместной с испанцами военно-морской экспедиции к берегам Индокитая (1858). Император французов рассчитывал таким образом привлечь симпатии католиков, обеспокоенных его итальянской политикой. Первоначально экспедиция планировалась как демонстрация силы, но отсутствие точных инструкций дало возможность командующим проявить инициативу и осуществить захват территорий.

Контр-адмирал Риго де Женуйи овладел в 1858 г. бухтой Туран поблизости от вьетнамской столицы Хюэ. В феврале 1859 г. французская эскадра предприняла атаку Сайгона, важного торгового центра Кохинхины (Южный Вьетнам), снабжавшего рисом всю Вьетнамскую империю. Захват Сайгона (16−17 февраля) символизировал начало французского проникновения в Индокитае. Закрепив за собой Сайгон в конце 1860 г., французы расширили область завоеваний на лежащие по соседству провинции. Военные действия против продолжались до июня 1862 г. Сменявшие друг друга на посту командующего адмиралы Т. Ф. Паж, Л. В. Шарне, Л. А. Бонар рядом успешных операций расширили зону французского присутствия на всю Восточную Кохинхину. Вынужденный подписать договор в Хюэ (5 июня 1862), император Зык Тонг декретировал свободу культа в своих владениях, уступил Франции Восточную Кохинхину и открыл для французской торговли порты Тонкина и Аннама. В 1867 г. французские подразделения канонерских лодок по приказу контр-адмирала П.-П. де Ла Грандьера без единого выстрела захватили западные провинции Кохинхины, уничтожив опасный очаг сопротивления. Франция овладела дельтой Меконга и объединила под своей властью Южный Вьетнам. Была образована колония Кохинхина.

Овладев Южным Вьетнамом, Франция искала способа защитить его территорию от беспорядков, проникавших с севера, с территории соседней Камбоджи, где король Аннама собирал недовольных. Король Камбоджи Народом, стремясь избавиться от сюзеренитета Сиама (Таиланд), подписал тайный договор о

французском протекторате над Камбоджей (5 июля 1863). Правительство Наполеона III не спешило, однако, с его ратификацией, опасаясь негативной реакции со стороны Соединенного королевства. Противодействие Сиама вынудило французов проявить активность, овладев 3 марта 1864 г. древней столицей Удонг, над королевским дворцом взвился французский флаг. В апреле 1864 г. состоялась ратификация франко-камбоджийского договора о протекторате. В 1867 г. состоялось подписание франко-сиамского соглашения, по которому Бангкок признал французский протекторат над Камбоджей в обмен на признание сиамского сюзеренитета над западными ее провинциями Баттамбанг и Ангкор.

Вынашивая идею соединения Кохинхины с южными областями Китая, французские власти организовали в 1866 г. разведывательную экспедицию вдоль Меконга под руководством Э. Дудар де Лагре, которого сменил в 1868 г. Ф. Гарнье, участник сайгонской операции и автор брошюр «Французская Кохинхина» (1864) и «О колонизации Кохинхины» (1865), активный пропагандист Индокитая во Франции.

Идея колонизации Новой Каледонии, отстаивавшаяся католиками Общества Св. Марии при Июльской монархии, получила реализацию при Второй империи. Правительство Наполеона III, озабоченное поисками земли, на которой можно было бы организовать пенитенциарную колонию по примеру той, что Великобритания имела в Австралии, увидело в Новой Каледонии подходящий вариант. С 1851 г. там возобновила свою деятельность католическая миссия. Повод к интервенции представился после зверской расправы туземцев над моряками с французского судна «Алькмен». 24 сентября 1853 г., исполняя распоряжение министра колоний Т. Дюко, командующий морским дивизионом в Океании О. Фебврие-Депуант вступил во владение Новой Каледонией. Французским владением были объявлены также о-в Пен к юго-востоку от Гранд Терр и архипелаг Луайоте в сотне км к востоку от Гранд Терр.

Высадка франко-англо-испанских войск на рубеже 1861/1862 гг. на мексиканском побережье имела целью принудить президента Мексики Б. Хуареса возобновить выплаты процентов по внешнему долгу и отменить налогообложение иностранцев. Однако финансовые требования не были пределом французских амбиций, вследствие чего Англия и Испания порвали союз с Францией и отозвали свои войска. Наполеон III помышлял о латинской империи, которая предоставила бы французам все мыслимые экономические выгоды и возможности для приложения капитала. Проекты колонизации Соноры, малозаселенной и засушливой области на северо-западе Мексики, куда в 1851−1852 гг. ринулись французские искатели драгоценных металлов, разлетелись в прах. Мексиканские консерваторы помышляли установить в Мексике монархическое правление с французской помощью и подстрекали Наполеона III к снаряжению экспедиции. Австрийский эрцгерцог Максимилиан Габсбург был сочтен подходящим кандидатом на мексиканский трон. Французский экспедиционный корпус, 35 тыс. человек, должен был проложить ему путь к трону в ожесточенной борьбе со сторонниками Хуареса. К февралю 1865 г. 2/3 мексиканской территории были под французским контролем, но США, закончив Гражданскую войну, стали поставлять хуаристам оружие, которые отвоевывали мало-помалу территории. Обеспокоенный непопулярностью Максимилиана, Наполеон III отдал распоряжение о полной эвакуации французских войск (октябрь 1866). Силы, поддерживавшие Максимилиана, потерпели поражение. Сдавшись в плен, Максимилиан был расстрелян 16 июня 1867 г. Столь трагическая развязка мексиканской экспедиции нанесла серьезный удар по престижу Второй империи, колониальные предприятия которой впервые натолкнулись на столь решительный отпор. Франция получила реальное доказательство действенности доктрины Монро, которая запрещала ей

рассчитывать на приобретение колоний в Латинской Америке, ибо США, прикрываясь красивыми лозунгами и принципами, видели в ней свой задний двор.

В период с 1870 по 1940 гг. колониальные вожделения держав стали неотъемлемой частью международных отношений, самой проблемной их частью. Кроме антагонизма с Великобританией, захватнические интересы французской Третьей республики приходили в столкновение с Италией, Германией, Португалией, Испанией. Поражение в войне против Пруссии (1870−1871) имело следствием подъем националистических настроений во Франции. Потеря Эльзаса и Лотарингии воспринималась как национальная трагедия, внимание правительственных кругов, как и общественности, было приковано к «голубой линии Вогезов». Руководствуясь соображениями континентального патриотизма, монархисты, как и радикалы, встречали в штыки всякие проекты колониальной экспансии. Однако после устранения монархической угрозы и назначения Ж. Греви президентом республики в 1879 г. общепризнанный лидер умеренных республиканцев Л. Гамбетта провозгласил аннексию территорий необходимым условием для возрождения страны, восстановления ее материальных и моральных сил после Седанской капитуляции и, в конечном счете, для реванша. В 1881 г. Л. Гамбетта убедил председателя Совета Ж. Ферри предпринять захват Туниса. Во главе правительства с ноября 1881 по январь 1882 г. Л. Гамбетта выступил за совместные с Англией военные действия против Араби-паши, лидера египетского национального восстания. Однако новое правительство Ш. де Фрейсине не поддержало его инициативы. Случился конфуз. Париж пошел на попятный, уклонившись от участия в бомбардировке Александрии (июль 1882), чем предоставил англичанам свободу рук и утратил былое влияние в египетских делах. Возвращение Ферри к власти (ноябрь 1883−март 1885) дало импульс колониальной политике Третьей республики, которую отныне и на 20 лет вперед диктовало стремление загладить унижение французского флота и соперничество интересов с Великобританией.

Ж. Ферри стал архитектором мощной программы экспансии, подкрепив ее приспособленной к нуждам колониализма политической философией, которая базировалась на следующих тезисах: приобретение новых владений для сохранения уже существующих; потребность промышленности в сырье, дополнительных рынках сбыта и приложения капитала; цивилизаторская миссия высшей расы по отношению к низшим расам. Кроме этих соображений стратегического, экономического и культурного характера, колониальная экспансия мыслилась Ферри наиболее верным путем к возрождению престижа Франции.

Тем не менее, большинство французов оставались равнодушными или даже враждебными колонизации. Существовала группировка, именовавшая себя колониальной партией, но парламентская оппозиция к дорогостоящим колониальным авантюрам была по-прежнему вирулентной. Ж. Клемансо был наиболее рьяным ее выразителем, и Ж. Ферри приходилось проявлять настоящий дар политической эквилибристики. Искусно лавируя и бравируя враждебность народных избранников и общественного мнения, ставя Палату депутатов перед фактами, ему удалось с большим или меньшим успехом осуществить свои колониальные замыслы.

Нахождение у власти второго кабинета Ферри ознаменовалось консолидацией французского влияния в бассейне Нигера и Конго, началом завоевания Мадагаскара, отправкой экспедиционного корпуса в Тонкин. Известие о разгроме французских войск при Ланг-Сон (на китайской границе) имело следствием взрыв народного негодования и отставку Ферри в 1885 г., но заданный им импульс не исчерпал себя, и последующие правительства Третьей республики, хотя и с некоторыми перерывами, объясняемыми министерской нестабильностью, продолжили колониальную экспансию.

Стремясь разрядить напряженность в отношениях с Францией, канцлер Германской империи О. фон Бисмарк благоволил Парижу в вопросах Египта, Мадагаскара, Конго. Берлинская конференция в составе 14-ти европейских держав (15 ноября 1884 − 26 февраля 1885) определила правила раздела Африки: всякое европейское государство, обладавшее прибрежными территориями, могло распространить свои владения на внутренние области вплоть до столкновения с соседней «сферой влияния»; аннексия могла быть осуществлена только вследствие действительной оккупации территории. Следствием Берлинской конференции стала серия договоров между державами, а также экспедиции с целью заключения соглашений с вождями племен, что позволяло впоследствии оперировать правом первого оккупанта. После отставки Ферри и взрыва германофобии во Франции Бисмарк оставил роль медиатора, делая все возможное, чтобы углубить франко-британские разногласия. Кайзер Вильгельм II и вовсе проводил агрессивную колониальную политику, играя на англо-французских противоречиях.

После периода германофобской истерии, связанной с именем популистского генерала Буланже, в 1890-е гг. тон внешней политики вновь стали задавать дипломаты и министры, последователи Гамбетта. Министры иностранных дел Г. Аното между 1894 и 1898 гг., Т. Делькассе между 1898 и 1905 г., проводили политику колониальной экспансии и усиления флота при поддержке влиятельного империалистического лобби, так называемой колониальной партии под руководством Э. Этьена. Комитет Французской Африки (CAF) оказывал давление на решения Кэ д'Орсэ и министерства колоний. Количество выступавших в поддержку колониальных инициатив депутатов и сенаторов составляло примерно четверть парламента. Экспансионисты занимали ключевые посты, как А. де Курсель, посол Франции в Берлине, затем в Лондоне, или президент Ф. Фор. Основанный в 1893 г. Колониальный союз, куда входили банкиры, дельцы, парламентарии, журналисты, занимался вопросами извлечения коммерческой выгоды из колоний, субсидированием проколониальной прессы.

Главными сферами колониальной экспансии Третьей республики стали Африка и Юго-Восточная Азия. В 1880−1890-е гг. была осуществлена наибольшая часть колониальных приобретений в этих частях света.

К началу 1880-х гг. Алжир был единственной французской колонией в Магрибе. Однако периодически вспыхивавшие восстания арабских племен и кабилов ставили под сомнение французское господство. Известия о поражении Второй империи в войне против Пруссии усилили сопротивление. В марте 1871 г. под лозунгами Джихада восстала Кабилия. Пользуясь слабостью французских контингентов (большая их часть была отозвана в метрополию), восставшие подчинили своей власти значительную территорию. Франкфуртский мир с Германской империей позволил французам в мае 1871 г. перейти в наступление и восстановить порядок. В 1882 г. французское господство распространилось на оазис Мзаб, а франко-британское соглашение 1890 г. облегчило французам дальнейшее продвижение в южном направлении.

Пограничное с восточными областями Алжира, Тунисское регентство, номинально часть Османской империи, представляло для Франции стратегический интерес. Французские поселения на тунисском побережье, богатом кораллами, возникли еще в XVIII в. на мысе Бон. Дорогостоящая политика модернизации страны с помощью европейцев, в т.ч. и французов, проводившаяся беями Туниса в 1830−1850-е гг., спровоцировала серьезный финансовый кризис. Англо-франко-итальянская финансовая комиссия (1869) должна была обеспечить выплату тунисского долга, каждая из трех держав ее членов имела виды на Тунис. Аннексировав Кипр по результатам Берлинского конгресса 1878 г., Англия вышла из соревнования. Риск итальянской интервенции был слишком велик, и Ж. Ферри

решился на завоевание Туниса. В апреле 1881 г. французский экспедиционный корпус перешел алжиро-тунисскую границу. Заняв северную часть страны, гавань Бизерту, французские войска в три недели стали хозяевами страны, войска бея не оказывали сопротивления. Бардоский договор (по названию резиденции бея) 12 мая 1881 г. поместил Тунисское регентство под французский протекторат. Палата депутатов ратифицировала договор. «Франция вернула себе свое место среди великих держав», этими словами Гамбетта, председатель Палаты депутатов, поздравил Ферри с учреждением протектората в Тунисе. Однако вспыхнувшее в сентябре 1881 г. восстание в Керуане, для подавления которого требовались дополнительные контингенты войск, повлекло за собой бурные дебаты в парламенте. Восстание было подавлено, но это стоило Тунисскому регентству ужесточения протектората по конвенции Ла Марса 8 июня 1883 г. Установление французского контроля над Тунисом имело следствием присоединение Италии к военно-политическому блоку Германии и Австро-Венгрии и образование Тройственного союза (20 мая 1882), направленного против Франции и России.

В 1886 г. в Сенегале вспыхнул мятеж, который был подавлен отрядом капитана Ж. Галлиени, хотя сопротивление воинственной народности диола продолжалось до 1914 г., не прекратившись полностью и в последующие годы. Вследствие соглашения с Португалией 1888 г., под власть Франции перешел г. Зигиншор в нижнем Казамансе. Франция избавилась от давнего своего соперника в регионе. Сенегал стал отправной базой для французского проникновения вглубь черного материка, к долине Нигера.

За пределами Сенегала экспансионистская политика Франции повлекла за собой серию войн. Исламские империи под главенством султанов Ахмаду и Самори сопротивлялись, как могли, французскому проникновению в Судан (сегодня Сахель). Французское продвижение по плоскогорью, отделявшему верхний Сенегал от верхнего Нигера, сопровождалось строительством фортов Бафулабе (1879), Кита (1880) и др. Ввиду французских успехов, султан Ахмаду, наследник могущественной империи Эль-Хадж-Омара, вынужден был в 1881 г. подписать договор, признававший французский протекторат над частью Нигера. Аналогичный договор был подписан вождем горной области Фута-Джалон. 1 февраля 1883 г. Г. Борньи-Деборд во главе военного отряда вышел на берег Нигера в Бамако, где им был построен форт. Внутренние области Нигера, дельта которого находилась под английским контролем, попали во французское владение, санкционированное Берлинской конференцией 1885 г.

Самори, прозванный «Суданским Бонапартом», имел в своем распоряжении войско, составленное, главным образом, из пехотинцев и вооруженное ружьями, саблями и кинжалами. Противясь снабжению французских фортов продовольствием, Самори спровоцировал ряд битв. Но, потерпев поражение, вынужден был подписать договор о мире и протекторате (25 марта 1887), по которому уступал Франции левый берег Нигера.

Колония Французский Судан была создана в 1890 г., франко-британское соглашение определило зоны французского и британского влияния в районе Нигера.

Однако договоры о протекторате не представляли никакой гарантии в силу изворотливости туземных вождей, что заставило Л. Аршинара, заступившего на пост командующего после Галлиени, изменить тактику. Им был взят курс на полное завоевание и разрушение империй Ахмаду и Самори. В феврале 1890 г. ему удалось овладеть Сегу, столицей империи тукулеров, на правом берегу Нигера, что положило конец *de facto* власти Ахмаду, который скрылся в глубинных районах Судана. Преследуя его, французы вступили в 1891 г. в Ниоро, захватили и аннексировали города султана Масина в 1893 г.

В 1891 г., после серии пограничных инцидентов, началась «Семилетняя

война» Франции против Самори. В течение первой фазы конфликта, с 1891 по 1894 гг., французам удалось занять все пространство его империи, хотя разоренное и опустошенное. Трагедия в Гундаме, где туарегами бы вырезан французский отряд, несколько охладила воинственный пыл французского правительства. Последовал запрет на военные действия против Самори. Между 1894 и 1896 гг. Самори вторгся в богатое государство Конг, под французским протекторатом, и завоевал его. Под его контролем оказались внутренние области Гвинеи и Кот д'Ивуара. В 1898 г. была организована новая кампания против Самори, в ходе которой французы приступом взяли крепость Сикасо и отбили Конг. В сентябре 1898 г. Самори был захвачен в плен и сослан в Габон. Однако сопротивление племен в лесных массивах продолжалось до 1920 г.

Вследствие крушения империй Ахмаду и Самори первоначальная территория Французского Судана увеличилась почти вчетверо. Во владении Франции оказалась обширная территория, включавшая в себя современное государство Мали и северные области Гвинеи, Кот-д'Ивуар, Буркина-Фасо (тогда военная территория Верхняя Вольта).

Имея опорные пункты на узкой береговой линии Гвинеи и Кот-д'Ивуара, подталкиваемые колониальным соперничеством англичан, французы начали продвигаться в глубинные части материка, тогда *terra incognita*. Учреждение французской власти было подготовлено подписанием договоров о протекторате, строительством факторий, но в особенности исследовательскими экспедициями. Начав в 1887 г. продвижение вглубь Кот-д'Ивуара, М. Трейш-Лаплен в течение двух лет заключил договоры, которые блокировали по линии западной границы Ганы британское проникновение на ивуарскую территорию. В 1887 г. стартовала грандиозная экспедиция Л.-Г. Бинже, который, взяв за точку отправления верхнее течение Нигера в Бамако, пройдя через Сикасо (Мали), Конг (Кот-д'Ивуар), Уагадугу (Буркина-Фасо), территорию современной Ганы, вышел к Гран-Басам (Кот-д'Ивуар). Заключенные им договоры с вождями местных племен поместили отдаленные районы между Нигером и Гвинейским заливом в сферу французского влияния.

Гвинея под названием Территория Южных рек и Кот-д'Ивуар первоначально считались частью колонии Сенегал. В 1891 г. Гвинея была провозглашена самостоятельной колонией. В 1892 г. были установлены границы Кот-д'Ивуара с британской Либерией, в 1893 г. – с британским Золотым берегом (современная Гана), тогда же Кот-д'Ивуар был выделен в отдельную колонию. В 1899 г. Гвинея увеличилась за счет территориального перераспределения с Французским Суданом, к ней отошли земли по берегам верхнего Нигера.

В 1886 г. учреждения, порты, форты, принадлежавшие Франции на территории королевства Дагомея, вошли в состав колонии Сенегал. Вступление на престол Дагомеи в 1889 г. короля Беанцина вынудило Францию вооруженным путем отстаивать приобретенные договорами права. Беанцин оспаривал французское владение портом Котону, продолжая собирать там налоги и пошлины, и противился установлению французского протектората над прибрежным государством Порто-Ново, состоявшим в вассальных к Дагомее отношениях. В 1889 г. полк дагомейских амазонок атаковал находившееся под французским протекторатом селение на реке Веме, спровоцировав тем самым Первую франко-дагомейскую войну 1890 г. По результатам войны, Дагомея вынуждена была признать королевство Порто-Ново французским протекторатом и уступить Франции порт Котону в обмен на ежегодную выплату 20 тыс. франков в качестве компенсации таможенных сборов (договор Уида). Однако мир был непрочным, в 1892 г. Франция вновь объявила войну Дагомее. Несмотря на наличие огнестрельного оружия, приобретенного у немецких торговцев, фоны вновь

потерпели сокрушительное поражение. Сенегальские и габонские стрелки под предводительством А. Доддса в ноябре 1892 г. вступили без боя в г. Абомей, столицу Дагомеи, покинутую и подожженную своими защитниками. Розыски короля Беанцина завершились его пленением в 1894 г., он был депортирован на Антильские о-ва, а его королевство аннексировано Францией, учредившей декретом от 22 июня 1894 г. колонию Дагомея и зависимые территории.

После 20-ти лет напряженности в отношениях, по результатам работы совместных комиссий, 14 июня 1898 г. была подписана франко-британская конвенция, разграничившая французские и британские владения в Западной Африке. Ею были определены границы Кот-д'Ивуар и Французского Судана, разграничены территории французской Дагомеи и английской колонии Лагос, определена граница между французскими и британскими владениями на восток от Нигера.

Распространение французского влияния на глубинные районы Габона связано с именем офицера флота П. Саворньяна де Бразза. В ходе первого своего путешествия в 1875−1878 гг. он поднялся вверх по течению Огове, проник в бассейны рек Ньянга и Квилу, открыл верховья правых притоков Конго Алимы и Ликоны. В ходе второго своего путешествия (1879−1882), повторив маршрут своей предыдущей экспедиции, он основал Франсвиль на Пассе, а также будущий Браззавиль у Нтамо (Стенли Пула), озеровидного расширения Конго, положив начало французскому проникновению на правобережье этой реки. Договором о протекторате с вождем племени батеке Макоко (сентябрь 1880) П. де Бразза подчинил Франции внутренние области Габона и территории по правому берегу Нижнего Конго. Ставя закорючку на бумаге, неграмотные африканские вожди желали, как правило, заручиться содействием белых против воинственных соседей и не подозревали, что тем самым уступают свою территорию и наследственные права на верховную власть. Переданный в Палату депутатов, договор Макоко были ратифицирован в 1882 г. при единогласном одобрении, в чем можно усмотреть отместку действиям Англии в Египте. В 1883 г. Франция укрепила свои позиции в Конго, овладев прибрежной областью Лоанго и Пуэнт-Нуар. Бразза получил назначение правительственным комиссаром новой колонии Экваториальная Франция. Заключив трактаты с вождями по берегам Огове, он смог к 1885 г. основать более 25 новых баз на Огове, Алиме и Лоанго.

Однако французские претензии на бассейн Конго натолкнулись на бельгийское и португальское соперничество. Король бельгийцев Леопольд II претендовал на левый берег Конго, тогда как французское и бельгийское проникновение в регион поставило под угрозу давние владения Португалии в устье Конго, вызвав с ее стороны протест, поддержанный Великобританией. Следствием международной конференции в Берлине 1884−1885 гг. стало появление на карте Свободного государства Конго, личной колонии Леопольда II, куда входила большая часть Центральной Африки. Конференция утвердила господство Франции по правобережью Конго (Конго-Браззавиль) и Убанги площадью 500 тыс. км^2. Португалия отказалась от претензий на прибрежные территории к северу от устья Конго, за исключением анклава Кабинда. Франко-германский договор (24 декабря 1885) определил границу между германским Камеруном и французским владениями. Франко-конголезская конвенция (29 апреля 1887) урегулировала вопрос границ Французского Конго со Свободным государством Конго.

К началу 1890-х гг. на черном континенте осталось мало территорий, незанятых европейскими державами, и располагались они, в основном, в центральной его части, в районе Сахары и тропических лесов. Побережье Французского Конго сделалось исходным для ряда экспедиций вглубь Африки, ставивших перед собой задачу распространить французское господство на территории по течению реки Шари, впадающей в озеро Чад. Необходимо было

найти наиболее приемлемый путь между Габоном и озером Чад, чтобы объединить их в единый блок и получить доступ к Сахаре. Осуществляемые под патронажем Комитета Французской Африки и при содействии Бразза, генерального комиссара Французского Конго, экспедиции служили также пополнению знаний в области геологии, флоры и фауны, традиций и обрядов континента. Проникновение французов вдоль рек Убанги и Шари началось в 1889 г., когда был основан военный пост в Банги.

В 1891−1892 гг. А. Фурно и П. Савоньян де Бразза поднялись вверх по реке Санга, северному притоку Конго. Тогда же Л. Мизон исследовал горное плато Адамава в Северном Камеруне, открыв дорогу Нигер − Конго через притоки Бенуэ и Санга.

На территории современного государства Чад располагались древние государства Борну, Багирми и Уаддай под властью исламских правителей-работорговцев. Продвигаясь вглубь континента, французские первопроходцы наталкивались на их сопротивление. Самым злостным их противником был Рабах, который подчинил своей власти огромную территорию между Шари и Нилом. Государство в верховьях Убанги и Шари под управлением Мохаммеда эль-Сенусси находилось в вассальных к нему отношениях.

П. Крампель первым из французов поднялся по Убанги и добрался до истоков Шари (1890), но погиб от наемных убийц эль-Сенусси. Ж. Дыбовский, затем К. Де Мэстр пошли по его следам через неисследованные районы в 1892 г. 13 договоров, заключенных с племенными вождями, установили французское влияние на территории между Багирми, Убанги и Адамава. В 1893−1894 гг. Франция, Англия и Германия разграничили между собой сферы влияния по берегам озера Чад. К французской сфере влияния отошло озерное прибрежье от реки Шари и далее на восток. Отправившись вверх по Конго, Убанги, Кемо и Шари, Э. Жантиль преследовал ту же цель, что и его предшественники. Экспедиции пришлось преодолеть немало препятствий, ибо паровое судно, на котором совершалось плавание, приходилось разбирать и нести через лесистые территории в промежутках между руслами рек. По условиям договора, подписанного Э. Жантилем с правителем Багирми в октябре 1897 г., Франция взялась защищать его государство от грабительских набегов Рабаха. Тогда же Жантиль проник во владения Рабаха и достиг озера Чад, однако овладеть этими территориями на тот момент не представлялось возможным из-за недостатка средств, а также конкуренции Великобритании.

Территория Конго сделалась отправной точкой и в планах по аннексии Нила. С 1882 г. английские войска и администраторы хозяйничали на территории Египта, но статус его не был урегулирован, и французские правящие круги питали некоторые надежды на возвращение потерянных позиций. Установление контроля над верхней частью долины Нила (Судан) могло вернуть французам некоторый вес в египетских делах. С тех пор как дервиши Махди (мусульманский духовный и военный лидер) взяли Хартум в 1885 г., территория Судана была очищена от англо-египетских войск. Образовавшаяся пустота манила французов, как и итальянцев и бельгийцев. Англия, проектируя прокладку железной дороги Мыс Доброй Надежды – Каир, предполагала восстановить англо-египетскую гегемонию над долиной верхнего Нила посредством военной экспедиции. В 1896 г. англо-египетские войска под командованием Г. Китченера вторглись в Судан. Английские угрозы о том, что всякая французская экспедиция в долину Нила будет расценена как недружественная, не возымели действия. В 1896 г. капитан морской пехоты Ж.-Б. Маршан высадился в конголезском порту Лоанго, имея поручение министра иностранных дел Г. Аното возглавить экспедицию в район Белого Нила. Кроме египетского проекта, миссия Конго-Нил преследовала геополитические цели,

состоявшие в том, чтобы связать французские колонии в Западной Африке с центральными ее областями, соединить французские владения на Атлантике (Дакар) с владениями на Красном море (Джибути).

Небольшой отряд Ж.-Б. Маршана отправился из Французского Конго в феврале 1897 г., и после изнурительного путешествия через тропический лес, 10 июля 1898 г. достиг Фашоды, бывшего египетского укрепления на Белом Ниле. Над руинами крепости взвилось трехцветное полотнище, Фашода была переименована в Форт Сен-Луи. Прошло два месяца, и армия Китченера, одержав победу над дервишами при Омдурмане, подошла 19 сентября к Фашоде. Объявив Фашоду египетской территорией, британский генерал потребовал ее эвакуации, что имело следствием серьезный конфликт во франко-британских отношениях, Фашодский кризис 1898 г. Английское правительство недвусмысленно дало понять, что сочтет удержание Фашоды французами за *casus belli*. Возглавлявший иностранные дела Т. Делькассе вынужден был уступить под английским давлением. Не подготовленной к морской войне, Франции не от кого было ждать поддержки. Русский союз не был в помощь, а Германия открыто заявляла о своей враждебности. Пришлось отказаться от претензий на выход к Нилу.

Отряд Маршана эвакуировал Фашоду 11 декабря 1898 г. Франция испытала горечь национального унижения. Однако по условиям франко-британской конвенции (22 марта 1899), определившей зоны влияния каждой из держав по линии водораздела между Нилом и притоками озера Чад, Франция получила некоторые компенсации в Центральной Африке, а именно Уадай, Канем, Багирми, Тибести. Соглашение это было интегрировано в текст конвенции от 14 июня 1898 г., разграничившей французские и британские территории в Западной Африке. Конвенции 1898 и 1899 гг., а также предшествовавшее им соглашение с Германией (1894) позволили Франции объединить вокруг озера Чад три группы колониальных владений: Алжир, Западную Африку и бассейн Конго.

Не опасаясь более столкновений с европейскими конкурентами, Франция приступила к решительной борьбе против империи Рабаха, с тем, чтобы оккупировать районы, примыкающие с севера и востока к озеру Чад (современные Нигер и Чад). С этой целью была снаряжена вторая экспедиция Э. Жантиля, который после ряда неудач соединился в 1900 г. с воинскими подразделениями, прибывшими из Алжира и из Нигера. В решающей битве у г. Куссери в северной части Камеруна 22 апреля 1900 г. французы разбили Рабаха и оккупировали г. Дикоа. Форт Лами, основанный в честь убитого в сражении командующего, положил основание столице Чада г. Нджамена. Египетский хедив предъявлял права на территорию между реками Убанги и Шари, но его войска были разбиты французами в 1903 г. Чад был объявлен военной территорией со статусом протектората в составе колонии Убанги-Шари (1904). Завоевание некоторых районов Чада продолжалось до 1914 г. Мохаммед эль-Сенусси до 1911 г. сохранил свои владения со столицей в Нделе. С завоеванием Уаддаи в 1909 г. и Борку в 1915 г. были ликвидированы последние чужеродные анклавы в центральноафриканских владениях Франции.

Франция установила свой контроль по линии Габон – Сахара, однако ее попытки подчинить территории по линии запад – восток с выходом к Нилу потерпели неудачу.

Колония Обок на северо-восточном побережье Африки оставалась официально незанятой до 1 августа 1884 г., когда губернатор Л. Лагард вступил в действительное владение этой территорией. Заключив ряд договоров с местными правителями, Л. Лагард смог в короткое время расширить территорию под французским суверенитетом, заняв в 1884 г. весь северный берег залива Таджура, а после подписания договора с вождями племени исса (26 марта 1885) – и южный его

берег. Так была конституирована территория Обок и подконтрольные области. Англичане, установив протекторат над северной частью соседнего Сомали (1887), пришли к соглашению с французами о разграничении их владений (2 и 7 февраля 1888), которое определило южную границу французской колонии по мысу Джибути и далее на запад до Харрар, включив в ее состав о-ва в заливе Таджура. Тогда же колония была переименована в Французский берег Сомали. На севере французская колония граничила с итальянской Эритреей. Франко-итальянское соглашение 1900−1901 гг. подтвердило ее северную границу.

Территориальное расширение Французского берега Сомали происходило в направлении внутренних земель. Стимулом для этого послужила начатая в 1897 г. прокладка железной дороги, связующей Джибути с Аддис-Абебой в Эфиопии. Но попытка Франции конкретизировать свои экономические амбиции в регионе натолкнулась на сопротивление Италии. Раздел Эфиопии на сферы влияния между Италией, Великобританией и Францией договором от 13 декабря 1906 г. позволил французам продолжить строительство железнодорожной линии, инаугурация которой состоялась в 1917 г. Начатое в конце 1920-х гг. завоевание внутренних областей Французского берега Сомали наталкивалось на отчаянное сопротивление местного населения. В 1943 г. после тяжелых боев с кочевниками французам удалось установить военный пост в Афамбо. Однако потребуется еще 10 лет переговоров с Эфиопией (1945−1955), чтобы восточная граница французской территории была, наконец, очерчена.

Захватив о-в Мадагаскар, равный по протяженности Франции и Бельгии, Третья республика осуществила давнюю мечту Французской монархии. Воспользовавшись ослаблением бдительности Великобритании, обеспокоенной германскими и французскими претензиями на Занзибар и соперничеством Восточноафриканских компаний, французские войска вторглись в 1883 г. на Мадагаскар. Первая франко-малагасийская война вынудила королеву Ранавалуну III заключить кабальный договор (декабрь 1885), но условия его не соблюдались, а французы подвергались насилиям. Расположенные по соседству о-ва Коморского архипелага Гран Комор (Нгазиджа), Мвали и Анжуан (Ндзуани), были помещены под французский протекторат в 1886 г. Французская гегемония на Коморах довела до пароксизма франко-английское соперничество, тем не менее, стороны сумели договориться. По Занзибарской конвенции от 5 августа 1890 г. Франция признала британский контроль над о-вами Занзибар и Пемба, получив взамен самоустранение Великобритании от соперничества на Мадагаскаре и Коморах. В ноябре 1894 г. парламент вотировал кредиты для карательной операции на Мадагаскаре. Вторая франко-малагасийская война завершилась 30 сентября 1895 г., когда «летучая» колонна генерала Дюшена вступила в Антананариву, столицу малагасийского государства. Вторично был заключен договор о протекторате: Ранавалуна III сохранила свой трон и красный зонтик – символ суверенитета, но ненадолго. Развернувшееся на Мадагаскаре национально-освободительное движение под названием меналамба (красные туники) имело следствием аннексию о-ва Францией. Решением парламента от 20 июня 1896 г. Мадагаскар и зависимые от него о-ва стал французской колонией, а королева была сослана в Алжир. Управление островом перешло в руки генерал-губернатора Ж. Галлиени (1896−1905), который жестоко подавил народные восстания. 9 апреля 1908 г. «Майотта и зависимые территории», иначе говоря, Коморские о-ва, стали французской колонией и были присоединены к Мадагаскару. 25 июля 1912 г. Франция подтвердила предшествующую аннексию архипелага.

Главным объектом французских вожделений в Азии был Китай, а более удобным к нему доступом, чем Меконг, изобиловавший порогами и водопадами, была Красная река. В 1873 г. представился повод для интервенции в Тонкин,

вследствие конфликта, который противопоставил французских колонистов имперским властям. В Тонкин был отправлен военный отряд под командованием Ф. Гарнье. В ноябре 1873 г. им был захвачен Ханой и другие укрепленные пункты в дельте реки Хонга (Красной). Тонкин находился, хотя и номинально, в вассальной зависимости от Цинской династии, которая располагала на его территории отрядами нерегулярной милиции из числа бывших повстанцев тайпинов, известных как «Черные знамена». В декабре 1873 г. «Черные знамена» совершили нападение на Ханой и убили Ф. Гарнье. Сайгонский договор с императором Вьетнама 1874 г. открыл течение Красной реки для европейских торговых судов, фактически предоставив Франции плацдарм для проникновения в богатую провинцию Юньнань на юге Китая. Однако обстановка в Тонкине оставалась напряженной, нападения «Черных знамен» вредили французской торговле. В 1881 г. началась франко-китайская война.

В Тонкин были отправлены дополнительные вооруженные силы в виде небольшого отряда под командованием А. Ривьера. Захватив Ханой 25 апреля 1882 г., отряд Ривьера изгнал китайцев из Тонкина, но в мае 1883 г. «Черные знамена» окружили Ханой и убили А. Ривьера. Бомбардировка вьетнамской столицы Хюэ вынудила императора признать французский протекторат над Аннамом и Тонкином (договор 25 августа 1883). Китай отверг договор. Второй договор Хюэ от 6 июня 1884 г., подтвердил положения первого, смягчив при этом некоторые из условий Тяньцзиньской конвенцией. Китай признал протекторат Франции над Аннамом и Тонкином. Однако несоблюдение Цинским правительством взятых обязательств привело к продолжению войны.

Франко-китайская война 1883–1885 гг. была, по сути, проиграна французами, но, к счастью для них, внутренние трудности вынудили цинское правительство на заключение Тяньцзиньского договора (9 июня 1885). Франция была признана владычицей Вьетнама, Китай обязался выплатить контрибуцию, предоставив французам торговые привилегии в пограничных провинциях Яньнань и Гуанси. 5 июля 1885 г. французские войска штурмом взяли цитадель Хюэ, учинив там грабежи, поджоги и насилия. Императорские дворцы, архивы, библиотека, все богатейшее культурное наследие было обращено в пепел. Завоевание и «замирение» северной и центральной частей Вьетнама потребовало еще около десяти лет и продолжалось до 1896 г.

Противостоя британскому экспансионизму в Бирме и французскому во Вьетнаме, король Сиама задался целью аннексировать Луанг Пхабанг, что неизбежно влекло за собой конфликт интересов с Францией, которой удалось добиться в 1886 г. открытия французского вице-консульства в Луанг Пхабанге. Вице-консул А. Пави сыграл решающую роль в подчинении Лаоса французскому влиянию. В 1888 г. в Луанг Пхабанг вторглись вооруженные разбойники. В условиях осажденной столицы А. Пави удалось организовать эвакуацию королевской семьи через Меконг. Призванные на помощь, французские отряды прибыли из Ханоя в 1889 г., освободили Луанг Пхабанг и восстановили на престоле Ун Кхам, после чего Франция открыто выдвинула претензии на территории Лаоса. В августе 1892 г. военные суда Франции, подойдя к Бангкоку и взяв его под прицел своих орудий, вынудили Сиам принять продиктованные ему условия. Договором от 3 октября 1893 г. лаосские территории к востоку от Меконга (левый берег Меконга) перешли под контроль Франции. В 1896 г. была достигнута договоренность с Англией о границе между Бирмой и Лаосом. В 1904 г. Сиам отказался от части южного Лаоса по правому берегу Меконга.

Французский протекторат над Камбоджей был укреплен и ужесточен конвенцией от 17 июня 1884 г., силой навязанной королю и повлекшей за собой восстание, жестоко подавленное французскими войсками. Соглашение между

Францией и Англией 1896 г. о сферах влияния в Сиаме позволило Камбодже вернуть свою провинцию Ангкор. Разделение Сиама на французскую и английскую зоны влияния (границей между ними устанавливалось течение реки Менам) было закреплено в конвенции 8 апреля 1904 г. Последующие договоры между Францией и Сиамом позволили Камбодже вернуть свои северные и западные провинции: в 1902 и 1904 гг. – Мелупрей и Бассак, в 1907 г. – Баттамбанг, Сием Реал и Бантей Мин Чей.

Фашодский кризис, кульминационный пункт во франко-британской борьбе за раздел Африки, вызвал сильное раздражение во французском обществе и в печати, многие защитники реванша заговорили о необходимости союза с Германией против Англии. Тем не менее, и, несмотря на дипломатическое поражение Франции, реалистичная политика Т. Делькассе привела к сближению с Соединенным королевством. Мирное разрешение конфликта создало возможности для заключения 8 апреля 1904 г. англо-французского союза в рамках Антанты (l'Entente cordiale) в условиях нараставшего противостояния с Германией. Тогда же о-ва Лос, на широте порта Конакри в Гвинее, стали французскими в обмен на отказ Франции от прав на ловлю трески в западной части Ньюфаундленда.

Марокко представлял для Франции стратегический интерес в силу соседства его с Алжиром. Во второй половине XIX в. Марокко подпал под европейское влияние. В 1902 и 1904 г. Франция расширила границы Алжира за счет восточно-марокканских земель. Ее коммерсанты и предприниматели развернули в Марокко активную деятельность, частности в порту Касабланка. Французские советники проникали в страну, а французские предприятия получили крупные концессии. Войдя в долги, султан вынужден был сдать в аренду европейцам таможни, отдельные части администрации. В то время как в Марокко разворачивалось националистическое движение против султана Абд аль-Азиза, Франция устранила своих соперниц, заключив с ними ряд обоюдовыгодных соглашений. Предоставив Италии свободу действий в Триполитании (Ливии) по договору от 1 ноября 1902 г. и, отказавшись от претензий на Египет по условиям Лондонской конвенции с Великобританией (8 апреля 1904 г.), французское правительство выговорило себе «особые права» в Марокко, что на практике означало превращение султаната в протекторат Франции. В то же время Франция заключила соглашение с Испанией о возможном разделе Марокко, по которому Испании отводилась северная часть его территории (Мелилья и Сеута), но натолкнулась на оппозицию Германии, приведшую к марокканским кризисам 1905 и 1911 гг.

Театральное появление Вильгельма II в порту Танжера 31 марта 1905 г. и произнесенная им речь о несогласии с французскими и испанскими претензиями на шерифскую территорию имели резонанс в Европе. Не будучи готова к войне, Франция пошла на компромисс. Отставка воинственно настроенного министра Т. Делькассе (июнь 1905) помогла уладить конфликт. Международная конференция в Альхесирасе (Испания) (15 января − 7 апреля 1906) подтвердила независимость Марокко, фактически поместив его под международный контроль, утвердила право равного доступа всех иностранных предприятий на марокканский рынок.

В отместку за убийство француза, воинский контингент генерала Ю. Лиотея захватил в марте 1907 г. г. Ужда в восточном Марокко. К началу 1908 г. им было подавлено народное восстание в горном массиве Бени-Снассен, тогда как франко-испанские вооруженные силы высадились в порту Касабланка. В 1909 г., вследствие многомесячной военной кампании, Испания расширила зону своего влияния на всю горную область Риф в северном Марокко. Завоевание марокканской территории происходило на фоне внутренней борьбы между султаном Абд аль-Азизо и его братом Мулай Абд аль-Хафидом, который при поддержке южных племен одержал победу. Весной 1911 г., осажденный в г. Фес северными племенами, султан призвал

на помощь французские войска. Французы оккупировали Фес (май 1911).

В ответ Германия отправила в марокканский порт Агадир канонерскую лодку «Пантера» и объявила о своем намерении обустроить там военно-морскую базу, что спровоцировало Второй марокканский или Агадирский кризис. «Прыжок Пантеры» поставил Францию на грань войны с Германией. Вследствие английской поддержки Франции, Германия пошла на переговоры. По соглашению (4 ноября 1911), Германия отказалась от претензий на Марокко, получив в качестве компенсации территорию в экваториальной Африке, а именно западную часть Убанги-Шари. Франция получила свободу рук, результатом чего стало заключение Фесского договора (30 марта 1912), по которому султан Мулай Абд аль-Хафид признал французский протекторат над Марокко. В соответствии с франко-испанской договоренностью 1902 г. о разделе Марокко, 27 ноября 1912 г. был учрежден испанский протекторат над северной его частью (Риф), за исключением Танжера, и южными территориями (Ифни, Тарфайя). Парижская конвенция 1923 г. закрепила за Танжером статус международного города.

Наибольшая часть Марокко отошла под контроль Франции, но скорее на бумаге, чем в действительности, ибо реальное подчинение французскому протекторату осуществилось силовыми методами лишь через 22 года после заключения Фесского договора. Вспыхнувшее сразу после его опубликования восстание в Фесе было подавлено генералом Ю. Лиотеем, после чего султан Мулай Абд аль-Хафид вынужден был отречься в пользу своего брата Мулай Юссефа, более послушного французам. В 1914 г. Лиотей, назначенный генеральным резидентом Франции в Марокко, подчинил так называемое «полезное Марокко», центральную территорию с городами и равнинами. Движение сопротивления, поддерживаемое Германией, усилилось в пору Первой мировой войны. В 1920 г. Франция подчинила себе Средний Атлас. После того как жители Северного Марокко восстали в 1921 г. против султана и европейских колонизаторов, образовав республику (эмират) Риф во главе с президентом (эмиром) Абд аль-Кримом, началась колониальная война Испании. Франция присоединилась к ней в 1925 г. Франко-испанская армия под командованием маршала Ф. Петена принудила Абд аль-Крима к капитуляции 27 мая 1926 г. Потребовалось еще несколько лет, прежде чем французские вооруженные силы подавили ожесточенное сопротивление берберов Верхнего Атласа. Завоевание Марокко было завершено французами лишь в 1934 г.

Архипелаг Новые Гебриды (Вануату), открытый в 1606 г. португальцами, долгое время оставался в стороне от морских путей. Со второй четверти XIX в. там стали появляться торговцы санталовым деревом, вербовщики рабочей силы, миссионеры. Со временем численность французов, избравших архипелаг местом жительства, превысила численность англичан. У основания аннексии Новых Гебрид была частная инициатива, редкий случай в истории французской экспансии. «Каледонская компания», основанная в 1882 г. Дж. Хиггинсоном, принялась скупать земли у меланезийского населения архипелага и основывать на них французские поселения. В 1885 г. Франция пыталась договориться с Великобританией об аннексии островов, но безуспешно. Сердечное согласие 1904 г., положив конец франко-английскому колониальному соперничеству, дало новый импульс переговорам. По соглашению марта 1906 г. Новые Гебриды стали франко-британским кондоминиумом (совместным владением).

По окончании Первой мировой войны Французская колониальная империя расширилась за счет территорий, ранее входивших в состав побежденных Германской и Османской империй. Еще в ходе мирового конфликта французское и британское правительства разграничили сферы своих интересов на Ближнем Востоке, заключив секретное соглашение Сайкс-Пико (16 мая 1916), по которому Сирия и Ливан входили во французскую зону интересов. Территориальные

претензии держав, подкрепленные наличием британских и французских вооруженных сил в ближневосточном регионе, пришли в столкновение с намерениями арабов создать самостоятельное государство. Конференция великих держав в Сан-Ремо (19-26 апреля 1920), созванная в срочном порядке после провозглашения Сирийского арабского королевства (8 марта 1920), вручила Франции мандат на управление Сирией и Ливаном. Ультиматум, обращенный к королю Фейсалу, остался без ответа, мандат пришлось отстаивать оружием. В июле 1920 г. 60-тысячная французская армия без труда разбила сирийские войска и вступила в Дамаск. 24 июля 1922 г. Совет Лиги Наций утвердил решения конференции в Сан-Ремо. Лозаннский договор 24 июля 1923 г. подтвердил сирийский мандат Франции.

Оккупированные в ходе войны французскими и британскими войсками, Того и Камерун, германские колонии в Африке, в 1916 г. были разделены на английскую и французскую зоны. Версальский мирный договор 1919 г. содержал положения о подмандатном статусе бывших колоний Германии, которые переходили под контроль Лиги Наций. Решением Совета Лиги Наций от 20 июля 1922 г. Того и Камерун были поделены между Великобританией и Францией, так что эта последняя получила мандат на управление восточной частью Того (57 тыс. км^2) и восточной частью Камеруна, 4/5 его территории (431 тыс. км^2). Французской колонии Убанги-Шари были возвращены западные территории, переданные в 1911 г. германскому Камеруну.

Территории Сирии и Ливана, Восточного Того и Восточного Камеруна были последней территориальной аннексией Третьей республики. Французская империя достигла апогея и по протяженности зависимых территорий и по численности проживавшего на них населения.

*Колониальное величие и рабство.*Традиционно колониями ведало Морское министерство. Колонии входили в компетенцию министерства Алжира и колоний (1851−1861), министерства торговли (ноябрь 1881−январь 1882, март 1889−декабрь 1892), министерства торговли и промышленности (январь 1893-март 1894). К началу XX в. три министерства ведали их делами. Провозглашенный неотъемлемой частью Французской республики в 1848 г. и разделенный на три департамента, Алжир находился в ведении министерства Внутренних дел. Министерство иностранных дел курировало протектораты Туниса и Марокко, теоретически суверенные государства, и мандаты Ливана и Сирии в ожидании обещанной независимости. Остальные владения, Антильские о-ва и Гвиана, черная Африка (федеративные объединения Фр. Западная Африка и Фр. Экваториальная Африка, созданные в 1895 и 1910 гг.), Мадагаскар, Реюньон, Коморский архипелаг, Фр. берег Сомали, фактории в Индии, Индокитайский союз, Новая Каледония и т.д., находились в ведении министерства колоний, образованного в 1894 г., и управлялись декретами.

Во главе колоний стояли верховные резиденты, губернаторы, генерал-губернаторы, обладавшие широкими полномочиями, но подвергавшиеся периодическому контролю в своей деятельности. Несмотря на прямое администрирование, кооперация племенных вождей или религиозных лидеров, марабу в африканских владениях, была востребована повсеместно как орудие легитимации колониальной власти. Импровизированное управление сменилось с годами более профессиональным и эффективным. В 1889 г. была создана Колониальная школа, готовившая администраторов, конкурсный набор на места позволял отсеивать наименее пригодных. Верно и то, что грубые методы обращения с коренным населением, как и заблуждения расовой политики, не исчезли из практики.

Ассимиляция превалировала в видах французского правительства на колонии,

в особенности на Алжир, который рассматривался как продолжение национальной территории. Попытка Наполеона III отказаться от ассимиляции, провозгласив в 1860 г. создание «Арабского королевства» натолкнулась на широкую оппозицию. Провозглашенная ведущим принципом колониальной политики Третьей республики, ассимиляция осталась недостижимой на уровне идеала, республиканской догмы. Гражданские права, впрочем, как и элементарные права и свободы, остались недоступными для большей части населения колоний, бюджеты, выделяемые на развитие школьного образования, были недостаточны, чтобы обеспечить равный доступ к культуре.

В большинстве колоний существовали две категории населения: полноправные граждане, французы или ассимилированные, и имперские подданные с французской национальностью, но без гражданских прав. Опыт Алжира в данном случае, как и во многих других, был основополагающим. Сенатус-консульт 1865 г. признал за мусульманами, берберами и евреями Алжира французскую национальность, при этом в силу «персонального статуса» мусульмане могли жениться и наследовать по исламскому закону, берберы – по берберскому обычаю, евреи – по закону Моисея. Декрет Кремьё от 24 октября 1870 г. присвоил французское гражданство еврейскому населению Алжира. Теоретически французское гражданство было открыто для всякого, кто принимал французский образ жизни и отказывался от исламского или обычного права, своей религии и традиций. Учрежденная в Алжире практика индивидуальной «натурализации» была перенесена на другие колонии. Жесткие условия присвоения гражданства имели следствием малое количество ходатайств, в которых могло быть отказано. Между 1865 и 1937 гг. было «натурализовано» лишь 4 298 алжирских мусульман, по большей части гражданских или военных должностных лиц.

Французское законодательство на зависимых территориях сосуществовало со специальным «туземным» режимом, которому было подчинено коренное население (l'indigénat). Введенный в Алжире по мере его завоевания, туземный режим был кодифицирован в 1875 г., модифицирован в 1881 г. «Туземный кодекс» содержал список запретов, за нарушение которых коренные жители подвергались наказаниям без суда и следствия по решению французской администрации. Им запрещалось объединяться в политические партии и профсоюзы, занимать административные должности, издавать газеты на арабском языке, устраивать несанкционированные сборища, покидать территорию коммуны без особого на то разрешения и т.д. Нарушители запретов подвергались наказаниям (штраф, тюремное заключение, секвестрация имущества), были возможны коллективные санкции, в том числе депортация жителей. Телесные наказания регулярно применялись, хотя были нелегальными, как и конфискация имущества. С модификациями, учитывавшими местные особенности, «туземный режим» был распространен на большую часть Французской колониальной империи.

За системой штрафов и наказаний скрывалась система колониальных такс и принудительной работы. Коренное население подвергалось легальной дискриминации. Практиковались обязательные денежные и натуральные взимания: налог на хижины, разного рода подати, подушный налог и т.д. Упраздненное в 1848 г. рабство продолжало существовать в форме принудительного труда. Строительство дорог и ж/д. путей, портов, функционирование лесопильных заводов, соляных шахт, плантаций обеспечивалось во многом бесплатной и арестантской рабочей силой к выгоде частных обществ и предприятий, отдельных колонистов. Условия работы были тяжелыми. Оборудования не хватало или оно отсутствовало и приходилось все делать вручную. На бесплатный труд отводилось 12 дней в Западной и 15 дней в Экваториальной Африке, но в реальности эти ограничения не соблюдались. Практиковался насильственный набор рабочей силы, хотя и

оплачиваемой: с 1921 по 1932 гг. 127 250 мужчин были завербованы на строительство ж/д. линии Конго-Океан, более 20 тыс. погибли. А. Жид денонсировал в «Путешествии в Конго» (1927) несовместимые с человеческим достоинством практики концессионных компаний. Ограниченное гражданство, система колониальных такс и принудительного труда были далеки от идеалов цивилизации и равенства, которыми кичилась Республика.

Алжир был единственной переселенческой колонией Франции, имея относительно значительное население европейского происхождения, 940 тыс. человек на 5,5 тыс. туземцев по переписи 1936 г. В том же году количество выходцев из Европы достигало 210 тыс. в Тунисе, 200 тыс. в Марокко, несколько десятков тысяч в Индокитае. Несмотря на явное меньшинство, европейское население управляло колониями, ревниво охраняя свои привилегии. Учрежденные на местах совещательные и консультативные ассамблеи избирались двумя коллегиями выборщиков: от европейцев и от мусульман. Избирательное право было цензитарным или основанным на «способностях», практиковалось назначение представителей от местного населения. Департаменты Алжира были разделены на «полноправные» и «смешанные», из которых вторые не имели самоуправления. В лоне генеральных и муниципальных советов, финансовых делегаций туземцы пребывали в меньшинстве. В Высшем совете Алжира, совещательном органе при генерал-губернаторе, европейцы были представлены 60-ю чиновниками и «сеньорами», местные жители – 7-ю племенными вождями. Финансовая делегация Алжира, предлагавшая генерал-губернатору проект бюджета, состояла из 48 европейцев и 21 алжирца, из которых 9 назначались (с 1936 г. – 24 алжирца). Алжирские мусульмане не имели своего представителя в парламенте Франции, где французские граждане Алжира были представлены депутатом с 1848 по 1851 гг., вновь − с 1871 г.

Жители «старых» колоний (Мартиника, Гваделупа, Гвиана и Реюньон), в том числе освобожденные рабы, были признаны французскими гражданами в 1848 г., получив право избирать прямым всеобщим голосованием своих представителей в муниципальные и генеральные советы, в Национальное собрание Второй республики. Однако поголовно неграмотное, чернокожее население становилось объектом манипуляций со стороны кандидатов и их сторонников, раздававших заранее заполненные бюллетени. Тогда же право парламентского представительства было даровано сенегальским портам Сен-Луи и Горе. Избирательному праву предшествовала отмена работорговли и рабства. Декретированная Наполеоном 27 марта 1815 г., отмена работорговли была закреплена ордонансом Людовика XVIII 1817 г. Однако работорговцы Нанта и Бордо не прекращали свою деятельность до начала 1830-х гг. Франко-английские конвенции 1831 и 1833 гг. о праве визита положили конец этой практике, учредив принцип обоюдной проверки торговых судов и невольничьих рынков. В 1849 г. негры с перехваченных кораблей основали Либревиль, нынешнюю столицу Габона. Июльская монархия, сторонница постепенного освобождения рабов, сделала ряд шагов в этом направлении. Ордонансом 1836 г. раб, ступавший на французскую землю, обретал свободу. В 1843 г. была объявлена ликвидация рабства на Майотте. Закон Мако 1845 г. ограничил продолжительность рабочего дня 9,5 часами, запретил ночную работу и позволил рабам выкупать себя и свою семью после пяти лет оплачиваемой работы. Декретом от 27 апреля 1848 г. Вторая республика упразднила рабство: 250 тыс. рабов французских колоний получили свободу. Убытки, понесенные колонистами, были возмещены государством в размере примерно 5 млн. ливров. Потеря невольников была несколько компенсирована на плантациях массовым завозом плохо оплачиваемой рабочей силы из Азии, индийцев и китайцев, кули.

Наполеон III упразднил политические права «старых» колоний и портов,

которые были восстановлены в 1871 г. республиканским правительством. Мартиника, Гваделупа, Реюньон, пять факторий в Индии и четыре коммуны Сенегала получили право на представительство во французском парламенте, всего 10 депутатов. Декретом 1872 г. Сен-Луи и Горе получили статус полноправных коммун, в 1878 г. Дакар отделился от Горе, в 1880 г. статус полноправной коммуны был дарован Рюфиску. Тем не менее, социальные и законодательные барьеры в «старых» колониях и факториях Франции сохранялись. Избрание первых в истории чернокожих депутатов, Э. Ж. Лежитимюса от Гваделупы в 1898 г., Б. Дианя от Африки (четыре коммуны) в 1914 г., стало сенсацией. Блез Диань, который сохранил свой мандат до 1934 г., был заместителем министра колоний в 1931−1932 гг. Закон 1916 г., даровавший французское гражданство всем уроженцам четырех коммун в обмен на обязательную военную службу, был принят во многом благодаря его стараниям.

В теории страна под протекторатом сохраняла автономию во внутренних делах и правящую династию, тогда как государство-протектор обеспечивал ее оборону и внешние сношения. Однако на деле не всегда было возможно провести различие между колонией и протекторатом. Колониальные власти не соблюдали условия договоров. Прямая администрация наличествовала в Тунисе, Марокко (после отставки Ю. Лиотея в 1926 г.), Тонкине и Аннаме, в мандатах Леванта. В Тунисе бей оказался в тени генерального резидента, а местные элиты – в тени французских чиновников, численность которых в 1914 г. достигла 3 800 на 3 100 тунисских коллег. Пока Лиотей, противник ассимиляции и прямой администрации, был генеральным резидентом в Марокко, султан и традиционные структуры сохраняли власть, но заместившие его «проконсулы» привнесли колониальные методы. Ответом было нарастание оппозиции.

Колонии снабжали метрополию сырьем и служили рынком сбыта, таков был колониальный пакт. На колонии приходилось 50% сырья импортируемого Францией для нужд промышленности (каучук, антрацит из Индокитая, каменный уголь из Магриба, ценные породы древесины из Габона, хлопок из Нигера, арахис из Сенегала). Колонии снабжали метрополию продовольствием (зерновые, цитрусовые из Магриба, рис из Индокитая, бананы, кофе и какао из Центральной Африки, соль из Сомали). Доля империи во французском импорте сельхоз. продуктов 18,7% в 1890 г. составляла треть в 1929 г. − 37,5%. В период мирового кризиса доля империи в целом во внешней торговле Франции значительно возросла в процентном соотношении, достигнув в 1936 г. 28,5% импорта и 33% экспорта. Стабильность экспорта в колонии железа и стали, продуктов перерабатывающей индустрии отчасти компенсировала для французских предприятий закрытие иностранных рынков. В 1930-е гг. цены на каучук, гевею, сахар, олово, др. колониальные товары резко упали. Ввиду нехватки частного инвестирования, государственные вливания в колониальные бюджеты составили 20 млрд. франков в период между 1931 и 1939 гг.

Колониальные экспозиции и туземные павильоны всемирных выставок 1889, 1900, 1937 гг. в Париже славили Францию как носительницу прогресса и великую державу. Деревни из соломы с африканскими фигурантами, повторяющими за белым учителем буквы алфавита, представляли собой декорированный фасад, за которым скрывались жестокости и насилия, чинимые колонизаторами. Официальный дискурс воспевал цивилизаторские усилия метрополии. После Первой мировой войны, когда Франция рекрутировала в колониях более 600 тыс. солдат и 200 тыс. рабочих, империя воспринималась как составная часть французского могущества. Валоризация империи достигла зенита в 1930-е гг. С размахом было отпраздновано столетие взятия г. Алжира, стало обычным участие колониальных войск в парадах 14 июля. Колониальная выставка в Париже 1931 г.

прошла с размахом (8 млн. посетителей). Журналы, конференции, радиовещание, кино, афиши в добавление к ассоциациям и лигам были задействованы в пропаганде колониализма. В коллективном сознании сложился образ «большей Франции», органического продолжения метрополии. Могущественные соперники подогревали интерес к колониям: фашистская Италия претендовала на Тунис и Джибути, нацистская Германия имела виды на Марокко и «Mittelafrica» (Центральную Африку).

В контексте торжествующего империализма противники колониализма не имели широкой аудитории. Левые интеллектуалы и католики, социалисты и коммунисты были восприимчивы к разоблачениям колониального деспотизма Л. Рубо, А. Виоллиса, А. Лондра, А. Жида. Основная часть антиколониальных акций приходилась на Французскую Компартию, действовавшую в орбите Коминтерна. Национальное движение в колониях было стимулировано нищетой и проходило под лозунгами реформ и социальной справедливости. Колониальная молодежь требовала «гражданства в статусе» при сохранении ислама, полигамии, европейские колонисты были против ассимиляции. Народный фронт породил большие надежды, но не оправдал их. Проект закона Блюма-Виолетта 1936 г. о предоставлении избирательного права мусульманам, обладателям дипломов, был провален. Отстраненные от управления коренные элиты испытывали фрустрацию. В 1930-е гг. ужесточились требования националистических партий и движений, создававшихся там и здесь в колониях. Старые партии и движения раскололись на умеренных и радикальных, были созданы новые партии. Националисты Тонкина, Новый Дестур А. Бургибы в Тунисе, Партия алжирского народа М. Хаджа требовали независимости. Антиколониальная пропаганда имела следствием репрессии со стороны французских властей, запрет партий, тюремные заключения и ссылки активистов.

Деколонизация. Вторая мировая война дала импульс к крушению колониальной империи. После поражения Франции, по условиям перемирия 22 июня 1940 г. с нацистской Германией, французские колонии остались под властью правительства Виши. 18 июня 1940 г. в радиообращении из Лондона Ш. Де Голль призвал нацию продолжать войну, используя колониальные территории в качестве базы военных действий: «Франция не одинока, … за ней обширная империя». Летом и осенью 1940 г. губернаторы колониальных владений в Океании, в Африке и Индии, желавшие продолжать борьбу или под влиянием военных, присоединились к Свободной Франции. Так же поступили в Океании Новые Гебриды – 20 июля, Таити – 2 сентября, Новая Каледония – 19 сентября. Феликс Эбуэ, чернокожий губернатор Чада, начал процесс присоединения Экваториальной Африки прокламацией от 26 августа. За ним последовали капитан Леклерк в Камеруне и полковник Лармина в Конго-Браззавиле (27 августа), губернатор П. де Сен-Мар в Убанги-Шари (29 августа). Понадобилась военная операция для привлечения Габона в ноябре 1940 г. Официальное присоединение французских владений в Индии (Пондишери, Карикал, Чандернагор, Маэ, Янаон) совершилось 9 сентября по решению губернатора Л. Бонвэна. Попытка англо-голлистской высадки в Дакаре (23 сентября) закончилась полной неудачей, и Западная Африка осталась под властью Виши.

Имперский совет обороны и продовольственного снабжения войск был создан в Браззавиле 27 октября 1940 г. Имперские контингенты составляли две трети наземных сил Свободной Франции, в том числе 22 тыс. солдат Экваториальной Африки и Камеруна, тихоокеанский батальон (605 волонтеров), около 700 индийских добровольцев.

В июне-июле 1941 г. англо-голлистские подразделения вступили на территорию французских мандатов Сирии и Ливана, устранив угрозу германской

оккупации региона. Под нажимом Англии, желавшей консолидировать свое влияние на Ближнем Востоке, была провозглашена независимость этих территорий, с давних пор подготовлявшаяся ввиду активности в них националистического движения. Франко-сирийский и франко-ливанский договоры, заключенные П. Вьено в 1936 г., обещали упразднение мандатов, но не были ратифицированы. Тем не менее, Де Голль не спешил с действительной передачей власти, рассчитывая сопроводить ее договорами с гарантией французских интересов, и в Леванте были оставлены войска. Свободная (с 1942 г. Сражающаяся) Франция пресекала сепаратистские поползновения колоний, неуместные в военном контексте, и формальное провозглашение независимости Сирии и Ливана было исключением.

Основная часть Французской колониальной империи осталась до конца 1942 г. верной Виши и пребывала вне войны. На оставшихся под его управлением территориях вишистское правительство применило те же законодательные меры, что и в метрополии, наложив запрет на деятельность представительных учреждений (сентябрь 1940), отменив декрет Кремьё и лишив алжирских евреев французской национальности (октябрь 1940), изгнав евреев из администрации и из армии и т.д.

В декабре 1941 г. морские силы «Свободной Франции» взяли под контроль территорию архипелага Сен-Пьер-и-Микелон. В мае − сентябре 1942 г. английские вооруженные силы произвели высадку на Мадагаскаре. Несмотря на соглашение Иден − Де Голль от 14 декабря 1942 г., которым Британская империя признала Мадагаскар владением Свободной Франции, британские войска оккупировали остров до конца 1946 г. 27 ноября и 27 декабря 1942 г. Реюньон и Французское побережье Сомали были присоединены к Свободной Франции.

После высадки англо-американского корпуса в Алжире (9 ноября 1942), Магриб и Западная Африка перешли в лагерь союзников. В ответ свободная зона Франции, а также Тунис подверглись германской оккупации. Союзнические войска пополнились североафриканскими солдатами, которые приняли активное участие в освобождении Туниса (ноябрь 1942 – май 1943). Около 200 тыс. африканцев были задействованы в операциях по освобождению Италии, Корсики, Прованса в ходе 1943−1944 гг. В марте 1943 г. Гвиана, в июле 1943 г. Гваделупа и Мартиника присоединились к французским освободительным силам. К лету 1943 г. Сражающаяся Франция объединила под своей властью всю империю, кроме Индокитая, который с июля 1940 г. был оккупирован японцами при сохранении вишистской администрации адмирала Деку. Алжир, где заседал Французский комитет национального освобождения, затем временное правительство, играл роль политической столицы до освобождения Парижа (25 августа 1945).

В знак разрыва с Виши Сражающаяся Франция демонстрировала терпимость, восстановив декрет Кремьё (октябрь 1943), амнистировав политических заключенных, разрешив свободу прессы и деятельность политических партий, кроме Партии алжирского народа М. Хаджа. Однако военное усилие требовало мобилизации колоний на обязательные неоплачиваемые работы, которые тяжелым бременем легли на население, провоцируя недовольство. Националистические движения активизировались, покровительствуемые державами Оси, и, в менее явной форме, − англичанами и американцами. «Атлантическая хартия» подпитывала националистическую пропаганду. Учитывая рост национального самосознания в колониях, Сражающаяся Франция пошла на некоторые уступки. Конференция в Браззавиле 30 января–8 февраля 1944 г. декларировала неизбежность радикальных изменений в отношениях метрополии с колонизованными народами по завершении войны. Выработанные ее участниками предложения новой колониальной политики нашли осуществление в последующем законодательстве. Ордонанс от 7 марта 1944 г. присвоил французское гражданство 65 тыс. алжирским мусульманам с сохранением их персонального статуса. Однако

политика частичных уступок не удовлетворила националистов.

Манифест партии Истиклаль (11 января 1944) требовал немедленной независимости Марокко под властью султана. В ответ французские власти прибегли к репрессиям: арест редакторов манифеста, жестокое подавление восстаний в Рабате и Фесе. В Алжире в накаленной атмосфере столкновений сторонников автономии (умеренные националисты Ферат Аббаса) и независимости (экстремисты Мессали Хаджа) с силами порядка восстания охватили алжирский департамент Контантина. Убийство сотен европейцев в Сетиф и Гельма 8 мая 1945 г. имело следствием суровые репрессии французских властей (несколько тысяч жертв арабского населения). Тогда же в Бейруте и Дамаске прошли бурные манифестации с требованием отозвания французских военных с территории Ливана и Сирии. Де Голль распорядился об обстреле мятежных городов, но английский ультиматум с угрозой военного вмешательства вынудил французов к поспешной эвакуации. Франко-английское соглашение 14 марта 1946 г. подтвердило полную и безусловную независимость двух бывших мандатов.

Переворот, совершенный японцами в Индокитае 9 марта 1945 г. отчасти из опасения восстаний в военных формированиях французов, ликвидировал французский протекторат и Индокитайский союз. Дарованная Вьетнаму, Камбодже и Лаосу независимость была, однако, теоретической, ибо контролируемой японским оккупантом. При известии о японской капитуляции 15 августа националистическое движение Вьетминь, объявив себя «Армией освобождения» под лозунгами «Долой японцев и французов!», вынудило императора Бай Дай отречься от престола (25 августа). 2 сентября 1945 г. в Ханое лидер патриотического движения Хо Ши Мин провозгласил независимое государство Демократическая республика Вьетнам. И хотя в сентябре Франция с английской помощью вернула себе Сайгон, присутствие вооруженных соединений экспедиционного корпуса генерала Леклерка в Кохинхине спровоцировало герилью. Эти события вкупе с изгнанием французов из Леванта нанесли серьезный удар как по колониальному режиму, гальванизировав сепаратистские устремления в различных частях империи, так и по международному авторитету Франции.

Французские правящие круги вынуждены были искать новые формы управления колониями, руководствуясь постановлениями Браззавильской конференции, принимая во внимание традиционную враждебность США колониализму, эмансипационные принципы ООН и Лиги арабских государств. Закон Сезэр (19 марта 1946) присвоил статус заморского департамента четырем «старым колониям»: Мартинике, Гваделупе, Гвиане и Реюньону. Закон от 11 апреля 1946 г. наложил запрет на всякую форму насильственного труда. По закону Ламин Ге (7 мая 1946) французское гражданство присваивалось всем уроженцам заморских территорий, что означало ликвидацию «туземного» кодекса и гарантию основных свобод. Первый проект конституции, разработанный Учредительным собранием, имевшим широкое «туземное» представительство (более 10% от общего числа депутатов), был отклонен референдумом 5 мая 1946 г. Второй проект, разработанный новым Учредительным собранием с участием «туземных» депутатов, как и первый, содержал положения о Французском союзе, долженствовавшем заменить собой Французскую колониальную империю. Однако диспозиции федералистского характера, которые пытались провести «туземные» депутаты Леопольд Сенгор и Ферат Аббас, не прошли, пресеченные правительством Ж. Бидо с опорой на MRP. Новая конституция была одобрена с небольшим перевесом голосов референдумом 13 октября 1946 г.

В преамбуле конституции значилось, что «Франция образует вместе с заморскими народами союз, основанный на равенстве прав и обязанностей, без расовых и религиозных различий». Принципы, изложенные в преамбуле,

свидетельствовали о желании заменить колониальный пакт системой добровольной ассоциации народов в рамках союза, включавшего заморские департаменты и территории и присоединившиеся государства. Раздел VIII Конституции (ст. 60–82) определял состав, организацию и функционирование Французского союза. На базе министерства колоний были созданы министерства по делам заморских территорий и присоединившихся государств. Ассамблея Французского союза была консультативным органом с ограниченными правами, состоявшим наполовину из представителей метрополии, наполовину из делегатов заморских департаментов и территорий, а также присоединившихся государств. Все участники союза имели также своих представителей в Национальном собрании и Совете республики. Главой союза являлся президент Французской республики.

Три составные части Французского союза:

1) заморские департаменты имели те же органы местной власти, что и в метрополии – три департамента Алжира, «старые» колонии, а именно Гваделупа, Мартиника, Фр. Гвиана, Реюньон;

2) заморские территории имели местные выборные органы – территориальные ассамблеи (с ограниченными правами) – Фр. Западная Африка (Сенегал, Мавритания, Фр. Судан, Гвинея, Берег Слоновой Кости, Верхняя Вольта, Дагомея, Нигер), Фр. Экваториальная Африка (Габон, Средний Конго, Убанги-Шари, Чад), а также Мадагаскар, Фр. Сомали, Новая Каледония, Коморские о-ва, Фр. Полинезия, о-ва Сен-Пьер-и-Микелон, французские владения в Индии;

3) присоединившиеся территории – Того и Камерун и присоединившиеся государства, в числе которых изначально предполагались Вьетнам, Камбоджа, Лаос, Марокко, Тунис, англо-французский кондоминиум Новые Гебриды. Протектораты Марокко и Туниса отклонили в 1946 г. предложение метрополии присоединиться к Французскому союзу. Предназначенные для их делегатов места в Ассамблее союза так и остались незанятыми. Денатурация протекторатов, выражавшаяся в подмене местных государственных структур прямой администрацией из метрополии, служила источником, подпитывавшим национализм в Тунисе и Марокко. В конце Второй мировой войны в обоих протекторатах наблюдалась интенсификация националистического движения под руководством двух крупных партий Нео-Дестур в Тунисе и Истиклаль в Марокко. В речи, произнесенной в Танжере 10 апреля 1947 г., султан Марокко Мохаммед бен Юссеф провозгласил себя лидером марокканского национализма. Отказавшись от радикальных формулировок довоенного времени, лидер тунисского Нео-Дестура А. Бургиба предпочел в 1948 г. умеренные позиции в рамках франко-тунисских переговоров. Принятые реформы, казалось, открыли дорогу к внутренней автономии Туниса в 1950 г., но протест колониального лобби заставил французские власти пойти на попятный. Правительственная декларация 1951 г. отвергла всякую перспективу независимости, утвердив принцип обязательного участия французов во всех учреждения тунисского протектората. Однако новомодный принцип двойного суверенитета (*cosouveraineté*) не удовлетворил националистов Туниса, как, впрочем, и Марокко, где султан выразил желание установить конституционную монархию, в которой не было место для другого суверена, кроме него самого. Следствием несговорчивости французских властей стали франко-тунисский и франко-марокканский кризисы, совпавшие во времени. Апогей франко-тунисского кризиса пришелся на 1952−1954 гг. Насильственное низложение султана в 1953 г. вызвало протестную реакцию марокканцев и повергло страну в ситуацию хронического терроризма. Визит председателя Совета П. Мендес-Франса в Тунис 31 июля 1954 г. стал поворотным моментом в его истории. Обещанная им Тунису внутренняя автономия после серии переговоров была установлена соглашениями 3 июня 1955 г., упразднившими конвенцию Ла Марса и ратифицированными без труда парламентом. Взрыв насилия

20 августа 1955 г., в годовщину низложения Мохаммеда бен Юссефа, жертвами которого стала часть французского населения в Кенифра и Уэд Зем, вынудил правительство Э. Фора к уступкам марокканским националистам. Соглашения Ла Селль-Сен-Клу 6 ноября 1955 г. с участием марокканского султана, возвращенного из ссылки в Мадагаскар, возвели в принцип марокканскую независимость. Возвращение султана в Раба и дальнейшие переговоры с правительством Ги Молле имели следствием соглашение от 2 марта 1956 г. о признании независимости Марокко. Взаимное влияние протекторатов неминуемо влекло за собой признание независимости Туниса, которое последовало 20 марта 1956 г. с упразднением договора Бардо. Различные договоры о кооперации были подписаны Францией с Марокко и Тунисом в 1957 и 1958 гг., в том числе об эвакуации французских войск. Сохраненная французами база в Бизерте (Тунис), была эвакуирована в 1963 г.

Соглашение Хо Ши Мин – Сентени от 6 марта 1946 г., казалось, проложило дорогу к дальнейшим переговорам, постановив признание Францией Демократической республики Вьетнам в качестве «свободного государства», члена Индокитайской федерации и Французского союза. Но разногласия в интерпретации термина «свободное государство», который для непримиримых колониалистов из высшей администрации и военного руководства, как адмирал д'Аржанлье и генерал Валлюи, означал не более, чем автономию, и стремление этих последних воспрепятствовать объединению Вьетнама, привели к краху последующие переговоры. Бомбардировка порта Хайфонг 24 ноября и вооруженное вторжение французов в Ханой 19 декабря 1946 г. стали началом франко-вьетнамской войны, первой колониальной войны, выпавшей на долю Четвертой республики. Несмотря на превосходство в численности и вооружении, партизанский, непредсказуемый ее характер действовал изматывающее на французские силы. В политическом плане возобладало решение реставрировать императорскую власть Бао Дая во главе независимого и объединенного «государства Вьетнам», присоединенного к Франции в рамках Французского союза (соглашения Алонгской бухты 6 декабря 1947 г. и 5 июня 1948 г., подтвержденные обменом письмами между Бао Даем и президентом В. Ориолем). В 1949 г. была провозглашена формальная независимость королевств Лаоса и Камбоджи, принявших статус присоединившихся государств Французского союза.

Ведение войны и дипломатическое представительство Вьетнама остались, тем не менее, в ведении Франции, как и экономика. Дарованная Вьетнамской республике независимость носила фиктивный, вынужденный характер. Франции важно было избежать обвинений в повторной колонизации со стороны своего американского союзника, в помощи которого она нуждалась для ведения войны во Вьетнаме, тем сильнее, что провозглашение Китайской народной республики 1 октября 1949 г. осложнило конфликт, придав ему международный характер. Изначально позиционировавшее себя как националистическое движение, Вьетминь в силу активной китайской помощи, которая изменила в его пользу соотношение сил и позволила перейти к наступательным операциям, приобрел коммунистический оттенок. Колониальная война, которую изначально вела Франция во Вьетнаме, приобрела конфигурацию еще одного фронта борьбы между коммунистическими режимами и «свободным миром» в Азиатском регионе вдобавок к войне в Корее (1950−1954). Соответственно изменилась и позиция США. Безучастие сменилось бесплатной помощью вооружением, особенно значительной с 1952 г., но не бескорыстной, и учреждением проамериканской клиентуры в Лаосе и Камбодже. Все более непопулярная во Франции, война во Вьетнаме, отмеченная в 1950−1951 гг. эвакуацией французских гарнизонов на китайской границе, завершилась сокрушительным поражением и капитуляцией французской военной базы Дьенбьенфу 7 мая 1954 г. после двух месяцев отчаянных боев. Американская

помощь с воздуха, на которую рассчитывало французское руководство, так и не была оказана.

Женевская конференция, созванная по инициативе четырех великих держав с участием Народного Китая, Вьетнама, Лаоса и Камбоджи, чтобы положить конец войне в Индокитае, пришла к соглашению 21 июля 1954 г. Военная конвенция с Вьетминем предусматривала прекращение огня, эвакуацию войск, обмен пленными, а также разделение территории по 17-параллели, которое изначально предполагалось временным: Демократическая республика Вьетнам на севере, королевство Бао Дая на юге. В окончательной декларации было заявлено об уважении суверенитета и независимости трех государств Индокитая, ранее дарованных Францией. Вьетнам, как и Камбоджийское королевство, вышли из Французского союза в 1954 г. Королевство Лаос состояло членом союза в статусе присоединившегося государства до конца Четвертой республики.

Индокитайская война (1946−1954) тяжелым бременем легла на французскую экономику, несмотря на частичное ее финансирование США. Человеческие потери были велики с обеих сторон. По официальным французским источникам, потери Французского союза достигли 92 тыс. человек, из них 20 тыс. французов, 11 тыс. легионеров, 15 тыс. африканцев и 46 тыс. вьетнамцев. Общие потери вьетнамского населения исчислялись 400−500 тыс. И это было лишь началом вьетнамской драмы, ввиду нараставшего противостояния коммунистического севера и антикоммунистического юга. США, сменившие французов в Южном Вьетнаме и заинтересованные в сдерживании коммунистической угрозы (*containment*), все более вовлекались в этот конфликт, который вылился во Вьетнамскую войну (1964−1975). Поражение Франции в Индокитайской войне дало решительный импульс деколонизации.

Независимость британской Индии в 1947 г. поставила под вопрос существование французских факторий и анклавов в непосредственном соседстве с территорией Индийского союза. Индийская партия Конгресса требовала немедленного освобождения Индии колонизаторами. Не оспаривая необходимость отказа от своих владений, французское правительство выразило желание урегулировать эту проблему путем прямых переговоров с Нью Дели и с учетом народного волеизъявления. В доказательство своей доброй воли в октябре 1947 г. французские власти передали Индии 12 территориальных анклавов площадью 4 км^2 с населением около 2 тыс. человек. Этот трансферт должен был стать первым шагом к переговорам, которые, тем не менее, заставили себя ждать. Несмотря на то, что Франция не могла рассчитывать на сохранение за собой владений в Индии (Парижский договор 1814 г. запрещал ей применение вооруженной силы для их защиты), министры, ответственные за заморские территории и иностранные дела, питали некоторые иллюзии насчет возможности сохранения их в статусе автономий в составе Французского союза. Переговоры откладывались, но в Шандернагоре вспыхнули бунты (1948), и местная ассамблея высказалась за немедленное присоединение к штату Бенгалия в составе Индийского союза. Референдум 1949 г. продемонстрировал нежелание жителей Шандернагора оставаться во Французском союзе. 2 мая 1950 г. состоялась передача его индийским властям. За ней последовал договор о трансферте *de jure* 2 февраля 1951 г. Передача Шандернагора, удаленного от остальных факторий, по словам министра иностранных дел М. Шумана, не должна была быть расценена ни в коей мере как прецедент для четырех южных факторий. Разрыв в 1949 г. индийской стороной таможенного союза с Францией обострил отношения между двумя странами, создав условия для контрабанды во французских владениях. Индийское правительство ответило экономической блокадой. В 1952 г. позиция Индии ужесточилась. 24 октября правительство Дж. Неру официально денонсировало договор, заключенный в июне 1948 г. о

референдумах, провозгласив, что будет вести переговоры лишь на основе прямого трансферта французских владений Индии. Заявление сопровождалось усилением экономической блокады. И так представлявшие собой незначительный экономический интерес, фактории стали тяжелой обузой для Франции, вынужденной снабжать их продовольствием и покрывать дефицит местного бюджета. Созванные 18 марта 1954 г. муниципальные советы (территория Пондишери) вотировали решение пригласить правительство Франции передать управление ими Индийскому союзу без референдума. Переговоры начались в Париже 14 мая 1954 г. и проходили параллельно с Женевской конференцией, но колониальная администрация, цеплявшаяся за референдум, тормозила их ход. Переговоры были прерваны, но в силу обострения ситуации на местах, 6 июля правительство Мендес Франса приняло решение о быстром трансферте суверенитета при наличии культурных и экономических гарантий. Конец войны в Индокитае и потеря стратегического интереса к восточному побережью Индостанского п-ва облегчили переговоры, которые возобновились в Нью Дели 24 августа. Французские фактории были присоединены к Индии *de facto* 1 ноября 1954 г., *de jure* – 28 мая 1956 г.

В тот день, когда французские фактории в Индии обрели фактическую независимость, в Алжире подсчитывали убитых и раненых, а также материальные убытки, произведенные серией покушений, организованных в ночь на 1 ноября 1954 г. Фронтом Национального освобождения (FLN). Вышедший из лона Партии Алжирского народа (PPA) и Движения за триумф демократических свобод (MTLD), FLN объединил экстремистские силы, которые будучи в оппозиции к безраздельному лидерству Мессали Аджа, положили без промедления вступить в вооруженную борьбу за независимость. Неуступчивость колониальных властей была тому причиной. Органический статус 1947 г., принятый, несмотря на единодушный протест мусульманских депутатов, учредив Алжирскую ассамблею, сохранил принцип двойной коллегии выборщиков. Мусульманское население (8,4 млн. в 1954 г.), лишенное, таким образом, представительства пропорционального своей численности, испытывало фрустрацию, которая усугублялась систематической фальсификацией выборов. Демократический союз алжирского манифеста (UDMA) терял кредит среди населения в пользу интегрального национализма. Несмотря на выраженность этой тенденции, события 1 ноября вызвали растерянность в Париже. Последовало назначение нового генерал-губернатора Ж. Сустеля, разработавшего план реформ, но диалог оказался невозможным. Резня европейцев в Константине 20 августа 1955 г. вызвала ответную реакцию французских военных, жертвами которой стали тысячи мусульман и имела следствием рост взаимной враждебности двух сообществ и начало герильи. Программа социалиста Ги Молле, возглавившего правительство в начале 1956 г., заключала в себе намерение положить конец алжирской войне. Однако протест французов Алжира против назначения либерального генерала Катру министром резидентом вынудил Г. Молле повернуть вспять. Новый министр резидент Р. Лакост, наделенный «специальными полномочиями», вотированными Национальным собранием 12 марта 1956 г., дополнительный контингент войск и вооружение, отправленные в Алжир, знаменовали собой переориентацию правительства Г. Молле на тотальную войну. Захват самолета с лидерами мятежников и французское участие в Суэцкой операции против Насера, оказывавшего поддержку алжирскому восстанию, блокировали диалог, в то время как Армия национального освобождения (ALN) оперировала засадами, а FLN вербовала в свои ряды различные составляющие алжирского национализма. Битва за г. Алжир была выиграна французами в январе 1957 г. Страхом репрессий французским войскам удалось искоренить городской терроризм и урегулировать

ситуацию в сельской местности, благодаря установлению контроля на границах с Марокко и Тунисом, отрезавшим ALN от баз снабжения, но ситуация оставалась неразрешимой. Всякие попытки реформ, коммунальных и аграрных, не давали желаемого эффекта. Насилия и пытки, которыми сопровождалась война в Алжире, вызвали протесты в метрополии, хотя многочисленны были и те, кто отстаивал идею французского Алжира. Международное сообщество в лице ООН, обеспокоенное развитием событий, ополчилось против французского колониализма, особенно после трагической бомбардировки тунисской деревни Сакьет (8 февраля 1958). Выраженное председателем Совета П. Пфлемленом намерение вступить в переговоры с FLN вызвало массовые манифестации протеста и формирование комитетов общественного спасения среди алжирских французов 13 мая. На волне кризиса Де Голль, популярный в армии и отчасти в обществе, был призван в июне 1958 г. президентом республики Рене Коти сформировать правительство и после одобрения референдумом конституции V республики (сентябрь 1958 г.) поручил армии одержать военную победу в Алжире. Активизация военных операций, предусмотренных планом Шалль, позволила французам в период с 1959 по 1960 гг. значительно ослабить ALN. Несмотря на это, сформированное мятежниками временное правительство (GPRA) отклонило предложенный Де Голлем почетный мир. Франция, между тем, разработала обширный план индустриализации Алжира и уравняла мусульман в гражданских правах с алжирскими французами. Сентябрьская речь Де Голля, в которой было заявлено о признании за алжирским населением права на самоопределение, знаменовала собой поворот во французской политике в пользу «алжирского Алжира», одобренный референдумом 8 января 1961 г. Апрельский путч 1961 г., организованный офицерами французской армии, желавшими развить военный успех для сохранения Алжира за Францией, провалился. В то время как OAS (Секретная военная организация), сформированная из недовольных офицеров и крайне правых активистов, практиковала террор и политику выжженной земли, переговоры французского правительства с FLN, начатые в мае 1961 г., привели к подписанию Эвианских соглашений (18 марта 1962) о прекращении огня и самоопределении Алжира путем референдума. Независимость Алжира, за которую проголосовало подавляющее большинство алжирцев (91%) 1 июля 1962 г., была признана Францией 3 июля. По официальным подсчетам в Алжирской войне в ходе боевых операций пало около 130 тыс. бойцов FLN и 15,5 воинов французской армии. Потери среди алжирского населения составили между 300 тыс. и 400 тыс., среди европейского – 6 тыс. Несмотря на Эвианские соглашения, эскалация насилия не утихла в Алжире и после обретения независимости. 5 июля 1962 г. в Оране сотни европейцев были убиты или похищены. Сотни тысяч французов («черноногих») покинули тогда Алжир, пополнив массовый исход европейского населения, начатый весной 1962 г. (800 тыс.). Экзекуции мусульман, служивших во французской армии (*harkis*), приобрели невиданный размах, приняв форму сведения счетов. Между 15 тыс. и 30 тыс. *harkis* и около 3 тыс. европейцев лишились жизни в годы, последовавшие за обретением независимости. В соответствии с ранее достигнутыми договоренностями, Франция вывела свои войска в 1964 г., эвакуировала военные базы в Сахаре и военно-морскую базу в Мерс-эль-Кебире соответственно в 1967 и 1968 гг. Экономические активы крупных французских компаний в Алжире, по букве Эвианских соглашений, остались в их руках, хотя имущество колонистов было национализировано.

Завоевание Алжиром независимости фактически завершило процесс распада Французской колониальной империи. Французские владения Черной Африки и Мадагаскар обрели независимость двумя годами ранее, в 1960 г. (год Африки), несмотря на старания французского правительства найти приемлемый *modus-vivendi*.

В целом, националистическое движение в этих владениях Франции было менее активным, чем в Магрибе и в Азии. Тем не менее, мальгашское восстание 1947 г., сопровождавшееся резней европейцев, проходило под лозунгами независимости. Отвоевание восставших зон продолжалось до конца 1948 г. и сопровождалось репрессиями. Камерун, член Французского союза и под опекой ООН, с 1955 по 1959 гг. пребывал во власти герильи, в основе которой было противостояние колониальной администрации и колонистов, с одной стороны, и Союза камерунских народов (UPC), требовавшего немедленной независимости и воссоединения. Африканское демократическое объединение (RDA), созданное на конгрессе в Бамако (1946), оперируя антиколониальными тезисами, не было сепаратистским, что позволило французской администрации сосредоточиться на индустриализации и развитии инфраструктур, а также образования в Западной и Экваториальной Африке. Критика «колониального бремени» в метрополии, обвинения французского руководства в неоколониалистских методах эксплуатации, звучавшие в африканских владениях, как и приход к власти либеральных министров правительства Молле, способствовали разблокированию ситуации. Рамочный закон Г. Дефферра, принятый 23 июня 1956 г., реформировал управление французскими владениями в Африке и Мадагаскаре. Было введено всеобщее избирательное право и единственная коллегия выборщиков, расширены права территориальных ассамблей. Однако последующими декретами французское правительство фактически свело на нет автономию Африки. Настояв на интеграции заморских территорий в Общий рынок (1957), правительство Молле предполагало закрепить их за Францией. Конституция Пятой республики, одобренная референдумом 18 сентября 1958 г. как в метрополии, так и в заморских территориях (кроме Гвинеи), упразднила Французский союз, на смену которому пришло Сообщество (раздел XIII, ст. 77−87) по образцу Британского содружества наций (British Commonwealth). Государства, члены Сообщества, получили право на «свободное и демократическое управление своими делами». Однако такие важные области государственного управления, как внешняя политика, оборона, денежная система, юстиция, транспорт и связь, остались в руках метрополии. В состав Сообщества вошли Французская республика, 10 африканских государств – автономных республик (Сенегал, Мавритания, Берег Слоновой Кости, Судан (Фр. Судан), Дагомея, Верхняя Вольта, Нигер, Чад, Центральноафриканская республика (Убанги-Шари), Средний Конго) и Мадагаскар (Мальгашская республика). Народ Гвинеи, проголосовал «нет» в ходе референдума 1958 г. следствием чего стало признание его независимости по букве Конституции, предусматривавшей право на выход из состава Сообщества в случае отрицательного голосования на референдуме или требования о выходе. Гвинея стала первым независимым государством среди владений Франции в Тропической Африке. Федеральное по природе, Сообщество возглавлялось президентом Французской республики Де Голлем (был избран 21 декабря 1958 г.). Исполнительный совет, руководящий орган Сообщества, включал премьер-министра республики, глав государств-членов, французских министров и четырех африканских советников, а также располагал Сенатом, состоявшим из делегатов национальных парламентов. Требование независимости без разрыва с Сообществом, сформулированное в 1959 г. недавно основанной Федерацией Мали (Сенегал и Судан) и Мадагаскаром, было удовлетворено посредством дополнения, внесенного во французскую Конституцию 4 июня 1960 г. Французское правительство, как могло, старалось приспособиться к изменившимся условиям, введя понятие «обновленного Сообщества». Федерация Мали и Мадагаскар обрели независимость в составе Сообщества 20 и 26 июня 1960 г. соответственно. Бывшие германские колонии Того и Камерун, не входившие в Сообщество, обрели независимость вскоре после того, как в конце 1958 г. над ними была снята опека ООН.

Независимость Камеруна была провозглашена 1 января 1960 г., а в следующем году состоялась его воссоединение с английской его частью, входившей в состав Нигерии. 27 апреля 1960 г. была провозглашена независимость Того. Ободренные вышеупомянутыми примерами, государства Сообщества выразили желание обменять автономию на независимость. Понимая, что процесс необратим, Де Голль не чинил ему препятствий. Переговоры о трансферте компетенций и кооперации закончились в августе 1960 г. признанием независимости восьми африканских республик (Дагомея, Нигер, Верхняя Вольта, Кот д'Ивуар, Чад, Центральноафриканская, Конго и Габон), а в ноябре 1960 г. − Мавритании. Соглашения о кооперации связывали отныне с Францией 14 эмансипированных государств французской Африки и Мадагаскар, кроме Гвинеи. Не будучи упразднено официально, Сообщество более не функционировало. Министерство кооперации, созданное в 1961 г., означало конец колониализма. Однако Франция сохранила за собой некоторые территории, часть которых эмансипировалась позже других, а часть и поныне является французскими владениями.

Референдум, организованный Францией на Коморском архипелаге (декабрь 1974), имел результатом образование суверенной Республики Коморских о-вов в 1975 г., и только о-в Майотта, где 64% жителей отвергли независимость, остался заморской территорией. После мартовского референдума 2009 г. о-в Майотта обрел статус заморского департамента Франции (31 января 2011 г.). Французский берег Сомали, названный «засовом Красного моря», остался заморской территорией и после обретения африканскими владениями Франции независимости, отчасти вследствие напряженности в отношениях между племенами афар и исса. После референдума 1966 г. страна стала называться Территория афар и исса, ее статус, как и других заморских территорий, эволюционировал в сторону большей автономии. Независимость Территории афар и исса, переговоры о которой были начаты Францией под давлением ООН, была закреплена референдумом 8 мая 1977 г. и вступила в силу 22 июня, новое государство стало называться Республика Джибути. Позже всех независимость обрел франко-британский кондоминиум Новый Гебриды, 30 июля 1980 г., новое государство получило название Республика Вануату.

От некогда обширной колониальной империи Франции остались следующие территории: со статутом заморских департаментов – Гвиана, Гваделупа, Мартиника, Реюньон, о-ва Сен-Пьер-и-Микелон (с июля 1976), Майотта из группы Коморских о-вов (с января 2011); со статутом заморских территорий – Новая Каледония, Фр. Полинезия (Маркизские о-ва и Таити), о-ва Уоллис и Футуна. Статут заморских территорий имеют также Французские земли Австралии и Антарктиды.

Вопрос соотношения стоимости колониальных владений и бенефиций, извлеченных из них французским государством, иначе говоря, их рентабельности, дебатируется поныне. Заложили ли колонии основу экономического процветания Франции? Или бенефиции, извлекаемые из эксплуатации колоний, не покрывали государственных трат на их администрирование и освоение? Доля колоний в импорте сырьевых ресурсов оставалась весьма незначительной, несмотря на миллиарды франков, инвестированные в их развитие. Только поставки фосфатов, дерева и каучука, в итоге, приобрели размах вкупе с с/х. продукцией: арахис, какао, кофе, рис, тростниковый сахар и вина. Вывод большинства современных исследователей таков: колонии не были рентабельны для страны в целом, но концессионные общества, частные лица и банки извлекли немалые для себя прибыли и обогатились на колониальной эксплуатации.

Наследие колониальной эпохи в современной Франции выражается по-разному. Можно говорить о системе неоколониализма, которая установилась в отношениях Франции с бывшими африканскими владениями (France-Afrique) и которая зиждется на компромиссе (soft power). Правя с опорой на поддержку

Франции, лидеры африканских государств потворствуют сохранению французского влияния в экономике, обеспечивая немалые прибыли французским монополиям. Роль арбитра в разрешении внутренних конфликтов и военные базы Франции в Африке делают ее стратегическое присутствие ощутимым в этой зоне. И хотя в настоящее время заметны некоторая эволюция в отношениях Франции с бывшими африканскими владениями, вследствие конкуренции Китая и США, французское присутствие остается доминирующим. Французское влияние в остальных регионах носит преимущественно культурный характер, осуществляемый в рамках Франкофонии, Союза франкоязычных стран, что является прекрасным стимулом для развития экономических и внешнеполитических связей. Другим наследием колониальной эпохи является массовое присутствие выходцев из бывших колоний на французской земле, в основном алжирцев, марокканцев и эмигрантов из Черной Африки (Мали, Сенегал), называемое с большой долей иронии «колонизацией наоборот».

Литература *(общий список см.: приложение)*:

Тарле Е. В. Очерки истории колониальной политики западноевропейских государств (конец XV – начало XIX века). М.: Наука, 1965; Черкасов П. П. Франция и Индокитай. 1945−1975. М.: Наука, 1976; Черкасов П. П. Агония империи. Политические кризисы, военно-колониалистские путчи и заговоры во Франции в период Алжирской войны 1954−1962 гг. М.: Наука, 1979; Черкасов П. П. Судьба империи. Очерк колониальной экспансии Франции в XV−XX вв. М.: «Наука», 1983; Черкасов П. П. Распад колониальной империи Франции. Кризис французской колониальной политики в 1939−1985 гг. М.: Наука, 1985; Butel P. Histoire des Antilles françaises. Paris: Perrin, 2007; Droz B. Histoire de la décolonisation. Paris: Seuil, 2006; Ferro M. Le livre noir du colonialisme. XVI−XXI siècle: de l'extermination à la repentance. Paris: Fayard/Pluriel, 2010; Lefeuvre D. Pour en finir avec la repentance colonial. Paris: Flammarion, 2008; Planchais J. L'Empire embrace 1946−1962. Paris: Denoël, 1990; Pétré-Grenouilleau O. Les traits negrières. Essai d'histoire globale. Paris: Gallimard, 2004; Wesseling H. Les empires coloniaux européens 1815−1919. Paris: Gallimard, 2004.

ЦИВИЛИЗАТОРСКАЯ МИССИЯ

Цивилизаторская миссия – («Civilisatory mission» – англ.; «Mission civilisatrice» – франц.) идеологическая концепция, служащая одним из главных идеологических мотивов для развития империализма XIX-XX вв., основанная на убеждении западных наций в своём превосходстве и осознании своего долга принести цивилизацию в другие, так называемые отсталые регионы мира.

Традиционно активное применение концепций цивилизаторской миссии приписывают основным колониальным империям – Британской и Французской – в период своего расцвета во второй половине XIX – первой половине XX вв. Однако цивилизаторство присуще не только колониальным практикам Англии и Франции, а восходит к греческому и латинскому мирам эпохи Античности (идеи греческой колонизации, обоснование расширения Римского государства). В Средние века понятие цивилизаторской миссии напрямую связывалось с распространением христианства, в том числе силовым путём с помощью крестовых походов, вдохновляемых римско-католической церковью. На ранней стадии развития колониализма Нового времени цивилизаторская миссия продолжала основываться на религии: в частности так происходило в первых колониальных державах –

Португалии и Испании – вплоть до XVIII в., когда приобщение аборигенов вновь открытых земель к цивилизации происходило прежде всего через работу миссионеров. Христианство как основанное на Библии учение стало частью колониального проекта. В несколько ином ключе цивилизаторская миссия как миссия распространения цивилизации зазвучала в период Великой Французской революции и Наполеоновских войн, когда так стали обозначать понятие из идеологии французского колониального экспансионизма начала XIX в. Под цивилизацией в ту эпоху понимались гражданские идеалы свободы и равенства, оправдывающие необходимость экспорта социальных завоеваний Великой Французской революции, и меритократические институты, созданные наполеоновским режимом. Практическим воплощением этой миссии было распространение правовых норм, обеспечивающих юридическое равенство граждан, на большую часть континентальной Европы, испытавшей серьёзное влияние Революционных и Наполеоновских войн. По этому поводу необходимо заметить, что цивилизаторская миссия как мессианство были положены в основу фактически всех крупных революций (русской, Нидерландской, Английской), однако выйти за пределы региона оно смогло лишь в случае с Францией.

В XIX в. интегральной частью большинства имперских и колониальных теорий и практик была так называемая цивилизаторская миссия – система взглядов и основанных на них реальных действий, вызванных убеждённостью европейцев в том, что коренные народы колониальных территорий были в ментальной, моральной и практической плоскости подвержены влиянию белого человека. Об аборигенах в Европе как правило думали, что их необходимо обучать базовым навыкам и умениям, а также прививать им западные системы верования (преимущественно разные формы христианства), насаждаемых через деятельность миссий и образовательной политикой, которые редко подразумевали возможность для местных жителей самостоятельно обдумывать свою судьбу, действовать в политических вопросах, участвовать в своём самоуправлении. Развитию идеи цивилизаторской миссии способствовали внутренние и внешние успехи западной цивилизации, ставшей в XIX в., как казалось, на путь безграничного прогресса, который стал признаваться единственно правильной линией развития человечества. Кроме этого, элита новых колониальных империй в духе времени пыталась выработать новые, более гуманные методы колонизации. Так все французские, английские, немецкие и даже бельгийские деятели помнили о крайне жестоком испанском пути завоевания и настаивали на том, что их форма завоевания будет отличной от иберийской (что подразумевало разговор с «дикарями» на языке цивилизаторской миссии). В то же время европейские власти понимали, что автоматическое перенесение европейских норм международного права, культуры и экономики невозможно в тот регион, который обозначался ими как Восток. Цивилизаторская же миссия позволяла объяснить суть проводимых действий. В XIX в. филантропы и миссионеры не только защищали переселение как один из способов транспортирования западной цивилизации племенным людям, но часто призывали к аннексии, а также давали шанс аборигенам показать не худшие, а лучшие черты. В последней четверти XIX в. концепция цивилизаторской миссии выдвинулась на ведущие роли как главный мотив официально проводимой политики колонизации. При этом идея цивилизации служила прекрасной маскировкой для сугубо корыстных целей колониальной экспансии. Невозможно отделить культурный империализм – концепцию цивилизаторской миссии – от первичных экономических мотивов. Желание цивилизовать, как способ создать потребителей, играло важную роль в правительственной поддержке христианских миссионеров и становлении образовательной системы западного образца в присоединяемых территориях. Контроль Западом экономических ресурсов был

символом высшей цивилизации.

При этом эпоха активной колониальной экспансии в XIX в. наслоилась на период расцвета такого феномена как национализм, что проявилось в распространении джингоизма – убеждения в расовом превосходстве и могуществе своей страны. Эти идеи не мешали развитию патерналистских идей в рамках концепции цивилизаторской миссии – аборигены ведь были подобны детям, которым нужно дать мудрые законы и хорошее управление. Такая позиция позволяла приравнять возможное сопротивление колонизаторам к сопротивлению прогрессу. Европейские колониальные державы считали своим долгом принести западную цивилизацию отсталым народам. Таким образом, наряду с прямым управлением колоний, европейцы пытались вестернизировать их в соответствии с идеологией известной как ассимиляция.

В развитии цивилизаторской миссии важно отметить расовые и национальные компоненты. Ведь все эти идеи были частью широкого диапазона концепций, в которых был заложен расизм различного типа, и которые питали национальную и иную политику по отношению к туземным народам имперских территорий и формированию индивидуального отношения колонизаторов и колонизуемых к вопросам экономических и гуманитарных прав. Исключение европейцами небелых лиц от основных человеческих прав было постыдной составляющей большей части имперского опыта, который питался фальшивыми научными теориями расизма и социал-дарвинизма, даже в век отмены рабства и работорговли. Как раз в эпоху расцвета концепции цивилизаторской миссии наметилось появление квазинаучных антропологических теорий, включая те, что развивались в растущем знании об антропологии и этнологии, рассматривая связи между климатом, расой и моральными правилами и поведением. Обозначилась цепочка дарвинизм – социал-дарвинизм – научный расизм.

Огромную роль в распространении концепции цивилизаторской миссии сыграла наука, так как позволила считать её передовой теорией, способствующей прогрессу всего человеческого рода. Европейская наука была европоцентрична и считала, что только научная западная цивилизация является верховной, а все остальные должны ей следовать. Вместе с экономическими целями цивилизаторская миссия с наукой в своём ядре стала не только мощным мотивом для империализма и идеологии колонизации, но также новым радикальным взглядом на мир и организацию человеческого общества. Цивилизаторская миссия стала частью нового социального порядка, который распространялся по всему миру. Расистские идеи для объяснения различия между людьми стали господствовать в науке. Раса трансформировалась в постоянное объяснение для эволюции человеческого общества, и превосходство белой расы было научно обосновано как успех самого лучшего типа человечества. И это превосходство рассматривалось не как культурный вопрос, а скорее как научный. Научное обоснование цивилизаторской миссии давало больший вес колониальной политике, её альтруизм стал считаться моральной основой колонизации. Экономическая эксплуатация извинялась альтруизмом. Таким образом, колонизация становилась моральным обязательством среди наций и предпринималась ради блага всего человечества.

Стоит отметить определённые расхождения в понимании цивилизаторской миссии в двух основных колониальных империях. Великобритания представляла империализм для своей аудитории в сильно идеализированной манере, что выражалось в идее цивилизации варварских обществ, привнесения благ просвещения, закона и социального порядка необразованным первобытным людям. Когда имперским лидерам было нечем возразить критикам экономической экспансии Британской империи, на помощь всегда приходила цивилизаторская миссия в распространении «цивилизации, торговли и христианства» (по словам

Давида Ливингстона). Британский взгляд начала XIX в. был основан на твёрдом убеждении, что невежество язычника являлось барьером для торговли. Чтобы цивилизовать аборигена, необходимо было сотворить потребителя, в то время как простое подавление дикарей требовало огромных затрат. Этот взгляд был предложен Томасом Бабингтоном Маколеем (1800-1859) в его речи в палате общин по правам Ост-Индской компании, когда он сказал: «торговать с цивилизованными людьми гораздо прибыльнее, нежели управлять дикарями». В своём «Наброске об индийском образовании» Маколей написал, что индийцы не должны обучаться грамоте на своих родных языках. Макалей надеялся сформировать англицизированный правящий класс, индийский по крови и цвету кожи, но английский по вкусам, мнениям, морали и интеллекту. Это было услышано. Для британского господства в Индии цивилизаторская миссия означала многое, включая привнесение благодеяний от британской культуры на субконтинент в виде свободной торговли и капитализма, а также закона, порядка и хорошего управления. Британское правление было призвано прекратить хроническое состояние войн, жестокостей, беспорядка и деспотического правления. В Индии благодаря цивилизатоской миссии устанавливался мир и порядок на основе Pax Britannica.

Многое для развития цивилизаторской миссии сделал и Томас Карлейл (1795-1881), выступивший со своими идеями реформирования империи. Так он считал неправильно выстроенным управление и хозяйство. Его памфлет «Случайная речь о негритянском вопросе» призывал к интенсификации труда: чёрный человек должен работать. Автор отстаивал тезис о превосходстве «белого человека», хотя и не являлся последовательным сторонником расового подхода. Согласно Карлейлю очень важным являлось признание иерархичности любого общества: «наиболее глупым из нас быть слугами наиболее мудрых». Так культурное неравенство рас, что прослеживалось в концепции цивилизаторской миссии, становилось основанием легитимности британского колониализма. В работах Джеймса Энтони Фруда (18818-1894) обоснование «цивилизаторской миссии англичан» звучала более конкретно. В «Океании» автор выступал за империю в том ключе, что англичанам выпала функция управлять отсталыми народами как это было в Римской Империи. Отсюда выводился тезис о необходимости опёки передовыми народами отсталых.

Показательна в этом отношении поэма Редьярда Киплинга (1865-1936) «Бремя белого человека», которая стала гимном империалистов, подтверждая право Британской империи господствовать на основе добродетелей их национального, расового и культурного превосходства. Другой видный британский деятель культуры Джон Раскин (1819-1900) в своей лекции «Имперский долг» обозначил англичан как расу, замешанную из лучшей северной крови и обогащённой «тысячелетней благородной историей». На основе этих преимуществ Англия имеет не только право, но и мандат на расширение: «она должна найти колонии настолько быстро насколько можно». А лекция Джозефа Чемберлена (1836-1914) «Настоящая концепция империи» описывала англичан как «правящую расу» чьё величие выражается в чувстве долга к дикому населению посредством своего благостного правления.

В конце XIX в. во Франции цивилизаторская миссия также лежала в сердцевине колониальной активности этой страны. При этом в отличие от британцев, французы сделали основной упор на культурных аспектах цивилизаторской миссии, хотя равным образом разделяли идею превосходства своей нации над остальным миром, особенно колониальным. Без сомнения, французы надеялись ассимилировать их колониальных подданных в большую империю французской культуры. Реальные шаги в этом направлении были настолько последовательными, что порой ассимиляция делала аборигенов

настоящими французами, стремившимися жить в метрополии, а не помогать управлять колониями и распространять именно там французское влияние. Необходимо добавить, что Жюль Ферри (1892-1893), один из выдающихся французских министров 1880-х гг., был первым ведущим политиком произнёсшим фразу «цивилизаторская миссия», хотя сен-симонисты использовали её уже давно.

В настоящее время понятие «цивилизаторская миссия» продолжает периодически употребляться в западной публицистике в контексте рассмотрения проблем распространения демократии и гуманитарных вопросов. В частности, западные ценности демократии, прав человека и свободных выборов считаются приоритетными для распространения по всему миру, а недавние военные операции стран Запада против Афганистана, Ирака, Ливии можно рассматривать как практическое воплощение новых идей цивилизаторской миссии. В то время как многие негативные аспекты колониализма были изучены и проанализированы, недавно развилась мода на анализ, который смотрит более позитивно на аспекты колониализма, включая гуманитарные и филантропические мотивы.

Литература:

От миропорядка империй к имперскому миропорядку / Отв. Ред. Ф.Г. Войтоловский, П.А. Гудев, Э.Г. Соловьёв. М., 2005; Butlin R.A. A Geographies of Empire. European Empires and Colonies c. 1880-1960. Cambridge:, 2009; Cook S.B. Colonial Encountes in the Age of High Imperialism. New York - Reading - Menlo Park - Harlow, 1996; Edwards M. The West in Asia. 1850-1914. London, 1967; Ferro M. Colonisation: A Global History. London – New York, 1997; Waites B. Europe and the Third World. From Colonisation to Decolonisation. C. 1500-1998. Basingstoke – London, 1999.

ШВЕДСКАЯ ИМПЕРИЯ

Этапы формирования шведской империи. Первый этап формирования шведской империи можно назвать «восточным». В XII в., начались крестовые походы шведов на территории, заселённые язычниками-финнами. Первым из них (1157) была покорена юго-западная область будущей Финляндии, вторым (1249-1250) – центральная часть страны и третьим (1293-1300) – западная часть Карелии. В тот же период и с теми же завоевательными целями на запад устремляются новгородцы, стремившиеся захватить Карельский перешеек и берега Невы, населённые угро-финскими племенами. В результате похода 1256 г. по южному и северному берегам Финского залива новгородцам удалось потеснить шведов. Создалась реальная угроза королевским владениям, и в 1290-х гг. началось новое шведское наступление на Новгород, поддержанное карельским населением, недовольным тяготами, принесёнными на их землю русскими.

Ослабление Новгорода и Пскова стало причиной, по которой Торгильс Кнутссон, энергичный шведский маршал финляндской провинции королевства, создал опорный оборонительный пункт на востоке, основав в 1293 г. Выборг, через год взяв Кексгольм и основав в 1300 г. в устье р. Охты крепость Ландскрону. Впрочем, оба последние укрепления вскоре были отобраны русскими.

Борьба на востоке, в основном, за берега Невы, шла с переменным успехом, временами вражда утихала вообще, но при Магнусе Эриксоне (1319-1363) она вновь активизировалась: этому королю удалось в 1348 г. основать Нотеборг. Во второй половине XVI в. война продолжалась уже в ладожской Карелии и Ингерманландии – теперь за присвоение наследия слабевшего Ливонского ордена. В 1380-1381 гг. к

королевству были присоединены восточная часть Карельского перешейка и крепость Нарва (осн. датчанами в 1223 г., затем захвачена русскими) с прилегающим округом. Несколько позже удалось занять прибрежную часть Ингерманландии с крепостями Ивангородом, Ямом и Каприо (позднее – Копорье, осн. ливонцами в 1240-х гг.). Тем не менее, после длительной Ливонской войны (1558-1583), согласно Плюсскому перемирию, Нарва вновь отошла к шведам, но русским удалось сохранить за собой устье Невы с небольшой прилегающей территорией. Кроме того Северная Эстляндия добровольно приняла власть шведского короля (1561).

Такое развитие событий не могло удовлетворять русских и они возобновили продвижение на шведские земли, едва истёк срок Плюсского перемирия (1590). Военные действия шли с успехом для русских и после переговоров в с. Тявзине согласно новому мирному договору, подписанному в 1595 г., Московское государство получило практически всю Ингерманландию с городами Ниеншанцем (осн. шведами близ Ландскроны), Ямом, Копорьем и Ивангородом, а также Кексгольм-лен, который был переименован в Корельский уезд. Новая шведско-московская граница шла теперь от устья Систербека (р. Сестра) на север, к Варангер-фьорду.

Пытаясь вернуть утраченное, Швеция нанесла ответный удар в 1611 г., уже в правление короля Густава II Адольфа (1611-1632). На этот раз военная удача была на стороне шведов, и летом 1611 г. они вернули себе Кексгольм-лен и Северную Карелию, заняв при этом Новгород и Новгородскую землю (при этом новгородская торгово-промышленная верхушка, соблазнённая получением западных городских прав и привилегий, высказала желание стать подданными шведского короля). На переговорах, начавшихся в д. Столбове, шведские представители, обладая преимуществом победителей, всё же согласились вернуть все русские земли при условии, что Тявзинский договор будет аннулирован и всё утраченное согласно его пунктам, будет возвращено Швеции.

Второй этап становления шведской империи, юго-западный, начался после того, как основанием Выборга была, как казалось, обеспечена безопасность страны от восточной угрозы. В 1330-1340-е гг. упоминавшийся выше Магнус Эрикссон в результате военных действий против Датско-норвежского королевства присоединил к державе провинции Сконе и Халланд. Впрочем, их впоследствии пришлось возвратить. Но полученные королевой Кристиной (1632-1654) по мирному договору в Брёмсебро (1645) норвежские области Емтланд и Херьедален, как и датский о. Готланд, навечно остались шведскими. Новая попытка овладеть датскими землями на юге Скандинавского полуострова была сделана лишь в середине XVII в., в ходе Первой северной войны1655-1660 гг.

Король Карл X Густав вторгся в 1657 г. на территорию Дании и принудил противника к миру на выгодных для себя условиях. Согласно договору, подписанному на следующий год в Роскильде, Швеция получила исконно датские территории Сконе, Блекинге, Халланд, о. Борнхольм и норвежскую область Тронхейм. Теперь для шведов открылся широкий выход в океан. Правда, по Копенгагенскому миру 1660 г. датчанам пришлось возвратить Борнхольм и Тронхейм, но Швеция достигла своих естественных границ на Скандинавском полуострове и утвердила господство на Балтийском море.

Третий этап строительства империи, юго-восточный, относится к временному промежутку между Столбовским миром и Великой Северной войной 1700-1721 гг. Вначале Густав II Адольф овладел всей Лифляндией, а затем вторгся в Курляндию и Литву. В 1626 г. шведы высадились в Пилау и начали завоевание Восточной Пруссии. Эти и иные приобретения были сделаны благодаря участию этого короля в Тридцатилетней войне. Согласно Вестфальскому миру 1648 г.

Швеция получила всю Западную и часть Восточной Померании с городами Штеттин, Дамм, Гольнау, находившиеся в устье р. Одера острова Рюген и Волин, часть Мекленбурга с г. Висмаром, а также епископства Бремен и Верден. Кроме того, за ней остались Северная и Южная Эстляндии, Лифляндия и Курляндия, часть которых признавалась шведской ещё по Оливскому трактату 1660 г..

Официально прибалтийские владения шведской короны именовались провинциями (provinserna). Но это термин административный или географический, а если характеризовать эти владения по их месту в политике и, особенно, экономике империи, то здесь более близкой к истине была бы дефиниция «колонии». Собственно, так и определяют их статус современные исследователи, считая, что после редукции 1680-х гг., когда преобладающая часть помещичьих земель отошла к короне (см. ниже), провинции окончательно превратились в колонии, причём в классической форме этого вида имперских владений.

Последний этап существования шведской империи охватывает два десятилетия перед началом Великой Северной войны и её первую половину. На протяжении этого периода центральная власть последовательно стремилась преобразовать восточные колонии в органичную часть государства, находящуюся в правовом поле шведского законодательства, административно и культурно унифицированную (об этом см. ниже). То есть, бывшее шведское королевство должно было прирасти Прибалтикой так же, как Россия приросла Сибирью или Крымом. При этом растворении бывших колоний в едином государственном теле, её уже нельзя было бы считать империей. Такая перспектива, в общем, объективно благоприятная для роста мощи и влияния Швеции, тем не менее, беспокоила центральную власть державы, а в Законодательной комиссии по поводу целесообразности такой метаморфозы даже шли острые дискуссии.

Эта краткая историческая справка будет дополнена ниже более подробным анализом особенностей шведской колониальной политики и её результатов.

Основные территории, вошедшие в состав империи (по регионам, время входа / выхода) и их место в общеимперской системе).

Эстляндия, Лифляндия. При Густаве Вазе, в 1555 г, шведские войска осадили Орешек (бывш. Нотеборг) с целью возврата себе невского устья. Осада окончилась неудачей. В это время Ливонское государство ослабло и стало объектом экспансии как Московского государства, так и Швеции. В 1558 г. Иван IV начал его захват в ходе Ливонской войны. Под ударами русских Ливонское государство развалилось, и Швеция стала готовиться к борьбе за ливонское наследство, считая себя законным его обладателем. Но в июне 1561, уже после ликвидации ливонской администрации, Таллинн и североэстонские рыцарства Харьюмаа, Вирумаа и Ярвамаа, опасаясь завоевания восточным соседом, просили Эрика XIV о его высоком покровительства.

Король согласился, как он сам заявил, «не от алчности в отношении города и его земель», которых у него и без того достаточно, но лишь «из христианской любви, а также чтобы московский сосед оказался подальше». Т.о. к Швеции отошёл юго-западный берег Финского залива и один из крупнейших торговых городов Балтики (превосходил по оборотам Стокгольм). Это была мирное присоединение с сохранением за остзейскими помещиками и немецкими бюргерами всех прав и привилегий.

Так началось созидание империи Швеции, которая отныне всё смелее вмешивалась в большую политику Европы.

К тому времени Швеция втянулась в шедшую уже давно борьбу за господство на Балтийском море, в которой участвовали Дания, Нидерланды, ряд северонемецких княжеств, Ганза и Польша. Одним из этапов этой борьбы стала Ливонская война, в которой Швеция также приняла участие. Её целью стал захват побережья Ливонии с портами, через которые шла торговля между балтийскими и

иными западноевропейскими государствами и Московией. Эта цель была заманчива не только с политической, но и с экономической точек зрения: ливонский транзит (с 1539 г. исключительно при посредничестве местных купцов) приносил чистый доход. Однако для достижения её была неизбежной война с Московией, которая в 1572-1577 гг. смогла захватить почти всю Эстонию, исключая Таллинн и окрестности. Эта война, принесшая тяжёлый урон эстонскому крестьянству, склонила его на сторону Швеции.

К 1580 г. при Юхане III был разработан план возвращения эстонских земель посредством воинской силы. Но в отношении востока существовала и программа-максимум. Предполагалось овладеть как бывшими орденскими, так и московскими землями с городами и крепостями Ям, Копорье (быв. Каприо), Ивангород, Корела и Орешек (быв Нотеборг). Далее, была намечена колонизация прибрежной полосы Баренцева и Белого морей, Северной Карелии и устья Северной Двины.

Вторжение в Северную Эстонию началось в 1580 г. Шведский наёмник-француз Понтус Делагарди уже в 1581 г. взял вначале Раквере, затем крепости земли Ляэнемаа и, наконец, Нарву и восточную часть Карельского перешейка вплоть до Ладожского озера. Затем он овладел побережьем Балтики с крепостями Ивангородом, Ямом и Копорьем, хотя в русских руках пока оставалось устье Невы. Как и северный выход в океан – упомянутый поход П. Делагарди к берегам Белого моря окончился неудачей. После этого в 1583 г. с Московией было заключено Плюсское перемирие, которое впоследствии неоднократно продлевалось. Согласно этому трактату под властью Швеции оказались Таллин и рыцарства (мааконды) Харьюмаа, Вирумаа, Ярвамаа и Ляэнемаа, образовавшие в 1584 г. Герцогство Эстляндское. Впервые в истории все североэстонские эстонские земли оказались под единой властью.

Поскольку население этих областей перешло под власть короля, как говорилось выше, добровольно, здесь были сохранены все привилегии городов и дворянства. Но на территории герцогства действовали далеко не все шведские законы, часть местного законодательства сохранилась с орденских времён. Относительная самостоятельность местного немецкого рыцарства и бюргерства вначале ослабляла связи этих групп населения и провинции в целом с метрополией. Так, к примеру, Таллинн до 1650-х гг. отказывался разместить в городе шведский гарнизон, что вело к серьёзным конфликтам со шведской администрацией.

Иным было отношение шведов к католической церкви Эстляндии. Земли духовных магнатов (в том числе монастырей) были, согласно общей протестантской практике, обращены в собственность короны. В дальнейшем они были поделены на лены, во главе которых стояли преданные шведскому королю ленсманы. Забегая несколько вперёд, скажем, что в ходе длительной шведско-польской войны 1600-1629 гг., которая протекала на территории Эстляндии, города и дворянство герцогства были, в целом, на стороне Швеции – таким был итог внутренней политики королей, благоприятствовавшей остзейцам и немецко-эстонским бюргерам.

В 1592 г. русские попытались силой вернуть себе утраченное побережье Финского залива, они осадили Нарву. Но нападение было отбито, и военные действия переместились на север и восток, на территории, в то время принадлежавшие Москве. В 1595 г. в Тявзине был заключили мир, согласно которому Северная Эстония с Нарвой оставались за Швецией, а Карелия – за Москвой. Иностранные купцы могли отныне торговать только в бесспорно шведских портовых городах – Выборге и Таллинне. Проезд в русские внутренние воды и в Нарву, где происходил пограничный торг между русскими и шведскими купцами, иностранным коммерсантам был воспрещён. Тявзинский договор, отчасти ограничивший торговые права шведской державы на востоке, не удовлетворял

шведские правительственные круги, воспринявшие его как не более, чем передышку, необходимую для дальнейшего упрочения положения королевства в Лифляндии.

Возможность к этому шагу появилась в конце 1610-х гг. Король Густав II Адольф (1611-1632) провёл ряд воинских реформ, создав стройную систему рекрутирования и обучения солдат. В армии была усовершенствована тактика и значительно улучшено вооружение пехотинцев и кавалеристов. Впервые была создана полевая артиллерия – и как самостоятельный род войск, и как средство усиления совокупной огневой мощи каждого пехотного полка.

В 1621 г. на эстонскую землю вступила полевая армия шведов, поведшая наступление в лифляндском направлении. В возобновившихся шведско-польских военных действиях военачальники Густава II Адольфа продемонстрировали своё превосходство над поляками, а шведское вооружение – над польским. После ряда сокрушительных побед шведов начались переговоры и в 1629 г. был подписан Альтмаркский мир. Согласно его статьям к Швеции отходила вся Лифляндия включая Ригу. Остров Сааремаа пока оставался за датчанами, но впоследствии и он перешёл к Швеции (Брёмсеброский мир 1645 г.).

После Альтмаркского мира в эстляндской и лифляндской провинциях Швеции воцарился мир, прерванный лишь шведско-русской войной 1656-1658 гг. Обе они приносили в казну немалый доход, но нужны были королевству прежде всего в качестве оборонительного барьера против Польши и Московии, готовившихся к продолжению раздела ливонского наследия. Такой удар с востока и юга планировался с той же целью захвата прибалтийских провинций шведов. Новая война началась в 1655 г. когда король Карл X Густав попытался силой захватить прибалтийские земли Польши. Обеспокоенный его успехами на полях сражений, царь Алексей Михайлович летом 1656 г. вторгся в Лифляндию, имея целью захват устьев Немана и Даугавы, весьма привлекательных в торговом отношении. Однако Ригу русские взять не смогли и, согласившись на перемирие, в 1658 г. покинули эту шведскую провинцию.

Этот момент – рубеж 1650-х и 1660-х гг. – стал пиком шведского великодержавия. В дальнейшем к империи не была присоединена ни одна новая территория, а внешнеполитические задачи в колониальной политике Швеции сводились к стремлению удержать уже имевшееся. Особенно важным это было по отношению к прибалтийским провинциям, чья роль защитного барьера империи против экспансии с востока со временем становилась всё более важной.

Костяком их оборонительной структуры стали многочисленные крепостные гарнизоны. Они подразделялись на три типа. Первый – те, что стояли в больших городах – Риге, Нарве, Тарту и Пярну. Это были крупные подразделения, рижский гарнизон насчитывал от 3 000 до 4 000 человек. Гораздо меньшими были гарнизоны крепостей, где не было гражданского населения. Типичный пример – Ноймюнде или же Коброн, расположенный на противоположном по отношению к Риге берегу Даугавы (ныне это городской район Пардаугава). Наконец, имелись многочисленные старинные посёлки, укреплённые в шведское время (Нойхаузен, Мариенбург, Кокенхаузен и др.), где гарнизонных солдат было куда меньше, чем местного населения. Обычно эти гарнизоны не были постоянными, их командировали из больших крепостей на время, затем сменяли.

Центральную роль в обороне провинций играла Рига вкупе с поддерживавшими её Ноймюнде и Коброном. В 1985-1700 гг. в этих крепостях было сосредоточено около 60% всех лифляндских войск Швеции, так как от существования этой крупнейшей пограничной (с Курляндией) крепости и крупнейшей гавани восточных провинций зависело и их существование. Соседи понимали её значение, но редко отваживались штурмовать эту крепость, чья

оборонительная система была доведена шведскими фортификаторами до совершенства. И если Тарту, к примеру, в течение «шведского времени» штурмовали многократно, то на осаду Риги русские осмелились лишь дважды. В 1656 г. под её стены подошло 35-тысячное войско во главе с самим Алексеем Михайловичем – и через 45 дней осады отступило. Вторая блокада имела место лишь в 1710 г., и снова Ригу осаждал царь – теперь уже Пётр I. Но и в этот раз крепость устояла; она была сдана русским не в результате штурма, а из-за чумы, выкосившей за месяцы блокады половину гарнизона, а аткже 70 000 городских жителей и сбежавшихся под защиту её стен окрестных крестьян.

Ингерманландия. Присоединение Ингерманландии к Швеции шло в несколько этапов. Вначале северная и центральная часть её была завоёвана Юханом III (1581) и отошла к Швеции по Плюсскому перемирию. После окончания очередного военного конфликта, уже по новому, Тявзинскому мирному договору, Швеция была вынуждена уступить эти территории Москве, но в первой четверти XVII в. вновь заняла их, а также и остальную часть будущей провинции. Это произошло в начале русско-шведской войны 1611–1617 гг. Она ещё была далека от завершения, когда Густав II Адольф основал в устье Невы, на месте старинной шведской Ландскроны, новую крепость Ниен, наряду с которой впоследствии рос и развивался посад, затем город Ниеншанц. Московское государство не могло в эти годы избежать ряда поражений – оно было разорено недавней польской интервенцией. К тому же война с Польшей ещё длилась, отчего на переговорах в Столбове представители Михаила Романова подписали договор, согласно которому они освобождали земли, перешедшие к Москве согласно Тявзинскому мирному договору 1595 г. с городами Кексгольмом, Копорьем, Нотеборгом, Ямом и Ивангородом, то есть всю ингерманландскую землю.

При этом Нарва, старейший укреплённый торговый город, был выведен шведами из состава Эстляндии; теперь он мыслился как административный центр провинции Ингерманландии. Состоявшая из четырёх округов (slottslän), она получила те же права, которые имела Финляндия – Земельное уложение, собственный герб и места для своих депутатов в шведском риксдаге. Правда, впоследствии права помещиков по отношению к крестьянам были расширены (см. ниже).

Несмотря на то, что по условиям Столбовского договора всему населению провинции – как осевшими в ней русским, так и инкери с вепсами – гарантировалась свобода вероисповедания, многие русские покинули Ингерманландию. Шведские власти разрешили эмиграцию всем, кроме русского священства, светского и монастырского, а также пашенных людей, то есть, крестьян и бобылей, (да и то только в течение 14 дней после подписания Столбовского договора). Но бежали не только упомянутые священники и мужики, но и дворяне, и мещане. Это было массовое бегство – некоторые погосты совершенно обезлюдели. За русскими уходили и православные инкери, карелы и финны; всех их в то время насчитывалось около 60% от общего числа населения. В южных же районах и в Копорье православного вероисповедания придерживалось около 75% населения. А второй по значению торговый, церковный и городской центр провинции Ивангород был почти полностью православным.

Шведские власти пытались помешать этому исходу, перекрыв московско-ингерманландскую границу, но тщетно. Бегство поощрялось Москвой, которая платила каждой семье 5 руб. и наделяла землёй (в те годы корова стоила 1 руб.). В конечном счёте, примерно 50 000 эмигрантов расселилось в московских городах – от Белого моря до Твери. Поскольку этот переезд имел место вопреки шведскому законодательству, то за ущерб, нанесённый королевству эмиграцией, Московскому государству пришлось уплатить шведам 190 000 руб.

Причин эмиграции было несколько. Во-первых, люди опасались мести недавних противников в войне. Во-вторых, последние годы были неурожайными, население очутилось на грани голодной смерти, и люди надеялись спастись на старой родине. В-третьих, с установлением шведской власти резко возросли повинности и налоги (в том числе и за тех инкери, которые дезертировали из шведской армии. В-четвёртых, православное население осталось с крайне небольшим числом священников, а надежд на приезд новых не было. Наконец, в восточной части провинции нередкими стали разбойные нападения и грабежи, чинившиеся шайками, приходившими с московской стороны и не делавшими разницы между единоверцами и протестантами. Впрочем, многие русские остались, и со временем их число даже увеличилось.

В ситуации наступившего относительно мирного периода в Стокгольме было принято решение об интеграции населения провинции, но не насильственными средствами, а постепенным склонением православных (среди них, кстати, были и вепсы, и инкери) к протестантизму, а всего населения – к экономике и образу жизни, схожими с шведским или финским. Проблема эта была весьма тяжёлой. Ещё в 1650 г. более 57% населения Ингерманландии (23 593 чел. без Нарвы) оставалось в православии. При этом в районе Нотеборга число их доходило до 63%, а в южных районах Эстляндии и в Копорье – до 60% и более. Возможно, именно поэтому в Ингерманландии и Кексгольм-лене Швеция долго не признавала возможность создания ландтага, столь традиционного для Эстляндии и Лифляндии.

Что касается этнодемографической ситуации, то к концу XVII в русские определённо составляли большинство, хоть и оставаясь на жительстве в ограниченных районах провинции: лишь в южной части ленов Яма и Нотеборга, в Ивангороде, в селеньях, расположенных вдоль невских берегов и в небольшой части Лопского погоста.

Скорее всего, этому содействовали всё новые вторжения на территорию провинции московских войск. Так, в 1656 – 1658 гг. имел место самый кровопролитный конфликт такого рода, начавшийся без объявления войны. В июне 1656 г. воевода П.С. Потёмкин с многочисленным отрядом вторгся на территорию Ингерманландии и вскоре взял Ниен, население которого почти полностью в панике покинуло город. Началось разорение провинции. Вначале люди П.С. Потёмкина подожгли дома ниенской элиты, затем огонь перекинулся на остальные здания и город почти полностью выгорел.

В дальнейшем московское войско двинулось в западном направлении, пользуясь поддержкой местных русских. Последние жгли и разоряли усадьбы протестантов, дворянские именья, лютеранские храмы и пасторские дома. Но впоследствии, уже на территории Финляндии, завоевателей встретило шведское войско, одержавшее над ними победу и в сентябре вошедшее в Ниен. Дольше длилась московская оккупация восточных областей Лифляндии, а также Нотеборга – почти полгода, до середины ноября 1565 г. Война окончилась перемирием, заключённым в Валисаари (село между Нарвой и Васк-Нарвой) на три года. Согласно его условиям, захваченные лифляндские земли и ингерманландская крепость Васк-Нарва отходили на указанный срок к русским. А затем все захваченные территории были освобождены - согласно Кардисскому договору 21 июня 1661 г., шведско-московская граница, существовавшая со времени Столбовского договора, была восстановлена. При этом большое количество местных православных ушло вслед за московским войском, опасаясь преследований за своё недавнее участие в репрессиях против протестантов.

Новое завоевание Ингерманландии русскими началось в 1702 г. После первых воинских успехов здесь начала осуществляться политика выжженной земли – нужно было лишить Карла XII возможности использовать её в будущем как

плацдарм для похода на Москву. Провинция планомерно разорялась солдатскими и казацкими отрядами, мирное население угоняли в плен с тем, чтобы потом продать на невольничьих рынках Шлиссельбурга или Ладоги, позднее – Москвы. Число таких пленных измерялось тысячами (см. ниже). Иная судьба постигла гарнизоны шведских крепостей, которые с оружием в руках защищались. Так, когда 9 августа 1704 г. была взята Нарва, то ворвавшиеся за её стены солдаты учинили настоящую бойню, а уцелевших (4 555 чел.) отправили в Казань на принудительные работы. Около 2,5 тыс. солдат и офицеров, сдавших Выборг и ожидавших по соглашению с русской военной администрацией свободного выхода из крепости, также взяли в плен.

Какое-то время шведские пленные находились вдали от Петербурга – царь опасался, что войска Карла XII могут захватить новую столицу. Но приблизительно с 1710 г., когда эта угроза свелась к нулю, шведов доставили в Петербург, где они должны были участвовать в строительстве Петропавловской крепости и других зданий, получая половину и без того скудной платы, жалованной русским рабочим такой же квалификации. Фактически Ингерманландия перешла к России в 1704 г., хотя официально она по-прежнему входила в состав Швеции, а аннексия была оформлена лишь Ништадтским договором в 1721 г.

Немецкие земли. Из немецких земель первыми достались Швеции померанские – задолго до окончания Тридцатилетней войны туда были введены шведские гарнизоны, за которыми последовали будущие померанские помещики шведского происхождения. Вначале их владения были незначительны, но начиная с 1638 г. их доля в общем раскладе хозяйственных площадей стала расти – королева Кристина (1632-1654) стала щедро раздавать земли за службу или личные услуги. Затем последовал переход под эгиду Швеции Западной и части Восточной Померании (см. ниже), что повлекло за собой коренные перемены в землепользовании. Достаточно сказать, что к 1654 г. 2/3 этих бывших государственных земель стали помещичьими.

Однако когда в 1654 г. Кристина отказалась от шведского престола, то она настояла на том, чтобы для её содержания все бывшие государственные имения (Tafelgut или стольные) были возвращены в казну, то есть редуцированы. Это перераспределение не было доведено до конца, но шведские аристократические дома (например, Оксеншерны, Торстенссоны и Делагарди) успели продать свои владения частным лицам. А когда бывшая королева умерла (1689), эти владения всё же стали государственными. Правда, при этом они были сданы в бессрочную аренду их бывшим владельцам.

Другие немецкие владения достались Швеции согласно Вестфальскому мирному договору 1648 г. На переговорах, которые велись в Мюнстере и Оснабрюке на протяжении трёх лет, шведам удалось добиться согласия участвовавших в них представителей воевавших сторон на практически все свои условия. Так, согласно статьям договора, корона получила всю Западную и часть Восточной Померании с городами Штеттин, Дамм, и Гольнау. Кроме того, Швеция отныне могла контролировать вход и выход в Балтийское море из крупных судоходных рек Одера и Везера в военное время, а в мирное – взимать пошлины с иностранных торговых судов. Это стало возможным благодаря переходу к короне островов Рюген и Волин (устье Одера) и епископств Бременского и Верденского, расположенных в устье Везера (отныне они превращались в светские княжества). Наконец, немалую ценность представлял торговый город Висмар (Мекленбург) с прекрасной гаванью.

Новые владения увеличили не только экономический, но и международно-правовой капитал Швеции, – в качестве их суверена король стал членом Священной Римской империи германской нации, и как таковой получил три голоса на

имперском рейхстаге. Немецкие владения Швеции уступали более поздним приобретениям шведов в экономическом смысле – но не в политическом. Вторые располагались далеко на севере, на периферии Европы, тогда как первые, старые имперские княжества, придали шведскому королевству поистине европейский блеск и авторитет.

Это была крупная победа Швеции и в геополитическом смысле. Статус Дании, ещё недавно близкой к доминирующему на Балтийском море, перешёл к Швеции. Это факт был вскоре убедительно подтверждён трактатом, подписанным в Брёмсебро (1645), по которому Дания уступила Швеции несколько своих провинций в Норвегии и острова Готланд и Сааремаа. Наконец, в 1648 г., после очередного поражения Дании Швецией, последняя, согласно мирному договору, заключённому в Роскильде, присоединила к коронным владениям обширные датские провинции Сконе (с 1/3 населения Дании), Халланд и Блекинге, лены Бохус и Трондхейм, а также о. Борнхольм.

Впрочем, приобретение и последующее владение территориями на южном берегу Балтийского моря имело и свои минусы. С одной стороны они имели важное стратегическое значение в оборонительной системе Швеции в качестве баз для морских и сухопутных сил. Могли они быть использованы и как опорные пункты в ходе наступательных действий шведских вооружённых сил в случае участия державы в очередной европейской войне. Но, с другой стороны, немецкие владения были самым уязвимым местом империи как единого целого: в случае большой войны (вроде Тридцатилетней) ей пришлось бы воевать на три фронта. И если восточные провинции оборонять было легче по чисто географическим причинам (густые леса, болота, большие озёра затрудняли продвижение противника), то здесь таких естественных преград не было. Напротив, пересекающие немецкие княжества реки предоставляли противнику большое удобство в доставке к фронту войск и боевого обеспечения, тогда как шведы могли использовать с той же целью лишь морской путь, более протяжённый, а также не всегда надёжный по погодным условиям.

Шведские владения на востоке и юге Балтийского моря значительно уступали колониям великих держав как по количеству населения, так и по площади. Достаточно сказать, что шведско-финская метрополия территориально многократно превосходила прибалтийские провинции, не говоря уже о немецких городах и землях. Этническая ситуация весьма напоминала сложившуюся в империи Габсбургов: подданные короля говорили на шведском, финском, немецком, эстонском, латвийском, ливском, вотском, саами, норвежском, датском и русском языках. Общались же эти разноязыкие подданные друг с другом скорее на немецком, чем на шведском, на немецком же велись делопроизводство и корреспонденция в новых владениях короны.

Система управления (эволюция).

Эстляндия и Лифляндия. Шведское правительство относилось к своим иноязычным владениям по-разному, различной была и колониальная политика. Наиболее интегрированной частью империи давно стала Финляндия, имевшая даже своих представителей в риксроде и риксдаге. В другом положении были прибалтийские провинции, чьи дворяне рассматривались шведами как иностранцы. Правда, и здесь играл роль тот факт, что эстляндцы вошли в состав империи добровольно, а Лифляндия была покорена военной силой. Поэтому если эстляндские помещики сохранили все свои земли и права, то в Лифляндии положение было иным. Согласно феодальным традициям местные остзейские дворяне, покорившиеся лишь воинской силе, теряли право на землю. Они получили его вновь, но ценой утраты некоторых из своих привилегий. В более привилегированном положении оказалась Ингерманландия, которую рассматривали

как бывшую часть Финляндии; в перспективе виделось их воссоединение и окончательное уравнение в правах.

После образования шведского герцогства Эстляндского во главе местной администрации стоял наместник короля в статусе губернатора (с 1673 г. – генерал-губернатора); он же являлся командующим шведскими войсками в Эстляндии. Его резиденция первоначально находилась в Тарту, а в 1643 г. из соображений безопасности переведена в Ригу, один из крупнейших и хорошо защищённых городов империи.

В результате судебной реформы 1630-1632 гг. в провинциях были учреждены суды, которые выполняли и некоторые чисто административные функции. Судами первой инстанции являлись земские суды (ландгерихты), при этом судьи (ландрихтеры) назначались генерал-губернатором. Надворный же суд (гофгерихт) был второй инстанцией; он находился в Тарту и располагал юрисдикцией также на территории Ингерманландии. Кроме коронных судей имелись и поместные судьи (в Эстляндии гакенрихтеры, в Лифляндии орднунгсрихтеры), которые, по сути, служили помещикам. Нужно сказать, что именно от этих низших чиновников крестьянам доставалось больше всего.

Поскольку начавшееся переселение в Эстляндию из Швеции и Финляндии было весьма затруднительным (добровольно переселялись, в основном, те, кто был материально обеспечен настолько, что мог приобрести землю, т.е. дворяне), королевская власть нуждалась в поддержке местного дворянства. Поэтому в «шведское время» значение немецкого (остзейского) рыцарства возросло настолько, что ландтаг постепенно превратился в самостоятельный орган его самоуправления, с которым вынужден считаться и шведский губернатор. Фактически он в большинстве случаев принимал решения совместно с ландратами.

На землях короны было проведено размежевание на т.н. крепостные лены, т.е. лены, управлявшиеся королевским чиновничьим аппаратом. Каждый лен делился на мызы, которые управлялись не помещиками, а также чиновниками (фогдами). Положение государственных крестьян было лучше, чем принадлежавших помещикам, к примеру, владельческих крестьян со временем обязали платить церковную десятину, как это было под властью католического ордена, были и другие повинности, неизвестные на королевских землях.

Некоторые перемены в административном управлении начались в 1642 г., когда Ингерманландия с Нарвой были выведены из-под управления эстляндского генерал-губернатора, превратившись в самостоятельное генерал-губернаторство.

В ходе редукции 1680-х гг. (см. ниже), когда среди лифляндских дворян поднялась волна возмущения ею, Карл XI был вынужден вступать в унизительный для королевской власти конфликт с местными ландтагами. Поэтому в 1694 г. автономия лифляндского дворянства была ликвидирована. Коллегию ландратов распустили, ландтаг сохранил лишь своё имя: его права были сильно урезаны и, главное, созывался он теперь не по воле лифляндских рыцарей, но лишь по инициативе генерал-губернатора. Отныне рыцари не могли избирать ландмаршала – их предводитель (как и другие должностные лица) также назначались шведским генерал-губернатором. Одновременно были ограничены права и возможности Рижского и Таллиннского городских магистратов.

Поскольку в результате редукции значительно увеличилась площадь государственных земель, поместья которых сдавались в аренду (часто – бывшим их владельцам-рыцарям), то была учреждена новая административная должность окружных штатгальтеров. Согласно Инструкции окружным штатгальтерам, в их обязанности входил надзор за деятельностью арендаторов, которые были должны поддерживать памятники старины, относиться к казённым постройкам, угодьям, дорогам и пр. с надлежащей рачительностью и заботой, улучшать качество

пахотной земли и покосов, лесов и пр. Но главной обязанностью штатгальтеров, согласно пункту XVII Инструкции, становилась защита живших на этих землях коронных крестьян от самовластья помещиков-арендаторов.

Из сказанного можно сделать вывод, что редукция и связанные с ней реформы, несмотря на их ограниченность, остановили помещиков в их попытках ухудшить экономическое и правовое положение крестьян. В целом же они расшатывали вековую крепостническую систему во всех восточных провинциях.

Ингерманландия В начале «шведского времени» Ингерманландия состояла из трёх ленов – Нотеборгского, Копорского и Ямского, а также города-крепости Нарвы и нескольких деревень Нарвского лена, исключённых из состава шведской Эстляндии.

Ингерманландия отличалась от других провинций тем, что здесь никогда не было собственной административной системы. Вначале ею руководили из шведской столицы, потом из Новгорода и Москвы, так что местные традиции управления здесь сложиться не могли, и шведам приходилось создавать гражданскую и церковную административную структуру, начиная с чистого листа. Было решено строить её по образцу соседних провинций, – задача сложная и решить её удалось лишь к середине XVII в. А в первое время управление Ингерманландией и Кексгольм-леном было возложено на губернатора, чья резиденция находилась в Нарве. Он являлся одновременно высшей гражданской административной инстанцией и командующим вооружёнными силами провинции.

После того, как в 1629 г. Польша в соответствии с Альтмаркенским мирным договорам передала Швеции всю Лифляндию, административная структура в Прибалтике существенно изменилась. Ингерманландия была административно объединена с Лифляндией, а должность нарвского губернатора – упразднена. Теперь провинцию подчинили лифляндскому генерал-губернатору, аппарат которого находился в Тарту.

Это нововведение себя не оправдало, во-первых, по причине значительного расстояния между тартуским управлением и провинцией, а, во-вторых, оттого, что выявилась необходимость довольно частых встреч главы ингерманландской администрации с новгородским воеводой – для улаживания местных конфликтов, решения вопросов размежевания и пр. Поэтому в 1642 г. Ингерманландия с Кексгольм-леном получила статус отдельного генерал-губернаторства (до 1650 г. в него входили и эстляндские земли восточного Вирумаа и Альтагусе). При этом новый генерал-губернатор имел резиденцию в Ниене (1642 – 1651), а затем в Нарве (1651 – 1704).

С той же целью копирования эстляндских и лифляндских реалий к Ингерманландии был привит институт ландтагов. Однако поскольку здесь почти полностью отсутствовало местное дворянство с устоявшимися традициями самоуправления, копия получилась мало похожей на оригинал. Во-первых, пришлые дворяне были слишком разрозненны и чужды друг другу для того, чтобы решать общие задачи – в чём, собственно и был смысл прибалтийских ландтагов. Во-вторых, положение об этом институте не родилось в рыцарской среде, а было спущено шведским правительством сверху. Поэтому ландтаги в Копорье (1644), Нарве (1644, 1645) и т.д. созывались по инициативе генерал-губернатора, а «работа» их заключалась в послушном принятии положений о всё новых экстраординарных сборах на нужды короны или чрезвычайных налогах военного времени. Такие собрания как небо от земли отличались от боевых ландтагов лифляндского или эстляндского рыцарств, оппозиционных королевской власти.

Немецкие земли. Ещё более дезинтегрированной частью империи были немецкие владения короны. В Стокгольме постоянно помнили о гораздо более тесных связях немецких княжеств и городов с другими державами, чем это имело

место в Эстляндии и Лифляндии. Поэтому в Швеции имелись (и исполнялись) планы дальнейшей интеграции в монолитное, унифицированное государство лишь прибалтийских провинций – но отнюдь не немецких конгломератных вкраплений. Стокгольмское правительство чем дальше – тем со всё большим основанием рассматривало эстляндские и лифляндские внешние рубежи как государственную границу королевства. В то же время, в отличие от восточных провинций, Померания и Мекленбург были разделены с королевством таможенной границей: по положениям 1628 и 1630 гг. пошлинами облагались товары, следовавшие в обоих направлениях.

Хоть немецкие территории и находились полностью во власти шведского короля, отношения к ним как к будущей органичной части королевства никогда не наблюдалось. Причём по весьма простой причине: при первой же попытке заменить местное законодательство шведским или хотя бы урезать права местных выборных органов, на защиту пострадавших немцев встала бы вся германская империя, членами которой эти княжества являлись. Поэтому шведские короли на смели даже на словах выступать там в качестве абсолютных монархов и благоразумно не пытались исключить эти земли из членства в габсбургской империи. Более того, и в домашней обстановке, в Стокгольме, на заседаниях Законодательной комиссии, немецкие владения даже не упоминались как часть шведской империи. Впрочем, немцы были лояльны к своим стокгольмским покровителям, ценя военную помощь, поддержанную всей мощью шведского флота, при малейшей опасности, грозившей им со стороны соседей.

Но не только в военных конфликтах, а и в обычной обстановке немецкие земли были в военно-политическом отношении Ахиллесовой пятой Швеции. Их оборона не могла строиться на использовании выгодных в этом смысле географических условиях, как это было в Ингерманландии (болота) или Эстляндии (водные преграды, густые леса). Поэтому здесь приходилось держать соответствующие военные силы в качестве постоянных гарнизонов: в 1568 г. Карл X считал, что только в Померании в мирное время необходимо иметь 8 000, а в военное – не менее 17 000 солдат и офицеров. Правда, их содержание не стоило казне почти ничего – всем необходимым войско должно было снабжаться за счёт местного, немецкого населения. Но огромные суммы Швеции приходилось тратить на фортификационные работы. И эти траты делались в ущерб нуждам прибалтийских крепостей, оказавшихся к Великой Северной войне в крайне запущенном состоянии именно по этой причине.

С другой стороны, короли не могли расстаться с этими владениями, придававшим необходимую устойчивость их «датской» политике – а Дания оставалась одним из самых вероятных противников в будущих войнах Швеции. Обладая западными немецкими провинциями, шведы могли в любой момент пресечь сообщение Дании с материком. Кроме того, статус имперского герцога, как говорилось выше, делал короля членом Германской империи. Причём со временем это значение отнюдь не уменьшалось. В 1724 г., уже после смерти Карла XII и утраты Прибалтики, глава правительства Арвид Горн заявил членам риксрода: «Хоть Померания и мала, она более важна для нашей репутации, чем пол-Швеции. Всё внимание, которым мы пользуемся у Франции и протестантских держав Германии, зависит от обладания Померанией».

Несмотря на географическую разбросанность прибалтийских и немецких владений Швеции, все они имели ряд общих черт, во многом определявших их экономические и культурные традиции. Во-первых, крупные торговые города этих земель ранее, как правило, являлись членами Ганзы, что оставило зримые следы в модели жизни бюргеров и купечества в частности. Во-вторых, на всём протяжении прибрежных земель от Эльбы до Наровы сохранялась личная крепостная

зависимость крестьян от помещиков. В-третьих, всё население этих владений Швеции было сплошь протестантским (исключение – Ингерманландия с её православными). Но имелись и отличия, главным из которых была заметная разница в жизненном уровне основного (сельского) населения Швеции-Финляндии и провинций и в степени его, так сказать, сравнительной «цивилизованности».

Однако, несмотря на то, что Эстляндия стала шведской полувеком ранее, чем Лифляндия, разница в сложившейся социальной ситуации между ними (и Ингерманландией) была небольшой. И во всех трёх провинциях она коррелировала с ситуацией этнической. Крестьяне в провинциях представляли собой один народ (эстонский, латвийский или инкери), местное рыцарство (впоследствии помещики) – другой, центральная и провинциальная высшая администрация – третий. Центральное правительство осознавало ненормальность этой ситуации и, как упоминалось выше, стремилось привести социальную и экономическую жизнь королевства и провинций к единообразию. Последняя из таких мер была принята в последние годы XVII в. (в ближайшем будущем эту работу сделала невозможной Северная война). К единообразию были приведены не только средства денежного обращения, но и система мер и весов, до этого крайне пёстрая и запутанная.

Экономика империи.

Эстляндия и Лифляндия. После падения Ливонского ордена и образования Герцогства Эстляндского местные (остзейские) дворяне-помещики были освобождены от несения старых обязанностей – кроме рейтарской. Но и она была не слишком обременительной – нужно было выставить по одному вооружённому всаднику на каждые 20-30 хуторов поместья. В то же время притеснения крестьян со стороны остзейских помещиков в «шведское время» едва ли не усилились. В целом, это оставляло королей (до Карла XI) равнодушными, поскольку они собирались с силами для того, чтобы разом ввести в Эстонии шведские законы, не предполагавшие существования крепостничества.

Тем не менее, следует признать, что для крестьян Швеции и Финляндии порядки в соседнем Эстляндском герцогстве казались более щадящими уже потому, что на эстонцев не распространялась всеобщая воинская повинность. Согласно её нормам несколько хуторов должны были выставлять одного солдата, тогда как остзейские помещики нередко исполняли рейтарскую повинность, выставляя в королевскую армию постороннего наёмника, оплаченного ими. Поскольку же Швеция в ту эпоху вела частые и кровопролитные войны, в которой гибла масса солдат, то воинская обязанность считалась тягчайшей повинностью, отчего из Швеции и Финляндии множество крестьян бежало в Эстляндию, добровольно обрекая себя на крепостной гнёт.

После Альтмаркского мира 1629 г. в эстляндской и лифляндской провинциях Швеции продолжилось расширение барщинного поместного хозяйства. Этот процесс был вызван, среди прочего, ростом отчислений из бюджета провинций в королевскую казну. Помещики, вынужденные платить налоги со своих земель, усиливали экономическое давление на крестьян; одновременно ухудшалось правовое и социальное положение барщинников. Теперь быть эстонцем практически означало быть крепостным. Отмечу, что в собственно Швеции барщины как таковой не отмечено, если не считать крайне незначительные «дневные отработки» (dagverkskyldighet), к которым привлекались хуторяне, не до конца оплатившие стоимость приобретённой у помещика земли. Во всяком случае, в королевстве не наблюдалось практики обработки господских земель на основе исключительно барщины, как это сплошь да рядом имело место в восточных провинциях.

Но если провести сравнение между столетием, на протяжении которого та же Эстляндия находилась под властью шведов, то придётся признать, что в этой эпохе

имелись и положительные для коренного населения стороны. На протяжении этого века были заложены основы окончательной победы лютеранства, сформировавшего новую духовность эстонцев, способствовавшего развитию эстонской письменности и становлению народного образования в целом. Именно в течение этого периода обе провинции в культурном отношении становятся составной частью Северной Европы. А к концу его королевская власть планирует и даже начинает проводить реформу сельского законодательства, направленную к отмене крепостного права (довести её до конца помешала русско-шведская война 1656-1658 гг.).

Последовательное соблюдение шведами городского права, защита привилегий купеческих гильдий и ремесленных цехов содействовали культурному расцвету эстляндских и лифляндских городов. Они изменили и свой внешний облик – к концу шведского времени Рига, Таллин и Нарва были опоясаны крепостными стенами, вне которых имелись кронверки. Над средневековыми храмами вознеслись новые шпили – в стиле барокко. Началось строительство торговых портов современного уровня – практически на пустом месте. В городах стали появляться первые мануфактуры – кирпичные, стекольные, лесопильные и бумажные. При этом самыми промышленно развитыми городами становятся Рига и Нарва.

Однако господствующим в лифляндской и эстляндской промышленности оставалось средневековое цеховое уложение, тормозившее улучшение качества и рост количества ремесленной продукции. Цеховые уставы исключали здоровую конкуренцию между мастерами одной или нескольких мастерских, а также введение новых технологий. И если торговля в Риге и Нарве процветала, то Таллинн был обойдён торговыми путями и его порт захирел, а количество горожан к концу шведского времени снизилось до 10 000 чел.

Несколько возросшее качество жизни в провинциях повлекло за собой дальнейший рост иммиграции с сопредельных территорий – прежде всего из России и Финляндии, но также из Голландии и даже Шотландии. Всего в Эстляндии и Лифляндии во второй половине XVII в. доля недавних иммигрантов среди крестьянского населения составляла 15 %, в городах их было меньше. В условиях сельской местности, где большую роль играла крестьянская община, пришлый элемент сравнительно быстро культурно и экономически интегрировался, растворяясь в массе коренных народов Эстляндии и Лифляндии. По этой и иным причинам население Эстляндии к за столетие, к концу XVII в., увеличилось в четыре раза, достигнув 400 000 человек.

Как было сказано выше, в XVII в. основная выгода от владения короной прибалтийскими провинциями заключалась в пошлинах, взимаемых за транзитные торговые операции. Главными центрами этой коммерции являлись Рига и Нарва. К концу шведского времени особенно интенсивно развивалась торговля в последней – так, нарвский товарооборот за период 1660-1700 возрос более, чем в три раза. Шведское правительство было крайне заинтересовано в прибалтийской торговле и всячески её поощряло. Причём интерес здесь был не только экономический, но и политический. Шведские власти видели в росте торговых городов усиление своего влияния в восточной части Балтийского моря. Не удовлетворяясь растущими оборотами русской транзитной торговли, шведы пытались привлечь в эстляндские города и восточный торговый капитал, что сулило новые прибыли. Отчасти эти планы были реализованы, – когда в 1686 г. дипломатам Карла XI удалось добиться от Москвы права проезда через её территорию персидских купцов, то они доставили в Нарву 67 300 фунтов шёлка-сырца, который был куплен здесь любекскими немцами.

Очередное экономическое потрясение прибалтийские провинции пережили в 1680-х гг. После т.н. периода регентства (1660-1672), когда вместо малолетнего Карла XI правили члены риксрода, беззастенчиво раздававшие (в форме

королевских дарений) коронные земли шведским дворянам, казна оказалась в тяжёлом положении. Пришлось брать субсидии у Франции, но взамен Швеция должна была вести военные действия в интересах Людовика XIV. Одна из таких войн (1675-1679) привела державу на грань экономической и политической катастрофы. Поэтому в 1680 г. королём было принято решение о великой редукции, то есть о возвращении в казну всех тех дарений, которые приносили владельцам ежегодный доход от 600 талеров серебром и выше. Что же касается прибалтийских провинций, то конфискации подлежали все дарения сплошь. И, если сравнить результаты редукции в собственно Швеции и в восточных провинциях, то последние принесли короне 60% от всех редуцированных хозяйственных площадей.

В Эстляндии, где в казну вернулось около ½ дворянских земель, редукция была проведена без особых проблем, так как король, избегая конфликтов с местными помещиками, повелел сдавать им редуцированные поместья на льготных условиях аренды. В Лифляндии же, где доля земель, полученных помещиками в шведское время была преобладающей, редукция вызвала взрыв дворянского негодования, а ландтаг официально занял по отношению к ней протестную позицию. Тем не менее, редукция была проведена и здесь, принеся в казну 5/6 от всей местной хозяйственной площади. Не спасло положение и предложение помещикам арендовать землю, как это было в Эстляндии. На своих ландтагах лифляндское рыцарство выступало против королевской политики, создавало собственные земельные комиссии и т.д. Дошло до государственной измены (сепаратистские требования) и четверо из лидеров дворянской оппозиции были приговорены к смертной казни, правда, заменённой шестилетним тюремным заключением.

Результаты редукции в прибалтийских провинциях сказались весьма быстро. Так, в Лифляндии уже в 1683 г. сумма арендных платежей составила 200 000 серебряных талеров. Не удовлетворившись ею, король в 1690-х поднял сумму земельной ренты до 500 000 талеров. И хотя на деле в казну поступало лишь 65-77% этих денег, бюджет Швеции вполне оздоровился уже через несколько лет после реформы дворянских владений. Поскольку же арендная плата вносилась звонкой монетой, помещики были вынуждены продавать продукцию своих имений. Это стало обычной практикой, что, кстати, сказалось на положительном развитии товарно-денежных отношений.

С другой стороны, постоянная потребность в товарной продукции заставляла их повышать норму эксплуатации крестьян. Однако беспредельно увеличивать её они тоже не могли. Этому препятствовала шведская администрация, принудившая помещиков держать книги повинностей каждого крестьянина перед имением, т. наз. вакенбухи (от эст. vakus – собрание сельских хозяев). В них детально фиксировались размеры подати, барщины и рабочее время батраков. Вакенбухи подлежали контролю окружными штатгальтерами. Такого рода государственный контроль касался как частных, так и арендованных имений. Кроме того, если помещик требовал лишнего, то крестьянин мог обратиться в суд. И крестьяне этим правом широко пользовались, подавая иски в земские ландгерихты или в центральный тартуский гофгерихт. В случае их неудовлетворения крестьяне нередко лично являлись в стокгольмский Королевский суд, где дела решались более беспристрастными судьями, чем в провинциях.

Таким образом, был запущен механизм нормирования крестьянских повинностей или ликвидации «эластичной ренты». В результате такого перераспределения прибавочного продукта, крестьянам оставалась более значительная его часть, чем это было до реформ, связанных с редукцией. Теперь они могли продавать этот избыток, копя деньги для выкупа земли в собственность. Так в результате редукции начался длительный процесс выделения крестьян из

деревенских общин и роста численности хуторов (сеттери), чьи хозяева были свободными земледельцами.

В целом, в эпоху Карла XI экономическое положение прибалтийского крестьянина значительно улучшилось. Так к концу шведского времени крестьянин, владевший небольшим участком (половина гака) в Лифляндии имел 10 лошадей, 56 голов крупного и 71 мелкого рогатого скота. Несколько отставала – как и раньше – в этом отношении от Лифляндии и Эстляндии соседняя провинция. По ингерманландским меркам такой середняк считался бы весьма зажиточным и даже богатым хозяином.

Эстляндия и, в особенности, Лифляндия принадлежали к числу признанных «хлебных амбаров» Европы. На протяжении XVII в. вывоз пищевых продуктов (прежде всего зерна) из восточных провинций в собственно Швецию стал неотъемлемой частью имперской экономики. По этой причине государство всячески тормозило импорт лифляндского зерна за рубеж, а в неурожайные годы такой вывоз вообще запрещался. За своё зерно Лифляндия и Эстляндия получали другие товары, производившиеся в Швеции. Такая экономическая взаимозависимость прочнее, чем политические меры, связывала провинции с метрополией, становясь важнейшим фактором их интеграции в имперскую жизнь.

Ингерманландия. Экономическая ситуация в Ингерманландии несколько отличалась от эстляндской или лифляндской. На момент присоединения её к империи она представляла собой пустынную, малонаселённую область. Длительное господство Московии в этой части угро-финского мира имело два результата: повсеместное распространение православия (в том числе и среди коренных народов) и значительная доля русских в общей массе населения. Заинтересованное в сохранении за собой этой области, московское правительство, тем не менее, уделяло ей минимальное экономическое внимание – развитие некогда свободной (до захвата её Новгородом в XIII в.) земли было пущено на самотёк. В результате большая часть территории Ингерманландии, вполне годной к хозяйственному использованию, представляла собой девственную целину.

Итак, свободной земли в провинции было в изобилии. Согласно одному документу, датируемому 1623 г., сводный брат шведского короля считал, что всю территорию Ингерманландии вполне можно было бы превратить в край процветающего животноводства и земледелия. Единственное, что для этого требовалось – это ввоз трудолюбивых крестьян и предоставление помещикам и местным властям коммерческих кредитов. А найти таких иммигрантов вполне можно было в страдающих от малоземелья Дании, Курляндии и в немецких землях. Неизвестно, сыграло ли это послание какую-то роль в иммиграционной политике метрополии, но в ней вскоре начались перемены.

Для улучшения довольно жалкой экономической и демографической ситуации своей новой провинции шведское правительство стало поощрять переселение туда колонистов. Поскольку же ни соседние финны, ни, тем более, шведы поначалу не проявляли желания отправиться в эту бедную страну, пришлось прибегать к насильственному переселению. Новые колонисты были преступниками, осуждёнными на изгнание, пленными снаппханами, финскими дезертирами из шведской армии и т.п. Но вскоре появились и добровольные переселенцы из мекленбургских, дитмаршенских и бременских дворян, которым Густав II Август по так называемому ландсакту от 16 октября 1622 г. предложил именья на льготных условиях – каждый мог взять столько земли, сколько были способны обработать прибывшие с ним крестьяне.

Эти помещики, полуразорённые невзгодами уже полыхавшей Тридцатилетней войны, прибывали со своими крепостными крестьянами, так что немецкий этнический элемент также занял своё место в этой пустынной области,

хоть и незначительное (менее 1% населения). В основном же это были местные крестьяне, власть над которыми помещиков по тому же акту стала неограниченной. Раздача земель продолжалась и в 1630-х гг., уже в правление королевы Кристины.

Когда же было объявлено, что новым хозяевам будет на несколько лет предоставлена свобода от налогов, а также от воинской службы, то больше всего стало переселяться финнов. Поэтому к середине XVII в. они составляли уже 1/3 населения провинции, став опорой лютеранства. При этом значительную часть земель король сохранил в статусе государственных. На них предполагалось селить свободных крестьян, а поступления с коронного домена должны были покрывать расходы на содержание местных крепостей. Между прочим, по этой же причине налоги, которыми шведы с самого начала обложили коренное население Ингерманландии, были гораздо выше, чем в соседней Лифляндии или собственно Швеции. Запустошённая, малонаселённая провинция с её болотистой, неплодородной почвой требовала необычно крупных инвестиций в развитие экономики. А в Стокгольме доминировал принцип если не доходности, то хотя бы самоокупаемости провинций: Ингерманландия должна была сама поднять свою экономику. На решение этой задачи и шли действительно высокие налоги её населения – королевская казна долго ещё не получала из этой провинции ни марки дохода.

Выше говорилось о том, что с целью решения ингерманландской демографической проблемы, переселенцам делались послабления в налогах. Точно так же для развития экономики провинций её столице был дарован ряд прав, неведомых в Риге или Таллине. Важнейшая из таких привилегий касалась внешней торговли. Уже в году заключения Столбовского мира и перехода провинции под власть Швеции, Нарве было даровано право свободной торговли. А именно, с 1617 г. в этом городе западноевропейские купцы могли вступать в прямые торговые отношения с русскими коллегами. То есть, без местных посредников, совершенно обязательных и неизбежных при заключении подобных сделок в Риге или Таллине.

Любопытно, что другие ингерманландские города были, как и ранее, лишены этой привилегии. Очевидно, для шведских законодателей рост Нарвы, развитие её торговых успехов и авторитета представляли собой особую ценность, причём не только сиюминутную, а и в перспективе. Ничто иное не заставило бы королевскую казну добровольно отказывалась от верных доходов, которые гарантированно способна была принести нарвская транзитная торговля. Эта гипотеза находит подтверждение и в любопытном эпизоде, связанным с Ивангородом.

Расположенный, как известно, бок о бок с Нарвой, этот город с первых лет шведского времени стал для ингерманландской столицы торговым конкурентом. Чтобы прекратить эту бесплодную, но изматывающую борьбу соседних городов, в Стокгольме было принято решение слить их в один город с общим магистратом, совместными земельными владениями и пр. Ивангородские бюргеры не имели ничего против этого разумного решения, но нарвские жители изъявили своё несогласие и упорно стояли на своём в течение почти года. Видя их несговорчивость, центральная власть разрубила этот гордиев узел в 1645 г., лишив Ивангород городского права и всех привилегий, и переселив всех его жителей в Нарву. Впрочем, возможно, этот акт имел под собой и дополнительное основание: местный транзит и без того страдал от конкуренции русских купцов, к середине XVII в. добившиеся права торговать в шведских городах, а ивангородская торговля была лишь последней каплей, переполнившей чашу терпения нарвских коммерсантов.

Наконец, государственная казна вкладывала в экономику Ингерманландии, Кексгольм- лена и Финляндии значительные дотации, получая взамен лишь небольшой доход. Так, в правление Густава II Адольфа на эти цели было

израсходовано 214 000 риксдалеров, из которых в виде дохода вернулось лишь 61 800 риксдалеров или 22% от затраченного. Значительно увеличились дотации в правление Кристины: 551 300 рд. против соответственно 170 300 (23, 5%) дохода. То есть, эти земли на протяжении десятков лет обходились казне прямым убытком, и дотации делались, видимо, лишь в расчёте на будущее.

Благодаря столь многосторонней политике центрального правительства, экономика Ингерманландии с течением времени заметно оздоровилась, причём как в городе, так и в деревне. Пустоши понемногу сменялись возделанными полями, стало развиваться животноводства. Однако по сравнению с Эстляндией и Лифляндией хозяйственная жизнь этой провинции выглядела пока довольно убого. Причиной такому отставанию была всё та же недостаточная заселённость страны.

Немецкие земли. В крупнейшем из шведских эксклавов на южном побережье Балтийского моря, Померании, частных шведских владений было немного. В основном это были и ранее, в дошведское время, государственные (герцогские) земли, автоматически ставшие в 1648 г. собственностью шведской короны. Но с 1638 г. королева Кристина начала раздавать их дворянам, заслужившим её благодарность долгой службой или личными услугами. В середине XVII в. уже 2/3 этих земель перешли в частное владение.

Дальнейшая история шведской Померании была тесно связано с личной судьбой королевы Кристины. В 1654 г. она, как известно, отказалась от престола. Но для содержания своего двора и иных трат она потребовала провести в Померании редукцию былых своих дарений. Однако крупнейшие землевладельцы успели вовремя распродать недвижимое имущество, очевидно, располагая информацией о грядущей редукции. Этими счастливцами стали элитарные шведские кланы Оксеншерна, Делагарди, Торстенссоны и ещё некоторые. Все редуцированные имения были сданы в аренду.

Эта система рухнула после смерти Кристины (1654). Король Карл XI по достижению совершеннолетия отменил все её дарственные акты своей матери. В целом же проведение редукции значительно увеличило государственные доходы. Редуцированные имения только в Лифляндии уже через три года стали приносить ежегодный доход в 200 000 серебряных талеров, а в 1690-х гг. эта сумма возросла до 500 000 талеров. Согласно другим подсчётам, рентные доходы государства от прибалтийских провинций составляли в конце XVII в. 60,3% от общей суммы; при этом только доля Лифляндии поднялась до 28,3% суммарного дохода казны от сдачи земель в аренду.

Социальная ситуация в колониях.

Эстляндия и Лифляндия. К последним десятилетиям шведского времени этих территорий относится улучшение как экономического, так и правового положение крестьян прибалтийских провинций. В частности, было отменено крепостное право на государственных землях, а в Стокгольме не раз обсуждалась проблема приведения законодательства этих провинций в соответствие со шведским, то есть, речь шла о повсеместной отмене крепостного права. Возможно, если бы не разразилась Великая Северная война, была бы проведена и эта реформа. Провинции, в самом деле, всё больше напоминали собственно Швецию: здесь уже были приведены к шведскому стандарту судебная, финансовая и административная системы, торговое и таможенное законодательство, система мер и весов, созданы службы почтовая, охраны природы и т.д.

Но и отмена крепостного права на государственной части прибалтийских земель (напомню, в Эстляндии они составляли ½, а в Лифляндии – 5/6 общей площади хозяйственных площадей) имела огромное значение для социальной ситуации. Свободные государственные крестьяне начали принимать участие в общественной жизни. Они становились членами поместных судов, где в первой

инстанции рассматривались внутриселенные и межселенные конфликты – но также и иски крестьян к помещикам. Более того, наиболее уважаемых селян (как правило, стариков) привлекали к некоторым административным мероприятиям. Так, они участвовали в определении производительной мощности имений, от чего зависел размер арендной платы, взимаемой с помещиков. То есть, им шведская администрация доверяла больше, чем помещикам и их управляющим.

Шла либерализация и в церковной жизни. В 1686 г. на провинции было распространено действие шведского церковного закона, согласно которому члены не только городских, но и сельских приходов самостоятельно выбирали церковный совет и его старосту. Понятно, что и это нововведение, и привлечение крестьян к общественной жизни происходили не спонтанно, а по инициативе стокгольмского правительства. Ещё более заметными эти перемены стали с 1694 г., когда в ответ на оппозиционные выступления лифляндского дворянства оно было лишено прав автономии. Ландратскую коллегию распустили, а ландтаги отныне могли созываться, как в Ингерманландии, только по инициативе центрального правительства, а избиравшегося ранее рыцарством предводителя (ландмаршала) отныне стал назначать генерал- губернатор.

Редукция оказала влияние и на оборону провинций. До 1680-х гг. здесь стояли исключительно шведско-финские части и гарнизоны. Крепостные крестьяне были от воинской повинности освобождены, попасть в армию удавалось лишь отдельным сельским парням. После редукции было принято решение о формировании полков на основе рекрутирования свободных государственных крестьян. Многие шли на службу с охотой, так как в армии имелась реальная возможность для сельского парня дослужиться до офицерского звания – такие случаи были отмечены, например, в годы Северной войны.

Причём, если в 1670-х гг. в частях, стоявших в восточных провинциях, больше всего было финнов – до 90%, то уже в 1690-х здесь преобладали солдаты из Эстляндии и Лифляндии; офицерами были местные же остзейцы.

Ингерманландия. Очередное экономическое потрясение прибалтийские провинции Швеции пережили в 1680-х гг. После т.н. периода регентства (1660-1672), когда вместо малолетнего Карла XI правили члены риксрода, беззастенчиво раздававшие (в форме королевских дарений) коронные земли шведским дворянам, казна оказалась в тяжёлом положении. Пришлось брать субсидии у Франции, но взамен Швеция должна была вести военные действия в интересах Людовика XIV. Одна из таких войн (1675-1679) привела державу на грань экономической и политической катастрофы. Поэтому в 1680 г. королём было принято решение о великой редукции, то есть о возвращении в казну всех дарений, которые приносили их владельцам ежегодный доход свыше 600 талеров серебром. Что же касается прибалтийских провинций, то конфискации подлежали все дарения сплошь. И, если сравнить результаты редукции в собственно Швеции и в восточных провинциях, то последние принесли короне 60% от всех редуцированных хозяйственных площадей.

В Ингерманландии, где у сравнительно недавно образовавшегося рыцарства не было ни устоявшихся традиций, ни особых привилегий, редукция прошла тем более бесконфликтно, что большинство помещиков в провинции не проживало. А положение беднейших слоёв населения она значительно улучшила. Все редуцированные земли стали собственностью короны, а жившие на них помещичьи крестьяне были объявлены свободными – как и в соседних провинциях. Эти и иные реформы, имевшие для села огромное значение, конечно, не были случайными и временными, являясь частью осмысленной внутренней политики шведских королей.

Дело было в том, что при Карле XI, а затем и Карле XII, традиционная политика поддержки королями крестьянского сословия приняла ещё более отчётливые формы. Оба последних короля великодержавной Швеции совершенно

осознанно и последовательно опирались в своей колониальной политике отнюдь не на местное дворянство, которое, значительно обеднев после редукции, стало в более жёсткую, чем ранее, оппозицию к центральному правительству (в её программу входило даже полное отделение провинций от Швеции). Поэтому для королей естественной опорой бесспорно оставались горожане и гораздо более многочисленное крестьянство, которое не могли не ощущать такую поддержку в своих конфликтах с дворянско-помещичьими беззакониями. Ведь шведская администрация установила жёсткий контроль над соблюдением помещиками установленных сверху норм повинностей, которыми сельские жители были обязаны хозяевам земельных участков.

Другое дело, что благосостояние ингерманландских крестьян, в сравнении с их эстляндскими или лифляндскими современниками (не говоря уже о шведских), оставалось на более низком уровне. Однако главной причиной бедности здешних крестьян было распределение продукта. Они работали не меньше, чем шведские крестьяне, но вследствие высокого уровня повинностей, у них оставалось прибыли, в конечном счёте, гораздо меньше, чем у соседей – это давно подсчитано. Но эта ситуация сложилась не из-за их национальной или социальной дискриминации центральной властью империи, а по всё той же причине крайне отсталой агрикультуры и гораздо более высоких оборонных расходов этого форпоста империи, выдвинутого на восток, то есть в наиболее угрожаемом направлении.

Тем не менее, дореволюционный российский историк, которого трудно обвинить в предвзятости, отмечает, что «Короли шведские, начиная с Эрика XIV до Карла XI старались по возможности улучшить быт и положение… крестьян и определить, наконец, таким образом крестьянские повинности, чтоб обуздать помещичий произвол при существовании которого не мыслимо никакое улучшение сельского быта».

С началом Великой северной войны социальное положение ингерманландских жителей резко изменилось. Мирные жители провинции испытывали, как это всегда бывает в войнах, двойной пресс – со стороны «своей», то есть шведской власти и со стороны русских оккупационных войск. КарлXII, который, как известно, опирался в своих прибалтийских колониях на крестьян, заставил личный состав Финляндской армии сохранять с местным населением нормальные отношения, как это имело место и до войны. Шведским солдатам запрещалось обирать крестьян или недоплачивать им за купленное продовольствие и фураж.

Иным было отношение к ингерманландцам регулярной русской армии и казаков. С их приходом в провинцию в августе 1702 г., то есть ещё до взятия Нотебурга, началось систематическое разорение этой части шведской земли. Отряд под командованием новгородского воеводы П.М. Апраксина спустился по Неве до рек Тосны и Ижоры. Во время этого похода русские «всякое селение розвоевали и разорили без остатку».

Нужно отметить, что для пришельцев не играло никакой роли, кто в захваченной провинции подлежал разорению, грабежу, угону в рабство – инкери, вепсы или русские крестьяне. Ингерманландия рассматривалась как вражеская территория, где насилие такого рода было узаконено не только полевой инструкцией донских казаков, но и армейской администрацией, которая придавала старому обычному казацкому праву силу закона. При этом количество добычи никак не ограничивалось нормальными потребностями казацкого войска, нередко вынужденного самообеспечиваться. Но добыча личного состава регулярных частей регулировалась воинской администрацией и тщательно регистрировалась, становясь, в конечном счёте, собственностью казны. Такого ограничения не знали иррегулярные отряды: всё, добытое казацким полком «принадлежало всему полку,

добытое отдельной партией – только этой партии, добытое же отдельным лицом составляло собственность этого лица». Уже по причине такого рода полнейшей безнаказанности ограбление ингерманландских (и иных прибалтийских) крестьян и горожан казаками естественно становилось безграничным.

Более того, в Ингерманландии практиковался угон мирных жителей с целью их продажи. Первый такой случай, очевидно, был отмечен в марте 1703 г., то есть ещё до захвата русским войском Ниеншанца. Тогда только результате одного рейда А.Д. Меншикова, как писали петровские «Ведомости», было крестьян «мужеска полу и женска 2000 в полон… взято и на побеге их побито доволно, а наши ратные люди лошадми скотиною и запасами велми удоволилися и остальные запасы пожгли, а сами за Божиею помощию в целости».

По этой причине ингерманландское население, в том числе и этнически русское, стояло во время войны на стороне шведов. Как писал уже весной 1703 г. Б.П. Шереметев Петру I, «Чухна не смирны, чинят некия пакости и отсталых стреляют, и малолюдством проезжать трудно; и русские мужики к нам неприятны; многое число беглых из Новгорода и с Валдай, и ото Пскова, и [более] добры они к шведами, нежели к нам». Казаки, ловя в лесах местных жителей, даже безоружных, но казавшихся им подозрительными, тут же вешали их. А через несколько лет, к 1708 г., крестьяне Копорского уезда уже перешли к организованному отпору российским оккупантам: как сообщал Ф.М. Апраксин, «Пребезмерное нам чинят разоренье латыши Капорского уезду и неприятелю, как возмогут, чинят вспоможение провиантом и лошадьми и, ходя по лесам близ дорог, побивают до смерти драгун и казаков».

Поэтому нельзя не согласиться с автором работы, посвященной этой проблеме, в том, что бывшие переселенцы из Новгорода или Пскова, родившиеся свободными, не только не отождествляли себя с крепостными соседней империи, но и боролись за права, ради которых их предки некогда покинули родину. «Они считали этот край своим, а себя подданными шведской короны, поэтому не хотели уступать эти земли России, иногда отстаивая свои интересы с оружием в руках».

Немецкие земли. В Померании сложилось уникальное для шведских колоний положение – здесь ещё в середине XVII в. собрание сословий само выступало за проведение редукции. Позже ситуация сменилась на противоположную, но редукция всё же была проведена и здесь. Это произошло с некоторым запозданием (1693-1694), но государству были возвращены королевские дарения, сделанные с более раннего, чем в других провинциях срока (1569).

В социальном отношении редукция и связанные с ней перемены в жизни прибалтийского и немецкого села расшатывали феодально-крепостническую систему. Можно сказать, что они остановили наступление помещиков на экономическое и социально-правовое положение крестьянства задолго до отмены крепостничества.

Культурное развитие провинций.

Аккультурация. Постоянное присутствие в провинциях шведских администрации и довольно многочисленных войск не могло не вызвать процесса аккультурации. Но если контакты коренного населения с шведскими чиновниками были спорадическим и краткими, то постоянное воинское присутствие имело куда большее значение для межкультурного сближения шведов и прибалтов. В указанном процессе основную роль играли крупные гарнизонные города. Здесь контакты между военными и гражданским населением были непосредственными и постоянными: солдаты и офицеры жили в ту эпоху не в изолированных от внешнего мира казармах, а в частных домах и квартирах. Что же касается посёлков и крупных укреплённых сёл, то влияние на сельское население личного состава мелких гарнизонов или временно останавливавшихся на постой частей было не только

культурным, но приобретало и социальное значение: доказано, что оно содействовало урбанизации провинций.

Школы. В области народного образования Лифляндия и Эстляндия, можно сказать, шли в ногу с метрополией. Прошло менее 10 лет после того, как в Швеции были основаны первые гимназии, и такие же учебные заведения появились в провинциях. По инициативе первого генерал-губернатора Эстляндии Юхана Шютте в 1630 г. была открыта гимназия в Тарту, а через год ещё две – в Таллине и Риге.

Что же касается сельского населения, то для детей крестьян была создана сеть приходских школ, в которых преподавали помощники пасторов (кистеры), – к конфирмации школьники должны были прийти грамотными. Значительный подъём школьного дела отмечен в годы правления Карла XI. Уже в 1680 г., едва обретя всю полноту королевской власти, он направил администрации восточных провинций ряд посланий, где давал практические рекомендации в этом направлении. Частью осуществления королевских проектов стала подготовка постепенной замены кистеров профессиональными преподавателями.

Эстляндский швед Бенгт Готфрид Форселиус, владевший языком коренного народа, организовал в местечке Пийскопи близ Тарту в 1684 г. первую во всей шведской империи учительскую семинарию. Она была предназначена исключительно для эстонцев, что даже вызывало недовольство местного остзейского дворянства. Семинария, в которой постоянно училось до 160 юношей, работала весьма продуктивно – за немногие годы, остававшиеся до начала Северной войны она выпустила несколько сотен преподавателей, что позволило открыть более 300 настоящих школ, причём не только в Эстляндии, но и в Лифляндии.

Начало народному просвещению на более высоком уровне, чем приходская школа, было положено церковной общиной Нарвы, где ещё до «шведского времени» функционировала немецкая школа. Несколько позднее такую же по уровню школу открыла и русская община города. А при шведах, точнее, в 1617 – 1641 гг., здесь же работала и шведская школа. Кроме того в 1730-х гг. в Нарве появилась и специализированная шведская школа, оплачивавшаяся королевской казной, где преподавался русский язык. В неё ходило 12 учеников, часть которых желала стать переводчиками, а другие изучали русский для собственной надобности, это было нужно, например, в коммерческой деятельности. С 1632 г. велось обучение и в шведской школе Нотеборга, а в период регентства стокгольмское правительство открыло школы в Яме, Копорье и ещё одну – в Нотеборге (1642).

Первый суперинтендант Ингерманландии Хенрик Сталь пытался в начале 1640-х гг. учредить и гимназию. Не встретив понимания в стокгольмском правительстве, он всё же добился решения о создании в провинции школы повышенного типа при кафедральном соборе Нарвы (так наз. trivialskola). Здесь не было обычного гимназического набора дисциплин, но после её окончания можно было поступать в университет. Затем её объединили с упоминавшейся нарвской шведской школой, отчего содержание нового учебного заведения было частично переложено на местных горожан. Новым явлением была и открывшаяся здесь же в 1646 г. школа для девочек.

Такой материальной поддержки Стокгольма не встретили православные жители Ивангорода, вынужденные в 1644 г. учредить так наз. «элементарную школу» (в ней работало всего 2 учителя) целиком за свой счёт. Однако через несколько лет и её содержание целиком взяло на себя шведское государство. Значительный вклад в народное образование провинции сделал королевский советник Ю.Б. Шютте. Этот основатель Тартуского университета (Academia Gustaviana) за заслуги перед королём был возведён в баронское достоинство, получив при этом в качестве баронии погост Дудер (поздн. Дудергоф). Когда же он стал генерал-губернатором Лифляндии (1629), то выстроил в этом посёлке за свой

счёт школу, которую в дальнейшем и содержал. Он же открыл русскую школу в Ниене, которая вскоре стала кафедральной на уровне нарвской trivialskole, то есть дававшей выпускникам право поступления в университет.

Пасторы издавна организовывали приходские школы по собственной инициативе, а в 1688 г. был издан королевский циркуляр о «крестьянских» школах, в котором учреждение их рассматривалось как «весьма важное и необходимое дело». Смысл создания таких школ был в превращении тёмных и мало полезных для государства крестьян этой бедной провинции в более ценный исходный человеческий материал для пополнения не только солдатских рядов. Получившие школьное образование (безусловно, намного превосходящее церковно-приходское), крестьянские сыновья могли продолжить его в уездных городах, где имелись упоминавшиеся школы повышенного уровня. После чего они становились толковыми ремесленниками, унтер-офицерами и даже пасторами. Любопытно, что местные помещики всячески тормозили дело народного образования, понимая, что грамотный крестьянин и в содержании вакенбуха разберётся, а при необходимости – и жалобу в администрацию лена напишет. Поэтому при том же Карле XI в 1688 г. был опубликован указ, строго запрещавший помещикам восточных провинций лишать крестьян права посещать школу или наниматься в армию.

В 1690 г. вышло новое положение, согласно которому крестьянская школа должна была иметься в каждом приходе. Средства на постройку школьных зданий, а также деньги и натуральную плату на содержание учителей должны были совместно выделять местная церковная касса, помещик и крестьяне; часть расходов покрывала казна. Такие траты, изымаемые из небогатого крестьянского кошелька, и, кроме того, необходимость лишаться рабочих рук в школьные часы, настраивали против школы и некоторых крестьян. Однако власти строго пресекали попытки держать парней дома, на хозяйстве, причём в дело шли как угрозы наказания, так и некоторые блага вроде частичной компенсации утраченной экономической выгоды.

Этому пытались помешать остзейские помещики – как и попыткам крепостных идти на военную службу. Причина была одна и та же: солдат навсегда покидал господское поле, а грамотный крестьянин и в записи вакенбуха мог разобраться, и жалобу в гофгерихт отправить. Поэтому когда Карл XI издал указ, запрещавший помещикам ограничивать крестьянскую инициативу в обоих направлениях, то это был акт социальной эмансипации. К ней же можно отнести королевский циркуляр 1688 г. о крестьянских школах (вторая ступень после приходских, где учили лишь чтению), как «очень важном и необходимом деле». Это послание касалось проблемы просвещения как государственных, так и помещичьих крестьян. Цель его весьма прозрачна: король стремился превратить косную массу крепостных крестьян, работавших на помещика и почти бесполезных для государства, в многочисленный резерв будущих солдат, ремесленников, чиновников низшего звена, пасторов и т.д.

Постоянное внимание этого короля к народному образованию можно объяснить распространением идей Просвещения, которые влияли на внутреннюю политику и других монархов. Но в Швеции, где актуальной была проблема единения и унификации столь различных частей империи, этот вопрос стоял особенно остро. Король видел в просвещении основной массы народа средство для максимальной мобилизации всех внутренних ресурсов империи, материальных и человеческих. Что же касается, в частности, восточных провинций, то здесь свободные и образованные крестьяне рассматривались как социальный и политический противовес остзейским помещикам, как союзники центральной власти в её давней и не терявшей актуальности борьбе со всё ещё сильной и активной остзейской фрондой.

Возможность получить высшее образование появилась в восточных

провинциях также в шведское время. В 1632 г. Густав II Август издал указ о преобразовании Тартуской гимназии в университет, получивший его имя. В Шведской империи это был второй (!) университет после старинного Упсальского. Здесь учились студенты обеих прибалтийских провинций, он был открыт для всех сословий, в том числе и крестьянского – на этом настоял генерал-губернатор и основатель университета Ю. Шютте. Большинство студентов составляли шведы недворянского происхождения. Его содержание оплачивала королевская казна. За всё шведское время в нём получили высшее образование более 1 600 чел., многие из которых посвятили свою жизнь культурной и образовательной деятельности. Уже первые диссертации, защищённые в Тарту, стали причиной признания этой высшей школы в научном мире Европы (всего в XVII в. здесь получили подготовку 200 докторов наук). Профессора были, в основном, приглашённые иностранцы, но со временем вырос удельный вес местных, эстляндских преподавателей.

Однако жизнь самого университета была исполнена превратностей. Когда началась война с Московией (1656-1661), он был переведён подальше от театра военных действий, в Таллинн, где через десять лет был вообще закрыт. Лишь в 1690 г., уже при Карле XI, он был снова открыт в Тарту, но под другим названием: Academia Gustavo-Carolina. Затем в 1699 г. его перевели в Пярну, но разразившаяся Северная война и оккупация Эстляндии русскими войсками стали в 1710 г. причиной полного прекращения его деятельности. Российская власть ликвидировала эту первую высшую школу Прибалтики на 93 года – она была возрождена лишь при Александре I, в 1803 г.

Церковь. В Эстляндии и Лифляндии основной проблемой для шведского лютеранского духовенств оставались некоторые пережитки католицизма и, в гораздо большей мере – языческие рудиментарные поверья. С обоими этими отклонениями от официальной протестантской доктрины шведская церковь боролась последовательно и жёстко. Особенно воинственно церковь вела борьбу с ведьмами и колдунами. В колдовстве нередко обвиняли обычных знахарей – специалистов в народной медицине. Их приговаривали к штрафам, телесным наказаниям, а в отдельных случаях – и к сожжению на костре. Однако знахари представляли собой весьма малый процент населения, которое всё-таки в XVII в. уже было полностью протестантским.

Что же касается Ингерманландии, то здесь, напротив, протестантов было крайне мало, преобладающая часть населения исповедовала православие. Ещё в 1630 г. на 48 православных церквей с 17 священниками здесь приходилось всего 8 лютеранских кирх с 6 пасторами. До 1640 г. было создано ещё 13 протестантских приходов, но общей картины это не меняло. Лишь к концу века число протестантов-инкери можно назвать значительным (более 13 500 чел.). Понятно, что именно здесь ситуация, с точки зрения и шведской церкви, и центральной власти, представлялась поначалу наиболее тяжёлой. Поэтому и внимание конфессиональной проблеме этой провинции уделялось гораздо большее, чем в остальных двух.

Густав II Адольф не скрывал своей цели обратить православное население в лютеранское вероисповедание и принимал соответствующие меры. Несмотря на статью Столбовского договора о свободе совести (см. выше), толерантной в современном понимании эта политика никогда не была. Объяснялось это не какой-то особой нетерпимостью или фанатизмом короля, дело было в ином. Культуре Ингерманландии на протяжении длительного «московского» периода ни один царь не уделял ни малейшего внимания, и она погрузилась в застой, век за веком всё более отставая не только от развитых стран Европы, но и от Московского государства. Теперь Густав Адольф, как упоминалось выше, поставил себе задачей поднять восточные провинции до уровня собственно Швеции в смысле экономики, образовательного уровня населения и его, так сказать, «деварваризации». Но

достичь этой цели, полагал он (и не только он один) было невозможно, пока основная часть населения исповедовала свою старую «еретическую» православную веру.

То есть борьба за души православных подданных шведской короны преследовала не столько идеологические цели, сколько была призвана решить общегосударственные политические и экономические проблемы, являясь существенной частью внутренней политики империи, направленной, между прочим, к благу самих же ингерманландцев. Поэтому не было ничего странного в том, что король, утверждая, что недопустимо преследовать людей за их веру или принуждать их сменить исповедание, сам именно этим и занимался, хоть и не столь рьяно, как его католические коронованные современники. Так, если он установил, что каждый из православных раз в неделю должен присутствовать на службе в лютеранском храме, то он в самом деле не видел в этом никакого принуждения, искренне полагая, что тем самым исполняет свой долг государя по отношению к своим подданным. И, что не менее важно – по отношению к державе, могущество и благосостояние которой, как он считал, подтачивалось поликонфессиональностью населения Ингерманландии.

С другой стороны, Густав Адольф не мог не принимать близко к сердцу такую серьёзную проблему, как нехватка в провинции православных священников. Московская патриархия, казалось, забыла о своих единоверцах, совершенно не интересуясь их жизнью, и в то время как ингерманландские священники буквально вымирали, а замены им не было. И даже когда король через своих посланцев обращался к русским церковным властям с просьбой решить этот вопрос, а также назначить в провинцию епископа, то положительного ответа на эти предложения он не дождался. Им была доже предпринята попытка послать за казённый счёт какого-нибудь из местных священников в Константинополь, чтобы его там хиротонисали во епископы, но она не удалась – в Ингерманландии не оказалось кандидатуры, достойной столь высокого сана.

Главный успех, которого добился Густав Адольф в своей церковной политике, был переход в лютеранство части православных инкери и всего русского дворянства, оставшегося здесь после присоединения провинции к Швеции (более того, последние стали активно родниться с местными шведами). Второй, менее заметный успех был связан с упоминавшимся участием православных в протестантских церковных службах. Король полагал, что русские постепенно привыкнут и к чужим службам, и к пасторам, а когда православные священники вымрут, то их паства перейдёт в протестантские приходы. Действительно, ингерманландских священников с годами становилось всё меньше, так что в ряде общин уже некому было крестить новорожденных, освящать браки и отпевать покойников. Поэтому русские были вынуждены обращаться, с просьбой совершить ту или иную требу, к пасторам. Однако это была вызванная нуждой уступка собственной совести, которая отнюдь не выражала сближение православных с чуждой им верой.

Затем положение русской церкви в провинции несколько улучшилось. Удалось привлечь нескольких русских священников, появилось даже 17 новых приходов. А в 1642 г. в Нарве была учреждена ингерманландская консистория – пожалуй, единственная в своём роде, так как являлась межконфессиональной. Её руководство состояло из суперинтенданта и четырёх священников-асессоров: шведского, русского, финского и немецкого (впрочем, «русский» асессор на деле был православным финном, владевшим русским языком).

Церковная политика сменилась более нетерпимой в 1640 г., когда на пост суперинтенданта провинции был назначен шведский пастор Хенрик Сталь. Новый церковный администратор прилагал все усилия к тому, чтобы покончить с

православием в провинции, что ему удавалось довольно плохо. Дело было в том, что ни он сам, ни подчинённые ему рядовые пасторы не знали православного (в частности, русского) культурного мира, были чужды ему и не могли поэтому завоевать доверие прихожан местных русских церквей. Замечу, что неудачи во внедрении протестантизма не стали причиной чрезмерно жестоких акций по отношению ни к православным инкери, ни к вепсам, в среде которых сохранились явственные следы язычества. Во всяком случае, здесь не было отмечено процессов над ведьмами и колдунами, как в соседней Эстляндии, где знахарей и народных целителей церковные власти нередко обвиняли в колдовстве и сжигали на кострах.

Следующее наступление на православие началось в 1680 г., когда суперинтендантом Ингерманландии стал Юхан Гезелий-младший, всемерно в этом поддерживаемый тогдашним генерал-губернатором Йораном Сперлингом. При нём нарвская консистория добилась распоряжения Карла XI о печатании в Королевской типографии Библии и Катехизиса на языках коренных народов провинции, но набранные кириллицей – латиницы они не знали. Ю. Гезелий распространял лютеранство, не останавливаясь перед прямым насилием. Так, инкери, которые упорно отказывались вступать в протестантские приходы, ковались в кандалы и в таком виде их волокли в кирхи. Неудивительно поэтому, что во время инспекционной поездки суперинтенданта в 1684 г. в Западную Ингерманландию многие жители убегали из деревень в леса.

Он рассылал комиссаров, которые уничтожали иконы, обнаруженные в домах сельских жителей и даже церквях. Затем он добился Положения о сегрегации, которым запрещалось богослужение одновременно для русских и инкери. Положение было принято на церковном соборе в Копорье 23 августа 1683 г., и с этого дня русских священников, не соблюдавших его могли арестовать, подвергнуть тюремному заключению, а однажды священника Сысоя Сидорова прогнали за его дерзкое отстаивание свободы вероисповедания (он ссылался на соответствующий пункт Столбовского договора) девять раз сквозь строй из 50 солдат.

Однако во второй половине XVII в. ситуация изменилась. В результате значительного переселения финнов в провинцию здесь создалась новая этнокультурная и конфессиональная ситуация. Теперь финноязычные общины обладали более прочным социальным базисом и это сказалось на религиозной жизни провинции. Поэтому в сельской местности, где проживало большинство коренного населения, образовалось немало лютеранских приходов – вокруг новых кирх, естественно. А в 1696 г. старые православные погосты «были окончательно заменены сельскими лютеранскими общинами с финноязычным населением».

В целом, следует учитывать, что Эстляндия принадлежала Шведской империи на протяжении 153 лет, Ингерманландия – 89 и Лифляндия 81 года. К концу этого периода пёстрое население восточных провинций, Швеции и Финляндии уже ощущало себя органическим единством, хотя история отпустила слишком мало времени для образования новой имперской нации. Однако шведское время навечно осталось в исторической памяти не только эстляндцев и лифляндцев, но и шведов – хотя бы потому, что период шведского великодержавия начался в Эстляндии, и там же закончился.

Для населения прибалтийских колоний шведской империи этот период имел свои тёмные и светлые стороны. Однако он остался в истории Прибалтики как «старое доброе шведское время» не только потому, что после начала Северной войны Ингерманландия, Эстляндия и отчасти Лифляндия превратились в мёртвую зону. Основная масса населения Эстляндии и Лифляндии и в дальнейшем подверглась тяжёлым испытаниям. Ухудшилось не только правовое и социальное положение населения бывших провинций. Под вопросом оказалось само существование прибалтийских народов, – но этот сюжет выходит за рамки моей

статьи.

Заокеанские колонии Швеции.

О попытке шведов создать колонию *Новая Швеция* в Северной Америке, на западном, а затем и восточном берегах устья р. Делавэр здесь говорить не стоит. Она была сравнительно краткой и неудачной; к тому же о ней имеется специальная работа. Столь же кратким был срок существования колонии Кабо Корсо в Верхней Гвинее, на африканском Золотом берегу. Она была основана в 1649 г. шведской Африканской компанией, возведшей здесь форт Каролусборг. Но уже в 1658 г. эта колония была захвачена датчанами и оказалось навсегда утраченной для Швеции.

Гораздо более длительным было владение Швецией одним из островов Карибского моря. В 1784 г. Густав III подписал в Париже трактат, согласно которому остров Св. Варфоломея переходил в его собственность, – взамен Франция получала важные привилегии в её торговых операциях в Гётеборге. Сделка эта могла показаться странной, так как реальные выгоды от эксплуатации островной территории были ничтожны: она была безлесной, неплодородной, даже водные источники там не были обнаружены. Единственной ценностью этого клочка суши была естественная гавань, хорошо защищённая от гигантских океанских волн. Здесь и был заложен новый город – Густавиа.

В 1786 г. в Швеции была образована Вест-Индская компания, которая не только получила привилегию на торговые сделки с островом на 15 лет, но и чиновные места в его управлении. Доходы от этой торговли были весьма прибыльными. Именно поэтому в 1806 г. она целиком перешла к государству, а компания утратила все свои привилегии, её лидеры утратили места в Государственной канцелярии, а права королевского губернатора острова значительно возросли. Государство начало использовать остров как дойную корову – в смысле экономики, которая неожиданно расцвела.

Густавиа была объявлена свободной гаванью, то есть портом, открытым для всех судов мира. Время, которое Густав III выбрал для этой трансформации, было как нельзя более удачным, так как остальная Вест-Индия на несколько десятилетий оказалась ввергнутой в борьбу между великими державами Европы. В 1783 г. США объявили независимость, после чего вход американских судов в гавани на островах, принадлежащих Англии, был закрыт. Ситуация ещё больше обострилась с началом наполеоновских войн. Англичане не только оккупировали французские владения в Новом Свете, но и блокировали датские и голландские островные гавани. Таким образом, о. Св. Варфоломея остался единственным свободным портом в этом регионе и вскоре, естественно, превратился в международный центр торгового обмена.

Но настоящий экономический и социальный расцвет острова наступил чуть позже, в 1790-х гг., когда революционное парижское правительство декларировало отмену рабства в Новом Свете. Во французских колониях возник мятежный хаос, от ужасов которого многие европейские семьи бежали на остров Св. Варфоломея, единственный, кого совершенно не затронули социальные бури далёкой Европы. Население его стало поэтому быстро увеличиваться, как и число горожан Густавии. Если на этом ранее необитаемом острове через два года после высадки шведов уже насчитывалось 348 постоянных жителей, то в 1788 г. их было 656, в 1796 г. – 2 051, а в 1800 г. город поднялся до уровня Упсалы (5 000 чел.). То есть, заокеанская Густавиа стала одним из крупнейших городов шведской империи.

Это был цветущий город-порт. В 1800-1810 гг. сюда ежегодно заходило не менее 1 330 судов, а товарооборот достигал 3 млн. пиастров. Такая динамика экономического роста напоминала золотую лихорадку американского Запада – и она была столь же преходяща. Тем не менее, пока город рос. Теперь здесь было 5 огромных складов шведской Вест-Индской компании, тут обосновались 40 купцов-

оптовиков, торговало 5 магазинов корабельных принадлежностей и 17 обычных лавок. В городе было 8 гостиниц, 22 таверны и 5 школ. Это – то, что было на поверхности. Но Густавии приносила доход и нелегальная торговля оружием, которая развернулась во время англо-американской войны 1812-1820 гг., не менее, чем в годы южноамериканского национально-освободительного движения тех лет.

Доходы, которые получала шведская казна от своего заокеанского владения, были огромны. Достаточно сказать, что в 1812 – 1814 гг. 1/5 всего экспорта США шла через Густавию – и это уже не говоря о прибылях государства от местных контрабанды и работорговли. Последняя заслуживает особого внимания. В Швеции давным-давно отменили рабство. Тем не менее, Багге, губернатор Св. Варфоломея сам имел 16 рабов и не препятствовал аукционным торгам, на которых выставлялись африканские невольники, бежавшие с других вест-индских островов. Причиной побегов, были, между прочим, более человечные условия жизни рабов в шведской колонии.

Ситуация изменилась в 1831 г., когда, когда Англия открыла свои вестиндские гавани для американских судов. Торговой исключительности Густавии пришёл конец, теперь она была обречена. Раньше всех это поняли крупные иностранные коммерсанты, которые тут же начали распродавать своё имущество. Затем с острова начало выезжать его население. А чуть спустя, как по заказу каких-то нечеловеческих сил последовали разрушительные ураганы и эпидемии. Наконец, в 1852 г. Густавия почти полностью выгорела, причём погибло полтысячи человек. Теперь с острова уезжали и шведы – если в 1831 здесь жило 2 460 чел., то к 1876 число их сократилось до 793-х.

Итак, приблизительно с 1830 гг. вест-индская колония начала превращаться из доходного предприятия империи в убыточное. Всё большая часть её населения нищенствовала, выхода не было. Но лишь в 1877 г. шведское правительство предложило Франции купить о. Св. Варфоломея. Та согласилась, и 16 марта 1878 г. шведский флаг был спущен и на этом острове, фактически забытом государством.

В заключение колониальной темы истории Швеции сошлюсь на мнение крупного шведского учёного, который считает, что современные «шведы даже не знают» точных названий Ингерманландии, Эстляндии, Лифляндии и Кексгольм-лена. В то же время маленький остров Св. Варфоломея, продолжает он, «более известен, так как он чаще посещался непосредственно шведами».

В целом, начиная с 1660-х гг. структура шведской империи вполне отвечала ожиданиям её созидателей как в политическом, так и экономическом смысле. Однако нельзя забывать, что экономические выгоды в максимальном размере могли быть обеспечены казне лишь в условиях торговой монополии государства, что никогда не входило в задачи королей. И даже выгоды, полученные Швецией по Вестфальскому договоры были скорее декорацией, чем действительным средством укрепления политического положения империи. Новый статус не принёс Швеции искомой безопасности, скорее, напротив, создал новые очаги внешней угрозы. Столбовский мир 1618 г. не гарантировал прочность восточной границы, как и Копенгагенский 1660 г. – западной, со стороны Дании. А немецкие земли вообще сделали политическую позицию королевства более уязвимой, чем она была до 1618 г.: реальностью стала угроза ведения войны уже не на двух, а на трёх фронтах – это стало ясно уже в 1659 г., в самом конце Первой северной войны.

Империя была морской, разделённой обширными водными преградами и поэтому зависимой от своего господства на Балтике, без которого она просто не могла существовать. То есть, dominium maris baltici был вопросом не престижа, а выживания. Все государственные деятели, начиная с Акселя Оксеншерны, ставили во главу угла своей политики содержание военно-морского флота державы в отличном состоянии. Лишь владение лучшим на Балтике флотом способно было

оградить страну от датского вторжения. И такое морское превосходство было блестяще продемонстрировано победой, одержанной шведскими моряками над датским флотом в проливе между островами Лолланд и Фемерн в 1644 г.

Однако при всей своей мощи шведский флот мог оказаться бесполезным, как только Стокгольм лишится поддержки (не говоря уже о враждебной позиции) великих морских держав Англии и Нидерландов. Для этого было бы достаточно прекращения субсидий, которые почти постоянно предоставляла Швеции Голландия. Таким образом, империя не могла рассчитывать на собственную экономику ни в сохранении превосходства на море, ни в обороне своих провинций (и самой метрополии) на суше. Во второй половине XVII в., кроме того, уже не могла работать старая система самоснабжения армии в наступательных войнах на чужой территории. Как говорилось выше, империя достигла максимума того, что она могла удержать – и это в ситуации, когда любой вооружённый конфликт в непосредственной близости от её заморских колоний неминуемо вёл к возобновлению военных действий без достаточного военно-экономического потенциала.

Единственной возможностью в его поддержании на хотя бы прежнем уровне были упомянутые субсидии. Но их никто задаром не давал, нужно было чем-то поступаться. Был, правда, для этого ещё один старый, проверенный способ: торговать собственным нейтралитетом в европейских войнах в обмен на финансовую поддержку заинтересованных в этом сторон. Но войны рано или поздно кончаются, а в мирное время шведский нейтралитет становится залежалым, никому не нужным товаром. Поэтому не было ничего удивительного в том, что к 1680-м гг. репутация Швеции как мощной державы упала именно по причине её постоянных поисков всё новых субсидий. И шведским дипломатам за рубежом всё чаще приходилось унизительно напоминать при чужих дворах, что именно Швеция вышла из давно минувшей Тридцатилетней войны победительницей.

Тем не менее, никто в империи не мог предугадать, что годы её сочтены. Шведская армия была к концу правления Карла XI одной из лучших в Европе. Причём экономика страны, оздоровлённая в результате проведения редукций, позволяла уже содержать эту воинскую силу без иностранных субсидий. Это достижение имело и большое моральное значение, что отразилось на внешней политике Швеции, ставшей более твёрдой и самостоятельной. Она была нацелена на нейтралитет, на поддержание сложившегося в Европе баланса сил и, главное – на мир, мир любой ценой. Ведь только мир мог дать гарантию наконец-то достигнутой военной, политической и финансовой независимости страны. Шведский король Карл XII счёл своё положение слишком устойчивым для того, чтобы озаботиться поиском надёжных и сильных союзников, готовых оказать вооружённую поддержку в возможной войне Швеции с кем-либо из соседей. В результате шведская империя была в начале XVIII века окончательно обречена на исчезновение с европейской карты. Ряд стратегических ошибок короля-воина привёл к поражению Швеции в Северной войне, но и безупречная стратегия вряд ли что-либо здесь качественно могла бы изменить. Раньше или позже, в той или иной форме и последовательности событий, должно было случиться, по сути, то же самое.

Шведская империя смогла возникнуть в своё время лишь благодаря относительной слабости её ближайших соседей, некоторому замешательству более сильных держав или же их занятости собственными проблемами. Бремя великой державы с самого начала было слишком тяжким для Швеции; она и так влекла его слишком долго. И умудрялась нести эту ношу лишь благодаря уловкам, которые делали её легче, – о субсидиях великих держав говорилось выше. Стратегия Карла XI (редукция, возведение политических и фортификационных оборонительных надолбов) могла сохранить империю, которую он унаследовал от своих

предшественников на шведском троне. Но уже сама по себе она была предупреждением: в будущем необходимо урезать траты, на восполнение которых уходит слишком много национального продукта. А эти ресурсы отнюдь не были ресурсами великой державы.

Столь бесславный конец империи стал национальной трагедией ещё и потому, что именно те провинции, что на протяжении длительного времени выполняли жизненно важные для королевства политические и экономические функции, были так легко и так надолго захвачены соседями. Бесспорно, это произошло по причине недостатков политического анализа в высших правительственных кругах Швеции, пренебрегавших фактором постоянной опасности, грозившей стране с востока. Эрик Дальберг был едва ли не единственным из шведских чиновников высшего эшелона, обладавшим даром политического предвидения. Но и он испытал горькую судьбу Кассандры, не услышанной гражданами Трои.

Литература *(общий список см.: приложение)*:
Öhlander C. Bidrag till kännedom om Ingermanlands historia och förvaltning. Bd. I. 1617-1645. Upsala, 1898; Liliedahl R. Svensk förvaltning i Livland 1617-1634. Upsala, 1933; Heckscher E.F. Sveriges ekonomiska historia från Gustav Vasa. Stockholm,1936; Roberts M. The Swedish imperial experience, 1560-1718. The Wiles lectures. Cambridge University Press, 1979; Адамсон А., Валдмаа С. История Эстонии. Таллинн, 2000; Swenne H. Svenska adelns ekonomiska privilegier 1612 – 1651. Stockholm, 1933; Лайдре М.Х. Шведская армия в Эстляндии и Лифляндии во второй половине XVII в. (1654–1694). Тарту, 1987; Swärd O. Latinamerika i svensk politik under 1810-1820-tiden. Uppsala, 1949.

ЭТНОС

Этнос (от греч. ἔθνος — народ) — исторически сложившаяся совокупность людей, которые обладают специфическими особенностями культуры, общим языком и характерными чертами психики, а также самосознанием и самоназванием (этнонимом), отличают себя от других подобных общностей.

Российские этнографы во главе с Ю. В. Бромлеем разработали *дуалистическую концепцию этноса*. Она различает два смысла понятия Э.:

1) В узком смысле Э. получил название «этникос». Это «исторически сложившаяся на территории устойчивая межпоколенная совокупность людей, обладающих не только общими чертами, но и относительно стабильными особенностями культуры (включая язык) и психики, а также сознанием своего единства и отличия от всех других подобных образований (самосознанием), фиксируемом в самоназвании (этнониме)».
2) В широком смысле Э. — это этносоциальный организм, «та часть соответствующего этникоса, которая размещена на компактной территории внутри одного политического (потестарного) образования и представляет, таким образом, определённую социально-экономическую целостность».

Э. имеет структуру. Он состоит из *этнического ядра* (компактно живущей на определенной территории основной части Э.), *этнической периферии* (компактных групп представителей данного Э., отделенных от основной его части) и *этнической диаспоры* (отдельные члены Э., живущие в анклавах или минигруппами на территориях, занятых другими этническими общностями.

Внутри Э. выделяются *субэтносы* — группы этнически однородных людей,

отличающиеся своеобразием культуры, языка и самоидентификацией. Например, грузины делятся на картлийцев, кахетинцев, имеретин, гурийцев, мохевцев, мтиулов, рачинцев, тушин, пшавов, хевсуров и т.п. У членов такого Э. существует двойное этническое самосознание: сознание принадлежности к Э. и сознание принадлежности к субэтносу.

Естественно, что возникает сложный вопрос: этнос — явление социальное или биологическое? Человек, рожденный в другом этносе — стянет ли он носителем *иных* этнических черт, или сохранит черты своих родителей? Есть сторонники точки зрения, что этнос — это биологическая популяция. Однако при внимательном рассмотрении проблемы оказывается, что это пока недоказуемо. Основной признак популяции — одинаковая система воспроизводства, подобное порождает подобных. Но у животных это обусловлено биологическим устройством. Брак собаки и кошки невозможен физически. У человека же тоже внутри одного социума браки эндогамны (до 85 %). Обусловленная ими замкнутость круга брачных связей является своеобразным «стабилизатором» этноса, поскольку обеспечивает ему сохранение семей однородного этнического состава. Но это обусловлено НЕ биологией (физически нет препятствий к браку чукчи и негритянки), а — общественные явления (язык, религия, обычаи, стереотипы поведения, этническое самосознание и т. п.).

Принципиальное отличие этноса от биологической популяции наглядно видно как раз на способе воспроизводства. В популяции оно осуществляется путем передачи генетической информации по наследству от поколения к поколению через ДНК половых клеток. Механизм же воспроизводства этноса основан на коммуникативных «вне-биологических» связях. На примере США мы видим, как из африканских негров получаются 100%-е американцы. И биология здесь не при чем.

Тем не менее, поиски биологических показателей этносов продолжаются. Когда-то с легкой подачи немецких философов-романтиков появились арийские расовые теории, которые кое-кто пытался — и почти успешно — воплотить в жизнь. Триумфальное шествие «белокурой бестии» по планете было остановлено русскими танками, а газовые печи Майданека и Освенцима, трагедия Холокоста дискредитировали саму идею. Собственно, суть фашизма и есть в отношении к человеку как к животному (сколько кусков мыла можно сделать из жира, вытопленного из женского тела, и сколько подушек для доблестных германских подводников можно набить женскими волосами? — вот так нацисты смотрели на мир). Однако в наши дни, когда в связи с распадом СССР и Югославии, бунтом малых народов национализм в Европе вновь поднял голову, некоторые на полном серьезе ищут генотипы наций — и есть уже даже исследования по этногенезу, построенные как раз на сравнении хромосом, генном анализе и т.д. Причем этим увлекаются самые разные государства: генотип «истинных хорватов» сегодня ищут в славянской Хорватии, а в 2009 г. Израиль начал исследование генов афганских пуштунских племен на предмет выявления общих семитских предков.

Среди биологических теорий этноса можно вспомнить гипотезу Пьер ван ден Берге. Он определял Э. как «расширенную родственную группу». Существование этнических общностей ван ден Берге объясняет генетической предрасположенностью человека к родственному отбору. Суть его заключается в том, что альтруистическое поведение (способность приносить себя в жертву) уменьшает шансы данной особи на прямую передачу своих генов следующему поколению — особь жертвует собой ради соплеменников и героически погибает, не оставив своего собственного потомства. Но этим она спасает соплеменников, а они его родственники, и тем самым увеличивается возможность передачи его генов косвенным путем, через потомство родни. Помогая родственникам выжить и передать свои гены следующему поколению, индивид тем самым способствует

воспроизведению собственного генофонда. Поскольку такой тип поведения делает группу эволюционно более устойчивой, чем аналогичные другие группы, в которых альтруистическое поведение отсутствует, то «гены альтруизма» поддерживаются естественным отбором. Со временем из таких групп и получаются народы, способные на поступок, на свершения, на самопожертвование, на героические деяния. А из других — слабые, неспособные к сопротивлению, недостойные народы.

Конечно, у Э. есть особенности. Они проявляются на уровне темпераментов, медицинских традиций, особенностей экологического поведения (преобладание у этноса экофильных или экофобных установок), традиций, касающихся регулирования рождаемости, и т. п. Большинство факторов, определяющих особенности естественного воспроизводства населения, то есть биологического в своей подоснове явления, либо непосредственно связаны с Э. (через народную культуру, быт и традиции), либо, что бывает гораздо чаще, связаны с ним косвенным путем (через антропологические особенности, специфику хозяйственной деятельности, религию, особенности демографической политики и т. п.). Большую роль играет урбанизация — конституция тела имеет свои особенности у сельского и у городского населения, и на протяжении поколений это закрепляется.

Особое значение имеет язык и письменность — латиница и кириллица, письмо фонетическое и иероглифическое. В процессе их употребления задействованы разные участки коры головного мозга, отсюда и разница в мышлении, психике и т.д. Например, японский ученый Т. Цунода обследовал представителей нескольких десятков этнических групп (европейских, азиатских и африканских). Полученные материалы показали, что если у представителей подавляющего большинства обследованных групп гласные вызывали доминантность правого полушария (левого уха), то у лиц, родным языком которых был японский или один из полинезийских (тонга, восточно-самоанский и маори), — левого полушария (правого уха). Было выяснено также, что такого рода различия в характере доминантности вызваны не генетическими факторами, а лингвистической и слуховой средой. В свете всего этого Т. Цунода пришел к выводу, что причина указанных выше различий заключается в общем для японского и полинезийского языков свойстве: присутствии в них большого количества слов, состоящих только из гласных, и слов из двух или более гласных и согласных. В этих богатых гласными языках сами гласные столь же важны в узнавании слов и предложений, как и согласные. В результате гласные звуки «обрабатываются» в левом, или «речевом», полушарии.

Сегодня популярна теория лингвистической относительности (теория Сепира – Уорфа). Согласно ней, сходные физические явления позволяют создать похожую картину вселенной только при наличии сходства иди по крайне) мере при соотносительности языковых систем. Уорф, например, обратил внимание на то, что в языке индейцев хони одним и тем же словом обозначаются все летящие предметы, за исключением птиц (насекомое, самолет, летчик и т. д.). И лишь контекст может уточнить, в каком смысле употреблено это слово. В то же время эскимосы пользуются рядом различных слов, обозначающих снег (падающий снег, талый снег, сухой снег). В языках европейцев такие слова просто отсутствуют.

Из этих наблюдений вытекает, что разные языки неодинаковы для решения различных социальных и культурных задач. Кант не смог бы написать свои труды на эскимосском языке — там просто нет адекватных слов и выражений. Недаром периодически встает проблема *универсального языка* (например, латыни как универсального языка в средневековье, сегодня такую роль в значительной степени играет английский язык). Но тогда неизбежен вывод о неравенстве Э.-в. А подобные идеи о неравенстве народов, в определенной степени обусловленном объективными причинами, опасны, так как неизбежно ведут к появлению *национализма* (см.)

Они тем опаснее, что этот вывод в научных трудах нередко подкрепляется историческим материалом. Историки пишут, что одни народы создавали империи, творили историю, другие были для них всего-навсего расходным колониальным материалом, а третьи вообще не оставили никакого следа в истории, кроме этнографического. Н. И. Данилевский писал о народах «исторических» и «неисторических» (например, финны).

Л. Н. Гумилев создал целую *теорию пассионарности* — что народы суть биологические организмы, которые наделены разной способностью усваивать особое космическое излучение. Те, кто умеют его усваивать, становятся *пассионариями* и творят историю, а кто не умеет — служат расходным материалом для первых. По Л. Гумилеву, Э. — «естественно сложившийся на основе оригинального стереотипа поведения коллектив людей, существующий как системная целостность (структура), противопоставляющая себя всем другим коллективам, исходя из ощущения комплиментарности и формирующая общую для всех своих представителей этническую традицию».

Для имперской проблематики особое значение имеют теории Э., объясняющие место Э. в колониальной политике (см.: *колониализм*) мировых империй, а также теории, объясняющие биологическое неравенство Э-в. В то же время именно этнология и антропология являются прикладными науками в колониальной практике империй. В то же время империя выступает против этнических различий подданных, усмиряет на своей территории этнические конфликты на межплеменном уровне (откуда и пошло выражение: «империя — это мир»). Она способствует нивелировке этносов и утраты ими своей культурной идентичности, в то же время, в силу «мира» некоторые мелкие этносы, непременно уничтоженные бы в междоусобных войнах, получают шанс на выживание.

Литература:

Токарев С. А. История русской этнографии (дооктябрьский период) М., 1966; Barth F. Ethnic groups and boundaries. The social organization of culture difference. Oslo, 1969; Бромлей Ю. В. Этнос и этнография. М., 1973; Ethnicity: Theory and Experience / Ed. by N. Glazer, D. P. Moynihan. Harvard, Cambridge MA, 1975; Токарев С А. История зарубежной этнографии. М., 1978; Smith A. The Ethnic Revival. Cambridge, 1981; Royce A. Ethnic Identity: Strategies of Diversity. Bloomington, 1982; Леви-Строс К. Структурная антропология. М., 1983; Чебоксаров Н. Н., Чебоксарова И. А. Народы, расы, культуры. М., 1984; Никишенков А. А. Из истории английской этнографии. Критика функционализма. М., 1986; Этнические процессы в современном мире. М., 1987; Theories of Race and Ethnic Relations. Cambridge, 1986; Smith A. The Ethnic Origins of Nations. Blackwell, 1987; Арутюнов С. А. Народы и культуры. Развитие и взаимодействие. М., 1989; Итс Р.Ф. Введение в этнографию. Л., 1991; Марков Г. Е. Очерки истории немецкой науки о народах. М., 1993; Гулиев М. А., Коротец И. Д., Чернобровкин И. П. Этноконфликтология. М.; Ростов н/Д., 2007; Бромлей Ю. В. Очерки теории этноса / Послесл. Н. Я. Бромлей. Изд. 2-е доп. М., 2008.

ЭТНИЧЕСКАЯ ГРУППА

Этническая группа (Ethnic Group) – многозначное и неопределённое понятие в современных общественных науках, таких как этнология, социология, политология и др., применяемое в зависимости от контекста ситуации и научной традиции исследователя. Также нужно иметь в виду, что существует различие

между группой, заявляющей о своем этническом своеобразии, и группой, своеобразие которой навязывается ей некоторой группой, занимающей более высокое политическое положение. В этом случае двусмысленность определения этнической группы отражает существование в обществе политической борьбы, разворачивающейся вокруг принципов открытого или закрытого группового членства, что затрудняет процесс дефиниции. Рассмотрим разные значения понятия этнической группы.

Во-первых, термин этническая группа используют в смысле субэтноса в этнологии. В этом случае под этнической группой понимают региональную часть какого-либо этноса, не вполне слившуюся с ним и имеющую особенности разговорного языка (диалект), культуры, быта, а также особое самосознание и название (этноним), чем отличается от этнографической группы. Наиболее типичными примерами применения этого значения: гуцулы и лемки являются этническими группами украинцев, мингрелы и сваны – грузин и т.п.

На данный момент наиболее распространенным значением термина этническая группа является его использование для обозначения совокупность людей определенной национальности, проживающих за пределами своей исторической этнической территории в инонациональной среде. В этом случае численность этнической группы может варьироваться от десятков и сотен до многих миллионов человек, а проживание может быть как дисперсным, так и компактным. При этом этническую группу объединяет не территориальная и экономическая, а языковая, культурная, психологическая общность, а также общность обычаев и традиций, самосознания этнической принадлежности. Таким образом в современном понимании этнические группы обычно выступают как национальные (этнические) меньшинства, как часть этноса, которая в силу ряда причин отделена от ядра этноса и вынуждена функционировать вне его. Обособляясь по национально-этническому, религиозно-общинному, языковому, культурно-бытовому признаку, такие группы образуют субэтнические, этноконфессиональные, этнолингвистические общности, которые со временем начинают претендовать на определенный этнополитический статус, что может привести к конфликту с доминирующей группой. Обобщая вышесказанное, можно обозначить и специфические черты этнической группы (качественные характеристики): 1) она не имеет собственных государственных образований и лишена правового механизма суверенизации; 2) её члены расселены на больших расстояниях друг от друга, сохраняя основные этнические черты; 3) это общности людей, отделенные от своего этноса вследствие миграции, депортации, изменения границ и проживающие в других регионах. Другими (количественными) её характеристиками являются: 1) численности населения 2) длительности проживания вне исконной территории (от нескольких веков до нескольких десятилетий); 3) степени национальной самоидентификации; 4) степени сохранности этнического языка; 5) степень ассимилируемости.

В современном мире продолжаются дезинтеграционные, часто конфликтные процессы, способствующие образованию новых этнических групп. С другой стороны, стремление к консолидации этнической группы часто провоцирует этнические, этнотерриториальные конфликты. В прошлом для названия таких этнических групп применялся термин территориальная группа (обособленная часть народности или нации, сохраняющая некоторые, наиболее значимые особенности языка, культуры, религии, быта), внешне не несущий этнической нагрузки. В мировой науке, особенно западной (прежде всего американской), нет места раздуванию вопроса о биологической или социальной сущности данного явления: популяция приравнивалась к обозначению группы людей. Таким образом, понятие этнической группы совпадает с понятием малой группы, в силу того, что такого

рода исследования первоначально возникли в рамках интерпретации американского плавильного котла.

Хотя согласно доминирующей традиции термин этническая группа предназначен для обозначения меньших групп в составе больших, некоторые исследователи называют доминирующую в обществе группу также этнической группой, для демонстрации существующих между ними этнических связей. Также важно отметить, что хотя этнические группы часто являются и расовыми группами, эти термины предпочитают не использовать синонимично.

В-третьих, под этнической группой иногда понимают группу этносов, родственных по происхождению или каким-либо близким параметрам. То есть этническая группа представляет общность, объединяющую несколько этносов (стоит заметить, что в последнее время с этой целью в этнологической науке предпочитают использовать специфический термин метаэтническая общность). В отличие от этнографической группы этническая группа – более широкое и неопределенное понятие, подразумевающее обычно группу нескольких близких между собой народов; это родственная по языку и близкая по культуре общность людей. В такой интерпретации этническими группами были, например, древние славяне, древние германцы. Также типичные этнические группы – это кельтские народы, потерявшие языковое единство, но сохранившие культурное и этнографическое своеобразие, палеоазиатские народы Северо-востока России, эскимосы России, Канады, США и Гренландии, индейцы Америки, арабы Азии и Африки. Кроме этого, достаточно часто в предлагаемом контексте этнические группы могут объединяться также историей и традицией (евреи), языком (индейцы Дакоты), географией (скандинавы), социологическим определением расы (черные американцы), религией (мусульмане) и т.д. От этнической группы следует отличать этнографическую группу, представляющую собой просто часть народа, более узкое определение.

Стоит отметить, что в ряде изданий понятие этнической группы выступает более нейтральным и менее спорным синонимом термина этнос. Дело в том, что понятие этнос до сих пор является нечётко обозначаемым определением, сохраняющим возможность разных интерпретаций. В этом случае под этнической группой понимают группу людей общей идентичности, появившейся в результате коллективного понимания ее особой истории. Тогда этнические группы обладают собственными культурными обычаями, нормами, убеждениями и традициями. Они обычно имеют общий язык и проводят границы между членами и нечленами. Как и в группах по рождению, принадлежность к этнической группе может приобретаться посредством брака или других социально санкционированных способов.

Отдельного упоминания заслуживает понимание понятия этнической группы, встречающееся в трудах ведущих советских этнографов. Так, например, согласно Р.Ф. Итсу, этническая группа представляет научно-методическую конструкцию для обозначения общей по происхождению, языку и культуре группе людей, которую можно соотнести с понятием племя, но которая может характеризовать и такой тип этнического развития, когда нельзя дать точное определение. В этом случае термин чаще всего применяется для характеристики общностей, сошедших с исторической арены. Ю.В. Бромлей использовал понятие этнических групп для обозначения переходных общностей, ещё не оторвавшихся от исходного этноса, но уже ставших ассимилироваться с основной нацией страны пребывания. У этого автора фигурировали и пограничные этнические группы – общности людей, возникших в зонах контакта между двумя родственными этносами, не имеющие самосознания.

Литература:

Бромлей Ю.В. Этносоциальные процессы: теория, история, современность. М.,

1987; Гулиев М. А., Коротец И. Д., Чернобровкин И. П. Этноконфликтология. М.; Ростов н/Д., 2007; Итс Р.Ф. Введение в этнографию. Л., 1991; Этнические процессы в современном мире. М., 1987; Eriksen T.H. Ethnicity and Nationalism: Anthropological Perspectives. 2nd Edition. London, 2002; Ethnic groups and boundaries. The social organization of culture difference / Ed. by Barth Fredrik. Oslo, 1969; Ethnicity: Theory and Experience / Ed. by N. Glazer, D.P. Moynihan. Cambridge MA, 1975; Levinson D. Ethnic Groups Worldwide: A Ready Reference Handbook. Phoenix, 1998; Royce A. Ethnic Identity: Strategies of Diversity. Bloomington, 1982; Schaeffer R.T. Racial and Ethnic Groups. 11th edition. Prentice Hall, 2007; Smith A.D. The Ethnic Origins of Nations. Oxford, 1986; Smith A.D. The Ethnic Revival in the Modern World. Cambridge, 1981; Theories of Race and Ethnic Relations. Cambridge, 1986.

ЭТНИЧНОСТЬ

Этничность (Ethnicity) – широко используемое в современных социальных и гуманитарных науках (прежде всего этнологии, политологии, истории) понятие, в целом до сих пор не имеющее чёткого и общепризнанного определения ни в западной, ни в отечественной научной среде. В отечественный научный оборот термин пришёл с Запада и в настоящее время активно популяризируется ведущим российским этнологом В.А. Тишковым, чей подход отрицает существование этноса. Дело в том, что в традиционном отечественном обществознании во всех случаях, когда речь идет об этнических общностях (народах) различного историко-эволюционного типа более широко употребляется термин «этнос». В советской этнографической науке этот термин, как правило, применялся для обозначения естественно и исторически сложившейся социокультурной общности людей, отличающей себя от других подобных же общностей и фиксирующей это отличие в своем названии (этнониме), а также в других идентификационных символах. В таком значении термин «этнос» оказывается синонимом «народа» или «народности», при этом он по преимуществу употребляется при изучении традиционных (родоплеменных, тейповых и т.п.) отношений, в то время как англоязычный термин ethnicity (этничность) отражает происходящие с этносами процессы в условиях глобальной модернизации. В этом смысле термин этничность является по форме и содержанию современным понятием и выражением смысла слова «Этнос». Однако согласно В.А. Тишкову, общепринятого определения этноса не существует, доминируют лишь его определения как «этносоциального организма» (Ю.В. Бромлей) или как «биосоциального организма» (Л.Н. Гумилев). В советской/российской историографии понятие этничности имело более абстрактный смысл классификационного индикатора в значении «степень этничности изучаемой группы», западная же трактовка принимает этничность как реальность. Так видный советский этнограф Ю.В. Бромлей считал, что этничность это то, что отражается этническим самосознанием, компонентом которого является сознание единства происхождения. То есть этничность – это краткое обозначение той части определения этникоса (этноса в узком смысле), где говорится об общности культуры, языка, психики и самосознания. Поэтому во многих работах авторов традиционной направленности этничность практически сливается с понятием этнического самосознания, когда этничность представляется специфическими узами, основанными на общностях культуры и заставляющими данную группу считать себя отличной от других таких групп. Не стоит забывать и о проблеме сугубо лингвистического употребления термина в рамках той или иной национальной научной школы, из-за чего на практике часто происходит недопонимание реальных

значений предлагаемых слов.

Таким образом, появление понятия этничности в отечественном терминологическом обороте является заимствованием из западной научной традиции, в рамках которой интеллектуальная история термина этничность начинается с 1960-х гг. В это время обозначения «этнические группы» и «этничность» стали привычными словами в англоязычной социальной антропологии, хотя тогда мало кто заботился о том, чтобы дать им определения. В большинстве случаев этими терминами описывались классификации народностей, а также отношения между группами, осознающими свою культурную идентичность. Внедрение новых терминов выглядело ответом на практики постколониальной политики и на активно развивавшиеся движения национальных и расовых меньшинств во многих промышленно развитых странах. Появление интерпретаций этничности касалось таких разных явлений, как социальные и политические изменения, формирование идентичности, социальный конфликт, расовые отношения, нациестроительство, проблемы ассимиляции и т.п. Антропологические исследования показывают, что этническая идентичность часто является реакцией на процессы модернизации. Ещё в XIX в. многие теоретики полагали, что этничность, национализм и сопутствующие им проявления утратят свое значение или даже исчезнут под влиянием модернизации, индустриализации и индивидуализации. На деле же в последние десятилетия, особенно после Второй мировой войны, наблюдается резкий рост этнической проблематики. Считается, что первым это понятие использовал американский социолог Дэвид Рисман в 1953 г., а в Оксфордском словаре этот термин появился впервые в 1972 г. Стоит отметить, что термин не потерял актуальности и сегодня, продолжая набирать популярность.

Причины нынешнего возрастания практического интереса к проблемам этничности следует искать в происходящих глобальных социально-политических изменениях современности. К числу наиболее важных таких причин можно отнести следующие: трансформация бывших колоний в независимые государства, появление проблемы этнических меньшинств в бывших метрополиях за счёт представителей некогда колонизируемых народов. Этот процесс привёл к необходимости изучения их поведения и социализации в современных развитых обществах, что является предметом пристального внимания политологов и социальных антропологов. Ведь этнические группы, переселившись преимущественно в городские центры, столкнулись с людьми других этносов, обычаев, языков и т.п. Кроме этого распад социалистических государств реанимировал старые и породил новые этнические проблемы. Вопреки теоретическим положениям оказалось, что реальный социализм не смог сгладить или как-то трансформировать разрушительную энергию этнических конфликтов.

Говоря о содержательной части понятия этничность, в настоящее время этот термин можно представить как свойство этнической общности, обозначающее её особенные отличия от других общностей, то есть совокупность характерных черт этнической группы, а также как синоним более широко распространённого в российской науке понятия этнос. Обычно термин употребляется в русле представлений о полиэтническом характере большинства современных обществ. Этничность обозначает существование культурно отличительных (этнических) групп и форм идентичности, комплекс ярко осознанных и сознательно демонстрируемых этнических признаков, что сближает термин с понятием этническая идентичность. Этничность можно уподобить этническому портрету данного народа. Говоря об этничности, учёные признают тем самым, что группы и идентичности развиваются во множестве контактов друг с другом, а не в изоляции. Поэтому этничность неизбежно является аспектом социальных отношений между группами, которые считают себя отличными в культурном отношении от членов

других групп. В этом контексте её также можно определить как социальную идентичность (основанную на контрасте с другими) которая характеризуется метафорическим или фиктивным сходством. Когда культурные различия постоянно создают разницу во взаимодействии между членами групп, социальные отношения приобретают этнический элемент. Этничность представляет динамически обновляющийся комплекс идей, воззрений, ценностей этнофоров, дающий представление о месте этноса в кругу других народов и о месте человека в этносе. В реальной жизни этничность связана с возможностью получения выгод во взаимоотношениях с другими группами. Она имеет политический и организационный аспект, так же как и символический. В то же время социальное значение этничности включает помимо эмоциональных моментов и рационально-инструменталистские ориентации. Этичность, обычно пребывающая в латентном (спящем) состоянии, может мобилизоваться и использоваться для повышения социальной мобильности данной этнической группы, преодоления конкуренции, доминирования и социального контроля со стороны других групп, оказания взаимных услуг и солидарного поведения внутри группы, продвижения своих политических позиций и т.п. К политическим аспектам этничности относится проблема включения новых этнических групп в традиционно сложившуюся систему отношений. Этничность непосредственно связана с выигрышными или проигрышными стратегиями во взаимодействиях между группами, а также с созданием новой групповой идентичности.

Этничность формируется и существует в контексте того социального опыта и процессов, с которыми связаны люди. Некоторые участники этих процессов идентифицируются другими как члены определенной этнической группы. С внутригрупповой точки зрения этничность основывается на комплексе культурных черт, которыми члены этой группы отличают себя от других групп, даже если они в культурном отношении очень близки. Различия, которые они могут применять по отношению к другим, обычно довольно определенные и многоуровневые, тогда как внешние представления о группе имеют тенденцию к генерализации и стереотипизации при определении характеристик групп. Иными словами, во внутренних и внешних определениях этнической группы (народа, этноса) присутствуют как объективные, так и субъективные критерии. Часто бывает, что кровное родство или другие объективные критерии не играют определяющей роли. Этничность предполагает существование социальных маркеров как признанных средств дифференциации групп, сосуществующих в более широком поле социального взаимодействия. Эти различительные маркеры образуются на разной основе, включая физический облик, географическое происхождение, хозяйственную специализацию, религию, язык и даже такие внешние черты, как одежда или пища.

Согласно современным представлениям, учёные должны обращать внимание прежде всего на процессуальную (социально конструируемую) природу этничности, подвижный и мультикультурный характер современных обществ, на практическое отсутствие факторов культурной изоляции. Среди ученых нет единства в подходе к определению феномена этничности, но есть некоторые характеристики, свойственные для общностей, которые позволяют считать их этническими или говорить о присутствии этничности как таковой, которую также можно представить как форму социальной организации культурных различий, состоящей из характеристик, которые сами члены этнической общности считают для себя значимыми, лежащими в основе их самосознания. К этим характеристикам относятся следующие: разделяемые членами группы представления об общем территориальном и историческом происхождении, и, как следствие – наличие общей исторической памяти; обладание одним или несколькими общими названиями, единый язык и общие черты материальной и духовной культуры;

политически оформленные представления о родине и особых институтах, как, например, государственность, которые могут считаться частью того, что составляет понятие народ; чувство отличительности, т.е. осознание членами группы своей принадлежности к ней, и основанные на этом формы солидарности и совместные действия. Этничность – это не столько вопрос особенностей отдельно взятых групп, сколько характеристика их взаимоотношений. Культурно очень близкие группы (с общим языком, к примеру) могут относиться друг к другу как разные этносы (случай сербов и хорватов). С другой сторон, возможны значительные культурные различия внутри одной этнической группы. Любая этническая группа формирует комплекс своих идентификационных символов, мифов (к примеру, миф об общем происхождении), ритуалов.

Одним из наиболее влиятельных теоретиков этничности, норвежским ученым Фредериком Барту еще в конце 60-х гг. было обращено внимание на то, что центральным моментом в научном анализе данного феномена является этническая граница, которая определяет группу, а не сам по себе содержащийся в пределах этих границ культурный материал. Характеристики, используемые для определения этнических групп, не могут сводиться к сумме содержащегося в пределах этнических границ культурного материала. Этнические группы (или этносы) определяются прежде всего по тому, что сами члены группы считают для себя значимыми (или эта значимость навязана извне) и которые лежат в основе их самосознания.

Существуют три главных подхода к пониманию этничности: эссенциалистский (примордиалистский), инструменталистский и конструктивистский. Согласно примордиализму этничность является врождённой характеристикой, вплоть до биологических корней, перерастающей из поколения в поколение. Этот подход предполагает, что этническая идентификация (в отечественном варианте – «национальная принадлежность») основана на глубоких и основополагающих связях с определенной группой или культурой, а значит, и на существовании реальных, осязаемых основ этой идентификации, которые могут рассматриваться или как преимущественно биологические, или как культурно-исторические факторы. На этот подход также оказал сильное воздействие эволюционизм с его интересом к биологическим, генетическим и географическим факторам. Отсюда осознание групповой принадлежности как бы заложено в генетическом коде и является продуктом ранней человеческой эволюции. Культурный вариант примордиализма рассматривает этничность как, прежде всего разделяемую членами группы общность, которой присущи объективные единые характеристики: территория, язык, экономика, расовый тип, религия, мировоззрение и психический склад. Инструментализм предполагает, что этничность ситуативна, изменчива, зависит от текущей структуры общества, а поэтому может увеличиваться и уменьшаться в зависимости от множества факторов, в том числе и от действий политиков. В этом контексте инструменталистский подход рассматривает этичность как результат политических мифов, создаваемых и манипулируемых культурными элитами в их стремлении к привилегиям и власти. Приверженцы инструментализма сосредотачивают своё внимание не на изучении объективной основы существования этноса, а лишь на его роли в культурном пространстве. Конструктивисты же полагают, что этническая идентичность специально конструируется политическими элитами в борьбе за власть и не имеет никакого изначально заложенного происхождения, то есть этнос является искусственным образованием, результатом созидательной деятельности самих людей, объектом нациестроительства. Те же признаки, которые отличают представителей одного этноса от другого, в научной традиции конструктивистов называются этническими маркерами (внешний облик, язык, религия и т.п.) и

формируются в зависимости от того как наиболее эффективно требуется отделить один этнос от другого.

Стоит отметить, что все подходы к пониманию этничности не являются обязательно взаимоисключающими. Интеграция наиболее значимых аспектов в цельную теорию этничности наиболее перспективна на основе конструктивистского синтеза, в котором есть чувствительность к контексту. Однако в целом следует отметить продолжающуюся борьбу между традиционным отечественным примордиалистским подходом и входящим в моду конструктивизмом западного происхождения, а поэтому однозначное научное будущее термина этничность неопределенно и будет зависеть от многих конъюнктурных факторов.

Литература:

Арутюнов С.А. Народы и культуры. Развитие и взаимодействие. М., 1989; Бромлей Ю.В. Очерки теории этноса. М., 1989; Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера земли. Л., 1989; Конструирование этничности. Этнические общины Санкт-Петербурга, под ред. В. Воронкова, И. Освальд. СПб., 1998; Леви-Строс К. Структурная антропология. М., 1983; Тишков В.А. Очерки теории и политики этничности в России. М., 1997; Banks M. Ethnicity: Anthropological Constructions. London, 1996; Clifford G. The Predicament of Culture: Twentieth Century Ethnography, Literature and Art. Cambridge, 1988; Connor W. Ethnonationalism. The Quest for Understanding. Princeton, 1994; Ethnic Groups and Boundaries. / Ed. by F. Barth. Boston, 1969; Ethnic Groups and the State. / Ed. by P. Brass. London, 1985; Glazer N., Moynihan D. Ethnicity. Theory and Experience. Cambridge (MA), 1975; Leoussi A.S., Grosby S. Nationalism and Ethnosymbolism: History, Culture and Ethnicity in the Formation of Nations. Edinburgh, 2006; Horowitz D. Ethnic Groups in Conflict. Berkeley (CA), 1985; Moynihan D. Pendaemium: Ethnicity and International Politics. New York, 1993; Romanucci–Ross L., De Vos G. Ethnic Identity. Creation, Conflict and Accommodation. London, 1995; Smith A.D. The Ethnic Origins of Nations. Oxford, 1986; Smith. A.D. The Ethnic Revival in the Modern World. Cambridge, 1981; Seidner S.S. Ethnicity, Language, and Power from a Psycholinguistic Perspective. Bruxelles, 1982; Stavenhagen R. The Ethnic Question: Conflicts, Development and Human Rights. Tokyo, 1990; Van den Berghe P.L. The Ethnic Phenomenon. New York, 1981.

ЭТНИЧЕСКИЙ СТЕРЕОТИП

Этнический стереотип (Ethnic Stereotype, от др. греч. στερεός – твёрдый, объёмный и τύπος – отпечаток) – один из видов социальных стереотипов, представляющий коллективное устойчивое эмоционально окрашенное, обобщённое и упрощённое представление одной этнической группы о другой этнической группе и о самой себе, сложившееся главным образом на уровне обыденного сознания и нередко передаваемое следующему поколению в виде однозначных сущностей. Иными словами, этнический стереотип – это схематизированные и чрезвычайно устойчивые образы какой-либо этнической группы, легко распространяемые на всех её представителей. Они часто бывают неточными и/или искажёнными, хотя и содержат зерно истины. Этнические стереотипы поведения в явной или скрытой форме существуют во всех областях жизнедеятельности этносов и в каждую конкретную эпоху воспринимаются этносом как единственно возможный способ сосуществования с другими этносами.

В содержании этнических стереотипов, как правило, зафиксированы приоритетные оценочные мнения о психологических особенностях и поведении людей другой национальной группы, её моральных, умственных, физических

качествах, суждения об указанных качествах, но в нём также может присутствовать и предписание к действию в отношении людей данной национальности. Этнический стереотип представляет не обобщение реальных характеристик той или иной нации, а продукт и симптом соответствующей социальной ситуации, в которой индивидуальные качества личности заслоняются общим и заведомо односторонним стереотипом. В его основе часто лежат предубеждения, сформированные на базе ограниченной информации об отдельных представителях какой-либо нации или народа, что обычно порождает предвзятые выводы к представителям данной общности.

Типологически этнические стереотипы подразделяются на автостереотипы и гетеростереотипы. Автостереотипы – это представление членов конкретной этнической группы о самих себе. В данном случае объектом этнического стереотипа являются наиболее типичные представители своей этнической группы. Автостереотипы могут привести к этноцентризму – сознательному и бессознательному предпочтению своего народа и своей культуры перед чужими. Автостереотипы, как правило, представляют комплекс положительных оценок. Но иногда среди этнических меньшинств встречается и отрицательные самооценки. Подобные группы с низким статусом могут соглашаться с их относительно более низким положением в обществе. В этих случаях они склонны развивать негативные автостереотипы и позитивные гетеростереотипы. Но в целом автостереотипы имеют сбалансированность положительных и отрицательных элементов. В случае тех же меньшинств может подчёркиваться древность и мудрость их народа при его малочисленности. Этнические автостереотипы не константны: в ходе исторического развития этноса они претерпевают определенную эволюцию и в значительной мере отражают уровень этнического самосознания. Особенностью автостереотипов является стремление этнической общности внести в их содержание нечто от идеала, подчеркнуть наиболее самобытные черты национального характера. Например, группы с более высоким статусом в экономической сфере имеют тенденцию характеризовать себя как компетентных и добившихся экономического успеха, а группы с более низким статусом – как отличающихся добротой, сердечностью, гуманностью, с одновременным снижением значимости тех качеств, которые и обеспечивают чужой группе экономическое превосходство (деловитость, предприимчивость и т.п.).

Гетеростереотипы – это образы представителей других этнических групп, сложившиеся в данной группе. Гетеростереотипы могут быть как позитивные, так и негативные, в зависимости от исторического опыта взаимодействия данных народов. В их содержании следует отличать относительно устойчивое ядро – комплекс представлений о внешнем облике представителей данного народа, о его историческом прошлом, особенностях образа жизни и трудовых контактах, и ряд других изменчивых суждений относительно коммуникативных и моральных качеств данного народа. Изменчивость оценок связана с меняющейся ситуацией в межнациональных и межгосударственных отношениях. В основе гетеростереотипов лежит такое свойство, как антропо-стереотипичность, т.е. обусловленность стереотипа внешним обликом индивида. Внешность часто выступает практически важным признаком, несущим в себе информацию об этнической принадлежности субъекта. Признаки, из которых слагаются внешний облик и поведение, могут иметь осведомительное значение и выполнять регулятивную функцию. В гетеростереотипах на уровне обыденного сознания внешний облик представителя соответствующей этнической общности чаще всего связывается с определенными психологическими чертами человека. На основе этих стереотипов неизбежно создаются соответствующие типы межэтнического общения и поведения людей.

Этнический стереотип отражает как эмоционально-оценочное отношение к

представителям этнической группы, так и знания о ней. Содержание этнического стереотипа аккумулирует пристрастные представления об этносе, особенностях внешнего облика его представителей, чертах их характера, поведения, сильных и слабых сторонах, возможностях и специфике взаимодействия с ними и многое другое. Традиционно считается, что этнические стереотипы несут искажённую информацию, но, начиная с 1950-х гг. получила распространение гипотеза, согласно которой объем истинных знаний в стереотипах превышает объем ложных – это так называемая гипотеза «зерна истины». В настоящее время не вызывает сомнений то, что этнические стереотипы не сводятся к совокупности мифических представлений, но представляют собой образы этносов, а не просто мнения о них. Они отражает, хотя и в искаженном или трансформированном виде, объективную реальность: свойства двух взаимодействующих групп и отношения между ними. Однако устойчивость этнических стереотипов не является абсолютной. Они способны с течением времени постепенно трансформироваться, преломляя в своем содержании существенные перемены в облике объекта стереотипизации. Этнические стереотипы также могут изменяться в зависимости от изменения характера межэтнических отношений или с учащением межэтнических контактов.

В обыденном сознании и в средствах массовой информации об этнических стереотипах весьма распространено мнение как об исключительно отрицательном феномене. Во многом это связано с тем, что в мировой науке чаще всего изучались негативные стереотипы подвергавшихся дискриминации этнических меньшинств, что способствовало отождествлению стереотипов с предрассудками. Однако необходимо проводить четкое различение между стереотипами как социальным явлением и стереотипизацией как психологическим процессом. В социальной психологии последних десятилетий стереотипизация рассматривается как рациональная форма познания и частный случай более универсального процесса категоризации: создавая социальные категории, люди обращали внимание на характеристики, благодаря которым индивиды, принадлежащие к той или иной группе, воспринимались похожими друг на друга и отличающимися от других людей. В повседневной жизни человек, как правило, лишен возможности подвергать критическому анализу традиции, нормы, ценностные ориентации и правила общественного поведения. Он не всегда располагает также достаточной информацией о событиях, по которым ему приходится высказывать собственное мнение и оценку. Поэтому в обыденной действительности люди часто поступают шаблонно, в соответствии со сложившимся стереотипом. Явление стереотипизации – характерная особенность переработки личностью внешнего воздействия. Оно тесно связано со стремлением человека рассортировать полученную им информацию в сознании. Поэтому в повседневной жизни понятие стереотип часто употребляется как синоним слов шаблон или стандарт. Стереотипы способствуют закреплению традиций и привычек. В этом плане они выступают как средство защиты психического мира личности и как средство ее самоутверждения.

В основе этнических стереотипов лежат опосредованные этнические представления, полученные из разнообразных вторичных источников, включая исторически накопленный опыт предыдущих межэтнических контактов. В прошлом они начинали складываться под влиянием рассказов первых путешественников, обращавших внимание на какие-либо странные черты облика или поведения встреченных ими народов. При этом изначально могло создаться неполное или превратное представление. Расширение межплеменных связей, появление обмена обогатили представления человека о самом себе. Осознать специфику своей собственной этнической группы люди могли только через сопоставление и противопоставление ее с другими. Это было не созерцательное сопоставление качеств, а живой процесс общения, напряженный и конфликтный. Групповое

самосознание закрепляло и цементировало единство племени, племенного союза, позже – народности, перед лицом всех окружающих. Образ чужой этнической группы в сознании народа определяется, прежде всего, характером его собственных исторических взаимоотношений с этой группой. Там, где между двумя этническими группами складывались отношения сотрудничества и кооперации, они вырабатывали в основном положительную установку друг к другу, предполагающую терпимое отношение к существующим различиям. Там, где отношения между группами были далекими, не затрагивающими жизненных интересов, люди склонны относиться друг к другу без враждебности, но и без особой симпатии с присутствием взаимного любопытства.

Стереотипы нередко воспринимаются с детства – от авторитетных для ребёнка людей, а после из СМИ, выступления политических деятелей. Таким образом стереотипы усваиваются в детстве не на основе личного опыта, затем с трудом меняются, устойчивы к новой информации, могут сохраняться десятилетиями, передаваться к новому поколению, распространены среди достаточно большого числа людей данной национальности. Дошкольники и даже младшие школьники в большинстве своем остаются непредубежденными и вообще не имеют сколько-нибудь определенных стереотипов. Однако под влиянием взрослых у них уже вырабатываются известные эмоциональные предпочтения. Позже (с девяти лет) под влиянием взрослых эти предпочтения складываются в соответствующие стереотипы, и изменить их становится уже трудно. Чтобы отказаться от них, отдельному индивиду требуется не только смелость мысли, но и гражданское мужество – ведь часто это означает разрыв с заветами отцов и вызов общественному мнению, что особенно характерно для традиционных обществ. Содержание этнических стереотипов определяется тремя группами факторов: 1) спецификой стереотипизируемой группы, т.е. особенностями этнической группы, закрепленными в культуре и обыденном сознании ценностями, выработанными в ходе общественно-исторического развития; 2) социально-политическими и экономическими условиями развития этнических групп и особенностями взаимоотношений между ними, сложившимися на данный момент; 3) длительностью и глубиной исторических контактов с другими этносами.

Этнические стереотипы помогают решать следующие этносоциальные задачи: защита территории этнических границ, предпочтение соотечественников (соплеменников) пришельцами (мигрантами), базирующееся на усилении чувства солидарности со своими и чувства вражды (подчас непримиримой) по отношению к иноплеменникам. На социальном уровне этнический стереотип имеет две функции: идеологизирующую (формирование и сохранение групповой идеологии, объясняющей поведение группы) и идентифицирующую (создание и сохранение положительного образа «мы», формирование которого происходит прежде всего с помощью ритуалов и невербальных средств).

Основная опасность этнических стереотипов в том, что они способствуют появлению национальных предрассудков – неоправданно негативного мнения и отношения к чужому народу или отдельным его членам, склонность негативно действовать по отношению к людям чужого народа. А предрассудки в свою очередь провоцируют дискриминацию, которая предполагает осуждение и предубеждение против человека исключительно на основе его идентификации с определённой группой. Установки на межличностное общение обусловленным установками на общение между группами и обычно сочетаются с ними. При предубеждении учитываются прежде всего внешние данные. Предубеждение – это негативная, неблагоприятная установка к группе или ее индивидуальным членам; она характеризуется стереотипными убеждениями; установка вытекает больше из внутренних процессов своего носителя, чем из фактической проверки свойств

группы, о которой идет речь. Отсюда следует, что речь идет об обобщенной установке, ориентирующей на враждебное отношение ко всем членам определенной этнической группы, независимо от их индивидуальности. Иррациональность предубеждения состоит не только в том, что оно может существовать независимо от личного опыта, оно даже противоречит ему. Когда люди объясняют свое враждебное отношение к какой-либо этнической группе, они обыкновенно называют какие-то конкретные отрицательные черты, свойственные, по их мнению, данной группе. Однако те же самые черты, взятые безотносительно к данной группе, вовсе не вызывают отрицательной оценки или оцениваются гораздо мягче. Тут сказывается и историческая традиция, воплощенная в исторических сочинениях, литературе, обычаях, и консерватизм системы воспитания. Особенно велико значение воспитания. Многочисленные исследования показывают, что большинство людей усваивает предубеждения в детстве, до того, как получает возможность критически осмыслить получаемую информацию. Этнические предубеждения оказывают самое губительное влияние и на их жертвы, и на их носителей и ограничивают сферу общения между представителями разных этнических групп, вызывают настороженность с обеих сторон, мешают установлению более близких, интимных человеческих отношений. Отчужденность же в свою очередь затрудняет контакты и порождает новые недоразумения.

В ситуациях нарастающей национальной напряженности, этнические стереотипы, наряду с этническими предрассудками, усиливают проявления предубежденности к членам чужой этнической группы, усугубляют межэтническое отчуждение, интенсифицируют развитие процессов внутриэтнического обособления и межэтнической поляризации. При соответствующих социально-политических условиях активизируется эффективное влияние этнических стереотипов на консолидацию этнической группы, психологическое единение ее членов. Являясь одними из эффективных психологических регуляторов межэтнических отношений, этнические стереотипы отражают содержание и динамику этих отношений, выступая чутким индикатором их состояния, диагностируя возникновение напряженности во взаимоотношениях, либо указывая на их стабильность и благополучность. Социальные стереотипы редко проявляются на поведенческом уровне при отсутствии явной враждебности в отношениях между группами, но в условиях напряженности или конфликта эти же стереотипы становятся определяющими детерминантами, которые слабо поддаются модификации и управлению, они ужесточаются, заостряются и начинают играть доминирующую роль в реальном поведении индивидов, вплоть до откровенной враждебности.

Литература:

Гасанов И.Б. Национальные стереотипы и «образ врага». М., 1994; Гладких С.В. Этнические стереотипы как феномен духовной культуры. Дисс. канд. филос. наук. Ставрополь, 2001; Налчаджян А.А. Этническая характерология. Ереван, 2000; Психология национальной нетерпимости / Сост. Чернявская Ю.В. Минск, 1998; Солдатова Г.У. Психология межэтнической напряженности. М., 1998; Трусов В.П., Филиппов А.С. Этнические стереотипы // Этническая психология: Этнические процессы и образ жизни людей. М., 1984. С. 3-21; Шибутани Т., Кван К. Этническая стратификация. Сравнительный подход. М., 1981; Allport G.W. The Nature of Prejudice. N.Y., 1979; Bar-Tal D., Grauman C.F., Kruglanski A.W., Stroebe W. Stereotyping and Prejudice. Changing Conceptions. N.Y., 1989; Brigham J.S. Ethnic stereotypes // Psychological Bulletin. Vol. 76. 1971. P. 15-38; Duijker H., Frijda N. National Character and National Stereotypes. Amsterdam, 1960; Horowitz D.L. Ethnic Groups in Conflict. Berkeley, 1987; Hutchinson J., Smith A.D. Ethnicity. Oxford, 1996; Inside European Identities / Ed. by McDonald Sharon. Oxford – New York, 1997; On the

Nature of Prejudice: Fifty Years after Allport / Ed. by Dovidio, John F., Glick, Peter, Rudman, Laurie. Wiley-Blackwell, 2005; Stereotypes and Stereotyping / Ed. by Macrae Neil, Stangor Charles, Hewstone Miles. N.Y., 1996; The Language of Ethnic Conflict. Social Organization and Lexical Culture. New York, 1983.

SLAVIA ORTHODOXA

Понятием Slavia orthodoxa итальянский славист Риккардо Пиккио обозначил православное славянство — единое духовное пространство южных и восточных славян, принявших христианскую культуру из Византийской империи в IX-X вв. и получивших общую церковнославянскую письменность, которая стала основой богослужения и сформировала литературную систему на территории от Балканского полуострова до русских земель, которая действовала вплоть до эпохи появления новых самостоятельных литератур у русских, украинцев, белорусов, сербов, болгар и македонцев. Наиболее характерными чертами православно-славянской литературной системы были подражание авторитетному священному тексту, невозможность любых форм fictio, т.е. «лжи» и совмещение нескольких смыслов в пределах одного контекста, для понимания которых необходимо обращаться к «смысловым ключам» Священного Писания.

Критики использования термина Slavia orthodoxa полагали, что он слишком сильно подчеркивает религиозный характер славянского литературного наследия. Так, Д. С. Лихачев предпочитал понятия «литература-посредница» и «культура-посредница», а Н. И. Толстой, разделяя с Пиккио ряд основополагающих идей концепции, применил формулу «греко-славянский ареал». С. Грачотти, чтобы подчеркнуть различие между понятием славянского ареала, находящегося под влиянием греческой культуры и славянства, объединенного православием (последнее он отрицал), использовал термин Slavia graeca («греческая Славия»), в то же время В. М. Живов, считая, что до XII века никакая враждебность не разделяла славянство две части, говорил о едином сообществе Slavia Christiana. Смысл введения понятия Slavia orthodoxa, согласно Пиккио, состоял в корректировке господствующей в литературоведении тенденции помещать в центр внимания национальные особенности средневековых литератур — тенденции, ведущей свои истоки от романтической историографии XIX в. и связанной с утверждением принципа национализма. Сам автор следующим образом прокомментировал причины возникновения именно такой формулы: «Когда около сорока лет назад я впервые употребил термин «Slavia orthodoxa», в мои намерения не входило вызвать переполох среди славистов. Я также не хотел казаться оригинальным. В действительности выбор латинской формулы был обусловлен скорее моей зависимостью от научного жаргона западноевропейских филологов, чем желанием противопоставить своего рода неогуманистический универсализм националистическим тенденциям, преобладавшим в исследованиях по славистике и, в частности, по древнерусской проблематике».

Кроме того, определение сообщества славянских народов как Slavia более чем определения «славянский мир» или «славянство» должно было поставить акцент на этноязыковых особенностях этого сообщества, и таким образом прийти в соответствие с такими сходными терминами, как Romania и Germania. Считая литературой любое произведение «словесного искусства», Р. Пиккио поставил ее развитие в зависимость от «общих духовных кодов», совокупности теоретических принципов и формальных приемов, культурных установок, в равной мере присущих производящим и использующим литературные тексты — всего того, что конституирует «литературную цивилизацию».

Для характеристики единой «литературной системы» православного славянства исследователь считал важными два понятия: «поэтика истины» — наличие императива, не позволяющего использовать в литературной деятельности любые формы поэтического вымысла и использования многозначности истинных и ложных прочтений, а также «синсемия» — совмещение нескольких значений в границах одного контекста:

«Понятия «поэтика истины» и «синсемия» помогают нам понять, сколь узок был тематический диапазон, в рамках которого работали православные славянские писатели. Этим благочестивым людям не позволялось придумывать героев, закручивать интриги так, как это делали, например, Жан Ренар в «Lai de l‘ombre», Кретьен де Труа или Боккаччо, столь живо изобразивший словесные состязания рассказчиков и рассказчиц в «Декамероне». Православные славянские писатели должны были говорить об исторически достоверных вещах, стремясь их привести к общему знаменателю духовной истины (идет ли речь о святых или о грешном мирянине Игоре Святославиче). Тем не менее даже этим scribae Dei была по-своему знакома «игра», присущая литературе как словесному искусству, и в этой игре они применяли «правила», которые нам предстоит реконструировать и понять».

Религиозный писатель стремился поведать истину, избегая при этом любые формы fictio, но для понимания смысла написанного им текста современному исследователю необходимо различать уровни значения: наряду с предметным историческим содержанием текста присутствует еще один, духовный уровень. Для его раскрытия необходимо обратить особое внимание на цитаты из священных текстов – «тематические ключи», которые хорошо узнавались современниками. Необходимо помнить, что искусство письма в средневековье было почти исключительной привилегией служителей церкви. Они творили по образцам и шаблонам, а основным их чтением во всей православной славянской общности составляли не оригинальные, а переводные тексты.

Slavia orthodoxa существовала благодаря единому фонду памятников, причем взаимно циркулировали как сами тексты, так и их пишущие. Созданная православными авторами литература не могла иметь национальный окрас, а была межнациональной. Не отрицая национальных особенностей, Пиккио отмечал, что заметить их можно только на общем фоне. Общехристианские или общеправославные по тематике произведения (библейские и богослужебные книги, творения отцов церкви, догматико-полемические и т.д.), преимущественно переводные с греческого, составляют большую часть средневековой книжности славянства (а также румын). Значительно меньшее распространение имели древнеславянские сочинения с такой тематикой, как житийная литература, торжественное и учительное красноречие, послания, летописи, исторические произведения.

Особенности структуры древнеславянских литератур по Пиккио состояли в том, что она строилась не на жанровой основе, а на господствующем принципе подражания образцам и моделям. Исследователь выделил четыре главных образца, на которые ориентировались и которым подражали славянские книжники в своем творчестве: «библейский образец» — свидетельство провиденциальной истории человечества, «патристический образец» — единственно правильное освещение событий и фактов, «константиновсикй образец» — прославление христианской державы и ее правителя, подобного Константну Великому, и «молитвенный образец» — обращение к Богу.

В зависимости от нужд писателя, основой для подражания ему служили различные библейские тексты: ветхозаветные книги Царств — образцом историко-повествовательных произведений, апостольские послания — эпистолярного жанра, Псалтирь — примером для создания церковных песнопений, книги пророка Иова и

Притчи Соломоновы — образцом «письменности мудрых» и поэтических произведений, агиография — «душеспасительных книг».

Рассматривая особенности развития Slavia romana, т. е. той части славянства, которая попала под влияние римской церкви и латинского языка, Р. Пиккио утверждал, что, несмотря на решительное преобладание латинского языка в средневековой литературе этих стран, положение «гораздо запутаннее» в связи с сохранением в некоторых районах славянского языка в богослужении до XII в., а также глаголической традиции хорватов, поэтому оно не может быть охарактеризовано как тотальная латинизация. Данная культурная общность характеризовалась совершенно особыми этноязыковыми признаками, сформированными благодаря положению на постоянном пересечении сфер идеологического влияния Святой римской церкви и Священной римской империи. При сравнении процессов, происходивших в западной и восточной Славии, можно говорить о параллелизме ситуаций, хотя их сходство не приводило к одинаковым результатам развития. Все славянские народы запада и востока в начале своего исторического пути вовлекались в грандиозный процесс «культурного обучения» со стороны христианского мира. Книжная деятельность происходила в соответствии с общими моделями и нормами, отражавшими отношения между властью религиозной и властью светской. Изучая проявления гуманистических тенденций эпохи Возрождения в литературе православных славян, Пиккио отмечал начало нового отношения к тексту на языковом уровне, к проблемам его передачи и исправления, совпавшее со вторым южнославянским влиянием в древней Руси в конце XIV–XV вв.

Возрождение, таким образом, оказало не одинаковое влияние на две части славянского мира. Slavia orthodoxa долго сопротивлялась правилам новой литературной игры и гуманистическая модель литературной деятельности «как практического мастерства, направленного на овладение вниманием читателя посредством умело подобранных слов» только в относительно позднюю эпоху оказала непосредственное влияние на литературную систему православных славян.

Проникновение этого влияния в XVI–XVII вв. ознаменовало закат и распад литературного единства Slavia orthodoxa, который совпал по времени с началом трансформацией России в империю и в значительной мере был следствием ее экспансии на запад. В XVI в. под влиянием идей реформации произошла эмансипация народных языков в Slavia romana и принятие в Хорватии и Польше новых гуманистических правил литературной игры, выработанных и кодифицированных в романских странах. На востоке Речи Посполитой государства возник польско-рутенский вариант латинского Гуманизма. И в середине XVII в. после победоносных войн Алексея Михайловича русины Речи Посполитой стали проводниками западных тенденций в России:

«В результате победы Москвы над Польшей и Литвой, которая ознаменовала конец честолюбивой попытки польско-римской культуры устранить многовековой конфликт между Slavia romana и Slavia orthodoxa, гуманистическое наследие украинских земель стало частью культуры возникшего нового общерусского «союза». В политическом отношении мечты Богдана Хмельницкого о независимости и проекты Петра Скарги о «европеизации» Руси свелись к нулю, но можно сказать, что в конечном счете «Ucraina capta ferum victorem cepit». По всей Руси древняя традиция Slavia orthodoxa была основательно трансформирована приливом новых идей, пришедших из вновь присоединенных «юго-западных земель» империи Романовых».

Латинская формула Пиккио отсылает к высказыванию Горация о влиянии Греции на культуру Римской империи («Graecia capta ferum victorem coepit», т. е. «захваченная Греция победила дикого завоевателя»). После присоединения Киева к

империи Романовых культурное влияние украинских земель, а также восточных территорий Великого княжества Литовского, тесно связанных с гуманистическими традициями польской культуры, ускорило движение русской литературы к менее традиционным формам. Происходит разрушение единства стилей русской литературы, появляются множество жанров, начиная от сатирической публицистики и заканчивая театром. Особенно значимыми действующими лицами этой культурной трансформации стали монахи и священники с территории Речи Посполитой, обученные в братских школах или Киевской Коллегии, организованных по западному образцу и несущие новые веяния. В этот период языковое сознание рутено-русских земель начинает ощущать «славенский» и «простой» слог как разные языки (в Сербии и Болгарии этот момент наступит несколько позже, во второй половине XVIII в.). Окончательный распад единой духовной общности православного славянства произошел после выработки новых литературных систем, основанных на национальных языках — в то время, когда правила литературной игры диктовались уже Францией.

Литература:

Пикио Р. Православното славянство и старобългарската културна традиция. София, 1993; Пиккио Р. История древнерусской литературы. М., 2002; Пиккио Р. Slavia orthodoxa: Литература и язык / Отв. Ред. Н. Н. Запольская, предисл. В. В. Калугин. М., 2003.

TRANSLATIO IMPERII

Translatio Imperii (лат. «перенос права верховной власти») – идеологическая модель, сложившаяся в европейской средневековой историографии, согласно которой мировая история развивается в виде линейного процесса, движущегося от Сотворения мира к Страшному суду, в ходе которого власть передается от одного мирового правителя к другому.

Использование идеи о переносе царств в средневековье и новое время демонстрировало историческую преемственность с империями прошлого, и как часть имперской мифологии, аргумент *translatio* неоднократно был направлен на легитимацию власти на внутренней и международной арене. В то же время, при оценке реального значения модели в ту или иную эпоху необходимо учитывать, что она далеко не всегда затрагивала политические планы или доктрины правящих лиц, а иногда оставалась лишь «достоянием скрипториев», панегирической гиперболой и литературным конструктом, складывавшимся под влиянием проникнутого эсхатологическими ожиданиями историографического наследия. Кроме того, идею *translatio imperii* нередко бывает трудно отделить от таких взаимосвязанных понятий и схем, как *translatio studii* – перенос центра истинного знания, наук и искусств, и *translatio religionis* – перенос центра истинного благочестия.

Модель *translatio* оформлялась постепенно, ее появление неявно было предопределено самой структурой позднеримского исторического повествования, построенного на представлении о линейном ходе времени и впитавшего в себя историю древних народов востока. Об истории трех великих держав — Ассирии, Мидии и Персии, последовательно сообщал во второй половине V – начале IV в. до н. э. Ктесий Книдский в «Персике». О переходе власти от прежних империй к Риму писали Полибий и Эмилий Сура, историки II в. до н. э. В следующем столетии была создана Энеида Вергилия, анахроническая легенда о переселении троянца

Энея в Италию, согласно которому Рим стал наследником Трои.

Наиболее серьезные идеологические предпосылки модели содержатся в Книге пророка Даниила, в главе о сне вавилонского царя Навуходоносора, в котором ему явился «колосс на глиняных ногах» — статуя с золотой головой, серебряной грудью и руками, медным животом и бедрами, и железно-глиняными ногами. Согласно толкованию Даниила, царю в этом облике явились все мировые царства – начиная с его собственного «золотого» и заканчивая последним железно-глиняным, которое неминуемо распадется перед явлением царства божьего. Откровение, написанное во II в. до н. э., изначально было направлено против эллинистических правителей Селевкидов, оно проникнуто надеждой на временность положения народа Израиля и предрекает пришествие истинного сына бога, пред которым падут все языческие царства. Поэтому в некотором роде парадоксально, что эпизод с видениями стал краеугольным камнем теории переноса центра мировой цивилизации с востока на запад. Впрочем, следует отметить, что еще Гесиод в VII в. до н.э. говорил о четырех периодах истории человечества, каждый из которых хуже предыдущего.

Через посредничество эллинистической традиции теорию о четырех царствах, которые последовательно сменяют друг друга в мировой истории, заимствовал современник Христа Помпей Трог, автор «Филипповой истории» (дошедшей в сокращении Марка Юстина), которая начиналась с легендарных ассирийских царей и завершалась на римской империи Августа. Здесь можно наблюдать движение центра цивилизации в западном направлении от ассирийцев и мидян к персам, затем к грекам (македонцам) и римлянам. Под влиянием апокалиптизма ранние христиане естественным образом стали интересоваться этой сменой империй как к ключем к божьему замыслу истории. Мученик Ипполит Римский в III в. видел в пророчествах о четырех империях признаки скорого конца света — по его мнению, четвертая империя римлян, представленная в видении голенями из железа, уже распалась и ее сменили «пальцы ног» — многочисленные правители современности.

Отец церковной истории Евсевий Кесарийский в IV в. также представлял историю как процесс, движущийся по направлению к страшному суду, тем не менее, в его творениях присутствует тенденция деэсхатологизации — ведь с приходом императора Константина Великого начинается великая реставрация, возврат золотого века. Константин выступает у Евсевия в качестве второго Авраама, превышающего первого по своему значению, а благополучие римской империи, создающей *pax romana*, рассматривается как условие победы христианства.

Концепцию четырех универсальных монархий (Ассиро-Вавилония, Мидо-Персия, Греция и Рим) унаследовал у Евсевия богослов IV-V вв. Иероним Стридонский. Для его современника Августина, однако, Рим был феноменом сугубо земным, который должен быть очищен Господом, поэтому он возразил против тесных связей между передачей мирской власти и воплощением божественного плана. Предполагая, что Рим основан в годы падения Ассирии, Августин считал его вторым Вавилоном, а Вавилон первым Римом, таким образом, модифицировал четырехчастную схему до двухчастной. Особый вид наследственности, повторяемости феноменов соединил два «земных града», на смену которым грядет «град божий». Одновременно Августин выработал шестичастную периодизацию истории, соответствующую шести дням творения. Эсхатологический пессимизм Августина с надеждами Иеронима на то, что с устойчивой христианизацией римской империи общие условия в мире стали лучше, соединил Павел Орозий, который трактатом «История против язычников» заложил основы средневековой хронистики. Четыре царства для него (Вавилонское, лежавшее на востоке, Карфагенское, лежащее на юге, Македонское, лежащее на севере и Римское, лежащее на западе) занимают все стороны света, таким образом, ход истории у

Орозия замыкается и его труд представляет целостную, географически завершенную всемирную историю. Осознавая, как Тертуллиан или Августин, что живет в последние времена, благодаря хронологическим вычислениям Орозий твердо полагал, что не следует очень скоро ожидать конца света. Уверенный в повторяемости 700-летних циклов (1400 лет Вавилонского царства, 700 лет Македонского, 700 лет Карфагенского и 700 лет Римского), он считал, что Римская империя, как Вавилонское царство, еще должна завершить свой второй 700-летний цикл.

Павел Орозий создал непосредственную базу для дальнейшего развития концепции *translatio imperii*.

Идея континуитета мировой империи долгое время оставалась основным элементом легитимации власти византийских императоров. Василевс ромеев считал себя прямыми и единственным наследником цезарей, императором «Нового Рима», понимаемого как прямое продолжение старого. Оказавшись перед лицом имперских претензий франков и германцев, византийским императорам приходилось в официальной дипломатии признавать их «братьями», но они стремились сохранить за собой исключительное право называться императорами ромеев. На фоне главы христианской ойкумены другие правители Балкан или Восточной Европы занимали всегда второстепенное место среди рексов, архонтов и патрикиев, включаясь в имперскую систему и принимая ее правила. Подражание василевсам было характерно для таких выдающихся правителей, как царь Симеон I Болгарский (864-927), который благодаря военным успехам был официально признан Константинопольским патриархом «царем и императором болгар», а затем «самодержцем всех болгар и ромеев».

На западе ключевой фигурой средневековой схемы *translatio imperii* суждено было стать франкскому королю Карлу Великому, который был коронован на рождество 800 г. императорской короной. Согласно его биографу Эйнхарду, коронация произошла неожиданно: Карл, который полгода усмирял распри между римской знатью и папой Львом III, ранее сбежавшим под его защиту, отправился на праздничную мессу в собор св. Петра, вдруг к нему приблизился папа и возложил корону, а все присутствующие провозгласили его императором. Карл заявил, что не пошел бы в храм, если бы знал, что уготовано для него папой. Вероятно, Эйнхардт применил распространенный топос, выражающий высоеие нравственные качества римского императора – согласно другим источникам, роль Карла в коронации была более активной. В связи с сообщением Эйнхарда в историографии некоторые исследователи отдавали главную роль в «воссоздании империи» папе, усматривая в акте коронации индивидуальное поощрение понтифика за помощь за защиту от римских мятежников. Не исключено также, что на решение оказало влияние то, что на востоке императорский трон во время регенатва василиссы Ирины считался «вакантным». После коронации наметился брачный союз Ирины с Карлом, не состоявшийся из-за смерти василиссы.

Согласно другим версиям, для Карла коронация могла иметь значение антивизантийской манифестации, воплощением его амбиций, или же способом интеграции побежденной саксонской знати в состав его государства. Как отмечают многие исследователи, представление Карла об императорской власти, происходило из опыта его пребывания на франкском престоле, и не вполне соответствовало римскому универсализму. Показательно, что после коронации он использовал титул «король франкский, римский и лангобардский». Когда же в 813 г. он был признан императором на востоке и добился обращения «брат», в титуле Карла навсегда исчезает всякое упоминание о Риме.

Многие современники категорически отрицали связь между каролингской державой и Римом. Не видел этой связи Павел Дьякон, лангобардский историк и

некоторое время приближенный Карла, который совсем немного не дожил до коронации Карла. Согласно его мнению, Римская империя закончилась в 476 г., на этой дате он закончил нумерацию от основания Рима, а после этого стал использовать датировку от воплощения Христа. Подобным образом, епископ Лизье Фрекульф, который писал через некоторое время после смерти Карла, отвергая применимость к каролингской империи термина *translatio,* закончил рассказ на папе Григории Великом. Регино Прюмский отверг концепцию континуитета в виду нашествий викингов, сарацинов и венгров. В определенный момент, по его мнению, Господь избрал франков для проведения своего замысла, но сегодня франкская империя прекратилась и никто не знает, кто будет избран следующим. Распад некогда великого королевства Карла свидетельствует о бренности мирской власти, Римская империя закончилась, когда лангобарды оккупировали Италию, и судьба единственной вечной империи – Церкви Христовой, не зависит от судьбы какой-нибудь империи.

Культурный подъем, получивший в историографии название «каролингского возрождения», не был чем-то революционным по отношению к более ранней политике франкских королей. Впрочем, при всей эфемерности имперских мечтаний Карла или его окружения именно культурные процессы в рамках Франкского государства имели ключевое значение для формирования последующих идей *translatio* – мыслители Каролингской «империи» в период упадка получили собственный стимул для написания истории мира, в которой определялась бы роль Каролингов в божественном плане. Поскольку каролингская империя после Карла страдала от неприятностей, современники надеялись, что правильный ответ на этот вопрос даст не только лучшее понимание их прошлого и настоящего, но и указание на судьбы в будущем. Ряд каролингских историков, очарованные концепцией перехода империй, которую они заимствовали у Орозия, стали отстаивать идею римского континуитета, утверждая, что конец света еще не пришел. Идеи континуитета выдвигали Адон Вьеннский (ум. 875 г.) и Ноткер Заика (ум. 912). Хросвита Гандерсхеймская, автор оттоновского возрождения, в сер. X в. повествовала о новом переходе империи, которая из королевства франков должна переместиться к знаменитому племени саксов. Таким образом, постепенно историки сходились к консенсусу, что *translatio imperii* к франкам и саксам отложит страшные предсказания Отцов церкви. В 962 г. Оттон I по примеру Карла Великого, выполнил просьбу папы Иоанна XII, перешел Альпы и, разбив короля Италии, получил обещанную императорскую корону. В конце X в. Карлу стремился подражать его внук полугрек Оттон III, на печатях которого в течение некоторого времени использовался девиз renovatio imperii romanorum, отсылающий к эпохе Карла и вечному Риму.

Понимание политики Оттона, выраженное этой формулой, было бы не полным без учета милленаристских спекуляций, которые велись все предшествующие столетие. Их не был лишен Ноткер Заика, который в биографии Карла 880-х гг. соединил его неоримскую харизму с теорией о божественно предопределенном конце империй и времен. Накал спекуляций накануне 1000 г. был следствием принятия франкскими писателями датировки *Anno Domini* в VIII в., и в разжигании тревоги грядущего апокалипсиса усердствовали Одон Клюнийский, Адсо Дервенский, Жильбер Д‘Орильяк. Об апокалиптических настроениях императора Оттона, противоречащих идее *renovatio*, после переселения из Рима свидетельствует план отправиться в Иерусалим и уйти в монастырь, не исполненный ввиду смерти в 1002 г. Согласно сценарию Адсо, последний император франков оставит империю, уедет в Иерусалим и положит свой скипетр и корону на Елеонскую гору, и таким будет конец и завершение римской христианской империи. Иными словами, даже среди высшей политической элиты

государства Оттонов модель триумфального возобновления римской мощи утверждалась не сразу. Согласно В. Гецу, сам термин *translatio imperii* устойчиво применялся с конца XI в. по отношению к коронации Карла Великого.

В середине XII в. более всех поспособствовал формированию строгой концепции переноса власти императоров в Священной Римской империи богослов и историк Оттон Фрейзингенский, дядя Фридриха Барбароссы.

Следуя по стопам Орозия, в своем наиболее известном труде *«Хроника, или История двух градов»* Оттон представлял движение цивилизации и мировой монархии идущим с востока на запад. Одновременно с этим, по его мнению, происходила *translatio sapientiae* – трансляция мудрости. Хроника носит целостный облик, заканчиваясь концом света и проникнута эсхатологическим пессимизмом. В тоже время, Оттон провозглашает, что Град Господень в его дни торжествует над Градом земным. Влияние Августина выражается и в формулировке хронистом природы наследования империй — из противоречия повторяемости и линейного развития он выходит, утверждая, что Рим наследовал Вавилону, как сын отцу. Используя идею Орозия об «империях-регентах», он полагал, что персы и греки временно сохранили мировой центр и помогли римлянам достичь зрелого возраста. Подобным образом, во времена падения Рима франки еще находились в колыбели, поэтому Константинополь временно наследовал имперское значение, чтобы передать его франкам. Между тремя «трансляциями» империй происходили «мутации», и Римская империя пережила их дважды — в 330 г., во время перенесения резиденции императора в Константинополь, и в 800 г., при коронации Карла Великого. Траектория передачи империи включала, таким образом, Византию, франков, лангобардов и германцев.

В дальнейшем *translatio* стала руководящей идеей для многих хроник, обосновывавших священность императорской власти. В папско-императорских спорах, однако, родилась церковная версия этой схемы, согласно которой главным “автором” переноса империи был не император,а папа, который возвысил короля франков до уровня императора. Эту концепцию сформулировал будущий папа Александр III Орландо Бондинелли, лидер партии кардиналов, настроенных на борьбу с имперским засильем. Церковная версия теории перенесения оставалась актуальной в течение нескольких столетий. Еще в XVI в. ее защищали от протестантской критики Роберто Беллармин и Цезарь Бароний. В этих спорах папские идеологи пришли к выводу, что мировое государство вовсе не является необходимым.

Некоторые авторы связывают с влиянием идеи *translatio* попытки средневековых писателей возвести некоторые королевские генеалогии к героям античности. Так, в английской литературе (Джефри Монмутский, Роберт Уэйс) с середины XII в. развивалась идея о том, что основателем Британии был Брут Троянский. Ригор из Сен-дени в «Деяниях Филиппа II Августа» 1196 г. возводил генеалогию королей Франции к Маркомиру, прямому наследнику короля Приама. Позднее, в XVI в. Жан Лемер сочинил историю о прибытии во Францию Франка, сына Гектора и основании им Парижа. Впрчем, для обоснования преемственности вовсе не всегда необходимо было изобретать экзотические генеалогии в духе Вергилия. Центры власти приобретали легитимность и путем культурного соотнесения с Римом. Кретьен де Труа в XII вю объяснял величие Франции переходом сюда центра учености из Греции и Рима. Ричард Бьюри в XIV в. считал Англию культурным центром мира, который перешел сюда из Афин, Рима и Парижа.

Сложно происходило развитие идеи преемственности в восточной империи. Императоры Латинской империи после завоевания Константинополя в 1202 г. считали себя, по крайней мере, равными императору Священной Римской империи

и использовали титул *imperator a Deo coronatus Romanorum* или *Romanie*. И хотя они ограничили свои претензии на универсальный характер востоком, в византийском пространстве они претендовали на гегемонию среди латинских княжеств Сирии и Палестины, где их интересы сталкивались с германскими императорами. В период правления Палеологов претензии на ромейское наследство предъявляли сербский царь Стефан Душан и болгарский царь Иоанн-Александр. Захват турками Константинополя в 1453 г. разрешил столетний спор об истинном имперском универсализме.

Могущественные султаны Мехмед II Фатих (1432—1481) и Сулейман I Великолепный (1494—1566) стремились к восстановлению великой средиземноморской империи, включающей Рим и Константинополь. После безуспешной осады Вены 1529 г. программа экспансии на запад уже не стояла на повестке дня, однако у османских авторов возникла теория преемственности султанской власти, в ряде аспектов вполне сопоставимая с *translatio*. Для персидско-исламской эсхатологической традиции было характерно представление о линейном прогрессе человечества на пути от сотворения до пришествия «махди» и скорого «Дня воскрешения» (конца света). Проникнувшись этой схемой, историк и публицист хорватского происхождения Гелиболулу Мустафа Али-эфенди в «Советах султану» (989/1591 г.) сравнил османов с великими правителями прошлого – Александром Великим, чья империя простиралась с востока на Запад, Соломоном, обладавшим даром провидения, и Тамерланом, доблестным и благословенным воином. Османы, наследовав им, объединили их качества и достигли вершины исторического развития человечества, которое, однако, неуклонно движется к завершению.

В историографии XIX–XX в. был распространен взгляд, согласно которому особый вариант идеи *translatio imperii* «Москва – Третий Рим» в XVI в. стал основой мессианизма русских царей. Действительно, теория преемственности с Римом встречается в предисловии митрополита Зосимы к его труду «Изложение Пасхалии», написанному в 90-х гг. XV в., а затем в известных посланиях, приписываемых Филофею, монаху псковского Спасо-Елеазаровского монастыря (пер. пол. XVI в.). В посланиях Филофея Василий III сравнивается с Константином Великим, Москва – с Римом и предсказывается, что русское царство станет последним в череде великих царств истории: «два убо Рима падоша, а третий стоит, а четвертому не быти». Тем не менее, концепция Зосимы и Филофея не была полуофициальным политическим манифестом или доктриной, а скорее частным вариантом историософского осмысления роли царской власти и отражает эсхатологические настроения монашества, вызванные потерей Константинополя в 1453 г. и завершением семитысячелетнего цикла (Зосима составил пасхалию в 7000 г. принятой в России эры от сотворения мира, т.е., в 1492 г.). Гораздо большую популярность и значение в конце XV–XVI вв. приобрела идея «Нового Израиля», т.е. перехода в «Святую Русь» центра истинной религии, в результате чего она стала богоизбранным народом. Одним из первых эта теория была выражена ростовским епископом Вассианом Рыло в 1480 г., считавшим, что задача великого князя Ивана III состоит в избавлении русских от татарского пленения — подобно тому, как Моисей избавил евреев от Фараона. Важно, что на международной арене ни сын византийской царевны Софии Палеолог Василий III (1479-1533), ни ее внук Иван IV (1530-1584) не претендовали на преемственность своей власти от Византийской империи, явно подчеркивая независимость самодержавной традиции в России. Элементы идеологии *translatio*, в то же время, можно обнаружить в составленном в правление Василия «Сказании о князьях владимирских», в которое входит «Послание Спиридона-Саввы» или «Послание о Мономаховых дарах» В нем приводится легендарная генеалогия великих князей от Пруса, брата римского

императора Августа и предка Рюрика, а также известие о даре императором Константином Мономахом своего царского венца («шапки Мономаха», которой с 1547 г. венчались на царство русские цари) и других реликвий киевскому князю Владимиру Всеволодовичу. Легенда о Мономаховых дарах фигурирует в «Сказании о Вавилонском царстве», в котором прослеживается переход центра мировой власти из Вавилона в Византию и из Византии на Русь. В «Повести о белом клобуке» излагается история происхождения «белого клобука» московских митрополитов и патриархов, присланного в Новгород константинопольским патриархом.

Что касается дальнейшего развития идеи *translatio* в западной Европе, то ее эсхатологическая основа была подорвана итальянским гуманизмом XV в. и последующим развитием европейской мысли – «С наступлением возрождения священные тексты и классики раннего средневековья потеряли свой вес авторитетов, и теории четырех монархий, серебряного и золотого века обрушились под натиском аргументации Бодена. Гордость сознания человека прогресса отвергла эти притчи об упадке, природа поднялась, чтобы бросить вызов Писанию, и даже история человечества приняла облик величайшего феномена физического мира, последовательность расцвета и упадка империй, и их предназначения, повернули с извилистой тропы ввысь, к солнцу» (*Gerbi A. The Dispute of the New World: The History of a Polemic, 1750-1900. Pittsburgh, 2010. P. 131-132*).

Реннесанс, Реформация и раскол единой христианской Европы, разумеется, не привели к исчезновению идей преемственности и линейного развития. Если француз Жан Кальвин посчитал, что все видения Навуходоносора относятся к событиям до пришествия Христа, то немецкие протестанты оставалась привязанными к концепции *translatio* как части имперской идеи. В критике итальянской тирании над Германией гуманист Конрад Кельтис и религиозный реформатор Мартин Лютер опирались на представления Оттона Фрейзингенского. Лютер утверждал, что видит невидимое действие божьего провидения в передаче центра власти, учености и религиозности от итальянцев к немцам. Процесс *translatio* стал центральным религиозным аргументом того, что господь предназначил немцам играть специальную роль в истории спасения, и в историческом нарративе эту мысль выразил Себастьян Франк, который в опоре на схему четырех монархий продолжил пантеон великих германских императоров и показал, что Германия не меньше греков и латинян преуспела в искусстве и подвигах.

Завоевание Византии турками подтвердило впечатление, что тропинка истории движется с востока на запад. Вскоре в историографическую схему переноса центра цивилизации были включены недавно открытые земли Америки, и как католики, так и протестанты стали связывать с новыми землями свои амбициозные надежды. Среди апологетов католицизма они считались компенсацией за исламские завоевания в старом свете и те потери, которые католицизм понес в ходе реформации. Уже в 1533 Спиноза, информируя Карла V о великих событиях в Перу, поощрял использовать этот подарок провидения в войне против турок, лютеран и других врагов церкви. Считалось, что монархии «востока», недавно открытые европейцами в Мексике и Перу, уже закончили свое развитие и находились в состоянии упадка, и благодаря им Евангелие получит гораздо больше земли, чем потеряло в Европе. К концу XVI в. было обычным представлять всемирную историю в виде параболы. Гуманисты Мишель де Монтень и Юстус Липсий верили, что в будущем Америка наследует Европе в качестве мирового лидера, а к концу следующего столетия маркиз Габриэль Фернандес де Виллабоа находил очень значимым, что Кортес родился в один год с Лютером – чистое доказательство того, что Господь пожелал, чтобы в новом свете выросло то, что было потеряно в старом.

Не меньшее воздействие модель translatio оказала на протестантскую

традицию. Пуритане Новой Англии добавили к ней сотериологическое понимание и были убеждены, что своей энергией и благочестием приведут Новую землю к утерянному нравственному величию. Ряд протестантских идеологов в качестве аргумента придерживались теории, согласно которой Божье слово с самого начала двигается в западном направлении, как солнце начинает свой путь на востоке и заканчивает на западе. Коттон Матер и Джонатан Эдвардс в XVIII в. считали пуритан авангардом религиозного движения нового мира, который будет двигателем прогресса, остановившегося в Европе. Согласно историософской концепции Матера, захват Константинополя в 1453 г. привел к расцвету наук в Италии, Реннесанс подготовил мир для реформации религии, а открытие Колумбом Нового света сделало императивом распространение христианства на запад – чтобы стать истинно мировой религией, христианству необходимо занять четыре угла мира. Нужно отметить, что некоторые идеи Матера стали стимулом обращения взглядов протестантов с запада на восток – богослов Август Герман Франк, который имел постоянные контакты с представителями русской церкви, вдохновил часть пиетистов проводить миссионерскую работу на востоке включая Россию. Философ Джордж Беркли, будущий епископ Клойнский, предположил, что в политическом отношении Америке удастся достигнуть небывалых высот, поскольку западное полушарие более приспособлено к политике, и реформатская церковь здесь сможет вернуть территории, потерянные на востоке.

Итальянский мыслитель Антонио де Джулиани в конце XVIII в., предвидя *translatio studii*, полагал, что науки и искусства вскоре могут «мигрировать» из более просвещенных районов Европы, хотя еще не ясно, выберут ли они своим домом Австрию, Россию, Неаполитанское королевство или заморский Новый Мир.

На старом континенте «империя» теряла свое сакральное содержание, однако не исчезла из политического лексикона. С началом реформации в Англии короли летимизировали свою власть как в соперничестве с Римом, так и подражая ему. При Генрихе VIII, и Елизавете в культуре обосновывается идея того, что Британия стала независимым от Рима лидером на западе, в 1577 г. Джон Ди написал свою «Британскую империю» с целью обосновать трансатлантические претензии английской короны. Не удивительно, что Джеймс I представлял себя одновременно и преемником апостолов, и наследником Августа Цезаря.

В классическом виде, представленном Оттоном Фрейзингенским и его последователями, в новое и новейшее время модель *translatio* потеряла свое значение, но в связи с претензиями на мировую или региональную гегемонию представители различных национальных «империй» продолжали использовать ее элементы —будь то Французская империя Наполеона I и III, Австрийская, Германская, Британская, Российская или Итальянская. В этом же ряду стоит идеологический комплекс вокруг так называемых “стран свободной демократии” или нового мирового порядка как *Imperium Americanum*. Хотя идея *translatio imperii* из Рима в Москву явно не стала главным обоснованием российского мессианизма, многократные аллюзии на государственные и политические традиции античной империи характерны для литературы XVIII в. — особенно в период «Греческого проекта» Екатерины II и в период славянофильских дискуссий об особом пути России. Венцом идей преемственности России и Византийской империи стало творчество К. Н. Леонтьева и Н. Я. Данилевского.

Литература:

Тюленев В. М. Рождение латинской христианской историографии: С приложением перевода "Церковной истории" Руфина Аквилейского. СПб., 2005 ; Baehr S. From History to National Myth: Translatio Imperii in Eighteenth-Century Russia // Russian Review , Vol. 37, No. 1 (Jan., 1978),P. 1-13 ; Brezeanu S. ‘Translatio Imperii’ und das

Lateinische Kaiserreich von Konstantinopel // Revue Roumaine d'Histoire. XIV. 1975. P. 607-617 ; Gerbi A. The Dispute of the New World: The History of a Polemic, 1750-1900. Pittsburgh, 2010 ; Goez W. Translatio Imperii: ein Beitrag zur Geschichte des Geschichtsdenkens und der politischen Theorien im Mittelalter und in der frühen Neuzeit. Tübingen, 1958 ; Hösch E. Die Idee der Translatio Imperii im Moskauer Russland // Europäische Geschichte Online (EGO), hg. vom Institut für Europäische Geschichte (IEG), Mainz2010-12-03. URL: http://www.ieg-ego.eu/hoesche-2010-de ; Tricht F. The Latin Renovatio of Byzantium: The Empire of Constantinople (1204-1228). Leiden, 2011 ; Wood I.N. Die Franken und ihr Erbe—'Translatio Imperii'// Die Franken—Wegbereiter Europas. Vor 1500 Jahren: König Chlodwig und seine Erben. Mainz, 1996. P. 358–64.

ПРИЛОЖЕНИЕ

ОБЩАЯ БИБЛИОГРАФИЯ СЛОВАРЯ

ИМПЕРИАЛИЗМ, КОЛОНИАЛИЗМ, ПОСТКОЛОНИАЛИЗМ

(зарубежная библиография)

Abu-Lughod, Janet. Before European Hegemony: The World System A.D. 1250-1350. New York: Oxford University Press, 1989.
Abu-Lughod, Janet. Discontinuities and Persistence: One World System or a Succession of Systems? In: Andre Gunter Frank & Barry K. Gills (eds.), The World System: Five Hundred Years or Five Thousand? London, New York: Routledge, 1993, pp. 278-291.
Ahluwalia, Pal & Bill Ashcroft & Roger Knight (eds.). White and Deadly: Sugar and Colonialism. Commack, N.Y.: Nova Science Publishers, 1999.
Ahmad, Nesar. Origins of Hindu-Muslim Conflict: Impact of the World Economic Crisis (1873-96), In: Francisco O. Ramirez (ed.), Rethinking the Nineteenth Century: Contradictions and Movements, (Studies in the Political Economy of the World System: Contributions in Economics and Economic History, No. 76.) New York: Greenwood Press, 1988, pp.139-148.
Albanese, Denise. New Science, New World. Durham: Duke University Press, 1996.
Altschull, J.H. Agents of Power: The Role of News Media in Human Affairs. New York: Longman, 1984.
Aravamudan, Srinivas. Tropicopolitans: Colonialism and Agency, 1688-1804. Durham, NC: Duke University Press, 1999.
Armesto, Felipe Fernandez et al. (eds.). The Times Atlas of World Exploration: 3,000 Years of Exploring, Explorers, and Mapmaking. New York: HarperCollins Publishers, 1991.
Armitage, David (ed.). Theories of Empire, 1450-1800. Aldershot [England]; Brookfield, VT: Ashgate, c1998.
Ashcroft, Bill & Gareth Griffiths & Helen Tiffin (eds.). The Post-Colonial Studies Reader. London; New York: Routledge, 1995.
Barber, Benjamin R. Jihad vs. McWorld. New York: Times Books, 1995.
Barker, Francis & Peter Hulme & Margaret Iversen (eds.). Colonial Discourse, Postcolonial Theory. Manchester [England]; New York: Manchester University Press, 1994.
Becker, David G. & Richard L. Sklar. Postimperialism and World Politics. Westport, CT: Praeger, 1999.
Bell, Morag & Robin Butlin & Michael Heffernan (eds.). Geography And Imperialism, 1820-1940. Manchester; New York: Manchester University Press,1995.
Bentley, Jerry H. 1996. "Cross-cultural Interaction and Periodization in World History," American Historical Review, vol. 101, no 3, (June 1996): 749-770.
Bhabha, Homi. The Location of Culture. London; New York: Routledge, 1994.

Bivona, Daniel. British Imperial Literature, 1870-1940: Writing and the Administration of Empire. Cambridge; New York: Cambridge University Press, 1998.
Blaut, J.M. The Colonizer's Model of the World: Geographical Diffusionism and Eurocentric History. New York, London: The Guilford Press, 1992.
Boehmer, Elleke. Colonial and Postcolonial Literature: Migrant Metaphors. Oxford; New York: Oxford University Press, 1995.
Bonn, Moritz J. The Crumbling of Empire: The Disintegration of World Economy. London: G. Allen & Unwin Ltd, 1938.
Bowen, H.V.. Elites, Enterprise, and the Making of the British Overseas Empire, 1688-1775. Houndmills, Basingstoke, Hampshire: Macmillan; New York: St. Martins, 1996.
Boyce, David G. Decolonisation and the British Empire, 1775-1997. New York: St. Martin's Press, 1999.

Burroughs, Peter & A.J. Stockwell (eds.). Managing the Business of Empire: Essays In Honour of David Fieldhouse. London; Portland, OR: Frank Cass, 1998. [1st ed.: special issue of The Journal of Imperial and Commonwealth History, vol. 26, no. 2, May 1998.]
Burton, Antoinette M. Burdens of History: British Feminists, Indian Women, and Imperial Culture, 1865-1915. Chapel Hill: University of North Carolina Press, 1994.
Burton, Antoinette M. At the Heart of the Empire: Indians and the Colonial Encounter In Late-Victorian Britain. Berkeley: University of California Press, 1998.
Burton, Antoinette. Gender, Sexuality and Colonial Modernities. London; New York: Routledge, 1961.
Bush, Julia. Edwardian Ladies and Imperial Power. New York: Leicester University Press, 1999.
Caban, Pedro A. Constructing A Colonial People: Puerto Rico and the United States, 1898-1932. Boulder, CO: Westview Press, 1999.
Chaudhuri, Nupur & Margaret Strobel (eds.). Western Women and Imperialism: Complicity and Resistance. Bloomington: Indiana University Press, 1992.
Chew, Sing C. & Robert A. Denemark (eds.). The Underdevelopment of Development: Essays in Honor of Andre Gunder Frank. Newbury Park, CA: Sage Publications, 1996.
Chomsky, Noam. Year 501: The Conquest Continues. Boston: South End Press, 1993.
Clark, Grover. A Place In the Sun. New York, The Macmillan Company, 1936.
Cooper, Cooper, Frederick & Ann L. Stoler (eds.). Tensions of Empire: Colonial Cultures In A Bourgeois World. Berkeley, CA: University of California Press, 1997.
Crosby, Alfred W. Ecological Imperialism: The Biological Expansion of Europe, 900-1900. Cambridge [Cambridgeshire]; New York: Cambridge University Press, 1986.
Crosby, Alfred W. Germs, Seeds and Animals: Studies In Ecological History. Armonk, N.Y.: M.E. Sharpe, 1994.
Dark, Ken R. & L.L. Harris. The New World and the New World Order: U.S. Relative Decline, Domestic Instability in the Americas, and the End of the Cold War. Houndmills, Basingstoke, Hampshire: Macmillan Press; New York: St. Martin's Press, 1996.
Davis, Clarence B. & Kenneth E. Wilburn, Jr. & Ronald E. Robinson (eds.). Railway Imperialism. New York: Greenwood Press, 1991.
Dawson, Graham. Soldier Heroes: British Adventure, Empire, and the Imagining of Masculinities. London; New York: Routledge, 1994.
De Bevoise, Ken. Agents of Apocalypse: Epidemic Disease in the Colonial Philippines. Princeton: Princeton University Press, 1995.
Denevan, William M. (ed.). The Native Population of the Americas in 1492. 2nd ed. Madison, WI: University of Wisconsin Press, 1992.
Donaldson, Laura E. Decolonizing Feminisms: Race, Gender and Empire Building. Chapel Hill: University of North Carolina Press, 1992.
Driver, Felix & David Gilbert (eds.). Imperial Cities: Landscape, Display and Identity. Manchester; New York: Manchester University Press, 1999.
Fieldhouse, David K. The West and the Third World: Trade, Colonialism, Dependence, and Development. Oxford; Malden, MA: Blackwell, 1999.
Flint, Valerie I.J. 1992. The Imaginative Landscape of Christopher Columbus. Princeton: Princeton University Press.
Formisano, Luciano (ed.) Letters from a New World: Amerigo Vespucci's Discovery of America. (Trans. by David Jacobson.) New York: Marsilio, 1992.
Foster, Gwendolyn A. Captive Bodies: Postcolonial Subjectivity In Cinema. Albany: State University of New York Press, 1999.
Fuentes, Carlos. The Buried Mirror: Reflections on Spain and the New World. Boston: Houghton Mifflin, 1992.
Godlewska, Anne & Neil Smith (eds.). Geography and Empire. Oxford, UK; Cambridge, MA: Blackwell, 1994.

GoGwilt, Christopher L. The Invention of the West: Joseph Conrad and the Double-Mapping of Europe and Empire. Stanford, CA: Stanford University Press, 1995.
Goodlad, Graham D. British Foreign and Imperial Policy, 1865-1919. London; New York: Routledge, 2000.
Goonatilake, Susantha. Crippled Minds: An Exploration Into Colonial Culture. New Delhi: Vikas; New York: Advent Books, 1982.
Gordon, David M. Fat and Mean. New York: Free Press, 1996.
Grafton, Anthony & April Shelford & Nancy Siraisi. New Worlds, Ancient Texts: The Power of Tradition and the Shock of Discovery. Cambridge, MA: Harvard University Press, Belknap Press, 1992.
Greenlee, James G. & Charles M. Johnston. Good Citizens: British Missionaries and Imperial States, 1870-1918. Montreal: McGill-Queen's University Press, 1999.
Grewal, Inderpal. Home and Harem: Nation, Gender, Empire, and the Cultures of Travel. Durham, NC: Duke University Press, 1996.
Hargreaves, John D. (comp.). The Expansion of Europe: A Selection of Articles from History Today. Edinburgh, London, Oliver & Boyd, 1968.
Harris, Paul W. "Cultural Imperialism and American Protestant Missionaries: Collaboration and Dependency in Mid-Nineteenth-Century China," Pacific Historical Review, vol. 60, no 3, (Aug 1991): 309-338.
Harshe, Rajen. Twentieth Century Imperialism: Shifting Contours and Changing Conceptions. New Delhi; Thousand Oaks, CA: Sage Publications, 1997.
Headrick, Daniel R. The Tentacles of Progress: Technology Transfer in the Age of Imperialism, 1850-1940. New York: Oxford University Press, 1988.
Hoganson, Kristin L. Fighting for American Manhood: How Gender Politics Provoked the Spanish-American and Philippine-American Wars. New Haven, CT: Yale University Press, 1998.
Howe, Stephen. Anticolonialism In British Politics: The Left and the End of Empire, 1918-1964. Oxford: Clarendon Press; New York: Oxford University Press, 1993.
Ingram, Edward. Empire-Building and Empire-Builders: Twelve Studies. London; Portland, OR: F. Cass, 1995.
Isbister, John. Promises Not Kept: The Betrayal of Social Change In the Third World. West Hartford, CT: Kumarian Press, 1998.
Johnson, Chalmers A. Blowback: The Costs and Consequences of American Empire. New York: Metropolitan Books, 2000.
Judd, Denis. Empire: The British Imperial Experience, from 1765 To the Present. London: HarperCollins, 1996.
Kaplan, Amy & Donald E. Pease (eds.). Cultures of United States Imperialism. Durham: Duke University Press, 1993.
Keay, John. Empire's End: A History of the Far East From High Colonialism To Hong Kong. New York: Scribner, 1997.
Kidd, Benjamin. The Control of the Tropics. New York: Macmillan, 1898.
Kieh, George Klay Jr. "The Roots of Western Influence in Africa: An Analysis of the Conditioning Process," Social Science Journal, vol. 29, no 1 (1992): 7-19.
Kiernan, Victor G. Imperialism and Its Contradictions. New York: Routledge, 1995.
Kumar, Deepak. Science and the Raj, 1857-1905. Delhi; New York: Oxford University Press, 1995.
LaFeber, Walter (ed.). The New Empire: An Interpretation of American Expansion, 1860-1898. Ithaca, NY: Cornell University Press, 1998 (1963).
Lamouchi, Noureddine. Jean-Paul Sartre et le Tiers Monde: Rhetorique D'un Discours Anticolonialiste. Paris: L'Harmattan, 1996.
Landes, David S. "Why Are We So Rich and They So Poor?" American Economic Review, vol. 80, no 2, (May 1990): 1-13.

Landes, David S. "What Room for Accident in History?: Explaining Big Changes by Small Events," Economic History Review, vol. 47, no 4, (Nov 1994): 637-656.
Lane, Christopher. The Ruling Passion: British Colonial Allegory and the Paradox of Homosexual Desire. Durham: Duke University Press, 1995.
Lawson, Philip. A Taste for Empire and Glory: Studies In British Overseas Expansion, 1660-1800. Brookfield, VT: Variorum, 1997.
MacDonald, Robert H. The Language of Empire: Myths and Metaphors of Popular Imperialism, 1880-1918. Manchester, UK; New York: Manchester University Press, 1994.
Macleod, Roy & Deepak Kumar. Technology and the Raj: Western Technology and Technical Transfers to India, 1700-1947. New Delhi; Thousand Oaks: Sage Publications, 1995.
Manley, Michael. The Poverty of Nations: Reflections On Underdevelopment and the World Economy. London; Concord, MA: Pluto Press, 1991.
Maxwell, Kenneth. "Adios Columbus! -- The Buried Mirror: Reflections on Spain and the New World by Carlos Fuentes / The Imaginative Landscape of Christopher Columbus by Valerie I. J. Flint / Isabel the Queen by Peggy K. Liss / and others," New York Review of Books, vol. 40, no 3, (Jan 28, 1993): 38-45.
Mayne, Alan James C. The Imagined Slum: Newspaper Representation In Three Cities 1870-1914. Leicester, UK; New York: Leicester University Press, 1993.
Meade, Teresa & Mark Walker (eds.). Science, Medicine, and Cultural Imperialism. New York: St. Martin's Press, 1991.
Means, Philip A. The Spanish Main: Focus of Envy, 1492-1700. New York: C. Scribner's Sons; London: C. Scribner's Sons, Ltd., 1935.
Melkote, S. Communication for Development in the Third World: Theory and Practice. New Delhi; Newbury Park, CA: Sage Publications, 1991.
Merk, Frederick & Lois B. Merk. Manifest Destiny and Mission In American History: A Reinterpretation. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1995. Originally published: New York: Knopf, 1963.
Midgley, Clare (ed.).. Gender and Imperialism. Manchester; New York: Manchester University Press; New York: St. Martin's Press, 1998.
Miller, Peter N. Defining the Common Good: Empire, Religion, and Philosophy In Eighteenth-Century Britain. Cambridge; New York: Cambridge University Press, 1994.
Mongia, Padmini (ed.). Contemporary Postcolonial Theory: A Reader. London; New York: Arnold; New York: St Martin's Press, 1996.
Morris, Henry C. The History of Colonization from the Earliest Times To the Present Day. New York: Macmillan Co.; London: Macmillan & Co., Ltd., 1908.
Muir, Ramsay. The Expansion of Europe. London: Constable, 1926.
Muldoon, James. Empire and Order: The Concept of Empire, 800-1800. New York: St. Martin's Press, 1999.
Nussbaum, Felicity. Torrid Zones: Maternity, Sexuality, and Empire In Eighteenth-Century English Narratives. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1995.
Orde, Anne. The Eclipse of Great Britain: The United States and British Imperial Decline, 1895-1956. New York: St. Martin's Press, 1996.
Pagden, Anthony. Lords of All the World: Ideologies of Empire In Spain, Britain and France c. 1500-c. 1800. New Haven, CT: Yale University Press, 1995.
Parry, John H. (ed.). The Age of Reconnaissance. Cleveland: World Pub. Co., 1963 (Berkeley: University of California Press, 1981).
Parsons, Timothy. The British Imperial Century, 1815-1914: A World History Perspective. Lanham, MD: Rowman & Littlefield, 1999.
Petras, James. 1993. "Cultural Imperialism in the Late 20th Century," Journal of Contemporary Asia, vol. 23, no 2, (May 1993): 139(10).

Phillips, Richard. Mapping Men and Empire: A Geography of Adventure. London; New York: Routledge, 1997.
Pierson, Ruth R. & Nupur Chaudhuri & Beth McAuley (eds.). Nation, Empire, Colony: Historicizing Gender and Race. Bloomington: Indiana University Press, 1998.
Pilger, John. "Information is Power," New Statesman & Society, vol. 4, no. 177, (Nov 15 1991): 10(2).
Pilger, John. "The Strange Silence of the Press," New Statesman & Society, vol. 6, no 237 (Jan 29, 1993): 15(1).
Polanyi, Karl. The Great Transformation. Boston: Beacon Press, 1957(1944).
Porter, Andrew N. European Imperialism, 1860-1914. Houndmills, Basingstoke, Hampshire: Macmillan, 1994.
Pyenson, Lewis. Cultural Imperialism and Exact Sciences: German Expansion Overseas, 1900-1930. New York: P. Lang, 1985.
Raudzens, George. Empires: Europe and Globalization, 1492-1788. Stroud, Gloucestershire [England]: Sutton, 1999.
Roach, Colleen. "Cultural Imperialism and Resistance In Media Theory and Literary Theory," Media, Culture & Society, vol. 19, no 1, (Jan, 1997): 47(20).
Rogers, Everett M. The Diffusion of Innovations. New York: The Free Press, 1962.
Rogers, J. Daniel & Samuel M. Wilson (eds.). Ethnohistory and Archaeology. Approaches to Postcontact Change in the Americas. New York: Plenum, 1993.
Rosenberg, Nathan & L.E. Birdzell, Jr. How the West Grew Rich: The Economic Transformation of the Industrial World. New York: Basic Books, 1986.
Rothkopf, David. "In Praise of Cultural Imperialism?" Foreign Policy, no 107, (Summer 1997): 38(15).
Rouse, Irving. The Tainos: Rise and Decline of the People Who Greeted Columbus. New Haven: Yale University Press, 1992.
Said, Edward W.. Covering Islam: How the Media and the Experts Determine How We See the Rest of the World. Rev. ed. New York: Vintage Books, 1997(1981).
Said, Edward W. Culture and Imperialism. New York: Knopf: Distributed by Random House, 1993.
Sardar, Ziauddin. Orientalism. Buckingham [England]; Philadelphia: Open University Press, 1999.
Sauer, Carl Ortwin. The Early Spanish Main. Berkeley: University of California Press, 1966.
Scammell, Geoffrey V. The First Imperial Age: European Overseas Expansion c.1400-1715. London; Boston: Unwin Hyman, 1989.
Schlereth, Thomas J. "Columbia, Columbus, and Columbianism," Journal of American History, vol. 79, no 3, (Dec 1992): 937-968.
Semmel, Bernard. The Liberal Ideal and the Demons of Empire: Theories of Imperialism from Adam Smith To Lenin. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1993.
Simpson, Lewis P. 1989. "Slavery and the Cultural Imperialism of New England," The Southern Review, vol. 25, no 1, (Winter 1989): 1(29).
Slater, David & Peter J. Taylor (eds.). The American Century: Consensus and Coercion In the Projection of American Power. Oxford, UK; Malden, MA: Blackwell, 1999.
Smith, Angel & Emma Davila-Cox (eds.). The Crisis of 1898: Colonial Redistribution and Nationalist Mobilization. New York: St. Martin's Press, 1999.
Smith, Linda T. Decolonizing Methodologies: Research and Indigenous Peoples. London; New York: Zed Books; Dunedin: University of Otago Press; New York: St Martin's Press, 1999.
Smith, Simon C. British Imperialism, 1750-1970. Cambridge, UK; New York: Cambridge University Press, 1998.
Sowell, Thomas (ed.). Conquests and Cultures: An International History. New York: Basic Books, 1998.

Spanos, William V. America's Shadow: An Anatomy of Empire. Minneapolis: University of Minnesota Press, 2000.
Spurr, David. The Rhetoric of Empire: Colonial Discourse In Journalism, Travel Writing, and Imperial Administration. Durham, NC: Duke University Press, 1993.
Straubhaar, Joseph D. 1991. "Beyond Media Imperialism: Asymmetrical Interdependence and Cultural Proximity," Critical Studies in Mass Communication, vol. 8, no 1, (March 1991): 39(21).
Thorne, Susan. Congregational Missions and the Making of An Imperial Culture In Nineteenth-Century England. Stanford, CA: Stanford University Press, 1999.
Tomlinson, J. Cultural Imperialism: A Critical Introduction. Baltimore: The Johns Hopkins University Press, 1991.
Townsend, Mary E. European Colonial Expansion Since 1871. Philadelphia; New York: J.B. Lippincott Co., 1941.
Turner, B. L. II. & Karl W. Butzer. 1992. "The Columbian Encounter and Land-Use Change," Environment, vol. 34, no 8, (Oct 1992): 16-20.
Tyabji, Nasir. Colonialism, Chemical Technology and Industry In Southern India. Delhi; Oxford: Oxford University Press, 1995.
Elteren, Mel van. 1996. "Conceptualizing the Impact of US Popular Culture Globally," Journal of Popular Culture, vol. 30, no 1, (Summer 1996): 47-89.
Verano , John W. & Douglas H. Ubelaker (eds.). Disease and Demography in the Americas. Washington, DC: Smithsonian Institution Press, 1992.
Vilanilam, J.V. Science Communication and Development. Thousand Oaks, CA: Sage, 1993.
Waisbord, Silvio. "When the Cart of Media is Before the Horse of Identity: A Critique of Technology-centered Views on Globalization," Communication Research, vol. 25, no 4, (Aug 1998): 377-398.
Wakefield, Edward G. (ed.). A View of the Art of Colonization: With Present Reference To the British Empire: In Letters Between A Statesman and A Colonist. London: J.W. Parker, 1849.
Wallen, David. 1995. "Stumbling in Marco Polo's footsteps," World Press Review, vol. 42, no 1 (Jan 1995): 46.
Wallerstein, Immanuel. "Should We Unthink the Nineteenth Century?" In: Francisco O. Ramirez (ed.), Rethinking the Nineteenth Century: Contradictions and Movements, (Studies in the Political Economy of the World System: Contributions in Economics and Economic History, No. 76.) New York: Greenwood Press, 1988, pp.185-191.
Wallerstein, Immanuel. "The French Revolution as a World-Historical Event," Social Research, vol. 56, no 1 (Spring 1989): 33-52.
Wallerstein, Immanuel. "The Concept of National Development, 1917-1989: Elegy and Requiem," American Behavioral Scientist, vol. 35, no 4-5, (Mar 1992): 517-529.
Wallerstein, Immanuel. "The West, Capitalism, and the Modern World System," Review, vol. 15, no 4 (Fall 1992): 561-619.
Wallerstein, Immanuel. "World Systems versus World System: A Critique," In: Andre Gunter Frank & Barry K. Gills, The World System: Five Hundred Years or Five Thousand? London, New York: Routledge, 1993, pp. 292-296.
Wallerstein, Immanuel. "The Insurmountable Contradictions of Liberalism: Human Rights and the Rights of Peoples in the Geoculture of the Modern World-System," South Atlantic Quarterly, vol. 94, no 4, (Fall 1995): 1161-1178.
Wallerstein, Immanuel. "Social Science and the Quest for a Just Society," American Journal of Sociology, vol. 102, no 5, (Mar 1997): 1241-1257.
Walvin, James. "A Taste of Empire, 1600-1800," History Today, vol.47, no 1, (Jan 1997): 11-16.
Waters, Malcolm.. Globalization. New York: Routledge, 1995.

Wesseling, H. L.. Imperialism and Colonialism: Essays On the History of European Expansion. Westport, CT: Greenwood Press, 1997.
Whitt, Laurie Anne. "Cultural Imperialism and the Marketing of Native America," American Indian Culture and Research Journal, vol. 19, no 3, (1995): 1-31.
Wilberforce, Archibald (comp.). Spain and Her Colonies. New York: Co-operative Publishing Society, 1904.
Wilson, Kathleen. The Sense of the People: Politics, Culture, and Imperialism In England, 1715-1785. Cambridge; New York: Cambridge University Press, 1995.
Winsberg, Morton D. "Five Hundred Years After the Old World Discovered the New World: The Results of the Great Agricultural Exchange," Social Studies, vol. 83, no 5, (Sep 1992): 216-219.
Wolfe, Patrick. Settler Colonialism and the Transformation of Anthropology: The Politics and Poetics of An Ethnographic Event. London; New York: Cassell, 1999.

Империи в прошлом и настоящем

Abernethy, David B. The Dynamics of Global Dominance: European Overseas Empires, 1415-1980. Yale University Press, 2000.
Black, Jeremy The British Seaborne Empire, Yale University Press, 2004.
Boxer, Charles R. The Dutch Seaborne Empire 1600-1800.Knopf, 1965.
Boxer, Charles R. The Portuguese Seaborne Empire 1415-1825. Hutchinson, 1969.
Brunschwig, Henri French Colonialism. Praeger, 1966.
Cain, Peter and Tony Hopkins British Imperialism, 1688-2000. Longman, 2001.
Ferguson, Niall Empire: The Rise and Demise of the British World Order and the Lessons for Global Power. Basic Books, 2003.
Fromkin, David A Peace to End All Peace: The Fall of the Ottoman Empire and the Creation of the Modern Middle East, Owl Books, 2001.
Hochschild, Adam King Leopold's Ghost.Houghton Mifflin, 1999.
James, LawrenceThe Rise and Fall of the British Empire.St. Martin's Press, 1997.
Lieven, Dominic Empire: The Russian Empire and Its Rivals. Yale University Press, 2000.
Parry, J.H. The Spanish Seaborne Empire. University of California Press, 1966.
Parry, J.H. The Spanish Theory of Empire in the Sixteenth Century. Cambridge University Press, 1940.
Porter, Bernard. Lion's Share: Short History of British Imperialism 1850-1995. ADDIS,1996.
Schama, Simon. The Fate of Empire 1776-2000. Miramax, 2002.
Smith, Woodruff. The German Colonial Empire. University of North Carolina Press,1976.
Stern, Fritz. Blood and Iron: Bismarck, Bleichroder and the Building of the German Empire. Random House,1977.
Thorton, Archibald Paton The Imperial Idea and Its Enemies: A Study in British Power. Palgrave Macmillan, 1985.
Yacono, X. La colonisation francaise. Presses Universitaires de France, 1973.

Теоретические и компаративные исследования

Alcock, Susan E. et al. Empires. Cambridge University Press, 2001.
Doyle, Michael W. Empires. Cornell University Press,1986.
Duverger, Maurice (ed.) Le concept d'empire. Presses Universitaires de France, 1980.
Hobson, John A. Imperialism: A Study. James Pott and Co., 1902.
Hopkins, A.G. (ed.) Globalization in World History. Norton, 2002.
Howe, Stephen. Empire: A Very Short Introduction. Oxford University Press, 2002.
Motyl, Alexander J. Imperial Ends: The Decay, Collapse and Revival of Empires. Columbia University Press, 2001.

Osterhammel, Jurgen and Shelley L. Frisch (Transl.) Colonialism: A Theoretical Overview. Markus Weiner, 1997.
Said, Edward W. Orientalism. Pantheon, 1978.
Said, Edward W. Culture and Imperialism. Knopf, 1993.

БРИТАНСКАЯ ИМПЕРИЯ

Отечественные работы

Алаев Л. Б. Империя: феномен или этап развития? // Вопросы истории. 2000. № 4-5.
Актуальные проблемы истории колониализма ("круглый стол") // Новая и новейшая история. 1989. № 4. С.80.
Давидсон А. Б. Ключевая проблема XXI столетия: последствия распада империй. // Новая и новейшая история. 2006. № . 2. С. 3 - 21.
Давидсон А. Б. Последствия распада империй для XXI века // Вестник Российской Академии Наук. 2002. Т. 72. № 5. С. 396-404.
Ивонин Ю. Е. Имперская идея и проблема государственности в Западной Европе XVI века // Вопросы истории. 1993. № 6.
Абрамова СЮ. Африка: четыре столетия работорговли. М., 1978.
Акимов Ю.Г. От межколониальных конфликтов к битве империй: англо-французское соперничество в Северной Америке в 1613-1713 гг. СПб, 2002.
Английские партии и колониальная империя Великобритании в XIX веке (1815-середина 1870-х гг.) / Айзенштат Марина Павловна; Гелла Тамара Николаевна, Кол.авт. Институт всеобщей истории РАН. Москва: Б/и, 1999.
Антонова К.А. Английское завоевание Индии в XVIII в. М.,1958.
Антонова К.А. Советские индологи о причинах падения Могольской Индии // Очерки экономической и социальной истории Индии. М.,1972.
Бабаходжаев М.А. Борьба Афганистана за независимость. 1838-1842. М.,1980.
Балашова Ю.А. Трансляция культур в процессе христианизации Западной Африки / Восток-Запад: проблемы взаимодействия и трансляции культур. Сб. научн. трудов. Саратов, 2001. С.5-15.
Балезин А.С. У Великих африканских озер: монархи и президенты Уганды. М., 1989.
Балезин А. С. Европейские миссионеры и встреча культур в Африке // Новая и новейшая история. 2006. № 3. С. 222 - 229.
Бейкер Дж. История географических открытий и исследований. М., 1950.
Богомолов С.А. Имперская идея в Великобритании в 70-80-е гг. XIX в. Ульяновск, 2000.
Бондаревский Г.Л. Английская политика и международные отношения в бассейне Персидского залива (конец XIX – нач. XX в.). М.,1968.
Бэшем А. Чудо, которым была Индия. – М.,1977.
Ванина Е.Ю. Идеи и общество в Индии XVI-XVIII вв. М.,1993.
Васильев Л.С. История Востока. В 2 т. М., 1993.
Виноградов В. Н. Британский лев на Босфоре. М., 1991.
Виноградов К.Б. Очерки английской историографии нового и новейшего времени. Л, 1975.
Галеви Э. История Англии в эпоху империализма. Т. I. М., 1937.
Гелла Т.Н. Либеральная партия и Британская империя в конце XIX в.: идеология и политика: Дисс... д-ра исторических наук. М., 1995.
Гелла Т. Н. Либерализм и "новый империализм" в Великобритании в 80 - 90-х годах XIX века // Новая и новейшая история. 2001, N. 2. С. 52 - 65.
Горнунг М.Б., Липец Ю.Г., Олейников И.Н. История открытия и исследования Африки. М., 1973.
Грудзинский В.В. На повороте судьбы: Великая Британия и имперский федерализм (последняя треть XIX - первая четверть XIX в.). Челябинск, 1996.
Давидсон А.Б. Образ Британии в России XIX и XX столетий // Новая и Новейшая история, 2005. № 5.
Давидсон А. Б. Сесиль Родс и его время. М., 1984.

Давидсон А. Б. Тропическая и Южная Африка в XX веке // Новая и новейшая история. 2000. № 5. С. 10 - 29.
Дронова Н. В. Люди и идеи: судьбы Британской империи в оценке современников (70-е годы XIX века). Тамбов, 1998.
Дронова Н. В. Трансформация имперской традиции Великобритании в 70-е гг. XIX в.: Дисс... д-ра исторических наук, Тамбов, 1998.
Дьяков А.М. Национальный вопрос и английский империализм в Индии. М.,1948.
Ерофеев Н.А. Очерки по Истории Англии 1815 – 1917. М., 1959.
Ерофеев Н.А. Империя создавалась так… Английский колониализм в XVIII в. М., 1964.
Ерофеев Н.А. Английский колониализм в середине XIX в. М., 1977.
Ерофеев Н.А. Английский колониализм и стереотип ирландца в XIX в. //Новая и новейшая история. 1980. № 5. С. 60-73.
Ерофеев Н.А. Туманный Альбион. Англия и англичане глазами русских. 1825 -1853. М., 1982.
Зарин В.А. Запад и Восток в мировой истории. XIV-XIX вв. М.,1991.
Зотова Ю.Н. Английская экспансия в дельте Нигера во второй половине XIX в. М., 1970.
Индия и Китай: две цивилизации – две модели развития // Мировая международные отношения. 1988. № 4, 6, 8.
История Африки в XIX - начале XX в. / Под ред. В.А. Субботина и др. М., 1984.
История Судана в новое и новейшее время / Под ред. В.С. Кошелева и др. М., 1992.
Казем-Заде Ф. Борьба за влияние в Персии: дипломатическое противостояние России и Англии: 1864-1914. М., 2004.
Левин З.И. Развитие общественной мысли на Востоке (колониальный период XIX - XX вв.). М.,1993.
Менщиков И.С. Британские премьер-министры XIX в. Курган, 2006.
Науменко О.А. Роберт Солсбери и его время: Викторианская Англия в лицах. СПб, 2004.
Нарочницкий А.Л. Колониальная политика капиталистических держав на Дальнем Востоке. 1860-1895. М.,1956.
Неру Дж. Взгляд на всемирную историю. Т.2. М.,1989.
Неру Дж. Открытие Индии. М.,1989.
Никитина И.А. Захват бурских республик Англией, М., 1970.
Новая история. Британская империя: современные подходы и оценки: сб. статей / Кол. авт., Отв. ред. Айзенштат М. П. М.: Изд-во Института всеобщей истории РАН (ИВИ), 2007.
Новая история Индии. М., 1961.
Новая история стран зарубежной Азии и Африки. Л., 1971.
Новопашина Л. Ю. Британская колониальная экспансия на Малайском архипелаге на рубеже XVIII - XIX веков // Новая и новейшая история. 2001. №. 5. С. 59-74.
Овчинников В.Е. История Танзании в новое и новейшее время. М., 1986.
Остапенко Г.С. Британский колониализм: духовное влияние метрополии /Британия и Россия. М., 1997. С. 68-76.
Парфенов И.Д. Колониальная экспансия Великобритании в последней трети XIX в. М., 1991.
Парфенов И.Д. Англия и раздел мира в последней трети XIX в.: Проблемы историографии / Под ред. А.Ф. Остальцевой. Саратов, 1978.
Парфенов И.Д. Монополия и империя: Английские привилегированные компании и колониальная экспансия 80-90-х годов XIX в. Саратов, 1980.
Проблема истории Индии и стран Среднего Востока. М., 1972.
Райков А.В. Национально-революционные организации Индии в борьбе за свободу. 1905-1930. М.,1979.

Романова М. И. Война за независимость североамериканских колоний и британский парламент, 1765 - 1775 годы // Новая и новейшая история. 2008.№. 1С. 110-129.
Сидорова С.Е. Британское колониальное правление versus британский либерализм. М., 2006.
Синха Н.К., Банерджи А.Г. История Индии. М., 1954.
Соколов А.Б. «Правь, Британия, морями»?: политические дискуссии в Англии по вопросам внешней и колониальной политики в XVIII в. Ярославль, 1996.
Судейкин А. Г. Колониальная политика лейбористской партии Англии между двумя мировыми войнами. М., 1976.
Халфин Н.А. Создание и распад Британской колониальной империи. М.,1961.
Халфин Н.А. Вторая англо-афганская война (1878-1880) // Вопросы истории. 1979. № 3.
Халфин Н.А. Возмездие ожидает в Джагдалаке. Победные трубы Майванда. М.,1990.
Харюков Л.Н. Англо-русское соперничество в Центральной Азии и исмаилиты. М.,1995.
Чичеров А.И. Экономическое развитие Индии перед английским завоевание (ремесло и торговля в XVI-XVIII вв.). М.,1965.
Шигалина О.И. Великобритания на Среднем Востоке. М., 1990.
Широков Г.М. Колониальная система // Восток. 1995. № 6.
Шкляж И.И. На заре британской экспансии в Южной Африке: английские путешественники свидетельствуют //Азия и Африка сегодня. 1981. № 3. С.109-121.

Империализм. Общие и теоретические работы.

Abernethy, David (2000). The Dynamics of Global Dominance, European Overseas Empires 1415-1980. Yale University Press.
Alcock, Susan E. et al (2001) Empires (Cambridge University Press)
Armitage, David (ed.). 1998. Theories of Empire, 1450-1800. Aldershot [England]; Brookfield, VT: Ashgate, c1998.
Bell, Morag & Robin Butlin & Michael Heffernan (eds.). 1995. Geography And Imperialism, 1820-1940. Manchester; New York: Manchester University Press
Bush, Barbara. Imperialism and Postcolonialism. Pearson Education, 2006.
Cain, Peter J. Capitalism, Aristocracy and Empire : Some «Classical» Theories of Imperialism Revisited // Journal of Imperial and Commonwealth History, 35:1 (2007), 25-47.
Chew, Sing C. & Robert A. Denemark (eds.). 1996. The Underdevelopment of Development: Essays in Honor of Andre Gunder Frank. Newbury Park, CA: Sage Publications.
Doyle, Michael W. (1986) Empires (Cornell University Press)
Duverger, Maurice (ed.) (1980) Le concept d'empire (Presses Universitaires de France)
Fieldhouse, David Kenneth. The Colonial Empires: A Comparative Survey from the Eighteenth Century. Delacorte Press, 1967.
Galtung, J. On the decline and fall of Empires : The Roman Empire and western Imperialism compared. [S.l.] : United Nations, 1979.
Hobson, John A. (1902) Imperialism: A Study (James Pott and Co.)
Howe, Stephen (2002) Empire: A Very Short Introduction (Oxford University Press)
Kiernan, Victor G. 1995. Imperialism and Its Contradictions. New York: Routledge.
Koenigsberger, H. G. The practice of empire. Ithaca, N.Y., Cornell University Press [1969]
Kouadio, Boni, Discours sur l'impérialisme. Abidjan-Riviera : PUCI, 2006.
Lennox, Jeffers. An empire on paper : the founding of Halifax and conceptions of imperial space, 1744-55 // Canadian Historical Review, 88:3 (2007), 373-412.
Muir, Ramsay. 1926. The Expansion of Europe. London: Constable.
Muldoon, James. 1999. Empire and Order: The Concept of Empire, 800-1800. New York: St. Martin's Press.

Pagden, Anthony. 1995. Lords of All the World: Ideologies of Empire In Spain, Britain and France c. 1500-c. 1800. New Haven, CT: Yale University Press.
Pagden, Anthony (2003). Peoples and Empires: A Short History of European Migration, Exploration, and Conquest, from Greece to the Present. Modern Library.
Ragatz, Lowell Joseph. The Literature of European Imperialism, 1815-1939 : A Bibliography. P. Pearlman, 1944.
Raudzens, George. 1999. Empires: Europe and Globalization, 1492-1788. Stroud, Gloucestershire [England]: Sutton.
Shannon, Richard. The Crisis of Imperialism, 1865-1915. Paladin, 1976.
Sardar, Ziauddin. 1999. Orientalism. Buckingham [England]; Philadelphia: Open University Press.
Scammell, Geoffrey V. 1989. The First Imperial Age: European Overseas Expansion c.1400-1715. London; Boston: Unwin Hyman.
Semmel, Bernard. 1993. The Liberal Ideal and the Demons of Empire: Theories of Imperialism from Adam Smith To Lenin. Baltimore: Johns Hopkins University Press.
Snyder, Jack L. Myths of Empire: Domestic Politics and International Ambition. Cornell University Press, 1991.
Spruyt, Hendrik. Ending Empire: Contested Sovereignty and Territorial Partition. Cornell University Press, 2005.
Wallerstein, Immanuel. 1992. The Concept of National Development, 1917-1989: Elegy and Requiem // American Behavioral Scientist, Vol. 35. No. 4-5 (Mar 1992): 517-529.
Wallerstein, Immanuel. 1992. The West, Capitalism, and the Modern World System // Review, Vol. 15. No. 4. (Fall 1992): 561-619.
Wallerstein, Immanuel. World Systems versus World System: A Critique / Andre Gunter Frank & Barry K. Gills, The World System: Five Hundred Years or Five Thousand? London, New York: Routledge, 1993. P. 292-296
Wesseling, H. L. 1997. Imperialism and Colonialism: Essays On the History of European Expansion. Westport, CT: Greenwood Press.
Winslow, E. M. The pattern of imperialism; a study in the theories of power. New York, Octagon Books, 1972 [1948]
Abernethy, David B. (2000) The Dynamics of Global Dominance: European Overseas Empires, 1415-1980 (Yale University Press)
Armitage, David. The Ideological Origins of the British Empire. Cambridge University Press, 2000.
Barnett, C. The Collapse of the British Power. Alan Sutton, 1972.
Bell, Duncan (ed.). Victorian visions of global order: empire and international relations in nineteenth-century political thought (Ideas in Context, 68). Cambridge: Cambridge University Press, 2007.
Black, Jeremy (2004) The British Seaborne Empire (Yale University Press)
Bowen, H.V. 1996. Elites, Enterprise, and the Making of the British Overseas Empire, 1688-1775. Houndmills, Basingstoke, Hampshire: Macmillan; New York: St. Martins.
Bowle, John. The Imperial Achievement: The Rise and Transformation of the British Empire. Little, Brown, 1974.
Brendon, Piers. The decline and fall of the British Empire. London: Jonathan Cape, 2007.
British Imperialism Gold, God, Glory. [S.l.] : Holt Rinehart and Winston, 1963.
Burton, Antoinette M. Politics and Empire in Victorian Britain: A Reader. Palgrave, 2001.
Cain, Peter and Tony Hopkins (2001) British Imperialism, 1688-2000 (Longman)
Cannadine, David (ed.). Empire, the sea and global history: Britain's maritime world, c. 1763 - c. 1840. New York: Palgrave Macmillam, 2007.
Chaudhuri, Nupur & Margaret Strobel (eds.). 1992. Western Women and Imperialism: Complicity and Resistance. Bloomington: Indiana University Press.
Christopher, A. J., The British Empire at its Zenith, Croom Helm, 1988.

Clarke, P. F. The last thousand days of the British empire. London : Bloomsbury Press, 2008.
Cooper, Cooper, Frederick & Ann L. Stoler (eds.). 1997. Tensions of Empire: Colonial Cultures In A Bourgeois World. Berkeley, CA: University of California Press.
Crosby, Alfred W. 1986. Ecological Imperialism: The Biological Expansion of Europe, 900-1900. Cambridge [Cambridgeshire]; New York: Cambridge University Press.
Cross, C. The Fall of the British Empire 1918-1968. Hodder and Stoughton, 1968.
Dalziel, Nigel (2006). The Penguin Historical Atlas of the British Empire. Penguin.
Darwin, J. The End of the British Empire: The Historical Debate. Basil Blackwell, 1991.
Davis, Clarence B. & Kenneth E. Wilburn, Jr. & Ronald E. Robinson (eds.). 1991. Railway Imperialism. New York: Greenwood Press.
Driver, Felix & David Gilbert (eds.). 1999. Imperial Cities: Landscape, Display and Identity. Manchester; New York: Manchester University Press; New York: Distributed exclusively in the USA by St. Martin's Press.
Ferguson, Niall (2003) Empire: The Rise and Demise of the British World Order and the Lessons for Global Power (Basic Books)
Godlewska, Anne & Neil Smith (eds.). 1994. Geography and Empire. Oxford, UK; Cambridge, MA: Blackwell.
GoGwilt, Christopher L. 1995. The Invention of the West: Joseph Conrad and the Double-Mapping of Europe and Empire. Stanford, CA: Stanford University Press.
Gollwitzer, Heinz. Europe in the age of imperialism, 1880-1914. London : Thames and Hudson, 1969.
Goodlad, Graham D. 2000. British Foreign and Imperial Policy, 1865-1919. London; New York: Routledge.
Hobsbawm, Eric J. (1989) The Age of Empire 1875-1914 (Vintage)
Howe, Stephen. 1993. Anticolonialism In British Politics: The Left and the End of Empire, 1918-1964. Oxford: Clarendon Press; New York: Oxford University Press.
Hyam, Ronald (2002). Britain's Imperial Century, 1815-1914: A Study of Empire and Expansion. Palgrave Macmillan.
The idea of greater Britain : empire and the future of world order, 1860-1900; Duncan Bell. Princeton (NJ); Woodstock: Princeton University Press, 2007.
Ingram, Edward. The British Empire as a World Power: Ten Studies. London; Portland, OR: F. Cass., 2001.
Ingram, Edward. 1995. Empire-Building and Empire-Builders: Twelve Studies. London; Portland, OR: F. Cass.
James, Lawrence; Lownie, Helen. The Illustrated Rise & Fall of the British Empire. St. Martin's Press, 2000.
Judd, Denis. Empire: The British Imperial Experience, from 1765 to the Present. London: HarperCollins, 1996.
Karatani, Rieko. Defining British Citizenship: Empire, Commonwealth and Modern Britain. Routledge, 2003.
Lawson, Philip. 1997. A Taste for Empire and Glory: Studies In British Overseas Expansion, 1660-1800. Brookfield, VT: Variorum.
Lloyd, Trevor Owen (1996). The British Empire 1558-1995. Oxford University Press.
Louis, William Roger (general editor). The Oxford History of the British Empire, 5 vols. (1998–99).
* vol 1 The Origins of Empire, ed. by Nicholas Canny (1998)
* vol 2 The Eighteenth Century, ed. by P. J. Marshall (1998)
* vol 3 The Nineteenth Century, ed. by William Roger Louis, Alaine M. Low, Andrew Porter; (1998).
* vol 4 The Twentieth Century, ed. by Judith M. Brown, (1998).
* vol 5 Historiography, ed. by Robin W. Winks (1999)

MacDonald, Robert H. 1994. The Language of Empire: Myths and Metaphors of Popular Imperialism, 1880-1918. Manchester, UK; New York: Manchester University Press;
McLean, Iain (2001). Rational Choice and British Politics: An Analysis of Rhetoric and Manipulation from Peel to Blair. Oxford University Press.
Marshall, P. J. (ed.), The Cambridge Illustrated History of the British Empire (1996).
Midgley, Clare. Feminism and Empire: Women Activists in Imperial Britain, 1790–1865. London: Routledge, 2007.
Nachod, D. Liberalism and imperialism : the ideological foundations of anti-imperialist sentiment in Great Britain : 1898-1914. [S.l.] : Harvard Univ., 1971.
Olson, James (1996). Historical Dictionary of the British Empire. Greenwood Publishing Group.
Orde, Anne. 1996. The Eclipse of Great Britain: The United States and British Imperial Decline, 1895-1956. New York: St. Martin's Press.
Orr B. Empire on the English stage, 1660-1714. New York: Cambridge University Press. 2001.
Parsons, Timothy. 1999. The British Imperial Century, 1815-1914: A World History Perspective. Lanham, MD: Rowman & Littlefield.
Peters, Marie. Early Hanoverian Consciousness : Empire or Europe? // English Historical Review, 122:497 (2007), 632-68.
Porter, Andrew N. 1994. European Imperialism, 1860-1914. Houndmills, Basingstoke, Hampshire: Macmillan.
Porter, Bernard. The Absent-Minded Imperialists: Empire, Society, and Culture in Britain. Oxford University Press, 2006.
Porter, Bernard. Lion's Share: Short History of British Imperialism 1850-1995. ADDIS, 1996.
Price, R. N. The Boer War and the British Working Class 1899-1902: A Study in Working Class Attitudes and Reactions to Imperialism. University of Sussex, 1968.
Ruhl, Klaus-Jörg. Imperialismus : Aufstieg und Krise des britischen Empire im 19. Jahrhundert // Geschichte in Wissenschaft und Unterricht, 58:4 (2007), 253-68.
Smith, Simon C. 1998. British Imperialism, 1750-1970. Cambridge, UK; New York: Cambridge University Press.
Sunderland D., Managing the British Empire. - 2004. (Royal historical society studies in history)
Taylor, Miles (ed.). Southampton : gateway to the British Empire. London: I.B. Tauris, 2007.
The New Imperialism analysis of Late Nineteenth-Century Expansion. Boston : D C Heath and Company, 1961 (1966)
Thorton, Archibald Paton (1985) The Imperial Idea and Its Enemies: A Study in British Power (Palgrave Macmillan)
Thompson, Andrew Stuart. The Empire Strikes Back?: The Impact of Imperialism on Britain from the Mid-nineteenth Century. Pearson Education, 2005.
Wakefield, Edward G. (ed.). 1849. A View of the Art of Colonization: With Present Reference To the British Empire: In Letters Between A Statesman and A Colonist. London: J.W. Parker.
Walker, E. A. The British Empire: Its Structure and Spirit 1497-1953. Bowes & Bowes, 1953.
War, diplomacy, and imperialism, 1618-1763. [S.l.] : Walker, 1974.
Webster, Wendy. Englishness and Empire 1939-1965. Oxford University Press, 2007.
Williamson, J. A. A Short History of British Expansion: The Modern Empire and Commonwealth. Macmillan, 1967.
Wilson, A. N. The Victorians. W. W. Norton, 2003.

Имперская экономика

Andrews, Kenneth (1984). Trade, Plunder and Settlement: Maritime Enterprise and the Genesis of the British Empire, 1480-1630. Cambridge University Press.
Ahluwalia, Pal & Bill Ashcroft & Roger Knight (eds.). 1999. White and Deadly: Sugar and Colonialism. Commack, N.Y.: Nova Science Publishers.
Beer, George Louis. The commercial policy of England toward the American colonies. New York : Smith, 1948.
Bonn, Moritz J. 1938. The Crumbling of Empire: The Disintegration of World Economy. London: G. Allen & Unwin Ltd.
Bowen, H.V. The Business of Empire: The East India Company and Imperial Britain, 1756-1833. Cambridge: Cambridge University Press, 2006.
Danmole, Mashood B. O. The Heritage of imperialism : a study in historical and economic analysis. N.Y., Asia : [s.n.], 1974.
Ejiogu, E. C. Historical Statistics as Text: Unusual Indicators of How Ordinary British Folk Reaped from the World-Economy, 1800-1960 // Journal of Asian and African Studies, 42:1 (2007), 73-115.
Harnetty, Peter. Imperialism and free trade : Lancashire and India in the 1860s. Toronto: University of Toronto Press, 1969.
Headrick, Daniel R. 1988. The Tentacles of Progress: Technology Transfer in the Age of Imperialism, 1850-1940. New York: Oxford University Press.
Kennedy, P. The Rise and Fall of the Great Powers. Economic Change and Military Conflict from 1500 to 2000. Vintage Books, 1989.
Koehn, Nancy Fowler. The Power of Commerce: Economy and Governance in the First British Empire. Cornell University Press, 1994.
Krozewski, Gerold. Money and the End of Empire: British International Economic Policy and the Colonies, 1947-58. Palgrave, 2001. (Cambridge imperial and post-colonial studies series)
Landes, David S. 1990. Why Are We So Rich and They So Poor? // American Economic Review, Vol. 80. No. 2. (May 1990): 1-13.
Magee, Gary Brian. The Importance of Being British : Imperial Factors and the Growth of British Imports, 1870-1960 // Journal of Interdisciplinary History, 37:3 (2007), 341-69.
Manley, Michael. 1991. The Poverty of Nations: Reflections On Underdevelopment and the World Economy. London; Concord, MA: Pluto Press.
Mills, James H. Cannabis Britannica: Empire, Trade, and Prohibition 1800-1928. Oxford University Press, 2005.
Munro J. F., Maritime enterprise and empire : Sir William Mackinnon and His Business Network, 1823-93. Boydell Press, 2003.
Osterhammel, Jurgen and Shelley L. Frisch (Translator) (1997) Colonialism: A Theoretical Overview (Markus Weiner)
Pétré-Grenouilleau, Olivier. From Slave Trade to Empire: Europe and the Colonisation of Black Africa, 1780s-1880s. Routledge, 2004.
Rosenberg, Nathan & L.E. Birdzell, Jr. 1986. How the West Grew Rich: The Economic Transformation of the Industrial World. New York: Basic Books.
Sau, R. Unequal exchange, imperialism and underdevelopment. Oxford : U. P., 1978.
Semmel, Bernard. Rise of Free Trade Imperialism : classical Political Economy, the Empire of Free Trade and Imperialism 1750-1850. S.l. : CUP, 1970.
The economic causes of imperialism. New York : John Wiley, 1972.
Tiberi, Mario. The Accounts of the British Empire: Capital Flows from 1799 to 1914. Ashgate Publishing, Ltd., 2005.
Tyabji, Nasir. 1995. Colonialism, Chemical Technology and Industry In Southern India. Delhi; Oxford: Oxford University Press.
Wallerstein, Immanuel. 1988. "Should We Unthink the Nineteenth Century?" 185-191 in Francisco O. Ramirez (ed.), Rethinking the Nineteenth Century: Contradictions and

Movements, (Studies in the Political Economy of the World System: Contributions in Economics and Economic History, No. 76.) New York: Greenwood Press.
Walvin, James. Black Ivory: Slavery in the British Empire. Publishing, 2001.
Windscheffel, Alex Christian. Popular conservatism in imperial London, 1868-1906. London: Royal Historical Society, 2007.
Winsberg, Morton D. Five Hundred Years After the Old World Discovered the New World: The Results of the Great Agricultural Exchange // Social Studies. Vol. 83. No. 5. (Sept. 1992): 216-219.
Woolf, Leonard, Empire and commerce in Africa : a study in economic imperialism. London : Allen & Unwin, 1968 (1920)

Империя как категория культуры

Armstrong, Catherine; Fagge, Roger; Lockley, Timothy James (ed.), America in the British imagination. Newcastle upon Tyne: Cambridge Scholars, 2007.
Ashcroft, Bill, Gareth Griffiths, and Helen Tiffin, eds. The Empire Writes Back: Theory and Practice in Post-Colonial Literatures. London: Routledge, 1989.
Ashcroft, Bill, Gareth Griffiths, and Helen Tiffin, eds. The Post-Colonial Studies Reader. London: Routledge, 1995.
Barringer, Tim J.; Quilley, Geoff; Fordham, Douglas (ed.). Art and the British Empire. Manchester; New York: Manchester University Press, 2007.
Baucom, Ian. Out of Place: Englishness, Empire, and the Locations of Identity. Princeton University Press, 1999.
Biddiss, Michael (ed). Images of Race. New York: Holmes and Meier, 1979.
Birns, Nicholas. The Empire Turned Upside Down: The Colonial Fictions of Anthony Trollope // ARIEL: A Review of International English Literature, 27 (1996): 7-23.
Bivona, Daniel. 1998. British Imperial Literature, 1870-1940: Writing and the Administration of Empire. Cambridge; New York: Cambridge University Press.
Blaut, J.M. 1992. The Colonizer's Model of the World: Geographical Diffusionism and Eurocentric History. New York, London: The Guilford Press.
Brantlinger, Patrick. Rule of Darkness: British Literature and Imperialism, 1830-1914. Ithaca: Cornell UP, 1988.
Bratton, Jacqueline S. Acts of Supremacy: The British Empire and the Stage, 1790-1930. Manchester University Press, 1991.
Burton, Antoinette M. 1994. Burdens of History: British Feminists, Indian Women, and Imperial Culture, 1865-1915. Chapel Hill: University of North Carolina Press.
Cain, Peter J. Empire and the languages of character and virtue in later Victorian and Edwardian Britain // Modern Intellectual History, 4:2 (2007), 249-73.
Cannadine, David. Ornamentalism: How the British Saw Their Empire. Oxford, 2001.
Clayton, Martin; Zon, Bennett M. (ed.). Music and Orientalism in the British Empire, 1780s to 1940s: portrayal of the East. Aldershot: Ashgate, 2007.
David, Dierdre. Rule Britannia: Women, Empire, and Victorian Writing. Ithaca: Cornell UP, 1995.
Dawson, Graham. 1994. Soldier Heroes: British Adventure, Empire, and the Imagining of Masculinities. London; New York: Routledge.
Dentith S., Epic and empire in nineteenth-century Britain. Cambridge University Press, 2006. (Cambridge studies in nineteenth-century literature and culture)
Doyle, Laura. Freedom's Empire: Race and the Rise of the Novel in Atlantic Modernity, 1640-1940. Duke University Press, 2008.
Dreyer, R. F. The mind of official imperialism: British and Cape government perceptions of German rule in Namibia from the Helgoland-Zanzibar treaty to the Kruger telegram (1890-1896). Essen: Hobbing, 1987.

Duncan, Ian. "The Moonstone" the Victorian Novel, and Imperialist Panic // Modern Language Quarterly, 55 (1994): 297-319.
Foulkes, Richard. Performing Shakespeare in the Age of Empire. Cambridge University Press, 2006.
Fulford, Tim, Kitson, Peter J. Romanticism and colonialism : Writing and Empire, 1780-1830. Cambridge University Press, 1998.
Grewal, Inderpal. 1996. Home and Harem: Nation, Gender, Empire, and the Cultures of Travel. Durham, NC: Duke University Press.
Hall, Catherine; Rose, Sonya O. At Home with the Empire: Metropolitan Culture and the Imperial World. Cambridge University Press, 2006.
Henry, Nancy. George Eliot and the British Empire. Cambridge University Press, 2002.
Huggan, Graham. A Tale of Two Parots: Walcott, Rhys, and the Uses of Colonial Mimicry // Contemporary Literature, 35 (1994): 643-60.
Johnston A., Missionary writing and empire, 1800-1860. Cambridge University Press, 2003. (Cambridge studies in nineteenth-century literature and culture)
Leask, Nigel; Chandler, James; Butler, Marilyn. British Romantic Writers and the East: Anxieties of Empire. Cambridge University Press, 1992.
Lockey, Brian. Law and Empire in English Renaissance Literature. Cambridge University Press, 2006.
Kendrik, Robert L. Edward Rochester and the Margins of Masculinity in Jane Eyre and Wide Sargasso Sea // Papers on Language and Literature, 30 (1994): 235-56.
Mayne, Alan James C. 1993. The Imagined Slum: Newspaper Representation In Three Cities 1870-1914. Leicester, UK; New York: Leicester University Press
McNeil, Kenneth. Scotland, Britain, empire : writing the Highlands, 1760-1860. Columbus: Ohio State University Press, 2007.
Marshall T., Theatre and empire. Manchester: Manchester University Press, cop. 2000. (Politics, culture and society in early modern Britain).
Matthew H. Edney. Mapping an Empire: The Geographic Construction of British India, 1765-1843. Chicago and London: University of Chicago Press, 1997.
Meade, Teresa & Mark Walker (eds.). 1991. Science, Medicine, and Cultural Imperialism. New York: St. Martin's Press.
Mehta, Jaya. English Romance: Indian Violence // Centennial Review, 34 (1995): 611-657.
Miller, Peter N. 1994. Defining the Common Good: Empire, Religion, and Philosophy In Eighteenth-Century Britain. Cambridge; New York: Cambridge University Press.
Milligan, Barry. The Moonstone, Opium, and Hybrid Anglo-Indian Culture / Pleasures and Pains: Opium and the Orient in 19th Century British Culture. Univ. of Virginia Press, 1995. 69-82.
Mohanram, Radhika. Imperial White: Race, Diaspora, and the British Empire. Univ. of Minnesota Press, 2007.
Morse, Deborah Denenholz; Danahay, Martin A. (ed.). Victorian animal dreams: representations of animals in Victorian literature and culture. Aldershot: Ashgate, 2007.
Nayder, Lillian. Robinson Crusoe and Friday in Victorian Britain: 'Discipline,' 'Dialogue,' and Collins's Critique of Empire in The Moonstone // Dickens Studies Annual (1992): 213-231.
Nixon, Nicola. Wide Sargasso Sea and Jean Rhys's Interrogation of the 'nature wholly alien' in Jane Eyre // Essays in Literature, 21 (1994): 267-84.
Park, Clara Claiborne. The River and the Road: Fashions in Forgiveness. // The American Scholar, 66 (1997): 43-62.
Phillips, Lawrence. Colonial culture in the Pacific, in Robert Louis Stevenson and Jack London // Race & Class, 48:3 (2007), 63-82.
Phillips, Richard. 1997. Mapping Men and Empire: A Geography of Adventure. London; New York: Routledge.

Pramod K. Nayar. English writing and India, 1600-1920 : colonizing aesthetics (Routledge research in postcolonial literatures, 18). London: Routledge, 2008.
Randall, Don. Ethnography and the Hybrid Boy in Rudyards Kipling's Kim // ARIEL: A Review of International English Literature 27 (1996): 79-104.
Rieder, John, Colonialism and the emergence of science fiction. Middletown, Conn. : Wesleyan University Press, 2008.
Plotz, Judith A. The Empire of Youth: Crossing and Double-crossng Cultural Barriers in Kiplings *Kim* // Children's Literature, 20 (1992): 111-131.
Roy, Anindyo. Civility and Empire: Literature and Culture in British India, 1822-1922. Routledge, 2005.
Roy, Ashish. The Fabulous Imperialist Semiotic of Wilie Collins's The Moonstone // New Literary History, 24 (1993): 657-681.
Rudd, Andrew John. Sentimental imperialism : British literature and India, 1770-1830. Cambridge : University of Cambridge, 2005.
Rushdie, Salman. Imaginary Homelands: Essays and Criticism 1981-1991. New York: Penguin, 1992.
Sahlins, Marshall. How "Natives" Think: About Captain Cook, for Example. University of Chicago Press, 1996.
Said, Edward W. Culture and Imperialism. Knopf, 1993.
Simpson, L. M. Education, Imperialism and national efficiency in England: 1895-1905. Glasgow University, 1979.
Sorensen J. The grammar of empire in eighteenth-century British writing. Cambridge University Press, 2000.
Sowell, Thomas (ed.). 1998. Conquests and Cultures: An International History. New York: Basic Books.
Springhall, J. O. Youth and Empire: A Study of the Propagation of Imperialism to the Young in Edwardian Britain. University of Sussex, 1968.
Spurr, David. 1993. The Rhetoric of Empire: Colonial Discourse In Journalism, Travel Writing, and Imperial Administration. Durham, NC: Duke University Press.
Sugirtharajah, Rasiah S. The Bible and Empire: Postcolonial Explorations. Cambridge University Press, 2005.
Thorne, Susan. 1999. Congregational Missions and the Making of An Imperial Culture In Nineteenth-Century England. Stanford, CA: Stanford University Press.
Tomlinson, J. 1991. Cultural Imperialism: A Critical Introduction. Baltimore: The Johns Hopkins University Press.
Walvin, James. A Taste of Empire, 1600-1800 // History Today, Vol. 47. No. 1. (Jan 1997): 11-16.
Watson, G. The English Ideology: Studies in the Language of Victorian Politics. Allen Lane, 1973.
Williams, Patrick and Laura Chrisman (eds.) Colonial Discourse and Post-Colonial Theory: A Reader. New York: Columbia UP, 1994.
Wilson, Kathleen. 1995. The Sense of the People: Politics, Culture, and Imperialism In England, 1715-1785. Cambridge; New York: Cambridge University Press.
Yadav, Alok. Before the Empire of English: Literature, Provinciality, and Nationalism in Eighteenth-century Britain. Palgrave Macmillan, 2004.

Империя колониальная

Aravamudan, Srinivas. 1999. Tropicopolitans: Colonialism and Agency, 1688-1804. Durham, NC: Duke University Press.
Beer, George Louis. The origins of the British Colonial system, 1578-1660. New York : Macmillan, 1908.

Beer, George Louis. The Old Colonial System, 1660-1754: 2 vols. Gloucester, Mass. : P. Smith, 1958 (c1913)
Boehmer, Elleke. Empire, the National, and the Postcolonial, 1890-1920: Resistance in Interaction. Oxford University Press, 2005.
Bolt, Christine. Victorian Attitudes to Race. London: Routledge, 1971.
Boyce, David G. 1999. Decolonisation and the British Empire, 1775-1997. New York: St. Martin's Press.
Burroughs, Peter & A.J. Stockwell (eds.). 1998. Managing the Business of Empire: Essays In Honour of David Fieldhouse. London; Portland, OR: Frank Cass.
Burton, Antoinette M. 1998. At the Heart of the Empire: Indians and the Colonial Encounter In Late-Victorian Britain. Berkeley: University of California Press.
Burton, Antoinette. 1961. Gender, Sexuality and Colonial Modernities. London; New York: Routledge.
Bush, Julia. 1999. Edwardian Ladies and Imperial Power. New York: Leicester University Press.
Charlot, M., Naissance d'un Problème Racial: Minorités de couleur en Grande-Bretagne, Armand Colin, 1972.
Daunton, Martin J.; Halpern, Rick. Empire and Others: British Encounters with Indigenous Peoples, 1600-1850. University of Pennsylvania Press, 1999.
De Bevoise, Ken. 1995. Agents of Apocalypse: Epidemic Disease in the Colonial Philippines. Princeton: Princeton University Press.
Dommergues, A. Le Commonwealth: Histoire et Civilisation. Presses Universitaires de Nancy, 1991.
Empires and boundaries : race, class, and gender in colonial settings. London : Routledge, 2008.
Farwell, Bryon. Queen Victoria's Little Wars. W. W. Norton, 1972.
Farwell, Bryon. Eminent Victorian Soldiers: Seekers of Glory. W. W. Norton, 1985.
Grant, Kevin; Levine, Philippa; Trentmann, Frank (ed.). Beyond sovereignty : Britain, empire and transnationalism, c. 1860-1950. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2007.
Grant, Robert D. Representations of British Emigration, Colonisation and Settlement: Imagining Empire, 1800-1860. Palgrave Macmillan, 2006.
Greenlee, James G. & Charles M. Johnston. 1999. Good Citizens: British Missionaries and Imperial States, 1870-1918. Montreal: McGill-Queen's University Press.
Grierson, E. The Imperial Dream: The British Commonwealth and Empire 1775-1969. Collins, 1972.
Grimal, H. Histoire du Commonwealth Britannique. Presse Universitaires de France, 1965.
Louis, W. Roger (2006). Ends of British Imperialism: The Scramble for Empire, Suez and Decolonization. I. B. Tauris.
Low, Donald Anthony. Eclipse of Empire. Cambridge University Press, 1993.
Magnus, P. Kitchener: Portrait of an Imperialist. John Murray, 1964.
McFarlane, Richard A. Historiography of Selected Works on Cecil John Rhodes (1853–1902) // History in Africa, 34 (2007), 437-46.
Osterhammel, Jurgen.(1997) Colonialism: A Theoretical Overview (Markus Weiner)
Pierson, Ruth R. & Nupur Chaudhuri & Beth McAuley (eds.). 1998. Nation, Empire, Colony: Historicizing Gender and Race. Bloomington: Indiana University Press.
Thomas, Hugh. The Slave Trade: The Story of the Atlantic Slave Trade, 1440-1870. Simon & Schuster, 1999.
Thomas, Martin. Empires of intelligence : security services and colonial disorder after 1914. Berkeley (CA); London: University of California Press, 2007.
Townsend, Mary E. 1941. European Colonial Expansion Since 1871. Philadelphia; New York: J.B. Lippincott Co.
Warboys, M. Science and British colonial imperialism, 1895-1940. Sussex University, 1979.

Ирландия

Dangerfield, George. The Damnable Question: One Hundred and Twenty Years of Anglo-Irish Conflict. Atlantic-Little, Brown, 1976.
Hempton, David. Religion and Political Culture in Britain and Ireland: From the Glorious Revolution to the Decline of Empire. Cambridge University Press, 1996.
Howe, Stephen. Ireland and Empire: Colonial Legacies in Irish History and Culture. Oxford University Press, 2002.
Jeffery, Keith. An Irish Empire?: Aspects of Ireland and the British Empire. Manchester University Press, 1996.
Kenny, Kevin (2006). Ireland and the British Empire. Oxford University Press.
Kinealy, Christine. The Great Calamity: The Irish Famine, 1845-52. Roberts Rinehart, 1995.
Laxton, Edward. The Famine Ships: The Irish Exodus to America. Henry Holt, 1996.
Powell, Martyn J. Britain and Ireland in the Eighteenth-century Crisis of Empire. Palgrave Macmillan, 2003.
Woodham-Smith, Cecil. The Great Hunger. Harper and Row, 1962.

Африка

Abd Al-Rahim, Muddathir. Imperialism and nationalism in the Sudan - a study in constitutional and political development 1899-1956. [S.l.] : O.U.P., 1969.
Campbell, Chloe Race and empire : eugenics in colonial Kenya. Manchester : Manchester University Press, 2007.
Curtin, Philip D. Disease and Empire: The Health of European Troops in the Conquest of Africa. Cambridge University Press, 1998.
Edgerton, Robert B. Like Lions They Fought: The Zulu War and the Last Black Empire in South Africa. Ballantine Books, 1988.
Farwell, Bryon. The Great Anglo-Boer War. W. W. Norton, 1987.
Moorehead, Alan. The White Nile. Harper Collins, 1960.
Moorehead, Alan. The Blue Nile. Harper Collins, 1962.
Morgan, Philip D., Black, Harry C., Hawkins, Sean. Black Experience and the Empire Oxford University Press, 2006. (The Oxford history of the British Empire)
Parkenham, Thomas. The Boer War. Random House, 1979.
Parkenham, Thomas. The Scramble for Africa: White Man's Conquest of the Dark Continent from 1876 to 1912. Random House, 1991.
Porter, A. N. British Imperialism and its public : Chamberlain Milner and South Africa 1895-1899. University of Cambridge, 1970.
Price, Richard, Making Empire : colonial encounters and the creation of imperial rule in nineteenth-century Africa. Cambridge : Cambridge University Press, 2008.

Robinson, Ronald. Africa and the Victorians. Macmillan, 1965.
Segal, Ronald. The Black Diaspora: Five Centuries of the Black Experience Outside Africa. Farrar, Straus and Giroux, 1996
Strage, Mark. Cape to Cairo: Rape of a Continent. Harcourt Brace Jovanovich, 1973.
Waller, John H. Gordon of Khartoum: The Saga of a Victorian Hero. Atheneum, 1984.

Индия, Пакистан, Бирма

Buettner, Elizabeth. Empire families : Britons and Late Imperial India. Oxford: Oxford University Press, 2005.

Burton, Antoinette M. At the Heart of the Empire: Indians and the Colonial Encounter in Late-Victorian Britain. University of California Press, 1998.
British relations with Sind: 1799-1843: an anatomy of Imperialism. Oxford: Oxford University Press, 2007.
Farwell, Bryon. Armies of the Raj: From the Great Indian Mutiny to Independence. Norton, 1989.
Hariharan, Shantha. Macao and the English East India Company in the Early Nineteenth Century : Resistance and Confrontation // Portuguese Studies, 23:2 (2007), 135-52.
Imperial connections : India in the Indian Ocean arena, 1860-1920; Thomas R. Metcalf. (The California world history library, 4). Berkeley (CA); London: University of California Press, 2007.
Marshall, Andrew. The Trouser People: A Story of Burma in the Shadow of Empire. Counterpoint, 2002.
Ward, Andrew. Our Bones are Scattered: The Cawnpore Massacres of the Indian Mutiny of 1857. Henry Holt, 1996.
Sinha, Jagdish N. Science, war and imperialism : India in the Second World War. Leiden : Brill, 2008.
Travers, Robert. Ideology and empire in eighteenth century India : the British in Bengal, 1757-93 (Cambridge Studies in Indian History and Society, 14). Cambridge: Cambridge University Press, 2007.
Wilson, Jon E. Anxieties of distance : codification in early colonial Bengal // Modern Intellectual History, 4:1 (2007), 7-23.

Ближний Восток

Brar, Harpal, Imperialism in the Middle East : with specific reference to the struggle of the Palestinian people for national self-determination. London : H. Brar, 2002.
Butt, G., The Lion in the Sand: The British in the Middle East, Bloomsbury, 1995.
Caplan N., Futile Diplomacy, Arab-Zionist Negotiations and the End of the Mandate. London, Frank Cass, 1986.
Caplan N., Palestine Jewry and The Arab Question 1917-1925. London, Frank Cass, 1978.
Cohen, Michael J. and Kolinsky, Martin, Britain and the Middle East in the 1930s : Security Problems 1935-39. Palgrave, 1992.
Cohen, Michael J. and Kolinsky, Martin (ed.), Demise of the British Empire in the Middle East : Britain's Responses to Nationalist Movements 1943-55. London, Frank Cass, 1998.
Kedourie, Elie, England and the Middle East: The Destruction of the Ottoman Empire, 1914-1921, London, Bowes & Bowes, 1956.
Monroe, Elizabeth, Britain's moment in the Middle East, 1914-1971, London, Chatto & Windus, 1981.
Onley, James. The Arabian frontier of the British Raj : merchants, rulers, and the British in the nineteenth-century Gulf. Oxford: Oxford University Press, 2007.
Wasserstein B., The British in Palestine: The mandatory government and The Arab-Jewish Conflict 1917-1929. Oxford, Basil BIackwell, 1991 (1978).

Средняя Азия

Hopkirk, Peter. The Great Game: The Struggle for Empire in Central Asia. Kodansha, 1992.
Macrory, Patrick. Retreat from Kabul. The Lyons Press, 2002.
Meyer, Karl E, and Brysac, Shareen Blair. Tournament of Shadows: The Great Game and the Race for Empire in Central Asia. Counterpoint, 1999.

Дальний Восток, Австралия, Океания

Fay, Peter Ward. The Opium War, 1840-42. University of North Carolina Press, 1975.
Mein Smith, Philippa (2005). A Concise History of New Zealand. Cambridge University Press.
Preston, Diana. The Boxer Rebellion. Berkley Books, 2000.
Woollacott, Angela. To Try Her Fortune in London: Australian Women, Colonialism, and Modernity. Oxford University Press US, 2001.

Америка

Buckner, Phillip Alfred (ed.). Canada and the British Empire (The Oxford history of the British Empire companion). Oxford: Oxford University Press, 2008.
Burke, Kathleen (2008). Old World, New World: Great Britain and America from the Beginning. Atlantic Monthly Press.
Frohock R., Heroes of empire : The British Imperial Protagonist in America, 1596-1764. University of Delaware Press, cop. 2004.
Grenier, John, The far reaches of empire : war in Nova Scotia, 1710-1760 / Norman : University of Oklahoma Press, 2008.
Hofstra, Warren R. (ed.). Cultures in conflict : the Seven Years' War in North America. (Lanham (MD); Plymouth: Rowman & Littlefield, 2007.
Hulme, Peter. Colonial Encounters: Europe and the Native Caribbean 1492-1797. London: Routledge, 1986.
Mancall, Peter C. (ed.). The Atlantic world and Virginia, 1550-1624. Chapel Hill (NC): University of North Carolina Press, 2007.
Marshall, Peter; Williams, Glyndwr. The British Atlantic Empire Before the American Revolution. Taylor & Francis Group, 1980.
McConnell M. N., Army and empire : British Soldiers on the American Frontier, 1758-1775. cop. 2004. (Studies in war, society, and the military)
Moore, Steve. Imperialism and the national question in Canada. Toronto: S. Moore, 1975.
Penlington, Norman. Canada and Imperialism 1896-1899. [S.l.] : University of Toronto Press, 1965.
Pope, Peter Edward Fish. Into Wine: The Newfoundland Plantation in the Seventeenth Century. University of North Carolina Press, 2004.
Stanwood, Owen. The Protestant Moment : Antipopery, the Revolution of 1688-1689, and the Making of an Anglo-American Empire // Journal of British Studies, 46:3 (2007), 481-508.
Taylor, Alan. American Colonies: The Settling of North America. Penguin, 2001.

ФРАНЦУЗСКАЯ ИМПЕРИЯ

Отечественные работы

Абрамова С.Ю. Четыре столетия работорговли. М.,1992.
Актуальные проблемы истории колониализма: Круглый стол // ННИ. 1982. № 4.
Африка: Колониальное общество и политика / Редкол.: ...Субботин В.А. (отв. ред.); РАН. Ин-т Африки. М.: Наука, 1993.
Африка и прошедший век: Материалы VIII конф. африканистов / Отв. ред. Субботин В.А. М., 2000.
Боев Ю.А. Ближний Восток во внешней политике Франции (1889-1914). Очерки истории дипломатической борьбы Франции за Ближний Восток. Киев, 1964.
Ванина Е.Ю. Идеи и общество в Индии XVI-XVIII вв. М.,1993.
Васильев Л.С. История Востока. В 2-х т.т. М.,1993.
Века неравной борьбы. Национально-освободительное движение в Азии и Африке. М.,1967.
Высоцкая, Н.И. Эволюция национализма в тропической Африке. XX век / РАН. Ин-т Африки. М., 2003.
Глущенко, Е.А. Мысли о колониализме на исходе века // Африка и прошедший век. М., 2000. С. 8-17.
Дементев, И.О. Понятия расы, нации и народа в политической теории Алексиса де Токвиля // Национальные отношения в новое и новейшее время: теория и политическая практика. Калининград, 2000. С. 4-20.
Дьяков, Н.Н. Страницы истории и историографии колониального Алжира // Историография и источниковедение истории стран Азии и Африки. СПб., 2004. Вып. 22. С. 59-68.
Еремеев Д.М. Почему Восток отстал от Запада // Азия и Африка сегодня. 1989. № 7, 9, 11.
Зарин В.А. Запад и Восток в мировой истории. XIV-XIX вв. М.,1991.
Зарождение идеологии национально-освободительного движения (XIX- нач. XX в.). М.,1973.
Зусманович А.З. Империалистический раздел бассейна Конго (1876-1894). М.,1962.
Иванов Н.А. Упадок Востока и установление мировой гегемонии Западной Европы // Восток. 1994. № 4.
История Африки в XIX – начале XX в. М.,1984.
История национально-освободительной борьбы народов Африки в новое время. М.,1976.
Калашников, В.М. Французский колониальный режим в Луизиане и восстание натчей 1729 - 1730 гг. // Исторические судьбы американских индейцев: Проблемы индеанистики. М., 1985. С. 135-146.
Керов В.Л. Французская колонизация островов Индийского океана (XVII-XVIII вв.). М.: Наука, 1990.
Коновалова, Ф.Т. Жюль Ферри и формирование идеологии французского колониализма. 80-е годы XIX в // Рабочее, фермерское и национально-освободительное движение в Западной Европе и Канаде (60-е гг. XIX - нач. XX в.). Красноярск, 1987. С. 77-101.
Купер, Ф. Конфликт и связь: переосмысление колониальной истории Африки // Восток - Запад: проблемы взаимодействия и трансляции культур. Саратов, 2001. С. 106-149.
Левин З.И. Развитие общественной мысли на Востоке (колониальный период. XIX – XX вв.). М.,1993.
Луконин, Ю.В.; Новиков, С.С. Актуальные теоретические проблемы изучения колониализма // Восток = Oriens. М., 1993. N 6. С. 167-171.

Луцкий В.Б. Новая история арабских стран. М.,1965.
Миронова, В.А. Влияние колонизации на формирование и мировоззренческие установки политических элит стран Магриба // Учен. зап. Ин-та Африки РАН. М., 2005. Вып. 27. С. 48-74.
Никитин, М.Д.; Парфенов, И.Д. Колониализм в Африке: проблемы историографии и методологии / Под ред. Парфенова И.Д. Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 1995.
Никитин, М.Д. Колониализм в Тропической Африке (некоторые аспекты изучения) // Восток = Oriens. М., 1998. N 1. С. 65-79.
От миропорядка империй к имперскому миропорядку / Войтоловский Ф.Г., Гудев П.А., Гиголаев Г.Е. и др.;...Ин-т мировой экономики и междунар. отношений РАН. М., 2005.
Парфенов, И.Д.; Никитин, М.Д. История колониализма в Африке: цивилизационный подход // Новая и новейшая история. Саратов, 1993. Вып. 14. С. 44-51.
Пономаренко, Л.В. Африка и Франция: взаимодействие и взаимовлияние цивилизаций: Монография. М.: Изд-во Рос. ун-та дружбы народов, 1997.
Раздел Африки и его последствия / Редкол.: Летнев А.Б. и др.; Ин-т Африки АН СССР. М., 1990.
Рено Ф., Даже С. Африканские рабы в далеком и недавнем прошлом. М.,1991.
Субботин В.А. Колонии Франции в 1870-1918 гг. Тропическая Африка и острова Индийского океана. М.,1973.
Тарле, Е.В. Политика: История территориальных захватов (XV-XX век). М.: ЭКСМО-Пресс, 2001. (Антология мысли)
Троян, С.С. Социально-психологические основы формирования идеологии колониализма в новое время (XVII-XIX вв.) / Черновиц. гос. ун-т. им Ю.Федьковича. Черновцы, 1992.
Холл Д.Дж. История Юго-Восточной Азии. М.,1958.
Фадеева, И. Два лика колониализма // Азия и Африка сегодня. М., 1994. N 12. С. 36-38.
Френкель, М.Ю. К вопросу о периодизации колониализма в Африке // Восток = Oriens. М., 2001. N 2. С. 37-43.
Черкасов П.П. Судьба империи. Очерк колониальной экспансии Франции в XVI-XX вв. М.,1983.
Широков Г.М. Колониальная система // Восток. 1995. № 6.

Империализм. Общие и теоретические работы.

Aldrich, Robert. Greater France: A History of French Overseas Expansion. MacMillan, 1996.
Bell, David. The Cult of the Nation in France, Inventing Nationalism, 1680-1800, Cambridge, Harvard University Press, 2000.
Brubaker, Rogers. Citizenship and Nationhood in France and Germany. Harvard University Press, 1992.
Butel, P. Européens et espaces maritimes (vers 1690-vers 1790). Presses universitaires de Bordeaux, Bordeaux, 1997.
Carocci, G. L'eta dell'imperialismo: Profili di storia contemporanea (1870-1918). Bologna: Il Mulino, 1989. (Le vie della civilta)
Castelnau-L'Estoile C., Regourd F. (dir.). Connaissances et pouvoirs. Les espaces impériaux, XVIe-XVIIIe s. France, Espagne, Portugal, actes du colloque international de Nanterre (2002), Bordeaux, Presses universitaires de Bordeaux, 2005.
Colas, Dominique; Emeri, Claude; Zylberberg, Jacques (eds.). Citoyenneté et Nationalité. Perspectives en France et au Québec. Paris: PUF, 1991.
Davies, Peter. The National Front in France: Ideology, Discourse and Power. London: Routledge, 1999.

Dewitte, Philippe. (ed.). Immigration et intégration. L'état des saviors. Paris: La Découverte, 1999.
Favell, Adrian. Philosophies of Integration: Immigration and the Idea of Citizenship in France and Britain, New York, Saint-Martin's Press, 1998.
Fritz, Gérard. L'Idée de peuple en France du XVII au XIX siècle, Presses Universitaires de Strasbourg, 1988.
Gruzinsky S. Les quatre parties du monde. Histoire d'une mondialisation. Paris, La Martinière, 2004.
Les Immigrés en France, Portrait social. Insee, 1997.
Meyer J. L'Europe et la conquête du monde, Paris, A. Colin, 1996.
Meyers, R. Klio und Kalliope - oder: realhistorische und mythische Elemente in Erklarungen des Imperialismus und der internationalen Abhangigkeit // Neue polit. Lit. Wiesbaden, 1987. Jg. 32, H. 1. S. 5-22.
Niel, R.van. Colonialism revisited: recent historiography // Journal of world history. Honolulu, 1990. Vol. 1, N 1. P. 109-124.
Noiriel, Gérard. The French Melting Pot. Immigration, Citizenship and National Identity. Minneapolis, University of Minnesota Press, 1996.
Noiriel, Gérard. Etat, Nation et immigration. Vers une histoire du pouvoir, Paris, Belin, 2001.
Perville, G. L'imperialisme: le mot et le concept // Enjeux et puissances. 1986. P. 41-56.
Poussou J.-P., Bonnichon Ph., Huetz de Lemps X. Espaces coloniaux et espaces maritimes au XVIIIe siècle. Paris, SEDES,1998.
Reinhard, W. Geschichte der europaischen Expansion. Stuttgart etc.: Kohlhammer, 1985. Bd 2. : Die Neue Welt.
Richard R. Européens et espaces maritimes au XVIIIe siècle, Paris, Éd. du Temps, 1997.
Schnapper, Dominique. Community of Citizens. On the Modern Idea of Nationality. New Brunswick: Transaction publishers, 1998 [1994].
Schor, Ralph. Histoire de l'immigration en France de la fin du dix-neuvième siècle à nos jours, Paris, Armand Colin, 1996.
Schmidt, Gustav. Der europaische Imperialismus. Munchen: Oldenbourg, 1985.
Silberman, Roxane. French Immigration Statistics / Donald Horowitz and Gérard Noiriel, Immigrants in Two Democracies: French and American Experience. New York: New York University Press, 1992, pp. 112-123.
Theorizing empire / Ed. by Pomper Ph. - Malden (MA) etc.: Blackwell, 2005. (History a. theory; Vol. 44, N 4), Studies in the philosophy of history. Theme iss.
Thiesse, Anne-Marie. La Création des identités nationales, Europe XVIII-XXème siècles, Paris, Seuil, 1999.
Villiers P., Duteil J.-P. L'Europe, la mer et les colonies (XVIIe-XVIIIe siècle). Paris, Hachette supérieur, 1997.
Villiers P., Jacquin P., Ragon P. Les Européens et la mer: de la découverte à la colonisation (1455-1860). Paris, Ellipses, 1997.
Weil, Patrick. La France et ses étrangers, L'aventure d'une politique de l'immigration, 1938-1991, Paris, Calmann-Lévy, 1991.
Weil, Patrick. Qu'est-ce qu'un Français? Histoire de la nationalité française depuis la Révolution. Paris: Grasset, 2002.

Имперская экономика

Bairoch, P. Economics and world history: Myths and paradoxes. Chicago: Univ. of Chicago press, 1993.
Benot Y., Dorigny M. (dir.). Grégoire et la cause des Noirs. Combats et projets (1789-1831) // Outre-Mers - Revue d'histoire. Paris: Société Française d'Histoire d'Outre-mer, 2 semestre 2000.

Butel P. (dir.). Commerce et plantation dans la Caraïbe aux XVIIIe et XIXe siècles, colloque Bordeaux 1991. Bordeaux, C.H.E.A., 1992.
D'Almeida-Topor, H.; Lakroum, M. L'Europe et l'Afrique: Un siecle d'echanges economiques. P.: Colin, 1994.
Favier R., Les Européens et les Indes orientales: Au XVIIIe siècle; aspects maritimes, commerciaux et coloniaux. Gap, Ophrys, 2000.
Haudrère P. Le Bouëdec G. Les Compagnies des Indes. Rennes, éd. Ouest-France, 2005.
Haudrère P. Les Compagnies des Indes orientales: Trois siècles de rencontre entre Orientaux et Occidentaux (1600-1858). Les Editions Desjonquère, 2006.
Lacroix J.-B. Les Français au Sénégal au temps de la Compagnie des Indes, de 1719 à 1758. Vincennes, Service historique de la Marine, 1986.
Ly A. La Compagnie du Sénégal, Karthala, mai 2000.
Morineau M. Les Grandes Compagnies des Indes Orientales. Paris, PUF, 1999.
Pétré-Grenouilleau O. Introduction. Traites et esclavages: vieux problèmes, nouvelles perspectives ? // Outre-Mers -Revue d'histoire, 2 semestre 2002, P. 5-40.
Pétré-Grenouilleau O. Les traites négrières. Essai d'histoire globale. Paris, Gallimard, 2004.
Spécial Sonthonax, Revue française d'histoire d'Outre-mer, explorations, colonisations, indépendances. Paris: Société Française d'Histoire d'Outre-mer, t.84, 1997.
Villiers P. Traite des noirs et navires négriers au XVIIIe siècle. Grenoble, ed. des Qutre-Seigneurs, 1982.
Wayne E. Stevens. The Northwest Fur Trade, 1763-1800. Urbana: University of Illinois Press, 1928.

Империя как категория культуры

Cooper, Frederick; Stoler, Ann Laura (eds.). Tensions of Empire, Colonial Cultures in a Bourgeois World, Berkeley. University of California Press, 1997.
Deslandres D. Croire et faire croire: Les missions françaises au XVIIe siècle, Paris, Fayard, 2003.
French Politics, Culture and Society, volume 18, n°3, Fall 2000, special issue on "Race in France".
Guillaumin, (Colette). Race and discourse / Maxim Silverman, Race, Discourse and Power in France. Adershot, Avebury, 1991, P. 5-13.
Lebovics, Herman. True France: The Wars over Cultural Identities, 1900-1945. Ithaca: Cornell University Press, 1992.
Luneau R. Missions chrétiennes et colonisation XVIe-XVIIIe siècles // Archives de sciences sociales des religions, 134, 2006.
Mayeur J.-M., Pietri Ch., Vauchez A., Venard M. Histoire du christianisme, Le temps des confessions (1530-1620), tome 8. Paris: Desclée, 1992.
Morlat P. (dir.) La question religieuse dans l'empire colonial français. Paris: Les Indes Savantes, 2003.
O'Malley John W. et alii. The Jesuits II: Cultures, Sciences, and the Arts, 1540-1773. University of Toronto Press, 2005.
Prudhomme C. Missions chrétiennes et colonisation (XVIe-XXe siècle). Paris, du Cerf, 2004.
Tensions of empire: Colonial cultures in a bourgeois world / Ed. by Cooper F., Stoler A.L. Berkeley etc.: Univ. of California press, 1997.
Wievorka, Michel (ed). Une Société fragmentée, Le multiculturalisme en débat, La Découverte/ Poche, Essais. 1996.

Империя колониальная

Ageron, Charles-Robert. France coloniale ou Parti Colonial ? Paris, PUF, 1978.

Andrew, C.M.; Kanya-Forstner, A.S. Centre and periphery in the making of the second French colonial empire, 1815-1920 // J. of imp. a. Commonwealth history. L., 1988. Vol. 16, N 3. P. 9-34.
Balandier, Georges. La situation coloniale: approche théorique // Cahiers Internationaux de Sociologie, XI, 1951, pp. 44-79.
Bancel, N. L'histoire difficile: esquisse d'une historiographie du fait colonial et postcolonial // La fracture coloniale: La société française au prisme de l'heritage colonial. P., 2006. P. 85-95.
Bertrand, R. La mise en cause(s) du "fait colonial" // Politique afr. P., 2006. N. 102. P. 28-49.
Conklin, Alice. A Mission to Civilize. The Republican Idea of Empire and West Africa, 1895-1930. Stanford: Stanford University Press, 1997.
Deslaurier, C.; Roger, A. Memoires grises. Pratiques politiques du passe colonial entre Europe et Afrique // Politique afr. P., 2006. N 102. P. 5-27.
Dronne R. Vie et mort d'un empire. La decolonisation. P., 1989.
La fracture coloniale: La société française au prisme de l'heritage colonial / Sous la direction de Blanchard P. et al. P.: La Decouverte / Poche, 2006.
Girardet, Raoul. Le Nationalisme français, Anthologie, 1871-1914. Paris, Seuil, 1983.
Girardet, Raoul. L'Idée coloniale en France de 1871 à 1962. Paris, La Table Ronde, 1972.
Grupp, Peter. Deutschland, Frankreich und die Kolonien: die französische "Parti colonial" und Deutschland von 1890-1914. Tübingen: Mohr, 1980.
Gutsche, W. Zum Verhaltnis zwischen nationalen Aufstanden, imperialistischen Expansionsbestrebungen und militarstrategischen Zielen europaischer Grosmachte in der zweiten Marokkokrise // Militargeschichte. 1989. Jg. 28, N 2. S. 129-135.
Kent, J. Anglo-French colonial co-operation 1939-49 // J. of imp. a. Commonwealth history. L., 1988. Vol. 17, N 1. P. 55-82.
Lewis, Martin Deming. «Assimilation» Theory in French Colonial Policy // Comparative Studies in Society and History, IV, January 1962, pp 129-153.
Le livre noir du colonialisme: XVIe-XXIe siecle : De l'extermination a la repentance / Beaufils Th., Benot Y., Bernard C. et al.; Sous la direction de Ferro M. P.: Robert Laffont, 2003.
Mandrou, Robert. Les Français hors de la France aux XVIe et XVIIe siècles // Les Annales 5, N 4. (1959). P. 662-675.
Marseille J. Empire colonial et capitalisme francais :Histoire d'un divorce. P., 1984.
Mbembe, A. La colonie : son petit secret et sa part maudite // Politique afr. P., 2006. N 102. P. 101-127.
Wieviorka, M. La Republique, la colonisation. Et apres // La fracture coloniale: La société française au prisme de l'heritage colonial. P., 2006. P. 117-123.
Winzer, F. Herren, Sklaven und Soldaten: Die Geschichte der Kolonialpolitik vom 15. bis zum 20. Jh. Frankfurt a.M. etc.: Ullstein, 1985.

Африка

Ageron, Charles-Rober. Modern Algeria. A History from 1830 to the Present, London, Hurst and Company, 1991.
Bennoune, M. The making of contemporary Algeria, 1830-1987: Colonial upheavals a. post-independence development. Cambridge etc.: Cambridge univ. press, 1988. (Cambridge Middle East library).
Bley, H. Dekolonisation in Afrika, eine Zeitenwende? // Zeitenwenden. Hamburg, 2002. P. 37-58
Bourdieu, Pierre. The Algerians. Boston: Beacon Press, 1962 [1958].
Garcia, L. Le royaume du Dahome: Face a la penetration coloniale, 1875-1894. Paris: Karthala, 1988. (Hommes et soc.).
Harrison, Ch. France and Islam in West Africa, 1860-1960. Cambridge etc.: Cambridge univ. press, 1988. (African studies ser.; 60).

Histoire generale de l'Afrique. P.: Presence Africaine etc., 1989. 7. : L'Afrique sous domination coloniale, 1880-1935 / Directeur du vol.: Boahen A.A.
Lamont, Michèle; Morning Ann; Mooney, Margarita. Particular Universalisms: North African immigrants respond to French Racism / Ethnic and Racial Studies, XXV, 3, 2002. P. 390-414.
Lewis, D.L. The race to Fashoda: European colonialism a. African resistance in the scramble for Africa. L.: Bloomsbury, 1988.
Prochaska, David. Making Algeria French, Colonialism in Bône, 1870-1920, Cambridge, Cambridge University Press, 1990.
Ritzenhofen, M. Schattenbeschworung und Schonfarberei : Koloniales Erbe und historische Wahrheiten // Dokumente. Bonn, 2006. Jg. 62, H. 2. S. 54-59.
Rivet, Daniel. Le Maghreb à l'épreuve de la colonization. Paris: Hachette Littératures, 2002.
Robinson, D. French "Islamic" policy and practice in late nineteenth-century Senegal // Journal of African history. Cambridge; N.Y., 1988. Vol. 29, N 3. P. 415-435.
Sayad, Abdelmalek. Les trois âges de l'immigration algérienne en France // Actes de la recherche en Sciences Sociales. 15 (1977), juin, P. 50-66.
Trautmann, W. The nomads of Algeria under French rule: A study of social and economic change // J. of hist. geography. L. etc., 1989. Vol. 15, N 2. P. 126-138.

Азия
Springhall, J. 'Kicking out the Vietminh': how Britain allowed France to reoccupy South Indochina, 1945-46 // Journal of contemporary history. L. etc., 2005. Vol. 40, N 1. P. 115-130.
Negre, J.-Ch. Nouvelle-Caledonie: l'impasse des politiques colonialistes // Cahiers du communisme. 1987. A. 63, N 7/8. P. 84-89.

Америка, Карибы.
Abenon L.-R. La Guadeloupe de 1671 à 1759. Paris: L'Harmattan, 1987.
Abenon L.-R.; Dickinson J. A. Les Français en Amérique: histoire d'une colonization. Lyon: Presses universitaires de Lyon, 1993.
Bourdieu, Pierre. Deux impérialismes de l'universel / Bishop, Tom; Fauré, Christine. L'Amérique des Français. Paris: Editions François Bourin, 1992. P. 149-155.
Deveze M. Antilles, Guyanes et la mer des Caraïbes de 1492 à 1789. Paris: SEDES, 1977.
Eccles, William J. The Canadian Frontier, 1534-1760. Albuquerque: University of New Mexico Press, 1983.
Garnier, Michel. Bonaparte et Louisiane. Paris: Kronos, 1992.
Groulx, Lionel Adolphe. Notre grande aventure: l'empire français en Amérique du nord (1535-1760). Fides, 1958.
Havard, Gilles; Vidal, Cécile. Histoire de l'Amérique français. Paris: Flammarion, 2003.
Hector M., Moïse C. Colonisation et esclavage en Haïti: le régime colonial français à Saint-Domingue (1625-1789). Port-au-Prince, Henri Deschamps/Montréal, Ed. du CIDIHCA, 1990.
Jacquin, Philippe. Les Indiens Blancs. Français et Indiens en Amérique du Nord, XVIIe-XVIIIe siècles. Paris: Payot, 1987.
Lanctot, Gustave. Histoir du Canada. Montreal : Beauchemin, 1967.
Louis-Jaray, Gabriel. L'Empire Francais d'Amerique, 1534-1803. Paris: Armand Colin, 1938.
Royot, Daniel. Divided Loyalties in a Doomed Empire: The French in the West : from New France to the Lewis and Clark Expedition. University of Delaware Press, 2007.
Tauxier, L. Reflexions sur les consequences de l'action francaise en Guinee // J. des africanistes. 1988. T. 58, fasc. 1. P. 118-125.
Trudel, Marcel. Initiation à la Nouvelle France, 1558-1628. Montreal/ Toronto: Holt, Rinehart and Winston, 1968.
Trudel, Marcel. Histoire de la Nouvelle France. Montreal: Fidès, 1979.

ИСПАНСКАЯ ИМПЕРИЯ

Отечественные работы

Агеев, В.Ф. Из истории проникновения в Синд европейцев // Социально-экономическое и историческое развитие Южной и Юго-Западной Азии. Москва; Калуга, 1992. С. 156-167.
Александер, Р.Х. Джордж Вашингтон и освободители Испанской Америки // Симон Боливар: история и современность. М., 1985. С. 182-189.
Александренков, Э.Г. Присвоение элементов культуры (на примере колониальной Кубы) // Население Нового Света: проблемы формирования и социокультурного развития. М., 1999. С. 141-164.
Альперович, М.С. Завершение испанской колонизации Америки в XVIII в // Новая и новейшая история. М., 1993. N 5. С. 53-63.
Альперович, М.С. Кульминация российско-испанского соперничества в Америке (80-е годы XVIII в.) // Новая и новейшая история. М., 1999. N 5. С. 215-221.
Альперович, М.С. Русско-испанское соперничество в Америке в последней трети XVIII в // Iberica americans : Культуры Нового и Старого Света XVI-XVIII вв. в их взаимодействии. Спб., 1991. С. 125-139.
Альперович М.С. Россия и Новый свет (последняя треть XVIII века). М., 1993.
Альперович, М.С. Тордесильясский договор и его последствия // Лат. Америка = America Latina. М., 1995. N 4. С. 123-126.
Альперович, М.С. Франсиско де Миранда в России / Отв. ред. Коваль Б.И.; АН СССР. Ин-т всеобщ. истории. М.: Наука, 1986.
Америка глазами европейцев XVI века / Вступ. ст. перевод и примеч. Бергер Е.Е // Средние века. М., 1992. Вып. 55. С. 25-30.
Арутюнян, А.А. Христофор Колумб: Великое открытие и великая ошибка // ОНС : Обществ. науки и современность. М., 2006. N 6. С. 159-166.
Бауман, В.Ю. "Новые законы" 1542 года Карла V и судьбы индейского населения испанских колоний // Новая и новейшая история. М., 2007. N 1. С. 90-102.
Бауман, В.Ю. Проблема социально-правового статуса индейского населения в первые десятилетия конкисты // Латиноамер. ист. альм. = Almanaque hist. latinoamer. М., 2005. N 6. С. 157-183.
Битторф, В. О Христофоре Колумбе и начале мирового господства европейцев // Лат. Америка = America Latina. М., 1992. N 7/8. С. 54-60.
Ванников, Ю.В. Альвар Нуньес Кабеса де Вака и его "Кораблекрушения" (К вопросу о трансформации социокультурного типа конкистадора) // Iberica americans : Культуры Нового и Старого Света XVI-XVIII вв. в их взаимодействии. Спб., 1991. С. 74-79.
Ведюшкин, В.А. Кастильская аристократия XVI в. и Новый Свет // Средние века. М., 1992. Вып. 55. С. 16-20.
Волосюк, О.В. Экономические общества "Друзей отечества" в Испании и Латинской Америке в XVIII в // Iberica americans : Культуры Нового и Старого Света XVI-XVIII вв. в их взаимодействии. Спб., 1991. С. 242-248.
Глинкин, А.Н. Боливар и Сан-Мартин: загадки и мифы встречи в верхах 1822 г // Новая и новейшая история. М., 1991. N 3. С. 164-182.
Глинкин, А.Н. Франсиско де Миранда и Симон Боливар // Лат. Америка = America Latina. М., 2000. N 7. С. 53-57.
Гончарова, Т.В. Этот новый общий мир // Лат. Америка = America Latina. М., 2007. N 10. С. 103-107.
Губарев, В.К. За кулисами "Панамской акции" (1670-1671 гг.) // Вопросы истории. 1987. N 11. С. 184-188.

Гуляев, В.И. Индейцы Мексики и европейское завоевание: традиционные стереотип и реальность // Америка после Колумба: взаимодействие двух миров. М., 1992. С. 126-136.
Гуляев, В.И. Под личиной ацтекского бога: (Испанское завоевание Мексики) / РАН. Ин-т археологии. М.: Таус, 2006. (Попул. археология)
Григулевич, И.Р. Инквизиция. М.: ТЕРРА, 2002.
Диас дель Кастильо, Б. Правдивая история завоевания Новой Испании / Пер. с исп. Егорова Д.Н. М.: ФОРУМ, 2000.
Додолев, М.А. Записка графа Аранды // Новая и новейшая история. М., 1993. N 3. С. 241-244.
Европейской колониальной экспансии: Автореф. дис. ...д-ра ист. наук / МГУ им. М.В.Ломоносова. М., 1986.
Ершова, Г.Г. Католическая Испания открывает Новый Свет // Лат. Америка = America Latina. М., 1993. N 3. С. 117-121.
Ершова, Г.Г. Фрай Диего де Ланда // Лат. Америка = America Latina. М., 1992. N 4. С. 69-79.
Журавлев, О.В. Правовая мысль и этика в эпоху конкисты // Iberica americans : Культуры Нового и Старого Света XVI-XVIII вв. в их взаимодействии. Спб., 1991. С. 69-74.
Зубрицкий, Ю.А. Открытие и завоевание Нового Света и проблемы прогресса народов Америки и Пиренейского полуострова // Iberica americans : Культуры Нового и Старого Света XVI-XVIII вв. в их взаимодействии. Спб., 1991. С. 23-29.
Иберо-Америка в мировом цивилизационном процессе // Лат. Америка = America Latina. М., 1999. N 9. С. 91-105.
Иванов, Г.И. Стабилизация форм колониальной эксплуатации в Мексике в начале XVII века и народное восстание 1624 г. в Мехико // Латинская Америка: социально-экономические процессы и идеологическая борьба. Иваново, 1990. С. 6-20.
Ильина, Н.Г. У истоков колумбийской независимости. Антонио Нариньо (1765-1823 гг.) // Новая и новейшая история. М., 1987. N 2. С. 146-165.
История Испании и Португалии / Сост. Шумов С.А., Андреев А.Р. М.: Монолит-Евролинц-Традиция, 2002.
Кадыров, И.Х. Деколонизация африканских провинций Испании // Clio moderna : Зарубежная история и историография. Казань, 2001. Вып. 2. С. 66-87.
Калашников, В.М. Англо-испанское колониальное соперничество во Флориде (1670-1763 гг.) // Американский ежегодник. 1986. М., 1986. С. 221-234.
Калашников, В.М. Освободительная борьба индейских племен Северной Америки против Европейской колониальной экспансии: Автореф. дис. ...д-ра ист. наук / МГУ им. М.В.Ломоносова. М., 1986.
Кеймен, Г. Испания: дорога к империи: Пер. с анг. М.: Хранитель, 2007.
Кихано, А.; Валлерстайн, И. Роль Американского континента в современной мировой системе, или концепция Америки // Международный журнал социальных наук. М., 1993. N 1. С. 125-135.
Коссок, М. Симон Боливар - первый бонапартист Латинской Америки? // Симон Боливар: история и современность. М., 1985. С. 174-181.
Косторниченко, В.Н. Россия и война за независимость Испанской Америки (историография вопроса) // Проблемы всеобщей истории: Материалы науч. конф., сент. 1993 г., Волгоград. Волгоград, 1994. С. 80-88.
Косторниченко, В.Н. Франсиско де Миранда и дипломатия Екатерины II // Лат. Америка = America Latina. М., 1994. N 4. С. 48-53.
Коуэн, И.Б. Что "увидел" Колумб в 1492 г // В мире науки = Scientific American. М., 1993. N 2-3. С. 42-49.
Кофман, А.Ф. Чудо конкисты // Лат. Америка = America Latina. М., 2004. N 2. С. 73-88.

Кофман, А.Ф. "Розовая" и "черная" легенды // Лат. Америка = America Latina. М., 2004. N 3. С. 64-78.
Кофман, А.Ф. Колумб, открывший Другой Свет // Лат. Америка = America Latina. М., 2007. N 6. С. 57-65.
Кофман, А.Ф. Духовный облик конкистадора: испанское измерение // Лат. Америка = America Latina. М., 2004. N 4. С. 48-61.
Кофман, А.Ф. Духовный облик конкистадора: культурное наследие и американское пространство // Лат. Америка = America Latina. М., 2004. N 5. С. 70-85.
Кофман, А. Теория и законы конкисты: первые шаги // Лат. Америка = America Latina. М., 2004. N 6. С. 56-70.
Кофман, А.Ф. Теория и законы конкисты: противостояние // Лат. Америка = America Latina. М., 2004. N 8. С. 60-75.
Кофман, А.Ф. Экспедиции конкистадоров // Лат. Америка = America Latina. М., 2004. N 9. С. 66-82.
Кофман, А.Ф. Военный аспект конкисты // Лат. Америка = America Latina. М., 2004. N 10. С. 66-83.
Кофман, А.Ф. Конкиста и метисация // Лат. Америка = America Latina. М., 2004. N 12. С. 75-91.
Креленко, Д.М. Испано-американская война 1898 года // Военно-исторические исследования в Поволжье. Саратов, 2003. Вып. 5. С. 142-161.
Крепак, А.В. Испано-американская война 1898 г. и германская дипломатия // Внешняя политика США в последней трети XIX в. Л., 1991. С. 122-143.
Лалаянц, И.Э. Колумб и Америка // США : Экономика. Политика. Идеология. М., 1992. N 10. С. 121-125.
Лалаянц, И.Э. Колумб и Америка // США : Экономика. Политика. Идеология. М., 1992. N 11. С. 125-127.
Ларин, Е.А. Планы освобождения Кубы от испанского господства и "Великий легион черного орла" // Новая и новейшая история. М., 1986. N 4. С. 152-161.
Латинская Америка в исторической ретроспективе XVI - XIX вв: Материалы Всесоюз. конф., Москва, 14 - 16 мая 1990 г. / РАН. Ин-т всеобщ. истории, Центр латиноамер. исслед.; Редкол.: Созина С.А. (отв. ред.) и др. М., 1994. (К 500-летию открытия Америки)
Литаврина, Э.Э.; Мишукова, Т.Ю. Новые тенденции в англо-американской буржуазной историографии войны за независимость в Латинской Америке: (В связи с 200-летием со дня рождения С. Боливара) // Вопросы методологии и истории исторической науки. М., 1986. Вып. 4. С. 160-171.
Лыкова, Е.Ю. Бытовые проблемы конкистадоров (По материалам "Старой книги" г. Сантьяго де Гватемала. 1524-1530 гг.) // Городская повседневность в России и на Западе. Саратов, 2006. С. 29-38.
Лыкова, Е.Ю. Женщины конкисты // Адам & Ева = Adam & Eve. М., 2002. N 3. С. 68-90.
Лыкова, Е.Ю. Педро де Альварадо - покоритель Гватемалы // Военно-исторические исследования в Поволжье. Саратов, 2003. Вып. 5. С. 81-92.
Марчук, Н.Н. Война за независимость Латинской Америки как буржуазная революция // Изучение латиноамериканистики в Российском университете дружбы народов. М., 2002. С. 67-84.
Марчук, Н.Н. Либеральные реформы и война за независимость Латинской Америки / РАН. Ин-т Лат. Америки. М., 1997.
Марчук, Н.Н. От идеологии к науке: Якобинская модель революции и война за независимость // Лат. Америка = America Latina. М., 1994. N 9. С. 37-46.
Моисеев, А.Н. Иберо-Америка и мы: Откровен. беседы. М.: Глобус, 2004.
Низовский, А.Ю. Сокровища конкистадоров. М.: Вече, 2007. (Антология

кладоискательства)
Олива де Коль, Х. Сопротивление индейцев испанским конкистадорам / Под ред. Зубрицкого Ю.А. М.: Прогресс, 1988.
Открытие и колонизация Латинской Америки европейцами: исторические особенности и значение= Europeans discovery and colonization of Latin America: its historical specifics and meaning: Реф. сб. К XVII Междунар. конгр. ист. наук (Мадрид, авг. 1990 г.) / Редкол.: Янчук И.И. (отв. ред.); Егорова А.В. (ред.-сост.); АН СССР. ИНИОН. М.: ИНИОН, 1990.
Пашков, Г.Н.; Сбруев, В.В. Возникновение и развитие печати Испании и ее колоний: Учеб.пособие / М-во высш.и сред.спец.образования СССР. М.: Изд-во Ун-та дружбы народов, 1987.
Петрова, А.А. К 180-летию завершения освободительной войны испанских колоний в Америке. Решающая схватка: сражения при Хунине (6 августа 1824 г.) и Аякучо (9 декабря 1824 г.) // Вестн. С.-Петерб. ун-та. Сер. 2, История. СПб., 2006. Вып. 4. С. 247-258.
Петрова, А.А. Колониальная политика Испании в Латинской Америке в XVI-XVII вв. в испанской историографии // Актуальные проблемы историографии всеобщей истории. Сыктывкар, 1990. С. 24-29.
Петрова, А.А. Некоторые новые тенденции в испанской историографии социально-экономической политики Испании в Америке в XVI-XVIII в // Вестн. Ленингр. ун-та. Сер. 2, История, языкознание, литературоведение. 1986. Вып. 1. С. 24-29.
Петрова, А.А. Христофор Колумб и колониальная политика Испании // Вестн. Ленингр. ун-та. Сер. 2, История, языкознание, литературоведение. 1987. Вып. 2. С. 17-23.
Петухов, А.Б. К вопросу о характере социально-экономического строя в американских колониях Испании // Проблемы отечественной и всеобщей истории. Уссурийск, 1996. С. 142-152.
Петухов, А.Б. Причины и сущность испанской конкисты в XVI в // Пятая Дальневосточная конференция молодых историков. Владивосток, 1998. С. 89-91.
Петухов, А.Б. Триумф и трагедия "секретаря войны" (Наброски к политическому портрету Мариано Морено) // Гуманитарные исследования. Уссурийск, 1998. Вып. 2. С. 234-241.
Петякшева, Н.И. Трактовка феномена конкисты в латиноамериканской "философии освобождения" // Iberica americans : Культуры Нового и Старого Света XVI-XVIII вв. в их взаимодействии. Спб., 1991. С. 49-54.
Пожарская, С.П. Открытие Америки: взгляд историка // Новая и новейшая история. М., 1992. N 3. С. 72-78.
Прокопенко, С.А. Испанская эмиграция в Америку в эпоху Габсбургов (XVI-XVII вв.) // Лат. Америка = America Latina. М., 2000. N 8. С. 109-116.
Прокопенко, С.А. Манильский галеон в эпоху Габсбургов: экспорт американских драгоценных металлов в Азию // Международные отношения в Азии: новое и новейшее время. История и историография. М., 1998. С. 39-56.
Пьетри, А.У. Существует ли иберо-американская общность? // Всемирное слово = Lettre intern. 1993. N 4/5. С. 25-27.
Разуваев, В.В. Бернардо О'Хиггинс: (Грани личности) // Лат. Америка. М., 1986. N 10. С. 113-124.
Ракуц, Н.В. Представления о географическом положении Америки и происхождении ее населения в ученой среде испанской колониальной империи первой половины XVII в // Этнографическое обозрение. М., 2001. N 4. С. 90-102.
Ржонсницкий, В.Б. Путешествия Христофора Колумба - начало океанографии нового времени // Известия Русского географического общества. С.-Петербург, 1992. Т. 124. Вып. 5. С. 396-398.
Саламатова, О.В. К вопросу о характере колониального общества Испанской Америки:

Система репартимьенто в вице-королевстве Перу, XVI-XVII вв. / Редкол. журн.: Вестн. ЛГУ. Сер.: История, яз., лит. Л., 1991.
Селиванов В.Н. Латинская Америка: от конкистадоров до независимости. М.: Наука, 1984.
Селиванов, В.Н. Полководческое искусство Боливара // Симон Боливар: история и современность. М., 1985. С. 155-164.
Селиванова, И.В. Реформы испанских Бурбонов и торговая система Новой Испании // Латиноамериканский исторический альманах = Almanaque hist. latinoamer. М., 2003. N 4. С. 26-40.
Семенов, С.И. Преображение "нации" в Латинской Америке // Национальная идея: идеология, миф. М., 2004. С. 188-221.
Синельщикова, И.Г. Латиноамериканцы в Испании // Лат. Америка = America Latina. М., 2007. N 10. С. 91-99.
Созина, С.А. Забытые герои войны за независимость: Братья Ангуло и освободительное движение в Перу (1814-1815 гг.) // Новая и новейшая история. М., 1986. N 6. С. 148-165.
Суховерхов, В.В. Карл I/V, Франциск I и Сулейман I Великолепный: войны за гегемонию в Европе и западном Средиземноморье (исторический очерк) // Исторические и политологические исследования. М., 2004. С. 4-32.
Тананаева, Л.И. О процессе стилеобразования в колониальном искусстве // Лат. Америка= America Latina. М., 1999. N 7/8. С. 128-137.
Тельо, К. Столкновение культур // Наука в России. М., 1992. N 3. С. 29-31.
Файнштейн, М.Ш. Из истории "Российской Колумбиады" // Лат. Америка = America Latina. М., 1992. N 5/6. С. 58-64.
Хроники открытия Америки. 500 лет. Антология. М., 1998.
Царенко, Е.И. Отражение кечуа-испанских языковых контактов в литературе кечуа колониального периода // Америка после Колумба: взаимодействие двух миров. М., 1992. С. 195-205.
Цвиркун, А.Ф. Причины испано-американской войны 1898 г. в освещении русской периодической печати // Вопр. новой и новейшей истории. Киев, 1990. Вып. 36. С. 84-92.
Чистова, Н.К. Конкиста и община в Перу // "Восток - Запад. Диалог культур и цивилизаций". М., 2000. С. 63-72.
Чистякова, Е.В. Как Россия узнавала об открытии Нового Света // Изучение латиноамериканистики в Российском университете дружбы народов. М., 2002. С. 204-214.
Шемякин, Я.Г. К вопросу о характере взаимодействия испанского начала с автохтонными культурами в эпоху конкисты // Iberica americans : Культуры Нового и Старого Света XVI-XVIII вв. в их взаимодействии. Спб., 1991. С. 36-42.
Шемякин, Я.Г. Колумб, открывший Другой Свет // Лат. Америка = America Latina. М., 2007. N 3. С. 78-92.
Шемякин, Я.Г. У истоков процесса синтеза культур: взаимодействие испанского и индейского миров в эпоху открытия и завоевания Америки // Америка после Колумба: взаимодействие двух миров. М., 1992. С. 103-112.
Шульговский, А.Ф. Война за независимость и борьба за духовную и культурную самобытность молодых латиноамериканских государств: (Боливар и идеи американизма) // Симон Боливар: история и современность. М., 1985. С. 12-31.
Яковлев, П.П. Иберо-американское измерение мировой политики // Лат. Америка = America Latina. М., 2006. N 5. С. 75-83.
Яковлев, П.П. Иберо-американское измерение мировой политики // Лат. Америка = America Latina. М., 2006. N 6. С. 39-46.

Империализм. Общие и теоретические работы

Adas, Michael. Machines as the Measure of Men: Science, Technology, and Ideologies of Western Dominance. Ithaca: Cornell University Press, 1989.
Adas, Michael. (ed.). Islamic and European Expansion: The Forging of a Global Order. Temple University Press, 1993.
Amin, Samir. Eurocentrism. London: Zed Books, 1989.
Amin, Samir. Delinking: Toward a Polycentric World. London: Zed Books, 1990.
Blaut, James Morris. The Colonizer's Model of the World: Geographical Diffusionism and Eurocentric History. Guilford Press, 1993.
Chase-Dunn, Christopher K. Global Formation: Structures of the World- Economy. Rowman & Littlefield, 1998.
Flint, V. I. J. The Imaginative Landscape of Christopher Columbus. Princeton University Press, 1992
Frank, Andre Gunder. World Accumulation, 1492-1789. Monthly Review Press, 1978.
Frank, Andre Gunder. ReORIENT: Global Economy in the Asian Age. University of California Press, 1998.
Frank A. G. and Gills, B. (eds.). The World System: Five Hundred Years or Five Thousand Years? Routledge, 1996.
Grove, R. H.; Worster, D.; Crosby, A. W. Green Imperialism: Colonial Expansion, Tropical Island Edens and the Origins of Environmentalism, 1600-1860. Cambridge University Press, 1996.
Hall, J. A. Powers and Liberties: The Causes and Consequences of the Rise of the West. University of California Press, 1986.
Helms, M. W. Ulysses' Sail: An Ethnographic Odyssey of Power, Knowledge, and Geographical Distance. Princeton University Press, 1988.
Hugill, P. J. World Trade Since 1431: Geography, Technology, and Capitalism. JHU Press, 1993.
Israel, J. I. Empires and Entrepots: The Dutch, the Spanish Monarchy, and the Jews, 1585-1713. Continuum International Publishing Group, 1990.
Israel, J. I. (ed.) The Anglo-Dutch Moment: Essays on the Glorious Revolution and Its World Impact. Cambridge University Press, 2003.
Jones, E. L. Coming Full Circle: An Economic History of the Pacific Rim. Westview Press, 1993.
Kadir, Djelal. Columbus and the Ends of the Earth: Europe's Prophetic Rhetoric as Conquering Ideology. University of California Press, 1992.
Kindleberger, Charles Poor. World Economic Primacy, 1500-1990. Oxford University Press US, 1996.
Mazlish, B. and Buultjens, R. (eds.) Conceptualizing Global History. Westview Press, 1993.
Millar, H. Spain in the Age of Exploration. Marshall Cavendish, 1999.
Modelski, G. and Thompson, W. R. Leading Sectors and World Powers: The Coevolution of Global Economics and Politics. Univ. of South Carolina Press, 1995.
Olson J. S. et al (eds.). Historical Dictionary of European Imperialism. Greenwood Publishing Group, 1991.
Pearson, M. N. Before Colonialism: Theories on Asian-European Relations, 1500-1750. Oxford University Press, 1988.
Pryor, J. H. Geography, Technology, and War: Studies in the Maritime History of the Mediterranean, 649-1571. Cambridge University Press, 1992.
Richards, J. F. (ed.) Precious Metals and the Late Medieval and Early Modern Worlds. Carolina Academic Press, 1983.
Scammell, G. V. The First Imperial Age: European Overseas Expansion c. 1400-1715. Routledge, 1989.
Scammell, G. V. The World Encompassed: The First European Maritime Empires c. 800-

1650. Taylor & Francis, 1981.
Stavrianos, L. S. The World Since 1500: A Global History. Prentice-Hall, 1971.
Taylor, P. and Flint, C. Political Geography: World-Economy, Nation-State, and Locality. Pearson Education, 2007 (1993).

Altman, Ida. Transatlantic Ties in the Spanish Empire: Brihuega, Spain, & Puebla, Mexico, 1560-1620. Stanford University Press, 2000.
Boyden, J. M. The Courtier and the King: Ruy Gomez de Silva, Philip II, and the Court of Spain. University of California Press, 1995.
Chudoba, B. Spain and the Empire, 1519-1643. Octagon Books, 1969 (1952).
Elliott, John H. and Hufton, Olwen. Spanish Naval Power, 1589-1665: Reconstruction and Defeat. Cambridge University Press, 2004 (1997).
Elliott, John H. The Revolt of the Catalans: A Study in the Decline of Spain (1598-1640). Cambridge University Press, 1984.
Kagan, R. L. and Parker, G. (eds.) Spain, Europe, and the Atlantic World: Essays in Honour of John H. Elliott. Cambridge University Press, 1995.
Kamen, Henry. Empire: How Spain Became a World Power, 1492-1763. HarperCollins, 2003.
Kamen, H. Philip of Spain. Yale University Press, 1999 (1997).
MacKay, Angus. Spain in the Middle Ages: From Frontier to Empire, 1000-1500. St. Martin's Press, 1977.
Netanyahu, B. The Origins of the Inquisition in Fifteenth Century Spain. Random House, 1995.
O'Malley, John W. The First Jesuits. Harvard University Press, 1993.
Pendrill, Colin. Spain 1474-1700: The Triumphs and Tribulations of Empire. Heinemann, 2002.
Roth, N. Conversos, Inquisition, and the Expulsion of the Jews from Spain. Univ. of Wisconsin Press, 2003.
Salmon, Edward D. Imperial Spain: The Rise of the Empire and the Dawn of Modern Sea-power. Greenwood Press, 1971 (1931).
Schmidt-Nowara, Christopher. Empire and Antislavery: Spain, Cuba, and Puerto Rico, 1833-1874. Univ. of Pittsburgh Press, 1999.
Stein, Stanley J. and Stein, Barbara H. Apogee of Empire: Spain and New Spain in the Age of Charles III, 1759-1789. JHU Press, 2003.
Vassberg, D. E. The Village and the Outside World in Golden Age Castile: Mobility and Migration in Everyday Rural Life. Cambridge University Press, 2002 (1996).

Имперская экономика

Brooks, G. E. Landlords and Strangers: Ecology, Society, and Trade in Western Africa, 1000-1630. Westview Press, 1993.
Galloway, J. H. The Sugar Cane Industry: An Historical Geography from Its Origins to 1914. Cambridge University Press, 2005.
Kea, R. Settlements, Trade, and Polities in the Seventeenth-Century Gold Coast. Johns Hopkins University Press, 1982.
Law, R. The Slave Coast of West Africa, 1550-1750: The Impact of the Atlantic Slave Trade on an African Society. Clarendon Press, 1991.
Manning, P. Slavery and African Life: Occidental, Oriental, and African Slave Trades. Cambridge University Press, 1990.
Marichal, Carlos. Bankruptcy of Empire: Mexican Silver and the Wars Between Spain, Britain, and France, 1760-1810. Cambridge University Press, 2007.
Mintz, S. W. Sweetness and Power: The Place of Sugar in Modern History. Penguin Books, 1986.

Phillips, C. R. and Phillips, W. D. Jr., Spain's Golden Fleece: Wool Production and the Wool Trade from the Middle Ages to the Nineteenth Century. Johns Hopkins University Press, 1997.
Searing, J. F. West African Slavery and Atlantic Commerce: The Senegal River Valley, 1700-1860. Cambridge University Press, 2003.
Tracy, J. D. (ed.). The Political Economy of Merchant Empires: State Power and World Trade, 1350-1750. Cambridge University Press, 1997 (1991).
Constable, O. R. et al. Trade and Traders in Muslim Spain: The Commercial Realignment of the Iberian Peninsula, 900-1500. Cambridge University Press, 1996.
Vilar, P. A. and White, J. History of Gold and Money, 1450-1920. Humanities Press, 1976.
Walton, T. R. The Spanish Treasure Fleets. Pineapple Press Inc, 2002.

Империя как категория культуры
Ishikawa, Chiyo. Spain in the Age of Exploration, 1492-1819: Exposició. Univ. of Nebraska Press, 2004.
Lestringant, F. Mapping the Renaissance World : The Geographical Imagination in the Age of Discovery. University of California Press, 1994.
Mignolo, Walter D. The Darker Side of the Renaissance: Literacy, Territoriality, and Colonization. University of Michigan Press, 1997.
Padrón, Ricardo. The Spacious Word: Cartography, Literature, and Empire in Early Modern Spain. University of Chicago Press, 2004.
Schlesinger, R. (ed.) Portraits from the Age of Exploration: Selections from André Thevet's «Les vrais pourtraits et vies des hommes illustres» [1584]. University of Illinois Press, 1993.
Simerka, Barbara. Discourses of Empire: Counter-Epic Literature in Early Modern Spain. Penn State Press, 2008.

Империя колониальная
Африка
Davidson, Basil. West Africa before the Colonial Era: A History to 1850. Longman, 1998.
Collins, R. O. J. M. Burns, and E. K. Ching (eds.), Problems in African History: The Precolonial Centuries (1993).
Collins, R. O. Central and South African History (1990).
Collins, R. O. Eastern African History (1990).
Collins, R. O. Western African History (1990).
July, R. W. A History of the African People (1998).
Maxon, R. M. East Africa: An Introductory History (1986).
Pouwels, R. L. Horn and Crescent: Cultural Change and Traditional Islam on the East African Coast, 800-1900
Vogel, J. O. (ed.). Encyclopedia of Precolonial Africa: Archaeology, History, Languages, Cultures, and Environments (1997).
Webb, J. L. A. Desert Frontier: Ecological and Economic Change Along the Western Sahel, 1600-1850 (1995).

Латинская Америка
Carroll, Ch. and Griffin, Ch. C. The United States and the Disruption of the Spanish Empire, 1810-1822: A Study of the Relations of the United States with Spain and with the Rebel Spanish Colonies. Octagon Books, 1968.
P. Bakewell, A History of Latin America (1997).
B. P. Bodmer, The Armature of Conquest: Spanish Accounts of the Discovery of America, 1492-1589
M. A. Burkholder and L. L. Johnson, Colonial Latin America (1990).
E. B. Burns, Latin America: A Concise Interpretive History (1990).

G. Chaliand, Mirrors of a Disaster: A Chronicle of the Spanish Military Conquest of America
G. W. Conrad and A. A. Demarest, Religion and Empire: The Dynamics of Aztec and Inca Expansionism
R. E. Conrad, World of Sorrow: The African Slave Trade to Brazil
P. Curtin, The Rise and Fall of the Plantation Complex.
D. Fane (ed.), Converging Cultures: Art and Identity in Spanish America
L. S. Hoberman and S. M. Socolow (eds.), The Countryside in Colonial Latin America (1996).
S. W. Mintz, The Birth of African-American Culture: An Anthropological Perspective (1992).
J. F. Moffitt and S. Sebastián, O Brave New People: The European Invention of the American Indian
J. Muldoon, The Americas in the Spanish World Order: The Justification for Conquest in the Seventeenth Century (1994).
J. L. Phelan, The Millennial Kingdom of the Franciscans in the New World: A Study of the Writings of Gerónimo de Mendieta, 1525- 1604
S. E. Ramirez (ed.), Indian-Religious Relations in Colonial Spanish America
J. E. Rodríguez O., The Independence of Spanish America (1998).
R. Schlesinger, In the Wake of Columbus: The Impact of the New World on Europe, 1492-1650 (1996).
B. L. Solow (ed.), Slavery and the Rise of the Atlantic System (1991).
J. J. TePaske and A. Jara (eds.), The Royal Treasuries of the Spanish Empire in America, 4 vols.
R. C. Trexler, Sex and Conquest: Gendered Violence, Political Order, and the European Conquest of the Americas (1995).
J. Walvin, Black Ivory: A History of British Slavery (1994).
E. E. Williams, Capitalism and Slavery (1994 [1944]).
I. M. Zavala, Colonialism and Culture: Hispanic Modernisms and the Social Imaginary

Карибский бассейн
P. P. Boucher, Cannibal Encounters: Europeans and Island Caribs, 1492-1763
R. S. Dunn, Sugar and Slaves: The Rise of the Planter Class in the English West Indies, 1624-1713
C. E. Fick, The Making of Haiti: The Saint Domingue Revolution from Below (1990).
P. Hulme, Colonial Encounters: Europe and the Native Caribbean 1492-1797
B. Solow and S. Engerman (eds.), British Capitalism and Caribbean Slavery: The Legacy of Eric Williams
R. S. Weddle, Changing Tides: Twilight and Dawn in the Spanish Sea, 1763-1803

Северная Америка
Cook, Warren L. Flood Tide of Empire: Spain and the Pacific Northwest, 1543-1819. Yale University Press, 1973.
T. E. Anna, Forging Mexico, 1821-1835 (1998).
J. B. Chapa (d. 1693), Texas and Northeastern Mexico, 1630-1690 (1997).
R. D. Cope, The Limits of Racial Domination: Plebeian Society in Colonial Mexico City, 1660-1720 (1994).
W. Doolittle, Canal Irrigation in Prehistoric Mexico: The Sequence of Technological Change
S. Gruzinski, Man-gods in the Mexican Highlands: Indian Power and Colonial Society, 1520-1800. E. Corrigan (trans.). (1989).
R. Hassig, Trade, Tribute, and Transportation: The Sixteenth-Century Political Economy of the Valley of Mexico
J. S. Henderson, The World of the Ancient Maya

R. Himmerich y Valencia, The Encomenderos of New Spain, 1521-1555
R. Horn, Postconquest Coyoacan: Nahua-Spanish Relations in Central Mexico, 1519-1650 (1998).
A. L. Knaut, The Pueblo Revolt of 1680: Conquest and Resistance in Seventeenth-Century New Mexico
J. Lockhart, The Nahuas After the Conquest: A Social and Cultural History of the Indians of Central Mexico, Sixteenth Through Eighteenth Centuries
F. E. Mallon, Peasant and Nation: The Making of Postcolonial Mexico and Peru (1994).
E. G. Melville, A Plague of Sheep: Environmental Consequences of the Conquest of Mexico (1994).
L. A. Newson, Indian Survival in Colonial Nicaragua (1987).
O. Paz, Sor Juana (1988).
D. T. Reff, Disease, Depopulation, and Culture Change in Northwestern New Spain, 1518-1764
C. L. Riley, Rio del Norte: People of the Upper Rio Grande from Earliest Times to the Pueblo Revolt
S. Schroeder (ed.), Native Resistance and the Pax Colonial in New Spain (1998).
W. L. Sherman, Forced Native Labor in Sixteenth-Century Central America
R. H. Vigil, F. W. Kaye, and J. R. Wunder (eds.), Spain and the Plains: Myths and Realities of Spanish Exploration and Settlement on the Great Plains

Южная Америка
S. Alchon, Native Society and Disease in Colonial Ecuador
P. Bakewell, Silver and Entrepreneurship in Seventeenth-Century Potosí: The Life and Times of Antonio López de Quiroga (1988).
L. F. Calero, Chiefdoms under Siege: Spain's Rule and Native Adaptation in the Southern Colombian Andes, 1535-1700 (1997).
J. A. Cole, The Potosí Mita, 1573-1700: Compulsory Indian Labor in the Andes
N. P. Cushner, Farm and Factory: The Jesuits and the Development of Agrarian Capitalism in Colonial Quito, 1600-1767 (1982).
N. P. Cushner, Jesuit Ranches and the Agrarian Development of Colonial Argentina, 1650-1767
Elliott, John Huxtable. Empires of the Atlantic World: Britain and Spain in America 1492-1830. Yale University Press, 2007.
Griffiths, N., Cross and the Serpent: Religious Repression and Resurgence in Colonial Peru (1996).
B. Larson, Colonialism and Agrarian Transformation in Bolivia: Cochabamba, 1550-1900
K. R. Mills, Idolatry and Its Enemies: Colonial Andean Religion and Extirpation, 1640-1750 (1997).
S. Minta, Aguirre: The Re-creation of a Sixteenth-Century Journey Across South America
L. A. Newson, Life and Death in Early Colonial Ecuador (1995).
J. L. Phelan, The People and the King: The Comunero Revolution in Colombia, 1781
J. Rappaport, The Politics of Memory: Native Historical Interpretation in the Colombian Andes
S. Schwartz, Slaves, Peasants, and Rebels: Reconsidering Brazilian Slavery (1992).

Азия
H. Furber, Rival Empires of Trade in the Orient, 1600-1800
J. B. Harley and D. Woodward (eds.), The History of Cartography. Vol. Two, Book One: Cartography in the Traditional Islamic and South Asian Societies.
J. B. Harley and D. Woodward (eds.), The History of Cartography. Vol. Two, Book Two: Cartography in the Traditional East and Southeast Asian Societies.

B. B. Kling and M. N. Pearson, The Age of Partnership: Europeans in Asia Before Dominion
P. Roderick (ed.), Portuguese Asia: Aspects in History and Economic History (16th and 17th Centuries)
L. Blussé, Strange Company: Chinese Settlers, Mestizo Women and the Dutch in VOC Batavia
N. P. Cushner, Landed Estates in the Colonial Philippines
S. H. Hoyt, Old Malacca
L. Nagtegaal, Riding the Dutch Tiger: The Dutch East Indies Company and the Northeast Coast of Java, 1680-1743 (1996).
A. Reid, Southeast Asia in the Age of Commerce, 1450-1680, 2 vols.
M. C. Ricklefs, A History of Modern Indonesia since c. 1300
J. C. Van Leur, Indonesian Trade and Society
P. Wheatley, The Golden Khersonese: Studies in the Historical Geography of the Malay Peninsula Before A.D. 1500

Дальний Восток
J. Banister, China's Changing Population
M. E. Berry, The Culture of Civil War in Kyoto
P. C. Brown, Central Authority and Local Autonomy in the Formation of Early Modern Japan: The Case of Kaga Domain
K. Chow, The Rise of Confucian Ritualism in Late Imperial China: Ethics, Classics, and Lineage Discourse
J. W. Dardess, Confucianism and Autocracy: Professional Elites in the Founding of the Ming Dynasty (1983).
P. B. Ebrey, The Inner Quarters: Marriage and the Lives of Chinese Women in the Sung Period (1993).
M. Elvin, The Pattern of the Chinese Past
P. C. Huang, The Peasant Family and Rural Development in the Yangzi Delta, 1350-1988 (1990).
L. C. Johnson, Shanghai: From Market Town to Treaty Port, 1074- 1858
G. P. Leupp, Male Colors: The Construction of Homosexuality in Tokugawa Japan (1995).
J. Levenson, Confucian China and Its Modern Fate: A Trilogy (1968).
S. Mann, Precious Records: Women in China's Long Eighteenth Century (1997).
J. P. Mass and W. B. Hauser (eds.), The Bakufu in Japanese History
J. Needham et al, Science and Civilization in China, 6 vols.
A. C. Ross, A Vision Betrayed: The Jesuits in Japan and China, 1542-1742
G. B. Souza, The Survival of Empire: Portuguese Trade and Society in China and the South China Sea, 1630-1754 (1986).
J. D. Spence, To Change China: Western Advisors in China, 1620-1960 (1980).
C. Totman, The Green Archipelago: Forestry in Pre-Industrial Japan
P. Varley, Warriors of Japan as Portrayed in the War Tales
A. Waltner, Getting an Heir: Adoption and the Construction of Kinship in Late Imperial China (1990).
K. Wigen, The Making of a Japanese Periphery, 1750-1920
J. E. Wills, Jr., Embassies and Illusions: Dutch and Portuguese Envoys to K'ang-hsi, 1666-1687.

КОЛОНИАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ НИДЕРЛАНДОВ

Отечественные работы.

Агеев, В.Ф. Из истории проникновения в Синд европейцев // Социально-экономическое и историческое развитие Южной и Юго-Западной Азии. Москва; Калуга, 1992. С. 156-167.

Асташкин, Р.С. Проблема персидской торговли в русско-голландских отношениях первой половины XVII в // Вестн. Самар. гос. ун-та. Гуманит. сер. Самара, 2006. N 10/1(50). С. 70-73.

Бауман, Г.Г. Великая французская революция и Нидерланды // Французская революция XVIII века. М., 1988. С. 208-231.

Велувенкамп, Я.В. Архангельск. Нидерландские предприниматели в России, 1550-1785: Пер. с гол. М.: РОССПЭН, 2006.

Волков, С.Ю. Влияние Нидерландской революции на европейскую колониальную политику в конце XVI - первой половине XVII вв // Вестн. Нижегород. ун-та. Сер.: История. Политология. Междунар. отношения. Н.Новгород, 2003. Вып. 1. С. 5-13.

Голландцы и бельгийцы в России. XVIII-XX в: Пер. с разн. яз. / Нидерланд.-рос. арх. центр (НРАЦ) - Гронинген; Под ред. Вагеманса Э., Конингсбрюгге Х. СПб.: Алетейя, 2004.

Демкин, А.В. Нидерландские купеческие компании в России первой половины XVII в // Торговля, промышленность и город в России XVII - начала XIX в. М. , 1987. С. 41-50.

Документы о связях России и Нидерландов в фондах Российского государственного архива древних актов: Справочник / Ин-т исслед. стран Сев. и Вост. Европы (Нидерланды, Гронинген) и др.; Под ред. Конингсбрюгге Й.С.А. М.: Мануфактура, 1999.

Зюмтор, П. Повседневная жизнь Голландии во времена Рембрандта / Пер. с фр. Глаголева М.В. М.: Палимпсест, 2001.

К 350-летию плавания голландской экспедиции под руководством Маартена Герритсена Фриса у Сахалина и Курильских островов // Краевед. бюл. Южно-Сахалинск, 1993. N 4. С. 98-149.

Керов, В.Л. Из истории Франции и Нидерландов в эпоху средневековья и раннего нового времени (экономика, политика, религия) / Всерос. ассоц. медиевистов и историков раннего нового времени, Рос. ун-т дружбы народов. М.: Изд-во Рос. ун-та дружбы народов, 2000.

Козлов, С.А. Голландия в российской печати первой половины XIX в // Россия и внешний мир: диалог культур. М., 1997. С. 50-59.

Лещенко, Н.Ф. Голландский след в истории Японии // Япония : Ежегодник. 1998-1999. М., 1998. С. 251-269.

Литвинов, С.В. Нидерландско-российские культурные связи в первой половине XVIII в // Вестн. Моск. ун-та = Bull. /Moscow state univ. Сер. 19, Лингвистика и межкульт. коммуникация. М., 2000. N 1. С. 123-133.

Нечитайло, Д.А. Ислам в Голландии // Ближний Восток и современность. М., 2006. Вып. 28. С. 102-118.

Нидерланды и Русский Север в XVI - XX вв: Сб. тез. и докл. междунар. науч. конф., проходившей в г.Архангельске 25 - 28 окт. 1999 г. / Сост. и отв.ред. Попова Л.Д. Архангельск: Правда Севера, 1999.

Новикова, О.Э. Политика и этика в эпоху религиозных войн: Юст Липсий (1547-1606). М., 2005.

Новопашина, Л.Ю. Англо-голландское колониальное соперничество в 1814-1824 гг // Вопр. истории. М., 2004. N 4. С. 136-147.

Новопашина, Л.Ю. Англо-голландское соперничество на Малайском архипелаге (1814-1824) // Россия и Британия. М., 2000. Вып. 2. С. 35-41.
Питулько, Г.Н. Торговая политика Голландии в освещении английской публицистики первой половины XVII в // Проблемы разложения феодализма и генезис капитализма в Европе. Горький, 1989. С. 70-81.
Погадаев, В.А. Тайная дипломатия султаната Аче в XIX в // Политическая интрига на Востоке. М., 2000. С. 302-311.
Попова, Е.А. Франция и новые морские державы в европейской политике (вторая половина XVII в. - начало XVIII в.) // Материалы конф. аспирантов каф. всеобщ. истории РУДН. М., 2002. Вып. 3 : Взаимодействие мировых цивилизаций. С. 23-27.
Струкова, М.И. К вопросу об американской позиции в индонезийско-голландском конфликте 1945-1949 гг // Вестн. Нижегород. ун-та. Сер.: История. Н. Новгород, 2002. Вып. 1. С. 122-128.
Теперман, В.А. Страна, отказавшаяся от независимости // Лат. Америка = America Latina. М., 2003. N 9. С. 27-37.
Толмачев, Н.А. Португальско-голландское колониальное соперничество на Малых Зондских островах (XVII - начало XX века) // Юго-Восточная Азия: современность и традиция. М., 1988. С. 137-148.
Фадеев, Д.Е. Новые Нидерланды в 1650 - 1660-ые гг // Актуальные проблемы истории нового и новейшего времени. СПб., 2006. С. 47-53.
Чистозвонов, А.Н. Амстердам в XVI-XVII вв.: социально-экономическое развитие и повседневная жизнь // Средние века. М., 1997. Вып. 60. С. 37-50.
Чистозвонов, А.Н. Становление государственного строя Республики Соединенных провинций // Средние века. М., 1987. Вып. 50. С. 151-172.
Чистозвонов, А.Н. Торгово-колониальная экспансия Нидерландов в XVI-XVII вв. и восстания на судах океанских флотов // Средние века. М., 1989. Вып. 52. С. 47-63.
Шатохина-Мордвинцева, Г.А. Внешняя политика Нидерландов, 1713-1763 гг: Становление голланд. нейтралитета / Ин-т всеобщ. истории РАН. М., 1998.
Шатохина-Мордвинцева, Г.А. Нидерланды в новое и новейшее время / Ин-т всеобщ. истории РАН, Сарат. гос. ун-т. М., 2002.
Швачкина, Е.И. Документы по истории русско-нидерландских отношений второй четверти и середины XVIII в. (эвристические, источниковедческие и историографические аспекты) // Россия и Европа: поиск единства и апология самобытности. М., 1999. Вып. 4. С. 19-34.

Империализм. Общие и теоретические работы.

Boxer, Ch.R. The Dutch Seaborne Empire, 1600-1800. London: Penguin Books, 1990.
Bucknill, John. Coins of the Dutch East Indies : An Introduction to the Study of the Series. Delhi, Asian Educational Services, 2000 (London, 1931).
Disney, Anthony R. Historiorgraphy of Europeans in Africa and Asia, 1450-1800. Ashgate Variorum, 1995.
Gawronsky, Jerzy & Boyarsky, Pyotr. Northbound with Barents. Amsterdam: Uitgeverij Jan Mets, 1997.
Greig, Doreen. The reluctant colonists. Netherlanders abroad in the 17th and 18th centuries. Assen: Van Gorcum, 1987.
Israel, J. The Dutch republic and the Hispanic World 1606-1661. Oxford: Clarendon Press, 1986.
Israel, J. The Dutch primacy in the world trade 1585-1740. Oxford: Claredon Press, 1989.
Landewehr, J. VOC. A bibliography of publications relating to the Dutch East India Company: 1602-1800. Utrecht, Hes, 1991.

Lannoy, C. De. & H.Vander Linden. Histoire de l'expansion coloniale des peuples europeens. Neerlande et Danemark (XVIIe et XVIIIe siecles). Bruxelles, 1911.
Needleman, Saul B. Coins of European concessionary trading enclaves in India // Chatter. Chicago Coin Club, vol. 46, Feb. 2000.
Polman, C. The Central Moluccas: An Annotated Bibliography, Bibliographical Series, No 12, Foris Pubns, 1983.
Polman, C. The North Moluccas: An Annotated Bibliography. The Hague, Martinus Nijhoff, 1981.
Russell-Wood, A. J. R.; Steele, M. An expanding world: the European impact on world history 1450-1800. Variorum, 2000.
Scholten, C. The Coins of the Dutch Overseas Territories 1601-1948. Amsterdam, Wrapp. Jacques Schulman, 1953.
Shaw, William and Mohd Kassim Haji Ali. Malacca coins. Kuala Lumpur, Muzium Negara, 1970.
Van Oers, R. Dutch town planning overseas during VOC and WIC rule (1600-1800). Zutphen: Walburg Pers, 2000.
Van Goor, J. De Nederlandse Koloniën. Geschiedenis van de Nederlandse expansie 1600-1975. Sdu Uitgevers, 1997
Zandvliet, K. Mapping for money. Maps, plans and topographic paintings and their role in Dutch overseas expansion during the 16th and 17th centuries. Amsterdam: Batavian Lion International, 1998.

Империя колониальная

Африка

Anqwandah, J. Kwesi. Castles and forts of Ghana". Paris, Ghana Museums and Monuments Board, Atlante, 1999.
Bonaparte, R. Le premier etablissement des Hollandais à Maurice. Paris, 1899.
Boxer, Ch. R. Salvador de Sa and the struggle for Brazil and Angola 1602-1686. London, Athlone Press, 1952.
Bozard, Donald Curtis. Burgher, Boer and Bondsman: a survey of slavery at the Cape of Good Hope under the Dutch East India Company, 1652-1795. PhD. Thesis University of Maryland College Park, 1987.
Daaku, Kwame Yeboa. Trade and politics on the Gold Coast 1600-1720 a study of the African reaction to European trade. London: Clarendon, 1970. А также в: Disney, A. Historiorgraphy of Europeans in Africa and Asia 1450-1800. Ashgate Variorum, vol. 4, 1995. P. 69-83.
Elphick, R., and Hermann Giliomee. The Shaping of South African Society, 1652-1820. Cape Town and London, 1979.
Emmer, P. C. The Dutch in the Atlantic economy, 1580-1880. Trade, slavery and emancipation. London, Variorum, Ashgate, 1998.
Emmer, P. C. & Klooster, W. W. The Dutch Atlantic, 1600-1800: expansion without Empire // Itinerario, vol. XXIII; 2/1999; P. 48-69.
Ephson, I. S. Ancient forts and castles of the Gold Coast (Ghana). Accra (Ghana): Ilen Publications, 1970.
Feinberg, Harvey M. Africans and Europeans in West Africa: Elminans and Dutchmen on the Gold Coast during the eighteenth century // Transactions of the American philosophical society; v. 79, pt. 7 (1989).
Feinberg, Harvey M. New data on European mortality in West Africa: the Dutch on the Gold Coast 1719-1760 // Journal of African History, vol. 15, n° 3, 1974, Cambridge, P. 357-371.
Gerstner, J. Neil. The thousand generation covenant : Dutch Reformed covenant theology and group identity in colonial South Africa, 1652-1814. Leiden, E. J. Brill, 1991.

Guelke, L. Frontier settlement in early Dutch South Africa // Annals of the Association of American Geographers, vol. 66, nє1, march 1976, P. 25-42.
Guelke, Leonard. Freehold farmers and frontier settlers, 1675-1780 / An Expanding World, Vol. 4; Disney, A. Historiorgraphy of Europeans in Africa and Asia 1450-1800, Ashgate Variorum, vol. 4, 1995; P. 174-216. А также в: The shaping of South African Society 1652-1840. Middelton, Connecticut, 1986. P. 66-108.
Guelke, Leonard. The anatomy of a colonial settler population: Cape Colony, 1657-1750 // An Expanding World, Vol. 29; Nizza da Silva, M. B. Historiorgraphy of Europeans in Africa and Asia 1500-1800, Ashgate Variorum, vol. n° 29, 1998; pp. 293-313.А также в: International Journal of African Historical Studies. Vol. 21, n° 3 1988, pp. 453-473.
Jones, Adam (ed.) West Africa in the Mid Seventeenth Century: an anonymous Dutch manuscript. 348 pp.
Kea, Ray A. Settlements, trade and politics in the seventeenth-century Gold Coast. Baltimore, studies in Atlantic history and culture, Johns Hopkins University Press, 1982.
Law , R. Trade and politics behind the Slave Coast: the lagoon traffic and the rise of Lagos, 1500-1800 / An Expanding World, Vol. 27; Forster, R. European and non European societies, 1450-1800, Vol. 1. The long duree, eurocentrism, encounters on the periphery of Africa and Asia. Ashgate Variorum, vol. 27; pp. 275-302. Также в: Journal of African History, vol. XXIV, 1983, pp. 321-348.
Lawrence, A. W. Trade Castles and Forts of West Africa. London, 1963.
Marais, Johannes Stephanus. The Cape Coloured People, 1652-1937. London, Longmans, 1939 (reprint Witwatersrand University Press : 1957, 1968, 1978).
Mc Carter, J. The Dutch Reformed Church in South Africa. With Notices of the Other Denominations. An Historical Sketch, W & C Inglis, 1869.
Monod,Th. L' ile d' Arguin (Mauritanie), essai historique. IICT e CECA. Lisboa, 1983.
Moree, P.J. A coincise history of Dutch Mauritius 1598-1711: a fruitful and healthy land. London, Kegan Paul International & IIAS, 1998.
Ploeger, J. Regiment De Meuron // Military History Journal, Vol. 1 n° 4, June 1969.
Postma, J.M. The Dutch in the Atlantic slave trade 1600-1815. Cambridge, Mass. (USA), Cambridge University Press, 1990.
Raven-Hart, Major R. Before Van Riebeeck - Callers at South Africa from 1488 to 1652. Cape Town, 1967.
Raven-Hart, R. Cape of Good Hope 1652-1702. The first fifty years of Dutch colonisation as seen by callers, 2 vols. Cape Town, A. A. Balkema, 1971.
Ross, Robert. The first two centuries of colonial agricolture in the Cape Colony: a historiographical Review / An expanding world, vol. 25. Settlement patterns in early modern colonization, 16th-18th centuries, 1998, pp. 301-320.
Schutte, Gerrit. Between Amsterdam and Batavia: Cape society and the Calvinist church under the Dutch East India Company // Kronos, Journal of Cape History. N. 25, 1998/1999.
Theal, G. The history of South Africa under the administration of the Dutch East India Company (1652 – 1795), 2 vol. London, Swan Sonnenschein & Co., 1897.
Van Dantzig, A. Les Hollandais sur la cote de Guinée, a l'epoque de l'essor de l'Ashanti et du Dahomey 1680-1740. Paris, Société Franзaise d'Histoire d'Outre-Mer, 1980.
Van Dantzig, A. and Priddy, B. A short history of the forts and castles of Ghana. Accra (Ghana), Liberty Press, 1971.
Villiers, J. de. The Pandour Corps at the Cape during the rule of the Dutch East India Company // Military History Journal, Vol. 3 n° 3, June 1975.
Welch, Sidney R. Portuguese and Dutch in South Africa 1641-1806. Cape Town, Juta & Co. Ltd, 1951.
Yarak, Larry W. Asante and the Dutch 1744-1873. Oxford, Clarendon Press, 1990.

Yarak, Larry W. The Dutch in Nineteenth-Century West Africa: A Report on Research into the Character of the Dutch Imperialism. Lecture at the Centre for the History of European Expansion, University of Leiden, the Netherlands, May 31, 1990.
Yarak, Larry W. Dutch Military Recruitment in the Gold Coast and Asante, 1831-72. Symposium on Source Material for Studying the Slave Trade and the African Diaspora, University of Stirling, Stirling, Scotland, April 13, 1996.

Америка, Карибы, Суринам

Bachman, van Cleaf. Peltries or Plantations: The Economic Policies of the Dutch West India Company in New Netherland, 1623-1639. Baltimore (USA), Johns Hopkins Press, 1969.
Bloom, H. I. M. H. L. A study of Brazilian Jewish history 1623-1654, based chiefly upon the findings of the late Samuel Oppenheim // A.J.H.S. vol. N 33, 1934.
Bonine, Chesleigh A. Archeological Investigations of the Dutch "Swanendael" Settlement Under Devries, 1631-1632 // The Archeolog, N 8, (3) 1956.
Böhm, Günter. The first Sephardic Cemeteries in South America and in the West Indies // Studia Rosenthaliana, vol. 25/1, 1991.
Böhm, Günter. The Synagogues of Surinam // Journal of Jewish Art, vol. 6, 1978.
Boxer, Ch. R. The Dutch in Brazil 1624-1654. London, Oxford University Press, 1957.
Boxer, C.R. In the time of the Flemings: the Dutch in Brazil, 1624-54 // History Today, N 4/3, Mar. 1954, P. 159-168.
Boxer, C.R. The recovery of Pernambuco, 1645-1654 // Atlante, N 2/1, Jan. 1954, P. 1-17.
Bradley, Peter T. The lessons of the Dutch blockade of Callao, 1614 // Revista de Historia de América, N 83, enero/junio 1977, P. 53-68.
Brienen, R. P. Georg Marcgraf (1610-c. 1644) a German Cartographer, Astronomer and Naturalist-Illustrator in Colonial Dutch Brazil // Itinerario, 1/2001, P. 85-122.
Bruyn, Adrienne and Veenstra, Tonjes. The creolization of Dutch // JPCL (Journal of Pidgin and Creole Languages), N 8/1 (April 1993), P. 29-80.
Carmichael, Gertrude. The history of the West Indian Island of Trinidad and Tobago, 1498-1900. London, 1961.
Cohen, David. How Dutch Were the Dutch of New Netherland? // New York History Journal, 1981.
Condon, Thomas J. New York Beginnings: The Commercial Origins of New Netherland. New York, New York University Press, 1968.
Edmundson. The Dutch in Western Guiana // English historical review: 1901 Vol. XVI, P. 640-675.
Edmundson, The Dutch on the Amazon and Negro in the Seventeeth Century // English historical review, 1903, Vol. XVIII, P. 642 - 663 and 1904, Vol. XIX, P. 1- 25.
Edmundson, The Dutch power in Brazil. The struggle for Bahia 1624-1627 // English historical review, 1896 Vol. XI, pp. 231- 259.
Edmundson, The Dutch power in Brazil. The first conquest // English historical review, 1899, Vol. XIV, P. 676 - 699.
Efraim, Frank Martinus. The Kiss of a Slave: Papiamentu's West-Africa Connections. Ph.D. thesis, University of Amsterdam, 1996.
Emmer, Pieter C. The struggle over sugar: the abortive attack of the Dutch on Portugal in the South Atlantic 1600-1650 // Mare Liberum, Revista de Histyria dos Mares, N 13, 1997, P. 59-68.
Fernow, Berthold. New Netherlands Documents: The Records of New Amsterdam: From 1653 to 1674. 7 vols. Genealogical Publishing Co., 1976.
Gehring, Charles T. New Netherlands Documents: Correspondence, 1647-1653, Syracuse University Press, 2000.

Gehring, Charles T. New Netherlands Documents: Council Minutes, 1655-1656, Syracuse University Press, 1995.
Gehring, Charles T. New Netherlands Documents: Fort Orange Court Minutes, 1652-1660, Syracuse University Press, 1990.
Gehring, Charles T. New Netherlands Documents: Fort Orange Records, 1656-1678, Syracuse University Press, 1999.
Gehring, Charles T. New Netherlands Documents: Laws and Writs of Appeal, Syracuse University Press , 1991.
Goslinga, C. Ch. The Dutch in the Caribbean & on the Wild Coast 1580-1680. Assen, Van Gorcum & C, 1971.
Goslinga, C.Ch. The Dutch in the Caribbean and in the Guianas 1680-1791. Assen, Van Gorcum, 1985.
Goslinga, C.Ch. The Dutch in the Caribbean and in Surinam 1791-1942. Assen, Van Gorcum, 1990.
Graves, Anne Victoria Adams. The present state of the Dutch Creole of the Virgin Islands. Phd. Thesis University of Michigan, 1977.
Griffis, W. E. The story of New Netherland. The Dutch in America. Boston/New York, Houghton, 1909.
Hilfman, Rev. P. A. Notes, Jews of Surinam // A.J.H.S. N 16, 1907.
Hilfman, P. A. Some further notes on the history of the Jews in Surinam // A.J.H.S. N 16, 1907.
Hilfman, P. A. Notes on the history of the Jews in Surinam // A.J.H.S. N 18, 1909.
Hiss, Philip Hanson. Netherlands America: the Dutch territories in the West. New York, Duell, Sloan and Pearce, 1943.
Huey, Paul R. The Dutch at Fort Orange // Historical Archaeology in Global Perspective, ed. by Lisa Falk, P. 21-67. Washington and London, Smithsonian Institution Press, 1991.
Hulsman L. Brazilian Indians in the Dutch Republic, The Remonstrances of Antonio Paraupaba to the States General in 1654 and 1656 // Itinerario, international journal on the history of European expansion and global interaction, Vol. 29/1, 2005, P. 51-78.
Innes, J. H. New Amsterdam and Its People. Studies, Social and Topographical, of the Town under Dutch and Early English Rule. New York, Charles Scribner's Sons, 1902.
Jameson, J. Franklin. Narratives of New Netherland 1609-1664. N.Y., Charles Scribner's Sons, 1909.
Jameson, J. Franklin. Willem Usselinx: founder of the Dutch and Swedish West India Companies. NY, Papers Amer Hist Assoc 2(2), 1887.
Klooster, Wim. Illicit riches: Dutch trade in the Caribbean, 1648-1795. Leiden, KITLV Press, 1998.
Kupp, T. J. Fur trade relations, New netherland - New France; a study of the influence exerted by the fur trade interests of Holland and New Netherland on the settlement of New France during the years 1600 to 1664. Ph.D. Thesis University of Manitoba, 1968.
Mordechai, Arbell. Leghorn: center of immigration of the Sephardic Jews to America, 17th century // Los Muestros. The Sephardic Voice, N 36, Sep. 1999.
Mordechai, Arbell. Early relations between the Jewish communities in the Caribbean and the Guianas and those of the near East, 17th to 19th centuries // Los Muestros. The Sephardic Voice, N 38, Mar. 2000.
O'Callaghan, E. B. The History of New Netherland, 2 vols. New York, D. Appleton, 1848.
Oppenheim, Samuel. An early Jewish colony in Western Guiana, 1658-1666 and its relation to the Jews in Surinam, Cayenne and Tobago // A.J.H.S. N 16, 1907.
Oppenheim, Samuel. An early Jewish colony in Western Guiana. Supplemental data // A.J.H.S. N 17, 1909.
Price, Richard. To slay the hydra: Dutch colonial perspectives on the Saramaka Wars. Ann Arbor, (Mich.), Illus. Karoma Publishers, 1983.

Otto, Paul Andrew. New Netherland frontier: Europeans and Native Americans along the lower Hudson River 1524-1664. Ph.D. Thesis Indiana University, 1995.
Rink, Oliver. The people of New Netherland: notes on non-English immigration to New York in the seventeenth century // New York History Journal, 1981.
Rink, Oliver. Holland on the Hudson: The Economic and Social History of Dutch New York. Ithaca and London, 1986.
Shattuck, M. Dickinson. A civil society: court and community in Beverwijck, New Netherland 1652-1664. Ph.D. Thesis Boston University, 1993.
Schomette, Donald G. and Robert D. Haslach. Raid on America: The Dutch Naval Campaign of 1672-1674. University of South Carolina Press, 1988.
Sluiter, Engel. Dutch-Spanish Rivalry in the Caribbean Area, 1594-1609 // Hispanic American Historical Review, vol. 28, no. 2, 1948, May, pp. 165-196.
Teensma, B. N. Take Florida: or the unattended project of a Dutch Sephardi phantast // Itinerario, vol. XXI, 3/1997 pp. 142-150.
Trelease, Allen W. Indian relations and the fur trade in New Netherland 1609-1664. Ph. D. Thesis Harvard University, 1955.
Van der Straaten, Harald S. Brazil - A Destiny: Dutch Contacts through the Ages. The Hague, Government Publishing Office, 1984.
Ward, C. The Dutch and Swedes on the Delaware 1609 – 1664. Philadelphia, University of Pennsylvania Press, 1930.
Weslager, C.A. Dutch explorers, traders and settlers in the Delaware valley 1609-1664. Philadelphia, University of Pennsylvania Press 1961.
Whitehead, P.J. P. & Boseman, M. Portrait of Dutch 17th Century Brazil. Amsterdam/Oxford/N.Y., North-Halland Pub. Co., 1989.
Williamson, J. A. English colonies in Guiana and on the Amazon 1604-1688. Oxford, Clarendon Press, 1923.
Wills, John E. Dutch ships on Mexico's Pacific coast: 1747 // Southern California Quarterly, N 61/4, Winter 1979, P. 337-350.
Wiznitzer, Arnold. Jewish Soldiers in Dutch Brazil, 1630-1654 // Publication of the American Jewish Historical Society, N 46/1, Sept. 1956, P. 40-50.
Wiznitzer, Arnold. The members of the Brazilian Jewish community, 1648-1653// Publication of the American Jewish Historical Society, N 42, 1953.
Wiznitzer, Arnold. The exodus from Brazil and arrival in New Amsterdam of the Jewish pilgrim fathers, 1654 // Publication of the American Jewish Historical Society, N 44, 1954.
Zwierlein, L. D. Religion in New Netherland: A History of the Development of the Religious Conditions in the Province of New Netherland 1623-1664. N.Y., John Smith Printing Co, 1910.

Азия: Ближний Восток, Индия, Цейлон (Шри-Ланка).

Andriesz, G. Ceylon and the Sinhalese // JRASC, Vol. XXXVIII, N 106, 1948, P. 75-83.
Arasaratnam, S. Ceylon and the Dutch, 1600-1800. Variorum, 1996.
Anthonisz, R.G. The Dutch in Ceylon: early visits and settlement in the island. Colombo, C.A.C. press, 1929.
Arasaratnam, S. Dutch power in Ceylon 1658-1687. New Delhi, Navrang, 1988.
Arasaratnam, S. The Dutch East India Company and its Coromandel trade, 1700-1740 / An Expanding World, Vol. 10; Prakash, Om. European commercial expansion in early modern Asia. P. 129-150.
Arasaratnam, Sinnappah. The Coromandel-Southeast Asia Trade 1650-1740 // Journal of Asian History, Vol. 18, 1984, P. 113-135.
Arasaratnam, S. Merchants, Companies and Commerce on the Coromandel Coast, 1650-1740. Delhi, 1986.

Arasaratnam, S. and Aniruddha, R. Masulipatnam and Cambay: a history of two port towns, 1500-1800. New Delhi, Munshiram Manoharlal, 1994.
Baldaeus, Philip. A Description of the great and most famous Isle of Ceylon. Reprint of the 1703 edition, New Delhi-Madras, Asian Educational Services, 1996.
Barendse, R. J. The Arabian Seas, 1640-1700. Leiden, Leiden University, 1998.
Bassett, D. K. Early English trade and settlement in Asia 1602-1690 / Britain and the Netherlands in Europe and Asia, 1968, P. 83-109.
Boudens, R. The Catholics church in Ceylon under the Dutch rule 1658-1796. Bibliotheca Missionalis N 10. Rome, Catholic Book Agency, 1957.
Boxer, C. R. Dutch merchants and mariners in Asia, 1602- 1795. London, 1988.
Boxer, Ch. R. Portuguese and Dutch colonial rivalry 1641-1661 // STUDIA, N 2, 1958, P. 7-42.
Brohier, R. L. Links between Sri Lanka and the Netherlands. A book of Dutch Ceylon. Colombo, Netherlands Alumni Association of Sri Lanka, 1978.
Brohier, Richard Leslie and Raheem, Ismeth. Changing face of Colombo, 1505-1972: Covering the Portuguese, Dutch, and British periods. Colombo (Sri Lanka), Lake House Investments, 1984.
Brohier, Richard Leslie. Discovering Ceylon. Colombo (Sri Lanka), Lake House Investments, 1982.
Brohier, Richard Leslie. De Wolvendaalsche Kerk: a souvenir of the Dutch Church at Wolvendaal, Colombo-Ceylon : built anno 1749. Colombo, 1938 (rev. and re-print 1957).
Brohier, Richard Leslie. Furniture of the Dutch period in Ceylon. Colombo,State Printing Corp., 1978.
Brouwer, C. G. Cowha and Cash: the VOC in Yemen 1614-1655. Amsterdam, D' Fluyte Rarob, 1988.
Brouwer, C. G. Dutch-Yemeni encounters: activities of the United East India Company (VOC) in South Arabian waters since 1614. A collection of studies. Amsterdam, 1999.
Brouwer, C. G. Al-Mukha. Profile of a Yemeni seaport as sketched by servants of the Dutch East India Company (VOC), 1614-1640. Amsterdam, D'Fluyte Rarob, 1997.
Bruijn, J. R. Gaastra, F. S. & Schoffer, I. Dutch-Asiatic shipping in the 17 and 18 centuries, 3 vols. The Hague, M. Nijhoff, 1979.
Caen, A. The capture of Trincomalee A.D. 1639 // Journal of Royal Asiatic Society (Ceylon), N 35, 1887, P. 123-140.
Diehl, K. S. The Dutch press in Ceylon 1734-1796 // The Library Quarterly, Vol. XLII, 1972, P. 329-344.
Diehl, K. S. Printers and Printing in the East Indies to 1850: Europeans and Ceylons from 1505. Aristide D. Caratzas Pub. 1993.
Enriquez, C. M. Ceylon: Past and Present. 1999 (First published London, 1884)
Fernando, C. N. Christianity in Ceylon in the Portuguese and Dutch period // University of Ceylon Review, Vol. VI, 1948, P. 267-288.
Floor, William, The Dutch East India Company (VOC) and Diewel-Sind (Pakistan) in the 17th & 18th centuries, Series No.16. University of Karachi, Institute of Central & West Asian Studies, 1993.
Floor, Willem. Dutch-Persian relations / Encyclopeadia Iranica. Bibliotheca Persica Press, Center for Iranian Studies, Columbia University, New York.
Gaastra, Femme S. The Dutch East India Company and its Intra-Asiatic trade in precious metals / An Expanding World, Vol. 10; Prakash, Om. European commercial expansion in early modern Asia, P. 151-166, А также в: The emergence of a world economy, 1500-1914. Part. 1, Wiesbaden, 1986, P. 97-112.
Glamann, Kristof. Dutch-Asiatic trade 1620-1740. Copenhagen, Danish Science Press, 1958.
Goonewardena, K.W. The foundation of Dutch power in Ceylon 1638-1658. Amsterdam, Djambatan, 1958.

Goonewardena, K.W. Dutch policy toward Buddhism in Sri Lanka: some aspects of its impact 1640-1740 / Asian panorama: essays in Asian history past and present. Delhi, 1990, P. 319-352.
Goonewardena, K.W. Muslims under Dutch rule up to the Mid-eighteenth century / Muslims of Sri Lanka: avenues to antiquity. Beruwala, 1986. P. 189-210.
Goor, J. van. Trading companies in Asia 1600-1830. Utrecht, 1986.
Gupta, Ashin Das. Merchants of maritime India, 1500-1800. Brookfield, Aldershot Variorum, 1994.
Haafner, J. Travels on foot through the island of Ceylon. New Delhi, Asian Educational Services, 1995. (First edition: 1821, London.)
Hamilto, Alastair; De Groot, A.H.; Van den Boogert, M.H. (Editors). Friends and rivals in the East. Studies in Anglo-Dutch Relations in the Levant from the Seventeenth to the Early Nineteenth Century. Leiden, Brill, 2000.
Iyer, S. Krishna. Travancore-Dutch relations, 1729-1741. Trivandrum, (India), CBH Publications, 1995.
Jacob, Hugo K. Rajas of Cochin, 1663-1720: Kings, Chiefs and the Dutch East India Company. New Delhi, Munshiram Monoharlal Publishers, 2000.
Jurriaanse, M.W., Catalogue of the archives of the Dutch Central Government of Coastal Ceylon, 1640-1796. Colombo, Ceylon Gvt. Press, 1943.
Kail, O. C. The Dutch in India. Delhi, MacMillian India Limited, 1991.
Koshy, M.O. The Dutch power in Kerala, 1729-1758. New Delhi, Mittal Publ., 1989.
Lannoy, Mark de. The Kulasekhar Perumals of Travancore. History and State Formation in Travancore from 1671 to 1758. Leiden, Research School CNWS, 1997.
Lewis, John Penry. Dutch Architecture in Ceylon // The Architectural Review, Vols 12 and 15, 1902/1904.
Lewis, Penry. List of inscriptions on tombstones and monuments in Ceylon. Government Record Office, 1913 (New Delhi, Navrang, 1994.)
Nelson W.A. The Dutch forts of Sri Lanka: the military monuments of Ceylon. Edinburgh, Canongate, 1984.
Panikkar K. Malabar and the Dutch: being the history of the fall of the Nayar power in Malabar. Bombay, D.B. Taraporevala Sons & Co, 1931.
Panikkar, K. M. A History of Kerala 1498-1801467. Annamalaingar (India), The Annamalai University, 1960.
Paulusz, J. H. O. The outbreak of the Kandyan-Dutch war of 1761 and the great rebellion // JRASC Vol. III (new series), 1953, P. 29-52.
Peeters, L. and Sannasgala, B. P. Dutch loan words in Sinhala // Spectator, N 5-4, 1976, P. 245-281.
Pieris, P.E. Ceylon and the Hollanders 1658-1796. New Delhi, Navrang 1995.
Pieris, P.E. Some Documents Relating to the Rise of the Dutch Power in Ceylon 1602-1670. From the translation at the India Office. Curzon P.(Records of Asian History),1973, (reprint of 1929 edn.)
Poonen, T. I. Dutch beginnings in India proper 1580-1615. Madras (India), University of Madras, 1933.
Poonen, T.I. Dutch hegemony in Malabar and its collapse 1663 – 1795. Trivandrum (India), University of Kerala, 1978.
Poonen, T. I. Early history of the Dutch factories of Masulipatam and Petapoli 1605-1636. India, 1937.
Prakash, Om. The Dutch East India Company and the economy of Bengal 1630-1720. Princeton, N.J., Princeton University Press, 1985.
Poonen, T.I. A survey of the rise of the Dutch power in Malabar 1603-1678. Trichinopoly (India), St. Joseph's Industrial School Press, 1948.

Prakash, Om, The Dutch factories in India 1617-1623. A collection of Dutch East India Company documents pertaining to India. New Delhi, Munshiram Monoharlal Publishers, 1984.
Prakash, Om. Restrictive trading regimes: VOC and the Asian Spice Trade in the Seventeenth Century / An Expanding World, Vol. 11; Pearson, M. N. Spice in the Indian Ocean world, Ashgate Variorum, vol. 11, 1996, P. 317-336. А также в: Emporia, commodities and entrepreneurs in Asian Maritime Trade, ca. 1400-1750. 1991, З. 107-126.
Qasimi, Sheikh Sultan bin Mohammed Al. Power Struggles and Trade in the Gulf: 1620-1820. Exeter, University of Exeter Press, 1999.
Radwan, A. Bos. The Dutch in western India 1601-1632: a study of mutual accommodation. Calcutta, Firma KLM, 1978.
Rajendran, N. Establishment of British Power in Malabar, 1664 to 1799. Allahabad (India), Chugh Publications, 1979.
Ramachandran, Vaidyanadhan. Communication History of the Dutch in India. Madras, India Artline Printers, 1997.
Raychaudhuri, T. Jan. Company in Coromandel 1605-1690. A study in the interrelation of European commerce and traditional economies. [Verhand.Kon.Inst.Taal-, Land- & Volkenkunde 38], Nijhoff, 1962.
Raven-Hart, R. The Dutch wars with Kandy, 1764-1766. Colombo, Ceylon Historical Manuscripts Commission, Govt. Press, 1964.
Raven-Hart, R. Germans in Dutch Ceylon by Von der Behr 1668, Herport 1669, Schweitzer 1682, Fryke 1692. Colombo, National Museums of Ceylon, Translations Series. vol. 1., 1953.
Raven-Hart, R. Travels in Ceylon 1700-1800 by Wintergerst (1712), Ives (1773), Guyard (1763), Falck (1767), de Jonville (1800). Associated Newswrapss of Ceylon, 1963.
Raven-Hart, R. The war with the Singalese (translated with notes) // Spolia Zeylonica, Volume 29 (2), 1961, P. 315-340.
Remco, Raben. Trade and urbanization: Portuguese and Dutch urban atitudes in Ceylon. Colombo: mirror of colonial mind // Mare Liberum, Revista de Histyria dos Mares, 1997, N. 13, P. 95-117.
Rea, Alexander. Monumental remains of the Dutch East India Company in the Presidency of Madras, Archaeological survey of India-New Imperial series vol. XXV, 1998, (Reprint Madras 1897 ed.).
Roberts, Norah. Galle As Quiet As Asleep. Galle (Sri Lanka), Aitken Spence Printing, 1993.
Thyssen, Jan. The capture of Negombo and Galle by the Dutch in 1640 // Ceylon Literary Register, P. 76-77.
Valentijn, François. François Valentijn's Description of Ceylon. Translated and Edited by Sinnappah Arasaratnam. London, 1978.
Van Goor, Jurrien. Dutch “Calvinists” on the Coromandel Coast and in Sri Lanka // Asia and Europe : commerce, colonialism and cultures : essays in honour of Sinnappah Arasaratnam, ed. M.N. Pearson, I.B. Watson. Armidale, Australia: South Asia studies association, 1996, P. 133-142.
Van Santen, H. W. Trade between Mughal India and the Middle East, and Mughal monetary policy, c. 1600-1660 / An Expanding World, Vol. 10; Prakash, Om. European commercial expansion in early modern Asia, P. 167-176; а также в: Asian trade routes. London, 1991, P. 87-95.
Winius, G. D. and Vink, M. The merchant-warrior pacified, the VOC and its changing political economy in India. Delhi, Oxford University Press, 1991.

Азия: Индокитай, Индонезия, Дальний Восток

Andaya, Barbarba Watson. Melaka under the Dutch 1641-1795 / Melaka-The Transformation of a Malay Capital c. 1400-1980, Vol.1, Ed. by Kernial Singh Sandhu, Paul Wheatley, P. 195-241.

Andaya, Leonard Y. The world of Maluku: Eastern Indonesia in the early modern period. Honolulu, University of Hawaii Press, 1993.
Andaya, Leonard. Unravelling Minangkabau ethnicity // Itinerario. European Journal of Overseas History, vol. XXIV, N 2/2000. P. 20-43.
Andrade, T. Political spectacle and colonial rule: the Landdag on Dutch Taiwan, 1629-1648 // Itinerario, vol. XXI, 3/1997, P. 57-93.
Arasaratnam, S. Dutch commercial policy and interests in the Malay peninsula, 1750-1795 / An Expanding World, Vol. 10; Prakash, Om. European commercial expansion in early modern Asia, P. 177-207. А также в: The age of partnership, Europeans in Asia before dominion. Honolulu, 1979, P. 159-189.
Bassett, D. K. The trade of the English East India Company in the Far East, 1623-1684 / An Expanding World, Vol. 10; Prakash, Om. European commercial expansion in early modern Asia, P. 208-236. А также в: Journal of the Royal Asiatic Society of Great Britain and Ireland, 1960, P. 32-47 and 145-157.
Blusse, Leonard. Strange company: Chinese settlers, Mestizo women, and the Dutch in VOC Batavia. Dordrecht-Holland, Foris Publications, 1986.
Booth, Anne and O'Malley, W. J. Indonesian Economic History in the Dutch Colonial Era. Monograph Series, No. 35, Yale Univ Southeast Asia Studies, 1990.
Boxer, C. R. Jan Compagnie in Japan, 1600-1817. An Essay on the Cultural Artistic & Scientific Influence Exercised by the Hollanders in Japan From the 17th to the 19th Century. (Nijhoff, 1950, The Hague). Tokyo, New York, Oxford University Press, 1968.
Boxer, Ch. R. Nagasaki colour-prints c.1750-1850. Connoisseur, 1936.
Brummelhuis, Han ten. Merchant, Courtier and Diplomat: A History of the Contacts between The Netherlands and Thailand. Lochem and Gent, Uitgeversmaatschappij de Tijdstroom, 1987.
Campbell, W. M. Formosa under the Dutch: described from the contemporary records with explanatory notes and a bibliography of the island. London, Kegan Paul Trench Trubner, 1903; Taipei, Ch'eng Wen Publ.Co, 1972 (2 ed.).
Coolhaas, W. Ph. Malacca under Jan van Riebeeck // Journal of the Malayan Branch of the Royal Asiatic Society,Vol 38, pt.2 (1965). P. 173-182.
Das Gupta, Arun. The maritime trade of Indonesia 1500-1800 / An Expanding World, Vol. 10; Prakash, Om. European commercial expansion in early modern Asia. P. 81-116. А также в: India and the Indian Ocean 1500-1800. Calcutta, 1987, P. 240-275.
Groeneboer, Kees. Gateway to the West: The Dutch Language in Colonial Indonesia 1600-1950. A History of Language Policy. Amsterdam, Amsterdam University Press, 1998.
Hanna, Willard A. Indonesian Banda: Colonialism and its aftermath in the nutmeg islands. Philadelphia, ISHI, 1978.
Harrison, Brian. Holding the Fort: Melaka Under Two Flags, 1795-1845. Kuala Lumpur, The Malaysian branch of the Royal Asiatic Society, 1985.
Knaap, G. J. Crisis and failure: war and revolt in the Ambon Islands 1636-1637 / An expanding world, vol. 24 Warfare and empires. P. 151-176, Ashgate Variorum, 1997.
Leupe, P.A. The seige and capture of Malacca from the Portuguese in 1640-1641 // JMBRAS, vol, 14, pt. 1 (1936). P. 1-176.
Lewis, Dianne. Jan compagnie in the straits of Malacca, 1641-1795. Athens, Ohio, Ohio University Center for International Studies, 1995.
Loth, Vincent C. Armed incidents and unpaid bills: Anglo-Dutch rivalry in the Banda Islands in the seventeenth century // Modern Asian Studies Vol. 29 (4), 1995, P. 705-740.
Maxwell, W.E. The Dutch in Perak // JSBRAS, 10, 1882, P. 245-268.
Meilink-Roelofsz, M. A. P. Asian Trade & European Influence in the Indonesian Archipelago Between 1500 & about 1630. The Hague, Martinus Nijhoff, 1962.
Nas, P. J. M. The colonial city. Yogyakarta, Palembang, Old Batavia, Mamado, Lasem. Leiden, 1997.

Nas, P. J. M. Miniature of Manado. Images of a peripheral settlement // Minasha Past and Present" 1995, P. 58-71.
Paske-Smith, M. Western Barbarians in Japan and Formosa in Tokugawa days 1603-1868. Kobe (Japan), Thompson, (1930).
Playford, Phillip. Carpet of silver: the wreck of the Zuytdorp. Perth (Australia), University of Western Australia Press, 1996-1998.
Prakash, Om. Trade in a culturally hostile enviroment: Europeans in the Japan trade, 1550-1740 / An Expanding World, Vol. 10; Prakash, Om. European commercial expansion in early modern Asia, P. 117-128. А также в: Clashes of culture: essays in honour of Niels Steensgaard, Odense, 1992, P. 245-254.
Reid, Anthony. Southeast Asia in the Age of Commerce 1450-1680, Volume 1: The Lands Below the Winds. New Haven, Yale University Press, 1988.
Reid, Anthony. Southeast Asia in the Age of Commerce 1450-1680, Volume 2: Expansion and Crisis. New Haven, Yale University Press, 1993.
Reid, Anthony. Southeast Asia in the Early Modern Era: Trade, Power and Belief. Ithaca, New York, Cornell Univ. Press, 1993.
Ricklefs, Merle. Balance and military innovation in 17th century Java / An expanding world, vol. 24 Warfare and empires, 1997, pp. 101-108; а также в: History Today. XL, 1990, P. 40-46.
Sandhu K. and Wheatley P. Melaka: The Transformation of a Malay Capital c. 1400 – 1980, 2 vols, Kuala Lumpur, Institute of Southeast Asian Studies, 1983.
Sigmond, J. P. and Zuiderbaan, L. H. Dutch discoveries of Australia: shipwrecks, treasures and early voyages off the West Coast. Adelaide (Australia), 1979 (1st English edition of the 1976 original Dutch title "Nederlanders Ontdekken Australie").
Smith, George Vinal. The Dutch in seventeenth-century Thailand. Center For Southeast Asian Studies, Special Report No. 16. Detroit, Northern Illinois University, 1977.
Smith, W. H. The Portuguese in Malacca during the Dutch period // STUDIA, 1961, N 7. P. 87-106.
Taylor Gelman, Jean. The social world of Batavia European and Eurasian in Dutch Asia. Madison, Wis. & London, University of Wisconsin Press, 1983.
Tooley, Ronald Vere. Early maps of Australia The Dutch Period. London, Map Collectors' Circle, 1965.
Van Der Kraan, A. On Company business: the Rijckloff van Goens mission to Siam, 1650 // Itinerario, vol. XXII, 2/1998. P. 42-84.
Van Der Kraan, A. The Dutch in Siam: Jeremias van Vliet and the 1636 Incident at Ayutthaya // UNEAC, Asia Papers, N 3/2000. P. 1-14.
Van Der Kraan, A. At the Court of King Prasat-Thong: An Early 17th Century Account by Jeremias van Vliet // UNEAC, Asia Papers, N 3/2000, P. 15-51.
Van Dyke, Paul A. How and why the Dutch East India Company became competitive in intra-Asian trade in East Asia in the 1630s // Itinerario, vol. XXI, 3/1997, P. 41-56.
Van Goor, Jurrien. Merchant in royal service: Constant Phaulkon as Phraklang in Ayuthaya 1683-1688 / An Expanding World, Vol. 4; Disney, A. Historiorgraphy of Europeans in Africa and Asia 1450-1800, vol. 4, 1995. P. 265-288.
Van der Putten, Frans-Paul. Small powers and imperialism: the Netherlands in China, 1886-1905 // Itinerario, vol. XX, 1/1996, P. 115-131.
Van Veen, Ernst. How the Dutch ran a seventeenth-century colony: the occupation and loss of Formosa, 1624-1662 // Itinerario, vol. XX, 1/1996, pp. 59-77.
Veur, Paul van der. The Eurasians of Indonesia: a political-historical bibliography. Ithaca, N.Y., Modern Indonesia Project, Cornell University, 1971.
Villiers, John. Trade and society in the Banda islands in the sixteenth century // Modern Asian Studies, Vol. 15 (4), 1981, P. 723-750.

Vis, Laurens. The Stadthuys of Malacca: restoration proposal. Kuala Lumpur, National Museum, 1982.
Vlekke, B. H. M. Nusantara. A history of the East Indian archipelagoes. Cambridge, Massachusetts, 1945.
Yung-ho, Ts'ao. Taiwan as an entrepot in East Asia in the seventeenth century // Itinerario, vol. XXI, 3/1997, P. 94-114.
Walker-Birckhead, W. Paying our way: private and public meanings of migration // The Australian Journal of Anthropology, 1998, January.

ПОРТУГАЛЬСКАЯ КОЛОНИАЛЬНАЯ ИМПЕРИЯ

Отечественные работы

Альперович, М.С. Тордесильясский договор и его последствия // Лат. Америка = America Latina. М., 1995. N 4. С. 123-126.
Зотов, Н.М. Португальский колониализм и борьба народов Анголы и Мозамбика за независимость // Вопр. истории. М., 1987. N 2. С. 33-49.
Котовская, М.Г. Проблема взаимодействия культур в Бразилии // Америка после Колумба: взаимодействие двух миров. М., 1992. С. 171-180.
Латинская Америка в исторической ретроспективе XVI - XIX вв: Материалы Всесоюз. конф., Москва, 14 - 16 мая 1990 г. / РАН. Ин-т всеобщ. истории, Центр латиноамер. исслед.; Редкол.: Созина С.А. (отв. ред.) и др. М., 1994. (К 500-летию открытия Америки)
Лоуренсу, Э. "Лузиады": через пространство и время // Курьер ЮНЕСКО.М.; Париж, 1989. Г. 42, N 5. С.26-27.
Митрохин, Л.В. Индийские историки о роли инквизиции в Гоа в насаждении идеологии католицизма в Индии XVI-XIX вв // Общественная мысль Индии. М., 1989. С. 179-203.
Пачеко Амарал, К. Корни автономии и идентичности общества Азорских островов // Россия и Европа: грани межкультурной коммуникации. М., 2005. С. 320-348.
Рользинг, С.К. Англо-германские переговоры о судьбе португальских колоний в Африке и их влияние на взаимоотношения двух стран накануне первой мировой войны (1911-1914 гг.) / Том. гос. ун-т им.В.В.Куйбышева. Томск, 1992.
Соболева, Е.С. Макао и Тимор - последние анклавы бывшей португальской колониальной империи // Политическая история и историография: От античности до современности: Сб. науч. ст. Петрозаводск, 2000. Вып. 3. С. 77-88.
Соболева, Е.С. О принципах ранней португальской колонизации (на примере Гоа) // Проблемы истории, филологии, культуры. М.; Магнитогорск, 1996. Ч. 1. История. Вып.3. С. 166-172.
Соболева, Е.С. Особенности колониальных войн на Португальском Тиморе // Лат. Америка = America Latina. М., 2003. N 3. С. 79-87.
Солодкова, О.Л. Католические миссионеры на службе колониальной экспансии европейских стран в Южной Азии в середине XVI - начале XVII вв: Автореф.дис. ... канд.ист.наук / АН СССР. Ин-т востоковедения. М., 1988.
Хазанов, А.М. Аффонсу де Албукерки - создатель португальской колониальной империи // Новая и новейшая история. М., 2002. N 3. С. 78-92.
Хазанов, А.М. "Битва трех королей" // Военно-исторический архив. М., 2001. Вып. 7. С. 142-154.
Хазанов, А.М. Гунгуньяна и португальский колониализм (конец XIX в.)// Европа, США и колониальный мир. М., 1988. С. 98-121.
Хазанов, А.М. Историография португальского колониализма в Африке // Новая и новейшая история. М., 1988. N 6. С. 56-71.
Хазанов, А.М. Кто открыл Бразилию? // Новая и новейшая история. М., 2005. N 1. С. 163-171.
Хазанов, А.М. "Открытие" португальцами Цейлона в XVI веке // Новая и новейшая история. М., 2007. N 1. С. 198-210.
Хазанов, А. Особенности английского и португальского колониализма: Сравнительный анализ) // Обозреватель = Observer. М., 2007. N 4. С. 121-126.
Хазанов, А.М. Португальцы и мусульмане (XV - начало XVI в.) // Российское востоковедение в память о М.С. Капице : Очерки, исследования, разработки. М., 2001. С. 201-235.

Хазанов, А.М. Португальская экспансия в Марокко в XVI веке : По материалам архива Торре ду Томбу в Лиссабоне // Куда идешь, Африка? : Ист.-полит. этюды. М., 2004. С. 73-81.
Черных, А.П. Проблема суверенитета Португалии в политической полемике середины XVII века // Процессы взаимозависимости и интеграции в Европе. М., 1995. С. 18-32.
Червонов, С.Д. Внешняя политика и колониальная экспансия средневековой Португалии в трудах русских и советских историков // Историография проблем международных отношений и национальных движений в зарубежных странах. М., 1987. С. 157-163.
Щелчков, А.А. Первоначальный этап португальской экспансии в Атлантике в XV веке // Латинская Америка в исторической ретроспективе XVI-XIX вв. М., 1994. С. 142-150.
Эанеш, Р. Португалия: за "каравеллами прошлого" // Россия в глобальной политике. М., 2005. Т. 3, N 6. С. 39-47.

Империализм. Общие и теоретические работы.

Albuquerque, Luís de (ed.) Portugal no Mundo. 6 vols. Lisboa, 1989, 1990, 1991.
Albuquerque, Luís de (ed.). Duvidas e certezas na historia dos Descobrimentos Portugueses. 2 voll. Lisboa, 1991.
Alden, Dauril. The Making of an Enterprise: The Society of Jesus in Portugal, Its Empire, and Beyond, 1540-1750. Stanford University Press, 1996.
Baiao, A.; Cidade, H.; Murias, M. Historia da expansao portuguesa no mundo. In 3 vols. Lisbon, 1937-1940.
Boxer, Ch. R. The Portuguese Seaborne Empire, 1415-1825. London, 1991.
Boxer, Ch. R. O Imperio Colonial Portugues 1415-1825. Lisboa, 1981.
Boxer, Ch. R. Race relations in the Portuguese Colonial Empire 1415-1825. Porto, 1988.
Boxer, Ch. R The problem of the native clergy in the Portuguese and Spanish Empires from the sixteenth to the eighteenth centuries / An Expanding World" Vol. 28; Cummins, J. S. Christianity and Missions 1480-1800. Ashgate Variorum, vol. 28; P. 175-195. А также в: Studies in Church History VI: the mission of the Church and propagation of the Faith. London, 1970, P. 85-105.
Boxer , Ch. R. Some considerations on Portuguese Colonial Historiography / An Expanding World, Vol. 4; Disney, A. Historiorgraphy of Europeans in Africa and Asia 1450-1800, Ashgate Variorum, vol. 4, 1995; P. 27-38.
Boxer, Ch. R. Mary and Misogyny. Women in Iberian Expansion Overseas, 1415-1815. Some Facts, Fancies and Personalities. NY, 1975.
Boxer , Ch. R. The Church Militant & Iberian Expansion, 1440-1770 (Johns Hopkins Symposia in Comparative Hi Series).
Castro Brandão, Fernando de. História da expansão portuguesa, 1367-1580: uma cronologia. Odivelas, 1995.
Cortesao, Armando, and Avelino Teixeira da Mota. Portugaliae Monumenta Cartographica. 6 vols. Comissão Executiva das Comemorações do V Centenario da Morte do Infante D. Henrique. Lisbon, 1958-1962.
Cortesão, Jaime. História da expansão portuguesa. Lisboa, 1993.
Cusati, Maria Luisa. Il Portogallo e i mari: un incontro tra culture : Congresso internazionale, Napoli, 15-17 dicembre 1994. 3 voll. Napoli, 1997.
Daviken Studnicki-Gizbert. A Nation upon the Ocean Sea: Portugal's Atlantic Diaspora and the Crisis of the Spanish Empire, 1492–1640. Oxford: Oxford University Press, 2007.
Diffie, B. W. & Winius, G. D. Foundations of the Portuguese empire 1415-1580. Minneapolis, 1977.
D'Orsey, Rev. Alex J. D. Portuguese Discoveries Dependencies and Missions in Asia and Africa. First published by W.H. Allen and Co. Ltd in 1893. Reprint.1998.
Frank, Andre Gunder. World Accumulation, 1492-1789. Monthly Review Press, 1978.

Frank, Andre Gunder. ReORIENT: Global Economy in the Asian Age. University of California Press, 1998.
Frank A. G. and Gills, B. (eds.). The World System: Five Hundred Years or Five Thousand Years? Routledge, 1996.
Humble, Susan. Prestige, ideology and social politics: the place of the Portuguese overseas expansion in the policies of Dom Manuel, 1495-1521 // Itinerario, vol. XXIV; 2000/1. P. 21-43. Leiden University.
Israel, J. I. Dutch primacy in world trade, 1585-1740. Oxford University Press, 1989.
Israel, J. I. Empires and Entrepots: The Dutch, the Spanish Monarchy, and the Jews, 1585-1713. Continuum International Publishing Group, 1990.
Israel, J. I. (ed.) The Anglo-Dutch Moment: Essays on the Glorious Revolution and Its World Impact. Cambridge University Press, 2003.
Jones, E. L. Coming Full Circle: An Economic History of the Pacific Rim. Westview Press, 1993.
Kirkman, J. Fort Jesus: a Portuguese fortress on the East African coast. London, Oxford University Press, 1974.
Lannoy, Charles, de and Vander Linden, Herman. Histoire de l'expansion coloniale des peuples européens. Portugal et Espagne (jusuq'au début du XIXe siècle). Bruxelles, 1907.
Magalhaes-Godinho, Vitorino. L'economie de l'Empire portugais aux 15 et 16 siecles. Paris, 1969.
Moreira, Rafael. Portugal no mundo: história das fortificacoes portuguesas no mundo. Lisboa, 1989.
Newitt, M. The First Portuguese Colonial Empire. Northwestern University Press, 1986.
Newitt, M. Prince Henry and the origins of European Expansion / An Expanding World, Vol. 4; Disney, A. Historiorgraphy of Europeans in Africa and Asia 1450-1800. Ashgate Variorum, vol. 4, 1995, P. 85-111.
Olson J. S. et al (eds.). Historical Dictionary of European Imperialism. Greenwood Publishing Group, 1991.
O'Malley, John W. The First Jesuits. Harvard University Press, 1993.
Pryor, J. H. Geography, Technology, and War: Studies in the Maritime History of the Mediterranean, 649-1571. Cambridge University Press, 1992.
Russell Wood, A. J. R. A world on the move the Portuguese in Africa, Asia and America 1415-1808. St. Martin's Press, 1992.
Scammell, G. V. The First Imperial Age: European Overseas Expansion c. 1400-1715. Routledge, 1989.
Scammell, G. V. The World Encompassed: The First European Maritime Empires c. 800-1650. Taylor & Francis, 1981.
Sherif, A. Slaves, Spices, & Ivory in Zanzibar: Integration of an East African Commercial Empire Into the World Economy, 1770-1873. J. Currey, 1987.
Silveira, Luis. Ensaio de iconografia das cidades portuguesas do ultramar. 4 vols. Lisboa. Junta de Investigaçoes do Ultramar, 1950-1955.
Thomaz, Luis Filipe. De Ceuta a Timor. Lisbon, Editora DIFEL, 1994.
Tracy, J. D. (ed.). The Political Economy of Merchant Empires: State Power and World Trade, 1350-1750. Cambridge University Press, 1997 (1991).
Van Wickeren, Arnold. Geschiedenis van Portugal en van de Portugezen overzee: de Estado da India onder gouverneur-generaal Afonso de Albuquerque (4 Nov. 1509 - 16 Dec. 1515). Vol. V. Alkmaar, Hogeschool Alkmaar, 1999.
Van Wickeren, Arnold. Geschiedenis van Portugal en van de Portugezen overzee: de Maritieme expansie in Afrika en in de Nieuwe Wereldonder het bewind van Manuel o Afortunado (1495-1521); het Imperio Portugues do Oriente in de jaren 1515-1521; het Portuguese gezantschap naar Ethiopie (1520-1526). Vol. VI.Alkmaar, 2000.
Van Wickeren, Arnold. Geschiedenis van Portugal en van de Portugezen overzee: Capita

Selectya uit vier eeuwen (1128-1521); Portugese geschiedenis; de reis van Fernao de Magalhaes. Vol. VII. Alkmaar, 2000.

Империя колониальная

Африка

Abungu, J. Forte Jesus de Mombaça: poder, autoridade, conflito // Oceanos, N 28, Oct/Dec. 1996 P. 96-102.
Axelson, Eric. South-East Africa, 1488-1530. London, 1940.
Axelson, Eric. Portuguese in South-East Africa, 1488-1600. Cape Town, Struik, 1973.
Axelson, Eric. Portuguese in South-East Africa, 1600-1700. Johannesburg, Witwatersrand University Press, 1969.
Barreto, João. História da Guiné, 1418-1918. Lisboa, 1938.
Bato'ora Ballong -Wen-Mewuda, J. Sao Jorge da Mina 1482-1637, 2 voll. Lisboa-Paris, Fondation Calouste Gulbenkian-C.N.p.l.C.d.D.P., 1993.
Bato'ora Ballong -Wen-Mewuda, J. A fortaleza de Sao Jorge da Mina: testemunho da presença portuguesa na cosa do Golfo da Guiné do século XV ao século XVII // Oceanos, N 28, Oct/Dec. 1996. P. 27-39.
Birmingham, David. The Portuguese Conquest of Angola. London, Oxford University Press, 1965.
Blake, John W. O Castelo de São Jorge da Mina or Elmina Castle - Reflections on its History Under the Portuguese Arising from Some Recent Advances in Knowledge / Vice-Almirante A. Teixeira da Mota: In Memoriam. Lisboa, Academia de Marinha / IICT, 1988, vol. I, P. 391-404.
Bonne, J. and Redman, Ch. Qsar es Seghir (Alcacer Ceguer): a 15th. and 16th. century Portuguese colony in North Africa // STUDIA, 1979, N. 41-42, P. 5-50.
Boubacar, Barry. La Senegambie sous le monopole du commerce Portugais au XV-XVI siecles // STUDIA, 1989, N 47, P. 229-244.
Boucharb, Ahmed. A importância de Safi no Império Comercial Português. In: Mare Liberum, Revista de História dos Mares, N 7, 1994.
Boulegue, Jean. L'impact économique et politique des navigations Portugaises sur les peuples cotiers. Le cas de la Guinée du Cap Vert (XV-XVI siecles). Lisbon, Instituto de Investigaçao Cientifica Tropical, 1988.
Boulegue, Jean. Les Luso-Africans de Senégambie, XVI-XIX siècles. Dakar, 1972.
Boxer, Ch. R. Salvador de Sa and the struggle for Brazil and Angola 1602-1686. London, Athlone Press, 1952.
Boxer,Ch.R.; Azevedo, C. de. A fortaleza de Jesus e os Portugueses em Mombaça 1593-1729. Lisboa, Centro de Estudos Historicos Ultramarino, 1960.
Boxer, Ch. R. Moçambique island and the Carreira da India // STUDIA, 1961, N 8, P. 95 - 132.
Brooks, George E. Luso-African commerce and settlement in the Gambia and Guinea Bissau region. Boston, 1980.
Cadornega, Antonio de Oliveira de. Historia geral das guerras Angolanas, 1680. 3 vols. Lisboa, 1972.
Carabelli, Romeo. L'espace luso-marocain: le cas du quartier portugais d'El-Jadida. Tours, Université François Rabelais, 1993.
Carabelli, Romeo. The changing role of portuguese heritage along Marocco's Atlantic coast. Seminario: I.G.U. (International Geographical Union) Regional Conference, Lisbona, 1998.
Carabelli, Romeo. Monuments historiques et territoire: l'héritage architectural lusitanien au Maroc. Nel quadro del programma di ricerca "Le(s) patrimoine(s) dans la ville: de la construction des savoirs aux politiques de sauvegarde". Rabat, 1997.

Carabelli, Romeo. Le fortificazioni portoghesi in Marocco. Nel quadro del ciclo di incontri promosso dalla Sezione Lombardia dell'Istituto Italiano dei Castelli, Museo della Fabbrica del Duomo, 1997, Milano, Italia.
Carabelli, Romeo. Mazagão, un fossile vivant / Seminario Réseaux Architectures Exportées, 1995, Tours.
Carabelli, Romeo. Sulla presenza portoghese lungo la costa atlantica del Marocco // Studi Castellani Lombardi - I quaderni della Sezione Lombardia, N. 7, P. 9-18, Istituto Italiano dei Castelli, 1998, Roma.
Caraman, P. The lost Empire: the story of the Jesuits in Ethiopia, 1555-1643. University of Notre Dame, 1985.
Carreira, Antonio. Os portugueses nos rios de Guiné, 1500-1900. Lisbon, 1984.
Carvalho, Vasco de. La domination portugaise au Maroc du XVème au XVIIIème siècle 1415-1769. Lisbon, 1942.
Casal, A. Y. A expansao maritima Portuguesa no Indico e as transformaçoes culturais ao norte de Moçambique. O caso Makwa // Oceanos. N 34; Apr/Jun. 1998; P. 142-150.
Castanhoso, Miguel. Historia das cousas que o mui esforçado capitão Dom Cristovão da Gama fez nos reinos do Preste João com quatrocentos portugueses que consigo levou. Lisboa, Pub. Europa-América, Col. A Aventura Portuguesa, 1988.
Chrystello Tavares, A. J. Marcos fundamentais da presença portuguesa no Daomé. Lisboa, Universitaria Editora, 1999.
Correia e Silva, Antonio. A construçao do Atlantico e as cidades-porto Cabo-Verdianas // Oceanos, N 41, 2000.
Delgado, Ralph. Aspectos sociais e ecologicos de colonizaçao de Benguela / O Centro de Estudos Historicos Ultramarinos e as Comemoraçao Enriquinas, Lisbon, 1961.
Decorse, Christopher. An Archaeology of Elmina: Africans and Europeans on the Gold Coast, 1400-1900. Smithsonian Institution Press, 2001.
Dias Farinha, A. Historia de Mazagao durante o periodo Filipino // STUDIA, 1969, N. 26, P. 179- 346; STUDIA, N. 27/ P. 281-424.
Dias, Pedro. As fortifacaçoes portuguesas da cidade magrebina de Safi // Oceanos, N. 28 Oct/Dec. 1996, P. 10-22.
Diop, M. Adama. Caracteres et signification spatio-temporal du patrimonie bati lusitain en Senegambie. XV-XVII siecles // Studia, N 52, 1994, P. 24-48.
Ephson, I. S. Ancient forts and castles of the Gold Coast (Ghana). Accra, 1970.
Fernandes, J. M. Luis Benavente e as fortalezas de Africa (1956-1973 // Oceanos, N. 28 Oct/Dec. 1996, P. 41-52.
Ferreira, A. Rita. African kingdoms and alien settlements in Central Mozambique (c. 15th-17th Cent.). Coimbra, Universidade de Coimbra, 1999.
Ferreira, F. Palyart Pinto. Os Portugueses na Etiopia. Lisboa, 1935.
Ferro, G. Le navigazioni lusitane nell' Atlantico e Cristoforo Colombo in Portogallo. Milan, 1984.
Figanier, Joaquim. História de Santa Cruz do Cabo de Gué (Agadir) 1505-1541. Lisboa, 1945.
Freeman-Grenville, G. S. P. Mombasa Rising against the Portuguese, 1631. David Brown Bk. Co., 1980.
Freeman-Grenville, G. S. P. The Portuguese on the Swahili Coast: buildings and language // STUDIA, 1989, N 49, P. 235-253.
Garlake, P. S. Seventeenth century Portuguese earthworks in Rhodesia // South African Arch. Bull. 1966, N 84, P. 157-170.
Gray, J. Early Portuguese Missionaries in East Africa. Macmilland and Co., 1958.
Giordano, Rosario. Religione e politica nel confronto tra missionari cattolici e brasiliani a Ouidah, 1861-1871 // Africa, 1998, LIII, 2, P. 239-257.
Goulven, Joseph. La Place de Mazagan sous la Domination Portugaise (1502-1769). Paris,

1917.
Goulven, Joseph. Safi - au Vieux Temps des Portugais. Lisboa, 1938.
Hair, P.E.H. Hamlet in an Afro-Portuguese Setting: New Perspectives on Sierra Leone in 1607 / History in Africa, Vol. 5The State University of New Jersey, New Brunswick, 1978, P. 21-42.
Historia Geral de Cabo Verde. Vol.1. Lisbon, C.E.H.C.A., I.I.C.T. & Direcçao Geral do Patrimonio Cultural de Cabo Verde, 1991.
Iria, Alberto. Da fundaçao e governo do Castelo ou Fortaleza de Sao Jorge da Mina pelos Portugueses e da sua acçao missionaria apos o descobrimento desta costa // STUDIA, 1958, N 1, P. 26-69.
Kirkman, J. Fort Jesus: a Portuguese fortress on the East African coast. London, Oxford University Press, 1974.
Ladron de Guevara, Adolfo. Arcila durante lo ocupacion portuguesa (1471-1549). Tanger, Imprenta Africa, 1940.
Law , R. Trade and politics behind the Slave Coast: the lagoon traffic and the rise of Lagos, 1500-1800 // Journal of African History, vol. XXIV, 1983, P. 321-348.
Lawrence, A. W. Trade Castles and Forts of West Africa. London, 1963.
Leitao, Humberto. As duas viagens de Cadamosto a Africa Ocidental 1455-1456 / O Centro de Estudos Historicos Ultramarinos e as Comemoraçao Enriquinas, 1961, 1.
Leitao, Humberto. Os dois descobrimentos da Ilha de Sao Lourenço, mandados fazer pelo Vice-Rei D. Jeronimo de Azevedo nos anos de 1613 a 1616. Lisbon, Centro de Estudos Historicos Ultramarinos, 1970.
Lima, Durval Pires de. História da Dominação Portuguesa em Çafim, 1506-1542. Lisboa, Imprensa Lucas, 1930.
Lopes, David. História de Arzila Durante o Domínio Português (1491-1550 e 1577-1589). Imprensa da Universidade. Coimbra, 1925.
Madeira Santos, Maria Emilia. Viagens de exploraçao terrestre dos Portugueses em Africa. Lisbon, C.E.H.C.A. & I.I.C.T., 1988.
Mark, Peter. The evolution of 'Portuguese' identity : Luso-Africans on the Upper Guinea Coast from the sixteenth to the early nineteenth century // Journal of African History; 40(1999) 2, P. 173-191.
Mark, Peter. Portuguese Architecture and Luso-African Identity in Senegambia and Guinea, 1730-1890 / History in Africa ,Vol. 23. The State University of New Jersey, New Brunswick, NJ., 1996 pp. 179-196
Mark, Peter. A Cultural, Economic, and Religious History of the Basse Casamance since 1500. Wiesbaden, Steiner, 1985.
Mark, Peter. Constructing Identity: Sixteenth- and Seventeenth-Century Architecture in the Gambia-Geba Region and the Articulation of Luso-African Ethnicity / History in Africa. Vol. 22, The State University of New Jersey,1995. P. 307-327.
Mauro, F. Le Portugal et l'Atlantique aux 17 siecle, 1570-1690: étude économique. Paris, SEPVEN, 1960.
Mc Pherson, K. Uma historia de duas conversoes: deus, a cobiça e o desenvolvimento de novas comunidades na regiao do Oceano Indico // Oceanos. N 34; Apr/Jun. 1998. P. 74-85.
Monod, Th. L' ile d' Arguin (Mauritanie), essai historique. Lisboa, 1983.
Moreira, Cecílio. Fortalezas, fortes, fortins e fazendas fortificadas de Mocâmedes no Sul de Angola: subsídios para a histyria de Portugal em Angola // Sep. Rev. Africana, 1991, 8. P. 184-214.
Mota, A. Teixeira da. Duarte Pacheco Pereira - Capitão e Governador de S. Jorge da Mina // Mare Liberum - Revista de Histyria dos Mares, 1990, n. 1, P. 1-28.
Navik, Philip J. Women and trade in the Guinea Bissau region: the role of African and Luso-African women in trade networks from the early 16th to the mid 19th century //Studia, N 52, 1994, P. 82-115.

Nelson, W. A. Fort Jesus of Mombasa. Edinburgh, 1994.
Newitt, M.D.D. Portuguese settlement on the Zambese: Exploration, Land Tenure & Colonial Rule in East Africa.London, 1973.
Newitt, Malyn D.D. A History of Mozambique. London, 1995.
Newitt, M.D.D. The Portuguese on the Zambesi from the Seventeenth to the Nineteenth Centuries / An expanding world, vol. 25 "Settlement patterns in early modern colonization, 16th-18th centuries." Ashgate Variorum, 1998, P. 279-300.
Newitt, M.D.D. The Portuguese on the Zambesi: an historical interpretation of the Prazo system // Journal of African History, vol.10, 1969, N 1, P. 67-85.
Newitt, M. O impacto dos Portugueses no comercio, politica e estruturas de parentesco da Africa Oriental no seculo XVI // Oceanos, N 34; Apr/Jun. 1998. P. 62-72.
Nobrega Moita, I. de. Os Portugueses no Congo 1482-1520 // STUDIA, 1959, N 3, P. 7-35.
Parreira, Adriano. A primeira conquista de Benguela // Historia, vol. XII, n 128; May 1990. P. 65-68.
Pearson, M. N. Port cities and intruders: the Swahili Coast, India and Portugal in the Early Modern Era. Baltimore and London, The Johns Hopkins University Press, 1998.
Penrad, J. C. O encontros dos mundos. Islamismo, redesde confrarias e competiçao na Africa Oriental // Oceanos, N 34; Apr/Jun. 1998. P. 132-140.
Pezzoli, G. & Brena, D. Forti e castelli di tratta. Centro Studi Archeologia Africana. Milano, 1990.
Radulet, Carmen. As viagens de Diogo Cao: um problema ainda em aberto. Lisbon, Instituto de Investigaçao Cientifica Tropical, 1988.
Radulet, Carmen. As viagens de descobrimento de Diogo Cao, nova proposta de interpretaçao // Mare Liberum, Revista de Histyria dos Mares, 1990, N 1, P. 175-199.
Rainero, R. La scoperta della costa occidentale d'Africa. Milan, Marzorati Editore, 1970.
Randles, W. G. L. L' antico regno del Congo. Milan, Jaka Book, 1979.
Raven-Hart, Major R. Before Van Riebeeck - Callers at South Africa from 1488 to 1652. Cape Town, C. Struik (Pty.) Ltd., 1967.
Rea Francis, W. The economics of the Zambezi missions, 1580-1759. Roma, Institutum Historicum S. I., 1976.
Rodney, Walter. Portuguese attempts at monopoly on the Upper Guinea Coast, 1580-1650 // Journal of African History, VI, N. 3, 1965, P. 307-322.
Sanceau, E. Castelos em Africa (Morocco). Porto, Livraria Civilizaçao, 1961.
Sarmento, A. Portugal no Dahomé. Lisbon, Estudos Coloniaes, 1891.
Silva Goncalves, Nuno. The Jesuitas and the mission of Cape Verde 1604-1642. Thesis Pontificia Universitas Gregoriana, 1995.
Silva Rego, A. da. A dupla restauracao de Angola 1641-1648. Lisboa, 1948.
Souto, Meyrelles do. Hystoria dos cercos que os Olandeses puzerao a fortaleza de Moçambique o anno de 607 e 608 // STUDIA, 1963, N 12, P. 463-548.
Strandes, J. The Portuguese period in East Africa. Kenya, 1968.
Teixeira da Mota, A. Duarte Pacheco Pereira: Capitão e Governador de S. Jorge da Mina // Mare Liberum - Revista de Histyria dos Mares, 1990, N 1, P. 1-27.
Theal, G. McCall. The Portugese in South Africa with a Description of the Native Races Between the River Zambesi and the Cape of Good Hope During ... London, T. Fisher Unwin, 1896.
Thorton, John. The development of an African Catholic Church in the Kingdom of Congo 1491-1750 // Journal of African History, XXV, 1984, P. 147-167.
Thorton, John. The art of war in Angola 1575-1680 // Comparative Studies in Society and History, XXX, 1988, P. 360-378.
Thornton, John. Early Kongo-Portuguese Relations: A New Interpretation // History in Africa, Vol. 8, 1981. P. 183-204.
Valkhoff, M. F. Miscellanea Luso-Africana: collectanea de estudos coligidos. Lisboa, 1975.

Van Dantzig, A. Forts and castles of Ghana. Accra, Sedco, 1980.
Van Dantzig, A. and Priddy, B. A short history of the forts and castles of Ghana. Accra, Liberty Press, 1971.
Vasconcelos, Frazao de. A Fortaleza de S. Jorge da Mina. Lisboa, 1934.
Vogt, J. Portuguese rule in the Gold coast, 1469-1682. Athens, University of Georgia Press, 1979.
Vogt, J. Saint Barbara's legion:Portuguese artillery in the struggle for Morocco 1415-1578 / An expanding world, 1997, vol. n 24 "Warfare and empires," P. 73-79; Military Affairs, 1977, XLI. P. 176-182.

Америка

Amorim, Annibal. Histyria das Fortificações do Brazil (II Capítulo) // Boletim Mensal do Estado Maior do Exército, N 1, Julho de 1915, Vol. X. Rio de Janeiro: Imprensa Militar, 1915.
Aragao, R. B. Historia do Ceara: Obra enciclopédica (Vol. I-V). Fortaleza, 1990.
Barreto, Aníbal. Fortificações no Brasil (Resumo Histyrico). Rio de Janeiro, Biblioteca do Exército Editora, 1958.
Bethell, L. Colonial Brazil.Cambridge, 1987.
Boxer, Charles Ralph. The Golden Age of Brazil 1695-1750: Growing Pains of a Colonial Society. Berkeley, University of California Press, 1962 (1969).
Carita, R. A colonia do Sacramento no Uruguay // Oceanos, N 28, Oct/Dec. 1996. P. 81-94.
Carita, R. O codice de Santa Caterina, suas fortalezas e seus uniformes // Oceanos, N 28, Oct/Dec. 1996. P. 73-78.
Diffie, Baley W. A history of Colonial Brazil 1500-1792. Malabar, Robert E. Krieger Publishing Company, 1987.
Dutra, Francis. Matias de Albuquerque and the defence of Northeastern Brazil 1620-1625 // STUDIA, 1973, N 36, P. 117-166.
Emmer, Pieter C. The struggle over sugar: the abortive attack of the Dutch on Portugal in the South Atlantic 1600-1650 // Mare Liberum, Revista de Histyria dos Mares, 1997, N 13, P. 59-68.
Faria, M. Principe da Beira: a fortaleza para alem dos limites // Oceanos, 1996. N. 28. Oct/Dec. P. 54-68.
Galvão, Hélio. Histyria da Fortaleza da Barra do Rio Grande. Rio de Janeiro, MEC-Conselho Federal de Cultura, 1979.
Garrido, Carlos Miguez. Fortificações do Brasil / Subsídios para a Histyria Marítima do Brasil" Vol. III. Rio de Janeiro, Imprensa Naval, 1940.
Kent, R. K. Palmares: an african state in Brazil // Journal of African History, 1965, VI, N 2, P. 161-175.
Monteiro, Vilma dos Santos Cardoso. Histyria da Fortaleza de Santa Catarina. João Pessoa, Universidade Federal da Paraíba, Imprensa Universitбria, 1972.
Mota Menezes, José Luiz. Olinda e Recife, 1537-1630 // Oceanos, 2000, N 41.
Nizza da Silva, Maria Beatriz. Dicionario da historia da colonizacao portuguesa no Brasil. Lisboa & Sao Paulo,Verbo, 1994.
Osorio de Noronha, Antonio Henrique. Fortifacaçoes construidas pelos Portugueses no Brasil, Fundaçao Cultural Brasil-Portugal, 1982.
Reis, Arthur César Ferreira. A Expansão Portuguesa na Amazфnia nos Sécs. XVII e XVII. Rio de Janeiro, SPVEA, 1959.
Schwartz, Stuart B. Cities of empire: Mexico and Bahia in the Sixteenth Century // Journal of Inter-American studies, 1969, XI, N 4, P. 616-637.
Silva, Manuel Luciano da. Portuguese Pilgrims and Dighton Rock. Bristol, Nelson D. Martins Editor, 1971.

Silva, Manuel Luciano da. The True Antilles: Newfoundland and Nova Scotia. Bristol, Nelson D. Martins Editor, 1987.
Tomlinson, Regina Johnson. The Struggle for Brazil: Portugal and the French Interlopers 1500-1550. New York, Las Americas Publishing Co., 1970.
Varnhagen Porto Seguro, Francisco Adolfo de. Historia geral do Brasil; antes de sua separacao e independencia de Portugal, 5 vols. Sao Paulo, Melhoramentos, 1927.

Азия

Ames, Glenn J. Renascent Empire? The House of Braganza and the Quest for Stability in Portuguese Monsoon Asia, ca. 1640-1683. Amsterdam University Press, 2000.
Basto da Silva, Beatriz. Entre Goa e Macau: rivalidade Luso-Holandesa no seculo XVII // Boletim do Centro de Estudos Maritimos de Macau, 85, N° 2, Jan. 1989.
Bayly, C. A. A presença portuguesa no Oceano Indico e a emergencia do Estado Moderno, 1498-1798 // Oceanos, N 34; Apr/Jun. 1998; P. 14-21.
Bentley Duncan, T. Navigation between Portugal and Asia in the Sixteenth and seventeenth Centuries / Asia and the West: encounters and exchanges from the age of explorations, 1986, P. 3-25.
Blanco, M.M. Os Holandeses e o Imperio Portugues do Oriente (1595-1641). 2 vol. Lisboa, Dissertaçao facultade de Letras, 1974.
Bose, S. Estado, economia e cultura na orla do Indico: teoria e historia // Oceanos, N. 34; Apr/Jun. 1998. P. 25-36.
Bouchon, Genevieve. L'Ocean Indien a l'epoque de Vasco da Gama // Mare Liberum, Revista de Histyria dos Mares, 1990, N 1, P. 71-77.
Bouchon, Geneviève; Malaca Casteleiro, João; Eduardo Lourenço, and Romero Magalhães, Joaquim. Portugal e o Oriente. Lisboa,1994.
Boxer, Ch. R. Portuguese conquest and commerce in southern Asia 1500-1750. London, Variorum Reprint, 1985.
Boxer, Ch. R. From Lisbon to Goa 1500-1750: studies in Portuguese maritime enterprise. London, Variorum Reprint, 1984.
Boxer, Ch. R. The Carreira da India / O Centro de Estudos Historicos Ultramarinos e as Comemoraçao Enriquinas, 1961, P. 33 - 82.
Boxer, Ch. R. Portuguese and Dutch colonial rivalry 1641-1661 // STUDIA, 1958, N 2, P. 7-42.
Boxer, Ch. R A note on Portuguese Missionary methods in the East: sixteenth to eighteenth centuries // The Ceylon Historical Journal, 1965, X, P. 77-90.
Boxer, Ch. R. & Vasconcelos, Frazao de. André Furtado de Mendonça, 1558-1610. Lisboa, Fundaçao Oriente & Centro de Estudos Maritimos de Macau, 1989.
Boyajian, James C. Portuguese trade in Asia under the Habsburgs: 1580-1640. Baltimore and London, The Johns Hopkins University Press, 1993.
Candeias Silva, Joaquim. O fundador do Estado Portugues da India: D. Francisco de Almeida, 1457 (?)-1510. Lisboa, Casa a Moeda, 1996.
Danvers, F. The Portuguese in India. 2 vol. London, Frank Cass & Co. Ltd., 1966.
De Morais, Carlos Alexandre. Cronologia geral da India portuguesa : 1498-1962. Lisboa, Editorial Estampa, 2. edicao ,1997.
Kenna, J. B. Mac. A Spaniard in the Portuguese Indies: the narratives of Martin Fernandez de Figueroa. Harvard University Press, 1967.
Garcia, J. M. Breve roteiro das fortificaçoes portuguesas no Estado da India // Oceanos, N. 28, Oct/Dec. 1996, P. 121-126.
Hall, Richard. Empires of the Monsoon. A History of the Indian Ocean and its Invaders. Harper & Collins Trade, 1998.
Lima Cruz, Maria Augusta. Exiles and renegades in early sixteenth century Portuguese Asia // Indian Economic and Social History Review, vol.23, 1986, N. 3, P. 249-262.

Matos, A. T. and Reis Thomaz, L. F. Relacoes entre a india portuguesa a asia do sueste e o extremo oriente. Actas do VI. Seminario international. Livrairia Portugal, 1993.
Matos, Artur Teodoro de and Reis Thomaz, Luís Filipe F. (eds.) A carreira da Índia e as Rotas dos estreitos. Actas do VIII Seminario Internacional de Histyria Indo-Portuguesa (Angra do Heroísmo, 7 a 11 de junho de 1996). CNCDP, and the Fundação Oriente, 1998.
Pearson, M. N. The Indian Ocean and the portuguese in the sixteen century / II Seminario Intern. Hist. Indo-Portuguesa" Inst. Investigaçao Científica Tropical. Centro de Estudos de Histyria e Cartografia Antiga, Lisboa, 1985, P. 103-117.
Pinto Pereira, Antonio. Historia da India no tempo em que a governou o visorei Dom Luis de Ataide. Lisboa, Casa da Moeda, 1987.
Reinhard, Wolfgang. Storia dell'espansione Europea (Geschichte der europaischen expansion). Napoli, Guida Editori, 1987 (Stuttgart, W. Kohlammer, 1983).
Sanceau, Elaine. The amazing career of Afonso de Albuquerque. Captain general and Govenor of India (1509-1515). London & Glascow, 1936.
Scammell, G. V. European exiles, renegades and outlaws and the maritime economy of Asia, 1500-1750 // Modern Asian Studies, 1992, vol. 26, N 4. P. 641-661.
Silva , Ch. R. de. The Portuguese and the trade in cloves in Asia during the Sixteenth Century / Pearson, M. N. Spice in the Indian Ocean world. Ashgate Variorum, vol. 11, 1996. P. 259-268.
Silva Gonçalves, Nuno da. A Companhia de Jesus e a missionação no Oriente: Actas do Colyquio Internacional promovido pela Fundação Oriente e pela Revista Brotéria, Lisboa, 21 a 23 de Abril de 1997. Lisbon, Brotéria / Fundação Oriente, 2000.
Smith, Ronald Bishop. First age of the Portuguese embassies navigations and peregrinations to the Kingdoms and islands of South East Asia 1509-1521. Bethesda (Maryland), Decatur Press, 1968.
Souza, B. G. Portuguese country traders in the Indian Ocean and the South China Sea, c. 1600 / Moyen Orient et Ocean Indien, Vol. I, Paris, 1984, P. 117-128.
Spallanzani, Marco. Mercanti Fiorentini nell'Asia Portoghese 1500-1525. Firenze, SPES, 1997.
Spallanzani, Marco .Giovanni da Empoli, mercante e navigatore fiorentino. Firenze, SPES, 1984.
Spallanzani Marco. Giovanni da Empoli e i mercanti fiorentini in India all'inizio del Cinquecento / Miscellanea Storica della Valdelsa. Castelfiorentino: Societa Storica della Valdelsa, 1993. P. 190-202.
Subrahmanyam, S. The Portuguese Empire in Asia 1500-1700, a political and economic history. London, Longman, 1993.
Subrahmanyam, Sanjay. Sinners and Saints: The Successors of Vasco da Gama. Oxford University Press, 1998.
Subrahmanyam, Sanjay. The career and legend of Vasco da Gama. Cambridge University Press, 1997.
Van Veen, Ernst. Decay or defeat. An inquiry into the Portuguese decline in Asia 1580-1645. Research School of Asian, African and Amerindian Studies, Universiteit Leiden, 2000,
Videira Pires, Benjamim. Taprobana e mais além.... presenças de Portugal na Asia. Macau, Instituto Cultural de Macau, 1995.
Villiers, J. & Earle, T. F. (eds). Afonso de Albuquerque: Caesar of the East. David Brown Bk. Co., 1991.
Wicki, José S.J. Problemas morais no Oriente Portugues do seculo XV / O Centro de Estudos Historicos Ultramarinos e as Comemoraçao Enriquinas, 1961. P. 257-263.

Азия: Ближний Восток, Индия, Пакистан.

Al Maamiry, Ahmed Hamoud. Omani - Portuguese history. New Delhi, Lancers Publishers, 1982.

Andrada, Ruy Freyre de. Commentaries of Ruy Freyre de Andrada. NY., McBride & Co., 1930.
Aubin, Jean. La politique iranienne d'Ormuz (1515-1540) // Studia, 1994, N. 53. P. 26-51.
Bacqué-Gramont, Jean Louis and Kroll, Anne. Mamlouks, Ottomans et Portugais en Mer Rouge. L'Affaire de Djedda en 1517 // Annales Islamologiques, 1988, N. 12.
Badalkhan, Sabir. Portuguese encounters with coastal Makran Baloch during the sixteenth century. Some references from a Balochi heroic epic // Journal of Royal Asiatic Society, Series 3, 10, 2 (2000). P. 153-169.
Barendse, R. J. The Arabian Seas, 1640-1700. Leiden, Leiden University, 1998.
Boxer, Ch. R. Anglo-Portuguese Rivalry in the Persian Gulf, 1615-1635 / Boxer, Ch. R. Portuguese conquest and commerce in Southern Asia 1500-1750. London, 1985.
Colin, Paul Mitchell. Shah Abbas, the English East India Company and the Cannoneers of Fars, // Itinerario, vol. XXIV, n 2/2000. P. 104-125.
Costa, Paolo M. Historical interpretation of the territory of Muscat / Oman studies: papers on archeology and history of Oman. Roma, Istituto Italiano per il Medio e l'Estremo Oriente, 1989. P. 97-117.
Costa, Paolo. Musandam: Architecture and Material Culture of a Little Known Region of Oman. Vine House, 1995.
Deus Ramos, Joao de. Merchants and missionaries: Portuguese settlements at the mouth of the Indus in the 16th and 17th centuries // Mare Liberum, Revista de Histyria dos Mares, 1995, N 9. P. 243-245.
D' Errico, E. Introduction to Omani military architecture of the Sixteenth, Seventeenth and Eighteenth centuries // Journal of Oman Studies, N 6 (1), 1983, P. 59-64.
Dames, M.L. The Portuguese and Turks in the Indian Ocean in the sixteenth century // Journal of the Royal Asiatic Society of Great Britain and Ireland, 1921(1). P. 1-28.
Dias Farinha, Antonio. Os Portugueses no Golfo Persico 1507-1538. Dissertaçao Faculdade de Letras da Universidade de Lisboa, 1990.
Gonçalves, Julio. Mascate, Albuquerque e os sultanatos do Oman 1507-1659 // Anais -do Club Militar Naval, 1940. P. 421-435.
Kervran, Monik (ed.) Bahrain in the XVI Century. An Impregnable Island. Ministry of Information State of Bahrain, 1988.
Ozbaran, Salih.The Ottoman response to European Expansion. Studies on Ottoman-Portugese relations in the Indian Ocean and Ottoman administration in the Arab lands during the Sixteenth Century. Analecta Isisiana XII. Istanbul, The Isis Press, 1994.
Pereira da Costa, José. Socotora' e o dominio Portugues no Oriente. Separata da Revista da Universitade de Coimbra, 1973.
Risso, Patricia. Oman and Muscat: an early modern history. London, Croom Helm, 1986.
Serjeant, R. B. The Portuguese off the South Arabian Coast: Hadrami chronicles. Beirut, 1974 (Oxford 1963).
Slot, B. J. The Arabs of the Gulf 1602-1784. Leidschendam, Slot, 1993.
Subrahmanyam, Sanjay. The Portuguese, Thatta and the External Trade of Sind, 1515-1635 // Revista de Cultura, the special issue, 1991.
Vine, Peter; Casey and Vine, Paula (eds.) Oman in history. London, Immel Publishing, 1995.
Ziolkowski, Michele. Excavations at Al-Bidyyah: new light on the Portuguese presence in the Emirates // Tribulus, Vol 9 (2), Autumn/Winter 1999, P. 19-21.

Индия.

Bouchon, G. A imagem da India na Europa renascentista // Oceanos, N. 32, Oct/Dec. 1997. P. 11-30.
Correia da Silva, A. G. Os Franceses no colonizaçao Portuguese da India // STUDIA, 1959, N. 4, P. 7- 105.
Das Gupta, Ashin. Merchants of maritime India, 1500-1800. Aldershot Variorum, 1994.

Disney, A. R. An early imperial crisis: the Portuguese Empire in India in the early seventeenth century and its responses to the Anglo-Dutch challenge. Ph.D. Thesis, Harvard University, 1971
Feldbauer, Peter. Die Portugiesen in Asien 1498-1620. Essen, Magnus Verlag, 2005.
Gaspar Rodrigues, Vitor Luis. As companhias de ordenança no Estado Portugues da India, 1510-1580 // Oceanos, N. 19-20, Sep/Dec. 1994. P. 212-218.
Lima Cruz, Maria Augusta. As vozes da India nas decadas da Asia de Diogo do Couto // Oceanos, N. 19-20, Sep/Dec. 1994, P. 182-188.
Lobato, A. Relaçao Luso-Maratas 1658-1738. Lisboa, Centro de Estudos Historicos Ultramarinos, 1965.
Madan, K. D. Life and Travels of Vasco da Gama. Asian Educational Services, 1998.
Marjay, Frederic P. Portuguese India a Historic Study. Lisbon, Livraria Bertrand, 1959.
Mathew, K. S. Portuguese trade with India in the sixteenth century. Delhi, Manohar Publications, 1983.
Naravane M. S. The Maritime and Coastal Forts of India. New Delhi, Aph Publishing Corporation, 1998.
Pearson, M. N. The Portuguese in India. Cambridge University Press, 1994.
Pearson M. N. Coastal western India studies from the Portuguese records. New Delhi, Concept, 1981.
Pescatello, Ann M. The African Presence in Portuguese India // Journal of Asian History, Vol. 11, 1977. P. 26-48.
Shirodkar, P. P. Dutch-Portuguese relations in the East (1580-1663): vis a vis in the Indian Peninsula // STUDIA, 1989, N. 48. P. 123-144.
Shirodkar, P. P. Researches In Indo-Portuguese History, 2 Vols. Jaipur, Publication Scheme, 1998.
Schurhammer, Georg. The India-letters of 1533 / O Centro de Estudos Historicos Ultramarinos e as Comemoraçoes Henriquinas, Lisbon, 1961. P. 217-256.
Subrahmanyam, S. O gentio indiano visto pelos Portugueses no seculo XVI // Oceanos, N 19-20, Sep/Dec. 1994. P. 190-196.
Subrahmanyam, S. Merchants, Markets, and the State in Early Modern India. Oxford University Press, 1990.

Западная Индия.

Arasaratnam, S. and Aniruddha, R. Masulipatnam and Cambay: a history of two port towns, 1500-1800. New Delhi, Munshiram Manoharlal, 1994.
Baptista, Elsie W. The East Indians - Catholic community of Bombay, Salsette and Bassein. Publications of the Anthropos Institute, N 3, Bandra, Bombay: The Bombay East Indian Association, 1967.
Borges, Charles J. and Feldmann, Helmut. Goa and Portugal - their cultural links. New Delhi, Concept Pub. Co., 1997.
Bras, A. Fernandes. Armas e inscriçoes do forte de Baçaim. Lisboa, Academia Portuguesa da Historia, 1957.
Canaveira, M. F. Goa dourada // Oceanos, N. 19-20, Sep/Dec. 1994.P. 204-210.
Chandeigne, Michel. Goa 1510-1685: l'Inde portugaise, apostolique et commerciale. Paris, Autrement, 1996.
Couto, Dejanirah. A fortaleza de Baçaim // Oceanos, N. 28 Oct/Dec. 1996. P. 105-118.
Couto, Dejanirah. Baçaim a capital do norte // Oceanos, N. 19-20, Sep/Dec. 1994. P. 258-266.
Cunha, J. Gerson da. The origin of Bombay. New Delhi, Educational Services, 1993 (1900).
Cunha, G. da. Notes on the history and antiquities of Chaul and Bassein. Bombay, 1993 (1876).
Delgado Henriques, Cristina. Velha Goa // Oceanos, N. 19-20, Sep/Dec. 1994. P. 199-202.
Fernandes, José Manuel. Chaul um percorso urbano e fotograficom // Oceanos, N. 19-20,

Sep/Dec. 1994. P. 268-271.
Ferracuti, Giovanni. Goa: memoria e immagine. Architettura e citta dell'India portoghese. Milano, Lybra, 1991.
Gaspar Rodrigues, Vitor Luis. A organizaçao militar da Provincia do Norte durante o sec. XVI e principios do sec. XVII // Mare Liberum, Revista de Histyria dos Mares, 1995, N 9, VII Seminario internacional de Historia Indo-Portuguesa, Goa 1994. P. 247-265.
Goertz, R. O. W. Attack and defense techniques in the siege of Chaul, 1570-1571 / II Seminario Internacional de Historia Indo – Portuguesa. IICT & CEHCA, 1985. P. 265-287.
Guigaz, M. & Amiot, J. P. Goa, capital d'empire // Critique, XLIV, 1988, Édition de Minuit /Centre National des Lettres,Paris. P. 628-639.
Hull, Ernest R. Bombay mission-history, with a special study of the padroado question (1534-1858). Bombay Examiner Press, 1927.
Jackson, K. D. Ruinas de imperio: a cidade-fortaleza de Chaul / VI Congresso da Associaçao Internacional de Lusitanistas, Rio de Janeiro, 8-13 Aug. 1999.
Larsen, Karin. Faces of Goa: A Journey Through the History and Cultural Evolution of Goa and other Communities Influenced by the Portuguese. Gyan Pub. House, 1998.
Leao, M. C. A Provincia do Norte do Estado da India. Macau, Instituto Cultural de Macau, 1996.
Leao, Mario. Reflexo de Portugal na cultura Goesa // Boletim do Centro de Estudos Maritimos de Macau, N 2, Jan. 1989, P. 73 - 84.
Mathew, K. S. Portuguese and the Sultanate of Gujarat, 1500-1573. Delhi, Mittal Publications, 1986.
Mathew, K. S. The Portuguese naval establishments // Mare Liberum, Revista de Histyria dos Mares, 1995, N 9, VII Seminario internacional de Historia Indo-Portuguesa, Goa 1994. P. 181-184.
Mathew, K. S. Maritime trade of Gujarat and the Portuguese in the sixteenth century // Mare Liberum, N 9, 1995. P. 187-194.
Meersman, A. The Franciscans in Bombay. Bangalore, 1957.
Melo Furtado, Edith. Reacting to a transition. The case of Goa // Lusotopie, 2000, P. 477-486.
Michaelsen, Stephan. The Ottoman expedition to Diu in 1538 // Mare Liberum, 1995, N 9, P. 209-215.
Mitterwallner, G. von. Chaul: eine unerforschte stadt an der Westkuste Indiens (Wehr-, Sakral- und Profanarchitektur). Berlin, 1964.
Oliveira e Costa, Joao Paulo. Simao de Andrade fidalgo da India e capitao de Chaul // Mare Liberum, 1995, N 9. P. 99-111.
Pereira, A. B. de Braganca. Os Portugueses em Diu. Bastora, Tip. Rangel, 1938.
Pinto, Janette. The decline of slavery in Portuguese India with special reference to the North // Mare Liberum, 1995, N 9, P. 235-240.
Ribeiro, Luciano. O primeiro cerco de Diu // STUDIA, 1958, N 1, P. 201-271.
Rossa, W. Indo-Portuguese cities. Lisboa, Comissao Nacional para as Comemoraçoes dos Descobrimentos Portugueses, 1997.
Santos, Isau. A cedencia de Bombaim aos Ingleses // Mare Liberum, Revista de Histyria dos Mares, 1995, N 9. P. 267-290.
Severy, Merle. Tres homens em Goa // Oceanos, N. 19-20, Sep/Dec. 1994. P. 220-230.
Shastry, B.S. Goa-Kanara Portuguese Relations, 1498-1763. (Ed. by Charles J. Borges) XCHR Studies Series 8. New Delhi, Concept Publishing Company, 2000.
Shirodkar, P. P. Bombay and the Portuguese impact and influences with special reference to etymology // Mare Liberum, 1995, N 9. P. 291-301.
Soeiro de Brito, Raquel. Goa e as praças do Norte. Lisbon, Junta de Investigaçoes do Ultramar, 1966 (CNCDP 1998).
Soeiro de Brito, Raquel. Goa: ontem e hoje // Oceanos, N. 19-20, Sep/Dec. 1994. P. 174-180.
Souza, Teotonio R. de. North-South in the Estado da India // Mare Liberum, N. 9, 1995. P.

453-458.
Souza, Teotonio R. de. The Portuguese in the Goan folklore / Borges, Charles J. & Feldmann, Helmut. (ed.) Goa and Portugal: Their Cultural Links. Concept Publ. Co., 1997. P. 183-197.
Souza, Teotonio R. de. Is there one Goan identity, several or none // Lusotopie 2000, P. 487-495.
Souza, Teotonio R. de. Lusofonia e Lusotopia no Oriente: o caso do folklore goes // Humani Nihil Alienum (Revista de Humanidades e Tecnologias, Universidade Lusyfona), 1999, N. 1; 2 Semestre. P. 109-110.
Souza, Teotonio R. de. The rural economy and society in Portuguese India: colonial reality v/s stereotypes / Vasco da Gama e a India, Vol. II. Lisbon, Fundaçao Calouste Gulbenkian, 1999. P. 101-109.
Varela Gomes, Paulo and Rossa, Walter. O primeiro territorio. Bombaim e os Portugueses // Oceanos, 2000, N. 41.
Velinkar, Joseph. Early Jesuit presence in Bassein // Mare Liberum, N 9, 1995. P. 305-310.
Xavier, Carlos. A cidade e o porto de Damao nos seculos XVIII e XIX // STUDIA, 1987, N. 46. P. 287-301.

Западная Индия. Малабарский залив.

Correia, J. M. Os Portugueses no Malabar (1498 – 1580). Lisboa, Imprensa Nacional - Casa da Moeda, 1997.
Disney, A. Twilight of the pepper Empire. Harvard Historica studies, 95. Cambridge, Harvard University press, 1978.
Ferroli, D. The Jesuits in Malabar. vol. I, Bangalore Press, 1939, Bangalore; vol. II, 1951.
Goertz, R. O. W. The Portuguese in Cochin in the mid sixteenth century // STUDIA, 1989, N. 49. P. 5-38.
Kieniewicz, Jan. The Portuguese factory and trade in Pepper in Malabar during the 16th century // The Indian Economic and Social History Review, 1969, Vol. VI. New Delhipp. P. 61-84.
Mathew, K. S. The Portuguese and the Malabar society during the sixteenth century. A study of mutual interaction // STUDIA, 1989, N. 49. P. 39-68.
Mathew, K.S. and Ahmad, Afzal. Emergence of Cochin in the Pre-Industrial Era: A Study of Portuguese Cochin. Pondicherry, Pondicherry University, Dept. of History, 1990.
Mulakara, Gervasis. Portuguese missionaries in Cochin till 1558 // STUDIA, 1989, N. 49. P. 69-94.
Mundadan, A. M. The town of Cochin and the Portuguese / II Seminario Internacional de Historia Indo – Portuguesa. Lisboa, IICT & CEHCA,1985. P. 251-263.
Panikkar, K.M. Malabar and the Portuguese. New Delhi, Voice of India, 1997 (1929).
Panikkar, K. M. A History of Kerala 1498-1801. Annamalaingar, The Annamalai University, 1960.
Rodrigues, J. Terra nossa na costa do Malabar. Africa Editora, 1961.
Segal, J. B. A History of the Jews of Cochin. International Specialized Book Services, 1993
Shokoohy, Mehrdad. The town of Cochin and its Muslim heritage on the Malabar coast, South India // Journal of the Royal Asiatic Society, series 3, 8, part 3, 1998, P. 351-361(394)
Zain al Din or Zinadim. Historia dos Portugueses no Malabar. Lisboa, Imprensa nacional, 1998.

Восточная Индия.

Commerce and Culture in the Bay of Bengal, 1500-1800, ed. by Om Prakash and Denys Lombard, 1999.
Arasaratnam, S. and Aniruddha, R. Masulipatnam and Cambay: a history of two port towns, 1500-1800. New Delhi, Munshiram Manoharlal, 1994.
Campos, J. J. A. History of the Portuguese in Bengal. Calcutta, Butterworth & Co., 1919.

Cortesao, Armando. A cidade de Bengala do século XVI e os Portugueses. Lisboa, Tip. da Sociedade Astyria, 1944.
Deliege, R. Cristianismo e intocabilidade numa aldeia Paraiyar (Sul da India) // Oceanos, N. 34, Apr/Jun. 1998. P. 164-172.
Ferroli, D. The jesuits and Mysore. Kozhikode, Xavier Press, 1955.
Jeyaseela, Stephen S. Portuguese in the Tamil Coast: Historical Explorations in Commerce and Culture, 1507-1749. Pondicherry, Navajothi Publishing House, 1998.
Jeyaseela Stephen S. Coromandel Coast And Its Hinterland: Economy, Society And Political System, 1500-1600. Delhi, Manohar Publishers & Distributors, 1997.
Mc Pherson, K. Uma historia de duas conversoes: deus, a cobiça e o desenvolvimento de novas comunidades na regiao do Oceano Indico // Oceanos, N. 34. Apr/Jun. 1998. P. 74-85.
Meersman, A. The Franciscans in Tamilnad // Neue Zeitschrift für Missionswissenschaft, Suppl. XII, Schöneck-Beckenried, 1962.
Mordechai, Arbell. The Portuguese Jewish community of Madras, India, in the Seventeenth century // Los Muestros. The Sephardic Voice. N. 41, Dec. 2000.
Roche, Patrick Anthony. The Paravas of the Coromandel: a history of a Sea-faring Caste. PhD. Thesis University of Minnesota, 1977.
Roche, Patrick Anthony. Fishermen of the Coromandel. A social study of the Paravas of the Coromandel. Manohar Publishers & Distributors, 1984.
Subrahmanyam, Sanjay. Comércio e conflito: a presenca portuguesa no Golfo de Bengala,
[Orig. Tit.: Improvising empire Portuguese trade and settlement in the Bay of Bengal 1500-1700]. Lisboa, Edicoes 70, 1994.
Subrahmanyam, Sanjay. The South Coromandel Portuguese in the late 17th century: a study of the Porto Novo. Nagapattinam complex // STUDIA, 1989, N. 49. P. 341-363.
Varadarajan, L. Sao Thomé: early European activities and aspirations / II Seminario Internacional de Historia Indo – Portuguesa. IICT & CEHCA, 1985. P. 429-441.

Шри Ланка (Цейлон).

History of Ceylon. Vol. 1, parts 1 & 2: Pre-Colonial Period, University of Ceylon, 1959/60, Colombo, Sri Lanka. Vol. 2: History of Sri Lanka vol II (1500-1800). Ed. by K.M. de Silva, 1995. Vol. 3: The British Rule 1796-1948. University of Ceylon, 1973.
Education in Ceylon from the 16th Century to the present day. Colombo, Ministry of Education and Cultural Affairs, 1969.
Abeyasinghe, T. Portuguese rule in Ceylon 1594-1612. Colombo, Lake House Investments, 1966.
Abeyasinghe, T. Jaffna under the Portuguese. Colombo, Lake House, 1966.
Abeyasinghe, T. A study of portuguese regimentos on Sri Lanka: at the Goa archives.
Department of National Archives, 1974.
Baldaeus, Philip. A Description of the great and most famous Isle of Ceylon. Reprint of the 1703 edition. New Delhi-Madras Asian Educational Services, 1996.
Brohier, Richard Leslie and Raheem, Ismeth. Changing face of Colombo, 1505-1972 covering the Portuguese, Dutch, and British periods R.L. Brohier. Views of Colombo, 1518-1900. Colombo, Lake House Investments, 1984.
Brohier, Richard Leslie. Discovering Ceylon. Colombo, Lake House, 1982.
Coutinho, Xavier. Portugal na historia e na arte de Ceilao // STUDIA, 1972, N. 9. P. 34-35.
Ferguson, D. W. The discovery of Ceylon by the Portuguese in 1506 // Journal of the CeylonBranch of the Royal Asiatic Society, Vol. XIX, 1907. P. 321-385 and pp. 84-114.
Fernando, C. N. Christianity in Ceylon in the Portuguese and Dutch period // University of Ceylon Review. Vol. VI. 1948. P. 267-288.
Fitzler, M. A. H. Ceilão e Portugal. Coimbra, Imprensa de Universidade, 1928. English ed.: Ceylon and Portugal: Kings and Christians 1539-1552. Leipzig, 1928.
Flores, J. M. Os Portugueses e o Mar do Ceilao. Trato, diplomacia e guerra (1498 – 1543).

Lisboa,
Ediçoes Cosmos, 1998.
Gnanaprakasar, S. A. The Kings of Jaffna during the Portuguese period of Ceylon history. Jaffna, 1920.
Gnanaprakasar, S. A. History of the Catholic Church in Ceylon: period beginning 1505-1602. Colombo, Sri Lanka, 1924.
Gnanaprakasar, S. A. Catholicism in Jaffna: a brief sketch of its history from the earliest times to the present day. Colombo, Sri Lanka, 1926.
Goonatilleka, M. H. Ceilao e Portugal. Relaçoes culturais // STUDIA, 1970, N. 30-31. P. 113-161.
Goonewardena, K.W. The foundation of Dutch power in Ceylon 1638 – 1658. Amsterdam & Djambatan, 1958.
Jackson, Kenneth David. A Presenca Oculta: 500 anos de cultura portuguesa na India e no Sri Lanka - A hidden presence: 500 years of Portuguese culture in India and Sri Lanka. Macau, CTMCDP, 1995.
Lewcock, Ronald B. The architecture of an island : the living legacy of Sri Lanka: a thousand years of architecture illustrated by outstanding examples of religious, public, and domestic buildings. Colombo, Barefoot (Pvt) Ltd, 1998.
Lomba, Affonso Dias da; Perera, Simon Gregory. The expedition to Uva made in 1630 by Constantine de Sa de Noronha, Captain-General of Ceylon / as narrated by a soldier who took part in the expedition. Together with : An account of the siege laid to Colombo by the King of Kandy. Government printer, 1930, Colombo
Lopes, Felix. "A evangelizaçao de Ceilao desde 1552 a 1602" In STUDIA N° 20-22, pp. 7 - 73, 1967.
Obeyesekere, Donald. Outlines of Ceylon History, map, Reprint. 1999
Pearson, J. "Notes on the forts of the Jaffna islands" In: JRASC Vol. XXIX n° 76, 1923 pp. 186-193
Perera, S. G. Historical sketches: Ceylon church history, 1938, Jaffna, Ceylon.
Perera, S. G. La premiere école des Jesuites a Galle, 1621-1640, In: "Echos de Ceylan" V (1938), 1/2.
Perera, S.G. The Jesuits in Ceylon in the 16th and 17th Centuries. Madura, India, 1941
Perera, S.G. (ed.) The Oratorian Mission in Ceylon: historical documents relating to the life and labours of the venerable Father Joseph Vaz, his companions and successors. Caxton Printing Works, 1936-1938, Colombo, Sri Lanka.
Perniola V. The Catholic Church in Sri Lanka: the Portuguese period.
vol I 1505-1565. Tisakara Prakasakayo, 1989, Dehiwala, Sri Lanka.
vol II 1566-1619. Tisakara Prakasakayo, 1991, Dehiwala, Sri Lanka.
vol III 1620-1658. Tisakara Prakasakayo, 1991, Dehiwala, Sri Lanka.
Peter, W. L. A. Don. The Catholic Church in Sri Lanka: a history in outline. Catholic Communication, 1996, Colombo, Sri Lanka.
Peter, W. L. A. Don. Education in Sri Lanka under the Portuguese. The Colombo Catholic Press, 1978, Colombo, Sri Lanka.
Peter, W. L. A. Don "Portuguese missionary activity in the sphere of education" In: Education in Ceylon, a centenary volume, 1969, Colombo, Sri Lanka.
Peter, W. L. A. Don. Franciscans and Sri Lanka. Evangel Press, 1983, Colombo, Sri Lanka.
Peter, W. L. A. Don. Lusitanian links with Lanka. Arnold's International Printing House, 1997, Colombo, Sri Lanka.
Peter, W. L. A. Don "Studies in Ceylon Church History, Colombo, Sri Lanka, 1963
Pieris, P. E. Ceylon and the Portuguese 1505 – 1658. American Ceylon Press, 1920 Colombo, Sri Lanka. New edition:Sri Satguru Publ. 1986, Delhi, India.
Pieris, P. E. "Ceylon: the Portuguese era"
Vol. I (1505-1616), Ceylon Aphotecaries Co., 1913, Colombo, Sri Lanka.

Vol. II (1616-1658), Tisara Prakasakayo, 1983, Colombo, Sri Lanka.
Pieris, P. E. The Kingdom of Jaffnapatam, 1645. 1920
Pieris, P. E. Ribeiro's History of Ceilão. With a Summary of De Barros, De Couto, Antonio Bocarro and the Documenttos Remettidos, with the Parangi Hatane and Kostantinu Hatane, The Colombo Apothecaries Co. N.p. 1909, Colombo, Ceylon.
Pieris, Paulus Edward. The Ceylon littoral 1593. Times of Ceylon, 1949, Colombo, Sri Lanka.
Pieris, P. E. The Prince Vijayapala of Ceylon 1634-1654. Asian Educational Services, 1995 (Reprint 1927 edn.Colombo), New Delhi
Pieris, P. E. Portuguese maps and plans of Ceylon, 1650. Apothecaries, 1926, Colombo.
Pieris, P. E. Sir Paul E. Pieris' selected writings. Navrang, (reprint Colombo edition), New Delhi, India.
Prakasar, S. Onana. History of the Catholic Church in Ceylon, 1505-1602. Colombo, Ceylon, 1924
Quéré, Martin. Christianity in Sri Lanka under the Portuguese padroado, 1597-1658, Colombo Catholic Press, 1995, Colombo, Sri Lanka.
Queyroz, Fernao de "The temporal and spiritual conquest of Ceylon"
Translator: Perera, S. G. 3 Volumes 1930 (Reprint 1992, Asian Educational Services, New Delhi & Madras)
Remco, Raben "Trade and urbanization: Portuguese and Dutch urban atitudes in Ceylon. Colombo: mirror of colonial mind" In: Mare Liberum, Revista de Histyria dos Mares Nє 13 , pp. 95-117, 1997.
Ribeiro. The historic tragedy of the island of Ceylon. Asian Educational Services, 1999, New Delhi-Madras, India.
Sa, Costantine. Constantine de Sa's maps and plans of Ceylon 1624-1628. Translated by Reimers, E. Colombo, 1929.
Silva, Ch. R. de. The Portuguese in Ceylon 1617-1638. H. W. Cave & Company 1972 Colombo, Sri Lanka
Silva , Ch. R. de. Lançarote de Seixas and Madampe: a Portuguese Casados in a Sinhalese village, In: Modern Ceylon Studies Vol. II, 1970, pp. 24-38.
Silva , Ch. R. de. Colonialism and trade: the cinnamon contract of 1533 between Bhuvanekabahu, King of Kotte and Antonio Pereira, Portuguese factor in Sri Lanka, In: University of Colombo Review, Vol. N° 10, 1991, pp. 27-34
Silva , Ch. R. de. Political and diplomatic relations of the Portuguese with the Kings of Kotte during the first half of the sixteenth century, In: Revista da Cultura, Ano V, 1991, Vol. I, pp. 13-14 and 220-232
Silva , Ch. R. de. The Portuguese and the Pearl fishing off South India and Sri Lanka, In: South Asia, Vol. I, 1978, pp. 14-28
Silva , Ch. R. de. The Portuguese impact on the production and trade in Sri Lanka cinnamon in Asia in the Sixteenth and Seventeenth Centuries, In: "An Expanding World" Vol. n° 11; Pearson, M. N. "Spice in the Indian Ocean world" Ashgate Variorum, vol. n° 11, 1996; pp. 245-258; In: Indica, Vol. 26, N° 1, March 1989, pp. 25-38
Silva , Ch. R. de. Portuguese policy towards the Muslims in Ceylon, In: Ceylon Journal of Historical and Social Studies, Vol. IX, 1966, pp. 113-119.
Silva , Ch. R. de. Algumas reflexoes sobre o impacto portugues na religiao entre os Singaleses durante os seculos XVI e XVII, In: "Oceanos n° 34 Abril - Junho 1998, pp. 104-116
Silva , Ch. R. de. Beyond the Cape: the Portuguese encounter with the peoples of South Asia, In: "An Expanding World" Vol. n° 27; Forster, R. "European and non European societies, 1450-1800" Vol. 1 "The long duree, eurocentrism, encounters on the periphery of Africa and Asia" Ashgate Variorum, vol. n° 27; pp. 303-330
Silva Jayasuriya, Shinhan de "The Portuguese stamp on the Sinhalese theatre"
Article on "IIAS" Newsletter Online n°21

Silva Jayasuriya, Shinhan de. The Portuguese cultural imprint on Sri Lanka, In: "Lusotopie 2000" pp. 253-259
Silva, O. M. da. Vikrama Bahu of Kandy: the Portuguese and the Franciscans, 1542-1551, , M. D. Gunasena & Co. Ltd, 1967, Colombo, Sri Lanka.
Silva , O. M. Cosme da. Fidalgos in the kingdom of Kotte, Sri Lanka, 1505-1656: the Portuguese in Sri Lanka, Harwoods Publishers, 1990, Colombo, Sri Lanka.
Silva, O. M. Cosme da. Antonio Bocarro's 17th century Sri Lanka: 1614-1617. Harwoods Publishers, 1998, Colombo, Sri Lanka
Silva, O. M. Cosme da. Fidalgos in the kingdom of Jaffnapatam 1543-1658: the Portuguese in Jaffna. Harwoods Publishers, Colombo, Sri Lanka, 1994.
Tennent J. Emerson. Christianity in Ceylon: its introduction and progress under the Portuguese, the Dutch. the British and American missions; with an historical sketch of the Brahmanical and Buddhist superstitions. (Reprint London 1850 edn.), 1998
Trinidade, Paulo da, "Conquista Espiritual do Oriente, em que se da relaçao de algumas cousas mais notaveis que fizeram os frades menores da santa provincia de S. Tomé da India Oriental" Chapters 1 to 56 of vol. III. The chapters on Ceylon were translated by E. Peiris and A. Meersman "Early Christianity in Ceylon: Chapters on Introduction of Christianity to Ceylon" 1972, Chilaw, Ceylon.
Winius,G. D. Fatal history of Portuguese Ceylon: transition to Dutch rule. Harvard University Press 1971 Cambridge, Massachusetts. From: "The Fall of Portuguese Ceylon 1638-1656: military, diplomatic and political aspects in the decline of an empire". Ph. D. Thesis Columbia University, 1964

Юго-Восточная Азия.
Бирма. Тайланд. Камбоджа. Лаос. Вьетнам.

Bouchon, Geneviéve & Thomaz, Luís Filipe Reis. Voyage dans les Deltas du Gange et de l'Irraouaddy 1521. FCG-Centre Culturel Portugais, 1988, Paris.
Boxer, Ch. R. Angkor et le Cambodje au XVI et XVII Siècles d'Aprés les Sources Portugaises et Espagnoles, 1958
Boxer, C. R. Portuguese and Spanish Projects for the Conquest of Southeast Asia, 1580-1600" In: "Journal of Asian History" Vol. 3, 1969; pp. 118-136.
Candida, Mariana "True Christian or true Portuguese ? Origin assertion in a Christian village in Bengal, India" In: "Lusotopie 2000", pp. 233-251
Castro, Joaquim de. Os Portugueses da Birmania, In: "Revista Macau" n° 75, July 1998
Flores, M. C. Os Portugueses e o Siao no Seculo XVI., C.N.C.D.P. 1991, Lisbon.
Jacques, Roland. Le Portugal et la romanisation de la langue Vietnamienne. Faut-il réécrire l'histoire, In: "Revue Française de Histoire d' Outre-Mer" n° 85, 1998, pp. 21-54
Koop, J. C. The Eurasian population in Burma. tables, Yale University, Southeast Asia Studies, 1960, New Haven.
Marques Guedes, M. A. Interferencia e integraçao dos Portugueses na Birmania 1580-1630. Fundaçao Oriente, 1994, Lisbon.
Marques Guedes, M. Ana. D. Martim, um príncipe arracanês ao serviço do Estado da Índia e das pretensões portuguesas de submissão da Birmânia, In: Mare Liberum, Revista de Histyria dos Mares Nє 6, pp. 67-79, 1993, Lisbon.
Marques Guedes, M. Ana. O estabelecimento portugues no Siriao segundo uma cronica birmane, In: "Oceanos n° 32 Outubro – Dezembro, 1997, pp. 35-43
Mousinho, Manuel de Abreu "Breve discurso em que se conta a conquista do Reino do Pegu na Índia Oriental. Introdução e notas de Maria Paula Caetano, Pub. Europa-América, Col. A Aventura Portuguesa, 1990, Lisboa.
Tavares Mourao, Isabel A. Noticias do Laos, In: "Oceanos" n°32, Oct/Dec. 1997 pp. 87-101
Tavares Mourao, Isabel A. Olhares Portugueses sobre o reino do Dai-Viet no seculo XVI e na primeira metade do seculo XVII, In: "Oceanos" n°32, Oct/Dec. 1997 pp. 105-117.

Teixeira, Pe. Manuel. Portugal na Birmânia. Direcção dos Serviços de Turismo, 1983, Macau.
Teixeira, Pe. Manuel. Portugal na Tailândia. Direcção dos Serviços de Turismo, 1983, Macau.
Teixeira, Pe. Manuel. Diogo Veloso e a Gesta Lusíada em Camboja, In: Actas do Congresso Internacional de Histyria dos Descobrimentos, vol. V, 1 part., Lisboa, 1961, pp. 339-378.
Teixeira, Pe. Manuel. Portugal na Camboja. Direcção dos Serviços de Turismo, 1983, Macau.
Thomaz, Luís Filipe. A Viagem de Antynio Correia a Pegu em 1519, Bracara Augusta, 1976, t. XXX, fasc. 69, (81) Jan. - Jun. (Lisbon: AECA, 1976, sep. XCVI).
Thomaz, Luís Filipe Reis "De Malaca a Pegu - Viagens de um Feitor Português"
IAC - Centro de Estudos Histyricos da FLUL, 1966.
Winius, George. Descobrimentos na Бsia: Significado e Aplicação no Caso do Sião, 1512-1595, In: Ler Histyria n. 19, pp. 127-137 Teorema, 1990.

Малакка.

Albuquerque, Luís de, O Interesse por Samatra e por Malaca nos Primeiros Anos do Século XVI, In: "Clio" - Revista do Centro de Histyria da Universidade de Lisboa, Lisboa: Centro de Histyria da Universidade de Lisboa, 1981, vol III, pp. 49-52 (sep.).
Bland Norman, R. Historical tombstones of Malacca, mostly of Portuguese origin: with the inscriptions in detail and ill. by numerous photographs. Stock 1905 London
Cabral Ferreira, José and Guimaraes, Joao Pedro "O Barrio Portugues de Malaca" ?
162 pp. ills. Edições Afrontamento, 1996, Portugal.
Cardon, Rev. Portuguese Malacca, In: JMBRAS, vol. 12 part. 2, August 1934; pp. 1-23
Cardon, R. The old church on the Malacca hill, In: Journal of the Malaysian Branch of the Royal Asiatic Society, 20(1), 1947, pp.188-234.
Cardon, Rev. The Portuguese church of St. Paul, In: JMBRAS, vol. 12 part. 2, August 1934; pp. 38-39
Cardoso, Ribeiro. The Portuguese in Malacca descendants of nostalgia, In: "Revista MacaU" 1992
Fernandis, Gerard "Save our Portuguese heritage conference 95 Malacca, Malaysia"
103 pp. Gerard Fernandis, 1995, Malacca.
Fernandis, Gerard. Papia, Relijang e Tradisang. The Portuguese Eurasians in Malaysia: Bumiquest, a search for self identity, In: "Lusotopie 2000" pp. 261-268
Hayes Hoyt, Sarnia. Old Malacca. Oxford Paperbacks, 1997, Singapore.
Irwin, G. W. Melaka fort, In: "Melaka-The Transformation of a Malay Capital c. 1400-1980" Vol. one Edited by Kernial Singh Sandhu, Paul Wheatley. p. 195-241.
Khoo, T.T. Coral building in late Portuguese and early Dutch Malacca, In: "Journal of the Malaysian Branch of the Royal Asiatic Society", Vol.70, Pt.2, No.273, 1997, pp. 97-114.
Lemos, Jorge de. Histyria dos cercos da Malaca. Biblioteca Nacional, 1982 (Ed. fac-similada), Lisboa.
Leupe, P.A. The seige and capture of Malacca from the Portuguese in 1640-1641, In: JMBRAS vol, 14, pt. 1 (1936) pp 1-176.
Lima, Viana de. Reviver Malaca / Malacca-A Revival. Porto,1988
Mc. Gregor, I. A. Notes on the Portuguese in Malaya, In: JMBRAS vol. 28 part. 2, May 1955; pp. 5-47
Marx, Robert F. The search for the Flor de la Mar, In: "Silver Kris" Vol 19, n° 5, 1992, pp. 41-44
Noonan, L. The Portuguese in Malacca: a study of the first major european impact on East Asia, In: "Studia" N° 23 April, pp. 33-104 Centro de Estudos Historicos Ultramarinos, 1968.
O'Neill, Brian Juan. A tripla identidade dos portugueses de Malaca, In: "Oceanos" n° 32 Outubro - Dezembro 1997, pp. 63-83
O'Neill, Brian Juan. Forgotten Malacca, In: "Revista Macau" 1997.
Sa de Meneses, Francisco de. The Conquest of Malacca, Uni. of Malaya Press, 1970, Kuala Lumpur.

Sandhu K. and Wheatley P. Melaka; The Transformation of a Malay Capital c1400 - 1980. 2 volumes, illustrated throughout OUP / Institute of Southeast Asian Studies, 1983, Kuala Lumpur.
Sarkissian, Margaret. Cultural chameleons: Portuguese Eurasian strategies for survival in post-colonial Malaysia, In: Journal of South Asian Studies n° 28 (1997) 2
Schurhammer, Father. The church of St. Paul hill, In: Journal of the Malaysian Branch of the Royal Asiatic Society, vol. 12 part. 2, August 1934; pp. 40-43
Silva, Beatriz Basto da. Malaca, o Futuro no Passado. Direcção dos Serviços de Educação, 1989, Macau.
Silva Rego, Padre Antonio da. A Comunidade Luso-Malaia de Malaca e Singapura, In: Actas do V Colyquio Internacional de Estudos Luso-Brasileiros, vol. I, Coimbra, 1964, pp. 507-512; Also in: Silva Rego, Padre Antonio da "Dialecto Portugues de Malaca e outros escritos" 304 pp. (Cadernos Бsia) CNCDP, 1998.
Silva Rego, Padre Antonio da "A Cultura Portuguesa na Malaia e em Singapura "
Comunicaçao apresentata a reuniao conjunta da Academia Internacional da Cultura Portuguesa e do Conselho Geral da Uniao das Comunitades de Cultura Portuguesa, 28 May 1968; Also in: Silva Rego, Padre Antonio da "Dialecto Portugues de Malaca e outros escritos" 304 pp. (Cadernos Бsia) CNCDP, 1998.
Sousa Pinto, P. J. de "Portugueses e Malaios: Malaca e os Sultanatos de Johor e Achém 1575-1619, Fundaçao Oriente, 1997.
Sousa Pinto, P. J. de. Capitaes e casados: um retrato de Malaca nos finais do seculo XVI,
In: "Oceanos" n° 32 Outubro - Dezembro 1997, pp. 45-60
Sta Maria, Bernard. My people, my country. The story of the Malacca Portuguese community. Malacca Portuguese Development Centre, 1982, Malacca.
Subrahmanyam, Sanjay. Commerce and conflict: two views of Portuguese Melaka in the 1620s, In: Journal of Southeast Asian Studies, n° 19(1), March 1988, pp.62-79.
Teixeira, Manuel "The Portuguese missions in Malacca and Singapore (1511-1958)" ?
3 vols. Agência Geral do Ultramar, 1961, 1963, Lisbon.
Thomaz, Luís Filipe Ferreira Reis. Early Portuguese Malacca. CTMCDP - IPM, 1998, Macau. From: Thesis "Os Portugueses em Malaca: 1511-1580" Faculdade de Letras da Universidade de Lisboa, 218 pp. maps 2 voll. 1964, Lisboa.
Thomaz, Luis Filipe Ferreira Reis "The Indian merchant communities in Malacca under the Portuguese rule" In: Souza, T. R. de (ed.,) "Indo-Portuguese History: Old issues, new questions" Concept, New Delhi, 1985, pp.56-72.
Villiers, J. Portuguese Malacca, Embassy of Portugal, 1988, Bangkok, Thailand.

Индонезия. Тимор .

AA. VV. Portugis Aceh. In: "Gatra" n° 34, 18 Jul. 1995, Era Media Informasi, Jakarta, Indonesia. pp.51-64
Andaya, Leonard Y. "Local Trade Networks in Maluku in the 16th, 17th, and 18th Centuries" In: "Cakalele" Volume 2/2, pp. 71-96 Maluku Research Journal, 1991, Honolulu, Hawaii.
Andaya, Leonard Y. The world of Maluku: Eastern Indonesia in the early modern period. University of Hawaii Press, 1993, Honolulu.
Avillez, Maria Joao "A redescoberta das Flores" In: "Semanal Expresso Revista" 5-05-2001.
Argensola, Bartolomé Leonardo. Conquista de las islas Malucas. Ediciones Polifemo, 1992 (1609), Madrid.
Banas Llanos, Maria B. Las islas de las especias. Fuentes etnohistoricas sobre las Molucas XIV-XX. Universidad de Extremadura, 2000, Caceres.
Becking, C. L. Hollandsche en Portugeesche vestigingen op het eiland Ternate, In: "Indie GT" 8 (1924-1925), 15: pp. 235-241
Borges, Maria do Carmo Mira. Os portugueses e o sultanato de Macacar no século XVII. Tese mestr. Histyria dos Descobrimentos e da Expansao Portuguesa, Univ. Nova Lisboa, 1996,

Lisboa
Boxer,Ch.R. Francisco Vieira de Figueiredo: a Portuguese merchant-adventurer in South East Asia, 1624-166. Martinus Nijhoff 1967 'S-Grevenhage.
Boxer , Ch. R. A note on Portuguese reaction to the revival of the Red Sea Spice Trade and the rise of Atjeh, 1540-1600" In: "An Expanding World" Vol. n° 11; Pearson, M. N. "Spice in the Indian Ocean world" Ashgate Variorum, vol. n° 11, 1996; pp. 269-282; In: "Journal of Southeast Asian History", Vol. 10, 1969, Singapore. pp. 415-428
Castro, A. de. O possessoes Portuguezas na Oceania. Impr. Nacional,1867, Lisboa
Das Gupta, Arun "The maritime trade of Indonesia 1500-1800" In: "An Expanding World" Vol. n° 10; Prakash, Om "European commercial expansion in early modern Asia" pp.81-116; Also in: "India and the Indian Ocean 1500-1800" Calcutta, 1987, pp. 240-275
Des Alwi & Hanna, A. Willard. Turbolent times past in Ternate and Tidore" (also for the Dutch history). Rumah Budaya 1990 Banda Neira, Moluccas, Indonesia.
Duarte,Teyfilo. Ocupação e colonização branca de Timor.(Colecção Forum. Secção 13. no. 2.) Editϕra Educação Nacional, 1944, Porto.
Encarnação, Antonio da. Breve relaçam das covsas, que nestes annos proximos, fizerão os religiosos da Ordem dos Pregadores, e dos prodigios, que succedéraõ nas Christandades do sul, que correm por sua conta na India Oriental. Officina de Henrique Valente de Oliveira, 1665, Lisboa.
Felgas, Hélio A. Esteves. Timor português. (Monografias dos territyrios do Ultramar.) Agência Geral do Ultramar, Divisão de Publicações e Biblioteca, 1956, Lisboa.
Frade, Florbela Cristina Veiga "A presença portuguesa nas Ilhas de Maluco: 1511-1605. Histyria dos Descobrimentos e Expansão Portuguesa, Univ. de Lisboa, 1999, Lisboa
Hanna, Willard A. Indonesian Banda: Colonialism and its aftermath in the nutmeg islands. ISHI, 1978, Philadelphia.
Jacobs, Hubert "A treatise on the Moluccas c. 1544. Probably the preliminary version of Antonio Galvao's lost Historia das Molucas. Sources and studies for the history of Jesuits n° 3, Institutum Historicum S. I., 1971, Roma.
Jacobs, Hubert. The first locally demonstrable christianity in Celebes 1544, In STUDIA N° 17, pp. 251 - 305, 1966, Lisbon.
Jacobs, Hubert. The Portuguese town of Ambon, 1567-1605, In: AA.VV. "II Seminario Internacional de Historia Indo – Portuguesa" 601-614 pp. IICT & CEHCA 1985 Lisboa, Portugal.
Jacobs, Hubert. Documenta Malucensia. 3 Vols.
Vol. I 1542-1577. (vol. 109). Monumenta Historica Societatis Iesu, 1974, Roma.
Vol. II 1577-1605. (vol. 119), 1980,
Vol. III 1606-1682. (vol. 126), 1984,
Jacobs, Hubert. Jesuits Makasar Documents, 1612-1682, (vol. 134). Monumenta Historica Societatis Iesu, 1988, Roma.
Kartodirdjo, Sartorio. Religious and economic aspects of Portuguese-Indonesian relations, In STUDIA N° 29, pp. 175 - 196, 1970.
Lape, V. Peter. Contact and colonialism in the Banda islands, Maluku, Indonesia. Department of Anthropology, Brown University, Providence, Rhode Island, USA.
Leitao,H. Os Portugueses em Solor e Timor de 1515 a 1702. Tip.Liga dos Comb. da Grande Guerra 1948 Lisboa.
Leitao, Humberto. Vinte e oito anos de histyria de Timor, 1698 a 1725. Agência Geral do Ultramar, 1952, Lisboa.
Loureiro, R. M. Onde nasce o sandalo. Os Portugueses em Timor nos seculos XVI e XVII. G.T.M.E.C.D.P. 1995 Lisboa.
Martinho, José Simoes. Timor, quatro seculos de colonizaçao Portuguesa.Livraria Progreditor, 1943, Porto.
Martins, Maria Odete Soares. A missionacao nas Molucas no século XVI. Tese mestr. Hist.

dos Descobrimentos e da Expansao Portuguesa, Univ. Nova de Lisboa, 1994, Lisbon.
Matos, A. T. de. Timor Portugues 1515-1796: contribuçao para a sua historia. Inst. Histyrico Infante D. Henrique, 1974, Lisboa.
Matos, Artur Teodoro de. Timor and the portuguese trade in the Orient during the 18th century, In: "As Relaçoes entre a India Portuguesa, a Asia do Sueste e o Extremo Oriente: actas do VI Seminбrio Internacional de Histyria Indo-Portuguesa", pp. 437-445, 1993, Macau & Lisboa.
McClymont, James Roxburgh. The first expedition of the Portuguese to Banda, 1905, Hobart, Australia.
Meilink-Roelofsz, M.A.P. "Asian Trade & European Influence in the Indonesian Archipelago Between 1500 & about 1630. Martinus Nijhoff, 1962, The Hague.
Mitchell, Catherine & Léglise-Costa, Pierre. Les Portugais en Indonésie, In: Critique N° XLIV, pp. 658-663. Édition de Minuit /Centre National des Lettres, 1988, Paris
Nicholl, Robert. European Sources for the History of the Sultanate of Brunei in the Sixteenth Century. Star Press, 1975, Brunei.
Perez, Lorenzo OFM. Historia de las misiones de los Franciscanos en las islas Malucas y Celebes, In: "Archivum Franciscanum Historicorum" vol. VI (1913), pp. 45-60, 681-701; vol. VII (1914) 198-226, 424-446, 621-653.
Pinto da Franca, A. "Influencia Portuguesa na Indonesia" In STUDIA N° 33, pp. 161-234, 1971, Lisbon, Portugal.
Rebelo, Gabriel "Informaçao das cousas de Maluco ..... 1569" 1856 & 1955, Lisboa.
Rego, Antynio da Silva "As Molucas em princípios do século XVI" In: "A viagem de Fernao de Magalhaes e a questao das Molucas" pp. 78-89. Lisboa, 1975
Sa, Artur Basilio de "Documentaçao para a historia das missoes do Padroado Portugues do Oriente: Insulindia" Vol. I (1506-1549). Agencia geral do ultramar, Divisao de publicacoes e biblioteca, 1954, Lisboa, Vol. II (1550-1562), 1955, Vol. III (1563-1567), 1955, Vol. IV, (1568-1579), 1956, Vol. V. (1580-1595), 1958. Vol. VI (1595-1599). IICT Centro de Estudos de Histyria e Cartografia Antiga, 1988, Lisbon.
Santos Alves, Jorge Manuel dos. A hegemonia no norte de Samatra: Achém, Pacém e os Portugueses 1509-1579. Fundaçao Oriente, Lisboa.
Schouten, M. J. Encontros e desencontros na zona leste do arquipelago malaio, In: "Oceanos" n°32, Oct/Dec. 1997 pp. 121-130
Smith, F. A. Pre-17th Century states in Borneo: Tanjungpura is still a mystery, Lawei less so, In: "Proceedings of the sixth biennial Borneo research conference" July 10-14, 2000 Kuching, Sarawak p. 149-178
Teixeira, Pe. Manuel. Early Portuguese & Spanish Contacts with Borneo, In: "Separata do Boletim da Sociedade de Geografia de Lisboa" Jul.-Dez., SGL, 1964, Lisboa, Portugal. pp. 299-335
Thomaz, Luís Filipe Reis. Les Portugais dans les Mers de l´Archipel au XVI Siècle,
In: "Archipel" n. 18 Études Interdisciplinaires sur le Monde Insulindien, 1979, Paris. (eng. trans. in Trade and Shipping in the Southern Seas, Cisarea, Indonesia: S.P.A.P.A., 1985.).
Trigo de Sousa, Esther. Capitaes Portuguesas nas ilhas Molucas. separata de STUDIA N° 43-44, 1980, Lisbon.
Van der Wall, V. I. De Nederlandsche oudheden in de Molukken. 1928, pp. 227-275.
Villiers, J. "As derradeiras do mundo: The Dominican Mission and the Sandalwood trade in the Lesser Sunda Islands in the sixteenth and seventeenth centuries" In: AA.VV. "II Seminario Internacional de Historia Indo – Portuguesa" pp. 572 - 600 IICT & CEHCA, 1985.
Visser, B.J.J. Onder Portugeesch-Spaansche vlag.De katholieke missie van Indonesiл 1511-1605. Amsterdam.
Wessels, C. Histoire de la mission d'Amboine 1546-1605. Museum Lessianum, 1934, Louvain.
Wessels, C. De Augustijnen in de Molukken, 1544-1546; 1606-1625, In: "Historisch

Tijdschrift" n°13 pp. 44-59 Bergmans & Cie, 1934, Tilburg, NL.
Wessels, C. De Katholieke Missie in het Sultanaat Batjan (Molukken) 1557-1609, In: "Historisch Tijdschrift, year 8" 427 pp. 1929, Tilburg, NL.
Wessels, C. De katholieke missie in de Molukken, Noord-Celebes en de Sangihe-Eilanden gedurende de spaansche bestuursoeriode 1606-1677. 1935, Tilburg, NL.

Дальний Восток. Япония. Китай.

Barreto, L. F. O estatuto de Macau (seculos XVI-XVII), In: "Oceanos" n°32, Oct/Dec. 1997 pp. 133-148
Basto da Silva, Beatriz. Fortalezas extramuros, baluartes e fortins" In: "Revista Macau" n° 81, January 1999, Macau.
Basto da Silva, Beatriz. As fortalezas da cidadela, In: "Revista Macau" n° 80, December 1998, Macau.
Boxer, Ch. R. The great ship from Amacon 1555-1650. Instituto Cultural de Macao, 1988, Macau.
Boxer, Ch. R. Portuguese Merchants and Missionaries in feudal Japan 1543-1640, Variorum Reprints, 1986, London.
Boxer, C.R. The Christian Century in Japan, 1549-1650. University of California Press, 1967, Berkeley.
Boxer, Ch. R. A Fidalgo in the Far East, 1708-1726: Antonio De Albuquerque Coelho in Macao. Far Eastern Quarterly, 1946, [Tokyo].
Boxer, Ch. R. Fidalgos in the Far East, 1550-1770. Fact and Fancy in the History of Macao, M. Nijhoff, 1948, Den Haag, (2 ed. London-Hong Kong: Oxford University Press, 1968; trad. port. Fidalgos no Extremo Oriente, 1550-1770. Factos e Lendas de Macau Antigo, Macau: Fundação Oriente-Museu e Centro de Estudos Marítimos de Macau, 1990).
Boxer, Ch. R. South China in the Sixteenth Century: Being the Narratives of Galeote Pereire, Fr. Gaspar Da Cruz, O.P., Fr. Martin. London, 1953
Boxer, Ch. R. A Portuguese embassy to Japan, 1644-1647. London, 1928
Braga, J.M. The Western Pioniers and their discovery of Macao. Macao, 1949
Dias, Jorge. A perspectiva Portuguesa do Japao, In: "Boletim do Centro de Estudos Maritimos de Macau" 103 -110 pp. N° 2 Jan. 1989, Macau.
Fok, K. C. Early Ming images of the Portuguese, In: "An Expanding World" Vol. n° 4; Disney, A. "Historiorgraphy of Europeans in Africa and Asia 1450-1800" Ashgate Variorum, vol. n° 4, 1995; pp. 113-125; Also in: "Aspects in History and Economic History, Sixteenth and Seventeenth Centuries" 1987, Stuttgart pp. 143-155
Fok, Kai Cheong. Estudos sobre a instalação dos Portugueses em Macau. Gradiva, 1996, Lisboa.
Kirishima, K. Le Japon a la mode Portugaise, In: Critique N° XLIV, pp. 648-657. Édition de Minuit /Centre National des Lettres, 1988, Paris
Larroche, H. Macao, cite ambigue, In: Critique N° XLIV, pp. 640-647. Édition de Minuit /Centre National des Lettres, 1988, Paris
Ljungstedt, Anders. An Historical Sketch of the portuguese Settlements in China and of the Roman Catholic Church and Mission in China & Description of the City of Canton, 1836. Viking Hong Kong Publications, reprint of the 1836 edition printed in Boston.
Moura, Francisco C. Nagasaki, cidade Portuguesa no Japao, In STUDIA N° 26, pp. 115 - 148, 1969, Lisbon.
Oliveira Marques (ed.) Historia dos portugueses no extremo oriente. Lisboa, [s.n.], 1998
Prakash, Om. Trade in a culturally hostile enviroment: Europeans in the Japan trade, 1550-1740, In: "An Expanding World" Vol. n° 10; Prakash, Om "European commercial expansion in early modern Asia" pp. 117-128; Also in: "Clashes of culture: essays in honour of Niels Steensgaard" Odense, 1992, pp. 245-254
Roderich Ptak. Early Sino-Portuguese relations up to the Foundation of Macao, In: Mare

Liberum, Revista de Histyria dos Mares, N 4, 1992.
Santos Alves, Jorge dos. From Malacca to Macau. Revista Macau, 1997, Macau.

Океания. Австралия

Collingridge de Tourcey, George. First Discovery Of Australia And New Guinea: Being The Narrative Of Portugese And Spanish Discoveries In The Australasian Regions, Between The Years 1492-1616, With Descriptions Of Their Old Charts. William Brooks & Co., (1895) 1906, Sydney.
Fitzgerald, Lawrence. Java La Grande: the Portugese Discovery of Australia c.1521. The Publishers, 1986, Hobart, Australia.
Mc Intyre K. G. The Secret Discovery of Australia: Portuguese ventures 200 years before Captain Cook. maps, South Australia: Souvenir Press, 1977.

ГЕРМАНСКАЯ КОЛОНИАЛЬНАЯ ИМПЕРИЯ

Отечественные работы

Абрамова С.Ю. Четыре столетия работорговли. М.,1992.
Айзин, Б.А. Обсуждение проблем германского империализма и первой мировой войны // Новая и новейшая история. М., 1989. N 5. С. 221-222.
Айзин, Б.А. В.И.Ленин о германском империализме // Исследования по истории германского империализма начала XX века. М., 1987. С. 5-34.
Аникеев, А.А. Колонизационная политика Германии в годы второй мировой войны // Военно-экономические и дипломатические аспекты истории Второй мировой войны. Краснодар, 1990. С. 21-37.
Актуальные проблемы истории колониализма // Новая и новейшая история. М., 1989. N 4. С. 74-92.
Балезин, А.С. Немецкая община в Намибии: основные этапы формирования // Восток = Oriens. М., 1992. N 5. С. 28-43.
Балезин, А.С. Формирование и эволюция немецкой поселенческой общины в Юго-Западной Африке (Намибии), 1814-1990: Автореф. дис. д-ра ист. наук / РАН. Ин-т всеобщ. истории. М., 1994.
Балезин А.С., Притворов А.В., Слипченко С.А. История Намибии в новое и новейшее время. М., 1992.
Бондаревский Г.Л. Багдадская дорога и проникновение германского империализма на Ближний Восток. 1888-1903. Ташкент, 1955.
Бочаров, В.В. Власть. Традиции. Управление: (Попытка этноисторического анализа полит. культур соврем. государств Троп. Африки) / РАН. Ин-т этнологии и антропологии им. Н.Н.Миклухо-Маклая. М.: Наука, 1992.
Возняк, В.Г. У истоков колониальной политики Германии (1871-1882 гг.) // Ежегодник германской истории. М., 1988. 1987. С. 65-81.
Дрекслер, Х. Юго-Западная Африка под германским колониальным господством, 1884- 1915 / Пер. с нем. Балезина А.С.; Предисл. Нуйомы С.; Отв. ред. и авт. послесл. Давидсон А.Б. М.: Наука, 1987.
Евзеров, Р.Я. Ленинская теория империализма: мифы и реалии // Новая и новейшая история. М., 1995. N 3. С. 43-63.
Ерусалимский А.С. Бисмарк. Дипломатия и милитаризм. М., 1968.
Ещин, В.А. Западногерманская буржуазно-реформистская историография о колониальной политике германской социал-демократии в конце XIX - начале XX века // Критика современной буржуазной историографии новой и новейшей истории стран Европы и Америки. Рязань, 1988. С. 29-38.
Ещин, В.А. Отношение германской социал-демократии к восстанию гереро и нама в 1904-1907 гг. // Европа, США и колониальный мир. М., 1988. С. 87-97.
История Африки в XIX – начале XX в. М.,1984.
Истягин Л.Г. Германское проникновение в Иран и русско-германские отношения накануне первой мировой войны. М.,1979.
Закатей, Е.М. Россия и оккупация Германией бухты Цзяо-Чжоу: (Новые документы) // Россия и народы стран Востока: Межвуз. сб. науч. тр. Иркутск, 1993. С. 66-75.
Купер, Ф. Конфликт и связь: переосмысление колониальной истории Африки // Восток - Запад: проблемы взаимодействия и трансляции культур. Саратов, 2001. С. 106-149.
Кутищев, Н.Е. Политика Германии в Турции в начале 80-х годов XIX века в оценке русской печати // Россия и политика держав в странах Востока : Межвуз. сб. науч. тр. Иркутск, 1991. С. 29-38.

Ларина, Т.О. Германская социал-демократия и колониальная политика: (Внутрипартийный конфликт 1884-1885 гг.) // Европа, США и колониальный мир. М., 1988. С. 51-67.
Лашкова, Л.Г. Колониальный вопрос в германском рейхстаге в начале XX века // История и историография: зарубежные страны. Брянск, 2001. С. 108-126.
Луконин, Ю.В.; Новиков, С.С. Актуальные теоретические проблемы изучения колониализма // Восток = Oriens. М., 1993. N 6. С. 167-171.
Мельников, А. Колонии Германии 1884-1914 гг. // Рейтар. - М., 2005. N 2. С. 167-180.
Москаленко, А.П. Проникновение германского империализма в Чили // Ежегодник германской истории. М., 1988. 1987. С. 136-156.
Нападовская, Н.Д. Советские историки о проблемах колониальной экспансии Германии в последней трети XIX века: (Изучение англо-герм. колониал. противоречий) // Вопросы германской истории. Днепропетровск, 1985. Вып. 13. С. 109-117.
Непомнящий, Н.Н. «Кому принадлежит земля Гереро?» // Вопросы истории. 1986. N 1. С. 184-189.
Никитин, М.Д.; Парфенов, И.Д. Колониализм в Африке: проблемы историографии и методологии / Под ред. Парфенова И.Д. Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 1995.
От миропорядка империй к имперскому миропорядку / Войтоловский Ф.Г., Гудев П.А., Гиголаев Г.Е. и др.;...Ин-т мировой экономики и международных отношений РАН. М., 2005.
Парфенов, И.Д.; Никитин, М.Д. История колониализма в Африке: цивилизационный подход // Новая и новейшая история. Саратов, 1993. Вып. 14. С. 44-51.
Патрушева, М.О. «Изобретенная традиция»: Основные направления формирования колониального мировоззрения в последней трети XIX - начале XX в. в Германии // Международные отношения в университете XXI века : пути развития в России и за рубежом. Иркутск, 2001. С. 43-49.
Патрушева, М.О. Пангерманизм и колониальная стратегия Германии в конце XIX – начале XX вв. // Россия и Восток: взгляд из Сибири в конце столетия: Материалы и тез. докл. к междунар. науч.-практ. конф., Иркутск, 24-27 мая 2000 г. Иркутск, 2000. Т. 1. С. 22-25.
Пегушев, А.М. Антирабовладельческие санкции в колониальной политике Англии и Германии в Восточной Африке (80-е годы XIX - начало XX в.) // Европа, США и колониальный мир. М., 1988. С. 26-41.
Пегушев, А.М. Имперские идеи в Великобритании и Германии в 1920-е - 1930-е гг // Национальная идея на европейском пространстве в XX веке. М., 2005. Вып. 2. С. 57-75.
Пегушев, А.М.; Туполев, Б.М. Восстание Маджи-Маджи: Становление и кризис германского колониального правления в Восточной Африке / АН СССР. Ин-т всеобщ. истории. М.: Наука, 1991.
Пуховская, Е.Ю. Германская экспансия в Намибии и позиция России // Россия и политика держав в странах Востока: Межвуз. сб. науч. тр. Иркутск, 1991. С. 89-99.
Пуховская Е.Ю. Колониальная политика Германии в Намибии (Юго-Западная Африка) в 1884-1915 гг. Автореферат дис. канд ист. наук. Томск, 1989.
Пуховская, Е.Ю. Лео Каприви и немецкая колониальная идея // Вестн. Междунар. центра азиат. исслед. = Herald of the Intern. center of Asian researches. Иркутск, 1999. N 1. С. 56-67.
Пуховская, Е.Ю. Того и Камерун: Две модели колонизации накануне первой мировой войны // Международные отношения в университете XXI века : пути развития в России и за рубежом. Иркутск, 2001. С. 112-118.

Пуховская, Е.Ю. Экономическая экспансия кайзеровской Германии в Намибии в начале XX века // Взаимоотношения России с афроазиатскими странами в XIX-начале XX веков. Иркутск, 1987. С. 70-84.
Раздел Африки и его последствия / Редкол.: Летнев А.Б. и др.; Ин-т Африки АН СССР. М., 1990.
Рено Ф., Даже С. Африканские рабы в далеком и недавнем прошлом. М.,1991.
Ротштейн Ф.А. Международные отношения в конце XIX в. М.-Л., 1960.
Сахновский, Е.В. Проблема германских колоний в английской буржуазной пропаганде 1914- 1917 годов. Поиски "теоретического" обоснования колониальной экспансии // Проблемы идейно-политической борьбы в странах Западной Европы в новое и новейшее время. Омск, 1986. С. 23-32.
Силин А.С. Экспансия германского империализма на Ближнем Востоке накануне первой мировой войны (1908-1914). М.,1976.
Субботин, В.А. Пауль фон Леттов-Форбек: Восточная Африка в 1914-1918 гг // Восток = Oriens. М., 2003. N 1. С. 64-79.
Тарле, Е.В. Политика: История территориальных захватов (XV-XX век). М.: ЭКСМО-Пресс, 2001.
Ткаченко, С.Г. Вопросы истории германского империализма в трудах академика Ф.А. Ротштейна // Классовая борьба в Германии в период империализма, 1900-1945 г. Челябинск, 1987. С. 38-54.
Троян, С.С. Из истории формирования колониальной идеологии в Германии (1871-1884) // Вопросы новой и новейшей истории стран Европы и Северной Америки. Киев, 1992. С. 22-38.
Троян, С. Политическая борьба в Германии по вопросам колониальной политики (сер. 80-х - нач. 90-х гг. XIX в.). Черновцы, 1993.
Троян, С. Становление и развитие идей немецкого колониализма в 40-х - середине 80-х годов XIX в. Черновцы, 1993.
Троян, С.С. Социально-психологические основы формирования идеологии колониализма в новое время (XVII-XIX вв.). Черновцы, 1992.
Троян, С.С. Формирование идеологии германского колониализма в 1841-1885 гг / Черновиц. гос. ун-т им. Ю.Федьковича. Черновцы, 1991.
Туполев, Б.М. Германский империализм в борьбе за "место под солнцем": Германская экспансия на Ближнем Востоке, в Восточной Африке и в районе Индийского океана в конце XIX - начале XX вв. / АН СССР. Ин-т всеобщ. истории. М.: Наука, 1991.
Туполев, Б.М. Германская колониальная политика и строительство железных дорог в Африке на рубеже XIX-XX веков // Ежегодник германской истории. М., 1987. - 1986. С. 51-73.
Туполев, Б.М. Денежная реформа в Германской Восточной Африке и создание Немецко-восточноафриканского банка // Европа, США и колониальный мир. М., 1988. С. 68-86.
Фокин, С.В. Геополитическое измерение колониальной политики Германии / Рос. акад. гос. службы при Президенте Рос. Федерации. М.: РАГС, 2005.
Фокин, С.В. «Дранг нах Африка»: колониальная политика Германии: (Конец XIX - 30-е годы XX века). М., 2003.
Френкель, М.Ю. К вопросу о периодизации колониализма в Африке // Восток = Oriens. М., 2001. N 2. С. 37-43.
Чарный И.С. Начало колониальной экспансии Германии в Африке (1879-1885). М., 1970.
Чуров А.В. Германский колониализм в Восточной Африке. 1884-1890 гг. Л., 1988.
Чуров, А.В. Германский колониализм в Восточной Африке (1884-1890 гг.) // Вестник Ленингр. ун-та. Сер. 2, История, языкознание, литературоведение. 1987. Вып. 4. С. 73-76.

Чуров, А.В. Установление германского протектората в Восточной Африке в 1885 г // Вестник Ленингр. ун-та. Сер. 2, История, языкознание, литературоведение. 1988.
Широков Г.М. Колониальная система // Восток. 1995. № 6.

Империализм. Общие и теоретические работы.

Albertini, Rudolf von. Europäische Kolonial-Herrschaft: d. Expansion in Übersee von 1880 - 1940. München: Heyne, 1982.
Carocci, G. L'eta dell'imperialismo: Profili di storia contemporanea (1870-1918). Bologna: Il Mulino, 1989. (Le vie della civilta)
Bade, K. J.: Friedrich Fabri und der Imperialismus in der Bismarckzeit. Revolution - Depression - Expansion. Freiburg i. Br./Zurich : Franz Steiner Verlag, 1975 (Beitrage zur Kolonial- undUberseegeschichte,13).
Bade, K. J. (Hrsg.): Imperialismus und Kolonialmission. Kaiserliches Deutschland und koloniales Imperium 1884-1914/18. Wiesbaden : Franz Steiner Verlag, 1982 (Beitrage zur Kolonial- und Uberseegeschichte, 22). – 2.Auflage 1984
Behnen, M. Quellen zur deutschen Außenpolitik im Zeitalter des Imperialismus. Darmstadt, 1977.
Conrad, S.; Osterhammel, J. Das Kaiserreich transnational. Deutschland in der Welt 1871-1914. Gottingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 2004.
Fieldhouse, David Kenneth. The Colonial Empires: A Comparative Survey from the Eighteenth Century. Delacorte Press, 1967.
Fisch, M. : Der Caprivizipfel wahrend der deutschen Kolonialzeit 1890 - 1914. Koln : Rudiger Koppe Verlag, 1996
Fletcher, R. Revisionism and Wilhelmine imperialism // Journal of contemporary history. 1988. Vol. 23, N 3. P. 347-366.
Frohlich, M. Imperialismus. Deutsche Kolonial- und Weltpolitik 1880 - 1914. Munchen :Dtv, 1994.
German imperialism in Africa: From the beginnings until the 2nd World War / Ed. by Stoecker H.; Transl. from the Germ. by B. Zollner. L.; Atlantic Highlands (N.J.): Hurst, 1986.
Grohmann, Marc. Exotische Verfassung: die Kompetenzen des Reichstags für die deutschen Kolonien in Gesetzgebung und Staatsrechtswissenschaft des Kaiserreichs (1884 - 1914). Tübingen : Mohr Siebeck, 2001.
Grunder, H. Christliche Mission und deutscher Imperialismus: eine politische Geschichte ihrer Beziehungen wahrend der deutschen Kolonialzeit (1884 - 1914) unter besonderer Berucksichtigung Afrikas und Chinas. Paderborn: Schoeningh, 1982.
Gutsche, W. Monopole, Staat und Expansion vor 1914: Zum Funktionsmechanismus zwischen Industriemonopolen, Grosbanken u. Staatsorganen in der Ausenpolitik des Dt. Reiches 1897 bis Sommer 1914. B.: Akad.- Verl., 1986. 304 S (Schriften des Zentralinst. fur Geschichte/ Akad. der Wiss. der DDR; Bd 65).
Gutsche, W. Zum Verhaltnis zwischen nationalen Aufstanden, imperialistischen Expansionsbestrebungen und militarstrategischen Zielen europaischer Grosmachte in der zweiten Marokkokrise // Militargeschichte. 1989. Jg. 28, N 2. S. 129-135.
Hafter, A.; Herzog, J. Sklave, Kuli, Lohnarbeiter: Formierung u. Kampf der Arbeiterklasse in Kolonien u. nat. befreiten Landern. Ein hist. Abris. - B.: Dietz, 1988.
Imperialismus, Universalismus, Hegemonie // Politikwissenschaft: Begriffe, Analysen, Theorien. Ein Grundkurs. - Hamburg, 1985. S. 326-360.
Kirchberger, U. Aspekte deutsch-britischer Expansion: dieUberseeinteressen der deutschen Migranten in Großbritannien in der Mitte des 19. Jahrhunderts. Stuttgart: Steiner, 1999 (Beitrage zur Kolonial- undUberseegeschichte, 73).
Klotz, M. (Hrsg.); Ames, E. (Hrsg.); Wildenthal, L. (Hrsg.). Germany's colonial pasts. Lincoln, Nebraska: University of Nebraska Press, 2005.

Krech, Hans. Die Kampfhandlungen in den ehemaligen deutschen Kolonien in Afrika während des 1. Weltkrieges (1914 - 1918). Berlin: Köster, 1999.
Kundrus, B. Moderne Imperialisten. Das Kaiserreich im Spiegel seiner Kolonien. Wien: Bohlau Verlag, 2003.
Laak, D. van. Uber alles in der Welt. Deutscher Imperialismus im 19. und 20. Jahrhundert. Munchen: C. H. Beck Verlag, 2005.
Maier, Gerhart. Abiturwissen Zeitalter des Imperialismus (1870 - 1914/18): das Deutsche Reich und das System der Weltmächte; der Weg zum Ersten Weltkrieg. Stuttgart ; Düsseldorf; Leipzig: Klett, 1999.
Malich, U. Einige historiographische und theoretische Anmerkungen zum Problem der Formierung des Imperialismus, orientiert am deutschen Beispiel // Beitrage zur internationalen Wirtschaftsgeschichte. B., 1985. S. 98-123.
Markmann, Hans-Jochen: Der deutsche Imperialismus, die Kolonial- und Flottenpolitik des Kaiserreichs im Unterricht. Berlin: Pädag. Zentrum, 1979.
Meyers, R. Klio und Kalliope - oder: realhistorische und mythische Elemente in Erklarungen des Imperialismus und der internationalen Abhangigkeit // Neue polit. Lit. Wiesbaden, 1987. Jg. 32, H. 1. S. 5-22.
Mommsen, W. Imperialismus, seine geistigen, politischen und wirtschaftlichen Grundlagen: ein Quellen- und Arbeitsbuch. Hamburg : Hoffmann Campe, 1977.
Osterhaus, A. Europaischer Terraingewinn in Schwarzafrika. Das Verhaltnis von Presse und Verwaltung in sechs Kolonien Deutschlands, Frankreichs und Großbrittaniens. Frankfurt am Main: Lang, 1990.
Perras, A. Carl Peters and German Imperialismus, 1856 - 1918: a political bibliography. Oxford: Oxford University Press, 2004.
Ragatz, Lowell Joseph. The Literature of European Imperialism, 1815-1939 : A Bibliography. P. Pearlman, 1944.
Ravasani, Schapour. Welche Produktionsweise herrscht in den kolonisierten Gesellschaften vor?: koloniale Produktionsweise, Kompradorenklasse, Pauperismus in den Kolonien. Hamburg: Theorie-und-Praxis-Verl., 1997.
Reinhard, W. Geschichte der europaischen Expansion. Stuttgart etc.: Kohlhammer, 1985. Bd 2. : Die Neue Welt.
Schmidt, Gustav. Der europaische Imperialismus. Munchen: Oldenbourg, 1985.
Schnurer, Jos: "Ohne Kolonien, Volk in Not. Mit Kolonien, Arbeit und Brot" : deutsche imperiale Politik und die Jugend im Kaiserreich: die Kinder- und Jugendzeitschrift "Jambo". Paulo-Freire-Kooperation e.V. [Oldenburg]: Paulo-Freire-Verl., 2006.
Smith, W. The German Colonial Empire. Chapel Hill : University of North Carolina Press, 1978.
Steltzer, H. G. Die Deutschen und ihr Kolonialreich. Frankfurt am Main, 1984.
Winzer, F. Herren, Sklaven und Soldaten: Die Geschichte der Kolonialpolitik vom 15. bis zum 20. Jh. Frankfurt a.M. etc.: Ullstein, 1985.

Имперская экономика

Bade, K. J. Imperial Germany und West Afrika: Colonial Movement, Economic Interest and Bismarck's «Colonial Policies» /R. Robinson, S. F. u. (Hrsg.). Bismarck, Europe and Africa. The Berlin West Africa Conference 1884/85 and the Onset of Partition. London, 1988. S. 121–147.
Bade, K. J. Enthusiasmus und Kalkul: Kolonialbewegung und Wirtschaftsinteressen in der Bismarckzeit // Scripta Mercaturae, 2 (1996). S. 1–27.
Bairoch, P. Economics and world history: Myths and paradoxes. Chicago: Univ. of Chicago press, 1993.
Barth, B. Die deutsche Hochfinanz und die Imperialismen. Banken und Auenpolitik vor 1914. Stuttgart : Franz Steiner Verlag, 1995 (Beitrage zur Kolonial- undUberseegeschichte,

61).
Erbar, R. : Ein ’Platz an der Sonne’? Die Verwaltungs- und Wirtschaftsgeschichte der deutschen Kolonie Togo 1884 - 1914. Stuttgart : Franz Steiner Verlag, 1991 (Beitrage zur Kolonial- undUberseegeschichte, 51).
Faktoren der Entstehung und Überwindung unfreier Arbeit in Europa und in den afrikanischen Kolonien / von Heinrich Scholler/Silvia Tellenbach (Hrsg.). Münster: Lit, 2005.
Das Geldwesen der ehemaligen deutschen Kolonien . Köln: Kreissparkasse Köln, Geldgeschichtl. Sammlg, 1959.
Keller, Arnold. Das Papiergeld der deutschen Kolonien. Münster/Westf.: Numismatischer Verl. Dombrowski, 1967.
Laak, D. van: Imperiale Infrastruktur: Deutsche Planungen fur die Erschließung Afrikas 1880-1960. Paderborn : Ferdinand Schoning Verlag, 2004.
Schiefel, W. Bernhard Dernburg, 1865 - 1937. Kolonialpolitiker und Bankier im wilhelminischen Deutschland. Zurich: Atlantis Verlag, 1974.
Schinzinger, F. Die Kolonien und das Deutsche Reich: die wirtschaftliche Bedeutung der deutschen Besitzungen inUbersee. Wiesbaden: Franz Steiner Verlag, 1984 (Wissenschaftliche Paperbacks Sozial- und Wirtschaftsgeschichte; 20)
Solow, B.L. Capitalism and slavery in the exceeding long run // Journal of interdisciplinary history. Cambridge (Mass.), 1987. Vol. 17. N 4. P. 711-737.
Schulte, Dieter. Die "Ära Dernburg" (1906 bis 1910): zum Charakter der Herrschaft des Finanzkapitals in den deutschen Kolonien. Berlin: Humboldt-Universität, 1976.
Tetzlaff, R. Koloniale Entwicklung und Ausbeutung. Wirtschafts- und Sozialgeschichte Deutsch-Ostafrikas 1885 -1914. Berlin : Duncker und Humblot, 1970 (Schriften zur Wirtschafts- und Sozialgeschichte, 17).
Voeltz, R. A German Colonialism and the South West Africa Company, 1884 - 1914. Athen: Ohio Univ. Ctr. for Intl. Studies, 1988.
Weber, K. Deutsche Kaufleute im Atlantikhandel 1680-1830. Unternehmen und Familien in Hamburg, Cadiz und Bordeaux. Munchen: C. H. Beck Verlag, 2004.
Wirz, A. Vom Sklavenhandel zum kolonialen Handel. Wirtschaftsraume und Wirschaftsformen in Kamerun vor 1914. Zurich: Atlantis Verlag, 1972 (Beitrage zur Kolonial- und Uberseegeschichte, 10).

Империя как категория культуры

Adick, C.; Mehnert, W. Deutsche Missions- und Kolonialpadagogik in Dokumenten: Eine kommentierte Quellensammlung aus den Afrikabestanden deutschsprachiger Archive 1884 - 1914. Frankfurt am Main : IKO, 2001 (Historisch-vergleichende Sozialisations- und Bildungsforschung, 2).
Bade, K. J. Culture, Cash and Christianity: The German Colonial Experience and the Case of the Renish Mission in New Guinea // Pacific Studies, 10 (1987), S. 53–71.
Bruch, R. vom (Hrsg.); Bott, M.-L. (Hrsg.); Eckert, A. (Hrsg.). Universitaten und Kolonialismus. Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 2004 (Jahrbuch fur Universitatsgeschichte, 7)
Chun-Shik, K. Deutscher Kulturimperialismus in China. Deutsches Kolonialschulwesen in Kiautschou (China 1998-1914. Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 2004 (Missionswissenschaftliches Archiv, 8)
Dreyer, R. F. The mind of official imperialism: British and Cape government perceptions of German rule in Namibia from the Helgoland-Zanzibar treaty to the Kruger telegram (1890-1896). Essen: Hobbing, 1987.
El-Tayeb, F. Schwarze Deutsche. Der Discurs um “Rasse” und nationale Identitat 1890-1933. Campus-Verlag. Frankfurt a. M., 2001.
Engel, L. Kolonialismus und Nationalismus im deutschen Protestantismus in Namibia 1907 bis 1945: Beitrag zur Geschichte der deutschen evangelischen Mission und Kirche im

ehemaligen Kolonial- und Mandatsgebiet Sudwestafrika. Bern : Lang, 1976.
Fabian, J. Im Tropenfieber. Wissenschaft und Wahn in der Erforschung Zentralafrikas. Munchen : C. H. Beck Verlag, 2001.
Fiedler, M. Zwischen Abenteuer, Wissenschaft und Kolonialismus. Der deutsche Afrikadiskurs im 18. und 19. Jahrhundert. Koln: Bohlau Verlag, 2005.
Friedrichsmeyer, S. (Hrsg.); Lennox, S. (Hrsg.); Zantop, S. (Hrsg.). The imperialist imagination: German colonialism and its legacy. Ann Arbor/Mich.: Univ. of Michigan Press, 1999.
Graudenz, K. Die deutschen Kolonien. Geschichte der deutschen Schutzgebiete in Wort, Bild und Karte. Munchen: Heyne, 1982.
Hartmann, K. Atlas-Tafel-Werk zu Bibel und Kirchengeschichte: Karten, Tab., Erl. Stuttgart: Quell, 1983. Bd 5. : Geschichte der Kirchen in der Neuzeit. Teilbd 1.
Honold, A. (Hrsg.); Simons, O. (Hrsg.). Kolonialismus als Kultur, Literatur, Medien, Wissenschaft in der deutschen Grunderzeit des Fremden. Tubingen, Basel: Francke Verlag, 2002.
Honold, A. (Hrsg.); Scherpe, K. R. (Hrsg.). Mit Deutschland um die Welt. Eine Kulturgeschichte des Fremden in der Kolonialzeit. Stuttgart : J. B. Metzler Verlag, 2004.
Kundrus, B. Phantasiereiche. Zur Kulturgeschichte des deutschen Kolonialismus. Frankfurt am Main: Campus Verlag, 2003.
Lawrance, B. N. Most obedient servants: The politics of language in German colonial Togo // Cahiers d'é africaines, 40 (2000), S. 489–524.
Markmiller, A. 'Die Erziehung des Negers zur Arbeit': wie die koloniale Padagogik afrikanische Gesellschaften in die Abhangigkeit fuhrte. Berlin : Reimer, 1995.
Meinecke, G. Die deutschen Kolonien in Wort und Bild. Geschichte, Lander- und Volkerkunde, Tier- und Pflanzenwelt, Handels- und Wirtschaftsverhaltnisse der Schutzgebiete des deutschen Reiches. Leipzig, o.J.
Melber, H. Schule und Kolonialismus: das formale Erziehungswesen Namibias. Hamburg: Institut fur Afrikakunde, 1979.
Oermann, N. O. Mission, Church and State Relations in South-West Africa under German Rule (1884-1915). Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 1999.
Oloukpona-Yinnon, A. P. Unter deutschen Palmen: Die 'Musterkolonie' Togo im Spiegel deutscher Kolonialliteratur (1884 - 1944). Frankfurt am Main: IKO-Verlag fur Interkulturelle Kommunikation, 1998.
Pyenson, L. Cultural imperialism and exact sciences: German expansion overseas, 1900-1930. N.Y. etc.: Lang, 1985. (Studies in history a. culture; Vol.1).
Rummelt, Peter. Sport im Kolonialismus - Kolonialismus im Sport: zur Genese u. Funktion d. Sports in Kolonial-Afrika von 1870 bis 1918. Köln: Pahl-Rugenstein, 1986.
Scheulen, P. Die 'Eingeborenen' Deutsch-Sudwestafrikas: ihr Bild in deutschen Kolonialzeitschriften von 1884 bis 1918. Koln: Rudiger Koppe Verlag, 1998 (History cultural
traditions and innovations in Southern Afrika, 5).
Schmidt, W. (Hrsg.); Wolcke-Renk, I. D. (Hrsg.). Deutsch-Sudwestafrika: Fotos aus der Kolonialzeit 1884 - 1918. Erfurt: Sutton, 2001.
Schneppen, H. Sayyida Salme/ Emily Ruete: between Zanzibar and Germany, between Islam and Christianity. Dar es Salaam: National Museums of Tanzania, 1999.
Schubert, M. Der schwarze Fremde: das Bild des Schwarzafrikaners in der parlamentarischen und publizistischen Kolonialdiskussion in Deutschland von den 1870er bis in die 1930er Jahre. Stuttgart: Steiner, 2003.
Seidel, August: Deutschlands Kolonien: koloniales Lesebuch für Schule und Haus; Beschreibung der deutschen Schutzgebiete nebst einer Auswahl aus der kolonialen Literatur. Erftstadt: Area, 2004.
Sippel, H. 'Im Interesse des Deutschtums und der weißen Rasse': Behandlung und

Rechtswirkungen von ’Rassenmischehen’ in den Kolonien Deutsch-Ostafrika und Deutsch-Sudwestafrika // Jahrbuch fur afrikanisches Recht 1995. Im Auftrag der Gesellschaft fur afrikanisches Recht. Koln: Rudiger Koppe Verlag, 1997, S. 123–159.
Smidt, K. ’Germania fuhrt die deutsche Frau nach Sudwest’: Auswanderung, Leben und soziale Konflikte deutscher Frauen in der ehemaligen Kolonie Deutsch-Sudwestafrika 1884 1920; eine sozial- und frauengeschichtliche Studie. LIT Verlag, 1997.
Speitkamp, W. Deutsche Kolonialdenkmaler in Afrika. Moglichkeiten und Grenzen des interkulturellen Transfers von Erinnerungsweisen // Spiegel der Forschung. Wissenschafts-magazin (2000), S. 4–12.
Speitkamp, W. Kolonialherrschaft und Denkmal. Afrikanische und deutsche Erinnerungskultur im Konflikt / Martini, W. (Hrsg.): Architektur und Erinnerung. Gottingen : Vandenhoeck und Ruprecht, 2000, S. 165–190.
Stahr, H. Fotojournalismus zwischen Exotismus und Rassismus. Darstellungen von Schwarzen und Indianern in Foto-Text-Artikeln deutscher Wochenillustrierter 1919-1939. Hamburg: Verlag Dr. Kovac, 2004 (Schriften zur Kulturwissenschaft, 57).
Thode-Arora, H. Fur funfzig Pfennig um die Welt. Die Hagenbeckschen Volkerschauen. Frankfurt a. M.: Campus Verlag, 1989.
Trepsdorf, Daniel K. W. Afrikanisches Alter Ego und europäischer Egoismus : eine komparative Studie zur Selbst- und Fremdenperzeption im Wilhelminischen Deutschland und Spätviktorianischen Großbritannien (1884 - 1914); ausgewählte Aspekte zur Wahrnehmungskultur des "wilden schwarzen Anderen" sowie deren Konsequenzen für die indigene Bevölkerung der britischen und deutschen Kolonien im südlichen Afrika. Dresden: TUDpress, 2006.
Wächter, H. Jürgen. Naturschutz in den deutschen Kolonien in Afrika (1884-1918).Münster, Westf: LIT, 2008.
Walther, D. J. Creating Germans abroad: cultural policies and national identity in Namibia. Athens: Ohio University Press, 2002.
Warmbold, J. Deutsche Kolonialliteratur. Aspekte ihrer Geschichte, Eigenart und Wirkung, dargestellt am Beispiel Afrikas. Lubeck, 1982.
Wassink, J. Auf den Spuren des deutschen Volkermordes in Sudwestafrika. Der Herero- / Nama- Aufstand in der deutschen Kolonialliteratur. Eine literarhistorische Analyse. Munchen: Martin Meidenbauer Verlag, 2004.
Wilke, Kerstin: Die deutsche Banane: Wirtschafts- und Kulturgeschichte der Banane im Deutschen Reich 1900 – 1939. 2004.
Zache, Hans (Hrsg.). Die deutschen Kolonien in Wort und Bild. Wiesbaden: Marix-Verl., 2004.
Zantop, S. M. Kolonialphantasien im vorkolonialen Deutschland (1770 - 1870). Berlin: Schmidt, 1999 (Philologische Studien und Quellen, 158).
Zeller, J. Kolonialdenkmaler und Geschichtsbewußtsein: eine Untersuchung der kolonialdeutschen Erinnerungskultur. Frankfurt am Main: IKO Verlag fur Interkulturelle Kommunikation, 2000. – Zugl.: Berlin, Techn. Univ., Diss., 1999.

Империя колониальная

Albertini, R. von. Dekolonisation. Die Diskussionuber die Verwaltung und Zukunft der Kolonien 1918 - 1960. Koln : Westdeutscher Verlag, 1966 (Beitrage zur Kolonial- und Uberseegeschichte,1)
Ames, E. Germany’s colonial pasts. Lincoln : University of Nebraska Press, 2005.
Bade, K. J. Die deutsche Kolonialexpansion in Afrika: Ausgangssituation und Ergebnis. In: Furnrohr, W. (Hrsg.): Afrika im Geschichtsunterricht europaischer Lander: Von der Kolonialgeschichte zur Geschichte der Dritten Welt. Munchen, 1982, S. 13–47.
Becker, F. (Hrsg.). Rassenmischehen - Mischlinge - Rassentrennung. Zur Politik der Rasse im deutschen Kolonialreich. Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 2004 (Beitrage zur

Europaischen Uberseegeschichte, 90).
Becker, W. Kulturkampf als Vorwand: Die Kolonialwahlen von 1907 und das Problem der Parlamentarisierung des Reiches // Hist. Jb. 1986. Hbd 1. S. 59-84.
Deutsche Kolonien: Traum und Trauma / Gisela Graichen ; Horst Gründer. Unter Mitarb. von Holger Dietrich. Berlin: Ullstein, 2007.
Fischer, Hans-Jörg. Die deutschen Kolonien: die koloniale Rechtsordnung und ihre Entwicklung nach dem ersten Weltkrieg. Berlin: Duncker und Humblot, 2001.
Friedewald, Michael. Funkentelegrafie und deutsche Kolonien: Technik als Mittel imperialistischer Politik. Karlsruhe: ISI, 2001.
Frohlich, M. Von Konfrontation zur Koexistenz: die deutsch-englischen Beziehungen in Afrika zwischen 1884 und 1914. Bochum : Brockmeyer, 1969.
Fuhrmann, Malte. Der Traum vom deutschen Orient: zwei deutsche Kolonien im Osmanischen Reich; 1851 - 1918. Frankfurt/Main; New York: Campus-Verl., 2006.
Grosse, P. Kolonialismus, Eugenik und burgerliche Gesellschaft in Deutschland 1850-1918. Frankfurt am Main: Campus Verlag, 2000.
Grunder, H. (Hrsg.). '...da und dort ein junges Deutschland grunden': Rassismus, Kolonien und kolonialer Gedanke vom 16. bis zum 20. Jahrhundert. Munchen: Deutscher Taschenbuch Verlag, 1999.
Grunder, H. Geschichte der deutschen Kolonien. Paderborn: Schoningh, 2004.
Grupp, Peter. Deutschland, Frankreich und die Kolonien: die französische "Parti colonial" und Deutschland von 1890-1914. Tübingen: Mohr, 1980.
Henderson W. O. The German Colonial Empire 1884-1919. Longman, 1993.
Henderson, W. O. Studies in German Colonial History. London, Frank Cass & Co. Ltd, 1962.
Heyden, U. van d. (Hrsg.); Zeller, J. (Hrsg.). Kolonialmetropole Berlin: Eine Spurensuche. Berlin : Berlin - Edition, 2002.
Knoll, Arthur J. and Lewis H. Gann (ed). Germans in the Tropics: Essays in German Colonial History. Westport, Conn., Greenwood Press, 1987.
Koltermann, T. P. Zur brandenburgischen Kolonialgeschichte: Die Insel Arguin vor der Kuste Mauretaniens. Potsdam: Brandenburgisches Entwicklungspolitisches Institut, 1999 (Brandenburgische entwicklungspolitische Hefte, 28).
Krause, Ingo Till. "Koloniale Schuldlüge"? : die Schulpolitik in den afrikanischen Kolonien Deutschlands und Britanniens im Vergleich. Hamburg: Kovac, 2007.
Längin, Bernd G. Die deutschen Kolonien: Schauplätze und Schicksale; 1884 - 1918. Hamburg; Berlin; Bonn: Mittler, 2005.
Le livre noir du colonialisme: XVIe-XXIe siecle : De l'extermination a la repentance / Beaufils Th., Benot Y., Bernard C. et al.; Sous la direction de Ferro M. P.: Robert Laffont, 2003.
Louis, William Roger. Das Ende des deutschen Kolonialreiches: Britischer Imperialismus und die deutschen Kolonien, 1914 - 1919. [Übers. von Gerd Weissenberg.]. Düsseldorf: Bertelsmann-Universitätsverlag, 1971.
Marx, C. 'Volker ohne Schrift und Geschichte'. Zur historischen Fassung des vorkolonialen Schwarzafrika in der deutschen Forschung des 19. und fruhen 20. Jahrhunderts. Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 1988 (Beitrage zur Kolonial- undUberseegeschichte, 43).
Memmi, A. Der Kolonisator und der Kolonisierte. Zwei Portraits. Frankfurt am Main: Europaische Verlagsgesellschaft, 1994.
Mohle, H. (Hrsg.). Branntwein, Bibeln und Bananen. Der Deutsche Kolonialismus in Afrika - Eine Spurensuche in Hamburg. Hamburg: Verlag Libertare Assoziation, 1999.
Müller, Fritz Ferdinand. Kolonien unter der Peitsche: Eine Dokumentation. Berlin: Rütten & Loening, 1962.
Niel, R.van. Colonialism revisited: recent historiography // Journal of world history. Honolulu, 1990. Vol. 1, N 1. P. 109-124.

Nuhn, W. Feinduberall: Der Große Nama-Aufstand (Hottentottenaufstand) 1904 - 1908 in Deutsch Sudwestafrika (Namibia); der erste Partisanenkrieg in der Geschichte der deutschen Armee. Bonn : LIT, 2000.
Oloukpona-Yinnon, A.P. «...Notre place au soleil» ou l'Afrique des pangermanistes, 1878-1918. P.; Lome: L'Harmattan, 1985.
Phillips, J. A. S. Deutsch-englische Kommodie der Irrungen um Sudwestafrika: eine Studie zu Bismarcks Kolonialpolitik und deren Folgen. Pfaffenhofen: Afrika-Verl., 1986.
Rollins, W. H. Imperial shades of green: Conservation and environmental chauvinism in the German colonial project // German Studies Review, 22 (1999), S. 187–213.
Schildknecht, J. Bismarck, Sudwestafrika und die Kongokonferenz: Die volkerrechtlichen Grundlagen der effektiven Okkupation und ihre Nebenpflichten am Beispiel des Erwerbs der ersten deutschen Kolonie. Munster, Hamburg u.a.: LIT, 2000 (Juristische Schriftenreihe, 135).
Schmitt, E.; Beck T. (Hrsg.). Das Leben in den Kolonien. Wiesbaden: Harrassowitz, 2003.
Schwarz, M.-T. 'Je weniger Afrika, desto besser'- die deutsche Kolonialkritik am Ende des 19. Jahrhunderts: eine Untersuchung zur kolonialen Haltung von Linksliberalismus und Sozialdemokratie. Frankfurt am Main: Peter Lang, 1999.
Westphal, Wilfried. Ein Weltreich für den Kaiser: Geschichte der deutschen Kolonien. Köln: Parkland-Verl., 2001.
Woodruff Smith, D. The German Colonial Empire. Chapel Hill, University of North Carolina Press, 1978.

Африка

Afrika und der deutsche Kolonialismus: Zivilisierung zwischen Schnapshandel u. Bibelstunde / Hrsg. : Nestvogel R., Tetzlaff R. B.; Hamburg: Reimer, 1987. 218 S (Hamburger Beitr. zur off. Wiss.; Bd 2)
Aas, N. Koloniale Entwicklung im Bezirksamt Lindi (Deutsch-Ostafrika): deutsche Erwartungen und regionale Wirklichkeit. Bayreuth : Bumerang-Verl., 1989.
Akinwumi, O. The colonial contest for the Nigerian region 1884 - 1900: A history of the German participation. Munster : LIT, 2002.
Arndt, S. (Hrsg.). Afrika und die deutsche Sprache: ein kritisches Nachschlagewerk. 1. Munster : Unrast-Verlag, 2004.
Arnold, B. Steuer und Lohnarbeit im Sudwesten von Deutsch-Ostafrika, 1891 - 1916; eine historisch-ethnologische Studie. Munster : LIT, 1994 (Europa -Ubersee, 4).
Babing, A. Namibia - das Land der Sonne: von der deutsch-sudafrikanischen Kolonie zu einem freien unabhangigen afrikanischen Staat. Berlin : trafo Verlag, 2003.
Baer, M. ; Schroter, O. Eine Kopfjagd: Deutsche in Ostafrika. Spuren kolonialer Herrschaft. 1. Berlin : Links, 2001.
Bald, D. Deutsch-Ostafrika 1900 - 1914. Eine Studieuber Verwaltung, Interessengruppen und wirtschaftliche Erschließung. Munchen : Weltforum Verlag, 1970 (Afrika-Studien/ Hrsg. Ifo-Institut fur Wirtschaftsforschung, Munchen; Afrika-Studienstelle; 54)
Baumgart, W. : Die deutsche Kolonialherrschaft in Afrika. In: Neue Wege der Forschung, Vierteljahresschrift fur Sozial- und Wirtschaftsgeschichte 58 (1971), S. 468–481.
Becher, J. Dar-es-Salaam, Tanger und Tabora: Stadtentwicklung in Tansania unter deutscher Kolonialherrschaft (1885-1914). Stuttgart : Steiner, 1979 (Missionsgeschichtliches Archiv, 3). – Zugl.:Berlin, Humbold-Univ., Diss. 1995.
Bechhaus-Gerst, M. (Hrsg.). AfrikanerInnen in Deutschland 1880-1954 - Deutsche in Afrika 1880 - 1918. Frankfurt am Main : Lang, 2003.
Becker, F. ; Beez, J. Der Maji-Maji-Krieg in Deutsch-Ostafrika. 1905-1907. Gottingen: Christoph Links Verlag, 2005.
Bismarck, Europe and Africa. The Berlin Africa conference 1884-1885 and the onset of partition / Ed. by Forster S., Wolfgang J. et al. Oxford, 1988.

Bley, H. Dekolonisation in Afrika, eine Zeitenwende? // Zeitenwenden. Hamburg, 2002. P. 37-58.
Bley, H. Kolonialherrschaft und Sozialstruktur in Deutsch-Sudwestafrika 1894 - 1914. Hamburg: Leibniz-Verl., 1968 (Hamburger Beitrage zur Zeitgeschichte, 5).
Bley, H. Namibia under German rule. 2. Hamburg : LIT, 1996 (Studien zur afrikanischen Geschichte, 5).
Bley, H. South West Africa under German rule 1894-1914. London: Heinemann, 1971.
Bottger, J.H. Kolonialismus, Kolonialdiskurs und Genozid - 99 Jahre nach dem Volkermord an den Herero fragt eine Tagung in Bad Boll nach dem gewaltgenerierenden Potential kolonialer Diskurse // Welt Trends. 2003. N 39. S. 184-186.
Boulleys, V. E. Deutsch in Kamerun. Bamberg: Collibri, 1998 (Dr. Rabes Hochschulschriften, Bd. 3).
Buckendorf, J. 'Schwarz-weiß-rotuber Ostafrika!': deutsche Kolonialplane und afrikanische Realitat. Munster: LIT, 1997 (Europa -Ubersee, 5).
Bridgman, J. M. The revolt of the Hereros. Berkeley: University of California Press, 1981.
Buhler, A. H.: Der Namaaufstand gegen die deutsche Kolonialherrschaft in Namibia von 1904 - 1913. Frankfurt am Main : IKO-Verlag fur Interkulturelle Kommunikation, 2003.
Calvert, Albert F. South-west Africa during the German Occupation 1884-1914. New-York, Negro University Press, 1969.
Caupeil, F. coise: La question foncière à Anetho (Togo) pendant la periode allemande (1888 - 1913). Leipzig: Institut fur Afrikanistik, 2004.
Cohen, C. «The natives must first become good workmen»: Formal educational provision in German South West and East Africa compared // Journal of Southern Africa studies. 1993. Vol. 19, N 1. P. 115-134.
Collyer, General J. J. The Campaign in German South West Africa, 1914-1915. Nashville: Battery Press, 1997 (1937).
Dedering, T. The German-Herero War of 1904: Revisionism of genocide or imaginary historiography? // Journal of Southern Africa studies. 1993. Vol. 19, N 1. P. 80-88.
Demhardt, I. J. Deutsche Kolonialgrenzen in Afrika: Historisch-geographische Untersuchungen ausgewahlter Grenzraume von Deutsch-Sudwestafrika und Deutsch-Ostafrika. Hildesheim u.a.: Olms, 1979 (Historische Texte und Studien, 16). – Zugl.: Frankfurt a. Main, Univ. Diss. 1995.
Drechsler, H. Sudwestafrika unter deutscher Kolonialherrschaft, Bd.1: Der Kampf der Herero und Nama gegen den deutschen Imperialismus (1884 - 1915). Berlin/Ost: Akademie Verlag, 1966.
Drechsler, H. Sudwestfafrika unter deutscher Kolonialherrschaft, Bd.2: Die großen Land- und Minengesellschaften (1885 - 1914). Stuttgart : Franz Steiner Verlag, 1996.
Drechsler, H. Aufstande in Sudwestafrika: der Kampf der Herero und Nama 1904 bis 1907 gegen die deutsche Kolonialherrschaft. Berlin: Dietz, 1984.
Esterhuyse, J. H. South West Africa 1880-1894. The Establishment of German Authority in South West Africa. Cape Town: C. Struik, 1968.
Forster, L. (Hrsg.); Henrichsen, D. (Hrsg.); Bollig, M. (Hrsg.). Namibia - Deutschland: eine geteilte Geschichte. Widerstand, Gewalt, Erinnerung. Wolfratshausen: Edition Minerva, 2004.
Gann, L. H. & Duignan, Peter. The Rulers of German Africa 1884 - 1914. Stanford,Stanford University Press, 1977.
Gardner, Brian. German East: The Story of the First World War in East Africa. London, Cassell, 1963.
Gewald, J.-B. Herero heroes: A socio-political history of the Herero of Namibia 1890-1923. Ohio: Ohio University Press, 1999.

Gewald, J.-B. ; Silvester, J. Words Cannot Be Found: German Colonial Rule in Namibia: an annotated reprint of the 1918 Blue Book. Leiden and Boston: Brill Academic Publishers, 2003.
Glocke, N. Zur Geschichte der Rheinischen Missionsgesellschaft in Deutsch-Sudwestafrika unter besonderer Berucksichtigung des Kolonialkrieges von 1904 bis 1907. Bochum: Brockmeyer, 1997.
Haspel, A. Kontinuitat oder Wandel?: Das besondere Verhaltnis von Deutschen zu Namibia. Hamburg: Kovac, 1995.
Hausen, K. Deutsche Kolonialherrschaft in Afrika. Zurich : Atlantis Verlag, 1970 (Beitrage zur Kolonial- undUberseegeschichte, 6).
Heine, P. (Hrsg.). Studien zur Geschichte des deutschen Kolonialismus in Afrika: Festschrift zum 60. Geburtstag von Peter Sebald. Pfaffenweiler: Centaurus Verlag Gesellschaft, 1995.
Herrmann, G. Die Deutschen in Togo: Die deutsche Kolonialara in der Geschichte Togos 1884-1914; Daten, Bilder, Fakten. Stuttgart : Selbstverlag, Peter Sebald (Hrsg.), 2001.
Hinz, M. O.; Patemann, H.; Meier, A. Weiß auf Schwarz. 100 Jahre Einmischung in Afrika. Deutscher Kolonialismus und afrikanischer Widerstand. Berlin: Elephanten Press Verlag, 1984.
Jaenecke, H. Die weißen Herren: 300 Jahre Krieg und Gewalt in Sudafrika. 5. akt. Hamburg: Gruner und Jahr, 1986.
Kaulich, U. Die Geschichte der ehemaligen Kolonie Deutsch-Sudwestafrika (1884-1914): eine Gesamtdarstellung. Frankfurt am Main: Lang, 2001.
Knoll, A. Togo under imperial Germany 1884-1914: a case study in colonial rule. Stanford, California: Hoover Institution Press, 1978.
Koponen, J. Development for exploitation: German colonial policies in Mainland Tanzania, 1884-1914. 2., corr. Hamburg: LIT, 1995.
Kruger, G. Kriegsbewaltigung und Geschichtsbewußtsein: Realitat, Deutung und Verarbeitung des deutschen Kolonialkriegs in Namibia 1904 bis 1907. Gottingen: Vandenhoeck& Ruprecht, 1999 (Kritische Studien zur Geschichtswissenschaft,133).
Kuß, S. Ein ganz normaler Kolonialaufstand? Der Maji-Majikrieg und die Entstehung des Nationalismus in Tansania // Blatter des Informationszentrums Dritte Welt, 276 (2004), S. 24–26.
Lamparter, W. Erziehung zur Arbeit. Zum britischen und deutschen Kolonialismus im sudlichen Afrika. Gießen, 1998.
Mann, E. Mikono ya damu: African mercenaries and the politics of conflict in German East Africa, 1888-1904. Frankfurt am Main: Lang, 2002.
Mayer, W. (Hrsg.); Metzger, F. (Hrsg.); Wilhelmi, J. (Hrsg.). Schwarz-Weiss-Rot in Afrika: die deutschen Kolonien 1883-1918. Puchheim: IDEA Verlag, Edition Historica, 1985.
Meisenhelder, Th. Marx, Engels, and Africa // Science and society. 1995. Vol. 59, N 2. P. 197-205.
Moberly, F. J. Military Operations, Togoland & the Cameroons. Vol. III. Battery Press, 1918.
Nestvogel, R.; Tetzlaff, R. Afrika und der deutsche Kolonialismus. Zivilisierung zwischen Schnapshandel und Bibelstunde. Berlin, Hamburg: Reimer, 1987.
Niesel, H.-J. Kolonialverwaltung und Missionen in Deutsch-Ostafrika, 1890-1914. Berlin,1971.
Nordbruch, C. Der Hereroaufstand 1904. Stegen: Kurt Vowinckel Verlag, 2002.
Nuhn, W. Sturmuber Sudwest: der Hereroaufstand von 1904 - ein dusteres Kapitel der deutschen kolonialen Vergangenheit Namibias. Koblenz: Bernard und Graefe, 1989.
Pesek, M. Koloniale Herrschaft in Deutsch-Ostafrika: Expeditionen, Militar und Verwaltung seit 1880. Frankfurt am Main: Campus-Verlag, 2005.

Prothero, G. W. German African possessions: Togoland, Cameroon, South-West Africa, Tanganyika, German treatment of... Vol. XVIII of the Peace Handbooks Issued by the Historical Section of the British Foreign Office, Tanzania, Munger Africana Library, 1969(1920 1st ed.), Greenwood, NY.
Remde, A. Schwerer Start: Die Unabhangigkeit Namibias und das deutsche Engagement // Polit. Meinung. Bonn, 1989. Jg. 34, N 244. S. 42-47.
Rudin, Harry. Germans in the Cameroons 1884-1914. A case study in Modern imperialism. New Haven, 1938.
Santos Lopes, M. dos. Afrika. Eine neue Welt in deutschen Schriften des 16. und 17. Jahrhunderts. Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 1992 (Beitrage zur Kolonial- und Uberseegeschichte, 53).
Schmuhl, H. W. Deutsche Kolonialherrschaft und Ethnogenese in Ruanda, 1897 - 1916: Antrittsvorlesung an der Universitat Bielefeld am 12. 6. 1996 // Geschichte und Gesellschaft 26, 2 (1996), S. 307–334.
Schneppen, H. Sansibar und die Deutschen: ein besonderes Verhaltnis, 1844-1966. Munster : LIT, 2003.
Seeberg, K.-M. Der Maji-Maji-Krieg gegen die deutsche Kolonialherrschaft. Historische Ursprunge nationaler Identitat Tansanias. Berlin: Reimer, 1989.
Seligmann, Matthew S. Rivalry in Southern Africa, 1893-99: the transformation of German colonial policy. St. Martin's Press, 1998.
Stoecker, H. (Hrsg.). Drang nach Afrika. Die deutsche koloniale Expansionspolitik und Herrschaft in Afrika von den Anfangen bis zum Verlust. Berlin, 1991.
Stoecker, Helmuth. German imperialism in Africa : from the beginnings until the second world war. London, C. Hurst & Company, 1986.
Strizek, Helmut. Geschenkte Kolonien: Ruanda und Burundi unter deutscher Herrschaft; mit einem Essay über die Entwicklung bis zur Gegenwart. Frankfurt, M.; Wien; Zürich: Büchergilde Gutenberg, 2007.
Trotha, T. von. Koloniale Herrschaft: zur soziologischen Theorie der Staatsentstehung am Beispiel des ’Schutzgebietes Togo’. Repr. Tubingen: Mohr, 1994.
Trotha, T. von. Das ’deutsche Nizza an Afrikas Westkuste’: Zur politischen Soziologie der kolonialen Hauptstadt am Beispiel Lomes der Jahre 1897 – 1914 // Sociologus, 49 (1999), S. 116–118.
Voeltz, Richard A. German Colonialism and the South West Africa Company 1894-1914. Athens, USA, Ohio University, 1988.
Wesseling, H. L. Teile und herrsche. Die Aufteilung Afrikas 1880-1914. Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 1999.
Zeller, J. Wie Vieh wurden hunderte zu Tode getrieben und wie Vieh begraben. Fotodokumente aus dem deutschen Konzentrationslager in Swakopmund/Namibia 1904-1908 // Zeitschrift fur Geschichtswissenschaft, 3 (2001), S. 226–243.
Zeller, J. (Hrsg.); Zimmerer, J. (Hrsg.). Volkermord in Deutsch-Sudwestafrika: der Kolonialkrieg (1904-1908) in Namibia und seine Folgen. Berlin: Christoph Links Verlag, 2003.
Zimmerer, J. Deutschlands erster Genozid: der Volkermord an den Herero und Nama // Der Uberblick, 40 (2004), S. 83–86.
Zorgbibe, C. From Bismarck to Hitler: Germany and Africa // African Geopolitics. Paris, 2003, S. 167–180.

Дальний Восток, Океания

European impact and Pacific influence; British and German colonial policy in the Pacific Islands / Ed. by Hermann J. Hiery and John M. MacKenzie I.B. Tauris & Co., 1997.
Burnell, F. S. Australia versus Germany. The Story of the Taking of German New Guinea. London, George Allen & Unwin. 1915.

Gerlach, Hans H. China, Kiautschou und die Kaiserliche Marine (Abschlußband) : Atlas - Handbuch - Katalog der postalischen Entwertungen. Königsbronn, Württ : PHILATHEK, 2007.
Hempenstall, Peter J. Pacific Islanders under German rule. Canberra, Australian National University Press. 1978.
Herold, Heiko. Deutsche Kolonial- und Wirtschaftspolitik in China: 1840 bis 1914; unter besonderer Berücksichtigung der Marinekolonie Kiautschou. Köln: Ozeanverl. Herold, 2006.
Hiery, H. J. (Hrsg.). Die deutsche Sudsee 1884 - 1914. Ein Handbuch. Paderborn : Ferdinand Schoningh Verlag, 2001.
Hiery, H. J. Das Deutsche Reich in der Sudsee: (1900 - 1921); eine Annaherung an die Erfahrungen verschiedener Kulturen. Gottingen : Vandenhoeck und Ruprecht, 1995.
Hiery, Hermann Joseph. The neglected war. The German South Pacific and the influence of World War I. Honolulu, University of Hawaii Press, 1995.
Hinz, H.-M. (Hrsg.); Lind, C. (Hrsg.). Tsingtau: ein Kapitel deutscher Kolonialgeschichte in China 1897 - 1914. Eurasburg: Edition Minerva, 1998.
Jung, C. Kaross und Kimono. 'Hottentotten' und Japaner im Spiegel des Reiseberichtes von Carl Peter Thunberg (1743 -1828). Stuttgart : Franz Steiner Verlag, 2002 (Beitrage zur Kolonial- undUberseegeschichte, 85).
Kaske, E. Bismarcks Missionare. Deutsche Militarinstrukteure in China 1884-1890. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 2002.
Krug, Alexander. "Der Hauptzweck ist die Tötung von Kanaken": die deutschen Strafexpeditionen in den Kolonien der Südsee 1872-1914. Tönning; Lübeck; Marburg: Der Andere Verl., 2005.
Mackenzie, S. S. Official History of Australia in the War of 1914-1918: Vol. X. The Australians at Rabaul. Sydney, Angus & Robertson, 1940.
Moses, John A. and Kennedy, Paul M. (Ed.) Germany in the Pacific & Far East 1870-1914. Brisbane, Australia, University of Queensland Press. St. Lucia, 1977.
Muhlhahn, K. Herrschaft und Widerstand in der 'Musterkolonie' Kiautschou. Munchen: Oldenbourg Wissenschaftsverlag, 2000.
Muhlhausler, P. Bemerkungen zum -Pidgin Deutsch- von Neuguinea / Molony, C., Zobl, H., Stolting, W. (eds.). German in Contact with other Languages. Kronberg, Scriptor Verlag, 1977, pp. 58-70.
Peck, Joachim. Kolonialismus ohne Kolonien: Der deutsche Imperialismus und China 1937. Berlin : Akademie-Verl., 1961.
Schultz-Naumann, J. Unter Kaisers Flagge: Deutschlands Schutzgebiete im Pazifik und in China einst und heute. Munchen: Universitas, 1985.
Tsingtao - A chapter of German colonial history in China. 1897 - 1914 Berlin, 1998.
Volker, Craig A. Rabaul Creole German Syntax // Working Papers in Linguistics University of Hawaii n° 21, 1989, pp.153-189.
Volker, Craig A. The rise and decline of Rabaul Creole German, Language and Linguistics in Melanesia // Proceedings of the First International Conference on Oceanic Linguistics, Pacific Linguistics, Canberra, Australia.
Volker, Craig A. Short notes: Rabaul Creole German // The Carrier Pidgin. Vol. 25, n° 1-2. Florida International University, Miami.
Wippich, R. H. Japan und die deutsche Fernostpolitik 1894 - 1898. Vom Ausbruch des Chinesisch-Japanischen Krieges bis zur Besetzung der Kiautschou-Bucht. Ein Beitrag zur Wilhelminischen Weltpolitik. Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 1987 (Beitrage zur Kolonial- undUberseegeschichte, 35).

АМЕРИКАНСКАЯ ИМПЕРИЯ

(зарубежная библиография)

Общие работы

Bacevich, Andrew J. (2002) American Empire: The Realities and Consequences of US Diplomacy (Harvard University Press)

Blum, William (2000) Rogue State: A Guide to the World's Only Superpower (Common Courage)

Chomsky, Noam (2003) Hegemony or Survival: America's Quest for Global Dominance (Metropolitan Books)

Eland, Ivan (2004) The Empire Has No Clothes: U.S. Foreign Policy Exposed (Independent Institute)

Ferguson, Niall (2004) Colossus: The Price of America's Empire(The Penguin Press)

Garrison, Jim (2004) America as Empire: Global Leader or Rogue Power? (Berrett-Koehler Publishers)

Hardt, Michael and Toni Negri (2001) Empire (Harvard University Press)

Ikenberry, G. John (ed.) (2002) America Unrivaled: The Future of the Balance of Power (Cornell University Press)

Johnson, Chalmers A. (2000) Blowback: The Costs and Consequences of American Empire (Owl Books)

Johnson, Chalmers A. (2004) The Sorrows of Empire (Metropolitan Books)

Khalidi, Rashid (2004) Resurrecting Empire (Beacon Press)

Kupchan, Charles (2002) The End of the American Era: US Foreign Policy and the Geopolitics of the Twenty-first Century (Knopf)

Magdoff, Harry (1969) The Age of Imperialism: The Economics of US Foreign Policy (Monthly Review Press)

Mahajan, Rahul (2003) Full Spectrum Dominance: US Power in Iraq and Beyond (Seven Stories Press)

Mann, Michael (2003) Incoherent Empire (Verso)

Mead, Walter Russell (1988) Mortal Splendor: The American Empire in Transition (Houghton Mifflin)

Mearsheimer, John (2003) The Tragedy of Great Power Politics (WW Norton)

Nye, Joseph S. (2004) Soft Power: The Means to Success in World Politics (Public Affairs)

Panich, Leo and Colin Leys (2003) The New Imperial Challenge (Monthly Review Press)

Richter, Daniel K. (2001) Facing East from Indian Country: A Native History of Early America (Harvard University Press)

Roy, Arundhati (2004) An Ordinary Person’s Guide to Empire (South End Press)

Smith, Neil (2003) American Empire: Roosevelt's Geographer and the Prelude to Globalization (University of California Press)

Van Alstyne, Richard W. (1960) The Rising American Empire (Norton)

Wallerstein, Immanuel (2003) The Decline of American Power (New Press)

Williams, William Appleman (1969) The Roots of the Modern American Empire (Random House)

Williams, William Appleman (1959) The Tragedy of American Diplomacy (World)

Wood, Ellen Meiksins (2003) Empire of Capital (Verso Books)

Zimmerman, Warren (2002) First Great Triumph: How Five Americans Made Their Country a World Power (Farrar Straus & Giroux)

Внешняя политика

Bennis, Phyllis and Noam Chomsky (2002) Before and After: US Foreign Policy and the September 11th Crisis (Olive Branch Press)
Boren, David, Edward J. Perkins and William Crowe (2000) Preparing America's Foreign Policy for the 21st Century (University of Oklahoma Press)
Daalder, Ivo H. and James M. Lindsay (2003) America Unbound: The Bush Revolution in Foreign Policy (Brookings Institution)
Feffer, John, Barbara Ehrenreich and Michael T. Klare (2003) Power Trip: US Unilateralism and Global Strategy After September 11 (Seven Stories Press)
Foot, Rosemary, S. Neil MacFarlane and Michael Mastanduno (eds.) (2003) US Hegemony and International Organizations: The United States and Multilateral Institutions (Oxford University Press)
Haas, Richard (1998) The Reluctant Sheriff: The United States After the Cold War (Council on Foreign Relations Press)
Kagan, Robert (2003) Of Paradise and Power: America and Europe in the New World Order (Knopf)
Nye, Joseph S. (2002) The Paradox of American Power: Why the World's Only Superpower Can't Go It Alone (Oxford University Press)

Военные операции
Boot, Max (2003) The Savage Wars of Peace: Small Wars and the Rise of American Power (Basic Books)
Blum, William (1995) Killing Hope: U. S. Military and CIA Interventions Since World War II (Common Courage)
Chomsky, Noam (2000) Rogue States: The Rule of Force in World Affairs (South End Press)
Furedi, Frank (1994) The New Ideology of Imperialism: Renewing the Moral Imperative (Pluto Press)
Haas, Richard (1994) Intervention: The Use of American Military Force in the Post-Cold War World (Carnegie Endowment for International Peace)
Ignatieff, Michael (2003) Empire Lite: Nation-Building in Bosnia, Kosovo and Afghanistan (Vintage)
Kolko, Gabriel (2002) Another Century of War (New Press)
Kolko, Gabriel (1988) Confronting the Third World: United States Foreign Policy, 1945-1980 (Pantheon Books)
Mahajan, Rahul (2002) The New Crusade: America's War on Terrorism (Monthly Review Press)

Гуманитарные операции
Barnett, Michael (2002) Eyewitness to a Genocide: The United Nations and Rwanda (Ithaca: Cornell University Press)
Chatterjee, Deen K. & Don E. Scheid, eds. (2003) Ethics and Foreign Intervention (Cambridge: Cambridge University Press)
Chesterman, Simon (2003) Just War or Just Peace?: Humanitarian Intervention and International Law (Oxford Press)
Daalder, Ivo H., and Michael E. O'Hanlon (2000) Winning Ugly: NATO's War to Save Kosovo (Washington, DC: Brookings)
Des Forges, Alison (1999) Leave None to Tell the Story: Genocide in Rwanda (New York: Human Rights Watch)
Finnemore, Martha (2003) The Purpose of Intervention: Changing Beliefs about the Use of Force (Ithaca:Cornell University Press)
Glennon, Michael J. (2001) Limits of Law, Prerogatives of Power: Interventionism After Kosovo (New York: Palgrave)

Hoffmann, Stanley, [Johansen, Robert C. and Sterba, James P.] (1997) The Ethics and Politics of Humanitarian Intervention (University of Notre Dame Press)
Holzgrefe, J. L. and Keohane, Robert O.[Editors] (2003) Humanitarian Intervention : Ethical, Legal and Political Dilemmas (Cambridge University Press)
International Commission on Intervention and State Sovereignty (2001) The Responsibility to Protect
Jokic, Aleksandar and Wilkins, Burleigh [Editors] (2003) Humanitarian Intervention As a Moral and Philosophical Issue (Broadview Press)
Kuperman, Alan J. (2001) The Limits of Humanitarian Intervention: Genocide in Rwanda (The Brookings Institution)
Mamdani, Mahmood (2001) When Victims Become Killers: Colonialism, Nativism, and the Genocide in Rwanda (Princeton: Princeton University Press)
Minear, Larry, Eliasson, Jan (Introduction) and Dr. Hammock, John (2002) The Humanitarian Enterprise: Dilemmas and Discoveries (Kumarian Press)
Power, Samantha (2002) A Problem from Hell: America and the Age of Genocide (New York: Basic Books)
Schnabel, Albrecht, and Ramesh Thakur, eds. (2000) Kosovo and the Challenge of Humanitarian Intervention: Selective Indignation, Collective Action, and International Citizenship (Tokyo: United Nations University Press)
Weiss, Thomas G. (2000) Humanitarian Challenges And Intervention (Westview Press)
Weissman, Fabrice [Medecins Sans Frontieres] (2004) In the Shadow of "Just Wars:" Violence, Politics, and Humanitarian Action (Cornell University Press)
Welsh, Jennifer M. (2004) Humanitarian Intervention and International Relations (Oxford: Oxford University Press)
Wheeler, Nicholas J. (2003) Saving Strangers: Humanitarian Intervention in International Society (Oxford University Press)

ПЕРИОД ШВЕДСКОГО ВЕЛИКОДЕРЖАВИЯ

(зарубежная библиография)

Acrelius, Israel. A history of New Sweden: or, the Settlements on the river Delaware / The Historical Society Of Pennsylvania, 1874 (1759), Philadelphia, USA.
Almgren, Hans; Bergström, Börje; Löwgren, Arne. Alla tiders historia.Malmö: Gleerup, 2007.
Amandus, J. The Swedes on the Delaware 1638-1664. Philadelphia, International Printing Co., 1927.
Amandus, J. The Swedish Settlements on the Delaware. Their History and Relation to the Indians, Dutch and English 1638-1664. With an Account of the South, The New Sweden, and the American Companies, and the Efforts of Sweden to Regain the Colony. In 2 Vol. University of Pennsylvania, 1996 (1911).
Arnoldsson S. Ericus Olai och periodindelningen i Sveriges historia. Göteborg, 1953.
Åström S. E. From Cloth to Iron. The Anglo-Baltic Trade in the Late Seventeenth Century. Part I. Helsingfors, 1963.
Bain, Robert Nisbet. Charles XII and the Collapse of the Swedish Empire, 1682-1719. G. P Putnam, 1902
Bengtsson, Ingvar. Kapet av Skåne: Stormaktssveriges viktigaste triumph. Stockholm: Prisma, 2008.
Blom, Tomas. Stormaktstiden; teckningar: Nyberg, Ola. Sveriges rike växer. Stockholm : Natur & kultur, 2008.
Blom, Tomas. Stormaktstiden : Sveriges rike växer. Häftad. Natur & Kultur, Sverige.
Bring S. Bibliografisk handbok till Sveriges historia. Stockholm, 1934.
Carlsson S., Rosen J. Svensk historia, d. 1-2. Stockholm, 1969-1970.
Cavallie, James. De höga officerarna : studier i den svenska militära hierarkien under 1600-talets senare del = [Die hohen Offiziere] : [Studien zur schwedischen Militärhierarchie in der zweiten Hälfte des 17. Jahrhunderts] /. Stockholm : Militärhistoriska förl., 1981.
Christensson, Jakob. Signums svenska kulturhistoria. Stormaktstiden. Inbunden. Signum, Sverige, 2005.
Corin C. F. Självstyre och kunglig maktpolitik inom Stockholms stadsförvaltning 1668-1697. Stockholm, 1963.
Corswant-Naumburg, Inga von. Huvudbaner och anvapen under stormaktstiden. Inbunden. Odins Förlag AB, Sverige, 1999.
Dahlgren S. Karl X Gustav och reduktionen. Uppsala, 1964.
Englund, Peter. Den oövervinnerlige : om den svenska stormaktstiden och en man i dess mitt. Bokförlaget Atlantis AB, Sverige.
Franklin, J. Jameson. Willem Usselinx: founder of the Dutch and Swedish West India Companies / Papers American Hist. Association. 1887, 2(2).
Granlund, Victor. En Svensk Koloni i Afrika eller Svenska-Afrikanske Kompagniets Historia. Stokholm, 1879.
Gröndahl, Anna-Stina En stormaktsdröm : om symbolspråket i Stockholms slot. Stockholm : Anna-Stina Gröndahl, 2006.
Heckscher E. F. Svenskt arbete och liv. Från medeltiden till nutiden. Stockholm, 1957, 1971.
Holm, Johan. Konstruktionen av en stormakt: kungamakt, skattebönder och statsbildning 1595 till 1640. Stockholm : Acta Universitatis Stockholmiensis : Almqvist & Wiksell International [distributör], 2007.
Isberg A. Karl XI och livländiska adeln 1684-1695. Lund, 1953.
Jörgensen, Christer; Månsson, Per Lennart. Slagfältet under stormaktstiden Inbunden. Historiska Media, Sverige.
Kersten A. Historia Szwecji. Wroclaw - Warszawa, 1973.

Koninckx, C. "The first and second charters of the Swedish East India Company (1731-1766). 1980
Landberg H. Statsfinans och kungamakt. Kark X Gustav infor polska kriger. Kristiansstad, 1969.
Larsdotter, Anna. Hästens tid : rid- och stridskonst under stormaktstiden. Inbunden. Historiska Media, Sverige.
Leiby, A. C. The early Dutch and Swedish settlers of New Jersey. Princeton, D. Van Nostrand Co., 1964.
Lejonet & kronan : stormaktstidens Göteborg / [red.: Mats Sjölin ; textbearbetning: Kristina Hermansson, Mats Sjölin ; faktagranskning: Mona Lorentzson]; [bilder: Håkan Berg, Mats Sjölin]. Göteborg : Göteborgs museer, 1989.
Lindqvist Herman. Historien om Sverige / Storhet och fall. Stockholm : Norstedt, 1995.
Lindroth Sten. Svensk lärdomshistoria / Stormaktstiden. Stockholm : Norstedt, 1989.
Lindström, Jonathan; Wahlbom, Elisabeth. Stormaktstiden. Lärarbok. Stockholm : Bonnier utbildning, 2008.
Lindström, Jonathan; Wahlbom, Elisabeth Stormaktstiden. Aktivitetsbok. Stockholm : Bonnier utbildning, 2007 Printing Malmö.
Lundkvist S. Gustav Vasa och Europa. Svensk handels- och utrikespolitik 1534-1557. Stockholm, 1960.
Marklund, Andreas. Stenbock. Ära, krig och kärlek under stormaktstiden. Inbunden. Historiska Media, 2008.
Melin J., Johansson A. W., Hedenborg S. Sveriges historia. Stockholm, 2002.
Norrhem, Svante. Ebba Brahe : makt och kärlek under stormaktstiden /; [faktagranskning: Maria Sjöberg. Lund : Historiska media, 2007
Roberts, Michael. Sverige som stormakt 1560-1718 : uppkomst och sönderfall / övers, av Ulla Lundquist. Stockholm: Bonnier, 1980.
Roberts, Michael. The Swedish imperial experience, 1560-1718. Cambridge: Cambridge U.P., 1979
Roberts, Michael. Sweden's Age of Greatness, 1632-1718. St. Martin's Press, 1973.
Roberts M. (ed.). Sweden as a Great Power, 1611-1697. London, 1968.
Sjöqvist, Brita. Kungar och adelsmän: 1500-talet och 1600-talet. Umeå : Specialpedagogiska institutet, 2008.
Stadin, Kekke. Stånd och genus i stormaktstidens Sverige. Nordic Academic Press, 2004.
Sundberg, Ulf. Svenska freder och stillestånd 1249-1814. Stockholm : Hjalmarson & Högberg, 2002.
Sundberg, Ulf. Svenska krig 1521 -1814. Stockholm : Hjalmarson & Högberg, 2002.
Sjödell U. Kungamakt och högaristokrati. En studie i Sveriges inre historia under Karl XI. Lund, 1966.
Sjödin L. Kalmaruniones slutskede. Gustav Vasas befrielsekrig, d. 1-2. 1943-1947.
Svensk handelsstatistik 1637-1737. Samtida bearbetningar... genom B. Boethius och E. F. Heckscher. Stockholm, 1938.
Troebst, Stefan. Debating the mercantile background to early modern Swedish empire-building : Michael Roberts versus Artur Attman // European history quarterly. 1994 (24). S. 485-509.
Unge, Ingemar; Franks, Jeremy; Berg, Björn. The Wholly Swedish Empire: Swedes and Their Pictures. Swedish Touring Club, 1988.
Ward, C. New Sweden on the Delaware. Philadelphia, University of Pennsylvania Press, 1938.
Ward, C. The Dutch and the Swedes on the Delaware 1609-1664. Philadelphia, University of Pennsylvania Press, 1930.
Weslager, C. A. New Sweden on the Delaware 1638-1655. Wilmington, Delaware, The Middle Atlantic press, 1988.

Westman K. B. Reformationens genombrottser i Sverige. Stockholm, 1918.
Wittrock G. Regiring och allmoge under Kristinas egen styrelse. Riksdagen 1650. Uppsala, 1953.
Wittrock G. Svenska handelskompaniet och kopparhandeln under Gustaf II Adolf. Uppsala - Stockholm, 1919.
Wolf, John Baptiste. The Emergence of the Great Powers, 1685-1715. Harper, 1951.

ОСМАНСКАЯ ИМПЕРИЯ

Бациева С. М. Историко-философское учение Ибн Халдуна.- СВ. М., 1958.
Будагов Л. 3. Сравнительный словарь турецко-татарских наречий. Т. 1-2. СПб., 1869-1871 (М., 1960).
Витол А.В. 'Османская империя (начало XVIII в.)' - Москва: Наука, 1987
Гарбузова В. С. Поэты средневековой Турции. ЛГУ, 1963.
Гасратян М. А., Орешкова С. Ф., Петросян Ю. А. Очерки истории Турции. М., 1983.
Данциг Б. М. Ближний Восток в русской науке и литературе. М., ' 1973.
Д'Оссон М. Полная картина Оттоманской империи. Т. 1. СПб., 1795.
Достян И. С. Борьба сербского народа против турецкого ига (XV- начало XVIII в.). М., 1958.
Еремеев Д. Е. Этногенез турок. М., 1971.
Желтяков А. Д. К вопросу о вестернизации Турции в новое время (по концепции турецкого историка Т. Тунайя).- Историография и источниковедение истории стран Азии и Африки. Вып. 2. Л., 1968.
Желтяков А. Д. Печать в общественно-политической и культурной жизни Турции (1729-1908 гг.). М., 1972.
Иванов Н. А. О типологических особенностях арабо-османского феодализма-НАА. 1978, № 3.
Кальди-Надь Д. Турецкие реестровые книги муката'а как исторические источники.- Восточные источники по истории народов Юго-Восточной и Центральной Европы. М., 1964.
Каменев Ю. А. Некоторые источники трактата Ибрахима Мютеферри- -ка "Мудрые принципы устройства народов".- Ученые записки ЛГУ. Вып. 20. Востоковедение. Л., 1977.
Кантемир Д. Книга систима или состояние мухаммеданской религии. СПб, 1722.
Крачковский И. Ю. Арабская географическая литература.- Избранные сочинения. Т. 4. М.-Л., 1957.
Крылова Т. К. Русская дипломатия на Босфоре в начале XVIII в. (1700-1709 гг.).-ИЗ. Т. 65. 1958.
Литература Востока в новое время. М., 1975.
Маштакова Е. И. Новые явления в турецкой культуре XVIII в. (к постановке вопроса).- Проблемы истории Турции (сборник статей). М., 1978.
Маштакова Е. И. О турецких сефаретнаме (из истории литературы XVIII в.).- Problemy literatur orientalnych (Материалы II Международного симпозиума). Warszawa, 1972.
Маштакова Е. И. Сефаретнаме как жанровая форма турецкой литературы XVIII в.- Тюркологический сборник 1973 г. М., 1975.
Маштакова Е. И. Турецкая литература конца XVII - начала XIX в. К типологии переходного периода. М., 1984.
Мейер М. С. Влияние "революции цен" в Европе на Османскую империю-НАА. 1975, № 1.
Мейер М. G. Восстание городских низов Стамбула в 1730 г. (Причины и характер).-НАА, 1963, № 4.
Мейер М. С. К вопросу об изменениях в структуре и составе правящего класса Османской империи в XVIII в.- Проблемы истории Турции (сборник статей). М., 1978.
Мейер М. С. Народные выступления в городах Османской империи в конце XVII - начале XVIII в. Автореф. канд. дис. М., 1964.
Миллер Ю. Искусство Турции. М., 1965.
Миллер А. Ф. Мустафа-паша Байрактар. Оттоманская империя в начале XIX века. М.-Л., 1947.
Мутафчиева В. П. К вопросу об упадке спахийства в конце XVI и в начале XVII века.- Труды XXV Международного конгресса востоковедов. Т. II. М., 1963.

Мутафчиева В. П. Проверочные списки (йоклама дефтерл'ери) 1014- 1016 гг. х. как источник по общественно-экономической истории Османской империи XVII в.- Восточные источники по истории народов Юго-Восточной и Центральной Европы. Т. II. М., 1969.
Никифоров Л. А. Внешняя политика России в последние годы Северной войны. Ништадский мир. М., 1959.
Новичев А. Д. Аграрные отношения и положение крестьян в Османской империи в XVI - начале XVII в. Проблема крепостничества.-о Проблемы социальной структуры и идеологии средневекового общества. Вып 3. Л" 1980.
Новичев А. Д. История Турции. Т. 1. Эпоха феодализма. ЛГУ, 1963.
Орешкова С. Ф. Некоторые проблемы эволюции феодального землевладения в Османской империи (вторая половина XVII - начало XVIII в.).- Проблемы новой и новейшей истории стран Запада и Востока. М., 1975.
Орешкова С. Ф. Русско-турецкие отношения в начале XVIII в. М., 1971.
Орешкова С. Ф. Турецкий документ первой половины XVIII в. о международной ситуации в Европе и внешнеполитических целях Османской империи.- Тюркологический сборник, 1976. М., 1978.
Петросян Ю. А. Идеи "европеизации" в общественно-политической жизни Османской империи эпохи нового времени.- Тюркологический сборник 1976. М., 1978.
Петросян Ю. А. Турецкая публицистика эпохи реформ в Османской империи (конец XVIII - начало XIX в.). М., 1985.
Рафиков А. Х. Очерки истории книгопечатания в Турции. Л., 1973.
Семенов А. Изучение исторических сведений о российской внешней торговле и промышленности с половины XVII столетия по 1858г. Часть III. СПб., 1859.
Смилянская И. М. Структура и эволюция господствующего класса Ближнего Востока на рубеже Нового времени (к проблеме типологии феодализма на Востоке).- НАА. 1978, № 3.
Смирнов В. Д. Кучибей Гёмюрджинский и другие османские писатели XVII в. о причинах упадка Турции. СПб., 1873.
Тверитинова А. С. Восстание Кара Языджи-Дели Хасана в Турции. М.-Л., 1946.
Тверитинова А. С. Второй трактат Кочибея.-УЗИВАН Т. IV. 1953.
Тверитинова А. С. Социальные идеи в турецких дидактических политико-экономических трактатах XVI-XVII вв.- Труды XXV Международного конгресса востоковедов. Т. II. М., 1963.
Тодоров Н. Балканский город XV-XIX веков. М., 1976.
Тодорова М. Н. Европеизация Османской империи (постановка проблемы и ее освещение в современных западной и турецкой ис-ториографиях).-НАА. 1977, № 2.
Философский энциклопедический словарь. М., 1983.
Цветкова Б. К исследованию аграрных отношений в Османской империи с конца XVII до середины XVIII в.- Труды XXV Международного конгресса востоковедов. Т. II. М., 1963.
Чочиев В. Г. Международные отношения Ближнего Востока в XVI- XVIII веках (в свете ирано-турецких мирных договоров). Авто-реф. докт. дис. Тб. 1972.
Ястржембский В. О капитуляциях в Оттоманской империи Харьков, 1905.

Исследования на турецком языке

Adnan-Adivar A. Osmanh turklerinde Him. Istanbul, 1943.
Aktepe M. Damad Ibrahim Pasa devrinde lale- Tarih dergisi, 1952, № 7; 1953, № 8.
Aktepe M. Nevsehirli Ibrahim Pasa.- IA. Cuz. 92.
Aktepe M. Damad Ibrahim Pasa evkafma dair vesikalar.- tarih dergisi, 1963, c. XIII, № 17-18.
Aktepe M. Patrona isyam (1730). Istanbul, 1958.
Atseven C. E. Turk sanati tarihi. [Б. м., б. г.].
Baysun M. Cavid. AH Pas. a (Damad).- 1A. Cuz. 5.
Berkes N. Ilk turk matbaasi kurucusunun dini ve fikri kimligi.- Belleten, 1962, № 104.

Berkes N. Turkiyede cagdaslasma. Ankara, 1973.
Demer H. Suleymaniye umumi kutuphanesi. Istanbul, 1957.
Derm F. G. Osmanh devletinin siyasi tarihi.- Turk dimyasi el kitabi. Ankara, 1976.
Ersoy O. Turkiye'ye matbaanm girisi ve ilk basilan eserler. Ankara, 1959.
Ertug H. R. Basin ve yaym hareketleri tarihi. Ikinci baski. Istanbul, 1959.
Gercek S. N. Turk matbaaciligi. T. 1. Istanbul, 1939.
Karal E. Z. Ahmed III.- IA. Cuz 3. Karat E. Z. Osmanh tarihi. T. V. Ankara, 1961.
Karal E. Z. Tanzimattan evvel garphlasma hareketi, 1718-1839.-Tanzimat. Istanbul, 1940.
Kocu R. E. Ali Pasa (Corlulu).- IA. Cuz 5.
Kurat A. N. Baltaci Mehmet Pasa.- IA. Cuz 14.
Kurat A. N. Isvec Kirali XII Karl'm Turkiyede kahsi ve bu siralarda Osmanh Imparatorlugu. Istanbul, 1943.
Kurat A. N. XVIII yiizyil basi "Avrupa umumi harbi" nde Turkiyenin tarafsizhgi.- Belleten, 1943, т. 7, № 26.
Ozkaya Y. XVIII yuzyilda fikanlan adaletnamelere gore Turkiye'nin if durumu.-Belleten, 1974, т. 38, № 151.
Pakahn M. Z. Osmanh tarih deyimleri ve terimleri sozlugu. Istanbul, 1946-1956.
Refik A. Fatma Sultan. Istanbul, 1323 (1905/06) (араб, шрифт). Refik A. Lale devri. Istanbul, 1331 (1912/13) (араб, шрифт).
Refik A. Tarihi simalar. Istanbul, 1331 (1912/13) (араб, шрифт). Tanzimat. Istanbul, 1940.
Tunaya T. Z. Turkiyenin siyasi hayatinda batihlasma hareketi. Istanbul, 1960.
Tarih. T. III. Istanbul, 1931. Turk dunyasi el kitabi. Ankara, 1976. Ulufay Cagatay M. 18 ve 19 yuzyillarda Saruhan'da eskiyalik ve halk hareketleri. Istanbul, 1955.
Unat F. R. Osmanh sefirleri ve sefaretnSmeleri. Ankara, 1968. Onal T. 1700 den 1958-e kadar turk siyasi tarihi. Ankara, 1958.
Uzutifarsili 1. H. Ahmed III.- IA. Cuz 3. Uzunfar§di 1. H. Ayan.- IA. Cuz 11.
Uzunfarsili 1. H. Osmanh devletinin ilrniye teskilati. Ankara, 1965. Uzunfar§ili 1. H. Osmanh devletinin merkez ve bahriye teskilati. Ankara, 1948.
Uzuncarfili 1. H. Osmanh devleti teskilatindan Kapukulu ocaklan. T. I, Ankara, 1943.
Uzunfarfilil 1. H. Osmanh tarihi. T. IV. B. 1-2. Ankara, 1956-59.
Yucel Y. Osmanh imparatorlugunda desantralizasyona dair genel gozlemeler.-Belleten, 1974, т. 38, № 152.

Исследования на европейских языках

Abou-El-Haj R. A. Ottoman Attitudes Toward Peace Making. The Kar-lowitz Case.- Der Islam. 1974, Bd 51. Hft, 1,
Abou-El-Haj R. A. the Narcissim of Mustafa II (1695-1703): a Psychohistorical Study - StI, 1974, № 40.
A History of the Ottoman Empire to 1730. Ed. Cook M. A. Cambridge, 1976.
Adnan-Adivar A. Interaction of Islamic and Western thought in Turkey.- Near Eastern Culture and Society. Princeton, 19ЫI.
Alderson A. D. The Structure of the Ottoman Dynasty, table XXVIII (Mehmed IV and His Family). Oxf., 1956.
Avdo Sucesca. Promjene u sistemu izvanrednog oporezivanja u Turs-koj u XVII vijku i pojava nameta tekahf-i sakka.- Prilozi za orientalnu filologiju, 1960-1961, t. X-XI.
Babinger F. Die Geschichtsschreiber der Osmanen, und ihre Werke. Lpz., 1927.
Babinger F. Kopruluzade Fadil Ahmed Pasha.- El. T. II. Bayer G. Guilds in Middle Eastern History.- Studies in the Economic History of the Middle East. L., 1970.
Belin F. Essais sur 1'histoire economique de la Turquie d'apres les ecrivans originaux.- Journal Asiatique. 1864, t. 4, № 15.
Benedikt H. Der Pascha-graf Alexander von Bonneval. 1675-1747. Graz-Koln, 1959.
Berkes N. The Development of Secularism in Turkey. Montreal, 1964. Carriere Ch. Negociants

marseillais au XVIIIe siecle. T. 1. Marseille, 1973.
Cassels L. The Struggle for the Ottoman Empire 1717-1740. L., 1966.
Cvetkova Bistra A. Le capital commercial et usuraire dans 1'empire ottomane (XVe-XVIIIes).- Actes du XXIX Congres international des Orientalistes. Etudes turques. T. I. P., 1976.
D'Aubigny E. Un ambassadeur turc a Paris sous le Regence.- Revue d'histoire diplomatique, 1889, troisieme annee.
Davis R. English Imports from the Middle East. 1580-1780.-Studies in the Economic History of the Middle East. L., 1970.
De la Croix. Abrege chronologique de Γ histoire Ottomane. T. 1. P., 1768.
Deny J. Tlmar.- El. T. IV.
Dictionnaire universel du Commerce. Copenhagne, 1765, t. 5.
Djevad Bey A. Etat militaire ottoman depuis la fondation de 1'Empire jusqu a nos jours. T. I. P., 1882.
Dogu E., Rhodes R. I. The Impact of the World Capitalist System on Ottoman Society.- Islamic Culture, 1974, vol. XLVIII, № 2.
D'Ohsson M. Tableau general de 1'Empire Ottoman. T. II-III, VII. P., 1790-1824.
Eton W. Tableau historique, politique et modern de 1'Empire Ottoman. T. I. P., An VII (1799).
Fekete L. Die Siya'qat-Schrift in der turkischen Finanzverwaltung. Bd I. Budapest, 1955.
Gibb E. G. W. A History of Ottoman Poetry. Vol. IV. L., 1905.
Gibb H. A. R. and Bowen H. Islamic Society and the West. Vol. 1. Islamic Society in the Eighteenth Century. Pt 1-2. Oxf., 1950- 1957.
Hammer J. von. Geschichte des Osmanischen Reiches. Bd VII-VIII. Pest, 1831-1832.
Hammer J. von. Des Osmanischen Reichs Staatsverfassung und Staatsverwaltung. Bd II. Wien, 1815.
Hayd U. Studies in Old Ottoman Criminal Law. Oxf., 1973.
Heinz W. Die Kultur der Tulpenzeit des Osmanischen Reiches.- Wiener Zeitschrift fur die Kunde des Morgenlandes. 1967, Bd 61.
Hekmat M.-A Essai sur 1'histoire des relations politiques irano-ottomanes de 1722 a 1747. P., 1937.
Hill A. A. Lull and Just Account of the Present State of the Ottoman Empire L., 1709.
Horn E. Francois Rakoszi II Prince de Transylvanie. P., 1906.
Hourani A. The Changing Face of the Fertile Crescent in the XVII-th Century.- Stl. 1957, № 8.
Inalcik H. Imtiyazat.- El (n). T. III.
Inalcik H. The Ottoman Empire. The Classical Age. 1300-1600. L., 1973.
Inalcik H. The Turkish Impact on the Development of Modern Europe- The Ottoman State and Its Place in World History. Leiden, 1974.
Issawi Ch. The Ottoman Empire in the European Economy 1600- 1914.-The Ottoman State and Its Place in World History. Leiden, 1974.
Itzkowitz N. Eighteenth Century Ottoman Realities-Stl. 1962, № 16.
Jorga N. Geschichte des Osmanischen Reiches. Bd. IV. Gotha, 1911.
Jorga N. Les voyageurs orientaux en France. P., 1927.
Kaldy Nagy Gy. Kadi (Ottoman Empire).-El (n). T. IV.
Kundman J. Ch. Rariora Naturae et Artis. Breslau - Leipzig, 1737.
Kuran A. Eighteenth Century Ottoman Architecture.- Studies in Eighteenth Century Islamic History. Southern Illinois University Press. Carbondale (111.), 1977.
Kuran E. Chalata Sarayi,-El (n). T. II. Lacroix de. Abrege chronologique de 1'histoire Ottomane. T. II. P., 1761.
Lamansky V. L'assassinat politique a Venise du XVe au XVIIIe siecle.-"Revue historique, 1882, t. XX.
Lamartine A. Histoire de la Turque. T. VII. P., 1855.
Lewis B. The Emergence of Modern Turkey. Oxf., 1961.
Mantran R. Ali-Pasha Damad.-El (n). T. I.

Mantran R. Istanbul dans la seconde moitie du XVII siecle. P., 1962.
Mardin S. Some Notes on an Early Phase in the Modernization of Communications in Turkey.- Comparative Studies in Society and History, 1961, vol. Ill, № 3.
Mardin S. The Mind of the Turkish Reformers.-Western Himanities Review. 1960, vol. XIV.
Masson P. Histoire du commerce francais dans le Levant au XVIII siecle. P., 1911.
Melikoff I. La Fleur de la Souffrance. (Recherche sur le sens symbo-lique de lale dans le poesie mystique turcu-iranienne).- Journal Asiatique. 1967, t. 255, fasc. 3-4.
Menage V. L. Devshirme.-El(n). T. II.
Mordtmann I. Devshirme.- El. T. 1.
Mutafcieva V. P., Dimitrof Sir. A. Sur 1'etat du systeme des timars des XVIIe-XVIIIe ss. Sofia, 1968.
Olson R. W. Jews, Janissaries, Esnaf and the'Revolt of 1740 in Istanbul.- Journal of the Economic and Social History of the Orient, 1977, vol. XX, pt II.
Parry V. J. Damad Hasan Pasha.-El(n). T. III. Pelissie du Rausas. i Le regime des capitulations dans 1'Empire Ottoman. T. 1. P., 1902.
Poniatowski M. Le Comte. Remarques.. sur 1'Histoire de Charles XII, I Roi de Suede, par M. De Voltaire. L., 1741.
Sahillioglu H. Sivis Year Crisis in the Ottoman Empire.- Studies in the Economic History of the Middle East. L., 1970.
Sax C. R. von. Geschichte des Machtverfalls der Turkei bis Ende des 19 Jahrhunderts und der Phasen der "orientalischen Frage" bis auf die Gegenwart. Wien, 1908.
Scoville M. V. The Persecution of Huguenots and French Economic Development 1680-1720. Berkeley-Los Angeles, 1960.
Scheel H. Preussens Diplomatie in der Turkei. 1721-1774. B.-Lpz, 1931.
Shaw S. History of the Ottoman Empire and Modern Turkey. Vol. I. Empire of the Gazis. The Rise and Decline of the Ottoman Empire, 1280-1808. Cambridge-London-New York-Melburn, 1976.
Shay M. L. The Ottoman Empire from 1720 to 1734. As Revealed in Despatches of the Venetian Baili. Urbana, 1944.
Simonffy A. Ibrahim Muteferrika. Bahnbrecher des Buchdrucks in der Turkei. Budapest, 1944.
Spuler B. La diplomatic europeenne a la Sublime Porte aux XVIIe et XVIIIe siecles.- Revue des etudes islamiques, 1971, t. XXXIX, fasc. 1.
Stainova M. Le commencement de 1'europeanisation de l'architecture de la Turquie ottomane et certains aspects de son influence sur l'architecture des Balkans.- Revue des etudes sud-est europeennes, t. XVII, № 3. Bucarest, 1979.
Стайнова М. Модата "алафранга" в Османска Турция през първата половина на XVIII в.- Stadia Balcanica. София, 1980, № 15.
Стайнова М. Тенденции в културнато и идейното развитие в османското общество през двадесете години на XVIII в. (1718-1730).-Studia Balcanica, 1977, № 13.
Стайнова М. П. Тенденции в културата на Османска Турция през първата половина на XVIII век.- "Ляле деври". Автореф. канд. дис. София, 1975.
Stoianovich T. Material Foundations of Preindustr-ial Civilization in the Balcans.- Journal of Social History, 1971, vol. 4, № 3. Studies in Eighteenth Century Islamic History. Vol. 4. (Papers on Islamic History). Southern Illinois University Press. Carbondale (111.), 1977.
Toderini. Litteratur der Turken. Bd II. Konigsberg, 1790.
Ullrich H. Johann Friedrich Bachstrom.- Euphorion. Leipzig - Wien, 1909, Bd. 16.
Vandal A. Une Ambassade"franchise en Orient sous Louis XV. P., 1887.
Vertot. Histoire des chevaliers hospitaliers de S. Jean de Jerusalem T. 5. P., 1727 (3me ed.).
Wood A. C. A History of the Levant Company. Oxf., 1935.

Справочная литература

Carter Vaughn Findley, ed., "Middle East and North Africa since 1500," in Mary Beth Norton,

general ed., The American Historical Association's Guide to Historical Literature, New York, 1995, 1, 498-526
Turkologischer Anzeiger, Vienna, 1975-.
Kornrumpf, Hans-Jürgen, Osmanische Bibliographie mit besonderer Berücksichtigung der Türkei in Europa, Leiden, 1973 (Handbuch der Orientalistik, Erganzungsband VIII).
Pearson, James D., Index Islamicus: A Catalogue of Articles of Islamic Subjects in Periodicals and Other Collective Publications, London, 1958- ,
Encyclopedia of Islam, 2d edition, 1960
Türk Diyanet Vakfi Islam Ansiklopedisi, Ankara, 19 -
Panzac, Daniel, La population de I'Empire Ottoman: Cinquante ans (1941-1990) de publications et de recherches, Aix-en-Provence, 1993
Hurewitz, Jacob C. , The Middle East and North Africa in World Affairs: A Documentary Record, New Haven, 1975- , 2 volumes to date.
Pitcher, Donald Edgar, An Historical Geography of the Ottoman Empire, from Earliest Times to the End of the Sixteenth Century, Leiden., 1972
Robinson, Francis, Atlas of the Islamic World since 1500, New York, 1982
Brice, William C. , ed. , An Historical Atlas of the Islamic World, Leiden, 1981
Gibb, Hamilton A. R., and Harold Bowen, Islamic Society and the West: A Study of the Impact of Western Civilization on Moslem Culture in the Near East, Oxford, 1950-57, one volume in two parts.
Babinger, Franz, Die Geschichtsschreiber der Osmanen und ihre Werke, Leipzig, 1927

Общие работы

Inalcik, Halil, The Ottoman Empire: The Classical Age, 1300-1600, London, 1973
Shaw, Stanford J. , History of the Ottoman Empire and Modern Turkey, 2 vols. , New York, 1976-77, with Ezel K. Shaw as coauthor of vol. II
Mantran, Robert, ed. , Histoire de 1 'Empire ottoman, Paris, 1989
Matuz, Joseph, Das Osmanische Reich: Grundlinien seiner Geschichte, Darmstadt, 1985
Holt, P. M. , et al. , ed. , The Cambridge History of Islam, 2 vols. , Cambridge 1970
Cook, M. A., ed. , A History of the Ottoman Empire to 1730, Cambridge, 1976, chapters from the Cambridge History of Islam and the New Cambridge Modern History by V. J. Parry, R. Inalcik, A. N. Kurat, and J. S. Bromley.
Karpat, Kemal, ed. , The Ottoman State and its Place in World History, Leiden, 1974, including essays by
William McNeill, Arnold Toynbee, Kemal Karpat, Halil Inalcik, and Albert Hourani.
Sugar, Peter, Southeastern Europe under Ottoman Rule, 1354-1804, Seattle, 1977

Доосманский период

*Golden, Peter, An Introduction to the History of the Turkic Peoples, Wiesbaden, 1992
*Togan, A. Zeki Velidi, Umumi Türk Tarihi'ne Giris, 3d printing, Istanbul, 1981
*Barthold, W. W. (=Vasilii Vasilyevich), Turkestan down to the Mongol Invasion, London, 1928; 4th ed., 1977
*The Cambridge History of Early Inner Asia, ed. Denis Sinor, Cambridge, 1990
*Hassan, Ümit, et al. , Tiirkiye Tarihi, 1: Osmanli Devletine kadar Türkler, Istanbul, 1987 ("The Turks before the Ottoman Empire")
*Fletcher, Joseph, "Turco-Mongol Monarchic Tradition in the Ottoman Empire," in Eucharisterion: Essays Presented to Omeljan Pritsak by His Colleagues and Students, Cambridge, MA, 1981, 236-51
*Cahen, Claude, La Turquie pré-ottomane, Istanbul-Paris, 1987
---- Pre-Ottoman Turkey, translated by J. Jones-Williams, New York, 1968
*Turan, Osman, Selçuklular Zamaninda Tiirkiye Tarihi, Istanbul, 1971

*Vryonis, Speros, The Decline of Medieval Hellenism in Asia Minor and the Process of Islamization from the Eleventh through the Fifteenth Centurv, Berkeley and Los Angeles, 1971
*Foss, Clive, "The Defenses of Asia Minor against the Turks," Greek Orthodox Theological Review, XXVII (1982), 145-205
*Lewis, Archibald, Nomads and Crusaders, A.D. 1000-1368, Bloomington, 1988
*Holt, Peter M., The Age of the Crusades: The Near East from the Eleventh Century to 1517, New York, 1986
*Friendly, Alfred, The Dreadful Day: The Battle of Mantzikert 1071, Charlottesville, 1981
*Klausner, Carla L. , The Seljuk Vezirate: A Study of Civil Administration, Cambridge, MA, 1973
*Ibn Battuta, The Travels of Ibn Battuta, trans. Hamilton Gibb, vol. II (Cambridge, 1962), section on Anatolia.
*On Ibn Battuta in general, see Ross Dunn, The Adventures of Ibn Battuta, A Muslim Traveler of the Fourteenth Century, London, 1986.
*Wittek, Paul, Das Fürstentum Mentesche: Studie zur Geschichte Westkleinasiens im 13.-15. Jahrhundert, 1934; Turkish translation, 1944
*Yücel, Yasar, Anadolu Beylikleri Hakkinda Arastirmalar, II : Eretna Devieti, Kadi Burhaneddin Ahmed ve Devleti, Mutahharten ve Erzincan Emirligi, Ankara, 1989
----XIII.-XV. Yüzyillar Kuzey-Bati Anadolu Tarihi: Çobanogullari, Candarogullari Beylikleri, Ankara, 1988
*Lemerle, Paul, L'emirat d'Aydin, Byzance et 1 'Occident, Paris, 1957 articles about the various beyliks by name in E12

Сельджуки
*Yusuf Khass Hajib, Wisdom of Royal Glory (Kutadgu Bilig): A Turko-Islamic Mirror for Princes by Yusuf Khass Hajib, translated by Robert Dankoff, Chicago, 1983
*Esin, Emel, A History of' Pre-Islamic and Early Islamic Turkish Culture, Istanbul, 1980
----Türk Kültür Tarihi: Iç Asya'daki Erken Safhalar, Ankara, 1985 ("History of Turkish Culture: Early Phases in Central Asia")
*Ögel, Bahaeddin, Islamiyetten önce Türk Kültür Tarihi: Orta Asya Kaynak ve Buluntularina Göre, Ankara, 1988
*Lewis, Geoffrey, trans. , The Book of Dede Korkut, London, 1974
*Nizam al-Mulk, The Book of Government or Rules for Kings, translated by Hubert Darke, London, 1978 (translation of the Siyasat-name)
*Schimmel, Annemarie, Mystical Dimensions of Islam, Chapel Hill, 1975
----The Triumphal Sun: A Study of the Works of Jala'loddin Rumi, London, 1975
*Nicholson, Reynold A. , ed. and trans. , The Mathnawi of Jala'lu'ddin Rumi, 6 vols., London, 1926-34
----2 Rumi, Poet and Mystic, London, 1978
*Gölpinarli, Abdülbaki, Mevlana'dan sonra Mevlevilik, Istanbul, 1953 ("Mevlevism after Mevlana"--one of many books on the movement by the leading Turkish authority of his generation)
*Chittick, William C. , The Sufi Path of Love: The Spiritual Teachings of Rumi, Albany, 1983
*Ocak, A. Yasar, La revolte de Baba Resul ou la formation de 1'hétérodoxie musulmane en Anatolie au Xlllc siécle, Ankara, 1989
*Bayram, Mikail, Ahi Evren ve Ahi Teskilati'nin Kurulusu, Konya, 1991 ("Ahi Evren and the Founding of the Ahi Brotherhoods")
---Baciyan-i Rum. Anadolu Selçuklulari Zamaninda Genç Kizlar Teskilati, Konya, 1987 ("The Young Women's Sisterhood in Seljuk Anatolia")
*Wolff, Robert L. , and Harry W. Hazard, ed. , A History of the Crusades, vol. II: The Later

Crusades, 1189-1311, Madison, 197 , chapters on Islamic subjects. Kenneth M. Setton is the general editor for the entire History.
*Kretschmar, Marit, Pferd und Reiter im Orient: Untersuchungen zur Reiterkultur Vorderasiens in der Seldschukenzeit, Hildesheim, 1980

Османская империя: XVI век

*Kafadar, Cemal, Between Two Worlds: The Construction of the Ottoman State, Berkeley and Los Angeles, 1995
*Imber, Colin, The Ottoman Empire, 1300-1481, Istanbul, 1990
*Wittek, Paul, The Rise of the Ottoman Empire, London, 1938
----"De la défaite d'Ankara a la prise de Constantinople," Revue des études islamiques, 1 (1938), 1-34
*Köprülü, Fuad, The Origins of the Ottoman Empire, trans. and ed. Gary Leiser, Albany, 1992, originally published as Les origines de I'Empire ottoman, Paris, 1935
-----Osmanli Imparatorlugu'nun Kurulusu, Istanbul, 1981 (expanded Turkish edition of "Origins of the O.E.," with other related studies)
*Lindner, Rudi P. , Nomads and Ottomans in Medieval Anatolia, Bloomington, 1983
*Jennings, R.C., "Some Thoughts on the Ghazi Thesis," WZKM, LXXVI (1986), 151- 61
*Imber, Colin, "Paul Wittek's 'De la défaite d'Ankara a la prise de Constantinople, '" Osmanli Arastirmalari, V (1986), 65-81
*Özdemir, Hasan, Die altosmanischen Chroniken als Quelle zur türkischen Volkskunde, Freiburg, 1975
*Werner, Ernst, Die Geburt einer Grossmacht: Die Osmanen (1300-1481), Ein Beitrag zur Genesis der türkischen Feodalismus, 3d ed., Berlin, 1978
*Inalcik, Halil, and Mevlud Oguz, ed. , Gazava't-i Sultan Murad b. Mehemmed Han, Ankara, 1989
*Babinger, Franz, Mehmed the Conqueror and his Time, translated by Ralph Manheim, Princeton, 1978 (original German edition, 1953)
*Har-El, Shai, Struggle for Domination in the Middle East.- The Ottoman-Mamluk War, 1485-91, Leiden, 1995
*Tursun Beg, The History of Mehmed the Conqueror, ed. Halil Inalcik and Rhoads Murphey, Minneapolis-Chicago, 1978
*Kritovoulos, History of Mehmed the Conqueror, translated by Charles T. Riggs, Princeton, 1954
*Doukas, Decline and Fall of Byzantium to the Ottoman Turks, translated by Harry J. Magoulias, Detroit, 1975
*Sphrantzes, George, The Fall of the Byzantine Empire: A Chronicle by George Sphrantzes, 1401-1477, trans. Marios Philippides, Amherst, MA, 1980
-----A Contemporary Greek Source for the Siege of Constantinople, 1453: Th(Sphrantzes Chronicle, trans. Margaret Carroll, Amsterdam, 1985
*Barbaro, Nicolo, Diarv of the Siege of Constantinople, 1453, trans. J. R. Jones, New York, 1969
*Jones, J. R. , The Siege of Constantinople, 1453: Seven Contemporary Accounts, Amsterdam, 1972
*Runciman, Steven, The Fall of Constantinople, 1453, Cambridge, 1969
*Setton, Kenneth W. , The Papacy and the Levant (1204-1571), 4 vols. , Philadelphia, 1977-86
*Woods, John E. , The Aqquyunlu: Clan, Confederation, Empire, A Study in 15th l 9th Century Turko-Iranian Politics, Minneapolis-Chicago, 1976
*Fisher, Sydney, The Foreign Relations of Turkey, 1481-1512, Urbana, 1948
*Reindl, Hedda, Manner um Bayezid, Berlin, 1983
*Hazard, Harry W. , ed. , A History of the Crusades, vol. III: The Fourteenth an(Fifteenth

Century, Madison, 1975
*Miksch, Hans, Der Kampf der Kaiser und Kalifen, 1: Wir sehen uns beim Gold- enen Apfel, Koblenz, 1986
*Bacqué-Grammont, Jean-Louis, Les ottomans, les safavides et leurs voisins: Contribution a 1'histoire des relations internationales dans l'Orient islamique de 1514 a 1524, Istanbul-Leiden, 1987
*Eberhard, Elke, Osmanische Polemik gegen die Safawiden im 16. Jahrhundert nach arabischen Handschriften, Freiburg-im-Breisgau, 1970
*Allouche, Adel, The Origins and Development of the Ottoman-Safavid Conflict (906-962/1500-1555), Berlin, 1983
*Hess, Andrew, The Forgotten Frontier: A History of the Sixteenth-Century lbero-African Frontier, Chicago, 1978
*Braudel, Fernand, The Mediterranean and the Mediterranean World in the Age of Philip II, translated by Sian Reynolds, 2 vols., 1972- .
*Merriman, Roger B. , Suleiman the Magnificent, 1520-1566, Cambridge, MA, 1944
*Clot, André, Soliman le Magnifique, Paris 1983
*Labib, Subhy, "The Era of Süleyman the Magnificent, A Crisis of Orientation," IJMES, X (1979), 435-51; also in Saeculum, XXIX (1978), 269-82
*Tardy, Lajos, Beyond the Ottoman Empire: 14th-16th Century Hungarian Diplomacy in the East, trans. Janos Boris, Szeged, 1978
*Schaendlinger, Anton C., Die Feldzugstagebücher des ersten und zweiten ungarischen Feldzugs Süleymans I., Vienna, 1978
*de Busbecq, Ogier Ghiselin, The Turkish Letters of Ogier Ghiselin de Busbecq, translated by Edward S. Forster, Oxford, 1968 (1927)
*Fisher-Galati, S. A., Ottoman Imperialism and German Protestantism, 1521-1555, Cambridie, MA, 1959
*Kortepeter, C. Max, Ottoman Imperialism during the Reformation: Europe and the Caucasus, New York, 1972
*Farooqi, Naimur Rahman, Mughal-Ottoman Relations: A Study of Political and Diplomatic Relations between
*Mughal India and the Ottoman Empire, 1556- 1748, Delhi, 1989
*Paneta, Rinaldo, Pirati e corsari turchi e barbareschi nel Mare Nostrum: XVI. secolo, Milan, 1981 ("16th-century Mediterranean Pirates and Corsairs")
*Köprülü, M. Fuad, Bizans Müesseselerinin Osmanli Müesseselerine Tesiri, Istanbul, 1981 ("influence of Byzantine institutions on Ot. institutions")
*Alderson, Anthony D. , The Structure of the Ottoman Dynasty, 1966
*Peirce, Leslie P., The Imperial Harem: Women and Sovereignty in the Ottoman Empire, New York, 1993
*Uluçay, M. Çagatay, Osmanli Sultanlarina Ask Mektuplari, Istanbul, 1950 (love letters to Ottoman sultans)
------Harem, Ankara, 1971 (the imperial harem)
-----Haremden Mektuplar, Istanbul, 1956 (letters to 0. sultans from the women of the imperial harem)
-----Padisahlarin Kadinlari ve Kizlari, Ankara, 1980 (Women and Daughters of the Sultans)
*Miller, Barnette, Beyond the Sublime Porte: The Grand Seraglio of Stambul, New Haven, 1963
-----The Palace School of Muhammad the Conqueror, Cambridge, MA, 1936. She should have said Mehmed (or Mehemmed) the Conqueror.
*Penzer, N. M., The Harem, London, 1936
*Papoulia, Basilike D. , Ursprung und Wesen der 'Knabenlese' im osmanischen Reich, Munich, 1963 (on the devsirme, or child levy)
*Lybyer, Albert H., The Government of the Ottoman Empire in the Time of Suleiman the

Magnificent, Cambridge, MA, 1913; an outdated classic
*Matuz, Josef, Das Kanzleiwesen Sultan Sü1eymans des Prachtigen, Wiesbaden, 1974
*Barkan, Ömer Lütfi, and Enver Meriçli, Hüdavendigar Livasi ve Tahrir Defterleri, vol. 1, Ankara, 1988
*Miroglu, Ismet, Kemah Sancagi ve Erzincan Kazasi (1520-1566), Ankara, 1990
*Kunt, I. Metin, The Sultan's Servants: The Transformation of Ottoman Provincial Government, 1550-1650, New York, 1983
*Repp, Richard C., The Mufti of Istanbul, London, 1986
*Köprülü, M. Fuad, Islam ve Türk Hukuk Tarihi Arastirmalari ve Vakif Müessesesi, Istanbul, 1983 (articles, originally published 1938-50, on law and on pious foundations)
*Akgündüz, Ahmet, Islam Hukukunda ve Osmanli Tatbikatinda Vakif Müessesesi, Ankara, 1988 ("Pious Foundations in Islamic Law and Ottoman Practice")
*Bilge, Mustafa, Ilk Osmanli Medreseleri, Istanbul, 1984 (the first Ott. medreses)
*Keddie, Nikki, ed., Scholars, Saints, and Sufis: Muslim Religious Institutions in the Middle East since 1500, Berkeley and Los Angeles, 1972, various articles
*Parry, V. J. , and Yapp, M. E. , ed. , War, Technology, and Society in the Middle East, London, 1975
*Guilmartin, John, Gunpowder and Galleys: Changing Technology and Mediterranean Warfare at Sea in the Sixteenth Century, New York, 1974
*Beeching, Jack, The Galleys of Lepanto, New York, 1983
*Mihailovic, Konstantin, Memoirs of a Janissary, translated by Benjamin Stolz, Ann Arbor, 1975
*Imber, Colin, "The Navy of Süleyman the Magnificent," Archivum Ottomanicum, VI (1980), 211-82
*Shaw, Stanford J. , The Financial and Administrative Organization and Development of Ottoman Egvpt, Princeton, 1962. A Pioneer effort to study a large-scale topic closely from archival sources.
*Singer, Amy, "Tapu Tabrir Defterleri and Kadi Sicilleri: A Happy Marriage of Sources," TArih, 1 (1990), 95-125
*Beldiceanu, Nicoara, Le timar dans 1'Etat ottoman (debut YlVe-debut XVIe siécle), Wiesbaden, 1980
*Cvetkova, Bistra A., Les institutions ottomanes en Europe, Wiesbaden, 1978
*Heyd, Uriel, Studies in Old Ottoman Criminal Law, edited by Victor L. Ménage, Oxford, 1973

*Akdag, Mustafa, Türkiye'nin Iktisadi ve Içtimai Tarihi, 2 vols. , c. 1971
*Bryer, Anthony, and Heath Lowry, ed., Continuity and Change in Late Byzantine and Early Ottoman Society, Washington-Birmingham, UK, 1986
*Barkan, Ömer Lütfi, Türkiye'de Toprak Meselesi, Istanbul, 1980 ("the land problem in [Ottoman] Turkey)
*Akgündüz, Ahmed, Osmanli Kanunnameleri ve Hukuki Tahlilleri, Istanbul, 1990
*Cook, M. A. , Population Pressure in Rural Anatolia, 1450-1600, London, 1972
*Cohen, Amnon, and Bernard Lewis, Population and Revenue in the Towns of Palestine in the Sixteenth Century, Princeton, 1978
*Faroqhi, Suraiya, Towns and Townsmen of Ottoman Anatolia: Trade, Crafts and Food Production in an Urban Setting, 1520-1650, Cambridge, 1984
-----Herrscher über Mekka: Die Geschichte der Pilgerfahrt, Munich-Zurich, 1990
-----Pilgrims and the Sultans: The Hajj under the Ottomans, 1517-1683, London, 1994
*Veinstein, Gilles, "Les 'çiftlik' de colonisation dans les steppes du nord de la Mer Noire au XVIe siécle," IFM, XLI (1985), 177-236
*Zachariadou, Elizabeth A., Trade and Crusade: Venetian Crete and the Emirates of Menteshe and Aydin (1300-1415), Venice, 1983

------Romania and the Turks, ca. 1300-ca. 1500, London, Variorum, 1985
*Ashtor, Eliyahu, Levant Trade in the Later Middle Ages, Princeton, 1983
*Inalcik, Halil, "Osmanli Idare, Sosyal, ve Ekonomik Tarihiyle ilgili Belgeler: Bursa Kadi Sicillerinden Seçmeler," Belgeler, X (1981), 1-91, XIII (1988), 1-41 (Docts. on admin., sor & ec. hist. from Bursa kadi records)
------"Capital Formation in the Ottoman Empire," Journal of Economic Histor,y, XXIX (1969), 97-140
*Barkan, Ömer Lutfi, "The Price Revolution of the Sixteenth Century: A Turning Point in the Economic History of the Near East," IJMES, VI (1975), 3-28. A sample of the work of the major Turkish economic historian, whose work Braudel found interesting and often referred to (but the translation is not exact).
*Kafadar, Cemal, "Les troubles monétaires de la fin du XVIe siécle et la prise de conscience ottomane du déclin," Annales: Economies, societe's, civilisations, 11 [?] (1991), 381-400
*Sahillioglu, Halil, "The Role of International Monetary and Metal Movements in Ottoman Monetary History, 1300-1750," in Precious Metals in the Later Medieval and Early Modern World, ed. J. F. Richards, Durham, NC, 1983
*Çizakça, Murat, "A Short History of the Bursa Silk Industry (1500-1900)," Journal of the Economic and Social History of the Orient, XXIII (1980), 142-52
*Islamoglu-Inan, Huri, ed. , The Ottoman Empire and the World Economy, Cambridge-Paris, 1987
------State and Peasant in the Ottoman Empire: Agrarian Power Relations and Regional Economic Development, Leiden, 1994
*Keyder, Çaglar, and Faruk Tabak, eds., Landholding and Commercial Agriculture in the Middle East, Albany, 1991
*Berktay, Halil, and Suraiya Faroqhi, eds., New Approaches to State and Peasant in Ottoman History, London, 1992
*Taeschner, Franz, Zünfte und Bruderschaften im Islam, Zurich-Munich, 1979
*Skilliter, Susan, William Harborne and the Trade with Turkey, 1578-1582: A Documentary Study of the First Anglo-Ottoman Relations, Oxford, 1977
*Müller, Hans, Die Kunst des Sklavenkaufs nach arabischen, persischen and türkischen Ratgebern vom 10. bis zum 18. Jahrhundert, Freiburg-im- Breisgau, 1980
*Kortepeter, Carl M., " Ottoman Imperial Policy and the Economy of the Black Sea Region," JAOS, LXXXVI (1966), 86-112
*Inalcik, Halil, "The Policy of Mehmed the Conqueror toward the Greek Population of Istanbul and the Byzantine Buildings of the City," Dumbarton Oaks Papers, XXIII-XXIV (1969-70), 231-49
------"The Hub of the City: The Bedesten of Istanbul," IJTS, 1 (1979-80), 1-17
*Lewis, Bernard, Istanbul and the Civilization of the Ottoman Empire, Norman, OK, 1963
*Mantran, Robert, La vie quotidienne a Constantinople au temps de Soliman le Magnifique et de ses successeurs (XVIe et XVIIe siécles), Paris, 1965
*Barkan, Ömer Lütfi, Süleymaniye Cami ve Insaati (1550-1557), 2 vols. , Ankara, 1972-79 (Building of Silleymaniye Mosque; a soc.-ec. study), on which see Rogers, J. M., "The State and the Arts in Ottoman Turkey, Part 1: The Stones of Süleymaniye," IJMES, XIV (1982), 71-86-, id.,"The State and the Arts in Ottoman Turkey, Part 2: The Furniture and Decoration of Süleymaniye," IJMES, XIV (1982), 283-313
Hattox, Ralph, Coffee and Coffeehouses: The Origins of a Social Beverage in the Medieval Near East, Seattle, 1985
*Goffman, Daniel, Izmir and the Levantine World, 1550-1650, Seattle, 1990
*Todorov, Nikolai, The Balkan City, 1400-1900, Seattle, 1983
*Lampe, John R., and Marvin R. Jackson, Balkan Economic History, 1550-1950: From Imperial Borderlands to Developing Nations, Bloomington, 1982
*Zimanyi, V. , Economy and Society in 16th and 17th Century Hungary (1525-1650),

Budapest, 1987
*Raymond, André, The Great Arab Cities in the 16th-18th Centuries: An Introduction, New York, 1984; id., Grandes villes arabes a I 'époque ottomane, Paris, 1985 (a longer work on the same subject as the first)
*Hütteroth, W.-D., and K. Abdulfattah, Historical Geography of' Palestine, Transjordan and Southern Syria in the Late 16th Century, Erlangen, 1977
*Moutafchieva, Vera, Le vakif -- un aspect de la structure socio-economique de 1 'Empire ottoman (XVe-XVIIe s.), Sofia, 1981
*Runciman, Steven, The Great Church in Captivity: A Study of the Patriarchate of Constantinople from the Eye of the Turkish Conquest to the Greek War of Independence, Cambridge, 1968
*Lewis, Bernard, The Jews of Islam, Princeton, 1984
*Singer, Amy, Palestinian Peasants and Ottoman Officials: Rural Administration around Sixteenth-Century Jerusalem, Cambridge, 1994
*Cohen, Amnon, Jewish Life under Islam: Jerusalem in the Sixteenth Century, Cambridge, MA, 1984
------Economic Life in Ottoman Jerusalem, Cambridge, 1989
*Bashan, Eliezer, Economic Life of the Jews in the Balkans and Anatolia, 1453- 1600, New York, 1989
*Rozen, Minna, The Jewish Community of Jerusalem in the Sixteenth Century [in Hebrew], Tel Aviv, 1984
*Shmuelewitz, Aryeh, The Jews of the Ottoman Empire in the Late Fifteenth and the Sixteenth Centuries: Administrative, Economic, Legal and Social Relations as Reflected in the Responsa, Leiden, 1984
Epstein, Mark, The Ottoman Jewish Communities and their Role in the Fifteenth and Sixteenth Centuries, Freiburg, 1980
*Braude, Benjamin, and Bernard Lewis, eds., Christians and Jews in the Ottoman Empire: The Functioning of a Plural Society, 2 vols., New York, 1982
*Frazee, Charles A. , Catholics and Sultans: The Church and the Ottoman Empire, 1453-1923, London, 1983
*Chevalier, Michel, Les montagnards chrétiens du Hakkari et du Kurdistan septentrional, Paris, 1985 (on Nestorian Christians in southeastern Turkey)

*Halman, Talat Sait, ed. , Yunus Emre and His Mystical Poetry, Bloomington, 1981
*Mustafa Ali, Description of Cairo of 1599, translated by Andreas Tietze, Vienna, 1975
-----Mustafa Ali"s Counsel for Sultans of 1581, translated by Andreas Tietze, 2 vols., Vienna, 1979-82, works by a leading Ottoman intellectual of the sixteenth century, translated by the most eminent present-day scholar of Turkish language and literature.
*Necipoglu, Gülru, Architecture, Ceremonial, and Power: The Topkapi Palace in the Fifteenth and Sixteenth Centuries, Cambridge, 1991
*Fleischer, Cornell, Bureaucrat and Intellectual in the Ottoman Empire; The Historian Mustafa Ali, Princeton, 1986
*Mustafa, Selaniki, Tarih-i Selaniki, ed. Mehmet Ipsirli, 2 vols. , Istanbul, 1989
*Yücel, Yasar, Osmanli Devlet Teskilatina dair Kaynaklar, Ankara, 1988
*Hasluck, Frederick W. , Christianity and Islam under the Sultans, 2 vols. , 1929
*Faroqhi, Suraiya, Der Bektaschi-Orden in Anatolien (vom spaten fünfzehnten Jahrhundert bis 1826), Vienna, 1981
*Eröz, Mehmet. Türkiye'de Alevilik-Bektasilik, Istanbul, 1977
*Yilmaz, H. Kamil, Aziz Mahmud Hüdayi ve Celvetiyye Tarikati, Istanbul, 1980 (on the Celvetiyye Dervish Order)
*Winter, Michael, Society and Religion in Earlv Ottoman Egypt, New Brunswick, NJ, 1982
*Lewis, Bernard, The Muslim Discovery of Europe, New York, 1982

*Bombaci, Alessio, Histoire de la littérature turque, translated by Iréne Melikoff, Paris, 1968
*Gibb, Elias J. W. , A History of Ottoman Poetry, London, 1900-1909; reprinted 1958-63, six volumes
*Menemencioglu, Nermin, ed., The Penguin Book of Turkish Verse, Harmondsworth, UK, 1978
*Andrew, Walter G. , An Introduction to Ottoman Poetry, Minneapolis and Chicago, 1976
----Poetry's Voice, Society's Song: Ottoman Lyric Poetry, Seattle, 1985
*Mehmet Aga, Risale-i Mi'mariyye, trans. Howard Crane, London, 1987
*Goodwin, Godfrey, A History of Ottoman Architecture, London, 1971
*Kuran, Aptullah, The Mosque in Early Ottoman Architecture, Chicago, 1968
*Atil, Esin, ed., Turkish Art, Washington, 1980
-----The Age of Sultan Siileyman the Magnificent, New York, 1987 (catalogue of the exhibition of the same name)
------ Süleymanname: The Illustrated History of Süleyman the Magnificent, New York, 1987
Raby, Julian, "El Gran Turco: Mehmed the Conqueror as a Patron of the Arts of Christendom," Diss., Oxford, 2 vols., 1980
*Çagman, Filiz, and Zeren Tanindi, The Topkapi Saray Museum: The Albums and Illustrated Manuscripts, translated, expanded, and edited by Michael Rogers, New York, 1986
*Köseoglu, Cengiz, The Topkapi Saray Museum: The Treasury, translated, expanded, and edited by Michael Rogers, New York, 1987
*Tezcan, Hülye, The Topkapi Saray Museum: Carpets, translated, expanded, and edited by Michael Rogers, New York, 1987
----- and Selma Delibas, The Topkapi Saray Museum: Costumes, Embroideries and other Textiles, translated, expanded, and edited by Michael Rogers, New York, 1986
[?], The Topkapi Saray Museum: Architecture, translated, expanded, and edited by Michael Rogers, 198

Османская империя: XVII-XVIII вв.

*Inalcik, Halil, "Military and Fiscal Transformation in the Ottoman Empire," Archivum Ottomanicum, VI (1980), 283-337
*Fleischer, Cornell, "From Sehzade Korkud to Mustafa Ali: Cultural Origins of the Ottoman Nasihatname," unpublished [still?] paper presented at the Third International Congress on the Economic and Social History of Turkey, Princeton, 1983
*Howard, Douglas, "Ottoman Historiography and the Literature of 'Decline' of the Sixteenth and Seventeenth Centuries," Journal of Asian History, XXII (1988), 52-77
------- "The Ottoman Timar System and its Transformation, 1563-1656," Ph.D. diss., Indiana U., 1987
*Finkel, Caroline, The Administration of Warfare: The Ottoman Campaigns in Hungary, 1593-1606, Vienna, 1988
*Darling, Linda, "The Ottoman Finance Department in a Century of Crisis," Ph.D. diss., University of Chicago, 1990
*Inalcik, Halil, "The Origins of the Ottoman-Russian Rivalry and the Don-Volga Canal," Annals of the University of Ankara (=Ankara Üniversitesi Dil- Tarih-Cografya Fakültesi Dergisi), 1 (1946-47), 47-106
*Kurat, Akdes Nimet, "The Turkish Expedition to Astrakhan in 1569 and the Problem of the Don-Volga Canal," Slavonic and East European Review, XL (1961), 7-23
*Bennigsen, Alexandre, "L'expedition turque contre Astrakhan en 1569 d'aprés les registres des 'affaires importantes' des archives ottomanes," Cahiers du monde russe et sovietique, XIII (1967), 427-46
*Jelavich, Barbara, History of' the Balkans: Eighteenth and Nineteenth Centuries, New York, 1983

*Rycaut, Sir Paul, The History of the Turkish Empire, 1623-1677, London, 1680 -, -------The Present State of the Ottoman Empire, London, 1668; reprinted 1971 Anderson, Sonia P. , An English Consul in Turkey: Paul Rycaut at Smyrna, 1667- 1678, Oxford, 1989
*Barker, Thomas M., Double Eagle and Crescent: Vienna's Second Siege and its Historical Setting, Albany, NY, 1967
*Düriegl, G. , Wien 1683: Die zweite Türkenbelagerung, Vienna, 1981
*Broucek, Peter, et al., Der Sieg bei Wien 1683, Vienna-Warsaw, 1983
*Nouzille, Jean, Histoire de frontiéres, I'Autriche et 1'Empire ottoman, Paris, 1991
*Abou-el-Haj. R.A., The 1703 Rebellion and the Structure of Ottoman Politics, Istanbul, 1984 (?)
*Montagu, Lady Mary Wortley, Letters of Lady Mary Wortley Montagu, edited by Edward Halsband, vol. 1, Oxford, 1967, letters on Turkey, pp. 296-427
*De Groot, Alexander, The Ottoman Empire and the Dutch Republic: A History of the Earliest Diplomatic Relations, Leiden, 1978
*Erdbrink, G. R. Bosscha, At the Threshold of Felicity: Ottoman-Dutch Relations during the Embassy of Cornelis Calkoen at the Sublime Porte, 1726- 1744, Ankara, 1975
*Sumner, B. H., Peter the Great and the Ottoman Empire, Oxford, 1949
*Itzkowitz, Norman, and Max Mote, ed. and trans., Mubadele--An Ottoman-Russian Exchange of Ambassadors, Chicago, 1967; exchange of ratifications of Treaty of Küçük Kaynarca, 1774
*Fisher, Alan W., The Russian Annexation of the Crimea, 1772-1783, Cambridge, 1970
*Davison, Roderic H., "'Russian Skill and Turkish Imbecility': The Treaty of Kuchuk Kainardji Reconsidered," Slavic Review, XXV (1976), 463-83
*Naff, Thomas, and Roger Owen, ed., Studies in Eighteenth Century Islamic History, Carbondale, 1977
*Crecelius, Daniel, The Roots of Modern Egypt: A Study of the Regimes of 'Ali Bey al-Kabir and Muhammad Bey Abu al-Dhahab, 1760-1775, Minneapolis and Chicago, 1981

*Röhrborn, Klaus, Untersuchungen zur osmanischen Verwaltungsgeschichte, Berlin, 1973
*Darling, Linda T., Revenue-Raising and Legitimacy: Tax Collection and Finance Administration in the Ottoman Empire, 1560-1660, Leiden, 1996
*Majer, Hans Georg, ed. , Das Osmanische "Registerbuch der Beschwerden" (Sikayet Defteri) vom Jahre 1675, 2 vols., Vienna, 1984-
*Inalcik, Halil, "Adaletnameler," Belgeler, 11 (1965), 49-145 ("Justice Letters," issued to prohibit administrative abuses)
------, "Military and Fiscal Transformation in the Ottoman Empire," Archivum Ottomanicum, VI (1980), 283-337
*Sahillioglu, Halil, "The Income and Expenditures of the Ottoman Treasury between 1683 and 1740," Revue d'histoire maghrebine, XXV-XXVI (1982), 65- 84
*Suceska, Avdo, "Die örtlichen Verwaltungsorgane des Osmanischen Reiches bis Ende des 17. Jh. " Zeitschrift für Balkanologie, 1 (1962), 153-81; A. S. is one of Yugoslavia's best Ottoman historians. His publications are important for this period in general, not just for Yugoslavia. See also:
------"Bedeutung und Entwicklung des Begriffes A'yan im Osmanischen Reich," SF, XXV (1966), 3-26
----- "Die Entwicklung der Besteuerung durch die Avariz-i divaniye and die Tekalif-i örfiye im Osmanischen Reich wahrend des 17. und 18. Jahrhunderts," SF, XXVII (1968), 89-130
*d'Ohsson, Ignatius Mouradgea, Tableau général de I'Empire ottoman, 7 vols., Paris, 1788-1824.
*Hammer, Joseph von, Des osmanischen Reichs Staatsverfassung und Stastsverwaltung, 2 vols., Vienna, 1815; reprinted 1967
*Mutafcieva, Vera P., and Str. A. Dimitrov, Sur 1'e'tat des timars des XVIIe- XVIIIe siécles,

Sofia, 1968
*Aksan, Virginia H., An Ottoman Statesman in War and Peace: Ahmed Resmi Efendi, 1700-1783, Brill, 1995
*Rothenberg, Gunther E., and Bela K. Kiraly, ed., East Central European Society and War in the
*Pre-Revolutionary Eighteenth Century, New York, 1982
*Murphey, Rhoads, "The Functioning of the Ottoman Army under Murad IV (1623-1639/1032-1049): Key to the Understanding of the Relationship between Center and Periphery in Seventeenth-Century Turkey," Ph.D. diss., U. of Chicago, 1979
*Levy, Avigdor, "Military Reform and the Problem of Centralization in the Ottoman Empire," Middle Eastern Studies, XVIII (1982), 227-49
*Anderson, R. C. , Naval Wars in the Levant, 1559-1853, Princeton, 1952
*Majer, Hans Georg, Vorstudien zur Geschichte der Ilmiye im Osmanischen Reich 1: Zu Usakizade, seiner Familie und seinem Zeyl-i Sakayik, Munich, 1978
*Heyd, Uriel, "The Ottoman Ulema and Westernization in the Age of Selim III and Mahmud II," Scripta
*Hierosalymitana, IX: Studies in Islamic Hlstory and Civilization (1961), 63-96
*Zilfi, Madeline, The Politics of Piety: The Ottoman Ulema in the Postclassical Age (1600-1800), Minneapolis, 1988
*Krüger, Hilmar, Fetwa und Siyar: Zur internationalrechtlichen Gutachtenpraxis der osmanischen Seyh ül-Isla'm vom 17. bis 19. Jahrhundert unter besonderer Berücksichtigung des "Behcet ül-Fetava," Wiesbaden, 1978 (on the role of the Seyh ül-Islam

*Griswold, William J., The Great Anatolian Rebellion, 1000-1020/ 1591-1611, Berlin, 1983
Kunt, I. Metin, Bir Osmanli Valisinin Ylllik Gelir-Gideri: Diyarbakir, 1670- 71, Istanbul, 1981 (a governor's income and expenditure)
*Evliya Çelebi, Diyarbakir in the Mid-Seventeenth Century: Evliya Çelebi's Description of Diyarbakir, ed. and trans. Martin van Bruinessen and Hendrik Boeschoten, Leiden, 1988
------Evliya Celebi in Bitlis: The Relevant Section of the Seyahatname, ed. and trans. Robert Dankoff, Leiden, 1990
------The Intimate Life of an Ottoman Statesman, Melek Ahmed Pasha (1588- 1662), as Portrayed in Evliya Çelebi's Book of Travels (Seyahatname), ed. and trans. Robert Dankoff, Albany 1991
*Faroqhi, Suraiya, Men of Modest Substance: House Owners and House Property in Seventeenth-Century Ankara and Kayseri, Cambridge, 1987
*Jennings, Ronald C., "Loans and Credit in Early 17th Century Ottoman Judicial Records: The Sharia Court of Anatolian Kayseri," JESHO, XVI (1973), 168- 216
------ "Women in Early 17th Century Ottoman Judicial Records: The Sharia Court of Anatolian Kayseri," JESHO, XVIII (1975), 53-114
------- "The Office of Vekil (Wakil) in 17th Century Ottoman Sharia Courts," ST, XLII (1975), 147-69
------- "Kadi, Court, and Legal Procedure in 17th Century Ottoman Kayseri," SI, XLVIII (1978), 133-72
------- "Zimmis (Non-Muslims) in Early 17th Century Ottoman Judicial Records: The Sharia Court of Anatolian Kayseri," JESHO, XXI (1978), 225-93
------- "Limitations of the Judicial Powers of the Kadi in 17th Century Ottoman Kayseri," SI, L (1979), 151-84
------- "Firearms, Bandits, and Gun-Control: Some Evidence on Ottoman Policy toward Firearms in the *Possession of Reaya, from Judicial Records of Kayseri, 1600-1627," Archivum Ottomanicum, VI (1980), 39-58
-------- "The Legal Position of Women in Kayseri, a Large Ottoman City, 1590- 1630," International Journal of Women's Studies, III (1980), 559-82

*Gerber, Haim, Economy and Society in an Ottoman City" Bursa: 1600-1700, Jerusalem, 1988
--------"The Muslim Law of Partnerships in Ottoman Court Records," SI, Llll (1981), 109-19
-------- "Social and Economic Position of Women in an Ottoman City, Bursa, 1600- 1700," IJMES, XII (1980), 231-44
-------- "Sharia, Kanun and Custom in the Ottoman Law: The Court Records of 17th-Century Bursa," IJMES, 11 (1981), 131-47
*El-Nahal, Galal H. , The Judicial Administration of Ottoman Egypt in the Seventeenth Century, Minneapolis and Chicago, 1979
*Davis, Fanny, The Ottoman Lady: A Social History from 1718 to 1918, New York, 1986
*McGowan, Bruce, Economic Life in Ottoman Europe: Taxation, Trade and the Struggle for Land, 1600-1800, Cambridge, 1981
*Cezar, Yavuz, Osmanli Maliyesinde Bunalim ve Degisim Dönemi (XVIII. yy'dan Tanzimat'a Mali Tarih), Istanbul *(?), 1986 ("Crisis and Change in Fin. Admin., 18th C. to Tanzimat)
*Wood, Alfred, A History of the Levant Company, 1935
*Svoronos, Nicolas, Le commerce de Salonique au XVIIIe siécle, Paris, 1956
*Stoianovich, Traian, "The Conquering Balkan Orthodox Merchant," Journal of Economic History, XX (1960), 234-313
*Kütükoglu, Mübahat S. , Osmanlilarda Narh Müessesesi ve 1640 Tarihli Narh Defteri, Istanbul, 1983 (Ott. Price Control System)
*Bagis, Ali Ihsan, Osmanli Ticaretinde Gayrimüslimler: Kapitulasyonlar-- Beratli Tüccarlar--Avrupa ve Hayriye Tüccarlari (1750-1839), Ankara, 1983 (Non-Muslims in Ottoman Trade)
*Fisher, Alan, "Chattel Slavery in the Ottoman Empire," Slavery and Abolition, 1 (1980), 25-45
------ "Studies in Ottoman Slavery and the Slave Trade, IT: Manumission," Journal of Turkish Studies, IV (1980), 49-56
*Jahn, Karl Türkische Freilassungserklarungen des 18. Jahrhunderts (1702-1776), Naples, 1963 (documents on manumission of slaves; HT1238. T87)
*Willis, John Ralph, ed., Slaves and Slavery in Muslim Africa: 1: Islam and the Ideology of Slavery; 11: The Servile Estate, London, 1985
*Mantran, Robert, Istanbul dans la seconde moitié du XVIIe siécle: Essai d'histoire institutionelle, économique, et sociale, Paris, 1962
*Halaçoglu, Yusuf, XVIII. Yüzyilda Osmanli Imparatorlugu'nun Iskan Siyaseti ve Asiretlerin Yerlestirilmesi (Ankara, 1988; "Sedentarization Policy and Tribal Settlement in the Eighteenth Century:)
*Suceska, Avdo, "The Position of the Raya in Bosnia in the 18th Century," Pregled (Sarayevo), LXVIII (1978), 208-25
*Inalcik, Halil, "The Ottoman Decline and its Effects upon the Reaya," in IIe Congrés international des études du Sud-Est européen, 111, 73-90 (Athens, 1978)
-----"The Appointment Procedure of a Guild Warden (Kethüda)," WZKM, LXXVI a (1986), 135-42
*Hourani, Albert, "The Changing Face of the Fertile Crescent in the XVIIIth Century," SI, VIII (1957), 89-122
*Marcus, Abraham, The Middle East on the Eve of Modernity: Aleppo in the Eighteenth Century, New York, 1989
*Schatkowski Schilcher, Linda, Families in Politics: Damascene Factions and Estates of the 18th and 19th Centuries, Wiesbaden-Stuttgart, 1985
*Barbir, Karl K. , Ottoman Rule in Damascus, 1708-1758, Princeton, 1980
*Rafeq, Abdul-Karim, The Province of Damascus, 1723-1783, Beirut, 1966
*Abu-Husayn, Abdul-Rahim, Provincial Leadership in Syria, 1575-1650, Beirut, 1985
*Cohen, Amnon, Palestine in the 18th Century: Patterns of' Government and Administration,

Jerusalem, 1973
*Sanjian, Avedis, The Armenian Communities in Syria under Ottoman Dominion, Cambridge, MA, 1975
*Kemp, Percy, Territories d'Islam: Le monde du Mosoul au XVIIIe siécle, Paris 1982
*Raymond, André, Artisans et commerçants au Caire au XVIIIe siécle, 2 vols., Damascus, 1974, one of the most ambitious recent works in Islamic studies
al-Jabarti, 'Abd al-Rahman, Al-Jabarti's Chronicle of the Seven Months of the Frenxh Occupation of Egypt, translated by S. Moreh, Lediden 197-
----- Journal d'un notable du Caire durant l'expedition française, 1789-1801, trans. Joseph Cuog, Paris, 1979 (reprint of an old translation).
*Phillip, Thomas, The Syrians in Egypt, 1725-1975, Berlin, 1984
*Moztki, Harald, Dimma und Egalite: Die nichtmuslimischen Minderheiten Agyptens in der Zweiten Halfte des 18 Jahrhunderts und die Expedition Bonapartes, 1798-1801, Bonn 1979
*Valensi, Lucette, Tunisian Peasants in the Eighteenth and Nineteenth Centuries, Cambridge, 1985
*Panzac, Daniel, La peste dans l'Empire ottoman (1700-1850), Paris-Louvain, 1985
----- Quarantaines et lazarets: L'Europe et la peste d'Orient, Aix-en-Provence, 1987 (?)

*Kafadar, Cemal, "Self and Others: The Diary of a Dervish in Seventeenth Century Istanbul and First-Person Narratives in Ottoman Literature, Studia Islamica, LXIX (1989), 121-50
*Yücel, Yasar, Osmanli Devlet Teskilatina dair Kaynaklar: Kitab-i Müstetab; Kitabu Mesalihi'l Müslimin ve Menafi'i 'l-Mii'minin;Hirzü'l Müluk, Ankara,1988
*Hochhut, Pia, Die Moschee Nuruosma'niye in Istanbul: Beitrage zur Bauges chichte nach osmanischen Quellen, Berlin, 1986
*Thomas, Lewis, A Study of Naima, ed. Norman Itzkowitz, New York, 1972
*Wurm, Heidrun, Der osmanische Historiker Hüseyn b. Gafer, genannt Hezarfenn, und die Istanbuler Gesellschaft in der zweiten Halfte des 17. Jahrhunderte, Freiburg-im-Breisgau, 1971
*Göcek, Fatma Müge, East Encounters West: France and the Ottoman Empire in the Eighteenth Century, New York, 1987
*Mehmed Efendi, Le paradis des infidéles: Relation de Yirmisekiz Çelebi Mehmed Efendi, ambassadeur Ottoman en France sous la Régence, trans. J.-C. Galland, ed. Gilles Veinstein, Paris, 1981
*Sari Mehmed Pasha, Ottoman Statecraft: The Book of Counsel for Vezirs and Governors.... ed. and trans. Walter L. Wright, Princeton, 1935
*Kehl-Bodrogi, Krisztina, Die Kizilbas/Aleviten: Untersuchungen über eine esoterische Glaubensgemeinschaft in Anatolien, Berlin, 1988
*Yola, S., Schejch Nureddin Mehmed Cerrahi und sein Orden (1721-1925), Berlin, 1982

Реформы
*Ahmad, Feroz, The Young Turks: The Committee of Union and Progress in Turkish Politics, 1969
*Aksin, Sina, Otuz Bir Mart Olayi, Ankara, 1970
-------Jön Türkler ve Ittihat ve Terakki, Istanbul, 1987
*Childs, Timothy W. , Italo-Turkish Diplomacy and the War over Libya, 1911-1912, Leiden, 1990
*Davison, Roderic H., Reform in the Ottoman Empire, 1856-1876, Princeton, 1963
---- Essays in Ottoman and Turkish History, 1774-1923: The Impact of the West, Austin, 1990
*Devereux, Robert, The First Ottoman Constitutional Period: A Studv of the Midhat Constitution and Parliament, Baltimore, 1963
*Gerber, Haim, Ottoman Rule in Jerusalem, 1890-1914, Berlin, 1985

*Ghazzal, Zouhair, L'Economie politique de Damas durant le XlXe siécle: structures traditionnelles et capitalisme, Damascus, 1993
*Goldberg, Jacob, The Foreign Policy of Saudi Arabia: The Formative Years, 1902-1918, Cambridge, MA,1986
*Hanioglu, Sükrü, The Young Turks in Opposition, New York, 1995
------Bir Siyasal Düsüniir olarak Doktor Abdullah Cevdet ve Dönemi, Ankara, 198?
------Bir Siyasal Örgüt olarak 'Osmanli Ittihad ve Terakki Cemiyeti' ve 'J6n Türklük', 1: 1889-1902, Istanbul, 1987 (?--"The Society of Union and Progress and the Young Turks")
*Khoury, Philip S. , Urban Notables and Arab Nationalism: The Politics of Damascus, 1869-1920, Cambridge, 1983
*Lewis, Bernard, The Emergence of Modern Turkey, second edition, Oxford, 1968
*Mahmud Raif, Osmanli Imparatorlugu'nda Yeni Nizamlarin Cedveli, ed. and trans. Arslan Terzioglu and Hüsrev Hatemi, Istanbul, 1988, includes facsimile ed. of M.R. , Tableau des nouveaux reglements de 1 'Empire ottoman, Constantinople, 1798
*Ma'oz, Moshe, Ottoman Reform in Syria and Palestine, 1840-1861: The Impact of the Tanzimat on Politics and Society, Oxford, 1968
*Ortayli, Ilber, Imparatorlugun En Uzun Yüzyili, 2d ed., Istanbul, 1987 ("The Empire's Longest Century")
*Özkaya, Yücel, Osmanli Imparatorlugunda Dagli Isyanlari, Ankara, 1983
*Ramsaur, Ernest, The Young Turks: Prelude to the Revolution of 1908, Princeton, 1957
*Shaw, Stanford J., Between Old and New: The Ottoman Empire under Sultan Selim III, 1789-1807, Cambridge, MA, 1971
*Simon, Rachel, Libya between Ottomanism and Nationalism: The Ottoman Involvement in Libya during the War with Italy, 1911-1919, Berlin, 1987
*Tunaya, Tarik Zafer, Türkiye'de Siyasal Partiler: I: Ikinci Mesrutiyet Devri; II: Mütareke Dönemi, Istanbul, 1984, 1986 (history of political parties)
*Tunçay, Mete, Eski Sol dzerine Yeni Bilgiler, 198 ("new info. on the old Left")
*Zürcher, Erik Jan, The Unionist Factor: The Role of the Committee of Union and Progress in the Turkish National Movement, 1905-1926, Leiden, 1984

*Birken, Andreas, Die Provinzen des Osmanischen Reiches, Wiesbaden, 1976 Kornrumpf, Hans-Jürgen, Die Territorialverwaltung im östlichen Teil der europaischen Türkei vom Erlass der Vilayetsordnung (1864) bis zum Berliner Kongress (1878) nach amtlichen osmanischen Veröffentlichungen, Freiburg-im-Breisgau,1976 (local administration)
*Çadirci, Musa, Tanzimat Döneminde Anadolu Kentleri 'nin Sosyal ve Ekonomik Yapilari, Ankara, 1991
*Findley, Carter Vaughn, Bureaucratic Reform in the Ottoman Empire: The Sublime Porte, 1789-1922, Princeton, 1980
*Jessup, J. E., Balkan Mili tary History: A Bibliographv, New York, 1986
*Ortayli, Ilber, Türkiye Idare Tarihi, Ankara, 1979 (administration)
*Ursinus, Michael, Regionale Reformen im Osmanischen Reich am Vorabend der Tanzimat, Berlin, 1982

*Cuno, Kenneth M., The Pasha's Peasants: Land, Society, and Economy in Lower Egypt, 1740-1858, Cambridge, 1992
*Duben, Alan, and Cem Behar, Istanbul Households: Marriage, Family and Fertility, 1880-1940, Cambridge, 1991
*Fawaz, Leila Tarazi, Merchants and Migrants in Nineteenth-Century Beirut, Beirut, 1983
*Findley, Carter Vaughn, Ottoman Civil Officialdom: A Social History, Princeton, 1989
*Gerber, Haim, Ottoman Rule in Jerusalem, 1890-1914, Berlin, 1985
*Gerber, Haim, The Social Origins of the Modern Middle East, Boulder, 1987
*Güran, Tevfik, Structure économique et sociale d'une region de campagne dans I'Empire

ottoman vers le milieu du XlXe siécle, Sofia, 1979
*Hunter, F. Robert, Egypt under the Khedives, 1805-1879, Pittsburgh, 1984
*Issawi, Charles, An Economic History of the Middle East and North Africa, New York, 1982
----- The Economic History of Turkey, 1800-1914, Chicago, 1980
*Johnson, Michael, Class and Client in Beirut: The Sunni Muslim Community and the Lebanese State, 1840-1985, London, 1986
*Karpat, Kemal H., Ottoman Population, 1830-1914: Demographic and Social Characteristics, Madison, 1985
*Kössler, Armin, Aktionsfeld Osmanisches Reich: Die Wirtschaftsinteressen des Deutschen Kaiserreiches in der Türkei, 1871-1890, New York, 1981
*Krikorian, Mesrob K. , Armenians in the Service of the Ottoman Empire, 1860- 1908, London, 1977
*Kushner, David, ed. , Palestine in the Late Ottoman Period: Political Social and Economic Transformation, Jerusalem-Leiden, 1986
*Marsot, Afaf Lutfi al-Sayyid, Egypt in the Reign of Muhammad Ali, Cambridge, 1984
*McCarthy, Justin, The Arab World, Turkey and the Balkans, 1878-1914: A Handbook of Historical Statistics, London, 1982
----- Muslims and Minorities: The Population of Ottoman Anatolia and the End of the Empire, New York, 1983
*McGrew, William W., Land and Revolution in Modern Greece, 1800-1871: The Transition in the Tenure and Exploitation of the Land from Ottoman Rule to Independence, Kent, 1985
*Mowafi, P., Slavery, Slave Trade and Abolition Attempts in Egypt and the Sudan, 1820-1882, Malmö, 1981
*Ochsenwald, William, The Hijaz Railway, Charlottesville, 1980
----- Religion, Society and the State in Arabia: The Hijaz under Ottoman Control, 1840-1908, Columbus, 1984
*Owen, Roger, The Middle East in the World Economy, 1800-1914, London, 1981
*Pamuk, Sevket, Osmanli Ekonomisi ve Dünya Kapitalizmi (1820-1913), Ankara, 1984 (0. econ. and world capitalism)
---- The Ottoman Empire and European Capitalism, 1820-1913: Trade, Investment and Production, Cambridge, 1987
---- The Ottoman Empire In the 'Great Depression' of 1873-1896," Journal of Economic History, XLIV (1984), -
*Quataert, Donald, Social Disintegration and Popular Resistance in the Ottoman Empire, 1881-1908: Reactions to European Economic Penetration, New York, 1983
*Rodrigue, Aron, French Jews, Turkish Jews: The Alliance Israelite Universelle and the Politics of Jewish Schooling in Turkey, 1860-1925, Bloomington, 1990
*Rosenthal, Steven T., The Politics of Dependency: Urban Reform in Istanbul, Westport, CT, 1980
*Sakaoglu, Necdet, Anadolu Derebeyi Ocaklarindan Köse Pasa Hanedani, Ankara, 1984 Veinstein, Gilles, ed., Salonique, 1850-1918: La 'ville des Juifs' et le reveil des Balkans, Paris, 1992
*Sayar, Ahmed Güner, Osmanli Iktisat Düsüncesinin Çagdaslasmasi (Klasik Dönem'den II. Abdülhamid'e), Istanbul, 1986 (Modernization of 0. Economic Thought, from the Classic Period to Abd ül-Hamid II)
*Serpil Çakir, Osmanli Kadin Hareketi, Istanbul, 1994
*Sha'afi, M. S., The Foreign Trade of Juddah during the Ottoman Period, 1840- 1916, Jeddah, 1985
*Stone, Frank Andrews, Academies for Anatolia: A Study of the Rationale, Program, and Impact of the Educational Institutions Sponsored by the American Board in Turkey, New York, 1984

*Thobie, J. , Interets et impérialisme français dans 1 'Empire ottoman (1895- 1914), Paris, 1977
--- Ali et les 40 voleurs: Impérialisme et Moyen-Orient de 1914 a nos jours, Paris, 1985
*Toledano, Ehud R. , The Ottoman Slave Trade and its Suppression, 1840-1890, Princeton, 1982
*Toledano, Ehud R., State and Society in Mid-Nineteenth-Century Egypt, Cambridge, 1990
*Toprak, Zafer, Türkiye'de "Milli Iktisat" (1908-1918), Ankara, 1982 (development of "nationalist economics" in T.)
*Wallach, Jehuda L., Anatomie einer Militarhilfe: Die preussisch-deutschen Militirmissionen in der Türkei, 1835-1919, Düsseldorf, 1976

ВИЗАНТИЙСКАЯ ИМПЕРИЯ

Источники
Corpus fontium historiae byzantinae (CFHB). [Various locations] : 1967. v. 1-34, 36, 39
Corpus scriptorum historiae byzantinae. Bonn, 1828-1878. 50 v.
Dölger, Franz. Regesten der Kaiserurkunden des oströmischen Reiches von 565-1453. München & Berlin, 1924-1965. 5 v.
Hanawalt, Emily Albu. An annotated bibliography of Byzantine sources in English translation. Brookline, Mass., c1988.
Karayannopoulos, I. E. & Günter Weiss. Quellenkunde zur Geschichte von Byzanz (324-1453). Wiesbaden, 1982. 2 v.
Miklosich, Franz, Ritter von. Acta et diplomata Graeca medii aevi sacra et profana. Aalen, 1968. 6 v.
Агафий. О царствовании Юстиниана/Пер. М.В.Левченко. Л., 1953.
Алексей Макремволит. Разговор богатых и бедных/Пер. М.А.Поляковской//ВВ. Т. 33. 1972.
Анна Комнина. Алексиада/Пер., комм. Я.Н.Любарского. М., 1965.
Анонимная сирийская хроника о времени Сасанидов/Пер. Н.В.Пигулевской//ТИВ. Т. 7. 1939.
Анонимный географический трактат «Полное описание Вселенной и народов»/Пер., прим., указ. С.В.Поляковой и И.В.Феленковской// ВВ. Т. 8. 1956.
Антиох Стратег. Пленение Иерусалима персами в 614году/Подг. НЛ.Марр//Тексты и разыскания по армяно-грузинской филологии. Кн. VI, IX, 1909.
Асохик. Всеобщая история/Пер. Н.Эмина. М., 1864.
Византийская книга Эпарха/Пер., комм. М.Я.Сюзюмова. М., 1962.
Византийские историки Дука, Сфрандзи, Лаоник Халкокондил о взятии Константинополя турками/Пер., предисл. А.С.Степанова и Е.Б.Веселаго // ВВ. Т. 7. 1953.
Византийские легенды/Пер. С.В.Поляковой. Л., 1972.
Византийский Земледельческий Закон. Л., 1984.
Византийский земледельческий закон/Подг. Е.Э.Липшиц, И.П.Медведева, Е.К.Пиотровской; под ред. И.П.Медведева. Л., 1984.
Георгий Амартол. Книги временные и образные Георгия Мниха (Хроника Георгия Амартола в древнем славяно-русском переводе)/Подг. В.М.Истрина. Т. 1-3. Пг.-Л., 1920-1930.
Георгий Пахимер. История о Михаиле и Андронике Палеологах/Пер. под ред. С.П.Карпова // ВИПДА. Спб., 1868.
Две византийские хроники X века. а) Псамфийская хроника; б) Иоанн Камениата. Взятие Фессалоники/Пер., комм. А.П.Каждана. М., 1959.
Дигесты Юстиниана. Избранные фрагменты/Пер., прим. И.С.Перетерского. М., 1984.
Дигесты Юстиниана. Спб. 1995.
Дионисий Ареопагит. О Божественных Именах. Спб. 1994.
Дионисий Ареопагит. О небесной иерархии. Спб. 1996.
Дьяконов А.П. Известия Иоанна Эфесского и сирийских хроник о славянах VI-VII ВВ.//ВДИ. №1.1946.
Евагрий. Церковная история . Книга 1. 2000. Книга 2. 2001.
Жоффруа де Виллардуэн. Завоевание Константинополя/Пер., комм. М.А.Заборова. М, 1993.
Иешу Стилит. Сирийская хроника// Пигулевская Н.В. Месопотамия на рубеже V-VI вв. М., 1940.

Иоанн Кантакузин//Г.М.Прохоров. Публицистика Иоанна Кантакузина 1367-1371 гг.//ВВ. Т. 29. 1968.
Иоанн Киннам. Краткая история царствования Иоанна и Мануила Комнинов/ Пер. под ред. В.Н.Карпова//ВИПДА. Спб., 1859.
Иоанн Цимисхий. Письмо к армянскому царю Ашоту III/Пер. Хр. Кучук-Иоаннеса//ВВ. Т. 10. 1903.
Иоанн Эфесский. Отрывки из хроники//Пигулевская Н.В. Ближний Восток, Византия, славяне. Л., 1976.
Иордан. О происхождении и деяниях гетов (Getica)/Пер. Е.Ч.Скржинской. М., 1960.
Кекавмен. Советы и рассказы Кекавмена. Сочинение византийского полководца XI в./Пер., комм. Г.Г.Литаврина. М., 1972.
Константин Багрянородный. О фемах. О народах/Пер. Г.Ласкина. М., 1899.
Константин Багрянородный. О церемониях византийского двора (отрывки)//Памятники византийской литературы IV—IX вв./Отв. ред. Л.А.Фрейберг. М., 1968. С. 75-78.
Константин Багрянородный. Об управлении империей/ Текст, пер., комм. под ред. Г.Г.Литаврина и А.П.Новосельцева. М., 1991.
Ластивертци Аристакэс. Повествование вар-дапета Аристакэса Ластивертци/ Пер. К.Н.Юзбашян. М., 1968.
Лев Диакон. История/Пер. М.П.Копыленко. М, 1988.
Либаний. Речи: В 2т.//Пер. С.Шестакова. М., 1914-1916.
Маврикий. Тактика и стратегия. С латинского перевел капитан Цыбышев. Спб., 1903.
Михаил Палеолог. Автобиография императора Михаила Палеолога и отрывок из устава, данного им монастырю св. Дмитрия/Изд. И.Троицкий. 1886 (или ХЧ. 1885. №6).
Михаил Панарет. Трапезундская хроника/ Подг. А. Хаханова//Труды по востоковедению Лазаревского ин-та вост. языков. Вып. 23. М., 1905.
Михаил Пселл. Хронография/ Пер. Я.Н.Любарского. М., 1978.
Морской закон/Пер. МЛ.Сюзюмова//АДСВ. Вып. 6. 1969.
Нестор Искандер. Повесть о Царьграде, его основании и взятии турками в 1453 году/ Сообщ. архимандрит Леонид. Спб., 1886.
Никита Евгениан. Повесть о Дросилле и Харикле/Подг. Ф.А.Петровский. М., 1969.
Никита Хониат. Никиты Хониата история, начинающаяся с царствования Иоанна Комнина/ Пер. под ред. В.И.Долоцкого (1 т.) и И.В.Чельцова: 2т.//ВИПДА. Спб., 1860-1862.
Никита Хониат. Речь, составленная и прочитанная перед киром Феодором Ласкарем, властвующим над восточными ромейскими городами, когда латиняне владели Константинополем, Иоанн Мизийский же со скифами предпринимал набеги на западные ромейские земли/ Пер. П.И.Жаворонкова// ВО. М., 1991.
Никифор Вриенный [Кесарь]. Исторические записки Никифора Вриенния/Пер. под ред. В.Н.Карпова// ВИПДА. Спб., 1858.
Никифор Григора. Римская история Никифора Григоры, начинающаяся со взятия Константинополя латинянами/Пер. М.Л.Шалфеева// ВИПДА. Спб., 1862.
Никифор. Никифора, патриарха Константинопольского, «Краткая История»/Пер. Е.Э.Липшица//ВВ. Т. 3. 1950.
Номоз Зтратиотикоз (Воинский закон)/ Пер. В.В.Кучмы. ВВ. Т. 32. 1971.
Нонос и Феофан Византиец/Пер. С.Дестуниса. Спб., 1868.
Олимпиодор. Олимпиодора «История» в записях и выборках Фотия/Подг. Е.И.Скржинская// ВВ. Т. 8. 1956.
Паллад Александрийский. Эпиграммы/Публ. Ю.Ф.Шульца//ВВ. Т. 24. 1964.
Памятники Византийской Литературы IV-IX веков. М., 1968.
Памятники Византийской Литературы IX-XIV веков. М., 1969.

Приск Панийский. Сказания Приска Паний-ского/ Пер. Г.С.Дестуниса// Ученые записки II отд. Имп. Акад. Наук. Кн. VII, вып. 1. СПб., 1861.
Продолжатель Феофана. Жизнеописания византийских царей/Подг. Я.Н.Любарского. СПб., 1992.
Продолжатель Феофана. Л., 1988.
Прокопий Кесарийский. Война с готами/Пер. С.П.Кондратьева. М., 1950.
Прокопий Кесарийский. Война с персами. Война с вандалами. Тайная история/Пер., ст., комм. А.А.Чекаловой. М., 1993.
Прокопий Кесарийский. О постройках Юстиниана/Пер. С.П.Кондратьева//ВДИ. №4(9). 1939.
Прокопий Кесарийский. Тайная история/ Пер. С.П.Кондратьева//ВДИ. № 4(5). 1938.
Пселл Михаил., Хронография. М., 1978.
Ранович А.Б. Первоисточники по истории раннего христианства. Античные критики раннего христианства. М., 1990.
Робер де Клари. Завоевание Константинополя [в 1204г.]/Пер., комм. М.А.Заборова. М., 1968.
Себеос. История императора Иракла/ Пер. К.П.Патканова. Спб., 1862.
Синезий Киренский. О царстве/Пер. М.В.Левченко//ВВ.Т. 6. 1953.
Сметанин В.А. Перечень изданий поздневизантийских писем с 1502 по 1917 г. АДСВ. Вып. 6. 1969.
Созомен Эрмий. Церковная история Эрмия Созомена Саламинского. Спб., 1851.
Сократ Схоластик. Церковная история. М., 1997.
Сократ Схоластик. Церковная история. Саратов, 1911.
Сфрандзи Георгий. Хроника/Пер. и прим. Е.Д.Джагацпанян// Кавказ и Византия. Т. 5. 1987.
Феодорит Киррский. Церковная история. М., 1998.
Феофан. Летопись византийца Феофана от Диоклетиана до царей Михаила и сына его Феофилакта/Пер. В.И.Оболенского и Ф.А.Терновского. М., 1890.
Феофилакт Симокатта. История/Пер. С.П.Кондратьева. М., 1957.
Филосторгий. Сокращенная церковная история Филосторгия, сделанная патриархом Фотием// ХЧ, 1854. № 4.
Чичуров М.С. Византийские исторические сочинения: «Хронография» Феофана, «Бревиарий» Никифора1 /Текст, пер., комм. М., 1980.
Эклога. Византийский законодательный свод VIII в. /Пер., комм. Е.Э.Липшиц. М., 1965.
Яхья Антиохийский//Розен В.Р. Император Василий Болгаробойца. Извлечения из летописи Яхьи Антиохийского//Зап. Имп. Акад. Наук. Т. 44, ч. 1. СПб., 1883.

Литература:

Byron R. The Byzantine achievement : an historical perspective, A.D. 330- 1453. London; New York,1987.
Ehrhard A. Beiträge zur Geschichte des christlichen Altertums und der byzantinischen Literatur. Bonn. 1922.
Heisenberg A. Aus der Geschichte und Literatur der Palaeologenzeit. München, 1922.
Krumbacher C. Geschichte der byzantinischen Literatur. München. 1897.
Lietzmann H. Byzantinische Legenden, Jena. 1911.
Mango C. A. Byzantium, the empire of New Rome. New York, 1980.
Obolensky D. The Bizantine commonwealth. Easten Europe, 500-1453. London, 1971.
Ostrogorsky G. Geschichte der Byzantinischen Staates. München, 1940.
Treadgold W. A history of the Byzantine state and society. Stanford, 1997.
Аверинцев С.С. От берегов Босфора до берегов Евфрата. М., 1988.

Аверинцев С.С. Поэтика ранневизантийской литературы. М., 1977.
Азаревич Д.И. История византийского права. Т. 1, ч. 1, 2. Ярославль, 1876-1877.
Ангелов Д. Богомильство в Болгарии. М., 1954.
Ангелов Д. История на Византия: Ч. 2. 867-1204. София, 1963.
Античность и Византия: Сб. статей/Отв. ред. Л.А.Фрейберг. М., 1975.
Ариньон Ж.-П. Международные отношения Киевской Руси в середине X века и крещение княгини Ольги//ВВ. Т. 41. 1980.
Барабанов Н.Д. Византия и Русь в начале XIV века. Некоторые аспекты отношений патриархата и митрополита// ВО. М., 1991.
Бармин А. В. Столкновение 1053-1054 гг. // Византия между Западом и Востоком. Опыт исторической характеристики. СПб., 1999. С. 140–159.
Беляев Д.Ф. Ежедневные и воскресные приемы византийских царей и праздничные выходы их в храм св. Софии в IX-X вв.//Записки Имп. Русск. Археологического О-ва. Т. 5, вып. 1-4. СПб., 1893.
Богомильството в България, Византия и Западна Европа в извори. София,1967.
Болотов В.В. История Вселенской Церкви. Т.1-4. Спб. 1995.
Бородин О. Р. Византийская Италия в борьбе за независимость// Встречи с историей. Научно-популярные очерки. М., 1988
Бородин О. Р. Отношение к войне и миру в христианстве эпохи ранней патристики (формирование христианского пацифизма).//Византийские очерки, М.,1996
Бородин О. Р. Папская курия в идейно-политической борьбе за возникновение империи на Западе//Идейно-политическая борьба в средневековом обществе. М., 1984
Бородин О. Р. Славяне в Италии и в Истрии в VI-VIII вв. //Византийский временник, 44, 1984
Бородин О. Р. Эволюция войска в Византийской Италии В VI-VIII вв. (военно-организационный аспект)// Византийский временник, 47, 1986
Брайчевский М.Ю. К истории расселения славян на византийских землях // Византийский временник. 1961. Т. 19.
Васильев А.А. Византия и арабы. Политические отношения Византии и арабов за время Аморийской династии// Зап. Историко-филологического ф-та СПб. ун-та. Т. 56. 1900.
Васильев А.А. Византия и арабы. Политические отношения Византии и арабов за время Македонской династии// Зап. Историко-филологического ф-та СПб. ун-та. Т. 66. 1902.
Васильев А.А. История Византии: В 3 т. Л., 1923-1925.
Васильев А.А. Лекции по истории Византийской империи. Т. 1. Пг., 1914.
Васильев А.А. Передача Андреем Палеологом своих прав на Византию французскому королю Карлу VIII//Сб. в честь Н.И.Кареева. Петроград, 1914.
Васильев А.А. Происхождение императора Василия Македонянина//ВВ. Т. 12. 1906.
Васильев А.А. Путешествие императора Мануила II Палеолога по Западной Европе (1399 -1403 гг.). СПб., 1912.
Васильевский В.Г. Труды. Т. 1 - 4. СПб.; Л., 1908-1930.
Византия и славяне. Сборник статей. СПб., 1998.
Византия между Западом и Востоком. М., 1999
Герцберг Г.Ф. История Византии/Пер., прим. П.В.Безобразова. М., 1897.
Гийан Р. Очерки административной истории Ранневизантийской империи (IV-VI вв.)// ВВ. Т. 24. 1964.
Глушанин Е.П. Военная знать ранней Византии. Барнаул, 1991.
Глушанин Е.П. Военно-государственное землевладение в ранней Византии (к вопросу о генезисе фемного строя)// ВВ. Т. 5О. 1989.
Горянов Б.Т. Византийский город XIII-XIV вв.//ВВ. Т. 13. 1958.
Горянов Б.Т. Поздневизантийский феодализм. М., 1962.

Державин Н.С. История Болгарии: В 3 т. Т. 2. Болгария времени первого и второго царств (679-1393). М., 1946.
Диль Ш. Византийские портреты/Пер. М. Безобразовой, пред. П.Безобразова. М.,1994.
Диль Ш. История Византийской империи/ Пер.А.Е.Рогинской. М., 1948.
Диль Ш. Основные проблемы византийской истории/ Пер., предисл. Б.Т.Горянова. М., 1947.
Диль Ш. Юстиниан и византийская цивилизация в VI веке/ Пер. с французского. Спб., 1908.
Дьяконов А.П. Иоанн Эфесский и его церковно-исторические труды. Спб., 1908.
Еремеев Д.Е., Мейер М.С. История Турции в средние века и новое время. М, 1992.
Жаворонков П. И. Никейская империя и Запад (Взаимоотношения с государствами Апеннинского полуострова и папством) // Византийский Временник, 36, 1975.
Жаворонков П. И. Никейская империя и Запад // ВВ. 1974. Т. 36.
Жаворонков П.И. V истоков образования Никейской империи (оценка деятельности Константина XI Ласкаря)// ВВ. Т. 38. 1977.
Жаворонков П.И. Никейская империя и Восток (взаимоотношения с Иконийским султанатом, татаро-монголами и Киликийской Арменией в 40-50-х гг. XIII в.)//ВВ. Т. 39. 1978.
Жаворонков П.И. Никейская империя и Запад// ВВ. Т. 36. 1974.
Жаворонков П.И. Состав и эволюция высшей знати Никейской империи: элита//ВО. М., 1991.
Заборов М.А. Крестоносцы на Востоке. М., 1980.
Златарски В. История на българската държава през средните векове: Т. 1. Първо българско царство. Ч. 2.София, 1971.
История Византии: В 3 т./Отв. ред. акад. С.Д.Сказкин. М., 1967.
Каждан А. П., Литаврин Г. Г. Очерки истории Византии и южных славян. Издание второе, исправленное. СПб., 1998.
Каждан А.П. Армяне в составе господствующего класса Византийской империи в XI - XII вв. Ереван, 1975.
Каждан А.П. Византийская культура 10-12 в. М., 1968.
Каждан А.П. Загадка Комнинов (опыт историографии)//ВВ. Т. 25. 1964.
Каждан А.П. Социальный состав господствующего класса Византии в XI-XII вв. М., 1974.
Карпов С. П. Трапезундская империя и западноевропейские государства в XIII—XV вв. М., 1981.
Корсунский А.Р. К вопросу о византийских завоеваниях в Испании VI-VII ВВ.//ВВ. Т. 12. 1957.
Корсунский А.Р. От Восточной Римской империи к Византии// ВВ. Т. 29. 1968.
Кочев Н.Ц. Христианство и политика Византии в отношении балканских стран в эпоху образования раннефеодальных государств // Этносоциальная и политическая структура раннефеодальных славянских государств и народностей. М., 1987.
Кулаковский Ю.А. История Византии в 3 т. СПб., 2002.
Кулаковский Ю.А. История Византии: В 3 т. Киев; СПб, 1910-1913.
Кулаковский Ю.А. Стратегика императора Никифора//Зап. Имп. Акад. Наук. Т. 8, № 9. СПб., 1908.
Культура Византии XIII—первой половины XV в. /Отв. ред. Г.Г.Литаврин. М., 1991.
Культура Византии. IV-первая половина VII в./Отв. ред. З.В.Удальцова. М., 1984.
Культура Византии. Вторая половина VII-XII в./Отв. ред. З.В.Удальцова. М., 1989.
Культура Византии. Т.1. М., 1982; Т. 2. М., 1988; Т.3. М., 1991
Курбатов Г.Л. Византийские портреты. Л., 1989.
Курбатов Г.Л. История Византии: от античности к феодализму. М., 1984.

Курбатов Г.Л. Ранневизантийские портреты (к истории общественно-политической мысли). Л., 1991.
Курбатов Г.Л. Ранневизантийские портреты. М., 1991.
Курганов Ф.А. Византийский идеал царя и царства и вытекающие отсюда, по сравнению с идеалом церкви, отношения между церковной и гражданской властью. Казань, 1881.
Кучма В.В. Византийские военные трактаты как памятники культуры//АДСВ. Свердловск, 1987.
Кучма В.В. Военно-экономические проблемы византийской истории на рубеже IX - X вв. (по «Тактике Льва»)// АДСВ. Вып. 9. 1973.
Кучма В.В. Командный состав и рядовые стратиоты в фемном войске Византии в конце IX -X в.//ВО. М., 1971.
Кучма В.В. Теория и практика военного дела Византийской империи по данным трактатов X в. //ВО. М., 1982.
Ласкин Г. А. Ираклий. Византийское государство в 1-й половине VII века. Харьков, 1899.
Лебедева Г.Е. Социальная структура ранне-византийского общества (по данным кодексов Феодосия и Юстиниана). Л., 1980.
Левченко М.В. Очерки по истории русско-византийских отношений. М., 1956.
Липшиц Е.Э. Законодательство и юриспруденция в Византии в IX-X вв. М., 1981.
Липшиц Е.Э. Очерки истории византийского общества и культуры VIII-первой половины IX в. Л., 1961.
Липшиц Е.Э. Право и суд в Византии в IV-VIII вв. Л., 1976.
Литаврин Г. Г. Еще раз о занятиях и общественной организации славян на Балканах в VI—VII вв. // ВВ. Т. 53. 1992.
Литаврин Г. Г. О походе аваров в 602 г. против антов // Славяне и их соседи. Международные отношения Литаврин Г. Г.
Литаврин Г. Г.Византия, Болгария, Древняя Русь. IX–начало XII в. СПб., 2000.
Литаврин Г. Г.Проблема "славиний" как социально-политической организации славян в современной историографии // Руско-български връзки през вековете. София, 1986.
Литаврин Г.Г. Византийское общество и государство в X — XI вв. Проблемы истории одного столетия: 976-1081. М., 1977.
Литаврин Г.Г. Византия и славяне. М., 2002.
Литаврин Г.Г. Как жили византийцы. М., 1974.
Литаврин Г.Г. Формирование и развитие Болгарского раннефеодального государства (конец VII – начало XI в.) // Византия и славяне. СПб., 2001.
Литаврин Г.Г., Наумов Е.П. Межэтнические связи и межгосударственные отношения на Балканах в VI-XII вв. // Раннефеодальные государства на Балканах: VI-XII вв. М.,1985.
Малахов С.Н. Проблема мира с народами Причерноморья в византийской публицистике первой половины X в. // Международные отношения в бассейне Черного моря в древности и в средние века. Ростов-на-Дону, 1986.
Мейендорф И. Византийское богословие. М. 2000
Митрофанов П. Изменение в направлении IV Крестового похода// ВВ. Т. 4, вып. 3/4. 1897.
Новичев А.Д. История Турции Л., 1963.
Острогорский Г.А. Эволюция византийского обряда коронования// Византия, южные славяне, Древняя Русь, Западная Европа. Сб. статей в честь В.Н.Лазарева. М., 1973.
Перетерский И.С. Дигесты Юстиниана. Очерки по истории составления и общая характеристика. М., 1956.
Пигулевская Н.В. Арабы у границ Византии и Ирана в IV-VI вв. Л., 1964.
Пигулевская Н.В. Византия и Иран на рубеже VI и VII веков//ТИВ. Т. 46. Л., 1946.

Пигулевская Н.В. Византия на путях в Индию. М., Л., 1951.
Пигулевская Н.В. и др. История Ирана с древнейших времен до конца XVIII века. Л., 1958.
Пигулевская Н.В. Культура сирийцев в средние века. Л., 1975.
Полевой Н.Я. К вопросу о первом походе Игоря против Византии (сравнительный анализ русских и византийских источнихов)//ВВ. Т. 28. 1961.
Поляковская М. А., Чекалова А. А. Византия: быт и нравы. Свердловск, 1989.
Попов Н.Г. Очерки по гражданской истории Византии (за время Македонской династии). М., 1913.
Рансимен С. Падение Константинополя в 1453 году. М., 1983.
Сиротенко В.Т. Борьба Западной Римской империи и Византии за префектуру Иллирик в 395-425 гг. и ее последствия//АДСВ. Вып. 8. 1972.
Скабаланович Н.А. Византийское государство и церковь в XI веке (от смерти Василия II Болгаробойцы до воцарения Алексея I Комнина). СПб., 1884.
Сметании В.В. Расходы Византии на армию и флот(1282-1453)//АДСВ. Свердловск, 1975.
Сметанин В.В. Византийское общество XIII-XV веков: по данным эпистолографии. Свердловск, 1987.
Соколов И.И. Избрание патриархов в Византии с половины IX до половины XV в. Спб. 1907.
Соколов И.И. Крупные и мелкие властители в Фессалии в эпоху Палеологов//ВВ. Т. 24 за 1923 —1926 гг., изд. в 1926.
Соколов И.И. О поводах к разводу в Византии с половины IX до половины XV в. Спб., 1911.
Сокольский Вл. О характере и значении Эпанагоги. Очерк по истории византийского права// ВВ. Т. 1.Вып. 1/2. 1894.
Стасюлевич М.М. Осада и взятие Византии турками. Спб., 1854.
Степаненко В. П. Византия в международных отношениях на Ближнем Востоке (1071-1176). М., 1988.
Суворов Н.С. Византийский папа. Из истории церковно-государственных отношений в Византии. М., 1902.
Сюзюмов М.А. Византийский город (середина VII-середина IX в.)//ВВ. Т. 27. 1967.
Сюзюмов М.А. Историческая роль Византии и ее место во всемирной истории (в порядке дискуссии)//ВВ. Т. 29. 1968.
Тихомиров М.Н. Исторические связи России со славянскими странами и Византией. М., 1969.
Тыпкова-Заимова В. Южные славяне, протоболгары и Византия: Проблемы государственного и этнического развития Болгарии в VII-IX вв. // Раннефеодальные государства и народности: Южные и западные славяне VI-XII вв. М., 1991.
Удальцова З.В. Борьба партий на Флорентийском соборе//ВВ. Т. 3. 1950.
Удальцова З.В. Византийская культура. М., 1988.
Удальцова З.В. Законодательные реформы Юстиниана//ВВ. Т. 27. 1967.
Удальцова З.В. Идейно-политическая борьба в ранней Византии (по данным историков IV-VII веков). М., 1974.
Удальцова З.В. Историко-философские воззрения светских авторов ранней Византии// ВО. М., 1982.
Удальцова З.В. Италия и Византия в VI веке. М., 1959.
Удальцова З.В. Советское византиноведение за пятьдесят лет. М., 1969.
Удальцова З.В. Церковные историки ранней Византии//ВВ. Т. 43. 1982.
Удальцова З.В., Котельникова Л.А. Власть и авторитет в средние века//ВВ. Т. 47. 1986.
Успенский Ф.И. Военное устройство Византийской империи // ИРАИК. Т. 6, вып. 1. София, 1900.

Успенский Ф.И. История Византийской империи. М.;Л., 1913-1948 (т. 2,ч. 2 не выходил).
Успенский Ф.И. История Византийской империи: В 5 т. М., 2002.
Успенский Ф.И. Уклон консервативной Византии в сторону западных влияний// ВВ. Т. 22 за 1915-1916 гг., изд. в 1916.
Флоринский Т.Д. Политическая и культурная борьба на греческом Востоке в первой половине XIV в. Киев, 1883.
Флоровский Георгий. Восточные отцы IV века. Париж, 1931.
Флоровский Георгий. Восточные отцы V-VIII веков. Париж, 1933.
Флоровский Георгий. Догмат и история. М., 2000.
Франчес Э. Народные движения осенью 1354 года в Константинополе и отречение Иоанна Кантакузина//ВВ. Т. 25. 1964.
Христианство: Античность. Византия. Древняя Русь / Авт. колл.: Г.Л. Курбатов, Э.Д. Фролов и И.Я. Фроянов. Л., 1988.
Чекалова А. А. К вопросу о возникновении сенаторского сословия Константинополя // Византийский временник. 1989. Т. 50.
Чекалова А. А. К вопросу о теории монархии в IV в.// Византийские очерки. 1991.
Чекалова А. А. Представления о знатности в Византии IV — первой половины V в. // Византийский временник. 1990. Т. 51.
Чекалова А. А. Сенаторская аристократия Константинополя и крупная земельная собственность в IV- первой половине VII в.// Византийский временник. 1995. Т. 56.
Чекалова А. А. Эволюция представлений о знатности в Византии второй половины V—VI в. // Византийский временник. 1991. Т. 52.
Чекалова А.А. Константинополь в VI веке. Восстание Ника. М., 1986.
Чичуров И.С. Политическая идеология средневековья: Византия и Русь.М., 1990.
Юзбашян К.Н. Классовая борьба в Византии в 1180-1204 . Л., 1957.